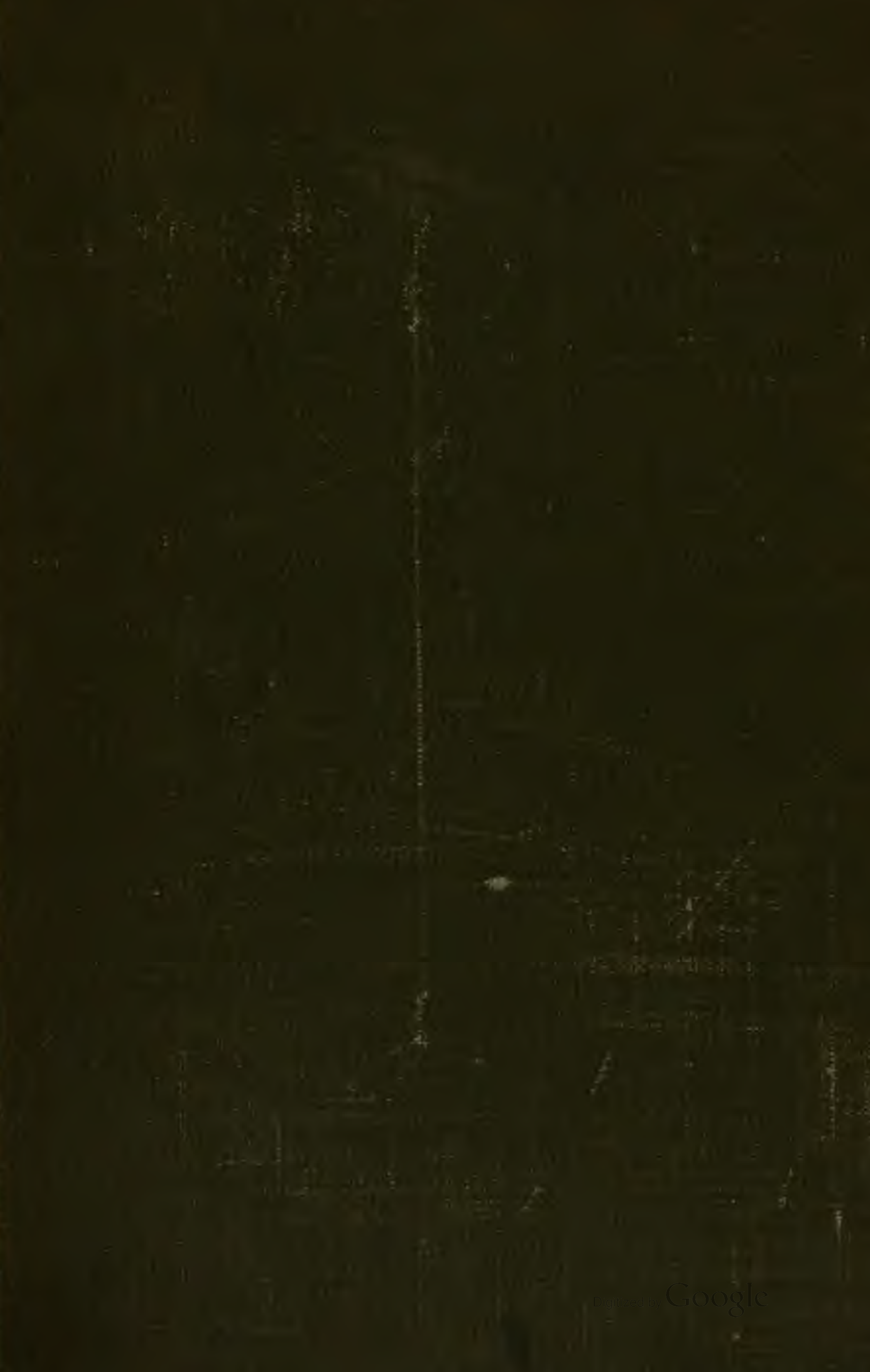
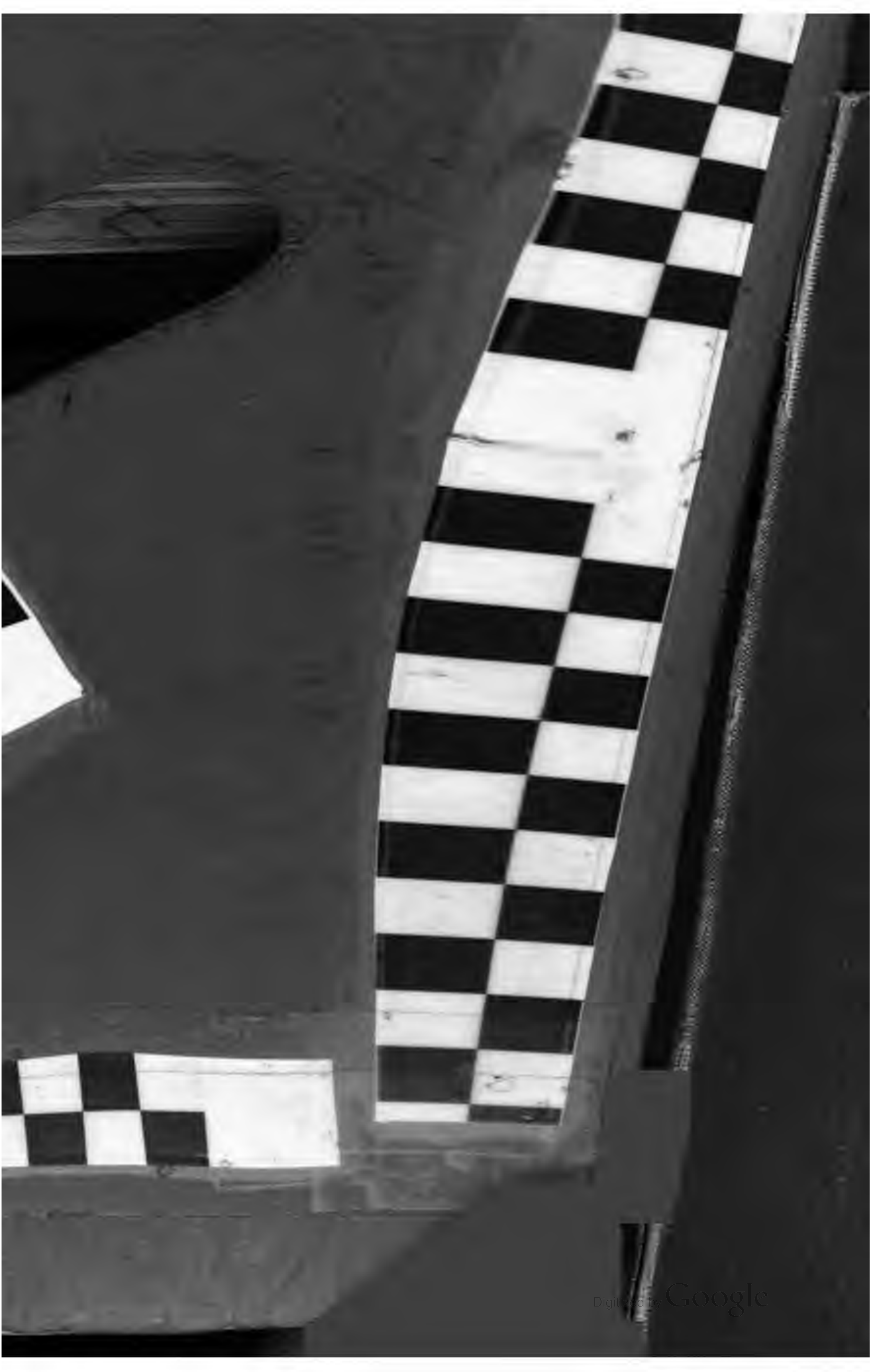




LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

I Введение Воронеж 1874

II Состав [illegible] Харьков 1874

III

IV Глагол, местоимение, числительные, предлог МЛ. 1941.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ
ПО
РУССКОЙ ГРАММАТИКѢ.

I.

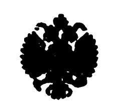
ВВЕДЕНІЕ.

II.

СОСТАВНЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНІЯ И ИХЪ ЗАМѢНЫ.

Составилъ А. Потебня.

Изданіе 2-е, исправленное и дополненное.



ХАРЬКОВЪ.
ИЗДАНІЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА Д. Н. ПОЛУЕХТОВА.
1888.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 1-го Сентября 1888 года.

Харьковъ. Типографія М. Ф. Зильберберга, Рыбная ул., д. № 25-й.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Введеніе.

II. Составные члены предложенія и ихъ замѣны.

Составное сказуемое и приложеніе.

Стран.

Неопр. накл. объективное:

Творительный падежъ.

Творительный, замѣняющій вторые согласуемые падежи:

ВВЕДЕНІЕ [1]).

I.

Что такое слово? Опредѣленіе отдѣльнаго слова, какъ единства членораздѣльнаго звука и значенія, по видимому, противорѣчитъ обычному утвержденію, что „одно и тоже слово нетолько въ различныя времена или по различнымъ нарѣчіямъ одного и того же языка“, но и въ одномъ и томъ же нарѣчіи въ опредѣленный періодъ „имѣетъ различныя значенія“ (Буслаевъ. Гр. § 112).

Говоря такъ, представляемъ слово независимымъ отъ его значеній, т. е. подъ словомъ разумѣемъ лишь звукъ, при чемъ единство звука и значенія будетъ неболѣе единства дупла и птицъ, которыя въ нѐмъ гнѣздятся. Между тѣмъ членораздѣльнаго звука безъ значенія неназываемъ словомъ. Такой звукъ есть искусственный фонетическій препаратъ, а не слово.

Для разъясненія этого и подобныхъ недоумѣній полезно имѣть передъ глазами хоть небольшой отрывокъ исторіи слова. Вотъ напр. что мы знаемъ о словѣ верста. Прежде всего оно незаимствовано ни изъ готскаго, гдѣ rasta, milliare (Срезневскій, Мысли объ ист. Рус. яз. 137), ни откуда бы ни было. Далѣе оно неимѣетъ ничего общаго со взятымъ изъ нѣмец. верстать (сущ. ж.), верстакъ, польск. warsztat, лит. warksztotas. При немъ стоитъ верс-тва, несмотря на различіе въ суффиксахъ, непредставляющее замѣтныхъ отличій въ значеніяхъ. Передъ суф.-та и -тва *с*—изъ *т*, что дѣлаетъ возможнымъ сродство съ верт-ѣть. Что это сродство дѣйствительно существуетъ, въ этомъ убѣждаетъ сравненіе съ литовскимъ и латинскимъ. Литов. wars-ta-s (м. р.) собственно поворотъ (плуга), длина борозды, проведши которую плугъ поварачиваютъ, мѣра разстоянія, ein pfluggewende, мѣра 2
поля; лит. warsmas, warsnas, warsnis, id; s, по всей вѣроятности, не прямо изъ t передъ m, n (Schl. Lit. Gr. § 23, 5), а изъ ss, которое изъ ts, такъ что суффиксы здѣсь—sma,-sna,-sni. Лит. warsna (ж. р., суф.—sna) во мн. ч. das gewende, въ един. warsna raszto, отдѣлъ (писанія), параграфъ. Латин. versus [буквально=литов. warstas, съ тою разницею, что tt въ латин.=s, какъ въ versum (t-tum), tonsum (d-tum)], пово-

[1]) 1-е изд. въ Филологич. Записк. 1874.

ротъ, заворотъ, въ частности заворотъ плуга на концѣ нивы (=versura), откуда—борозда, мѣра разстоянія, а затѣмъ полевая квадратная мѣра, какъ чешск. hony, рус. польск. загонъ, zagon (поля); по сходству съ бороздою—стихъ, строка. [Сравненіе оранья (и сѣянья) съ писаньемъ весьма распространено: ср. греч. *βουστροφηδόν* и загадки: лит. kurs, kytras gimęs, su żasele arie? rasztininks su plunksna (Schl. Leseb. 64), кто, хитрымъ (мудрымъ) родившись, гусью оретъ? писарь перомъ; мр. білоє поле, гусь на нем оре, мудрий го сіє (Номисъ, 303); мудрий мудрець гуссю ореть (ib); вр. „пятеро пашутъ"=рука пишетъ (Даль, 449)]. Такимъ-же образомъ и въ верста находимъ слѣдующія значенія:

а) Изъ предполагаемаго „поворотъ плуга"—борозда, сохраненное въ сербскомъ (врста).

б) Обыкновенная, впрочемъ различная въ разныхъ мѣстахъ длина борозды становится путевою мѣрою, (напр. Новг. лѣт. I, 14 подъ 1168: воротишася отъ города за 30 верстъ; Ип. лѣт. 93, 94, 106, и др.) Безъ сомнѣнія, мѣра эта сначала была значительно меньше восьмисотной и пятисотной версты. Ср. вр. гóны, разстояніе, какое лошадь въ сохѣ проходитъ неповорачивая назадъ; длина пашенной полосы; гряда въ полѣ, служащая межою; мѣра длины, близкая къ длинѣ загона, нивы, отъ 7 саженъ до полуверсты и версты; мр. гóни—длина лана, около 80 саженей; чешск. hony—длина въ 125 шаговъ, затѣмъ—jitro (утро, уповодъ), jugerum, gewende, ½ дня поля. Ср. также Iliad. X, 351 сл. (и Odys VIII, 124):

ἀλλ᾽ ὅτε δή ῥ᾽ ἀπέην ὅσσον τ᾽ ἐπὶ οὖρα πέλονται
ἡμιόνων, αἳ γάρ τε βοῶν προφερέστεραί εἰσιν
ἑλκέμεναι νειοῖο βαθείης πηκτὸν ἄροτρον....

гдѣ различаются, какъ мѣра разстоянія, муловые гоны отъ воловыхъ.

3 Поттъ (Zeitschr. f. vergl. Spr. VIII, 21) предполагаетъ, что въ основаніи рус. верста въ этомъ значеніи лежитъ представленіе равныхъ пространствъ, обозначаемыхъ столбами (durch die wiederkehr eines pfahles), т. е. онъ видитъ связь этого слова съ корнемъ варт въ возвращеніи столбовъ, но тѣмъ неменѣе указываетъ на сходство съ versus, въ коемъ ничего подобнаго ненаходится. Значеніе мѣры въ верста, конечно, древнѣе того времени, когда стали ставиться верстовые столбы.

в) Рус. верста, верзило, высокорослый человѣкъ (презрительно)—не непремѣнно отъ значенія „верстовой столбъ", а и отъ мѣры пути. Дорога загадывается такъ: „довга Гася (v. лежить Гася) простяглася, а якъ устане, до неба достане (мр.); лит. kad atsitėstu, dangų paremtu; kad rankàs turėtu, wagį sugautu, еслибъ всталъ (путь, kelies м. р.) до неба бъ досталъ, еслибъ руки имѣлъ, вора бъ поймалъ.

г) Руск. верста, верстовой столбъ, по такому же переходу мысли, по какому гоны получаетъ значеніе версты, какъ предѣла нивы.

д) Отъ значенія борозды, какъ прямой, длинной,—верста, рядъ предметовъ по прямой линіи, напр. кирпичей въ стѣнѣ, камней въ мостовой. Отсюда же в.-луж. worszta, слой сноповъ въ клунѣ; поль. warsta, warstwa, чеш. vrstva, vrstev, слой; хорут. versta, рядъ вообще, въ томъ числѣ и строка: po vrsti, по ряду, рядами, по порядку; jedno-,dvoj-troj-,kelikovrst, въ одинъ, въ два, во сколько рядовъ, simplex, duplex etc. Отсюда хорут. серб. врста разрядъ, классъ, сословіе; серб. врстан човjек, порядочный, почтенный; серб. врстати се, становиться въ рядъ [Со значеніемъ ряда ср. литов. eile, борозда, строка, стихъ, слой, степень родства, рядъ, боевой строй, порядокъ. Ближайшая форма корня—il изъ предполагаемаго ir, а это изъ ar или въ значеніи орать (лит. arti и сродное съ нимъ irti, remigare), или со значеніемъ ити (санскр. ар со спеціальными временами отъ арчh). Въ послѣднемъ случаѣ ср. греч. *στοῖχος*, рядъ, линія, порядокъ, боевой строй, стихъ, при *στείχω*, иду, санскр. стигh, ascendere, гот. staiga, слав. стьзя и пр. Curt. Grundz.4 I, № 177].

е) Отъ значенія борозды, какъ идущей рядомъ съ другою и равной съ нею, ст. рус. и ст. сл. вьрста, връста и соврем. вр. верста, пара, ровня: „божьствьная и свѣтозарьная вьрста Борисе и Глѣбе“ (до 1163 года, Срезн. Пам. Рус. п.; тамъ же „Борисе и Глѣбе мученика святая и супруга“ (пара, какъ пара воловъ въ ярмѣ). Отсюда вр. верстать, ровнять.

ж) Отъ значенія версты, какъ длины (пройденной), согласно съ обычнымъ представленіемъ времени пространствомъ и жизни путемъ, идетъ ст. рус. и ст. сл. вьрста, връста, возрастъ („отъ млады вьрсты“, „юнъ верстою“). Съвьрстьникъ (срб. врсник)—имѣющій одну версту съ другимъ, однолѣтокъ и въ этомъ смыслѣ ровня, и, какъ жена, мужъ называются ровнею, такъ въ слѣдующемъ съвьрстьниця, жена: „мужи плакахуся съверьстниць своихъ“ (Ип. л. 200).

Изъ этихъ значеній неменѣе 3—4 живетъ въ одно время въ русскомъ языкѣ, въ какихъ бы тѣсныхъ предѣлахъ мы его ни понимали, Совершенно случайно, что они несохранились всѣ.

Итакъ слово верста, по видимому, многознаменательно; но таково оно лишь въ томъ видѣ, въ какомъ является въ словарѣ. Между тѣмъ дѣйствительная жизнь его и всякаго другого слова совершается въ рѣчи. Говоря „пять верстъ“ я разумѣю подъ „верстъ“ не рядъ, не возрастъ и пр., а только мѣру разстоянія. Слово въ рѣчи каждый разъ соотвѣтствуетъ одному акту мысли, а не нѣсколькимъ, т. е. каждый разъ, какъ произносится, или понимается, имѣетъ неболѣе одного значенія. Сравнивая отдѣльный актъ рѣчи „пять верстъ“, „отъ млады вьрсты“ и т. п. и отвлекая общее, находимое въ этихъ актахъ, мы должны считать это общее лишь сокращеніемъ, а не неизмѣнною субстанціей, окруженною измѣнчивыми признаками. Въ дѣйствительности нетолько верста

=500 саженей есть слово отдѣльное и отличное отъ верста=возрастъ, верста=пара, но и верста въ одномъ изъ этихъ значеній есть иное слово, чѣмъ версты, верстѣ и т. д. въ томъ же лексическомъ значеніи, т. е. малѣйшее измѣненіе въ значеніи слова дѣлаетъ его другимъ словомъ. Такимъ образомъ, пользуясь выраженіемъ „многозначность слова", какъ множествомъ другихъ неточныхъ выраженій, сдѣлаемъ это выраженіе безвреднымъ для точности мысли, если будемъ знать что на дѣлѣ есть только однозвучность различныхъ словъ, то есть то свойство, что различныя слова могутъ имѣть одни и тѣже звуки. Однозвучность эта частью оправдывается единствомъ происхожденія словъ, частію же происходитъ отъ уравнивающаго дѣйствія звуковыхъ стремленій языка, дѣйствія, въ общемъ имѣющаго психологическое основаніе, но независимаго отъ особенности значенія слова. Напр. родъ, лобъ мѣстами произносятся какъ ротъ, лопъ, не въ силу своего значенія, а потому что всякій звучный согласн. зв. на концѣ превращается въ отзвучный; нѣм. bratpfanne превратилось въ русс. противень, не потому, что сковорода чѣмъ либо напоминаетъ вещь противную другой, т. е. соотвѣтствующую или равную ей, а потому что нѣм. слово своими звуками напомнило русское. Греч. *προς-φορά* уже въ древ. русс. непозже XII в. явилось въ формѣ проскурá (Вопраш. Кюрик., Калайдов. Пам. Росс. слов. XII в. 173; Житье Ѳеодос. по сп. XII в.), какъ и нынѣ въ мр. и др., за чѣмъ сколько извѣстно непослѣдовало никакого сближенія значеній съ про и скора, шкура или другими туземными словами. Отъ чисто-фонетической нивелляціи словъ отличны случаи такъ называемой нѣмецкими учоными „народной этимологіи" (volksetymologie), когда этимологически-непонятное слово сближается и по смыслу со словомъ понятнымъ и когда т. о. въ семейство дѣйствительно родственныхъ словъ ошибочно вводятся слова первоначально чуждыя этому семейству. Напр. лат. summa, итогъ, понятое какъ складчина или сбереженіе, переходитъ въ мр. сумá („невелика сумá грошей" у Квитки); лат. levisticum—въ нѣм. liebstöckel, откуда мр. любистокъ, которымъ поятъ „для любощів"; лат. centaurium (изъ греч., кентаврово зелье) сближенное съ centum и aureus, дало нѣм. tausendgüldenkraut (Pott, Etym. Forsch. II, 4, 333), откуда мр. золототысячникъ.

Откуда бы ни происходила родственная связь однозвучныхъ словъ, слова эти относятся другъ къ другу, какъ предъидущія и послѣдующія. Безъ первыхъ небыли бы возможны послѣднія. Обыкновенно это называютъ развитіемъ значеній слова изъ одного основнаго значенія, но, согласно со сказаннымъ выше, собственно это можно назвать только появленіемъ цѣлаго слова, т. е. соединенія членораздѣльнаго звука и одного значенія, изъ слова предъидущаго.

II.

Представленіе и значеніе. 6

Когда говоримъ, что А значитъ, или означаетъ Б, напр. когда видя издали дымъ заключаемъ: значитъ тамъ горитъ огонь; то мы познаёмъ Б посредствомъ А. А есть знакъ Б, Б есть означаемое этимъ знакомъ, или его значеніе. Знакъ важенъ для насъ не самъ по себѣ, а потому, что будучи доступнѣе означаемаго, служитъ средствомъ приблизить къ себѣ это послѣднее, которое и есть настоящая цѣль нашей мысли. Означаемое есть всегда нѣчто отдаленное, скрытое, трудно-познаваемое сравнительно со знакомъ.

Понятно, что функціи знака и значенія не разъ навсегда связаны съ извѣстными сочетаніями воспріятій, и что бывшее прежде значеніемъ въ свою очередь становится знакомъ другого значенія.

Въ словѣ тоже совершается актъ познанія. Оно значитъ нѣчто, т. е. кромѣ значенія должно имѣть и знакъ. Хотя для слова звукъ такъ необходимъ, что безъ него смыслъ слова былъ бы для насъ недоступенъ, но онъ указываетъ на значеніе не самъ по себѣ, а потому, что прежде имѣлъ другое значеніе. Звукъ верста означаетъ мѣру долготы, потому что прежде означалъ борозду; онъ значитъ „борозда", потому что прежде значилъ „поворотъ плуга" и такъ далѣе до тѣхъ поръ, пока неостановимся на малодоступныхъ изслѣдованію зачаткахъ слова. Поэтому звукъ въ словѣ не-есть знакъ, а лишь оболочка, или форма знака; это т. ск. знакъ знака, такъ что въ словѣ не два элемента, какъ можно заключить изъ вышеприведеннаго опредѣленія слова, какъ единства звука и значенія, а три.

Для знака въ данномъ словѣ необходимо значеніе предъидущаго слова, но знакъ не тождественъ съ этимъ значеніемъ; иначе данное слово 7 сверхъ своего значенія заключало бы и всѣ предъидущія значенія.

Я указываю начинающему говорить ребенку на круглый матовый колпакъ лампы и спрашиваю: „что это такое"? Ребенокъ много разъ видалъ эту вещь, но необращалъ на нее вниманія. Онъ ее незнаетъ, такъ какъ сами по себѣ слѣды впечатлѣній несоставляютъ знанія. Я хочу нестолько того, чтобы онъ дополнилъ впечатлѣнія новыми, сколько того, чтобы онъ объединилъ прежнія и привелъ ихъ въ связь со своимъ запасомъ сознанныхъ и приведенныхъ въ порядокъ впечатлѣній. На мой вопросъ онъ отвѣчаетъ: „арбузикъ". Тутъ произошло познаніе посредствомъ наименованія, сравненіе познаваемаго съ прежде познаннымъ. Смыслъ отвѣта таковъ: то, что я вижу, сходно съ арбузомъ.

Назвавши бѣлый стекляный шаръ арбузомъ, ребенокъ недумалъ приписывать этому шару зеленаго цвѣта коры, красной середки съ та-

кимъ то узоромъ жилокъ, сладкаго вкуса; между тѣмъ подъ арбузомъ въ слыслѣ плода онъ разумѣлъ и эти признаки. Изъ значенія прежняго слова въ новое вошелъ только одинъ признакъ, именно шаровидность. Этотъ признакъ и есть знакъ значенія этого слова, Здѣсь мы можемъ назвать знакъ и иначе: онъ есть общее между двумя сравниваемыми сложными мысленными единицами, или основаніе сравненія, tertium comparationis въ словѣ.

Такъ и въ прежде приведенныхъ примѣрахъ: кто говоритъ „верста“ въ значеніи ли опредѣленной мѣры длины, или въ значеніи ряда, или пары, тотъ недумаетъ въ это время о бороздѣ, проведенной по полю плугомъ или сохою, парою воловъ или лошадью, а беретъ изъ этого значенія каждый разъ лишь по одному признаку: длину, прямизну, параллельность. Одно значеніе слова, вслѣдствіе своей сложности, можетъ послужить источникомъ нѣсколькимъ знакамъ, т. е. нѣсколькимъ другимъ словамъ. И такъ знакъ, по отношенію къ значенію предъидущаго слова, есть лишь указаніе, отношеніе къ этому значенію, а не воспро-
8 изведеніе его. Согласно съ этимъ неслѣдуетъ смѣшивать знака въ словѣ съ тѣмъ, что обыкновенно называютъ собственнымъ значеніемъ слова, противопоставляемымъ значенію переносному [1]). Собственное значеніе слова есть все значеніе предъидущаго слова по отношенію къ послѣдующему, а гдѣ нетребуется особенной точности—даже совокупность нѣсколькихъ предъидущихъ значеній по отношенію къ нѣсколькимъ послѣдующимъ. Напр. можно сказать, что бѣлый, albus, lucidus, есть собственное по отношенію къ бѣлый, добрый, прекрасный, милый (какъ отчасти въ русскомъ, а особенно въ лит. balts). Въ томъ, что мы относительно называемъ собственнымъ и что въ свою очередь есть переносное по отношенію къ своему предшествующему, можетъ быть нѣсколько признаковъ, между тѣмъ какъ въ знакѣ только одинъ. Бѣлый, albus, есть въ равной мѣрѣ собственное по отношенію къ бѣлый, вольный, и къ бѣлый, добрый, но знаки во второмъ и третьемъ словѣ (иначе: основанія сравненій съ первымъ) различны. Такъ какъ въ данномъ словѣ, разсматриваемомъ какъ дѣйствительное явленіе, а не отвлеченіе, находимъ всегда только одно значеніе, то не примѣняясь къ принятой терминологіи, а видоизмѣняя ее по-своему, мы неможемъ говорить ни о собственномъ, ни о переносномъ значеніи даннаго слова,: предъидущее значеніе есть для насъ значеніе не того слова, которое разсматриваемъ, а другого. Каждое значеніе слова есть собственное, и въ тоже время каждое, въ предѣлахъ нашего наблюденія,—производное, хотя бы то, отъ котораго произведено, и было намъ неизвѣстно.

[1]) „Между многими значеніями одного и того же слова отличаемъ такое, которое по нашимъ понятіямъ кажется намъ *собственнымъ*, а остальныя *переносными;* напр. въ *бѣлый* значеніе цвѣта называемъ собственнымъ (напр. бѣлая бумага), а значеніе свѣта переноснымъ (напр. бѣлый день, бѣлый свѣтъ)“ Буслаевъ. Гр. § 143.

И съ другой стороны, по отношенію къ значенію послѣдующаго сло-
ва, знакъ есть только указаніе. Онъ только намекаетъ на это значеніе
даетъ возможность въ случаѣ надобности остановиться на немъ и по-
степенно привести его въ сознаніе, но позволяетъ и неостанавливаться. 9

Знакъ въ словѣ есть необходимая (для быстроты мысли и для расшире-
нія сознанія) замѣна соотвѣтствующаго образа или понятія; онъ есть пред-
ставитель того или другого въ текущихъ дѣлахъ мысли, а потому
называется представленіемъ. Этого значенія слова представленіе
значенія, имѣющаго особенную важность для языкознанія и обязаннаго
своимъ происхожденіемъ наблюденію надъ языкомъ, неслѣдуетъ смѣ-
шивать съ другимъ, болѣе извѣстнымъ и менѣе опредѣленнымъ, по ко-
торому представленіе есть тоже, что воспріятіе или чувственный образъ,
во всякомъ случаѣ—совокупность признаковъ. Въ такомъ значеніи упо-
требляетъ слово представленіе и Буслаевъ: „отдѣльнымъ словомъ озна-
чаются представленія и понятія“ (Грам. § 106). Въ томъ смыслѣ-
въ какомъ мы принимаемъ это слово, согласно со Штейнталемъ (vor-
stellung) и другими, представленіе неможетъ быть означаемымъ: оно
только означающее.

Представленіе, тождественное съ основаніемъ сравненія въ словѣ,
или знакомъ, составляетъ непремѣнную стихію возникающаго слова;
но для дальнѣйшей жизни слова оно ненеобходимо. Какъ извѣстно,
есть много словъ, связь коихъ съ предъидущими нетолько нечувству-
ется говорящимъ, но неизвѣстна и наукѣ. Почему напр. рыба названа
рыбой, или иначе говоря: какъ представляется рыба въ этомъ словѣ?
Значеніе здѣсь непосредственно примыкаетъ къ звуку, такъ что кажется,
будто связь между ними произвольна. Говорятъ, что представленіе
здѣсь есть, но оно совершенно пусто (безсодержательно) и дѣйствуетъ,
какъ нуль въ обозначеніи величинъ арабскими цифрами: разница меж-
ду 3. 30. 0,3 зависитъ отъ пустого мѣста при 3, обозначаемаго нулемъ
(Steinthal, Gram. Log. u. Psychol. 334). Кажется однако, что та-
кимъ образомъ лишь напрасно затемняется значеніе термина „пред-
ставленіе“ Въ словѣ рыба содержаніе непредставляется никакъ, а
потому представленія въ немъ вовсе нѣтъ, оно потеряно. Значеніе 10
имѣетъ здѣсь только внѣшній знакъ т. е., звукъ. Этимъ однако неизглади-
лась разница между этимъ словомъ и соотвѣтственнымъ словомъ дру-
гого языка, напр. piscis, или литов. žuwis. Разница между ними съ са-
маго начала состояла, кромѣ звука, не въ одномъ знакѣ, или предста-
вленіи, но и въ количествѣ и качествѣ предикатовъ, вещественнымъ
средоточіемъ коихъ служило представленіе. Эта послѣдняя разница
осталась и послѣ того, какъ представленіе исчезло, если угодно, пре-
вратилось въ математическую точку.

Что такое „значеніе слова“? Очевидно, языкознаніе, неуклоняясь
отъ достиженія своихъ цѣлей, разсматриваетъ значеніе словъ только до

извѣстнаго предѣла. Такъ какъ говорится о всевозможныхъ вещахъ, то безъ упомянутаго ограниченія языкознаніе заключало бы въ себѣ, кромѣ своего неоспоримаго содержанія, о которомъ несудитъ никакая другая наука, еще содержаніе всѣхъ прочихъ наукъ. Напр. говоря о значеніи слова дерево, мы должны бы перейти въ область ботаники, а по поводу слова причина или причиннаго союза—трактовать о причинности въ мірѣ. Но дѣло въ томъ, что подъ значеніемъ слова вообще разумѣются двѣ различныя вещи, изъ коихъ одну, подлежащую вѣдѣнію языкознанія, назовемъ ближайшимъ, другую, составляющую предметъ другихъ наукъ,— дальнѣйшимъ значеніемъ слова. Только одно ближайшее значеніе составляетъ дѣйствительное содержаніе мысли во время произнесенія слова. Когда я говорю „сижу за столомъ", я неимѣю въ мысли совокупности раздѣльныхъ признаковъ сидѣнья, стола, пространственнаго отношенія за и пр. Такая совокупность, или понятіе, можетъ быть передумана лишь въ теченіе ряда мгновеній, посредствомъ ряда умственныхъ усилій, и для выраженія своего потребуетъ многихъ словъ. Я неимѣю при этомъ въ мысли и живого образа себя въ сидячемъ положеніи и стола, образа, подобнаго тому, какой мы получаемъ напр. когда закрывши глаза стараемся мы-
11 сленно изобразить себѣ черты знакомаго лица. Несмотря на такое отсутствіе во мнѣ полноты содержанія, свойственной понятію и образу, рѣчь моя понятна, потому что въ ней есть опредѣленіе мѣста въ мысли, гдѣ искать этой полноты, опредѣленіе достаточно точное для того, чтобы несмѣшать искомаго съ другимъ. Такое опредѣленіе достигается первоначально посредствомъ представленія, а за тѣмъ и безъ него, однимъ звукомъ. Пустота ближайшаго значенія, сравнительно съ содержаніемъ соотвѣтствующаго образа и понятія, служитъ основаніемъ тому, что слово называется формою мысли.

Ближайшее значеніе слова, одно только составляющее предметъ языкознанія, формально вовсе не въ томъ смыслѣ, въ какомъ извѣстные языки, въ отличіе отъ другихъ, называются формальными, различающими вещественное и грамматическое содержаніе. Формальность, о которой здѣсь рѣчь, свойственна всѣмъ языкамъ, все равно, имѣютъ ли они грамматическія формы, или нѣтъ. Ближайшее, или формальное значеніе словъ, вмѣстѣ съ представленіемъ, дѣлаетъ возможнымъ то, что говорящій и слушающій понимаютъ другъ друга. Въ говорящемъ и слушающемъ чувственныя воспріятія различны, въ силу различія органовъ чувствъ, ограничиваемаго лишь родовымъ сходствомъ между людьми. Еще болѣе различны въ нихъ комбинаціи этихъ воспріятій, такъ что когда одинъ говоритъ напр. „это нѣкленъ" (дерево), то для другаго вещественное значеніе этихъ словъ совсѣмъ иное. Оба они думаютъ при этомъ о различныхъ вещахъ, но такъ, что мысли ихъ имѣютъ общую точку соприкосновенія: представленіе (если оно есть) и формаль-

ное значеніе слова. Для обоихъ въ приведенномъ примѣрѣ отрицательная частица имѣетъ одинаковый смыслъ, именно такой, какой въ отрицательныхъ сравненіяхъ: это—кленъ, но въ тоже время и не кленъ т. е. не обыкновенный кленъ и не черноклѣнъ. Для обоихъ словомъ нéкленъ назначено для татарскаго клена одно и тоже мѣсто въ мысли подлѣ обыкновенннаго клена и черноклена, но въ каждомъ это
мѣсто заполнено различно. Общее между говорящимъ и слушающимъ 12
условлено ихъ принадлежностью къ одному и тому-же народу [1]). Другими словами: ближайшее значеніе слова народно, между тѣмъ дальнѣйшее, у каждаго различное по качеству и количеству элементовъ,—лично. Изъ личнаго пониманія возникаетъ высшая объективность мысли, научная, но неиначе, какъ при посредствѣ народнаго пониманія, т. е. языка и средствъ, созданіе коихъ условлено существованіемъ языка. Такимъ образомъ область языкознанія народно-субъективна. Она соприкасается съ одной стороны съ областью чисто личной. индивидуально-субъективной мысли, съ другой—съ мыслью научной, представляющей найбольшую въ данное время степень объективности.

III.

Различныя понятія о корнѣ слова.

Мы видѣли, что появленіе даннаго слова предполагаетъ существованіе предъидущаго; это въ свою очередь возникаетъ изъ другого и т. д. Пока, остановимся на этомъ наблюденіи, хотя оно неможетъ насъ удовлетворить, такъ какъ невозможно допустить, невпадая въ мистицизмъ, чтобы ряды словъ продолжались до безконечности и чтобы языкъ неимѣлъ начала. Къ этому наблюденію мы прибавимъ другое. Въ словахъ индо-европейскихъ языковъ замѣчается, кромѣ различія элементовъ, т. е. кромѣ того, что слово состоитъ изъ звуковаго единства, представленія и значенія, еще другого рода сложность, состоящая въ томъ, что слово заключаетъ въ себѣ болѣе одной части [2]) и что части эти
немогутъ быть выведены одна изъ другой: -та въ верс-та не-есть по 13
рожденіе части верт и непредполагаетъ ея, и наоборотъ. Правда, въ санскритѣ есть слова, частью употребляемыя самостоятельно (напр. гир, возваніе. рѣчь, двиш, врагъ), частью стоящія на концѣ другихъ болѣе сложныхъ словъ, какъ лиһ въ мадһу-лиһ, собственно медо-

[1]) Слово народъ употреблено здѣсь для краткости. Кругъ единства пониманія извѣстнаго слова можетъ быть гораздо тѣснѣе отвлеченнаго понятія „такой то (Русскій и пр.) народъ“.

[2]) Восклицаніе, какъ о! и т. п., не-есть слово.

лизъ, пчела] (Bopp, Krit. Gr. der Sankr. Spr §§ 106, 154; M. Müller Vorles. üb. die Wiss. d. Spr. II 75—6), слова, коихъ звуки немогутъ быть разбиваемы на части безъ уничтоженія всякаго ихъ значенія. Останавливаясь только на звукахъ этихъ словъ, неможемъ замѣтить въ нихъ никакого различія частей; но обращая вниманіе на то, что эти слова суть имена, а не другая какая либо часть рѣчи, и что этотъ оттѣнокъ неможетъ быть выведенъ изъ значеній, какъ „звать“, „ненавидѣть“ „лизать“, взятыхъ сами по себѣ; мы должны признать въ этихъ словахъ сложность значенія въ томъ-же самомъ смыслѣ, въ какомъ ее находимъ въ словѣ верста и т. п. На вопросъ „откуда могла взятся эта сложность значенія и почему слово, какъ гир, рѣчь, есть существительное женскаго р. въ именит. пад. единств. ч.“? можемъ отвѣтить только такимъ образомъ: такъ какъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ значеніе опредѣленной грамматической категоріи (имя, глаголъ и т. д.) достигается въ словѣ индоевропейскихъ языковъ тѣмъ, что оно заключаетъ въ себѣ болѣе одной части; то и сложность значенія словъ, какъ двиш, ихъ грамматическая опредѣленность, можетъ быть только отраженіемъ болѣе наглядной сложности другихъ словъ [1]). Потому двиш понималось какъ имя, что рядомъ съ нимъ было сложное двêш-ми (или другая болѣе древняя форма этого рода), имѣвшее функцію глагола.

Спрашивая себя послѣ этого, какое значеніе можно придать термину „корень слова“, прежде всего отвѣтимъ, что корнемъ можетъ быть то, изъ чего возникаетъ данное слово. Въ этомъ, впрочемъ
14 неупотребительномъ, значеніи всякое относительно первообразное слово будетъ корнемъ своего производнаго, съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы первое объясняло всѣ части послѣдняго, напр. верста, поворотъ плуга, по отношенію къ верста, борозда. Но этимъ значеніемъ термина удовольствоваться нельзя, ибо напр. верста въ 1-мъ своемъ значеніи предполагаетъ слово, которое необъяснитъ намъ происхожденія части -та. Эта послѣдняя должна имѣть свой корень. Такъ приходимъ къ тому, что слово посредственно или непосредственно предполагаетъ столько корней, сколько въ немъ частей. [2]) Мы видѣли выше, что подъ частями даннаго слова слѣдуетъ разумѣть какъ такія значенія или ихъ оттѣнки, которыя изображаются въ словѣ особыми звуками, такъ и такія, которыя въ данномъ словѣ звуковаго выраженія неимѣютъ, а пред-

[1]) Есть случаи, когда звуковая недѣлимость слова только мнимая, когда слово потеряло звуковой элементъ, бывшій нѣкогда носителемъ формальнаго значенія; но отсюда неслѣдуетъ, что такъ бываетъ всегда.

[2]) Съ этой точки зрѣнія нельзя было бы сказать что „der ausdruck stoffwurzel ist tautologisch; formwurzel—eine contradictio in adjecto. Den die wurzel ist nur stoff“ (Steinth. Ueb. die Wurz., Zeitschr f. Völkerps. II 461), т. к. суффиксъ имѣющій уже лишь формальное значеніе можетъ быть корнемъ другого суф.

полагаютъ лишь сложность другихъ словъ. Еслибы, разложивъ двѣшми и всѣ слова подобнаго строенія (ḱсмь, я(д)-мь) на составныя части (двиш, ḱс=ас, яд=ад и -ми), мы нашли корень каждой изъ нихъ, то мы бы увидѣли, что такой корень немогъ бы имѣть и той сложности значенія, какая существуетъ въ имени двиш, врагъ. Этой сложности или грамматической опредѣленности нѣ-отъ-чего было бы зависѣть. При такомъ состояніи языка и имя двиш, немогло бы существовать, какъ имя. Въ области исторически данныхъ индоевропейскихъ языковъ ненаходимъ уже такой простоты строенія, такого отсутствія грамматическихъ разрядовъ; но навѣрное предполагаемъ въ нихъ такое состояніе, основываясь какъ на анализѣ самыхъ этихъ языковъ, на существованіи въ наше время другихъ языковъ подобнаго, хотя и неполнѣ такого же устройства, такъ и на наблюденіяхъ надъ языкомъ нашихъ дѣтей.

Подъ дѣтскимъ языкомъ разумѣемъ здѣсь не тѣ такъ называемыя дѣтскія слова, какъ вава, цаца, которыя входятъ въ составъ нашихъ словарей и суть неболѣе, какъ результаты старанія взрослыхъ примѣниться къ дѣтскому выговору и пониманію [1]). Категоріи нашего языка такъ тѣсно связаны съ нашею мыслью, что мы ихъ мыслимъ и 15 произнося и такія слова, какъ вава и пр. Слова эти въ нашихъ устахъ выходятъ сложными результатами мысли и потому это не дѣтскія слова. Практически воротиться къ первымъ ступенямъ развитія мы уже неможемъ; но наблюдая за первыми дѣтскими попытками сознательнаго мышленія, присутствуемъ тѣмъ самымъ и при зарожденіи языка, при самостоятельномъ созданіи словъ, которыя, хотя въ наше время почти никогда непереходятъ въ языкъ взрослыхъ, да и самими дѣтьми весьма скоро забываются, но даютъ возможность заключать о явленіяхъ первобытнаго языка народовъ. Вотъ одно изъ подобныхъ наблюденій.

Ребенку показали въ окнѣ игрушечной лавки статуэтку безобразнаго старика въ очкахъ, читающаго книгу, и сказали при этомъ, что онъ „бу-бу-бá", т. е. онъ читаетъ, произнося такіе звуки. То, что здѣсь было происнесено взрослымъ такъ называемое дѣтское слово, намъ важно лишь для сравненія съ тѣмъ, чтó произведено этимъ словомъ въ самомъ ребенкѣ. Звуки „бу-бу-бá" сочетались въ немъ съ одновременнымъ впечатлѣніемъ отъ статуэтки и изъ этой ассоціаціи вышло въ теченіе немногихъ слѣдующихъ дней нѣсколько словъ съ тѣми же звуками, словъ, возникновенія которыхъ никакъ нельзя было предвидѣть въ началѣ. Послѣдовательность этихъ словъ была приблизительно такова: нѣчто безобразное и страшное; нѣчто нехорошее, непріятное въ насто-

---

[1]) Cp. Paul, Principien der sprachgesch. 1880. Стр. 191.

[2]) Нѣкоторыя междометныя слова, между прочимъ дѣтскія, т. е. созданныя не дѣтьми, а для дѣтей, даже фонетически предполагаютъ категоріи имени, глагола, множественнаго числа и пр.

ящемъ смыслѣ и въ шутку (напр. одинъ знакомый въ очкахъ, котораго ребенокъ зналъ еще прежде и жаловалъ); нѣчто чужое, но не страшное, а безразличное; нѣчто новое, странное, съ переходомъ отъ чужаго къ странному, какъ въ странный и étrange = extraneus. Конечно, тутъ легко было ошибиться въ толкованіяхъ, но несомнѣнно, что ребенокъ различалъ нѣсколько значеній, т. е. словъ, и что умыселъ лица, отъ котораго заимствованы звуки „бу-бу-бá“, мысль, вложенная этимъ лицомъ въ эти звуки, въ развитіи послѣдующихъ значеній были ни при чемъ. Тотъ же ребенокъ кухарку Прасковью называлъ пухóня, а
16 пироги, которыя она подавала на столъ—пухоня́ [1]). Въ первомъ примѣрѣ безусловное начало ряда словъ есть сочетаніе звуковъ бу-буба и извѣстнаго чувственнаго образа. Такое сочетаніе нетолько не-есть имя или глаголъ, но это даже вовсе не слово, потому что въ немъ недостаетъ одного изъ существенныхъ элементовъ вновь возникающаго слова, именно представленія: въ немъ новое воспріятіе несравнивается ни съ чѣмъ, ни чѣмъ необъясняется, недоводится до сознанія, а лишь безъ вѣдома лица связывается въ немъ со звукомъ, такъ что повтореніе того же воспріятія приводитъ въ память и воспроизводитъ звукъ, и наоборотъ. Отсюда заключаемъ, что и въ языкѣ первобытнаго человѣка начало ряда словъ небыло словомъ. Въ нашемъ примѣрѣ звукъ былъ данъ ребенку извнѣ, независимо отъ самостоятельно полученнаго имъ впечатлѣнія. Вполнѣ самостоятельно созданныхъ членораздѣльныхъ звуковъ мы въ дѣтскомъ языкѣ незамѣчаемъ, впрочемъ непотому, что ихъ теперь вовсе небываетъ, а потому что степень ихъ членораздѣльности весьма низка и что эти несовершенныя созданія весьма скоро вытѣсняются болѣе совершенными заимствованіями. Въ первобытномъ человѣкѣ, которому нѣ у кого было заимствовать, подобные звуки могли быть лишь отраженіемъ впечатлѣнія и находились отъ него въ зависимости, условленной психофизическимъ механизмомъ. Что и эти звуки стояли на низкой степени членораздѣльности, сравнительно со строгою опредѣленностью звуковъ многихъ позднѣйшихъ языковъ, въ томъ убѣждаютъ между прочимъ и наблюденія надъ фонетическими измѣненіями языковъ исторически извѣстныхъ (См. M. Müller, Vorl. üb. die wiss. d. spr. II, 179 сл.). Первое слово въ нашемъ примѣрѣ возникло тогда, когда ребенокъ обозначилъ нѣчто страшное, напр. лицо, картинку, тѣнь, но непремѣнно нѣчто несливающееся съ первымъ впечатлѣніемъ, тѣми же звуками бу-бу-бá, съ коими сочеталось это первое впечатлѣніе. Слово это было сознательнымъ признаніемъ сходства втораго воспріятія съ первымъ въ одномъ признакѣ. Оно неосталось одинокимъ, но немед-
17 ленно стало средствомъ новыхъ актовъ сознанія и дало начало новымъ словамъ, въ ряду коихъ каждое предъидущее по отношенію къ своимъ

[1]) Оттого, что при болѣе настойчивомъ требованіи имя кухарки повторялось съ обычнымъ въ такихъ случаяхъ измѣненіемъ ударенія: „Праскóвья, Прасковья́!“

производнымъ можетъ назваться корнемъ, притомъ съ большимъ пра-
вомъ, чѣмъ первообразное слово флексивныхъ языковъ по отношенiю къ
своимъ послѣдующимъ. Сложное первообразное слово можетъ вовсе не-
заключать въ себѣ нѣкоторыхъ частей производнаго, такъ что послѣд-
нее можетъ для своего появленiя нуждаться въ нѣсколькихъ словахъ,
между тѣмъ какъ въ нашемъ примѣрѣ этого нѣтъ. Здѣсь предъидущее сло-
во заключаетъ въ себѣ всѣ данныя для возникновенiя послѣдующаго при
появленiи новаго воспрiятiя, требующаго сравненiя и объясненiя. Это
потому, что примѣръ нашъ относится къ тому перiоду развитiя, въ ко-
торомъ еще невозникла потребность въ сочетанiи словъ для обозначе-
нiя формъ мысли и самихъ этихъ формъ нѣтъ. Всѣ слова ряда, разли-
чаясь по значенiю, сходны, кромѣ звуковъ, въ томъ, что неотносятъ
своего содержанiя ни къ какому общему разряду. Значенiе ихъ неесть
ни дѣйствiе, ни качество, ни предметъ, а чувственный образъ, пред-
шествующiй выдѣленiю этихъ отвлеченiй.

Для нашихъ дѣтей перiодъ отсутствiя флексiй проходитъ очень скоро,
благодаря влiянiю языка взрослыхъ. Дѣти, начавшiя лепетать въ концѣ
перваго года, на третьемъ, при благопрiятныхъ условiяхъ, доходятъ
до правильнаго употребленiя лицъ, падежей, предлоговъ, даже нѣко-
торыхъ союзовъ. Перiоды же жизни народовъ обнимаютъ тысячелѣтiя.
Индоевропейское племя съ незапамятныхъ временъ говоритъ флексив-
нымъ языкомъ. Безъ сомнѣнiя, неисчислимыя теперь тысячелѣтiя про-
текли для него между началомъ членораздѣльной рѣчи и началомъ
флексiй. На всемъ этомъ протяженiи жизни языка мы, на основанiи
того, что доступно непосредственному наблюденiю, неможемъ предпо-
ложить ничего кромѣ простыхъ сочетанiй звуковъ и воспрiятiй въ са-
момъ началѣ и затѣмъ—длинныхъ рядовъ словъ до-флексивнаго и
флексивнаго перiода. Если подъ корнями по преимуществу, согласно
съ сказаннымъ до сихъ поръ, будемъ разумѣть дѣйствительныя вели- 18
чины, т. е. настоящiя слова, но непредставляющiя никакой сложно-
сти частей и относящiяся къ до-формальному и до-флексивному перiо-
ду, то спрашивается, можетъ-ли отыскиванье такихъ корней входить
въ число задачъ языкознанiя? Повидимому, языкознанiе, по крайней
мѣрѣ теперь, неможетъ пойти далѣе опредѣленiя самыхъ общихъ свой-
ствъ корня, понимаемаго въ такомъ смыслѣ. Отдѣльные корни, для
него недоступны. Чтобы найти корень, необходимо, чтобы намъ было
дано слово, ибо корень есть только предъидущее слово и безъ послѣ-
дующаго не-есть корень, какъ отецъ неимѣвшiй никогда дѣтей не-
есть отецъ. Положимъ, намъ было бы дано флексивное слово, непо-
средственно примыкающее къ дофлексивному перiоду языка, хотя, соб-
ственно говоря, нѣтъ исторически извѣстнаго слова, относительно ко-
тораго мы имѣли бы право питать такую увѣренность. Для большей
простоты обратимъ вниманiе на одну лексическую сторону этого слова.

Опредѣлить его корень значило бы показать тотъ кругъ признаковъ (значеніе предъидущаго слова), изъ котораго взято его представленіе. Здѣсь. очевидно, неговоря уже о звукахъ, двѣ искомыя величины, между тѣмъ какъ извѣстная только одна, именно значеніе даннаго слова. Какъ найти эти двѣ неизвѣстныя? Конечно, никакъ нелегче въ до-историческомъ языкѣ, чѣмъ въ языкѣ нашихъ дѣтей. Если бы мы случайно не знали, какой образъ связанъ былъ ребенкомъ со звуками бу-бу-ба, то никакія соображенія ненавели бы насъ на то, почему ребенекъ напр. медвѣдя называетъ бу-бу-ба. Скорѣе всего мы бы подумали, что это слово зукоподражательное, между тѣмъ какъ на дѣлѣ звуки этого слова для самого ребенка никогда небыли звукоподражаніемъ. Столь же очевидно, что и въ другомъ примѣрѣ по одному имени пироговъ (пухоня́) совершенно невозможно узнать отношеніе его къ лицу (пухо́ня—Прасковья).

19 Итакъ, если о корнѣ мы думаемъ, что онъ есть настоящее слово, величина дѣйствительная, а не идеальная, и если мы относимъ его къ періоду языка недоступному для наблюденія; то корень такъ и останется намъ неизвѣстнымъ. Согласно съ этимъ, мы должны предположить, что если языкознаніе не-есть одно огромное заблужденіе, то подъ корнями, которые оно отыскиваетъ, слѣдуетъ разумѣть нѣчто иное. И дѣйствительно для практической этимологіи корень не-есть настоящее слово.

Корень въ индоеврейскихъ языкахъ, говоритъ Курціусъ, есть **знаменательное сочетаніе звуковъ, которое остается отъ слова по отдѣленіи всего формальнаго и случайнаго** (Grundz. d. Griech etym. 43—4). Подъ случайнымъ здѣсь разумѣется чисто фонетическое, несвязанное съ значеніемъ слова, незнаменательное, напр. опущеніе гласной *ε* въ *γί-γν-ο-μαι* при *γένος*. Оставаясь на точкѣ зрѣнія автора, можно дополнить это опредѣленіе. Оно предполагаетъ сознаніе функціональнаго различія между такими частями слова, какъ **върт** въ **верс-та**, такими какъ **-та**, но затѣмъ оно беретъ во вниманіе только части перваго рода, т. е. тѣ, которыя имѣютъ вещественное значеніе. Это такъ несправедливо, что можно съ такимъ же правомъ вмѣсто вышеприведеннаго опредѣленія поставить другое, столь же одностороннее: въ словѣ разложимомъ на двѣ части (ад-ми, ямь) корень есть то знаменательное сочетаніе, которое остается по отдѣленіи всего вещественнаго, т. е. въ нашемъ примѣрѣ—ми, мь. Раздѣливши слово **верста** на **варт-** и **-та**, видимъ, что по первой части оно сходно съ **вертѣть, воротъ** и пр., а по второй—съ **перс-тъ, рос-тъ, пя-та, корос-та, золо-то, лѣ-то** и пр., то есть, что слова соединяются въ семейства нетолько лексическими, или вещественными, но и формальными своими частями. По этому вышеприведенному опредѣленію предпочтемъ другое: **корень есть знаменательное со-**

четаніе звуковъ, которое остается по выдѣленіи изъ слова всѣхъ остальныхъ знаменательныхъ сочетаній и по устране- 20
ніи звуковыхъ случайностей. Подъ именемъ звуковыхъ случайностей разумѣемъ между прочимъ вліянія выдѣляемыхъ сочетаній на звуковую форму остающихся. Можно обобщить это и сказать вмѣстѣ съ М. Мюллеромъ: для насъ, говорящихъ флексивными языками, корни суть то, что получается въ остаткѣ послѣ полнаго анализа нашего нарѣчія или всѣхъ нарѣчій, въ своей совокупности составляющихъ арійскую группу (Vorles. üb. die wiss. d. spr. II 76). Сравнивая между собою извѣстное количество словъ напр., вла-ти-сѧ, вал-и-ть, волн-а, вал-ъ, εἰλ-ύ-ω (качу), ἑλ-ύ-ω (вью), vol-v-o, находя въ нихъ общее знаменательное сочетаніе звуковъ и утверждая, что во всѣхъ этихъ словахъ выступаетъ на явъ значеніе движенія по кривой (Curt. Grundz. № 527), очевидно, отвлекаемся отъ несходнаго въ этихъ словахъ. Мы создаемъ отвлеченіе, служащее пособіемъ для нашей мысли, но никакъ не ея цѣлью. Какъ и всякое отвлеченіе, корень, понимаемый такимъ образомъ, неможетъ совпадать ни съ однимъ изъ конкретныхъ явленій языка. Между тѣмъ тѣ самые ученые, которые считаютъ корни отвлеченіями, приписываютъ имъ и реальное бытіе. Такъ Курціусъ, сказавши о томъ что непроизносимыя сочетанія, какъ γλ, κρ, ϑρσ, которыя выдаются Бенфеемъ за корни, могутъ быть только чистыми отвлеченіями, имѣющими одно призрачное бытіе, продолжаетъ: „хотя корни, какъ мы ихъ понимаемъ, получаются посредствомъ отвлеченія, но изъ этого отнюдъ неслѣдуетъ, чтобы они несуществовали въ дѣйствительности; они въ состоніи языка исторически намъ извѣстномъ несуществуютъ только сами по себѣ. Тѣмъ неменѣе они полусознательно лежатъ въ основаніи происшедшихъ изъ нихъ формъ, подобно тому, какъ темы, произведенныя отъ корней, въ свою очередь лежатъ въ основаніи формъ отъ нихъ происшедшихъ. Къ тому-же многое говоритъ въ пользу того, что такіе корни въ древнѣйшемъ періодѣ языка, т. е. до появленія флексій, и безъ всѣхъ прибавокъ имѣли реальное бытіе, что, иначе сказать, по крайней мѣрѣ многіе изъ нихъ были дѣйствительными словами“ (Grundz. 21
d. Gr. etym. [2] 44). И такъ Курціусъ полагаетъ, что отъ способа, какимъ добываются корни, т. е. въ настоящемъ случаѣ отъ дѣятельности отвлеченія, нельзя заключать о томъ, существуютъ ли корни объективно или только въ нашей мысли: корни добываются отвлеченіемъ, а между тѣмъ существуютъ объективно. Очевидно, такое утвержденіе несправедливо. Собирая въ одно общіе признаки волка, лисы, шакала, собаки, и отвлекаясь отъ признаковъ несходныхъ, получимъ общее понятіе, которое небудетъ характеристикою никакого изъ этихъ видовъ и никакого дѣйствительнаго животнаго. Корень, какъ отвлеченіе, и корень какъ реальная объективная величина, т. е. какъ слово (ибо только слово

имѣетъ въ языкѣ объективное бытіе) суть два совершенно различныя понятія. Всякому продукту отвлеченія необходимо свойственно заключаться въ каждой изъ единицъ, бывшихъ исходными точками отвлеченія, и быть общимъ всѣмъ этимъ единицамъ. Это свойство имѣетъ корень, какъ отвлеченіе, но не корень, какъ слово. Процессъ отвлеченія корня непредполагаетъ между словами, надъ которыми производится, никакихъ другихъ отношеній, кромѣ отношенія сходства. Напротивъ, корень, какъ дѣйствительное слово, предполагаетъ между словами этого корня генетическое отношеніе, о которомъ мы узнаемъ не посредствомъ отвлеченія, а посредствомъ сложнаго ряда вѣроятныхъ умозаключеній. Отношеніе корня, какъ дѣйствительнаго слова, къ производнымъ сходно съ отношеніемъ родоначальника къ потомству. Въ роду, какъ и въ ряду сходныхъ словъ, до нѣкоторой степени сохраняются извѣстныя наслѣдственныя черты. Родовыя черты могутъ быть отвлечены, но это отвлеченіе, хотя и входитъ въ характеристику каждаго изъ членовъ рода и хотя можетъ служить посылкою къ заключенію о свойствахъ родоначальника, никакимъ чудомъ нестанетъ понятіемъ объ этомъ родоначальникѣ. Подобнымъ образомъ и корень, какъ отвлеченіе, заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя указанія на свойства корня,
22 какъ настоящаго слова, но неможетъ никогда равняться этому послѣднему. Странно было-бы утверждать, что родоначальникъ живетъ въ своемъ потомствѣ, хотя бы и не „самъ по себѣ", а въ соединеніи съ чѣмъ-то постороннимъ. Онъ въ немъ неживетъ никакъ; онъ былъ лишь виновникомъ того, что въ потомствѣ сохраняются, хотя и неизмѣнно, нѣкоторыя черты. Точно такъ нельзя думать, что въ производныхъ живетъ какъ бы то ни было корень, какъ слово. Въ дошедшихъ до насъ индоевропейскихъ языкахъ нѣтъ корней въ смыслѣ до-флексивныхъ словъ, но отношенія этихъ корней къ своимъ производнымъ были въ существенномъ такія же, какъ отношенія извѣстныхъ намъ первообразныхъ словъ къ своимъ. И вотъ спрашивается, развѣ первообразное слово подъшьва (подошва), почва (id.) заключено въ своемъ производномъ почва, верхній слой земли? [1]) Очевидно, что элементы перваго слова, кромѣ звуковъ, суть: значеніе—подошва обуви и представленіе—нѣчто подшитое, и что этихъ элементовъ, опять кромѣ звуковъ, нѣтъ во второмъ словѣ, въ которомъ значеніе (верхній слой земли) представлено находящимся подъ ногою, подобно подошвѣ. Вр. початокъ (мр. починокъ) есть веретено пряжи, представленное имѣющимъ одинъ початокъ (начало) нити, стало быть одну нить; но въ производномъ початокъ, колосъ кукурузы, представленія перваго слова нѣтъ и слѣда,

[1]) Ошибочно предположеніе Даля, что это слово относится къ *почивать*. Ср. „подошва церковная"—фундаментъ, 1552 г., Ак. отн. до Юр. Б. II, 776; „... съ *пошвы* (т. е. подшвы) до конька И около презрѣннымъ взглядомъ Мое строеніе слегка Съ своимъ обозрѣвая рядомъ, Ты... мнишь..." (Державинъ); „до подошвы они (мироѣды) всѣхъ да разоряютъ" (Барс. Причит. I, 285).

а отъ значенія (веретено пряжи) остался одинъ слѣдъ въ томъ, что колосъ кукурузы представленъ имѣющимъ очертаніе веретена съ пряжею. Такимъ образомъ въ послѣдующемъ словѣ, какъ уже выше было сказано, заключено всегда не предшествующее слово, а лишь отношеніе къ нему. Если же предъидущее слово исчезло изъ языка, то тѣмъ самымъ исчезло и отношеніе къ нему послѣдующаго. То-же слѣдуетъ сказать о звуковыхъ отношеніяхъ словъ. Во множествѣ случаевъ очевидно, что извѣстное сочетаніе звуковъ не-есть общее всему семейству
словъ. Заключая отъ случаевъ имѣющихъ для насъ силу аксіомъ, мы 23
говоримъ, что ча (въ початокъ) предполагаетъ чА; но второе вовсе не заключено въ первомъ, чА незаключено въ своей соотвѣтственной русской формѣ. Согласно со всѣмъ этимъ и корень, какъ до-флексивное слово, незаключенъ въ своихъ производныхъ и несуществуетъ въ нихъ объективно ни самъ по себѣ, ни въ соединеніи съ другими корнями. Подобно тому, какъ дальнѣйшіе члены рода получаютъ жизнь не отъ того, кого людская память считаетъ ихъ родоначальникомъ, а отъ своихъ родителей; и при созданіи слова предъ мыслью создателя находится корень только тогда, когда слово прямо примыкаетъ къ дофлексивному періоду. Въ остальныхъ случаяхъ реальною основою производнаго слова служитъ не корень, какъ до-флексивное слово, и не тема, которая есть отвлеченіе, а флексивное же слово.

Курціусъ, стараясь совмѣстить отвлеченность корня съ его объективнымъ бытіемъ, незамѣтно для себя подмѣняетъ одно понятіе о корнѣ другимъ, совершенно отличнымъ [1]). Далѣе онъ самъ доказываетъ, что

---

[1]) Онъ повторяетъ здѣсь ошибку М. Мюллера, который, какъ видно изъ слѣдующаго, признаетъ за анализомъ чудотворную силу открывать корни, какъ объективныя единицы. Вслѣдъ за вышеприведеннымъ опредѣленіемъ корня М. Мюллеръ говоритъ „Если нашъ анализъ совершенъ надлежащимъ образомъ, то то, что намъ является какъ простой остатокъ (т. е. корень, какъ отвлеченіе), должно первоначально быть реальнымъ зародышемъ. Эти зародыши на ранней степени развитія языка должны были служить всякой цѣли. Мы недолжны также забывать, что есть языки, которые остались въ этомъ зачаточномъ состояніи, въ которыхъ до нынѣшняго дня нѣтъ никакого внѣшняго различія между корнемъ и словомъ. Въ Китайскомъ напр. ly означаетъ орать, рало и волъ (т. е. оратай), ta значитъ быть великимъ, величина и великій. Слѣдуетъ ли принимать извѣстное слово за имя, или за глаголъ, или за частицу, это зависитъ отъ мѣста занимаемаго имъ въ предложеніи... Начтоже указываетъ это? Я полагаю, на то, что въ ростѣ языка была ступень, на которой еще небыло установлено то тѣсное разграниченіе, какое мы дѣлаемъ между частями рѣчи, на которой даже различіе подлежащаго и сказуемаго, служащее основаніемъ разграниченію частей рѣчи, несовершенно еще проявилось въ дѣйствительности и неполучило еще никакого внѣшняго выраженія“. (Vorles. II. 76—7). Мы несомнѣваемся въ томъ, что была такая пора въ жизни флексивныхъ языковъ, и утверждаемъ только, что остатки отъ анализа ни коимъ образомъ немогутъ превратиться въ реальные зародыши языка, т. е. слова до-флексивнаго періода, и что мысль противная этому сть самообольщеніе.

корни, какъ онъ ихъ понимаетъ, немогутъ имѣть другого бытія, кромѣ идеальнаго. Онъ отвергаетъ корни, какъ непроизносимыя сочетанія согласныхъ. Дѣйствительно, такое понятіе о корнѣ совмѣстимо лишь
24 съ полнымъ отсутствіемъ историческаго взгляда на языкъ. Лишь тотъ для кого формы *γί-γν-ο-μαι, γέν-ος, γόν-ος* и *γυν-ή* стоятъ на одной плоскости, можетъ считать корнемъ этихъ словъ *γν*. Но то, что въ современномъ частномъ языкознаніи ставится на мѣсто такого корня, хотя и болѣе удовлетворяетъ требованіямъ науки, тѣмъ неменѣе неесть дѣйствительное слово.

„Не столь легко, какъ на вопросъ „возможно-ли принимать корни безъ гласныхъ“, говоритъ Курціусъ, „отвѣтить на другой вопросъ: слѣдуетъ ли выставлять для каждаго языка особые корни, или же одни общіе для всего семейства языковъ“. На первый взглядъ кажется болѣе согласнымъ съ понятіемъ о корняхъ, какъ дѣйствительныхъ первобытныхъ словахъ языка, говорить не о греческихъ, а лишь объ индоевропейскихъ корняхъ, ибо нѣтъ ничего достовѣрнѣе того, что *θε, ζυγ, γεν* никогда небыли самостоятельными словами. Эти звуки образовались лишь много спустя послѣ того, какъ языкъ оставилъ позади себя первобытныя слова... Поэтому Гейзе допускаетъ только индоевропейскіе корни, а Штейнталь соглашается съ нимъ, между тѣмъ какъ Яковъ Гриммъ держится мнѣнія, что то, что считается корнемъ въ одномъ
25 языкѣ, можетъ непризнаваться корнемъ въ другомъ. Очевидно, дѣло идетъ здѣсь не о теоріи“ (т. е. не о полной истинѣ, доступной въ данное время), „по крайней мѣрѣ не о ней одной, а о практикѣ, т. е. о временныхъ потребностяхъ изслѣдованія отдѣльныхъ языковъ. Кто принимаетъ только индоевропейскіе корни, тотъ тѣмъ самымъ долженъ устранить нетолько греческіе, но и санскритскіе корни. Согласно съ этимъ, можно бы говорить только о корнѣ ган, а не о джан или *γεν*. Корень гар, который и самъ по себѣ имѣетъ три существенно различныя основныя значенія: звать *(γηρύω)*, глотать *(βορεῖν)*, и бодрствовать *(ἐγρηγορέναι)*, совпалъ бы такимъ образомъ съ корнемъ джар, который также имѣетъ три главныя значенія: старѣться *(γέρων)*, приближаться и хрустѣть. Такъ какъ основное к въ санскритѣ частью остается неизмѣннымъ, частью переходитъ въ ч и ç, то три корня кам любить, чам хлебать, и çам успокаивать, или кар дѣлать, и чар ити, должны быть сведены къ одному или нѣсколькимъ равнозвучнымъ. Но не значило-ли бы это, по требованію теоріи, сваливать въ кучу образованія, которыя въ живомъ языкѣ далеко расходятся между собою? Еще опаснѣе былъ бы такой пріемъ въ примѣненіи къ греческому языку, въ которомъ уже съ древнѣйшихъ временъ большее чѣмъ въ санскритѣ количество гласныхъ содѣйствовало различенію значеній. *ἐδ* ѣсть и *ὀδ* пахнуть въ греческомъ также строго отдѣляются другъ отъ друга, какъ и соотвѣтственныя слова въ латинскомъ (edere и odor)

и литовскомъ (ėdmi, ѣмъ и ůdžiu, нюхаю). Неужели оба корня намъ слѣдуетъ свести къ невстрѣчаемому нигдѣ чисто-теоретическому ad? Кто же поручится намъ за то, что и въ болѣе раннемъ періодѣ ad, ѣсть, и корень, означающій нюхать, пахнуть, небыли различены между собою, но только неизслѣдимымъ для насъ способомъ? Темы (die Stämme) *ἀρ (ἀραρίσκω* и *ἀρόω), ἐρ (ἐρέσσω), ὀρ (ὄρνυμι)* возводятся къ одной основной темѣ, къ сохраненному въ санскритѣ ар-, но съ каждою изъ этихъ трехъ формъ соединено особое значеніе: съ формою съ *α*—значенія ладно приходиться къ чему и орать, съ формою съ *ε*—грести 26
весломъ, съ формою съ *ο*—возбуждать, подниматься; а если сравнимъ латинскія слова artus, rêmus и orior, то окажется, что и здѣсь съ тѣми же гласными связано тоже спеціальное значеніе. Слѣдовательно, измѣненіе гласныхъ здѣсь ни формально, ни случайно, но, согласно съ нашимъ опредѣленіемъ, должно быть отнесено къ корню. Кто приметъ одно ар- за корень всѣхъ этихъ греческихъ словъ, тотъ изгладитъ спеціальное отношеніе звука *α* къ значенію *ἀραρίσκω* и пр., тотъ упуститъ изъ виду элементы, служащіе значенію въ темахъ словъ *ἐρέσσω* и *ὄρμενος*. Разница между *ἄρμενος* (прилаженный и пр.) и *ὄρμενος* (стебель, побѣгъ) совершенно отлична отъ разницы между *λέγω* и *λόγος*, между *ἔτρεπον* (imperf.) и *ἔτραπον* (aor.). Въ послѣднемъ случаѣ измѣненіе гласныхъ связано съ формальнымъ значеніемъ словъ, а въ первомъ оно принадлежитъ къ вещественному содержанію языка (sprachstoff). *ὀρ* такимъ же образомъ заключено въ формахъ *ὦρτο* (поднялся), *ὄρμενος, ὄρνυμι, ορίνω*, какъ ихъ основное содержаніе (grundstoff), и дѣйствуетъ въ нихъ, такъ сказать, какъ монада, какимъ скр. ар- заключено въ происшедшихъ отъ него. Принятіе такого рода темъ *(ἀρ-ἐρ, ὀρ)* столь же необходимо для яснаго изображенія строенія языка какъ и принятіе темъ именныхъ, производныхъ глагольныхъ и мѣстоименныхъ. И именная тема *πλοο-* никогда несуществовала сама по себѣ а между тѣмъ мы называемъ ее тѣмъ-же именемъ, что и санскритскую тему плава-, самостоятельное существованіе коей скорѣе можетъ быть допущено. Мы называемъ *с* въ *πλοο-ς*, плава-с окончаніемъ именительнаго, хотя собственно первоначальнымъ знакомъ этого падежа было по всей вѣроятности са. Однимъ словомъ, вездѣ въ языкознаніи мы называемъ тѣ звуковыя сочетанія и элементы, которые суть изображенія и какъ бы наслѣдники соотвѣтственныхъ индогерманскихъ сочетаній и элементовъ, тѣми же именами, что и эти послѣдніе. Такъ какъ въ развитіи языка господствовало непрерывное преданіе, то *γεν* есть 27
наслѣдникъ корня ган. *Γεν*, постепенно образовавшееся изъ ган, всегда сохраняло одинаковую съ нимъ цѣнность для словообразованія; почему бы намъ называть эти сочетанія разными именами? Мнѣ некажутся особенно удачными попытки предотвратить смѣшеніе индогерманскихъ корней съ тѣми, которые имъ наслѣдовали. Гейзе различаетъ корни

и коренныя формы (wurzelformen), хотя, строго говоря, понятіе корня несовмѣстимо съ понятіемъ формы; Штейнталь различаетъ корень и тему, но послѣднее выраженіе слишкомъ обширно; Поттъ—корни абсолютные и относительные. Сознаніе этого послѣдняго различія безъ сомнѣнія важно. Но неужели всегда намъ возможно дойти до безусловно послѣдняго корня? Уже одна необходимость принимать для индогерманскаго періода множество гомонимныхъ корней заставляетъ усумниться въ этомъ. Неужели кто либо возьмется возвести къ одному основному значенію значенія вышеупомянутаго корня кам, любить и хлебать, или найдетъ вѣроятнымъ, что языкъ съ самаго начала обозначилъ столь различныя значенія тѣмъ же звукомъ? Однимъ словомъ, хотя мы признаемъ вѣроятнымъ, что исходными точками индогерманскаго языка были слова (wortkörper) въ родѣ тѣхъ корней, до которыхъ мы можемъ доходить посредствомъ заключеній, и что многіе изъ сихъ послѣднихъ имѣли уже съ самаго начала именно тѣ самые звуки, какіе мы въ нихъ находимъ, но рѣшить, есть-ли такое-то сочетаніе звуковаго комплекса и значенія безусловно древнѣйшее, или нѣтъ, невозможно. Поэтому языкознаніе въ частности всегда будетъ имѣть дѣло только съ относительными корнями, которые въ каждомъ языкѣ являются въ другомъ видѣ“ (Curt. Grundz. d. Griech. Et. ² 45—7).

На это прежде всего замѣтимъ, что на нашъ взглядъ вопросъ о томъ, „слѣдуетъ ли при современномъ состояніи языкознанія для каждаго изъ индоевропейскихъ языковъ принимать свои корни, или только
28 корни индоевропейскіе?“ непредставляетъ никакихъ трудностей. Тутъ нѣтъ никакого или... или... Безъ сомнѣнія слѣдуетъ выставлять тѣ и другіе. Начиная съ ближайшихъ къ намъ явленій даннаго языка и восходя къ началу, мы доходимъ до такихъ комплексовъ, коихъ болѣе древній видъ неможетъ быть найденъ средствами одного этого языка, напр. до корней *ἐδ* и *ὀδ* въ Греческомъ, до корней кам и чам въ Санскритѣ. Никто намъ немѣшаетъ остановиться на этомъ, но въ такомъ случаѣ мы насильно подавимъ въ себѣ послѣднее заключеніе, вытекающее изъ того, что намъ извѣстно, именно, что *ὀδ* и *ἐδ* предполагаютъ ад, что чам предполагаетъ кам. Дѣлая это заключеніе, мы оставляемъ открытыми вопросы: находились-ли въ связи между собою значенія извѣстныя намъ въ *ὀδ* и *ἐδ*, въ кам и чам? Если нѣтъ, то небыло-ли съ самаго начала звуковой разницы между ад ѣсть и ад нюхать, пахнуть? Если да, то какова была эта связь? Такимъ образомъ мы вовсе несваливаемъ въ одну кучу того, что раздѣлено языкомъ, вовсе нестираемъ установленныхъ имъ отношеній извѣстныхъ звуковъ къ извѣстнымъ оттѣнкамъ значенія, такъ какъ, восходя отъ ближайшихъ явленій къ болѣе отдаленнымъ, незаметаемъ своихъ слѣдовъ. Неможетъ быть никакого вреда отъ того, что состояніе нашихъ знаній принуждаетъ насъ принять для чам предшествующую форму кам.

Напротивъ, какъ ни безплодна можетъ показаться такая теоретическая
конструкція теперь, возможно, что послѣ она ляжетъ въ основаніе даль-
нѣйшихъ заключеній. Курціусъ думаетъ, что никто несочтетъ вѣро-
ятнымъ соединенія въ слогѣ кам столь различныхъ значеній, какъ лю-
бить и хлебать. Почемъ знать? Хотя можетъ современемъ открыться,
что кам любить и чам хлебать неимѣютъ между собою ничего об-
щаго, но неневѣроятна покамѣстъ и ихъ генетическая связь. Въ сла-
вянской народной поэзіи весьма распространено символическое изобра-
женіе любви ѣдой и питьемъ [1]). Почему бы и въ кам любовь немогла 29
быть представлена хлебаньемъ?

Принятіе какъ обще-индоевропейскихъ, такъ и спеціально греческихъ,
славянскихъ и др. корней, незаключаетъ ни малѣйшаго противорѣчія,
Въ общихъ чертахъ тѣ и другіе совершенно сходны. Первые не въ
большей мѣрѣ суть настоящія слова, чѣмъ вторые, такъ какъ ни тѣ, ни
другіе не-суть вовсе слова. Они—отвлеченія, но добытыя не изъ всего се-
мейства словъ, каковъ бы былъ напр. корень „гортанная+л“ въ словахъ
скользить, колзать, холзать, гылзать и глудкой, а только изъ
древнѣйшаго члена семейства въ отдѣльномъ языкѣ, какъ напр. въ
греческомъ, или во всемъ индоевропейскомъ. Преимущества такихъ
корней предъ тѣми, которые составляютъ вытяжку изъ всего извѣстна-
го семейства словъ и равномѣрно заключены въ каждомъ его членѣ,
равны преимуществамъ историческаго языкознанія предъ чисто описа-
тельнымъ. Корень (отвлеченіе), какъ онъ понимается теперь, есть по-
нятіе несравнено болѣе опредѣленное, чѣмъ корень, какъ принадлеж-
ность описательнаго языкознанія. Такъ въ звуковомъ отношеніи вмѣсто
формулы „горт.+л“ для семейства скользить и пр., мы выставляетъ
корень скħал [2]). Мы уже неговоримъ о значеніи общемъ всѣмъ сло-
вамъ одного корня, которое, при многочисленности семейства и чрез-
вычайномъ разнобразіи, а нерѣдко и противоположности значенія со-
ставляющихъ его словъ, должно быть чрезвычайно блѣдно. Мы припи-
сываемъ корню скħал то значеніе, какое можетъ быть отвлечено отъ
значенія глагола скħáл-а-ти, колеблется, качается, глагола не искус-
ственно построеннаго нами, а дѣйствительно находимаго въ санскритѣ,
который въ этомъ случаѣ кажется наиболѣе близкимъ къ общеарійско-
му языку. Здѣсь можно поступать и дѣйствительно поступаютъ еще
осторожнѣе. Звуковыхъ знаменательныхъ сочетаній въ языкѣ несравнено
менѣе, чѣмъ представленій и значеній, такъ какъ на одно такое соче- 30

[1]) См. мое соч. Объясн. мр. пѣсень, II. указатель.

[2]) Если бы для совокупности словъ, которыя мы считаемъ сначала за одно семейство, нашлось два или нѣсколько корней, которыя немогутъ быть сведены къ одному внутри даннаго языка, то мы бы сказали, что первоначальное наше утвержденіе ошибочно и что мы имѣемъ передъ собою не одно семейство, а нѣсколько сродныхъ, которыхъ единство—древнѣе разсматриваемаго нами языка.

таніе приходится сплошь и рядомъ нѣсколько значеній. Другими словами, измѣнчивость и подвижность мысли въ языкѣ гораздо болѣе измѣнчивости звуковъ. Звуковыя аналогіи, которыми руководствуемся восходя отъ послѣдующихъ звуковыхъ формъ къ предъидущимъ, заводятъ насъ дальше, чѣмъ тѣ, посредствомъ коихъ подвигаемся отъ послѣдующихъ значеній къ предъидущимъ. Поэтому благоразумно, выставляя звуковыя сочетанія, предполагаемыя въ до-флексивномъ періодѣ извѣстнымъ семействомъ словъ, вовсе непридавать этимъ сочетаніямъ вида дѣйствительныхъ словъ, неприписывать имъ значенія древнѣйшаго глагола въ этомъ семействѣ, но говорить напр., что корень словъ **дамь**, **дати**, **даръ**, **дань** есть **да** или **дâ** (относит. краткости или долготы конечнаго *a* корня, см. Schleicher, Compend [3] § 206, прим. 3) съ неизвѣстнымъ значеніемъ [1]). Корни спеціально народные (греч. слав. и пр.) и корни общеиндоевропейскіе суть неболѣе, какъ необходимыя (каждая на своемъ мѣстѣ) посылки начатаго языкознаніемъ, но недоведеннаго до конца умозаключенія о корняхъ, какъ дѣйствительныхъ словахъ, о свойствахъ языка, неизвѣстнаго намъ исторически. О такихъ корняхъ конечно нельзя сказать, что съ нихъ началось созданіе языка (Curt. Zur Chronologie etc 17); ими только кончается наше знаніе строенія языка. Кто же думаетъ, что довелъ изслѣдованіе хотя одной какой либо частности до самаго конца, кто напр. въ значеніи корней, добываемомъ нынѣ языкознаніемъ, усматриваетъ дѣйствительныя свойства первобытнаго языка, тотъ принимаетъ средство за цѣль, подмостки за самое зданіе.

Довольно давно уже считается нестоящимъ опроверженія мнѣніе, что все содерженіе языка идетъ отъ ограниченнаго числа, напр., по Беккеру, отъ 82-хъ кардинальныхъ понятій. Напротивъ, мы слышимъ теперь, что содержаніе первобытнаго языка должно было быть болѣе частно, что заключая отъ различія звуковой формы къ различіямъ значе-

---

[1]) Такой корень не-есть тоже, что **слогъ** (понятіе чисто фонетическое). Штейнталь, излагая мысль Потта, говоритъ „мы употребляемъ выраженія **буква**, **гласная**, **согласная**, **слогъ**, въ томъ случаѣ когда, отвлекаясь отъ ихъ значенія въ языкѣ, разсматриваемъ звуки или сочетанія звуковъ, какъ физіологическіе продукты; съ другой стороны мы употребляемъ выраженіе **корень**, разсматривая слогъ, какъ принадлежащій извѣстному языку и имѣющій опредѣленное значеніе. Т. о. разница между корнемъ и слогомъ, какъ между словомъ и слогомъ (или слогами) основана не на чемъ либо объективномъ, а лишь на нашей точкѣ зрѣнія“ (Ueb. die wurzeln der sprache, Z. f. Völkerpsych. II. 458). Но въ данномъ языкѣ и въ опредѣленномъ случаѣ не всякій разъ къ слогу примѣнимы обѣ эти точки зрѣнія. Напр. **хъ** или **шь** въ **похъ-ва**, **по-шь-ва** есть слогъ, составляющій физіологическій продуктъ и имѣющій мѣсто въ опредѣленномъ языкѣ; но ни въ какомъ отношеніи не-есть корень. Стало быть есть нѣчто объективное, заставляющее насъ смотрѣть на это **шь** лишь съ фонетической стороны. Знаменательность— общій признакъ понятій **корня** и **темы** (основы). Эти понятія тождественны въ случаяхъ, когда тема, напр. **да** въ **да-лъ**, **да-нъ** далѣе неразложима, и несовпадаютъ когда тема, напр. **да-д** въ **да(д)-мь**, **да(д)-си**, разложима.

нiй, слѣдуетъ считать корни индоевропейскаго языка сотнями, а не
десятками, а тѣмъ менѣе единицами. Тѣмъ неменѣе въ нынѣшнихъ
взглядахъ можно замѣтить отблески прежнихъ „кардинальныхъ по-
нятiй" и т. п. Конечно, уже большое разстоянiе между попытками 31
напр. вывести весь греческiй языкъ изъ *ἄω* и т. п. и утвержденiемъ
что „индогерманецъ сначала обозначалъ частныя понятiя, подходящiя
подъ общее **ити**, а лишь потомъ это общее" (Curt. Grundz. [2] 91); но и
тотъ, кто въ древнѣйшемъ достижимомъ для насъ словѣ находитъ,
положимъ, не общее понятiе „видѣть", а частныя, schauen, spähen, bli-
cken, achten и др., все таки предполагаетъ, что мысль человѣка того
времени вращалась въ кругу общихъ понятiй. „Человѣкъ, говоритъ
Максъ Мюллеръ, неможетъ дать имени никакому предмету, неот-
крывши предварительно **общаго качества**, которое во время наблю-
денiя показалось ему наиболѣе поразительнымъ признакомъ этого пред-
мета" напр. въ словахъ аçва-с, equus, *ἵππος*, конь названъ по бы-
стротѣ, отъ аç, быть быстрымъ, острымъ. „Изслѣдуя любое слово, мы
постоянно приходимъ къ тѣмъ-же результатамъ; каждый разъ выра-
жается (предварительно) общее качество, приписывается предмету какъ
его свойство... Слѣдя за словомъ по всѣмъ степенямъ его развитiя до
его исходной точки, въ концѣ, или, лучше сказать, въ началѣ мы
встрѣчаемъ лишь корни совершенно общаго значенiя, какъ ити, дви-
гаться, бѣжать, дѣлать... Взявши во вниманiе, что человѣкъ изъ этихъ
неопредѣленныхъ и блѣдныхъ понятiй съумѣлъ образовать слова, выра-
жающiя тончайшiе оттѣнки нашей мысли и чувства, мы лишь тѣмъ
болѣе должны удивляться чудодѣйственнымъ силамъ языка" (M. Müller,
Vorlesung. üeb. die Wiss. der Spr. II, 58—69). Мы нестанемъ удивлять-
ся тому, что если въ языкѣ есть названiя отвлеченныхъ качествъ и
дѣйствiй, то отъ нихъ могутъ образоваться слова съ значенiями бо-
лѣе конкретными. Примѣры этому у насъ постоянно предъ глазами,
такъ что за ними нѣчего ходить въ древность, или въ чужiе языки.
Что удивительно и непостижимо, такъ это то, если только это правда,
что языкъ нѣкогда состоялъ изъ **однихъ** названiй отвлеченностей, что
человѣкъ долженъ былъ сначала создать эти названiя и отъ нихъ уже
спуститься къ конкретному. И правда-ли это? Въ утвержденiи, что, 32
при изслѣдованiи начала словъ, **всегда** наталкиваемся на общее ка-
чество, подъ „**всегда**" слѣдуетъ разумѣть „въ концѣ", то есть въ
такой дали, въ которой отъ наблюденiя ускользаютъ уже опредѣ-
ленныя очертанiя явленiй. Въ большей близи видно и не то. Когда въ
нашихъ языкахъ имена производятся отъ именъ, когда напр. **поча-
токъ**, колосъ пшенички, производится отъ **початокъ**, веретено пряжи,
то развѣ при этомъ предварительно выражается общее качество, при-
писываемое предмету въ производномъ словѣ? Нѣтъ, одного слова для
качества „подобный веретену пряжи" или для дѣйствiя „быть подоб-

нымъ веретену пряжи" у насъ вовсе и небыло въ языкѣ. Когда ребенокъ назвалъ сферичный колпакъ лампы арбузомъ, то открылъ ли онъ сначала общее качество шарообразности? Нѣтъ. Еслибы такое мгновеніе было, какъ оно бываетъ впослѣдствіи, то оно оставило бы по себѣ слѣдъ въ словѣ, подобномъ нашему круглый, шаровидный, арбузовидный и т. п., а не въ названіи стекляннаго шара арбузомъ. Утверждать противное незаставитъ-ли насъ утверждать и то, что собака составляетъ сначала, хотя и безсловесно, общія понятія о качествахъ нищеты и богатства, а потомъ уже начинаетъ съ лаемъ бросаться на всякаго нищаго, входящаго во дворъ?

Все заставляетъ думать, что и въ языкѣ, какъ и вообще, за исходную точку мысли слѣдуетъ признавать чувственныя воспріятія и ихъ комплексы, стало быть нѣчто весьма конкретное сравнительно съ отвлеченностью общаго качества. Какъ теперь правильный ходъ мысли состоитъ въ восхожденіи отъ частнаго къ общему, а потомъ, на основаніи этого процесса, и въ обратномъ движеніи, такъ было и всегда. Мнѣніе, что первобытное слово всегда означаетъ общее качество, основано на смѣшеніи понятій *значенія* слова и заключеннаго въ немъ *представленія* и на замѣнѣ перваго вторымъ. Общій законъ языка состоитъ въ томъ, что всякое новое слово имѣетъ представленіе, т. е.
33 что значеніе общаго слова всегда заключаетъ въ себѣ одинъ признакъ, общій со значеніемъ ему предшествующимъ. Представленіе есть средство доводить до сознанія новое значеніе, но само оно сознается только тогда, когда направимъ вниманіе на свойства нашего слова. Его можно сравнить съ глазомъ, который самъ себя невидитъ. Оно никогда небываетъ даже временною цѣлью мысли. Оно несуществуетъ до возникновенія новаго слова. Напротивъ, общее значеніе слова есть именно то, что сознается въ словѣ и посредствомъ слова. Оно есть всегда цѣль мысли (хотя и временная, ибо непосредственную цѣнность для насъ имѣетъ только конкретное, и отвлеченія создаются лишь ради разработки этого конкретнаго и подчиненія его мысли). Какъ скоро общее значеніе есть въ словѣ, то существованіе его нисколько независитъ отъ появленія слѣдующаго слова. Большая разница между возникновеніемъ безсознательнаго представленія такой-то формы тѣла при образованіи слова *початокъ*, колосъ кукурузы, отъ *початокъ*, веретено пряжи, и между существованіемъ въ сознаніи качества напр. *бѣлъ*, которое примѣняется къ частному явленію въ *бѣлокъ*. Отыскивая корни нашихъ словъ при помощи списковъ санскритскихъ глаголовъ, мы сводимъ все въ языкѣ на этотъ послѣдній случай, забывая при этомъ, что еслибы даже дѣйствительно общее значеніе этихъ глаголовъ небыло выдумано, еслибы оно точно предполагалось значеніемъ нашихъ словъ, то глаголы эти, будучи продуктомъ сильнаго отвлеченія, въ свою очередь имѣли корни, содержаніе коихъ въ концѣ концовъ долж-

но было состоять изъ чувственныхъ воспріятій, стало быть, напр. не изъ общаго качества быстроты, а изъ отраженія опредѣленнаго явленія: быстро летящей птицы, быстро падающаго камня и т. п., т. е. не изъ сознательнаго отвлеченія, а изъ матеріала для отвлеченія. Можно думать только, что въ сравнительно поздній періодъ образованія грамматическихъ формъ изъ этого хаотическаго значенія словъ выдѣлилось значеніе дѣятельности, такъ или иначе приписываемой своему производителю.

IV.

Грамматическія формы. 34

Опредѣленіе слова, какъ звуковаго единства съ внѣшней стороны и единства представленія и значенія съ внутренней, безъ дополненій примѣнимо только къ языкамъ простѣйшаго строенія. Приводя въ примѣръ слово верста, мы оставили въ сторонѣ то обстоятельство, что оно нетолько значитъ напр. длину въ 500 саженей, но одновременно съ этимъ есть существительное женскаго рода, въ именительномъ падежѣ единственнаго числа. Подобное слово заключаетъ въ себѣ указаніе на извѣстное содержаніе, свойственное только ему одному, и вмѣстѣ съ тѣмъ указаніе на одинъ или нѣсколько общихъ разрядовъ, называемыхъ грамматическими категоріями, подъ которыя содержаніе этого слова подводится наравнѣ съ содержаніемъ многихъ другихъ. Указаніе на такой разрядъ опредѣляетъ постоянную роль слова въ рѣчи, его постоянное отношеніе къ другимъ словамъ. „Верста", въ какомъ бы ни было значеніи, и всякое другое слово съ тѣми-же суффиксами, будучи существительнымъ, само по себѣ неможетъ быть сказуемымъ, будучи именительнымъ, можетъ быть только подлежащимъ, приложеніемъ или частью сложнаго сказуемаго и т. д. Изъ ближайшихъ значеній двоякаго рода, одновременно существующихъ въ такомъ словѣ, первое мы назовемъ частнымъ и лексическимъ, значеніе втораго рода— общимъ и грамматическимъ. Ближайшее значеніе перваго рода мы прежде назвали формальнымъ, по отношенію къ значенію дальнѣйшему (стр. 8); но по отношенію къ грамматическимъ категоріямъ само это формальное значеніе является вещественнымъ. По такому значенію слово, какъ верста, назовемъ вещественнымъ и лексическимъ. Кромѣ такихъ словъ въ арійскихъ языкахъ есть другія, которыя неимѣютъ своего частнаго содержанія и небываютъ самостоятельными частями
рѣчи. Вся суть ихъ въ томъ, что они служатъ указателями функцій 35
другихъ словъ и предложеній. Нерѣдко слова эти лишены даже звуковой самостоятельности (пó-воду, знáешь-ли), такъ что могутъ на-

зываться словами лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ суффиксы и предлоги, считаемые слитными, суть слова. Такія слова называются чистоформальными и грамматическими. Ихъ можно также назвать служебными, противополагая вещественнымъ („знаменательнымъ") какъ главнымъ, на содержаніи которыхъ сосредоточенъ весь интересъ мысли; но при этомъ неслѣдуетъ смѣшивать принятаго нами дѣленія словъ на лексическія и формальныя съ дѣленіемъ на знаменательныя и служебныя въ томъ видѣ, въ какомъ оно у Буслаева (Гр. §§ 138, 159). Къ служебнымъ словамъ, означающимъ „отвлеченныя понятія и отношенія" Буслаевъ относитъ, кромѣ предлога и союза, еще числительныя, мѣстоименія, мѣстоименныя нарѣчія и вспомогательные глаголы. Основаній дѣленія здѣсь два: отвлеченность и значеніе отношенія (формальность); но невсякая отвлеченность есть формальность, такъ что въ сущности здѣсь смѣшаны два дѣленія. Число есть одно изъ высшихъ отвлеченій, но числительное неесть слово формальное: въ языкахъ простѣйшаго строенія оно неимѣетъ никакихъ грамматическихъ опредѣленій, какъ дѣтское „цаца, вава"; въ языкахъ арійскихъ оно заключаетъ въ себѣ, а не предполагаетъ только въ прошедшемъ, какъ лексическія, такъ и формальныя стихіи, т. е. имѣетъ и свое спеціальное содержаніе и отношеніе къ грамматической категоріи существительнаго, прилагательнаго, нарѣчія, рода, падежа, числа и пр. Тоже слѣдуетъ сказать о мѣстоименіи. Нетребуетъ доказательства то, что въ тотъ, этотъ мы различаемъ указаніе, какъ частное содержаніе этихъ словъ, и грамматическую форму: родъ, число и пр. Мѣстоимѣнія, кромѣ нѣкоторыхъ случаевъ, означаютъ не отношенія и связи, а явленія и воспріятія, но обозначаютъ ихъ не посредствомъ признака, взятаго изъ круга самыхъ воспріятій, а посредствомъ отношенія къ говорящему,
36 т. е. не качественно, а указательно. Что до личныхъ мѣстоименій, то они смотря по присутствію, или отсутствію грамматическихъ формъ въ языкѣ, могутъ быть или только вещественными словами, или—то вещественно-формальными, какъ и указательныя тотъ, этотъ, то чистоформальными. Объ этомъ, а равно и о вспомогательныхъ глаголахъ будетъ сказано ниже. Здѣсь ограничусь ссылкою на Штейнталя (Gram. Log. u. Psych. § 128). Если нарѣчія отмѣстоименныя служебны потому, что образованы отъ словъ принятыхъ за служебныя, то почему не отнесены къ служебнымъ нарѣчія числительныя? Если это не недомолвка, то что такое значитъ служебность? Во всякомъ случаѣ не формальность въ нашемъ смыслѣ. Въ мѣстоименныхъ нарѣчіяхъ формально не то, что они указательно означаютъ „качество" (какъ, такъ), „количество" (сколько, столько), „мѣсто" (гдѣ, тамъ), „время" (когда, тогда) (Буслаевъ, Гр. § 160, 2), а то, что они суть нарѣчія, т. е. что они, въ качествѣ особаго члена предложенія, равносильны дѣепричастіямъ и нарѣчіямъ отъ другихъ качественныхъ (немѣстоименныхъ)

словъ. Это слова столь-же вещественныя, какъ *верста* и т. п. Потеря склоняемости несвязана въ нихъ съ уничтоженіемъ спеціальнаго значенія, какъ въ предлогахъ и союзахъ, а есть только средство обозначенія категоріи нарѣчія.

Формальная часть слова, по строенію, сходна съ словами чисто-вещественными. Грамматическая форма тоже имѣетъ или предполагаетъ три элемента: звукъ, представленіе и значеніе. Такъ напр. суффиксы: вр.-е́нокъ. мр.-енко, образующіе отечественныя и фамильныя имена, предполагаютъ дѣйствительно существующіе однозвучные съ ними или близкіе къ нимъ суффиксы со значеніемъ уменьшительности. Отечественность (патронимичность) въ нихъ сравнена съ уменьшительностью, фамильность съ отечественностью, и каждое изъ этихъ сравненій основано на признакѣ, общемъ его членамъ, признакѣ, который по отношенію къ значенію есть представленіе. Какъ бы ни было трудно здѣсь и вообще отдѣлить представленіе отъ предшествующаго значенія, 37
мы, основываясь на случаяхъ гдѣ эти величины явственно различаются, можемъ быть увѣрены, что они и здѣсь различны. Въ каждомъ изъ приведенныхъ суффиксовъ можно различить по три составныя части, въ свою очередь подлежащія такому-же разбору.

Не смотря на такую сложность внутренняго строенія вещественно-формальныхъ словъ въ арійскихъ языкахъ, въ словахъ этихъ есть единство значенія, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторомъ смыслѣ. Моменты вещественный и формальный различны для насъ не тогда, когда говоримъ, а лишь тогда, когда дѣлаемъ слово предметомъ наблюденія. На мышленіе грамматической формы, какъ бы она ни была многосложна, затрачиваемъ такъ мало новой силы, кромѣ той, какая нужна для мышленія лексическаго содержанія, что содержаніе это и грамматическая форма составляютъ какъ бы одинъ актъ мысли, а не два, или болѣе, и живутъ въ сознаніи говорящаго, какъ недѣлимая единица. Говорить на формальномъ языкѣ, каковы арійскіе, значитъ систематизировать свою мысль, распредѣляя ее по извѣстнымъ отдѣламъ. Эта первоначальная классификація образовъ и понятій, служащая основаніемъ позднѣйшей умышленной и критической, необходится намъ, при пользованіи формальнымъ языкомъ, почти ни во что. По этому свойству сберегать силу, арійскіе языки суть весьма совершенное орудіе умственнаго развитія: остатокъ силы, сбереженной словомъ, неизбѣжно находитъ себѣ другое примѣненіе, усиливая наше стремленіе возвыситься надъ ближайшемъ содержаніемъ слова. Нашъ ребенокъ, дошедшій до правильнаго употребленія грамматическихъ формъ, при всей скудости вещественнаго содержанія своей мысли, въ нѣкоторомъ отношеніи имѣетъ преимущество предъ философомъ, который пользуется однимъ изъ языковъ, менѣе удобныхъ для мысли.

Есть языки, въ коихъ подведеніе лексическаго содержанія подъ общія схемы, каковы предметъ и его пространственныя отношенія, дѣй-
38 ствіе, время, лицо и пр., требуетъ каждый разъ новаго усилія мысли. То, что мы представляемъ формою, въ нихъ является лишь содержаніемъ, такъ что грамматической формы они вовсе неимѣютъ. Въ нихъ напр. категорія множествен. числа выражается словами „много", „все"; катег. времени—словами, какъ „когда-то", „давно", отношенія, обозначаемыя у насъ предлогами,—словами, какъ „задъ"; „спина" напр. *а* спина *б*=*а* за *б*. Тоже въ словообразованіи. Есть, положимъ, тема для вещественнаго значенія „спасти". Чтобы образовать nom. agentis „спаситель", нужно къ этой темѣ присоединить „человѣкъ": спасти-человѣкъ (retten-mensch). Такъ прибавка матеріальнаго слова „вещь" образуетъ имя дѣйствія (спасти-вещь, retten-sache=спасеніе), прибавка словъ „мѣсто", „орудіе"—имена мѣста, орудія. (Humb. Ueb. Verschied. etc 260; Steinth. Charakterist. 317—8). Хотя въ тѣхъ-же языкахъ могутъ быть и болѣе совершенные способы обозначенія категорій, но тѣмъ неменѣе для нихъ характеристично то, что въ нихъ слово, долженствующее обозначать отношеніе, слишкомъ тяжеловѣсно по содержанію; что оно слишкомъ часто заключаетъ въ себѣ указаніе на образъ или понятіе, чуждые главному содержанію, усложняющіе это содержаніе прибавками, ненужными съ нашей точки зрѣнія, уклоняющіе мысль отъ прямаго пути и замедляющіе ея теченіе.

Арійскіе языки представляютъ лишь случаи мнимаго сходства съ вещественнымъ обозначеніемъ категорій. Конечно, мы говоримъ напр. „на лицевой сторонѣ дома", но въ такомъ случаѣ мы останавливаемся на значеніи „лицевая сторона", какъ на содержаніи, коего форму, отношеніе къ „домъ" выражаемъ невещественными флексіями. Въ болгарскомъ вмѣсто предлога по встрѣчаемъ въ одномъ значеніи слѣдъ, (слѣдъ смерть покаяне-то небыва), въ другомъ—според, куда входитъ слово рядъ (според поп-ат и приход-ат); вмѣсто за—зад: задвратá-та=за ворота, за воротами; въ серб. због. т. е. с- бок (а), со стороны значитъ wegen, по причинѣ, ради. Срб. код изъ кон. Но слѣд, зад, употребленные въ формальномъ значеніи предлоговъ, вовсе не тожде-
39 ствены съ подобнозвучными вещественными словами, а только образованы изъ нихъ. Образованіе и состояло въ возведеніи вещественныхъ словъ къ такому значенію, которое невводитъ мысли въ лишнія затраты и неотвлекаетъ ея отъ предмета. Въ болгарскихъ предлогахъ слѣд, зад также немыслится указаніе на предметы слѣдъ, задъ, какъ въ предлогѣ подъ—печной или другой какой-либо подъ. Впрочемъ извѣстно, что формальные языки образуютъ свои формы изъ вещественныхъ словъ нестолько качественныхъ, сколько указательныхъ.

V.

По чемъ узнается присутствіе грамматической формы въ данномъ словѣ?

Грамматическая форма есть элементъ значенія слова и однородна съ его вещественнымъ значеніемъ. Поэтому на вопросъ, „должна ли извѣстная грамматическая форма выражаться особымъ звукомъ“ можно отвѣтить другимъ вопросомъ: всегда-ли созданіе новаго вещественнаго значенія слова при помощи прежняго влечетъ за собою измѣненіе звуковой формы этого послѣдняго? И наоборотъ: можетъ-ли одно измѣненіе звука свидѣтельствовать о присутствіи новой грамматической формы, новаго вещественнаго значенія? Конечно нѣтъ. Выше мы нашли многозначность словъ понятіемъ ложнымъ: гдѣ два значенія, тамъ два слова. Послѣдовательно могутъ образоваться одно изъ другого десятки вещественныхъ значеній при совершенной неизмѣнности звуковой формы.

Тоже слѣдуетъ сказать о грамматическихъ формахъ: звуки, служившіе для обозначенія первой формы, могутъ неизмѣняться и при образованіи послѣдующихъ. При этомъ можетъ случиться, что эти послѣднія собственно для себя въ данномъ словѣ небудутъ имѣть никакого зву- 40
коваго обозначенія [1]). Такъ напр. въ глаголѣ различаемъ совершенность и несовершенность. Господство этихъ категорій въ современномъ русскомъ языкѣ столь всеобще, что нѣтъ ни одного глагола, который бы неотносился къ одной изъ нихъ. Но появленіе этихъ категорій необозначилось никакимъ измѣненіемъ прежнихъ звуковъ: дати и даяти имѣли туже звуковую форму и до того времени, когда первое стало совершеннымъ, а второе несовершеннымъ. Есть значительное число случаевъ, когда глаголы совершенный и несовершенный по внѣшности ничѣмъ неразличаются: женить, настоящее женю (несов.), и женить, будущ. женю (соверш.), суть два глагола, различные по граматической формѣ, которая въ нихъ самихъ, отдѣльно взятыхъ, невыражена ничѣмъ, такъ какъ характеръ *и* сохраняетъ въ нихъ свою прежнюю функцію, неимѣющую отношенія къ совершенности и несовершенности.

Вещественное и формальное значеніе даннаго слова составляютъ, какъ выше сказано, одинъ актъ мысли. Именно потому, что слово формальныхъ языковъ представляется сознанію однимъ цѣлымъ, языкъ столь мало дорожитъ его стихіями, первоначально самостоятельными, что по-

---

[1]) Высказываемый здѣсь взглядъ отличенъ отъ обычнаго. Ср. напр. слова проф. Ягича: „Я могу во всякомъ синтаксисѣ найти примѣры, что одна и таже форма въ разныхъ отношеніяхъ получаетъ различныя значенія; но еще никому не приходило въ голову сказать, что это не одна форма, а двѣ, три и т. д. (Primjetbe k sintaksi, 186. Književnik. II. 1865).

зволяетъ имъ разрушаться и даже исчезать безслѣдно. Разрушеніе это обыкновенно въ арійскихъ языкахъ начинается съ конца слова, гдѣ преимущественно сосредоточены формальные элементы. Но лит. garsas осталось при томъ же значеніи сущ. именит. ед. м. р. и послѣ того, какъ, отбросивши окончаніе им. ед., стало русскимъ голосъ. Вотъ еще примѣръ въ томъ-же родѣ. Во время единства славянскаго и лотышсколитовскаго языка въ именахъ мужескихъ явственно отличался именительный падежъ отъ винительнаго: въ единствен. числѣ именъ съ темою на-а первый имѣлъ форму а-с, второй а-м. По отдѣленіи слав. языка, но еще до замѣтнаго раздѣленія его на нарѣчія, на мѣстѣ обо-
41 ихъ этихъ окончаній стало ъ и тѣмъ самымъ въ отдѣльномъ словѣ потерялось внѣшнее различіе между именительнымъ и винительнымъ. Но это нисколько незначитъ, что въ сознаніи исчезла разница между падежемъ субъекта и падежемъ прямаго объекта. Многое убѣждаетъ въ томъ, что мужескій родъ болѣе благопріятенъ строгому разграниченію этихъ категорій, чѣмъ женскій, единственное число—болѣе, чѣмъ множественное. Между тѣмъ въ то время, когда въ звуковомъ отношеніи смѣшались между собою падежи имен. и винит. ед. муж., они явственно различались во множ. того-же рода, а въ женскомъ ед. различаются и понынѣ. Въ нѣкоторой части самихъ именъ муж. рода, смѣшавшихъ звуковую форму именительнаго и винительнаго ед. ч., языкъ впослѣдствіи опять и внѣшнимъ образомъ различилъ эти падежи, придавши винительному окончаніе родительнаго. Т. о. вмѣсто представленія всякого объекта, стоящаго въ винительномъ, безусловно страдательнымъ (какъ и въ лат. Deus creavit mundum, pater amat filium), возникло двѣ степени страдательности, смотря по неодушевленности или одушевленности объекта: Богъ создалъ свѣтъ, отецъ любитъ сына. Однозвучность именит. и винит. (свѣтъ созданъ и Б. создалъ свѣтъ), винит. и род. (Отецъ любитъ сына, отецъ нелюбитъ сына) неповлекла за собою смѣшенія этихъ формъ въ смыслѣ значеній [1]). Въ этомъ сказалось созданіе новой категоріи одушевленности и неодушевленности, но вмѣстѣ съ тѣмъ и то, что до самого этого времени разница между именит. и винит. ед. муж. р. неисчезала изъ народнаго сознанія.

Въ литовскомъ за немногими исключеніями, а въ лотышскомъ за исключеніемъ ît (идетъ, идутъ), суффиксъ, 3-го лица въ настоящемъ и

---

[1]) Во избѣжаніе неясности, слѣдуетъ раздѣлять вопросы о первообразности или производности значенія суффикса и о качествѣ наличной формы. Говорятъ: „род. мн. въ слав., какъ и въ другихъ арійскихъ, рѣзко отдѣленъ отъ прочихъ падежей, между тѣмъ какъ въ двойств. ч. род. и мѣстный совпадаютъ по формѣ и нельзя навѣрное рѣшить, имѣемъ ли дѣло съ настоящимъ родительнымъ, или съ мѣстнымъ“. Mikl. V. Gr. IV, 447). Этого нельзя рѣшить, разсматривая падежъ, какъ отвлеченіе; но въ конкретномъ случаѣ ясно, что руку въ „въздѣяниѥ руку моѥю“ есть родит., а въ „на руку моѥю“ есть мѣстный.

прошедшемъ потерянъ. Тоже и въ нѣкоторыхъ слав. нарѣчіяхъ; но въ лотышско-литовскомъ 3-е лицо ед., кромѣ того, никакимъ звукомъ неотличается отъ 3 лица множ. Оставляя въ сторонѣ вопросъ, точно-ли въ этихъ языкахъ потеряно сознаніе различія между числами въ 3-мъ лицѣ, можемъ утвердительно сказать, что сама категорія 3-го лица въ нихъ непотеряна, ибо это лицо, при всемъ внѣшнемъ искаженіи, отличается отъ 1-го и 2-го какъ един. такъ и множ. чиселъ.

Въ формальныхъ языкахъ есть случаи, когда звуки, указывающіе на вещественное значеніе слова, являются совершенно обнаженными съ конца. Такъ напр. въ болг. „насилом можеше ми зе (букв.=въз-ѧ), по неможеше ми да“ (Памятн. и образцы нар. яз. и сл. I, 269). Странно было бы думать, что зе, да суть корни, въ смыслѣ словъ, не- 42
имѣющихъ ни внѣшнихъ, ни внутренихъ грамматическихъ опредѣленій. Это не остатки незапамятной старины, а произведенія относительно недавняго времени. Немыслимо, чтобы языкъ, оставаясь постоянно орудіемъ усложненія мысли, могъ при какихъ бы то нибыло прочихъ условіяхъ въ какой либо изъ своихъ частей возвратиться къ первобытной простотѣ. Зе и да могутъ быть корнями по отношенію къ возможнымъ производнымъ словамъ, но независимо отъ этого это настоящіе инфинитивы, несмотря на отсутствіе суффикса -ти. Во всякомъ случаѣ это слова съ совершенно опредѣленною грамматическою функціею въ предложеніи.

Къ этому прибавимъ, что и звуки носящіе вещественное значеніе словъ, могутъ исчезнуть безъ ущерба для самого этого значенія. Такъ въ вр. подь, поди потерялось *и*, отъ котораго именно и зависитъ первоначально значеніе ити. Въ поль. weź (возьми), отъ им (основная форма—jам) осталась только небность конечной согласной предлога; небность эта могла впрочемъ произойти и отъ окончанія повелительнаго.

Если въ данномъ словѣ каждому изъ элементовъ значенія и соотвѣтствуетъ извѣстный звукъ, или сочетаніе звуковъ, то между звукомъ и значеніемъ въ дѣйствительности небываетъ другой связи кромѣ традиціонной. Такъ напр. когда въ долготѣ окончанія именит. ед. ж. р. â находятъ нѣчто женственное, то это есть лишь произвольное признаніе цѣлесообразности въ фактѣ, который самъ по себѣ непонятенъ. Если бы женскій родъ въ дѣйствительности обозначался краткимъ ă, а мужескій и средній долгимъ, то толкователь съ такимъ-же основаніемъ могъ бы въ краткомъ -а видѣть женственность. Въ извѣстныхъ случаяхъ это самое женское -а можетъ стать отличіемъ сущ. м. р.: мр. сей собака и сущ. сложныя, какъ пали-вода, болг. нехрани-майка (дурной сынъ, некормящій матери). Эти послѣднія суть сущ. м. р., хотя первая ихъ половина неесть существительное, а вторая—существитель- 43
ное женское. Безъ сомнѣнія, преданіе основано на первоначальномъ соотвѣтствіи звука и душевнаго движенія въ звукѣ, предшедствующемъ

слову; но основаніе это остается неизвѣстнымъ, а если бы и было извѣстно, то само по себѣ немогло бы объяснить позднѣйшаго значенія звука. Такимъ образомъ для насъ въ словѣ все зависитъ отъ употребленія (Буслаевъ. Грам. § 7). Употребленіе включаетъ въ себя и созданіе слова, такъ какъ созданіе есть лишь первый случай употребленія.

Послѣ этого спрашивается, какъ возможно, что значеніе, все равно, вещественное, или формальное, возникаетъ и сохраняется въ теченіе вѣковъ при столь слабой поддержкѣ со стороны звука? Въ одномъ словѣ это и невозможно, но одного изолированнаго слова въ дѣйствительности и небываетъ. Въ ней есть только рѣчь. Значеніе слова возможно только въ рѣчи. Вырванное изъ связи слово мертво, нефункціонируетъ, необнаруживаетъ ни своихъ лексическихъ, ни, тѣмъ болѣе, формальныхъ свойствъ, потому что ихъ неимѣетъ (Humb. ueber Veschied. 207; Steinth.. Charakteristik. 318—19, Буслаевъ, Грам. § 1). Слово конь внѣ связи неесть ни именительный, ни винительный ед., ни родительный множ.; строго говоря, это даже вовсе не слово, а пустой звукъ; но въ „къдѣ есть конь мой?“ это есть именительный; въ „помяну конь свой“, „повелѣ осѣдлати конь“ это винительный; въ „отбѣгоша конь своихъ„— родительный множественнаго. Рѣчь въ вышеупомянутомъ смыслѣ вовсе нетождественна съ простымъ или сложнымъ предложеніемъ. Съ другой стороны она не-есть непремѣнно „рядъ соединенныхъ предложеній“ (Буслаевъ, Гр. § 1), потому что можетъ быть и однимъ предложеніемъ. Она есть такое сочетаніе словъ, изъ котораго видно, и то, какъ увидимъ, лишь до нѣкоторой степени, значеніе входящихъ въ него элементовъ. Такимъ образомъ „хочю ити“ въ стар. русскомъ не-есть еще рѣчь, такъ какъ непоказываетъ, есть-ли „хочю“ вещественное слово
44 (volo), или чисто формальное обозначеніе будущаго времени. Итакъ, что такое рѣчь, это можетъ быть опредѣлено только для каждаго случая отдѣльно.

Изслѣдователь обязанъ сообразжаться съ упомянутымъ свойствомъ языка. Для полнаго объясненія онъ долженъ брать не искуственный препаратъ, а настоящее живое слово. Нарушеніе этого правила видимъ въ томъ, когда посылкою заключенія о функціи слова служитъ не дѣйствительное слово съ однимъ значеніемъ въ вышеопредѣленномъ смыслѣ, а отвлеченіе какъ напр. въ слѣдующемъ: „Русская форма знай получаетъ въ рѣчи смыслъ желательный, или повелительный, или наконецъ условный“... „Изъ истиннаго (!) пониманія грамматическаго значенія формы, какъ формы, мы легко могли объяснить и тѣ частныя значенія, которыя она можетъ имѣть въ живой рѣчи, мы поняли настоящій смыслъ и объемъ его употребленія въ языкѣ. Теперь спрашивается: имѣемъ-ли мы право назвать его формою повелительнаго наклоненія, или желательнаго, или условнаго? Ровно никакого. Это значило бы отказаться отъ пониманія существеннаго грамматическаго ея зна-

ченія и ограничить ея разнообразное употребленіе въ рѣчи однимъ какимъ либо случайнымъ значеніемъ. И въ самомъ дѣлѣ: на какомъ основаніи эту форму мы назвали бы наклоненіемъ повелительнымъ, когда ею-же выражается въ языкѣ и желаніе, и условіе? Почему неназвать бы ея желательнымъ наклоненіемъ? Почему неназвать бы ея также наклоненіемъ условнымъ? Мы неможемъ согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ ученыхъ, которые утверждаютъ, что этою „*общею личною формою глагола*“ (въ этомъ ея сущность, по мнѣнію автора приводимыхъ строкъ), выражается повелѣніе, а желаніе и условіе—такъ-себѣ, какъ оттѣнки повелѣнія. Да почему же повелѣніе и желаніе немогутъ быть быть оттѣнками условія?“ (Н. Некрасова, О значеніи формъ русскаго глагола, 106). Здѣсь истиннымъ пониманіемъ формы считается не пониманіе ея въ рѣчи, гдѣ она имѣетъ каждый разъ одно значеніе, т. е. говоря точнѣе, каждый разъ есть другая форма, а пониманіе экстрак- 45
та, сдѣланнаго изъ нѣсколькихъ различныхъ формъ. Какъ такой препаратъ, „знай“ оказывается не формою извѣстнаго лица и наклоненія, а „общею личною формою“. Такое отвлеченіе, а равно и вышеупомянутое общее значеніе корней и вообще „общее значеніе словъ“, какъ формальное, такъ и вещественное, есть только созданіе личной мысли и дѣйствительно существовать въ языкѣ неможетъ. Языкознаніе ненуждается въ этихъ „общихъ“ значеніяхъ. Въ одномъ ряду генетически связанныхъ между собою значеній, на пр. въ *знай* повелительномъ и условномъ, мы можемъ видѣть только частности, находящіяся въ извѣстныхъ отношеніяхъ одна къ другой. Общее въ языкознаніи важно и объективно только какъ результатъ сравненія не отдѣльныхъ значеній, а *рядовъ* значеній, при чемъ, этимъ общимъ бываютъ не сами значенія, а ихъ отношенія. Въ этихъ случаяхъ языкознаніе доводитъ до сознанія тѣ аналогіи, которымъ слѣдуетъ безсознательно творчество языка. На пр. когда говоримъ, что *подобенъ* въ значеніи приличенъ, красивъ, аналогично съ *пригожъ*, то мы неутверждаемъ ни того, что *по*=*при* или *доба*=*годъ*, ни выводимъ общаго изъ значеній этихъ словъ, а признавая эти слова различными величинами и непытаясь добыть изъ нихъ среднее число, поступаемъ по формулѣ a: b=c: d, т. е. уравниваемъ не значенія, а способъ ихъ перехода въ другія.

Но вышеупомянутому автору въ „знай“ кажется *существеннымъ* только то, что есть его личное мнѣніе, именно что это „общая личная форма“. Конечно, можно бы и неговорить объ этомъ заблужденіи, если бы для насъ оно непредставляло опасности и въ настоящее время. Мы неможемъ сказать, какъ Г. Курціусъ: „никто нестанетъ теперь, какъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, выводить употребленіе падежа или наклоненія изъ *основнаго понятія*, получаемаго отчасти философскимъ путемъ, посредствомъ примѣненія категорій. Теперь врядъ-ли кто-

46 либо упустить изъ виду то, что подобныя основныя понятія суть лишь формулы, добытыя посредствомъ отвлеченія изъ совокупности оттѣнковъ употребленія“ (Zur Chronologie d. Indogerm. Sprachf. 10).

Г. Некрасовъ думаетъ, что вышеупомянутое отвлеченіе есть субстанція, изъ которой вытекаютъ акциденціальныя частныя, т. е. по нашему единственныя дѣйствительныя значенія, и что, отказываясь отъ такой выдумки, онъ потеряетъ связь между этими частными значеніями и долженъ будетъ ограничиться однимъ изъ нихъ, отбросивши всѣ остальныя. Дѣйствительно, невозможно представить себѣ, что такъ называемыя частныя значенія сидятъ въ звукѣ вмѣстѣ и въ одно время, что конь есть вмѣстѣ и именит. и винит., что знай есть повелительное и въ тоже время условное. Но стараться понимать „форму какъ форму“, т. е. саму по себѣ, значитъ создавать небывалыя въ дѣйствительности и неопреодолимыя затрудненія. Слово въ каждый моментъ своей жизни есть одинъ актъ мысли. Его единство въ формальныхъ языкахъ ненарушается тѣмъ, что оно относится разомъ къ нѣсколькимъ категоріямъ напр. лица, времени, наклоненія. Невозможно совмѣщеніе въ одномъ пріемѣ мысли лишь двухъ взаимно исключающихъ себя категорій. Слово неможетъ стоять въ повелительномъ наклоненіи и въ тоже время въ условномъ, но оно можетъ стать условнымъ и тогда станетъ другимъ словомъ. Одно и тоже слово неможетъ быть въ тоже время нарѣчіемъ и союзомъ, и если говорятъ, что разница между этими словами состоитъ лишь въ синтактическомъ значеніи (Mikl. Vergl. Gr. IV, 151), то это лишь только повидимому мало, а въ сущности заключаетъ въ себѣ все различіе, какое можетъ существовать между словами, въ формальномъ отношеніи.

Различныя невыдуманныя значенія однозвучныхъ словъ того-же семейства относятся другъ къ другу не какъ общее и существенное къ частному и случайному, а какъ равно частныя и равно существенныя
47 предъидущія и послѣдующія. Жизнь словъ, генетически связанныхъ между собою, можно представить себѣ въ видѣ родословнаго дерева, въ коемь отецъ неесть субстанція, а сынъ не акциденсъ, въ коемъ нѣтъ такого средоточія, отъ разъясненія котораго зависѣло-бы все. Безъ предъидущаго слова немогло бы быть послѣдующаго, которое однако изъ одного предъидущаго никакимъ средствомъ выведено быть неможетъ, потому что оно не-есть преобразованіе готовой математической формулы, а нѣчто совершенно новое.

Если незахотимъ придать слову рѣчь слишкомъ широкаго значенія языка, то должны будемъ сказать, что и рѣчи, въ значеніи извѣстной совокупности предложеній, недостаточно для пониманія входящаго въ нее слова. Рѣчь въ свою очередь существуетъ лишь какъ часть бóльшаго цѣлаго, именно языка. Для пониманія рѣчи нужно присутствіе въ душѣ многочисленныхъ отношеній данныхъ въ этой

рѣчи явленій къ другимъ, которыя въ самый моментъ рѣчи остаются, какъ говорятъ, „за порогомъ сознанія“, неосвѣщаясь полнымъ его свѣтомъ. Употребляя именную или глагольную форму, я неперебираю всѣхъ формъ составляющихъ склоненіе или спряженіе; но тѣмъ неменѣе данная форма имѣетъ для меня смыслъ по мѣсту, которое она занимаетъ въ склоненіи или спряженіи (Humb. Ueb Versch. 261). Это есть требованіе практическаго знанія языка, которое, какъ извѣстно, совмѣстимо съ полнымъ почти отсутствіемъ знанія научнаго. Говорящій можетъ недавать себѣ отчета въ томъ, что есть въ его языкѣ склоненіе, и однако склоненіе въ немъ дѣйствительно существуетъ въ видѣ болѣе тѣсной ассоціаціи извѣстныхъ формъ между собою, чѣмъ съ другими формами. Безъ своего вѣдома говорящій при употребленіи даннаго слова принимаетъ въ соображеніе то большее, то меньшее число рядовъ явленій въ языкѣ. Напр. въ русскомъ литературномъ языкѣ творит. п. ед. находится въ равномѣрной связи съ другими падежами тогоже 48
склоненія и въ частности нестремится вызвать въ сознаніе ни одного изъ нихъ, такъ какъ явственно отличается отъ всѣхъ ихъ и въ звуковомъ отношеніи. Но въ лотышскомъ этотъ падежъ неимѣетъ особаго окончанія и совпадаетъ въ единствен. числѣ съ винительнымъ (grêku, грѣхъ, грѣхомъ), а въ множ. съ дательн. (grêkīm, грѣхамъ, грѣхами). Было бы ошибочно думать, что этотъ языкъ вовсе неимѣетъ категоріи творительнаго или, точнѣе говоря, группы категорій обозначаемыхъ именемъ творительнаго. Вслѣдствіе звукового смѣшенія творительнаго съ винительнымъ въ единственномъ, говорящій былъ бы наклоненъ смѣшивать въ одну группу категоріи творительнаго и винительнаго; но безсознательно справляясь со множественнымъ числомъ, подъ звуковою формою винительнаго множественнаго онъ ненаходитъ значеній, которыя мы обозначаемъ именемъ творительнаго, и отыскиваетъ эти значенія подъ звуковою формою дательнаго множ. ч. Такимъ образомъ въ говорящемъ по-лотышски особенность категоріи творительнаго поддерживается посредствомъ болѣе тѣсной ассоціаціи между единственнымъ и множественнымъ числомъ, чѣмъ въ русскомъ. — Когда говорю: „я кончилъ“, то совершенность этаго глагола сказывается мнѣ не непосредственно звуковымъ его составомъ, а тѣмъ что въ моемъ языкѣ есть другая подобная форма „кончалъ“, имѣющая значеніе несовершенное. Тоже и наоборотъ. Случаи, въ которыхъ совершенность и несовершенность приурочены къ двумъ различнымъ звуковымъ формамъ, поддерживаютъ въ говорящемъ наклонность различать эти значенія и тамъ, гдѣ они неразлучены звуками. Слѣдовательно, говоря „женю“ въ значеніи ли совершенномъ, или несовершенномъ, я нахожусь подъ вліяніемъ рядовъ явленій, образцами коихъ могутъ служить кончаю и кончу. Чѣмъ совершеннѣе становятся средства наблюденія, тѣмъ болѣе убѣждаемся, что связь между отдѣльными явленіями языка гораздо

тѣснѣе, чѣмъ кажется. Въ каждый моментъ рѣчи наша самодѣятельность направляется всею массою прежде созданнаго языка, при чемъ
49 конечно существуетъ разница въ степени вліянія однихъ явленій на другія. Такъ, говоря „кончилъ“ и „кончалъ“, я замѣтнымъ образомъ неподчиняюсь дѣйствію того отношенія между коньчити и коньчати въ стар. русскомъ, которое сказывается въ томъ, что нетолько аористъ коньчахъ, коньчаша, но и коньчати, коньчавъ и пр. мы принуждены переводить нашими совершенными формами: окончилъ, окончить, окончивши.

VI.

Формы этимологическія и синтактическія.

Сказанное выше о томъ, что нѣтъ формы, присутствіе и функція коей узнавались бы иначе, какъ по смыслу, т. е. по связи съ другими словами и формами въ рѣчи и языкѣ, заставляетъ думать, что нижеслѣдующее раздѣленіе формъ на этимологическія и синтактическія, хотя и имѣетъ въ основаніи дѣйствительное явленіе, но выражено сбивчиво и понимается ошибочно. Говорятъ, что „всѣ языки (т. е. флексивные) съ теченіемъ времени теряютъ или же искажаютъ этимологическія формы“ и что недостатокъ ихъ восполняютъ формами „синтаксическими, описательными, откуда явствуетъ, что въ исторіи языковъ первоначальное господство этимологіи уступаетъ мѣсто послѣдующему за нимъ господству синтаксиса, и притомъ синтаксиса въ его позднѣйшемъ видѣ, когда онъ основывается уже не на первоначальной этимологической формѣ, а на отвлеченномъ понятіи, ею выражаемомъ“ (Буслаевъ. Гр. § 117). Взглядъ на различіе формъ этимологическихъ и синтактическихъ зависитъ конечно отъ того, какъ понимать вообще дѣленіе грамматики на части. Буслаевъ смотритъ на это такимъ образомъ: Вопервыхъ, грамматика, по его мнѣнію, есть наука о языкѣ (§ 18), а не о формахъ только. Впрочемъ, здѣсь онъ самъ противорѣчитъ своему
50 опредѣленію, потому что посвящаетъ свою грамматику только формамъ, а не лексическому составу языка, да въ и томъ же параграфѣ, вслѣдъ за приведеннымъ опредѣленіемъ, говоритъ, что грамматика „отдѣльныя грамматическія формы подводитъ подъ общіе законы“. Во-вторыхъ, грамматику, именно какъ ученіе о формѣ языка, онъ дѣлитъ „на этимологію, или словопроизведеніе, и синтаксисъ, или словосочиненіе. Первая разсматриваетъ каждое слово въ отдѣльности, вторая разсматриваетъ слова во взаимномъ ихъ сочетаніи въ предложеніяхъ простыхъ и сложныхъ“. „Такъ какъ значеніе частей рѣчи и ихъ измѣненій опредѣляется въ синтаксической связи словъ, то этимологія не-

входитъ въ разсужденія объ этомъ предметѣ и ограничивается только звуковою частью реченій. Она разсматриваетъ сначала свойства звуковъ, потомъ образованіе словъ помощью производства и сложенія и наконецъ измѣненія словъ по склоненіемъ и спряженіямъ; синтаксисъ же объясняетъ значеніе и употребленіе частей рѣчи и ихъ измѣненій... Такимъ образомъ этимологія и синтаксисъ отдѣльно изслѣдуютъ то, что въ языкѣ существуетъ въ совокупности, именно членораздѣльные звуки и мысли, ими выражаемыя. Первое составляетъ предметъ этимологіи, второе—синтаксиса“ (Гр. § 19).

При такомъ пониманіи этимологіи невѣрно сказано, будьто она разсматриваетъ каждое слово въ отдѣльности; очевидно, слѣдовало сказать: слово, независимо отъ его роли въ предложеніи, потому что когда мы говоримъ: въ древне-славянскомъ языкѣ ни одно слово неоканчивалось на согласную, то конечно здѣсь рѣчь не объ отдѣльномъ словѣ. Это впрочемъ неточность выраженія; но и съ самимъ дѣленіемъ согласиться нельзя. Въ немъ на долю этимологіи выпали одни звуки, такъ что эта часть грамматики, согласно съ опредѣленіемъ, должна бы быть названа фонетикой. Однако Буслаевъ на практикѣ неслѣдуетъ своему опредѣленію. Напр. что можно бы сказать о неопредѣленномъ на -ти, совершенно отвлекаясь отъ „мысли“?—Что конечная гласная и предъ-
идущее ей *т* по нарѣчіямъ измѣняются такъ-то; что древнѣйшее дан- 51
ное ихъ произношеніе такое-то, а вѣроятное, открываемое извѣстными соображеніями, такое-то; что согласная предъ *т* измѣняется такъ-то, или неизмѣняется. Однимъ словомъ, съ чисто фонетической точки зрѣнія неопредѣленное на -ти совершенно исчезаетъ, остаются только отношенія звуковъ. То-ли говоритъ Буслаевъ объ этой формѣ въ отдѣлѣ словообразованія?—„Неопредѣленное наклоненіе есть существительное отъ глагола произведенное“ (§ 51). Развѣ это полное отвлеченіе отъ мысли? Можно бы сказать въ предѣлахъ этимологіи и больше, напр. опредѣлить падежъ, въ которомъ закоченѣло это существительное, и показать, какъ случилось, что именно этотъ падежъ повелъ къ нашей формѣ. Здѣсь не личная непослѣдовательность Буслаева. О подобныхъ вещахъ говорятъ и другіе въ отдѣлѣ этимологіи, потому что этимологія не фонетика. Послѣ того, какъ сказано въ фонетикѣ, что есть въ языкѣ *т* и *и*, что они сочетаемы, что д передъ т=с, для какой надобности еще повторяетъ, что есть нѣкое -ти напр. въ вести, брести.

Допустимъ, что этимологія „ограничивается только звуковою частью реченій“. Какой смыслъ имѣетъ при этомъ раздѣленіе формъ на этимологическія и синтактическія? Почему это напр. „окончанія склоненій разсматриваются въ этимологіи“, а „составъ описательной формы склоненій (одинъ членъ напр. le, или членъ съ предлогомъ напр. du=de-l) принадлежитъ синтаксису“ (§ 168)? Развѣ описательной формы нельзя разсматривать со стороны однихъ звуковъ? Развѣ, узко понимая

этимологію, какъ перечень звуковыхъ указаній на формы, безъ ихъ объясненія, послѣдовательно опускать въ этомъ перечнѣ указанія на формы, несоставляющія звуковаго единства, напр. буду дѣлать? Вѣдь отдѣльно взятыя буду и дѣлать указываютъ вовсе не на-то, на что ихъ сочетанія. Если непослѣдовательно, то почему буду дѣлать есть форма синтактическая?

52 Но, какъ сказано, содержаніе этимологіи другое. Слово состоитъ изъ членораздѣльныхъ звуковъ и значенія въ обширномъ смыслѣ, заключающемъ въ себѣ представленіе и значеніе. Поэтому вся область изученія языка наиболѣе естественно дѣлится на фонетику, разсматривающую внѣшнюю форму слова, звуки, предполагая ихъ знаменательность, но неостанавливаясь на ней, и ученіе о значеніи, въ которомъ, наоборотъ, вниманіе сосредоточено на значеніи, а звуки только предполагаются. Значеніе словъ, въ той мѣрѣ, въ какой оно составляетъ предметъ языкознанія, можетъ быть названо внутреннею ихъ формою, въ отличіе отъ внѣшней звуковой, иначе—способомъ представленія внѣязычнаго содержанія. Съ такой точки зрѣнія въ языкѣ нѣтъ ничего кромѣ формы внѣшней и внутренней (Steinth. Gr. Log. u. Ps.). Но извѣстные языки въ области своей внутренней формы дѣлаютъ различіе между представленіемъ содержанія и представленіемъ формы, въ какой оно мыслится. Этому въ языкознаніи соотвѣтствуетъ ученіе о значеніи въ тѣсномъ смыслѣ, или о вещественномъ значеніи, и ученіе о грамматическихъ формахъ. Каждое изъ этихъ двухъ дѣленій можетъ разсматриваться съ двухъ точекъ: этимологической и синтактической. Будетъ-ли передъ нами вещественное, или формальное значеніе слова, мы равно а) или опредѣляемъ его, что возможно только изъ контекста, изъ сочетанія его съ другими—точка синтактическая; б) или изыскиваемъ путь, которымъ языкъ дошелъ до этого значенія—точка этимологическая. Въ послѣднемъ случаѣ непремѣнно переходимъ за предѣлы даннаго слова, или формы, напр. показывая, чѣмъ было неопредѣленное наклоненіе, прежде чѣмъ стало само собою, мы говоримъ не о немъ, а о другихъ формахъ. Конечно, слова предшествующія по отношенію къ данному тоже должны быть опредѣлены синтактически и если это недѣлается, то предполагается сдѣланнымъ. Такимъ образомъ этимологія и синтаксисъ относятся другъ къ другу какъ исторія и описаніе современнаго состоянія; послѣднее объясняется первымъ. То, что по отношенію къ данному слову есть этимологія, то по отно-
53 шенію къ предшествующему—синтаксисъ. Точки зрѣнія этимологическая (историческая) и синтактическая (описательная) примѣняются и къ фонетикѣ, хотя здѣсь неносятъ этихъ названій и хотя здѣсь менѣе побужденій держать ихъ раздѣльно, по большей простотѣ предмета. И въ области значеній строгое раздѣленіе этимологіи и синтаксиса врядъ-ли возможно.

Чѣмъ яснѣе становится связь моментовъ жизни языка, тѣмъ менѣе нужнымъ кажется въ видахъ порядка и ясности далеко разносить объясненія этимологическія и синтактическія. Такъ какъ историчность есть существенная черта языкознанія и такъ какъ синтаксисъ есть моментъ исторіи языка, то неисторическое языкознаніе, какъ наука, неисторическая этимологія и историческій синтаксисъ равно немыслимы.

Вообще условіемъ годности опредѣленія этимологіи кажется, во-первыхъ, то, чтобы принято было въ соображеніе употребленіе этого слова объ изслѣдованіи вещественнаго значенія словъ, и во-вторыхъ, чтобы помѣстить этимологію въ ряду другихъ частей языкознанія такъ, чтобы она несовпадала съ фонетикой. Такое совпаденіе было-бы доказательствомъ невѣрности опредѣленія.

Затѣмъ возвращаюсь къ вышеприведенному положенію Буслаева объ отношеніи формъ этимологическихъ и синтактическихъ и о смѣнѣ господства этимологіи и синтатсиса.

Если держаться того, что этимологія и синтаксисъ суть лишь двѣ различныя точки зрѣнія на одно и тоже явленіе языка, а въ частности на грамматическую форму, то нельзя понять, почему форма, представляющая звуковое единство, имѣетъ болѣе права называться этимологическою, чѣмъ форма раздѣльная, такъ называемая описательная или синтактическая? И какъ съ возможностью разсматривать всякую форму синтактически примирить первоначальное господство этимологіи? Впрочемъ, говоря о первоначальномъ господствѣ этимологіи, Буслаевъ разумѣетъ, какъ кажется, уже не то, что формы съ самаго на- 54
чала бываютъ слитны, а нѣчто другое. Понятіе звуковой раздѣльности и слитности относительны. Въ обширномъ смыслѣ нетолько предложеніе, но и періодъ, суть звуковыя единства. Болѣе тѣсно звуковое единство сочетаній, легко разложимыхъ, какъ предложные падежи (по-воду, на-рѣкѣ) и какъ глагольныя формы, въ родѣ „буду-говорить“ напр. „казав-ѥси“. Еще тѣснѣе единство сочетаній, въ коихъ произошли уподобленія, сліянія, опущенія звуковъ, какъ въ мѣстоименномъ склоненіи (добраагo, доброго, dobrego и т. д.). Такимъ образомъ, формамъ слитнымъ какъ поль. znałem, мр. знатиму, серб. знаħу, предшествуютъ раздѣльныя зналъ ѥсмь и пр. Полное звуковое сліяніе здѣсь позже формальнаго значенія вспомогательнаго слова. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что такъ бывало и въ древнѣйшія времена, т. е. напр. что формы глагола ас-, ѥс- имѣли уже чисто-формальное значеніе прежде, чѣмъ слились съ темою другаго глагола для образованія аориста (вѣсъ, ведохъ). Слѣдовательно, если бы здѣсь была рѣчь лишь о раздѣльности и слитности, то о времени доисторическаго образованія формъ можно бы сказать словами Буслаева, только наоборотъ, что въ доисторическія времена господство синтаксиса (въ смыслѣ раздѣльности) смѣнилось господствомъ этимологіи. Конечно, признавая, что и въ древнѣй-

шія времена образованія формъ синтактическія отношенія имѣли такую-же важность, какъ и теперь, хотя съ тѣхъ поръ въ языкѣ многое измѣнилось, Буслаевъ различаетъ два вида синтаксиса: одинъ древнѣйшій, другой позднѣйшій, который „основывается уже не на первоначальной этимологической формѣ, а на отвлеченномъ понятіи ею выражаемомъ". И въ другомъ мѣстѣ: „синтаксическое употребленіе словъ бываетъ двоякое: 1) основанное на этимологической формѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ наглядное и 2) отступающее отъ этой формы по требованію мысли и потому отвлеченное" (§ 155). Съ такимъ раздѣленіемъ опять нельзя согласиться; примѣры, долженствующіе его подкрѣпить, намъ вовсе непоказываютъ его необходимости. Буслаевъ говоритъ: „въ древнѣйшемъ періодѣ мысль находится въ тѣснѣйшей связи съ этимологическою формою и потому синтаксическое употребленіе словъ основывается на этимологической формѣ, напр. числительныя пять, шесть, десять, имѣющія форму существительныхъ женскаго р. ед. ч., согласовались первоначально въ этомъ родѣ и числѣ съ мѣстоименіями, прилагательными и глаголами напр. въ Юрид. Ак. (XVII в.): „та десять копенъ описана". Въ новѣйшемъ періодѣ языкъ сочетаетъ слова независимо отъ этимологической формы, на основаніи только общаго
55 смысла, какой дается реченіямъ; потому напр. упомянутыя числительныя согласуются уже не въ женскомъ р. ед. ч., а въ среднемъ тогоже числа (напр. десять взято), или во множ. числѣ (десять взяты), на томъ основаніи, что эти числительныя принимаются въ отвлеченномъ смыслѣ числа вообще" (Гр. § 116). Такой отнюдъ не личный взглядъ высказанъ Буслаевымъ и раньше: „Исторія языка состоитъ въ непрестанномъ разрушеніи первоначальныхъ формъ языка, въ постепенномъ удаленіи сознанія народнаго отъ смысла, въ самомъ словѣ содержащагося"... „Исторія языка отказывается отъ оправданія выраженія четыре человѣка законами логики. Въ современномъ языкѣ не все признаетъ она логически правильнымъ и многое объясняетъ, какъ искаженіе и порчу первоначальной правильности; она скажетъ, что въ вышеприведенныхъ выраженіяхъ существительное дѣйствительно — въ двойственномъ числѣ; но когда произошло искаженіе этой формы, тогда, какъ остатокъ старины пришедшій въ забвеніе, двойственное число могло въ нѣкоторыхъ случаяхъ придаваться понятію и множественнаго числа. Такимъ образомъ, допуская въ позднѣйшемъ языкѣ безсмыслицу, исторія стремится объяснить ее искаженіемъ древнѣйшей правильной формы" (Разборъ соч. Срезневскаго „Мысли объ Ист. Русск. яз." въ Отеч. Зап. 1850, № 10, 42 и 44). Явленіе, о которомъ здѣсь рѣчь, свойственно нетолько формальной, но и лексической сторонѣ языка, при томъ во всѣ времена его развитія. Нѣтъ логическаго противорѣчія въ томъ, что человѣкъ по прозванію Цобегей неимѣетъ никакого отношенія къ воламъ, а люди Пушкарь, Сердюкъ, Бронникъ не пушкари и пр. Пушка-

ренко, Бронниковъ вовсе не сыновья Пушкаря и пр.; ибо эти прозвища давно перестали быть личными. Такимъ же образомъ въ десять взято, десять взяты видимъ не сочетаніе, „независимое отъ этимологической формы", а совсѣмъ иныя формы, сравнительно съ женск. един. десять, формы, которыя сочетаются соотвѣтственно своей природѣ. Безсмыслица въ сочетаніи четыре человѣка была бы тогда, когда бы окончанію -а въ „человѣка" разъ на всегда было присвоено значеніе двойственности; но на дѣлѣ забвеніе категоріи двойственности (два человѣка) было вмѣстѣ созданіемъ категоріи „нѣсколько" („два, три, четыре человѣка", но „пять человѣкъ", съ род. мн.), занимающей середину между единствомъ и множествомъ, которое по этому взгляду начинается съ пяти. Нѣкогда эту середину занимала двойственность. Для болѣе древнихъ ступеней развитія, сохранившихся у нѣкоторыхъ дикарей, какъ Тасманійцы, и даже у европейскихъ дѣтей, много (какъ и въ древнихъ индоевропейскихъ и др. языкахъ, имѣющихъ числа ед. дв. и множеств.) начинается съ трехъ, такъ что весь рядъ опредѣленныхъ для сознанія количествъ равномѣрно дѣлится на единство, двойственность и тройственность, служащую представленіемъ (образомъ) множественности, первоначально не безконечной, а очень ограниченной. Тейлоръ (Первобытн. культ. I, 243) указываетъ какъ на выраженіе той же мысли на дѣтскій стишокъ: „one-s none, two's some, three's many, four's a penny, five's a littl hundred" (одинъ—ничто, два нѣчто, три—много, четыре—пенни, пять—малая сотня); на замѣченное В. Гумбольдтомъ сходство между значеніемъ трехъ у дикарей и употребленіемъ трехъ для обозначенія высокой или превосходной степени въ индоевроп. языкахъ (terfelix, *τρισμέγιστος*, *τρικυμία* = трьвлънѥниѥ, *τριλαμπής* = трьсвѣтлъ; русск. по этому образцу—трезвонъ); на то что въ Египетскихъ іероглифахъ отвѣсная черта при изображеніи предмета означаетъ единство, двѣ такія черты—двойственность, три—неопредѣленно-большое число. Въ отличіе отъ мнѣнія о возможности несогласія между этимологич. формой и употребленіемъ, можно утверждать, что отношеніе мысли къ грамматической формѣ непохоже на то вѣрованіе, по которому душа, вылетѣвши изъ тѣла, смотритъ на него какъ на сброшенную одежду, нечувствуя на себѣ его тяжести. Мысль въ формальномъ языкѣ никогда неразрываетъ связи съ грамматическими формами: удаляясь отъ одной, она непремѣнно въ тоже время создаетъ другую. Синтактическія отношенія формы всегда согласны съ нею самою: она вѣдь и узнается по этимъ отношеніямъ. Въ говорящемъ никогда небываетъ несогласія между формою и ея сочетаніемъ, но для наблюдателя формы и вообще значенія распадаются на двѣ группы. Одни стоятъ, такъ сказать, на краю горизонта, такъ что за ними ничего невидно. Таковы слова этимологически-темныя, коимъ предшествующихъ наблюдатель незнаетъ и въ коихъ именно по-

тому онъ уже никакъ неможетъ усмотрѣть разлада между какимъ либо однимъ значеніемъ и другимъ. Другія ближе къ наблюдателю, заключаютъ въ себѣ явственныя указанія на свои предъидущія и тѣмъ даютъ наблюдателю поводъ къ ошибкѣ, состоящей въ томъ, что онъ, принявши эти предъидущія за неподвижныя, думаетъ, будто это сдѣлалъ самъ языкъ, будто въ самомъ языкѣ водворилось несогласіе между „значеніемъ и употребленіемъ", или между „этимологіею и синтаксисомъ" или еще иначе, между „началомъ этимологическимъ" и „логическимъ" (Буслаевъ, Гр. § 230), при чемъ первое отождествляет-
56 ся съ нагляднымъ а второе съ отвлеченнымъ. Въ сочетаніи „надѣяться на Бога" Буслаевъ видитъ „синтаксическое сочетаніе, основанное на этимологической формѣ и первоначальномъ воззрѣніи, лежащемъ въ ея основѣ", потому что этотъ глаголъ „означаетъ представленіе о положеніи чего нибудь на что нибудь" (какъ полагаться па что, или на кого); но „надѣяться чего" (какъ ожидать чего) сочетаніе, по его мнѣнію, основанное уже не на формѣ, а на отвлеченномъ понятіи, которое въ послѣдствіи было придано слову" (§ 116). „Перенесеніе слова отъ одного значенія къ другому расширяетъ смыслъ грамматической формы уже по требованію отвлеченной мысли... Ставя глаголъ надѣяться въ одинъ разрядъ съ синонимомъ ожидать, уже отвлекаемъ это первое слово отъ его собственнаго нагляднаго значенія, опредѣляемаго этимологическимъ составомъ" (ib. § 154). Съ нашей точки приведенные примѣры представляются въ такомъ видѣ: Въ „надѣяться на что" представленіе взято изъ значенія полагаться на что. Иначе, надежда здѣсь обозначена сходствомъ съ дѣйствіемъ опирающагося на что. Предметъ возбуждающій надежду, есть здѣсь нѣчто въ родѣ горы каменной („надѣюсь, полагаюсь, какъ на каменную гору"), стѣны нерушимой, почвы подъ ногами. Въ надѣяться чего напр. награды значеніе измѣнилось и можетъ быть приблизительно обозначено посредствомъ ожидать чего, какъ и въ мр., поль. сподіватись (и архаич. сподітись), spodziewać się съ родительнымъ, имѣющимъ здѣсь смыслъ мысленнаго движенія отъ предмета. Но развѣ представленіе осталось тоже? Ничуть. Оно взято изъ значенія „надѣяться", а не изъ того значенія, изъ коего въ надѣяться на... было взято представленіе надежды. Иначе: значеніе надѣяться чего обозначено сходствомъ съ тою надеждой, въ которой на первомъ планѣ не увѣренность, а ожиданіе. Это значеніе вовсе неимѣетъ отношенія къ „полагаться на что", ибо усмотрѣнное нами отношеніе есть отношеніе предъидущаго слова, а не этого. Въ „надѣяться чего" видимъ не рас-
57 ширеніе смысла грамматической формы „надѣяться на", а совершенно новую грамматическую форму, которая неможетъ несогласоваться съ синтактическимъ сочетаніемъ своимъ, потому что состоитъ именно въ этомъ сочетаніи съ родительнымъ. Если въ „надѣяться на что"

значеніе и сочетаніе опредѣляются этимологическимъ составомъ глагола, вліяніемъ слитнаго предлога, то развѣ неслѣдуетъ назвать этимологическимъ составомъ того обстоятельства, что въ надѣяться чего предлогъ на лишенъ прежней функціи, благодаря чему стало возможно сочетаніе глагола съ родительнымъ? Не мудрено, что въ этомъ сочетаніи нѣтъ согласія съ предъидущею, совсѣмъ другою грамматическою формою.

И въ какомъ отношеніи наша ошибка можетъ быть характеристична для позднѣйшаго языка? Конечно, всякое послѣдующее слово есть болѣе сложное произведеніе, чѣмъ предшествующее, именно потому, что послѣднее нужно для перваго, а не наоборотъ. Справедливо также, что отчасти можно измѣрить степень сложности двухъ значеній, принадлежащихъ даже къ различнымъ рядамъ. При этомъ подъ сложностью значеній разумѣемъ сложность, такъ сказать, лѣсовъ и подмостокъ, нужныхъ для сознанія значенія съ такой-то точки зрѣнія. Такъ напр. значеніе словъ сѣрый, бѣлый очевидно образовалось менѣе извилистымъ путемъ, чѣмъ многія обстоятельственныя названія цвѣтовъ въ родѣ „наваринскаго дыму съ пламенемъ", названія, которыя весьма часто, если не всегда, суть не излишніе синонимы, но доводятъ до сознанія до того времени незамѣчаемые оттѣнки и смѣшенія цвѣтовъ. Но, во-первыхъ, такого рода сложность послѣдующаго вещественнаго значенія неесть непремѣнно отвлеченность сравнительно съ предъидущимъ. Нынѣшняя ландшафтная живопись, именно въ силу своей большой сложности, какъ продукта мысли, сравнительно съ живописью предшествующихъ вѣковъ, по содержанію болѣе конкретна, чѣмъ эта послѣдняя. Почему же того же неможетъ быть и въ языкѣ? И дѣйствительно оказывается, что въ словѣ можно сознавать и сравнительно конкретное посредствомъ значеній сравнительно отвлеченныхъ, а не толь- 58
ко на оборотъ [1]). Во-вторыхъ, грамматическая форма, въ качествѣ отношенія, есть всегда нѣчто отвлеченное. Поэтому сравненіе грамматическихъ формъ между собою относительно отвлеченности покажетъ намъ только различіе въ степени, если еще покажетъ, а не различіе коренное. Отношеніе глагола къ объекту въ „надѣяться на Бога",

[1]) Пресловутая живописность древнихъ языковъ есть дѣтская игрушка грубаго издѣлія, сравнительно съ неисчерпаемыми средствами поэтической живописи, какія предлагаются поэту новыми языками, неисключая конечно французскаго, опороченнаго пристрастно нѣмцами за его мнимую непоэтичность. Настоящіе поэты, тѣ, для которыхъ поэзія есть дѣло жизни, а не школярство, теперь несочиняютъ на мертвыхъ яз. непотому, что незнаютъ этихъ языковъ (иные знаютъ) и непотому, что были бы непонятны (въ минуту вдохновенія этотъ вопросъ несуществуетъ), а потому, что эти языки своею неуклюжестью убили бы современную мысль. Переводъ современнаго стихотворенія на древній яз., кромѣ рѣдкихъ исключеній, былъ бы искаженіемъ или пародіею; но, насколько вообще переводъ съ одного языка на другой возможенъ, возможны хорошіе переводы древнихъ поэтическихъ произведеній на новые языки.

по мнѣнію Буслаева, наглядно, а въ „надѣяться награды" отвлеченно „по требованію мысли" (§ 155), какъ будто въ первомъ случаѣ мысль ничего нетребовала; но воззрѣніе, лежащее въ основаніи первой формы, не „первоначально" въ безусловномъ смыслѣ уже потому, что вообще форма неесть въ языкѣ явленіе первоначальное. Эта форма предполагаетъ другія формы, еще болѣе первоначальныя, по отношенію къ которымъ она могла бы быть названа отвлеченною. Слѣдовательно, если раздѣлимъ языкъ на два періода: предшествующій—значеній конкретныхъ и послѣдующій—значеній абстрактныхъ, то мы ничего невыиграемъ, если непокажемъ, съ какой именно точки начинается наша абстрактность, и если недокажемъ, что опредѣленная нами точка выбрана не произвольно. Впрочемъ, Буслаевъ противополагаетъ абстрактности не конкретность, а изобразительность: „въ исторіи языка періодъ изобразительнаго представленія предшествуетъ періоду отвлеченныхь понятій". (§ 156). Но изобразительность въ словѣ мы можемъ понимать, какъ достоинство способа обозначенія, а не какъ свойство обозначаемаго. Поэтому она можетъ противополагаться не отвлеченности значенія, а только неизобразительности [1]). Формы „надѣяться на Бога" и „надѣяться награды" въ нашемъ смыслѣ равно изобразительны, потому что обѣ равномѣрно указываютъ на значеніе, каждая на свое. Неизобразительность можетъ быть недостаткомъ личнаго языка, а не народнаго. Въ послѣднемъ изобразительность, пока онъ живъ, неоскудѣваетъ, потому что она тождественна съ понятностью слова. Послѣдняя, очевидно, независитъ отъ того, подлежитъли чувствамъ означаемое, или нѣтъ, просты ли средства обозначенія, или сложны.

---

[1]) Весьма обычно, по крайней мѣрѣ, было, вредное смѣшеніе свойствъ слова и свойствъ образа и понятія. Такъ въ одномъ учебникѣ (Стоюнина Руков. для теор. изуч. л-ры изд. 4) читаемъ: „Такія общія названія, или слова, которыя даютъ нѣкоторое понятіе о предметѣ, но немогутъ изобразить его формы, называются отвлеченными, или абстрактными. Степень ихъ отвлеченности неодинакова: они тѣмъ отвлеченнѣе, чѣмъ менѣе представляютъ признаковъ. Такъ (слово) растеніе отвлеченнѣе дерева"... „Имя собственное, напр. Іорданъ, подобно мѣстоименію, недаетъ намъ никакого понятія о предметѣ, т. е. незаключаетъ въ себѣ никакихъ признаковъ, слѣдовательно" (несмотря на конкретность) „менѣе, чѣмъ отвлеченное названіе, можетъ передать мнѣ видъ предмета или нарисовать его образъ"... Но: нѣтъ слова, которое могло бы „изобразить", нарисовать форму, видъ предмета, ибо слово можетъ имѣть или одинъ признакъ (представленіе), или неимѣть никакого. Изобразительность слова есть живость его представленія. Въ этомъ смыслѣ слово растеніе изобразительнѣе, чѣмъ слово дерево. Вообще самыя отвлеченныя значенія могутъ означаться словами со свѣжими, незатертыми представленіями [напр. судьба, небходимость, сила (областн. м. рус. силити вязать, напр. веревкою), логическое основаніе и пр.]. Наоборотъ самыя наглядныя значенія могутъ означаться словами безъ представленій: слова сосна, дубъ для обыкновеннаго сознанія стольже неизобразительны, какъ слово Іорданъ. Послѣднее лишено для насъ представленія непотому, что оно собственное: имена нарицательныя мо-

Возвратимся еще разъ къ оспариваемому нами положенію: „(Флексивные) языки съ теченіемъ времени теряютъ этимологическія формы, вмѣстѣ съ чѣмъ господство этимологіи смѣняется въ нихъ господствомъ синтаксиса“. Противъ того, что этимологія и синтаксисъ, какъ двѣ взаимно условливающія себя точки зрѣнія, нераздѣльны, такъ что нельзя допустить строя языка, выказывающаго господство этимологіи или синтаксиса, можно возразить, что вѣдь въ китайскомъ, какъ говорятъ, вся грамматика состоитъ въ синтаксисѣ, и этимологіи, какъ части грамматики, вовсе нѣтъ; что флексивные языки, повидимому, съ теченіемъ времени приближаются къ такому состоянію; что подъ господствомъ синтаксиса во флексивныхъ языкахъ разумѣются тѣ случаи, когда напр. число третьяго лица въ глаголѣ, взятомъ отдѣльно отъ мѣстоименія, неуказано (какъ въ литовскомъ arie, оретъ, орютъ), или когда родъ и число существительнаго необозначаются въ прилагательномъ, такъ что, какъ говорятъ, послѣднее вовсе несогласуется съ существительнымъ, какъ въ англійскомъ.

Но въ китайской грамматикѣ этимологія имѣетъ лишь другой характеръ, а не отсутствуетъ. Это языкъ, хотя и формальный, но неимѣющій и никогда неимѣвшій флексій. Въ немъ слово (говорятъ „корень“) безъ всякихъ приспособленій становится членомъ рѣчи (Steinth. Charakter. 133). Между тѣмъ флексивный языкъ никогда недоходитъ до такого состоянія и даже неприближается къ нему. „Продолжительное существованіе флексій въ такомъ языкѣ, его флексивная природа, уже опредѣлили извѣстнымъ образомъ (и навсегда) направленіе мысли въ языкѣ (hat dem Sprachsinn seine gestalt gegeben). Между духомъ народа, говорящаго такимъ языкомъ, духомъ сформированнымъ флексивностью языка, и внѣшнимъ видомъ этого языка (отсутствіемъ флексій) существуетъ только мнимое несоотвѣтствіе (Humb Ueber Verschied. 292—3).

гутъ быть лишены представленій, а имена собственныя могутъ ихъ имѣть, напр. Бобруйскъ, Бобрикъ, Боровскъ, Сосница и пр. Сравненіе собственныхъ именъ съ мѣстоименіями ошибочно. По своей указательности мѣстоименія одинаково отличны отъ именъ качественныхъ, какъ нарицательныхъ, такъ и собственныхъ; а по своей нарицательности, т. е. потому, что всякій городъ есть этотъ, тотъ, какъ всякій городъ называется городомъ, мѣстоименія сходны съ именами нарицательными, а не собственными. Собственность и нарицательность, общность и частность, какъ явленія языка, должны быть отличаемы отъ той разницы въ степеняхъ отвлеченности значеній (образовъ, понятій), которая опредѣлима лишь тогда, когда извѣстно, кому и въ какой моментъ принадлежитъ данный образъ или понятіе. Собственное имя можетъ быть связано для меня со значеніемъ чрезвычайно блѣднымъ, напр. городъ N.=такая то точка на картѣ или на земномъ шарѣ. Если я знаю одну породу сосны и одну дуба, то мои понятія о нихъ менѣе отвлеченны, чѣмъ ботаническія; но тотъ, въ комъ есть эти послѣднія, тѣмъ неменѣе, быть можетъ, способнѣе меня вызвать въ себѣ конкретные образы этихъ деревьевъ, въ свою очередь уступая въ этой способности пейзажисту.

59 Вообще, разсмотрѣвши выше приведенное мнѣніе о смѣнѣ господства этимологіи господствомъ синтаксиса, мы неберемъ себѣ изъ этого мнѣнія ничего, кромѣ сырыхъ фактовъ, лежащихъ въ его основаніи, именно: что a) звуковые элементы отдѣльныхъ формъ съ теченіемъ времени стираются; b) формы, какъ значенія, смѣняются другими; c) эти послѣднія могутъ состоять болѣе чѣмъ изъ одного слова и несоставлять звуковаго единства.

Противоположеніе этимологіи синтаксису есть лишь неудачное преобразованіе другой противоположности созданія и паденія формъ, или созданія и употребленія формъ, противоположности, къ которой и переходимъ.

VII.

Созданіе и разрушеніе грамматическихъ формъ.

Въ созданіи грамматическихъ формъ многое остается таинственнымъ; однако вѣрно, что оно неесть слѣдствіе той причины, на которую указываетъ Максъ Мюллеръ. Онъ говоритъ: „Въ Санскритскомъ винçати изъ дви-даçати, двадцать, мы имѣемъ примѣръ того, что называется фонетической порчей (corruption), разрушающей нетолько (внѣшнюю) форму языка, но и всю его природу. Какъ скоро эта порча обнаружится“ (слѣдовательно есть время, когда она необнаруживается; далѣе авторъ говоритъ, что есть языки, коимъ она совершенно чужда), „языкъ теряетъ то, что слѣдуетъ считать существеннымъ характеромъ человѣческой рѣчи, именно знаменательность каждаго ея элемента. Народъ, говорившій языкомъ, въ коемъ винçати — двадцать, столь-же мало думалъ при этомъ словѣ, что оно заключаетъ въ себѣ два и десять, какъ французъ о томъ, что въ vingt есть слова deux и dix. Поэтому языкъ, поддаваясь фонетическимъ измѣненіямъ вступаетъ въ новую
61 пору своего развитія. Жизнь ослабѣваетъ или совсѣмъ угасаетъ въ словахъ или частяхъ словъ, носящихъ на себѣ первые слѣды этихъ фонетическихъ преобразованій. Съ этой поры такія слова и ихъ части могутъ удерживаться въ языкѣ только искусственно, посредствомъ традиціи и, что особенно важно, съ этой поры начинается различеніе существенныхъ, или коренныхъ, и только формальныхъ, или грамматическихъ, составныхъ частей слова“. „Фонетическая порча ведетъ къ первому появленію, такъ называемыхъ грамматическихъ формъ“. (M. Müller, Vorl. über die Wiss. der Sprache. I Serie, 40—1). И такъ фонетическія измѣненія, это—болѣзнь, въ извѣстное время овладѣвающая языкомъ. Будучи направлена къ разрушенію языка (такъ какъ, по вышесказанному, она уничтожаетъ то, что въ немъ существенно), эта

болѣзнь его однако неуничтожаетъ, а напротивъ, какъ бы мимоходомъ, создаетъ то, чѣмъ формальные языки превосходятъ всѣ остальные, что въ нихъ есть высшаго и лучшаго не для посторонняго судьи, а для самого говорящаго; именно, эта болѣзнь создаетъ грамматическую форму. Возможно-ли это? Совершенно произвольно утвержденіе, что традиціонность въ языкѣ есть нѣчто искусственное, конвенціональное (ib. 42). Искусственность можетъ быть понята лишь какъ противень безыскусственности, подъ которою въ этомъ случаѣ мы могли бы разумѣть только непосредственную знаменательность звука; но такую знаменательность можемъ представить себѣ лишь въ безусловно первыхъ словахъ, которыя прямо возникли изъ патогномическихъ звуковъ. Уже во второмъ словѣ ряда звукъ значитъ нѣчто не потому, что онъ самъ по себѣ изобразителенъ, а потому что прежде онъ означалъ нѣчто другое. Уже здѣсь становится безразличнымъ, возникъ-ли этотъ звукъ первоначально въ самомъ говорящемъ, или переданъ извнѣ. Традиція одновременна съ самимъ языкомъ; она есть принадлежность всякаго языка, а не одного формальнаго, и никакъ неможетъ появляться только въ относительно позднее время. Искусственность предполагаетъ умыселъ, иначе она будетъ пустымъ словомъ; но въ традиціонности языка нѣтъ 62
умысла. Звуковая измѣнчивость есть тоже явленіе первоначальное, всеобщее, отнюдь не свойственное однимъ лишь формальнымъ языкамъ. Поэтому она также неможетъ считаться явленіемъ болѣзненнымъ, какъ и образованіе миѳовъ, которое, по Мюллеру, тоже есть болѣзнь языка. Еслибы эта измѣнчивость сама по себѣ способна была образовать грамматическія формы, то языки, имѣющіе свойство распадаться на нарѣчія, или что тоже, разростаться въ группы нарѣчій, т. е. всѣ языки безъ исключенія стали бы формальными, чего на дѣлѣ нѣтъ.

Кто думаетъ, что фонетическая порча производитъ грамматическія формы, тотъ долженъ бы думать, что она же ихъ разрушаетъ. По крайней мѣрѣ несомнѣнно, что звуковая измѣнчивость сопровождаетъ языкъ въ тотъ періодъ, который называютъ временемъ разрушенія формъ. Если принять, какъ это и дѣлаютъ, созданіе и разрушеніе формъ за явленія противоположныя, какъ математическое увеличеніе и уменьшеніе, то будетъ ясно, что одна и таже сила сама по себѣ неможетъ производить противоположныхъ явленій. Ясно, что тутъ что-то неладно,

Самъ Мюллеръ долженъ былъ признать косвенно, что звуковая измѣнчивость неесть самостоятельная разрушительно-творческая сила: „слова сопротивляются фонетической порчѣ, пока живы и вполнѣ понятны; но какъ скоро они, такъ сказать, теряютъ присутствіе духа, появляется въ нихъ и фонетическая порча, пораженныя коею части слова сохраняютъ лишь конвенціональное, искусственное существованіе и ссыхаются въ грамматическія формы“. (ib. 42). Слѣдовательно, фонетическая порча разрушаетъ только то, что ей позволяютъ разрушать.

Ея присутствіе или отсутствіе зависитъ отъ присутствія или отсутствія „духа“. Но если въ словѣ или его элементѣ нѣтъ духа, то оно вовсе несуществуетъ, какъ слово или какъ элементъ другого, и особенность формальнаго слова, т. е. то, почему оно формально, неможетъ быть
63 названа отсутствіемъ духа. Такимъ образомъ то, что Мюллеръ называетъ отсутствіемъ жизни въ словѣ и его непонятностью, есть только новое появленіе жизни, новая понятность: измѣненіе функціи слова, образованіе новаго слова изъ прежняго. Значитъ, духъ правитъ звукомъ въ словѣ. Согласно съ этимъ и грамматическая форма неесть муміеобразный остатокъ прежней жизни слова, а напротивъ, то, въ чемъ съ особою силою проявляется жизнь мысли въ словѣ. Было бы странно, если-бъ было иначе.

Членораздѣльный звукъ есть матеріалъ несравненно болѣе податливый, чѣмъ напр. глина, такъ какъ онъ неберется извнѣ, а производится самимъ человѣкомъ одновременно съ тѣмъ, чему онъ служитъ. Поэтому слѣдуетъ ожидать, что вліяніе звука на творчество мысли въ словѣ будетъ менѣе уловимо, чѣмъ вліяніе глины на дѣятельность ваятеля. Такъ оно и есть. Возьмемъ любой случай потери формы, напр. потерю причастія настоящаго дѣйствительнаго въ русскихъ говорахъ. [1]) Мы чувствуемъ, что смѣшеніе и безразличное употребленіе формъ, какъ *зная*, *знаючи*, *знаюче*, давно обнаружившееся въ письменности, небыло слѣдствіемъ какой либо физіологической необходимости. И теперь слухъ нашъ достаточно тонокъ для явственнаго разграниченія этихъ звуковъ, и никакія привычки и наклонности другихъ органовъ немѣшаютъ намъ произносить напр. *знаюче* вм. *знаючи* и наоборотъ. Смѣшеніе формъ въ этомъ случаѣ можемъ объяснить только психологическимъ мотивомъ, именно безсознательнымъ стремленіемъ къ образованію новой грамматической категоріи,—дѣепричастія. Такимъ образомъ и разрушеніе, и рожденіе формъ, равно какъ и вещественныхъ значеній, ближайшимъ образомъ зависятъ не отъ наклонностей внѣшнихъ органовъ слова, а отъ извѣстной потребности мысли, Конечно, и въ орга-
64 нахъ съ теченіемъ времени происходятъ измѣненія, но измѣненія эти, по крайней мѣрѣ во многихъ случаяхъ, состоятъ не въ огрубѣніи органовъ, а въ ихъ усовершенствованіи, которое могло бы повести лишь къ размноженію внѣшнихъ знаковъ формъ.

И такъ послѣ всего сказаннаго для насъ все-таки остается вопросомъ: что такое созданіе и разрушеніе грамматическихъ формъ, если точно то и другое характеризуетъ два различные періода въ жизни языка.?

„Въ періодъ образованія формъ, говоритъ В. Гумбольтъ, народы болѣе заняты самимъ языкомъ, чѣмъ его цѣлью т. е. тѣмъ, что онъ долженъ означать. Они усиливаются выразить мысль и это ихъ стре-

---

[1]) Прич. наст. въ нашъ литературный языкъ внесено изъ ст. славянскаго.

мленіе (Drang) вмѣстѣ съ вдохновительнымъ вліяніемъ удачи производитъ и поддерживаетъ ихъ творческую силу.... Это первоначальное преобладаніе стремленія создавать языкъ надъ стремленіемъ создавать живой духъ“ (т. е. духъ не какъ субстанцію, а какъ дѣятельность: создавать нѣчто выше названное тѣмъ, что долженъ означать языкъ)..., „сказывается въ томъ, что чѣмъ первобытнѣе (ursprünglicher) языки, тѣмъ богаче формами. Въ нѣкоторыхъ языкахъ обиліе формъ видимо переростаетъ потребность мысли. Поэтому оно умѣряется во время превращеній, испытываемыхъ языками подъ вліяніемъ болѣе зрѣлаго развитія мысли (Geistes-bildung). Періодъ созданія формъ оканчивается мгновеніемъ, когда языкъ какъ орудіе—на лицо, и тогда духу остается употреблять его и воплощаться въ немъ. Такъ и бываетъ въ дѣйствительности: способъ, какимъ духъ высказывается, употребляя языкъ какъ орудіе, сообщаетъ этому послѣднему цвѣтъ и характеръ“ (Humb. Ueber Versch. 195—6).

Два періода языка характеризуются здѣсь тѣмъ, что въ первомъ языкъ создается и самъ служитъ цѣлью, а во второмъ употребляется, становится средствомъ. Это должно бы объяснить, почему, какъ предполагаютъ, въ языкахъ формальныхъ настаетъ время уменьшенія формъ; однако вовсе необъясняетъ. Противоположности созданія и употребленія, цѣли и средства, какъ и выше разсмотрѣнная противоположность этимологіи и синтаксиса, имѣютъ субъективное значеніе: это не раз- 65
личные періоды языка, а различныя точки зрѣнія на одинъ и тотъ же періодъ. По мысли самого Гумбольта, языкъ отличается отъ всякаго внѣшняго орудія тѣмъ, что послѣднее сначала дѣлается для извѣстной внѣшней цѣли, т. е, сначала само служитъ цѣлью дѣятельности, а потомъ употребляется, и отъ этого портится. Такое орудіе безъ внѣшней цѣли немыслимо, между тѣмъ главная цѣль языка (извѣстное преобразованіе мысли говорящаго) заключена въ немъ самомъ. Нельзя себѣ представить момента рѣчи, который бы небылъ въ тоже время актомъ объективированія, сознанія, толкованія мысли и который неизмѣнялъ бы въ тоже время языка, хотя мы замѣчаемъ эти измѣненія лишь тогда, когда они достигаютъ значительной величины. Поэтому языкъ всегда есть столько же цѣль, сколько средство, на столько-же создается, на сколько употребляется. Немыслимо, чтобы человѣкъ, говоря, имѣлъ въ виду будущія цѣли своей мысли, а не насущныя ея потребности; чтобы онъ могъ отвлекаться отъ обозначаемаго словомъ иначе, какъ становясь наблюдателемъ явленій языка. Во всѣ времена человѣкъ, говоря, усиливается выразить свою мысль, т. е. довести ее до извѣстной степени ясности, связать ее съ прежними актами своего мышленія.

Самъ Гумбольтъ говоритъ, что „было бы ошибочно думать, что періоды языка, рѣзко разграниченные здѣсь для большей ясности, такъ

разграничены и въ дѣйствительности. Постоянная работа духа, состоящая въ употребленіи языка, оказываетъ непрерывное вліяніе на самое строеніе языка, на созданіе формъ; но вліяніе это тоньше (feiner) и при первомъ взглядѣ иногда ускользаетъ отъ вниманія. Ни одного періода въ жизни человѣчества или народа нельзя считать исключительно предназначеннымъ для развитія языка". Если употребленіе есть тоже созданіе, то и прежнее утвержденіе, что народъ сначала создаетъ языкъ, а потомъ употребляя сообщаетъ ему свои особенности, рушится само собою: „образъ мысли народа (Denk-und Sin-
66 nesart), сообщающій языку цвѣтъ и характеръ, дѣйствуетъ на языкъ уже съ перваго начала" (Humb. ib. 196).

Затѣмъ, повидимому, отбросивши противорѣчія, въ которыя вовлекла противоположность періодовъ увеличенія формъ, Гумбольтъ опять возвращается къ этому „факту" и неспрашивая, точно-ли это фактъ, пытается дать ему новое объясненіе. „Чѣмъ далѣе зашелъ языкъ въ дѣлѣ строенія грамматическихъ формъ, тѣмъ менѣе представляется случаевъ, требующихъ новаго рѣшенія. Поэтому борьба съ выраженіемъ мысли становится менѣе упорною; чѣмъ болѣе духъ пользуется тѣмъ, что уже имъ создано, тѣмъ болѣе ослабѣваетъ его стремленіе къ творчеству, его творческая сила. Съ другой стороны, возрастаетъ количество созданнаго и вошедшаго въ постройку матеріала и эта внѣшняя масса теперь" (съ неопредѣленной точки, съ которой начинается ослабленіе творчества въ языкѣ?) „въ свою очередь дѣйствующая на духъ, налагаетъ на него свои собственные законы и сдерживаетъ свободное и самостоятельное вліяніе интеллигенціи. Въ этихъ двухъ пунктахъ" (въ уменьшеніи творчества, по мѣрѣ уменьшенія числа задачъ его вызывающихъ, и увеличеніи вліянія того, что прежде создан.) „заключается то, что въ вышеприведенномъ различіи (двухъ періодовъ языка) принадлежитъ не личному взгляду, а дѣйствительной сущности вещей" (ib. 196—7). Допустивши, что уменьшеніе творчества, несмотря ни на что, несомнѣнно, мы спросимъ, точно-ли въ языкахъ съ теченіемъ времени представляется все менѣе и менѣе случаевъ, требующихъ новаго рѣшенія? Наблюденіе свидѣтельствуетъ о непрерывномъ измѣненіи языковъ во всѣхъ частяхъ ихъ строенія. Языкъ постоянно остается посредникомъ между познаннымъ и вновь познаваемымъ. Какъ вещественныя значенія, такъ и формы должны быть разсматриваемы, какъ средства и вмѣстѣ акты познанія. Если міръ, какъ мы вѣримъ, неисчерпаемъ для познанія и если вѣрно, что неможетъ быть найдено предѣловъ лексическому развитію языка, то нельзя назначить и черты ограничиваю-
67 щей количество и качество возможныхъ въ формальномъ языкѣ категорій. Съ другой стороны, если даже допустимъ невѣроятное, что количество предстоящихъ задачъ напередъ извѣстно народной мысли; то нельзя будетъ понять, почему задачи эти представляются этой мысли

все рѣже, по мѣрѣ приближенія къ своему концу, почему творчество неостается въ тойже силѣ до самаго своего объективнаго предѣла? Сила отдѣльнаго человѣка ослабѣваетъ непотому, что онъ доходитъ до цѣли, а потому и по мѣрѣ того, какъ онъ тратитъ ее на совершеніе пути. Силы же народа, къ коимъ принадлежитъ творчество въ языкѣ, отличаются отъ единичныхъ силъ тѣмъ, что, при равно благопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ, возстановляются нарожденіемъ новыхъ поколѣній. Поэтому ослабленіе творчества языка, если оно есть, можетъ происходить не отъ уменьшенія количества предстоящихъ задачъ, не отъ близости цѣли, а развѣ отъ другихъ причинъ.

Другого утвержденія Гумбольта, что сила творчества въ языкѣ находится въ обратномъ отношеніи къ массѣ созданнаго языка, что чѣмъ больше эта масса, тѣмъ меньше вліяніе на языкъ интеллигенціи [1]), тоже нельзя объяснить никакимъ сравненіемъ. Наибольшее сходство языкъ представляетъ съ искусствомъ и наукою, которыя предполагаютъ его существованіе и возникаютъ при его посредствѣ, но, какъ извѣстно, его незамѣняютъ. Въ наукѣ масса познаннаго находится не въ обратномъ, а въ прямомъ отношеніи, если не къ энергіи познавательной дѣятельности, для измѣренія коей у насъ нѣтъ средствъ, то къ успѣхамъ ея. Нельзя отвергать возможности ослабленія или застоя этой дѣятельности, но то и другое можетъ происходить отъ ухудшенія породы, отъ причиненнаго внѣшними вліяніями перерыва въ преданіи [2]).

---

[1]) Подъ которой можемъ разумѣть здѣсь лишь совокупность способностей народа, создающихъ языкъ.

[2]) „Преобладаніе практическаго направленія въ языкѣ можетъ навязывать ему сокращенія, опущенія формальныхъ словъ, эллипсы всякаго рода, ибо когда имѣютъ въ виду одно только взаимное пониманіе, то пренебрегаютъ всѣмъ непосредственно ненужнымъ для этого“ (Humb. ib. 290). Мысль эта приводится Гумбольдтомъ въ связь съ противоположностью созданія и употребленія языка, но ее слѣдуетъ освободить отъ этой связи, ибо и въ упомянутыхъ явленіяхъ есть своего рода творчество. Можно представить себѣ часть народа въ такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ, при которыхъ всѣ интересы сосредоточены на немногихъ ближайшихъ потребностяхъ, когда быстрое теченіе дѣлъ недаетъ сроку расширить кругъ мысли, воспользоваться всѣмъ прежде добытымъ ею запасомъ. Результаты такого состоянія вмѣстѣ съ вліяніемъ посторонняго языка мы видимъ въ безобразномъ и бѣдномъ русско-китайскомъ кяхтинскомъ говорѣ (Изв. II отд. А. Н. II, 370). „Приспособленный къ спеціальной цѣли своей и выгодно, съ блестящимъ успѣхомъ служа ей, языкъ этотъ къ другимъ приспособленіямъ уже неспособенъ, для иныхъ распросовъ помимо торговыхъ негодится“. (Максимовъ, Поѣздка на Амуръ, 488). Механическое смѣшеніе народностей особенно благопріятствуетъ возникновенію такихъ говоровъ; но они могутъ образоваться и среди однороднаго населенія, группами, которыя выдѣлены изъ массы извѣстными односторонними интересами. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что такіе исключительно практическіе говоры при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ могутъ далеко распространять свое вліяніе. Такое вліяніе по истинѣ можно бы назвать явленіемъ ненормальнымъ и болѣзненнымъ, при чемъ, само собою, оно неможетъ быть возведено на степень всеобщаго двигателя развитія языка.

*

68 Въ этомъ случаѣ прежде добытое мыслью теряется для нея въ большей или меньшей мѣрѣ; но вообще количество процентовъ мысли увеличивается съ увеличеніемъ капитала. Въ частности это относится и къ языку. Самъ по себѣ языкъ содѣйствуетъ непрерывности преданія, постоянству въ капитализаціи мысли, и если преданіе порою прерывается, то онъ въ этомъ неповиненъ. Масса созданнаго увеличивается въ языкѣ и въ то время, которое называютъ временемъ созданія по преимуществу. Если принять вышеупомянутое обратное отношеніе, то какъ понять, что увеличеніе массы созданнаго въ одно время сопровождалось созданіемъ формъ, а послѣ—ихъ разрушеніемъ?

За исключеніемъ случаевъ нарушенія непрерывности преданія въ языкѣ, все остальное, совершающееся въ немъ, можетъ быть понято лишь какъ слѣдствіе усложненія мысли. Съ этой точки зрѣнія разсмотримъ такъ называемый фактъ паденія формъ въ формальныхъ языкахъ. Трудно болѣе заподозрить дѣйствительность этого факта, чѣмъ это сдѣлалъ самъ Гумбольдтъ: „Отъ предполагаемаго индоевропейскаго языка пошелъ цѣлый рядъ языковъ, служащихъ органами высшей въ свѣтѣ цивилизаціи“. Причина этому должна заключаться въ томъ, что „строеніе этихъ языковъ наиболѣе соотвѣтствуетъ потребностямъ духа, наиболѣе возбуждаетъ его дѣятельность и потому сохраняетъ наибо-
69 лѣе прочную силу производить новыя образованія, вызываемыя теченіемъ времени и (внѣшними) судьбами народовъ“ (Humb. ib. 253). Сущность этого строенія состоитъ въ томъ, что каждое слово этихъ языковъ носитъ на себѣ печать опредѣленной грамматической категоріи (ib. 185), изъ коихъ наиболѣе выдающіяся и важныя суть глаголъ, союзъ и мѣстоименіе относительное. Эти части рѣчи, будучи, подобно всѣмъ остальнымъ, слѣдствіемъ синтеза, въ тоже время въ большей мѣрѣ, чѣмъ остальныя, имѣютъ синтезъ своею грамматическою функціею. Глаголъ создаетъ предложеніе, союзъ и мѣстоименіе относительное связываютъ предложенія въ высшія и болѣе сложныя единицы.

„Но какимъ образомъ согласить то, что плодотворное жизненное начало (Индоевропейскихъ) языковъ состоитъ въ ихъ флексивности, съ тѣмъ явленіемъ, что богатство флексій свойственно именно юношескому возрасту жизни языковъ, а съ теченіемъ времени исподоволь уменьшается? По меньшей мѣрѣ странно то, что начало ослабѣвающее (флексивность) есть вмѣстѣ съ тѣмъ начало охранительное. Между тѣмъ стиранье (das abschleifen) флексій есть неоспоримый фактъ (ib. 289)“.

Фактъ состоитъ въ стираньи флексій, разсматриваемыхъ какъ зву-
70 ковые элементы, но не въ уменьшеніи общаго количества формъ и не въ потерѣ формальности въ языкахъ ее выработавшихъ. Грамматическая форма, какъ было уже сказано, со своего появленія и во всѣ послѣдующіе періоды языка есть значеніе, а не звукъ. Формальность язы-

ка есть существованіе въ немъ общихъ разрядовъ, по которымъ распредѣляется частное содержаніе языка, одновременно съ своимъ появленіемъ въ мысли. Ежеминутно распредѣляя содержаніе своей мысли въ языкѣ по разрядамъ, невозможно утратить привычки къ такой классификаціи, а напротивъ можно только все болѣе и болѣе укоренять въ себѣ эту привычку. Придерживаясь сравненія языка съ наукою, мы a priori найдемъ вѣроятнымъ, что съ теченіемъ времени извѣстные грамматическіе разряды могутъ оказываться несовмѣстными съ удобствомъ мысли, подобно тому какъ извѣстныя научныя дѣленія уничтожаются по мѣрѣ успѣховъ знанія. Такое сравненіе заставляетъ насъ усумниться въ основательности того сожалѣнія (напоминающаго печальное вѣрованіе въ смѣну золотаго вѣка вѣками менѣе благородныхъ металловъ), съ которымъ нерѣдко говорилось о потерѣ формъ въ языкахъ [1]). Если въ наукѣ уничтоженіе извѣстныхъ дѣленій есть выигрышъ мысли, то того-же слѣдуетъ ожидать и отъ уничтоженія извѣстныхъ грамматическихъ категорій, разумѣется, при непрерывности преданія въ языкѣ. Тутъ есть однако нѣкоторая разница. Наука вся находится въ области критической мысли. Измѣненія въ наукѣ всегда имѣютъ ясно сознанныя основанія. Между тѣмъ языкъ, будучи орудіемъ сознанія, самъ по себѣ есть созданіе безсознательное. 71
Говорящему ясно то, до чего доводитъ его языкъ, но путь, которымъ идетъ при этомъ языкъ, неясенъ. Поэтому говорящій, содѣйствуя уничтоженію извѣстной грамматической категоріи, никогда незнаетъ, почему онъ это дѣлаетъ и какую пользу отъ этого получаетъ. Только для науки о языкѣ, а не для созданія и употребленія слова, важно

[1]) Буслаевъ въ разборѣ „Мыслей объ ист. Русск. яз." Срезневскаго (Отеч. Зап. 1850, № 10, 32—3) говоритъ: „И древнѣйшіе письменные памятники (славян. яз.) несохранили намъ золотого вѣка процвѣтавшаго языка". Совершенство языка этихъ памятниковъ „только яснѣе доказываетъ, что прежде, въ эпоху недосягаемую, языкъ могъ быть еще совершеннѣе въ своемъ грамматическомъ построеніи; что древнѣйшія формы языка суть такія же развалины первоначальнаго организма, какъ и языкъ нынѣшній, развѣ только свѣжѣе, и нестоль обезображенныя наростами и обломками отъ теченія вѣковъ, какъ послѣдній". „Исторія литературы, искусствъ, наукъ развивается вмѣстѣ съ жизнью народа... Нетакова исторія языка. Съ усовершенствованіемъ народа въ умственномъ и политическомъ отношеніяхъ, языкъ уже недвигается впередъ, несовершенствуется въ своихъ формахъ, непріобрѣтаетъ новыхъ сочетаній звуковъ, но даже теряетъ мало по малу и тѣ богатства, какія имѣлъ искони. Только въ одномъ отражается на языкѣ совершенствованіе народное, именно въ большей правильности и ясности при изложеніи мыслей въ рѣчи. Но это-уже не отъ совершенствованія языка, а отъ стремленія подчинить безсознательно употребляемыя формы языка отвлеченной мысли... Съ совершенствованіемъ народа языкъ можетъ измѣняться, искажаться, но недвигается впередъ, ибо онъ единожды навсегда созданъ высшею творческою силою и, подобно природѣ внѣшней, можетъ быть примѣняемъ къ потребностямъ человѣка, но, какъ таже природа, онъ неможетъ принимать постояннаго участія въ движеніи историческихъ судебъ народа" (ib. 40—1). Въ отличіе отъ этого, мы думаемъ, что нѣтъ противоположности въ развитіи культуры и языка.

рѣшеніе этихъ вопросовъ. Но языкознаніе только ищетъ этого рѣшенія и рѣдко его находитъ. Отвѣтить на вопросъ о значеніи данной формы или ея отсутствія для мысли было бы возможно лишь тогда, когда бы можно связать эту форму съ остальными формами даннаго строя языка, связать такимъ образомъ, чтобы по одной формѣ можно было заключить о свойствѣ если не всѣхъ, то многихъ остальныхъ. До сихъ поръ языкознаніе большею частію принуждено вращаться въ кругу элементарныхъ наблюденій надъ разрозненными явленіями языка и даетъ намъ право лишь надѣяться, что дальнѣйшія комбинаціи этихъ явленій отъ него неуйдутъ. Покамѣстъ возможны лишь шаткія заключенія о роли даннаго явленія въ общемъ механизмѣ словесной мысли извѣстнаго періода, такъ какъ мы умѣемъ читать лишь самыя грубыя указанія на родство явленій. Такъ напр. мы нашли въ словѣ лелѣять удвоеніе извѣстнаго рода и по этой нити дошли до заключенія, что Русскій языкъ вмѣстѣ со многими другими предполагаетъ такую-то категорію интенсивности глагола; что такой самой категоріи въ настоящее время нѣтъ, такъ какъ ее неслѣдуетъ смѣшивать съ интенсивностью, обозначаемою посредствомъ именныхъ суффиксовъ. Съ предполагаемою категоріею случилось нѣчто въ родѣ превращенія живаго организма въ почву; но въ языкознаніи большею частью нельзя еще сказать (продолжая сравненіе), какого рода растительности благопріятствуетъ почва, заключающая въ себѣ такія-то составныя части? что именно должно слѣдовать за разрушеніемъ напр. категоріи интенсивности?

Такимъ состояніемъ знанія объясняется существованіе взгляда, ко-
72 торый въ превращеніи извѣстнаго созданія языка, такъ сказать, въ почву видитъ смерть и болѣе ничего; въ прошедшемъ языка, обладавшемъ двойственнымъ числомъ, аористами, имперфектомъ, будущими, составлявшими звуковое единство и т. п. находитъ тонкость мысли и богатство, а въ настоящемъ этого языка, лишеннаго упомянутыхъ формъ,— грубость и бѣдность. Но объясненіе взгляда неесть его оправданіе. Чтобы оправдать такой взглядъ, нужно бы предположить: или, что съ теченіемъ времени сила, создающая языкъ, освобождается изъ него для другой дѣятельности, при чемъ языкъ перестаетъ быть орудіемъ мысли, какимъ онъ былъ сначала; или, что языкъ изъятъ изъ области закона природы, по которому смерть есть начало новой жизни. То и другое несправедливо. Болѣе обѣщаетъ убѣжденіе, что за потерею формы слѣдуетъ рожденіе новой, при чемъ въ результатѣ получится одно изъ двухъ: а) отдѣльная грамматическая форма, подобно растительной и животной, можетъ непосредственно перерождаться въ другую. Напр. говоря „два, три, четыре рубля“, мы относимъ существительное къ категоріи, которую обозначаемъ посредствомъ „нѣсколько“ (больше одного и меньше пяти) и которая непосредственно предполагаетъ суще-

ствованіе категоріи двойственности. б) Грамматическая форма неизбѣжно входитъ въ строй языка, лежащій въ основаніи послѣдующаго строя, но сама можетъ исчезать, неоставляя непосредственнаго остатка въ другой формѣ, подобно тому какъ окончательно вымираютъ нѣкоторые роды растеній и животныхъ. Возможно, что нѣкоторыя породы кислицы, дикой груши, собаки, овцы вымерли, неоставивши никакого слѣда въ родословной нынѣ существующихъ породъ этихъ растеній и животныхъ; но отъ этого далеко до общаго вымиранія формъ или сведенія ихъ къ немногимъ. Напротивъ, число породъ воспитываемыхъ человѣкомъ растеній и животныхъ постоянно увеличивается. Такъ и въ языкѣ изъ вымиранья нѣкоторыхъ формъ безъ видимаго остатка неслѣдуетъ, что количество формальныхъ оттѣнковъ, различаемыхъ въ рѣчи, уменьшается. По крайней мѣрѣ, если это уменьшеніе дѣйствительно су- 73
ществуетъ, если точно мысль въ языкѣ довольствуется немногими разрядами вмѣсто множества прежнихъ, то это должно быть лучше доказано, чѣмъ было до сихъ поръ. Безъ лучшихъ доказательствъ мы этому неповѣримъ, ибо примѣръ науки говоритъ намъ, что съ увеличеніемъ способности къ отвлеченному мышленію и съ увеличеніемъ запаса знаній многія дѣленія и категоріи оказываются негодными и отбрасываются, но за то являются новыя, такъ что въ развитіи наукъ нѣтъ никакой возможности говорить о противоположности періода возникновенія и паденія общихъ понятій.

Какимъ образомъ доходятъ до мысли о паденіи грамматическихъ формъ? Берутъ напр. схемы склоненій въ трехъ періодахъ языка и сосчитываютъ въ каждомъ отдѣльно различныя по звукамъ окончанія. Оказывается, положимъ, что въ древнемъ верхенѣмецкомъ языкѣ такихъ окончаній было 40, въ среднемъ 20, въ новомъ 5—6. Отсюда выводъ, повидимому, несомнѣнный: паденіе формъ. Но здѣсь за форму принятъ ея внѣшній знакъ, тогда какъ форма есть значеніе; сосчитано число внѣшнихъ знаковъ извѣстнаго рода, но непоказано, что эти знаки достаточно различались по своему значенію и что присутствіе ихъ въ языкѣ было признакомъ богатства и порядка, а не лишнимъ бременемъ для мысли; что, если они и различались достаточно, то незамѣнились ли какими либо другими указаніями на форму? Число формъ т. е. формальныхъ значеній въ разныхъ періодахъ языка вовсе несосчитано [1]). Между тѣмъ, чтобы доказать, что число формъ уменьшает-

[1]) На пр. непринято въ разсчетъ такое блистательное доказательство творчества языка въ относительно новое время, какъ обозначеніе зависимыхъ, несокращенныхъ предложеній, въ отличіе отъ главныхъ, посредствомъ инверсіи: ich habe dieses buch gelesen,—dass (weil, wenn) ich dieses buch gelesen habe (G. v. d. Gabelenz, Zur vergl. synt. Zeitschr. f. Völkerps. VIII). Такіе акты творчества, такія торжества объединяющей мысли и немогутъ приниматься въ разсчетъ тѣми, которыхъ вниманіе поглощено счетомъ суффиксовъ.

ся, нужно именно считать формальные оттѣнки значеній—трудъ не
столь легкій, какъ счетъ окончаній. Вѣроятные результаты такого тру-
да были бы, во-первыхъ, менѣе точны, потому что въ каждомъ языкѣ
есть большое количество такихъ формальныхъ значеній, коихъ ученые
наблюдатели вовсе незамѣчаютъ (хотя, если это ихъ собственный языкъ,
различаютъ на дѣлѣ), кои учеными понимаются ошибочно, или смѣши-
74 ваются съ другими; во-вторыхъ, при всей неточности, результаты эти
могли бы быть далеко несогласны съ выводами изъ счета окончаній.

Необходимо разъ навсегда отдѣлаться отъ ложнаго пониманія грам-
матической формы, о которомъ было говорено выше (§ 5). Необходимо
твердо знать, что при счетѣ формъ должно стремиться къ тому,
чтобы считать за единицу дѣйствительную форму, а не абстракцію.
Мы привыкли напр. говорить объ одномъ творительномъ пад. въ рус-
скомъ языкѣ, но на дѣлѣ этотъ падежъ есть не одна грамматическая
категорія, а нѣсколько различныхъ, генетически связанныхъ между со-
бою. Всякое особое употребленіе творительнаго есть новый падежъ,
такъ что собственно у насъ нѣсколько падежей, обозначаемыхъ име-
немъ творительнаго. Сколько именно такихъ особыхъ употребленій и
вообще сколько падежей въ современномъ русскомъ или другомъ язы-
кѣ, это вопросъ не изъ тѣхъ, которые можно предлагать дѣтямъ въ
школѣ, такъ какъ и сами ученые въ этомъ между собою несогласны.
Каждое особое значеніе предлога даетъ новый падежъ. Незная числа
падежей въ истинномъ значеніи этого слова, конечно, нельзя правиль-
но судить и о томъ, уменьшается ли ихъ число, или нѣтъ. Для меня
несомнѣнно, что новые падежи въ вышеуказанномъ смыслѣ появляют-
ся и донынѣ. Впрочемъ нельзя отвергать того, что въ языкѣ, служа-
щемъ органомъ непрерывно дѣятельной мысли, дѣйствительно умень-
шается число категорій извѣстнаго рода. Возможно въ языкахъ, хотя
и не индоевропейскихъ, что напр. въ дѣйствіи различается непремѣн-
но, совершается ли оно мужчиною или женщиною, сидя или стоя и т.
п. Хотя въ формальныхъ языкахъ этого и небываетъ, но и въ нихъ
есть, а прежде было больше недостаточно одухотворенныхъ категорій,
т. е. такихъ, въ которыхъ вещественное содержаніе слова недостаточ-
но отдѣлено отъ его формы. Потеря подобныхъ категорій, къ числу
коихъ можно отнести напр. интенсивность, дезидеративность, оптатив-
75 ность глагола, никакъ неможетъ противорѣчить развитію формаль-
ности языка и увеличенію въ немъ количества другихъ формъ. Преду-
преждая систематическое рѣшеніе такихъ вопросовъ, можно думать,
что такъ какъ немыслимо оскудѣніе творчества въ языкѣ безъ осо-
быхъ пертурбацій, зависимыхъ отъ новыхъ внѣшнихъ причинъ; то но-
вые языки вообще суть болѣе совершенные органы мысли, чѣмъ древ-
ніе, ибо первые заключаютъ въ себѣ большій капиталъ мысли, чѣмъ

послѣдніе [1]). Важность древнихъ языковъ, каковы санскритскій, греческій, латинскій, для языкознанія происходитъ не отъ того, что они въ лексическомъ и формальномъ отношеніи выше новыхъ, а совершенно наоборотъ, отъ того что они во всѣхъ отношеніяхъ ниже, т. е. проще и доступнѣе анализу. Въ этомъ же заключается и педагогическое значеніе этихъ языковъ.

Предположивъ, что языки, кромѣ частныхъ случаевъ, совершенствуются всесторонне, нетрудно примирить съ этимъ то обстоятельство, что съ древнѣйшихъ временъ, доступныхъ изслѣдованію, въ формальныхъ языкахъ замѣчается вывѣтриваніе звуковъ (въ томъ числѣ и тѣхъ, которые поддерживаютъ формальныя значенія) и чередованье формъ простыхъ и описательныхъ.

Что до звуковъ, то потеря окончаній, а отчасти и префиксовъ, можетъ сопровождать два различныхъ явленія: появленіе новой категоріи или сохраненіе прежней. Въ первомъ случаѣ языкъ недорожитъ звукомъ, потому что звукъ прямо ему мѣшаетъ, такъ напр. польскому дѣепричастію „znając" приличнѣе потеря бывшей въ немъ нѣкогда конечной гласной, чѣмъ ея сохраненіе („znającу"). Такъ какъ эта гласная въ дѣепричастии уже неимѣетъ смысла, то сохраненіе ея лишь безъ нужды замедляло бы теченіе рѣчи и мысли. Въ сущности то-же бываетъ и въ случаѣ сохраненія прежней категоріи. Звукъ въ словѣ есть средство объективировать мысль, ставить и удерживать ее передъ собою, какъ предметъ подлежащій дѣйствію слѣдующей мысли. Затрата силы на произнесеніе звука въ рѣчи оправдывается лишь въ той мѣрѣ, въ какой безъ звука невозможно удержать передъ собою значеніе. Чѣмъ слабѣе энергія 76
мысли, тѣмъ болѣе она нуждается въ звукѣ, какъ внѣшней опорѣ; но, по всѣмъ соображеніямъ, эта энергія въ языкѣ увеличивается и этимъ объясняется небрежность въ сохраненіи прежняго звуковаго состава слова. Процессъ паденія звуковъ въ языкѣ напоминаетъ нѣсколько другихъ сходныхъ явленій. Малограмотные до такой степени нуждаются въ звукѣ для пониманія, что или вовсе немогутъ читать иначе какъ, громко, или, по крайней мѣрѣ, читаютъ, беззвучно, но раздѣльно, произнося слова, шевеля губами и пр. Отъ упражненія это проходитъ: человѣкъ выучивается читать глазами, т. е. для объектированія мысли ему довольно ея изображенія на письмѣ. Въ исторіи письменъ, средства объектировать слово, замѣчается нѣчто подобное. Мы замѣнили уставъ и полууставъ скорописью, которая въ свою очередь можетъ быть вы-

[1]) Курціусъ, считая необходимымъ принимать два періода жизни индоевропейскихъ языковъ (der Bildung und der Ausbildung, der Vervollkommnung), что еще спорно, признаетъ, что языки второго періода, стало быть и нынѣшніе, лучше удовлетворяютъ назначенію всякаго языка служить выраженіемъ мысли, чѣмъ основной языкъ перваго періода, и что въ исторія языка никакого потеряннаго рая нѣтъ (Zur Chronologie der indogerm. Sprach. Отд. оттискъ 12—14).

тѣснена стенографіей. Небрежность относительно сохраненія первоначальной формы буквъ есть противень той, съ какою языкъ обращается со звуками, какъ скоро они становятся ему ненужны. Предѣлъ, за который непереходятъ сокращенія въ томъ и другомъ случаѣ, есть понятность, предѣлъ измѣнчивый, а не неподвижный. Становясь сильнѣе въ умственномъ счисленіи, мы менѣе нуждаемся въ цифирныхъ знакахъ и счетахъ, хотя невозможно представить себѣ, чтобы подобныя пособія могли со временемъ оказаться вовсе ненужными.

И такъ, если, при сохраненіи грамматической категоріи, звукъ, бывшій ея поддержкою, теряется, то это значитъ не то, что въ языкѣ ослабѣло творчество, а то, что мысль ненуждается болѣе въ этой внѣшней опорѣ, что она довольно сильна и безъ нея, что она пользуется для распознаванія формы другимъ болѣе тонкимъ средствомъ, именно знаніемъ мѣста, которое занимаетъ слово въ цѣломъ, будетъ ли это цѣлое рѣчью, или схемою формъ. Кто неумѣетъ считать и имѣетъ недостаточное понятіе о пространственныхъ отношеніяхъ, тотъ долженъ, чтобы выбрать одинъ предметъ изъ многихъ, знать его собственныя
77 примѣты, напр. цвѣтъ и т. п.; но, имѣя возможность опредѣлить предметъ по порядку, по мѣсту въ пространствѣ, можно, если это нужно, необременять мысли никакими другими примѣтами.

Существованіе въ языкѣ описательныхъ формъ нетолько неесть признакъ паденія формальности, но, напротивъ, свидѣтельствуетъ о торжествѣ этого принципа. Описательная форма есть сочетаніе словъ, уже имѣющихъ формальныя опредѣленія, но въ совокупности составляющихъ одинъ актъ мысли. Возможность такого сочетанія требуетъ присутствія въ языкѣ чисто-формальныхъ словъ. Нужна продолжительная работа мысли для того, чтобы освободить вещественныя слова отъ всякаго вещественнаго содержанія и обратить ихъ въ безпримѣсныя выраженія отношеній. Всякая описательная форма, возникшая послѣ простой и предполагающая эту послѣднюю (напр. сочетаніе личнаго мѣстоименія, какъ формы, съ глаголомъ, формальнаго глагола съ причастіемъ, предлога съ именемъ), тѣмъ самымъ есть созданіе весьма сложное. Какъ бы ни было трудно доказать въ отдѣльныхъ случаяхъ, что описательная форма, вытѣсняющая простую, вноситъ въ языкъ новое содержаніе, мы вообще должны предполагать, какъ на основаніи частныхъ наблюденій, такъ и a priori, что замѣна простой формы сложною неесть только заплата на старое платье, а созданіе новой формы мысли; образованіе предлога изъ существительнаго и сочетаніе этого предлога съ именемъ, будетъ ли оно еще снабжено падежнымъ окончаніемъ или нѣтъ, по значенію своему для мысли неесть тоже, что прежній падежъ, а нѣчто, по всей вѣроятности, болѣе согласное съ новыми ея потребностями. Съ такой точки зрѣнія въ новыхъ языкахъ по отношенію къ древнимъ можно видѣть перерожденіе, а не вырожденіе и иска-

женіе, такъ что невполнѣ можно согласиться съ Гумбольдтомъ, когда онъ говоритъ лишь о сохраненіи существенныхъ чертъ формальности древнихъ языковъ въ новыхъ, а не объ укрѣпленіи и развитіи этого начала.

„Замѣна падежа предлогомъ въ новыхъ языкахъ (индоевропейскихъ) вовсе не тождественна съ тѣмъ случаемъ, когда въ приставочныхъ язы- 78
кахъ отдѣльное слово указываетъ на падежъ. Хотя первоначальное значеніе такого слова и забыто, но все же слово это невыражаетъ чистаго отношенія, потому что все строеніе такого (нефлексивнаго) языка вытекаетъ не изъ того воззрѣнія (innere Sprachansicht), которое энергически стремится къ рѣзкому разграниченію частей рѣчи; потому что духъ такого народа не съ этой точки (формальныхъ различій) воспринимаетъ созданія своего языка. Римскому языку вполнѣ свойственна была формальная точка зрѣнія. Предлоги составляли въ немъ систему (чистыхъ отношеній); каждый, смотря по своему значенію, требовалъ соотвѣтственнаго падежа и только вмѣстѣ съ падежемъ обозначалъ отношеніе. Это прекрасное [1]) согласованіе (предлога съ падежемъ) неперешло въ языки, выродившіеся изъ римскаго; но въ языкахъ этихъ сохранилось чутье такого порядка, признаніе предлога особою частью рѣчи съ формальнымъ значеніемъ. По принципу эти языки неменѣе формальны, чѣмъ ихъ родоначальный. Тоже находимъ и въ употребленіи глагола. Какъ бы ни были несовершенны его формы [2]), но синтетическая его сила та-же, потому что языкъ разъ навсегда и неизгладимо отдѣлилъ его отъ имени [3]). Мѣстоименіе, часто ставимое въ романскихъ языкахъ при глаголѣ, тамъ гдѣ оно неставилось въ языкѣ 79
первообразномъ, соотвѣтствуетъ по смыслу, въ какомъ оно принимается, истинному понятію о глаголѣ, потому что въ Романскихъ языкахъ мѣстоименіе въ этихъ случаяхъ есть лишь отдѣльное отъ глагола, иначе поставленное личное окончаніе, между тѣмъ какъ въ языкахъ, коимъ чуждо отношеніе лица, мѣстоименія имѣютъ вещественное значеніе“ (Humb. Ueber Versch. 295; Steinth. Gr. Log. u. Ps. § 128).

---

[1]) Во всякомъ формальномъ языкѣ своя красота формъ, и если ученые находятъ ее болѣе въ древнихъ языкахъ, чѣмъ въ новыхъ, то они любуются нестолько этими древними языками, сколько своимъ трудомъ, употребленнымъ на ихъ изученіе: что дорого, то мило.

[2]) Это несовершенство формъ глагола въ новыхъ языкахъ принято подъ вліяніемъ мысли о паденіи формъ. Въ дѣйствительности его можетъ и небыть. Различныя формы могутъ быть равно совершенны т. е. равно необходимы для производимыхъ ими дѣйствій.

[3]) Это мѣсто слѣдовало-бы обсудить тѣмъ, которые въ русскомъ глаголѣ видятъ именной характеръ, т. е. принимаютъ, что разъ установленное разграниченіе имени и глагола стирается со временемъ.

VIII.

Грамматика и логика.

Слѣдующее разсужденіе довольно характеристично, для направленія и нынѣ имѣющаго многихъ послѣдователей преимущественно между тѣми изъ представителей языкознанія, которые [нестолько сами изучаютъ, языкъ, сколько учатъ ему въ школахъ. На вопросъ: „есть-ли именительный падежъ единственная форма логико-грамматическаго подлежащаго?“ отвѣчаютъ: „Въ предложеніяхъ „Паллада любитъ Улисса“, „я не сплю по ночамъ“, „у меня есть книги“ именительные падежи говорятъ о томъ же лицѣ или предметѣ, о которомъ творительный въ „Палладою любимъ Улиссъ“, дательный въ „мнѣ неспится по ночамъ“, родительный „у меня нѣтъ книгъ“. Именительные въ первыхъ трехъ предложеніяхъ суть подлежащія. Имъ приписываются тѣже сказуемыя, что и такъ называемымъ косвеннымъ падежамъ въ трехъ остальныхъ. Слѣдовательно, эти косвенные падежи Палладою, мнѣ, книгъ суть тоже подлежащія, ибо двѣ величины порознь равныя третьей рав-
80 ны между собою [1]). Это все равно, какъ еслибы сказать: вотъ палецъ счетомъ одинъ, а вотъ свѣчка тоже одна, слѣдовательно что палецъ, что свѣчка—все едино. Какъ здѣсь мы узнаемъ не то, что такое палецъ, и что свѣчка, а то, что разныя вещи можно считать за единицу, которая всегда равна себѣ; такъ и тамъ въ лучшемъ случаѣ мы узнаемъ только то, что для логики словесное выраженіе примѣровъ ея построеній безразлично. Если же цѣль теоретическаго изученія языка именно и состоитъ въ сознаніи функцій различныхъ падежей и т. п., то для такого изученія „логико-грамматическое“ подлежащее и тому подобное въ свою очередь безразлично, такъ какъ существованіе этихъ вещей возможно только внѣ языка.

Изумительно, что авторъ вышеприведеннаго разсужденія тутъ же говоритъ: „различіе между грамматикою и логикою, давно сознаваемое многими, окончательно доказано лѣтъ 15 тому назадъ, какъ всѣмъ извѣстно, Штейнталемъ въ его „Grammatik, Logik uud Psychologie. Berl. 1855“. Въ этой книгѣ Штейнталь именно и доказалъ, что понятія, каково „логико-грамматическое подлежащее“, заключаютъ въ себѣ разрушительныя для себя противорѣчія, логически немыслимы.

Ссылаясь на ту же книгу Штейнталя, я не буду останавливаться па разсматриваемомъ въ ней вопросѣ объ отношеніи логики къ грамматикѣ и ограничусь лишь слѣдующими положеніями.

[1]) Разсужденіе это нисколько неоправдывается тѣмъ, то въ его пользу можно привести весьма сильные авторитеты напр. Гримма, у котораго тоже подлежащее есть или прямой падежъ, или косвенный, при чемъ въ дѣйствительномъ оборотѣ косвенный зависитъ отъ прямого, а въ страдательномъ наоборотъ. (D. Gr. IV, 1).

Слово не однимъ присутствіемъ звуковой формы, но всѣмъ своимъ содержаніемъ отлично отъ понятія и неможетъ быть его эквивалентомъ или выраженіемъ уже потому, что въ ходѣ развитія мысли предшествуетъ понятію.

Грамматическое предложеніе вовсе нетождественно и непараллельно съ логическимъ сужденіемъ. Названія двухъ членовъ послѣдняго (подлежащее и сказуемое) одинаковы съ названіями двухъ изъ членовъ предложенія, но значенія этихъ названій въ грамматикѣ и логикѣ различны. Термины „подлежащее", „сказуемое" добыты изъ наблюденія надъ словеснымъ предложеніемъ и въ немъ другъ другомъ незамѣнимы. Между тѣмъ для логики въ сужденіи существенна только сочетаемость или несочетаемость двухъ понятій, а которое изъ нихъ будетъ названо субъектомъ, которое предикатомъ, это для нея, вопреки существующему мнѣнію, должно быть безразлично, ибо въ формально-логическомъ отношеніи, независимо отъ способа возникновенія и словеснаго выраженія, все равно, скажемъ ли „лошадь—животное", „лошадь не собака" или, „животное" включаетъ „лошадь" (въ числѣ животныхъ есть лошадь), „собака не лошадь". Категоріи предмета и его признака ненужны для логики, для которой и то, и другое—только понятія, совокупности признаковъ [1]). Тѣмъ менѣе возможно вывести изъ логическаго сужденія прочіе члены предложенія: опредѣленіе, обстоятельство, дополненіе.

Совершенное, т. е. вполнѣ согласное съ требованіями языка предложеніе можетъ соотвѣтствовать не логическому сужденію, я только одному понятію, содержаніе коего, конечно, разложимо въ сужденіе. Напр. на извѣстной ступени развитія языка, т. е. пониманія, „гремитъ" означаетъ дѣйствіе безъ дѣйствователя: громъ (въ смыслѣ дѣйствія) происходитъ; но эгзистенціяльность въ обширномъ смыслѣ, т. е. существованіе внѣ насъ или только въ нашей мысли, есть признакъ, входящій во всякое понятіе; сужденіе „понятіе X существуетъ" тавтологично и въ этомъ смыслѣ вовсе не-есть логическое сужденіе, т. к. нетребуетъ никакой логической повѣрки.

Съ другой стороны простое предложеніе можетъ соотвѣтствовать болѣе чѣмъ одному логическому сужденію. Не только каждая пара членовъ предложенія (подлеж. и сказ., подл. и опредѣл., сказуемое и обстоятельство, сказуемое и дополн.) можетъ соотвѣтствовать сужденію, но и одинъ членъ предложенія можетъ соотвѣтствовать одному и болѣе чѣмъ одному сужденію, при томъ не только въ составныхъ словахъ (мр. пічкуръ, истопникъ, человѣкъ „курящій" печи; дривітня, мѣсто гдѣ „тнуть", рубятъ дрова) но и въ простыхъ: мр. и стар. рус. (Ип. лѣт.) голубити, ласкать другого, какъ милуются голуби.

[1]) Ошибочно въ 1-мъ изд. этого соч.: „логическое подлежащее... бываетъ грамматическимъ сказуемымъ, логическое сказуемое грамматическимъ подлежащимъ".

Грамматическихъ категорій несравненно больше, чѣмъ логическихъ. Поэтому недостаточное отвлеченіе логическаго содержанія мысли отъ словеснаго выраженія обнаруживается внесеніемъ въ логику категорій, вовсе ненужныхъ для ея цѣлей, напр. связки, нѣкоторыхъ дѣленій сужденія. Наоборотъ, подчиненіе грамматики логикѣ сказывается всегда въ смѣшеніи и отождествленіи такихъ явленій языка, которыя окажутся различными, если приступить къ наблюденію съ одною предвзятою мыслью о томъ, что апріорность въ наблюдательныхъ наукахъ, каково языкознаніе, весьма опасна.

Логическая грамматика неможетъ постигнуть мысли, составляющей основу современнаго языкознанія и добытой наблюденіемъ, именно, что языки различны между собою не одной звуковой формой, но всѣмъ строемъ мысли, выразившимся въ нихъ, и всѣмъ своимъ вліяніемъ на послѣдующее развитіе народовъ. Индивидуальныя различія языковъ немогутъ быть понятны логической грамматикѣ, потому что логическія категоріи, навязываемыя ею языку, народныхъ различій неимѣютъ.

Многіе до сихъ поръ держатся того мнѣнія, что логика есть нѣчто въ родѣ естественной исторіи мышленія, что она разсматриваетъ вся-
32 кія явленія мысли по крайней мѣрѣ со стороны ихъ формы, но въ тоже время немогутъ непризнать, что можно мыслить весьма дѣятельно и нелогично, изъ чего слѣдуетъ, что логика разсматриваетъ такое свойство мысли, котораго въ мысли можетъ и небыть. Между тѣмъ въ этомъ послѣднемъ наблюденіи даны предѣлы логики, переходя которыя, она перестаетъ быть сама собою. Совершенствованіе наукъ выражается въ ихъ разграниченіи относительно цѣли и средствъ, а не въ смѣшеніи, въ ихъ взаимодѣйствіи, а не въ рабскомъ служеніи другимъ. Логика можетъ быть самостоятельна только въ томъ случаѣ, если ея задача будетъ поставлена лишь въ изысканіи условій логической истины, которая есть лишь одна изъ сторонъ полной истины, доступной въ данное время. Логика должна спрашивать лишь о томъ, заключаетъ-ли данная мысль противорѣчій, независимо отъ новыхъ наблюденій, которыми она можеть быть подтверждена или опровергнута? Иначе: мыслима-ли мысль сама въ себѣ? Напр. сужденія „нѣкоторые корни ростутъ вверхъ (или горизонтально)“, „корни имѣютъ лиственныя почки“ истинны съ логической точки, если подъ корнемъ разумѣется вообще подземная часть растенія. Логика неможетъ дать никакого руководства къ другой повѣркѣ этихъ сужденій. Но какъ скоро независимо отъ логики составлено иное понятіе о корнѣ, какъ о нисходящей оси растенія, то и логика найдетъ что вышеприведенныя сужденія ложны, что корень неможетъ рости вверхъ, неможетъ имѣть лиственныхъ почекъ, иначе онъ не корень. Здѣсь видно, что логическая и грамматическая правильность совершенно различны, такъ какъ послѣдняя возможна и безъ первой, и наоборотъ, грамматически-непра-

вильное выраженіе, на сколько оно понятно, можетъ быть правильно
въ логическомъ отношеніи. Въ этомъ заключены двѣ существенныя
черты логики. Во-первыхъ, она есть наука гипотетическая. Она говоритъ:
если дана мысль, то отношенія между ея элементами должны быть та-
кія-то, а въ противномъ случаѣ мысль нелогична. Но логика негово-
ритъ, какимъ путемъ мы дошли до данной мысли, т. е. она неесть 83
наука генетическая, какова психологія. Напр. въ сужденіи логика не-
разсматриваетъ **процесса сказыванія**, а со своей односторонней точки
зрѣнія оцѣниваетъ результаты совершившагося процесса. Напротивъ,
языкознаніе принадлежитъ къ числу наукъ историческихъ.

Во-вторыхъ, логика есть наиболѣе формальная изъ наукъ. Она судитъ о всякой мысли, относящейся къ какой бы ни было области знанія, такъ какъ всякая мысль допускаетъ одностороннюю логическую повѣрку: согласіе или несогласіе съ требованіями тождества мысли съ самой собою. Языкъ есть тоже форма мысли, но такая, которая ни въ чемъ кромѣ языка невстрѣчается. Поэтому формальность языкознанія вещественна сравнительно съ формальностью логики. Языкознаніе и въ частности грамматика ничуть неближе къ логикѣ, чѣмъ какая-либо изъ прочихъ наукъ.

Сказанное имѣетъ цѣлью указать на путь, по которому **нельзя** дойти до вѣрнаго опредѣленія основныхъ понятій языкознанія, который неведетъ къ объясненію явленій языка.

IX.

Трудности при опредѣленіи предложенія и его членовъ.

Считается извѣстнымъ, что въ языкахъ, подобныхъ нашему, необ-
ходимо различать содержаніе и грамматическую форму. Однако, раз-
сматривая опредѣленія предложенія и его частей напр. въ грамматикѣ
Буслаева, пользующейся у насъ заслуженною извѣстностью и во многихъ
отношеніяхъ типичной, можемъ, мнѣ кажется, убѣдиться, что понятіе
содержанія (на сколько оно составляетъ предметъ языкознанія) и фор-
мы слова еще весьма неясны. Въ этой неясности иное лично, но во
многомъ проявляется такое общее состояніе знанія, когда съ одной
стороны еще чувствуется тяготѣніе къ старой теоріи (логико-грамма- 84
тической), для которой нѣтъ въ словѣ ни собственно язычнаго содер-
жанія, ни формы, а есть только нѣчто, по другому взгляду, вовсе не-
заключенное въ словѣ, именно понятіе, а съ другой стороны имѣются
уже факты, которые, будучи какъ слѣдуетъ сведены и направлены,
могли бы ниспровергнуть эту теорію. Такъ напр. дается опредѣленіе

предложенія, заимствованное изъ логической грамматики, незаключающее въ себѣ опредѣленія глагола, съ такимъ-же основаніемъ примѣнимое къ языкамъ, вовсе неимѣющимъ глагола, какъ и къ нашему. Затѣмъ изъ наблюденія сообщается, что наше предложеніе безъ глагола невозможно. Если придать надлежащій вѣсъ послѣднему утвержденію, то окажется, что первое опредѣленіе предложенія пусто и должно быть выкинуто; но этого недѣлаютъ и тѣмъ производятъ туманъ.

По Буслаеву, „предложеніе, какъ сужденіе, выраженное словами, состоитъ изъ подлежащаго и сказуемаго напр. „человѣкъ мыслитъ", „науки полезны" (Гр. § 120). Намъ же извѣстно, что подъ „добрый человѣкъ" и „любить науки" тоже могутъ разумѣться сужденія; но выраженія эти не-суть предложенія. Съ другой стороны, правда, что сужденіе должно состоять изъ двухъ членовъ; но есть такое опредѣленіе предложенія, болѣе вѣрное, чѣмъ ходячее, по которому выходитъ, что нетолько „хочется", но и „хочу" суть предложенія безъ грамматическаго подлежащаго. Существенный признакъ предложенія въ нашихъ языкахъ состоитъ въ томъ, что въ предложеніе входятъ части рѣчи; если ихъ нѣтъ, то нѣтъ и нашего предложенія, На это обстоятельство нѣтъ даже намека въ опредѣленіи предложенія какъ сужденія, такъ какъ изъ понятія о сужденіи части рѣчи выведены быть немогутъ. Слѣдовательно такое опредѣленіе безполезно.

---

85 „Во всякомъ предложеніи должно отличать: 1) самую матерію, или содержаніе предложенія, т. е. названія самыхъ понятій и представленій, входящихъ въ составъ предложенія, и 2) способъ сочетанія ихъ въ предложеніи".

„Содержаніе предложенія выражается отдѣльными словами, означающими или предметъ (имя существительное), или дѣйствіе (глаголъ), или свойство (прилагательное). Способъ же сочетанія именъ и глаголовъ въ предложеніи означается или окончаніями этихъ словъ (склоненіями и спряженіями), или же такими отдѣльными словами, которыя сами по себѣ содержанія рѣчи невыражаютъ, а служатъ связью другимъ словамъ въ предложеніи, или показываютъ между ними отношеніе. Такъ напр. въ предложеніи „дерева цвѣтутъ" сверхъ понятій: дерево, цвѣсти, отношеніе глагола цвѣтутъ къ подлежащему деревá означено помощью окончанія „-утъ" (ib. § 120).

Здѣсь содержаніемъ предложенія названы понятія. Подъ этимъ словомъ мы неможемъ понимать ничего другаго, кромѣ единствъ познанныхъ признаковъ. Напр. понятіе дерева есть совокупность того, что мы заемъ о деревѣ: что оно имѣетъ корень, стволъ, вѣтви, что оно

ростеть, что оно многолѣтне и пр. Языкознаніе предполагаетъ, что слово можетъ указывать на такое содержаніе, но затѣмъ о немъ неухдитъ и ненуждается въ немъ для объясненія явленій языка. Повторяемъ, что содержаніе языка состоитъ лишь изъ символовъ внѣязычнаго значенія и по отношенію къ послѣднему есть форма. Чтобы получить внѣязычное содержаніе, нужно-бы отвлечься отъ всего того, что опредѣляетъ роль слова въ рѣчи напр. отъ всякаго различія въ выраженіяхъ: „онъ коситъ мечъ", „кто коситъ мечъ", „кому носить [illegible]" „чье дѣло ношенье меча", „[illegible] мечъ", „[illegible] меча", „[illegible] [illegible]", „[illegible]", „[illegible]", „[illegible]". [illegible]

[illegible]

[illegible]

87 „Глаголъ въ смыслѣ сказуемаго означаетъ 1) признакъ, приписываемый предмету и 2) отношеніе лица говорящаго къ слушающему и къ предмету рѣчи“.

Отношеніе лица „означается или мѣстоименіями личными, или личными окончаніями глагола, напр. я думаю“ (§ 122).

б) „Подлежащее выражается или 1) самымъ лицомъ глагола напр. да-мъ, *я* говор*ю*; или отдѣльною частью рѣчи, означающею предметъ, о которомъ говорится, напр. земля движется“ (§ 124).

Здѣсь мѣстоименіе *я* въ „я говорю“ неназвано отдѣльно частью рѣчи вѣроятно въ томъ смыслѣ, что оно находится съ столь-же тѣсной связи съ глаголомъ, какъ и личное окончаніе.

Изъ сравненія а) и б) видно, что личное окончаніе или вмѣстѣ съ нимъ и личное мѣстоименіе входятъ въ составъ понятія сказуемаго и что они же входятъ и въ понятіе подлежащаго, такъ что предположеніе о раздѣльности этихъ членовъ предложенія невыдержано. Выпутаться изъ этого можно такимъ образомъ. Личное окончаніе или вмѣстѣ съ нимъ мѣстоименіе личное, какъ чистая форма (отношеніе къ лицу, а не обозначеніе его указаніемъ), суть непремѣнныя составныя части личнаго глагола. Безъ нихъ нѣтъ глагола, стало быть нѣтъ сказуемаго. Но если подлежащее неесть сказуемое, то оно никогда небываетъ ни личнымъ окончаніемъ, ни личнымъ мѣстоименіемъ въ формальномъ значеніи.

Опредѣленіе подлежащаго, какъ предмета, о которомъ говорится, имѣло бы смыслъ лишь какъ ссылка на другое опредѣленіе, именно того, что мы условились понимать подъ предметомъ, о которомъ говорится. Что отождествленіе подлежащаго, какъ именительнаго падежа, и „предмета, о которомъ говорится“, совершено условно и произвольно, въ этомъ, какъ давно замѣчено, можетъ убѣдить всякій смышленый и еще неперешколенный ребенокъ. Вотъ рѣчь: „незаботьтесь о завтрешнемъ
88 днѣ“. О чемъ тутъ говорится?—О завтрешнемъ днѣ.—Нѣтъ, не то! Какой главный предметъ этой рѣчи?—Чтобъ мы незаботились.—Нѣтъ, предметъ, о которомъ здѣсь говорится, это вы, второе лицо.—Но вѣдь о насъ здѣсь ничего неговорится!“. Развѣ это не справедливо? Вообще всякая знаменательная часть рѣчи можетъ быть, смотря по контексту, предметомъ, о которомъ говорится въ предложеніи.

Перейдемъ къ опредѣленію отношенія подлежащаго и сказуемаго къ другимъ членамъ предложенія.

„Отдѣльныя слова тогда только могутъ составить предложеніе, когда будутъ сложены одно съ другимъ: 1) по способу согласованія, или

2) по способу управленія словъ". (Буслаевъ, Гр, § 121). Этими двумя *или* долженъ исчерпываться способъ сочетанія словъ въ предложеніи. Ниже намъ представится случай повѣрить это утвержденіе. Согласованіе предполагаетъ, что одинъ членъ есть согласуемый (объясняющій), а другой, съ которымъ нѣчто согласуется,—объясняемый. Управленіе тоже предполагаетъ члены управляющій и управляемый (ib.).

„Подлежащее и сказуемое именуются главными членами предложенія, въ отличіе отъ другихъ словъ, которыя ихъ объясняютъ и дополняютъ и называются членами второстепенными" (ib. § 125).

Такъ какъ второстепенные члены предложенія въ свою очередь могутъ имѣть при себѣ свои собственныя согласуемыя и управляемыя слова (§ 127), то, значитъ,

подлежащее и сказуемое суть члены объясняемые и дополняемые, но неслужащіе другимъ объясненіемъ. Затѣмъ намъ остается узнать, что значитъ быть объясняемымъ, дополняемымъ и объяснять, дополнять. Но какъ бы въ частности ни опредѣлялись эти явленія, во всякомъ случаѣ они предполагаютъ части рѣчи, флексіи въ обширномъ смыслѣ. Согласно съ этимъ, путь, которому мы здѣсь слѣдовали, неприводитъ къ опредѣленію подлежащаго и сказуемаго. Такое опредѣленіе можетъ 89
быть удовлетворительно только въ томъ случаѣ, если будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣленіемъ частей рѣчи, функція коихъ—быть подлежащимъ и сказуемымъ.

„Второстепенные члены разсматриваются въ двоякомъ отношеніи: 1) по синтаксическому употребленію и 2) по значенію" (Гр. § 125). Значеніе словъ, какъ членовъ предложенія, формально и, какъ такое, сказывается въ синтактическомъ употребленіи, есть само это употребленіе. Конечно, не звуки слова и не его вещественное значеніе составляютъ его грамматическую функцію, а именно его формальное значеніе. Такимъ образомъ для насъ двѣ точки зрѣнія, различаемыя Буслаевымъ, составляютъ одну и ту-же; но такъ какъ онъ держитъ эти точки раздѣльно и, какъ увидимъ, глядя съ нихъ приходимъ къ противорѣчивымъ заключеніямъ объ одномъ и томъ же, то значитъ, здѣсь подъ значеніемъ разумѣется не то, что выше (§ 120) было названо матеріею предложенія и оказалось его формою. Здѣсь подъ значеніемъ можетъ разумѣться лишь нѣчто неграмматическое и даже вовсе неязычное.

Посмотримъ, какъ представляются второстепенные члены съ точки синтактическаго употребленія.

„По синтаксическому употребленію они суть слова, присоединяемыя къ главнымъ членамъ предложенія посредствомъ согласованія или

управленія. Присоединяемыя посредствомъ согласованія именуются словами опредѣлительными; посредствомъ управленія — дополнительными" (§ 125). Минуя тотъ кругъ, что главное есть то, что невторостепенно и наоборотъ, посмотримъ, какъ разграничиваются согласованіе и управленіе. „Согласованіемъ называется такое сочетаніе
90 словъ, въ которомъ одно слово уподобляетъ свое окончаніе окончанію другого„... „управленіемъ—такое, въ которомъ одно слово зависитъ отъ другого" (§ 121).

Въ первомъ опредѣленіи было бы точнѣе сказать не объ уподобленіи окончанія (какое мы видимъ напр. когда винительные цьркъве, камене, отличные по окончанію отъ винитель. именъ съ темою *-и-*, получаютъ при томъ же значеніи окончаніе сходное съ пѫть, кость, именно церковь, камень), а объ уподобленіи формы, въ смыслѣ значенія. Затѣмъ согласованіе и управленіе сводятся на уподобленіе и зависимость. Если точнѣе неопредѣлить этихъ терминовъ, то они легко могутъ быть поставлены одинъ вмѣсто другаго: когда подъ вліяніемъ существительнаго я говорю: „добрый (а не -ая, -ое) человѣкъ", „человѣкъ добръ", то это случай согласованія, уподобленія; а между тѣмъ развѣ здѣсь прилагательное независитъ отъ существительнаго? Наоборотъ, въ управленіи зависимость можетъ быть названа уподобленіемъ. Когда при дѣйствительномъ глаголѣ ставимъ винительный прямаго объекта (любить ближняго), или при глаголѣ предложномъ имя съ такимъ же или соотвѣтственнымъ предлогомъ (войти въ городъ, выйти изъ города), то развѣ это не согласованіе, не уподобленіе падежа значенію глагола?

Остается искать другихъ различій. При управленіи „слово означаетъ свою зависимость отъ другаго или окончаніемъ падежа или же предлогомъ„ (§ 121); при согласованіи предлога небываетъ. Эта черта могла бы охарактеризовать употребленіе безпредложныхъ падежей въ опредѣленіи, но она осталась необъясненною.

Различіе опредѣлительныхъ и дополнительныхъ по разряду словъ, къ коимъ они присоединяются, тоже неудачно: опредѣлительныя присовокупляются къ существительному и мѣстоименіямъ напр. этотъ человѣкъ, доброе дѣло, *я* самъ и проч.; дополнительныя зависятъ отъ глагола или отъ имени, произведеннаго отъ глагола; [1]) напр. „любить
91 чтеніе", „любовь къ чтенію", „достоинъ награды" (§ 125). Слѣдовательно, опредѣлительныхъ небываетъ при глаголѣ и прилагательномъ; но 1) куда отнести прилагательное въ „остался бѣденъ"? Оно есть именительный падежъ и потому зависимымъ и дополнительнымъ быть неможетъ (§ 121); оно согласуется и потому, какъ увидимъ, неможетъ быть обстоятельствомъ; оно ближайшимъ образомъ относится къ глаго-

---

[1]) Есть ли доказательства, что всѣ дополняемыя прилагательныя отглагольны?

ду и потому неесть опредѣлительное подлежащаго, тѣмъ болѣе что качественное прилагательное, будучи такимъ опредѣлительнымъ въ литературномъ русскомъ языкѣ, стоитъ въ опредѣленной формѣ (бѣлый человѣкъ). Остается признать, что оно входитъ въ составъ сказуемаго какъ что? какъ опредѣлительное. Самъ Буслаевъ называетъ такое слово опредѣленіемъ: составное сказуемое содержитъ въ себѣ при глаголѣ существительномъ (только) второстепенные члены предложенія между прочимъ „опредѣленіе" напр. Богъ всемогущъ (при опредѣлительномъ всемогущій Богъ) (§ 12?). Опредѣленіе есть опредѣлительное, стоящее при глаголѣ. 2) Какъ назвать такой въ „это такой добрый человѣкъ, что..."? Это слово показываетъ здѣсь не качество человѣка такой человѣкъ, а качество доброты. (такой добрый), слѣдовательно есть опредѣлительное прилагательнаго.

—

[illegible]

[illegible]

—

[illegible]

—

„Разсматривая второстепенные члены предложенія по ихъ значенію, видимъ: 1) что опредѣлительныя присоединяются къ другимъ словамъ посредствомъ не только согласованія, но и управленія и 2) что между обстоятельственными, сверхъ вышеупомянутыхъ, несогласующихся и неуправляемыхъ, большая часть такихъ, которыя относятся къ дополнительнымъ. Что же касается до этихъ послѣднихъ" (т. е. дополнительныхъ, которыя въ тоже время не-суть обстоятельственныя?), то самое ихъ значеніе опредѣляется синтаксическимъ употребленіемъ, т. е. управленіемъ„ (125).

Передъ нами два дѣленія понятія о второстепенномъ членѣ предложенія, изъ коихъ первое, по синтактическому употребленію, состоитъ въ томъ, что такой членъ бываетъ или согласуемымъ, или управляемымъ, или такимъ, въ коемъ нѣтъ признаковъ ни согласованія, ни
93 управленія. Второе дѣленіе того же понятія, по значенію, совмѣщается съ первымъ, такъ что опредѣлительное есть частью согласуемое, частью управляемое, обстоятельственное — частью управляемое, частью ни управляемое, ни согласуемое; дополнительное все заключено въ понятіи управляемаго, но нетождественно съ этимъ понятіемъ, въ которомъ, кромѣ дополненія, смѣщаются отчасти опредѣлительныя и обстоятельственныя. Съ одной точки дѣленіе второстепенныхъ членовъ на согласуемые и пр. нетолько оказалось нужнымъ для дѣленія ихъ на опредѣлительные и пр. но и совершенно совпадало съ нимъ; но съ другой точки первое дѣленіе оказалось совершенно ненужнымъ для второго. Вглядываясь въ нижеслѣдующія поясненія втораго дѣленія, мы находимъ объясненіе такому отношенію въ томъ, что второе дѣленіе по значенію основано не на наблюденіи надъ языкомъ, а надъ чѣмъ-то не имѣющимъ къ языку непосредственнаго отношенія; что автору только кажется, будто онъ различнымъ образомъ дѣлитъ одно и тоже понятіе, между тѣмъ какъ онъ дѣлитъ два различныя понятія и влагаетъ въ одно то, что нашелъ въ другомъ.

„Опредѣлительныя присовокупляются къ другимъ словамъ для означенія признаковъ, по вопросамъ: какой? чей? который? сколько? Напр. этотъ домъ, моя книга, умный человѣкъ, пятый годъ, пять лѣтъ" (§ 125). Свойство этихъ вопросовъ таково, что, отвѣчая на нихъ мы недолжны обращать вниманія на грамматическую форму отвѣтовъ и что опредѣлительное, узнанное по этимъ отвѣтамъ, окажется понятіемъ вовсе не грамматическимъ. Буслаевъ пытается ограничить эти отвѣты извѣстными грамматическими формами, напр. считаетъ опредѣлительными изъ несогласуемыхъ словъ только такія, которыя стоятъ въ родительномъ безъ предлога, а не въ другихъ падежахъ съ предлогомъ или безъ него (ib.); но это съ его стороны непослѣдовательно.

„Какой“ есть вопросъ о качествѣ независимо отъ его граммати-
ческой формы. Если Буслаевъ говоритъ, что родительные падежи въ 94
„человѣкъ пожилыхъ лѣтъ“, „свѣтъ солнца“ суть опредѣлительныя;
потому что стоятъ вмѣсто „пожилой человѣкъ“, „солнечный свѣтъ“
(ib.), то мы лишь разовьемъ эту его мысль, утверждая, что существи-
тельныя въ родительномъ съ предлогомъ, предложномъ, винитель-
номъ, творительномъ, дательномъ съ предлогами и безъ нихъ, слу-
жащіе отвѣтами на вопросъ о качествѣ и замѣняемые прилагатель-
ными, суть тоже опредѣлительныя: человѣкъ въ лѣтахъ (=пожилой),
итогъ деньгамъ (=денежный); ст. сл. евангеліе на умъвеніе но-
гамъ (=ножьное); корова съ теленкомъ (въ смыслѣ „стельная“); дѣ-
вица съ длинными волосами (=длинноволосая); черезъ мѣру трудъ
(=чрезмѣрный); мр. свита до дѣла (добрая); курка до соку (сочная);
сорочка до долу (додільна, изъ одной ткани до самаго низу); сідель-
це од злота (золотое); молодець г-речи (къ рѣчи, „гречный“,
grzeczny, do rzeczy); на руку ковінька (палка ловкая) и т. д. Нашъ вы-
водъ согласенъ между прочимъ со слѣдующими словами Гаттали: „за
подчиненный аттрибутъ (по терминологіи Буслаева — несогласуемое
опредѣлительное) слѣдуетъ считать (между прочимъ) и родительный
и другіе падежи съ предлогами, вездѣ, гдѣ ими ближайшимъ обра-
зомъ опредѣляется существительное или другое имя, занимающее его
мѣсто, напр. král jsem bez vojsk, láska k Bohu. Сюда въ особенности
относятся описанія сложныхъ нѣмецкихъ словъ, какъ lžíce do [illegible]
(Koch-löffel), hra v karty (Karten-spiel), šátek na krk (Hals-tuch),
šaty do práce a šaty na svátek (Alltags- und Feiertags-kleider)“ (Srovná-
vací mluvnice jaz. českého a slov. § [illegible]). Не переходимъ ли мы такимъ
образомъ въ область другихъ членовъ предложенія? Да, конечно. Въ
„любовь къ чтенію“ [illegible] въ синтактическомъ употребленіи,
есть дополненіе (Буслаевъ, § [illegible]) но какъ [illegible] въ сущности [illegible]
[illegible] такъ какъ на этотъ разъ опредѣляетъ по значенію. [illegible]
[illegible], что, занимаясь этими отвѣтами, мы думаемъ, [illegible] различаемъ
второстепенные члены предложенія между собою [illegible] 95
[illegible] отъ главныхъ, ибо было бы произвольно думать, что [illegible]
[illegible] служитъ отвѣтомъ на вопросъ о качествѣ [illegible]—
[illegible].

Отвѣтомъ на „чей“ (вопросъ о принадлежности) служитъ [illegible]
[illegible]
[illegible]

„Который“ [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible].

Отвѣчая на „сколько“? отвлекаемся отъ синтактическаго различія между двѣ версты (именит.), много людей и много сдѣлалъ, заплатилъ три (винит.) съ полтиной. Замѣчательно еще слѣдующее: „несогласуются съ своимъ опредѣляемымъ слова опредѣлительныя, выраженныя... числительными количественными, начиная съ пяти напр., пять лѣтъ, (т. е. лѣта числомъ пять)“ (ib). Согласно съ этимъ въ старинномъ „та десять копенъ описана“ (Буслаевъ, Гр. § 230), или въ современномъ „тѣ десять копенъ описаны“ опредѣлительное есть десять, а опредѣляемое—родительный копенъ. Подлежащее здѣсь на лицо; но гдѣ же оно? Если десять есть опредѣлительное, то оно не подлежащее. Дозволивши себѣ передѣлку въ „копны числомъ десять описаны“, по вышеуказанному образцу, узнаемъ, что подлежащее есть копенъ, родительный падежъ! Пусть кто либо согласитъ съ этимъ то, что „этимологическая (замѣтимъ: не синтактическая) форма подлежащаго есть именительный падежъ“ (Гр. § 124). Буслаевъ, сколько мнѣ извѣстно, прямо неговоритъ, что родительный бываетъ подлежащимъ; но онъ долженъ бы это сказать, потому что это дѣйствительно такъ со стороны „значенія“ этого падежа, и другіе ученые это дѣлаютъ, напр. Гаттала: послѣ основныхъ числительныхъ отъ пяти... и со-
96 бирательныхъ dvé (двое и пр.), какъ аттрибутовъ подлежащаго, это послѣднее ставится въ родительномъ, а сказуемое въ 3-мъ л. ед. ср. р.: vystupovalo sedm krav pěkných a tlustých. (Srov mluv. § 22, 1, c.), несмотря на то, что тамъ же (23, 2): „За подчиняемый аттрибутъ считаемъ родительный раздѣлительный въ случаѣ въ § 22, 2, 1, c. (vystupovalo sedm krav) и послѣ нарѣчій, какъ mnoho, málo: zběhlo se mnoho lidu“. Такимъ образомъ krav есть въ тоже время и подлежащее и опредѣлительное, т. е. двѣ точки, съ которыхъ это кажется, непримиримы.

„Дополнительными словами означается отношеніе дѣйствія къ предмету“ (т. е. наоборотъ предмета къ дѣйствію), „который подлежитъ дѣйствію, и къ лицу дѣйствующему. Эти отношенія выражаются помощію косвенныхъ падежей, какъ безъ предлоговъ, такъ и съ предлогами т. е. въ управленіи непосредственномъ и посредственномъ“ (Буслаевъ. § 125 II).

Категоріи дополненія (лицо дѣйствующее и предметъ подлежащій дѣйствію) опредѣляются такимъ образомъ:

„Въ синтаксическомъ отношеніи лицомъ дѣйствующимъ можетъ быть нетолько одушевленный, но и неодушевленный предметъ; и наоборотъ, предметомъ дѣйствія можетъ быть лицо одушевленное. Напр. въ выраженіяхъ: „освѣщено солнцемъ“ и „любить родителей“ солнце есть лицо дѣйствующее, а родители—предметъ дѣйствія“. Точка зрѣнія, съ которой творительный при страдательномъ оборотѣ означаетъ лицо

дѣйствующее, есть не синтактическая, не грамматическая
тической точки дѣйствующее лицо есть именительный па
жащее. Самъ Буслаевъ говоритъ, что, приписывая дѣйств
неодушевленному, мы представляемъ его лицомъ дѣйствую
„рѣка омываетъ берега“ (§ 148). Удержаніе обѣихъ точек
детъ къ неразрѣшимой путаницѣ, ибо если творит. падежъ при страдательномъ оборотѣ есть лицо дѣйствующее, то именительный подле- 97
жащаго въ томъ же оборотѣ есть предметъ дѣйствія, т. е. тоже самое, что винительный при дѣйствительномъ глаголѣ. И въ другихъ случаяхъ апріорно-грамматическое направленіе смѣшиваетъ дополненіе съ подлежащимъ. Такъ Буслаевъ говоритъ, что при безличномъ сказуемомъ лицо дѣйствующее обозначается различными косвенными падежами, замѣнившими первоначалный именительный подлежащаго, именно дательнымъ (мнѣ думается=*я* думаю), творительнымъ (его громомъ убило=громъ его убилъ), родительнымъ „происшедшимъ изъ подлежащаго“ (наѣхало гостей) и просто „родительнымъ подлежащаго“ (нѣтъ денегъ), а въ народномъ языкѣ родительнымъ съ предлогомъ *у* при страдательномъ причастіи (впереди его проѣхано у богатыря=богатырь проѣхалъ) (§ 201). Сказанное здѣсь о замѣнѣ косвенными падежами первоначальнаго именительнаго (подлежащаго) придаетъ всему такой видъ, какъ будто эти косвенные падежи имѣютъ какое-то право наслѣдства на значеніе подлежащаго; но такъ небываетъ. Когда извѣстная категорія возникаетъ изъ другой, т. е. при ея посредствѣ, то въ результатѣ мы получаемъ двѣ категоріи, которыя въ общемъ могутъ быть весьма различны между собою. Такъ изъ причастія, какъ опредѣленія, получается дѣепричастіе, которое неостается въ роли опредѣленія по наслѣдству, а создаетъ себѣ новую роль. Но въ разсматриваемомъ случаѣ нѣтъ и этого: врядъ-ли какая либо этимологія возведетъ всѣ косвенные падежи къ именительному; по крайней мѣрѣ совершенно несомнѣнно, что этимологическая связь ихъ съ именительнымъ можетъ быть лишь самая отдаленная. И замѣны въ смыслѣ вытѣсненія одного оборота другимъ (какимъ бы ни было: этимологически-родственнымъ, или нѣтъ) здѣсь нѣтъ: „мнѣ думается“ и „я думаю“ остаются въ языкѣ на равныхъ правахъ. Здѣсь есть только субъективная замѣна, т. е. ученый подставляетъ одно изъ синонимическихъ выраженій вмѣсто другаго, котораго объясненіе кажется ему болѣе труднымъ. Здѣсь видимъ только ошибочный пріемъ: для облегченія за- 98
дачи изслѣдованія судить по одной вещи о другой совершенно отличной. Синонимичность такъ употребляемыхъ словъ состоитъ въ томъ, что они безразличны по отношенію къ извѣстной абстракціи, каково напр. логическое подлежащее. Гораздо откровеннѣе было бы поступить здѣсь, какъ выше, по образцу разсужденія: свѣтъ солнца=солнечный свѣтъ; слѣдовательно солнца есть опредѣлительное“, т. е. сказать;

„мнѣ хочется=я хочу, слѣдовательно мнѣ (не происходитъ отъ подлежащаго и не замѣняетъ его, а) есть подлежащее“. Такъ и дѣлаютъ другіе, между прочимъ Гаттала, который знаетъ случай, когда между подлежащимъ, стоящимъ въ родительномъ, и сказуемымъ нѣтъ никакого согласованія: neni jich ихъ (подлежащ.) нѣтъ (Sr. ml. § 19, I). У Зикмунда (Skladba jáz. česk. § 14) узнаемъ еще болѣе: подлежащимъ бываетъ нетолько родительный безъ предлога и съ нимъ, но и дательный, и винительный съ предлогами, именно тогда, когда падежи эти обозначаютъ мѣру и приблизительный счетъ (при сказуемыхъ въ среднемъ родѣ) напр. zemřelo lidí do (okolo, blizko) třikráte sto tisíc; bylo jich k dvěma tisícům; pod tisíc koní tam bylo; hostí bylo o tři stoly. Допуская пользованіе синонимичностью выраженій въ вышеопредѣленномъ смыслѣ, возражать противъ этого невозможно, ибо подставивши напр. вмѣсто послѣдняго выраженія другое хотя и не русское и не чешское: „три стола гостей были“ (а не было), мы увидимъ, что подлежащее въ первомъ есть не hostí (гостей), а o tři stoly (около трехъ столовъ). Возражать можетъ только тотъ, для кого и гостей неесть подлежащее и для котораго единственное указаніе на функцію членовъ предложенія есть ихъ грамматическая форма. Кстати замѣчу, что Малецкій (Gram. jęz. Polskiego §§ 601, 646) весьма здраво судитъ о томъ свойствѣ польскаго языка, по которому числительныя при такъ называемыхъ безличныхъ глаголахъ ставятся въ родительномъ (dwóch,
99 trzech, pięciu, sześciu było, poległo, zostało): только кажется (съ логико-грамматической точки), что подлежащее здѣсь dwóch и пр.; но въ дѣйствительности подлежаго нѣтъ, а родительный, по мнѣнію Малецкаго, имѣющій смыслъ винительнаго, во всякомъ случаѣ есть второстепенный членъ предложенія.

„Слова обстоятельственныя употребляются въ предложеніи для означенія обстоятельства мѣста, времени, образа дѣйствія или качества, мѣры и счета, причины“. Слѣдуетъ перечисленіе вопросовъ (гдѣ, откуда и пр.), на которые отвѣтами служатъ обстоятельственныя (Буслаевъ. Гр. § 125, III). Неостанавливаясь на трудности по этимъ вопросамъ разграничить между собою категоріи обстоятельства, обращу вниманіе на то, что и сама эта категорія въ цѣломъ неможетъ быть отличена отъ дополненія, а какъ мы видѣли, и отъ подлежащаго, когда самъ незнаешь, почему судить: по формѣ, или не по формѣ. Въ „войти въ городъ“—„въ городъ“ по значенію есть обстоятельство мѣста, а по управленію—дополнительное“ (Буслаевъ ib.). Слѣдовательно дополнительное неесть значеніе, однако „глаголы, означающіе движеніе и пребываніе, требуютъ послѣ себя, въ смыслѣ дополненія, обстоятельственныхъ словъ... напр. итти въ городъ“ (ib.). Слѣдовательно, такъ

какъ обстоятельство имѣетъ смыслъ дополненія, то дополненіе есть значеніе.

Мы видѣли выше, что творительный въ „освѣщено солнцемъ" есть quod libet: подлежащее или дополненіе; но въ „пишу перомъ" это есть обстоятельство образа дѣйствія. Почему не подлежащее? Развѣ неможетъ здѣсь говориться о перѣ (а не о кисти и пр.), что я имъ пишу? Винительный въ „съѣлъ пирогъ" есть дополненіе, но въ „съѣлъ кучу пироговъ"—обстоятельство мѣры и т. д.

Въ заключеніе замѣтимъ, что то направленіе, которое произвело такую путаницу въ грамматикѣ, строго говоря, неможетъ быть названо логико-грамматическимъ. Въ немъ несравненно болѣе апріорнаго, чѣмъ можетъ дать формальная логика. Такъ напр. къ сбивчивости опредѣленій второстепенныхъ членовъ предложенія логика непричастна, потому что, какъ выше сказано, второстепенныхъ членовъ она вовсе не знаетъ, что признаетъ и Буслаевъ. (Гр. § 126). 100

X.

Члены предложенія и части рѣчи.

1. Когда говорится, что „первое слово есть уже предложеніе", то подъ „предложеніемъ" безсознательно разумѣется не то, что носитъ это названіе въ формальныхъ языкахъ, а психологическое (не логическое) сужденіе при помощи слова. Такое первое слово (ср. выше стр. 16—7), или, что тоже, первобытное предложеніе есть актъ апперцепціи, т. е. сравненія и объясненія того, что уже разъ воспринято; оно связываетъ двѣ мысленныя единицы: *объясняемое* (психологическій субъектъ) и *объясняющее* (психологическій предикатъ) и въ этомъ смыслѣ оно двучленно, безъ чего такое сравненіе и объясненіе немыслимо. Но подлежащее такого предложенія [неразчлененное воспріятіе внѣшняго *образа*, сопровождаемое личнымъ ощущеніемъ, или только это послѣднее] есть еще невыраженный словомъ безсознательный вопросъ, *обращенный* къ дальнѣйшей дѣятельности мысли. Словесно выражается въ такомъ предложеніи только представленіе *объясняющаго*, *объясняющее*, иначе—сказуемое первобытнаго предложенія, по формѣ х (нѣчто невыраженное словомъ, существованіе чего въ говорящемъ было до той поры ему неизвѣстно)=а напр. мама. Сочетаніе двухъ такихъ первообразныхъ сказуемыхъ, въ которомъ одно стало *объясняемымъ*, другое *объясняющимъ*, двучленно со стороны словеснаго выраженія, но четырехчленно по своей психологической природѣ, какъ выраженіе двухъ апперцепцій.

Такимъ образомъ словесное выраженіе подлежащаго апперцепціи не-
первообразно. Первообразное словесно-одночленное предложеніе, иначе —
первообразное слово языка, каковъ языкъ начинающихъ говорить дѣтей,
предикативно. Это свойство остается за отдѣльнымъ словомъ, какъ выра-
женіемъ апперцепціи, навсегда (напр. Эй! сюда! пора! и пр.), но съ
прибавкой того, что дано языку тысячами лѣтъ развитія. Первообразное
слово-предложеніе, установляя общность признака между x и a, объ-
ясняемымъ и объясняющимъ, неотноситъ ни того, ни другого ни къ ка-
кому общему разряду: подъ „мама!“ дѣтскаго языка немыслится ни суб-
станція, ни ея аттрибутъ, ни ея дѣйствіе. Между тѣмъ простѣйшее пред-
ложеніе нашихъ языковъ заключаетъ уже въ себѣ грамматическую форму;
оно появляется въ языкѣ вмѣстѣ съ нею. Образованіе и измѣненіе
грамматическихъ формъ, составляющихъ формальное (грамматическое)
содержаніе предложенія, есть другое названіе для измѣненія самого
предложенія, т. е. того ближайшаго цѣлаго, въ коемъ совершается
жизнь этихъ формъ. Понимая языкъ, какъ дѣятельность, невозможно
смотрѣть на грамматическія категоріи, каковы глаголъ, существитель-
ное, прилагательное, нарѣчіе, какъ на нѣчто неизмѣнное, разъ навсегда
101 выведенное изъ всегдашнихъ свойствъ человѣческой мысли. Напротивъ,
даже въ относительно небольшіе періоды эти категоріи замѣтно мѣ-
няются. Нѣкоторыя изъ такихъ измѣненій я старался представить въ
слѣдующемъ соч. (О составныхъ чл., см. положенія). Здѣсь укажу толь-
ко, что напр. личный глаголъ (vb. finit.) многочисленныхъ языковъ,
каковъ русскій, сложенъ по строенью, предполагаетъ неменѣе чѣмъ
двучленное первобытное предложеніе, но неизмѣримо удаленъ отъ та-
кого, а само собою и отъ одночленнаго первобытнаго предложенія, чи-
стою формальностью заключенныхъ въ немъ отношеній къ лицу, него-
воря уже о другихъ, возникшихъ позднѣе категоріяхъ, каковы напр. въ
слав. яз .совершенность и несовершенность и степени длительности. Гла-
голъ, какъ сказуемое, немогъ остаться прежнимъ, одержавши такія побѣды
надъ именемъ, какъ образованіе неопредѣленнаго наклоненія, позднѣе —
прошедшаго на -лъ, изъ имени; получивши возможность опредѣляться
вновь возникшими частями рѣчи, какъ нарѣчія отыменныя и дѣепри-
частія. Глагольность предложенія, степень его единства съ теченіемъ
времени измѣняются. Точно такъ отвлеченіе, которое называемъ „имя“
въ жизни языка представляетъ измѣнчивое множество признаковъ.
Степень аттрибутивности и предикативности имени и его противополож-
ности глаголу измѣняется, И вообще въ языкѣ, нетолько, говоря a
priori („все течетъ“), неможетъ быть, но и a posteriori нѣтъ ни одной
неподвижной грамматической категоріи. Но съ измѣненіемъ граммати-
ческихъ категорій неизбѣжно измѣняется и то цѣлое, въ которомъ онѣ
возникаютъ и измѣняются, именно предложеніе, подобно тому какъ неиз-
бѣжно форма устойчивой кучи зависитъ отъ формы вещей (напр. кирпи-

чей, ядеръ), изъ коихъ она слагается, какъ неизбѣжно форма и опредѣленіе общества измѣняется вмѣстѣ съ развитіемъ особей. Кто опредѣлилъ бы предложеніе напр. русскаго яз., какъ словесное выраженіе психологическаго сужденія, сказалъ бы также мало, какъ тотъ, который бы опредѣлилъ Сократа, какъ особь зоологическаго вида homo sapiens, или нынѣшнее государство, церковь и т. п. какъ человѣческое стадо. Конечно, малосодержательныя опредѣленія легче. Вниманіе останавливается преимущественно на такихъ чертахъ предложенія, которыя въ теченіе вѣковъ и тысячелѣтій кажутся неизмѣнными, и такимъ образомъ возникаетъ опредѣленіе, одинаковое для многихъ періодовъ даже не одного языка, а многихъ. Такое опредѣленіе можетъ быть вѣрно, но для историческаго языкознанія оно значитъ тоже, что для исторіи вообще мнѣніе Экклесіаста: „что было, то и будетъ: и что дѣлалось, то и будетъ дѣлаться, и нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ". „Бываетъ нѣчто, о чемъ говорятъ: „смотри, вотъ это новое!" но это было уже въ вѣкахъ, бывшихъ прежде насъ". Интересъ исторіи—именно въ томъ что она не-есть лишь безконечная тавтологія. Такъ и изъ основного взгляда на языкъ, какъ на измѣнчивый органъ мысли, слѣдуетъ, что исторія языка, взятаго на значительномъ протяженія времени, должна давать рядъ опредѣленій предложенія. Возражать на это требованіе ¹) тѣмъ, что оно неисполнено мною или другимъ, тоже, что возражать на „suum cuique" тѣмъ, что люди похищаютъ и грабятъ. Послѣднее правда, но потому-то для людей и спасительно руруководиться нравственными правилами. Дать рядъ опредѣленій предложенія значитъ зайти далеко отъ начала работы, вызываемый упомянутымъ требованіемъ. Этого я себѣ неприписываю, хотя и старался нетолочься на одномъ мѣстѣ, незаключать отъ голыхъ схемъ какого логическое сужденіе, въ добавокъ, смѣшиваемое съ психологическимъ, къ необходимости или ненужности того или другаго въ предложеніи даннаго языка.

2. Переходя отъ того состоянія языка, при которомъ психологическое сказуемое есть еще безформенное слово, т. е. слово предшествующее образованію грамматическихъ категорій, къ языкамъ, наиболѣе развитымъ въ формальномъ отношеніи, каковы наши, мы замѣчаемъ, въ этихъ послѣднихъ,

что главное независимое отъ другихъ предложеніе невозможно при случаѣ опущенія глагола, безъ verbum finitum т. е. глагола въ тѣсномъ смыслѣ, безъ причисленія къ нему причастныхъ формъ: что

¹) Фил. Зап. 1878. VI. 25—6: „выраженіе" [illegible]

само по себѣ vb. finitum составляетъ предложеніе [1]), напр., будетъ (съ предполагаемымъ какъ опредѣленнымъ, такъ и неопредѣленнымъ субъектомъ). Поэтому, опредѣливши такой глаголъ, тѣмъ самымъ опредѣлимъ minimum того, что должно заключаться въ предложеніи этихъ языковъ.

Примѣчаніе. Само собою, что болѣе содержательныя опредѣленія предложенія будутъ достигаться по мѣрѣ внесенія въ минимальное опредѣленіе предложенія чертъ, зависящихъ отъ другихъ грамматическихъ категорій, кромѣ vb. fin. Maximum опредѣленія предложенія даннаго момента языка (съ оговоркою „сколько намъ извѣстно") было бы синтезомъ синтактсиса этого языка.

Высказывая вышеприведенное мнѣніе о невозможности въ нашихъ языкахъ предложенія безъ глагола я неутверждалъ, что vb. fin. есть явленіе первобытное, и неотвергалъ возможности найти подъ послѣднимъ наслоеніемъ этихъ языковъ слѣды другого порядка вещей, какъ видно изъ 2-го положенія къ соч. „Изъ зап. по русс. грам." (X. 1874. См. въ концѣ этой кн.): „въ русскомъ языкѣ по направленію къ нашему времени увеличивается противоположность имени и глагола" и пр. Но я думалъ и думаю, что отыскать эти слѣды трудно, и что тѣ, которые видятъ ихъ на поверхности нынѣшняго, или хотя и древняго, но высокоформальнаго языка, каковъ древн. греческій, слишкомъ облегчаютъ себѣ работу. Хотятъ въ нынѣшнемъ языкѣ показать случаи отсутствія нынѣшнихъ грамматическихъ категорій, напр. полную предикативность имени, а вмѣсто этого показываютъ слова со строго обозначенною нынѣшнею ихъ функціею, дающею возможность употреблять ихъ отдѣльно, безъ поясненій. Опущенія, ставшія возможными благодаря совершенству разграниченія грамматическихъ функцій остающихся словъ и высокой отвлеченности опускаемыхъ, принимаютъ за первоначальное безразличіе, подобно тому, какъ если-бы приняли стенографическія сокращенія за инкунабулы письменъ. Впрочемъ рядомъ съ такими qui pro quo могутъ встрѣчаться и дѣйствительныя находки. Къ числу ихъ я неотношу утвержденія, что русс. былъ (какъ сказуемое) и быть по сему! древнѣе чѣмъ былъ ѥсть и быти ѥсть и что предложеніе безъ глагола „астрономія—наука" древнѣе чѣмъ „астрономія есть наука "(K. Lugebil, Zur frage über zweitheilige und einheitliche sätze. Arch. f. Slav. phil. VIII, 1, 1884). Раньше, А. Поповъ (Синтаксическ. изслѣдов. Ворон. 1881, стр. 30—1 и далѣе), возражая на мое мнѣніе объ исключительной предикативности глагола, ссылается въ подтвержденіе своего мнѣнія на G. von der Gabelenz, Zur vergl. syntax. Zeitschr. f. völkerpsych. VIII, 141—2), гдѣ говорится: „есть обороты (въ современномъ языкѣ) въ коихъ слово ставится самостоятельно, безъ всякой связи съ другими членами предложенія. Таковы a) междометія и звукоподражанія [2]), b) нарѣчныя и прилагательныя восклицанія, примыкающія къ междометіямъ: reizend! entsetzlich!; b) звательные падежи; c) повелительныя наклоненія". Самъ Поповъ говоритъ между прочимъ: „термины подлежащее, объектъ предполагаютъ уже значительную сложность предложенія; такъ подлежащее предполагаетъ при себѣ сказуемое, а объектъ предполагаетъ подлежащее и сказуемое, (за исключеніемъ безличныхъ предложеній, въ которыхъ подлежащаго можетъ и небыть). Между тѣмъ факты даютъ возможность взойти къ болѣе простому и первоначальному виду предложенія, къ одночленному предложенію" (l. c. 30). Здѣсь, какъ видно изъ слѣдующаго, за факты, то есть за нѣчто объективное, обязательное для всякаго

---

[1]) По Курціусу (Zur chronolog. der indog. sprach. 21) разница между именемъ и глаголомъ та, что „das nomen bloss nennt, das verbum aussagt", т. е. что глаголъ есть сказуемое.

[2]) Тутъ я согласенъ, что *о!* и пр. междометія, непредполагающія другихъ частей рѣчи, первообразны.

здраваго мышленія, принято объясненіе явленій, столь же или еще болѣе субъективное, чѣмъ объясненіе противоположное, ибо въ числѣ этихъ фактовъ—ссылка на употребительность „въ аріоевропейскихъ языкахъ“ „предложеній, состоящихъ изъ одного имени, какъ: „пожаръ! пора! стыдъ! хорошо! хожено! убито! и т. п.“ куда „относятся перечисленія, заглавія и т. п.“ (ib. 31). Въ томъ то и вопросъ, состоятъ ли искони эти предложенія изъ одного имени ? насколько они первообразны? Они непервообразны, ибо находятся въ зависимости отъ строя нынѣшняго языка, объясняются этимъ строемъ, какъ его части, вмѣстѣ съ нимъ предполагаютъ продолжительное развитіе языка. Въ „хорошо!“ даже нѣтъ на лицо имени, а есть нарѣчіе, предполагающее между прочимъ столь продолжительные процессы, какъ образованіе противоположности имени и глагола, образованіе средняго рода, раздѣленіе имени на существительное и прилагательное, переходъ согласуемаго прилагательнаго, тяготѣвшаго къ подлежащему, въ нарѣчіе, тяготѣющее ко глаголу. Если самое образованіе такого нарѣчія, какъ я думаю, было возможно только при глаголѣ, то опущеніе глагола при немъ предполагается само собою. Тоже mutatis mutandis можно сказать и о выраженіяхъ „хожено!“ и пр.

Поповъ говоритъ: „едвали кому нибудь удастся доказать, что напр. при видѣ горящаго предмета первоначально кричали: „это есть пожаръ!“ или „есть пожаръ!“ и потомъ стали кричать просто „пожаръ!“ (ib. 31—2). Въ томъ то и дѣло просто ли это? Только повидимому просто крикнуть при опасности „пробі!“ (мр.), или переговариваться при встрѣчѣ т. о. „Здоровъ! а що?“—Бички. „Скілки?“—Сім! „Прощай! цобе! —Прощай! цобе!“ На самомъ же дѣлѣ эти случаи лаконизма понятны и объяснимы только потому, что въ понимающемъ есть готовыя сложныя схемы предложеній, схемы, въ коихъ обрывки рѣчи, какъ дополненіе „про Богъ“ (=пробі), т. е. ради Бога, каждый разъ занимаютъ свое опредѣленное мѣсто. Такъ междометія мр. цобе! цобъ! суть обрывки рѣчи, оказывающіеся дополненіями, предполагающими подразумѣваемый глаголъ движенія: цобé='д-себé, т. е. од себе, поль. od siebie, въ право; цоб=к'собі т. е. къ собѣ, поль. k-sobie, діалектич. k-se, въ лѣво. Такъ въ случаяхъ, когда на лицо въ предложеніи только именительный существительнаго, мы по контексту различаемъ, стоитъ ли этотъ падежъ какъ подлежащее съ недоговореннымъ сказуемымъ (напр. въ Новг. л. П[2], 38: „въ лѣто 6917. Чюдо страшно въ церкви святаго Михаила на Сковородки въ монастырѣ: звукъ въ маковицѣ, ноябрь 30, по два дни и по двѣ нощи“) или какъ предикативный аттрибутъ, часть составнаго сказуемаго съ подразумѣваемымъ подлежащимъ и глаголомъ (связкою). Къ послѣднему случаю относятся восклицанія „пожаръ!“ и заглавія. Я думаю, что заглавія, какъ „Временникъ“, „Начало повѣсти“ „Уставы Владиміровы“, „О убийствѣ“, „Грамота такого-то“ по строю новѣе, чѣмъ двучленныя и многочленныя предложенія, каковы: „Се—повѣсти временьныхъ лѣтъ, откуду есть пошла Руськая земля, кто въ Киевѣ нача первѣе княжити...“; „се начнемъ повѣсть сію“ (лѣт.); „а се покони вирьнии“; „а се уроци скоту“; „а се устави Володимиръ“, „а се—наклади“; „а се—о женѣ, оже върчеться сѣдѣти по мужи“; „а се—о купци, оже истопиться“; „а се—оже холопъ ударить“ (и безъ „се“: „оже свержеть виру“); „а се—закладаюче городъ“ (Русс. Правда); „а се о мѣстѣ Архангела Михаила, гдѣ явися Исусу Навгину“ (Хожденіе Игум. Даніила); „се язъ князь Володимѣръ сынъ Васильковъ, внукъ Романовъ, пишу грамоту: Далъ есмь княгинѣ своей и проч. (Ип.[2], 505)].

Другой видъ, по мнѣнію Попова, простыхъ, первоначальныхъ, одночленныхъ (безглагольныхъ) предложеній, это—именительный и винительный восклицательные, стоящіе сами по себѣ или въ соединеніи съ нѣкоторыми частицами“ (и звательнымъ), Синтак. изслѣд. 30—1, 34—41. Я думаю, что, какъ вообще мы нетолько наклонны, но и обязаны судить о прошедшемъ и отдаленномъ по настоящему и близкому, до тѣхъ поръ, пока эта мѣрка неокажется неприложимою; такъ и здѣсь слѣдуетъ прежде всего попы-

таться подвести указанные случаи подъ наличныя грамматическія категоріи. Въ такомъ случаѣ, мнѣ кажется, мы невыйдемъ изъ круга „сложности предложенія", состоящаго изъ.. или предполагающаго подлежащее, сказуемое (глагольное), объектъ, изъ круга, изъ коего именно думалъ выйти Поповъ. Именительный восклицательный подходитъ подъ разрядъ подлежащаго съ аттрибутомъ, что видно, если къ „ой я нещасний!" прибавимъ (какъ въ пѣснѣ) „що маю діяти?" Винительный подходитъ подъ обыкновенный нынѣшній объектъ: а) объектъ, указываемый: лат. eccum (ecce eum) ipsum obviam, что объясняемъ себѣ предполагая глаголъ, въ родѣ глагольныхъ частицъ, какъ серб. гле, мр. гля, вр. вишь, ишь, или въ родѣ поль. otóž go masz! Въ выраженіи eccum adest, сказуемое не „присоединяется къ винительному", какъ думалъ Поповъ (ib. 37), а предполагаетъ свое подлежащее, какъ въ серб. ето га (родит.) где иде, вотъ онъ идетъ. б) Объектъ презрѣнія при междометіи имѣющемъ глагольную, предикативную силу: скр. дһиг Бһишман! тьфу на Бгишму. в) Объектъ неудовольствія, сожалѣнія (что близко къ предыдущему) или радости и удивленія, напр. лат. o me miserum, или лотыш. послѣ восклицанія или звательнаго падежа, или и безъ этого: ай упите! таву гразну ликумипь!) (ой рѣчка, твою прекрасную излучину!); ак таву ци'ту си'рди, охъ, твое жестокое сердце (Поповъ ib. 39 Bielenst. Lett. Gr. § 540), съ винительнымъ, въ родѣ того, какъ въ мр. выраженіяхъ, употребительныхъ и въ порицательномъ, и въ доброжелательномъ смыслѣ: „а бодай тебе" (напр. з твоею уродою!), вр. ну тебя, мр. ну тебе! в) Объектъ предлагаемый, требуемый, понуждаемый, при частицахъ, имѣющихъ силу сказуемаго, какъ въ лат. en, лит. te (на), мр. на, ке, ну и пр.

Послѣдовательно было бы присоединить сюда и родительный при восклицаніяхъ, который Миклошичъ относитъ къ родит. основанія (причины): „Родительный означаетъ основаніе въ восклицаніяхъ, начинающихся въ цсл. съ о, о веле, оле, увы, ухъ, дивъ..· Въ серб. стоитъ одинъ родит., или этотъ падежъ съ о, да, съ указательными частицами, какъ ево, ето, ено, нуто, съ указательнымъ гле, сокращеннымъ повелит. отъ гледати, со 2-мъ л. ед. настоящ. или 2 л. ед. повелит. отъ видјети... при чемъ слѣдуетъ принять во вниманіе, что объектъ при видѣти (и слушати) можетъ означаться родительнымъ" (Gr. IV, 465—6). Такимъ образомъ случаи, какъ цсл. о прѣславныихъ чюдесъ! гр. ὦ παραδόξων πραγμάτων, серб. лијепе дјевојке! ето, царе, лијепе дјевојке! Боже мили, чуда великога! мр. молодця! (въ смыслѣ „молодецъ"!) подводятся подъ случаи: гле чуда! ал'да видиш (v. да виш) чуда великога! слушај чуда!

Наконецъ примѣры родительнаго подобнаго вышеупомянутому, ведутъ насъ къ дательному: οἴ-μοι τῆς τύχης, weh mir des geschickes, заключаетъ въ себѣ οἴ-μοι, нѣм. weh mir! лит. ai man! вр. охъ-ти мнѣ! и само по собѣ охъ ти! гдѣ ти—dat. ethic.

Такимъ образомъ, вмѣсто искомаго первобытнаго безразличія, мы находимъ различеніе функцій неменѣе четырехъ падежей: именит., винит., родит., дательнаго.

О вышеупомянутыхъ винит. Поповъ (l. c. 41) говоритъ: „объясненіе этихъ винит. опущеніемъ при нихъ глагола едвали вѣроятно. Если оно и можетъ быть допущено, то только для винит. съ оттѣнкомъ требованія. При другихъ же винительныхъ восклицательныхъ трудно даже опредѣлить, какой глаголъ могъ быть опущенъ. При винит. съ оттѣнкомъ предложенія можно бы подразумѣвать глаголъ, какъ возьми; но такой винительный... неотдѣлимъ отъ винит. указательныхъ (лат. винит. съ en...); при томъ, какъ могъ бы зависимый винит. чередоваться съ именительнымъ? Эти винительные немогутъ также зависѣть отъ частицъ, такъ какъ частицы эти не глагольнаго, а мѣстоименнаго происхожденія (Pott, Etym. forsch. 1², 412—6). Вліяніе глагольнаго управленія могло проявляться лишь въ томъ, что аналогія винительнаго при глаголахъ давать, брать способствовало сохраненію винительныхъ независимыхъ предложенія и требованія."

На это замѣчу:

Невозможность въ точности обозначить подразумѣваемый глаголъ недоказываетъ, что выраженіе искони безглагольно, ибо падежъ можетъ служить дополненіемъ не къ одному

лаголу, а къ болѣе-менѣе обширному лексическому и грамматическому разряду глаголовъ. Такимъ образомъ „вина!“, вырванное изъ связи рѣчи и разсматриваемое отвлеченно, можетъ одинаково предполагать глаголы: подай, принеси, купи, налей, выпей и т. п., но отъ этого свойство родительнаго части неизмѣнится и такой падежъ неста-нетъ первобытнымъ предикативнымъ.

Вопросъ „какъ могъ бы зависимый винит. чередоваться съ именительнымъ“ (т. е. такъ какъ онъ чередуется, то, значитъ, онъ винительный независимый), возникъ такимъ образомъ, что авторъ самъ произвелъ чередованіе, отождествивши выраженія на дѣлѣ различныя, какъ напр. мр. добра́-ніч! поль. dobra-noc! (именит. подлежащаго) и серб. лаку ноћ! (винит. прямого объекта), или лит. te ůdega! вотъ хвостъ! (съ именит. какъ и въ слѣд.: „и рыболовъ кинулъ пять осетровъ на корабль: „восе, государь, тебѣ рыбы и бес продажи!“, „вося, государыня, дары отъ короля Додона!“; „восе, государыни матушка. дѣти твои!“ Сказ. о Бовѣ, Пам. др. письм. 1879, I, 65) съ такимъ какъ лит. te tau waiką! на тебѣ дитя! Выраженія какъ лит. ak asz bědnas! (охъ я бѣдный! съ именит.), ak manę bědną! (охъ меня бѣднаго! съ винит.), ak man bědnam! (охъ мнѣ бѣдному) по значенію падежей и общему эффекту другъ другомъ незамѣнимы.

Утвержденіе, что винит. неможетъ зависѣть отъ частицъ мѣстоименнаго происхожденія, упускаетъ изъ виду, что такія частицы могутъ явно стать глаголами, принявши личныя окончанія: вр. мр. на, на-те, поль. и съ окон. 2 л. ед. naś-ći; мр. ке, ке-те; ну, нумо, нуте; геть (прочь! во 2 л. ед.), гетьте.

На вопросъ „что такое глаголъ-сказуемое и чѣмъ отличается
онъ отъ ближайшей къ нему части рѣчи, имени?“ прежде всего слѣ- 102
дуетъ отвѣчать такимъ образомъ: если предложеніе неможетъ быть
опредѣлено, какъ содержаніе, то и свойство составныхъ его членовъ
вообще, и въ частности различіе имени и глагола должно быть только
формальное, т. е. должно состоять не въ содержаніи, а въ способѣ
его представлять.

Затѣмъ при опредѣленіи частей рѣчи должно быть принято въ соображеніе то, что глаголъ (vb. fin.) арійскихъ языковъ всегда, а имя— почти всегда (ср. выше, стр. 9—10) обнаруживаетъ (по меньшей мѣрѣ) двойственность своего состава: вѣсть (=вѣд+ть)—3-е л. ед. наст., вѣсть (=вѣд+ть)—именит. ед. ж. р. Опредѣленіе глагола или имени, совпадающее съ опредѣленіемъ одной изъ ихъ составныхъ частей (части вид-, вѣд-, или части -ти, -ть) будетъ ошибочно даже въ случаѣ, если опредѣленіе этихъ частей будетъ вѣрно, а тѣмъ паче, если этимъ частямъ взятымъ порознь будетъ приписано то, что появилось лишь въ силу ихъ сочетанія.

Названіе однихъ корней (какъ вид-) вещественными (stoffwurzeln), другихъ (какъ -ти) формальными (formwurzeln), основанное на томъ, что вторые преимущественно служатъ для означенія грамматическихъ отношеній, ведетъ къ ошибочному предположенію, что формальность ихъ исконна, что они непредполагаютъ самостоятельныхъ словъ съ вещественнымъ значеніемъ.

Другіе называютъ корни вид- и т. п. глагольными, корни -ти и пр. мѣстоименными. Если подъ этимъ разумѣть болѣе того, что отъ

первыхъ съ прибавкою вторыхъ образуются между прочимъ и глаголы; если думать, что такъ называемый глагольный корень ближе къ нынѣшнему глаголу, чѣмъ къ имени: то выйдетъ, что такой корень неесть корень, въ смыслѣ первообразнаго слова безъ всякихъ грамматическихъ категорій.

Третьи, удерживая названіе корней вид- и т. п. глагольными, думаютъ, что корни -ти должны называться именными. Фикъ говоритъ: „эти корни называютъ мѣстоименіями (pro-nomina), потому что они имѣютъ значеніе не сами по себѣ, а какъ замѣстители другихъ именъ, возникшихъ изъ глаголовъ... Съ бóльшимъ основаніемъ можно видѣть въ нихъ настоящія древнія имена, такъ что, на оборотъ, позднѣйшія имена можно бы назвать замѣстителями мѣстоименій, усиленными прибавкою глагольнаго значенія (verbalbegriff), а мѣстоименія чистыми именами безъ глагольной примѣси. Такимъ образомъ, приписывая древнѣйшему языку рядомъ съ пра-глаголомъ столь же первобытное имя, мы противорѣчимъ мнѣнію, что было время, когда языкъ, еще неспособный къ образованію именъ, состоялъ только изъ глагольныхъ корней, или праглаголовъ; между тѣмъ языкъ, обозначающій дѣйствія, но лишенный способности обозначать носителя этихъ дѣйствій, немогъ бы быть выразителемъ самаго грубаго и простого человѣческаго мышленія. Ибо мышленіе, основанное на самосознаніи, начинается со способности разлагать воспріятіе на двѣ основныя его части, т. е. отдѣлять носителя дѣйствія отъ самаго дѣйствія и соединять ихъ другъ съ другомъ... Такая способность разлагать и слагать была уже присуща сознанію перваго человѣка. Это выразилось въ раздѣльномъ, но одновременномъ созданіи звуковъ, изъ коихъ одни означали чистый субъектъ, другіе—дѣйствія, совершаемыя имъ. Согласно съ этимъ, въ мѣстоименныхъ корняхъ быть можетъ можно еще распознать основное общее значеніе тотъ (der), т. е. чувственно или мысленно созерцаемый носитель дѣйствій. Вскорѣ это значеніе, по близости или дальности этого носителя, распалось на раздѣльныя обозначенія я, ты, онъ, этотъ, тотъ. Затѣмъ глагольные и мѣстоименные корни, которые съ самаго начала существовали не каждые для себя, а лишь для того, чтобы соединяясь обозначать воспріятіе, или, что тоже, образовать первобытное предложеніе, стали вступать между собою въ болѣе тѣсныя сочетанія. Изъ сопоставленія ихъ возникло и индоевропейское слово. Если въ ихъ сочетаніи перевѣшиваетъ глагольное значеніе, то возникаетъ глаголъ (*ад-ма, ѣмь); если перевѣшиваетъ именное значеніе, возникаетъ имя (*ад-тар)“, Fick, Vergl. wörterb. [2] 934—5. Такимъ образомъ случилось то, что съ Фаустомъ при переводѣ 1-й гл. Ев. отъ Іоанна: „im anfang war... die that!“ „Въ началѣ бѣ“ глаголъ и имя, которые хотя и названы первобытными, но имѣютъ существенныя свойства позднѣйшихъ!

Мое отношеніе къ этому взгляду отчасти уже указано выше. Основная ошибка, мнѣ кажется, состоитъ въ удержаніи стариннаго опредѣленія глагола и въ перенесеніи этого опредѣленія на такъ называемый глагольный корень. Что до перваго, то говорятъ, что (нынѣшній) глаголъ означаетъ дѣйствіе, какъ существительное—предметъ, прилагательное—свойство (Бусл., Гр. § 120). Пусть точно гл. летитъ означаетъ дѣйствіе: это одно несоставляетъ глагольной природы, ибо слова полетъ, бѣгъ и пр. означаютъ дѣятельности, небудучи глаголами [1]). Что до второго, то немыслимо, чтобы такъ называемый глагольный корень имѣлъ отвлеченное значеніе, каково значеніе дѣйствія (ср. выше стр. 23—5). Объективируемое въ словѣ и подлежащее повѣркѣ сознанія мышленіе начинается не съ разложенія воспріятія на субстанцію и предикатъ или аттрибутъ, а съ обозначенія цѣлаго воспріятія. Такимъ образомъ слово, предполагаемое лексическою частью (лек-) глагола летитъ, означало не дѣйствіе, взятое отвлеченно, а еще неразложенное воспріятіе, безразличную совокупность предмета и дѣйствія, напр. не полетъ, приписываемой птицѣ, а летящую птицу безъ всякаго разложенія этого явленія. Ближайшее значеніе части *лек въ гл. летитъ есть примѣта или признакъ, коимъ воспріятіе, напр. летящая птица, намѣчается мыслью для дальнѣйшей мысли. Такое же значеніе въ той же мѣрѣ предполагается и именемъ и есть столь же доименное, какъ доглагольное. Это *лек (или его первообразъ) само по себѣ, безъ дополненія со стороны мѣстоименнаго корня могло составлять первобытное предложеніе. Тоже слѣдуетъ сказать о корняхъ мѣстоименныхъ: они также означали не субстанцію отдѣльно отъ аттрибута, а цѣльное воспріятіе; они въ той же мѣрѣ были самостоятельны и предикативны, какъ въ дѣтскомъ языкѣ предикатами невыраженнаго объекта апперцепціи могутъ одинаково служить и слова, какъ вава! и слова указательнаго значенія, какъ а!

Доглагольное и доименное слово отличается отъ первобытнаго мѣстоименія способомъ обозначенія воспріятій; мѣстоименіе отмѣчаетъ воспріятія указаніемъ, т. е. относительно говорящаго (этотъ—болѣе близкій ко мнѣ, тотъ—болѣе далекій отъ меня), а корни какъ лек—признакомъ безотносительнымъ. Поэтому, устранивши сбивчивое названіе „глагольные корни", слѣдуетъ назвать такіе корни безотносительными, качественными или объективными, а мѣстоименные—относительными, указательными или субъективными [2]) (послѣднее, по выше сказанному, отнюдъ не въ томъ смыслѣ, что они первобытные грамматическіе субъекты). Различіе корней качественныхъ

[1]) Steinth. Gr. Log. u. Psych. 370; ср. Бусл. Гр. § 158: „названія отвлеченныхъ свойствъ и дѣйствій, суть существительныя, а не прилагательныя и глаголы, напр. бѣлизна, доброта, любовь, хожденіе".

[2]) Steinth. Charakteristik и пр. 278.

отъ указательныхъ относится ко глубочайшей древности; но, если судить по позднѣйшимъ языкамъ, оно можетъ быть непервобытно. Именно извѣстны въ разныхъ языкахъ случаи образованія мѣстоименій отъ именъ съ качественными корнями, напр. нѣм. man въ man spricht, фр. on въ on parle; хорут. isti, тотъ, тотъ самый, откуда taj-isti, tist тотъ самый; лит. pats сам (изъ patis, господинъ, хозяинъ, какъ наоборотъ врусс. самъ получило качественное значеніе хозяина, главы дома), поль. pan въ знач. мѣстоим. 2 л.=русс. вы и пр.

103 Итакъ понятіе о качественномъ или, какъ называли, глагольномъ корнѣ недаетъ никакого руководства къ различенію глагола и имени. Сравнивая съ одной стороны выраженія, какъ „зеленая трава", несоставляющія предложенія, а съ другой предложенія, какъ „трава зеленѣетъ", ненайдемъ въ нихъ никакого различія по содержанію; но глаголъ изображаетъ признакъ во время его возникновенія отъ дѣйствующаго лица, а имя—нѣтъ. Въ этомъ опредѣленіи глагола безразлично, будетъ ли моментъ возникновенія признака современенъ рѣчи говорящаго, или нѣтъ; будетъ ли время представляться продолжительнымъ, или мгновеннымъ; будетъ ли самое возникновеніе признака фактомъ, или повелѣніемъ, желаніемъ, условіемъ. При большомъ разнообразіи прочихъ формальныхъ опредѣленій, въ глаголѣ постоянно
104 лишь то, что въ немъ признакъ представляется „энергическимъ обнаруженіемъ силы, непосредственно вытекающимъ изъ дѣйствующаго лица" (Humb. Ueb. versch. 256, 259; Steinth. Charakt. 278). Въ понятіе о глаголѣ непремѣнно входитъ отношеніе къ лицу, каково бы ни было это послѣднее: извѣстное или нѣтъ, дѣйствительное или фиктивное. Такъ какъ въ выраженіяхъ, какъ „люблю" и равносильныхъ имъ, хотя и снабженныхъ знакомъ лица спереди (j'aime), есть только отношеніе къ лицу, а самое лицо (подлежащее) необозначено никакъ, ни качественно, ни указательно; то такія выраженія незаключаютъ въ себѣ ничего, кромѣ сказуемаго, т. е. безсубъектны. Поэтому предложенія, какъ „свѣтаетъ", которыя дѣйствительно отличны отъ вышеприведенныхъ, такъ же неловко называть ихъ старымъ именемъ („безличныя", хотя имѣютъ лицо, т. е. lucus a non lucendo), какъ и именемъ, какое предлагаютъ имъ теперь, между прочими, Миклошичъ: „безсубъектныя". Правда, они безсубъектны, но этимъ необозначено ихъ отличіе отъ „люблю" и пр. Въ послѣднихъ есть указаніе на опредѣленный субъектъ („люблю" кто?—я), въ первыхъ на неопредѣленный: „свѣтаетъ" что?—неизвѣстно что, нѣчто, въ славянскихъ языкахъ, какъ и въ нѣмецкомъ, относимое къ среднему роду („разсвѣло"). Впрочемъ въ стремленіи къ точности выраженія легко дойти до абсурда, если непринимать въ разсчетъ, что вообще слово цѣнится не по своему этимологическому значенію, а по тому, на которое указываетъ значеніе этимологическое. Подъ безличностью глагола давно привыкли понимать не от-

сутствіе грамматическаго лица, а известныя его свойства. Этимъ устранена опасность смѣшенія понятій и необходимость искать новаго термина.

О другомъ опредѣленіи подлежащаго и сказуемаго (Буслаевъ, Гр. §§ 122, 124), по которому выходитъ, что „дамъ," „я говорю" суть сказуемыя, но въ тоже время заключаютъ въ себѣ подлежащія (личныя окончанія и личныя мѣстоименія съ чисто формальнымъ значеніемъ), такъ что за вычетомъ подлежащаго сказуемымъ окажется не личный глаголъ, а глагольная тема, было говорено выше (IX).

Личныя окончанія, какъ знаки связи сказуемаго съ подлежащимъ, образовались изъ указательныхъ словъ, имѣвшихъ вещественное значеніе. До этого небыло еще глагола-сказуемаго въ вышеопредѣленномъ смыслѣ, но возникновеніе его могло быть извѣстнымъ образомъ подготовлено. Штейнталь думаетъ, что до появленія личныхъ окончаній разница между названіемъ дѣйствующаго лица и его энергіи была въ арійскихъ языкахъ намѣчена тѣмъ способомъ, который въ семитическихъ языкахъ есть главное средство образованія формъ, а въ арійскихъ уже съ давнихъ поръ имѣетъ лишь второстепенное значеніе, именно внутреннимъ измѣненіемъ корня; дѣйствіе означалось удвоеннымъ корнемъ, дѣйствующее лицо—корнемъ простымъ съ усиленною гласною (Charakterist. 258). Быть можетъ, было время уже послѣ образованія личныхъ окончаній глагола, когда имя, по простотѣ своего строенія, еще совпадало съ корнемъ, въ смыслѣ безформеннаго слова. На это могутъ служить указаніемъ имена дѣйствующаго лица или предмета и дѣйствія, какъ скр. дрç, око (какъ смотрящее), еще (?) неимѣющія падежнаго окончанія. Во всякомъ случаѣ тотъ глаголъ безъ личныхъ окончаній и то имя безъ окончанія падежа были вовсе не то, чѣмъ они стали по образованіи личныхъ и падежныхъ окончаній.

3. Опредѣленія подлежащаго, опредѣленія (непосредственнаго аттрибута), предикативнаго аттрибута въ сложномъ сказуемомъ, дополненія (грамматическаго объекта) должны совпадать съ опредѣленіемъ **имени**, къ которому мы теперь и переходимъ.

Существительныя и прилагательныя въ тѣсномъ смыслѣ (т. е. произведенныя отъ безотносительныхъ корней), будучи близки къ глаголу [1]), еще болѣе близки между собою. И теперь многіе суффиксы безразлично образуютъ какъ существительныя, такъ и прилагательныя, а чѣмъ далѣе въ старину, тѣмъ болѣе здѣсь сходства между этими частями рѣчи. Такъ напр. славянскіе языки потеряли прилагательныя съ темою на-*и* и на-*у*, отчасти сохранивши эти темы въ существительныхъ; но несомнѣнно, что прилагательныя съ такой темой были и въ этихъ языкахъ. Склоненіе существительныхъ и прилагательныхъ первоначально одно и отлично отъ склоненія мѣстоименій. Образованіе мѣстоименнаго

[1]) Что однако недаетъ права утверждать, что „всѣ имена происходятъ отъ глаголовъ" (Mikl. Synt. 2).

склоненія прилагательныхъ, а въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ почти полное забвеніе именнаго ихъ склоненія, есть явленіе относительно позднее. Согласно съ этими сходствами для существительнаго и прилагательнаго есть общее названіе (имя) и должно быть общее опредѣленіе, въ коемъ бы обѣ эти части рѣчи безразлично противополагались глаголу.

Ходячія опредѣленія, неуказывающія ни на взаимную близость существительнаго и прилагательнаго, ни на ихъ отношеніе къ глаголу, именно опредѣленіе существительнаго, какъ названія предмета, а прилагательнаго — какъ названія свойства, невѣрны. Первое недовольно опредѣлительно, а второе и вовсе неопредѣляетъ.

Существительное есть точно названіе предмета, но лишь въ одномъ смыслѣ этого слова, который самъ нуждается въ опредѣленіи. Дѣло въ томъ, что такое грамматическій предметъ? Съ извѣстной точки зрѣнія бѣлизна, доброта, скупость и добрякъ, скупецъ суть названія качествъ; но эта точка недаетъ познанія языка, ибо мѣшаетъ отличать добрякъ отъ добрый: это точка неграмматическая. Другіе съ такимъ же основаніемъ скажутъ, что имена первоначальнo означаютъ дѣятельности, ибо всѣ вещи представляемъ какъ-либо дѣйствующими и называемъ согласно съ этимъ (Mikl. Synt. 2). Третьи тоже свойство первоначальнаго имени могутъ назвать качественностью [1]).

Прилагательное называютъ именемъ свойства, понимая подъ свойствомъ какъ безотносительное качество (бѣлый), такъ и относительное, т. е. такое, которое немыслимо въ предметѣ, если при этомъ немыслится
107 другой предметъ (отцовъ, отцовскій). Свойство безъ другихъ опредѣленій есть терминъ такой же неграмматическій, какъ и качество, отношеніе, дѣйствіе. Глаголъ бѣлѣетъ, существительное бѣлизна́, нарѣчіе бѣлымъ-бѣло съ такимъ же правомъ могутъ быть названы названіями качества или свойства, какъ и прилагательное бѣлъ. Если останемся при опредѣленіи прилагательнаго какъ признака, то станемъ на точку зрѣнія Недоросля, съ которой „слово дуракъ—прилагательное, потому что прилагается къ глупому человѣку“. Существительное и глаголъ могутъ означать и относительныя качества: бабство (свойство бабы), бабить, бабовать (что „она бабитъ„—это ея качество).

Отыскивая такое опредѣленіе имени, которое бы соотвѣтствовало вышеприведенному опредѣленію личнаго глагола, находимъ, что, по отношенію къ познающему лицу и акту познанія, имя относится ко глаголу, какъ воспоминаніе прежде познаннаго къ познаваемому вновь; что, по отношенію къ познаваемому, въ имени представ-

---

[1]) „Das substantiv gibt dan namen, das adjectiv die beschaffenheit eines gegenstandes an. Sicher war auch jenes bei seinem ursprung von einer eigenschaft des benannten ausgegangen, deren bedeutung sich allmälich verdunkelte und in einen vielseitigeren begrif auflöste, während der einseitige sinn des adjectivs fester beharrt“, Grimm Gr. IV, 254.

вляется признакъ не какъ производимый предметомъ (солнце свѣтитъ), а какъ данный въ предметѣ, находящійся въ немъ (свѣтлое солнце, свѣтъ солнца). Когда говорю: „солнце свѣтитъ", то это (при ясности этимологическаго значенія слова „солнце", свѣтлое, свѣтящее), значитъ: то, что я прежде называлъ свѣтлымъ и что подъ этимъ ярлыкомъ было сложено въ моей памяти, то, какъ замѣчаю, производитъ теперь свѣтъ [1]).

Разница между существительнымъ и прилагательнымъ сходна съ разницею между предложеніемъ, состоящимъ изъ подлежащаго и сказуемаго, и предложеніемъ безъ подлежащаго, съ однимъ сказуемымъ. Въ послѣднемъ случаѣ въ сказуемомъ обозначено отношеніе къ подлежащему, но само подлежащее немыслится. Такъ и въ прилагательномъ
бѣлъ, бѣлый мыслится и то, что признакъ находится въ чемъ либо, 108
но само это нѣчто со стороны своего содержанія немыслится. Оно опредѣлено лишь грамматическою формою прилагательнаго; оно есть при бѣлый именительный един. числа м. р., а въ прочемъ можетъ быть названіемъ какой угодно совокупности признаковъ. Такимъ образомъ прилагательное есть признакъ данный въ чемъ-то, что безъ помощи другого слова остается со стороны содержанія неопредѣленнымъ. Ниже увидимъ, что это опредѣленіе прилагательнаго косвенно заключаетъ въ себѣ и опредѣленіе существительнаго. Предупреждая это послѣднее, замѣтимъ слѣдующее о происхожденіи категорій имени.

Допуская одновременное возникновеніе имени и глагола и ихъ противоположности, тѣмъ самымъ признаемъ ихъ взаимную связь и непосредственную близость. Между тѣмъ въ нашемъ языкѣ и близкихъ къ нему изъ всѣхъ отдѣловъ имени одно причастіе прямо примыкаетъ къ глаголу, занимая по значенію середину между нимъ съ одной стороны и существительнымъ и прилагательнымъ въ тѣсномъ смыслѣ [2]) съ другой. Въ причастіи возникающій признакъ (черта глагола) представляется даннымъ (черта имени); иначе: въ немъ данный признакъ представляется зависимымъ отъ энергіи присущей предмету, но сама эта энергія немыслится, между тѣмъ какъ въ собственномъ прилагательномъ немыслится и отношеніе къ энергіи. „Зеленѣющая" трава значитъ нетолько имѣющая признакъ зелени, какъ „зеленая", но и имѣющая его въ силу того, что сама производитъ этотъ признакъ. Въ нынѣшнемъ языкѣ замѣчаемъ, что существительныя и прилагательныя въ тѣсномъ смыслѣ производятся отъ причастій, но никогда наобо-

---

[1]) По Курціусу, разница между глаголомъ и именемъ сводится на различіе „der flüssigen und der erstarrten handlung" (G. Curt. Zur chronolog. 21).

[2]) А не между однимъ прилагательнымъ и глаголомъ. Сущ. и прилагат. берутся здѣсь въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. безъ мѣстоименій существительныхъ и прилагательныхъ.

ротъ [1]). Отсюда заключеніе, что первобытное имя, предшествовавшее выдѣленію категорій существительнаго и прилагательнаго, по способу представленія въ немъ признака, ближе всего подходило къ причастію; что оно могло бы быть названо причастіемъ, если бъ съ послѣдняго снять слои, налегшіе на него впослѣдствіи. Прежде всего ненужно себѣ представлять причастія непремѣнно словомъ отглагольнымъ: оно не происходитъ отъ глагола, а появляется вмѣстѣ съ нимъ. Собственно и о позднѣйшихъ причастіяхъ, понимаемыхъ въ тѣсномъ смыслѣ, по крайней мѣрѣ о значительной ихъ части, нельзя сказать съ увѣренностью, что они произведены отъ глагола (vb. finitum): фактъ состоитъ только въ общности темы глагола и причастія, общности, которая въ нѣкоторыхъ случаяхъ могла произойти и наоборотъ вслѣдствіе отпричастности нѣкоторыхъ глагольныхъ разрядовъ. Относительно первобытнаго арійскаго языка имѣетъ силу слѣдующее предположеніе, основанное между прочимъ на существованіи въ санскритѣ и др. языкахъ именъ, присоединяющихъ падежныя окончанія непосредственно къ корню. По образованіи отъ качественнаго корня личнаго глагола посредствомъ присоединенія къ этому корню знаковъ 3-хъ лицъ един. числа и сліянія ихъ съ этимъ корнемъ въ одно слово, оставшееся простое качественное слово немогло уже быть попрежнему безформеннымъ, какъ кругъ, по отсѣченіи его части, перестаетъ быть кругомъ. Это слово, напр. да- по отношенію къ 3-му лицу да-та, своимъ присутствіемъ оттѣнявшее глаголъ, и само было уже отрицательно характеризовано и имѣло функцію части рѣчи. Какой? Мы говоримъ— имени-причастія безъ временъ, залоговъ, родовъ, числъ и падежей, стало быть имени, стоящаго на степени безразличія грамматическаго субъекта и объекта, субъекта и аттрибута. Появившіеся впослѣдствіи суффиксы несоздали категоріи имени, а лишь внесли въ нее нѣкоторыя различія, врядъ-ли опредѣлимыя въ настоящее время, но, конечно, небывшія нынѣшними различіями существительнаго, прилагательнаго и причастія въ собственномъ смыслѣ. Нынѣшнее причастіе есть часть рѣчи обособленная, оставшаяся
110 за выдѣленіемъ категорій существительнаго и прилагательнаго, откуда понятно, что способы его образованія весьма ограничены сравнительно съ болѣе древнимъ причастіемъ. Такое мнѣніе кажется лишь продолженіемъ въ темное прошедшее выводовъ положительнаго языкознанія. Въ періодѣ ближайшемъ къ началу славянской письменности есть основанія предполагать большее число причастій, чѣмъ сколько ихъ находится позже. Да оглянувшись, и въ наличномъ славянскомъ языкѣ мож-

[1]) Кто утверждаетъ противное, напр. что причастія на -н-, -т- (данъ, битъ) возникли изъ прилагательныхъ, тотъ долженъ отсылать насъ за доказательствами къ доисторической древности, относительно которой едвали можно утверждать, что тогда „категорія прилагательнаго“ (въ нынѣшнемъ смыслѣ была вполнѣ развита“ (Ср. Paul, Principien der sprachgeschichte, [1] 212).

но ихъ найти больше, чѣмъ сколько принято считать. Такъ можно лишь одобрить мнѣніе, что вторая половина составныхъ словъ, какъ скоро-ходъ, блюдо-лизъ, серб. брзо-плет (родъ наскоро плетомаго плетня), руко-сад (виноградъ собственноручной посадки) есть причастіе (Jagić, Rad Jugosl. Akad. V. 214). Изъ этого однако неслѣдуетъ, что ловъ въ брзо-лов предполагаетъ причастіе наст. дѣйств. лова и есть его искаженіе, или что плетъ въ брзо-плет предполагаетъ прич. наст. стр. плетомъ. Легкость, съ которою формы, какъ -плетъ, принимаютъ то дѣйствительное, то страдательное значеніе, ведетъ къ мысли, что первоначально залога въ нихъ вовсе небыло. Точно также, переводя эту форму посредствомъ причастій наст. вр. плетущій или плетомый, мы только по нуждѣ беремъ для объясненія форму, снабженную значеніемъ времени, но отнюдъ неприписываемъ времени первобытному причастію. И въ числѣ причастій въ тѣсномъ смыслѣ есть такія, которыя, какъ, кажется, первобытное причастіе вообще, сами по себѣ времени неимѣютъ.

Итакъ первобытное имя-причастіе могло равняться нынѣшнему причастію за вычетомъ изъ послѣдняго между прочимъ категорій времени и залога. Разница между нимъ и глаголомъ могла состоять не въ отсутствіи въ немъ энергичности, а въ томъ, что въ немъ признакъ, производимый дѣятельностью лица, представлялся не возникающимъ въ сознаніи въ моментъ рѣчи, а усвоеннымъ сознанію прежде, и въ этомъ смыслѣ даннымъ. Поэтому въ языкѣ, состоявшемъ, по предположенію, кромѣ мѣстоименій, лишь изъ причастій и глаголовъ, оба эти члена 111
предложенія были дифференцированы гораздо менѣе, чѣмъ въ нынѣшнемъ языкѣ имя и глаголъ. Имя было, такъ сказать, гораздо предикативнѣе; предложеніе заключало въ себѣ менѣе единства, основаннаго на противоположности главныхъ членовъ, чѣмъ нынѣшнее. „Солнце свѣтитъ“ могло значить приблизительно: тотъ комплексъ признаковъ, который уже познанъ, какъ производящій свѣтъ (время прошедшее, но лишь субъективное, относящееся не ко времени совершенія событія, а ко времени усвоенія), производитъ свѣтъ.

Когда прилагательное или причастіе въ языкѣ доступномъ наблюденію становится существительнымъ, то признакъ въ немъ сначала нисколько неизмѣняется, а лишь то, въ чемъ находится признакъ, становится по содержанію опредѣленнымъ. Что было въ прилагательномъ и причастіи вопросомъ, напр. бѣлъ кто? [1]) ветхъ кто? коростель (т.

[1]) Что первоначально разницы между кто? и что? небыло, въ этомъ, кромѣ различныхъ соображеній, можетъ наглядно убѣдить наблюденіе надъ дѣтьми. Я знаю ребенка, говорящаго уже довольно бойко, но упорно удерживающаго такія выраженія, какъ „кто это въ стаканѣ“?—цвѣтокъ поставленный въ воду. Ср. въ н. пѣснѣ:

Нихто няцвиу нихто няцвиу, адзинъ василёчикъ;

Нихто нямилъ нихто нямилъ, адзинъ милъ дружочикъ. (Шейнъ, Бр. п. 222).

е. издающій такіе-то звуки [1]) кто? то является въ видѣ отвѣта въ существительномъ: бѣлъ бѣлокъ, ветха—ветошка [2]), коростель (т. е. издающій такіе то звуки)—такая-то птица. Мы предполагаемъ такое же отношеніе первобытнаго причастія къ существительному. Существительное первоначально есть признакъ, заключенный (данный, уже готовый) въ чемъ-то, опредѣленномъ для мысли и безъ
112 помощи другого слова: бѣлокъ есть бѣлая часть яйца, бѣлая покрытая снѣгомъ гора; бѣль есть бѣлая пряжа, бѣлыя колосья (безъ зеренъ), бѣлая мѣлкая рыба, бѣлый порошокъ (сулема); старикъ—старый человѣкъ или старое русло рѣки, носящей мужское имя, напр. Днѣпръ; старуха—старая женщина или старое русло рѣки съ женскимъ именемъ, старка—старая овца, старая водка и т. п.

Хотя, произнося подобное существительное, мы немыслимъ in extenso того, въ чемъ данъ этимологическій признакъ, и хотя, стало быть, это нѣчто остается за предѣлами сознанія; но въ существительномъ это нѣчто и въ остальномъ своемъ составѣ, кромѣ этимологическаго признака, уже неесть сырой матеріалъ мысли: оно было уже прежде въ этихъ непоименованныхъ признакахъ доведено до сознанія. Сравнительно съ первобытнымъ именемъ, существительное есть результатъ болѣе сложной работы мысли.

Способъ, какимъ языкъ даетъ въ существительномъ отвѣтъ на вопросъ, заключенный въ прилагательномъ, чисто формаленъ. Прибавка въ существительномъ новаго суффикса, который самъ по себѣ можетъ быть столь же свойственъ и прилагательнымъ, или легкое измѣненіе значенія прежняго суффикса, бывшаго уже въ прилагательномъ, сами со себѣ неопредѣляютъ того, что именно означается признакомъ въ существительномъ. Продолжая сдѣланное выше сравненіе существительнаго съ предложеніемъ, состоящимъ изъ подлежащаго и сказуемаго, сравненіе, которое недолжно быть принимаемо за отождествленіе, можемъ сказать, что существительное болѣе сходно съ такимъ предложеніемъ, въ коемъ подлежащее есть мѣстоименіе, какъ знаменательная
113 часть рѣчи, чѣмъ съ такимъ, гдѣ подлежащее есть существительное. Если существительное бѣль, бѣлая пряжа, можетъ быть сравнено съ

---

1) Поль. chrós-ciel, rallus. Кор. кард- (скр. кард-=пард-, crepitare) или карт- (лит. kertu, kirsti, рубить; ср. названіе той же птицы вр. дерг-ачъ, мр. дерк-ачъ, потому что дергаетъ, объ издаваемомъ ею звукѣ. Суф.-тель, образующій nomina agentis, заключаетъ въ себѣ суф.-тар, образующій причастія въ санскр. и латинскомъ.

2) Въ стар. русс. прямо ветъхъ: „Богъ мывъся въ мовници и вспотився, от(ре)ся (или отьръся, прич.) ветъхомъ и верже съ небесе на землю“ (Лавр. лѣт. 76). Нѣтъ достаточной причины думать, что это описка, вм. вѣхътьмь или вѣхтемъ, какъ стоитъ въ Ипатьевскомъ спискѣ, или что вѣхъть (мр. віхоть, поль. wiecheć, чеш. věchet', хорут. vehet) есть перестановка изъ ветъхъ. Ср. вѣха. Написаніе „вехоть соломы“ съ е, (Ин. 218) ошибочно.

„это бѣло“, то бѣль, въ значенiи чего-то бѣлаго („будь то бѣль забѣлѣлася“), сходно съ предложенiемъ, въ коемъ подлежащее есть неопредѣленное мѣстоименiе: „нѣчто бѣло“. Въ послѣднемъ примѣрѣ кругъ признаковъ, въ которомъ заключенъ признакъ бѣлизны, представляется неизвѣстнымъ, однако не въ томъ смыслѣ, какъ въ прилагательномъ, ибо въ бѣль нетребуется поясненiя другимъ словомъ (существительнымъ), что бѣло, какъ въ прилагательномъ бѣлъ. Въ бѣль, нѣчто бѣлое, данъ на это отвѣтъ, хотя и неясный; совокупность неизвѣстныхъ признаковъ, къ коимъ отнесенъ признакъ этимологически данный, здѣсь представляется дѣйствительно существующей.

Затѣмъ, намъ представляются существительныя отвлеченныя, какъ бѣлизна́. Гдѣ здѣсь совокупность признаковъ, изъ которой выдвинутъ одинъ? Ея нѣтъ въ дѣйствительности. Она фиктивна. Но такiя фикцiи не съ разу создаются въ языкѣ. При появленiи такихъ существительныхъ, ихъ грамматическiй родъ прибавляетъ къ ихъ признаку свои, на столько опредѣленные, что при благопрiятныхъ для этого условiяхъ изъ нихъ можетъ развиться миѳическiй образъ, напр. „встала обида, всплескала лебедиными крилы“. Лишь въ послѣдствiи изчезаетъ это значенiе грамматическаго рода, соозначаемый самостоятельный кругъ признаковъ пустѣетъ, перестаетъ быть содержанiемъ и становится лишь способомъ представлять признакъ этимологически данный. Существительное становится отвлеченнымъ т. е. названiемъ признака, мыслимаго самостоятельно, независимо отъ какого либо комплекса признаковъ, и представляемаго источникомъ дѣйствiя (подлежащее) или предѣломъ дѣйствiя другимъ предметомъ, кромѣ подлежащаго, съ (коимъ какъ либо соприкасается дѣйствiе), дополненiемъ. Этимъ опредѣленiемъ существительное отвлеченное несмѣшивается съ прилагательнымъ, ибо послѣднее есть данный признакъ, мыслимый не самостоятельно, а въ чемъ-то другомъ. „Грамматическое различiе между существительными конкретными и абстрактными основано не на противоположности чувственнаго и неподлежащаго чувствамъ, а на томъ, признается-ли суб- 114
станцiальность реальною, т. е. объективно существующею въ дѣйствительности, или только идеальною, то есть формою, которая придана мыслью чему-то, что само по себѣ несамостоятельно. Конкретнымъ существительнымъ будетъ и названiе неподлежащаго чувствамъ или сверхчувственнаго, если послѣднее мыслится, какъ самостоятельная индивидуальная субстанцiя, напр. Богъ, духъ, душа, время. Напротивъ, содержанiемъ отвлеченнаго существительнаго можетъ быть воспринимаемое чувствами, напр. красота, величина, ибо сущность такого существительнаго въ томъ, что оно подводитъ подъ форму субстанцiальности понятiе аттрибутивное, все равно чувственное, или нечувственное, т. е. свойство или дѣйствiе, находящееся въ субстанцiи“ (Heyse, System der sprachw. § 187).

Оба приведенныя опредѣленія существительнаго, какъ признака, предполагаютъ, что этотъ признакъ ясенъ, что онъ вноситъ свое содержаніе въ мысль; но съ теченіемъ времени во множествѣ сущ. конкретныхъ признакъ теряется; такъ напр. въ словѣ дубъ хотя и былъ нѣкогда свой признакъ, столь же явственный, какъ въ бѣлокъ и т. п., но теперь это слово относитъ мысль лишь къ извѣстному самостоятельному кругу признаковъ, непротивопоставляя этому кругу никакого отдѣльнаго признака. На этой степени развитія, существительное конкретное есть такое названіе опредѣленнаго вмѣстителя или вмѣстилища признаковъ, которое недаетъ возможности опредѣлить, какой изъ этихъ признаковъ ближе къ сознанію. Здѣсь насъ оставляетъ возможность сравненія съ предложеніемъ, ибо въ этихъ существительныхъ никакого подобія сказуемаго намъ недано.

Забвеніе признака въ существительномъ происходитъ, если не исключительно, то главнымъ образомъ отъ того, что этотъ признакъ оказывается несущественнымъ въ ряду другихъ, имъ соозначаемыхъ, или противорѣчитъ имъ. Напр. если правда, что дочь значило доильщица
115 отъ доенія коровъ, то какой смыслъ имѣлъ бы этотъ признакъ, когда при другихъ условіяхъ быта, отъ употребленія этого слова въ рѣчи сложилось нынѣшнее его значеніе? [1]) Такія измѣненія въ словѣ ненаходятся въ непосредственной зависимости отъ грамматической формы, но они могутъ сами измѣнять ее. Такъ существительное съ забытымъ признакомъ тѣмъ самымъ рѣзче отдѣлено отъ прилагательнаго, причастія и глагола, чѣмъ существительное съ признакомъ явственнымъ.

Сводя эти три опредѣленія существительнаго, съ тѣмъ, чтобы получить одно общее, можемъ возвратиться къ старинному опредѣленію. Общій признакъ существительнаго тотъ, что оно есть названіе грамматической субстанціи, или вещи. Если бъ сказать „названіе предмета“, то нужно было бы пояснить, что здѣсь разумѣется предметъ въ обширномъ смыслѣ, т. е. какъ граматическій субъектъ, такъ и объектъ, между тѣмъ какъ грамматическій предметъ въ тѣсномъ смыслѣ, или объектъ, есть лишь косвенный несогласуемый патежъ. Грамматическую субстанцію слѣдуетъ отличать отъ метафизической. Послѣдняя есть вещь сама по себѣ, отдѣленная отъ всѣхъ своихъ признаковъ и представляемая недоступною никакому разложенію и изслѣдованію причи-

[1]) По мнѣнію Потта дочь значило не „ubera ducens“, доящая, а „ducenda“, die erst heimzuführende (Etym. Forsch. II, 1, 589). Другіе, болѣе ясные примѣры: одръ (*о-дьръ), первоначально—одранная съ животнаго шкура, потомъ, a potiori, постель, далѣе—кровать, помость разнаго рода. Мѣсто, сначала, между прочимъ, мѣсто гдѣ лежать, ложе, потомъ оленья и другая шкура, служащая постелью (какъ постель, арх. постлань, цѣлая оленья шкура), далѣе—одна шкура, независимо отъ назначенія, и единица клади: связка, ящикъ, чемоданъ и пр. (Ср. Бусл. Оч. I, 183). Токъ сначала cursus, δρόμος, потомъ, отъ молоченія лошадьми, скотомъ,—гумно и т. д.

ною появленія этихъ признаковъ въ нашемъ сознаніи. Грамматическая вещь несравненно древнѣе такого понятія. Она есть совокупность признаковъ совершенно однородныхъ съ тѣмъ, который можетъ быть эти- 116
мологически данъ въ существительномъ, болѣе тѣсно связанныхъ въ мысли между собою и словомъ, чѣмъ съ другими признаками. Совокупность эта, какъ мы видѣли, можетъ быть и дѣйствительная, и фиктивная. Въ послѣднемъ случаѣ она лишена содержанія и дѣйствуетъ лишь какъ средство опредѣлить точку зрѣнія на признакъ, этимологически данный въ существительномъ. Въ первомъ случаѣ связь этой совокупности со словомъ состоитъ не въ томъ, что она мыслится смѣстѣ съ нимъ, а въ томъ, что, при произнесеніи слова, она, незанимая собою сознающей мысли, представляется готовою стать ея предметомъ.

По Миклошичу, существительное отличается отъ прилагательнаго по значенію тѣмъ, что „первое можетъ означать (точнѣе—просто означаетъ) носителя признаковъ (den träger von beschaffenheiten), а второе нѣтъ“ (Mikl. Synt. 3). Подъ признаками, коихъ носителемъ является существительное, слѣдуетъ здѣсь разумѣть, какъ показываетъ множественное число, не тотъ признакъ, который въ существительномъ можетъ противопоставляться самостоятельному комплексу другихъ признаковъ, а тѣ, которые даются въ предложеніи опредѣленіемъ и сказуемымъ.

Начавши съ имени въ тѣсномъ смыслѣ, какъ слова отъ качественнаго корня, мы дошли до такихъ опредѣленій, въ коихъ о качествен- 117
ности корня вовсе неможетъ упоминаться, потому что вовсе неговорится объ этимологически данномъ признакѣ. Эта обширность опредѣленія не случайна, потому что дѣйствительно подъ понятіе существительнаго и прилагательнаго подходятъ нетолько имена качественныя, но и мѣстоименія, за исключеніемъ нарѣчныхъ (гдѣ и пр.) и тѣхъ, которыя, ставши предлогами и союзами, вовсе неназываются мѣстоимѣніями. Въ этихъ предѣлахъ мѣстоименіе есть или существительное, или прилагательное: я, ты, онъ, мы, вы, они, независимо отъ своей указательности, суть имена субстанцій; тотъ, этотъ, мой, твой суть прилагательныя, имена признаковъ, относимыхъ къ субстанціи, обозначенной другимъ словомъ. Первоначальное различіе между словами качественными и указательными, по образованіи категорій существительнаго и прилагательнаго, является лишь второстепеннымъ основаніемъ дѣленія этихъ категорій.

4. Согласно съ опредѣленіемъ глагола-сказуемаго главнаго предложенія, какъ признака во время его возникновенія отъ дѣйствующаго лица, опредѣлимъ подлежащее главнаго предложенія такимъ образомъ: оно есть вещественное указаніе на непосредственнаго производителя признака, означаемаго сказуемымъ. Подъ вещественнымъ обозначеніемъ разумѣется то, что, какъ выше упомянуто, личное мѣстоименіе бываетъ подлежащимъ только тогда, когда озна-

чаетъ вещь, а не тогда, когда оно равносильно личному окончанію: „я сказа́лъ“, съ силою рѣчи на второмъ словѣ, есть сказуемое безъ подлежащаго, какъ лат. dixi, Можно бы возразить, что такое опредѣленіе годится только для подлежащаго дѣйствительныхъ оборотовъ рѣчи, что только „при глаголахъ дѣйствительныхъ (activa subjectiva et objectiva, дѣйствительныхъ въ тѣсномъ смыслѣ и среднихъ) субъектъ самъ дѣйствуетъ, а при страдательныхъ онъ есть цѣль дѣятельности другаго субъекта“ (Mikl. Vergl. Gr. IV 263); но такое возраженіе страдало бы неточностью терминологіи. Такъ названный другой субъектъ при страдательномъ глаголѣ, напр. у насъ творительный, сродный съ творительнымъ орудія, въ литов. родительный безъ предлога, предполагающій значеніе движенія отъ предмета, есть лишь видъ грамматическаго объекта, а настоящимъ дѣйствователелемъ представляется и здѣсь первый и, по нашему, единственный субъектъ. Это особенно явственно тамъ, гдѣ въ основаніи страдательнаго оборота видна еще возвратность: „книга эта читается всѣми“—она дѣлаетъ такъ, что всѣ ее читаютъ. Конечно, такая самодѣятельность субъекта страдательнаго сказуемаго фиктивна, но она дѣйствительна въ грамматическомъ смыслѣ, какъ способъ изображенія. Такъ существительное отвлеченное
118 есть существительное (substantivum), несмотря на фиктивность своей субстанціи.

Въ нашихъ языкахъ единственные падежи, способные выражать подлежащее суть именительный и звательный.

Отношеніе этихъ падежей другъ къ другу и къ предложенію понимаютъ различно. Шлейхеръ (Compend. ² § 263) говоритъ о звательномъ, что это вовсе не падежъ, а имя въ формѣ междометія, и отсюда выводитъ невозможность особаго падежнаго суффикса для звательнаго. Такого мнѣнія держатся и другіе, между прочимъ Миклошичъ, ~~который~~ который говоритъ: „звательный (лишь) по преданію причисляется къ падежамъ, между тѣмъ какъ и съ внѣшней стороны, въ отличіе отъ прочихъ падежей, онъ неотмѣченъ особымъ суффиксомъ, и (съ внутренней стороны) имя въ этомъ падежѣ, небудучи подчинено принудительной силѣ склада предложенія (einem festen zwange des satzgefüges nicht unterliegt), что обозначается однако названіемъ casus, свободно (loser) приставляется къ рѣчи, подобно междометію“ (Gr. IV, 360). Я, въ отличіе отъ прежняго своего, подобнаго мнѣнія (Изъ зап, I ¹, 157) теперь считаю вѣрнымъ старинное мнѣніе, противопоставляющее именительный и звательный, какъ прямые падежи, т. е. падежи субъекта и словъ согласуемыхъ съ нимъ, остальнымъ косвеннымъ падежамъ объекта. Согласно съ этимъ звательный, какъ и именительный, имѣя опредѣленную дѣятельность въ предложеніи, стоитъ не внѣ его, а въ немъ. Синтактическое различіе имен. и зв.—въ томъ, что именительный лишь въ мѣстоименіяхъ личныхъ я и мы, ты и вы есть 1-е и 2-е лицо; остальныя имена мѣстоименныя

и качественныя суть 3-е лицо; между тѣмъ звательный (съ ниже слѣдующею оговоркою) есть 2-е лицо и, какъ такое, согласуется съ 2-мъ лицемъ глагола. Вопреки правилу „отдѣлять запятою звательный отъ сказуемаго (мр. „сира зе́мле, розступися“ v. „розступися, сира земля́“) и неотдѣлять именительнаго („сира земля розступилася“)“, думаю, что разстояніе въ живой рѣчи между этими падежами и сказуемымъ одинаково. Сходство значеній обоихъ падежей выражается въ томъ, что въ древнѣйшихъ индоевропейскихъ языкахъ только единственное число имѣетъ особую звуковую форму звательнаго (чистая тема безъ падежнаго суффикса, съ переносомъ ударенія къ началу слова: госпо́дь—го́споди, *δεσπότης—δέσποτα*, Vergílius—Vérgili), тогда какъ въ двойств. и множ. ч. звательный (кромѣ переноса ударенія на первый слогъ въ древнеиндійскомъ) имѣетъ суффиксъ именительнаго. Бенфей доказывалъ, что нетолько въ дв. и мн. ч., но и въ единственномъ звательный произошелъ изъ именительнаго, еще въ доисторическое время потерявши суффиксъ именительнаго (для м. р. -с) [1]). Этотъ трудный вопросъ можемъ оставить въ сторонѣ, ограничившись указаніемъ на неподлежащее сомнѣнію стремленіе многихъ языковъ замѣнить звуковую форму звательнаго формою именительнаго. Такъ въ большей части вр. говоровъ, въ хорутан., нѣкоторыхъ хорват. говорахъ звательный оставилъ лишь незначительные слѣды, при чемъ функція его осталалась за именительнымъ.

Обратное явленіе, т. е. звательный въ функціи именительнаго, согласуемый съ 3-мъ лицомъ, находимъ въ народныхъ пѣсняхъ мр., сербскихъ, болгарскихъ, рѣдко въ хорут. [1]). Есть мнѣніе, что, это явленіе не синтактическое, а фонетическое: когда стиху (сербскому десятисложному) недостаетъ слога, то этому недостатку легче всего помочь, замѣнивши именительный какою либо безразличною формою, какова форма

---

[1]) Th. Benfey, Ueber die entstehung des indogermanischen vocativs, Götting. 1872, Abbhandl. der königl. Gesellsch. der wissensch. zu Göttingen, b. VII.

[1]) См. Mikl. Gr. IV, 370, а также въ мр. думахъ: „Оттоді то припало ёму зъ правої руки чотирі полковники: Первый полковниче Максиме Олшаньский, А другий полковниче Мартине Полтавський, Трейтій полковниче Ивана (sic) Богуне, А четвертий Матвій Бороховичу“, Метл. 389; Ей якъ на славній, панове, Україні, у славнімъ городі у Корсуні, Тамъ крикне-покликне Хвилоне Корсуньский полковниче, Козаківъ на Черкеньдолину ув охотне військо викликає“, ib 413; Оттогді-то Хвилоне, Корсуньский полковниче на доброго коня сідав..., ib 414; Тогді-жъ то Ивасю Вдовиченку на доброго коня сідає (ib. 418). Тогді ж-то Хвилоне, Корсуньский полковниче изъ намету выхождає ib. 418, 420. 421, 422; Тогді то Хвилоне, Корсуньский полковник (s.) изтиха словами промовляє, ib. 420; Ивасю Вдовиченку сёго неслухає, ib. 421; Тогді-ж то немогли знати ни сотники, ни полковники... Що наш пан гетьман Хмелницький, Батю Зинов Богдан*у* Чигириньський У городі Чигрині задумав, ib. 391. Относительно формы зват. Богдан*у* ср. въ той же думѣ: „пане гетьмане Хмелницький, батьку Зинов Богдану Чигрыньский, Не буду *я* и пр. ib. 392; Ей Иван*у* Потоцький, кролю Польский; ты-ж-бо... пъєш-гуляєш! ib. 394; оттогді-то Ивану Потоцький, кролю Польский, листи читає ib. 394.

звательнаго. Поэтому въ именахъ женск р., имѣющихъ въ зват. столько же слоговъ, сколько въ именительномъ, звательный неставится вмѣсто именительнаго: „кад то чула беговиц*а* млада“, но „кад то чуо беж*е* господин*е*“, по такому же побужденію, какъ чисто-фонетическое *е* въ случаяхъ: jест*е* њему тама додиjала“, „по широком пољу Демовском*е*“, „за њим*е*“ и т. п. (Jagić, Primjetbe k našoj sintaksi, Književnik II, 180 1865 г.). На это Миклошичъ замѣчаетъ, что такому требованію (лишняго слога) могли бы удовлетворить и другіе падежи, не одинъ звательный; что здѣсь воззваніе (die an- und zurufsform) служитъ обозначеніемъ грамматическаго субъекта (Gr. IV, 370). Я держусь средняго мнѣнія. Именно, допускаю, что во многихъ случаяхъ форма звательнаго употребляется безсмысленно, единственно для размѣра, подобно тому, какъ для той же цѣли употребляются и другія формы, отличныя отъ формъ звательнаго, напр. въ серб. „запросио љубовићу бег*о*... Отле бего (а не зв. беже) на трагове пођe (Пѣванія црногор. 190); но бесjеди Лjубовић*а* бего (ib. 191, рядомъ съ „запросио Лjубовићу бего); jедно бjеше краљевић*а* Марко (какъ и въ обращеніи „побратиме краљевића Марко, ib. 264, гдѣ видѣть родительный принадлежности невозможно, ибо Марко былъ не сынъ королевича, а самъ королевичъ). Такъ и въ Такъ и въ мр.: „первый дука сребраник*а* (т. е. сребрани*к*) Гаврило Довгополенко... То один дука сребраник*а* був обачний... (Метл. 378, 382). Но противъ распространенія мнѣнія проф. Ягича на всѣ случаи и на самое происхожденіе явленія говоритъ то, что разсматриваемый звательный встрѣчается и въ мр. думахъ, размѣръ коихъ легко можетъ обойтись безъ одного слога, при томъ иногда въ случаяхъ, когда именительный и звательный равносложны (напр. Ивасю Вдовиченку... сідає Метл. 418, хотя можно бы сказать нетолько Ивась, но и Ивасё Вдовиченко); въ серб. „Каква j' красна Каица воjвод*о* (Кар. Пjес. II, 483); въ болг. „Болен лежит Станковике Дук*о*... Проговоре Становике Дуко (Миладин. 65—7). Поэтому думаю, что первоначально употребленіе звательнаго вмѣсто именительнаго было знаменательно и произошло изъ обращенія пѣвца къ отсутствующему лицу (третьему), какъ къ присутствующему, во 2-мъ лицѣ, и такое обращеніе, обычное у Гомера (къ Менелаю, Патроклу, Ахиллу, Фебу и пр., въ Одиссеи къ Эвмею) вопреки мнѣнію Ля-Роша (въ примѣч. къ Il. IV, 127), считаю вытекающимъ именно изъ сочувствія пѣвца къ упоминаемому лицу и изъ живости представленія этого лица. Этимъ объясняется, почему въ слав. пѣсняхъ зв. вмѣсто именит. почти только въ именахъ лицъ. Исключеніе, сколько знаю, составляетъ только конь: „есть у мене три коні на стойлі: один кон*ю* як голуб сивенький, другий кон*ю* як ворон чорненький (Метл. 105). За переходъ отъ зват., какъ 2-го лица, ко звательному, какъ 3-му лицу, можно бы считать случаи, когда за обращеніемъ въ звательномъ слѣдуетъ сказуемое въ 3-мъ лицѣ, напр.

Ай же ты собака, злодѣй Калинъ царь!
Думаетъ думушку недобрую,
Совѣтуетъ совѣты нехорошіе
[И] хочетъ отъ жива мужа жену отнять (Рыбник. II. I. 114). [1])

Обыкновено говорится, что всякая часть рѣчи, въ томъ числѣ прилагательное и причастіе, въ качествѣ подлежащаго, становится существительнымъ; но всегдашняя субстантивность подлежащаго, выведенная a priori изъ опредѣленія подлежащаго, какъ имени предмета о которомъ рѣчъ, а не изъ наблюденія и оцѣнки отдѣльныхъ случаевъ, требуетъ оговорки. Субстантивность подлежащаго, а вмѣстѣ и дополненія, есть лишь стремленіе нашихъ языковъ, а не ихъ постоянное свойство. Миклошичъ говоритъ: „есть языки, въ коихъ прилагательное, равно какъ и существительное, можетъ означать носителя свойствъ, и языки, въ коихъ этого нѣтъ. Къ послѣднимъ принадлежатъ славянскіе, хотя правило это ограничивается все болѣе и болѣе исключеніями. Между тѣмъ какъ въ нѣмецкомъ говорится der Weise ist glücklich, во французскомъ: le sage est hereux, въ славянск. стоитъ „мѫдрьць блаженъ ѥсть", а не „мѫдръ блаженъ ѥсть". Разница здѣсь въ томъ, что въ тѣхъ яз. есть самостоятельный членъ, посредствомъ коего прилагательныя превращаются въ существительныя (субстантивируются), между тѣмъ какъ въ славянскихъ яз., неимѣющихъ члена, или къ прилагательному присоединяется соотвѣтственное существительное, или же прилагательное, долженствующее означать лицо, превращается въ существительное посредствомъ суффиксовъ -икъ, -ьць, -ежь (въ хорут.), -ка, -ика, и пр. (Synt. 6, 1). Я думаю, что во всякомъ языкѣ, имѣющемъ прилагательное, эта часть рѣчи можетъ указывать на носителя 119
признаковъ и въ этомъ смыслѣ обозначать его. Разница въ томъ, что языки, имѣющіе членъ, различаютъ въ прилагательномъ способы, какими оно указываетъ на субстанцію (der Weise, ein Weiser). Славянскій языкъ, неимѣя члена самостоятельнаго, недѣлалъ этихъ различій, что немѣшало ему, подобно нѣмецкому, дѣлать прилагательное подлежащимъ.

Согласно съ приведеннымъ мѣстомъ Миклошича, многочисленные во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ обороты, въ коихъ прилагательное стоитъ на мѣстѣ подлежащаго, напр. русскія пословицы „богатъ шелъ въ

[1]) Еще случай звательнаго вм. именительнаго: какъ встрѣчаемое до нынѣ, начиная съ XIV или XV в. владыко (вм. владыка, епископъ), такъ западнорусс. прозвища, ставшія фамильными: Сиротко (Шейнъ, Матер. для изуч. быта и яз. Свз. кр. I, 275, 279), Ломако, ib. 475, Редько, ib. 485 et pass., Дубяго, ib. 505; Плевако, Цѣлицо (=телица), Ковако; изъ лит. Корейво (лит. kareiwis, воинъ). Неслѣдуетъ смѣшивать окончанія этихъ именъ съ общерусскими формами, какъ Ивашко и т. п. и мр. отечественными на -енко.

пиръ, а убогъ брелъ въ миръ" [1]), „и глупъ молвитъ слово въ ладъ;" „глупъ да лѣнивъ одно двожды дѣлаетъ;" „нагъ золота некопитъ", „голодный поле перебѣжитъ, а нагъ ни съ мѣста"; „гнѣвливъ съ горшки не ѣздитъ"; „битъ небитаго на рукахъ носитъ"; (Буслаева Гр. § 222 пр. 2; Даль, Посл.), нужно бы разсматривать или какъ позднѣйшія нарушенія основного славянскаго правила, по которому должно бы здѣсь стоять богачъ, глупецъ и т. д., или какъ случаи, въ коихъ прилагательное есть не подлежащее, а аттрибутъ опущеннаго существительнаго. Мнѣ кажется ошибочнымъ то и другое. Случаи эти имѣютъ характеръ глубокой древности, и непонятно, почему Миклошичъ думаетъ, что выраженія, какъ „алъчьнааго накръми" первоначально чужды славянскому языку (Synt. 25, II). Они не появились въ позднѣйшее время, а лишь сохранились до нашего времени, при чемъ въ силу общаго стремленія замѣщать именное склоненіе прилагательныхъ мѣстоименнымъ, прилагательныя являются здѣсь теперь большею частью въ опредѣленной формѣ, нисколько неприобрѣтая этимъ существительности: „би-
120 тый небитаго везетъ". Впрочемъ, если бы они и были новы, то это неосвобождало бы насъ отъ рѣшенія, есть-ли подлежащее ихъ прилагательное? Предположеніе, что здѣсь опущены извѣстныя существительныя, ненужно. Правда, мы знаемъ, что въ „гнѣвливъ" и пр. рѣчь о человѣкѣ, и знаемъ потому, что на это намъ указываетъ вещественное содержаніе другихъ членовъ предложенія: съ горшками ѣздятъ только люди [2]). Поэтому самому нѣтъ нужды предполагать, что при „гнѣвливъ" стояло когда либо „человѣкъ" или что нибудь подобное. Но кто это „битъ", „небитъ"? Опять человѣкъ? Почему же непремѣнно такъ, когда знаемъ, что выраженіе взято изъ сказки о лисѣ и волкѣ, гдѣ волкъ битъ и везетъ, а лиса небита и ѣдетъ? И опять почему же битъ непремѣнно волкъ, когда знаемъ, что цѣнность такихъ выраженій именно и состоитъ въ ихъ способности обобщаться? Здѣсь соль рѣчи именно въ томъ, что субстанція, къ которой относится данный признакъ, предполагается существующею, но никакъ неопредѣляется (кромѣ грамматическаго рода): кто бы ни былъ битъ, но онъ небитаго везетъ. Такая неопредѣленность субстанціи есть свойство прилагательнаго. Подлежащее здѣсь указано вещественно посредствомъ признака, который въ немъ находится, но оно нестало существительнымъ, потому что комплексъ признаковъ, къ коему относится данный, неопредѣленъ. Въ настоящее время эта неопредѣленность можетъ быть умышленная, но нетрудно представить себѣ такое состояніе мысли, когда опредѣлен-

[1]) Миклошичъ (Synt. 144) понимаетъ это выраженіе такъ: reich ging er zum schmaus etc. т. е. считаетъ прилагательное не подлежащимъ, а предикативнымъ аттрибутомъ, какъ было бы въ „онъ пошелъ богатъ (богатымъ), а воротился бѣденъ". Это ошибочно.

[2]) Между тѣмъ субстанція такихъ славъ какъ „скупецъ" ненуждается ни въ какихъ вещественныхъ опредѣленіяхъ, такъ какъ ясна сама по себѣ.

ность субстанціи совершено недостижима и когда человѣкъ немогъ говорить иначе, какъ въ такомъ смыслѣ: „то что бито“ (то, что хоть и было воспринято чувствами, но небыло разложено сознаніемъ, за исклю- 121
ченіемъ одного выдѣленнаго признака), „то самое производитъ другой признакъ“. Если оно станетъ существительнымъ, то это потому, что къ нему приложится смыслъ многихъ предикатовъ. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ необходимо различать, совершился-ли уже такой процессъ, или еще нѣтъ. Такое различеніе нелегко, ибо внѣшнихъ признаковъ часто небываетъ никакихъ. Такъ несомнѣнно, что многія прил. ср. рода, какъ подушное, подымное и пр. (Буслаевъ; § 224 пр. 3; Mikl. Synt. 27, 15), стали названіями податей, т. е. суть уже не прилагательныя, употребляемыя въ смыслѣ существительныхъ, а настоящія существительныя; однако кажется ошибочнымъ относить къ существительному такіе случаи, какъ „шея (у гоголя)... между плечъ черная, а подлѣ чернаго по обѣ стороны свѣтло-сѣрая“ (Буслаевъ ib.). При этомъ прилагательномъ, кромѣ заключеннаго въ немъ признака, рода числа, падежа, недумается ничего опредѣленнаго въ родѣ пятна, мѣста и пр. Это „черное“ намъ необходимо отличать отъ такихъ существительныхъ, какъ чернь, чернота, и мы это дѣлаемъ такимъ образомъ, что слово „черное“ вовсе неотносимъ къ категоріи существительнаго.

5. Грамматическій аттрибутъ, за исключеніемъ нарѣчій, но со 122
включеніемъ ошибочно такъ называемыхъ сокращенныхъ опредѣлительныхъ предложеній, есть названіе признака, представляемаго даннымъ въ субстанціи, обозначенной другимъ словомъ. Разница 123
между опредѣлительнымъ прилагательнымъ и опредѣлительнымъ существительнымъ состоитъ въ томъ, что въ послѣднемъ признакъ не прямо приписывается извѣстной субстанціи, а черезъ посредство другой субстанціи.

Существительное, какъ аттрибутъ, вноситъ въ мысль черту своей прежней самостоятельности, которая сказывается возможностью несогласованія съ опредѣляемымъ въ родѣ и числѣ: „рѣка Донецъ (аттриб.) вытекла изъ чистаго поля; городъ Ливны (аттриб.) стоитъ на рѣкѣ Соснѣ“ (Буслаевъ § 240 пр.). Что касается до относимыхъ сюда случаевъ несогласованія и въ падежѣ, то

а) Невидно несогласованія тамъ, гдѣ постоянный аттрибутъ такъ сживается съ своимъ опредѣляемымъ, что образуетъ вмѣстѣ съ нимъ одно слово [1]). То, что называютъ несогласованіемъ аттрибута, именно его неизмѣняемость, есть только признакъ его соединенія съ опредѣ-

[1]) „Отклоненіе отъ согласованія основано здѣсь на тѣсной связи аттрибута или аппозиціи съ именемъ“. Mikl. Synt. 341.

ляемымъ въ одно слово: „въ Дунай-рѣкѣ [2]), Исус-Христа, Князь-Василья,
мр. пан-отцю (Буслаевъ § 240, 2, 5, 7, 8, б). Само собою, что раз-
дѣльное написаніе такихъ словъ неможетъ служить возраженіемъ. Упо-
мянутое явленіе сходно съ тѣмъ, когда въ малорусскихъ пѣсняхъ,
прилагательное, какъ постоянный эпитетъ, остается неизмѣннымъ въ
формѣ похожей на именит. п. ед. ч. м. р., между тѣмъ какъ опре-
дѣляемое стоитъ въ косвенномъ падежѣ того-же или другого рода и
числа: „передъ віськомъ Морозенко ворон-конемъ вигриває (sic) (Ко-
стом. въ Мр. сбор. Мордовцева 194); ей мірят-стрілят до сив-со-
кола (Головац. Пѣсни 1, 60); жаль же мени сив-кониченька (ib. 66);
124 завершимо (стирту) сив соколонькомъ (ib. 18); въ третєм вершечку
сив-ластовлята (ib 48); заморозити.... глубок-поточейки и бистри річей-
ки“ (ib 4). Сюдаже мр. „дівич-вечеръ, Дівич-гора, Перепелич-долина“
(Максимовичъ, Кіевлянинъ 1841, II, 20). Что первая половина этихъ
словъ уже неразсматривается, какъ именительный падежъ, видно изъ
того, что прилагательныя относительныя теряютъ при этомъ суф.-ьск,
такъ что получаютъ видъ существительныхъ: „якъ панокъ нашъ
тявъ, то Тур-царя (Турецкаго) стявъ“ (Голов. ib. 30); „фу! Русь-кость
(Русская) пахня“ (Погаръ, Черн. губ. Аѳ. Ск. 1, 72). Если принять
это въ соображеніе, то нельзя согласиться съ Миклошичемъ, кото-
рый въ вр. купець-жена, купець-дочи (у Рыбн., Буслаевъ Гр. § 240, 1)
видитъ соединеніе существительнаго муж. съ женскимъ (V. Gr. IV
21), тогда какъ здѣсь сокращеніе прилагательнаго купецск- (купе-
ческая жена, дочь), сходное съ хорут. prch pogača (prchka pogača, мяг-
кая булка„ Mikl. V. Gr. III, § 317). О подобномъ сліяніи именъ, какъ
постоянныхъ эпитетовъ, съ существит. въ слав. нарѣчіяхъ см. Mikl.
V. Gr. IV, 32, 342.

б) За случаи дѣйствительнаго несогласованія существительнаго, какъ
приложенія, съ опредѣляемымъ можно считать тѣ, когда именительный
приложенія самъ имѣетъ при себѣ свои опредѣленія и, по своей слож-
ности, неможетъ слиться въ одно слово съ своимъ опредѣляемымъ:
Дмитрію-грозныя очи; Фочкою зовутъ Федотовъ сынъ; около чебота-
зеленъ сафьянъ (Буслаева Гр. § 240, 3, 6); ловъ дѣющю Свѣналдичю,
именемъ Лютъ.... и узрѣ и Олегъ, Лавр. 31. Буслаевъ (ib. пр. 4) пола-
гаетъ, что словосочиненіе эпитетовъ, какъ „шуба сукно красномалиново“,
объясняется выпускомъ соединительныхъ словъ, составляющихъ пред-
ложеніе придаточное, но оказавшихся вовсе ненужными и обременяю-
щими рѣчь: „шуба, сшитая изъ сукна красномалиноваго“. Согласно
125 съ К. Аксаковымъ (Русск. Бес. 1859, VI, 71; Соч. II 602—4), думаю,
что тутъ нѣтъ никакого опущенія. Выраженіе „шуба сукно красномали-

[2]) Что „Дунай“ здѣсь принимается за аттрибутъ, видно изъ мр. „Ой перейду та пе-
ребреду ту Дунайську ріку“ (н. п.)

ново", „обертываться туромъ золотыя рога" тѣмъ отличаются отъ выраженій, изъ коихъ они якобы произошли, какъ „шуба, сшитая изъ сукна", „туромъ, который имѣетъ золотыя рога" или „имѣющимъ золотыя рога" или „у котораго золотыя рога", что отношенія между, „шуба" и „сукно", „туръ" и „рога", на которыхъ мысль вовсе неостанавливается въ первыхъ, составляютъ ея предметъ во вторыхъ. Поэтому вторыя выраженія (туромъ, который... шуба, сшитая...) тѣмъ самымъ представляются результатомъ большей силы анализа. Въ первыхъ просто сопоставляются члены, которые являются подчиняющими и подчиненными во вторыхъ. Притомъ опущеніе извѣстнаго члена предложенія неможетъ измѣнить формальныхъ отношеній остальныхъ членовъ: отъ опущенія „сшитая" родительный „изъ сукна" неможетъ превратиться въ именительный „сукно". Въ словахъ „Дунай-рѣки", „Дунай-рѣкѣ" и т. д. обычность аттрибута повела къ тому, что мысль уже неостанавливается на его отношеніи къ опредѣляемому и тѣмъ влечетъ за собою неподвижность формы аттрибута; подобно этому и и именительный приложенія въ „туромъ золотые рога" предполагаетъ, что между опредѣляемымъ и опредѣленіемъ здѣсь было нѣкогда полное согласованіе, которое оставлено потому, что поддержаніе его требовало нѣкотораго напряженія мысли, между тѣмъ какъ и безъ этого напряженія эпитетъ продолжалъ тяготѣть къ бывшему опредѣляемому. Однимъ словомъ, мнѣ видится полная аналогія между образованіемъ сложныхъ словъ вышеуказаннаго образца (бой-баба, бой-бабы, козырь-дѣвка и проч., воронъ-коня, воронъ-коню и пр.) и происхожденіемъ несогласованія эпитетовъ, стоящихъ въ именительномъ. Между тѣмъ обороты „туромъ-золотые рога" и „туромъ, у котораго золотые рога" противоположны другъ другу относительно стремленій языка, коимъ обязаны своимъ происхожденіемъ.

в) Въ противоположность сказанному объ эпитетѣ въ именительномъ, 126
котораго неможемъ отнести ни къ какой другой категоріи, кромѣ опредѣленія, косвенные падежи, относимые къ опредѣленію по причинамъ неграмматическимъ, т. е. потому что могутъ быть замѣнены согласуемыми прилагательными (сынъ отца=отцовскій сынъ), или потому что отвѣчаютъ на извѣстные вопросы (какой, чей и пр.), должны быть причислены къ разряду грамматическаго объекта. Эти косвенные падежи съ грамматической точки означаютъ предметы мыслимые не въ другомъ предметѣ, а внѣ его, хотя независимо отъ своего словеснаго выраженія могутъ быть мыслимы не какъ субстанціи, а какъ аттрибуты. При грамматическомъ разборѣ выраженія „цвѣты... такой цѣны и красоты" намъ нѣтъ дѣла до того, что цѣна и красота не-суть вещи самостоятельно существующія, что они находятся въ цвѣтахъ и пр. и суть ихъ качества. Если бы обращать на это вниманіе, то можно бы дойти до грамматическихъ абсурдовъ, напр. что въ „красота цвѣтовъ велика"

слово „красота“ есть грамматическій аттрибутъ. Для насъ родительные падежи въ „цвѣты такой цѣны“ и пр. суть названія предметовъ, которымъ принадлежатъ цвѣты; на субстанціальность ихъ указываетъ между прочимъ именно отсутствіе всякого согласованія съ главнымъ словомъ и ихъ косвенный падежъ.

Прилагательное со включеніемъ мѣстоименія прилагательнаго, въ качествѣ аттрибута, по видимому, неможетъ получить никакой независимости отъ опредѣляемаго и согласуется съ нимъ въ родѣ, числѣ и падежѣ. Несоставляетъ исключенія такъ называемое согласованіе по смыслу. Существительное, неизмѣняя внѣшней формы, свойственной его грамматическому роду и числу, можетъ принять новый родъ и число, такъ что въ случаяхъ, подобныхъ мр. „така дівчя—кусочок ласий“,
127 „малий собака до́-віку щеня“ (см. Mikl. V. Gr. IV 21—2) дівчя есть существ. женскаго, а собака—муж. рода. Единственное число собирательнаго имени, согласуемое со множественнымъ, есть въ дѣйствительности множественное (придоша Русь и пр.). Несомнѣваемся же мы въ томъ, что братья есть множественное число, ибо происхожденіе этого слова отъ именит. единств. числа женскаго рода вовсе несвидѣтельствуетъ о томъ, что̀ это слово есть въ дѣйствительности. Такъ вообще предъидущее значеніе слова, хотя служитъ подкладкою послѣдующему значенію, но нисколько незатемняетъ его [1]).

Выраженія, какъ „страстная и святая недѣли были проведены“ (Буслаевъ, Гр. § 239, 1 б.), въ коихъ ни одно изъ двухъ опредѣлительныхъ несогласовано съ наличнымъ существительнымъ, происходятъ отъ опущенія опредѣляемыхъ согласованныхъ со своими опредѣляющими: недѣли: страстная (недѣля) и святая (недѣля).

Требуетъ объясненія явленіе, о которомъ Миклошичъ говоритъ такимъ образомъ: „средній родъ прилагательныхъ словъ относится къ мужескому и женскому (опредѣляемыхъ), когда или полъ этихъ послѣднихъ считается безразличнымъ, или существительныя имѣютъ различный родъ: „чловѣка два вьнидета вь црькъвь, ѥдино фаризѣй, а друго мытарь;“ серб. „кад се састану вук и лисица, запита једно друго“; мр. „зробилися ѥдно ружов, друге калинов“ (Mikl. V. Gr. IV, 32—3). Одинъ изъ примѣровъ, приводимыхъ имъ: „имѣя шесть сыновъ, а седмоѥ дъщерь“, даетъ основаніе думать, что онъ сюда же отнесъ бы

[1]) Такъ на пр. значеніе сущ. въ именит. п. ед. м. р. въ вр. итогъ, summa, незаслоняется тѣмъ, что это слово предполагаетъ союзъ *и*, служившій связью съ предыдущимъ перечисленіемъ, и родит. мѣстоименія того, за которымъ пропущенъ глаголъ (есть, было, вышло, осталось и т. п.; срав. выше стр. 81). Передъ того первоначально могъ стоять не только союзъ *и*, но и другой: *ино*, *а*: „Съ Ошевского погосту королю шло сто рублевъ да три рубли, а яловыщины шесть рублевъ да четверть, ино того всего сто рублевъ да девять рублевъ да четверть, XV в. Ак. З. Р. I 87;... королю дани идетъ сто рублевъ... ино всего того сто и пять рублевъ, ib. 88;... на Климку два рубли взяли, на Дениску... рубль взяли... а того всего взяли рублевъ на тридцать ib.

особую форму винительнаго единств. женскаго мѣстоименій, рѣдко прилагательныхъ, въ русскомъ: „видиши мя болное сущю“ (Лавр. лѣт. 28, 33), гдѣ -ое немогло фонетическимъ путемъ образоваться изъ болнꙋ, больную; „въ тое полату (Котоших.); за тое веревку; опустился въ тое-жъ могилу (Др. Русск. ст.); всее, одное, самое“ (см. Буслаевъ, Гр. § 93, в.). Форма эта сходна съ вин. ср. и род. ж. Если она дѣйствительно средняго рода, причина сочетанія именно съ женскихъ родомъ неясна.

По правилу, теперь въ русскомъ языкѣ прилагательное безъ формъ ро- 128
да, числа и падежа невозможно [1]). То, что казалось такимъ прилагательнымъ, мы старались объяснить выше, какъ часть другого, сложнаго слова (ворон-коня). Это объясненіе относится и къ серб. и болг. эпитетамъ, заимствованнымъ изъ турецкаго (серб. мор-долама, темноголубая долама, мор-доламу и пр.); но его трудно распространить на явленіе, которое Миклошичъ считаетъ однороднымъ съ вышеупомянутымъ, именно на несклоняемость словъ на -ь (отъ -и), какъ исплънь, испраздньь, различь, свободь, сугубь въ ст.-слав. и všeč (любъ, пріятенъ), rês (настоящій, истинный), sovraž (враждебный) и др. въ хорутанскомъ. Разница та, что въ „воронъ-коня“ и пр. прилагательное только аттрибутивно, между тѣмъ какъ въ ст.-славян. и хорутан. упомянутыя несклоняемыя слова употребляются какъ аттрибутивно. (сугубь грѣси, хорут. ledik (нѣм. ledig) -dekličev), такъ и предикативно („въ истинѫ свободь бѫдете“). Употребленіе этихъ формъ въ качествѣ опредѣленій существительныхъ непозволяетъ считать ихъ за нарѣчія. Ср. одного Mikl. Gr. II, 55 и Jagić, Arch. I, 430.

Въ опредѣленіи, понимаемомъ въ обширномъ смыслѣ, различаютъ два частныя понятія: собственно опредѣленія (attributum) и приложенія (appositio). Общій, по крайней мѣрѣ очень распространенный обычай отдѣлять на письмѣ приложеніе отъ опредѣляемаго посредствомъ запятыхъ (Петръ великій, основатель Петербурга....) заставляетъ считать общепризнаннымъ, что приложеніе болѣе самостоятельно по отношенію къ опредѣляемому, чѣмъ собственное опредѣлительное. Затѣмъ начинаются разногласія, впрочемъ устранимыя. Невдаваясь въ частности, замѣчу только, что, кажется, ошибочно приписывать аппозитивную силу лишь существительному, снабженному своими опредѣлительными или дополнительными, а еще ошибочнѣе думать, что всякое существительное, употребленное аттрибутивно (въ обширномъ смыслѣ слова) есть непремѣнно приложеніе, а не аттрибутъ въ тѣсномъ смыслѣ
(см. между прочимъ Mikl. V. Gr. IV, 342). Думая такъ, мы бы упустили 129
изъ виду несомнѣнную разницу между „царь Петръ“ и „Петръ, царь-

[1]) Въ выраженіи „это особь статья“ особь есть нарѣчіе, изъ „о собѣ“. Въ рязанск. гр. 1356 г. (Срезн. Др. пам. русс. письма 263) „въ свободь“ есть дополненіе, переходящее къ нарѣчному значенію, какъ „въ-доль“, „въ-простяжь“: „далъ ѥсмь отцю своѥму Арсѣнью монастырь святоѥ Богородици на Олговѣ въ свободь до ѥго живота“.

преобразователь“ и т. п.; между „живописецъ Рафаэль“ и Рафаэль, живописецъ геніальный.... (ср. Буслаевъ, Гр. § 125 Б. 1), разницу, которая сказывается въ томъ, что изъ оборотовъ перваго рода можетъ возникнуть сложное слово (князь-Петра, князь-Петру), а изъ оборотовъ второго рода, въ силу большей особности приложенія, ничего подобнаго невыходитъ. Наиболѣе самостоятельный членъ предложенія есть сказуемое, которое одно можетъ обойтись безъ всѣхъ прочихъ членовъ. Поэтому подъ относительною самостоятельностью приложенія слѣдуетъ понимать его бо́льшую предикативность сравнительно съ собственнымъ опредѣленіемъ. Это и признаютъ, дѣлая иногда лишь ту ошибку, что считаютъ приложеніе возникшимъ изъ придаточнаго предложенія, начинающагося съ относительнаго мѣстоименія. Что такой ходъ языка въ общемъ невозможенъ, видно изъ того, что придаточное съ который и пр. болѣе развито, расчленено, опредѣленно, чѣмъ приложеніе. Приложеніе не происходитъ отъ зависимаго предложенія и неесть такое предложеніе, а имѣетъ функцію среднюю между собственнымъ опредѣленіемъ и опредѣлительнымъ предложеніемъ съ глагольнымъ сказуемымъ. Принявши бо́льшую предикативность приложенія, мы непоймемъ, почему именно существительное, часть рѣчи менѣе предикативная, чѣмъ прилагательное, должно быть аппозитивнѣе прилагательнаго. Совсѣмъ наоборотъ, часть существительныхъ, именно мѣстоименіе существительное, приложеніемъ никогда небываетъ, а часть прилагательныхъ въ обширномъ смыслѣ, именно причастіе, особенно наклонна употребляться аппозитивно. Нѣкоторые, различая въ причастіяхъ употребленіе аттрибутивное („написанное письмо“) и аппозитивное („письмо, написанное вчера“), ошибочно называютъ аппозитивное причастіе сказуемымъ придаточнаго предложенія; но „написанное вчера“ и т. п. неесть предложеніе въ
130 томъ смыслѣ какъ „напишу“. Присоединеніе прич. нѣкоторыхъ глаголовъ (въ стар. языкѣ сы и пр.) къ согласуемому имени дѣлаетъ это имя аппозиціею или усиливаетъ его аппозитивность; ср. „N, царь...“ и „N, сы царь...“ „N, сы милосьрдъ“. Въ послѣднихъ случаяхъ имя, чтобы входить въ составъ приложенія, ненуждается въ опредѣленіяхъ и дополненіяхъ. И прилагательное въ тѣсномъ смыслѣ можетъ быть приложеніемъ, именно, когда оно имѣетъ свои дополненія „N, жадный къ деньгамъ...“ (что можетъ быть переводимо посредствомъ „будучи жаденъ“.... но отнюдъ непроизошло изъ послѣдняго), и когда стоитъ при мѣстоименіи личномъ: ходилъ я, молодъ, по всѣмъ городамъ“ (народная пѣсн.); „какъ, бѣдной, мнѣ не горевать“. Въ послѣднемъ случаѣ и существительное безъ дополненій и опредѣленій аппозитивно: „ходилъ я, молодецъ,...“; хорв. „Да би знала, мили, кад ћете ми дојти, Путе би, рожица, свилум преплитала (Kurelac, Jačke, 34).

6. Аттрибутъ въ сказуемомъ. Имя можетъ быть частью составного сказуемаго, то есть такого, изъ частей коего, ни одна сама по

себѣ неможетъ бѣть названа сказуемымъ. Такъ, хотя въ выраженіи „морозъ показался невеликъ“, въ глаголѣ и заключенъ признакъ „казаться“, представляемый дѣятельностью подлежащаго, но смыслъ предложенія не въ этомъ признакѣ, а въ томъ, что представляется возникающимъ другой признакъ (невеликъ). Когда въ предложеніяхъ такого рода („праздность есть порокъ“) называютъ сказуемымъ (предикатомъ) имя (порокъ), то это неточно (Mikl. Synt. 344) и происходитъ отъ смѣшенія предложенія съ логическимъ сужденіемъ [1]). Въ послѣднемъ „порокъ“ пусть будетъ предикатъ, такъ какъ логика вовсе незнаетъ раз-
личія между предикатомъ и аттрибутомъ. Но грамматическимъ сказу- 131
емымъ имя быть неможетъ, какъ скоро подъ именемъ разумѣемъ признакъ данный, готовый, представляемый независимо отъ времени своего возникновенія. Имя, входящее въ составъ сказуемаго, есть аттрибутъ, грамматическое опредѣленіе, съ тою особенностью, что присоединяется къ своему опредѣляемому не прямо, а чрезъ посредство глагола, сообщающаго въ нашихъ языкахъ всему сказуемому грамматическое (формальное) значеніе времени: „снѣгъ бѣлъ“, т. е. есть теперь или бываетъ обыкновенно, въ отличіе отъ „снѣгъ былъ (v. будетъ) бѣлъ“; „снѣгъ былъ“, т. е., какъ было въ старинномъ языкѣ, „былъ ѥсть“ (прошедшее по отношенію къ настоящему моменту рѣчи, въ отличіе отъ стар. „былъ бѣ“, „былъ бяшеть“, „былъ будеть“). Эта особенность отличаетъ предикативный аттрибутъ какъ отъ опредѣленія въ тѣсномъ смыслѣ, такъ и отъ приложенія, понятаго въ томъ смыслѣ, какъ показано въ предъидущемъ §. И приложеніе (аппозиція) ближайшимъ образомъ тяготѣетъ къ своему опредѣляемому, а не къ сказуемому. Поэтому трудно согласиться со взглядомъ Миклошича, по которому bêl golobec въ хорут. „grêšnik v nebo zletel bêl golobec“ (взлетѣлъ бѣлымъ голубкомъ), млада въ серб. „те се нисам удомила млада“ (невышла замужъ молодою) суть аппозиціи. Если-бы это были аппозиціи, то мы бы получили значенія: грѣшникъ, бѣлый голубь, взлетѣлъ на небо; я, молода, невышла замужъ. Мы будемъ понимать подъ предикативнымъ именемъ (подъ предикативнымъ именительнымъ, Grimm, Gr. IV, 589) не то, которое есть предикатъ (такого небываетъ), а то, которое входитъ въ составъ грамматическаго предиката [1]).

---

[1]) Столь-же неудобно слѣдовать Гримму, который дѣлаетъ различіе между aussage (по нашей терминологіи простое сказуемое) и praedicat (имя входящее въ составн. сказ.): „глаголъ или вполнѣ заключаетъ въ себѣ „die aussage“ (то что говорится о подлежащемъ), напр. „человѣкъ живетъ“, или служитъ только связкою (copula), посредствомъ коей подлежащему приписывается (wird praedicirt) другое имя „der Mesch ist sterblich“. Это прилагаемое (подлежащему) имя называемъ предикатомъ: das verbum substantivum trägt die aussage auf das praedicat über“ (Grimm, D. Gram. IV. 1).

[1]) Терминъ „именное сказуемое“ (Curtius и др.) долженъ бы быть устраненъ, такъ какъ непосредственность сочетанія имени, какъ сказуемаго, съ подлежащимъ и въ русск. (праздность порокъ) и другихъ сродныхъ (греческомъ) всегда мнимая и объясняется

132 Чтобы обозначить предѣлы составного сказуемого, какъ оно намъ представляется, замѣтимъ, что и въ славянскихъ языкахъ предикативное имя, будучи опредѣленіемъ, должно въ чемъ либо обнаруживать свою мыслимость въ опредѣляемомъ, т. е. неможетъ стоять внѣ законовъ согласованія. Какъ подлежащее есть всегда прямой падежъ, такъ и предикативное имя всегда стоитъ въ именительномъ. Такимъ образомъ вопреки многимъ, которые называютъ сказуемымъ творительный въ „былъ солдатомъ", родительный въ „Петръ Великій былъ высокаго роста" и др. (Буслаевъ § 128), несчитаемъ такого падежа, совершенно независимаго отъ подлежащаго, ни сказуемымъ, ни частью сказуемаго.

Разница между аттрибутивнымъ сочетаніемъ и предложеніемъ съ составнымъ сказуемымъ состоитъ въ томъ, что въ первомъ—полное отсутствіе энергіи опредѣляемаго („перевощикъ Кій", „бѣлый снѣгъ"), между тѣмъ какъ составное сказуемое, по своей энергичности, сходно съ простымъ: „Кій былъ перевощикъ"—перевозилъ, „снѣгъ бѣлъ"—бѣлѣетъ. Но простое сказуемое изображаетъ возникновеніе признака наглядно: перевозилъ въ опредѣленный періодъ наблюденія, или каждый разъ, какъ было нужно; „снѣгъ бѣлѣетъ" теперь, когда я на него смотрю, или каждый разъ, какъ я на него посмотрю. Въ составномъ же сказуемомъ признакъ производится дѣятельностью подлежащаго, но такъ, что этотъ процессъ неподлежитъ наблюденію, а предшествуетъ ему; „снѣгъ бѣлъ" т. е. дѣлаетъ такъ, что я вижу его бѣлымъ, но невижу, какъ онъ это дѣлаетъ; „онъ пастухъ", „онъ пѣвецъ", но я невижу, что онъ пасетъ, неслышу его пѣнія; „Кій былъ перевощикъ" потому что перевозилъ черезъ Днѣпръ, но въ приведенномъ предложеніи заявлено объ этомъ такъ, что самые акты перевоза остаются внѣ наблюденія, Такимъ образомъ въ составномъ сказуемомъ признакъ представляется не просто даннымъ въ подлежащемъ, а даннымъ результатомъ дѣятельности подлежащаго. Составное сказуемое по значенію менѣе наглядно, чѣмъ соотвѣтственный простой глаголъ, ибо имя,
133 сообщающее свое свойство составному сказуемому, такъ относится къ глаголу, какъ обобщеніе прошедшихъ актовъ мысли къ акту, обогащающему ее новымъ содержаніемъ.

Существительное и въ сказуемомъ, какъ въ приложеніи, можетъ обнаружить свою относительную независимость отъ подлежащаго, несо-

---

опущеніемъ глагола. Безчисленное множество примѣровъ, какъ „εἷς ἀνὴρ οὐδεὶς ἀνήρ", „ein mann kein mann", „одинъ сынъ не сынъ, два сына—полъ сына, три сына—сынъ" (Lugebil, Zur frage über zweitheilige und einheitl. sätze, Arch. f. Sl. Ph. VIII, 36 сл. и Jagić ib 68 сл.), доказываетъ не то, что здѣсь имя само по себѣ предикативно, т. е. стоитъ на предполагаемой доисторической ступени безразличія имени и личнаго глагола, а то, что предикативная связка весьма рано получила чисто формальное значеніе, въ отличіе отъ неопускаемыхъ подобныхъ связокъ, какъ на пр. „похвала живетъ человѣку пагуба".

гласуясь съ нимъ въ родѣ и числѣ, но не въ падежѣ: „Днѣпръ есть рѣка“, „побои не-суть средство къ исправленію людей“, „рьци да камениѥ се хлѣби бѫдѫть“ (Буслаевъ § 236). Прилагательное неможетъ несогласоваться и въ родѣ, ибо родъ его есть только знакъ его мыслимости въ существительномъ. По общему правилу и здѣсь несогласованіе прилагательнаго мнимо, т. е. на дѣлѣ бываетъ его согласованіемъ съ наличнымъ значеніемъ рода и числа въ существительномъ, а не съ тѣмъ, о какомъ можно бы заключать по окончанію. Такимъ образомъ прилагательное во множественномъ согласуется съ подлежащимъ собирательнымъ, котораго множественность изображена посредствомъ единственнаго. Вмѣсто „Югра же людье есть языкъ нѣмъ и сѣдять съ Самоядью“ (Лавр. лѣт.) можно бы сказать: „Югра нѣми суть“.

Объ особенностяхъ причастія въ составномъ сказуемомъ будетъ сказано въ другомъ мѣстѣ.

Выше было замѣчено, что прилагательное, по отсутствію въ немъ мысли объ опредѣленной субстанціи, сходно съ безсубъектнымъ сказуемымъ. Сознаніе большей его близости къ сказуемому сравнительно съ существительнымъ сказалось въ части русскихъ говоровъ тѣмъ, что предикативное прилагательное по внѣшней формѣ стало отличаться отъ аттрибутивнаго: „снѣгъ бѣлъ“ при „бѣлый снѣгъ“. Явленіе это по праву можемъ назвать созданіемъ особой предикативной формы прилагательнаго, хотя языкъ внѣшнимъ образомъ неприбавилъ ничего къ прежней, такъ называемой существительной формѣ прилагательнаго („бѣлъ“ какъ существит. „соколъ“), а только ограничилъ ея употребленіе. Предикативное прилагательное, какъ особая категорія, несущество- 134
вало до тѣхъ поръ, пока безчленная форма могла употребляться и аттрибутивно, что и теперь отчасти сохранилось въ народной поэзіи.

Нововерхненѣмецкія прилагательныя предикативныя представляютъ то замѣтное отличіе отъ русскихъ, что лишены окончаній рода, числа и падежа. „Это, говоритъ Штейнталь, вполнѣ умѣстно, потому что именительный въ предикатѣ „hat doch keinen rechten sinn“. Здѣсь качество должно быть совершенно абстрактно приписано субъекту, и потому абстрактная тема прилагательнаго здѣсь наиболѣе прилична. Въ „diese Frau ist schön“ нужно сказать не то, что „diese Frau ist eine schöne“, а то, что „diese Frau hat die Eigenschaft der Schönheit“. Согласованіе предикативнаго имени въ древнихъ языкахъ есть лишь слѣдствіе того, что въ нихъ голая тема безъ падежнаго окончанія никогда непоявляется самостоятельно и что вообще законъ согласованія стремился къ наибольшему господству. Но согласованіе и само по себѣ незаслуживаетъ осужденія“ (еще бы!), „а тѣмъ болѣе, если его разсматривать въ связи со всѣмъ строемъ предложенія. Впрочемъ похвала, заслуживаемая новонѣмецкимъ оборотомъ, должна быть ограничена въ въ томъ смыслѣ, что Нѣмецъ лишь прекрасно умѣлъ употребить раз-

рушившуюся форму своего языка“ [1]) (Charakteristik der hauptsächlichsten Typen. 203). Вообще похвала и порицаніе здѣсь преждевременны, потому что психологическіе причины и слѣдствія синтактическихъ явленій легко могутъ оказаться только различными, а не разноцѣнными. Согласованіе, господствующее между прочимъ и въ славянскомъ, неесть лишь слѣдствіе присутствія извѣстныхъ окончаній, но имѣетъ цѣну само по себѣ. Безъ особенно сильныхъ доказательствъ трудно повѣрить, чтобы
135 языкъ когда либо уподоблялся той бережливой хозяйкѣ, которая давала дѣтямъ остатки лѣкарствъ только для того, чтобъ деньги даромъ непропадали, или тому ѣдоку, который разсуждалъ: „хоч живота наруш, аби дар Божий неоставався“. Согласованіе на всѣхъ ступеняхъ своего развитія есть средство производить извѣстные оттѣнки мысли. Его нарушеніе всегда образуетъ новыя грамматическія категоріи. Такъ и въ настоящемъ случаѣ. Въ русскомъ прилагательное предикативное, отличаясь отъ аттрибутивнаго, остается все таки признакомъ мыслимымъ въ субъектѣ и измѣняющимся вмѣстѣ съ нимъ: „снѣгъ бѣлъ“ и „бумага бѣла“, но бѣлизна въ томъ и другомъ случаѣ какъ бы различна. Когда же языкъ уничтожаетъ согласованіе, то тѣмъ самымъ онъ отвлекаетъ признакъ отъ субъекта. Говоря a priori, въ русскомъ такое отвлеченіе могло бы произойти двояко: или посредствомъ превращенія прилагательнаго въ существительное, или посредствомъ перемѣщенія центра его тяготѣнія отъ субъекта къ предикату, т. е. посредствомъ отнесенія признака къ категоріи нарѣчія (ad-verbium). Послѣднее дѣйствительно находимъ въ сравнительной степени („снѣгъ бѣлѣе бумаги“ какъ „бумага бѣлѣе снѣга“) и въ дѣепричастіяхъ. Что до перваго, то можно бы думать, что подъ него подходитъ, кромѣ творительнаго при сказуемомъ (о чемъ подробнѣе скажемъ въ другомъ мѣстѣ), тотъ случай, о которомъ у Буслаева читаемъ слѣдующее: „если сказуемое относится вообще къ понятію, выражаемому существительнымъ въ подлежащемъ, то ставится въ ср. родѣ ед. числа, какъ въ формѣ наиболѣе соотвѣтствующей отвлеченному понятію. Напр. въ послов. XVII в. „грѣхъ сладко, а человѣкъ падко“, „медъ сладко, а муха падко“; „левъ страшно, обезъяна смѣшно“ Гр. § 239 [2].) Незнаю, почему бы объ оборотѣ „грѣхъ сладокъ“ нельзя было бы сказать того-же, именно, что въ немъ сказуемое относится вообще къ
136 понятію, выражаемому существительнымъ въ подлежащемъ, и какъ бы это было, если бы сказуемое въ частности относилось къ подлежащему?

[1]) Ограниченіе слабое, потому что вѣдь, на сколько хватаетъ изслѣдованіе, всякое новое созданіе въ языкѣ есть лишь преобразованіе и вмѣстѣ разрушеніе чего либо предшествующаго.

[2]) Ср. въ рѣчахъ литовскихъ пословъ „каждому отчизна своя *мила*“, а въ отвѣтныхъ рѣчахъ Московскихъ бояръ „каждому отчизна своя *мило*“ (Ак. З. Р. I, 329, 331 годъ 1504—5).

Поэтому я нераздѣляю мнѣнія, что „это объясненіе очень хорошее и вполнѣ удовлетворительное" (Аксак. Рус. Бесѣда 1859 VI 70). Напротивъ, тутъ вовсе нѣтъ объясненія синтактическихъ особенностей оборота, а настоящія объясненія находятся въ слѣдующемъ. „Такое сочетаніе словъ можно объяснить или опущеніемъ какъ напр. въ послов. „умъ хорошо, а два лучше того" т. е. имѣть умъ—хорошо; или еще скорѣе—тѣмъ, что здѣсь замѣняется прилагательнымъ средняго рода существительное: умъ хорошо=умъ хорошая вещь, хорошее дѣло. Это послѣднее объясненіе подкрѣпляется тѣмъ, что иногда такимъ формамъ средняго рода ед. числа дѣйствительно соотвѣтствуютъ существительныя, какъ это видно напр. въ пѣснѣ начала XVII в. „зимовая служба — молодцамъ кручинно, да сердцу надсадно... весновая служба—молодцамъ веселье, сердцу утѣха". Послѣдніе два стиха можно бы замѣнить въ соотвѣтствіе предъидущимъ: „молодцамъ весело, сердцу утѣшно" (Буслаевъ ib. примѣч. 2). „Умъ хорошо" невозникло изъ „имѣть умъ—хорошо", такъ какъ въ этомъ случаѣ „умъ" въ умъ хорошо должно бы считать за винительный, а не за подлежащее, какъ въ „скорпія сѣкливо". Точно также, если бы „умъ хорошо" образовалось изъ „умъ хорошая вещь", „хорошее дѣло", то получилось бы „умъ—хорошая" (какъ въ польскомъ: „to nie łatwa (rzecz)", „ostatnia-to po rozum za granicę jeździć", „można", „osobliwsza", „pewna", „niezawodna"), или „умъ хорошее". Нельзя доказать и того, что „умъ хорошо", ненаходясь въ прямой преемственной связи съ „умъ хорошая вещь",—„хорошее дѣло", предполагаетъ существованіе этихъ выраженій. А если бы и такъ, если бы точно здѣсь прилагательнымъ замѣнялось существительное, то нельзя заключать отъ грамматическихъ формъ замѣняемаго къ замѣняющему, отъ „служба—веселье" къ „служба—кручинно", точно такъ какъ нельзя слова „Ивановъ" считать на томъ основаніи за родительный, что въ другихъ случаяхъ мы ставимъ 137
„Ивана". Пусть въ „умъ хорошо" прилагательнымъ замѣнилось существительное, но замѣнившее могло бы все-таки быть прилагательнымъ. Почему же оно несогласуется съ подлежащимъ? Вѣроятно здѣсь разумѣлось тоже, что говоритъ Миклошичъ: „предикатомъ можетъ стать субстантивированное прилагат. сред. р. ед. ч.: греч. *καλὸν ἡ ἀλήθεια και μόνιμον*, лат. varium et mutabile semper femina; слав. скорпиꙗ сѣкливо (въ греч. *σκορπίος πληκτικός*, хотя, судя по славянскому выраженію, можно бы ожидать *πληκτικόν*); свраδно есть грѣхъ; паче всего благаго житія угодно Богови кротость; русск. „грѣхъ сладко" (V. Gr. IV. 29 19"); льгко ѥсть въздоухъ, Іо. Экз. Шестодн; въздоухъ... рѣдъко ѥ ѥстьствомь, ib. [1]) Однако, съ точки зрѣнія современнаго литературнаго

[1]) „Видѣ ту люди сущая, како есть обычай имъ и како ся мыють, хвощються (Лавр. 4); дивно видѣхъ Словѣньскую землю (ib.); како (Ипат. кака) есть вѣра ваша? (ib. 36); есть ми любо вѣра ваша и служеніе (Лавр. 47); тако же и прочія вои его вси бяхуть (Лавр. 27) т. е. таковы какъ и онъ самъ. Еще см. Буслаевъ, II, 331 пр. 2 и 333 пр. 1.

языка, въ коемъ нарѣчія, происшедшія отъ прилагательныхъ уже неимѣютъ особаго нарѣчнаго окончанія -ѣ и лишь изрѣдка отличаются отъ прилагательнаго неопредѣленнаго ср. р. ед. числа удареніемъ, врядли можно устранить отождествленіе „грѣхъ падко" съ „умъ хорошо, а два лучше того". Хорошо и лучше для насъ не субстантивированныя прилагательныя, а нарѣчія, имѣющія смыслъ, сходный съ нѣмецкимъ предикативнымъ прилагательнымъ лишеннымъ флексій. Точно ли эта форма въ нѣмецкомъ есть прилагательное? „Такъ какъ, говоритъ Гейзе, въ новонѣмецкомъ яз. нарѣчіе (какъ и прилагательное предикативное) потеряло свое характеристическое окончаніе, то кажется, будто при связкѣ ставится не прилагательное, а нарѣчіе. Но древненѣмецкій языкъ, явственно отличающій особымъ окончаніемъ нарѣчіе отъ прилагательнаго, и при связкѣ ставитъ прилагательное, согласуя его окон-
138 чаніе съ подлежащимъ, какъ это дѣлается въ лат. и греч." (Syst. der-Sprachwiss, 395). Такъ, но древненѣмецкій не указъ новому. Въ противномъ случаѣ мы могли бы, на пр. ссылаясь на древнія славян нарѣчія, отрицать въ новыхъ бытіе дѣепричастія. Вопросъ въ томъ, имѣетъ-ли новонѣмецкій языкъ какія либо средства отличать нарѣчіе schön отъ прилагательнаго schön въ сказуемомъ? Если нѣтъ, то и говорить о предикативномъ прилагательномъ нѣтъ основанія. Впрочемъ я долженъ указать на мнѣніе Гримма, что въ новонѣмецкомъ, наоборотъ, нарѣчія, потерявшія внѣшнее отличіе отъ прилагательнаго, нестолько превратили прилагательныя аттрибутивныя въ нарѣчія, сколько сами приблизились къ значенію предикативныхъ прилагательныхъ (Gram. IV 921). Такъ ли это?

7. Связка. Въ составное сказуемое, кромѣ имени, входитъ предикативная связка, которую слѣдуетъ отличать отъ предикативной связи, составляющей существенный признакъ простого сказуемаго. Предикативная связь есть грамматическая форма личнаго глагола, есть то, почему этотъ глаголъ есть глаголъ, а не другая часть рѣчи; связка же есть особое слово, заключающее въ себѣ предикативную связь, но важное не само по себѣ, а какъ средство присоединенія аттрибута къ подлежащему.

Буслаевъ считаетъ терминъ связка лишнимъ въ русской грамматикѣ, но основанія этого недостаточны. 1) „Сверхъ подлежащаго и сказуемаго въ составъ предложенія допускалась связка, выражаемая глаголомъ существительнымъ есмь, еси, есть, суть. Но такъ какъ самымъ сказуемымъ обозначается уже связь его съ подлежащимъ, то нѣтъ необходимости въ этой третьей составной части предложенія сверхъ подлежащаго и сказуемаго, тѣмъ болѣе потому, что она введена была въ логику изъ грамматики тѣхъ языковъ, въ которыхъ между подлежащимъ и сказуемымъ въ формѣ именъ существительныхъ или прилагательныхъ употребляли связью глаголъ вспомогательный, каковы языки

греческій, латинскій и нѣкоторые другіе“ (Буслаевъ Гр. § 110, прим. 1). 139
Связка была введена въ логику изъ грамматики греч. и лат., и это дурно, потому что въ логическомъ сужденіи связки нѣтъ; но какое же намъ дѣло до этого, если мы говоримъ о грамматикѣ, а не о логикѣ, о предложеніи, а не сужденіи? Намъ важно знать не то, что въ сужденіи нѣтъ связки, а то, что это вовсе необязательно для предложенія и что связка есть въ греческомъ и латинскомъ, какъ и въ славянскомъ. Изъ приведеннаго мѣста слѣдуетъ, что напр. въ „знаніе есть сила“ сказуемое—„есть“. Можно разсуждать иначе; сказуемое есть въ приведенномъ примѣрѣ „есть сила“ и состоитъ оно изъ аттрибута и связки. Обычное въ русскомъ языкѣ и другихъ опущеніе существительнаго глагола въ настоящемъ времени никакъ недоказываетъ, что для насъ ненуженъ терминъ, какимъ обозначается sum и пр. въ латинскомъ, тѣмъ болѣе, что связкою бываютъ и многіе другіе глаголы никогда неопускаемые. 2) „Глаголъ существительный въ составномъ сказуемомъ обыкновенно называется связкою; но какъ онъ означаетъ лицо, время и наклоненіе, то нѣтъ причины давать ему иного названія, кромѣ сказуемаго“ (ib. § 123 пр.). Если въ составномъ сказуемомъ одна часть совершенно равносильна съ простымъ сказуемымъ, то нѣзачѣмъ и говорить о „составномъ сказуемомъ“, ибо выдѣливши изъ этого понятія настоящее сказуемое, т. е. простое (личный глаголъ), мы получимъ въ остаткѣ не сказуемое, а нѣчто другое. Для этого другого лучше выдумать имя, если нѣтъ готоваго, чѣмъ смѣшивать въ одномъ имени сказуемаго два различныя понятія. Но Буслаевъ тѣмъ неменѣе считаетъ нужнымъ говорить о „составномъ сказуемомъ“ (§ 123) и не безъ основанія, такъ какъ функція глагола, входящаго въ составное сказуемое, несовпадаетъ съ функціею простого сказуемаго: „земля есть“ и „земля есть планета“ различны и по формальному значенію своего глагола. Что касается до того, что связкѣ нельзя давать этого имени, потому что она имѣетъ лицо и пр., то именно потому такая связка и называется предикативною въ отличіе отъ аттрибутивныхъ и объектив- 140
ныхъ (Steinthal Gr. Log. u. Ps. § 130). 3) „Прошедшее время былъ, была и пр. тѣмъ менѣе можетъ быть названо связкою, что оно есть не что иное, какъ причастіе прошедшее, и само имѣло при себѣ такъ называемую связку во вспомогательномъ глаголѣ: есмь, еси и проч., нынѣ опускаемомъ“ (Буслаевъ, Гр. § 123 прим.). Согласно съ этимъ мы должны бы думать, что напр. русск. сверхъ, поль. podług, лит. pagal (по, согласно съ...) и т. п. немогутъ быть предлогами, потому что уже заключаютъ въ себѣ предлоги и что вообще этимологическая сложность словъ несовмѣстима съ единствомъ его формальнаго значенія. Конечно, когда былъ въ „былъ ѥсмь“ представлялось мысли стольже самостоятельнымъ, какъ бѣлъ въ „бѣлъ ѥсмь“, тогда связкою было не время былъ ѥсмь въ своей цѣльности, которой тогда и небыло,

а одно ѥсмь; но когда „былъ ѥсмь“ слилось въ одинъ актъ мысли, когда поэтому впослѣдствіи глаголъ сталъ опускаться, тогда былъ получило возможность быть связкой.

Нѣкоторые считаютъ a priori несомнѣннымъ, что предикативной связкой можетъ быть только глаголъ наиболѣе отвлеченнаго содержанія, каковъ такъ называемый глаголъ существительный. Поэтому хотя синтактическое сходство между *Κῦρος βασιλεὺς ἦν* и *Κῦρος ἐγένετο βασιλεύς* бросается въ глаза, Курціусъ видитъ въ первомъ случаѣ одинъ именной предикатъ, а во второмъ два: одинъ глагольный (глаголъ со значеніемъ fieri, videri, apparere, nominari, vocari, eligi и т. п.), а другой именной (Gr. Schulgram. § 361, 4, 7). Такой второй „предикатъ“, въ тойже мѣрѣ свойственный и славянскимъ языкамъ, онъ называетъ предикатомъ дополняющимъ (ergänzendes pr., чего недолжно смѣшивать съ нашимъ терминомъ „дополненіе“ въ значеніи грамматическаго объекта) (Curt. ib. § 361, 8). Но синтактическая разница между глаголомъ означающимъ существованіе и всякимъ другимъ среднимъ гла-
141 голомъ далеко неесть аксіома. Выраженія какъ *Κῦρος βασιλεὺς ἦν* въ синтактическомъ отношеніи ничѣмъ неотличаются отъ такихъ, какъ *τριταῖοι ἀπῆλθον*, трехдневные ушли (т. е. на третій день; ср. заимствованное съ греческаго, но согласное съ духомъ древняго славянскаго языка „въста тридьневьнъ“); русск.. „былъ пьянъ“ синтактически равносильно съ „воротился пьянъ“, „напился пьянъ“. Такое равенство дѣйствительно существовало и его нарушеніе, если оно есть, всегда относительно ново. Для древняго періода индоевропейскихъ языковъ такъ называемые verba der unvollständigen aussage“, невполнѣ предикативные, т. е. допускающіе или требующіе предикативнаго именительнаго (manere, nasci и т. п.) суть не „какъ бы связки“ или „связки въ обширномъ смыслѣ“ (между тѣмъ какъ esse связка въ тѣсномъ), а просто связки безъ всякаго ограниченія. Для насъ во всѣхъ этихъ случаяхъ предикатъ состоитъ изъ связки и предикативнаго аттрибута.

Различіе въ степени отвлеченности значенія глаголовъ само по себѣ еще невлечетъ за собою синтактическаго различія. Очень отвлеченное значеніе глагола существительнаго и др. под. тѣмъ неменѣе есть значеніе вещественное, мыслимое само по себѣ, хотя въ случаѣ сочетанія глагола съ аттрибутомъ подчиняемое значенію этого послѣдняго. Можетъ-ли такое отвлеченное значеніе стать число формальнымъ? Можетъ-ли изъ обширнаго круга глаголовъ сочетаемыхъ съ именительнымъ аттрибута выдѣлиться одинъ изъ нѣсколько глаголовъ, неимѣющихъ никакого другого значенія, кромѣ значенія связки? На этотъ вопросъ Гейзе отвѣчаетъ, что verbum substantivum v. abstractum „собственно говоря неможетъ стать выраженіемъ чистой связки, потому что въ немъ всегда остается значеніе существованія и отношеніе времени, признаки чуждые чистой копулѣ“ (Syst. d. Sprachwiss. 395). Это

несправедливо. Время, какъ грамматическая форма, неможетъ мѣшать формальности связки. Понятіе о грамматической связкѣ (ибо логической вовсе нѣтъ), какъ о чемъ-то исключающемъ отношеніе ко времени, 142
произвольно, Тогоже мнѣнія, что Гейзе, держится повидимому и Миклошичъ (V. Gr. IV 261—3). Онъ, раздѣливши глаголы по функціи на абстрактные (ѥс-, бы- и ихъ синонимы напр. рус, „день стоялъ сѣрый“, серб. постао рђав човјек), имѣющіе „только формальную функцію связывать подлежащее со сказуемымъ“, и глаголы конкретные, заключающіе въ себѣ предикатъ, прибавляетъ, что изъ приведенныхъ имъ абстрактныхъ только тѣ вполнѣ соотвѣтствовали бы своей формальной функціи (ihrer formalen function nur dijenigen volkommen gerecht wären), которые совсѣмъ лишились бы функціи служить сказуемымъ, чего нельзя сказать даже объ ас-, (такъ какъ оно во всѣхъ языкахъ выражаетъ также и бытіе: есть деньги и пр.), а тѣмъ болѣе о словахъ для „werden“. Конечно, если подъ глаголомъ ѥс понимать всѣ случаи его употребленія напр. въ современномъ русскомъ, то примѣры, какъ приведенный выше, непозволятъ признать этотъ глаголъ формальнымъ; но абстракція „глаголъ ѥс“ заключаетъ въ себѣ болѣе одного глагола. Рядомъ со случаями, гдѣ ѥс- значитъ „быть на лицо“, „имѣться“, есть и другіе, гдѣ ѥс- совершенно лишено значенія бытія: нетолько поль. mówiłeś, но и мр. казав ѥси отнюдъ незаключаетъ въ себѣ того ѥси, которое значило бы „ты существуешь“, „ты на лицо“, и суть только прошедшія времена несовершеннаго глагола. Вообще нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что глаголъ, какъ есть и нѣкоторые другіе, можетъ утратить все свое вещественное значеніе; для грамматики каждаго языка существенно важно знать, точно ли въ немъ есть такіе глаголы и по какимъ признакамъ узнается ихъ присутствіе. Несомнѣнно, что Гейзе ошибается, когда принимаетъ за высшую достигнутую индоевропейскими языками степень отвлеченности связки, то, что она сочетается съ именительнымъ аттрибута, и когда считаетъ идеаломъ языковъ небывалую логическую связку. „Какъ трудно достигнуть той степени отвлеченности, какая требуется для пониманія глагола существительнаго, какъ чистой „логической“ связки, показываютъ тѣ языки, между 143
прочимъ и индоевропейскіе, которые до такой отвлеченности недоходятъ. Въ славянскихъ языкахъ сказуемое съ извѣстныхъ случаяхъ ставится при подлежащемъ не въ именительномъ, какъ того требуетъ свойство грамматическаго отношенія“ (между подлежащимъ и сказуемымъ), „а въ творительномъ“ („ablativus“; но слав. творительный есть не ablativus, а instrumentalis) адвербіальнаго характера. Арабы ставятъ предикатъ постоянно въ объектномъ падежѣ, который собственно есть падежъ адвербіальный. Во всѣхъ этихъ случаяхъ предикатъ есть нарѣчіе присоединенное къ существительному глаголу“ (Heyse, ib.). Незнаю, какъ Арабы, но вѣрно, что Славяне не недошли до той

степени отвлеченности, которая сказывается въ возможности только такихъ оборотовъ какъ „N est rex“, „fuit rex“ и проч., а оставили ее за собою. Славянскіе языки и лотышско-литовскій отъ величайшаго сходства въ разсматриваемомъ отношеніи съ греческимъ, латинскимъ, нѣмецкимъ, перешли къ своеобразнымъ оборотамъ, о возможномъ значеніи коихъ для образованія связки, какъ чисто-формальнаго слова, синтактически отличнаго отъ другихъ глаголовъ, подробнѣе скажемъ въ слѣдующей статьѣ.

Слѣдуетъ отличать **составное сказуемое**, въ коемъ имя можетъ имѣть свои опредѣленія и дополненія, неотносящіяся къ связкѣ, отъ **описательнаго времени**, которое, несмотря на свою сложность, болѣе замѣтную, чѣмъ сложность напр. аориста на -хъ, есть одинъ глаголъ и сказуемое простое. Такое различеніе станетъ невозможнымъ, если вмѣстѣ съ Востоковымъ составное сказуемое назовемъ составнымъ глаголомъ (Русск. Гр. § 105), такъ какъ тогда „былъ царь“ въ „Петръ былъ царь“ будетъ такой-же единый въ себѣ глаголъ, какъ и „царствовалъ“. Терминъ Востокова ошибоченъ. Извѣстный глаголъ можетъ предполагать существительное или прилагательное, образоваться отъ нихъ, но неможетъ заключать ихъ въ себѣ въ качествѣ самостоятельныхъ словъ, имѣющихъ свои опредѣленія и дополненія. Въ состав-
144 ное сказуемое могутъ входить какъ причастія, такъ и существительное и прилагательное; въ описательное время—только причастныя формы, занимающія середину между глаголомъ и именемъ. Глаголъ въ составномъ сказуемомъ можетъ быть какъ словомъ чисто-формальнымъ, такъ и вещественнымъ; въ описательномъ времени онъ можетъ быть только формальнымъ, и если этого нѣтъ, если напр. въ древне-русск. „хочеть быти“ глаголъ означаетъ хотѣніе, а не одно отношеніе къ лицу и будущему времени (будетъ), то нѣтъ и описательнаго времени. Всякое изъ описательныхъ временъ возникаетъ изъ составного сказуемаго. Обратный переходъ невозможенъ, какъ противорѣчіе общему стремленію языка, по которому напр. падежъ съ предлогомъ можетъ превратиться въ нарѣчіе, но нарѣчіе неможетъ распасться на падежъ и предлогъ. Поэтому, видя напр. что въ польск. сочетаніе „była przeznaczona“ измѣняется въ „była przeznaczoną“ съ творительнымъ, который невходитъ въ составъ сказуемаго, мы должны думать что и „była przeznaczona“ всегда было лишь составнымъ сказуемымъ, несмотря на то, что мы привыкли такой страдательный оборотъ считать за одинъ глаголъ. Если-бы онъ былъ описательное время, то немогъ бы распасться. По подобнымъ соображеніямъ придется многое исключить изъ обычнаго понятія объ описательномъ времени въ русскомъ языкѣ. Такъ у Буслаева „бывалъ хранимъ, осужденъ (Гр. § 89 Б. 2), бывало говорю, говорилъ“ (ib. § 188, 3) суть описательныя времена; но ихъ нельзя считать таками, потому что бывалъ неесть глаголъ формальный.

Неостанавливаясь на этомъ, замѣчу, что въ соотвѣтствіе терминамъ „составное сказуемое" и „предикативная связка" слѣдуетъ принять и термины „составное приложепіе (N, милосьрдъ сꙑи,...) и „аппозитивная связка" (сꙑи и пр.).

8. Грамматическій объектъ (дополненіе) сходенъ съ субъектомъ въ томъ, что тѣмъ и другимъ стремится быть лишь существительное, или другая часть рѣчи, употребленная substantive. Разница между ни- 145
ми та, что субъектъ есть несогласуемый ни съ чѣмъ именительный или звательный падежъ, а объектъ—несогласуемый ни съ чѣмъ косвенный падежъ. Это отсутствіе согласованія въ объектѣ служитъ указаніемъ на то, что онъ означаетъ предметъ внѣшній по отношенію къ субъекту и другимъ объектамъ предложенія. Такое опредѣленіе объекта многимъ шире того, какое находимъ у Буслаева. Оно обнимаетъ между прочимъ какъ падежи, присоединяемые къ именамъ (родительный и дательный принадлежности и пр.), [1]) относимые къ опредѣленію (аттрибуту), такъ и обозначенія мѣста, времени, образа дѣйствія, причины, представляемыя грамматическими предметами. У Востокова можно позаимствовать названіе дополненія другимъ предметомъ (Русск. грам. § 107. II) т. е. другимъ, кромѣ подлежащаго; но нельзя съ нимъ согласиться въ томъ, что дополненіе есть всегда членъ управляемый. Чтобы понятіе управленія нерасползлось въ туманъ, слѣдуетъ понимать подъ нимъ только такіе случаи, когда падежъ дополненія опредѣляется формальнымъ значеніемъ дополняемаго (напр. винительный прямаго объекта при дѣйствительномъ глаголѣ, падежъ съ предлогомъ при предложномъ глаголѣ, какъ „надѣяться на Бога"). Если же дополняемое само по себѣ неуказываетъ на падежъ дополненія, то объ управленіи неможетъ быть и рѣчи. Другими словами, связь между дополняемымъ и дополненіемъ можетъ быть тѣснѣйшая и болѣе отдаленная. Такимъ образомъ второстепенныхъ членовъ предложенія нельзя подвести подъ рубрики согласованія, управленія и отсутствія того и другого, ибо несогласуемыми и неуправляемыми могутъ быть и дополненія.

9. Составное дополненіе. Разсматривая предложеніе съ составнымъ сказуемымъ и видя, что невсякій глаголъ можетъ быть связкою въ такомъ сказуемомъ, спрашиваемъ, какъ поступаетъ языкъ въ тѣхъ 146
случаяхъ, когда составное сказуемое невозможно? Руководится ли онъ тѣмъ же началомъ, которое выразилось въ согласованіи аттрибута въ сказуемомъ съ субъектомъ? Прибѣгаетъ ли онъ къ аналогичнымъ средствамъ и при измѣненныхъ условіяхъ? Предположимъ что да, т. е. что языкъ во всѣхъ случаяхъ старается подобными же средствами удерживать существенное въ отношепіяхъ субъекта и предикативнаго

[1]) „Домъ отца". Развѣ здѣсь отецъ представляется второстепенною субстанціею по отношенію къ дому, какъ въ настоящемъ приложеніи? Развѣ это все равно что „отцовскій домъ"?

аттрибута. Если вслѣдствіе измѣненія рода глагола субъектъ станетъ прямымъ объектомъ при дѣйствительномъ глаголѣ, или же родительнымъ при такомъ же глаголѣ съ отрицаніемъ, или дательнымъ, то что станется съ бывшимъ предикативнымъ аттрибутомъ? Такъ какъ стремленіе языка, по предположенію, состоитъ въ сохраненіи несамостоятельности предикативнаго аттрибута по отношенію къ бывшему подлежащему, и такъ какъ никакихъ новыхъ средствъ для этого недано, то предикативный аттрибутъ долженъ будетъ попрежнему согласоваться въ падежѣ, только не съ подлежащимъ, а съ дополненіемъ. За примѣрами удобнѣе обратиться не къ современному русск. языку, а къ другимъ. Извѣстно соотвѣтствіе между оборотами, какъ „*Κῦρος ἐγένετο βασιλεύς*“, Cyrus rex factus est и такими какъ „*οἱ Πέρσαι τὸν Κῦρον εἵλοντο βασιλέα*“, „Persae Cyrum regem eligerunt“. Литовскому: to dėl ir asz pats turaus newerts esąs pas tawę ateiti, Лук. 7. 7, ближайшимъ образомъ соотвѣтствовало бы ст.-славян. „ни азъ сътворихъ сѧ достоинъ сꙑ приити къ тебѣ“, но обычнѣе безъ сꙑ: „ни азъ сътворихъ сѧ достоинъ приити“, гдѣ достоинъ согласуется съ подлежащимъ, а сѧ не есть дополненіе, такъ какъ чувствуется не какъ винительный, а какъ знакъ субъективности глагола. Вмѣсто этого находимъ въ Остр. ев. „ни себе (ближайшій объектъ) достоина (согласуемый съ нимъ аттрибутъ) сътворихъ“ (ne se ipsum quidem sum dignum arbitratus, qui venirem ad te). Подобнымъ образомъ оборотамъ съ составнымъ сказуемымъ „глаголемъ сѧ раби“ (называемся рабами) и съ двумя винительными „гла-
147 гольѭ вꙑ рабꙑ“ (васъ рабами) соотвѣтствуетъ оборотъ съ двумя родительными „уже неглагольѭ васъ рабъ“, Остр. ев. Іоан. 15, 15. Съ нѣкоторыми особенностями, о которыхъ рѣчь въ слѣдующей статьѣ, вторымъ падежемъ, соотвѣтствующимъ предикативному аттрибуту, бываетъ и дательный.

Два остальные косвенные падежа, именно творительный и мѣстный, въ такихъ отношеніяхъ небываютъ, что зависитъ отъ особенностей ихъ значенія, въ изслѣдованіе коихъ здѣсь можно невдаваться. Т. о. косвенные падежи дѣлятся на входящіе въ составъ составного дополненія и невходящіе въ него.

Языкъ, въ коемъ при составномъ сказуемомъ есть и остальные вышеприведенные обороты, остается вѣренъ во всѣхъ этихъ случаяхъ одному началу согласованія. Само собою, что неможетъ быть названо непослѣдовательностью то, когда языкъ, незная, подобно греческому и латинскому, родительнаго при глаголѣ съ отрицаніемъ, неимѣетъ и оборотовъ какъ „неглаголѭ васъ рабъ“. Но слѣдуетъ считать измѣненіемъ принципа то, когда языкъ, подобно современному русскому, сохраняя въ однихъ случаяхъ составное сказуемое, въ другихъ, которые мы выше нашли сходными, ненаходитъ этого сходства и обращается къ инымъ средствамъ: „не считаю васъ рабами“ и т. п.

Простое опредѣленіе подлежащаго или приложеніе къ нему отлично отъ аттрибута, входящаго въ составъ сказуемаго. „Царь (опредѣленіе) Киръ избранъ бысть...“ или Киръ, царь Персьскъ (приложеніе), избранъ бысть“... вовсе не то что „Киръ избранъ бысть царь“. Или въ современномъ русскомъ: „босая (опред.) дѣвица вышла на морозъ“, v. „дѣвица, босая (приложеніе), [1]) вышла на морозъ“ не то что „дѣвица вышла босая (аттриб. въ сказ.) на морозъ“. Опредѣленіе и приложеніе означаютъ признаки, уже данные въ опредѣляемомъ прежде, чѣмъ возникаетъ дѣйствіе; аттрибутъ въ сказуемомъ есть признакъ 148
возникающій вмѣстѣ съ дѣйствіемъ, или посредствомъ его. Подобная разница существуетъ между простымъ дополненіемъ, имѣющимъ опредѣленія и приложенія („избрашѧ царя Кира“, избрашѧ Кира, царя Персьска“) и составнымъ дополненіемъ: „избрашѧ Кира царя“. Въ первомъ случаѣ Киръ представляется уже царемъ въ то время, когда его избрали; во-второмъ онъ только тогда и становиться царемъ, когда его избрали.

Выше мы назвали именительный въ сказуемомъ предикативнымъ, т. е. входящимъ въ составъ грамматическаго предиката; но приложить этого названія ко второму падежу составнаго дополненія нельзя, такъ какъ это дополненіе вовсе незаключаетъ въ себѣ сказуемаго. Тѣмъ менѣе можно согласиться съ Курціусомъ, который, назвавши именительный въ сказуемомъ—именнымъ предикатомъ, второй винительный въ „*Πέρσαι τὸν Κῦρον εἵλοντο βασιλέα*“ зоветъ „зависимымъ предикатомъ“ (Gr. Schulgr. § 361, 10). Кажется наиболѣе удобнымъ выразить сходство между предикативнымъ аттрибутомъ и соотвѣтственными ему косвенными падежами, назвавши ихъ всѣ, въ отличіе отъ подлежащаго и ближайшаго дополненія съ ихъ опредѣленіями и приложеніями, вторыми аттрибутивными, или согласуемыми падежами простого предложенія. Подлежащее съ своими опредѣленіями, а равно и ближайшіе объекты съ своими, будутъ, при этомъ считаться первыми; они несогласуемы, при томъ, кромѣ случаевъ инверсіи, они занимаютъ первое мѣсто въ порядкѣ словъ.

Указанныя выше выраженія недаютъ основанія говорить о такъ называемыхъ сокращенныхъ придаточныхъ предложеніяхъ. Вообще этотъ терминъ неудобенъ. Онъ обязанъ своимъ происхожденіемъ ошибоч- 149
ной теоріи, что если логическому сужденію соотвѣтствуетъ не предложеніе, а членъ предложенія, то это произошло лишь вслѣдствіе нѣкотораго помраченія закона (сужденіе = предложеніе), который нѣкогда

---

[1]) Это есть приложеніе, appositio, и какъ приложеніе, это прилагательное заключаетъ въ зародышѣ отношенія противительное и уступительное: „N, босая, *а* вышла“, v. „хотя босая, но вышла“. Ничего подобнаго нѣтъ въ собственномъ опредѣленіи „босая дѣвица вышла“. Различіе между опредѣленіемъ и приложеніемъ обозначается нестолько порядкомъ словъ, сколько тономъ.

господствовалъ во всей силѣ. Одно изъ двухъ: или извѣстный отрывокъ рѣчи есть предложеніе, и тогда онъ заключаетъ въ себѣ личный глаголъ, хотя бы и опущенный, или онъ неесть предложеніе, а только его часть. Части простыхъ предложеній, именно дополненія, напр. въ „налѣзоша и жива“, „увѣдаша князя идуча“ не-суть ни предложенія, ни сокращенія чего либо, при томъ въ равной мѣрѣ. Доля правды, заключенная въ терминѣ „сокращенное предложеніе“, состоитъ лишь въ томъ, что если принять vb. finitum=сказуемое за единицу для измѣренія предикативности, то окажется, что одни члены простого предложенія болѣе приближаются къ этой единицѣ, другіе менѣе. Такъ причастіе ближе къ глаголу, чѣмъ существительное и прилагательное; но эта близость непростирается до тождества съ личнымъ глаголомъ. Если бы оказалось, что позднѣйшій языкъ замѣняетъ первое изъ приведенныхъ выраженій однимъ предложеніемъ („нашли его живымъ“ или „въ живыхъ“), а второе двумя („узнали, что онъ идетъ“), то этого свойства позднѣйшаго языка никакъ неслѣдовало бы приписывать языку предшествующему. Сами по себѣ приведенные вторые падежи равносильны во всемъ, кромѣ того, что причастію свойственны видъ (если онъ есть въ языкѣ) и время. Причастія невозникли изъ придаточнаго предложенія, въ родѣ „увѣдаша оже (яко, анъ) идеть“, Они непредполагаютъ союзовъ, напротивъ, въ позднѣйшихъ языкахъ они вытѣсняются придаточными предложеніями, присоединенными къ главнымъ посредствомъ союзовъ и мѣстоименій относительныхъ. Употребленіе причастія, а равно и второго падежа вообще можетъ разсматриваться какъ объединеніе и сосредоточеніе мысли лишь по отношенію къ тому незапамятному времени, когда небыло ни причастій, ни союзовъ
150 съ относительными мѣстоименіями, ни придаточныхъ предложеній, когда было возможно лишь построеніе рѣчи изъ предложеній, неимѣющихъ между собою никакой формальной связи: „налѣзоша, живъ ѥсть“, „увѣдаша, идеть“, „народъ же стоѧ и слышавъ, глаголаахѫ, громъ бысть“, Остр. Ев. Іоан. 12. 20 (въ греческомъ, лат. и готскомъ здѣсь винительный съ неопредѣленнымъ: *ἔλεγε βροντὴν γεγονέναι)*. Подобное построеніе въ извѣстной мѣрѣ, какъ одно изъ многихъ средствъ языка, употребительно и въ позднѣйшее время; „...понеже бо и виждѫ, уже изобалъ ѥсть вѣдро сочива“ (XIV в. Срезневскій, Пам. юсов. пис. 221). Здѣсь связью между предложеніями служитъ только то, что дополненіе перваго означаетъ одно лицо съ подлежащимъ второго. Этотъ оборотъ стоитъ посрединѣ между совершенно безсвязнымъ „виждѫ, уже изобалъ ѥсть“ и связными: „виждѫ и изобавъше (изобавъша)“ и „виждѫ, яко изобалъ ѥсть“. Два послѣдніе въ равной мѣрѣ могли бы назваться сокращеніями развѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ предложеніе, состоящее изъ двухъ оформленныхъ словъ, есть объединеніе рѣчи, состоящей изъ словъ, еще неимѣющихъ грамматической формы.

10. Второстепенныя связки. Общимъ свойствомъ вторыхъ падежей въ простомъ предложеніи кажется то, что въ нихъ, особенно въ косвенныхъ, средства языка какбы скудны сравнительно съ его требованіями. При отсутствіи обязательнаго порядка словъ, одно и тоже согласованіе должно дать и простыя опредѣленія, и приложенія, и вторые падежи.

Тоже сходство между этими членами остается и въ слѣдующемъ случаѣ: имя, служащее приложеніемъ, присоединяется къ опредѣляемому не прямо, какъ выше сказано, а посредствомъ причастія: „Каиафа, архиерей сꙑ лѣту тому", О. Ев. Іоан. 11. 49. Такой составной аттрибутъ, заключающій въ себѣ аттрибутивную связку, можетъ войти и въ сказуемое: лит. „kursai isz tû trijû regisi (3-е л. ед. отъ regēti-s, видѣться, въ смыслѣ казаться) artimas buwęs," Лук. 10, 36, что въ ст.-слав. было-бы „къто убо отъ тѣхъ трии мьнить ти сѧ сꙑ ближьнии". Та- 151
кимъ составнымъ можетъ быть и второй косвенный падежъ: литов. ką sako žmonės žmogus sunų esantį, Матѳ. 16. 13, что по ст.-слав. было бы: „кого глаголѭть (людиѥ) сына человѣчьска сѫща (сынъ человѣчьскъ сѫще)".

Болѣе явственное разграниченіе собственныхъ аттрибутовъ и вторыхъ падежей обнаруживается при употребленіи неопредѣленнаго наклоненія въ качествѣ связи предикативнаго аттрибута и вообще втораго падежа. Неопредѣленное наклоненіе неможетъ быть ни простымъ опредѣленіемъ, ни связкою опредѣленія составного. Сколько извѣстно, никогда небыли возможны выраженія какъ „зеленѣть дерево" (зеленѣющее, зеленое), „Кайафа, быть архиерей", и въ этомъ одно изъ отличій неопредѣленнаго накл. отъ имени со включеніемъ причастія. Но неопредѣленное бываетъ связкою втораго падежа: „къто... ближьнии (предик. аттрибутъ) мьнить ти сѧ бꙑти (связка предикативнаго аттрибута)", Остр. Ев. Лук. 10, 36; „кого (2-й винительный) глаголѭть мѧ (1-й винительн.) бꙑти (связка 2-го винительнаго)" Остр. ев. Матѳ. 16, 13.

11. Обстоятельство. Какъ личный глаголъ есть тѣмъ самымъ сказуемое или предикативная связка; какъ имя въ прямомъ падежѣ, несогласуемое съ другимъ, есть подлежащее, имя въ косвенномъ падежѣ, несогласуемое съ другимъ, есть дополненіе, а согласуемое имя въ любомъ падежѣ есть опредѣленіе или часть сказуемаго: такъ и обстоятельству присвоена особая форма, нарѣчіе. Выше было упомянуто, что включеніе грамматическихъ объектовъ въ понятіе обстоятельства неможетъ быть оправдано. Подъ обстоятельствомъ, или нарѣчіемъ, разумѣемъ признакъ (стало быть знаменательную часть рѣчи), связуемый съ другимъ признакомъ даннымъ или возникающимъ и лишь чрезъ его посредство относимый къ предмету (субъекту, объекту), а самъ по себѣ неимѣющій съ нимъ никакой связи. Въ этомъ опредѣленіи заключено, во-первыхъ, то, что ни существительное, ни прилагательное, ни глаголъ 152

немогутъ быть обстоятельствомъ; ибо въ существительномъ признакъ мыслится въ извѣстной субстанціи, а въ прилагательномъ и глаголѣ, разсматриваемыхъ независимо отъ подлежащаго и опредѣляемаго, въ неизвѣстной, что̀ и выражается ихъ согласованьемъ. Нарѣчіе при прилагательномъ неесть только аттрибутъ аттрибута, потому что такую роль въ древнемъ языкѣ можетъ играть и другое прилагательное, согласуемое съ своимъ ближайшимъ опредѣляемымъ, и вмѣстѣ съ нимъ согласуемое съ субъектомъ, напр. „пишу грамоту душевную въ своемъ смыслѣ, добръ здоровъ“ (1406 г. Собр. Г. Гр. и Дог., 1, № 39), т. е. не добръ и здоровъ, а совершенно здоровый; „взвратишася в-своя-си добри здорови“ (Лавр. 192); бѣ же Ростиславъ мужь добль ратенъ (Ип. и др.—добръ на рать), възрастомъ же лѣпъ Лавр. 72. Согласно съ этимъ нарѣчіе при прилагательномъ можетъ быть названо лишь несогласуемымъ аттрибутомъ аттрибута. Во-вторыхъ, существительное неможетъ имѣть при себѣ обстоятельства, т. е. выраженія какъ „бѣло снѣгъ“ въ нынѣшнемъ языкѣ грамматически невозможны. Это впрочемъ вполнѣ примѣнимо только къ языку, въ коемъ установилось строгое различіе между существительнымъ и прилагательнымъ. Чѣмъ ближе существительное къ прилагательному, тѣмъ возможнѣе приложеніе къ нему нарѣчія. Изрѣдка это встрѣчается въ древне-русскомъ: „Мееодій же посади 2 попа скорописца зѣло“ (Лавр. л. 11, Ип. скорописца вельми); „радовашеся Ярославъ видя множьство церквій и люди хрестьяны зѣло“ (ib 66); „научися, вѣрный человѣче, быти благочестно дѣлатель“ (Лавр. 101) [1]); дружинѣ несвѣдущимъ поѣзда князя своего бороздо, Ип. [2] 330. Изрѣдка и въ болѣе новомъ языкѣ, напр. мр. (худоба розійшлася:) то на ліки пішло, то брали добрі люде за якусь колисьто пóзичку, Квитка; ср. поѣздка туда и обратно, нѣм. die fahrt hierher. Ср. литов. gaspadinė labai darbininkė budama... Schleich. Leseb. 201, т. т. хозяйка, будучи очень работница (очень работящая). Отлично отъ этого древ. греч. *οἱ νῦν ἄνθρωποι*.

Такъ какъ при неопредѣленномъ наклоненіи обстоятельство можетъ находиться („мыть бѣло“) и такъ какъ, какъ сказано выше, неопредѣленное наклоненіе неможетъ быть аттрибутомъ; то ясно, что эта форма неесть ни имя, ни въ частности существительное, а особая часть рѣчи, о чемъ см. слѣдующую статью.

153 Нарѣчія, по происхожденію, могутъ быть отнесены къ двумъ разрядамъ: 1) отъименныя, со включеніемъ отмѣстоименныхъ, объяснимыя изъ простого предложенія и 2) образованныя изъ сказуемыхъ, предполагающія сочетаніе предложеній. Послѣднія, какъ „чуть живъ“, мр. „мабуть“, зап. мр. „відай“ и т. п. оставляю въ сторонѣ, такъ какъ

---

[1]) Это ошибка, но б. м. знаменательная. Въ древнемъ поученіи, изъ коего это взято: „наоучисѧ... быти благоч(ь)стью (дат.) дѣлатель“, Прологъ XIII в. Срезн. Др. пам. рус. письма 233.

говорю здѣсь о простомъ предложеніи. Первыя дѣлятся на а) происшедшія отъ согласуемыхъ частей предложенія, между прочимъ отъ опредѣленій въ именительномъ и б) происшедшія отъ дополненій,

а) Въ нашихъ дѣепричастіяхъ нарѣчіе образуется изъ причастія посредствомъ замѣны различныхъ формъ одною формою именительнаго единственнаго мужескаго (дѣлая, сдѣлавъ), или женскаго рода (сдѣлавши). Нѣкоторая часть дѣепричастій, небудучи именительными падежами, что было бы несогласимо съ понятіемъ нарѣчія, непосредственно примыкаетъ къ этимъ падежамъ. Въ такъ называемыхъ нашихъ прилагательныхъ сравнительной степени (бѣлѣе), которыя въ дѣйствительности суть нарѣчія, неподвижною стала форма общая именительному и винительному един. средняго рода. О нарѣчіяхъ, какъ много, мало, происшедшихъ отъ положительной степени прилагательныхъ и имѣющихъ форму именительнаго-винительнаго ед. ср. рода и столь же свойственныхъ славянскому языку, какъ и санскритскому, греческому, латинскому, Боппъ думаетъ, что форма ихъ есть не именительный, а винительный, только потому, что „всякій косвенный падежъ болѣе годится для обозначенія адвербіальнаго отношенія, чѣмъ именительный" (V. Gr. § 989). Такъ и Буслаевъ (Гр. § 73, 3) и Микл. V. Gr. IV 393—4. Можетъ показаться напраснымъ спрашивать, предполагаетъ-ли, напр. „мало" именительный или винительный, такъ какъ въ среднемъ родѣ нѣтъ различія между этими падежами; однако Боппъ несчелъ этого вопроса излишнимъ и не безъ основанія, ибо дѣло въ томъ, каковъ былъ бы ближайшій оборотъ къ мало, въ случаѣ различенія именительнаго и винительнаго. Другая форма этого вопроса такая: должно ли опредѣлительное или входящее въ предикатъ прилагательное стать 154
сначала дополненіемъ, быть употреблено въ косвенномъ падежѣ и substantive, чтобъ затѣмъ перейти въ нарѣчіе? Миклошичъ для подтвержденія аккузативности нарѣчій отъ прилагательнаго средняго рода ссылается на обороты какъ *χαρὰν μεγάλην χαίρειν* и duram servitutem servire (V. Gr. IV 158), стало быть на такъ называемый внутренній объектъ. Конечно, это возможно, но какъ общее положеніе врядъ-ли вѣрно. Никакого слѣда объективности немогу усмотрѣть въ „снѣгъ бѣлѣе бумаги", „право судилъ ѥси". Напротивъ, можно думать, что и въ послѣднемъ случаѣ право ближайшимъ образомъ непроизошло изъ существительнаго (какъ бы судилъ еси правоѥ), а примыкаетъ къ именительному аттрибута въ „правъ судилъ ѥси", при чемъ переходъ прилагательнаго въ средній родъ можетъ быть неболѣе, какъ средствомъ устранить согласованіе, а не субстантивировать прилагательное. И безъ перехода въ средній родъ можетъ образоваться нарѣчіе отъ именительнаго, какъ показываетъ, кромѣ нашихъ дѣепричастій, литовскій языкъ, гдѣ нарѣчіе можетъ застыть въ именительномъ един. м. рода: „rods norim", букв. „радъ хотимъ" т. е. мы бы ради, тогда какъ первона-

чально прилагательное здѣсь измѣняется по родамъ и числамъ; „rods padarysiu“, радъ сдѣлаю, „roda padarysiu“, рада сдѣлаю. Согласно съ этимъ, хотя и нельзя сомнѣваться, что нарѣчія **какъ**, **такъ**, мр. **як**, **гаразд** и т. п. суть во многихъ случаяхъ сокращенія формъ **како**, **тако**, **яко**, **гораздо**; но съ другой стороны нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, что въ этихъ нарѣчіяхъ не уцѣлѣли въ другихъ случаяхъ именительные един. муж. рода. Вовсе не непремѣнно нарѣчіе въ мр. „негаразд ти робиш“ есть сокращеніе изъ гораздо; **такъ** въ слѣдующемъ „на себя что купить, то проториться, а ты, удалъ молодецъ, и **такъ** (нагой, босой) живешь“ (о Горѣ Злочастьи, Пам. и обр. 278) можетъ быть прямо отъ такого употребленія этого слова, какъ въ слѣдующемъ:
155 „Володимеръ бо **такъ** (т. е. такой) бяше любезнивъ: любовь имѣя къ митрополитомъ и къ епископомъ“ (Лавр. л. 112). Допустивши, что въ нарѣчіи, какъ **мало**, **тако**, въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ заключаться не винительный, а именительный, мы небудемъ имѣть надобности вмѣстѣ съ Миклошичемъ полагать, что „нарѣчіе несовмѣстимо съ глаголомъ существительнымъ“ т. е. что всякій разъ, когда нарѣчіе стоитъ при ѥсть и т. п. напр. въ хорут. „oj tiho bôdi ljubi moj“, въ такъ называемомъ существительномъ глаголѣ мы должны видѣть другой глаголъ напр. verhalte dich ruhig (V. Gr. IV, 159). Будетъ ли **ѥсть**, **буди** и пр. имѣть болѣе конкретное, или болѣе отвлеченное значеніе, по залогу оно остается неизмѣннымъ.

б) Какъ нарѣчіе, образуемое отъ согласуемыхъ словъ, вмѣстѣ съ падежемъ теряетъ и согласованіе, такъ въ нарѣчіи отъ дополнительныхъ существенная черта—потеря субстанціальности. Разница между такимъ нарѣчіемъ и дополненіемъ можетъ вовсе невыражаться внѣшнимъ образомъ и состоять лишь въ томъ, что въ одномъ случаѣ слово есть существительное или употреблено существительно, а въ другомъ уже чувствуется не какъ другой предметъ, а какъ признакъ признака. „**За утра**“ можетъ быть, смотря по пониманію говорящаго, дополненіемъ и существительнымъ или обстоятельствомъ и нарѣчіемъ, и только **завтра**, въ коемъ видимо разорвана связь съ склоненіемъ „**утро**“, „**утра**“... принимается не иначе, какъ за нарѣчіе (см. Mikl. V. Gr. IV, 151—2). Было бы ошибочно думать, что нарѣчія, управляющія падежами, напр. „**ходить край воды**“, противорѣчатъ вышеприведенному опредѣленію нарѣчія, какъ слова, неимѣющаго опредѣленной связи съ объекомъ. Въ такихъ случаяхъ падежъ объекта (**воды**) есть дополненіе не одного слова **край**, какъ было бы, еслибы это слово было существительнымъ, а дополненіе сочетанія глагола съ нарѣчіемъ „**ходить край**“.

Позднѣйшія, этимологически ясныя и при томъ безпредложныя нарѣчія служатъ основаніемъ для заключенія о болѣе древнихъ. Послѣд-
156 нія тоже могутъ предполагать дополненія и заключать въ себѣ падежныя окончанія, хотя невсегда тѣже самыя, какія сохранились въ имен-

ныхъ и мѣстоименныхъ склоненіяхъ позднѣйшаго языка. Большинство этихъ древнѣйшихъ нарѣчій—мѣстоименны. Хотя возможно, что уже въ ихъ образованіи участвовали существительныя отъ качественныхъ корней, но мнѣнія, подобныя Боппову, что dâ въ санскритскомъ кадâ (=славян. гда въ когда, которое дважды заключаетъ въ себѣ мѣстоименное ка) образовалось изъ творительнаго дивâ (днемъ) остаются догадками.

12. Предлогъ—связка объекта. Когда дополненіе, имѣющее свое дополненіе, теряетъ значеніе объекта и переходитъ въ нарѣчіе (напр. копиѥ приломити конець поля Половец(ь)каго, Сл. о пол. Иг.; Ружа к'рст си чини срешта слънце“ (крестится противъ солнца, на востокъ) Верк. Н. п. Мак. Буг. 178; серб. пут онога места=къ, по направ. (Буслаевъ Гр, § 249, пр. 4 Mikl. Gr. IV 253—7), то тѣмъ самымъ оно становится связкою, соединяющею свое прежнее дополненіе съ дополняемымъ. Наиболѣе употребительное и, какъ кажется, наиболѣе древнее дополненіе существительнаго есть родительный. Этимъ объясняется, почему у насъ рѣшительное большинство, а въ нѣкоторыхъ языкахъ, какъ греческій, всѣ нарѣчія, допускающія сочетанія съ падежемъ, сочетаются именно съ родительнымъ. Понятно, что нарѣчіе, въ извѣстныхъ случаяхъ являющееся связкой (ходить около чего), въ другихъ случаяхъ можетъ обходиться безъ слѣдующаго за нимъ падежа (Буслаевъ, Гр. § 249), подобно тому, какъ глаголъ, бывающій предикативной связкой, можетъ быть и самостоятельнымъ сказуемымъ. Въ обоихъ случаяхъ языкъ можетъ стремиться къ созданію такихъ связокъ, которыя бы неимѣли никакихъ другихъ функцій. На нашихъ глазахъ нѣкоторыя нарѣчія теряютъ способность употребляться безъ слѣдующаго за ними падежа, напр. межь, между. Это всегда служитъ признакомъ совершившагося въ нихъ внутренняго измѣненія, именно потери вещественнаго значенія, того, что они стали чистыми связками объекта, предлогами. Перенося въ древность стремленіе языка, замѣчаемое въ относительно близкія къ намъ времена, можно думать, что и древ- 157
нѣйшіе предлоги, извѣстные намъ только въ формальномъ значеніи объективныхъ связокъ, произошли неиначе, какъ отъ древнѣйшихъ же, то есть мѣстоименныхъ нарѣчій. Въ нѣкоторыхъ изъ такихъ предлоговъ еще довольно явственны падежныя окончанія, напр. въ отъ=санскритскому нарѣчію а-тас, оттуда, коего суффиксъ имѣетъ значеніе суффикса ablativi, какъ и въ санскр. сварга-тас, латинск. coeli-tus, съ неба (Bopp. V. Gr. § 421, 1001). Въ пути отъ знаменательности нарѣчія къ формальности предлога небываетъ скачковъ и перерывовъ. Высшая степень формальности предлога обнаруживается въ томъ, что онъ перестаетъ чувствоваться, какъ отдѣльное слово, и становится префиксомъ (рѣже суффиксомъ) падежа и префиксомъ глагола. Но сначала и ставясь передъ глаголомъ нарѣчіе-предлогъ разсматривается какъ

амостоятельное слово и можетъ отдѣляться отъ глагола другими словами. Такъ было въ гомеровскомъ языкѣ, такъ до сихъ поръ въ литовскомъ, въ коемъ возвратномъ si (-ся) можетъ помѣщаться между предлогомъ и глаголомъ. Сначала пере и об (объ, оби) въ переходить, обходить, по своей грамматической функціи, совершенно сходны съ ходить черезъ, ходить около.

13. Этимъ закончимъ обзоръ формъ, составляющихъ простое предложеніе.

Первоначально простыя предложенія слѣдуютъ другъ за другомъ такъ, что формальныя отношенія между ними вовсе несознаются и необозначаются. Ряды ихъ подобны рисунку безъ перспективы. Связь между ними установляется посредствомъ мѣстоименій относительныхъ и союзовъ, разсмотрѣніе коихъ относится къ ученію о сложномъ предложеніи.

II.

Составные члены предложенія и ихъ замѣны [1]).

Предварительныя опредѣленія понятія о составномъ членѣ предложенія были изложены въ предыдущей статьѣ (Введеніе. X, § 6—10).

Прежде созданное въ языкѣ двояко служитъ основаніемъ новому: частью оно̀ перестраивается за́-ново при другихъ условіяхъ и по другому началу, частью же измѣняетъ свой видъ и значеніе въ цѣломъ единственно отъ присутствія новаго. Согласно съ этимъ поверхность языка всегда болѣе-менѣе пестрѣетъ оставшимися наружи образцами разнохарактерныхъ пластовъ. Признавая эту пестроту поверхности языка, напр. то, что обороты „N былъ купецъ“ и „N былъ купцомъ“, стоящіе рядомъ въ нынѣшнемъ языкѣ, неодновременны по происхожденію и неоднородны, но построены по различнымъ планамъ; стараясь сколько-нибудь опредѣлить пропорціи, въ какихъ на обращенной къ 2
намъ поверхности языка смѣшаны разнохарактерныя явленія: вмѣстѣ съ тѣмъ приходимъ къ необходимости выяснить ихъ характеръ, поставивши ихъ въ ряды другихъ, съ ними однородныхъ. Такова задача этой статьи относительно явленій, названныхъ въ заглавіи. Явленія эти принадлежатъ къ двумъ разновременнымъ и разнохарактернымъ наслоеніямъ. Древнѣйшее изъ нихъ состоитъ главнымъ образомъ изъ вторыхъ именительныхъ падежей, частью входящихъ въ составъ главнаго сказуемаго, частью выдѣлившихся изъ него въ болѣе самостоятельныя части предложенія, и изъ вторыхъ, такъ называемыхъ, предикативныхъ, косвенныхъ падежей: винительнаго, родительнаго, дательнаго. Наслоеніе это оказывается, за немногими исключеніями, общимъ славянскому языку съ другими древними индоевропейскими. Общая его черта есть недостаточное синтактическое различеніе и даже безразличіе глаголовъ служебныхъ и знаменательныхъ и такое господство въ предложеніи началъ согласованія, при которомъ члены предложенія, сравнительно съ позднѣйшимъ языкомъ, слишкомъ однородны. Ср. напр. „избьрашѧ Кира царя“ съ нынѣшнимъ „выбрали Кира царемъ“ и т. п.

[1]) 1-е изданіе—Харьк. 1874, VI+540+III. Отдѣльный оттискъ изъ Записокъ Императорскаго Харьковскаго Университета.

Во второмъ, болѣе позднемъ наслоеніи, отчасти уже покрывшемъ собою первое, мы находимъ: сліяніе составного сказуемаго въ цѣльное; усилія, отчасти успѣшныя, образовать чисто формальные глаголы; разложенія составного сказуемаго на сказуемое съ придаточнымъ предложеніемъ; замѣны вторыхъ сказуемыхъ падежей частью—несклоняемыми словами сравнительно поздняго образованія (нарѣчіемъ—прилагательнаго, дѣепричастіемъ—причастія), частью падежами съ предлогомъ, частью творительнымъ. Сюда же принадлежатъ нѣкоторыя измѣненія въ неопредѣленномъ наклоненіи. Явленія эти при всемъ своемъ разнообразіи имѣютъ то общее, что составляютъ результатъ стремленія къ дифферен-
3 цированію членовъ предложенія. Языкъ, къ которому они принадлежатъ, по своеобразности и грамматическому совершенству, стоитъ выше того, къ которому относятся составные члены предложенія.

Составное сказуемое и составное приложеніе.

Можно насчитать извѣстное количество глаголовъ, входящихъ въ ст.-сл. и другихъ слав. нарѣчіяхъ въ сочетаніе со вторымъ именительнымъ, и такимъ образомъ отдѣлить эти глаголы отъ остальныхъ. Въ древнемъ языкѣ это, кромѣ формъ съ ѥс- и бы-, бѫде-,—глаголы, какъ мьнѣтисѧ, творитисѧ, повѣдатисѧ, явитисѧ, довьлѣти, съжалитисѧ, убоятисѧ, коньчати, прѣбыти, прѣстати, стати и стояти, сѣсти и сѣдѣти, лежати, вестисѧ и др., а также страдательные обороты, какъ назъванъ бысть, веденъ бысть и пр. Однако указать общую примѣту, по которой могъ бы быть узнанъ такой глаголъ „der unvollständigen aussage“, т. е. способный быть неполнымъ сказуемымъ, весьма трудно. Сказавши, что это глаголы средніе, возвратные и страдательные, мы ихъ опредѣлимъ весьма неточно, потому-что въ наличномъ языкѣ далеко не всѣ такіе глаголы встрѣчаются въ составномъ сказуемомъ. Попытка опредѣлить глаголы составнаго сказуемаго ихъ отвлеченностію, сравнительно съ конкретностію остальныхъ, болѣе-менѣе безплодна. Правда, что изъ группы этихъ глаголовъ выдѣляются съ теченіемъ времени такіе отвлеченные глаголы, какъ ѥс-, бы-, которые, по выраженію Миклошича, относятся къ конкретнымъ, какъ мѣстоименіе къ имени (Synt. 262); но вся группа неможетъ быть названа абстрактною по преимуществу, ибо что же особенно абстрактнаго напр. въ глаголахъ физическаго движенія и покоя: „въста простъ“, въ совр. языкѣ „N легъ во гробъ живой“? Миклошичъ (l. c.) относитъ къ означеннымъ глаголамъ только тѣ, которые означаютъ бытіе въ
4 покоѣ (ѥс-, sein) и движеніи (werden, стать въ переносномъ смыслѣ). Признавая что уже въ древнемъ слав. языкѣ проявлялось функціональное отличіе этихъ глаголовъ отъ остальныхъ, входящихъ въ составное сказуемое, ниже мы будемъ разсматривать ѥс- и бы- бѫде-

съ именительнымъ отдѣльно отъ сочетанія съ этимъ падежомъ другихъ глаголовъ. Однако, чѣмъ далѣе въ древность, тѣмъ болѣе сходства представляютъ эти глаголы (ѥс и бы) съ остальными и тѣмъ труднѣе различать ихъ роли въ предложеніи. Извѣстно, что ѥс- есть глаголъ отличный отъ бы- и бѫде- нетолько по корню (ас-, bhȳ-), но и потому, что въ ѥс- нѣтъ оттѣнка начинательности, который въ бѫдеть и пр. формально обозначенъ перенесеніемъ глагольнаго характера н-, имѣющаго въ слав. и литовско-лотышскомъ начинательное значеніе, внутрь корня. Изъ этихъ глаголовъ только ѥс- можетъ быть названъ существительнымъ (v. substant.), т. е. означающимъ существованіе. Это значеніе, несмотря на отвлеченность, функціонально неотличаетъ глагола ѥс- отъ остальныхъ, до тѣхъ поръ, пока онъ не становится чисто формальнымъ, — моментъ требующій, особаго тщательнаго опредѣленія. Глагольныя формы корня bhȳ-, потерявши предполагаемое въ этомъ корнѣ значеніе „рости" (ср. гр. *φυτόν*, сл. бꙑлиѥ, Mikl. ib.), долго оставались при довольно конкретныхъ, отнюдъ не чисто формальныхъ значеніяхъ возникновенія (стать, возникнуть) и случайности, превращенія (стать другимъ), пребыванія, совершенія. Сродные языки ставятъ на мѣсто этихъ формъ различные весьма конкретные глаголы. Бысть во множествѣ случаевъ соотвѣтствуетъ греческому *ἐγένετο, γέγονεν*. Въ выраженіи „съ горы сея, идѣ же послѣже бысть Кіевъ" (Лавр. 4) вм. бысть мы теперь поставимъ „создался", „построился", „сталъ", „возникъ" и т. п. Рѣже въ этомъ значеніи быхъ и бывъ: тебе ради Богъ твои быхъ сынъ твои (Адаме)", Supr. 355, 17; азъ Богъ твои (Адаме), бꙑвꙑи тебе ради сынъ твои Supr. 355, 7; въскрьсни, зраче мои, бꙑвꙑй (возникшій) по образу моему ib. 155, 19. Въ „соволокуться и будутъ нази" (Лавр. 4) будутъ значитъ не то, что нынѣ (лит. bus), а станутъ (лит. pastos); такъ въ „да бѫдете мои 5
ученици", Іоан. 15, 8=*ἵνα γενήσεσθε*, лит. kad pastojat, чтобы вы стали моими учениками. Значеніе случиться: „аще бѫдеть обрѣсти" Мат. 18, 13 (О. ев.), *ἐὰν γένηται εὑρεῖν*, si acciderit, so sich's begibt, польск. jesli się zdarzy, gdyby sie trafiło, м.-русс. коли трапитця, коли доведетця, серб. ако се догоди, лит. jej trópitus, лотыш. ja nûtik, если случится; „бꙑвъ на томъ мѣстѣ", Лук. 10, 32 (О. ев.), случившись, мр. прилучившись, *γενόμενος*, quum venisset, лит. iszkakęs (iszkanku, iszkakti, достигнуть мѣста), лотыш. nácis (=пришедши). „Печаль ваша въ радость бѫдеть", Іоан. 16, 20 (О. ев.), *γενήσεται*, лит. jusû smutnybe tures i džaugsmą pawirst, мр. смуток ваш маѥ радощами (Кул. на радощі) обернутись, имѣетъ превратиться въ радость. „Яко бо розга неможеть плода сътворити, аще небѫдеть (*ἐὰν μὴ μείνῃ*, лит. jej nepasiliekt, лотыш. ja nepalēk, если неостается, мр. коли небуде пробувати, Кул.) на лозѣ, тако и вы, аще въ мнѣ непрѣбѫдете (*ἐὰν μὴ μείνετε*, лит. jej nepasiliekat, лат. ja nepalēkat, если непребываете

неостаетесь, т. е. непребудете“), Іоан. 15. 4 (О. ев.). Бѫди волѧ твоя, Мат. 26, 42 (*γενηθήτω*, лит. te nûsidûda, лат. lai nûtěk, пусть сбудется, совершится, исполнится, мр. нехай збудетця, станетця). Конкретность гл. бути, бѫдѫ въ древнемъ языкѣ видна и изъ его способности сочетаться съ предлогами (прѣ=пере, из, вы, до, за, на, при, про) и давать отъ себя формы причинную и болѣе длительныя, способности, которой глаголъ ѥс- въ слав. языкѣ неимѣетъ. Въ относительно позднее время бы- буд- теряетъ значеніе werden, для выраженія котораго начинаютъ употреблять другіе глаголы (напр. русск. стану, стать) и получаетъ значеніе „бытія“ (sein), что даетъ основаніе обычному соединенію его съ ѥс- въ одинъ глаголъ.

Останавливаясь на второй половинѣ составного сказуемаго, причастіи, прилагательномъ и существительномъ, видимъ здѣсь, что чѣмъ далѣе въ старину, тѣмъ сходнѣе функціи этихъ частей рѣчи въ состав-
6 номъ сказуемомъ. Однако, такъ какъ зародыши различнаго обращенія съ этими частями рѣчи лежатъ уже въ древнемъ языкѣ, то въ примѣрахъ, взятыхъ и изъ этого языка, казалось болѣе удобнымъ отдѣлять причастія отъ прилагательныхъ и прилагательныя отъ существительныхъ. Другія подраздѣленія разсматриваемаго здѣсь матеріала будутъ изложены при случаѣ.

Сочетаніе причастій дѣйствительныхъ, кромѣ прич. на -лъ, съ ѥсмь, буду и пр.

1) Причастіе настоящее дѣйств. съ ѥсмь, буди, буду, бѣхъ, быхъ, бѣахъ.

Христе, хвалѫ тебѣ въздаѭ, яко нѣсмь яко, и прочии человѣци грабителѥ, неправьдьници и прѣлюбодѣици... (ѥсмь) алъчѧ (*νηστεύω*) дъва кратꙑ въ сѫботѫ, (ѥсмь) десѧтинѫ даѭ (*ἀποδεκατῶ*) вьсего, ѥлико притѧжѫ, О ев. Лук. 18, 11—12. Изъ этого примѣра видно, что славянскій переводчикъ ставилъ разсматриваемыя здѣсь сочетанія не по требованію греческаго текста (какъ въ Маріин. ев. ed. Ягичь, 280, гдѣ „поштѫ сѧ, даѭ“), а вникая въ смыслъ и сообразуясь съ своимъ языкомъ. Смыслъ славянскаго оборота приблизительно таковъ: я—постникъ, я исправный плательщикъ десятины.

Си же (иніи языци, иже дань дають Руси) суть свои языкъ имуще, Лавр. 5 (какъ бы: иноязычники, или своеязычники).

И есть церки та стоящи въ Корсунѣ градѣ, ib. 47, (ср. полата же Володимеря съ края церкве стоить и до сего дне, ib. 47).

Суть же кости его и доселѣ тамо лежаче, ib. 87.

Послахъ отрокъ свои въ Печеру, люди, яже суть дань дающе Новугороду, ib. 107, какъ бы „суть данники“.

Суть же (Грьци) хитро сказающе и чюдно слышати ихъ, ib. 45, „они искусные разскащики“.

Дьяволъ стеня глаголаше: увы мнѣ, яко отсюда прогонимъ есмь! сдѣ 7
бо иняхъ жилище имѣти, яко сдѣ не-суть ученья апостольска, ни суть вѣдуще Бога, ib. 50, какъ бы „невѣгласи“ въ богопознаніи.

Суть образомъ черни, крилаты (-ти), хвосты имуще, ib. 77.

Днсь бо ѥсмь (мн. ч.), а утро акы небывше ѥсмь; днсь уханиѥмь мажющеся ѥсмь, а утро смердяща; днсь питающася ѥсмь, а утро съ плачемъ проважаѥми къ гробу, Сильв. сб. XIV в. Срезневск. о Бор. и Гл. XII.

Намъ же укоренымъ сущимъ отъ безако(нь)ныхъ тѣхъ Агарянъ, и чающе есмы Божия благодати и лица преславна, Ип. 135 (441), какъ бы: мы постоянно надѣемся.

Буди упъвая на Господа всѣмь сьрдцемь. Притч. 3, 5 (1271, Бусл. Хр. 76). Вѣда буди, благородныи княже: божественымъ вдохновеніемъ сотворена бысть душа, Посл. митр. Никиф. Русск. Дост. I, 64, да будетъ тебѣ извѣстно. Небѫдѣте, яко лицемѣри, сѣтоуѭще, О. ев. Матѳ. 6, 16, *μὴ γίνεσθε σκυθρωποί*.

Отъселѣ человѣкы бѫдеши ловѧ, ib., Лук. 5, 10, *ἔσῃ ζωγρῶν*, какъ бы „будешь ловцомъ“. И се бѫдеши мълч'ѧ и немогы проглаголати (*ἔσῃ σιωπῶν καὶ μὴ δυνάμενος λαλῆσαι*), до нѥго же дьне бѫдеть се, ib. Лук. 1, 20. Кѫѭ прѣдипоставьѭ словеси трепезѫ, что бѫдѫ люди селикы госта, имъ же ѥдинъ Христос гонѣѥтъ насꙑтити, Supr. 317, 20.

Будеши стеня и трясася до живота своего, Лавр. 38.

Аще будете въ любви межю собою, Богъ будеть въ васъ и покорить вы противныя подъ вы, и будете мирно живуще; аще ли будете ненавидно живуще въ распряхъ и которающеся, то погыбнете сами и погубите землю отець своихъ, ib. 69.

Аще по моемь ошествіи свѣта сего... манастырь (ся) начнеть строити и прибывати въ немъ, то вѣжьте, яко приялъ мя есть Богъ; аще ли по моей смерти оскудѣвати начне манастырь черноризци и потре- 8
бами манастырьсками, то вѣдуще буди (-те; б. м. будѣте, или будете), яко неугодилъ есмь Богу, Лавр. 80 (182). Эрбенъ читаетъ „будете“ переводитъ budete vědĕti.

Бысть Іоанъ крьстѧ въ пустыни и проповѣдаѩ крьщениѥ покаянию, О. е. Марк. I, 4, *ἐγένετο βαπτίζων καὶ κηρύσσων βάπτισμα;* слав. бысть можно было бы передать такъ, связывая въ одинъ періодъ съ мѣстомъ Марк. 1, 2—3: согласно съ тѣмъ какъ написано у пророковъ („я пошлю“ и пр.), (и дѣйствительно) явился Іоанъ крестителемъ и проповѣдникомъ.

И прозрѣ, и бысть видя, Срезн. Ск. о Бор. и Гл. 80, сталъ зрячимъ. Въ нощи внезапу ѥдинъ бысть ею (изъ двухъ узниковъ) внѣ на погребѣ спя, ib. 82, очутился спящимъ.

ѥгда же несяхуть и къ гробу, предивно знаменіе бысть (=появилось) на небеси: быша три солнца съяюче межи собою, а столпи тріе стояще отъ земля до небеси, и надо всими горѣ бяше, яко дуга, мѣсяць особь стояче, Ип. 18. Стояче — неправильно вм. стоя.

Погибоша Еюптяне отъ Моисѣя, а первое быша работающе имъ, Лавр. 7, Эрбенъ: prvé bývali jich sluhy.

Опустѣша села наша и городи наши, быхомъ бѣгаючи (вм. -че) предъ врагы нашими, Лавр. 95; не „utíkalisme", какъ у Эрбена, а скорѣе „мы стали бѣглецами", или „мы стали бѣгать".

Бѣ же Иоанъ... ядꙑ акридъ и медъ дивии, О. ев. Марк. 1, 6; *ἦν ἐσθίων*. Бѣ проповѣдаꙗ и бѣсы изгонѧ, ib. Марк. 1, 39; *ἦν κηρύσσων καὶ τὰ δαιμόνια ἐκβάλλων*. Бѣ съ ними Петръ стоꙗ и грѣꙗсѧ, ib.
9 Іоан. 18, 18; *ἦν ἑστὼς καὶ θερμαινόμενος*. Вьсе мъножьство людии бѣ молитвѫ дѣꙗ, ib. Лук. 1, 10; *ἦν προσευχόμενον*. И бѣ Иосифъ и мати ѥго чудѧщасѧ о глаголѥмыхъ о нѥмь, Лук. 2, 33; *ἦν Ἰωσὴφ καὶ ἡ μήτηρ αὐτοῦ θαυμάζοντες*. И бѣ повинуꙗсѧ има, Лук. 2, 51; *ἦν ὑποτασσόμενος*. Се дъва отъ нихъ бѣста идѫща, Лук. 24, 13; *ἦσαν πορευόμενοι*.

И бѣ обладая Олегъ Поляны... а съ Уличи и Тѣверци имяше рать, Лавр. 10; скорѣе „былъ обладателемъ", чѣмъ просто „обладалъ", у Эрб. panoval. Присташа подъ Боричевымъ въ лодьи. Бѣ бо тогда вода текущи въздолѣ горы Кіевьскія, Лавр, 23. Ристаше сквозѣ Печенѣги, глаголя: „не видѣ ли коняниктоже?" бѣ бо умѣя печенѣжьски, ib. 28, какъ бы: былъ знатокъ. И бѣ заповѣдала Ольга нетворити трызны надъ собою, бѣ бо имущи (въ то время имѣла при себѣ) презвутеръ, сей похорони блаженную Ольгу, ib. 29. И узрѣ и (Люта) Олегъ... и заѣхавъ уби и, бѣ бо ловы дѣя Олегъ, Лавр. 31, п. ч. въ то время О. охотился. Онъ же испивъ половину (чаши), а половину дасть князю пити, дотиснувъся палцемъ въ чашю, бѣ бо имѣя подъ ногтемъ растворенье смертное, ib. 71, п. ч. въ то время у него былъ подъ ногтемъ ядъ. Болеславъ же бѣ Кыевѣ сѣдя, оканьныи же Святополкъ рече: „елико же Ляховъ по городу, избивайте я", ib. 62. Иде Святославъ Курьску, бѣ бо и Новѣгородѣ сѣдя Сѣверскѣ, Ипат. 17, п. ч. въ то время былъ и княземъ сѣверскимъ. Въ тоже время бѣ Андрей Гюргевичь въ Суждали княжа и тъ бѣ неимѣя любъви къ
10 Мьстиславу, Ип. 99, скорѣе „былъ врагъ", чѣмъ „нелюбилъ". Володимеръ же слушаше ихъ (Болгаръ), бѣ бо самъ любя жены и блуженье многое, Лавр. 36, „былъ женолюбецъ". Аще бо бѣ (Володимеръ) и преже на скверньную похоть желая, но послѣже прилежа къ покаянью, Лавр. 56. Бѣ бо рать отъ Печенѣгъ и бѣ Володимеръ воюяся съ ними и одалая имъ, ib. 52,, какъ бы: „постоянно воевалъ". И бѣ Ярославъ любя церковные уставы, попы любяше повелику, излиха же черноризьцѣ, и книгамъ прилежа и почитая ѥ часто въ нощи и въ

дне, ib. 65, какъ бы „былъ любитель, прилежный чтецъ". И бѣ тогда (во время перенесенья мощей Бориса и Глѣба) держа Вышегородъ Чюдинъ, а церьковь Лазоръ Лавр. 78. Всеволодъ бѣ издѣтьска боголюбивъ, любя правду, набдя убогыя, въздая честь епископомъ и презвутеромъ, излиха же любяше черноризци, подаяше требованье имъ; бѣ же и самъ въздержася отъ пьяньства, ib. 92. Бѣ любя я (Яна и Марью), занеже живяста по заповѣди господни, ib. 91. Сій князь Олександръ бѣ побѣжая а не побѣдимъ, ib. 205, былъ побѣдитель. Олегъ... бѣ въ то веремя несдравуя велми, Ип. 93. Володимиръ же бѣ велми немога (б. въ то время боленъ), тѣмже и полку имъ неда болѣзни дѣля, Ип. 100. Преставися князь Святославъ Ростиславичь на Волоцѣ, бѣ бо тогда воюя Новгородьцкую волость Ип. 102. Столпъ бо бѣ... стоя передъ вороты города и бяху въ немъ заперлися Прузи (=си), Ип. 207. Угри пришедъше къ Днѣпру и сташа вежами, бѣша бо ходяще, аки се Половци, Лавр. 10, были кочевники, какъ вотъ Половцы, Эрбенъ—byli toulaví.

Бѣахѫ же ѥдини отъ кънижьникъ ту сѣдѧще и помышлѣѭще въ въ сьрдьцихъ своихъ, О ев. Марк. 2, 6, *ἦσαν καθήμενοι καὶ διαλογιζόμενοι*. Бѣахѫ нѣции негодуѭще въ себѣ и глаголѭще, Марк. 14, 4, *ἦσαν ἀγανακτοῦντες*. И пастуси бѣахѫ въ тои же странѣ бѫдѧще и 11
и стрѣгѫще стражѫ о стадѣ своѥмь, ib. Лук. 2, 8, *ἦσαν ἀγραυλοῦντες καὶ φυλάσσοντες*. Иже бѣахѫ съ ними възлежѧще, Лук. 5, 29, *οἱ ἦσαν κατακείμενοι*. Якоже бо бѣахѫ въ дьни прѣжде потопа ѣдѫще и пиѭще а посагаѭще, до нѥго же дьне въниде Ное въ ковьчегъ Мат. 24, 38, *ἦσαν τρώγοντες* и пр.

Мужа твоего убихомъ, бяше бо мужь твои, аки волкъ, восхищая и грабя, Лавр. 24, былъ хищникъ и грабитель, подобно волку. Бяшеть бо (Данило) братолюбьемъ свѣтяся съ братомъ своимъ Василкомъ, Ип. 22. Бяшеть же (Андрей) и сю добродѣтель имѣя: веляшеть по вся дни возити по городу брашно и питье разноличное болнымъ и нищимъ на потребу, Ип. 112. И посла Володимиръ мужа хитра, именемъ Алексу, иже бяше при отцѣ его многы городы рубя, Ип. 206, до того времени, какъ былъ посланъ, бывалъ строителемъ. Посла предъ собою вѣсть Володимирови, (между тѣмъ какъ до того времени) Володимиръ же бяше печалуя повелику, зане небяшеть вѣсти отъ полку его, Ип. 210. Бяше около града лѣсъ и боръ великъ и бяху ловяща (-ще) звѣрь, Лавр. 4, не „lovívali", лавливали, а были звѣроловы. И приѣха на мѣсто, иде-же бяху лежаще кости его (коня) голы, ib. 16. Взяша Нѣмци Изборьскъ... Пльсковичь много побиша... много селъ попустиша около Пльскова... бяху бо перевѣтъ держаче съ Нѣмци Пльсковичи и подвели ихъ Твердило Иванковичь съ инѣми, Новг. I, 53, п. ч.. между Псковичами были перевѣтчики. Прежде бо сего жены блудяху къ нему же хотяше, и бяху акы скотъ блудяще

(=щѧ), Ип. 5. Тысячьскыи со Смоленьскимъ полкомъ наряженъ бяшеть на Полотьскыи полкъ, бяхуть бо Полотьскіи князи помагающе Ол-
12 говичемъ, Ип. 147, были союзниками. Бяхуть же въ него братья борза, бяхуть же живуще во святѣмъ крещеніи, Ип. 204. Бяху стояша (вм. -ща, -ще) полци отъ Галича за 2 дни, Лавр. 180.

Случаи опущенія глагола существительнаго при причастіи настоящемъ, должно быть, чрезвычайно рѣдки. A priori, они возможны лишь тогда, когда предшествующіе глаголы неоставляютъ сомнѣнія, къ какому времени должно быть отнесено причастіе настоящее. Я замѣтилъ только одинъ примѣръ, да и тотъ сомнительный:

ходя, возъ по собѣ невозяше, ни котьла, ни мясъ варя (недописка вм. варяше? или „бяше варя?“), но по тонку изрѣзавъ конину ли, звѣрину ли, или говядину, на углехъ испекъ, ядяше, Лавр. 27.

2. Причастіе прошедшее на -ъ, -въ съ ѥсмь и пр.

Судя по обилію примѣровъ, какъ вышеприведенные „бѣ любя“ и пр., можно бы ожидать такого же обилія примѣровъ сочетанія, какъ „ѥсмь (бѣ, бяше и пр.) судивъ“. Однако въ Остр. ев. такихъ сочетаній вовсе нѣтъ, а въ другихъ цсл. памятникахъ они рѣдки:

Велико же разньство и межда ѥстъ ѥже рещи „сътвори“ и ѥже рещи „бѣяше“. Ово бо бысть (возникло), небывъ прѣжде, а дроугоѥ присно бѣаше сы. „Въ начело сътвори“ рече (Мойсей) и „въ начело бѣаше“ [въ Остр. ев. „искони бѣ (Зогр. бѣаше) слово“, Іо. 1, 1], Богоу бо ѥстъ лѣпо (=свойственно) присно быти, а зъданию бывати (= возникать)... ѥретици же и о Х(рист)ѣ дръзающе гл(агол)ю(тъ), яко же и Хсъ бывъ ѥстъ. Смотри же сде, аще речетъ ѥретикъ, яко Хсъ бывъ ѥстъ (возникъ, собств. существуетъ какъ возникшій), то чимъ ѥстъ болей земле? И о земли бо рече Моси: „землѣ бо бѣаше...: Іоанъ Экз. Шестодневъ, 4.

Также изрѣдка и въ древ.-русс. лѣтописяхъ:

аще ли покаявшеся будемъ, всѣхъ грѣхъ прощени будемъ, Лавр. 72; наѣхаша пещеру непроходну, въ ней же бяше множьство Чюди влѣзше, Новг. I, 59 [1]).

Если взять во вниманіе, что такія сочетанія (ѥсмь судивъ и проч.)
13 обычны въ литовскимъ и лотышскомъ, что они извѣстны въ немногихъ примѣрахъ въ ст.-чешскомъ, что они оставили нѣкоторые слѣды въ нынѣшнихъ влр. говорахъ; то будетъ вѣроятно, что ихъ отсутствіе или рѣдкость въ ст.-сл. и др. русскихъ памятникахъ—сравнительно поздняго происхожденія. Между тѣмъ сочетанія того же причастія прош. съ дру-

1) Неидутъ сюда примѣры, какъ „бяше бо король съ Галичаны, сдумавъ переже, послалъ въ Переяславъ“, Лавр. 180, гдѣ бяше относится къ послалъ, а сдумавъ—аппозитивно.

гими глаголами, кромѣ ѥс-, бы-, буде-, напр, „мьниться слышавъ, какъ увидимъ, въ старинномъ языкѣ, довольно обычны, неменѣе чѣмъ „мьниться слыша“. Прямую противоположность этому составляетъ причастіе на -лъ: сочетанія его съ гл. ѥс-, бы- чрезвычайно распространены во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, между тѣмъ какъ сочетанія -лъ съ другими глаголами, если и встрѣчаются, то чрезвычайно рѣдко, такъ что если-бы встрѣтилось выраженіе „мьниться слышалъ“, то вѣроятнѣе было бы счесть его за два сказуемыя „мьниться слышалъ ѥсть“, чѣмъ за одно, каково „мьниться слышавъ“. Отсюда можно заключить, что языки славянскіе стремились избавиться отъ излишества двухъ сходныхъ причастій прошед. дѣйств. (-ъ, -въ и -лъ) и успѣли въ этомъ, давши имъ различное назначеніе: первому—сочетаться съ глаголами менѣе наклонными къ формальности, а второму—съ ѥс-, бы-, которые уже въ древнемъ языкѣ, по крайней мѣрѣ въ сочетаніяхъ съ прич. на -лъ, хотя и невполнѣ формальны, но ближе первыхъ къ формальности.

3. Хотя сочетанія причастія настоящ. и прошедшаго (-ъ, -въ) съ ѥсмь и пр. и соотвѣтствуютъ подобнымъ др. греч. оборотамъ и хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ они вызваны греческимъ текстомъ, по въ нихъ нѣтъ ничего такого, почему и вообще ихъ слѣдовало бы считать заимствованіями, „подражаніемъ“ греческому (Черный, Греч. Синт. [2] § 146, 8). Они свойственны не одному ст.-славян. и др.-русскому, но и другимъ слав. нарѣчіямъ. Въ старинномъ чешскомъ:

duch svatý od otce a od syna ne učiněn, ani stvořen, ale jest pocházeje (т. е. непрестанно исходитъ), Tom. ze Štitného. XIV в;

a pastýři byli v té krajině ponocujice, Bibl. bratrská (XVI в.);

ten muž mi byl věrně služe, Alexandreida; Tantalus byl velmi silný, 14 pokorný, nemiluje svárů, než spravedlivých bojův žádaje, Letop. Trojan.

nežbych v také přislovi já i můj lid byl upadna, raději v smrt upadnu, Alex.; či jsem byl v čem právo mina, ib; Здѣсь и въ предыдущемъ примѣрѣ причастіе настоящаго вр. глагола совершеннаго стоитъ въ смыслѣ прич. прошедшаго, какъ часто и въ стар.-русскомъ;

buď nežádaje jich (сосѣдей) zboža, Starob. sklad.;

buď ten brže smrti uživ, kdož jest jí s právem zaslouživ, Alex. (см. Zikmund, Skladba jaz. Českého, 18, 677; J. Jireček, Rozpravy etc. 1860, стр. 80).

Въ старинномъ польскомъ: obłoženie dawnosci jim (несовершеннолѣтнимъ) obrzeczono niemože być, ališby po lieciech (по достиженіи совершеннолѣтія) byli omiaszkający (су?), 1449. Ks. Ustaw 51.

Въ стар. сербскихъ памятникахъ: буди упьваѥ вьсѣмь срьдьцемь на Бога, 1222—8, Mikl. Monum. Serb. 9; аще кто либо будеть прѣтвараѥ (станетъ передѣлывать, измѣнять сдѣланное), анатѣма ѥму буди, ib. 15.

По появленіи дѣепричастія, естественно ожидать здѣсь этой формы на мѣстѣ причастія. Дѣйствительно, мы ее находимъ въ сербскомъ: он je био ходећ, кад га позвали (Срезн. Мысли объ ист. рус. яз. 82); въ старинномъ польскомъ: pod jenym książąciem tenzě lud rozmajitego.. prawa poži(y?)wać niema, aby niebył, jako dźiw, rozmajite głowy mając, 1449, Ks. Ust. 71; въ нынѣшнемъ переводѣ библіи: był stojąc i grzejąc się, Jo. 18, 18; byli siedząc i mysląc, чего однако въ нынѣшнемъ польск. литературномъ и въ разговорной рѣчи неслышно.

Въ слѣдующемъ: „самъ князь великій нестоялъ въ городѣ, толке пріѣзжая на всякъ день“, Пск. I, 290, неясно, слѣдуетъ ли понимать: „пріѣзжая всякій день, нежилъ однакоже въ городѣ“, или: „не жилъ,
15 а только пріѣзжалъ“. Въ послѣднемъ случаѣ—„(былъ) пріѣзжая“, какъ „бѣ судя“, но вѣроятно уже съ дѣепричастіемъ, а не причастіемъ.

Аже вы есте пріѣхавъ къ Пскову, прикончивайте миръ, Пск. I, 249.

Въ современномъ великорусскомъ, несмотря на рѣдкость причастія прошед. съ ѥсмь и пр. въ ст.-русс. памятникахъ, находимъ здѣсь только дѣепричастіе прошедшее: „онъ пришедши“; „онъ былъ ушедши“ „были всѣ уже проснувшись“ (Бусл. Гр. § 199, пр. 6); эта мнимая неправильность, говоритъ Даль (Сл. I, XXX), въ общемъ ходу по всей Руси, т. е. въ вр. мѣстностяхъ.

.. какъ сглянула на хоромное строеньице,
Припечаливши хоромное строеньнице, Барс. Причит. I, 167;

Много Аника городовъ разорилъ,
Много Аника церквей растворивши,
И много Аника ликъ Божіихъ поругавши,
И много Аника святыя иконы переколовши,
Много Аника христіанскія вѣры облатынилъ, (Кирѣев. Пѣс. IV, 130).

Если разорилъ, облатынилъ, какъ предикаты, равносильны съ растворивши и проч., что кажется вѣроятнымъ, то при дѣепричастіяхъ, какъ и при причастіяхъ на -лъ, опущенъ глаголъ вспомогательный (есть v. былъ).

Вдругъ прибило тутъ (лодку) ко крутому ко бережку;
Я гляжу бѣдна горюша, приодумалась:
„За какожъ да это мѣсто незнакомое?
„Ужъ я вó-вѣки вѣдь здѣсь небываютца (=небываючи), ib. 256, т. е. небывавши, какъ въ мр. „позапаляючи люльки“ (Котл.) въ смыслѣ „позапалявши“.

Полонъ дворъ каретъ наѣхавши, Полна горница гостей сидя́ (Шейнъ, Русс. н. п. 480), съ отнесеніемъ „наѣхавши“ къ подлеж. дворъ, сходно со слѣд.: „Къ намъ наѣхалъ полонъ дворъ гостей“ ib. 501.

А чіе-ж гэто поле задремавши стóя?
Гóрацкое поле задремавши стоя.

Чаго-ж, яно задремало?... Роман. Бр. Сб. I 287.

Въ литовскомъ сочетаніе прич. прош. дѣйствительнаго, равнаго славянскому на -ъ, -въ, со всѣми формами гл. существ. esmì, buwau и пр. весьма обычно. Такъ какъ въ этомъ языкѣ, равно какъ и въ лотышскомъ, вовсе нѣтъ причастія, равнаго славянскому на -лъ, а въ славянскихъ нар, на-оборотъ, сочетанія этого послѣдняго (далъ ѥсмь и пр.) стали вытѣснять сочетанія, какъ ѥсмь давъ; то можно сказать, что въ литовскомъ сочетанія esmì и пр. съ причаст.=слав. -ъ, въ, играютъ ту-же роль, что въ славянскомъ ѥсмь и пр. съ прич. -лъ. Сходство это еще увеличивается тѣмъ, что ѥсмь и пр. съ прич. настоящаго, почти безслѣдно теряемое новыми слав. языками, въ литовскомъ тоже невстрѣчается. Въ силу такого функціональнаго сходства, сравненіе съ ниже- 16
слѣдующими примѣрами можетъ быть умѣстно и ниже, гдѣ будетъ рѣчь о сочетаніяхъ причастія на -лъ.

Литов. asz esù (=esmì) paklydęs, Schleich. Leseb. 183, я заблудился, букв. ѥсмь заблудивъся; въ жен. ед.—esmì paklýdusi, во мн. м. р. esam paklydę, ж.—paklydusios.

Jis Jonas wilkějo rubu isz werbludû plaukû darytû ir apsijûsęs buwo sziksznos diržu, Матѳ. 3, 4—опоясывался (εἶχε ζώνην..), собств. бѣ опоıасавъсѧ.

Kalwis po to gére, kaip geręs buwo, Schl. Leseb. 294, кузнецъ послѣ того пилъ, какъ и прежде (собств. „якоже и былъ ѥсть пилъ", или „бѣ пивъ").

Jis dûs žinę, kad wisi sumigę bus, ib. 136, онъ дастъ знать, когда всѣ заснутъ (букв. будуть засънувъше, т. е. будуть заснули).

Jë mislyjo, kad ta merga cze bus buwusi, ib. 135, они подумали, что та дѣвица должна быть здѣсь (букв. будеть бывъши; въ лит. будущ. съ оттѣнкомъ вѣроятности, какъ въ млр. мабуть, собств.=имаѥть быти).

Кромѣ того въ лит. глаголъ можетъ стоять въ жалательно-условной формѣ, неимѣющей себѣ этимологически равной въ славянскомъ: tai butumbei mano piningus piningmainams dawęs, ir asz, sugrižęs, buczau sawąję su nûmais atėmęs, Мат. 25, 17, тебѣ было бы (=слѣдовало) отдать, а я бы взялъ; ближе къ литовскому: ты былъ бы давъ, азъ былъ быхъ възѥмъ (Schl. Lit. Gr. 302).

Въ лотышскомъ такія сочетанія прич. прош. дѣйств. съ настоящ. esmu, прошед. biju, будущимъ búszu, по словамъ Биленштейна (Lett. Gr. §§ 356, 712—14) служатъ для выраженія дѣйствія совершеннаго. Хотя дѣйствително бываютъ совпаденія этихъ сочетаній съ рус. прошедшимъ глаг. совершеннаго, но они непостоянны, а потому недолжны 17
быть объясняемы свойствомъ самого сочетанія, которое по отношенію къ совершенности и несовершенности въ русскомъ смыслѣ вполнѣ безразлично. Ср., напр. лотышск. „tē kaimiñi un kas wiñu paprēksz bija

redzejuszi, ka wińsz bija neredzigs. Io. 9, 8, литов. kaimynai ir kurie jį buwo matę ubagą esantį (=сѫща нища [1]); О. Ев. сѫсѣди и иже бѣахѫ видѣли, ꙗко слѣпъ бѣ. Здѣсь въ лот. и лит. также нѣтъ оттѣнка совершенности, какъ и въ славян. и русскомъ: видѣли, видали, а не увидали.

Въ нѣмецкихъ нарѣчіяхъ сочетанія прич. наст. дѣйств. съ глаголами = быть и стать, начинаясь съ перевода Ульфилы, гдѣ они большею частью, но невсегда, соотвѣтствуютъ такимъ же греческимъ оборотамъ, продолжаются въ древнемъ и среднемъ верхне-нѣмецкомъ, куда они очевидно немогли быть занесены извнѣ. Въ новомъ верх.-нѣм. причастіе здѣсь теряетъ флексіи, т. е., переставая согласоваться съ подлежащимъ, становится столь-же неподвижно, какъ наше дѣепричастіе. Так. обр. изъ причастій въ гот. vas láisjands (ἦν διδάσκων), др.-вн. was lebende выходятъ нов.-в. н. сочетанія ist v. war lehrend, lebend, sprechend. Впрочемъ ново-нѣмецкія формы лишь отчасти суть ф. причастныя и въ этомъ смыслѣ глагольныя, по значенію, кромѣ времени, соотвѣтствующія дѣепричастіямъ въ „былъ выпивши“ и т. п.; частью же они разрываютъ связь съ другими глагольными формами и становятся такъ называемыми предикативными прилагательными: es ist überraschend, это поразительно. Въ англійскомъ формы, образовавшіяся изъ согласуемыхъ причастій въ j am speaking, thou are going, сохраняютъ глагольную силу (Grimm, D. Gr. IV, 4—7; Vernaleken, D. Synt. 1, 16, 22).

18 Нѣмецкимъ нарѣчіямъ свойственны и сочетанія прич. прошедшаго съ haben и sein, но сочетанія эти представляютъ лишь весьма отдаленное сходство со слав., каково чеш. jest zaslouživ и пр. Сочетанія съ haben устраняются изъ сравненія тѣмъ, что при нихъ, какъ и въ соотвѣтственныхъ романскихъ формахъ, причастіе стоитъ не въ именительномъ, а въ винительномъ. Этотъ послѣдній первоначально явственно обозначался окончаніемъ (др.-вн. si eigun ginomanan druhtin mînan, имѣютъ взятаго господина моего), которое потомъ изгладилось, Grimm, Gr. IV, 69, 154—5, 158—9. Что до сочетаній съ sein, то въ нѣм. нар. уже въ незапамятныя времена исчезло прич. прош. дѣйств., которое могло бы быть сравнено со слав. на -ъ, -въ, или -лъ, а оставшееся прич. прош. по происхожденію есть страдательное, сохраняющее страдат. значеніе въ глаголахъ транзитивныхъ и переходящее ко значенію дѣйствительному въ интранзитивныхъ. Поэтому сочетанія какъ „er ist gestorben“ сходны съ „умьрлъ ѥсть“ и „jest zaslouživ“ лишь въ томъ, что причастіе въ обоихъ случаяхъ относится къ прошедшему вр. и что въ нѣм. оно до потери флексій тоже было согласовано съ подлежащимъ въ родѣ, числѣ и падежѣ; впрочемъ нѣм. оборотъ ближе къ латинскому, по внѣшности страдательному „mortuus est“. (Grimm. Gr. IV, 155—7.)

[1]) Здѣсь лит. ùbagas (=убогъ)—слѣпъ, какъ влр. обл. нищъ—слѣпъ: „царь глазами обницалъ“, Аф. Ск. II, 80; „(сохряняй) Буйныя головы отъ боли, ясныя очи отъ нищоты (=слѣпоты), Кирѣев. Дух. ст., Бусл. Оч. I, 87.

4. Какими особенностями отличаются сочетанія прич. дѣйств. наст.
и прош. на -ъ, -въ съ ѥсмь и пр. отъ простыхъ глаголовъ въ соот-
вѣтственныхъ временахъ?

Гриммъ находитъ въ нѣм. сочетаніи глаг. существительнаго съ прич.
настоящимъ „болѣе живое выраженіе непрерывности дѣйствія" (der con-
tinuität, des nichtaufhörens der handlung). „Эффектъ этого описанія, го-
воритъ онъ, можно бы сравнить со своеобразно развитою во всѣхъ
славянскихъ языкахъ формою для vb. actionis imperfectae. Кто „ist es-
send", тотъ ѣстъ безъ перерыва (in einem fort); кто „war essend", тотъ 19
не то, что съѣлъ кусокъ и оставилъ, а еще ѣлъ въ то время, какъ слу-
чилось нѣчто другое. Правда, что обыкновенно такой оборотъ совпа-
даетъ по значенію съ различіями простыхъ временъ. О ѣдящемъ я могу
говорить „er isst" лишь до тѣхъ поръ, пока онъ продолжаетъ ѣсть;
если онъ пересталъ, то дѣятельность его минула, и для обозначенія ея
оказывается приличною форма прошед. времени (ass). Точно такъ о дѣ-
ятельности того, который уже небылъ ѣдящимъ, вмѣсто фор. ass дол-
жна быть употреблена форма болѣе отдаленнаго прошедшаго „er hat
gegessen". Тѣмъ неменѣе живому духу языка, тѣмъ паче такого, ко-
торый неособенно богатъ формами временъ, прилично попытаться вы-
разить событія во времени" (нетолько простыми формами er isst, er
ass, но) „еще иначе" [Gram. IV, 4—5. Ср. Vernaleken, D. Synt. I, 17,
гдѣ говорится, что обороты „er vermochte" и „war vermögend", „bleibt"
и „ist bleibend" различаются такъ, что первые обозначаютъ болѣе мо-
ментальность (das momentane, aoristische), а вторые—длительность (das
dauernde, die dauer), или перфектность].

Мы должны рѣшительно отвергнуть приравненіе сочетаній какъ, ist
vermögend къ славян. vb. actionis imperfectae и къ чему бы ни было,
что у насъ понимается подъ „видомъ". Такія сочетанія существуютъ
въ славянскомъ рядомъ съ видомъ и независимо отъ него. Неподлежитъ
сомнѣнію, что выраженія „jest pocházeje" и „pochází" совершенно оди-
наковы какъ по степени длительности, такъ и по несовершенности въ
славянскомъ смыслѣ этого слова. Видовъ въ томъ смыслѣ, какъ они
развились въ славянскомъ, никогда небыло въ нѣмецкомъ, которому,
однакоже наравнѣ со славянскимъ, свойственны вышеупомянутыя со-
четанія. Въ самомъ славянскомъ, по поводу разницы между оборотами
„бѣ судя" и „бѣаше судя", съ одной стороны, и „суди", „судяше" съ
другой, нѣтъ нужды говорить объ аористичности (*ἔγραψα*) и греч. им- 20
перфектности (*ἔγραφον*), такъ-какъ эта разница существуетъ и въ са-
мыхъ сложныхъ оборотахъ и зависитъ не отъ ихъ сложности, а отъ
свойства входящаго въ нихъ времени глагола.

Невозможно объяснить особенности сочетанія ѥсмь и пр. съ прич.
наст. дѣйств., некасаясь въ то-же время всѣхъ другихъ сочетаній это-
го рода: съ прич. прош. дѣйств., съ прич. наст. и прош. страдательнымъ.

Причастія, несмотря на свое различіе, вносятъ въ такія сочетанія одинъ общій оттѣнокъ, сходный съ тѣмъ, какой сообщаютъ составному сказуемому имена существительныя, сохранившія свой признакъ, и прилагательныя, при чемъ разумѣется само собою, что это сходство непростирается до тождества. Когда для объясненія сочетаній съ причастіями ставимъ на мѣсто сихъ послѣднихъ существительныя, то этимъ увеличиваемъ разстояніе сочетаній съ причастіемъ отъ простого глагола, т. е., утрируя особенность этихъ сочетаній, дѣлаемъ ее болѣе осязательною. Собственно говоря, выраженіе „суть дань дающе“ вовсе не то, что „они данники“. Такова же разница между „суть хитро сказающе“ и „она хорошіе разсказщики“; „не суть вѣдуще Бога“ и (употребляя сербское выраженіе) „они незнабожцы“; „быша работающе“ и „были работниками, или рабами“; „бѣ кърмя“ и „кормитель бяшеть черньцемъ и убогымъ“ (Ип. л. 112, 396); „бѣ вода текущи“ и „былъ (тогда) потокъ“, „бѣ княжа“ и „былъ княземъ“; „бяху ловяще звѣрь“ и „они были звѣроловы“; „бѣ немога“ и „онъ былъ больной“, „былъ боленъ“. Первыя выраженія занимаютъ середину между вторыми и простыми глаголами. Чтобы уяснить себѣ, въ чемъ состоитъ эта серединность, слѣдуетъ помнить, что разница между глаголомъ и именемъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова сводится на противоположность признака, представляемаго
21 возникающимъ въ извѣстное время, и признака даннаго. Причастіе изображаетъ, какъ и имя, признакъ данный, но такъ, что при воспроизведеніи его сохраняется память о возникновеніи его отъ усилій лица, въ силу чего этотъ признакъ въ причастіи представляется даннымъ въ извѣстное время. „Они краснобаи“ значитъ: теперь, когда я говорю, я приписываю имъ такое-то свойство, не ограничивая его никакими временными предѣлами; напротивъ „суть хытро сказающе“ значитъ, что имъ приписывается такое-то свойство, какъ современное (настоящее) по отношенію ко времени глагола. Такъ какъ время это измѣнчиво (суть, бѣша, бѣахуть, будуть), то одновременность съ нимъ признака въ причастіи настоящемъ можетъ получить значеніе постоянства этого признака. Выраженіе „будеши стеня и трясася“ и само по себѣ, независимо отъ дополненія „до живота своего“, могло бы быть переведено: „будешь постоянно стенать и дрожать“. Когда два событія означены одно временемъ глагола и причастіемъ, а другое такимъ-же временемъ глагола той-же степени длительности, но безъ причастія; то можетъ получиться такой смыслъ, что время второго событія заключено какъ часть во времени перваго, напр. „аще будете которающе ся, то погыбнете“; „Болеславъ бѣ Кыевѣ сѣдя (и въ одинъ изъ моментовъ этого времени), Святополкъ же рече“. Если первое событіе означено аористомъ съ причастіемъ наст., а второе преходящимъ, то такое неравенство въ занимаемомъ ими пространствѣ времени незамѣтно: „Адамъ же и Евга плачющася бѣста, и диаволъ радовашеся“, Лавр. л. 38,

можетъ быть понято такъ, что діаволъ радовался все то время, какъ они плакались. Остается только разница въ степени свойственности признака подлежащему, большей въ глаг. съ причастіемъ, чѣмъ въ глаголѣ.

Причастіе прошед. въ такой же обстановкѣ означаетъ признакъ, разсматриваемый какъ данный, котораго возникновеніе предшествуетъ вре- 22
мени соединеннаго съ нимъ глагола: jest služiv. Здѣсь неможетъ быть рѣчи о непрерывности дѣйствія уже потому, что такое сочетаніе именно тѣмъ отличается отъ „ꙗсть служя“, что въ немъ дѣйствіе, заключенное въ služiv продолжается во время, о которомъ говорится (jest, byl) лишь какъ воспоминаніе, а какъ объективная дѣйствительность лишь доходитъ до этого времени и прекращается съ его наступленіемъ.

Такъ-какъ для опредѣленія значенія разсматриваемыхъ сочетаній удобнѣе всего помѣщать ихъ между двумя крайностями: простымъ глаголомъ съ одной и сочетаніемъ ꙗсмь и пр. съ существительнымъ (большею частью nom. agentis) или прилагательнымъ („бѣ любя жены“—былъ женолюбивъ) съ другой; то въ случаяхъ, когда для сравненія недостаетъ подходящаго имени, разница между сочет. съ причастіемъ и простымъ глаголомъ менѣе намъ ощутительна. Такъ, при переводѣ на современный языкъ отъ насъ ускользаетъ разница между „пріѣха на мѣсто, идеже бяху лежаще кости ꙗго“ и „идеже лежахуть“: вмѣсто того и другого мы скажемъ „лежали“. Ясно только, что въ лежахуть—одинъ актъ мысли, а въ „бяху лежаще“, въ коемъ соединено два различныхъ времени, несовмѣстимыхъ въ одномъ движеніи мысли, такихъ движеній два. На основаніи различія между глаголомъ и причастіемъ, такую же двойственность слѣдуетъ признать и въ „ꙗсть судя“, несмотря на то, что здѣсь время и глагола и причастія одно и то-же.

Здѣсь мы приходимъ къ вопросу, затронутому во введеніи (стр. 114): чѣмъ отличается описательное время отъ составного сказуемаго и, въ-частности, къ которой изъ этихъ двухъ категорій слѣдуетъ отнести разсматриваемыя здѣсь сочетанія въ то время, къ коему относятся наши примѣры. Буслаевъ называетъ „бѣ учѧ“ и т. п. описательными формами спряженія (Гр. § 199, 2). По моему мнѣнію, описательная ф. спряженія отличается отъ простой признакомъ, имѣющимъ 23
мѣсто только въ мысли посторонняго наблюдателя, а не самого говорящаго, именно: между тѣмъ какъ первоначальная сложность однихъ ф. (буду, будь) открывается только посредствомъ обширнаго сравненія, первоначальная сложность другихъ (напр. млр. був-ꙗси) видна всякому, нѣсколько развитому, который такъ ихъ, вѣроятно, и напишетъ раздѣльно. Но для говорящаго такой разницы нѣтъ: описательная форма, если она дѣйствительно такова, появляется въ немъ въ моментъ рѣчи какъ одинъ пріемъ мысли, а не два или болѣе, и въ этомъ отношеніи есть такая же простая фор,, какъ буду и

т. п. Что же касается до того, что такое есть одинъ пріемъ, или актъ мысли для нашего собственнаго сознанія, а что два, то объ этомъ можно судить по нѣкоторымъ внѣшнимъ примѣтамъ.

Прежде всего очевидно, что причастіе членное неможетъ составить съ глаголомъ одной формы, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока чувствуется его отличіе отъ безчленнаго и его большая сложность сравнительно съ послѣднимъ, и что менѣе всего похожи на описательныя времена сочетанія, подобныя слѣдующимъ:

не сь ли ѥсть сѣдѧи (ὁ καθήμενος) и просѧ, О. ев., Маріин. ев. Іо. 9, 8;

си (Ольга) бысть предътекущія крестьяньстѣи земли, аки деньница предъ солнцемъ и аки зоря предъ свѣтомъ, Лавр. 29;

7 бо мьстий прия Каинъ убивъ Авеля, а Ламехъ 70, понеже бѣ Каинъ невѣдыи мьщенья прияти отъ Бога, Ламехъ вѣдыи казнь, бывши на прародителю его, створи убийство, Лавр. 62.

Миклошичь замѣчаетъ, что хотя причастіе и причисляютъ ко глаголу, но это относится лишь къ именной, а не мѣстоименной формѣ причастія (V. Gr. IV, 132). Безусловно съ этимъ нельзя согласиться, ибо причастіе, принимая членъ, отъ одного этого неперестаетъ быть
24 причастіемъ и нестановится прилагательнымъ; но вѣрно то, что членъ, внося въ причастіе новое опредѣленіе, несвойственное личному глаголу и неопредѣленному наклоненію, тѣмъ самымъ удаляетъ причастіе отъ глагола и увеличиваетъ въ немъ именной характеръ. Но имя сущ. или прилаг. съ глаголомъ (напр. Ольга была предшественница..) не даетъ одной грамматической формы.

Если два слова слились для говорящаго въ одну форму, то 1) ни одно изъ нихъ само по себѣ, отдѣльно отъ другого, неможетъ стать центромъ тяготѣнія другихъ словъ; 2) ни одно отдѣльно отъ другого неможетъ подвергнуться функціональнымъ (не фонетическимъ) измѣненіямъ. Ни одно изъ этихъ условій несоблюдено въ сочет. ѥсмь и пр. съ причастіемъ безчленнымъ наст. и пр. на -ъ, въ. Что до 1), то въ „бѣ вельми немога“, „byl věrně sluze“ нарѣчіе столь-же явственно относится къ одному причастію, а не ко всему сочетанію глагола съ причастіемъ, какъ оно относится къ одному прилагательному въ „былъ очень боленъ“ и какъ прилагательное тяготѣетъ къ одному существительному въ „онъ былъ вѣрный слуга“. Ничего подобнаго мы незамѣтимъ въ сочетаніи причастія на -лъ со вспомогательнымъ глаголомъ. Относительно 2) мы видимъ, что причастіе безчленное наст. и прош. уже послѣ своего сочетанія съ глаголомъ ѥсмь и пр. можетъ стать членнымъ и можетъ обратиться въ дѣепричастіе. Отсюда слѣдуетъ, что сочетанія „ѥсть судя“ никогда небыли одною формою спряженія, однимъ временемъ, но всегда представлялись сознанію сочетаніемъ двухъ формъ.

Причастія страдательныя съ ѥсмь, бѣхъ и пр.

1. Съ точки зрѣнія языка, имѣющаго, подобно греческому и латинскому, особыя цѣльныя формы для страдательнаго сказуемаго, можетъ показаться, что сочетанія, стоящія на мѣстѣ этихъ формъ въ славянскомъ, суть тоже грамматическія единицы. Однако въ вѣрности такого взгляда можно усумниться уже потому, что исходя отъ греческихъ формъ 25
ἐδόθη, ἐκκόπτεται, βάλλεται, ἠλαύνετο, можно увидѣть грамматическія единицы нетолько въ ст.-сл. „данъ бысть“, но и въ сочетаніяхъ прич. страд. съ глаголами болѣе полновѣсными: посѣкаѥмо бываѥть, вънѣтаѥмо бываѥть, гонимъ бывааше.

Мало будетъ, если при этомъ сдѣлаемъ лишь ту уступку очевидности, что назовемъ славянскія сочетанія не простыми, а описательными формами: границы между описательною формою и сочетаніемъ двухъ формъ нельзя будетъ опредѣлить. Если „посѣченъ бысть“ есть описательная фор., то есть въ сущности одна форма, то почему „посѣченъ обрѣтесѧ“ есть не такая же форма, а сочетаніе формъ? И „бысть“, и „обрѣтесѧ“ суть здѣсь глаголы вспомогательные, и если послѣдній есть гл. вещественный, недопускающій сліянія съ причастіемъ въ одну форму, то почему бы и первому не быть такимъ же глаголомъ? Если-бы эти глаголы были различны въ грамматическомъ (не лексическомъ) смыслѣ, то эта разница должна была бы какъ либо сказаться, чего однако ненаходимъ.

Вообще ни одинъ языкъ неможетъ быть указомъ, гдѣ другому языку нужно два пріема мысли, а гдѣ одинъ.

Незнаемъ, была ли когда-либо въ славянскомъ языкѣ другая возвратно-страдательная форма глагола, кромѣ до-нынѣ употребительной, предполагающей винительный падежъ сѧ, и поэтому относительно-поздней. Здѣсь исторія этого языка начинается для насъ съ факта присутствія въ немъ двухъ причастій страдательныхъ, общихъ ему съ литовскимъ и лотышскимъ: настоящаго съ основною формою окончение темы -ма, и прошедшаго съ осн. оконч. темы -та, -на. Вѣроятно, что въ славянскомъ было еще одно страдат. прич. будущаго, образованное посредствомъ -ма отъ той темы будущаго, которая дошла до насъ въ остаткахъ (бꙑшѧ; ср. Schleich. Comp. 2, § 219), возможно, что было и 26
другое соотвѣтствующее литовскому partic. necessitatis на -tinas (въ славбыло бы -тьнъ); но оставляя это въ сторонѣ, видимъ, что славян. языкъ, неприбѣгая къ возвратному глаголу, можетъ выразить страдательность въ сказуемомъ лишь посредствомъ сочетанія одного изъ двухъ названныхъ прич. страдательныхъ съ глаголомъ. Оттѣнокъ страдательности, вносимый причастіемъ въ сказуемое, независитъ отъ того, будутъ ли сочетаться съ этимъ причастіемъ формы ѥсмь, бѣхъ, быхъ и пр.,

или другіе глаголы, какъ бываѭ, ꙗвлѭсѧ и пр. При этомъ всякое сочетаніе выражаетъ явленіе въ видѣ двухъ событій: одного, означеннаго глаголомъ, другого—причастіемъ.

Причастіе настоящее страдательное означаетъ дѣйствіе, происходящее одновременно съ тѣмъ, которое означено глаголомъ. Кажется, что мнѣніе Шлейхера, будто это причастіе всегда выражаетъ длительность или многократное возникновеніе дѣйствія („die dauer oder das oftmalige eintreten der handlung" между тѣмъ какъ прич. прош. страд.—das geschehen sein der handlung Lit. Gr. 303), нетолько непримѣнимо къ славянскому, но невѣрно и относительно литовскаго. Правда, можно представить себѣ причастіе наст. страд. фономъ на которомъ изображается событіе, означенное глаголомъ, сочетаемымъ съ этимъ причастіемъ; но основаніемъ этому служитъ не длительность или многократность именно этого причастія, а болѣе общее его свойство. Причастіе наст. страд., какъ и всякое другое, означаетъ признакъ болѣе постоянный, чѣмъ тотъ, который изображается въ глаголѣ (vb. finit.). „ѥсть любимъ" можетъ быть объяснено такъ: „онъ существуетъ въ настоящее время, имѣя тотъ признакъ, что его любятъ", при чемъ кажется, что этотъ признакъ, занимая все пространство настоящаго времени, обозначен-
27 наго глаголомъ, выходитъ за предѣлы этого времени въ прошедшее. Изъ контекста можетъ вытекать необходимость передачи этого сочетанія посредствомъ „er pflegt geliebt zu werden", но въ самомъ сочетаніи это „pflegt" формально невыражено. Подобнымъ образомъ литовское „tai yr sákoma" (букв. это есть рекомо, говоримо) только въ силу контекста можетъ быть переведено посредствомъ „man pflegt zu sagen", но само по себѣ неболѣе длительно, чѣмъ „man sagt". Въ ст.-русскомъ и ст.-слав. вмѣсто приведеннаго литовскаго оборота стояло бы „ѥсть съказаѥмо". Здѣсь точно есть оттѣнокъ длительности и происходящей отсюда обычности, но причина этому не въ настоящемъ времени и страдательности причастія, а въ томъ, что оно образовано отъ темы болѣе длительнаго глагола. Сочетаніе „видимо бываетъ" мы объяснимъ посредствомъ „всякій разъ какъ бываетъ, бываетъ видимо", съ тѣмъ чтобы показать, что здѣсь изъ многократности или бо́льшей длительности глагола вытекаетъ смыслъ многократности связаннаго съ нимъ причастія, и что только по этому возможенъ переводъ „man pflegt zu sehen". То-же причастіе съ другимъ глаголомъ, напр. „видимо ѥсть" даетъ только смыслъ „man sieht", „es ist sichtbar".

Причастіе прошед. страд. въ слав. и лит. означаетъ дѣйствіе прошедшее по отношенію къ тому, которое означено сочетаемымъ съ нимъ, глаголомъ: „пьсано ѥсть", „yra raszyta", какъ и „ѥсть сѫдивъ" независимо отъ разницы въ залогѣ, означаютъ, что возникшее въ прошедшемъ продолжается въ своемъ идеальномъ существованіи и въ на-

стоящее: „оно теперь ѥсть бывшее писаннымъ“ [1]). Первоначально эта форма въ обоихъ языкахъ неимѣетъ никакого отношенія ни къ степенямъ длительности, ни къ совершенности и несовершенности; но потомъ въ славянскомъ и эти оттѣнки присоединяются къ основному значенію причастія: млр. казано, сказано, росказувано, наросказувано.

До тѣхъ поръ, пока оба страдат. причастія сохраняютъ способность 28
входить въ сочетаніе съ глаголомъ для образованія сказуемаго, въ этомъ послѣднемъ всегда явственно различается изображеніе двухъ событій и двухъ временъ, почему такое сказуемое и неможетъ считаться одною формою. Въ этомъ отношеніи нынѣшній русск. литературный языкъ, развившійся изъ древняго языка почти безъ перерывовъ и поэтому проникнутый консервативными стремленіями, малымъ чѣмъ отличается отъ ст.-слав. и др.-русскаго, такъ какъ сохраняетъ оба причастія. Онъ

[1]) Какъ прошедшее, идеально продолжающееся въ настоящее, сочетаніе („ѥсть) писано v. написано“ наравнѣ съ сочетаніемъ ѥсть сѫдивъ“ v. „осѫдивъ“ можетъ быть съ оговорками приравниваемо къ perfectum разныхъ языковъ. Такъ Шафрановъ (О видахъ р. гл. м. 1852, 10—11) не безъ нѣкотораго основанія сближаетъ нѣм. прош. „ich habe gesagt“ съ вр. безсубъектнымъ оборотомъ, состоящимъ изъ родит. съ предл. у, для означенія предмета, коему принадлежитъ дѣйствіе, и есть (опускаемаго) v. было съ причастіемъ страд. прош.:

У меня ли у младой въ домѣ убрано:
Ложки вымыла, во щи вылила

=ich habe in ordnung gebracht, въ архаическомъ смыслѣ „имѣю убранное“;

У дороднаго добра молодца
Много было на службѣ послужено:
На печи было въ волю полежано;
Много цвѣтнаго платья поношено:
По подоконью онучей попрошено;
И сахарнаго куска поѣдено:
У ребятъ корокъ поотымано;
На добрыхъ коняхъ поѣзжено
(На чужія дровни присѣдаючи).

У дороднаго добра молодца
Много было на службѣ послужено:
На поварняхъ было посижено,
Кусковъ и оглодковъ попрошено,
Потихоньку безъ спросу потаскано:
Голиками глаза повыбиты,
Ожегомъ пелечи поранены.

Но для точности сравненія, слѣдуетъ имѣть въ виду, a) что нѣм. ich habe (v. hatte) gedient безразлично по отношенію къ соверш. и несовершенности (было служено и послужено) и степенямъ длительности (было и бывало убрано); b) что русс. оборотовъ съ наст. и прошед. глагола (сдѣлано, было сдѣлано) нельзя отдѣлить отъ такихъ же оборотовъ съ будущимъ: „у меня будетъ сдѣлано“; c) что нѣм. „ich habe“ съ явственнымъ нѣкогда винительнымъ причастія соотвѣтствуетъ и русс. субъектному обороту: у меня плечи поранены, ich habe verwundete schultern.

лишь слегка отмѣчаетъ нѣкоторыя сочетанія прич. наст. страд. какъ болѣе архаическія, менѣе употребительныя, но удерживаетъ ихъ. Можетъ показаться, что неловко сказать „былъ ругаемъ“, но все-таки это по-русски и отличимо безъ всякихъ объясненій отъ вполнѣ обычнаго „былъ руганъ“. На свойственной нынѣшнему языку степени развитія категорій совершенности и несовершенности, глаголы совершенные неимѣютъ причастія настоящ. страд. (равно какъ и дѣйствительнаго), въ слѣдствіе чего мысль языка начинаетъ роднить самое понятіе о причастіи прошедшемъ страдательномъ съ совершенностью. Поэтому-то и на-оборотъ причастіе прошедшее страд. отъ глаголовъ несовершенныхъ болѣе длительныхъ какъ бы начинаетъ выходить изъ употребленія, по крайней мѣрѣ въ отдѣльныхъ случаяхъ: можно сказать „былъ укоряемъ, упрекаемъ, обвиняемъ, распространяемъ, устраняемъ, сберегаемъ“, „было приобщаемо, сообщаемо къ свѣденію“, но нельзя сказать „былъ укорянъ, упреканъ“, „было приобщано“. Хотя такимъ образомъ употребленіе причастій страдательныхъ и ограничивается, но оба они сберегаются, обоюдно поддерживая въ себѣ отношеніе ко времени. Между тѣмъ устраненіе различія во времени между причастіемъ и глаголомъ съ нимъ сочетаемымъ, хотя само по себѣ еще неможетъ произвести сліяні такого сочетанія въ одну форму, но
29 составляетъ одно изъ условій такого сліянія. По-видимому, съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ смотрѣть на потерю причастія настоящаго страд. въ нынѣшнихъ областныхъ русскихъ говорахъ, въ сербскомъ, чешскомъ, польскомъ [1]), и на перенесеніе части его функціи на одну форму на -н, -т. Ср. напр. „не дъвѣ ли пътици цѣнимѣ ѥсте“, О ев. Мат. 10, 29, съ чеш. zdaliž ne bývaji prodáváni dva vrabečkove...; страхъмь великъмь одрьжими бѣахѫ, ib. Лук. 8, 37, и чеш. bazní naplneni byli; гонимъ бывааше, Лук. 8, 29—býval puzen и пр. Такъ и въ старинномъ польскомъ, гдѣ причастіе страдат. на -н, -т и въ опредѣленно-личномъ сказуемомъ стоитъ еще въ именной (безчленной) формѣ: ocziscion, ubielion bądą (XIII в. Maciejow. Dodatki do pism. pol. 4) jest uczinion (XIV—XV b. ib. 17, 21). Въ нынѣшнемъ польскомъ безчленно это прич. только въ среднемъ родѣ ед. и въ сказуемыхъ

1) Непопулярность этой формы уже во времена Ю. Крижанича была поводомъ къ тому, что онъ говоритъ о ней слѣдующее: „у грековъ страдательное прич. настоящ. времени образуется отъ 1 л. мн. ч. наст.: отъ φιλοῦμεν—φιλούμενος. Т.-к. это причастіе у Грековъ въ очень большомъ употребленіи, то и наши переводчики выдумали такое же.. и отъ того же 1 л. мн. ч. любимъ творятъ новую, никогда въ людяхъ неслыханную рѣчь любимъ и производное имя любимецъ... Такого причастія и небыло, и небудетъ въ словинскомъ (т. е. русскомъ въ смыслѣ общеславянскаго). Обычны только два слова: видомъ въ русской общей (т. е. собственно русской) и знакомъ въ лешской отмѣнѣ, но и тѣ суть простыя прилагательныя, ибо неозначаютъ ни настоящаго, ни какого-либо иного времени, и несогласны съ симъ числомъ (т. е. съ 1 л. мн. ч. видимъ, знаемъ); знакомъ происходитъ отъ имени „знакъ“. (Граммат. стр. 102).

безличныхъ (będzie dano и безлич. zrobiono, wzięto), а въ другихъ
случаяхъ—оно членно, какъ большинство прилагательныхъ: bywał pę-
dzony, Лук. 8, 29; kochany jesteś (=ты любимъ), какъ jesteś dobry. Та- 30
кимъ образомъ, если съ одной стороны облегчено сліяніе причастія съ
сопровождающимъ его глаголомъ потерею причастія наст. страд., то
съ другой—оно затруднено уравненіемъ оставшагося причастія страд.
съ прилагательнымъ. Мы знаемъ, что такого уравненія небываетъ тамъ,
гдѣ языкъ дѣйствительно достигаетъ сліянія составного сказуемаго въ
одну форму: причастіе прошед. на -лъ, какъ причастіе, и въ польскомъ
постоянно остается безчленнымъ.

2. Кажется, можно найдти средство для измѣренія степени преди-
кативности причастій и прійти къ заключенію, что причастія стра-
дательныя съ довольно давняго времени болѣе близки къ прилага-
тельному и тѣмъ самымъ менѣе предикативны, чѣмъ причастія наст.
дѣйств. и прошед. дѣйств. на -ъ, -въ. Для этого слѣдуетъ сравнить
наклонности причастій и именъ къ роли аппозиціи, стоящей на пере-
ходѣ отъ предиката къ аттрибуту.

а) Въ этомъ отношеніи наиболѣе явственно сказывается отличіе при-
частія отъ имени въ слав. прич. дѣйствительныхъ наст. и прош. на -ъ,
-въ, а въ литовскомъ и лотышскомъ, кромѣ соотвѣтствующихъ имъ,
еще въ прич. наст. дѣйств. второмъ и причастіи будущемъ. Въ сла-
вянскомъ упомянутыя причастія въ безчленной формѣ вовсе неупо-
требительны, какъ аттрибуты въ тѣсномъ смыслѣ, а въ членной формѣ,
поставленныя аттрибутивно, легко переходятъ въ прилагательныя,
напр. русс. текучая вода, съумасшедшій человѣкъ. Напротивъ, эти
причастія безъ члена, какъ аппозиціи, даже измѣняясь въ нарѣчія, со-
храняютъ причастный характеръ, т. е. становятся дѣепричастіями.
Подобно этому въ лотышскомъ аттрибутивное употребленіе причастій,
соотвѣтственныхъ упомянутымъ, будучи ограничено причастіями глаг.
интранзитивныхъ, легко лишаетъ ихъ отношенія ко времени и пере-
водитъ въ область прилагательныхъ, напр. tekûts ûdens (текучая во- 31
да), nûspradzis kakis (дохлая кошка), о чемъ Biel. Lett. Gr. §§ 747,
759. Причастія эти отъ глаголовъ транзитивныхъ, поставленныя передъ
опредѣляемымъ аттрибутивно, противорѣчатъ духу лотышскаго языка.
Не по-лотышски сказано напр. mîléjûts têws (любящій отецъ); Jêzus
nûmanîja tõ nû sewîm izgâjuszu spéku (Исусъ ощутилъ отъ себя
(=него) исшедшу(ю) силу), Biel. ib. § 747, anm. 2, § 760, anm. 1).
Выраженія эти ошибочны по тому, что заключаютъ въ себѣ противо-
рѣчіе между мѣстомъ, занимаемымъ причастіемъ передъ опредѣляе-
мымъ, мѣстомъ свойственнымъ аттрибуту, и невозможностью употре-
бить такое причастіе аттрибутивно. Биленштейнъ указываетъ только
на одинъ выходъ изъ такого противорѣчія, именно на разложеніе пред-
ложенія на два: nûmanîja, ka speks nû wiña izgajis (ощутилъ, что сила

изъ него вышла). Быть можетъ, такой выходъ только и есть въ нынѣшнемъ языкѣ: но, кажется, можно въ болѣе древнемъ языкѣ предположить возможность аппозитивнаго прич. послѣ опредѣляемаго, по образцу славянскаго „ощути силѫ, ишьдъшѫ отъ нѥго“. Причастіе наст. II на -dam(a)s, ж. -dama въ литовскомъ и лотышскомъ вообще неможетъ быть поставлено иначе, какъ въ качествѣ приложенія подлежащаго (Schl. Lit. Gr. § 141; Biel. Lett. Gr. § 756—7).

Разсматриваемыя причастія дѣйств. (кромѣ -лъ, о которомъ рѣчь особо) нетолько сами по себѣ достаточны для выраженія аппозитивнаго отношенія, но и немогутъ входить для этого въ сочетанія съ какою-либо вспомогательною причастною формою. Кажется столь естественнымъ, что нельзя было никогда сказать „въставъ сꙑ (v. бывъ) и рече“, что упоминать объ томъ странно; однако въ этомъ — важное отличіе этихъ причастій отъ существительныхъ, прилагательныхъ и и причастій страдательныхъ.

32 Въ отличіе отъ безчленнаго причастія дѣйствительнаго, славянскому безчленному прилагательному искони было свойственно быть опредѣленіемъ въ тѣсномъ смыслѣ (аттрибутомъ). Между прочимъ въ русской народной поэзіи это въ значительной степени сохранилось и до-нынѣ. Между тѣмъ безчленное прилагательное, подобно существительному, въ качествѣ аппозиціи и въ старинномъ языкѣ встрѣчается весьма рѣдко: „крестъ цѣловавше, блюдѣте, да не, приступни (чит. пре-), погубите душѣ (ѣ = е = ѧ) своеѣ (ѣ = ѥ = ѩ), Лавр. 102; ѥже скажю не слухомъ бо слышавъ, но самъ о семъ началникъ, Лавр. 90 [1]). Мы чувствуемъ, что выраженіе, какъ „Всеволодъ, благовѣрьнъ и богобоязнивъ, нехотяше...“ насъ уже неудовлетворяетъ, неисполняя умысла выразить аппозитивность такъ опредѣленно, какъ выражаетъ ее имя со вспомогательнымъ аппозитивнымъ причастіемъ: „Всеволодъ, богобоязнивъ сы v. буда, нехотяше..“, „да не, преступни суще (будуче), погубите“, „скажю, самъ сы о семь начальникъ“. Точно также рѣдко въ старинномъ языкѣ и неловко съ точки позднѣйшаго языка употребленіе прилагательнаго въ косвенныхъ самостоятельныхъ падежахъ на мѣстѣ обычныхъ здѣсь причастій или именъ съ причастіями: „князю же Всеволоду благовѣрну и богобоязниву, нехотяше (онъ же) того сотворити“, Лавр. 163; „въ то же время, Черниговскому князю
33 немирну, воеваше Олегъ Святославичь Черниговскую волость“, ib. 156. Хотя бы мы и допустили, что ненеобходимо здѣсь предполагать опу-

[1]) Въ выраженіи „и посолъ тоѣ ночи пьянъ разшибся“ (нач. XVI в. Ак. Зап. Рос. I, 254), пьянъ, несмотря на то, что мы его переведемъ посредствомъ „будучи пьянъ“, есть не аппозиція, а аттрибутъ, входящій въ сказуемое. По-видимому такъ слѣдуетъ понимать безвѣстенъ въ слѣдующемъ: „И можетъ безъ тебя-бъ мой слабый даръ завялъ безвѣстенъ, безъ плода, безъ цвѣта“, Крыл.; но въ слѣдующемъ нарѣчіе при прилагательномъ заставляетъ считать послѣднее аппозиціей: „я ужъ вѣки здѣсь; тихъ, скроменъ завсегда, лежу смирнехонько“, Крыл.

щеніе причастія (немирну сущу и т. п.), все же нужно признать, что стремленіе языка въ подобныхъ случаяхъ состоитъ въ устраненіи безчленнаго прилагательнаго отъ роли аппозиціи. Въ нынѣшнемъ русскомъ, по крайней мѣрѣ литературномъ, возможны только членныя прилагательныя въ приложеніи: „Всеволодъ, (князь) богобоязливый, нехотѣлъ“.

Обращаясь за тѣмъ къ причастіямъ страдательнымъ, мы видимъ, что, какъ аппозиція, они занимаютъ середину между прилагательными и причастіями дѣйствительными. Подобно послѣднимъ, они сами по себѣ, безъ вспомогательнаго причастія, въ безчленной формѣ, въ старинномъ языкѣ весьма обычны какъ аппозиціи: „лишаѥмъ, немьсти; ненавидимъ любо гонимъ, терпи; хулимъ, моли, Лавр. 101; шелъ еси былъ на стрыя своего на Михалка, повабленъ Ростовци, ib. 162; побѣже, гонимъ божьимъ гнѣвомъ, ib.; гнѣвъ, укротимъ лжею, проливаеть сваръ, ib. 170; измроша, убиваеми гнѣвомъ божіимъ, ib.; възвратися, с(ъ)храненъ Богомъ, ib.; иде, позванъ великымъ княземъ, Троиц. 210; держимъ же, Игорь видѣ брата своего крѣпко борющася, Ип. 131 (433); немало зло подъяша безвинніи хрестьяне, отлучаеми отець отъ роженій своихъ, жены отъ подружій своихъ, ib. Такъ было нѣкогда, а отчасти и есть и въ другихъ слав. нар. Ср. серб. и пањ je лијеп, обучен и накиђен; поль. стар. Bolesław, gniewem pobudzon, przywolił go zabić (Mikl. Gr. IV 144). Такъ и въ дательныхъ самостоятельныхъ: бысть радость велика по всѣмъ землямъ тѣмъ, свобоженымъ имъ отъ поганыхъ, Лавр. 190; древнѣе была бы безчленная ф. „слобоженомъ имъ“ (ср. Mikl. Gr. IV 832, 843).

Такое безчленное аппозитивное прич. довольно обычно въ стихотворной рѣчи литературнаго русс. языка еще прошлаго и нынѣшняго вѣка, именно оно весьма часто у Крылова: „а нашъ корабль, рукой искусною водимъ, достигнулъ пристани и цѣлъ, и невредимъ; могучій левъ, гроза лѣсовъ, постигнутъ старостью, лишился силы; на берегъ выбро- 34
шенъ кипящею волной, пловецъ съ усталости въ сонъ крѣпкій погрузился; какъ-то вышелъ онъ, сей мыслью занятъ, въ поле; третій, алчностью къ сокровищамъ томимъ, такъ разсуждалъ; а бѣдный прудъ годъ отъ году все глохъ, заволоченъ весь тиною глубокой, заросъ, зацвѣлъ осокой; и сѣрый рыцарь мой, обласканъ по уши кумой, пошелъ безъ ужина домой; деревяный богъ.., отъ головы до ногъ обвѣшанъ златомъ, стоялъ въ нарядѣ пребогатомъ“ и пр. Тоже и въ наше время: „Міозданіемъ раздвинутъ, хаосъ мстительный неспитъ: Искаженъ и опрокинутъ, Божій образъ въ немъ дрожитъ.. (А. Толст.); Всюду въ зелень убрана́, торжествуя хвалитъ Бога жизни полная весна (id). Въ нынѣшней прозѣ здѣсь только членное причастіе: „занятый этой мыслью, онъ вышелъ въ поле“.

Съ другой стороны, прич. страдательныя, подобно существительному и прилагательному, въ аппозиціи могутъ сочетаться въ старинномъ

языкѣ со вспомогательными причастіями, а въ позднѣйшемъ—съ дѣепричастіями: „казними бо, владыку познаемъ, его же прогнѣвахомъ; прославлени бывше, непрославихомъ; почтени бывше, непочтохомъ, Лавр. 166; паче всѣхъ почтени бывше, горѣе всѣхъ сдѣяхомъ грѣхы; паче всѣхъ просвѣщени бывше, ...паче инѣхъ казними есмы, ib.; сынъ человѣчьскыи, убиѥнъ бꙑвъ (ἀποκτανθεὶς), въ третии дьнь въскреснеть. О. ев. Марк. 9, 31; такія же сочетанія прич. съ сꙑ, бꙑвъ въ древ. переводѣ словъ Григ. Бог. (Будилов. 56, 1). Тоже въ дательныхъ самостоятельныхъ: обрѫченѣ бо бꙑвъши матери ѥго Марии Иосифови (μνηστευθείσης τῆς μητρὸς αὐτοῦ Μαρίας), прѣжде даже не снѩстасѧ, обрѣтесѧ имѫщи въ чрѣвѣ отъ духа свѧта, О. е. Мат. 1, 18.

Оба способа аппозитивнаго употребленія прич. страд. въ той же мѣрѣ свойственны и литовско-лотышскому.

Способы эти даютъ различные результаты, такъ-какъ сами по себѣ прич. страд. немогутъ выразить тѣхъ четырехъ оттѣнковъ, какіе имѣютъ ихъ сочетанія съ двумя причастіями дѣйствит. (любимъ сꙑ и
35 бꙑвъ, изгнанъ сꙑ и бывъ). Имя въ такихъ сочетаніяхъ даетъ только два значенія (добль сꙑ и бывъ), и въ этомъ между прочимъ его отличіе отъ причастій.

б) Въ связи съ бóльшею наклонностію прич. страдательныхъ, чѣмъ именъ, къ аппозитивному употребленію могла бы находиться способность этихъ причастій быть безъ помощи глагола сказуемыми придаточныхъ предложеній, связанныхъ съ главными посредствомъ относительныхъ словъ, въ случаяхъ, подобныхъ разсматриваемымъ ниже („небысть, кто донеса“ и т. п.). На дѣлѣ однако встрѣчаются только такіе примѣры этого рода, въ коихъ причастіе страдательное присоединяется къ главному сказуемому посредствомъ сравнительной частицы, и въ коихъ на мѣстѣ этого причастія могло бы стоять и имя: „сътворися акы боденъ“. И въ лотышско-литовскомъ прич. страд. склонны имѣть такую функцію не сами по себѣ, а, какъ менѣе предикативные сравнительно съ прич. дѣйствительными, лишь въ сочетаніи съ сими послѣдними. Примѣры, которые, судя по наружности, опровергаютъ это положеніе, объясняются опущеніемъ вспомогательнаго глагола: лит. „nedumok, kad wisi karalaus waikai użmuszti (yr), bet Amons tikt wiens użmusztas (yr), Царей II, 13, 32, какъ въ русс.: „не думай, что всѣ царскія дѣти убиты, но только одинъ Аммонъ убитъ: „atsakė: żmonēs pabēgo isz muszio ir daug żmoniu uzmuszti (yr), taipjau ir Zaulas numirręs (yr), ib. 1, 4=отвѣчалъ: люди бѣжали изъ битвы и много людей убиты, также и Саулъ умеръ. Если-бы такіе обороты были приняты за oratio obliqua, то для обозначенія косвенности рѣчи нужно бы было въ лит. поставить при прич. страд. дѣйствительное: kad użmuszti esą (букв.: ꙗко убиѥни сѫще). Подобно этому и въ лотышскомъ. Сравнимъ съ одной стороны лотыш. сослага-

тельные обороты съ безглагольными причастіями дѣйств. въ сказуемомъ: es celûts (прич. наст. дѣйств., букв. (что) я поднимая); es celszûts 36
(пр. буд. дѣйств.=что я подниму); съ другой—соотвѣтственные обороты съ причастіями страдательными: es esût celams (дѣеприч. наст. дѣйств. съ прич. наст. страд.=букв. (что) я будучи поднимаемъ), но со значеніемъ дебитивнымъ: „что я долженъ быть поднимаемъ"; es esût celts (дѣепр. наст. дѣйств. съ прич. прош. страд., букв. (что) я будучи поднятъ, т. е. что я поднятъ). Мы видимъ здѣсь на сторонѣ причастій дѣйствительныхъ предикативную самостоятельность, а на сторонѣ страдательныхъ лишь способность сочетаться съ предикативными причастіями, (Bielenst. Lett. Gr. §§ 361, 371, 372).

Если причастіе прошед. дѣйств. въ лот. является въ сослагательныхъ оборотахъ не самостоятельно, а въ сочетаніи съ дѣеприч. наст. дѣйствит. (es esût celis, букв. (что) я будучи поднявъ; es esût bijis celis, (что) я будучи бывъ поднявъ, т. е. что я было поднялъ); то это происходитъ не отъ того, что оно неможетъ стоять самостоятельно, а отъ того, что упомянутыя сочетанія (esût celis) выражаютъ въ сослагательномъ особый оттѣнокъ времени, соотвѣтствующій изъявительному сочетанію esmu celis (такъ назыв. perfectum) и отличный отъ того, который означается прошедшимъ простымъ (célu, по знач. приравниваемое къ aor. и imperf.). Но причастіе прош. дѣйств., какъ сказано, и одно можетъ быть сказуемымъ зависимаго предложенія: es neatcerûs, ar tevi kopá dzeris, неприпомню, пивъ (безъ глагола, въ знач. пилъ ли я) съ тобою? Biel. Lett. Gr. § 761.

Если изъ сказаннаго слѣдуетъ, что причастія страдательныя менѣе аппозитивны и предикативны, чѣмъ дѣйствительныя; то тѣмъ самымъ доказано, что они менѣе дѣйствительныхъ наклонны къ сліянію въ одну форму со вспомогательнымъ глаголомъ. По этому, если даже и „ѥсть сѫдѧ" есть не одна форма, а двѣ; то тѣмъ большее основаніе имѣемъ сказать то-же самое о сочет. „ѥсть сѫдимъ", „ѥсть сѫжденъ". Въ новомъ языкѣ выраженія „онъ любимъ", „онъ осужденъ", по сте- 37
пени грамматической слитности, могутъ быть поставлены на одну доску не съ выраженіемъ „онъ любилъ", заключающимъ въ себѣ наиболѣе предикативное изъ причастій, а скорѣе съ „онъ правъ".

Сочетаніе именъ съ ѥсмь, бѣхъ и пр. въ древнемъ языкѣ.

1. а) Въ древнихъ славян. нарѣчіяхъ прилагательное въ именительномъ при ѥсмь и пр. въ большинствѣ случаевъ стоитъ въ безчленной формѣ: да видѧщеи слѣпи бѫдѫть, О. ев. Іоан. 9, 39, что въ нынѣшнемъ литератур. русск. передается обыкновенно такою же безчленною формою прилагательнаго: „чтобы стали слѣпы". Для выраженія другого оттѣнка, отчасти сходнаго съ тѣмъ, который передается нынѣ твори-

тельнымъ прилагательнаго („чтобы стали v. пусть будутъ слѣпыми“) древній языкъ имѣлъ возможность прибѣгнуть только къ мѣстоименной формѣ прилагательнаго: „да бѫдѫть слѣпии“, по образцу: „мънози же бѫдѫть прьвии послѣдьнии (= послѣдними, die letzten; въ греческ. ἔσχατοι безъ члена), а послѣдьнии прьвии (въ греч. πρῶτοι безъ члена), О. ев. Мат. 19, 30. Здѣсь членное прилагательное, хотя и незаключаетъ въ себѣ своего ближайшаго субъекта, или своей субстанціи (какъ „слѣпьць“), хотя и нестановится существительнымъ; но выражаетъ воспоминаніе того, что заключенный въ немъ данный признакъ былъ уже мыслимъ прежде въ связи съ подлежащимъ: слѣпии, т. е. слѣпи —ji = тѣ, которые слѣпы, о которыхъ мы уже знаемъ, что они слѣпы (Ср. Mikl. V. Gr. IV, 132). Мѣстоименность прилагательнаго, какъ предикативнаго аттрибута, неразрушаетъ его связи со вспомогательнымъ глаголомъ, но дѣлаетъ эту связь менѣе непосредственною. б) Въ цсл. и древ. русскомъ, какъ и во всѣхъ древнихъ слав. нарѣчіяхъ, въ разсматриваемомъ сочетаніи прилагательное въ сравнительной степени есть именно прилагательное, т. е. согласуемо: „ѥда ты болий ѥси отьца нашего Іакова“, Іо. 4, 12; „и бѫдеть послѣдьнѣя льсть горьши первыѩ О. Ев. Мат. 27, 64; въ кый часъ соулѣѥ ѥмоу бысть, Іо. 4, 63; мънозѣхъ пътиць соулѣише ѥсте, Лук. 12, 7. Мр. нарѣчіе сохраняетъ здѣсь возможность прилагательнаго, но въ членной формѣ (частью фонетически явственной, частью стяженной): „невже (хиба) ти більший отця нашого“ и пр.; оно ограничиваетъ лишь это употребленіемъ нарѣчія изъ безчленной формы, при томъ въ предѣлахъ одного и того же говора: гість гірший (и гірше) татарина, мила краща (и краще) злота“ (Ср. Mikl. Go. IV, 460). Въ вр. говорахъ, кромѣ бр. (которые и въ этомъ могутъ приближаться къ мр.) по правилу здѣсь только нарѣчіе: „не въ пору гость хуже татарина“.

2. Существительное ставится здѣсь въ древнемъ языкѣ только въ
38 именительномъ, безъ чего составное сказуемое (и составное приложеніе) было бы невозможно. Позднѣе ставиться здѣсь частью именительный, частью творительный:

Въ истинѫ сынъ Божии ѥси, О. ев. Мат. 14, 33. Въ русск. именит., въ польск. твор. Нѣси другъ кесареви, ib. Іоан. 19, 12. Въ русск. именит., въ польск. творит.

И бѫдѫ съпричѧстьникъ Христосоу, Supr. 165, 7. Се творѧ бѫдеши ми дроугъ присный, ib. 47, 28. Аште ли и чловѣколюбьци бѫдемъ по съмрьти, нич'тоже отъ того приобрѧштемъ, ib. 276, 28. Рьци да камениѥ се хлѣби бѫдѫть, ib. Мат. 4, 3. Русск. польск. творит. Бѫдете мои ученици, ib. Мат. 4, 3. Русск. именит. и твор., польск. твор.

Богъ послухъ тому, Лавр. 106. Русск. имен., польск. Bóg świadkiem, чеш. Bůh toho svedkem.

Мы ти будемъ помощници, Лавр. 114. Хрестъ цѣловалъ на томъ, яко кто ся кого останеть, то тый будеть обоимъ дѣтемъ отець, Ип. 80. Пожаловала есмь... игумена N, или кто иный игуменъ (т. е. -омъ) будеть по немъ, Ак. ист. I, 98 (1450); приказщику N, или кто по тебѣ на Костромѣ иные городовые приказщики будутъ, ib. 337 (1565, и такъ часто въ грамотахъ XV—XVII в.).

Богъ ти буди послухъ, Лавр. 109. Буди ми другъ, ib. 28. Его же намъ изволиши самъ, тъ намъ буди отець и игуменъ, ib. 80.

Его же повелѣнью быхъ азъ грѣшный первое самовидець, ib. 90. И
бысть праведьникоу и оученикома ѥго гробъ пештера та, Supr. 159, 5;
и бысть дияволоу лоза съмрть, намъ лоза животъна, ib. 260, 29. Разболѣвся и бысть мнихъ. Новг. I, 27. Стефанъ, иже бысть въ него (Өеодосія) мѣсто игуменъ, въ се же время бысть епископъ, Лавр. 90. И
бысть игуменъ и пастухъ черноризьцемъ Өедосьева манастыря, Ип. 126.
Конечное же отвержеся Христа и бысть бесурменинъ, Лавр. 204. При- 39
доша... рекомии Болгаре, сѣдоша по Дунави, насельници (Микл. Эрб. читаютъ „насильници") Словѣномъ быша, ib. 5.

Во всѣхъ этихъ примѣрахъ въ русск. польск. творительный.

Инии же несвѣдуще рекоша, яко Кій ѥсть перевозникъ былъ (Русск. именит. твор., польск. твор.. чеш. že byl jest převoznik, Эрб.); аще бо перевозникъ Кій (чеш. kdyby však být převozníkem, Эрб., польск. твор.) то не бы ходилъ Царюгороду, ib. 4.

Послемъся къ Васильеви попови на Щьковицю, абы былъ намъ игуменъ и управитель стаду черноризиць (=ьць), Ип. 126.

Сочетаніе причастій, кромѣ прош. на -лъ, съ глаголами кромѣ ѥс-, бы-.

1. Причастіямъ этимъ свотвѣтствуетъ въ греческомъ частью причастіе же, частью неопредѣленное наклоненіе; въ новыхъ славянскихъ нарѣчіяхъ — частью развитое придаточное предложеніе, частью неопредѣленное наклоненіе, причастіе въ творительномъ и дѣепричастіе. Стало быть, въ этихъ послѣднихъ нарѣч. находимъ здѣсь значительно большее разнообразіе формъ, чѣмъ въ древнемъ языкѣ.

Мьняахѫ духъ видѧще, О. ев. Лук. 24, 37, *ἐδόκουν πνεῦμα θεωρεῖν*, думали, что видятъ, серб. да виде, чеш. že vidí, польск. že widzą. ѥже мьнитьсѧ имы (*ὅ δοκεῖ ἔχειν*) въ зѧто бѫдеть отъ нѥго, Л. Мат. 25, 29. ѥже мьнитьсѧ имѣꙗ отъимется отъ нѥго, ib. Лук. 8, 18. Се бо мьнитьсѧ уне бѫдѫ приложити ко глаголанꙑимъ (*βέλτιον εἶναι προσθεῖναι*), XI в. Будиловичъ, Изсл. 13 сл. Григ. Богосл. 19. Сь мьняашесѧ дрьжѧ, *κρατεῖν αὐτὸς ὑπελάμβανε*, ib. 48. И мняисѧ стоя да сѧ блѫ(ю)деть непасти, Изб. 1073. 73 (2-й падежъ въ подлежащемъ).

И такъ путь (=таковъ обычай) жены любодѣица, яже ѥгда сътвори, 40
отъмꙑвъшися, ничьто же ся мьни сътворьши бесъчиньна, (Изб. Свят. 1073, Срезневск. Пам., русск. п. 139=думаетъ, что несдѣлала). Но и

мнимся Бога любяще (=думаемъ, что любимъ); но аще потщимся заповѣди его сохранити, тогда явимся Бога любяще (окажется, что любимъ), Лавр. 129. И мняшеся умомъ сѣдя у церквы святою (ему думалось что сидитъ, воображалъ себя сидящимъ), XIV в. Срезн. Ск. о Бор. и Гл. 34. И широтоѭ подрагъ, мьнѧштесѧ (фарисеи) законъ сохранѧште, величаѭтъ, Supr. 250, 10 (2-й падежъ въ приложеніи).

Дроузии бо прѧмь нѣкая прѣгрѣшения видими сѫть имѫште, въ таинѣ же велика оуправлѥния къ Богоу творѧште, въ насъ грѣшьни сѫште мьнѧтьсѧ, оу Бога же сѫть правьдьни, Изб. 1073, 74.

Такое же непосредственное сочетаніе со вторымъ именительнымъ причастія слѣдуетъ принять и для синонимовъ гл. мьнѣтисѧ, между прочимъ для вѣдѣтисѧ, на основаніи оборотовъ, какъ „невѣдѧть сѧ, чьто творѧще", о коихъ—ниже. Ср. въ греч. причастіе въ именит. при *ἔοικα* кажусь, *αἰσθάνομαι* замѣчаю, *γιγνώσκω* узнаю, *οἶδα* знаю, *σύνοιδα μοι*, сознаю въ себѣ.

ѥгда же си услыша старецъ, сътвори ужегъши сѧ, XIV в. Срезн. Пам. юс. письма, 221. Болѣе древній языкъ требовалъ бы здѣсь безчленнаго причастія: сътвори ужьгъ сѧ, показалъ видъ, что обжегся. Творити и безъ сѧ принято за средній гл.

Тѣлнаго ради женьскаго (=относительно менструаціи) со Оркадіемъ молвихъ се со игуменомъ, а творяшеся и епископа прошавъ (сказывалъ, будто спрашивалъ) и инѣхъ, а непокладоша ни за что же, Въпраш. Кюрик. по сп. XIII в., Калайд. Пам. 181. Творять инии слышавъше отъ инѣхъ епископъ, ib. 191. Повѣдаше бо ся изъ иного града пришедши (сказывалась пришедшею) XIV в. Срезн. Ск. о Бор. и Гл. 38.

Да сѧ бышѧ явили человѣкомъ постѧще, О. ев. Мат. 6, 16, *ὅπως φανῶσι νηστεύοντες*, ut appareant jejunare. Да не явишисѧ человѣкомъ постѧсѧ, ib. 6, 18, *ὅπως μὴ φανῇς νηστεύων*.

41 Довьлѣ мънозѣмъ наплънивъ уши, *ἤρκεσε πλεροῦν ἀκοάς*, XI в. Будил. l. с. 48.

Данило... сожалиси отславъ сына си Льва и воѣ, Ип. 190 (546), т. е. не „отославши, пожалѣлъ", что было бы выражено посредствомъ „отъславъ и (а) съжалиси", а „пожалѣлъ, что отослалъ". Боуди правдивъ тако, яко некаися правды дѣля и закона Божия и приложа главы, Поуч. Луки Жид. Р. Дост. I, 8, гдѣ можно ожидать прич. прошед. „некайся главы приложивъ", или, если каятися =жалѣть, —неопредѣленнаго: „некайся приложити".

Неубояшася князя два имуще (=неиспугались того, что у нихъ было два князя) въ власти сей и бояръ ихъ прещенья ни во что же положиша, Лавр. 160.

Съ этимъ сочиненіемъ гл. довълѣти, радоватися (примѣръ ниже), съжалитиси, ср. въ греч. такое же сочиненіе причастія съ глаголами

душевнаго движенія: *χαίρω, ἥδομαι, τέρπομαι, ἀγαπάω αἰσχύνομαι* и др.

Али ты съ клєврѣтомъ твоимъ моудиши враждѫ дръжѧ, како можеши ити къ мирнѣи трепезѣ и господьни, Supr. 315, 25.

Самъ пребываеши сѣдя и позоруя ядуща ины и упивающася, Поуч. Никиф. Р. Достоп. I, 64, остаешься сидящимъ. Слуги недаша ему ничто же и тъ пребысть неяды, Срезн. Ск. о Б. и Г. 34, остался неѣвшимъ. Пребываше бияся и припадая предъ святыма, ib. 84. Ѥреси бо въставши при Θеофилѣ цѣсари иконоборци, многа лѣта прѣбысть иконьная святыни гонима и разарѣѥма, Сп. XIV в. Срезн. Свѣд. XXXVII, 56.

Си же, отънѥли же вънидохъ, непрѣста обълобызаѭщи нозѣ мои, О. Е. Лук. 7, 45, *οὐ διέλιπε καταφιλοῦσα*. Ѩкоже прѣста глаголѩ (*ἐπαύσατο λαλῶν*), рече къ Симону, ib. Лук. 5, 4. Ты же г(оспод)и мои кнѧже славьныи Сумеоне Х(рист)олюбче непрестаѥши възыскаѧ повелѣнии ѥго (Ба), Іо. Экз. Пролог.

И прѣжде бо въ оумѣ непрѣстаяше съгрѣшая, и по створении въ тоижде похоти ѥсть, Изб. 1073, 58. Дияволъ, иже непрестаеть воюя на родъ хрестьяньскый, Лавр. 174. Александръ.. Романовичема непрестаяшеть хотя зла, Ип. 163 (502). Ростиславъ Пиньскыи непрестаяше клевеща, Ип. 167 (507). Данилъ... непрестаяшеть строя на нѣ рать, ib. 173 (513). Рать татарьская непрестаеть злѣ живущи с нами, ib. 191 (548). Непрестаяшеть злое творя Володимеру князю, ib. 211 (587). 42

Такъ и въ болѣе позднемъ языкѣ западно-русск. и моск. съ дѣепричастіемъ:

Люди его непереставаютъ казѣчи землю его милости, 1501, Ак. З. Р. I, 222. Тыи зрадци наши.. непереставаютъ зачѣпки чинячи и людемъ нашимъ грозячи и листы отповѣдные къ нимъ пишучи, 1504, ib. 329. Въ отвѣтныхъ рѣчахъ московскихъ пословъ та-же фраза съ другою формою дѣепричастія: „непереставаютъ зацѣпки чиня и людемъ его грозя и листы къ нимъ пишучи,“ ib. 331. Во всѣхъ этихъ случаяхъ „неперестаетъ воюя“ значитъ не „воюя“ (аппозитивно), неперестаетъ дѣлать что-либо другое, а „неперестаетъ воевать“.

Да немнетъ прѣльстници слица твореща жизнь, нъ да се ѥго останоутъ кланѣюще, Іо. Экз. Шестодневъ, 92, гдѣ замѣтимъ славянское сочетаніе остатися съ родит. оставляемаго предмета. Аще ся сего непокаеши, ни останеши сице творя (неперестанешь поступать такъ), то вѣсто ти буди яко.. Срезн. Ск. о Б. и Гл. 83.

Ѥгда съвръши Иисусъ заповѣдаѩ обѣма на десѧте ученикома своима, О. е. Мат. 11, 1, *ἐτέλεσεν διατάσσων*.

И яко скончa зижа (окончилъ строить), украси ю (церковь) иконами, Лавр. 52.

Того же лѣта кончаша церковь владычню пишуще (окончили писать), Новг. I, 79.

Съ этимъ сочиненіемъ гл. прѣбыти, прѣстати, остати, съврьшити, коньчати ср. въ греч. прич. въ именит. съ *διατελέω*, продолжаю постоянно, *διαλείπω, παύομαι* перестаю, *τελέω* кончаю.

Шьдъ же и умыса и приде вида, О. е. Іон. 9, 7, *ἦλθε βλέπων*.

И възвратися Андрей невреженъ, съхраненъ Богомъ и молитвою
43 родитель своихъ, Ип. 64 (303), т. е. не „возвратился, будучи невредимъ", а „воротился нераненнымъ, или невредимымъ, будучи сохраненъ" и пр.

И яко быша въ дверехъ, ста рака непоступящи, Срезн. Ск. о Б. и Гл. 76,—оборотъ, построенный одинаково съ ниже приводимыми, какъ „ста простъ" и непереводимый нынѣшнимъ „остановилась, недвигаясь впередъ", въ коемъ дѣепричастіе возникло изъ причастія аппозитивнаго, а не предикативнаго.

Святославъ.. сѣде княжа (=сѣлъ княжить) ту въ Переяславци, Лавр. 27. Азъ же совокупився съ братьею своею... и сѣдѣлъ есмь доспѣвъ, жда отъ тебе вѣсти. Ип. [2] 466; азъ сѣжю доспѣвъ ib. 468. Сѣде Олегъ княжа въ Кіевѣ, Лавр. 10. Изяславъ лежаше раненъ, Ип. 64 (303). Бѣ бо лежалъ непогребенъ нѣколико дновъ (т. е. днёвъ), Ип. 100 (373). А лежала въ лари тая грамота положена годъ да полъ третья мѣсяца, Пск. I, 233.

Ови ведутся полонени, ови посѣкаеми (суть) и до молодыхъ дѣтий. Лавр. 162.

Митрополитъ поѣха изо Пскова одаренъ. Пск. I, 216.

А намѣстничи люди... и иные никто на пиры и на братчины къ нимъ незваны пити неходятъ, а кто къ нимъ придетъ пити незванъ, и онѣ того вышлютъ вотъ безпенно, 1518, Ак. Ист. I, 185.

Здѣсь неотдѣлены причастія страдательныя отъ дѣйствительныхъ, хотя, по видимому, есть основанія разсматривать тѣ и другія отдѣльно. Именно, кажется, что прич. страд., въ силу упомянутой выше меньшей своей предикативности, входятъ въ непосредственныя сочетанія не со всѣми тѣми глаголами, что дѣйств. причастія, а лишь съ глаголами а) мьнѣтися, явитися, творитися, повѣдатися и т. п., б) прѣбыти и т. п., в) ити и прочими гл. вещественнаго движенія. Менѣе можно ожидать страдательнаго причастія при глаголахъ аффекта (убоятися, радоватися, сжалитиси) и при перестати, съвьршити. Этимъ не
44 исключается возможность ни апозитивной постановки прич. страд. (судимъ, неубояся), что впрочемъ разумѣется само собою, ни ихъ посредственнаго присоединенія къ сказуемому: неубояся быти судимъ.

2. Сочетанія, подобныя вышеприведеннымъ, находимъ въ старинномъ сербскомъ и чешскомъ.

Да приду у Дубровникь, да на ме неустане никьторе, дѣ (quia, по Даничичу) ѣ (=я) сьмь радь правьду учине, и ако правьде неучину, да сьмь кривь, 1240, Miklos. Monum. Serb. 30. Ср. выше „радоватися“ и пр.

Ако се кто наиде продавь вино с водомь.. да му се все узме што има, 1222—8, ib. 17. И сь куплovь ако се кто наиде одь нашихь чловѣкь ходе по земли кралевьства ти... да... XIII в. ib. 48.

Обрѣте ли се кто потварак сик.... 1234, ib. 20. Кто есть здѣсь подлежащее глагола, а не причастія, какъ въ ниже разсматриваемыхъ оборотахъ „нѣсть, кто възыская“. Кто ли се обрѣте прѣслушавь сиѥ моѥ.. да приме гнѣвь и наказаниѥ отъ кралевства ми, 1234—40, ib. 27. обрѣте ли сѣ кто ньшедь на трьгѣ (=е) или, где годе ставь, ньдавь (=недавъ) уреченога доходька.. да имь сѣ уземлѣ купля, 1253, ib. 40,=если будетъ найдено, что непошелъ, что сталъ гдѣ-либо недавши мыта... Кто ли се обрѣте испакостивь имь или што узьмь одь нихь, да приме гнѣвь.. XIII в. 53.

Эти примѣры съ наитисе, обрѣсти се, вмѣстѣ съ вышеприведеннымъ русскимъ „вестися“=быть ведену, служатъ образцами сочетаній страдательныхъ глаголовъ съ причастіями.

Въ чешскомъ XVI в. и раньше:

Uzřelse.. stoje (=узрѣся стоя), при чемъ ся имѣетъ значеніе не объекта, какъ въ „увидалъ себя стоящимъ“, а лишь знака медіяльности глагола. 45

Vždy jsem se podál od dveří stojic nalezla=обрѣтохъ ся стоячи.

Toho se činil neznaje, staví se neslyše=творяшеться незная, твориться неслышя.

Poslové tito činili se na to nic nedbajíce=„творяхуться неберегуче того“, показывали видъ, что незаботятся объ этомъ.

Břetislav pořekl se jest chtě k císařovu dvoru jíti=повѣдѣся хотя..

3. Въ литовскомъ до-нынѣ весьма обычны сочетанія съ подобными глаголами такихъ-же причастій и сверхъ того—причастія настоящ. II на -damas и прич. будущ. дѣйствительн., которое можетъ быть передано славянскимъ хотѧ, имѫ съ неопредѣленнымъ накл.

Erodas, nůmanydams (прич. наст. II) iszmintingujů prigauts, labai papyko, Мат. 2,16. Въ О. ев. какъ и въ греч. текстѣ, на мѣстѣ второго причастія—придаточное предл. съ глаголомъ: „видѣвъ, яко порѫганъ бысть отъ вълхвъ“; но, по-видимому, возможно было бы и въ слав. „видѣвъсѧ порѫганъ“. Лит. nůmanyti, замѣтить, здѣсь гл. средній. Само собою, что онъ могъ бы стоять и въ личной формѣ съ тѣмъ-же причастіемъ.

Tikisi wis žinąs, Ness. Wb. „мьниться вьсе зная“, вѣритъ о себѣ, думаетъ о себѣ, что все знаетъ. Tikėjos už tą naujeną gerą pelnę gausęs, Царей, II, 4, 10, „мьняшеться имы получити“, думалъ, что за

эту новость получитъ хорошій хабаръ (серб. тур. муштулук, bothenlohn). Wargey tikejos su je sutiksęs (прич. буд.), Царей, II, 13,1, думалъ, что врядъ ли съ нею сойдется. Nes turinczam důdama, bet neturinczam
46 atimama ir tai, ko tikis turis, ѥже мьнасѧ имѣ", т. е. ѥже мнитьсѧ имѣнѧ.

Kad asz nežinoczau neszams (прич. наст. стр.) buvęs (прич. пр. дѣйств. букв. аще не быхъ сѧ вѣдѣлъ несомъ бывъ), taryczau asz bėgte bėgau, Schl. Gr. 332, еслибъ я незналъ, что меня несли, я бы сказалъ, что я бѣгомъ бѣжалъ.

Jis sakės ėsąs welnies, Schl. Lit. Gr. 317, сказался чортомъ, букв. „повѣдасѧ сы"... Sakykis mano sesů ėsanti; Быт. 12, 13, скажись моей сестрою, букв. „повѣждьсѧ сѫщи сестра".

Dėdas megąs, papikęs, nematęs, Ness. Wb., притворяется спящимъ, сердитымъ, слѣпымъ, букв. творитсѧ съпѧ и пр.

Jeib žmonėms nesiroditumbei pasnikaująs, Мат. 6,18, да не явишисѧ человѣкомъ постѧсѧ.

Tas labai pawargęs iszžiureje, Schl. Leseb. 266, онъ казался (смотрѣлъ, wyglądał) очень бѣденъ (въ лит. прич. прош. дѣйств.).

Къ такимъ же сочетаніямъ должны бы быть способны глаголы jaustis, чувствовать себя, ощущать себя въ извѣстномъ состояніи (какъ pajusti: asz pajutau su kojomis wandenyjė bestowis, я почувствовалъ, что мои ноги стоятъ въ водѣ, букв. ощутихъсѧ стоѩ, Kursch. Wb.) и rastis, найтись, быть найдену.

Girklus girias galis (хвалитьсѧ могѫ) auksą kalti, a nemok nė putrai pramalti, Schl. Les. 82, хвастунъ хвалится, что можетъ золото ковать, а (онъ) неможетъ и путри (каши) молоть.

Džaugias sawo kaimyną prigaudams (пр. наст. II), prigawęs (пр. прош.), prigausęs (буд.), Schl. Gr. 343, радуется, что обманываетъ, обманулъ, обманетъ своего сосѣда, букв. радуетьсѧ льстѧ, обльстивъ и пр.; džaugesi velnię prigavęs, Schl. Les. 217, радъ былъ, что обманулъ черта.

47 Asz gailůs Zaulą karaliumi idėjęs, Цар. I, 15,11, жалѣю, что поставилъ (букв. поставивъ, прич. прош.) Саула царемъ. Gailėjos jį paleidę, Schl. Les. 190, „съжалишѧ си пустивъше", что уступили, отпустили.

Pažadėjo důsęs (прич. буд. въ им. ед. м.), обѣщалъ, что дастъ; въ лит. pažadėti здѣсь въ знач. среднемъ (=обѣщаться), допускающемъ сочетаніе съ именительнымъ, передъ которымъ нѣтъ нужды вмѣстѣ со Шлейхеромъ (Gr. 332) принимать опущеніе союза kad. что.

Asz velijůs tris nedėles dirbęs, nekaip tris dėnas sirgęs, Schl. Gr. 317, лучше хочу (въ лит. гл. сред.=хотѣтисѧ) три недѣли работать (въ лит. прич. прош. работавъ), чѣмъ три дня болѣть (лит. болѣвъ).

Nepakencze neprovavojęs, ib. неможетъ вытерпѣть нетягавшись (лит. прич.), т. е. чтобъ нетягаться.

Jis pasiliko bestovįs, besedįs, Kursch. Wb. blieb stehen, sitzen (въ лит. прич. наст.).

Senis nûtilo gargaliavęs, Schl. Les. 191, старикъ пересталъ хрипѣть, букв. замълча хрипѣвъ.

Knipelis paliove muszęs ib. 211, палка перестала бить (лат. прич. прош.).

Jau paliove (apsistojo, perstojo) lijusi (прич. прош. женскаго род. замѣняющаго потерянный средній), уже перестало лить (ливши), т. е. пересталъ дождь, Kursch Wb.

Liaukis werkęs, ib., перестань плакать (букв. плакавъ, прич.). Вай нустокъ путяс, шяурус веяли! Вай нустов баряс маня, берняли (ой перестань дуя (=дуть), сѣверный вѣтеръ; ой перестань браня (=бранить) меня молодецъ). В. Мил. и Форт. Лит. н. п. 154 и ib. 221, гдѣ съ этимъ сравнивается прич. при англ. to cease, to finish: he ceased writting, he finished reading. Это сочетаніе причастія съ глаголами прекращенія въ литовскомъ должно быть принято въ сооображеніе, на случай, если мы захотимъ въ цсл. „прѣста глаголѧ“ видѣть только подражаніе греческому ἐπαύσατο λαλῶν, Черный Греч. Синт. ² § 146, 4, прим.).

Prakeikts te-stow kožnas, kurs.. Цар. (Сам.). 14,78, пусть стоитъ (=будетъ) проклятъ каждый, кто..

4. Въ лотышскомъ такіе же глаголы (между прочимъ хотѣть, желать, для которыхъ славянскихъ примѣровъ мы неимѣемъ) сочетаются съ тѣми же причастіями, что въ литовскомъ, кромѣ почти вышедшаго 48 изъ употребленія прич. будущ. (Bielenst. Lett. Gr. § 755; слѣдующіе примѣры безъ ссылокъ—ib. §§ 528, 754, 761, 766 и 373—4).

Szė teicas labi stradajûszi, они думаютъ (о себѣ), что хорошо работаютъ, букв. „мьнятьса страдаюче“.

Es szkītûs visu darijis, я считаю, что все сдѣлалъ, соб. мьнюся вьсе сътворивъ“.

Zinàju têvu klausijusi, я знала (въ лот. въ знач. средн.), что слушала отца (была послушна), собств. „вѣдѣхъ ся v. вѣдѣахъ-ся слушавъши“.

Эс церею таугу делу зелта зару дабуюси, Спрогисъ 185, я надѣялась, что добыла (въ лот. прич. прош. жен.) въ людском сынѣ (=молодцѣ) золотую вѣтку.

Vêlejûs nepinusi, желаю (или желала, въ лат. гл. сред.) невивши (въ лот. прич. прош. ж.), т. е. лучше (мнѣ) было невить вѣнка.

Viǹsz lêlas mani kûlis, онъ хвалится, что билъ меня, соб. „величается бивъ“ (прич. прош. м. ед.).

Сакâс мâте ѣдевуси, жѣлотая рôціня, Спр. 234, говоритъ (о себѣ) мать, что отдала (меня) въ руку того, кто жалѣетъ (=жáлобника, въ томъ смыслѣ какъ въ млр. пѣснѣ „сестриця жалібниця“), собств. какъ бы „речеться въдавъши“.

Эс невару негâюси, Спрог. 156, я немогу нейти (въ лот. =нешьдъши, прич. прош. ж.).

Эс айзмирсу баліням крустѣм двѣлюс некâруси, Спрог. 79, я забыла братцу крестами (=накрестъ) ручники невѣшавши (въ лот. прич. прош. жен.), т. е. забыла надѣть на братца. Ср. айзмірсу непрасиjис, я забылъ спросить, букв. забылъ неспросивши (съ прич. а не дѣеприч.). Эти чрезвычайно странные обороты съ отрицаніемъ при причастіи послѣ гл. айзмірст, забыть, (Biel. Lett. Gr. § 761, c.), быть
49 можетъ, объясняются тѣмъ, что они должны выразить мысль: „забыла (такъ), что ненадѣла“, „забылъ (такъ), что неспросилъ“, при чемъ, такъ какъ на мѣстѣ нашего придаточнаго предложенія съ отрицаніемъ стоитъ одно причастіе, то отрицаніе можетъ найти мѣсто только передъ нимъ.

(Пуриньш) нелайда (мейтас гулêт), гриб пêдаринамс, Спрог. 167, приданое (=скрыня) непускаетъ дѣвицъ лежать (=непозволяетъ имъ спать), хочетъ, чтобъ его (ее) готовили, букв. хочетъ готовимъ (въ лот. прич. наст. страд. муж. согласуемое съ пуриньш).

Gribéjas pïedinajams, Лук. 16, 21, желааше насытитисѧ, но букв. желаашесѧ насытимъ v. насыщаѥмъ“ безъ быти, которое въ лот. здѣсь никогда нестояло.

Тапат гриб пурва зâле ка даболс витеяма (прич. наст. страд. въ им. ед. ж.); тапат гриб свеша мате, ка мâміня годеяма (прич. стр. какъ выше), Спрог. 240, и болотная трава хочетъ, чтобъ ее сушили, какъ клеверъ; и чужая мать (свекровь) хочетъ, чтобъ ее чтили, какъ родную (ей годили?), букв. хочется сушима, чтима.

Три слѣдующіе лот. глагола употребительны почти наравнѣ съ esmu, biju, but (есмь, былъ, быть) въ сочетаніи съ прич. прошед. страдательнымъ, для выраженія страдательныхъ сказуемыхъ безъ оттѣнка необходимости, приуроченнаго къ сочетаніямъ прич. наст. страд. съ esmu и пр.

а) tûpu, tapt (литов. tampu, tapti, стать, становиться чѣмъ, werden), напр. túpu celts, ich werde gehoben, т. е. я поднимаемъ и я поднятъ, безъ различенія совершенности и несовершенности; tam taps dôts, Мат. 25, 29, тому дано бѫдеть (въ лот. причастіе въ муж. р. вм. недостающаго средняго); taps atńemts, ib. възѧто бѫдеть; ka tu no l'audim ne-
50 tûpi uzlukats gavedams, Мат. 6, 18, букв. да ты отъ человѣкъ небѫдеши видѣнъ говѣѩ. т. е. да не явишисѧ постасѧ.

б) tîku и tíku, tíkt, geschehen, gelangen, (лит. tenku, tekti, доставать, напр. достало хлѣба; достаться, доставаться, приходиться кому, нетолько въ безличномъ, но и въ опредѣленно-личномъ оборотѣ).

в) kl'ustu, kl'ut, werden' gelangen, ср. лит. klustu, kluti, между прочимъ—попадать,-ся, напр. въ сѣть, въ руки.

Всѣ три глагола начинательны.

Рѣже въ такомъ значеніи лот. palikt, остаться: „palika kauts=został bity.

Примѣры глаголовъ физическаго движенія съ причастіемъ:

Вай дѣниня ман, дѣниня, ту атнаці незинама, Спр. 224, ой денекъ мой, денекъ, ты приходишь незнаемъ (въ стар. русс. „незнаѥмѣ", „безъ вѣсти").

Эс апгулу недерета зам заляс веленіняс, ib. 224, я легла (спать) незасватана подъ зеленымъ дерномъ.

4. Въ литовскомъ, по видимому, вовсе необычно образованіе дѣепричастій изъ причастій въ именительномъ, входящихъ въ составъ сказуемаго. Въ выраженіи пѣсни „kad asz žinoczau bernuži gausent (дѣеприч. будущ.), Schl. Lit. Gr. 332, еслибъ я знала, что достану молодца (=что мнѣ достанется мблодецъ, а не вдовецъ), можно было бы глаголу žinoti приписать среднее значеніе, какъ въ одномъ изъ приведенныхъ выше лотышскихъ примѣровъ, несмотря на отсутствіе при немъ возвратнаго мѣстоим., а за дѣепричастіемъ можно было бы предположить причастіе въ именит. ед. ж. (gausenti). Такимъ образомъ литовскому выраженію соотвѣтствовало бы „аще быхъ сѧ вѣдѣла имѫщи получити". Однако žinoti можетъ быть здѣсь и глаголомъ дѣйствительнымъ, при коемъ опущенъ первый винительный (себя), а дѣепричастіе могло образоваться изъ второго винительнаго.

Напротивъ, въ лотышскомъ есть несомнѣнные случаи дѣепричастій 51
изъ именительнаго п. причастія нетолько дѣйствительнаго, но также, что составляетъ особенность этого языка сравнительно съ литовскимъ и русскимъ, и страдательнаго наст. вр.

а) Мâте мейту аудзедама, шкітâс пилі мӯрейôт (дѣепр. наст. дѣйств.). Спр. 142, мать, ростя (воспитывая) дѣвицу, думаетъ (въ лат. гл. сред. въ возвр. ф.), что муруетъ замокъ, какъ если-бы въ ст.-русс. было сказано „мьниться зижя" (съ дѣепр., вм. зижючи).

wińsz palika édût, er blieb essend;

б) Gribéjas (гл. сред. въ возвр. ф.) bral'a séva, ka mamińa aptecam (дѣепр. страд. наст.), Biel., хотѣла братняя жена, чтобы за нею ухаживали („обтекали ее", увивались около нее), какъ за матерью, приблизительно: „хотѣлась ухаживаем(а)".

5. Русское дѣепричастіе, предполагающее именительный, по правилу, возникаетъ въ врусс. говорахъ или изъ прич. входившаго въ сказуемое вмѣстѣ съ ѥс-, бы- („были вставши") и съ глаголами пребыванія [1]), или изъ прич. аппозитивнаго („вставши, сказалъ"), или, наконецъ изъ причастія въ именительныхъ самостоятельныхъ, о чемъ ниже; но изъ причастія въ составномъ сказуемомъ съ другимъ глаголомъ кромѣ названныхъ, напр. въ „непрѣста облобызаѭщи" (неперестала лобызать) дѣепричастія невыходитъ. Въ нынѣшнемъ нашемъ языкѣ выраженіе „лобызая непереставала" безъ дополняющаго неопредѣленнаго (непереста-

[1]) Приунывъ стоитъ палата грановитая, припечаливши косѣвчаты окошѣчка. Барс. прич. 149.

вала что дѣлать?), неимѣло бы смысла, а съ этимъ неопредѣленнымъ
(„лобызая, непереставала плакать“) выражаетъ вовсе не то, что „не-
перестяшеть лобызаючи“. Въ составномъ сказуемомъ стариннаго язы-
ка, напр. „твориться ида v. шьдъ“, значеніе причастій „ида“, шьдъ“,
то, что онъ есть идущій или шедшій, составляетъ содержаніе его при-
творства; признакъ, заключенный въ причастіи, представляется возни-
кающимъ или возникшимъ въ силу энергіи, выражаемой глаголомъ
52 „твориться“; причастіе, согласуемое съ подлежащимъ и такимъ обра-
зомъ несамостоятельное по отношенію къ нему, въ то-же время неса-
мостоятельно и по отношенію къ глаголу въ сказуемомъ. Въ выраже-
ніи нынѣшняго языка „идучи притворяется“ содержаніе дѣепричастія
(идучи) не возникаетъ вмѣстѣ съ дѣятельностью глагола, а только со-
провождаетъ ее („онъ на ходу притворяется“), при чемъ глаголъ тре-
буетъ поясненія (притворяется чѣмъ?). Такимъ образомъ здѣсь дѣепри-
частіе, хотя прямо неимѣетъ связи съ подлежащимъ, а относится къ
нему лишь черезъ посредство глагола, но тѣмъ неменѣе по отношенію
къ этому глаголу болѣе самостоятельно, чѣмъ причастіе въ „твориться
ида“. Другая сторона того же явленія состоитъ въ томъ, что и гла-
голъ здѣсь не вспомогательный, а самостоятельный. Древній языкъ не-
видитъ здѣсь формальной разницы между глаголами въ „ѥсть судя“
и „твориться ида“, принимая оба за вспомогательные. Новые вл.
говоры невозможностью сказать „притворился выпивши“ (въ смыслѣ
„выпившимъ“, или „пьянымъ“) при возможности сказать „былъ выпив-
ши“,—„выпимши“, проводятъ раздѣлительную черту между есть, былъ,
будетъ, будь (б. м. и сталъ, станетъ) съ одной стороны и всѣми
остальными средними глаголами der unvollständigen Aussage съ другой.
Послѣдніе являются гораздо болѣе удаленными отъ прежней своей не-
самостоятельности и вспомогательности, чѣмъ первые. „Есть“, „былъ“
и пр. удерживаютъ здѣсь слѣды несамостоятельности, несмотря на
стремленіе дѣепричастія выдѣлиться изъ сказуемаго. Тотъ книжный
русскій языкъ, въ коемъ вовсе необычны выраженія какъ „былъ вы-
пивши“, въ этомъ случаѣ отличается отъ упомянутыхъ говоровъ боль-
шею чистотою принципа. Тѣмъ самымъ онъ выражаетъ тотъ взглядъ
на дѣепричастіе, по которому оно ни въ какомъ случаѣ неможетъ
53 быть несамостоятельно по отношенію къ сказуемому, т. е. всегда вы-
ражаетъ признакъ, возникшій помимо дѣятельности, обозначенной ска-
зуемымъ.

6. Особо упомяну слѣдующій случай образованія дѣепричастія.

Шлейхеръ (Litauische Gr. 317—8) находитъ своеобразнымъ употреб-
леніе литовскаго причастія прошедшаго дѣйств. въ выраженіяхъ: „sveiks,
tare, mēls į broliau, į musu kampą parėjęs“, Donaleitis, 136, здоровъ,
сказалъ, онъ, милый братъ, въ нашъ уголъ воротившись; sveiks atėjęs,
atkeliavęs, здоровъ пришедши, пріѣхавши (съ дороги); sveiki nauią

metą sulaukę (имен. муж. мн. ч.), здоровы новаго года дождавшись, т. е. поздравляю съ новымъ годомъ; sveiks valgęs, здоровъ ѣвши (на здоровье! привѣтствіе ѣдящему); sveiks geręs (м. ед.), sveiki gerę (м. мн.), sveika gerusi (жен. ед.), sveikos gerusios (жен. мн.), здоровъ (-а -ы) пивши; sveiki klausę, здоровы спросивши, т. е. спасибо, что спросили, именно о здоровьи, и пр.

Для насъ интересъ этихъ выраженій состоитъ въ томъ, что и млр. выраженіе „здоровъ пивъ“, т. е. на здоровье! (обращаясь ко пьющему), заключаетъ въ себѣ отнюдь не причастіе на -лъ (какъ подобное выраженіе „здоровъ бувъ“, „здорова була“, „здорові були“), а дѣепричастіе, происшедшее изъ такого же причастія, какое стоитъ въ литовскомъ, что видно изъ мн. ч. „здорові пивши“ (а не „пили́“). Слѣды такого же оборота видны въ влр. былинномъ стихѣ „здорово женившись, да нѣ съ кѣмъ спать“, въ коемъ изъ согласуемаго прилагательнаго „здоровъ“ вышло нарѣчіе. Вѣроятно, отсюда же, посредствомъ опущенія „здоровъ“, или „здорово“, произошли обычныя влр. поздравленія; „побанившись!“, „разговѣвшись!“, „причастившись!“. Отъ „здоровъ“, „здравъ“ образуется глаголъ: „здравствуй, братецъ свѣтъ, да продавши сестру!“ Шейнъ, Р. н. п. 522. Далѣе, оборотъ, какъ „здоровъ пивъ“ предполагается выраженіями, какъ: „и потомъ бояре и боярини царя и царевну поздравляютъ обручався... вѣнчався“; „царя и царицу поздравляютъ со- 54
четавс́я законнымъ бракомъ“, Котоших. 6, 9. Здѣсь дѣепричастіе не прямо изъ именительнаго, а изъ предполагающаго этотъ им. винительнаго причастія; изъ прилагат. „здоровъ“ въ „здоровъ пивъ“ и подобныхъ привѣтствіяхъ образованъ глаголъ здоровать кому („и посла князь в. П. Я. Захарьина Москвѣ здоровати, что князь великій Псковъ взялъ“, Пск. I, 288: „здороваютъ великому князю послѣ вѣнчанья“, 1526 г.), здоровить кого (т. е. дѣлать кого здоровымъ, говоря ему „здоровъ“, по тому вѣрованью, что въ слушный часъ сказанное слово исполняется; въ этомъ же смыслѣ цѣловати отъ цѣлъ), откуда поздоровлять кого.

Выраженія „sveiks geręs“ и „здоровъ пивъ“ возбуждаютъ два вопроса. Во первыхъ, несомнѣнно, что въ нихъ опущенъ вспомогательный глаголъ, но какая именно его форма, повелительное ли buk (Schl. l. c.), будь, или настоящее (=ѥси), коему въ такомъ случаѣ могъ быть сообщенъ оттѣнокъ желательности, независимо отъ союза, въ родѣ ать, да, и до его появленія? Во вторыхъ, въ какомъ отношеніи находилось здѣсь причастіе къ сказуемому, состоящему изъ прилагательнаго и глагола? Стояло ли причастіе аппозитивно, такъ что разсматриваемые обороты значили: „du, nachdem du getrunken hast, sei gesund“, ты, выпивши, будь здоровъ? Въ такомъ случаѣ мы должны раздѣлить запятою первыя два слова въ „здорово, женившись, да нѣ съ кѣмъ спать“ даже и тогда, когда непредпочтемъ здѣсь объясненія „женившись“

изъ дательныхъ самостоятельныхъ. Или же причастіе въ „здоровъ (будь) пивъ“ входило въ самое сказуемое, которое было при этомъ трехсоставно и означало приблизительно „indem du getrunken hast sei gesund!“. Чтобы дать понятіе о возможности и эффектѣ такой предика-
55 тивности причастія въ нашемъ случаѣ, можно бы указать на вышеприведенное литовское сказуемое „nûtilo gargaliavęs“, замолчалъ хрипѣвъ, которое значитъ въ формальномъ отношеніи вовсе не то, что „похрипѣлъ и замолчалъ“ или „похрипѣвши замолчалъ“. Мнѣ кажется болѣе вѣроятною предикативность причастія въ sveiks geręs между прочимъ и потому, что причастіе здѣсь въ лит. и млр. постпозитивно, между тѣмъ какъ, будучи приложеніемъ, причастіе большею частью выступаетъ впередъ. Если это такъ, то въ млр. „здоровъ пивъ“ мы имѣемъ случай образованія дѣепричастія изъ предикативнаго причастія, стоявшаго не при одномъ глаголѣ существительномъ, какъ въ „былъ выпивши“, а при этомъ глаголѣ съ прилагательнымъ.

7. Вышеприведенными (1—4) примѣрами вовсе неисчерпаны глаголы и сказуемыя, допускающіе сочетаніе съ именительнымъ причастія. При такой неполнотѣ перечисленія врядъ ли возможно охарактеризовать эти глаголы одною какою либо формулою, кромѣ того уже указаннаго выше признака, что всѣ эти глаголы и сказуемыя (сочетанія глагола со страдательнымъ причастіемъ) недопускаютъ прямого объекта въ винительномъ и неимѣютъ вовсе дополненія. Согласно съ этимъ въ случаяхъ, какъ „коньчаша церковь пишуще“ винительный „церковь“ есть дополненіе причастія, а не глагола. Въ виду существующихъ у насъ воззрѣній, слѣдуетъ замѣтить, что какъ всякая форма, такъ и залогъ извѣстнаго глагола, есть одна функція, а не двѣ, или болѣе. Говоря, что „коньчати“ съ причастіемъ въ именительномъ есть глаголъ субъективный и неможетъ дополняться винительнымъ, мы несмущаемся тѣмъ, что „коньчати церковь“ есть глаголъ объективный, ибо послѣднее „коньчати“ отлично въ формальномъ отношеніи отъ перваго.

Биленштейнъ, говоря о разсматриваемомъ здѣсь сочетаніи въ лотышскомъ (Lett. Gr. § 528), впадаетъ въ двѣ ошибки, кромѣ той основной,
56 что считаетъ такое сочетаніе отличительною чертою лотышскаго языка. Во первыхъ, онъ имѣетъ въ виду только глаголы съ возвратнымъ мѣстоименіемъ, тогда какъ въ дѣйствительности есть такія же сочетанія въ лот., лит. и слав. глаголовъ невозвратныхъ, такъ что напр. „твориться ида“, какъ сказуемое, относительно своей сложности совершенно равносильно съ „останеши творя“. Во вторыхъ, въ сочетаніяхъ глаголовъ возвратныхъ, по внѣшнему виду, съ именительнымъ, Биленшт. принимаетъ возвратное мѣстоименіе за такой же винительный прямого объекта, какъ se въ латин. dixit se divitem. По этому онъ находитъ въ лотышскомъ ту странность, что „именной предикатъ объекта“ (=divitem) согласуется не съ объектомъ (se), а съ субъектомъ,

объясняя это тѣмъ, что здѣсь въ лотыш. предикатъ объекта аттрагируется субъектомъ[1]). Въ дѣйствительности здѣсь аттракція со стороны субъекта невозможна потому, что, за отсутствіемъ объекта, нѣ отъ чего отвлекать. Возвратное мѣстоименіе, входящее въ составъ многихъ слав. и литовско-лотышскихъ глаголовъ, давно потеряло падежное значеніе и стало чистымъ знакомъ медіяльности, потомъ страдательности глагола. Во „твориться ида" и т. п. ида неможетъ согласоваться съ ся, потому, что это послѣднее есть не особый членъ предложенія, а знакъ формы другаго члена, почему причастію остается согласоваться лишь съ подлежащимъ. Въ латинскомъ этому соотвѣтствуютъ обороты со вторымъ 57
именительнымъ: nemo doctus nascitur и пр.

Что было въ то отдаленное время, когда сѧ въ творить сѧ имѣло только значеніе винительнаго, объ этомъ трудно сказать что либо опредѣленное; однако невидно надобности принимать первенство въ языкѣ второго винительнаго передъ вторымъ именительнымъ. Первообразомъ оборотовъ, какъ „твориться ида" могъ служить не второй винительный, а второй именительный же при глаголахъ субъективныхъ безъ сѧ.

Въ вышеприведенныхъ примѣрахъ мы видѣли и глаголы съ сѧ, имѣющіе страдательное значеніе: „ако се кто наиде одь чловѣкъ ходе". Согласно съ этимъ и сочетанія причастія страдательнаго съ глаголомъ вновь могутъ сочетаться съ именительнымъ (примѣрно: „аще кто обрѣтенъ бѫдеть ходѧ" или, „дроузии видими сѫть имѫште прѣгрѣшения"), образуя вдвойнѣ сложное сказуемое.

Сочетаніе прилагательнаго въ именительномъ (второмъ) съ глаголами, кромѣ ѥсмь, бѣхъ и пр.

1. а) Съ творитися, познатися, видѣтися, слышатися, мьнѣтися, явитися и т. п. и съ соотвѣтственными страдательными оборотами:

да не ъътори (deteriores) явимъ сѧ мѫченикомъ Христовомъ, Supr. 46; грубъ сы и невѣжа, прѣмудрѣи философъ (род. мн.) явися, Жит. Ѳеодос. Уч. зап. II, 189;

Немоштьнъ мнимъ бѣ приѥмьѧи чьсть отъ аггелъ, Supr. 367.

Изяславъ передъ вами нетвориться правъ (=невыдаетъ себя за праваго), но кланяеться и милости ваю хочеть, Ип. 48 (273—4).

А Срацини—отъ Измаила, творяться Сарини, и прозваша имена собѣ „Саракыне", рекше Сарини есмы, Лавр. 99.

[1]) Нерѣдко, говоритъ онъ далѣе, (кромѣ причастія) мѣстоименіе pats, самъ, аттрагируется субъектомъ, между тѣмъ какъ въ нѣмецкомъ оно, по видимому, относится къ объекту; papriksz taisnůjis pats, tad aizbildini cittus, zuerst rechtfertige dich selbst, dann entschuldige andere" (ib. anm. 2). Здѣсь простое сопоставленіе съ русскимъ „сначала оправдайся самъ" показываетъ, что именительный pats, самъ, вполнѣ на своемъ мѣстѣ, какъ подлежащее, или, въ случаѣ „ты самъ", „я самъ",—какъ опредѣленіе подлежащаго.

И ко представленію своему въ болѣзни тяжцѣ познася худъ, Ип. 135 (442), почувствовалъ, сознаіъ, что плохъ.

И убужься отъ сна, видѣся здравъ, Срезн. Ск. о Бор. и Гл. 73; убужь же ся, видѣся простъ отъ оковъ, ib. 82.

Мы неслышимъся ни въ чомъ винни передъ тобою, 1501—3, Ак. З. Р. I, 234, несознаемъ себя виноватыми.

58 б) Съ наречися, прозватися, именоватися, слути, сказатися и т. п. и соотвѣтственными страдательными.

Иже бо разорить ѥдинѫ заповѣдии сихъ малꙑихъ... мьнии наречетьсѧ въ цѣсарьствии нѣбесьнѣѥмь, а иже сътворить... сь великъ наречетьсѧ, О. е. Мат. 5,19.

Угри прогнаша Волъхи и наслѣдиша землю;... оттолѣ прозвася земля Угорьска, Лавр. 11,=прозвалась Угорскою. Симъ бо первое преложены книгы Моравѣ, яже прозвася грамота словѣньская, Лавр. 11.

Изверже й (Перуна) вѣтръ на рѣнь, и оттолѣ прослу перуня рѣнь, Лавр. 50 (114).

Въ Понетьское море, ѥже море словеть Руское, ib. 3.

Кто въ чемъ скажется виноватъ, то на немъ взяти. Судеб. 1550 Ак. Ист. I, 225.

в) Съ глаголами=fieri и со страдательными сказуемыми отъ глаголовъ, требующихъ второго винительнаго; съ гл.=manere.

Адамъ бо пръвъ създанъ бысть, потомъ Евга, Supr. 368.

И слѣпъ родисѧ, Mikl. Gr. IV, 136—9.

И утврьдисѧ рѫка ѥго съдрава, О. е. Марк. 3, 5, ἀποκατεστάθη ἡ χεὶρ αὐτοῦ ὑγιής, restituta est manus ejus sana.

Се оставляѥтьсѧ вамъ домъ вашь пустъ, ib. Мат. 23, 39.

Которые поддьякы малы поставлены, неженаты, тѣмъ.. XV в. Ак. Ист. I, 146, ср. которые попы и дьяконы ново поставлены.. и они.. XVI в. ib. I, 278; въ болѣе древнемъ языкѣ могло бы быть нови поставлени

Пребысть алченъ и жаденъ, Лавр. 77.

г) Съ глаголами вещественнаго движенія и покоя:

Поклонився, напишеть крестъ на земли и цѣлуеть, и, вставъ простъ, станеть на немъ ногами, Лавр. 49.

Въста мой снопь правь (ὀρθώθη), Быт. 37,7, Mikl. V. Gr. IV 16, 137—9.

И поиде Святославъ ко граду, воюя и грады разбивая, яже стоять и до днешняго дне пусты, Лавр. 30 (т. е. пусти).

59 Въ лѣто 6651 стояше вся осенина дъждева, Новг. I, 9.

Стояше крѣпокъ въ пѣньи, донде же отпояху утренюю, Лавр. 82.

Нищь же бѣ етеръ именемъ Лазарь, иже лежааше при вратѣхъ ѥго гноинъ, О. е. Лук. 16, 20. Ту есть мѣсто знать, идѣ же Христосъ Богъ нашъ лежалъ дѣтескъ съ матерію, Дан. Пал.

Угре же лежахуть пьяни, яко мертви. Ип. 65 (305).

Нѣмъ и глухъ лежа за два лѣта, Лавр. 83.

И паде мертвъ. Л. 78. Клиросъ вьсь съ людьми падоша ници, Новг. I, 4; тоже согласуемое прил. при лежати, поклонитисѧ см. Mikl. Lex. ниць. И паде възнакъ, паду (3 л. мн. аор.) възнаци ἀπῆλθον ὕπτιοι, Mikl. Lex. възнакъ, накъ.

Возмуть на ся прутье младое, бьють ся сами и того ся добьють, кгда влѣзуть (вылѣзуть?) ли живи, Лавр. 4.

Сами истопоша и товаръ, а друзіи вылѣзоша, нъ нази, а и въ домы (=ы) придоша здорови, Новг. I, 6.

Сами придоша на Лукы здорови вьси, ib. 25.

И повѣдаша Ользѣ, яко Деревляне придоша, и возва е (=ѥ=я) Ольга къ собѣ: „добри, гостье, придоша!". И рѣша Деревляне: „придохомъ, княгине", Лавр. 24. Сомнительно, чтобы Ольга хотѣла сказать, что вотъ, молъ, хорошіе гости пришли, при чемъ добри было бы опредѣлительнымъ подлежащаго. Вѣроятнѣе, что „добри придоша", какъ составное сказуемое, есть такое же привѣтствіе („а, гости, добро пожаловать!") какъ болѣе позднее, по характеру, выраженіе съ нарѣчіемъ „добрѣ придоша" и какъ серб. добро дошао, добро дошли.

Оставь намъ Ляхы, а самъ поиди миренъ изъ землѣ нашеѣ, Ип. 186 (538).

Сы—ночи (ы? синошти, сьношти Mikl. Lex.; серб. синоћ) былъ веселъ 60
съ своею дружиною и шелъ спать здоровъ, Ип. 75 (325).

Мнози пѣши придоша съ тоѣ войны, Ип. [2] 338. Иде пѣшь 11 денъ до города Донця, Ип. [2] 438. Св. Богородица... вставши шла пѣша до вертепа, Дан. Пал. Телебуга выйде пѣшь со своею женою об одной кобылѣ, посрамленъ отъ Бога, Ип. [2], 587.

Пришли бо бяху высокомысляще, а смирении отъидоша въ домы своя, Ип. 110 (392).

д) Съ разными другими средними глаголами:

Мьстиславъ Ростиславичь преставися унъ, Ип. [2] (414).

Отчи наши билися на Кулачьскѣ пѣши, Новг. I.

2. Въ болѣе позднемъ в. русскомъ языкѣ сравни:

б) потому та улица пустая слыла, что межь огородовъ, а дворовъ на ней небыло, Пск. I, 288.

г) та вотчина лежитъ пуста, 1609, Доп. къ Ак. Ист. I, 275; Настасья мёртва лёжитъ, Пам. и обр. 378; король одва живъ лёжитъ, ib. 375.

Только язъ Владимеръ одинъ холостъ хожу, ib. 372; идетъ (добрый молодецъ) веселъ некручиноватъ, О горѣ злоч., ib. 405; молодецъ пошелъ пѣшъ дорогою, ib. 411; Я тонка иду, горюша, какъ тесёмочка, Зелена иду, побѣдна, какъ травиночка, Барс. Прич. I, 80.

N угрюмъ ходитъ (Шейнъ в. п. п. 469), убитъ лежитъ; Аль я на тебѣ (конь) тяжелъ сижу? Варенц. 198.

61 Молодецъ на пиру невеселъ сѣдитъ, кручиноватъ, скорбенъ нерадостенъ, ib. 405.

Ты (Донъ) быстёръ бѣжишь всё чистёхонекъ, Кирѣев. 8,88; что мутенъ течешь (Донъ).

Всѣ кузни исходилъ а некованъ воротился, Даль, Посл.

в) Пошелъ=сталъ:

Нонь народушко пошелъ такой безсовѣстной,
Холостыи мужики пошли балованы,
Безотніи сыны да самовольныи,
Вдовины дити да неунемныи, Барс. Прич. I, 179.

Ино зло племя человѣческо:
Въ началѣ пошло непокорливо,
Къ отцову ученію зазорчиво,
Къ своей матери непокорливо,
А къ совѣтному другу обманчиво,
А се роди пошли слабы, добрѣ убожливы,
О горѣ злоч., Пам. и Обр. 401.

Ты чиномъ-то своимъ невозвышайся-тко: Едины (=одинаковыми) да всѣ у Бога люди созданы, Барс. Прич. I, 285.

Я малешенекъ у матушки родился,
Я глупешенекъ у матушки женился, Шейнъ 6 п. п. 151;

Одна лишь дѣвушка сидитъ безъ парня,
„Зародилась горька несчастна,
„Несчастна, молъ, она безталанна, ib. 289;

Ты родись, моя капуста, и бѣла, и вила, и со тыномъ ровна, ib. 405, неродись ни хорошъ, ни пригожъ, а родись счастливъ, ib.; родился малъ, выросъ пьянъ, умеръ старъ: совсѣмъ свѣта невидалъ, посл. Ты рости, рости, ленокъ, тонокъ, дологъ и высокъ... Что внизъ коренистъ, а вверхъ сѣмянистъ, ib. 146.

И набаются-то добры про нихъ (сиротъ) людушки,
Што вѣдь вольныи дѣти, безуненныи (=безуемныя),
Нехрабры да сыновья ростутъ безотніи,
Некрасны слывутъ дочери у матушки, Барс. Прич. I, 2, 171;

Живутъ ласковы словечушки обманчивы,
И прелестной (льстивый) разговоръ ихъ да надсмѣчливой, ib. 22.

Пролитое полно неживетъ; деньга покатна живетъ; кто пива непьетъ, тотъ пьянъ неживетъ; человѣкъ двою глупъ живетъ: старъ да малъ (Даль).

Буде (=если) жизнь да долговѣка моя продлится,
Душа грѣшная моя да проволочится... Барс. Прич. I, 33.

3. Въ числѣ глаголовъ, т. о. сочетаемыхъ съ прилагательными, ненаходимъ глаголовъ душевнаго движенія (радоваться, сжалиться) и глаголовъ со знач. перестать, кончить, которые мы видѣли въ сочетаніи съ причастіями. Это не случайно, но зависитъ отъ меньшей предикативности прилагательнаго сравнительно съ причастіемъ. Эта предикативность можетъ быть въ извѣстныхъ случаяхъ увеличена присоединеніемъ къ прилагательному связки: нельзя сказать „прѣста живъ", но можно: „прѣста быти живъ".

4. Особаго разсмотрѣнія требуютъ нѣкоторые случаи:

α) Мѣстоим. такъ (таковъ): Изяславъ же рече: „князь есмь!", и единъ отъ нихъ рече: „а такъ ны еси и надобѣ", и вынь за мечь свои и нача и́ сѣчи по шелому, Ип. 64 (303).

Такъ какъ мы говоримъ „и былъ таковъ" (ушелъ), „родился, умеръ таковъ", то и въ настоящемъ случаѣ такъ=таковъ (таковъ (ты) и нуженъ т. е. такого-то, именно князя-то, намъ и нужно) должно раз- 62
сматривать какъ часть сказуемаго.

Ср. мр. як побачивъ таку панночку, що нетілки що зроду небачив такоï, та вона ёму и неснылась така (=такою), то аж задрижав, Квитка, Конот. Відь; ласо ïсть, на мъякому спить, та така виходилася, що молодиця хочь куди; id. Парх. Сн.; вр. посмотрите какова я нарядилася, Новг. Колос. Зам. I, 58. Подобнымъ образомъ входитъ въ составъ сказуемаго и мр. який, вр. каковъ: який (N) уродився, такий и згине и т. п., гдѣ предикативность мѣстоименія видна изъ позднѣйшей замѣны творительнымъ вр. каков родился=каким родился...

Вр. каковъ, таковъ, какой, такой, мр. який, такий, входятъ въ такія составныя сказуемыя, какъ вышеприведенныя, уже заключающія въ себѣ прилагательныя качественныя: „у Грекъ, хоть самъ издохнетъ, а на волю (невольника) непуститъ: таковы Греки милостивы! Пут. Лукьян. 43; а земля около Нила ровная, хоть яйцо покати, такова гладка, ib. 53; незнаю даже я, каковъ тяжелъ челнокъ, Крыл.; посмотримъ, на зубахъ каковъ-то будешъ вкусенъ, „(она) сидѣла (и т. п.) такая печальная", какая печальная сидѣла она, мр. „N встала така смутна", „яка смутна встала N". Такъ было, и отчасти и есть и въ другихъ славян. нар. и литов.-лотышскомъ. Какой, мр. який и пр. стоитъ въ этихъ случаяхъ, какъ аттрибутъ предикативнаго аттрибута, тяготѣя черезъ этотъ послѣдній къ предикативной связкѣ (глаголу), а черезъ нее уже къ субъекту. Въ болѣе позднемъ наслоеніи языка согласуемый аттрибутъ замѣняется здѣсь, кромѣ упомянутаго выше творит. п., нарѣчіемъ (врусс. такъ, какъ, мр, так, як, изъ тако, како, яко): вр. она так хороша (so schön), что..; но въ мр. еще „така гарна" и т. п.; однако ср.: „єй же так, сказала Галочка, слухаючи такі батькові речи, що ій здавалися так (=здавались такі), неначе хто па гусли ïй грае", Квит. Щи-

ра Люб.; Ой дворе ж мій, дворе, як (=яке) же ми тепер горе! (свад. п. Зап. ч. Подоль г.). Въ отличіе отъ русс. гдѣ нарѣчіе какъ, каково, як, яково, только при прилагат. (какъ печаленъ) или глаг. кромѣ -ѥс- („каково поживаешъ?" что предполагаетъ „каковъ поживаешь?") въ слѣд. болг.. послов. нарѣчіе—при ѥс-: недѣй да речéш, каквó съм, а каквó щѫ да съм" .(Пам. и Обр. 138), неговори, каков я (есть), а каковъ буду.

β) Въ той же функціи, какъ выше таковъ и пр. могло стоять въ трехсоставномъ сказуемомъ другое качественное прилагательное:

Придоша... воеводы и вси вои добры здоровы (т. е. добри-здорови), гдѣ 1-е—аттрибутъ второго=воротились совершенно здовые, въ добромъ здоровьи, Новг. I, 100.

„Язъ поѣхалъ отъ господаря своего его милости, а онъ добръ здоровъ" 1538, А. З. Р. II 252.

Володимеръ язвенъ-труденъ въѣха въ городъ свой, Ип. [2], 436, т. е. не „раненный и больной", а, несмотря на порядокъ словъ, „тяжело раненный", въ смыслѣ „труденъ-язвенъ". Ср. относительно порядка словъ: „тоя же веснѣ бысть вода велика силна (т. е. сильна-велика =сильно велика)... за много лѣтъ небывала такова вода, Пек. I, 134.

Грузна больна (=тяжко б.) бѣлая лебедушка, Барс. Прич. I, 115. Ср. Серб. „један пут ја мртав гладан дођем пред једну кућу, Кар. Прип., т. е. мертво (до смерти) голодный.

Стоитъ чара золота полна меду налита, Шейнъ Р. н. п. 451, какъ и въ мр. „в коморах, що посеред двора стояли насипані повні вівсом и всяким борошном", Квит.

γ) Могло бы показаться, что мѣстоименія одинъ, самъ, сложныя съ послѣднимъ самъ-другъ, самъ пятъ и пр., и прилагательныя правъ, радъ при глаголахъ среднихъ входятъ въ составъ сказуемаго; однако, быть можетъ, отъ этой мысли слѣдуетъ отказаться, въ виду того, что такимъ же образомъ употребляются эти слова и при глаголахъ транзитивныхъ.

Въ „аще вы сего укора не жаль, азъ единъ погыну", Лавр. 62, единъ могло бы разсматриваться какъ предикативн. аттрибутъ одного образца съ „преставися унъ"; но это слово оказывается опредѣленіемъ подлежащаго (азъ ѥдинъ) въ виду того, что оно стоитъ и при дѣйств. гл. „хочю прияти" въ слѣд.: „како азъ хочю инъ законъ прияти единъ? а дружина сему смѣятися начнуть, Лавр. 27. Въ нынѣшнихъ выраженіяхъ: „я одинъ это сдѣлаю", „я самъ это сдѣлаю", „я это сдѣлаю самъ", „сдѣлаю самъ другъ, самъ третей" объективность глагола указываетъ на невозможность составного сказуемаго.

Одинаково съ одинъ должно быть опредѣлено и правъ (конечно прилагательное, а не нарѣчіе=ὀρθῶς, recte) въ правъ отъвѣща, О. ев. Лук. 10, 28, правъ сѫдилъ ѥси, ib. Лук. 7, 44, и радъ, стоящее

въ старинномъ языкѣ при глаголѣ всякаго залога и наклоненія: ради даемъ медомъ и скорою, Лавр. 25; послушаю радъ, ib. 37; они же шедше ради снискаша, ib. 55; аче ны ся и съ дѣтьми бити за тя, а ради ся бьемъ за тя, Ип. 82 (339); пошли къ намъ жито продаятъ, а мы ради купимъ; чего восхочешь, а мы ради дамы, ib. 208; Левъ радъ поиде съ Татары, ib.; мы быхомъ тобѣ ради помоглѣ (=и), но обидить ны стрый свой Межька, ib. 146. Ср. польск. radži widzą, słyszą, rad uczynię, radniejszy bym umarł; чеш. rád učiním, rad bych šel; латин. volens, nolens, libens, invitus faciam. Въ нынѣшнихъ русскихъ говорахъ 63
хотя и встрѣчается еще радъ съ изъявительнымъ (млр. ради слухаемъ, Метл. 137), но повидимому обычнѣе съ условнымъ: млр. ой рад би я, матусенько, скорійше вернувся, так же кінь мій вороненький в воротіхъ спіткнувся (н. п.); влр. радъ бы я, осударь, женился, да нѣгдѣ взять, Кир. 3. 20, я бы радъ бы выступилъ, воля не моя, Калики 54; и рада бъ нешла (курочка на пиръ), да за хохолъ тащатъ, Даль; ужъ я рада бы неплакала; ужъ я рада бы съ тобою говорила, Бусл. Гр. § 227, Пр. 4.

Нынѣшній литер. русскій яз. относится къ приведеннымъ здѣсь прилагательнымъ и мѣстоименіямъ различно. На мѣстѣ правъ и радъ онъ ставитъ нарѣчія право, справедливо, охотно, подобно тому какъ на мѣстѣ прилагательнаго въ сказуемомъ онъ въ иныхъ случаяхъ можетъ поставить нарѣчіе, о чемъ ниже. Такимъ образомъ, чѣмъ бы ни были эти прилагательныя въ древнемъ языкѣ, предикативнымъ аттрибутомъ, или непосредственнымъ аттриб. подлежащаго, въ новомъ лит. яз. они тяготѣютъ къ сказуемому. Напротивъ, мѣстоименія самъ и одинъ постоянно остаются въ именительномъ. Впрочемъ, можетъ быть роль ихъ различна, несмотря на неизмѣнность именительнаго, но смотря по качеству глагола и по мѣсту, занимаемому мѣстоименіемъ. Можетъ б., въ „онъ пришелъ самъ“, „онъ пришелъ одинъ“ мы имѣемъ такое же составное сказуемое, какъ въ стар.—„приидоша пѣши“, „падоша ници“ и въ новомъ—„онъ пришелъ первый, послѣдній“ (=первымъ, послѣднимъ), а въ „онъ одинъ (онъ самъ, онъ первый) пришелъ“—прямое опредѣленіе подлежащаго; при глаголѣ же дѣйствительномъ, каковъ бы нибылъ порядокъ словъ (т. е. „онъ самъ (онъ одинъ) рѣшилъ задачу“, или „онъ рѣшилъ ее самъ“) мѣстоименіе невходитъ въ сказуемое.

Самъ-другъ и т. п. (лит. patis aszmas, нѣм. selbe ander, selbander, гр. *τρίτος αὐτός*, скр. âтма панчамас, см. Mikl. Gr. IV, 67—9) діалектически теряетъ согласуемость и переходитъ въ нарѣчіе, на пр. вр. „Я иду, бѣдна горюшиця, Сам-другъ иду со обидушкой, Сам-третей да со кручинушкой (т. е. сама, обида да кручина, и того трое), Барсовъ, Прич. I, 53; польск. przyszła matka Boža samotrzeć (Linde s. v. Mikl. l. c.).

б) О замѣнѣ прилагательнаго нарѣчіемъ умѣстно говорить какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ, ибо нарѣчіе изъ прилагательнаго, какъ и дѣепричастіе изъ причастія, замѣщаетъ какъ именительный такъ и косвенные падежи; но коснувшись здѣсь этого вопроса, отмѣчу три рода нарѣчій изъ прилагательныхъ.

а) Сравнительно-рѣдко нарѣчіе прямо образуется отъ согласуемаго именительнаго пад. прилагательнаго, безъ посредства средняго рода или особаго окончанія нарѣчій на -ь ,-ѣ. Несомнѣнный случай этого рода— лит. нар. rods, изъ именит. ед. м. р. (см. выше стр. 121—2). Сюда же б. м. вр. ницъ (пала, легла ницъ, лежать ницъ), хотя здѣсь возможно совпаденіе именит. м. р. прилагат. ниць (см. выше, а также: „овъ колѣнома лице покрываше, а дроугыи ниць задьхнѣашеся, Supr. 353) и нарѣчія на -ь, какъ цсл. стрьмоглавь. Вр. (заимств. изъ цсл.) „упалъ, упасть стремглавъ“ можетъ быть выводимо и изъ упомянутаго нарѣчія на -ь, и изъ прилагат. стрьмоглавъ. Въ мр. нарѣчіе горіниць, долініць. Сюда (если не изъ пѣше) нар. пѣшь: и отъ того камени вѣставши, шла пѣшь до вертепа святого, Хожд. Дан. Иг. (ed. Нор.) 79; „Псковичи побѣгоша и прибѣгоша ко Пскову пѣшь“, Пск. II, П. с. Р. л. V, 20, подъ 1407. (Неясна форма пѣши: „за спасибо кумъ пѣши въ Москву сходилъ“, Даль II. 120; Нужда изъ Сызрани въ Москву пѣши шла, ib. 69). Вр. сам-другъ и пр., о которыхъ выше. Польск. нар. samopas (koń się samopas pasie, т. е. безъ надзора, безъ пастуха; ludzie samopas chodzą, Linde) предполагаетъ имен. ед. м. („poczekaj że, panie samopasie! ib); pustopas (trzeba... na pieczy mieć... ty czasy swoje (жизнь), aby swowolnie niebujały, aby pustopas, jako bydło w jesieni, wolno niebiegały, Rej. См. также Linde s. v.).

б) Нарѣчіе на -ѣ (=литов. -ai, ei), позднѣе въ русс. вытѣсняемое нарѣчіемъ на -о, -е, уже въ древнемъ языкѣ встрѣчается на мѣстѣ именительнаго входящаго въ сказуемое: ср. добръ приде (см. выше) и „начатъ цѣловати мя и рече ми: „добрѣ приде, брате сыну Нифонте! Отселѣ будеши с нами неразлучно (=-ьнъ). Ип.², 332; „иде ис Путивля на Сѣвско и на Болдыжь, простѣ бо бѣ ему путь Корачеву, Ип. ², 238 (=простъ путь, свободенъ); въ другомъ смыслѣ нар. простѣ (=просто, рѣшительно все) могло бы стать на мѣстѣ прилагательнаго въ слѣдующемъ: „И башни, и роскаты, и врата градцкіе, всѣ просты выгорѣли (позднѣе—все просто выгорѣло), „зеліе и оружіе, все сгорѣло“. Пск. I, 325. Ср. съ одной стороны цсл. азъ необиноуꙗся глаголаахъ всемоу мироу, Io. 18, 20; и се необиноуꙗся глаголеть Io. 7, 26; необиноуꙗся о отьци възвѣщѫ вамъ, Io, 16, 25 (О. е.), а съ другой литов. гдѣ здѣсь нарѣчія: asz drąsey atwiray swėtui kałbėjau; ir sztay drąsey kałba; aiszkiej apė sawą tėwą jums apsakysiu.

в) Тоже уже въ древнемъ языкѣ появляется нарѣчіе на -о (им. вин. сред. р.), на мѣстѣ согласуемыхъ падежей: „Печенѣзи... побѣгоша раз-

но отъ града, Лавр. [2] 65; оправи насъ, абыхомъ былѣ вси Ляхове не-разно, но за одинемь быхомъ щитомъ былѣ, Ип. [2], 461. Позднѣе кругъ употребленія этого нарѣчія расширяется: обязательно оно въ случаяхъ β): зима... снѣжна была сильно, Пск. I, 237 (ib. вода велика сильна); Французъ былъ мертво пьянъ (Пушк.), а не „мертвъ пьянъ". Менѣе обязательно въ двухсоставномъ сказуемомъ („напился пьянъ"): Хо̀дишь въ царевъ кабакъ, Пьяно напиваешься, Шейнъ, Р. н. п. 312; милый пьянешенько напивается, ib. 318; говорятъ, что я имъ солоно пришелся (Гог.) вм. уже необычнаго солонъ пришелся; „захворалъ у меня товарищъ N а лежалъ три дни трудно сильно, Пут. Лукьян. 48 (ср. выше въ Ип. л. язвенъ труденъ въѣха..). Вообще граница обязательности этого нарѣчія на мѣстѣ согласуемыхъ падежей измѣнчива: „И прислаша во Псковъ.. съ Москвы добрыхъ людей гостей тамгу уставливати ново, Пск. I, 288 (древнѣе было бы „нову", безразлично по отношенію къ различаемымъ значеніямъ (уставливать тамгу новую и вновь, заново); захочу я нынь, Добрынюшку цѣло сожру, Гильф. Б. 30 (цѣлаго, всего, цѣликомъ); небезчествуй, чадо, богата и убога, а имѣй всѣхъ равно, по единому, О горѣ и злоч. Въ мр.: якійсь капѣтанъ секту в'счалъ, же живо люде въ огнь на спаленния ишли (=живы шли), Лѣт. Самовид. 132; князь Ромодановскій з тогобою здорово (=здоровъ) увойшолъ, а князя Пожарского живо (=живого, живымъ) поймано ib. 58; (гетмана Ив. Самойловича и сыновъ) якъ якіе злочинцѣ (вин.) з безчестіемъ па Москву голо (голыи, голыхъ, голыми) попровexamено, ib. 170; кажемъ... ажъ бы есте конно а збройно тамъ на тотъ рокъ были, 1514, Ак. З. в. II, 114. Въ польскомъ уже съ XV в. замѣтно употребленіе такого нарѣчія въ случаяхъ гдѣ въ русскомъ до нынѣ прилагательное согласуемое, или стоящее въ творительномъ: Sąndza tego-to Hermana oth tego gabanya (=иска) proszno (=prožno, свободнымъ) uczinyl, 1449, Ks. Ust. 44; Gdyž jest koli przyszedł czas owcam kotno być (быть сукотнымъ, сукотными), Bibl. Zof. 34 (Gen. 31); snadź by mie był nago (нагою, нагимъ) od siebie puścił, ib. 35; nago sypiają, tak jak matka porodziła.. i koszulę zdejmują.. dopiero tak nago.. w owę szafę wchodzą spać, Pam. Paska, ed. Węcl. 21; on już nago (нагой голый) leży, ib. 105; umarł hetman polny Sieniawski, który już też był choro (=больной) wybrał się na tamtą expedycyą ib. 384; kozacy potłukli coś Turków... cało (=цѣлые невредимые) do swych uszli, Pam. o wypr. Chocim. ed. Ż. Paul. 149; fontanna haremu... dotąd stoi cało, Mick.; młodo (=молодой, молодымъ) zaczął wspaniałe swoje panowanie, młodo skończył, Krasic.; ach bierzcie wozy, ach bierzcie dostatek, tylko puszczajcie nas zdrowo (=здоровыхъ, здоровыми, по здорову), Mick; wojsko też z pod Malborga... powracało... tylko spojrzawszy, znać było, że kiedy chudo, ubogo boso, pieszo, to Malborczykowie; kiedy zaś konno, orężno, odziano i dostatnio, to Duńczyko-

wie, albo, jak nas nazywali, Czarnieczczykowie, Pam. Paska 79; tam samę starszyznę cięto wtenczas, co to strojno, konno, ib. 106; strojno na tamto miejsce, konno i rzędno pzyjechawszy, poszli do domu piechotą i prawie nago, ib. 261. Встрѣчаются нарѣчія не изъ предикативныхъ, согласуемыхъ падежей, какъ выше, а изъ области дополненія: jeść zimno (=na zimno) ѣсть холодное; jeść sucho (=suszyć) ѣсть сухое, быть на сухояденіи; rano na sniadanie skosztowawszy z garnuszka piwa z sérem ciepło, Krasic (=na ciepło, теплаго пива или пива тёплымъ).

5. Возвращаясь къ случаямъ составного сказуемаго, думаю, что чѣмъ
64 дальше подвигаться въ древность славянскаго языка, тѣмъ чаще должны встрѣчаться обороты, какъ „ста простъ“, „падоша ници“, съ прилагательнымъ въ именительномъ на мѣстѣ позднѣйшаго нарѣчія, какъ „прямо“, „ницъ“, Пособіемъ для возсозданія такого употребленія прилагательныхъ въ древне-славянскомъ и дославянскомъ языкѣ, кромѣ заключенія отъ наличныхъ свидѣтельствъ слав. нарѣчій, служитъ сравненіе со сродными языками. Ср. на пр. греч. (гомер.) *οἳ δὲ πανημέριοι μολπῇ θεὸν ἱλάσκοντο*, Il. I, 472 (вседневные, т. е. весь день ублажали Бога); *εὗδον παννύχιοι* (спали всеночные, т. е. всю ночь); *ἀντίοι ἔσταν*, встрѣчные (т. е. на встрѣчу) вышли; *ἕζετ' Ὀδυσῆος ἐναντίη*, сѣла противъ (сл. противная) Одисея; *νήποινοι ὄλοισθε* (Од. I, 380), безплатные (=безъ отмщенья) можете погибнуть; *πάντες κ' ὠκύμοροί τε γεννοίατο πικρόγαμοί τε* (Од. I 266), всѣ бы они (женихи) стали быстродольны (постигла бы ихъ скорая смертная участь) и горькобрачны, и мн. др. Латинскіе обороты: serus (=поздно) abi, N se matutinus (=рано) agebat, N nocturnus (ночью) venit, occultus (тайно, скрытно) obambulabat, frequens (=часто), rarus (=рѣдко), salvus (=здорово, по здорову) venit, quietus (=спокойно) dormiebat. Въ стар.-нѣм. нарѣчіяхъ ср. прилагат. въ ед. ч. муж. и ср. р., рѣдко женскаго, при такихъ же глаголахъ, какъ въ славянскомъ: др.-вн. er gât mitter (i medius, посерединѣ), bidurnter (spinis circumdatus); ср. также сред.-вн. er liget tôter (=лежитъ мертвый), gât blôzer (идетъ голый), тамъ гдѣ въ новомъ ср.-вн. необходима форма прилагательнаго, лишенная флексій (Grim. D. Gr. IV, 493, 591—4).

Въ литовскомъ и лотышскомъ можно оставить въ сторонѣ множество случаевъ, гдѣ прилаг. въ именит. п. стоитъ тамъ же, гдѣ и въ слав. именительный, потомъ творительный, останавливаясь только на случаяхъ различія, напр.

Въ лит. при iszweizdmi, iszweizdėti, казаться, смотрѣть чѣмъ, или, какъ нѣкоторые на польско-нѣмец. ладъ говорятъ, выглядѣть, стоитъ прилагательное, но въ польск. при wyglądać если не дополненіе, то нарѣчіе: jis gražus, baisus, sweiks, iszsiweizd, кажется красивъ, страшенъ, здоровъ, польск. wygląda pięknie etc; kits toks dywins iszweizdejo, Schl. Leseb. 199, другой казался такой странный, польск. tak

(нар.) dziwnie wyglądał; koks tu iszweizdi? ne toks iszsiweizd, букв. ка-
кой ты выгдядываешь (пол. jak ty wyglądasz), нетакой онъ выгляды- 65
ваетъ, т. е. не такъ, не тѣмъ онъ смотритъ, не на то похожъ
Kurschat Wb.

При (pa-si)likti не только „merga gyva iszliks“, дѣвица жива останется, но и „nepasilik naktwins ant plynû laukû“, Царей II, 17, 11, букв. неоставайся ночной (на-ночь, черезъ ночь) въ чистомъ полѣ.

Keliak (=keliauk) sveiks toliaus Schl. Les. 218, серб. путуј здрав, ступай здоровъ дальше, какъ млр. „иди, синку, здоров до дому“, идітъ здорові“, съ чѣмъ ср. влр. нарѣчія „по-добру, по-здорову“.

O ir tu ką weiki, ar sweiks, ar druts dar medžoji? Donaleit. 135, а ты что подѣлываешь, здоровъ ли, крѣпокъ ли охотишься,—выраженіе теперь невозможное въ русскомъ.

Въ лотышскомъ: балта зѣд âбелите, Спрог. 40, бѣла цвѣтетъ яблонька, т. е. бѣло, бѣлымъ цвѣтомъ.

Смілга купла аура, ib. 55, метелка (растеніе) пушиста растетъ.

Кау эс яуна номірусі! ib. 217, еслибъ я молода умерла, т. е. молодою, съ молоду.

Мейта грâзна гâя, ib. 40, дѣвица горда ходитъ (ходила).

Galds tîrs ja-tur, Biel. Let. Gr. § 493 столъ чистъ долженъ имѣться, т. е. долженъ быть держимъ чисто. Ср. у Грибоѣдова „куда какъ чуденъ созданъ свѣтъ“, между тѣмъ какъ мы скажемъ „чудно“.

6. Въ древнемъ языкѣ всякое прилагательное въ сказуемомъ, будетъ
ли при немъ гл. ѥс-, бы-, или другой, стояло въ именной формѣ. Въ
области русскаго языка это свойство наиболѣе сохраняется великорус-
скою народною поэзіею, между тѣмъ какъ наиболѣе отступаетъ отъ
него малорусское нарѣчіе. Хотя и не вслѣдствіе заимствованія, но по-
добно тому, какъ въ новомъ польскомъ сравнительно немногія безчлен- 66
ныя прилагательныя (jak legł, tak wstał niekontent, Krasic.; См. Mikl.
V. Gr. IV, 139) теряются въ составляющихъ правило членныхъ; и въ
малорусскомъ просторѣчіи безчленное прилагательное вообще, а въ
частности—въ разсматриваемомъ сочетаніи, довольно рѣдко: „Борей недуж лежав“, Котл.; знае Господин, хто чого годен, посл.; жив, здоров, винен и нѣкот. др. Архаичны пѣсенные обороты, какъ „ой гаю, гаю, чом ти нешумиш, чом ти нешумиш, чому тих стоіш“ (=тихій, тихо). Слѣдуетъ также замѣтить, что въ жен. родѣ млр. прилагательное имѣетъ большею частью лишь видъ безчленнаго, будучи въ самомъ дѣлѣ стяженнымъ. Это доказывается, во-первыхъ, сравненіемъ съ мужескимъ и сред. родомъ, гдѣ необходима членная форма; сравн. напр. „другий же братъ.. вищий од верстви здавався, Котл. (но „здавалась вища“); він здавався и нікчемний, та був разумний и непевний, ib. (но „здавалась нікчемна, булá розумна“); о жизнь, бурливе море, хто цілий на тобі зостався, ib. (но зосталась ціла); як пbabбі-

хав, та побачив се диво, то так ёму рот роззявлений и зостався, Квіт. (но „губа роззявлена зосталась“); смутни́й-невесе́лий сидів (лежав, ходив, встав и т. п.) пан сотник, Кв. (въ сред. родѣ смутне́=оє), но въ жен. „Чого світлонька та новесенька, чого стоїш темнесенька? Чого Маруся молодесенька, чого сидиш смутнесенька?“ Метл. 220); иде милий з корчми пьяный, Кост. 285, пили́ до ночи та гуляли та пьяни (=ыє) спаты полягали, Котл. (но „иде пьяна“; „а правда наша пьяна спить“, Шевч.); такъ пусто в селі, хоч голий біжи, Ном. 39, (но „гола біжи“); хочъ живий въ яму лізь; ib. 42 (но „жива лізь“); який уродився такий и згинеш; и мій батько такий мався и я въ ёго вдався, Ном. 50, но „яка біда уродилась, така й згине, ib. 44, не тілко що з
67 роду небачив такоі, та вона ёму й неснилась така, Кв.; „великий рости“, но „велика рости“; незнае, хто ёму именно був винний, Кв. (но „була винна“, должна) и т. д. При этомъ и въ женскомъ р. возможно прилагат. нестяженное: „ходить Маруся вже росчесаная“, Метл. 74. Во вторыхъ, въ иныхъ случаяхъ въ пользу стяженности жен. прилагательнаго говоритъ его удареніе: „ужеб тоді весе́ла стала“, Котл.; „зробилась заразъ дуже сла́ба“, ib., т. е. весе́лая, сла́бая, между тѣмъ какъ безчленныя формы были бы весела́, слаба́. Въ-третьихъ, мнимо безчленная форма стоитъ въ млр. и тамъ, гдѣ даже русс. литературный языкъ, въ несравненно большей мѣрѣ сохранившій безчленныя прилагательныя, требуетъ членныхъ, напр. тамъ, гдѣ прилаг. отдѣлено отъ глагола сравнительною частицею мов, неначе, ніби, буцім-то: „впала на долівку, мов нежива́“—какъ мертвая, неживая.

Въ нынѣшнемъ русс. литературномъ языкѣ, кажется, можно распознать стремленіе раздѣлить глаголы, входящіе вмѣстѣ съ прилагательными въ сказуемое, на два разряда, посредствомъ сочетанія съ однимъ изъ этимъ разрядовъ прилаг. безчленнаго, а съ другимъ членнаго въ именительномъ.

а) Глаголы перваго разряда, примыкающіе ко гл. есть, былъ, будетъ, за исключеніемъ этого послѣдняго, могли бы быть названы, по лексическому значенію, глаголами возникновенія, des werdens. Этого неслѣдуетъ смѣшивать съ грамматическою начинательностью, которая есть въ стать, становиться, но отсутствуетъ въ глаголахъ бывать, пребыть и пребывать, сдѣлаться, казаться, очутиться, остаться и оставаться и др.: домъ сталъ для меня постылъ; дороги стали непроходимы, Пушк.; обращеніе его стало холодно; онъ сталъ грустенъ, какъ зимнее солнце, Лерм.; онъ становится скупъ; дорога наша сдѣлалась живописна; жизнь моя сдѣлалась мнѣ несносна, Пушк.; онъ сдѣлался блѣденъ, какъ полотно, Лерм.; Сюда же выйти въ знач. ока-
68 заться въ результатѣ, выдаться, удаться: отъ того прибытокъ вышелъ малъ, Крыл.; пряжа вышла тонка; изъ огня тотъ выйдетъ невредимъ, кто съ вами день пробыть съумѣетъ, Гриб.; впрочемъ этотъ гл. въ этомъ

смыслѣ, какъ и **выдаться**, можетъ относиться и къ другому разряду („хлѣбъ вышелъ легкій“, „домъ вышелъ теплый“, „день выдался ясный“); **казаться** (становиться слѣдствіемъ воспріятія): городъ показался мнѣ многолюденъ; морозъ показался невеликъ; чай никогда такъ неказался мнѣ нуженъ; ямщикъ казался мнѣ правъ; наружность показалась мнѣ замѣчательна; обѣ казались спокойны и смѣлы, Пушк.; голова его казалась огромна; и странно (прилаг., а не нарѣч.) мнѣ показалось, что звѣзды гораздо выше, чѣмъ у насъ на сѣверѣ, Лерм.; **остаться** въ смыслѣ близкомъ къ стать: лиса осталась чуть жива, Крыл.; какъ самъ остался живъ, считаю право дивомъ, ib.; о наукахъ споръ остался нерѣшонъ, ib.; чемоданъ остался цѣлъ, Пушк.; но **остаться** въ смыслѣ, исключающемъ возникновеніе, относится къ другому разряду: „и звукъ его пѣсни въ душѣ молодой остался безъ словъ, но живой, Лерм.; всю ночь окна оставались отвореныя (отворены? отворенными?); **очутиться** (оказаться сознанію): онъ очутился богатъ; **явиться**: вотъ явитесь вы вполнѣ великодушны, Гриб.

Въ этихъ случаяхъ, кромѣ прилагательнаго въ именит. п. именной формы, можно поставить съ нѣкоторымъ отличіемъ въ значеніи творительный, имѣющій въ прилаг. только мѣстоименную ф. (городъ показался мнѣ многолюднымъ); но нельзя употребить именительнаго въ мѣстоименной ф.: городъ показался мнѣ многолюдный. Эта послѣдняя ф. будетъ сочтена за непосредственный, а не предикативный аттрибутъ. Это относится только ко глаголамъ кромѣ ѥс-, бы-, и, что само собою разумѣется, только къ прилагательнымъ такъ наз. качественнымъ, точнѣе—
безотносительнымъ, въ коихъ обѣ формы склоненія обычны. Числитель- 69
ныя порядочныя и прилагат. относительныя (Востоковъ, Р. Гр. § 36), лишенныя именной формы именительнаго[1]), нынѣ, по-видимому, могутъ при глаголахъ этого разряда быть поставлены только въ творительномъ: „обращеніе его стало дружескимъ (а не -ское); домъ показался мнѣ скорѣе городскимъ, чѣмъ деревенскимъ; воротникъ показался мнѣ бобровымъ“.

При есть, былъ, будетъ прилагательное въ именительномъ можетъ стоять и въ именной, и въ мѣстоименной формѣ. О послѣднемъ случаѣ врядъ-ли можно сказать, что здѣсь прилагательное „имѣетъ смыслъ опредѣлительнаго, при которомъ **опущено** существительное“ (Бусл. Гр. § 221). Такого опущенія въ дѣйствительности могло и небывать. По крайней мѣрѣ врядъ-ли кто докажетъ, что сначала говорилось „руки у нея—руки бѣлыя“. а потомъ „руки у нея бѣлыя“. Кажется вѣрнымъ только то, что мѣстоименностью формы предикативнаго аттрибута увеличивается его связь съ подлежащимъ и онъ какъ бы подчеркивается—объясненіе, конечно, несовсѣмъ удовлетворительное. Ср. „мужикъ былъ

[1]) Числительныя порядочныя—другъ, четвертъ, пятъ, шестъ, семъ, девятъ, десятъ сохраняютъ эту форму только въ соединеніи съ **самъ**.

рослый, ворота низки", Фонвиз.; „усы его и брови были черные, Лерм.; платье на ней было бѣлое, какъ лебедь, Гог.; чтобы все было прилично, колпаки были бы чистые и больные не походили бы на кузнецовъ, Гог. На такое прилагательное болѣе замѣтно падаетъ сила рѣчи, чѣмъ на безчленное. Напр. нельзя сказать иначе, какъ „походка его была небрежна и лѣнива", Лерм.; „наши лошади были утомлены", „трудъ нашъ пустъ"; но чувствуется необходимость сказать „походка у него небрежная", „лошади у насъ были томленыя, мóреныя", „друзья, пустой вашъ трудъ", Крыл.

70 б) Глаголами другого разряда могли бы быть названы глаголами вещественнаго движенія и пребыванія въ состояніи (des seins), при чемъ слѣдуетъ однако замѣтить, что пребыть относится не сюда, и что наоборотъ, глаголы съ оттѣнкомъ грамматической начинательности лягу и стану (послѣдній въ знач. stehen, а не werden) принадлежатъ къ этому разряду. Въ языкѣ нетолько прошлаго, но и нынѣшняго вѣка, особенно поэтическомъ, мы еще весьма часто встрѣчаемъ при этихъ глаголахъ безчленное прилагательное. Это весьма понятно въ виду того, что нашъ литературный языкъ остается открытъ вліяніямъ архаическимъ и влр. областнымъ. Однако мы сами, въ отличіе отъ вышеразсмотрѣнныхъ случаевъ („домъ казался пустъ"), ставимъ здѣсь прилагательное членное: „онъ пришелъ (вернулся, воротился, идетъ, лежитъ, спитъ) пьяный". Ср. (я) стою и твердъ, и прямъ, Крыл. (=твердый и прямой); вонъ у чулана шеста недѣля дверь стоитъ еще ненавѣшена, Фонвиз. (оборотъ влр. простонародный = шестая недѣля дверь стоитъ ненавѣшенная); тотъ съ мѣста живъ (=живой) невстанетъ, Кр.; зайчиха ходитъ сукотна 9 недѣль С. Акс. (= ходитъ сукотная); тѣ которые въ живыхъ.. чуть бродятъ полумертвы, ib. (полумертвые); задумчивъ бродитъ онъ, ib. (=задумчивый); цѣлъ котелъ съ дороги воротился, ib. (воротился цѣлый); корабль достигнулъ пристани и цѣлъ и невредимъ, ib. (цѣлый и невредимый); вода моя (ручья) до самого бы моря такъ докатилася чиста, какъ серебро, id. (докатилась бы такая чистая); онъ сидѣлъ шатаясь на сѣдлѣ блѣденъ и окровавленъ, Пушк., (мы сказали бы „блѣдный и окровавленный"); я уѣхалъ очень недоволенъ самъ собой, id. (мы: очень недовольный); чуть жива таскалась id. (=ая); добрый конь.. скачетъ веселъ и игривъ, Лерм. (=ый); странникъ пришелъ босъ и нагъ (=босой и нагой) въ одну деревню, id.; я вернулся домой угрюмъ (=ый) и сердитъ (=ый), id.; синій небосклонъ
71 безоблаченъ въ звѣздахъ сіялъ морозно, Пушк. (=сіялъ безоблачный, хотя въ этомъ случаѣ мы бы теперъ могли ожидать и нарѣчія, которое находимъ напр. у Гоголя: разсѣянно глядѣлъ; ослѣпительно блестѣли верхи бѣлыхъ шатровъ; необъятно синѣло теплое украинское небо). Вполнѣ согласно съ нынѣшнимъ обычаемъ: верхомъ на борзомъ иноходцѣ разбѣжался онъ хмельной въ каменны (=ные) ворота, Фонвиз.;

Мосьё Чацкій, вы въ Москвѣ? вернулись холостые, Гриб. (какъ „возвратилась вся поблѣднѣвшая", Гог., и какъ „воротился, вернулся больной, раненный"); измученный бѣгунъ упалъ бездыханный, Лерм.; изъ городовъ бѣжалъ я нищій, id.; мужичокъ нелюбитъ тощій спать, Крыл. ...спросилъ Черевикъ, лежа связанный подъ яткою, Гог. и пр.

Смыслъ сочетанія безчленнаго прилагательнаго съ первымъ изъ указанныхъ разрядовъ гл., а членнаго—со вторымъ, состоитъ, по-видимому, въ нѣкотораго рода согласованіи по смыслу. Во введеніи (84 стр.) мы приняли опредѣленіе глагола, какъ слова, изображающаго признакъ во время его возникновенія отъ лица. Мы непротиворѣчимъ этому, говоря здѣсь объ относительно небольшомъ разрядѣ возникновенія, и даже косвенно неприписываемъ остальнымъ глаголамъ свойствъ, по которымъ они немогли бы подойти подъ общее опредѣленіе глагола. Глаголы дѣлятся здѣсь для насъ на невходящіе въ составное сказуемое и входящіе въ него, стало быть—менѣе самостоятельные, чѣмъ первые. Послѣдніе, на основаніи качества выражаемаго ими признака (стало быть на основаніи не грамматическомъ, а лексическомъ, хотя и вліяющемъ на грамматическій строй рѣчи), въ свою очередь подраздѣляются въ русск. литер. языкѣ на глаголы болѣе и менѣе полновѣсные и самостоятельные, менѣе и болѣе наклонные къ служебной роли въ предложеніи, хотя вовсе не чистослужебные. Въ глаголахъ разряда а) („онъ становится, кажется старъ") возникающій признакъ, такъ сказать, менѣе 72
осязаемъ, болѣе нуждается въ дополненіи со стороны другой половины сказуемаго, чѣмъ въ глаголахъ разряда б) („онъ идетъ"). Послѣдній насъ удовлетворяетъ и безъ прилагательнаго, хотя можетъ и сочетаться съ нимъ („онъ идетъ задумчивый"). Измѣненія формы прилагательнаго, смотря по смыслу глагола, показываютъ, что связи, соединяющія составное сказуемое въ одно цѣлое, не односторонни, а обоюдны: чѣмъ менѣе самостоятеленъ глаголъ, тѣмъ менѣе самостоятельно прилагательное. Безчленное прилагательное, какъ болѣе древнее, чѣмъ членное, тѣмъ самымъ болѣе близко къ хаотическому состоянію мысли въ языкѣ, тѣмъ самымъ есть форма менѣе обособленная, менѣе прилагательная, болѣе близкая къ причастію. Поэтому оно болѣе членнаго годится для сочетанія съ глаголами а), при коихъ оно означаетъ признакъ не одновременный съ дѣйствіемъ глагола, а слѣдующій за нимъ, возникающій въ силу дѣйствія означеннаго глаголомъ, находящійся въ причинной зависимости отъ него. Такая причинная зависимость въ „становится старъ" невыражена сама по себѣ; тѣмъ неменѣе замѣтно, что въ „старъ" заключенъ послѣдній моментъ энергіи „становится". При глаголѣ второго разряда мы ставимъ прилагательное мѣстоименное не потому, что въ немъ заключена „notio secunda" (Микл. V. Gr. IV, 131 слѣд.), что въ немъ говорится о признакѣ, прежде упомянутомъ и уже извѣстномъ, ибо въ такомъ случаѣ прилагательное стало бы настоя-

щею аппозиціею: „онъ, больной (какъ больной, въ качествѣ больного, будучи боленъ), лежитъ въ постели“; „она, босая (хотя босая, будучи боса и пр.), вышла на морозъ“. Въ выраженіяхъ „онъ лежитъ больной“, „она вышла босая“ (безъ запятыхъ) прилагательное, несмотря на свою членность, все-таки остается въ составѣ сказуемаго, означая лишь то, что данный признакъ представляется болѣе самостоятельнымъ,
37 возникающимъ не вслѣдствіе дѣйствія глагола, а одновременно съ этимъ дѣйствіемъ и независимо отъ него. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ изъ этихъ случаевъ разница между аппозитивнымъ и предикативнымъ прилагательнымъ весьма тонка: „верхомъ на борзомъ иноходцѣ разбѣжался онъ хмѣльной въ каменны ворота“, Фонвиз. Явственная аппозиція была бы: „онъ, хмѣльной, разбѣжался“. За аппозицію считаю прилагат. и въ слѣд. мр.:

Люлю-люлю, гойда-гойда, дитинко маленька!
Урвала сі під тобою ворозка тоненька.
Та неж͏єль ми за ворозков, шо сі, тонка, врвала,
Але ж͏єль ми за дитинковъ, шо сі невіспала.
(Kolberg, Pokucie, II, 92).

Сочетаніе существительнаго въ именит. п. съ глаголами, кромѣ ѥсмь, бѣхъ и пр.

Это предикативное сочетаніе уже въ ст.-сл. и древнемъ русскомъ должно быть отдѣлено отъ сочетанія съ прилагательнымъ, такъ-какъ кругъ глаголовъ въ обоихъ случаяхъ не одинъ и тотъ же. Именно съ именительнымъ существительнаго уже въ древнемъ языкѣ обыкновенно сочетаются, кромѣ быти, только глаголы вещественнаго и идеальнаго возникновенія (мьнѣтися, явитися, творитися, чинитися, наречися, зватися и т. п., и страд. сочет. явлѥнъ, сътворенъ, избьранъ, нареченъ и т. п.), и гораздо рѣже глаголы, какъ ити, рости, жити (въ знач. vivere, между тѣмъ какъ въ качествѣ синонима быть этотъ глаголъ и въ довольно позднее время можетъ имѣть при себѣ именит. сущ. „а всегда гнило слово похвальное: похвала живетъ человѣку пагуба, О горѣ злоч.“) [1]), умерети и т. п. Такимъ образомъ здѣсь раньше, чѣмъ въ сочетаніи съ прилагательными, проявляется то раздѣленіе глаголовъ, о которомъ мы только-что говорили. Что такое раздѣленіе глаголовъ и здѣсь не исконно, въ этомъ убѣждаетъ насъ какъ то соображеніе, что вообще различеніе существительнаго и прилагательнаго должно блѣднѣть по мѣрѣ того, какъ будемъ подвигаться въ древность, такъ и сравненіе со сходными языками. Ср. напр.

[1]) Ср. На голёнахъ (галіонахъ), на каторгахъ, всегда стрѣльба живетъ, Пут. Лукьян. 36; во Іерусалимѣ зимою снѣгу небываетъ, ни морозовъ никогда неживетъ, какъ у насъ на Москвѣ ib. 33.

лотыш. „эс, аугдама сêрдêніте, нецерею гôдâ тапт“, Спрог.=я, ростучи (въ лотыш. причастіе наст. II въ им. ед. жен.) сирота (т. е. сиротою) недумала стать въ чести; и въ сред. в.-нѣм. именительный сущ. при gehen, sterben и, какъ предполагаетъ Гриммъ, нѣкоторыхъ другихъ гл.: diu gêt noch mêgetîn; des starb er mensche und starb nicht got, гдѣ въ новомъ врх.-н. необходимо „als jungfrau“, „als got“. Grimm, Gr. IV, 593.

Въ самомъ русскомъ могутъ найдтись и еще обороты съ именит. сущ. и глаголомъ или предикативнымъ сочетаніемъ, несовсѣмъ подходящимъ къ глаголамъ возникновенія, напр. подобные вышеприведенному „такъ ны еси и надобѣ“: „кой будетъ вамъ намѣстникъ отъ мене вамъ князь надобѣ, и язъ вамъ нестою“, Пск. I, 243, т. е. кой князь вамъ будетъ надобѣ намѣстникъ [какой вамъ будетъ или станетъ нуженъ, какого вамъ понадобиться, имѣть намѣстникомъ], и за мною (относительно его назначенія) дѣло нестанетъ. 74

Правило составляютъ примѣры такого рода:

Зане (законъ) безаконьникомъ отечьствиѥ мьниться, Лавр. 6, т. е. у неимѣющихъ закона отеческіе обычаи (отьчьствиѥ) считаются закономъ.

Вышегородъ... вторый Селунь явися въ Русьстѣи земли, Срезн. Ск. о Бор. и Гл. XXV.

N побѣдникъ явися противнымъ его (дьявола) стрѣламъ, Ип. 165.

Курилъ милостию Ис. Ха явленъ бысть пастухъ и учитель ему (Словѣньску языку), Срезн. Свѣд. и зам. XXXVII, 57.

Сей же князь боголюбецъ показася, Пск. 1,183.

Вьсякъ иже сѧ творить цѣсарь (въ греч. два винительныхъ) противитьсѧ кесареви, О. Ев. Io. 19,12. Сама сѧ послоухъ себѣ твориши, Supr. 176.

Онъ же нынѣ ворогъ ми ся учинилъ, Ип. 150 (470).*

Тъ бо... поставьѥнъ бывъ клиросѣ диякъ... въ олтари прѣстоялъ слоужѧ, Supr. 157; азъ отьче, оньсица града ѥпископъ поставьѥнъ ѥсмь, ib. 210; послаша и́ (Добрыну Ядрѣйковича) въ Русь ставитъ ся и приде (онъ же) поставленъ архиѥпископъ Антоній, Новг. I, 31.

Вѣмь, яко отъ Бога ѥси пришьлъ учитель, О. Ев. Io. 3, 2, ὅτι ἐλήλυθας διδάσκαλος, гдѣ „ѥси пришьлъ“ слѣдуетъ сравнить относительно значенія съ „явилъсѧ ѥси“ и т. п. Ср. въ новомъ русскомъ языкѣ отнесеніе нѣкоторыхъ глаголовъ движенія къ глаголамъ возникновенія: „гдѣ случай ты имѣлъ, живой ужъ отъ тебя невырывался цѣлъ“. Крыл.

Тѣмь же нарѣчесѧ село то село кръве, О. Ев. Мат. 27, 8; сь бѫдеть великъ и сынъ Вышьняаго наречетьсѧ, Лук. 1, 32; и ты, отрочѧ, пророкъ Вышьняаго наречешисѧ, Лук. 1, 76; ни нарицаѥте- 75

сѧ наставьници, Мат. 23, 10; яже бо нынѧ маловрѣменьнаа сьмр҆ть сънъ праведнымъ нарицаѥтъсѧ, Supr. 4, 6; не словомъ нарицающеся хрестьяни, а поганьскы живуще, Лавр. 73.

Яко пришедши сѣдоша на рѣцѣ имянемъ Морава, прозвашася Морава, а друзіи Чеси нарекошася, Лавр. 3; Словѣне... нарекошася Поляне, а друзіи Древляне, ib.;

Поляне, яже нынѣ зовомая Русь, Лавр. 11 (безъ аттракціи было бы „иже нынѣ зовомии Русь).

На мѣсто, ѥже ѥсть сказаѥмо Краниѥво мѣсто, О. Ев. Марк. 15, 22.

Въ болѣе новомъ языкѣ: „Еще у молодца былъ милъ надеженъ другъ, Назвался молодцу названый братъ, О горѣ злоч.

Примѣч. Съ этимъ неслѣдуетъ смѣшивать именительнаго имени или прозвища при глаголахъ дѣйствительныхъ: „и прозваша Ольга „вѣщій“, Лавр. 13: ѥже и до нынѣ наричють Дунайци городище „Киевець“, ib. 4; въ сербскомъ „ове Влахе народъ зове „Каравласи“, Данич. Синт. 74; въ чешскомъ „a jmenují ji „Magdalena“, Zikm. Sklad. 196; въ польскомъ: nazwali go „Piotr“, Małec. Gram. § 699; въ др. в.-нѣм. den man dâ hiez „der ritter rôt“, ir nennet in „der ritter rôt“ Grimm. Gr. IV, 592. Извѣстно, что именительный здѣсь стоитъ внѣ грамматической связи, подобно чужимъ словамъ, несоединеннымъ съ предложеніемъ посредствомъ изъяснительнаго союза. Послѣ глагола средняго или страдательнаго разница между такимъ независимымъ именительнымъ названія и именительнымъ, согласуемымъ въ древнемъ языкѣ, неможетъ быть выражена иначе, какъ тономъ живой рѣчи и кавычками на письмѣ: нарекошася Чеси (именит. въ сказуемомъ) и нарекошася „Чеси“ (именит. независимый). Въ новомъ русскомъ на мѣстѣ согласуемаго именит.—творительный (назвались чехами), а независимый пад. остается: назвались „чехи“; мр. на Сухій Балці хутір, прозиваѥтьця „Безверхий“, Кв.

Лишь изрѣдка именит. сущ.—при глаголахъ вещественнаго движенія и покоя, гдѣ уже въ древнемъ языкѣ можетъ стоять твор. п.:

На ч҆то образъ сьвьпльчению устръмилисѧ ѥсте? (=по образу рати, подобно полку, acie instructa), Supr. 19;

Въ Сионовѣ градѣ... познанъ бывъ Іисоусъ Божии сынъ (=сыномъ), посрѣдѣ Отьца и Доуха, обою животоу, животъ отъ живота, истинъны животъ (=жизнью) явьяѧ сѧ, и посрѣдѣ аггелъ и чловѣкъ... камень ѫгъльнъ лежѧ (=камнемъ, какъ камень), и междоу обѣма разбоиникома Богъ (=Богомъ) разоумьноуоумоу разбоиникоу явьяѧ сѧ, и посрѣдѣ настоѩштаѩ жизни и градѫштаѩ сѫдиї вѣчъныи сѣдѧ (судьею, какъ судья), Supr. 340; (Іосифъ) възъвавъ ѭ (Марію) гнѣвъномъ лилицемъ, сѫди(и) (дат.) въ ѫтробѣ сѫштоуоумоу сѫдии (имен.=судьею, въ качествѣ судьи) сѣдѣаше, Supr. 175 (=призвавъ же ю, яръмъ лицьмь, сѣдѣ соудѧ соудии судѧщемоу въ чревѣ, Златостр. XII в., Срезн. Пам. Р. п. 194);

Смѣхъ есмь унотамъ, укаряющимъся мною, и старцемъ же лежю притъча (=какъ пр.) къ наказанію, Кир. Тур., Калайд. Пам. XII в. 46.

Чѣмъ рѣже такіе случаи въ древней письменности, тѣмъ архаичнѣе они въ памятникахъ устной словесности:

Неубойтесь-ко, родители...: Не огонь иду, необожгу, Не змѣя плыву, неблюю; Я иду бѣдна горюшица, Сам-другъ иду со обидушкой, Барс. Прич. I, 53; Я не гость пришелъ, не гостить къ тебѣ, Пришелъ, душечка, къ тебѣ проститися, Якушк. Р. п. 176; Шейнъ, Р. н. п. 304; Я не воръ иду, не разбойни(че)къ, Не разбойни(че)къ, вдалой молодецъ, Гулять къ дѣвушкамъ охотничекъ (=прихожу не какъ воръ-разбойникъ, а какъ удалой молодецъ), Шейнъ, ib. 313; Она пóдолгу, родимая, гостила, На переномъ крылечкѣ была стричена, Была гостьица она да все улажена, Барс. Пр. I, 139.

Ср. обычный твор. п. сущ. и именит. прил., на пр. Подходила тутъ скорая смерётушка, Она крадчи шла злодѣйка душегубица, По крылечку ли она молодой женой, По новымъ ли шла сѣнямъ да красной дѣвушкой, Аль калѣкой она шла да перехожею, Со синя ли моря шла да все голодная, Со циста ли поля шла да все холодная, Барс. Прич. I, 2.

Употребленіе именительнаго существ. тамъ, гдѣ мы ставимъ частью именительный, частью творительный, есть черта общеславянскаго языка, общая ему со сродными языками, непредполагающая никакого по- 76
сторонняго вліянія. Изъ нынѣшнихъ славянскихъ нарѣчій сербское здѣсь архаичнѣе книжно-русскаго, чешскаго и польскаго. Ср. напр. съ русскимъ: чини ми се та ложница тамница (представляется, кажется темницей); вила се начини дјевојка (сдѣлалась дѣвицей); ја ћу се створити леп конь (=конемъ); ти, човјек будући, градиш се Бог =ты, человѣкъ сы, творишисѧ самъ Богъ, Іо. 10, 33 (=Богомъ); она се прометну овца (оборотилась овцою), Данич. Синт. 5, 7 слѣд.

Причастія настоящаго и прошедшаго (-ъ, -въ) дѣйствит., какъ второстепенныя сказуемыя:

1. Аппозитивное употребленіе прич. наст. и прош. (-ъ, -въ) дѣйств. въ именительномъ.

Различеніе аппозитивнаго и аттрибутивнаго употребленія названныхъ причастій сказывается въ нѣсколькихъ явленіяхъ древняго языка, именно въ возможности сочетанія аппозитивнаго причастія со вторымъ именительнымъ, въ отдѣленіи такого причастія отъ главнаго сказуемаго союзомъ соединительнымъ, въ именительныхъ самостоятельныхъ; но замѣтить такое различеніе можно и инымъ путемъ, исходя отъ позднѣйшаго строя языка, характеризуемаго присутствіемъ въ немъ дѣепричастій.

Всякое славянское дѣепричастіе предполагаетъ безчленную форму причастія. Членное причастіе никогда нестановится дѣепричастіемъ; оно или вовсе выходитъ изъ употребленія, или остается причастіемъ, или переходитъ въ прилагательное. Но членъ прибавляетъ къ причастію и вообще къ прилагательному указаніе на болѣе тѣсную связь его

съ другимъ именемъ, чѣмъ та, которая сказывается въ одномъ согласованіи прилагательн. и причастія безчленнаго: добръи, т. е. добръ
77 јі, значило приблизительно „добръ который“, или „добръ тотъ“, т. е. „тотъ, который добръ“. Отсюда можно заключить, что, наоборотъ, общность между безчленнымъ причастіемъ и дѣепричастіемъ должна заключаться въ ихъ большей близости къ сказуемому.

Беремъ главный случай образованія славянскаго дѣепричастія, по которому отчасти можно судить и объ остальныхъ, именно тотъ, когда дѣепричастіе предполагаетъ причастіе въ именительномъ, входящее въ составъ сказуемаго, или прямо примыкающее къ подлежащему. Что происходитъ въ предложеніи, когда такое причастіе превращается въ дѣепричастіе? Минуя посредствующую ступень, о которой ниже, мы видимъ, что въ концѣ концовъ въ причастіи уничтожаются знаки его согласованія съ подлежащимъ (падежъ, родъ, число) и связь причастія съ подлежащимъ разрушается. Слово бывшее причастіемъ или начинаетъ тяготѣть исключительно къ сказуемому (если и прежде входило въ составъ сего послѣдняго), или же еще впервые вовлекается въ сферу притяженія сказуемаго, если прежде неимѣло непосредственнаго отношенія къ нему. Конечно, нельзя допустить, что такое перемѣщеніе центра тяготѣнія въ послѣднемъ изъ упомянутыхъ случаевъ совершилось вдругъ: прежде, чѣмъ это случилось, въ языкѣ должно было чувствоваться отличіе причастій опредѣлительныхъ, болѣе тѣсно связанныхъ со своими опредѣляемыми, отъ другихъ, болѣе близкихъ ко глаголу. Первые были аттрибутивны въ тѣсномъ значеніи слова, вторые аппозитивны; всѣ прилагательныя отпричастныя (горячій, горючій, и т. п.) пошли отъ первыхъ, а всѣ дѣепричастія отъ вторыхъ.

Русскіе областные говоры утратили причастія дѣйствительныя, замѣнивши ихъ съ одной стороны прилагательными, съ другой развитыми придаточными предложеніями и дѣепричастіями. Русскій литератур-
78 ный языкъ сохранилъ эти причастія подъ вліяніемъ церковно-славянскаго, при томъ—одно изъ нихъ, настоящее, даже въ нерусской звуковой формѣ; но и въ этомъ языкѣ такія причастія, поставленныя аппозитивно, чтобы нестать дѣепричастіями, должны были найдти новую силу сопротивленія въ своей членности.

Еще довольно трудно въ-точности опредѣлить, какъ продолжителенъ періодъ, занимаемый въ русскомъ языкѣ процессомъ образованія дѣепричастій. Кажется несомнѣннымъ, что въ концѣ XIV в. причастія дѣйств. аппозитивныя были уже только въ книжномъ языкѣ, и дѣепричастіе, какъ вполнѣ опредѣлившаяся часть рѣчи, уже существовало, хотя и отличалось кое-чѣмъ отъ нынѣшняго. Въ древнихъ лѣтописныхъ сборникахъ, языкъ коихъ въ большей части случаевъ древнѣе времени ихъ списковъ (Лавр. 1377, Ипат. XV в.), находимъ еще весьма много случаевъ правильнаго согласованія причастій дѣйств. аппо-

зитивныхъ: за ними буда (им. ед. м.), узрѣ, Ип. 44; приникъши (им.
ед. ж.) Ольга, и рече, Лавр. 24; Изяславъ же перестряпъ (им. ед. м.)
два дни... и иде, Ип. 11; Давыдовича недоидуча (им. муж. двойств.)
пакы града, стаста близъ, Ип. 26; Святополкъ и Володимиръ посласта
ко Давидови Святославича, веляча (двойств.) ему съ собою, Ип. 1;
Изяславъ же и Ростиславъ, угадавша (двойств.), и разъѣхастася, Ип.
44; бяста бо два брата въ Лясѣхъ... и пришедъша (дв.), сѣдоста,
Лавр. 5; мы сѣдимъ, платяче (мн.) дань, Лавр. 9; вы хочете померети
гладомъ, неимучеся (мн.) по дань, Лавр. 25. Эти и имъ подобные
примѣры необнаруживаютъ никакихъ слѣдовъ заимствованія изъ ц.-слав.
Частое правильное употребленіе въ тѣхъ же памятникахъ причастія
наст. въ его заимствованной формѣ (со щ), напр. Волга сѣдящи
въ теремѣ, посла.. Лавр. 24, само по себѣ недоказываетъ, что русская
форма этого причастія (ед. ж. сѣдячи, мн. сѣдяче), въ то время уже
выходила изъ употребленія. Но тѣ-же и др. подобные памятники изо- 79
билуютъ уже примѣрами нарушенія согласованія аппозитивнаго при-
частія. Каждая изъ формъ именительнаго трехъ чиселъ муж. и жен.
род. (веда и ведъ, ведучи и ведъши, ведуче и ведъше) почти въ рав-
ной мѣрѣ принимается за общую форму нетолько всѣхъ родовъ и чи-
селъ въ именительномъ, но, какъ увидимъ ниже, и въ другихъ паде-
жахъ: Михалко же и Всеволодъ послушлива сы, и идоста, Ип. 106;
Угри пришедъ (вм. -ъше) отъ в'стока, и устремишася, Лавр. 10; вы-
сѣдъ (вм. -ъше) на брегъ, отринуша лодьѣ отъ берега, Лавр. 61; Нов-
городци послаша дары къ царю Дуденю, а рекъ ему тако, Новг. I,
65; здрави князи и дружина, побарая за хрестьяны на поганыя
плъкы, Сл. о п. И.; овиже попове единою женою оженѣвся (вм. оже-
нившеся) служать, а друзіи до семые жены поимаючи служать, Лавр.
93; повелѣ Ольга мовь створити, рькуще сице, Лавр. 24; Ольга по-
имше мало дружины, легко идущи, приде, Лавр. 24, и пр.[1]). Начало
этому смѣшенію формъ можно бы предположить въ концѣ XII или на-
чалѣ XIII, такъ какъ въ памятникахъ конца XIII вѣка уже есть, хо-
тя еще довольно рѣдко, случаи несогласованія („того дѣля идеть, абы
порозну ходяче (вм. -чю) ясти и пити. Въпраш. Кюрик. по сп. XIII в.).

Изъ названныхъ трехъ дѣепричастныхъ формъ послѣдняя (ведуче,
ведше) исчезаетъ ранѣе другихъ; равноправность формъ дѣепр. дѣлая
и пришедъ, дѣлаючи и пришедши въ влр. видна въ XV—XVII в.
посадники и соцкіе прочетъ грамоты, и дали.. 1483, Ак. юр. 3; при- 80
шодъ къ рѣкѣ да ставъ у рѣки, тако ркли, 1534, ib. 44; Новгоро-
докъ Сѣверской, пришодъ, взяли, 1648, Ак. Ю. и З. Р. III, 216.

---

[1]) Подобнымъ образомъ колеблются и формы нарѣчія сравнит. степени: болши того намъ неучялъ правити, 1501--3, Ак. З. Р. I, 225; которая треть болши... оттуль дани болше идеть, а которая меньша треть, съ тоѣ и дани меньши по головамъ биривали, 1479, ib. 91.

Въ наше время рѣшительное преобладаніе получила форма, сходная съ древнимъ именит. един. жен. род. (идучи, шедши), но ни въ одномъ изъ русскихъ нарѣчій форма бывшая нѣкогда именительнымъ един. м. (стóя), неисчезла безъ остатка.

Въ разныхъ говорахъ, преимущественно вр., дѣепричастіе удаляется отъ соотвѣтственныхъ причастій, а иногда и глагольныхъ темъ, вслѣдствіе звуковыхъ измѣненій, на пр. въ свр. (Барс. прич. pass.), въ силу особаго произношенія ц изъ ч (какъ тц) и неударяемости конечнаго слога—даваютца и т. п. вм. -ючи; въ разныхъ говорахъ приѣхадчи (какъ пришодчи); накопамши и пр.; изсушомши, истолчомши, посажомши, поднесомши (Рязан. г. Шейнъ, Р. н. п. 327—8).

2. Второй именительный съ причастіемъ аппозитивнымъ (составное приложеніе). Причастіе глаголовъ, сочетаемыхъ со вторымъ именительнымъ, поставленное аппозитивно, само можетъ имѣть при себѣ второй именительный. Въ такомъ видѣ оно есть второстепенное составное сказуемое. Въ болѣе позднемъ языкѣ оно подлежитъ тѣмъ же измѣненіямъ, что и аппозитивное причастіе безъ второго именительнаго, а этотъ второй именит. частью остается, частью замѣняется творительнымъ, частью развивается въ придаточное предложеніе съ глаголомъ въ сказуемомъ.

Каиафа, архиереи сы лѣту тому, рече имъ, О. Е. Іо. 11, 49.

Андреи же князь, толикъ умникъ сы, во всѣхъ дѣлѣхъ добль сы, и погуби смыслъ свой невоздержаньемъ, Ип. 109.

А сіи, православные христіане будуче (уже въ смыслѣ дѣеприч.), а наругаются и безчествуютъ церковь Божію и насъ, 1450, Ак. Ист. I, 99.

Преставися епископъ Володимерскы Стефанъ,.. бывъ преже игуменъ Печерьскому манастырю, Лавр. 96.

Се (=сь) же, вставъ ужасенъ и трепетенъ, и поклонися образу Божію, Ип. 133 (438).

Отьца своѥго глаголааше Бога, равьнъ сѧ творѧ Богу, О. Е. Іо. 5, 18.

Неразумѣша правды Божья исправити Ростовци и Суждальци давнии, творящеся старѣишии, Лавр. 160.

81 И бысть по сихъ приведе Мьстиславъ Котяня и Половци многы, творяся на Ляхы ида, Ип. 165 (498)=показывая видъ, что идетъ.

Самъ же раненъ бысть... и приѣха во Брянескъ съ побѣдою и честью великою, и немня раненъ на тѣлеси за радость, Ип. 202, т. е. отъ радости нечувствуя себя раненнымъ, недумая, что раненъ.

Литва... мняще мирни суще, придоша къ Берестью, Ип. 168 (503), трехсоставная аппозиція, въ коей мняще—аппозитивная связка по отношенію къ главному предложенію; а суще—такая же связка по отношенію къ мняще: думая, что находятся въ мирѣ.

И тако възваша кирелѣисонъ вси полци, радующеся полки ратныхъ побѣдивше, Ип. 64. Если превратимъ аппозитивное „радующеся“ въ глаголъ, то напр. „радовахуться (и „ради быша“) побѣдивше“ будетъ значить не „побѣдивши, радовались“, а „радовались, что побѣдили“: „побѣдивъше“ поставлено въ качествѣ второго предикативнаго падежа.

3. Союзъ между аппозитивнымъ причастіемъ и глаголомъ. Срезневскій (Мысли объ ист. рус. яз. 82—3), сказавши о томъ, что сочетанія, какъ „бѣ учѧ“, „бяху ловяще“, обычны въ Остр. ев., у Нестора и пр., продолжаетъ: „что касается до причастія дѣйствит. прошедшаго, то его окончаніе -въ сравнивали съ окончаніемъ 1-го лица прошедшаго простого -хъ, думали, что оба эти окончанія, вмѣстѣ съ оконч. прошед. прич. -лъ, значатъ одно и то-же, „какъ придыханія для устройства слоговъ“, и что поэтому-то употреблялись будто бы безъ различія. Съ этимъ никакъ нельзя согласиться: -хъ есть знакъ перваго лица, равный по смыслу съ -мъ...[1]) между тѣмъ, какъ -лъ и 82
-въ—мѣстоименія указательныя, употребительныя для образованія причастій, какъ прилагательныхъ отглагольныхъ. Замѣчено было, что сѣявъ стоитъ въ нѣкоторыхъ рукописяхъ вмѣсто сѣяхъ, тамъ гдѣ мы теперь употребляемъ сѣялъ (Матѳ. 25, 26). Примѣровъ подобныхъ можно представить много изъ древнихъ памятниковъ русскихъ (напр. Володимеръ... в'сплакавъ *и* рече). Въ русскомъ языкѣ эта форма непогибла и теперь: въ сѣверныхъ говорахъ нарѣчія великорусскаго она сохранилась, хотя и несохранивши своей прежней опредѣленности, отъ того, что вмѣсто причастія, согласовавшагося съ подлежащимъ въ родѣ и числѣ, употребляется неизмѣняемое дѣепричастіе („онъ ужь вставши“, „вы были вставши“ и т. п.). Какъ теперь, такъ и прежде въ этомъ случаѣ настоящее время вспомогательнаго глагола опускалось, такъ-же какъ опускается у насъ въ прошедшемъ, составленномъ помощію причастія на лъ („онъ сѣялъ“ вм. „есть сѣялъ“); но въ чешскомъ старомъ оно часто оставалось такъ же какъ и другія времена: „jest zasluživ“, „bud' uživ“.

Такимъ образомъ здѣсь принимается, что, подобно тому какъ есть опущено въ „онъ всталъ“ и „онъ вставши“, ѥсмь опущено въ „жьнѫ, иде же несѣявъ“ и ѥсть—въ „въсплакавъ и рече“. О случаяхъ „идеже несѣявъ“ будемъ говорить ниже, здѣсь же остановимся на послѣднихъ. Если вѣрно, что въ „въсплакавъ и рече“ при причастіи опущенъ глаголъ, такъ что оно въ сущности играетъ ту-же роль, что zasluživ въ „jest zasluživ“, то необходимо будетъ отказаться отъ мнѣнія, что сочетанія прич. прошедшаго на -ъ, -въ съ ѥсмь отсутствуютъ въ Остр. Ев. и весьма рѣдки въ древнихъ русскихъ памят-

[1]) Теперь, какъ извѣстно, думаютъ, что -хъ=са-м, т. е. предполагаетъ отпаденіе знака перваго лица въ окончаніи аориста, а не есть этотъ знакъ. Мѣстоименность причастныхъ суффиксовъ, это—вопросъ.

никахъ, такъ какъ вытѣснены сочетаніемъ -лъ ѥсмь и пр.; нужно будетъ признать, что такого вытѣсненія небыло, по крайней мѣрѣ до довольно поздняго времени, потому что обороты „въсплакавъ и рече“ дѣйствительно весьма обычны. Но вѣрно ли это?

83 Въ вышеприведенномъ мнѣніи косвенно заключено утвержденіе, что въ „въсплакавъ и рече“ даны два равносильныя предложенія (какъ въ „заплакалъ и сказалъ“). Далѣе, тамъ говорится только о случаяхъ подобнаго употребленія причастій -ъ, -въ. Сравнительно съ этимъ нѣкоторую разницу представляетъ мнѣніе Буслаева: „Въ старину причастіе или дѣепричастіе иногда употреблялось вмѣсто глагола въ изъявит. накл., и тогда придаточное предложеніе могло слагаться съ главными союзами, означающими сочетаніе предложеній равносильныхъ, напр. „градстіи ловцы труждающеся много и оскудѣваху“, Сказ. о Петрѣ царев. ордын.; „мы себѣ нестава судей да помирились“, Ак. юр. (Учебн. русск. грам.². § 205). Отсюда узнаемъ, что нетолько прич. прошед. -ъ, -въ, какъ мы выдѣли выше, но и вообще причаст. и дѣеприч. дѣйствит. могли встрѣчаться въ случаяхъ, какъ „въсплакавъ и рече“. Впрочемъ и Буслаевъ, основываясь на значеніи союзовъ, какъ *и*, да, признаетъ такіе обороты стариннаго языка за сочетанія предложеній равносильныхъ, согласно съ чѣмъ и неотдѣляетъ въ примѣрахъ запятою подлежащаго отъ причастія или дѣепричастія. Какъ понимать то, что причастіе стоитъ вмѣсто глагола, это неясно: вытѣснено ли причастіями какое либо простое время, или же только опущенъ при тѣхъ же причастіяхъ вспомогательный глаголъ? Изъ примѣровъ видно, что если допустимъ послѣднее, то должны будемъ предположить опущеніе вспомогательнаго глагола не въ настоящемъ только (а какой же смыслъ будетъ имѣть „ловци труждающеся суть и оскудѣваху“, „мы нестава есмя судей, да помирились“?), но и въ прошедшемъ. При этомъ возникаетъ то затрудненіе, что опущеніе вспомогательнаго бѣ, бяшеть крайне сомнительно, а опущеніе былъ (есть) просто кажется невѣроят-

84 нымъ. Если же допустимъ замѣну причастіями простыхъ временъ, то опять-таки въ „труждающеся и оскудѣваху“ должны будемъ прибѣгнуть къ предположенію невѣроятной замѣны предполагаемаго прошедшаго времени (труждааху ся или др. подоб.) причастіемъ настоящимъ.

Если бы мы имѣли передъ собою только обороты безъ союза, какіе дѣйствительно обычны въ древнемъ и старинномъ языкѣ, напр. пришедше, сѣдоша, Лавр. 3; Радимъ и Вятко... пришедъша сѣдоста, ib. 5; когождо перетенъ на полъ, поверже я изъ града, Ип. 22; то мнѣніе о нихъ, конечно, было бы только одно, именно, что при причастіи неопущено никакого глагола, что причастіе здѣсь можетъ быть названо сказуемымъ лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ это названіе приложимо къ аппозитивному причастію, какъ второстепенному члену простого предложенія. Очевидно, что отъ существованія сочетаній „суть пришьдъше“

нельзя заключать къ необходимости такихъ же сочетаній въ „пришьдъше сѣдоша". Единственное доказательство равносильности предложеній и полной предикативности причастія въ „заутра въставъ и рече", Лавр. 4, есть то, что въ нынѣшнемъ нашемъ литературномъ языкѣ союзъ былъ бы здѣсь поставленъ только въ томъ случаѣ, если бы нужно было соединить равносильныя предложенія. Но такое заключеніе отъ новаго языка къ древнему предполагаетъ равенство этихъ языковъ, котораго въ дѣйствительности нѣтъ. Наша рѣчь вообще компактнѣе древней. Въ настоящемъ случаѣ („онъ вставши сказалъ") она характеризуется тѣмъ, что въ ней дѣепричастіе весьма тѣсно связано со сказуемымъ и тяготѣетъ только къ нему, такъ что сказуемое съ дѣепричастіемъ рѣшительно перевѣшиваетъ подлежащее.

Союзъ въ „вставши *и* сказалъ" намъ претитъ потому, что, противорѣча вышеупомянутому тяготѣнію причастія, вноситъ въ рѣчь
распущенность; но безобра́зное въ нынѣшнемъ языкѣ могло небыть та- 85
ково въ древнемъ, если было знаменіемъ его строя. Въ древнемъ языкѣ на мѣстѣ нашего дѣепричастія стояло причастіе, неимѣвшее непосредственнаго отношенія къ глагольному сказуемому. Поэтому можно думать, что въ древ. „вставъ, и рече" присутствіе союза дѣлаетъ лишь болѣе явственнымъ свойство оборота, существовавшее и безъ союза, именно то, что въ предложеніи—два почти равносильные центра; что къ первому изъ нихъ, подлежащему, тянетъ приложеніе; что предложеніе, чуть сдерживая свое единство, еще какъ бы распадается на-двое, что однакоже нетождественно съ полнымъ его раздвоеніемъ, которое могло бы быть достигнуто превращеніемъ аппозиціи въ составное сказуемое. Такое объясненіе некасается отношеній времени причастія ко времени сказуемаго, и потому одинаково примѣнимо къ случаямъ съ причастіемъ и настоящимъ, и прошедшимъ. Удержаніе союза и по превращеніи причастія въ дѣепричастіе можетъ быть объяснено, какъ случай „переживанія" явленіемъ того строя, среди котораго оно возникло.

Такимъ образомъ, мое мнѣніе о разсматриваемомъ явленіи состоитъ въ томъ, что во „въставъ, и рече" при причастіи ничего неопущено; что причастіе здѣсь стоитъ не вмѣсто глагола, а само за себя; что глаголъ на его мѣстѣ могъ стоять развѣ въ то недоступное для изслѣдованія время, когда языкъ допускалъ только паратактическія построенія; что причастіе есть здѣсь подчиненный членъ простого предложенія, а союзъ между нимъ и глаголомъ—явленіе не случайное [1]), не діалектическое только, а по меньшей мѣрѣ славяно-литовское, глубокодревнее и знаменательное.

Обращаюсь затѣмъ къ частностямъ.

---

[1]) Mikl. Gr. IV, 827: „Vor dem vb. fin. steht oft die conj. i, wenn das part. vorangeht. Ich setze diese das satzgefüge störende erscheinung auf rechnung der abschreiber".

Союзъ *и* передъ глаголомъ.

Приимъ Іисусъ хлѣбъ и благословивъ, *и* прѣломи, О. Ев. Мат. 26, 26 въ греч. причастіе аппозитивное безъ слѣдующаго за нимъ въ слав. союза: *καὶ εὐλογήσας ἔκλασε.*

86 И се ѥдинъ отъ сѫщихъ съ Иисусъмь, простьръ рѫкѫ, *и* извлѣче ножь свои и ударь раба ар҆хиереова, *и* урѣза ѥму ухо, ib. Мат. 26, 51, *ἐκτείνας τὴν χεῖρα, ἀπέσπασε τὴν μάχαιραν.. καὶ πατάξας.. ἀφεῖλεν.. τὸ ὠτίον.* И въставъше, *и* отидошѧ, ib. Мат. 22, 22, переводъ вольный: *καὶ ἀφέντες αὐτὸν ἀπῆλθον.* Пилатъ,.. изведъ вънъ Иіса, *и* сѣде на сѫдищи, ib. Іо. 19, 13, причастіе вмѣсто греч. глагола: *ἤγαγεν καὶ ἐκάθισεν.* И согнувъ книгы, *и* дасть слузѣ и сѣде, Ев. 1355, Бусл. Хр. 116; Лук. 4, 20, (въ Остр. какъ и въ греч. безъ союза: *καὶ πτύξας τὸ βιβλίον, ἀποδοὺς τῷ ὑπηρέτῃ, ἐκάθισε*). И разгнувъ книгы, *и* обрѣте мѣсто, идеже писано, ib. Лук. 4, 17 (*καὶ ἀναπτύξας τὸ βιβλίον εὗρε*).

Повелѣ воиномъ своимъ, шъдъше въ црькъве, *и* решти пискоупоу Сисинию, яко.. Supr. 162.

Съдумавше Поляне, *и* вдаша отъ дыма мечь, Лавр. 7. Приникъши Ольга (къ ямѣ), *и* рече имъ, ib. 24. Почто, зло створивъ, *и* некаешися его, Лавр. 113.

Діяволъ испьрва нехотяи добра роду человѣчю и завидѣвъ ему... *и* въздвиже на Арсенія.. крамолу велику, Новг. I, 44.

Лежавъ 6 недѣль, *и* преставися, ib. 47.

Изяславъ же перестряпъ (пережидавши, промедливъ) два дни ꙋ Логожька, *и* иде, Ипат. 11. Приведъ брата своего,.. *и* да ему Переяславль, ib. 13.

Изяславъ же и Ростиславъ, угадавша, *и* розъѣхастася, ib. 44.

Да кто, братье и отци и дѣти, видѣвше Божіе попущеніе се, *и* неплачеться, ib. 52.

И въставъ Іаковъ отъ сна, *и* рече, Хожд. Дан. Пал. (ред. Норова) 39; и влѣзъ Давидъ въ печеру ту, *и* плакашеся горько, ib.; пришедши бо ей по воду, и яко почерпе водоносъ свой, *и* възгласи ей ангелъ невидимо: „радуйся, обрадованная..“ ib. 133; явися ей ангелъ.. и благовѣщеніе сътворивъ, и отиде отъ нея ангелъ, ib.; онъ же, видивъ мя поклонившася, *и* призва̀ мя к себѣ... и шедъ на торгъ, *и* купихъ кандило, ib. 139 (Бусл. И. Хр. 666).

Такимъ образомъ часто въ тѣхъ же и во многихъ другихъ, и болѣе позднихъ памятникахъ. Употребленія здѣсь союза неслѣдуетъ отождествлять съ многосоюзіемъ, тоже свойственнымъ древнему и старинному языку, а отчасти и нынѣшнему просторѣчію. Союзъ въ разсматриваемомъ случаѣ можетъ стоять и тамъ, гдѣ многосоюзія въ болѣе обширномъ смыслѣ нѣтъ, и на-оборотъ. Напр. въ силу многосоюзія (т. е.

неопредѣляемаго нами ближайшимъ образомъ ряда явленій, кромѣ союза между аппозитивнымъ прич. и глаг.) могло быть сказано: „и недаша его жива, и уморивъше, рекоша“; но независимо отъ многосоюзія имѣемъ:

недаша его жива и, уморивъше.. *и* рекоша Фрягомъ: умьрлъ есть, Новг. I, 28.

Придоша Литва.. и гонишася по нихъ Новгородци и, угонивше ихъ, 87 *и* биша, ib. 45.

Въ старинныхъ сербскихъ памятникахъ: ѣзь кнезь Мирославь, кльньсе, *и* подьписахъ, 1186, Срезн. Свѣд. и зам. XLVII, 144; сего ради писавь *и* подьписахь, Mikl. Monum. Serb. 10; сего бо ради сиѥ утврьдивь *и* подъписахь, ib. 20; сего ради писавьше *и* подьписасмо въ свѣдениѥ всѣмъ, ib. 77 и др.

Въ старомъ польскомъ:

a wstav David tajnie *i* przisziedł na to miasto, gdzie był Saul, Царей, I, 26, 5, Maćiejow. Dodatki do pism, polsk. 18.

Dawid wstaw s tego miasta *i* szedł precz, Цар. I, 20, 43, ib. 15.

roskrzižowaw swoji swǫci rǫce i poklǫknǫł, 1450, ib. 105.

zmowiwszi (y?) to anioł *i* odstąpił od niej, 1450, ib. 110.

tedy poklęknan (прич. наст. въ именит. ед. м. р. и со знач. прошед. какъ русск. приида) on kapłan i spiewajonci *i* mowił te modlitwa pierwsza (=ą), 1468, ib. 121.

Въ старомъ чешскомъ:

Jakžto lvovy štěnec.. jenž geště netvrd v nohy.. uzřie někde stádo volov, však pochce k nim s hory dolov, nemoha té moci jmĕti, stana (въ знач. прич. прош.) *i* počne tam chtěti,.. Hatt a Pat. Zb. Alexandreid, 5; stane vepř, nic nedbaje; ač který pes k němu vnoči, vezma ranu *i* otskoči ib. 39; см. также Jireček Nákres и Mikl. Gr. IV, 828.

То-же самое находимъ въ литовскомъ, съ ir.:

bekeliojent szis brolis nůwargęs *ir* užmigo, Schl. Leseb. 142, букв. ѣдучи (т. е. когда они ѣхали, во время ихъ пути) этотъ братъ уставши (въ лит. прич. прош. безчленное) *и* заснулъ.

Но въ слѣдующемъ примѣрѣ — дѣепричастіе настоящ., впрочемъ предполагающее, вѣроятно, не именительный, а косвенный падежъ: jau szaunei į naktį esant, *ir* atėjo dvi Laumės, ib. 198, уже очень въ ночь будучи (=поздно ночью) и пришли двѣ Лаумы. Ср. ст.-сл. „въшьдъшу Іисусу въ Каперънаумъ, *и* приступи къ нѥму сътьникъ“, О. Ев. Мат. 8, 5, въ греч. безъ союза: *εἰσελθόντι δὲ τῷ Ἰησοῦ.. προσῆλθεν*; Сълоучисѧ коупьцоу нѣкоторououмоу, гънавъшоу вельбѫды своѩ, *и* пасти ѩ на мѣстѣ томь, Супр. 159, 20.

Съ тѣмъ же союзомъ находимъ въ слав. изрѣдка и причастіе наст. дѣйств. и страдательное: Се, отьче, недрьзахъ прити къ тебѣ, помышляя, ѥда како, гнѣваяся на мя, *и* невпустиши ны въ манастырь, Жит. Ѳеод. Уч. зап. II, 2, 192 (=гнѣваясь на меня да невпустишь насъ).

88 Русь же, доспѣвше полкъ, Божиею помощью укрѣпляеми, *и* поидоша противу имъ, Ип. 126 (423). Аще ли кто завистию сотониною одрьжимь, *и* дрьзнеть разорити что отъ приносимыхъ мною, 1222—8, Mikl. Mon. Serb. 10.

На томъ же мѣстѣ послѣ прич. дѣйств. ставится и союзъ *а*:

Побѣже Ѳедоръ Даниловиць съ тіуномъ Якимомъ, поимъше съ собою 2 княжичя.. Тъгда Новгородци рѣша: дажь что зло сьдумавъ на святую Софію, *а* побѣглъ, а (=ино, то) мы ихъ негонили. Новг. I, 44.

Въ стар. польскомъ: w tǫ dobǫ sebraw pachołek strzały *a* przi (=y) szedł, Царей I, 20, 38, XIV—XV в., Mać Dod. 15.

Въ стар. чешскомъ: potom Iovian, vyšed z vody, *a* nenalezl rucha ani konie sveho i, podiviv se tomu, *a* zarmutil se s toho velmi, конца XV в., Hanuš, Malý vybor z liter. České, 15.

Сюда въ стар. русскомъ примыкаетъ такая же постановка частицъ ти [1]), та, таже, тоже (имѣющей значеніе послѣдовательности во времени; неслѣдуетъ смѣшивать съ тоже, idem), толи, ноли.

Мьнѣ ли ѥстъ, пришъдъше къ семоу попоу, ти исповѣдати грѣхы своѩ, ѥже многъкраты паче мене сьгрѣши? Supr. 264; аще бо кто и невидѣвъ ея (матери Ѳеодосіевой), ти слышааше ю бѣсѣдующю, то начьняаше мнѣти мужа ю суща, Жит. Ѳеод. Также и послѣ дат. самостоя-

[1]) Союзъ ти по звукамъ относится къ цсл., серб. хорут. те καί, какъ ни=лит. neу къ не. По значенію ти=и, *а* (Mikl. Lex. Pal.; „прежде стѣнь ти потомь истина.. образъ же закону и благодати—Агарь и Сарра, работная Агарь и свободная Сарра: работная прежде, ти потомъ свободная, Иларіонъ, О законѣ и благод.). Въ виду мнѣнія (Mikl. Lex. s. v.), что это ти присоединяется къ нарѣчіямъ како, тако (и др.) замѣчу что въ како-ти не союзъ ти, а dat. eth. мѣстоименія, въ русс., поль. и чеш. сокращаемый въ -ть, ć, ť, (какъ въ Ип. л. ми, въ мь, 591 и пр.), чего съ союзомъ ти, кажется, никогда небываетъ. Ср. въ стар. русс.: поистинѣ, дѣти моя, разумѣйте, како-ти человѣколюбець Богъ милостивъ и премилостивъ, Лавр.[2], 235; неотдать еѣ (Изяславы) неволею ни за когоже, но кдѣ будеть княгинѣ моей любо, туто-ть ю дати, Ип.[2] 595; и иныхъ людей товаръ былъ туто-ть, Грам. 1300, Русс. Лив. Ак. № 49; нѣ-ту-бо-ти (Лавр.[2] 237), =нѣту-ти и нѣтуть (часто въ Ип. л. и пр.); то-ть въ знач. мѣстоименн. нарѣчія (=пол. to-ć: укори кудесника, рька (река, рькя): то-ти (v. то-ть) неправо молвять волъсви, Лавр.[2] 38, 16; слава тобѣ Господи! то-ть Василко побѣдилъ Литву, Ип.[2] 566) и заключительнаго союза (аже самъ въсхочете, тъ-ть идѣть, грам. 1229, по Рум. сп.; оже имешь княжити во Краковѣ, то-ть мы готовѣ твои, Ип.[2], 599 et pass.). Хотя ст. русс., ст. поль., чеш. ать, сообщающее изъявительному значеніе повелит. и пермиссива=да, лит. te, te-gul, пусть, мр. нехай) по значенію соотвѣтствуетъ литовскому te (Jag. Arch. VI, 284 сл.); но есть вѣроятность, что этимологической связи между ать и te нѣтъ, и что ать—изъ а-ти (Arch. VII, 65), въ коемъ а—какъ въ а-быхъ, да-быхъ, а -ть изъ дат. ти.

тельныхъ: неразоумиѥ же оубо ѥсть, ѥже приходѧштѧ(=я)мъ благостынямъ вѣчьныимъ даръмь благааго Бога, ти непожьдати трьпѣниѥмь и вѣрою, нъ о земльныихъ радоватисѧ и тѣхъ приятисѧ, акы невѣроуюштѫ(=оу) въскресению, Изб. 1076, 48 б.

А вы, раздравше (сдѣлавши раздоръ, смуту), та прочь Новг. I, 43—оборотъ и до-нынѣ невышедшій изъ употребленія въ случаяхъ опущенія главнаго сказуемаго: „а вы, разсоривши, да прочь, да „давай Богъ ноги“.

Тое же зимы то-и (=млр. та-й) посласта (мя) Берестію брата на головнѣ, идѣ бяху пожгли, тои (=мр. тай) блюдъ городъ тихъ, та идохъ Переяславлю отцю, Лавр. 103.

Како и колико лѣтъ лежавъ тѣло святого, тоже неврѣжено пребысть ни отъ коѥго (же) плътоядьца, XII в. Срезн. Ск. о Бор. и Гл. XXIV. И сторóжи сами наряживайте, и ночь (винит.), от-всюду нарядивше около вой, тоже лязите, а рано встанѣте, Лавр. 102. Можно было бы сказать „нарядивъше, а (v. и) лязѣте“.

Аще ли вы будеть крестъ цѣловати къ братьи, или къ кому, али
(=млр. аж) управивше сердце свое, на немъ же можете устояти, то- 89
же цѣлуйте и, цѣловавше, блюдѣте, Лавр. 102. Коли идяше на войну или инамо, ноли (=но оли=то лишь=млр. то аж, то есть „не раньше, чѣмъ..“, „не иначе какъ“) поклонивъся у гроба Ѳеодосьева, тоже идяше на путь свои, Лавр. 120. Аще уставятся полцы крѣпко, то аще ему (полку) и побѣжену быти, но крѣпко бився, тож побѣгнет; яко Святополкъ, виноватъ будя, избивъ братію, но и тако-ти ес крѣпокъ: едва силою к вечеру, рече, одолѣ Ярославъ, Дан. Заточн., сп. Унд., Бусл. И. Хр. 620. Песъ, ал'ченъ сы гладомъ и стражда, и емъ заецъ, тоже готовы яди неясть, обаче ждеть господина, Златостр. ib. 710.

Нелѣнитесь къ церкви ходити.. и въ своей клѣти хотя спати, Богу поклонився, толи на постели лязи, Поуч. Лук. Жидят. Р. Дост. I, 8.

Если позволить себѣ заключеніе отъ большинства случаевъ и противопоставить употребленію союзовъ *и, а, та* послѣ причастія аппозит. прошедшаго то наблюденіе, что такого союза обыкновенно небываетъ послѣ прич. настоящаго (напр. за ними буда, узрѣ, Ип. 44; онъ, мнiй буда, непокорить ми ся, Лавр. 149, Ип. 80[1]); то можно бы подумать, что не только частицы та, таже въ вышеприведенныхъ примѣрахъ, но и част. *и, а* во „въставъ и рече“ усиливаютъ отношеніе послѣдовательности

---

[1]) То-есть прич. настоящаго въ значеніи настоящаго же. Извѣстно, что въ др. русскомъ и другихъ слав. нар. довольно обычно причастіе настоящее и форма отчасти сходная съ нимъ (напр. „поверга стягы и поскочи“, Ип. 24; настоящее было бы повьргна, прошед.—повьргъ; какъ архаизмъ—въ посл.: „несмогá съ клячей, да по оглоблямъ“) въ значеніи прич. прошедшаго. Ср. Бусл. Гр. § 54, пр. 2, 3. Въ этомъ случаѣ союзъ послѣ этого причастія столь же обыченъ, какъ и послѣ прошедшаго.

во времени, вытекающее уже изъ времени причастія: „вставши, потомъ сказалъ“.

Въ дополненіе и ограниченіе такого объясненія *и*, *а*, прибавлю:

Во первыхъ, *а* ставится и послѣ сказуемаго, за коимъ слѣдуетъ причастіе:

Ты, княже, чюжея земли ищеши и блюдеши, *а* своея ся охабивъ, Лавр. 28. Аще кто отъ своѥго князя ко иному князю от(ъ)ѣдеть, *а* достоину ч(ьс)ть приѥмля от него; то подобенъ есть Июдѣ, иже, любимъ г(оспод)ьмь, *та* умысли продати е(го) ко княземъ жидовьскымъ, Злат. Цѣпь., XIV в., Бусл. Ист. Хр. 478. Иже бо кто много пиѥть съ трепари како ти начьнеть полозити на колѣну, *а* на ногахъ своихъ немога отити, а другыи валяется въ калу блю'а, хоче ся пересѣсти въ ругании, въ посмѣсѣхъ давъ себе всѣмъ людемъ, *а* хранителя душа своѥя, аггела г(осподь)ня, отгнавъ от себе; гдѣ суть мнози трепари, притворени къ чашамъ, да быша избавили ихъ отъ бѣды тоя, бѣсящихся волею своею? Сл. Ѳеод. Печ. (сп. XV в.), ib. 692. Тако бо и былія другоицы, естьство цѣлитвьное имуща, нъ иже я піеть, *а* неразумѣя, на кыи вредъ есть, то умираеть, Златостр. ib. 710.

90 Како мя хотять яти, *а* оно (а вотъ недавно) мнѣ цѣловавше крестъ, рекуще: „аще кто на кого будеть, то на того будеть крестъ и мы вси“? Лавр. 110. Впрочемъ послѣдній примѣръ, б. м., сюда нейдетъ. Въ предыдущихъ очевидно, *а* неможетъ давать значенія „ищешь, потомъ бросивши“; оно можетъ означать только раздѣльность пониманія, дивергенцію причастія и глагола и оттѣнокъ противительности: „ищешь, *а* между тѣмъ бросилъ.

Во вторыхъ, выше были приведены примѣры раздѣленія причастія настоящаго и сказуемаго посредствомъ *и*; наст. прич. означаетъ событіе одновременное со сказуемымъ, а не предшествующее ему, но здѣсь *и* умѣстно, какъ указаніе на послѣдовательность причины, дѣйствующей все время, и слѣдствія: „гнѣваясь и (въ силу этого) невпустишь“.

Въ третьихъ, сюда же слѣдуетъ прибавить употребленіе а передъ постпозитивнымъ причастіемъ (и дѣеприч.) настоящаго дѣйств. въ значеніи „а при этомъ“: жены русскія въсплакашась, а ркучи.. Слово о П. И.; Ярославна рано плачеть въ Путивлѣ на забралѣ, а ркучи: „о вѣтре.. ib.; „а рекуче“, „а река“, „а хотя“ см. въ моей статьѣ „Замѣт. о млр. нар. 21; послаша Псковичи воеводъ своихъ, а крестное цѣлованіе правя, Пск. I, 216, а кто будеть закладенъ позоровалъ ко мнѣ; *а* жива въ Новгородьской волости, тѣхъ всѣхъ отступилъся ѥсмь Новугороду, Догов. Тв. кн. съ Новг. 1301—2 С. Г. гр. I. Такъ и въ стар. польскомъ: o angele Gabriele! gdzie jest ono twe weselie, coś eś mi go obiecował.. *a* rzekący (=ci?): „panno, pełna jeś miłości“, около 1470, Mać. Dod. 122; фонетическое толкованіе поль. a rzkǫc (Bibl. Zof. et pass),

какъ одного слова, по образцу русс. аржать, иржать (Arch. f. Sl. ph. VII, 419) считаю невозможнымъ.

И при такомъ порядкѣ словъ, какъ „въставъ и рече", *а* встрѣчается изрѣдка послѣ прич. наст. дѣйств.: аже кто бѣжа *а* поѥмлеть что что сусѣдне, или товаръ, то господину платити знань, Русс. Пр. по Син. сп., Р. Достоп. 58; а хто отходя съ сего свѣта, у кого дѣтей небудеть ани племени, а прикажеть кому статки свои, ино намъ того нерушати, 1529 Ak. З. Р. II 208.

По вышесказанному, такое употребленіе союза, какъ нѣкоторая непослѣдовательность языка, остается и послѣ того, какъ причастія обратились въ дѣепричастія, почти безслѣдно исчезая только въ нынѣшнемъ литературномъ:

Свѣща (вин. мн.) вьжегъ (дѣепр.), и придоша, Ип. 6.

N, и посадники, и соцкіе, прочетъ грамоты, и дали.. 1483, Ак. Юр. 3.

И вы, написавъ грамоту, да пошлите ко мнѣ, Пск. I, 222. Нѣмцы... 91
пришедше, да два исада болшихъ выжгоша, ib. 223. И Великій Новгородъ, всего того нерадя, да своего посла.. во Псковъ о томъ прислалъ.

Въ слѣдующемъ сопоставлены имена дѣйствующихъ лицъ, какъ подлежащія, и причастіе безчленное: „въ нашихъ перемирныхъ грамотахъ написано такъ, что „татя, бѣглеца, холопа, робу, должника, по исправѣ, выдати". Ино которой тать, или розбойникъ, или душегубецъ, или иное каково лихое дѣло учинивъ, да сбѣжитъ на кою сторону, ино о тѣхъ людехъ писано, а и тѣхъ по исправѣ выдавати", 1504—5, А. З. Р. I 338.

Сюда же и вр. примѣры XV—XVI в. въ Гр. Бусл. § 285, Пр. I, а: приѣхавши, да учали пахати; жалуючи того Савки, да жито ему отдали. Ср. также „Богу помолясь, самъ *и* вонъ пошелъ", Др. русс. ст. 1818, 286.

Въ виду возможности сомнѣнія въ томъ, что здѣсь никакой глаголъ неопущенъ при дѣепричастіи, важно, что такіе же обороты есть въ нынѣшнемъ млр., между тѣмъ какъ дѣепричастіе въ сказуемомъ („онъ уже вставши", „а какъ-де мы будемъ недошодъ до Погару версты съ три, и тотъ де мой товарышъ.. остался пить воды и табаку" 1648. Ак. Ю. и З., Р. III, 220) въ малорусс. невстрѣчается:

Оттим то Настя, дивлячись на худобу, та-й журилась, Кв.

Недуже я добре зробив, що нерoспитавши Василя́, та-й покликав ёго́ до се́бе, Кв.

От увійшовши, та мовчки й став коло ёго, Кв.

Разсмотрѣнное въ этомъ § явленіе есть частный случай того, что можно назвать недостаткомъ связности предложенія въ древнемъ и народномъ языкѣ, сравнительно съ нынѣшнимъ литературнымъ. Союзы

здѣсь какъ бы назначаютъ еще недостаточно сросшіеся швы между частями предложенія. Сюда:

а) отдѣленіе союзомъ дательныхъ самостоятельныхъ отъ сказуемаго: „и бывшю молчанью, *и* рече Володимеръ“, Ип. 1.

б) Союзъ между придаточнымъ развитымъ и главнымъ предл., излишній съ точки нынѣшняго литер. яз.: чего хочете, *и* дамы ти, Ипат.[2] 18; яко соспоша (могылу), *и* повелѣ трызну творити, Лавр. 24; яко полѣ-
92 зе въ двери, *и* подъяста ѝ два Варяга мечьми подъ пазусѣ, ib. 33; вся елико всхотѣ, *и* створи, Ип.[2] 201; егда будеть туча велика, *и* находять дѣти наши глазкы стекляныи, ib. 199; которого князя Псковичи восхотять, *и* язъ вамъ того дамъ, Пск. I, 222.

Въ нынѣшнемъ млр.: що божий день перебере орішки, що ще на весиллі, якъ побачились у перше, та вінъ їй давъ, Кв.

Замѣчательно также въ нынѣшнемъ млр. отдѣленіе союзомъ та подлежащаго, вовсе неимѣющаго при себѣ причастія или дѣеприч., отъ сказуемаго:

А той дідусь та був собі зовсім каліка та ще й німий, Кв.; а там чути, скрипка гра з цимбалами: Матвій Шпонь та продав сіль, рощитавсь и грошики вчистив та й наняв троїсту, id.; тут писарь по книгам знайшов, щоб-то твій дідусь та ёго дідові та винен був пъятьдесят рублів, id.; а щоб який паробок та посмів би її заняти! ну, ну, незнаю! id.; кажуть, що ёго хазяїн та хоче ёго в прийми взяти, id. набігла повна хата людей, як почули, що старий Дротъ та просватавъ свою дочку, id.; се на біду вже йде, коли пан сотник та буде розумнійший мене, id.

Впрочемъ союзъ здѣсь нерѣдко неможетъ быть названъ плеонастичнымъ: онъ выражаетъ родъ легкаго противуположенія сказуемому затаенной мысли, связанной съ подлежащимъ, напр.: Дротъ (отъ котораго трудно было ожидать чего либо такого) да просваталъ; сотникъ (дуракъ) да будетъ умнѣе меня; „чому сей скарбъ (который, по повѣрью, долженъ разсыпаться) та нерозсыпаєтьця? id.; де-таки сёму статись, щоб пан та узявъ мужичку? id.

4. Именительные самостоятельные. Относительная самостоятельность аппозитивнаго причастія въ древнемъ языкѣ и сходство его функціи съ функціей главнаго (глагольнаго) сказуемаго проявляются нетолько въ отдѣленіи его отъ сказуемаго союзомъ, но и иначе, въ возможности подлежащаго съ аппозитивнымъ причастіемъ при глагольномъ сказуемомъ, имѣющемъ свое подлежащее. Эта констукція встрѣчается въ слав. памятникахъ рѣже, чѣмъ дательные самостоятельные, изъ чего однако врядъ ли слѣдуетъ, что мы имѣемъ право считать ее за лич-
93 ную ошибку, за признакъ того, что мысль пишущаго такъ вообще или лишь въ это мгновенье слаба и забывчива, что въ серединѣ предложе-

нія невольно выскакиваетъ изъ одной колеи и попадаетъ въ другую [1]). „Причина этой неправильности (nominat. absolut.), говоритъ Зикмундъ, есть, большею частію „vŷšin z vazby počaté“ (Skl. 676). Но, во первыхъ, это не причина явленія, а оно само. Далѣе, если бы эта конструкція встрѣчалась чаще, то, оставаясь сама собою, неназывалась бы неправильностью. Можно ее неодобрять только съ точки правила, выведеннаго изъ односторонняго наблюденія надъ позднѣйшими дѣепричастіями. Дѣепричастіе, возникшее изъ аппозиціи подлежащаго, снабженнаго глагольнымъ сказуемымъ, естественно будетъ относиться черезъ это сказуемое къ тому же подлежащему; но въ другихъ случаяхъ дѣепричастіе можетъ и вовсе неотноситься къ подлежащему глагола. Именительные самостоятельные должны быть оцѣняемы наравнѣ съ дательными самостоятельными, которые трудно назвать неправильностью. „Vŷšin z vazby počaté“, непослѣдовательность (*ἀνακολουθία*), отклоненіе въ серединѣ

[1]) Въ устной рѣчи, особенно при наклонности говорящаго къ построенію длинныхъ предложеній, дѣйствительная анаколуѳія встрѣчается весьма часто. Гдѣ она не во вредъ понятности, тамъ удержаніе ея и на письмѣ можетъ стать художественнымъ пріемомъ, сообщающимъ рѣчи живость и простоту. Такъ на пр. у Квитки:

Чи є-ж такий чоловикъ на світі, хто-б нелюбив діточбк?.. Ні, нема такого чоловіка, щоб їх нежаловав. И самий запеклий харцизяка, звісно, як о своєму умі, а не тоггі, як розлютуетьця, що и нечуствує нічого...“ (ожидается: „и той їх жалує„ и т. п.; но вм. этого:), и в того рука непідніметця, щоб яке зло зробити дитині“ Кв. Божі Діти.

Як бй чоловікові усе добро та щастьтя, то він би забув и Бога, и думав, що се ёму так добре не від кого ійде“, (ожидается: як від себе“, но вм. этого:) як він сам собі заробляє; а те, що усе від Божої до нас милости ійде“ (ожидается, что „те“ станеть подлежащимъ или дополн. въ вин.), він би и неподумав (того), та закопиливши губу так бы и думав, ще ёму ніхто, як він, Кв. ibid.

Молода, як вже стала молодицею, так вже у очіпку, сама румъяна, як є садова рожа, ійдеть и очиці понурила... а що красної квітки, приколотої на правім боці очіпка, як звістки, що вона непостидила свого роду... (ожидается гл. сочетаемый съ родительнымъ на пр. незабува) ...так так и хоче, щоб усі бачили“, ib.

Всяк з нас, бачачи, як жинка, дітки будуть приставаты та хліба прохати, так тут нетілки всю худобу, а именно кров свою, душу віддаси, щоб тілко вони неголодовали id. Добре роби.

Господь милосердний, як є він на небесах, так замісць себе, дав нам родителів: батько, щоб навчавъ та до розуму доводив; а щоб чоловік молодий з дуру незатужив та незбывся з панталику, так тут мати з такою любовию, як є сам Господь милосердний до нас грішнихъ, id. Серд. Окс.

От от послі Зачатия, у Пилипівку, почнуть старосты швендяти до неї, бо вже її дочка Оксана, як діждемо Різдвяних мъясниць, то буде їй шіснадцятий год, ib. id.

Сюда же можно отнести случаи аттракціи: α) Согласованіе сказуемаго съ послѣднимъ изъ двухъ или нѣсколькихъ подлежащихъ того же предложенія: ти думаєш, твоя праця об нёму и саме пусте слово, чим втішив ёго, так и пропало?“ Квит. Божі діти; Бусл. Ист. Гр. § 237, пр. 1; β) Согласованіе сказуемаго съ подлежащимъ не главнаго, а придаточнаго предложенія, выражающаго сравненіе: на дворі бояре, як мак зацвітає, Метл., 157, 173; Ой там хлопці славні запорозці, як мак процвітає (т. е. начинаетъ цвѣсти): ib. 430; Головка, мов кавун качався, Котляр.

*

рѣчи отъ начальнаго плана построенія предполагаетъ, что въ началѣ рѣчи было въ говорящемъ намѣреніе, или потребность, отнести глаголъ къ тому же подлежащему, къ которому будетъ отнесено и причастіе; но такого плана здѣсь могло и небыть. Впрочемъ и допустивши, что онъ былъ, можно думать, что одни состоянія языка настолько располагаютъ къ его нарушенію, что это послѣднее готово стать правиломъ, а другія—менѣе. Нижеприводимые примѣры взяты изъ памятниковъ, по языку, образцовыхъ для своего времени; между тѣмъ въ нынѣшнемъ языкѣ подобные примѣры были бы личными ошибками. Причина, по которой аппозитивное причастіе въ древнемъ языкѣ скорѣе можетъ имѣть свое особое подлежащее, чѣмъ въ новомъ, можетъ заключаться въ томъ, что причастіе въ древнемъ языкѣ болѣе сходно съ глаголомъ, чѣмъ въ
94 новомъ; что оно, присоединившись къ подлежащему, хотя и невполнѣ заканчиваетъ предложеніе, но даетъ мысли нѣкоторый роздыхъ, намѣчаетъ собою дѣленіе предложенія на двѣ части, дѣленіе, подобное тому, какое мы видѣли во „въставъ и рече", но съ тою разницею, что въ предложеніи съ именительными самостоятельными подлежащія главнаго и второстепеннаго сказуемаго различны. Въ новомъ нашемъ языкѣ обороты, какъ „я сдѣлавши, онъ сказалъ" необычны потому, что въ этомъ языкѣ, такъ сказать, больше покатость, по которой мысль стремится отъ начала къ концу предложенія: при большей быстротѣ теченія меньше заводей и затоновъ. Вотъ примѣры изъ древняго языка:

Жѧтелѣне же оуслышавъше плача младеништа, и мати, почоувъши, обратисѧ и, разоумѣвъши своѥго зъла, въскрича съ въсѣми. Жѧтелѣне же ови клицаахѫ, ови течаахѫ вь слѣдь вълка, Supr. 31.

А иже се: на выходъ вышедъ попъ на обѣдни и на вечерніи, въ что цѣловати? Рече „въ икону", Впраш. Кюр., Колайд. 198.

И та вся створивъ азъ, рече Игорь, недостоино ми бяшеть жити, Ип. 131. И пришедъ Изяславъ Мьстиславичь къ Киеву, и бѣ Игорь разболѣлся въ порубѣ и бѣ боленъ велми, Ип. 28. Андрей же то слышавъ, и бысть образъ лица его попустнѣлъ, Ип. 109. Сему же приимшю послѣже всея братья столъ отца своего, по смерти брата своего, се-же (=сь же) Кыевѣ княжа, быша ему печали болше, паче неже сѣдящю ему въ Переяславли, Лавр. 92. Олегъ же... устремися на Суждаль и шедъ Суждалю, и Суждальци дашася ему, Лавр. 108.

А вы плотници суще, а приставимъ вы хоромъ рубити, Новг. I, 1. Аще ли покаявшеся будемъ... то и сдѣ ходяще приимемъ блага земная, и по отшествіи сего свѣта—жизнь вѣчную. Но мы присно, аки свинія, в калѣ грѣховнѣмъ валяяся, грѣхи къ грѣхомъ прилагающе, злое предъ очима Его творяще по вся дни; того ради пророкомъ глаголетъ къ намъ: „разумѣхъ, рече, яко жестоци и каменосерди и лѣниви есте творити волю.., Поуч. Θеод. Печ. о казняхъ, Уч. Зап. Ак.

Н. II, 194 (въ Лавр. 72 этой особенности оборота нѣтъ: „Но мы на злое възвращаемся, акы свинія въ калѣ грѣховнѣмъ присно валяющеся, тако пребываемъ. Тѣмъ же пророкомъ намъ глаголеть: разумѣхъ и проч.).

Бываютъ случаи, когда подлежащія причастія и глагола тождественны, но когда подлежащее съ причастіемъ получаетъ видъ именительныхъ самостоятельныхъ, будучи далеко разнесено съ глаголомъ: мы человѣци грѣшни суще и смертни, то оже ны (кто) зло створить, то хощемъ и пожрети и кровь его пролъяти вскорѣ, Лавр. 101.

Между причастіемъ вполнѣ согласуемымъ со своимъ опредѣляемымъ, 95
съ одной стороны, и дѣепричастіемъ вовсе несогласуемымъ и неимѣющимъ непосредственной связи съ именемъ, которое имъ опредѣлялось, когда оно было причастіемъ, съ другой, можно замѣтить среднюю ступень. На ней отпричастное слово неможетъ быть названо причастіемъ, потому что уже лишено рода, числа и падежа, но неесть и дѣепричастіе въ вышеупомянутомъ смыслѣ, потому что стоитъ не при глаголѣ, а при своемъ подлежащемъ. Ниже будутъ приведены примѣры такого отпричастнаго слова при дательномъ; здѣсь же къ вышеприведеннымъ примѣрамъ именительнаго самостоятельнаго прибавимъ слѣдующіе, въ коихъ изъ второго падежа вышло уже несогласуемое слово:

Выскакавъ же вси прочіи изъ лодья, и рече Олегъ, Лавр. 10. Изяславичь Мьстиславъ ведучи въ помочь отцю своему Угры, и слыша Володимеръ Галичьскый, оже идеть Мьстиславъ Изяславичь, Ип. 65. Посадникъ N и другій посадникъ N со Псковичи ѣхавше подъ городъ подъ Котеленъ, а онъ невѣрный князь Витовтъ услыша Псковскую рать, Пск. I 204. Въ лѣто 6974, за недѣлю по Семенѣ дни, пріѣхавъ во Псковъ послы Новгородскія а съ ними бояръ много на управу, и наши посадники на вѣчи цѣловаша крестъ передъ Новгородскимъ посломъ, ib. 230. Тоя же весны, пріѣхавъ отъ Великаго князя съ Москвы князь Ѳедоръ Юрьевичь... и Псковичи и все священство выидоша противу его со кресты и посадиша его на княженіи, ib. 231.

По Великой рѣкѣ ледъ идучи, христіяномъ силно много хоромъ подрало и запасовъ снесло, Пск. I, 234. Мѣсяца мая въ 21 день съ вечера вшедши туча, и иде дождь во всю нощь, ib. Вшедши туча дождевая, и двигнуша ся облацы, ib. 235.

Ино мы, выслухавши съ обу сторонъ тыхъ ихъ рѣчей, и видѣлося намъ и паномъ радѣ нашей... (гр. кор. Сигизм. 1509. А. З. Р. I, 64).

А пріѣзжаючи бояръ и ближнихъ людей жены и дочери, и лучится имъ у царицы обѣдать, и они обѣдаютъ, Котоших. 27; „они“— подлежащее, хотя и относящееся къ „жены и дочери“, но отличное и отдѣльное отъ этихъ подлежащихъ.

И женихъ съ отцомъ поѣдетъ къ невѣстину отцу или матерѣ, а приѣхавъ, и невѣстинъ отецъ и сродственные встрѣчаютъ ихъ и честь
96 воздадутъ, ib. 125. Женихъ и невѣста пришедъ въ покои свои, гдѣ имъ спать, снимаютъ съ нихъ платье, съ жениха дружки, а съ невѣсты свахи, ib. 126. И вшедъ дѣвка къ Бовѣ въ темницу, да за тоюж дѣвкою пришли два выжлеца и сѣли у темницы, Сказ. про Бову кор. Пам. Древ. письм. 1879. 1.

Пройде вёшня эта ночь да невидаютца (-тца=це=че), я не сномъ да темну ночку коротаютца, я горючима слезамы обливаютца, Барс. Прич. I, 229.

А и на небѣ просвѣтя свѣтелъ мѣсяцъ, а въ Кіевѣ родился могучь богатырь, Др. р. ст. (1818), 45.

Сюда слѣдуетъ отнести нѣкоторыя изъ примѣровъ дѣепричастія независимаго“ у Бусл. (Гр. § 275, прим. 2) [1]):

И годъ, другой тому времени поизойдучи, тѣ Татары... на Ермака Тимофеева напущалися, Др. р. ст. 122. Буслаевъ отмѣчаетъ косымъ шрифтомъ „тому времени поизойдучи“, повидимому, полагая, что дѣепричастіе тяготѣетъ къ дательному, причемъ „годъ—другой“ были бы винительные мѣры какъ „жить годъ“. Но вѣрнѣе кажется, что дѣеприч. тянетъ къ именительному годъ (годъ... поизойдучи), а дательные стоятъ при именительномъ („годъ тому времени“, какъ въ „перечень книгамъ“). Ср. а часъ, другой поизойдучи, уже князи и бояра отъ заутрени, а Гришка Растрига изъ бани съ женой, Др. р. ст. 103. И мало время поизойдучи, пришелъ Чурила Пленковичь, ib. 164. Осѣдлавши онъ Екимъ добрыхъ коней, наряжаются они ѣхать ко городу ко Кіеву, ib. 182.

Въ мр. Повъязавши собі один одному рушники (сваты), от староста й каже, Кв. Мар.; Він (Бог) объявить твоє діло черезъ те, на що ты й недумаєш... та объявивши се (Бог), тут відкриються и усі злиї діла, объ яких вже люди забули и розиськувати, id. Перекотип. Він (Бог) недав її (дитині) пропасти, як воно зоставшися сиротою у пустці, мов билинка у полі, що туж-туж біда б її постигла, та милосердный Господь послав же нас з жінкою, и намъ грішним зподобилося зполняти Ёго святу волю, доглядіть и вигодовати сиріток, id. Божі діти.

[1]) Собранныя въ этомъ мѣстѣ дѣепричастія весьма различны по происхожденію, именно предполагаютъ вторые падежи: именит., винит., род., дат. Слѣдовательно, только часть ихъ „соотвѣтствуетъ ц.-с. дательному самостоятельному“.

Примѣры именительныхъ самостоятельныхъ въ стар. чешскомъ: Čechové navracujíce se s kořistmi, tot' na ně Rakušané nenadále vyskočili, Hajek; ranění jsouce a kryjice se v lese, zvěř je rozsapala, Bibl. Bratrská.

Въ старомъ польскомъ: Zabiw macierz nieo(d)daną, niepomože jemu tego obrzeczenie (заявленіе, что она небыла въ законномъ замужествѣ), ale musi głową zaplacić, XV в., Ks. Ust. 47. Szlachta dowiedziawszy się o nas, z każdéj wsi przyjechało ich po dwóch witać deputatów nomine innych braci, XVII в., Pamiętn. Paska ed. Węclew 81; wjeżdżając tedy Czarniecki do Lachowicz, wyszli przeciwko niemu zakonnicy, szlachta, szlachcianki, ib. 112. W Miłowczycach mieszkając i Smogorzow trzymając (=когда я жилъ и пр.), poczęli mię dalsi krewni postponować, mówiąc, że to przybysz z innego wojewodztwa, ib. 305, 307; przyszedłszy tedy król z wojskiem nad owe trupy, zaraz naszym serce upadło, ib, 361.

Въ серб. и хорв.—Mikl. Gr. IV, 837.

Въ литовскомъ: dabar asz pasiilsėjęs, důk mą neszt, Schl. Les. 130, теперь я отдохнувши (въ лит. прич. прош. въ знач. „такъ какъ я отдохнулъ"), дай мнѣ нести.

Bukite linksmi, nes jusû wieszpats Zaulas numiręs, taygi giminė Juda manę mostijo, Царей II, 2, 7, радуйтесь, ибо царь вашъ Саулъ умерши (такъ какъ умеръ), то племя Іудино меня помазало.

Кто во всѣхъ этихъ случаяхъ захотѣлъ бы предположить опущеніе вспомогательнаго глагола при причастіи, напр. „выскакавше суть", тотъ долженъ бы былъ объяснить, почему обороты, какъ „выскакавъ(ше) же вси прочіи изъ лодья, и рече Олегъ"; имѣютъ значеніе не сочиненія равносильныхъ предложеній (всѣ повыскакивали и Олегъ сказалъ), а подчиненія: „когда повыскакивали, то Олегъ сказалъ".

Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣепричастіе неимѣетъ при себѣ явственнаго именительнаго, нельзя разобрать, произошелъ ли оборотъ изъ именительныхъ самостоятельныхъ, или изъ дательныхъ. То и другое возможно, и перевѣсъ вѣроятности на сторонѣ дательныхъ только потому, что это построеніе обычнѣе. Впрочемъ, иногда наружность дѣепричастія скорѣе указываетъ на именительный, напр. „убивъ мене (т. е. когда ты убьешь) а тобѣ волость", Ип. 16. Также мало вѣроятности, чтобы обороты, повидимому, столь древніе, какъ рекуче (=ще), рекъше, употребляемые безлично въ знач. именно, то есть („ко всимъ странамъ далнимъ, рекуще къ Грекомъ, и Угромъ, и Ляхомъ, и Чехомъ, Ип. 3; придоша отъ Скуѳъ, рекше отъ Козаръ, Лавр. 5), измѣнили звуковую форму уже послѣ появленія дѣепричастія; окончаніе ихъ указываетъ на именительный множественнаго. Другіе случаи указываютъ на тотъ же падежъ единств. чис., напр. „а будетъ кто въ тѣхъ заповѣдныхъ лѣсахъ про свой обиходъ сѣчь лѣсъ, и такому, поимавъ, бываетъ жестокое наказаніе и пеня", Котоших. Въ нынѣшнемъ литер. яз.—исклю- 97

чая, напр. „всѣ прошли, исключая того-то". О подобныхъ дѣеприч. въ чешскомъ (tako řka, такъ сказать и др.) см. Hattala Srovn. Ml. 88; Zikm. Skladba 676, прим. 5, 6 [1]).

Столь же рѣдко, какъ дательные самостоятельные безъ причастія (см. ниже) встрѣчается именит. самостоятельный безъ причастія въ значеніи обстоятельства времени: „Тоя же зимы, еще послове Псковскіи на Москвѣ (=т. е. когда еще были), князь Псковской Ив. Александровичь и посадникъ степенной Алексѣй Васильевичь заложиша градъ новъ деревянъ на Сини рѣки, Пск. I (П. С. Р. лѣт. IV), 228.

---

98 Изрѣдка встрѣчается другое построеніе того-же рода, состоящее изъ самостоятельнаго подлежащаго съ развитымъ придаточнымъ предложеніемъ при другомъ подлежащемъ главнаго сказуемаго:

Конь, ѥго же любиши и ѣздиши на немъ, отъ того ти умрети, Лавр. 16 [2]). Муж евреанинъ, его же всади (2-е лице) въ темницю, се 10-е лѣто нѣсть взыскаа его, ни возмолвящаго о немъ (=никто его не спрашиваетъ), Пал. 1494, Пам. ст. Р. литер. III, 44. По вся дни въ вечерѣ мужь съ женою и съ дѣтьми и съ домочадцы, кто умѣетъ грамотѣ, отпѣти (имъ) вечерня, Домостр. Бусл. Хр. 821. Царевичи же и царевны... внегда случится имъ итти къ церкви, и тогда около ихъ по всѣ стороны несутъ суконные полы, что люди зрѣти ихъ немогутъ, Котош. 14.

Польск. zbójce, którzi cudze imienie drapieżą, ma jem być wszi(y?)tko imienie zabrano, XV в. Ks. Ust. 47. Ср. причастный оборотъ: Zbiegowie od swego imienia a po stronam zbijając, to imienie, od ktorego zbiegają, naszemu stołu przisądzono aby było, 1503, ib 47. Тоже бываетъ и теперь въ просторѣчіи: „trzecia droga, co naprawo będzie, w tą jedź", Winc. Pol.

Дѣйствіе такого построенія состоитъ въ томъ, что оно сосредоточиваетъ вниманіе на первомъ именительномъ, выдвигая его изъ ряда прочихъ членовъ предложенія. Совсѣмъ иначе почувствовалось бы содер-

---

[1]) Если бы доказано было существованіе въ польскомъ причáст. наст. въ им. ед. м. р. на -*а* (какъ въ русскомъ и чешскомъ), то къ случаямъ дѣепричастія изъ причастія съ неопредѣленнымъ субъектомъ можно бы отнести: „Wojtek niewiada gdźie (=niewiedzieć gdzie, niewiadomo gdzie, невѣсть гдѣ, мр. незнать де) się podźioł", Kozłowski Lud (Mazow.) 226; „Dusa z ciała wyjść musiała I niewiada kej się działa, ib. 258. Иначе—niewiada есть сущ. ж. ед. съ опущеннымъ сказуемымъ.

[2]) Неясно, сюда ли относится „кладязи, яже суть за тобою отъ въстока, изъ того вода идеть по трубѣ, копавъ переими", Лавр. 47, т. е. слѣдуетъ ли исправить иже и считать „кладязи, иже..." за именительные, или же исправить „кладязя, яже" и принять это за винительные при „переими"?

жаніе рѣчи, еслибы въ Лавр. было сказано: „отъ того ти коня, на немъ же ѣздиши, умерети“.

Отчасти сходную съ этимъ роль въ области сказуемаго играетъ т. наз. самостоятельное неопредѣленное наклоненіе: „знать онъ знаетъ, да неговоритъ“. Объясняя себѣ такое неопр. накл. описаніемъ: „что 99
касается до того, чтобы знать“, или „что до знанія, то...“, можно видѣть, что подобный смыслъ въ своемъ родѣ можетъ имѣть и подлежащее, поставленное вполнѣ самостоятельно, нетолько безъ глагольнаго, но и безъ какого бы нибыло сказуемаго. Такъ напр. въ обычной формулѣ договорныхъ княжескихъ грамотъ XV в.; „а хто которому князю служитъ, гдѣ бы ни жилъ, тому съ тѣмъ княземъ и ходити (ѣхати), а городная осада (т. е. „что до осады“, или „въ случаѣ осады“), гдѣ хто живетъ, тому туто и сѣдѣти (v. сѣсти), Собр. гос. гр. и догов. I [1]).

Въ в. русскихъ памятникахъ значеніе такого именительнаго само- 100
стоятельнаго выясняется тѣмъ, что передъ нимъ иногда ставятся союзы а что:

а что наши ординци и дѣлюи, а тѣмъ знати своя служба, Договорн. гр. XIV—XV в. (часто; Собр. г. гр. I); а что князь Иванъ Стрыга, а тотъ мнѣ здѣсе у себя надобѣ, Пск. I, 244. А что мои люди куплении въ великомъ свертцѣ (т. е. перечисленные тамъ), а тыми ся подѣлять сынове мои. А что золото княгини моее Оленино, а то есмь далъ дчери своей Фетиньи, 14 обручи и ожерелье, матери ее монисто новое, что есмь сковалъ, (Духовн. в. к. Ив. Дан. 1327, С. Г. Гр. I).

Сюда, а отчасти и къ случаямъ отдѣленія подлежащаго отъ сказуемаго союзомъ (стр. 194: „а той дідусь та був каліка“; ср. „два мѣсяца на небеси въ въ нощи *и* ударилися вмѣстѣ“, Пск. I 317), примыкаетъ то, что именное подлежащее становится самостоятельнымъ отъ присоединенія подлежащаго мѣстоименнаго, относящагося къ той же субстанціи:

Борѫштии сѧ съ нами врази наши, ти изнемогошѧ и падошѧ, Supr. 54.

Мстиславичь Всеволодъ, внукъ Володимерь, его же выгнаша Новгородци отъ себе, онъ же приде къ стрыеви своему Ярополку Кыеву, Лавр. [2] 289.

А князь Андрѣй Михайловичь Шуйской, а онъ былъ злодѣй; не судя его писахъ, но дѣла его зла, Пск. I 304 (1541).

[1]) „Матери бо родивши его, бысть ему (Всеславу Бряч.) язвено (на главѣ его); рекоша бо волсви матери его: „се язвено, навяжи нань, да носить е до живота своего“, П. С. Р. Л. I. Лавр. 67. Редакція ставитъ запятую послѣ се язвено, заставляя этимъ понимать; „что до этого язвена, то..“; но такая интерпункція ненужна, такъ какъ эти слова могутъ быть въ винительн.: „эту кожу (язьно, corium, Mikl. Lex.), т. е. эту сорочку, съ которою онъ родился, навяжи на него (какъ талисманъ, мѣстопребываніе духа хранителя, Аѳан. Поэт. воззр. III, 360—1).

Это часто встрѣчается въ вр. былинахъ и т. п.: А и молодой Дунай, онъ догадливъ былъ, Скочилъ онъ Дунай со добра коня; Молодой Иванъ Гостиной сынъ, Он выпилъ чару зелена вина..; Въ та поры Владимиръ князь со княгинею, скоро онъ снаряжается; Царица Елена, Симеону царю она сонъ розсказала; А въ та поры Терентьище, онъ жены своей слушался; Доселева Рязань, она селомъ слыла, А нынѣ Рязань, слыветъ городомъ (Кир. Дан. Др. Р. ст. pass.); Какъ бы бѣла лебедушка по зарѣ она прокликала, Говорила царица царю Марья Темрюковна (ib. 43). [Отъ этихъ случаевъ отлично: а) когда мѣстоименіе слѣдуетъ за подлежащимъ и сказуемымъ: „Укатилося красное солнышко за горы оно да за высокія, За лѣсушка оно да за дремучіи, Барс. Прич. I, 1; Приукрылся нонь надежная головушка Во матушку вѣдь онъ да во сыру землю, Въ погреба вѣдь онъ да во глубокіи, ib. 18. Нажила себѣ чечотка она много дочерей, Шейнъ Р. н. п. 252. b) Когда мѣстоименіе предшествуетъ имени: Видѣлъ я Тугарина Змѣевича; Въ вышину ли онъ Тугаринъ трехъ саженъ и пр.].

Въ мр. Захарій, як невмів хитровати (и для чого-б то ёму?), він и росказавъ усе, Кв. Божі діти; Ваші-таки поддані, замісць того, щоб її поважати, вони будуть попрікати, що й вона мужичка, як и вони, id., Щира люб.

Мѣстоименіе послѣ подлеж. является средствомъ выдѣленія этого подлежащаго изъ ряда другихъ, иногда уже перечисленныхъ прежде: Бр. Было піць-продаваць Майго каня варанца, Або мянє малайца. Конь варанєц, ён выслужывся-б, А я-б маладзец, Я б выкупівся, Шейнъ, Матер. для изуч. Свз. кр. I, 370; Въ тую пору матушка похаживала, Невѣстушекъ-ластушекъ побуживала... А вотъ старшій братєцъ, ёнъ ружьё-то заряжав, А вотъ средній въ пташку выстрѣлицъ хоцѣвъ, ib. 393.

Мр. Ой за яром брала я лён та забулась повъязати;
Ой недалеко мій милий од мене, та ніким наказати.
Ой повъяжу лён (bis) хоч синёю та ожиною;
Ой накажу я свойму милому хоч чужою чужиною.
Ой синяя ожинонька, вона лёну неповъяже;
Ой чужая чужинонька, вона правдоньки нескаже,
(Ср. Метл. 60);

Відьми є рожденні и вчені. Рожденна, та чужого незайме, а свого непопусте, а вчена, то скажена, Драгом. Мр. пред. 68; Италіянець же маляр, Исквапнійший на всякі штуки.. Сей переряжен в обезьяну, Котл.

Изъ такого мѣстоименія через средній родъ образуется нарѣчіе, отдѣляющее подлежащее отъ сказуемаго. Т. о. въ вышеприведенномъ примѣрѣ согласуемое та чередуется съ то; т. о. вм. „наша Білилівка, вона тепер-но село, а перше був город“ (Драг. Мр. пред. 82) можно бы сказать „воно“ (еще въ знач. мѣстоим.). „Зозуля, це удо-

виця. Зозуля, то з дівчини. ib. 8. Такого происхожденія и въ литер. русс. обороты какъ „жизнь, это—горе“. Въ серб. Лиман-паша од Скадра бијела, он сазива од крајине Турке, Пѣв. Црног. 142. Въ нѣмец. ср. „Servacius, der het ein mutter, Vernaleken, Deut. Synt. I, 174. Въ лит. Той лакштутѐ, дребна паукштялѐ, Той гражеј содялије гѐда... О тас мано јаунас бролис, Тай јис гражей жирга шѐре (Этотъ соловушко, мѣлкая пташечка, Онъ хорошо поетъ въ садикѣ... А этотъ молодой братъ, то онъ хорошо кормилъ коня) Милл. и Форт. Л. н. п. 184.

Если подлежащее стоитъ во мн. числѣ или есть сущ. собирательное, а за нимъ слѣдуетъ перечисленіе предметовъ, входящихъ въ его объемъ, и ихъ дѣйствій; то главное подлежащее можетъ очутиться безъ сказуемаго, такъ что получится родъ именит. самост.: „И на семи соборовъ папежеве стараго Рима, иже въ томъ чину бысть, любо самъ идяше, любо своя пискупы присламе“ (здѣсь рѣчь могла бы прекратиться), „и единство и съвъкупленіе имѣаху святыа церкви“. Посл. Никиф., Калайд. Пам. XII в. 157; дружина же его, óни по немъ идоша, а друзии осташа его, Ип. ² 237; мр. нікого по хатам незосталось: дітвора, которе біжить, которого на руках несуть; престарих и болящих під руки ведуть: усі, усі пішли зó-кресги у поле, Кв. Добре роби.

Съ именительнымъ, за коимъ мѣстоименіе (А N, а онъ былъ злодѣй), сходное дѣйствіе производятъ поставленные также косвенные падежи: Многашьдѫ бо съгрѣшаюштааго и некаѩштаагосѧ, въвьр'жети и Богъ въ напасти и въ скър'би. Изб. 1073, 63.

Разбѣгошася князи и дружина Ростиславля. Подъ Ростиславомъ же на первѣмъ поскоцѣ летѣ конь подъ нимъ, Ип. ² 327.

Епископы, попы и игумены, съ любовью взимайте отъ нихъ благословленіе, и неустраняйтеся отъ нихъ, и по силѣ любите и набдите, да приимете отъ нихъ молитву отъ Бога, Поуч. Моном. Лавр. ², 237.

А на третии день своего пріѣзда (владыка) соборовате въ дому Св. Троица и сенадикъ чтоша: злыя прокляша, а благовѣрнымъ княземъ, лежащимъ въ дому Св. Софіи и въ дому Св. Троицы, тѣмъ пѣша вѣчную память; такоже и инѣмъ добрымъ людемъ, которыя положиша главы своя и кровь проліяша за домы Божія и за православное христіянство, такоже и тѣмъ пѣша вѣчную память, а живущимъ окрестъ святѣи Софіи въ В. Новгородѣ, такоже и окрестъ Св. Троица во Псковѣ, а тѣмъ пѣша многа лѣта, Пск. I, 214. А въ то время какъ сила (Псковская) была подъ городкомъ, Псковичи на вѣчѣ посаднику Дороѳею Олферьевичю даша ему воеводство ѣхати воевать Нѣмецкой земли, ib. 274. Двинского намѣстника Ивана Ондреевича Шереметева тиунъ его Мокша, 1510, Ак. юр. 28. И по времени увѣдаша великаго князя Ивана Васильевича роженіе его, Новг. II ² 67. Приводная жон-

ка Манка отдана думнаго дьяка Герасима Дохтурова человѣку его Куземкѣ Михайлову, 1673, Ак. до юр. быта отн. 59; боярина князя Ромодановскаго жены его человѣкъ, ib. 60. Поляковъ же и Литву, которые были при томъ лживомъ царѣ, и въ городѣхъ начали ихъ побивати, Котош. 3; Царскихъ дворцовыхъ селъ и волостей крестьянъ судятъ ихъ и росправу чинятъ на Москвѣ во дворцѣ, ib. 113. И князь Ондрѣй съ кабальными послухи N и N просилъ съ ними поля, 1547, Ак. до юр. б. 210. Да съ послы жъ, которые бываютъ посыланы на посольскіе съѣзды, или воеводы въ войну съ полками, и съ ними въ такіе посылки посылаются образы древняго писанія, Котош. [2] 43. Мнѣ на вёшной ледъ досадушки невыписать, хитромудрымъ писарямъ да имъ невычитать, Барс. Прич. I, 12. Мр. От-той хліб, що з гамазіїв добрі люде розібрали, чи не треба-б ёго поповнити? Кв. Як на великдень розговлялись паскою свяченою, та́к усяк приймав новий хліб, и вже першого куска неззів ёго сухого: обільлє ёго слізми, ib.

Въ нар. п. вр., мр., лит. весьма часто мѣстный падежъ или и другое обозначеніе мѣста выдвигается и обособляется такимъ образомъ посредствомъ нарѣчія указательнаго: вр. Что повыше было села Лыскова, А пониже было Богомолова, Какъ на той было Волгѣ-матушкѣ, Тамъ плыветъ гребетъ легка лодочка, Соч. П. Якушк. 577. Ах по мосту.. Тамъ ишел... ib. 591; Как по мосту... Туда шел-прошел... ib. 642; Изъ под камушка.. Там текла рѣчка, ib. 558; Изъ под камушка Протекала тутъ рѣчка быстрая. Мр. Въ колядкахъ это почти правило: З-за тамтой гори... Виходит ми там золотий крижик, Гол. II, 7; Ей в полі... Там... 8; Ей долов ми долов далеко, Там же ми ріля та й неёрана, 9; А на'них луках... Ген-там... 12; З-за оной гори... відти ми выйшли... 52 и пр. В др. пѣсняхъ: Ой у полі, в широкім роздолі, Там стояло чотирі дубочки...; Ой у полі де клен, яблунина, Ой там мати свою дочку била и пр. Лит. Жалёй гирёй, лигёй ланкой, Тя бернялис шёна пjове (В зеленом лѣсу, на широком лугу, Там молодецъ сѣно коситъ) и т. п. Милл. и Форт. Л. н. п. 42, 72, 120 и пр.

Нынѣшній Болг. яз. представляетъ явленія то вполнѣ, то отчасти сходныя съ вышеупомянутыми случаями плеонастичности (съ нашей субъективной точки) мѣстоименій.

αα) Мѣстоименіе послѣ имени, къ коему относится, частью въ перечисленіяхъ (какъ выше въ русс.) частью безъ нихъ: Любили се луди млади от маленки до големи. Станѫ време да се земѫт, Мома (вин.?), майка не ѭ дава, Ирген, баща не го жени, Док. 100. Найху'бавѫ-тѫ крушѫ свиня-та ѭ ѣде' Пам. и Обр. 341. Въ началѣ пѣсни: Янкула го войска обкололила Милад. 140—1. Сюда же и сопоставленіе мѣстоименій въ томъ же падежѣ, но въ разныхъ формахъ: (посмотри) Що те войска тебе обколила ib. 141; Яз ке те тебе

опитамъ Милад. 197; Тая ми менѣ нарѫча ib. яс да го него откупам ib. Мене (и) ми се струва, мнѣ мнѣ кажется; него го нема, его его нѣтъ Mikl. Gr. IV 74. *ββ*) Мѣстоименіе го, ѭ и пр. передъ именемъ, къ коему относится. Имя это могло быть прежде упомянуто, такъ что мѣстоименіе выражаетъ ссылку на него, и особенность оборота—только въ повтореніи именъ: (N) ми набрала киска босилёк... „Егиди море, младо спаивче! Да си ѭ скриеш оваа киска... Да ѭ погле’аш киска босилёк, Мил. 91; „По’убаф брат ми от мене“.—Ко’ѥ поубаф от тебе, Ай да му речиш брату ти... ib. 196; (сестра) му кажвеше брату си, Стоян ѥ рече сестрѣ си ib. 197. Но нерѣдко это встрѣчается въ началѣ рѣчи, на пр. пѣсня начинается: Фатиле ми го Стоjна Дренопольски-те сеймени, ib. 196. Въ такихъ случаяхъ предшествующее знакомство съ предметомъ находится только въ мысли говорящаго и мѣстоименіе отличается отъ члена, употребленнаго такимъ же образомъ, лишь меньшею связью со своимъ именемъ, возможностью отдѣленія отъ него другими словами. Для Болгарскаго характеристично то, что въ немъ эти явленія составляютъ правило. Спорадически, они гораздо древнѣе ново-болгарской потери падежныхъ окончаній. Ср. Mikl. Gr. IV, 74; случаи упомянутыя выше, а также: „Иде Володимиръ на Радимичи. Бѣ у него воевода Волъчий Хвостъ, и посла *и* Володимиръ передъ собою Волъчья Хвоста; сърѣте е на рѣцѣ Пищанѣ и побѣди Радимичѣ Волчий Хвостъ (Лавр. П. С. Р. л. I, 36; иначе (но хуже) [2] 55); и вложиша *и* (Володимера) въ корсту мороморяну, схраниша тѣло его съ плачемъ, блаженаго князя, ib. 56, ср. [2] 90.

Такимъ образомъ именительный съ причастнымъ словомъ есть явленіе не единичное и потому маловажное, а находящееся въ связи съ нѣкоторыми другими явленіями и вмѣстѣ съ ними характеризующее извѣстныя состоянія языка.

Причастіе безъ личнаго глагола, какъ сказуемое придаточнаго предложенія, связанное съ главнымъ сказуемымъ посредствомъ относительнаго слова.

Такое употребленіе причастія мало извѣстно, несмотря на свое значительное распространеніе, и, то принимается за ошибку переписчика, то отождествляется съ прич., входящимъ въ составное сказуемое или съ опредѣленіемъ подлежащаго. Такъ напр. Востоковъ приводя примѣры того, что „иногда вмѣсто (?) глагола употреблялось причастіе дѣйствительное“, недѣлаетъ различія между случаями, къ разсмотрѣнію коихъ мы здѣсь приступаемъ (какъ „не вѣдѧть бо сѧ, чьто творѧще“), 101
и случаями непосредственнаго сочетанія причастія въ именит. съ глаголомъ, какъ „отъ того бо насъ ни ѥдиноже неприкоснѫсѧ ѥсть“

(=ничто же касается); мьняахѫ духъ видѧще; се бо ми мьнитьсѧ уне бѫды, Грам. ц.-слав. яз. § 108. Миклошичь называет причастіе въ случаяхъ „нѣсть, кто милоуꙗ“ предикативнымъ, но также называетъ онъ и прич. прямо примыкающее ко глаголу воспріятія: „видѣ господа висѧшта“, Gr. IV 823—5, 834—5. Поэтому, откладывая подъ конецъ опредѣленіе общихъ свойствъ этого построенія, начну съ примѣровъ.

а) Въ насъ бо ходѧть и нѣсть, къто ихъ приѥмлѧ, нѣсть, иже бы я въвелъ въ домъ свои, Изб. 1076, 8. (Шиман.).

Княже! се дружина его неѣдуть съ нимъ (съ кн. Володимеромъ Андреевичемъ, т. е. его тѣломъ), а пусти своеѣ дружины нѣсколько: не кто ни конь доведа, ни стяга донеса, Ип. 101. Подобно тому, какъ теперь ошибочно пишутъ некому и т. п. вм. нѣкому, уже и въ стар. памятникахъ встрѣчаемъ напр. „не ли кого, иже бы моглъ на ону страну доити“, Лавр. 28. Слѣдуетъ читать: нѣ, кто доведа, донеса“ (изъ не ѥ=не ѥсть) т. е. нѣкому довести, донести. Главное предложеніе есть нѣ. Тъ же шедъ повѣда Ѳеодосию, яко нѣсть, къто воды нося, жит. Ѳеод. 31, 2.

Затваряѧи оуши свои, яко же неслышати ништааго, и самъ призоветь, и небѫдеть, къто послоушая, Изб. 1073, 84.

Оже ли небудеть, кто ѥго мьстя, то положити за голову *н* гривенъ, Рус. пр. по син. сп. (Рус. дост. I, 28), т. е. если нѣкому будетъ мстить за убитаго, то...

Возвратишася съ побѣдою великою Половци, а о нашихъ небысть, кто и вѣсть принеса, Лавр. 168, нѣкому было принести.

И небысть, кто помилуя ихъ, Ип. 200 (565), нѣкому было сжалиться надъ ними.

По смерти же великаго князя Болеслава, небысть, кто княжа въ Лядьской земли, Ип. 208 (581), нѣкому было княжить.

То-же въ старинномъ чешскомъ. Примѣры XIV—XVI в.:

Jestit' pak, kdo co ucinĕ? есть ли кому что сдѣлать. Kdaž-to bude v zlém pobĕda, Nenie, kto co povĕda, Jedno každy: hoře, bĕda!“ Hatt. a Pat. Zbytky Alexandreid 4. Není, kdo čaky přidada, нѣкому придать на-
102дежды, нѣтъ такого, который бы обнадежилъ, ib. 12. Nebyl, kdo dedin osévaje, нѣкому было засѣвать земель. Božská velebnost šestého dne člověka aby byl, kdo vecmi vladna a jich uživaje..., učinila,... чтобы было, кому владѣть и пользоваться Zikmund, Sklad. jaz. česk. 402, 673. Zpravovati, neb zpravovače poslúchati, nevĕdĕ, které jest horšie; neb by nebyl, kto poslúchaje (=къто послушая), nebyl by take, kto zpravuje, T. Štitný, XIV в., пересуживать другихъ, или слушать пересуживающихъ, незнаю, что хуже; ибо если-бы нѣкому было слушать, то нѣкому было бы и пересуживать.

Въ стар. поль: Urzędnik niema więcey robot żadnego dnia roskazować, niżli ma włodarzow, bo ich (robot) niebędzie, kto doyźrząc, Gostomski Oekonom., 2 изд. 1644, Wójc Bibliot. Star. III, 114.

Выраженій этихъ неслѣдуетъ смѣшивать съ тѣми, въ коихъ причастіе безъ члена и безъ относительнаго мѣстоименія прямо присоединяется къ есть и пр., составляя съ этимъ глаголомъ одно сказуемое: ѥсть судя, бяху ловяче. Здѣсь между прочимъ слѣдующая разница. Въ „ѥсть, къто донеса", „není, kto učinĕ" видимъ причастія настоящаго врем. глаголовъ предложныхъ, имѣвшихъ уже въ то время значеніе совершенное. Смыслъ ихъ относительно времени можемъ передать нашимъ настоящимъ гл. соверш., т. е. будущимъ: есть такой, который донесетъ. Между тѣмъ такихъ наст. прич. глаг. соверш. въ непосредственномъ сочетаніи съ ѥсмь (ѥсть донеса) вовсе ненаходимъ; но если-бы они и были, то мы скорѣе должны были бы принять въ нихъ причастіе наст. соверш. за выраженіе прошедшаго, какъ въ случаѣ: „посадяче его на престолѣ, поиде(=ѣ)те же къ Иерусалиму, Новг. I, 27, и др. подобныхъ, а не будущаго.

Приведенные примѣры, по отношенію къ нынѣшнему языку, характеризуются тѣмъ, что ихъ причастіе съ именительнымъ относительнаго мѣстоименія постоянно замѣняется нашимъ неопредѣленнымъ съ дательнымъ того же мѣстоименія, что впрочемъ зависитъ лишь отъ безличности главнаго сказуемаго въ новомъ яз. Примѣровъ построенныхъ по тому самому образцу, но съ причастіемъ прошедшимъ („ѥсть, 103
къто донесъ"), въ коихъ причастіе немогло бы замѣниться нынѣшнимъ неопредѣленнымъ, мы ненаходимъ.

Г. Срезневскій (Мысли объ ист. рус. яз. 82) ставитъ знакъ равенства между „není kto dobuda duše mé" и „нѣсть възъискаяи душу мою. Псал. 141 (142), 5; но между этими выраженіями та существенная разница, что въ послѣднемъ всего одно сказуемое нѣсть, подлежащее коего есть членное причастіе (=„взыскающій несуществуетъ"), а въ первомъ—главное сказуемое нѣсть (není), къ коему причастіе безчленное, какъ второстепенное сказуемое, присоединено именительнымъ относительнаго мѣстоименія, что по смыслу болѣе близко къ нынѣшнему „нѣкому" съ неопред.

Рѣдкій случай представляетъ слѣдующее: „непотаи мене, ѥже ти сѧ сълоучи: нѣ сьде никого сеѩ бесѣды слышѧ Supr. 175. Послѣ нѣ слѣдуетъ не именит. къто, а родит. никого, между тѣмъ какъ причастіе сохраняетъ форму именительнаго.

б) Иже бо (кто) невидѣвъ тоя радости въ той день, то неиметь вѣры сказающему о всемъ томъ видѣніи (=кто невидалъ), Хожд. Дан. (Нор.) 144. Ту стояху вси, иже отъ Галилеи пришедше съ Іоанномъ и съ Матерію Іисусовою, ib. 30. На ню же (жизнь), иже соуть по об-

разоу и по подобьствоу добрѣ сънабьдѣвши..., великыи примоуть покои; а иже погоубив'ше се сами своимъ изволениѥмъ проныривымъ, ти ни хоудѣ себе невъздвиг'ше от скврън'ныѥ сеѥ жизни и свиньныѥ на высокоу оноу (жизнь), яко же подоба мыслъномоу жителиноу, нъ примѣсив'ше се къ скотоу всемоу безоумноумоу и подбив'ше се имъ,—послани боудоутъ на моукы и казни лютыѥ, Іо. Экз., Шестодн. 82. Ср. И они межъ себя, кто свѣдавъ у кого невѣсту, посылают къ отцу тоѣ невѣсты, Котоших. 123.

в) Невѣста сѧ, чесо просѧща, О. Ев. Марк. 10, 38, *οὐκ οἴδατε, τί αἰτεῖσθε*, nescitis, quid petatis, въ болѣе поздн. ц.-сл. „невѣста, чесо просита“.

Невѣдѧть бо сѧ, чьто творѧще, ib. Лук. 23, 34, *οὐ γαρ οἴδασι, τι ποιοῦσι*, nesciunt enim, quid faciunt. По Востокову (Слов. къ Остр. Ев. 285) „здѣсь въ словенскомъ причастіе вмѣсто изъявительнаго накл.“, что справедливо развѣ въ обратномъ смыслѣ, что позже ставилось здѣсь изъявительное.

И аште добро твориши, вѣжьсѧ, комоу творѧ, яко послѣди обличить зоболоу своѩ, Изб. 1073.

Да злѣ мьнетъ я и бечьс(т)нѣ проповѣдаютъ я (слънце и лоуноу), яко же самовластна ѥста свѣтил'ника, и невѣдоуще се, ч'то бледоуще, Іо. Экз. Шестодн. 115 (несознавая, что за пустяки они говорятъ).

(Василько говоритъ:) „Се слышю, оже идеть Володимеръ и Святополкъ на Давыда. Даже бы мэне Давыдъ послушалъ, да быхъ послалъ мужь свои къ Володимеру воротиться (=чтобы В. воротился) (вѣдѣ бо ся, съ нимъ что молвивъ), (=знаю, что съ нимъ говорить), и непоидеть Лавр. 112 ².

О оканьніи! невѣстеся, что творяще, се бо творите невѣдиньемъ, Ип. 33.

Вѣдалъ ся будеть Володимеръ, кого заемъ, ib. 52, будетъ онъ знать, кого занялъ (какъ въ малор. заняв), т. е. кого онъ задѣлъ, затронулъ.

Во всѣхъ этихъ примѣрахъ вѣдѣтися значитъ не просто знать (гл. дѣйств.), а „имѣть сознаніе своего состоянія“, глаголъ средній, въ коемъ сѧ уже формально, т. е. нечувствуется уже какъ вещественное дополненіе въ вивительномъ. Прямое дополненіе въ винительномъ или родительномъ („вѣдѧтьсѧ того“) здѣсь невозможно. Поэтому можно бы
104 подумать, что причастіе въ именит. здѣсь непосредственно примыкаетъ ко глаголу, образуя съ нимъ такое же составное сказуемое, какъ въ лит. „asz žinaúsi gerai daręs“, что было бы по славянски „вѣмьсѧ добро (съ)творивъ“. Если бы подъ добро мы стали разумѣть не нарѣчіе (какъ лит. gerai), а сущ. въ винит., то этимъ бы мы еще увеличили наружное сходство съ „невѣдѧтьсѧ, чьто творѧще“.

Однако при такомъ пониманіи было бы упущено изъ виду слѣдующее. Относительное мѣстоименіе играетъ здѣсь двойную роль: оно нетолько есть простое дополненіе, которое по требованію силы рѣчи могло бы ставиться передъ дополняемымъ, но должно ставиться такъ, какъ слово, связующее второстепенное подчиненное сказуемое съ главнымъ. Сравненіе приведенныхъ примѣровъ со слѣдующими, въ коихъ главныя сказуемыя или суть глаголы дѣйствительные, или по другимъ причинамъ немогутъ входить вмѣстѣ съ разсматриваемымъ здѣсь причастіемъ въ составъ сказуемаго, убѣждаетъ, что и въ „невѣстасѧ, чесо просѧще" мы имѣемъ дѣло не съ составнымъ сказуемымъ, а съ оборотомъ, въ коемъ именительный причастія независитъ отъ рода глагола и могъ бы посредствомъ относительнаго слова примыкать не прямо къ глаголу, а къ его дополненію.

Самъ бо вѣдѣаше, чьто хотѧ сътворити, О. Ев. Іо. 6, 6, *ἤδει, τί ἔμελλε ποιεῖν*, sciebat, quid esset facturus. Еслибъ въ слав. языкѣ въ бóльшей мѣрѣ сохранилось прич. будущее, то мы бы имѣли здѣсь оборотъ въ родѣ, „sciebat, quid facturus (безъ esset), по внѣшности, а отчасти и по значенію равный литовскому „žinojo, ką darysęs. Вѣрно то, что хотѧ стоитъ здѣсь не по опискѣ вмѣсто хотѣаше=*ἔμελλε*, какъ думалъ Востоковъ (Сл. къ Остр. Ев. 304), и не вмѣсто хотѣвъ, которое имѣло бы здѣсь вещественное значеніе „имѣлъ намѣреніе", а потому, что лишь настоящее, а не другое время глагола хотѣти сообщаетъ неопредѣленному другого глагола значеніе будущаго времени, а прич. наст. хотѧ—неопредѣленному значеніе причастія будущаго: переводчику нужно было выразить то, что выражаютъ facturus и darysęs, 105

Намъ бо вьсего оудобѣѥ ѥстъ, ѥже въсхотѣти чесому, неже творити, не бо можемъ творити, ѥже хотеще; а Богоу творьцю все мощно, ѥже хощетъ, хотѣнию бо Божию сила припрежена, да ѥлико же хощет', творитъ, Іо. Экз. Шестодн. 2. Идѣте, ѥже хотѧще, сътворите, Пат. Син. XII в. Бусл. Хр. И. 337. ѥгда что пише (=пишѧ), то въдааше просещиимъ ѥ преписати І. Экз. ib. 204. И что у себе имѣя въ руку моею худого добытка, и отъ того всимъ подавахъ, Хожд. Дан. Иг. Бусл. И. Хр. 658.

Нехождаше зять по невѣсту, но приводяху вечеръ (винит.), а завътра приношаху по ней, что вдадуче, Лавр. 6. Быть можетъ, здѣсь былъ оттѣнокъ будущаго, если гл. въдати понимался уже какъ совершенный: приносили вслѣдъ за нею (то), что имѣли дать, что хотѣли дать, „ѥже хотѧще въдати".

То ти не мнѣ ѥста неуправила, ѥже рекша, но Богови, Ип. 61 (298), не мнѣ неисполнили (того), что было обѣщали.

И тако съступиша, ѥже рекше, Ип. 83, соступили (съ того), что было сказали (обѣщали).

Ини же мъхъ ядяху, ушь[1]), сосну, кору липову и листъ ильмъ, кто чьто замысля, Новг. I, 47, ѣли, что кто вздумаетъ.

Его же умѣючи, того незабывайте, а его же неумѣючи, тому ся учите, Лавр. 102. Здѣсь, какъ и въ нѣкоторыхъ слѣдующихъ примѣрахъ, на мѣстѣ согласуемаго причастія стоитъ возникшая изъ него причастная форма, близкая къ нынѣшнему дѣепричастію.

Истцю своѥ лице взяти.. а оному (купившему краденое) желѣти своихъ кунъ (=жалѣть ихъ лишившись; ср. пол. postradać czego, потерять, лишиться), зане незнаѥть, у кого купивъ. Познаѥть ли надолзѣ (=съ теченіемъ времени), у кого купивъ, то своѥ куны възметь, Рус. Пр.; Достоп. I, 35; II, 37. Пусть неподумаетъ кто либо, что купивъ есть млр. произношеніе причастія купилъ.

106 Вывести ѥму послухы, любо мытника, передъ кымь же купивъше, ib.

Велику честь приялъ отъ царя, при которомъ приходивъ цари, Лавр. 4.

Посла къ нимъ жито... съ людьми добрыми, кому вѣря, Ип. 208 (580), кому вѣрилъ въ то время, какъ посылалъ. Настоящее время причастія—для выраженія одновременности съ дѣйствіемъ главнаго сказуемаго.

(Тайну повѣдавъ) послѣди же ратенъ будеши съ тѣмь, у нѥго же слышавъ (тайну) и ѥму же повѣдавъ, со обѣма ратенъ будеши, XIV в. Бусл. Хр. 481, будешь въ сорѣ (ср. лотышск. rāts, rixa), съ тѣмъ, у котораго слышалъ, и пр.

Нелюбяй бо брата своего, его же видя, Бога его же невидѣ, како можеть любити и́, XIV в. П. С. Р. лѣт. I, 252.

А иже рѣзати въ недѣлю, что хотяче (прич. множ.), нѣту бѣды, Впраш. Кюрика сп. XIII в. Калайд. Пам. 176, а что рѣзать (что касается до того, чтобы рѣзать) въ воскресенье, что кто хочетъ, то нѣту бѣды.

А крестити (=святить) на блюдѣ, развѣ сочива, вся: горохъ, боръ, сочевица, ривифь (ἐρέβινθος).. а овощь который хотяче, ib. 180. Множ. число причастія, какъ и выше, даетъ смыслъ: „какой хотятъ", т. е. какой кто хочетъ.

А пъртъ дѣля, въ чемъ хотяче ходити? ib. 192, а насчетъ одежды, въ чемъ кто хочетъ ходить?

Аще ли бы кого оубогыихъ обрѣлъ нага, и ризоу, въ нѥй же хода, даяше ѥмоу, Пат. Син. XII в., Бусл. Ист. Хр. 335.

На немь же мѣстѣ явивъся, на томь же паки и невидимъ бысть, Жит. Θеод. XII в.

---

[1]) Ушь, м. б. нѣчто покрывающее, судя по контексту, скорѣе какая либо кора, чѣмъ кожа. Ср. ус-ниѥ, ус-мъ, корень вас, покрывать.

ѥже бо испрьва мѣсто назнаменавъ, благословивъ, пажить сътвори, на нѥмь же (мѣстѣ) хотя пастьвити стадо словесьныхъ овьць, доньдеже пастуха избра, ib.

Кто почнетъ вступаться или въ землю, или въ пожни, или въ лѣсъ, или во что ни хотя, XIV в., Ак. Юр., Бусл. Гр. § 213, Пр. 4. Да пытати Савину, ѣдучи дорогою... кого пригоже, съ кѣмъ познався... какъ нынѣ Турецкой съ Угорскимъ? 1538, А. З. С. II, 321.

Также людей грабятъ(ь) и гроши беруть, на комъ што хотячи, Ак. зап. Р. I, 90 (1479). Воленъ записати, кому хотя, А. З. Р. II, 181. 192 (Mikl. Gr. IV, 823); вольно имъ всякое збожье и звѣрь мохнатый, кому хотя, продати, 1540, А. З. Р. II, 368.

Што ся съ земли того неприятеля нашого довѣдавши, о томъ бы твоя милость... намъ вѣдомо давалъ, 1524, ib. 328; а што слышавши о недобромъ его милости, то ми его милости повѣдати 1450, ib. I, 68.

Цюцюра... которихъ знаючи козаковъ значныхъ до себе зазвавши въ алкѣръ поодинцемъ казалъ повязати, а на потомъ позабивати на смерть, Лѣт. Самов. 59; даючи знати, жеби оного до вязеня взято... и иныхъ, которихъ знаючи ib. 172.

Тоже въ стар. чешскомъ:

Nevím co o ní řka (=Р. чьто рька), незнаю, что о ней сказать.

Nevím co čině (=чьто творя). Každý sám se nutkej aby rozeznal zlé 107
od dobrého, aby věděl, co čině a co nechaje, aby věděl, co obera, пусть каждый принуждаетъ себя отличать зло отъ добра, чтобы знать, что дѣлать, а что оставить... что выбрать. Čiňme, což chtiec (дѣепр., русск. чьто хотячи, изъ -че), Štitný. Což moha (чьто мога), to povím, Zikmund Skladba 405, 673, 675.

Въ польскомъ: u nas wolno każdemu co chąc czynić, XVII в., Linde.

г) Вѣдѣахъ тѧ, ꙗко жестокъ ѥси человѣкъ, жьнѧ, иде же нѣси сѣꙗлъ (въ Ев. 1164—идѣ же несѣявъ; въ Ев. 1230—уду же несѣявъ) и събираѥши, ѭду же нерасточивъ (въ прологѣ по сп. XII в. и събирая, юдуже несыпавъ; въ галиц. Ев.' 1144—уду же нерасточь), О. Ев. Мат. 25, 24, *ἔγνων σε ὅτι σκληρὸς εἶ ἄνθρωπος, θερίζων ὅπου οὐκ ἔσπειρας, καὶ συνάγων ὅθεν οὐ διεσκόρπισας.*

Вѣдѣаше яко жьню, идѣ же несѣявъ (въ О. Ев. иде же несѣяхъ) и събираю, юду же несыпавъ (въ О. е. ѭду же нерасточихъ), XII в. Калайд. Іо. Экз. Б. 29, Мат. 25, 26.

И заповѣдано бысть по всей странѣ той, „аще къде видѣвъше такого отрока, да пришьдъше възвѣстите матери ѥго, Жит. Θеод. XII в. 5. И уладишася, кдѣ что свое познавше, лицемъ имати, Лавр. 141, [2] 309 (согласились, гдѣ признають что свое, брать натурою).

Поима городы Гюргевы Ольговичь, и конѣ, и скоты, и овцѣ, и товаръ, кдѣ что чюя, Лавр. 135, гдѣ что ни заслышалъ. Поима Всеволодъ Гюргевѣ конѣ, скотъ, овцѣ и кдѣ чьто чюя товаръ, Ип. 18, и изъ обозовъ (изъ того, что въ обозѣ) (все) о чемъ узналъ. Почаша добрыхъ (=зажиточныхъ) людей домы зажигати, кдѣ чююче рожь, Новг. I, 47, домы, въ которыхъ, по слухамъ, была рожь.

Ижеряне усрѣтоша ихъ (Емь) бѣгающе (=щѧ, вин. мн.) и ту ихъ
108 избиша много, а прокъ ихъ разбѣжеся, куды кто видя; но тѣхъ Корѣла, гдѣ обидуче (т. е. гдѣ бы ни осочили) выводяче избиша, ib. 43;

Пристави мужа (вин. мн.)... возити мьртвьця на кони, кдѣ обидуче по городу, ib. 46. Обидуче, какъ и выше, причастіе наст. мн. ч. отъ об(ь)ити (=гдѣ ни находили обходя), а никакъ не отъ обидѣти, при которомъ хотя есть архаич. прич. вида, видуче, (отъ темы такой какъ въ веде-ши, или вѣ(д)си, а не отъ види-), но которое неимѣетъ значенія увидать. Ср. Матер. для словар. и грам. III, 15.

Отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ, Лавр. 3, смотря по тому, гдѣ, на которомъ мѣстѣ сѣли. Гдѣ улюбивъ жену или чью дочерь, поимашеть насильемъ, Ип. 136, бралъ, гдѣ было ни понравится, а не „полюбивши гдѣ либо, бралъ".

Невѣдяху бо, камо бѣжаще, Ип. 156 (480), незнали, куда бѣжать.

Куда же ходяще путемъ по своимъ землямъ, недайте пакости дѣяти отрокомъ ни своимъ ни чюжимъ, ни въ селѣхъ ни въ житѣхъ, Лавр. 102, куда ни ходите... недавайте...

А друзіи розбѣгошася, камо кто видя, Ип. 202.

А иніи таки разбѣжалися, кудѣ кто поспѣвъ (дѣепр.) Пск. I, 241. Нѣмци... что гдѣ полонивше, или человѣчскую голову, или скотъ, провадяхуть за Великую рѣку, Пск. I, 184.

Аще ли упіешися до пьяна, а къ себѣ спати несойдеши или не съѣдеши (=не въ состояніи будешь дойти или доѣхать, ср. млр. не зійдеш), тутъ и уснешь, гдѣ пивъ, и будеши небрегомъ никимъ же", Домострой.

А гдѣ будешь хотя послалъ на наше лихо, а тамо ти отъслати, 1402, Собр. гос. гр. I, 3; а гдѣ будете хотя послали на мое лихо, и вамъ тамо отослати, 1433, ib. N 49. Будешь, будете относится здѣсь
109 къ послалъ, послали, а не къ хотя, такъ что значеніе: „а если ты послалъ куда либо", „куда бы ни было".

А въ тыхъ имѣньяхъ онъ воленъ, куды хотя маетъ обернути, 1506, Ак. зап. Р. I, 369 Въ послѣднихъ случаяхъ (гдѣ хотя, куды хотя =гдѣ-либо, куда-либо) дѣепричастіе стремится уже стать частью нарѣчія гдѣ, куды.

И ѥгда (одинъ отъ братия) водоу въливая въ котьлъ, глаголеть старѣйшинѣ: „благослови отьче“, Жит. Ѳеод. XII в. 23. Ту бо печеру... Авраамъ купилъ... на погребеніе себѣ... ѥгда пришедъ отъ Месопотамія, Хожд. Дан. иг., Сах. Ск. Р. Н., кн. 8, 24 (лучше, чѣмъ, у Норова 94: егда приде).

Наквапи, рече, ложкою исъ потиря, когда отъимая, Вираш. Кюр. Калайд. Пам. 177,=когда вынимаешь частицы.

Ци приливати воды къ вину, коли даюче? ib. 177. Коли хотяче молитву творити болному, преже глаголи трисвятое, таже „святый Боже“, ib. 181. Се же написахъ тѣхъ дѣля, иже немогутъ до обѣда блюстися неядуче; а съ (съ)сущими—коли хотяче причащатися, нѣту бѣды, ib. 185, а съ грудными (относительно грудныхъ дѣтей) то имъ можно прищаться когда кто хочетъ. На томь камени опочивала Св. Богородица, какъ (=како, т. е. когда) съ осляте съсѣдъши, Хожд. Дан. иг. (Нор.) 79; Яко же внидучи (=вънидуче) въ градъ, путь есть сквозѣ врата ib. 20.

А отъ тыхъ же мѣстъ, какъ тыхъ погубивши и окупы на иншихъ побравши, такъ жилъ на всей Ржовѣ Константинъ, тамъ судилъ и радилъ... 1479, А. З. Р. I, 90.

Купцы и ремесники всякіе маютъ доброволно огонь у своихъ домѣхъ завжды держати, коли хотячи, 1506, ib II, 2.

Сеежгоднеѣ зимы, (мы) какъ скоро сѣдши на столцы отчины нашое, В. Кн. Литовского, такъ же черезъ наши послы тебе напоминали, 1507, іб. 20. Врядники украинныи... скоро што послышавши, повинны... твоей милости вѣдомо давати, 1534, ib. 334.

Чю̓дное дѣло и дивное пръвааго дьне сказавьше противоу своѥи мощи, яко же слышавьше отъ светыхъ отьць, радостию се исплънихомъ, Іо. Экз. Шест. 29. Се, яко же обѣщавься благородству твоему, повѣдаю ти вины ихъ (Ла̓тины), посл. Никиф. къ Моном. Бусл. XV. 902.

Даже непринесутъ его (дѣтяте) ни на вечерню, ни на заутреню, ли роботою, или убожьствомъ, или како хотяци (=или почему бы ни было) и дома ничто же непѣли ему, дати ли ему причащеніе на литургіи? Впр. Кюр. ib. 185—6.

Аче та къ нама нешла, яко же рекша, но абы съ нами Богъ былъ, Ип. 40, хотя тѣ два и непришли къ намъ, какъ сказали (что прійдутъ) но лишь бы...

Король же, ако срекъ годъ, како поити, и посла къ Изяславу и рече ему: „азъ ти на конѣ уже всѣдаю же“, Ип. 66 (308), какъ назначилъ срокъ, согласно съ тѣмъ и послалъ..; срекъ—прич. прош. на -ъ, а не на -лъ (среклъ).

Дай ми путь слати ко Всеволоду и ко Давыдови, а како ся нагадавше вси, тако же съ тобою уладимся, Ип. 148 (466), какъ мы уговорились..

110 А поцнѣтеся (=потъснѣтеся), како болѣ могуче, Ип. 62 (301).

Пръстъ Бжи, им'же надълежитъ на облацѣхъ, и попоущаѥтъ (дъждя) ѥлико хоте (=хотѧ) Іо. Экз. Шестодн. 156.

Да приходячи (вм.—яче) Русь съльбьноѥ (s. вм. слюбное, хлѣбное) ѥмлють, ѥлико хотячи (вм.—яче), Догов. Олег. 907, Лавр. [2], 31.

Убогыхъ незабывайте, но, елико могуще, по силѣ кормите, Лавр. 102.

Какъ мога, такъ имъ бобра ловити, 1453, Ак. зап. Р. I, 70—дѣеприч. вм. древняго „како могуче", какъ могутъ, какъ кто можетъ. А пытати цистит(и) (колодязь солоной) и варити (соль) имъ по досугу въ тѣ лѣт(а) въ десять лѣтъ, какъ могя, XIV в. Ак. отн. до Ю. Б. II. 5.

Кажемъ тобѣ, абы еси, какъ найболѣй самъ розумѣючи, нашого, добра посмотрѣлъ... а естли бы еси тамъ розумѣлъ нѣкоторыхъ людей. абы ся къ намъ иначей мѣли (=иначе относились), и ты бы, какъ могучи, ихъ приводилъ къ тому, абы намъ вѣрнѣ служили, 1492, ib 126; II, 13, 31; III, 71.

Поневажъ.. игуменъ неспособного здоровья будучи на сей часъ, теды я отписую до честности твоей, якъ умѣя, 1638, Ак. Юж. и З. Р. III, 9. Братію выправовалъ еси зъ быдломъ до Москвы, жебы входили, якъ могучи, ib. 10. Мы такъ учинили, якъ есте намъ казали и радили: зъ быдломь, якъ могучи, ступати до Москвы; ib. 12... Которіе.. яко могучи оныхъ (козаков) смѣрали, Лѣт. Самов. 3; Сомка Гетмана, яко могучи, удавалъ и на Москву описывалъ, ib. 71; А старшина, козаки значние, яко з'могучи, кралися, где хто моглъ, ib. 78; Козаки и Москва, яко могучи переправовалися ib. 137.

Ср. въ стар. чешскомъ:

Lide uzřevše, kam kto věda, utíkal (=ср. русск. камо къто вѣда прич. наст.).

Od něhož se, kudyž mohouc, vzdalovala (=куды могучи).

Materám zvláště to přislušie, aby své dietky k dobrému vedly dobrotú (тв. ед.), kdež mohúc, viece než ukrutností ,T. Štitný.

Trpme jakž mohúce najmileji, id.

Toho má jemu pomocen byti, jakž moha a uměje skutkem (дѣломъ) и radú, id. Zikm. 674, 676.

Въ польскомъ XVI—XVIII в.:

111 Wolno mi pić jako chcąc, czy mało, czy wiele. Roskazał, aby na krzyżaki wojnę podnosić, póki mogąc, ociągali się. (Kmiotki) aby żyta pożyczyli,..

ktore urzędnicy mają oddać, skoro zasiawszy, Oekonom. XVII в. Wojc Star. Bibl. III, 173.

Już wojsko Litewskie wymoderowało się jako mogąc, Pam. Paska (Węcl.) 100; umyslił się bronić, jako mogąc, Linde, Sl. chcieć, modz.

д) Подобно тому, какъ можно смѣшать составныя сказуемыя ѥсть сѧда, невѣдать сѧ творѧще съ оборотами болѣе раздѣльными, какъ ѥсть, къто сѧда, невѣдать сѧ, чьто творѧще; представляется подобная возможность и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ коихъ второстепенное сказуемое присоединяется къ главному посредствомъ союза. То, что выражено причастіемъ ида въ состав. сказуемомъ „твориться ида“ или въ составномъ приложеніи творяся ида“; уже безъ союза акы имѣетъ оттѣнокъ сомнительности, въ силу вещественнаго значенія гл. творитися. По этому можетъ показаться, что ничто неизмѣнилось послѣ прибавленія акы: „твориться, акы ида“. На дѣлѣ однако здѣсь произошло раздѣленіе предложенія на два, хотя и неравносильныя, и сознаніе въ союзѣ такого формальнаго отношенія между сказуемыми, какого до этого небыло.

Творяшеться, аки всю землю вземъ, Ип. 210, (взявши нѣсколько селъ) показывалъ видъ, будьто взялъ всю русскую землю. Лежа (аор.), творяся (во 2-мъ изд. ошибочно „творися“), акы изнемагая с ранъ, но ранъ на немъ небыло, Ип. 69 (313).

Впрочемъ акы, какъ и позднѣйшіе сравнительные союзы, имѣетъ ту особенность, что отдѣляетъ отъ главнаго сказуемаго нетолько прич. наст. и прош. -ъ, -въ дѣйств., но и причастія страд. [„створися своею волею акы боденъ“, Ип. 97 (310)] и имена („лежа акы мьртвъ“), при чемъ, чѣмъ менѣе предикативно отдѣляемое слово, тѣмъ въ болѣе тѣсную связь съ нимъ входитъ союзъ. Въ „сътворися акы боденъ“ нечув- 112
ствуется надобности въ запятой передъ акы; въ соотвѣтственномъ выраженіи нынѣшняго языка „притворился какъ бы — раненнымъ“ (копьемъ) какъ бы сливается въ одно слово съ раненнымъ, внося въ само это слово оттѣнокъ мнимости. Чѣмъ ближе подобный союзъ къ оттѣнку изъяснительности, тѣмъ самостоятельнѣе отдѣляемое имъ слово: „притворился, будьто раненъ“. Чисто-изъяснительные и условные союзы въ древнемъ языкѣ могутъ отдѣлять только два наиболѣе предикативныя причастія, но не причастія страдат. и не имена безъ глагола: Да сего цѣща Бога, ѥдиного творьца всемоу, мысльми правовѣрными неоувѣдѣше, а и хваливше се и хытри се дрьжеще, яко же (=что, будьто) соущия всего ѥстьство разоумѣвъше, Іо. Экз. Шестодн. 36. Потомь (доуша) въсходить въ врата небеснаа, радодоующеся яко избывши лоукавыхъ въздоушныхъ бѣсовъ, Кир. Тур. (?), Кал. Пам. XII в. 96.

Да на роту ходить, по своей вѣрѣ, яко неимѣя ничтоже (=что у него ничего нѣтъ), ти тако пущенъ будеть, Дог. 945 г. Лавр. 1 22,

² 51. Да се списахъ путь сей... невозносяся ни величаяся путемь симь, яко добро сотворивъ что на пути семь, Хожд. Дан. Иг., Сах. 11 хуже Нор. 2); мнози же доходивше святыхъ сихъ мѣстъ и увидѣвше (s. вм.-ши) св. градъ Іерусалим, и вознесшеся умомъ, яко нѣчто добро сътворьше, и пакы погубляють мзду труда своего, ib. (Нор.) 3.

Я крестъ цѣлую къ вама, яко лиха на ваю назамысливъ, Ип. 99 (371). Въ нынѣшнемъ яз.—глагольное сказуемое: „что я незадумалъ" (ѥсмь). Мьстиславъ.... мнѣвъ, яко уже побѣдивъ Олга, а невѣды своихъ побѣженыхъ, и творя своя, въѣха въ ратныя, Ип. 147, подумавши, что уже побѣдилъ. Бѣ бо Болеславъ великъ и тяжекъ, яко и на кони немогы сѣдѣти, Лавр. 62, такъ что немогъ сидѣть; „немогы" въ силу союза яко неможетъ быть отнесено къ бѣ, и несоставляетъ съ нимъ одного сказуемаго. Въ „бѣ бо Болеславъ великъ и тяжекъ, одва на кони мога сѣдѣти" (Срезн. Ск. о Бор. и Гл. 62), „одва мога" есть, напротивъ, такая же часть сказуемаго, какъ и „великъ", „тяжекъ". Изяславъ же Давыдовичь и Святославъ Ольговичь хотяшета поити съ Дюргемъ, Гюрги же непоя ею (въ ркп. его), послушавъ зятя своего Ярослава Галичскаго, има ему вѣры, яко съ нимь (въ ркп. съ ними) хотя добыти Володимеря, и про то ею (тѣхъ двухъ) непоя, Ип. 80 (334), повѣривши ему, что съ нимъ добудетъ Володимеря; хотя добыти— замѣна прич. будущаго. Пошелъ бяше Кончакъ съ мьножествомь Поло-
113 вець на Русь, похупся, яко плѣнити хотя грады рускыѣ и пожещи огньмь, Ип. 128 (428), похвалившись, что поплѣнитъ.

Се бо не поганьскы ли живемъ, аще усрѣсти вѣрующе? Лавр. 73, не поязычески ли живемъ, если (т. е. что) вѣруемъ во встрѣчу. Безъ союза аще, мы получили бы смыслъ: „не поязычески ли живемъ, вѣруя во встрѣчу", или „мы, вѣрующіе во встр.", при чемъ вѣра во встрѣчу представлялась бы сопровождающею языческую жизнь, а не составляющею ея содержаніе.

Гюрги же того невѣдаше (оже уже Изяславъ вышелъ въ Черныя Клобукы), но творяшеть, ако, тако ту волость заемъ (Изяславъ Пересъпницю), тамо же и есть, Ип. 49, но полагалъ, что такъ какъ Изяславъ прежде занялъ ту волость, то и теперь онъ тамъ-же.

Держи въ съсудѣ (тѣло Христово), а хотя до того же дни, Впраш. Кюр. Калайд. Пам. 176, держи если хочешь (ср. стар. „а любо") до недѣли. Относительно тъ же дьнь ср. „поиде Мьстиславъ на Чюдьскую землю и вшедъ въ ню стоя въ ней до того же дни", Ип. 120 (412), и млр. тиждень, польск. tydzień, чешск. týden, недѣля. Впрочемъ, тъ же дьнь могло бы означать и годовщину. „А хотя въ приведенномъ мѣстѣ еще имѣетъ, по видимому, силу причастнаго (второстепеннаго) сказуемаго, изъ котораго позднѣе образуется союзъ „а хотя" и „хотя". Вещественное значеніе этого „а хотя" уже невозстановимо

напр. въ слѣдующемъ: „а-хотя буду съ кѣмъ въ целованьи, и мнѣ къ нему целованье сложити", 1433, Собр. г. гр. I, N 49.

Тъгда же тъ (Дамиянъ) разумѣвъ, яко явлѥниѥ отъ Бога бысть ѥмоу, не бо ѥго (Өеодосия) видѣвъ (п. ч. невидалъ) двьрьма вълѣзъша, но на нѥмь же мѣстѣ явися, на томь же пакы невидимъ бысть; въскорѣ же пригласивъ слоужащаго ѥго, и посла по блаж. Өеодосія, Жит. Өеод. Уч. З. Ак. II, [2], 191.

Въскресение Христово Великый день нарičеться; по истинѣ же великъ есть день сей, не (яко) часовъ имѣя множае, но великыхъ ради чюдесъ, Кир. Тур. Калайд. 13.

Остатковъ оборотовъ, приведенныхъ подъ а—г, въ нынѣшнемъ языкѣ 114
извѣстно мало. Это:

1. Влр. выраженія куды-хоть (=куда хотя) брошусь побѣдная головушка, ненайти столько роженаго мнѣ дитятка, Барс. Прич. I 112; кто ни хотя, что ни хотя, Бусл. Гр. § 213, 1; „ити куда зря" (нѣтъ у Даля; послов. „кто кого смога, тотъ того въ рога" (Буслаевъ Гр. § 54, пр. 3, и Даль, смогать(!)) = кто сможетъ другого (млр. „хто подужае"), тотъ того обухомъ въ лобъ (какъ вола между рога); смога— стар. русск. прич. наст. вр.; „бить чѣмъ попадя"—чѣмъ попало, чѣмъ ни попади.

2. Въ малорусскомъ: Чумакъ, кого здря, такъ и частуѥ, Кв.; пъѥ на всі застaвки, бъѥтця з ким попавши, id. Чи до діла, чи не до діла, знай підписуѥ, що попадя (поповши);

> Пройшло ёму те времья, що бувало
> Майнув, де здумавши, кудиб-то ні попало, Гребенка.

Сами тулимось, яко мога, щоб нереготатись id. Бр. толькі яна показалась (з воды), а пан, аткуль бывши, да вытягъ яѥ, Роман. Бр. Сб. 3, 266. Хлопці деруть (різками) що мога, а Явдоха свое.. Квит.

Также выраженія „що хотя", „як хотя", скілки мога", „яко мога". Въ старинномъ языкѣ встрѣчалась, кромѣ „мога", и другая форма того же причастія въ имен. п. ед. ч, м. р., именно могѧ, и быть можетъ это содѣйствовало ошибочному пониманію этого мога, какъ существительнаго женскаго рода съ родительнымъ моги: „я дома скільки моги працёвала, Основ. 1861, VI, 42, какъ бы „сколько силы". Не принимается ли за существительное женск. въ родит, и моге въ стар. сербскомъ?—„дати имъ сьвѣть и помокь, какоре и себѣ, коликоре моге", 1189, Mikl. Mon. Serb. 2; и дахь одь бытька, чьто моге, 1198—9. ib. 6. Во всякомъ случаѣ форма эта—отъ причастія могѧ, съ е=ѧ, какъ въ оконч. родит. именъ ж. р.

3. Союзъ хотя (вр. и литер.), возникшій частью изъ оборотовъ „а хотя" (см. выше), въ значеніи etiamsi, quamvis, частью же, быть мо-

жетъ, изъ приведенныхъ выше оборотовъ „кто хотя“, „что хотя“, „гдѣ хотя“, „куда хотя“, при чемъ относительное слово переставлено и привлекло на себя силу рѣчи въ случаяхъ, какъ: „хоть-ктó это сдѣлаетъ“ (т. всякій), „платье хоть кому (надѣть, т. е. всякому, хоть и найлучшему)“, „хоть гдѣ (надѣть)“, „хоть куда (нарядиться) т. е. во всякомъ мѣстѣ, во всякое мѣсто“, хоть какъ и т. п. По звукамъ это хоть ближе къ хоти, которое тоже встрѣчается въ стар. яз. въ значеніи союза уступительнаго [1]), но быть можетъ и само хоти изъ хотя и- Мр. хоть (на пр. Метл. 8, 12 и пр.) и хоч. Эта послѣдняя въ иныхъ случаяхъ можетъ быть изъ хоть подъ вліяніемъ слѣдующаго ч, ж, щ (ой хоч чула, хоч нечула, нейозивалася, Метл. 9), въ другихъ—изъ хочеш. Такъ у Квитки звучитъ одинаково союзъ хоч (на пр. хоч ти разсердисся на мене... а я таки тобі тепер договорю) и 2-е л. наст. въ случаяхъ „скільки хоч“, „що хоч роби“, „куди хоч піди“, „де хоч возьми“. У Греб. хоча („щоб річечку ёго зробив Десною, Або хоча як Сейм такою) б. м. из хоч—а, какъ и вр. союз. хош (=хочеш), хошá. Поль. союз. choć, chociaj (=chocia i ?), chociaż (=chocia że) представляетъ то затрудненіе, что хотѣти въ поль. съ опускаемымъ ъ въ корнѣ (chcąc, niechcąc=нéхотя и пр.), а конечное а в хотя должно бы=ę или ą. Т. о. chocia или заимствовано изъ русс., или есть сочетаніе очень древняго, предшествующаго образованію и опущенію ъ сокращенія choć съ союзомъ а. Послѣднее кажется менѣе вѣроятнымъ.

Допустивъ дѣйствительность принятой выше перестановки „как(о) хотя“ въ „хоть-какъ“, можно принять подобное объясненіе для сѣв. вр. союза сравнит. бывъ какъ, какъ будьто, союза по видимому предполагающаго, какъ и хотя, именит. ед. причастія м. р. Именно за предыдущіе случаи можно принять тѣ, въ коихъ за бывъ слѣдуеть какъ: „тутъ я грохнулась, горюшко, о сыру землю, бывъ какъ дерево свалило отъ буйна вѣтра (Барс. Причит. I, 34); бывъ какъ дождички уходятъ во сыру землю, какъ снѣжечки быдто таютъ кругомъ нáоколъ огней, въ родѣ солнышко за облачко теряется; также дитятко отъ насъ да укрывается (ib. 116), а за исходную точку можно принять „какъ бывъ“ (то:)=„какъ будь (=буди) то“. За тѣмъ—отдѣленіе и опущеніе какъ „ужъ бѣдная кручинная головушка, бывъ упалой какъ загнанной сѣрой заюшко, ib, 42; бывъ огнемъ мое сердечко разгоряется, какъ смола кипитъ въ безсчастноей утробушкѣ, ib. 117.

115 Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что причастіе, въ качествѣ второстепеннаго сказуемаго, отличается отъ прич., входящаго въ со-

[1]) И хоти ти будетъ, дочка, про то и до крови пострадати, и ты бы пострадала 1501. А. З. Р. I, 295; хоти бы каковы зацѣпьи и учинили наши люди твоимъ людемъ, ино было въ томъ нѣ въ чемъ нашихъ пословъ задержати ib. 315.

ставное сказуемое, тѣмъ, что присоединяется къ члену главнаго предложенія не прямо, а посредствомъ: а) б) относительнаго мѣстоименія въ именительномъ; в) того же мѣстоим. и другого въ косвенномъ (ядяху, кто чьто замысля), или одного послѣдняго; г) мѣстоименія относительнаго вмѣстѣ съ нарѣчіемъ относительнымъ (камо къто видя, кдѣ чьто чюя), или одного нарѣчія; д) союза.

Немногіе извѣстные мнѣ примѣры отклоненія отъ этого правила примыкаютъ къ случаямъ д) и представляютъ отсутствіе изъяснительнаго союза: „и самъ сѧ прѣдавъ псано ѥсть“, *καὶ ἑαυτὸν παραδεδωκέναι γέγραπται*, XI в. Будилов. Изслѣд. яз. перевода 13 сл. Гр. Бог. 48. Этотъ случай обозначимъ посредствомъ е).

Если главное предложеніе есть опредѣленноличное, то подлежащее причастнаго сказуемаго или относится къ тому же лицу, что и подлежащее главнаго („ѥсть, къто донеса“), или же стоитъ въ единственномъ числѣ при подлежащемъ главнаго во множественномъ, при чемъ это послѣднее, будетъ ли оно наличное, или подразумѣваемое, по содержанію относится къ подлежащему причастія, какъ цѣлое къ части: „ядяхуть, кто чьто замысля“. Главное безличное (неопредѣленноличное) сказуемое, за исключеніемъ примѣра е) стоящаго особнякомъ, состоитъ изъ неопредѣленнаго наклоненія съ глаголомъ или безъ него и съ наличнымъ или подразумѣваемымъ дательнымъ дополненія (рѣзати (имъ), чьто хотяче), съ коимъ согласуется въ родѣ и числѣ причастное сказуемое, предполагающее подлежащее въ именительномъ. Само собою, что такое согласованіе прекращается съ переходомъ причастія въ дѣепричастіе; но лицо, къ которому относится отпричастная 116
форма, потерявшая способность согласованія, все таки должно оставаться или предполагаться въ именительномъ. Отклоненіе отъ этого правила, совершенно измѣняющее характеръ оборота, находимъ въ обычномъ выраженіи договорныхъ грамотъ московскихъ князей XIV—нач. XVI в.: „а что ти (v. вы=вамъ) слышавъ о мнѣ отъ крестьянина ли, отъ поганина ли, о моемь добрѣ или лисѣ, или о нашей отчинѣ и о всѣхъ крестьянѣхъ, то ти (v. вы) мнѣ повѣдати въ правду, безъ примышленья, по цѣлованью“ (1362 и слѣд. С. Г. гр. 1). Дательный ти, вы при отпричастной формѣ появился здѣсь въ силу регрессивнаго вліянія (аттракціи) дательнаго, стоящаго, при неопредѣленномъ наклоненіи, въ-слѣдствіе чего „ти слышавъ“ получило видъ оборота, происшедшаго изъ двухъ дательныхъ, которые однако никогда неприсоединялись ко главному сказуемому посредствомъ относительнаго мѣстоименія (чьто ти слышавъшю). Для исправленія вышеприведеннаго оборота достаточно выпустить ти (вы) при отпричастномъ словѣ и дать этимъ возможность подразумѣвать при немъ именительный: „что слышавъ (т. е. ты), то ти повѣдати“.

Причастіе въ оборотахъ „ѥсть, къто донеса“ и т. п. принадлежитъ къ тому періоду языка, въ которомъ опущеніе вспомогательнаго ѥсмь и пр. несоставляло правила, какъ въ нашемъ „я сдѣлалъ“, „я правъ“, но являлось лишь спорадически. Что касается до опущенія другихъ временъ, то оно всегда чрезвычайно рѣдко. Поэтому было бы ошибочно объяснять употребленіе причастія въ разсматриваемыхъ скучаяхъ (напр. вѣдѣаше, чьто хотѧ створити) опущеніемъ какого то неизвѣстнаго глагола. Напротивъ, должно признать, что личный глаголъ есть въ древнемъ языкѣ непремѣнное условіе лишь полносильнаго, первостепеннаго сказуемаго, и въ сказуемыхъ второстепенныхъ, зависимыхъ,
117 причастіе само по себѣ есть именно средство обозначенія ихъ зависимости. Зависимое предложеніе съ причастнымъ сказуемымъ есть нѣчто промежуточное между членомъ простого предложенія и развитымъ придаточнымъ предложеніемъ съ личнымъ глаголомъ (vb. finit.) въ сказуемомъ. Сравненіе разсматриваемыхъ здѣсь оборотовъ съ именительными самостоятельными (и вообще самостоятельными падежами), съ одной стороны, и оборотами, какъ „въставъ и рече“, съ другой, приводитъ къ одному и тому же заключенію о характерѣ предложенія въ древнемъ языкѣ. Присутствіе союза между причастіемъ аттрибутивнымъ и сказуемымъ дѣлаетъ лишь болѣе явственнымъ то, что существуетъ и безъ союза во „въставъ, рече“, именно, сравнительно съ позднѣйшимъ языкомъ, недостатокъ въ древнемъ предложеніи, заключающемъ въ себѣ причастіе, рѣшительнаго преобладанія глагола и вытекающаго отсюда строгаго единства. Причастіе есть здѣсь зачаточное предложеніе, хотя и неравносильное съ глаголомъ, но близкое къ нему. Эта близость еще увеличивается въ оборотахъ съ относительными словами при причастии (вѣдѣаше, чьто хотѧ), и затѣмъ въ славянскомъ языкѣ, но, какъ увидимъ ниже, не въ лотышско-литовскомъ, наступаетъ переломъ. Языкъ стремится уничтожить образованія, среднія между предложеніемъ и членомъ предложенія, и увеличить такимъ образомъ противуположность этихъ категорій: причастія, по функціи, болѣе отдаленныя отъ глагола, онъ воплощаетъ въ предложеніе, дѣлаетъ строго подчиненными членами, переводя въ категоріи прилагательнаго и нарѣчія, а причастія менѣе отдаленныя отъ глагола—замѣняетъ личнымъ глаголомъ, подчиняя лишь высшему единству сложнаго предложенія. Въ какомъ отношеніи къ этому движенію находится вытѣсненіе причастій неопредѣленнымъ наклоненіемъ, объ этомъ скажемъ особо. Здѣсь достаточно предварительнаго замѣчанія, что такое вытѣсненіе непротиво-
118 рѣчитъ стремленію увеличить единство предложенія, дифференцируя его члены. Въ предложеніи, какъ въ животномъ организмѣ, связь частей увеличивается, по мѣрѣ увеличенія различія ихъ функцій.

Литовскія и лотышскія причастія въ именительномъ, какъ сказуемыя придаточныхъ предложеній. Несомнѣнно, что такое

употребленіе причастій въ литовско-лотышскомъ находится въ связи съ вышеразсмотрѣннымъ явленіемъ въ славянскомъ; но только ближайшее изслѣдованіе можетъ показать, какого рода эта связь: предполагается ли славянское явленіе отличнымъ отъ него литовскимъ, или на оборотъ, или же то и другое предполагаетъ третье, изъ котораго оба возникли.

Мы видѣли, что въ славянскомъ совпаденіе подлежащаго причастнаго сказуемаго съ подлежащимъ глагольнаго, если послѣднее не безлично, составляетъ правило. Исходя отъ славянскаго, мы и въ литовскомъ прежде всего замѣчаемъ такіе же или весьма сходные обороты:

а) jie nežino, ką darą, Лук. 23, 34, букв. невѣдѧть, чьто творѧще; žinojo, ką darysęs, Іо. 6, 6, вѣдѣаше, чьто хотѧ творити (въ лит. прич. буд. дѣйств.).

Jis dabar, kur norįs, pasislėpe bile kokioj dauboj, II Царей, 17, 9, онъ теперь „кѫдѣ хотя", т. е. гдѣ либо скрылся въ какой-нибудь пещерѣ.

б) dėjos, buk mėgąs, buk sergąs, Царей II, 13, 2, Schleich. Leseb. 162 = творяшеться, акы съпя, акы боля. Jisai dėjosi, buk tai negirdėjęs, Цар. I, 10, 27, показалъ видъ, будто неслышалъ (=творяшеться акы неслышавъ).

Karálius užsimerke, lyd kad jis nematąs, Schl. Leseb. 142, царь зажмурился, „какъ будто онъ не видя" (въ лит. прич. наст. въ именит. ед. м.), т. е. притворился слѣпымъ. Nůważiawo pas tą kupczų, lyg kad jis taworo norįs pirkt, ib. 136, поѣхалъ къ тому купцу, какъ будто 119
онъ (т. е. поѣхавшій) хочетъ („акы хотя") товару купить.

в) Слѣдующіе обороты своеобразнѣе и немогутъ быть переданы славянскими причастіями съ союзомъ; тѣмъ неменѣе и они сходны со славянскими относительно тождества подлежащаго обоихъ сказуемыхъ. Непремѣнно стоящее въ нихъ причастіе прошедшее имѣетъ тотъ смыслъ, что дѣйствіе, означенное личнымъ глаголомъ, представляется идеально замѣщающимъ то, которое означено причастіемъ:

jis walkiojas, uziůt dirbęs, онъ шляется (волочится), вмѣсто того, чтобы работать, „чѣмъ работать, такъ онъ шляется" букв. „чѣмъ работавши" (въ лит. прич., а не дѣепр.). Užiůt asz pats ėjęs, kitą pasiųsiu, букв. чѣмъ я самъ пошедши, т. е. чѣмъ самому идти, другого пошлю, Schl. Lit. Gr. 317. Eik į bażniczą, użiůt į karcziamą bėginėjusi Ness. Wb, ступай въ церковь, чѣмъ бѣгавши (въ лит. прич. прош. жен. р. им. ед.), т. е. чѣмъ бѣгать въ корчму.

Однако существенное различіе между литовскимъ и слав. сказывается въ томъ, что въ первомъ совпаденіе подлежащихъ есть лишь одна изъ возможностей, между тѣмъ другая состоитъ въ ихъ совершенномъ различіи, при томъ не только при безличномъ главномъ сказуемомъ („самъ

са прѣдавъ, пьсано ѥсть“, что могло бы бытьполитовски „raszyta yr, pats iszsidawęs“), но и при опредѣленноличномъ. Къ вышеприведеннымъ примѣрамъ а, б, в слѣдуетъ присоединить слѣдующіе, съ различными сказуемыми въ главномъ и придаточномъ.

Къ а): bet tu dabar stokis czonay, kad taw sakyczau, ką diews sakęs, Царей I, 9, 27, а ты теперь стань здѣсь, чтобы я сказалъ, что Богъ сказалъ, букв. ѥже Богъ рекъ (прич. прош. безъ глагола).

120 Къ б): nůkąko tas garsas iki Dowido, buk Absoloms wissus karaliaus waikus uzmuszęs, kad ney wiens jů n'iszlikęs, Царей II, 13, 30, достигла та вѣсть (голосъ) до Давида, будьто Авесаломъ всѣхъ царскихъ дѣтей убилъ (букв. убивъ, прич. прош.), (такъ) что ни одинъ изъ нихъ неостался (букв. неоставъ ся, прич. прош. безъ гл.).

Man rodės, buk mes pėdus beriszą ant łauko, Быт. 37, 7, мнѣ показалось (приснилось) будьто мы вяжемъ (букв. вяжюче, прич. наст. въ им. мн. чис.) снопы на полѣ.

Tas newidons smarkůs, kaip girdit, awį užpůle, buk jos tėws isz jo sawo swotbai žýczijęs mėžiu, Donaleitis 140, этотъ жестокій злодѣй (волкъ) напалъ на овцу (за то), что будьто ея отецъ у него для своей свадьбы занялъ (въ лит. прич. прош.) ячменю (на пиво).

Къ в): užiůt werkę (прич. прош. муж. р. мн. чис.), reikėtu dżaugtis, Schl. Gr. 317, чѣмъ плакавши (т. е. чѣмъ плакать), намъ слѣдовало бы радоваться.

Užiůt namej bėgawęs (прич. прошед. ед. м. съ предполагаемымъ подлежащимъ въ 3-мъ лицѣ), geraus jį į szuilę sųsu, Ness. Wb. чѣмъ (онъ) дома бѣгавши, т. е. чѣмъ ему бѣгать дома, лучше его въ школу пошлю.

Другая особенность литовско-лотышскаго та, что въ немъ составляютъ особую группу причастія (дѣйств. наст., прош. и буд.) безъ глагола въ придаточныхъ предложеніяхъ post verba sentiendi, cognoscendi, declarandi, [каковы лит. regėti видѣть, girdėti слышать, žinoti знать, pažįsti узнавать, suprasti, nůmanyti замѣчать, понимать, girtis хвалиться, atlėpti отвѣчать, sakyti сказывать, prisėkti, присягать, утверждая что либо и др. под.], служащіе для выраженія косвенной рѣчи. Говорящій можетъ двояко относиться къ рѣчи, мысли, поступку,
121 о коихъ говоритъ. Во первыхъ, онъ можетъ изображать объективно, какъ происходило дѣло, напр. „спросилъ у него: старикъ, чего ты здѣсь ищешь?“, литов. klausė jį: „seni, ką tu cze jėszkai?“. При этомъ кажется, что личность говорящаго совсѣмъ въ сторонѣ; но на дѣлѣ объективность изображаемаго происходитъ именно отъ того, что самъ говорящій является свидѣтелемъ того, что онъ приписываетъ другому лицу. Это—oratio recta. Во вторыхъ, напр. въ оборотѣ: „спросилъ у него, чего онъ здѣсь ищетъ“, говорящій беретъ на себя прямое сви-

дѣтельство лишь о томъ, что заключено въ главномъ предложенiи, а содержанiе придаточнаго изображаетъ лишь въ качествѣ докладчика. Это—oratio obliqua. Въ нашемъ языкѣ косвенность рѣчи выражается не сказуемымъ придаточнаго предложенiя, а, частью, гдѣ это возможно, замѣною второго лица третьимъ, какъ въ вышеприведенномъ примѣрѣ, частью употребленiемъ изъяснительнаго союза (напр. „я знаю, что онъ хочетъ" при „я знаю, онъ хочетъ"), частью, гдѣ мѣстоименiе въ придаточномъ можетъ быть смотря по тону рѣчи и относительнымъ и чисто вопросительнымъ, однимъ лишь тономъ: „спрашиваю, чего онъ хочетъ" (or. obliqua) и „спрашиваю: „чего онъ хочетъ"?" (or. recta). Стало быть, въ нашемъ языкѣ косвенность свидѣтельства непридаетъ сообщаемому оттѣнка сомнительности. Въ латинскомъ для косвенной рѣчи существуетъ, кромѣ винительнаго съ неопредѣленнымъ, конъюнктивъ, въ нѣмецкомъ сослагательное наклоненiе. Въ литовскомъ, подобно славянскому, неимѣющемъ особаго сослагательнаго накл., къ выраженiю косвенно сообщаемыхъ мыслей, рѣчей, поступковъ приспособлено то средство, которое въ древнемъ славянскомъ служитъ только для обозначенiя зависимости второстепеннаго предложенiя отъ главнаго, именно причастiе безъ глагола, какъ сказуемое: „klausė senį ką jis jeszkąs", er fragte den alten, was er hier suche.

При этомъ связь придаточнаго съ главнымъ можетъ быть выражена 122
а) или относительнымъ мѣстоименiемъ и относительнымъ мѣстоименнымъ нарѣчiемъ, переходящимъ въ союзъ, или б) союзомъ вопросительнымъ или в) союзомъ изъяснительнымъ, или наконецъ г), въ случаѣ возможности этого послѣдняго союза, это связь можетъ невыражаться ничѣмъ, кромѣ самого причастiя.

а) Asz paródisiu, ką mokąs, я покажу, что знаю (=чьто зная, умѣя).

Jė klause, ką jis už tą lazdą norįs, Schl. Leseb. 191, они спросили, что онъ за эту палку хочетъ (=чьто хотя).

Klausė bobą, ką jis jei turėsęs důti, ib. 161, спросилъ у бабы (=бабу), что онъ ей долженъ дать (=чьто имѣя дати, въ лит. прич. буд.).

Jė tarp sawęs susitarė, katrą pirma žudysę, ib. 164, они межъ себя сговорились, котораго (имъ) прежде убить (въ лит. прич. буд. въ именит. мн.).

Cze matote, kurį pons Dėws paskyręs, Царей I, 10, 24, вотъ видите (того), котораго Господь Богъ выбралъ (въ лит. прич. прош.).

Jis nežinojo, kur jis ėsąs, Schl. Les. 199, онъ незналъ, гдѣ находится (въ лит.=кьдѣ сы).

Tė iszklausinėję, kur jis einąs, meldė, ib. 118, тѣ, распросивши (въ лит. прич.), куда онъ идетъ (=куды ида), попросили...

Meldė, kad jis paklaustu, kaip ilgai jėdwi cze turėsenczos (прич. буд. ж. р. мн. ч.) tą wandenį pilstyt, ib. 180, попросили чтобъ онъ спросилъ, какъ долго онѣ должны переливать эту воду.

Ji jį klausė, kodėl jis pabėgęs o ję palikęs, ib. 196, она его спрашивала, почему (чего для) онъ убѣжалъ и ее оставилъ (въ лит. прич. прош.).

128 Pažadėjo jam tą dukterį per paczę dût, kad jis ję iszwalnysęs ib., обѣщалъ выдать за него эту дочь, когда (=если) онъ ее освободитъ (въ лит. прич. буд.).

б) Klausė bobą, bau ji nežinanti (прич. наст. ж. род.), kada ir kaip jo moteriszkė tai norinti (прич. наст. жен.) dariti, ib. 162, спросилъ у бабы, незнаетъ ли она, когда и какъ его жена хочетъ это сдѣлать.

Asz nežinau, ar (=bau) jis ateisęs, Schl. Lit. Gr. 324, незнаю прійдетъ ли онъ (въ лит. прич. буд.).

Въ лотышскомъ здѣсь вопросительный союзъ wai съ дѣепричастіемъ или, точнѣе говоря, съ причастною формою безъ падежныхъ окончаній: wińsz prasija, wai tas ta esût (причастіе наст. было бы esûts изъ esants), онъ спрашивалъ, такъ ли это есть, Bielenst. Lett. Gr. § 775.

в) Suprato, kad tas princas pas ję buwęs ir tas žolės ėmęs, Schl. Les. 143, узнала что тотъ царевичъ у нея былъ (въ лит. = бывъ) и зелья (лекарство) взялъ (лит.=въземъ).

Wėdys ir sweczei atsilėpė, kad smaks be lėžuwio ėsąs; bet grows sakė, kad tai negalims daikts (ėsąs), (kad) wisi giwi sutwėrimai turį turėt lėžuwį, ib. 169, женихъ и гости отвѣчали, что змѣй безъ языка бываетъ (въ лит.=сѫ), но графъ сказалъ, что это невозможная вещь (въ лит. предполагается прич. наст.), что живыя твари должны имѣть (въ лит.=имѫще имѣти) языкъ.

Jis pasidrąsino głupai mėsininką łankyti, mislidams, kad ben ten rasi kokį žarngalį gausęs, Donaleitis 138, онъ осмѣлился съ-дуру навѣстить мясника, думая, что хоть тамъ быть можетъ достанетъ (въ лит. прич. буд.) какой нибудь кусокъ кишки.

O dabar ji regėdama, kad nėszczia pastojusi, tai asz turiu priesz
124 ję paniekinta buti, Быт. 16, 5, букв. а теперь она видя (т. е. такъ какъ она видитъ), что беременна ставши (=стала), то я должна быть противъ нее (сравнительно съ нею) ни во что.

Papasakojo, kaip jije tikt dėl to jam turėjusi pasižadėt, kadangi jis ję nûžudyt norėjęs, Schl. Les. 170, разсказала, какъ она только потому ему себя должна была обѣщать (въ лит.=имѣвъши обѣщатися), что онъ ее убить хотѣлъ (въ лит.=хотѣвъ).

Подобнымъ образомъ и съ buk, будьто, lyg kad, подобно тому какъ.

г) Безъ союза: sako, jis jo dukterį nû to smako iszwadûsęs, Schl. Les. 118, говоритъ, (что) онъ его дочь отъ змѣя избавитъ (въ лит. прич. буд.), и мн. др.

Нерѣдко глаголъ со значеніемъ „говорятъ“ и т. п. лишь подразумѣвается, такъ что рѣчь, прямо начинаясь съ предложенія съ однимъ причастіемъ въ сказуемомъ, могла бы и вся состоять изъ однихъ безглагольныхъ предложеній. Такимъ образомъ одними грамматическими средствами, безъ введенія выраженій, въ родѣ млр. „коли люде брешуть, то й я з ними“, всему разсказу придается оттѣнокъ сомнительности, напр. „labai senose gadynase stowėjusi szauna girė ant tos wėtos, kur dabar Kakszbalis gul, Schl. Les. 202“, (начало разсказа:) въ очень давнія времена стоялъ (въ лит. прич. прош. въ им. ед. жен. рода, согласно съ girė) большой лѣсъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь лежитъ Какшинское болото. Ср. также ib. 197, 203—4. О подобномъ же явленіи въ лотышскомъ см. Bielenst. Lett. Gr. §§ 720, 721, 754, 766 пр. 3, 805.

Литовское причастіе post verba sentiendi etc. служитъ для выраженія косвенности только такой рѣчи, которая, будучи изображена прямою, требовала бы изъявительнаго наклоненія въ литовскомъ (и русскомъ), а не сказуемыхъ условныхъ и желательныхъ. Для выраженія послѣднихъ есть въ литовскомъ и лотышскомъ особая форма verbi 125
finiti, именно условножелательная, т. е. то условная, то желательная, употребленіе коей независитъ отъ того, будетъ ли рѣчь пряма, или косвенна. Так. обр. для нашего изъявительнаго въ придаточномъ „онъ сказалъ, что это (естъ) хорошо,—было, будетъ хорошо“— въ литовскомъ два оборота: прямой, съ глаголомъ „jis tarė, kad tai gerai yr, buvo, bus“, er sagte dasz das gut ist, war, sein wird, и косвенный (объективный съ точки зрѣнія докладчика и субъективный по отношенію къ дѣйствующему лицу главнаго предложенія) съ причастіемъ „jis tarė, kad tai gerai esą, buwę, busę“, er sagte, dasz das gut sei, gut gewesen sei, gut sein werde. Для нашего условнаго, неразличающаго временъ per se, въ литовскомъ для условнаго настоящаго—„jis tarė, kad gerai butu“, dasz das gut wäre, что это было бы хорошо (теперь), для прошедшаго—„kad tai gerai butu buwę“ (букв. что это хорошо было бы бывши), wäre gut gewesen; но въ будущемъ выраженіе условности сливается съ выраженіемъ косвенности: „kad tai gerai busę“ (прич. буд.) безразлично значитъ и „das würde gut sein“ и „dasz das gut sein werde“. Желательное, безъ различенія косвенности и прямоты,—одною формою: asz noriu, kad tu tai darytum (darytumbei), я хочу чтобы ты это сдѣлалъ, dasz du das thuest, Schl. Lit. Gr. 331—2.

Согласно съ этимъ рядъ причастныхъ сказуемыхъ въ зависимыхъ предложеніяхъ можетъ прерываться глагольными условными формами: „patyrė, kad princesė busenti nû smako iszneszta; bet jej kas ję galė-

tu nů smako atwadůti, tai tam ji per paczę teksenti, ir po karaliaus galwos karalystę wisą paweldėsęs ir karalium pastosęs, Schl. Leseb. 166, узналъ что царевна будетъ (въ лит. прич. буд.) отъ змѣя (змѣемъ) унесена; но (что) если-бы кто могъ (въ лит. глаголъ въ усл. н.) ее отъ
126 змѣя освободить, то она выйдетъ (въ лит. прич. буд.) за него замужъ, и по короля головѣ (=стар.-руск. „по животѣ", то есть по смерти) (онъ) все королевство унаслѣдуетъ (будетъ владѣть, въ лит. прич. буд.) и королемъ станетъ (въ лит. прич. буд.).

Послѣ тѣхъ же глаголовъ sentiendi etc. въ лит. (и въ лотыш.), кромѣ придаточнаго предл. съ причастнымъ сказуемымъ въ именительномъ, можетъ стоять и другой оборотъ, состоящій изъ двухъ винительныхъ, изъ коихъ второй есть причастіе. Ср. напр. „nůmanysi, kad jisai ką pikt' sudumojęs", замѣтишь, что онъ нѣчто дурное задумавъ, и „nůmanysi jį ką pikt' sudumojusį", букв.—замѣтишь его нѣчто дурное замавшаго. Разница между этими выраженіями можетъ быть такая. Послѣднее носитъ на себѣ слѣды того состоянія языка, при которомъ, какъ постараюсь пояснить ниже, сознаніе недѣлаетъ различія между предметомъ непосредственнаго воспріятія (по крайней мѣрѣ воспріятія, кажущагося такимъ) и предметомъ, до котораго мысль доходитъ путемъ болѣе-менѣе сложныхъ умозаключеній: тотъ и другой выражаются падежомъ прямого объекта, къ коему можетъ присоединиться второй, согласуемый съ нимъ винительный. Мысль говорящаго, разсматривая содержаніе предложенія съ двумя винительными, невстрѣчаетъ повода дѣлить это содержаніе на такія части, изъ коихъ одна изображалась бы прямо, а другая косвенно; модальность сказуемаго безпрепятственно распространяется и на причастіе въ дополненіи. Согласно съ этимъ лит. „nůmanysi jį.. sudumojusį" въ модальномъ отношеніи неможетъ быть выражено нѣмецкимъ сослагательнымъ: du wirst merken, dasz er etwas böses beschlossen habe. Между тѣмъ въ оборотѣ „nůmanysi, kad jis sudumojęs" есть основаніе различно относиться къ содержанію глагола и причастія, именно то, что содержаніе всего оборота формально раздѣлено на двѣ части присутствіемъ союза.

127 Точное опредѣленіе случаевъ употребленія причастныхъ (безглагольныхъ) сказуемыхъ въ литов. и лотышскомъ можетъ показаться затруднительнымъ въ виду возможности ихъ смѣшенія со случаями, въ коихъ опущенъ вспомогательный глаголъ при причастіи. Такъ, Биленштейнъ, сказавши о лотышскомъ оборотѣ для or. obliqua съ причастною формою (wińsz lika atsacit, ka tēws majas neessůt, онъ приказалъ отвѣтить, что отецъ дома „не сжи" (въ лот. отпричастн. слово)), говоритъ, что это довольно обычно и въ другихъ языкахъ, ссылаясь нетолько на литовскій яз., что вѣрно, но и на слав. (точнѣе—русское) причастіе -лъ, какъ на замѣну perfect. act, (Lett. Spr. II. 177—8).

Въ томъ-то и дѣло, что того постояннаго опущенія глагола ѥс- во
всѣхъ лицахъ и числахъ, какое въ нашемъ далъ, невозможно пред-
положить ни въ литовско-латышскомъ, ни въ древнеславянскомъ. Въ
лит. обычно опущеніе только 3 л. ед. и мн. ура (есть, суть); въ лотыш.
при прич. прошедшемъ—и другихъ лицъ настоящаго, не другихъ временъ,
которыя опускаются, повидимому, только во избѣжаніе повтореній. Самое
опущеніе 3-го л. наст. необходимо предполагается только въ главныхъ
сказуемыхъ, съ причастіемъ; между тѣмъ въ пользу вѣроятности того,
что въ зависимыхъ сказуемыхъ можетъ быть неопущенъ глаголъ даже
въ 3 л. наст. вр., говоритъ многое. Отъ случаевъ, какъ „asz parodysiu,
ką mokąs" покажу „чьто умѣя" v. „что мога", въ коихъ опущеніе вспо-
могательнаго въ первомъ лицѣ невѣроятно, можно заключать къ слу-
чаямъ, въ коихъ причастіе относится къ 3-му лицу: Pons Diews te isz-
pild, ką jis sakęs, Господь Богъ пусть исполнитъ, что сказалъ (=ѥже
рекъ, прич. прош. безъ глагола). Въ нѣмецкомъ, въ ряду зависимыхъ
предложеній, находящихся въ весьма сходныхъ отношеніяхъ ко глав-
ному, изъявительное наклоненіе можетъ смѣняться сослагательнымъ,
напр. „bisher haben wir gelernet, wie der glaube wirkt, wo er herkome.., 128
Vernaleken Deut. Synt. II, 286. Подобно этому и въ литовскомъ отъ
изъявительности и глагольности перваго изъ сказуемыхъ неслѣдуетъ за-
ключать, что при второмъ, причастномъ, опущенъ глаголъ: tay wyrai
tarė jam: szay, szitta yra ta diena, apie kurę Pons Diews taw sakęs, Ца-
рей I, 24,5. Конечно, при причастіи встрѣчается въ придаточномъ и
глаголъ, напр.. karaliui atsisėdus sawo wietoj, kaip papratęs budawo,
prie sienos, atsikele Jonatanas, Церей I, 20, 25, когда царь сѣлъ на сво-
емъ мѣстѣ (въ лит. дат. самостоят.), какъ имѣлъ обычай (=какъ былъ
навыкши"), всталъ Іонаѳанъ; но сравненіе съ русскимъ „яко мога" и
пр. заставляетъ думать, что, гдѣ въ подобномъ случаѣ въ литовскомъ
нѣтъ глагола, тамъ нѣтъ нужды предполагать его опущенія:... kurpius
sėdėjo ir sziksninį wisėms, kaip pratęs, siulio kromą, Donaleit. 138, сапож-
никъ сидѣлъ и кожаный всѣмъ, какъ привыкъ (какъ всегда, какъ это
водится), предлагалъ товаръ.

До сихъ поръ была рѣчь о трехъ причастіяхъ: наст. I, прош. и буд.
дѣйствительнаго. Къ этому присоединяется въ лотышскомъ весьма за-
мѣчательная постановка причастія настоящ. II (dam(a)s, ж.—dama) безъ
глагола въ придаточныхъ предложеніяхъ сочетаній, по грамматическо-
му смыслу подобныхъ русскимъ: „пусть будетъ, что будетъ, а...",
„будь, что будетъ, а..." „что будетъ, то будетъ, а..". Харак
зуется этотъ лат. оборотъ тѣмъ: а) что главное сказуемое стоит
шею частью въ повелительномъ, или въ изъявительн. съ повел
стицею лай (изъ лаиди, оставь, отъ лайсти; ср. лит. tegul,

собств. пусть лежитъ, ст.-слав. не-дѣй, млр, нехай), рѣже въ изъявительномъ безъ союза; б) тѣмъ, что причастіе въ придаточномъ всегда
129 имѣетъ одно подлежещее съ главнымъ сказуемымъ и образовано нерѣдко отъ той же темы, что и это послѣднее; в) тѣмъ, что придаточное связано съ главнымъ относительнымъ мѣстоименіемъ или нарѣчіемъ.

Lái strádá, ká strádádams,, to ne war pabeigt, пусть работаетъ „какъ работая" (въ лот. прич. наст. м. р. ед.), т. е. какъ бы онъ ни работалъ, а этого неможетъ кончить.

Lái īt, ká īdams, пусть идетъ, какъ идетъ, (=„яко ида"; въ лат. прич. муж, р. за отсутствіемъ средняго) т. е. пусть идетъ, какъ ни будь.

Důd maminá, kam důdama, ne důd mani zweinīkam, дай, матушка, (меня) „кому дадучи", недавай меня рыбаку, т. е. за кого бы ни отдала, лишь бы не за...

Lái īmu, kur īdama, tâs zemites man nau žel, пусть иду „куды идучи" (т. е. куды бы я ни пошла), а этого мѣста мнѣ не жаль, Biel. Lett. Gr. § 758.

Рунайѣт юс, ляутіньи, цик валоду туредамі, Спрог. 173, говорите вы, люди, „сколько поговоровъ имѣя" (въ лот. именит. мн.), т. е. сплетничайте, на сколько васъ хватитъ.

Мал, мâсінь, цѣк малдама, апслаук глужі дзірнявіняс, id. 264, мели сестрица, „сколько мелючи", т. е. сколько бы ни было, (только) обмести чисто жернова.

Тец, мâсінь, цѣк спêдама, не дар кауну бâлінѣм, ib. 248, работай, сестрица, сколько успѣешь (сможешь), недѣлай стыда братцамъ.

Пукье, пукье, рôзе, рôзе, сен ту мані кайтинаŭі: лай эс гâю, кур ѣдам, ту зѣд целя мâліня, Спр. 61, цвѣтокъ, цвѣтокъ, роза, роза, давно ты меня дразнишь (сердишь, искушаешь?), куда бы я ни пошелъ, ты цвѣтешь на краю дороги.

Эс айзгаю ôдзиняс ар мазо балеліню. Кур ôдзіню дабудамс: „ше,
130 мазайс бâлелінь, ib. 64, я пошелъ по ягоды съ малымъ братцемъ. Какую бы ягодку ни добылъ (какую ни добуду): на, маленькій братецъ.

Dīws labi dar, ků daridams, Богъ хорошо дѣлаетъ, „что творя" т. е. чтобы ни дѣлалъ, Biel. ib.

Кур ѣдама тауту мейта, ліну вія вайнедзиню, Спр. 77, куда бы ни шла людская (т. е. чужая, не родная) дѣвица, она вьетъ (=имѣетъ обычай вить, у Спрог. „будетъ вить") изъ льна вѣночекъ.

Мы видимъ, что этотъ оборóтъ удобно передается русскимъ условнымъ послѣ относительнаго мѣстоименія или нарѣчія съ ни (млр, не): „что бы ни говорили". Но условность русскаго оборота недолжна быть приписываема соотвѣтствующему лотышскому, потому что на мѣстѣ ло-

тышск. причастія мы можемъ поставить и повелительное („что ни говори“), и изъявительное: „что ни говорятъ“, „что ни будутъ говорить“. Точно также нельзя приписать лотышскому обороту всего того, что зависитъ отъ русскаго мѣстоим. или нарѣчія относительнаго съ ни. Въ русскомъ мѣстоименія и нарѣчія кто, что, гдѣ и пр. и безъ присоединенія либо и пр. могутъ имѣть то значеніе, которое сообщается мѣстоимѣнію латин. -cunque, польскимъ -kolwiek и пр. „ты бы что съѣлъ“. Такъ и въ малорусскомъ. Такое значеніе имѣетъ что въ „пусть будетъ, что будетъ“ гдѣ оно объединяетъ и сосредоточиваетъ съ себѣ значеніе: „пусть будетъ то, другое, третье“ и т. д. На этой точкѣ стоятъ повидимому и лотышскія мѣстоим. и нар. въ вышеприведенныхъ примѣмѣрахъ, такъ что „dûd, kam dudama.. ne dûd“ значитъ „давай, даючи тому, другому..., а недай тому-то“. Въ этомъ отношеніи значеніе лотыш. оборота неизмѣнится, если на мѣсто причастія поставимъ глаголъ: lâi ruñaja, ká runája, nu es wairs nebedaju, букв. пусть говорили, какъ говорили, теперь я больше незаботилась, т. е. что бы ни говорили, мнѣ ужъ было мало горя. Уже одно сопоставленіе ряда возможныхъ дѣйствій (говорили то, другое) и одного дѣйствительнаго (не забочусь) по- 131
казываетъ, что первые безразличны по отношенію къ послѣднему. Но въ русскомъ сюда присоединяется еще ни, т. е. отрицаніе, образованное изъ не-и, какъ литов. ney, и имѣющее здѣсь приблизительно тоже значеніе, что „и не“ Отрицаніе дѣйствія вслѣдъ за его утвержденіемъ выражаетъ между прочимъ безразличіе этихъ дѣйствій по отношенію къ третьему, имъ противополагаемому, т. е. независимость послѣдняго отъ первыхъ: „была-небыла, пойду“; спалъ—неспалъ, а вставай“; плачь-неплачь, былого неворотишь; млр. втік—невтик, а потюпати вілно. Ни въ „какъ ни плачь, а...“ заключаетъ въ себѣ такое же значеніе, съ тою особенностію, что оно доводитъ до крайности отрицаніе важности дѣйствій по отношенію къ утверждаемому: „du magst auch noch so viel weinen...“.

Сравненіе разсмотрѣнныхъ оборотовъ въ славянскомъ и литовско-лотышскомъ возбуждаетъ два вопроса:

Во первыхъ, что древнѣе: обязательное ли единство подлежащаго главнаго сказуемаго, составляющее правило съ славянскомъ, или возможность особаго подлежащаго причастія, какъ въ „самъ сѧ прѣдавъ пьсано ѥсть“ (если только „пьсано“ неесть ошибочное написаніе вм. „пьсанъ“, какъ и въ другихъ случаяхъ въ томъ же памятникѣ: потворъ... крадомо, свѣтъ.. женомо и непостижемо, Будил. Изсл. XIII сл. Григ. богосл. XI в. 10, 8), и какъ въ литовскомъ и, за исключеніемъ прич. на dam-s, въ лотышскомъ?

Сравнимъ выраженія: „нѣсть, къто възискаѧ; вѣсте сѧ, чьто творѧще; твориться, акы изнемагая; не поганьскы ли живемъ, аще усрѣсти вѣрующе“ съ выраженіями, какъ „ѥсть възискаѩ, вѣсте сѧ творѧще, тво-
132 риться изнемагая, живемъ усрѣсти вѣрующе“. Между тѣми и другими существуетъ несомнѣнное сходство, которое въ иныхъ случаяхъ доходитъ до того, что напр. выраженія „твориться акы изнемагая“ и „твориться изнемагая“ мы переведемъ одинаково; „притворяется изнемогающимъ“, а не „какъ бы изнемогающимъ“, потому что это послѣднее дало бы смыслъ: „притворяется мнимо (а не дѣйствитетельно) изнемогающимъ“. Первые обороты, заключающіе въ себѣ относительныя мѣстоименія и союзы, сложнѣе вторыхъ и потому могли возникнуть изъ сихъ послѣднихъ, но не на-оборотъ. Но если примемъ за исходную точку разсматриваемыхъ явленій составное сказуемое, въ коемъ причастіе необходимо имѣетъ одно подлежащее съ глаголомъ, и причастіе, служащее непосредственнымъ приложеніемъ къ подлежащему; то тѣмъ самимъ возможность различія подлежащихъ въ главномъ и придаточномъ окажется позднѣйшимъ явленіемъ, а случаи полнаго сходства славянскаго съ литовскимъ, какъ „parodysiu ką mokąs, pasislėpe kur norįs, dėjos buk sergąs“, окажутся древнею основою разсматриваемаго оборота въ литов. и лотышскомъ. Въ настоящее время обязательность единства подлежащаго въ лотыш. dŭd, kam dŭdama“ представляется особенностью причастія на dama-; но, подобно литовскимъ вышеупомянутымъ оборотамъ, это моглобы дать основаніе думать, что прежде всѣ причастія, имѣвшія способность выдѣляться въ особыя сказуемыя, имѣли тоже свойство. Для обратнаго предположенія, что въ славянскомъ была нѣкогда та-же свобода, что теперъ въ литовскомъ, и что слав. языкъ перешелъ отъ возможности говорить „видите, кого Богъ избравъ“ къ возможности сказать только „видить Богъ, кого избравъ“, или „видите, кого избравъше“, славянскій языкъ, сколько извѣстно, за исключеніемъ одного сомнительнаго примѣра, недаетъ фактическихъ основаній. Тѣмъ неменѣе, если стремленіе языка направлено къ господству личнаго глагола и единству предложенія, то надо склониться именно къ этому предположенію; ибо при господствѣ литовско-лотышскаго правила характеръ предложенія—болѣе именной и степень его единства—меньше.

133 Во вторыхъ, что древнѣе: возможное ли присутствіе косвенности рѣчи, какъ въ литовскомъ, или отсутствіе этого оттѣнка, какъ въ славянскомъ? Вѣроятнѣе послѣднее. Первоначально въ строѣ этихъ предложеній небыло никакого указанія на то, что именительный причастія изображаетъ явленіе не отъ имени говорящаго, а какъ рѣчь и пр. дѣйствующаго лица. Все что выражается въ оборотахъ съ глаголомъ не dicendi и пр., какъ „приношахуть, чьто въдадуче“ есть только различеніе главнаго и придаточнаго, такъ сказать, изображеніе мысли съ

соблюденіемъ переспективы и разницы въ освѣщеніи. Ничего болѣе, по видимому, немогло заключаться и въ подобномъ литовскомъ, если оно когда либо было: atgabendawo, ką dûsę“ Оттѣнокъ косвенности и затѣмъ сомнительности въ придаточномъ могъ появиться сначала только въ силу вещественнаго значенія глагола главнаго предложенія съ составнымъ сказуемымъ, напр. „мьняахѫ духъ видѧще; иже творяахѫ сѧ правьдьни сѫще“, вторые падежи видѧще, правьдьни сѫще, изображаютъ мнимыя явленія, но такъ, что мнимость формально невыражена, а вытекаетъ лишь изъ лексическаго значенія гл. мьнѣти, творитисѧ. Славянскій и литовскій дѣлаютъ одинъ и тотъ же шагъ, превращая эти вторые падежи въ придаточныя предл. посредствомъ формальнаго обозначенія мнимости ихъ содержанія посредствомъ союзовъ акы (=будьто, какъ будьто), buk, ney: jie nûsigando ir bijojos, dumodami, buk dwasę kokę regį, Лук. 24, 37, что было бы въ слав.: убояшѧ сѧ и пристрашьни бышѧ, мьнѧще, акы духъ видѧще (въ О. Ев. убоявъше же сѧ... мьняахѫ духъ видѧще); iszsjunte tykojenczus, kurie dėtis turėjo (которые должны были показать видъ), ney esą teisus, Лук. 20, 20, что было бы въ слав. „послаша навѣтьникы, иже творяахѫ сѧ (акы) правьдьни сѫще“, по образцу русс. „творяся акы изнемагая“. Но 134
здѣсь начинается разница между славянскимъ и литовскимъ. Въ первомъ формальное выраженіе мнимости, сомнительности неидетъ дальше случаевъ, гдѣ умѣстенъ союзъ въ родѣ акы, нераспространяясь на случаи съ мѣстоименіями и нарѣчіями. Лишь въ дальнѣйшемъ развитіи языка въ чешскомъ, отчасти въ польскомъ, здѣсь въ придаточномъ появляется, подъ вліяніемъ латинскаго сослагательнаго, форма глагола съ бы не въ условномъ значеніи, которое здѣсь ненужно, а въ сослагательномъ: при „není tebe kdo opatře“—„není, kdoby opatřil“; при „nevím, co o ní řka—nevím, co bych o ní řekl (Zikm. Skl. 401—2, 405, 673). Въ литовскомъ и лотышскомъ оттѣнокъ косвенности и сослагательности распространяется на всѣ способы сочетанія причастнаго сказуемаго съ глаголами dicendi etc.; вмѣстѣ съ тѣмъ тождество подлежащаго въ главномъ и придаточномъ перестаетъ соблюдаться; но тѣмъ неменѣе значеніе косвенности рѣчи невполнѣ отождествляется съ причастностію сказуемаго, такъ какъ послѣдняя можетъ и невыражать косвенности.

Причастіе прошедшее на л-.

1. Хотя имена прилагательныя и существительныя съ суффиксами ра-, ла-, сродными съ суф. причастія -лъ, свойственны и другимъ арійскимъ языкамъ (Bopp. Vergl. Gr. § 937 слѣд.; догадка о происхожденіи слав. л- изъ т, ib. § 628, ошибочна [1]); Schleich. Comp. [3] § 220), но

[1]) Неменѣе ошибочно мнѣніе о тождествѣ суф. лъ съ суф. прич. на -ъ, -въ повторяемое до-нынѣ (Невр. О зн. ф. р. гл. 269). Суф. лъ предполагаетъ въ именит. ед. м. р. основную ф. -ра-с, а суф. -ъ, -въ—основную ф. ванс (см. Schl. Comp. [3] § 218).

форма на -л, какъ причастіе, осталась лишь въ славянскихъ нарѣчіяхъ, и въ этомъ смыслѣ чужда даже литовско-лотышскому.

135 Суф. -лъ, -ла, -ло, подобно остальнымъ причастнымъ, самъ по себѣ незаключаетъ никакого указанія на время и залогъ; однако съ незапамятныхъ временъ въ славянскомъ образуетъ отъ одной темы съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ (отъ такъ называемой второй) именно причастія прошедшія дѣйствительныя. Отвергать это, какъ дѣлаютъ нѣкоторые, можно только по недоразумѣнію, принимая за достаточное основаніе тѣ прилагательныя отпричастныя на л-, которыя точно неимѣютъ времени, именно въ силу того, что перестали быть причастіями. Между причастіями на -л и произведенными отъ нихъ прилагательными существуютъ замѣтныя различія, которыя должно имѣть въ виду при опредѣленіи особенностей причастія на -л.

2. Было бы полезно собрать такія прилагательныя на -л, которыя, будучи образованы совершенно одинаково съ причастіями на -л, т. е. неимѣя передъ л промежуточной гласной, какую находимъ въ кꙑс-елъ, ж. кыс-ела (и лишь позднѣе кысьла, кисла) и кꙑсѣлъ, неимѣютъ однако при себѣ глаголовъ ни въ нынышнемъ языкѣ, ни въ древнемъ, извѣстномъ по памятникамъ, (ср. Mikl. V. Gr. II, 94—6). Таково, быть м., бѣ-лъ. Можно думать, что такія слова были уже прилагательными въ то время, когда нынѣшнія отпричастныя прилагательныя, какъ гнилой, вялый, смѣлый, удалой были еще причастіями. Возможно, что бѣлый и т. п. приняло членную форму уже будучи прилагательнымъ.

Сама по себѣ опредѣленная, или членная форма неимѣетъ силы превращать причастій въ прилагательныя: причастія наст. и прош. дѣйств., наст. и прош. страд. въ русс., причастія на -л въ польс. и чеш. и въ этой формѣ могутъ оставаться причастіями; но эта форма, по своему сродству съ аттрибутивностью, содѣйствовала упомянутому превращенію. Въ русс. языкѣ отпричастныя прилагательныя отъ темъ на согласную гортанную, свистящую, зубную и губную получили членную форму еще
136 въ то время, когда въ безчленной формѣ именит. ед. м. р. соотвѣтственнаго причастія звукъ л послѣ согласной произносился явственно, благодаря тому, что образовалъ слогъ со слѣдующимъ гласнымъ ъ. Таковы напр. бѣглый, леглый, волглый, брюзглый, мозглый, блеклый, тусклый, моклый (пропитанный влагою), дохлый, тухлый, пухлый, дряхлый, чахлый, рыхлый, лѣзлый (-лая шерсть), мерзлый, вислый, дряблый, сиплый, хриплый и др., при стар. русс. причастіяхъ какъ лег-лъ, тек-лъ, лѣз-лъ, чьрп-лъ и пр. Разъ приставленный членъ сохранилъ л въ прилагательныхъ, какъ дохлый, между тѣмъ какъ это л въ безчленномъ причастіи исчезло послѣ потери конечнаго ъ: издохъ. Желая употребить одно изъ упомянутыхъ прилагательныхъ безчленно и предикативно, мы, несмотря на непріятное стеченіе согласныхъ, должны сказать напр. „мѣсяцъ

тускл", „голосъ хриплъ", т. е. тускл (безъ ъ). Если-бы наша безчленная форма прилаг. была въ этомъ случаѣ такая же древняя и непосредственная, какъ въ бѣлъ, то она должна бы была звучать не иначе, какъ она звучитъ въ причастіи (по)тускъ, (о)хрипъ. Такъ-какъ этого нѣтъ, то значитъ, до безчленной формы тусклъ мы доходимъ посредственно, заключая отъ членной тусклый. Слѣдовательно, членная форма здѣсь стала неразрывна съ категоріей прилагательнаго, и внѣшнимъ образомъ отличивши его отъ причастія. Точно также прилагательное въ „онъ пошлъ" образовано отъ опредѣленной формы „пошлый". Если-бы прилагат. пошлъ находилось въ непосредственной связи съ безчленною формою причастія „по-шьлъ", то обѣ звучали бы нынѣ одинаково „пошо́лъ"; но для прилагательнаго самое изнѣженное ухо, избѣгая стеченія согласныхъ, выберетъ развѣ форму по́шелъ. Что до прилаг. осѣдлый, то отношеніе его къ причастію сѣлъ еще болѣе отдаленное. Извѣстно, что въ истори́ческое время въ восточныхъ слав. нарѣчіяхъ д передъ л въ причастіяхъ на -лъ и существительныхъ съ 137
суф.=зап. слав. dło=лит. kla-=осн. тра-м опускается; изъ чего слѣдуетъ, что напр. русск. сѣдло должно быть объясняемо изъ сѣд-ьл-о, или сед-ьл-о (Mikl. Lex. s. v.), и что осѣдлый имѣетъ или тотъ-же суффиксъ (ьл, а не л, какъ въ причастіи), или образовано подъ вліяніемъ подъ вліяніемъ польскаго, т. е. все-таки неимѣетъ связи съ сѣлъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ звуковая разница между прилагательными безчленными на -*л* и причастіями ска́зывается въ литер. яз. въ удареніи именит. пад. ед. жен.: прилагательныя дохла́, тухла́, пухла́, бѣгла́, волгла́, блекла́, тускла́, мерзла́, хрипла́, дрябла́, спѣла́, смѣла́, зрѣла́, вяла́ при причастіяхъ въ сказуемомъ до́хла, бѣгла, (обл. влр., млр. бігла при неопр. бѣчи, бігти), смѣла и пр. Во многихъ другихъ прилагательныхъ и причастіяхъ такого различія нѣтъ: гнила́ (прилаг. и прич.), пошла́ и пр.

Въ именительномъ множ. всѣхъ родовъ всѣ безчле́нныя отпричастныя прилагательныя на -*л* въ русск. литер. языкѣ отличаются отъ при́частій окончаніемъ. Причастія на -*л* во множественномъ ч. уничтожили различеніе родовъ, принявши, за общее для всѣхъ родовъ древнее окончаніе именит. мн. муж. р. „смѣли" [1]). Въ именахъ прилагательныхъ на -л фактъ состоитъ въ томъ, что они въ именит. мн. имѣютъ общее окончаніе -ы, и этого достаточно для убѣжденія, что нашъ литературный языкъ строго отличаетъ эти прилагательныя отъ причастій. Что до происхожденія этого окончанія, то оно покамѣсть объясняется еще на-двое: или здѣсь произошло уподобленіе муж. и средняго окончанія женскому, какъ въ дат. на -амъ, твор. на -ами, мѣстн. на -ахъ; или

[1]) Иначе въ Поль., гдѣ—li для мн. ч. м. р. личной формы, —ły для мн. ч. м. р. вещной ф. и для ж. и ср. (Mał. Gr. hist. II § 594—5).

же здѣсь стремленія къ такому уподобленію небыло, но средній родъ подчинился мужескому и вмѣстѣ съ нимъ замѣнилъ окончаніе именит. мн. муж. -и окончаніемъ винительнаго -ы

138 3. Причастіе на -*л* образуется отъ второй темы всѣхъ глаголовъ безъ исключенія, между тѣмъ какъ прилагательное на -*л* лишь отъ нѣкоторыхъ причастій глаголовъ, недопускающихъ прямого объекта. По глагольнымъ разрядамъ это прилагательное приблизительно распредѣляется такъ: оно очень обыкновенно отъ глаголовъ начинательныхъ обоихъ разрядовъ, именно глаголовъ не/ну (отъ темы безъ характера: мерзлый, талый—отъ та- съ настоящимъ не та́ѥ-шь, а танешь: млр. „сніг у руці тане") и глаголовъ ѣѥ/ѣ; довольно часто отъ гл. съ первою темой -е (палый, цвѣлой), ѥ (гнилой, спѣлый); рѣже отъ глаголовъ и/ѣ (горѣлый, лежалый, стоялый), еще рѣже отъ и/и (служилый), аѥ/а, яѥ/я (хожалый, линялый), уѥ/ова (годовалый, лѣтовалый, зимовалый), никогда, или чрезвычайно рѣдко отъ глаголовъ наибольшей длительности на ываѥ/ыва, иваѥ/ива и никогда отъ глаголовъ однократныхъ на не/ну. Уже посредствомъ этой одной рѣдкости прилагательнаго сравнительно съ причастіемъ языкъ былъ бы въ состояніи держать раздѣльно обѣ эти категоріи.

4. Между тѣмъ, какъ прошедшія вр. на *л* отъ глаголовъ, возвратныхъ по внѣшнему виду, сохраняютъ возвратное мѣстоименіе ся, (розсѣлся, т. е. есть, при розсядусь, розсѣсться); прилагательныя отпричастныя на -*л* это ся отбра́сываютъ. Въ русскомъ яз. сюда относятся нѣкоторые изъ примѣровъ, приведенныхъ въ Гр. Бусл., § 55, пр. 3, въ доказательство „болѣе свободнаго производства прилаг. на -*л* въ старинномъ языкѣ", чѣмъ въ новомъ: „отъ синего камени отъ разсѣлого" Ак. Юр. подъ 1532 г. (отъ „розсѣлся"); ср. въ „розбѣглой мѣсто посохи нов-
139 городской посоху наймовавъ, посылали съ сохи по 22 человѣка", Пск. I л. 312—13 (-розбѣглася, розбѣчися); въ совр. обл. влр. „вейся капуста вила́я" (что вьется—складывается въ головы). Въ млр. „сосна на бджоли прида́лая"—що придалася. Этимъ отбрасываніемъ знака возвратности, медіялности въ прилагательныхъ доказывается, что немногія исключенія изъ правила, по которому разсматриваемыя прилагательныя необразуются отъ глаголовъ объективныхъ, суть лишь мнимыя. Такъ въ „зналое дѣло" (въ см. знамое, знаемое, извѣстное) прилаг. имѣетъ страдательный оттѣнокъ не несмотря на присхожденіе отъ знати, а потому что происходитъ отъ знати ся такъ что зналое—изъ знало ся. Относительно „ѣзжалый" въ страд. смыслѣ (напр. дорога -лая, по которой, лошадь -лая—на которой ѣздятъ) и въ дѣйствительномъ „ѣзжалый человѣкъ" см. ниже. Г. Некрасовъ требуетъ, чтобы мы одинаково относились къ обоимъ словамъ на -л въ стихахъ былины „дай добра коня неѣзжалаго, сѣделечко новое несижива-

лое" и признавали обѣ формы равно употребительными (О знач. ф. русск. гл. 223—4); однако, заключая отъ большинства русскихъ нарѣчій слѣдуетъ признать прилагательное на -*л* отъ гл. ыва—ива явленіемъ весьма рѣдкимъ, вм. „несиживаное". Относительно страдательности значенія ср. безсубъектные обороты: „Они были братьица крестовые, у нихъ крестамы побраталось, Рыбн. I, 96; конями съ Чуриломъ помѣняноси, цвѣтнымъ-то платьемъ побратало си ib. III, 140

Отбрасываніе возвратнаго мѣстоимѣнія въ причастіяхъ на -*л*, поставленныхъ аттрибутивно, и въ идущихъ отъ нихъ прилагательныхъ, составляетъ правило и въ польскомъ. Ср. widźiawszi(y) człowieka zabyłego 140
(съумасшедшаго, забывшагося) przecz-eście ji prziwiedli ku mnie? Царей I, 21, 14 (XIV—XV в. Maciejow. Dodatki do piśm. 17), при „zabył się"; zapomniały (забытый со страд. зн.) при zapomniał się"; zapamiętały (внѣ себя, бѣшеный)—zapamiętał się; wściekły (бѣшеный)—wściekł się; zapiekły (затвердѣлый, напр. глина, закаменѣлый въ изв. намѣреніи, настроеніи, и отсюда—отчаянный); zajadły (отчаянный, бѣшеный)—zajadł się; wino, piwo wystałe—wystało się; wylęgły (вылупившійся изъ яйца)—wylągł się; zlękły—zląkł się; przydarza mi się to samo, co księgom z sobą zlipłym—co zlipły się; pozostały—co pozostał się; zrozumiały (въ страдат. см. понятный)—co się rozumie, zarozumiały (слишкомъ высокаго мнѣнія о себѣ)—zarozumiał się (русск. умѣлый вѣроятно тоже восходитъ не прямо къ умѣти, а къ умѣтися; ср. стар. русск. мочися, быть въ силахъ что-либо сдѣлать); wyniosły [высокій, возвышенный и (какъ въ млр. „высоко несется") гордый]—wyniosł się; rozwlekły (растянутый, пространный)—rozwlekł się; ścisły (сжатый. тѣсный, точный)—ścisł się, ścisnął się и т. д. По-видимому такихъ причастій атрибут., особенно имѣвшихъ страдательный оттѣнокъ въ стар. польскомъ было даже больше, чѣмъ въ нынѣшнемъ: rzecz ukradłą (украденную, co śię ukradła) lubo gwałtem otjątą wroćił by, 1449 г. Księgi Ust. 73; paknieliby w stronę zakładu tako skazałego (присужденнаго) i win tako przepadłych niepostąpił... tedy... 1503, ib. 29; gdy ktory kmieć se wśi ktorego koli śliachcica albo źiemianina nieucziniw prawa, w ziemi naszej ustawionego, trzimałego, mianego i chowałego, panu swemu, wyszedł... 1450, ib. 144; (змѣй обвилъ слона и сосетъ изъ него кровь) A kiedy już niestanie w elefancie juchy, Powali się nieborak wyżęty i suchy. Tam że sobą przytłucze, właśnie jako skałą Onę sprosną, krwią swoją szelmę wychowałą (=мр. вигодовану), Klonow. ed. Tur. 130; koń wychowały, Stryjk. y Linde s. v.)=серб. коњ rojen, wychowany, dobrego chowu. Тоже въ старинномъ чешскомъ: aby člověk měl obranu a posilenie protiv hřiechóm, a očištěnie dopustilým" (совершоннымъ, при dopustiti se, committere и committi, Tůma ze Štitn. XIV в.); abych od po- 141
znalé pravdy neodstupoval (отъ познанной, poznatise въ страд. зн.); do

nedostavělého domu (къ недостроенному,—tise въ страд. зн.); Drahomirou rozehnalé křest'any (разогнанныхъ, kteři se rozehnali (въ страд. зн.) и пр. См. Zikm. Skl. 663, 4.

143 5. Какъ вообще языкъ при образованіи новыхъ словъ отъ прежнихъ соблюдаетъ постепенность, такъ и прилагательное отпричастное на -л можетъ стоять на различныхъ разстояніяхъ отъ своего причастія. На одной изъ наибольшихъ степеней удаленія отъ причастія прошедшаго находятся польскія и чешск. прилагат. на ły, lý, большею частью соединенныя съ отрицательною частицею, лишенныя всякаго оттѣнка времени и близкія по значенію къ латин. какъ ineffabilis. Таковы напр. польск. niewygasły (niedozgaszenia неугасимый, а не „неугасшій“), nieulękły (неустрашимый), niezwykły (необычайный, необычный, непривычный, а не непривыкшій), dościgły (comprehensibilis, постижимый) и
144 nieścigły (непостижимый), niezbutwiały (негніючій въ прилагательномъ смыслѣ, т. е. не въ данный моментъ негніющій, а имѣющій постоянное свойство негнить), nieupamiętały — co się niemoże upamiętać и пр. Въ чешскомъ: Bůh jest nestihlé a neobsahlé dobré (Zikm. Skl. 664) — непостижимое, необъемлемое умомъ благо. Неслѣдуетъ основывать никакихъ заключеній о происхожденіи такихъ прилагательныхъ на ихъ переводѣ нашими, какъ непостижимый, ибо другіе, неменѣе удовлетворительные переводы могутъ вовсе незаключать въ себѣ страдательнаго суффикса, напр. чешск. nestižitelný. Сами по себѣ слова, какъ niewygasły вовсе непредполагаютъ страдательнаго значенія и его знака (возвратнаго ся), такъ какъ въ нихъ отрицаніе конкретнаго случая, выраженнаго причастіемъ средн. гл. въ niewygasł, безъ всякаго посредства страдательнаго залога, стало (метонимично) представленіемъ невозможности повторенія такого же случая. Подобнымъ образомъ и въ в. русскомъ, для объясненія прилагат. какъ „жилой домъ“ и т. п. [„Градъ Іерусалимъ людьми нежилъ: много пустыхъ мѣстъ, а за городомъ нѣтъ жилыхъ мѣстъ кромѣ дома Іоанна Богослова“, Пут. Лукьян. 77; „про жилое, про былое говорила“, н. п.; пожилое, плата за житье; „заходилъ въ конюшенку стоялую“ (былина); стоялый дворъ, на пр. „въ ханѣ, сирѣчь въ стояломъ гостиномъ дворѣ, Пут. Лукьян. 48; постоялый (т. е. дворъ); постоялое, плата за постой; ѣзжалая дорога, лошадь; „хоть прибило бы малу эту лоточку въ острова хоть прибило не въ бывалыи“ (гдѣ небывано), Барс. Прич. I. 254], нѣтъ надобности предполагать ни безразличія причастнаго суффикса -л по отношенію къ залогу, ни страдательности глагола, а достаточно принять слѣдующіе переходы мысли. Во первыхъ, самому предмету приписано дѣйствіе, которое въ немъ совершилось: въ домѣ жили, въ конюшнѣ стояли, стало быть домъ жилъ, конюшня стояла. Такимъ же образомъ: „къ намъ наѣхалъ полонъ дворъ гостей“, Шейн., Р. н. п. 501 (=„полонъ дворъ каретъ

наѣхавши", ib. 480) [1]). Во вторыхъ, отъ того, что въ домѣ жили въ опредѣленное время (или онъ жилъ) заключено къ тому, что въ немъ вообще живутъ, что въ немъ можно жить.

Устраненіемъ оттѣнка времени въ причастіи можетъ получиться въ прилагательномъ распространеніе признака на всякое время, значеніе способности производить признакъ когда бы ни было. Такъ въ польскомъ dbały (-co dbał, отсюда тщательный, старательный, заботливый), stały (co stał, постоянный), trwały (co trwał, прочный). Такъ въ влр. 145
обл. (кур.) „терпѣлъ Богъ кормилецъ нашъ"—терпѣливъ.

---

[1]) Это частный случай широко и глубоко въ древность распространеннаго пріема поэтическаго мышленія, состоящаго въ томъ, что, въ силу безсознательнаго (а потомъ у искусственныхъ поэтовъ и сознательнаго) стремленія къ наибольшей конкретности, въ то, что въ данный моментъ мышленія, есть средоточіе образа, вносятся признаки (съ позднѣйшей раціональной точки зрѣнія) посторонніе. Т. о. вещи (будетъ ли это дѣйствительная или мнимая субстанція, имя дѣйствія) приписываются признаки лица или другой вещи съ нею связанной, на пр. по Царюграду когда пойдешь гулять, ненасытный градъ, чтобы присмотрѣлся: тутъ хорошо, а индѣ и лутче, Пут. Лукьянов. 1710—1 г. 34; могилушка умершая, Барс. Прич. I 20; умершее платьице, ib. 116, вымершее имѣніе, вымершій участокъ (=выморочный), Подвысоцкій, Слов. Арх. нарѣч.; гремучій ручей, источникъ образовавшійся, по повѣрью, отъ громового удара; ib. Относительно грамматическаго выраженія (употребленія причастія) ср. И вкругъ кочующихъ шатровъ пасутся овцы Калмыковъ, Пушк.; (вывѣска), гдѣ нарисованъ былъ билліардъ съ двумя игроками во фракахъ. Игроки были изображены съ прицѣлившимися кіями, Гог. М. Д. Сидѣть у больной трудной постелюшки, Барс. Прич. I 46; несидѣли мы у трудной у постелюшки, у тяжела крута складнаго сголовьица, ib. 2; онъ былъ во тяжолой во постелюшкѣ ib. 137 (боленъ—труденъ—тяжелъ - больной); необнесъ ты меня братыней пьяною Кир. П. III, 9 (какъ медъ пьяный, пиво пьяное, мр. мед—пъяне чоло; серб. у пjаноj механи, Пѣван. Црног. 41; два мiешчета пива веселога. Iедан вина, а други ракиje, ib. 311); мр. Ой черезъ гору бистра стеженька, ой ишла-ж нею (т. е. быстро) красна панянка, Гол. IV, 66; вр. Подите, мои родные, на мою свадьбу на младую, на младую, на глупую, Шейнъ, Р. н. п. 478; обидня богомольная, Барс. Прич. I, 45; Ты Спасъ и всемилослива Богородица, да прими-тко ты моленьё пустынное (молитву пустынника), Кир. П. III, 47; Ты подай намъ милостыню спасенную (=дающую подателю спасеніе), ib. III, 82; IV, 19; проситъ старъ человѣкъ милостыню благословенную, (за которую благословляютъ), ib. IV, 1; скоро стряпала стряпню я суетливую (=при которой много суеты), Барс. Пр. I, 27; Сиротать будутъ сиротны малы дѣтушки: Будутъ дѣтушки на улочкѣ дурливыи, во избы-то сироты да хлопотливыи (=будутъ причинять много хлопотъ), ib. 18, 47; Во этомъ ли сараѣ колесистомъ (гдѣ много колесъ), на этомъ ли дворѣ хоботистомъ (гдѣ много хоботовъ—хвостовъ, лошадей) ib. 21. Чистъ-рѣчистъ языкъ вынять теменемъ, Кир. III, 82 (говорящій чисто, которому свойственна чистая рѣчь). Глубокой островъ, около котораго можно становиться у берега на самыхъ большихъ судахъ. Сюда же случаи употребленія прилагательнаго, замѣняемаго позднѣе нарѣчіемъ, (ср. выше, стр. 170 et pass): А и сине море всколебалося, а и быстры рѣки розливалися, топятъ много (вм. многи) бусы-корабли, топятъ души напрасныя того народу православнаго, Кирша Дан. Кир. V, 45 (=напрасно, въ томъ смыслѣ, какъ смерть напрасная = пол. nagła, niespodziewana). Ср. „Спитъ умъ, можетъ быть обрѣтшій бы внезапный родникъ великихъ средствъ, Гог. М. Д.

Въ другихъ случаяхъ нѣтъ этихъ оттѣнковъ возможности и способности, а просто изображается данный признакъ независимо отъ своего возникновенія во времени, но такъ, что подкладкою этого значенія служитъ именно возникновеніе признака въ прошедшемъ. Современн. литературн. русск. **пошлый** значитъ тривіяльный, постыло-обычный; слово это знаменуетъ разрывъ общества съ до-петровскимъ преданіемъ, ибо въ старинномъ языкѣ до XVII вѣка включительно **пошлое**—то что **пошло́**, повелось, а потому входящее въ нормальный строй жизни, освященное ею и въ этомъ смыслѣ безупречное; здѣсь прилагательное еще весьма близко къ причастію. Нынѣшнее влр. **дошлый** въ значеніи дока, мастеръ, опытный, а равно и чеш. došlý, умный („muž múdrý neb nedošlý", Tom. ze Štit.) стоитъ ступенью дальше отъ причастія, какое мы находимъ въ старинномъ „неклените, занеже книги ветшаны, а умъ молодъ, **недошелъ**", Лавр. 209, и современномъ влр. „умомъ недошелъ", чѣмъ нынѣшнее прилагат. **дошлый**, о хлѣбѣ—спѣлый, о печеномъ — выкисшій, выпеченный, о звѣрѣ — выматорѣвшій, долинявшій. Однако и это послѣднее лишь весьма неточно передается причастіемъ прошедшимъ, такъ-какъ въ немъ время уже стерто.

6. Предлогъ въ отпричастномъ на *-л* поддерживаетъ его связь съ глаголомъ, и на-оборотъ, имена безпредложныя на *-л* скорѣе теряютъ всякое отношеніе къ глаголу. Конечно, есть такія безпредложныя и предложныя, между которыми въ этомъ отношеніи невидно разницы, а лишь въ другомъ, напр. **рослый**—высокій, и **взрослый**—совершеннолѣтній; однако въ большинствѣ случаевъ это не такъ. Сравнимъ напр. мерзлый и замерзлый, мозглый и промозглый, зяблый (говядина, дере-
146 во, лѣто зяблое — въ которое хлѣбъ побиваетъ морозомъ) и озяблый, горѣлый („горѣлымъ пахнетъ" — гарью, „живъ здоровъ, ни горѣлый, ни больной", гдѣ „**горѣлый**" синонимъ „больной", какъ въ „горѣть—болѣть") и при(у-, за-, по-)горѣлый (Христа ради, на погорѣлыхъ), кипѣлый (кипяченый, вареный) и накипѣлый, колѣлый (дохлый, палый) и околѣлый, линялый (о звѣрѣ) и полинялый и пр.

Этимъ предложнымъ формамъ, болѣе близкимъ къ причастію, чѣмъ соотвѣтсвенныя безпредложныя, по степени причастности равносильны такія предложныя, къ коимъ трудно или нельзя подобрать въ наличномъ языкѣ безпредложныя, напр. многочисленныя отпричастныя отъ гл. ѣѥ/ѣ: огрубѣлое тѣло, оголѣлый, загустѣлый, одурѣлый, ошалѣлый, оторопѣлый, осовѣлый, посоловѣлый, окостенѣлый, окоченѣлый, окаменѣлый, обледенѣлый, заиндевѣлый, закоптѣлый, окривѣлый, заплесневѣлый, осиротѣлый, наторѣлый, обрусѣлый; аѥ/а: захудалый. Даль сплошь и рядомъ переводитъ эти формы посредствомъ причастій прошедшихъ: „заиндевѣвшій". Обойдти такого объясненія нельзя; но русскій литер. языкъ считаетъ эти предложныя формы все-таки не

причастіями, и отдѣляетъ ихъ какъ отъ причастій на -шій, -вшій, такъ и отъ причастій на л-, способныхъ только къ тѣснѣйшему соединенію съ настоящимъ существительнаго глагола. Изъ опасенія смѣшать эту предложную форму съ причастіемъ, мы въ аппозиціи, благопріятствующей сохраненію причастнаго значенія, ставимъ вмѣсто нея причастіе на -ъ, -въ. Напр. кажется неловко сказать: „человѣкъ, возмужалый въ трудахъ и лишеніяхъ" вмѣсто „возмужавшій". Если же ставимъ въ аппозиціи такую форму, напр. „поля, запустѣлыя послѣ нашествія непріятеля", то принимаемъ ее за прилагательное, какъ въ „мальчикъ, блѣдный отъ страха". Прилагательныя на -л, болѣе уда- 147
ленныя отъ причастія, мы смѣло ставимъ и аттрибутивно и предикативно, напр. говоримъ „смѣлый человѣкъ", но и (производя, по вышесказанному, безчленную форму отъ членной) „онъ—смѣлъ". Въ послѣднемъ случаѣ мы небоимся смѣшать это прилагательное съ предикативнымъ причастіемъ „онъ смѣлъ сказать". Наше опасеніе смѣшать предложную отпричастную форму съ причастіемъ (въ силу котораго мы отъ этого предложнаго прилагат. вовсе не образуемъ безчленной формы и въ случаяхъ, какъ „онъ одурѣлъ отъ хлопотъ", всегда разумѣемъ причастіе съ подразумѣваемымъ глаг. вспомогат.) вытекаетъ изъ чутья близости предложнаго прилагательнаго къ причастію.

Русскій языкъ, образовавши дѣепричастія изъ прич. безчленныхъ аппозитивныхъ на -ъ, въ (пришедши, давши) и (книжный яз.) сохранивши аппозитивность этихъ причастій въ членной формѣ (пришедшій, давшій), съ другой стороны чуждается аппозитивнаго употребленія не только безчленныхъ, но и членныхъ формъ причастія на *-л*. Уже въ древнемъ языкѣ случаи аппозитивности причастія на *-л* рѣдки или сомнительны. Въ Изб. 1073, 40: „аште бѫдеть къто старъ или немоштьнъ и отънемоглъсѧ, ти (=и) неможеть чьр'ньць быти... то како тъ можеть покаятисѧ и съпасти?" причастіе входитъ въ составъ сказуемаго: „аште бѫдетъ отънемоглъсѧ". Вѣроятнѣе аппозитивность формы на *-л* въ случаяхъ, гдѣ удобно замѣнить ее нынѣшнимъ (книжн.) прич. аппозитивнымъ на -ъшій, -вшій или дѣеприч.: „милостыни, съв(ъ)купилася (=совокупившися, соединенная) съ постомъ и молитвою, отъ смерти избавляеть человѣка", (Новг. I, 60); бѣси въпияху: „кто се есть царь славы, съ толикою на ны пришелъ (пришедшій?) властию?" Кир. Тур., Калайд. 38—9. И ту-же-гора камен[н]а[я] плоска, просѣлася (вар. ра[з]сѣлася) въ распятіе (=во время...) Христово, Дан. Паломн. ред. Норов. 18. А будетъ невѣста пришла за него замуж, дѣвства своего несохранила (=несохранивши), и онъ имъ, отцу и матерѣ, за то пенялетъ. Котош. 127. А ежели за того человѣка невѣста придетъ, дѣвства своего несохранила, и тотъ женихъ... къ царю челомъ ударить неѣздитъ, ib. Да съ тое березы вешнею водоточью—на дорогу, а на дорогѣ стоятъ двѣ березы, выросли изъ одного корени, а на тѣхъ

березахъ грани тесаны, 1600, Ак. отн. до юр. б. II, 461. На сторонѣ.. стоитъ три олхѣ, сростли съ одного коренѣ, и которая олха къ рѣкѣ Сяси, и на той олхѣ высѣченъ крестъ вновь... надъ ручьемъ стоитъ ель, наклонна къ востоку 1678, ib. 161. Въ послѣднихъ 2-хъ случаяхъ окончаніе мн. ч. -ли, усвоенное для всѣхъ родовъ только причастіи входящаго въ сказуемое: „выросли" (суть). Въ мр. „менша сестра, літ недорослá, та-ж мені їхать не звеліла" или „єсть у мене сестра, менша д'мене зрослá, от-та мені їхать незвеліла (н. п.), въ обоихъ случаяхъ глагольныя сказуемыя предложеній, въ коихъ безсоюзность даетъ тотъ же результатъ, что и употребленіе союза: єсть у мене сестра, що найменша зрослá, отта и пр. Метл. 32. „Тамъ за Лопаньню, заразъ за річкою, де тепер хороші і великі хороми, тамъ були озера, очеретом порослú. Квітка, Щира Люб.

141 Буслаевъ говоритъ: „старинные писатели удачно употребляли прошедшее время изъявительнаго наклоненія на -лъ, вмѣсто несвойственнаго нашей рѣчи (т. е. просторѣчію) причастія на -шій, на пр. „гонъ (=огонъ, хвостъ) крѣпкой, короткой и неповислой и никуда на сторону нескинулся (вм. нескинувшійся), или на спину кольцомъ незавернулся (вм. незавернувшійся), Грам. § 198, Прим. 2. Будь нескинулся поставлено аттрибутивно, въ такомъ же грамматическомъ значеніи, какъ повислой, оно немогло бы имѣть возвратнаго мѣстоименія. Если Б., называя нескинулся и пр. прошедшимъ временемъ, признаетъ, что здѣсь при причастіи опущенъ вспомогательный глаголъ, сообщившій ему силу первостепеннаго сказуемаго и выдвинувшій его изъ ряда аттрибутовъ. то это совершенно справедливо; но въ такомъ случаѣ обороты „гонъ нескинулся" и „нескинувшійся"—граматически разнородны и неравносильны. Нѣкоторую неясность вноситъ сюда ссылка на § 189, гдѣ сказано: прошедшее время, какъ причастіе прошедшее, можетъ сочетаться съ глаголомъ настоящаго (или будущаго) времени. Въ такомъ случаѣ должно отличать предложеніе главное, обозначенное глаголомъ, т. е. настоящимъ или будущимъ временемъ, отъ предложенія придаточнаго, т. е. прошедшаго времени, которое есть не что
142 иное, какъ причастіе, впрочемъ съ придачею своего собственнаго оттѣнка, потому что это причастіе принимается у насъ уже за изъявительное наклоненіе. Напр. „истокъ заросъ хвощемъ, стоитъ тихо" (т. е. какъ бы заросшій хвощемъ, стоитъ—), Шуйск. Ак. 1677; ...„молода княгиня испужалася, а и больно она передрогнула, посылаетъ стольниковъ и чашниковъ" (т. е. испугавшись и передрогнувъ посылаетъ), Др. р. ст.; „соскочилъ съ коня, самъ бьетъ челомъ" (т. е. соскочивъ бьетъ), ib.; „пролегла лежитъ широкая дороженька", нар. п.; „леталъ голубь по долинѣ, самъ воркуетъ", н. п.; „опомнилась, глядитъ Татьяна"; Арнауты) „овладѣли городскими батареями, бунтуютъ", Пушк.

Терминъ „сочетаніе“ употребленъ Буслаевымъ выше не въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы его нерѣдко употребляемъ, то есть не въ смыслѣ соединенія въ одинъ двухъ членовъ простого предложенія, напр. глагола и именительнаго второго въ одно составное сказуемое, а въ смыслѣ извѣстнаго отношенія двухъ сказуемыхъ, двухъ предложеній. Но въ такомъ случаѣ, что значитъ настойчивость, съ которою Б. смотритъ здѣсь на прошедшее время какъ на причастіе и не что другое? Эта форма именно потому принимается у насъ за прошед. изъявит. накл., что съ давнихъ поръ въ ней причастіе перестало разсматриваться само по себѣ, что оно неесть причастіе, а тѣснѣйшее соединенія причастія и вспомогательнаго глагола, по предикативной силѣ совершенно равное временамъ настоящему и будущему. Въ этомъ отношеніи случай „истокъ заросъ.. стоитъ“ совершенно равенъ съ тѣми, въ которыхъ Б. считаетъ форму на -лъ за „самостоятельное прошед. вр. изъяв. накл.“ и въ которыхъ эта форма отдѣлена отъ настоящаго или будущаго союзомъ: парусъ вздулся и шумитъ (Гр. § 189, 2). Въ „опомнилась, глядитъ Т.“ разница, такъ сказать, свѣта и тѣни между сказуемыми безъ сомнѣнія есть, и въ этомъ отношеніи наблюденіе Б. имѣетъ для насъ 143
цѣну; но эта разница зависитъ не отъ того, что одно предложеніе придаточное, въ томъ смыслѣ, въ какомъ такъ называютъ оборотъ съ дѣепричастіемъ, а другое главное, а отъ разницы во времени равносильныхъ сказуемыхъ. Подставивши вмѣсто этого выраженія толкованіе „опомнившись глядитъ“, поступимъ произвольно, сотремъ съ выраженія печать времени, къ коему оно относится по характеру. Опираясь на такой прецедентъ, въ правѣ будемъ пойти въ томъ же направленіи дальше и судить о грамматическихъ отношеніяхъ не потому, какъ они представлены въ данномъ случаѣ, а независимо отъ этого, по ихъ переводамъ. Напр. скажемъ, что главное и придаточное различаются и въ случаяхъ, какъ „скоро пошла по двору своему, а идетъ по двору шатается, сама больно закручинилася“ (Др. р. ст. 1818 г. 150)=пошедши, идетъ шатаясь, закручинившись. Между тѣмъ въ былинныхъ стихахъ не три дѣйствія представлены обстоятельствами четвертаго, а всѣ четыре въ предикативномъ отношеніи равносильны. Замѣчу еще, что второстепенное съ нашей точки и выражаемое нами безглагольно, въ старинномъ языкѣ можетъ быть обозначено нетолько такъ, какъ въ „истокъ заросъ, стоитъ“, но и обратно, такъ, что нашему причастію соотвѣтствуетъ глаголъ въ наст. вр. Такъ въ начальной формулѣ купчихъ XVII: се язъ N, живу своимъ дворомъ(=живущій), продалъ есми... (Ак. отн. до Ю. Б. II 435—445).

Здѣсь русскій языкъ весьма замѣтно отличается отъ польскаго и 147
чешскаго.

Въ польскомъ, по возникновеніи дѣепричастій изъ причастій на -ъ, -въ, эти причастія становятся рѣдки и за-тѣмъ совсѣмъ исчезаютъ. Уже

148 въ XV в. онѣ встрѣчаются не часто: s winą pięćnadzieścia oblawszą (т. е. oblaw się—облѣявъ сѧ) czirwonością, to jest se sromem wrocić ima, 1449, Ks. Ust. 70, гдѣ однако можетъ быть уже и дѣепричастіе; позднѣе „wielka liczba chrześcian, bezbożnie żywszych i bez pokuty umarłych“ (изъ книги, печатанной готич. шрифтомъ); bywszego (Linde, bywszy), П. Лавровскій, Объ этимол. особ. стар. яз. польс. 42. Въ-замѣнъ этой потери членныя формы на -л, въ качествѣ аттрибутовъ и аппозицій, и донынѣ сохраняютъ причастное значеніе:

Gdyż wszystki ustawienia i statuta układają rzeczaam a dziejaam przydącym (приидущимъ, будущимъ), nie przeminąłym (минувшимъ), chcemy... 1449, Ks. Ust. 15=gdyż statuta nie są ani mają być przypisany rzeczam minęłym (ib.); iże przekonany w sądzie zyskałemu (выигравшему) maa dosyć uczynić 1449, ib. 17; obyczaj jest w sądzie Polskem, iż sądzia, ot kogo otzywają (на рѣшеніе коего аппеллируютъ), pirwiej niechce ani ma swego bronić skazania, aliż pirwiej przes stroną otezwałą (аппеллировавшею стороною) trzy grzywny alibo kunie łupieże, to jest kożuch, jemu bądą dany, ib. 70; o dąbiech.. przy ktorych kole wodach ciekących urosłych (выросшихъ) ib. 74; wożny.. kmieći, co kole jich jest niestałych (неявившихся), każdego janym wołem pocądzać może, ib. 28. Въ нынѣшнемъ языкѣ, кромѣ вышеупомянутыхъ прилагательныхъ, причастія прошедшія: majętność, w zastawie do ciebie przepadła (имѣніе доставшееся тебѣ въ качествѣ залога); syn jego, jeszcze na ten czas niezarosły (не обросшій бородою); ogień, wybuchły z iskry (вспыхнувшій); człowiek, niedawno zmarły (умершій); ćiasto dobrze wykisiałe (выкисшее); ziemia wyschła, wypragła, wyprzała (высохшая и пр.) и мн. др., нынѣ—исключительно отъ глаголовъ предложныхъ среднихъ, какъ zstarzały, znędzniały, zniszczały, wywietrzały, zdrętwiały, zmężniały, zniewieściały, zdziećinniały, zwątlały и пр., соотвѣтствующія нестолько, нашимъ какъ
149 устарѣлый, сколько нашимъ устарѣвшій. Этихъ причастій неслѣдуетъ смѣшивать съ тѣми, которыя уже лишены отношенія къ прошедшему времени и передаются нашимъ причастіемъ настоящимъ, или прилагательнымъ отпричастнымъ: ciało, podległe chorobie (подлежащее, подверженное). Подобное употребленіе прич. на -л членныхъ въ стар. западн. и южн. рус. письменномъ яз.—изъ польскаго: „а мое зась войско, зосталое (= оставшееся) подъ Берестечкомъ.. сами безъ орди.., знявшися, просто пойшли“, Лѣт. самовид. 26.

Въ чешскомъ, хотя членная ф. прич. прош. на -ъ, -въ и употребительна (prohravším, roztrhavších, Zikm. Sklad. 679, Hattala, Srovn. Ml. 95), однако и членная ф. на -л въ значеніи причастія, по видимому, неменѣе употребительна, чѣмъ въ польскомъ: lidu, dobře na moři bojovati zvyklého (привыкшаго); slovo, z rozumných ust pošlé (исшедшее); zrnce, dříve zahynulé (погибшее), vzrostlo и пр. Zikm. ib. 662—4.

7. Весьма вѣроятно, что нѣкогда предикативное причастіе на -лъ нетолько свободно могло сочетаться съ ѥсмь, бѣхъ, быхъ, бѣахъ, бѫдѫ, но и съ другими глаголами, допускавшими сочетаніе со вторымъ именительнымъ причастій. Въ то время, съ одной стороны, въ этомъ отношеніи небыло разницы между причастіями на -лъ и другими причастіями, съ другой—между ѥсмь и проч. и другими глаголами, способными быть частью сказуемаго, была только лексическая, а не грамматическая, не формальная разница. Но уже въ древнихъ памятникахъ весьма рѣдки примѣры, подобные слѣдующимъ: „рече Господь: иже ѥсть на мѧ твьрдъ срдцмь, да ѣсть мяса и вино пиѥть, аще чюеться къ Богу прѣдалъ“, XII в. Срезн. Свѣд. и зам. LII, 109; „се же створи Святославъ одинъ безъ Олга и творяшеся добро учинилъ, а на болшюю пакость Олгу и собѣ“, Лавр. 207. Ср. серб.. ко виђе, чини с' невидио, „Ко чујаше, нечуо се чини“, нар. пѣс. Ср. Пѣв. церн. 6. Быть можетъ, впрочемъ, „творяшеся учинилъ“ слѣдуетъ принимать уже не за одно составное сказуемое, какъ „творяшеся учинивъ“, а за два „творяшеся, учинилъ ѥсть“. По крайней мѣрѣ въ болѣе позднемъ языкѣ такому пониманію слѣдуетъ отдать рѣшительное 150
предпочтеніе.

„А идетъ подвору шатается,
Сама больно закручинилася“.

Увидавши ее, сынъ спрашиваетъ: „что ты, сударыня, идешь закручинилась?“ (Др. р. ст. 150). Г. Буслаевъ объясняетъ: „т. е. закручинившись“ (Гр. § 189); но слѣдуетъ читать „идешь, закручинилася“, т. е. предполагать ощущеніе глагола, въ то время составляющее уже правило.

Общій выводъ тотъ, что русскій литературный языкъ, переведши аттрибутивное и аппозитивное причастіе на -лъ въ область прилагательнаго и ограничивши это причастіе кругомъ предикативности, въ самомъ этомъ кругу даетъ причастію -л сочетаться не со вспомогательными глаголами въ обширномъ смыслѣ, а лишь съ немногими формами глагола существительнаго, позднѣе съ однимъ настоящимъ.

Вытекающая отсюда исключительность положенія настоящаго времени существительнаго глагола указываетъ на то, что въ немъ языкъ возвысился до понятія чисто-формальной предикативной связки (ср. Введеніе стр. 112—4).

8. Сочетаніе причастія -л съ настоящимъ временемъ ѥсмь и проч.

А. Въ стар. русскомъ вспомогательный глаголъ обыченъ здѣсь во всѣхъ лицахъ, неисключая 3-го ед. и мн., притомъ какъ передъ причастіемъ, такъ и послѣ него: невѣдѣ, у кого ѥсмь купилъ, Русс. пр.

по сп. XIII в. (Русс. Дост. 1, 36); взялъ ѥсмь... то же ѥсмь не даромъ далъ, Духовн. Новг. 1270 (Срезн. Свѣд. и зам. IV, 38) и т. д. въ послѣдующіе вѣка, на пр. купилъ есмь, 1527, Ак. отн. до Ю. б. Далъ ѥсми (съ XIII в.?): „брате, являю ти, на Ольговичи есми ходилъ къ Чернигову и на Олговѣ есми стоялъ и много есмь имъ зла учинилъ и землю ихъ повоевалъ есмь, Ип. 37 (255); се я Кн(я)гиня Ольгкирдовая Оульяния оуставила ѥсми.. ок. 1377, Срезн. Др. п. 110; позволил есми, Полоц. гр. 1396 (?), ib. 129 (ib. писана бысти); позычилъ есми, челоб. Констант. Острож. 1508. А. З. Р. II 57, такъ и позднѣе до XVII в. включительно, рядомъ съ ѥсмь: промѣнилъ есми (1612), продалъ есми (1666) и пр.

Далъ ѥси — съ древнѣйшихъ памятниковъ и до XVII—XVIII в.: кдѣ ѥси в(ъ)зялъ, Русс. пр. по сп. XIII в. и пр. Б. м. уже въ XIII в. на Волыни, за долго до начала польскаго вліянія, появляется -лъ ѥсь. Если бы эти формы внесены были въ Ип. л. позднѣйшимъ переписчикомъ, то они встрѣтились бы раньше разсказа о событіяхъ второй половины XIII в.: „Брате! ты мене ни на полону ялъ, ни копьемь мя еси добылъ, ни изъ городовъ моихъ выбилъ мя есь, ратью пришедъ на мя, оже сяко чиниши надо мною. Ты ми братъ есь. Ип. 214 (593); „реклъ ми есь былъ, в Ляхохъ коли есмь (= есми, т. е. есмы) былѣ, ib. 215 (594); князь ти молвить: с чимь есь приѣхалъ, повѣжь, ib. 217 (598); осе пакъ мой, рци, отець, а твой стрый, лежить во епископьи у святои Богородици в Володимерѣ, а много-ль есь над нимь свѣчь поставилъ? что есь далъ который городъ, абы то свѣча была? ib. 218 (601); аже чего еси хотѣлъ, чему есь тогда со мною немолвилъ при царѣхъ? А повѣж ми то, самъ ли есь въ Берестьи сѣлъ своею волею, цили велениемь отца своего, а бы-мь вѣдомо было, ib. 224 (611). Также и при сочетаніи съ сущ. и прилагательнымъ: ты уже не братъ еси брату своему, но ратьный есь ему, ib. 199 (503), подъ 1261 г.; „жалую, рци, Богу и тобѣ, за не ми, рци, есь по Бозѣ братъ ми есь старѣйшій, ib. 224 (611). Въ звуковомъ отношеніи съ этимъ ѥсь равносильны въ томъ же памятникѣ мь изъ ми и ть (сходное съ пол. -ć въ to-ć, но незаимствованное): Левъ рече Володимѣру: „тако и гораздо, оже еси далъ; мнѣ под нимь ци искати по твоемь животѣ? А вси ходимъ подъ Богомь. Абы-мь далъ Богъ и своимь мочи изволодѣти въ се время", ib. 213 (591); абы ты, господине, здоровъ былъ, а болшая-мь надежа по тобѣ, ib. 214 (593); и нача молвити (Володимеръ) княгини своей и бояромь: „хотѣлъ быхъ доѣхати до Любомля, за-не досадила-мь погань си" (т. е. татары), а человѣкъ есмь боленъ, ни я с ними могу повѣстити.. а пряли-мь уже и на печенехъ (= мр. вони мені до печінóк доняли, v. вони мені вже в печінкáх сидять) 214 (522); нѣкто отъ слугъ его (Данила короля) вшедъ нача повѣдати сице: „о господине! людье кацѣ-се (мр. якісь) ѣдуть за щиты со сулицами, а конѣ с ними

поводьнии". Король же отъ радости воскочивъ... рече: „слава тобѣ господи! то-ть Василко побѣдилъ Литву!" ib. 200 (566); неотдать еѣ (Изяславы) неволею ни за кого-же, но кдѣ будетъ княгинѣ моей любо, туто-ть ю дати, ib. 216 (595); слуги.. повѣдаша ему: „владыка, господине, приѣхалъ". Онъ же рече: „который владыка?" Они же повѣдаша: „Перемышлеский. Ѣздить отъ брата-ть, ото Лва". Володимѣръ же бѣ разумѣа древняя и задняя, на што приѣх(ал)ъ, посла по него, ib. 218 (600). Во всемъ этомъ слышится живая юго-западная рѣчь XIII в., уже, я полагаю, кое въ чемъ отличная отъ тогдашней рѣчи приднѣпровья. Между прочимъ частица ци (вост. мр. чи) и теперь отъ Брестскаго у Гродн. г. и далѣе на югъ въ Галичину.

— Далъ ѥсть: рекоша, яко Кій есть перевозникъ былъ (Лавр.); Павелъ училъ есть языкъ Словѣнескъ и поставилъ есть епископа (ib.); умьрлъ есть (ib.); то есть было преже дѣдъ нашихъ, Ип. 38 (256); Батый воротилъся есть изо Угоръ и отрядилъ есть на тя два богатыря возискати тебе, Манъмана и Балаа, ib. 180 (528) и пр.

— Дала ѥсвѣ: рядили (вм. ла) ся есвѣ, нес(ъ)творила ѥсвѣ, рекла есвѣ, Поуч. Моном. Лавр.[2] 245; се есвѣ зачала дѣло зло, а свершивѣ до конца, Ип. 25 (235); есвѣ рекла, ib. 57 (291); позвалѣ (=ли) есвѣ оба, ib. 77 (329) и пр.; позднѣе—ѥсва: язъ и-своимъ братомъ Скиргаиломъ.. то ѥсва по слову учинила и доспѣла ѥсва манастырь.. и прилучила ѥсва к цркви по вѣки.. Грам. Ягайла 1387, Срезн. Др. пам. 267.

— Дала ѥста: повѣдаша ему, яко два кудесника избила многы жены ...и пришла еста сѣмо, Лавр.[1] 75 (2, 171); како еста была у брата моего, тако же будета и у мене, Ип. 23 (231); того васъ есмь бороня и неправилъ себе, оже мя переобидила и.. бещестье на мене еста положила.. то-ти ни мнѣ еста неуправила, еже рекша, но Богови, ib. 61 (297—8) и пр.

— Дали ѥсмъ (съ ъ), если и встрѣчается въ русс. памятникахъ, то очень рѣдко. Обыкновенно -ли ѥсмы, непозже чѣмъ съ XIII в.: платили ѥсмы, тѣхъ (треѥ двор(ь)ць)ся ѥсмы отступили, потаили ѥсмы, Новг. Гр. 1262—3. Такъ и продолжается въ XIV и XV в., съ одной стороны въ памятникахъ западныхъ и южныхъ (умыслили ѥсмы, нялися ѥсмы и пр., гр. Ягайла 1387, Срезн. Др. пам.; дали ѥсмы, Галиц. гр. 1398; учинили ѥсмы, Галиц. гр. 1401), съ другой — въ сѣверныхъ и восточныхъ (ѥсмы положили, Новг. гр. 1371; послали ѥсмы, догов. гр. Дм. Ив. 1372 и пр.). Иногда: есми цѣловали, что есми взяли твоего, а то ти возворотимъ, Ип. 25, 30 (рядомъ съ есме) и такъ довольно часто еще въ вр. грам. XVII в. (поручились есми, выручили есми, 1678, 1690, Ак. отн. до Ю. Б. II, 813—8 и пр.). Дали ѥсме: се есмы путь замыслили великъ.. хрестъ есме цѣловали, Ип. 31 (244) и пр.; ѥсме дали, Новг. гр. 1264; приготовилися есме были и рекли есме, есме не-

чювали, Риж. гр. 1300, Срезн. Др. п.; скончали кєсме, Риж. гр. 1405; кєсме послали, Полоц. гр. 1405. Въ XIV в. въ вр. пам. появляется кєсмя: с тыхъ кєсмя спустили на зень, Новг. гр. 1375, Срезн. Др. п.; такъ и въ слѣдующіе вѣка до XVII включительно: всѣ есмя порутчики, поручилися есмя по N (1642—67, Ак. отн. до Ю. Б. II, 87 et pass.). Непозже XIV въ южн. и западн. пам.—кєсмо (Ср. мои Зам. о мр. нар. 15—8): дали кєсмо, гр. Подольск. кн. 1375, Срезн. Др. пам.; продали кєсмо, гр. Холмск. кн. 1376, ib.; есмо писали, Полоц. гр. 1465; продали есмо, Вилен. гр. 1512 и т. д.

— Дали кєсте въ Лавр., Ип. pass.; кєсте присылали, Новг. 1294, кєсте были, Новг. гр. 1297; позднѣе, вѣроятно одновременно съ кєсмя, вр. естя.

— Дали суть: что суть въдали, покрыли суть, наяли суть, Лавр., Ип. pass.

Крайне ошибочно думать, что это сочетанія не русскія, или только книжныя, занесенныя извнѣ.

151 Б. „Эти описательныя формы, говоритъ Буслаевъ, удержались въ нашемъ языкѣ до позднѣйшаго времени потому, что 1-е и 2-е лица ед. и мн. вспомогательнаго глагола, потерявъ силу глагола, означали лица и употреблялись, такимъ образомъ, вмѣсто мѣстоименій 1-го и 2-го лица, т. е. есмь вм. я, кєси вм. ты. Потому въ позднѣйшихъ памятникахъ при вспомогательномъ глаголѣ 1-го и 2-го лица рѣже употребляется личное мѣстоименіе, нежели въ древнѣйшихъ; сличи напр. „дала есмь“, „ночевала есми, была есми“ (Домострой) съ „ты пробилъ кєси“, „ты лелѣялъ еси“ (Сл. о п. И.), Гр. § 177. пр. I. На это замѣчу, что примѣры эти неудачны, такъ какъ причина употребленія личнаго мѣст. въ „ты пробилъ кєси“ заключается въ томъ, что на это слово падаетъ сила рѣчи, что оно знаменательно и его отсутствіе измѣнило бы смыслъ
152 выраженія. Въ такомъ случаѣ личное мѣст. стоитъ и въ языкѣ XVI—XVII вѣк., напр. се азъ продалъ есми (Ак. отн. до Ю. Б. II 402, 1666 г.), се язъ да язъ.. продали есмя..“, а вмѣсто этого: се азъ N продалъ я (1690—1, ib. 281, 405), се азъ.. да язъ.. продали мы (1680, ib. 464). Употребленіе кєсмь вм. язъ можно усмотрѣть развѣ въ случаяхъ, какъ „Язъ князь великий Олегъ Ивановичь, сгадавъ кєсмь (т. е. сгадавъ язъ, съ язъ плеонастич.) съ своимь оцемь съ владыкою.. далъ кєсмь, гр. Ряз. 1356, Срезн. Др. п. Утвержденіе, что есмь, еси теряютъ съ теченіемъ времени силу глагола, должно быть измѣнено такимъ образомъ: слова эти теряютъ вещественное значеніе, становятся формальными, но остаются все таки глаголами, предикативными связками, и даже опускаясь сообщаютъ причастію предикативную силу. Объ одномъ случаѣ, когда -те изъ кєсте дѣйствительно, хоть нестановится самостоятельнымъ мѣстоим., но входитъ въ составъ мѣстоименія, будетъ сказано ниже. Такъ какъ опущенія есмь, еси и пр. съ теченіемъ вре-

мени становятся все чаще, то все чаще становится необходимо употреблять мѣстоименіе личное, какъ чисто-формальное слово, какъ знакъ лица, невносящій въ предложеніе никакого вещественнаго содержанія. Въ „язъ дала ѥсмь“ „язъ“ можетъ стоять, п. ч. съ „этимъ словомъ можетъ быть связано значеніе „я, а не другая“, но можетъ и нестоять; но въ „я дала“ „я“ должно стоять во всякомъ случаѣ, такъ какъ безъ него лицо сказуемаго небудетъ обозначено. Такимъ образомъ употребленіе личныхъ мѣстоименій при прич. -лъ по направленію къ нашему времени учащается, и въ этомъ прогрессѣ никакой вѣкъ изъ среднихъ между нашимъ временемъ и временемъ древнѣйшихъ памятниковъ русск. письменности несоставляетъ исключенія.

В. Такъ какъ имя вообще, а въ частности причастіе, само по себѣ есть третье лицо, то легче всего неставить вспомогательнаго глагола именно въ 3-мъ лицѣ. Въ этомъ различные языки сходятся между собою болѣе, чѣмъ въ опущеніи глагола въ другихъ лицахъ. Такъ, въ санскритѣ 3-е л. глагола ас- (=ѥс) опускается при прич. страд. на -та, прич. прош. на -вант, причастіи на -тар (=латин. tur-us), которое съ асми и пр. получаетъ значеніе будущаго: дâтâсми (=дâтâр асми), дâтâси, но въ 3-мъ лицѣ трехъ чиселъ—именит. пад. муж. р. 153
дâтâ (ед.), дâтâрâу (дв.), дâтâрас (мн.) безъ соотвѣтственныхъ формъ глагола ас означаетъ daturus, -a, -um est и пр. Подобно этому и въ новоперсидскомъ (Bopp. V. Gr. §§ 513, 627, 646).

Такъ и въ славянскихъ нарѣчіяхъ отсутствіе вспомогательнаго ѥс вообще и въ-частности въ сочетаніи съ прич. -л начинается съ третьяго лица ед. ч. Случаи отсутствія этого лица встрѣчаются уже въ ст.-сл. памятникахъ напр. часты въ Супр. ркп. (Mikl. V. Gr. III, 170, IV, 801; Бусл. Гр. § 202, пр. 1). Въ хорут., серб. болг. опускается только ѥсть, а не другія лица. Въ польскомъ теперь при byłem, byłeś, byliśmy, byliście, въ 3-мъ лицѣ возможны только формы był, byli, съ опущеннымъ jest, są, Хотя это опущеніе встрѣчается уже въ XIII в. (poczǫła mǫ matka matka moja, 1290, Maciej. Dod. 4), но еще и въ XV, XVI обычны случаи наличности глагола: skarzył jest (1449, Ks. Ust. 43), gdy niewiedzą tego, jest jen go ranił (ib. 53=иже ѥсть и҆ ранилъ), jest go uranil (1503, ib. 34), zaprzał się jest, 38, obykli są, 1449, ib. 45, są zbiegli, 57; wyszli są, 58.

Отсутствіе ѥсть въ русскихъ памятникахъ, начиная съ древнѣйшихъ, столь часто, что излишне было бы умножать примѣры. Довольно указать на надпись Тмутороканскаго камня („Глѣбъ князь мѣрилъ море по леду“, 1068 г. Срезн. Др. пам. Р. п. 15), грамоту 1192 (ib.), Смоленскую грамоту 1224 (умьрлъ, та два были, ѣхали). Въ Новг. грамотахъ XIII—XIV в. ѥсть при -лъ опускается уже постоянно, но ѥси, ѥсме удерживаются. Есть случаи опушенія ѥсть при удержаніи суть: „дивно ли,

оже мужь умерлъ в полку ти? Лѣпше суть измерли и роди наши, Моном., Лавр. [2] 245. Впрочемъ и опущеніе суть уже въ XIII в. (гр. 1229, 1284 и др.) обычно. Опущеніе ѥста: а иже-то роспустилася малжена.. что тѣмъ опитемья? Вопраш. Кюр., Калайд. 192. Сравнительно рѣже, но тоже обыкновенны опущенія 1-го л. ед. ѥсмь: язъ далъ рукою своею, 1130 г. Срезн. ib.; не язъ почалъ братью бити, но онъ, Лавр. 33; ци я се сотворилъ, ли въ моемь городѣ? я ся самъ боялъ; ib. 113; язъ ялъ ворога вашего.. язъ вашъ царь, Новг. I, 27 и пр. (Бусл. Гр. § 187, пр. 2). Еще рѣже въ этихъ памятникахъ опущены гл. вспомогат. въ другихъ лицахъ: вѣ даяла, Лавр. [2] 245.

Г. Въ вр. говорахъ еси при -лъ (кромѣ нижеупомянутыхъ случаевъ „гой еси"), встрѣчавшееся въ памятникахъ письменныхъ и пѣсняхъ еще въ XVII в. (побѣжалъ еси, собака крымской царь, не путемъ еси, не дорогою, п. Рич. Джемса) теперь по видимому исчезло. Есть съ -лъ изрѣдка, какъ архаизмъ. Бусл. (Гр. § 202, пр. 3) приводитъ изъ Рыбн. II, 110, „либо батюшко мой померъ есть". Ср. также: »буйны вѣтрышки вѣдь е да поразвіялись, уже вкрутѣ тутъ волна да расходилася, Барс. Прич. I, 261. Уже въ XVII в. (мы) дали есть (Пам. ст. р. л-ры II, 415); (они) есть поѣхали изъ града вонъ (ib. 314). Это е (срв. есь(ть), есть) при прич. -лъ —и въ значеніи 2 л. ед. и мн.: неустали твои бѣлыи тамъ рученьки: не работушку сегодня работала е, за кудрявой деревиночкой стояла все, Барс. ib 41; гдѣ тонули вѣдь вы е да на синемъ морѣ ib. 261; какъ полное сказуемое и какъ связка при сущ. и прилаг. есть, срв. есь и есть—во всѣхъ лицахъ ед. и мн.: я есть, мы есть, они есть (Бусл. § 202, 2, пр. 3); я вдова теперь е да молодешенька, Барс. ib. 25; я незнаю.. кое день, кое темная е ноченька, ib. 12; ой скажите.. ужо гдѣ да е спацьлива моя матушка, ib. 85; есь ли въ живности сердечно у ихъ дитятко? ib. 88; на словахъ оны купцы да вѣдь учоныи, на лицо оны вѣдь е да всѣ ласко́выи, ib. 25. Иногда—плеонастически: я небрезгую вѣдь смерть да душегубица я не (=ни) нищіимъ вѣдь есть да не прохожіимъ, ib. 4; Сама знаю, сама вѣдаю, што ты есь да снаряжаешся какъ во эту во дороженьку, ib. 45.

154 Д. Въ восточномъ млр.—єси и въ пѣсняхъ, и въ просторѣчіи: сотворив єси, Квитка; казав єси, Метл. 111 (ib. „казав же ти"); рѣже єсте „а те й забули єсте, що пак справник повелівав" Квит. Коз. Д. Тоже и при именахъ въ сказуемомъ: „Харькове, Харькове, славний єси город, та нічого въ тобі їсти", Купала на Йвана, 11. 3-е л. ед. єсть, є при при причастіи на л постоянно опускается, несмотря на то, что оно при именахъ встрѣчается чаще, чѣмъ въ влр. говорахъ и литерат. языкѣ: „Ой чи єсть ясний місяць на зорі, ой чи єсть господарь на дворі? Метл. 137 (ясный ли это мѣсяцъ, или...); не єсть бо то лебедочка, тож моя да Марусенька, ib. 175; ой неесть то братик, татарчук, що про-

дав сестрицу за канчук (Сб. пам. свз. кр. 212); мужича правда єсть колюча, Котляр. 2-е л. мн. ч. єсте изрѣдка встрѣчается при именахъ („просимо у госпóду, коли справди добрі єсте люде, Куп. на Йв. 45); но при прич. лъ его неслышно, равно какъ и 3 л. мн. ч.

Е. Въ сѣверо-западныхъ предѣлахъ млр. нарѣчія находимъ слѣдующее:

а) 1-е л. ед. ч. въ видѣ -м: єще-м я молодий незрадив никого (Сб. пам. свз. кр. 149) и рядомъ съ этимъ отсутствіе этого знака: Ой не жаль же мні трусёвого пера, що я є (=польск. co'm je) упустив, оно мні жаль теї дівчини, що (польск. co'm) лайдакови спустив, ib. 150.

б) 2 л. ед. єсь: ой ти дівчино перебурниця, много єсь перебрала (Брест. у. Грод., ib. 147); ой казав же єсь, муй батеньку, що незабудеш ти мене, ib. 204. Ср. выше (стр. 247) въ Ип. л.

в) 3-го лица ед. неслышно, какъ и въ вост. млр.

г) 1-е л. мн. казали єсьмо? -сьмо?

д) 2 л. мн. -те (изъ єсте) въ Кобрин. Брест. у. Гродн. г. заслуживаетъ вниманія. Несмотря на свою энклитичность, оно можетъ показаться знаменательнымъ словомъ и сказуемымъ: постійте, гуси, я вас запитаю, з якого ви-те (польск. z jakiego ście) краю? чи не с того ви-те (польск. s tego-ście) краю, скіль я милого маю, Сб. п. свз. кр. 55. Оно же при прич. -лъ: уже ви-те нагулялися по полю, ib. 152; чи варто, щоби ви-те слухали, ib. 31. Въ польскомъ здѣсь, какъ и выше, -ście или вовсе безъ личнаго мѣстоименія (juzeście, żebyście, abyście zrobili), или съ нимъ, но вовсе не непремѣнно наклоняясь на него: co ście wy zrobili. Въ обоихъ случаяхъ те въ ви-те очевидно изъ ѥсте. Съ начала не єсте становится мѣстоимѣніемъ, а наоборотъ, достигши формальнаго значенія связки, оно, сливаясь съ мѣстоименіемъ, сообщаетъ этому послѣднему копулативную силу. Однако, такъ какъ мѣстоименіе личное невсегда было лишь формально, то съ забвеніемъ своего происхожденія, это -те ассимилировалось мѣстоименіемъ, и въ однихъ слу- 156
чаяхъ почти, въ другихъ совершенно лишилось предикативной силы, ставши частью личнаго мѣстоменія нетолько тамъ, гдѣ оно есть лишь формальный указатель лица сказуемаго, но и тамъ гдѣ оно есть знаменательное слово. Ви-те стоитъ въ обращеніяхъ при звательныхъ п. мн. ч.: ви-те хлопци моï, новобранци мои, заспивайте теї пісни, що вподобная мні, ib. 16; моï-ж ви-те оба соколи! чи не були у моюй сторостороні, ib.; моï-ж ви-те хлопци, вибрани молодци! закидайте сітьку... ib. 26; ой моï-ж ви-те вороги! непереходьте дороги, ib. 201; моï-ж ви-те три ангели! чи не бачили сина мого? ib. 210. Я думаю, что здѣсь въ ви-те еще есть слѣдъ копулативности и что первоначально здѣсь обращеніе состояло не изъ звательнаго, стоящаго внѣ предложенія, а изъ полнаго предложенія, въ коемъ подлежащимъ было вы, а ѥсте связкою; но въ слѣдующемъ ви-те стоитъ при глагольномъ сказуемомъ,

съ явственно обозначеннымъ 2 лицемъ мн. ч., такъ что если-бы копулативность -те невполнѣ уже вывѣтрилась, если-бы оно нестало совершенно безсмысленною привѣскою мѣстоименія, то немогло бы быть терпимо: ой воли мої половенькиї, чем ви-те неорете, ib. 19; братки-ж мої, соловейки, прибувайте-ж ви-те до мене, ib. 54, какъ въ свр. „ты есь снаряжаешся". Что до мнѣнія, что въ „вите хлопци мої" стояло ѥсте еще какъ связка, то и въ влр. былинахъ еси и естя имѣютъ подобное же значеніе въ обращеніяхъ. Конечно, эти слова сначала согласовались: „гой еси ты богатый гость, Соловей сынъ Будимировичь!; а еси государь нашъ, Крымской царь!; охъ вы гой естя мои сильны могучи богатыри!" Но естя здѣсь неприслонилось ни къ какому слову, какъ случилось въ млр. съ -те, и вытѣснено словомъ еси, которое стало ставиться и со множественнымъ числомъ: „гой еси вы гости ко-
157 рабельщики"!, „гой еси вы люди работные", „а и гой еси вы удалы добры молодцы! гой еси вы нянюшки и мамушки!". Еще далѣе идетъ смѣшеніе лицъ въ „гой еси ты есми царь Саулъ" (Др. р. ст. 253). Въ этихъ влр. примѣрахъ я немогу замѣтить никакого стремленія языка употреблять формы вспомогательнаго гл. ѥс вмѣсто личныхъ мѣстоименій (Бусл. Гр. § 187, прим. 1), ибо какъ же обозначать лица формами, въ коихъ отношенія къ лицу смѣшиваются и затемняются? Между тѣмъ Буслаевъ и въ обращеніяхъ „гой есть вы.." какъ будто считаетъ есть за обозначеніе лица, хотя оно и ненужно при вы. По крайней мѣрѣ указавши на такія обращенія (§ 202, прим. 4) онъ прибавляетъ: „въ Азбуковникахъ есмь, еси объяснятюся мѣстоменіями я, ты, слѣдователно только какъ знаменатели лицъ: 1-го и 2-го". Это должно бы служить прибавленіемъ къ § 187, пр. I. Составители азбуковниковъ могли быть правы, заявляя о фактѣ, что ѥсмь далъ значитъ „я далъ". Мы изъ такого соотвѣтствія можемъ вывести заключеніе, что часть функцій ѥсмь перешла на я, но не въ-правѣ заключать, что когда либо ѥсмь принималось за мѣстоименіе 1-го лица. Въ „гой есть вы" на мѣстѣ глагола въ 2-мъ л. мн. стоитъ общая замѣна лицъ этого глагола, съ чѣмъ ср. „каково про тебя сказывали, таковъ ты и есть" (Бусл. Гр. § 202, пр. 3). Какъ въ случаяхъ „я есть..", такъ и въ обращеніяхъ „гой есть вы.." есть можетъ служить не знаменателемъ лицъ, а лишь знаменателемъ предикативнаго отношенія, которое впрочемъ въ „гой есть вы" настолько же забыто, на сколько въ „ви те хлопци мої". Такъ въ нѣм. wir sind лишь 1-е слово служитъ обозначеніемъ лица, тогда какъ 2-е (первонач. 3-е л. мн.) стало темою [1]).

[1]) Что такое гой? Съ самого ли начала простое восклицаніе (какъ млр. гей) или же первоначально имя, одного корня съ жити? Отъ рѣшенія этого вопроса будетъ зависѣть опредѣленіе синтактической роли остальныхъ словъ, кромѣ глагола въ „гой еси ты..". Неподлежитъ сомнѣнію, что впослѣдствіи гой принималось за равносильное съ ой (Ой же вы еси воры разбойники, Да ой же вы еси подорожники, Кир. П. I 87),

По поводу зап. млр. -те въ ви-те здѣсь можно упомянуть о влр. об- 158
ластныхъ частицахъ такогоже происхожденія: сте изъ ѥсте („кушайсте", по видимому съ оттѣнкомъ вѣжливости, подобно множественному числу мѣстоименій и глаголовъ вмѣсто единственнаго) и -ста изъ 2 или 3 л. дв. ч. ѥста. Это -ста, по видимому, еще сохраняетъ отношеніе къ двойственному числу въ загадкѣ „два -ста (т. е. ѥста) бодаста (рога), четыре-ста ходаста (ноги), одинъ хлебестунъ (хвостъ)" и теряетъ его въ „здорово-ста", „спасибо-ста", „пожалуй-ста", гдѣ оно сообщаетъ оттѣнокъ вѣжливости. „Ну-сто, смотри же! Не та бѣда, инъ другая", Путеш. Лукьян. 63. Объясненіе Даля (Слов. ста), по которому это частица усиляющая слово, или означающая вводную рѣчь, идетъ не къ вышеприведеннымъ примѣрамъ, а развѣ къ слѣдующему „хозяйка-ста нехочетъ; она баетъ: „я-ста и въ домъ непущу его" (ib.), Миклошичь считаетъ -ста темнымъ, но упоминая о нѣмъ при перечисленіи мѣстоименныхъ частицъ (V. Gr. IV, 152), находится на ложномъ слѣду. Что касается до млр, -мо, -мъ, -те въ ну-мо! ну-м, на-те, ке-те (дайте), геть-те (прочь), то они, какъ и соотвѣтственное имъ въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ (кромѣ польск. naś-ći, гдѣ ś только изъ 2-го лица, а ći=ти), суть окончанія, отвлеченныя отъ глагола и никогда небывшія самостоятельными глаголами (Mikl. V. Gr. IV, 156).

Ж. Въ югозападныхъ млр. говорахъ сочетаніе причастія -л съ ѥсмь имѣетъ такой видъ:

Въ 1 л. ед. орав-jeм (съ j въ ѥм) и орав-ем (безъ j); послѣднее встрѣчается рядомъ съ первымъ въ галицкихъ изданіяхъ, слышится и въ Подольской г.; ж. и ср. орала-м, орало-м. Изъ орав-jeм—орав-jім, орав-ім (Ср. Ogon. Stud. 144); изъ орав-ем—орав-им (ib.). Въ поуч. Мономаха (Лавр. 105 (242) „то я творилъ емь", какъ единичный случай, скорѣе похоже на описку. Жен. ходила-ям (Ogon. ib.) т. е. я-м

охъ (Охъ вы людп, люди добрые, ib. 1), ай (А(й) еси государь нашь крымской царь (П. Рич. Дж.). Но охъ стоитъ и рядомъ съ гой: „Охъ ты гой еси, родимой милой батюшка"; „Охъ вы гой естя, мое три царевича", ib. 34—5. Проф. Ягичъ находитъ сходство между, „гой еси" и очень употребительнымъ у Дубровницкихъ поэтовъ жими, жимити, жимит, жимт, жинт (изъ жив -ми-ти) при увѣреніяхъ: жими мајка, жими братац! жива ми душа," т. е. „тако ми жива.." (Arch. f. Sl. ph. II, 167—8). Согласно съ этимъ изъявительное въ „гой еси" имѣло бы оттѣнокъ желательности, въ родѣ того, какъ въ мр. пожеланіяхъ при упоминаніи о 2-мъ л. („ты сам здоров знаєш.. що..) и о 3-мъ лицѣ: „N (бодай здоров) незабуде", „Чого брехать? нехай наш пан здоровий буде, Він сам и без собак сю панщину одбуде" (Артемов. Гул.), при чемъ условное сочетаніе („если будетъ здоровъ, то..) ненеобходимо; (объ умершемъ:) „N (нехай царствує v. „хай ёму земля перомъ) мовляв.." Такія пожеланія первоначально могли находиться въ связи съ вѣрованьемъ въ возможность изурочить однимъ упоминаніемъ имени не въ добрый часъ, если при этомъ небудетъ выражено противоположное желаніе: „вона (невроку) дуже гарна"; „невроку", я думаю,=не уроку" т. е. (упоминается) не для того, чтобы изурочить, dat. commodi.

(я ѥм; я ѥсмь) ходила. У Гуцуловъ: лишила-сми, Голов. п. III, 39 (изъ сохранившагося ѥсми, формы I л. ед. ч., хотя и древней, но, полагаю, болѣе новой, чѣмъ ѥсмь и только черезъ эту послѣднюю при-
159 мыкающей къ основн. асми), и „за то-сме го убив, ib. 40; там-сме гадав зимку зимовати, ib. 60; *е* въ сме, б. м., есть слѣдствіе особаго произношенія средняго *и*, примѣры коего встрѣчаются и на востокѣ Малороссіи; но въ виду формы 1 л. ед. jiв-смо (Og. ib.)—м. б. и смѣшеніе съ 1 л. мн. Относительно отмѣченной тоже у Гуцуловъ ф. був-ѥх и сложныхъ съ этою дивив-ѥх-си-сми, косив-ѥх-сми (Og. ib.) см. ниже.

2-е лицо въ галиц. орав-єсь, откуда орав-jiсь, орав-iсь; безъ j — орав-есь, откуда орав-ись (Og.), ж. и ср. оралась, оралось; въ карпатскомъ говорѣ, по Головацкому, съ твердымъ *с*. Рядомъ съ этимъ, какъ и въ вост. млр., съ опущеніемъ глагола: де-ж ти гадав, Гол. п. III, 60.

1-е л. мн. орали-сьмо, въ карпатскомъ гов. оралисме, сме се збули (Гол. III) и орали-м (Голов.). 2-е мн. оралисьте (-сте въ карп.). Въ 3-мъ л. при причастіи -лъ глаголъ, какъ и на востокѣ, постоянно опускается, между тѣмъ какъ въ другихъ случаяхъ обычно нетолько 3-е л. ед. („ци є там добре?", карпат.), но и совершенно вышедшее изъ употребленія въ вост. млр. 3-е л. мн.: „сут в вас волойки у три радойки", Голов. п. II, 4; ой дома, дома, у маштарні сут, ib. 70; там ще други сут двери, Казки Игн. з Никловичъ, 24. -єм (ем), єсь (есь), а послѣ гласныхъ -м, -сь, -сьмо, -сьте, оставаясь постоянно энклитическими, какъ и въ польскомъ, присоединяются и къ имени, мѣстоимѣнію, нарѣчію, союзу, которыя предшествуютъ причастію -л: аж-ем здоровійший став, теперь-єсь всіх побив и пр.

Понятіе заимствованія неисключаетъ ни предварительнаго расположенія именно къ такому заимствованію, ни стремленія ассимилировать заимствованное, измѣняя его извѣстнымъ образомъ, свойственнымъ родному языку. Поэтому нельзя утверждать, что бyв-ѥм и быв-ѥм возникли въ запад. млр. говорахъ совершенно самостоятельно, такъ какъ фонетически отличны отъ польск. byłem.

Другого рода звуковое отличіе отъ польскаго представляетъ форма, встрѣчаемая въ стар. западнорусскихъ памятникахъ, именно -ом въ м. р: „обваровалом ся" (я остерегся, въ письмѣ къ Силвестру Митр. Кіев.
160 1456—68, Ак. юж. и з. Р. I, № 238, и др.); *е* въ польск. -em въ ней ошибочно принято за происшедшее изъ ъ = русск. *о*. Форма эта очевидно негармонируетъ съ ф., какъ „началъ есми" (въ названномъ памятникѣ) и, несмотря на свое *о*, есть заимствованіе.

3. Для млр. бyв-ѥм и польск. byłem, для сочетаній, встрѣчаемыхъ у польскихъ горцевъ Подгалянъ, był-sem, zabrał-sam, nierobił-sam,

sem-przeskakował, какъ и для серб. био-сам [1]), намъ кажется возможнымъ только одно объясненіе, именно, что какъ серб. сам, у Подгалянъ sem и sam (изъ ѥсъм, а это изъ ѥсмь), такъ и єм, ем суть стяженія полнаго глагола существительнаго. Другое мнѣніе высказано П. Лавровскимъ (Объ этим. особ. стар. яз. польск. въ Уч. зап. II от. Ак. Н. 1858, IV, 34), который дѣлитъ такъ był-e-m był-e-ś, и считаетъ *e* за эвфоническую вставку, а m, ś—за личныя окончанія, отвлеченныя отъ настоящаго времени глаголовъ. За основныя формы онъ принимаетъ był-m, był-ś, которыя хотя и невстрѣчаются нигдѣ, но, по его мнѣнію, составлены аналогично съ жен. и сред. р. była-m, była-ś, było-m, było-ś, въ коихъ *m*, ś суть именно личныя окончанія, а не сокращенія изъ jesm, jeś. Возраженіемъ на это служитъ слѣдующее:

Разница между był-em и była-m и при предположеніи стяженія изъ jesm объясняется вполнѣ тѣмъ, что въ первомъ случаѣ причастіе 161
(послѣ потери ъ) оканчивается на согласную, вслѣдствіе чего удерживается гласная глагола, а во второмъ гласное окончаніе причастія содѣйствуетъ опущенію гласной глагола. Еще въ то время, когда послѣ прич. въ м. р. (wołał jesm) глаголъ могъ быть совершенно самостоятеленъ, начались его стяженія послѣ причастныхъ формъ на гласныя: błogosłowiliśmy, płakałasta и пр. Кромѣ того есть прямое доказательство происхожденія -em въ byłem изъ jesm, именно — существованіе посредствующей формы -esm: a ja jesm wszitkǫ (karmiǫ) sjadł drzewiej, niżliś ty prziszedł i pożegnałesm j.. Panem twym jegosm ostawił, Bibl. Zof. 30; ach miłość, co-ś uczinила, eż-eś (eszesz) me tak oslepiła, eż-esm (eszesm) stczye (Mać. читаетъ się iście) na miłość podał (нач. XV в. Mać. Dod. 43); w tobie-sm (w thobyeszm) gospod(y)nie imał nadzieją (полов. XV в., ib. 105); to co'sm mowił, łgałem jako pies (1449, Ks. Ust. 58); cośm (czosm) mowił, sełgałeśm (-eszm) jako pies, ib. 59. Относительно вѣроятности того, что s въ jeśm (и eśm) было небно см. Małec. Gr. § 338, прим. Далѣе, ś въ byla-śwa (дв.) и byliśmy можетъ быть объяснено только изъ стяженія jeśwa, jeśmy, но не изъ окончаній настоящаго (wa, my) или аориста (х-ова, х-омъ). Наконецъ окончанія, отвлеченныя отъ времени глагола, могли бы присоединиться къ другой глагольной темѣ, для образованія новаго времени; но врядъ-ли можетъ

[1]) Обыкновенно пишутъ раздѣльно: био сам; но сообразнѣе было бы съ нынѣшнимъ состояніемъ языка писать слитно всѣ тѣ слова, которыя лишены звукой самостоятельности, примѣръ чего мы находимъ у Милутиновича (Пjеванiя Црногорска и пр. Лайпц. 1837): у-Њих-сам-се поуздао, мajко; скоро-сам-ja мajку походио (я недавно навѣстилъ); та нијесмо још чедо крстили, нити-смо-се, куме, даровали; што имаше код-себе оружја, што имаше, све-су изломили; чули-смо; сад шта-Ђемо, брате?; но зар-Ђете окапати овЂе, или-Ђете водити Ђевojку? При этомъ, какъ тонически самостоятельныя слова, находимъ јеси (при -си), јес (3 л. ед.), јесмо, даже јесу (3 мн.), несмотря на глубокую древность опущенія перваго слога въ сѫть.

быть доказана способность такихъ окончаній стать предикативною связкою. Между тѣмъ пол. -m, -ś, -śmy, ście имѣютъ и функцію связки (niebójsię, bo-m z tobą; wielem winien; tu-ś mi; powinni-ście и пр.), легко объяснимую изъ стяженія jesm, jeś и пр. Но, говоритъ П. Л., „если -em (въ byłem) есть сокращеніе изъ jesm, то почему же 3-е ли-
162 цо немогло быть był-et изъ był jest? Вѣдь jest и до сихъ поръ существуетъ въ польскомъ языкѣ?“. Отвѣтъ на это въ томъ, что jest сохранилось какъ связка при именахъ, между тѣмъ какъ въ сочетаніи съ причастіемъ ł оно также опущено, какъ и są при byli.

Отъ byłem неможетъ быть отдѣлено объясненіе двухъ другихъ польскихъ формъ: bym и jestem и пр. О первой рѣчь ниже, что же до послѣдней, то происхожденіе ея объясняется слѣдующими данными: а) въ древнѣйшихъ польскихъ памятникахъ исключительно господствуетъ простое настоящее jesm и пр. б) въ XV—XVI в. появляются въ первыхъ двухъ лицахъ ед. и мн. сочетанія ja-m jest, ty-ś jest, my-śmy są, wy-scie są (въ 3-мъ просто jest, są), въ коихъ jest, są служатъ для усиленія предикативной связки при именахъ. Это до-нынѣ сохранилось въ нѣкоторыхъ польскихъ говорахъ (напр. въ верхнемъ Шлёнскѣ „gdy-ście są, Roger, Pieśni l. p. w Górnym Szlionsku, 257) и даже, какъ архаизмъ и провинціонализмъ, въ литературномъ языкѣ (Małec Gr. § 339); в) въ нынѣшнемъ литер. польск. языкѣ и на мѣстѣ są стало здѣсь jest: въ ед. ч. при ja-m jest, ty-ś jest стоятъ и слитныя ф. jestem („jestm ji panem ustawił, Bibl. Zof. 30), jesteś, а во мн. ч. только слитныя ф. jesteśmy, jesteście. Так. обр. jest играетъ здѣсь роль уже не личной формы, а темы 1 и 2 л. ед. и мн. существительнаго глагола, при коей стяженія первоначальной формы настоящаго вр. этого глагола являются уже въ качествѣ личныхъ окончаній, изъ чего неслѣдуетъ, чтобы они съ самаго начала были только окончаніями. Если-бы мы сказали вмѣстѣ съ Л. (l. c. 30—1), что jest въ jestem играетъ роль причастія, то, мнѣ кажется, можно было бы спросить: гдѣ же еще jest является причастіемъ, и если нигдѣ больше (подобно тому, какъ веде- въ ведеши нигдѣ небываетъ самостоятельнымъ словомъ), то почему мы и веде въ ведеши неназываемъ причастіемъ?

163 Въ польск. памятникахъ XVI в., рядомъ съ формами „przysądźili śmy, tedy-śmy pytali“ являются ф. съ ch вм. ś: przysądźili-chmy, tedy-chmy pytali (Ks. Ust. 1503, 35, 44; примѣры изъ Рея, Кохановскаго, Вуйка, между прочимъ „mychmysą“—Małec. Gr. § 342). Въ западно-русскихъ памятникахъ подобныя ф. (досвядчилихмы, подтвердилихмы, хтѣлихмо, заставили-хомъ 1501, Ак. З. Р. I, 223—5) очевидно занесены изъ польскаго. Отдѣльно взятыя эти ф. объяснимы чисто-фонетическимъ путемъ изъ smy (съ твердымъ s, а не съ ś, какъ Mikl. Gr. III, 465), подобно болѣе древнему приѩхъ изъ приѩсъ; но затрудненіе въ томъ, что

ch является и въ 1-мъ л. ед. ч. въ XVI в. pobudźiłech, 1503, Ks. Ust. 43, и въ нынѣшнихъ говорахъ: около Кракова (mówiłech, Mał. l. c.), въ В. Силезіи (utraciłach, Rog. 36, при „widziałam; już-ech był; nicech nie stracił; jakech chodził; jakech ja gęsi pasła, toch się od zimy trząsła; iżech niejest zając, Rog. pass.; jezech (= jezd-ech = jest-ech), jo-ch jest, jagech jest (= ja-ch-ech jest?), L. Malinowski, Beitr. zur sl. dialektol. I, Ueb. die Oppelnsche mundart, 51—2); у Подгалянъ съ переходомъ ch въ k, обычнымъ у нихъ и въ другихъ случаяхъ (szeł-ek, je-k (=ja-m) niesłyszał, Zeiszner pass., какъ dwok=dwoch, ku wierzkom=wierzchom); въ моравскихъ говорахъ, сосѣднихъ съ польскими (milovalach, podezřelach, Suš. Mor. p. 229, ztracilach, ib. 240, jach řemesla šlosař sveho, ib. 791); въ нѣкоторыхъ словацкихъ говорахъ: niesol-ch (?), neslach, jach niesol, Bernolak s. bit; Hatt, Ml. jaz. Slov. § 273 и у Гуцуловъ (см. выше). Что -ech, -ch здѣсь равносильны съ -em, -m (изъ jesm), это столь-же ясно, какъ и то, что чисто-фонетическимъ путемъ x немогло произойдти изъ м. Остается предположить слѣдующія условія возникновенія этого ech. а) był-ech предполагаетъ уже существованіе był-em; e въ ech есть то самое е, что и въ -em; б) возникновеніе -ech предполагаетъ, что въ языкѣ была еще форма bych (впрочемъ уцѣлѣвшая и до-нынѣ въ В. Шлёнскѣ „kiebych wiedziała, to-bych zagrała“, и у Подгалянъ „dałabyk“), но что ch въ bych уже неимѣло связи съ прошедшимъ временемъ. Что дѣйствительно ch въ bych давно потеряло отношеніе къ прошедшему времени это видно изъ того, что мѣстами оно еще въ 164
XVI вѣкѣ превратилось въ неизмѣнное by, при коемъ предикативное отношеніе выражалось посредствомъ -m, -ś, -śmy, -ście, происшедшихъ изъ настоящаго времени jesm и пр., и что тамъ, гдѣ это bych уцѣлѣло, его 2-е л. byś имѣетъ окончаніе вовсе не аориста, а есть стяженіе изъ jeś. в) ch въ byłech произошло изъ стремленія къ уравненію и однообразію ф. byłem и bych, стало быть есть явленіе однородное съ ассимиляціею темъ склоненій. Въ томъ, что языкъ привелъ въ связь форму by-ś съ настоящимъ вр. (изъ jeś) и въ долговѣчности bych даны основанія производить ch въ byłech именно отъ bych, а не отъ аориста вообще.

9. Значеніе сочетанія -лъ ѥсмь.

Конечно, невѣроятно, что значеніе этого сочетанія съ древнѣйшихъ временъ и донынѣ оставалось неизмѣннымъ. До болѣе обстоятельнаго изслѣдованія, отмѣтимъ въ жизни этого сочетанія двѣ поры: а) древнѣйшую, приблизительно опредѣляемую тѣмъ, что она современна существованію въ слав. языкѣ прошедшихъ простыхъ, употребленіемъ коихъ съ причастіемъ -лъ (былъ бѣхъ, былъ бѣахъ) косвенно опредѣлялась и роль сочетанія -лъ ѥсмь; б) позднѣйшую, послѣ потери прошедшихъ простыхъ.

А. Латинское названіе сочетанія ѥси сѣꙗлъ, perfectum (Mikl. V. Gr. III. § 265), кажется неудовлетворительнымъ. Оно недолжно намъ напоминать того вполнѣ опредѣленнаго понятія, какое мы имѣемъ о совершенности и несовершенности въ слав. яз.; въ славянскомъ смыслѣ оно неесть совершенное. Названіе это непоказываетъ отношенія -лъ ѥсмь къ другимъ славянскимъ сочетаніямъ и временамъ. Оно лишено и послѣдняго основанія, какое можно бы предположить въ немъ: на дѣлѣ незамѣтно никакого постояннаго соотвѣтствія между -лъ ѥсмь и греческимъ перфектомъ. Названіе прошедшимъ сложнымъ (Востоковъ),
165 въ отличіе отъ преходящаго сложнаго, что у Миклошича plus quam perfectum (изгыблъ бѣ, бѣахѫ видѣли), уже болѣе характеристично.

Сравненіе сочетанія, -лъ ѥсмь въ Остр. ев. съ замѣняемыми имъ греческими формами недаетъ никакого руководства для опредѣленія его значенія. Различныя греческія ф. замѣняются въ славянскомъ одною, и на-оборотъ, какъ можно видѣть изъ слѣдующихъ сопоставленій.

Утаилъ ѥси (*ἀπέκρυψας*) отъ прѣмѫдрыихъ и отъкры (*ἀπεκάλυψας*) се младеньцемъ, Лук. 10, 21.

ѥже ѥси уготовалъ (*ἡτοίμασας*), Лук. 2, 31, и „уготовахъ" (*ἡτοίμασα*), Лук. 22, 4.

Жьнѭ, идеже нѥси сѣꙗлъ (*οὐκ ἔσπειρας*), Мат. 25, 24, и жьнѫ, иде же несѣяхъ (*οὐκ ἔσπειρα*), Мат., 25, 26.

Чьто ѥси сътворилъ (*ἐποίησας*), Іо. 18, 35; „сътвори (прич. прош.= *ὁ ποιήσας*) испрьва мѫжьскъ полъ и женьскъ сътворилъ ѥсть" (*ἐποίησεν*), Мат. 29, 4, и „сътвори (*ἐποίησεν*), Іо. 4, 54; аще дѣлъ не быхъ сътворилъ въ нихъ, ихъ же никъто же несътвори (*πεποίηκεν*), Іо. 15, 24.

Инѣхъ ѥсть съпаслъ (*ἔσωσε*), Лук. 23, 35, и „ины съпасе (*ἔσωσεν*), а себе ли неможеть съпасти, Марк. 15, 13.

Нѣсть умрьла (*ἐκ ἀπέθανεν*) дѣвица, нъ съпить, Лук. 8, 52, и „не умрѣ (*οὐκ ἀπέθανε*) бо дѣвица но съпить, Мат. 9, 24.

Господи, пѧть талантъ ми ѥси прѣдалъ (*παρέδωκας*), Мат. 25, 20, и „прогнѣвавъсѧ господинъ ѥго, прѣдасть (*παρέδωκεν*) и мѫчителѥмъ, Мат. 18, 34.

Къде ѥси положилъ ѥго (*ἔθηκας*), Іо. 20, 15, и „положи ѥ (*ἔθηκεν*), Мат. 27, 60.

Бѫдеть бо скрьбь.. яка же нѣсть была (*οὐ γέγονεν*).. ни имать быти, Мат. 24, 21, и „без нѥго ничьто же не бысть (*ἐγένετο*), ѥже бысть (*γέγονεν*), Іо. 1, 3.

166 Пришьлъ ѥси (*ἦλθες*) погубитъ насъ, Лук. 4, 34, и „сь приде (*ἦλθε*).. и рече ѥму: вѣмь, яко отъ Бога ѥси пришьлъ (*ἐλήλυθας*), Іо. 3, 2; о себѣ неприидохъ (*ἐλήλυθα*), Іо. 7, 28.

Сравни также Будиловича Изслѣд. яз. XIII слов. Гр. Бог. 41 слѣд.

Древнѣйшее значеніе разсматриваемаго сочетанія должно быть выведено изъ его строенія. Главное относящееся сюда было уже сказано

разъ по поводу сочетанія ѥсмь съ причаст. наст. и прош. на -ъ, -въ, стр. 136—40.

Сначала -лъ ѥсмь есть именно сочетаніе двухъ формъ, а не одна форма. Какъ глаголъ, такъ и причастіе вноситъ въ мысль свой оттѣнокъ времени: глаголъ—значеніе настоящаго, причастіе — прошедшаго. По отношенію ко глаголу и за устраненіемъ времени причастія, -лъ ѥсмь равносильно съ сочетаніемъ имени съ ѥсмь: конь умерлъ (ѥсть), а я живъ (ѥсмь), Лавр. 16; отроци Свѣньлъжи изодѣли ся суть оружьемъ и порты, а мы нази (ѥсмъ, ѥсме, ѥсмы), ib. 23. Это какъ бы: конь мьртвъ, а я живъ; отроци Св. пъртьни и оружьни, а мы нази. Так. обр. въ -лъ ѥсмь первоначально изображалось событіе прошедшее (прич.) по отношенію къ настоящему (глаг.), и въ древнихъ памятникахъ можно найти мѣста, въ коихъ -лъ ѥсмь еще допускаетъ такое объясненіе. Такъ, чередованіе -лъ ѥсмь и аориста въ „елико насъ хрестилися есмы, кляхомъ ся церьковью святого Ильѣ", Лавр. 22, можно бы передать такъ: мы, сколько насъ есть (въ настоящее время) крестившихся (прежде), поклялись (форма, нынѣ лишенная отношенія къ настоящему).

„Бысть моръ въ конихъ, акъ же небылъ (ѥсть) николиже", Лавр. 146, случился моръ, какого до сихъ поръ никогда небыло, какъ бы: случившійся моръ есть небывавшій до сихъ поръ никогда.

Если выраженіе „отъ дѣтьства бо его нѣсть имъ кто ударилъ", 167 Лавр. 53, неесть рѣдчайшій случай употребленія прич. -лъ безъ глагола въ придаточномъ предложеніи, по образцу „нѣсть, кто донеса", то оно относится сюда-же: ударившій имъ объ землю неесть, несуществуетъ, т. е. нѣтъ такого, кто бы..

Чувствуется умѣстность -лъ ѥсмь въ слѣд.: „въ грѣсѣхъ родилъсѧ ѥси (ἐγεννήθης) вьсь, и ты ли ны оучиши? Іо. 9, 34, и на-оборотъ, умѣстность аориста въ „сꙑнъ ваю, ѥго же вы глаголѥта, яко слѣпъ родисѧ, Іо. 9, 19; ѥгда же родить (жена), къ тому непомьнитъ скръби за радость, яко родисѧ (ἐγεννήθη) человѣкъ въ миръ, Іо. 14, 26.

Гдѣ рѣчь шла не о томъ, каковъ кто есть, въ силу прежде совершеннаго дѣйствія, а только о томъ, чтó кто сдѣлалъ; тамъ, по видимому, -лъ ѥсмь было неумѣстно. Напр. кажется, дурно было бы сказано „се рекъ, ударилъ имь ѥсть о землю" вмѣсто „се рекъ, удари имь о землю, и выньзе ножь, зарѣза Редедю", Лавр. 63.

Отсюда пошло замѣченное Буслаевымъ (Гр. § 189, 3, пр. 3) употребленіе въ стар. языкѣ, а какъ архаизмъ и до нашего времени, прошедшаго на -лъ о морѣ, рѣкѣ, пути и т. п., какъ постоянно въ Кн. Большой Чертежь et pass.: „а по странамъ того рва обойти нельзя: прошли лѣса и болота; море Чорное обтекло съ полдня; р. Десна потекла

на полдни (см. 1. с.); земля.. великого князства Литовского почалася отъ Марахвы рѣчки, которая впала въ Днѣстръ, и на низъ Днѣстромъ.. ажъ гдѣ Днѣстръ упалъ у море; а оттоль, съ устья Днѣстрова, Лименомъ пошла граница мимо Очаковъ, 1540, А. З. Р. II, 362; Дунай рѣка многоводна и рыбна, а къ морю разшиблась на многія гирла, пошла подъ Турецкіе городки (Путеш. Лукьянова, 1710—1 г. 22); и на лѣвомъ боку Дуная.. много городковъ Турецкихъ: Килія градъ съ товарищи. Тутъ и Бѣлгородская Орда подлегла: близь Дуная татары Бѣлгородскіе, ib. 23; отъ тѣхъ городковъ море уже разшиблось островами... а отъ того мѣста море пошло безконечно широко, а вправо пошло подъ Египетъ, а влѣво подъ Іерусалимъ, ib. 51; въ вр. народ. п. пролегала путь дорожка.. и т. п.; мр. сімсотъ річок ше й чотырі та всі ж вони в Дніпро впали (К, ист. зв. III, 123); серб. ал туд легла тањена стазица; хорв. уз Дунај је пала преузка стазица (Mikl. Gr. IV 800—2). Бусл. замѣчаетъ, что нынѣ принятыя ф. наст. вр. течетъ, впадаетъ, болѣе отвлеченны, п. ч. означаютъ постоянно и неизмѣнно пребывающее. „Старинныя выраж. прош. вр. указываютъ на фактъ нѣкогда совершившійся, на пр. на дѣйствіе рѣки, которая нѣкогда потекла.. и впала туда-то“. Я бы прибавилъ: на фактъ, совершившійся и пребывающій до нынѣ, ибо безъ этого слова́ Буслаева будутъ относиться нетолько ко врем. -лъ ѥсмь, но и къ прошедшимъ простымъ, на пр. Днѣпръ потече (прош.) изъ Оковьскаго лѣса и потечеть (наст.) на полъ дне.. изъ того же лѣса потече Волга на востокъ и втечеть (=втекаетъ) семьюдесятъ жерелъ въ море Хвалисьское, Лавр. 3.

Б. Во вторую пору „мы крестились“ уже незначитъ „есмы (теперь, въ моментъ рѣчи) крьстилися“, а обозначаетъ прошедшее, неимѣющее отношенія къ настоящему. Такъ нетолько въ русск. литературномъ, гдѣ глаголъ постояно опускается; и въ зап. млр., польск., чеш., серб., гдѣ глаголъ вспомогательный имѣетъ звуковое выраженіе, онъ незаставляетъ уже думать о настоящемъ времени и это послѣднее рѣшительно затемнено значеніемъ прошедшаго, заключеннымъ въ причастіи. Неслѣдуетъ думать, что такое образованіе одной грамматической формы изъ двухъ, такая потеря значенія двойственности времени въ сочетаніи -лъ ѥсмь одновременна съ древнѣйшими случаями опущенія въ немъ глагола. Съ одной стороны, глаголъ, и неопускаясь, можетъ, какъ упомянуто перестать быть знакомъ отдѣльнаго акта мысли; съ
168 другой—и опускаясь (какъ въ случаяхъ, „онъ живъ“ т. е. теперь) онъ можетъ удерживать функцію настоящаго времени, благодаря постоянной возможности сравненія со случаями явственнаго обозначенія въ связкѣ временъ прошедшаго и будущаго: „онъ былъ, будетъ живъ“. Для сліянія сочет. -лъ ѥсмь въ одинъ актъ мысли нужно, чтобы въ языкѣ была затруднена или уничтожена возможность (безсознательнаго)

сравненія этого сочетанія съ сочетаніями, въ коихъ время вспомогательнаго глагола другое: -лъ бѣхъ, -лъ бѣахъ, -лъ буду. Но вытѣсненіе этихъ послѣднихъ сочетаній условлено между прочимъ ограниченіемъ употребленія или полнымъ забвеніемъ преходящаго и аориста. Поэтому рѣшеніе вопроса о томъ, какъ давно въ русск. -лъ ѥсмь стало одною формою, должно быть поставлено въ нѣкоторую, далеко впрочемъ не безусловную, зависимость отъ того, когда въ немъ исчезли аористъ и преходящее. Такъ какъ невѣроятно, что тонкія различенія прошедшихъ простыхъ, замѣтныя въ памятникахъ, каковы древнѣйшіе лѣтописные сборники, могли быть усвоены писателями только книжнымъ путемъ и, на оборотъ, вѣроятно, что эти прошедшія были въ просторѣчіи еще въ XII—XIII в.; то сліяніе -лъ ѥсмь въ одну форму должно быть отнесено въ русскомъ языкѣ уже ко времени, непозже XIV вѣка. Хотя возможенъ и такой случай, что -лъ ѥсмь становится однимъ прошедшимъ, отличнымъ по значенію отъ прошедшихъ на -хъ и невытѣсняющимъ этихъ послѣднихъ (какъ въ серб.), но къ русскому этотъ случай непримѣнимъ.

10. Въ литовскомъ и лотышскомъ, за отсутствіемъ причастія, равнаго славянскому -лъ, сочетаніямъ этого послѣдняго съ существительнымъ глаголомъ функціонально соотвѣтствуютъ подобныя же сочетанія причастія, равнаго по происхожденію славянскому -ъ, -въ (лит. ęs, ж. usi, лот. is, ж. uszi), сочетанія, тоже стремящіяся вытѣснить прошедшее простое. Первоначальное значеніе литовско-лотышскаго сочетанія этого причастія съ esmi (esu, латыш. esmu) было на столько сходно съ слав. 169
-лъ ѥсмь, что указать на ихъ разницу врядъ ли возможно. Разграниченіе этого сочетанія и прошедшаго простого въ нынѣшнемъ литовскомъ и лотышскомъ затруднительно.

„Въ лит., говоритъ Шлейхеръ, на сѣверъ отъ Нѣмна, въ меньшей мѣрѣ въ верхнелитовскомъ, вмѣсто прошедшаго простого большею частію употребительно описательное (съ esmi, esu). Разницы въ значеніи нѣтъ“ (Lit. Gr. § 136). „Въ книжномъ языкѣ perfectum (дѣйствіе соверш. „die vollendete handlung“) обозначается (въ отличіе прош. простого) прош. описательнымъ; въ народномъ языкѣ это бываетъ рѣже, за исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ, напр. asz esu gimęs, я родился; asz esu pawargęs, я обѣднѣлъ,“ ib. § 138, 2. Подъ perfectum, повидимому, слѣдуетъ здѣсь понимать то, что выражается нѣмецкимъ прош. изъ причастія съ bin, habe, хотя, съ другой стороны, и лит. прош. простое переводится какъ нѣмецкимъ прош. простымъ, такъ и сложнымъ: jis ėjo, er gieng, er ist gegangen. Къ русской совершенности это лит. сочетаніе неимѣетъ никакого отношенія, такъ какъ можетъ передаваться какъ глаголомъ совершеннымъ, такъ и несовершеннымъ. Скорѣе можно думать, что въ литов. описат. прошедшее съ esu еще близ-

ко къ тому состоянію, въ которомъ оно служило отвѣтомь нестолько на вопросъ, что кто сдѣлалъ, сколько—что кто есть въ силу сдѣланнаго прежде. Ср. напр. „kaip jis į girę įważiawo.. tai jis paklydo (когда онъ въѣхалъ въ лѣсъ, то заблудился). На вопросъ встрѣчнаго онъ отвѣтилъ: „asz esu paklydęs (я заблудился, въ томъ смыслѣ, что онъ въ моментъ рѣчи испытываетъ на себѣ слѣдствіе того, что заблудился), Schl. Les. 183. „Tē grażēji galwijej tai yra duszelės tokiu żmo-
170 niu, kurē daug gero yra darę, ýpaczei[1] wargdēnius paszelpę, ib. 182, этотъ хорошій скотъ это — души такихъ людей, которые много добра дѣлали, особенно же помогали бѣднымъ (и за это теперь награждены). „Tēdvi moteriszkės yra raganos buwusios ir gerēms żmonems daug iszkados padarusios, ib., эти двѣ женщины (въ наказаніе теперь наполняющія бездонный колодязь) были (суть были) вѣдьмы и добрымъ людямъ много шкоды подѣлали. Jis pawargo (прош. простое) значитъ „онъ обѣднѣлъ“ (нѣкогда), но съ тѣхъ поръ б. м. опять разбогатѣлъ, а jis (yrà) pawargęs (=ѥсть обѣдьнѣвъ)—онъ обѣднѣлъ, но остается бѣденъ до сихъ поръ (Kurschat Gr. der Lit. Spr. § 1354).

Въ лотышскомъ хотя прошедшее простое и неисчезло, но въ значительно большей мѣрѣ вытѣснено прошедшимъ съ esmu, чѣмъ въ литовскомъ, при чемъ тотъ оттѣнокъ, который выше мы предположили въ литовскомъ, почти вовсе незамѣтенъ. Ср. напр.

Mês tawâ prêksz esam êduszi un dzeruszi un tu esi macijis musû êlâs, Лук. 13, 26, лит. mes po tawo akiû walgėm ir gerėm ir ant ulyczû mokinai mus, въ О. Ев. ѣхомъ прѣдъ тобоѭ и пихомъ и на распѧтиихъ нашихъ училъ ѥси.

Es esmu nâcis tawâ namâ, tu man ûdeni neesi dewis prêksz manâm kajam, 'bet szi ar sawâm asarâm manâs kajas ir slapinajusi un ar sawas galwas matêm noszâwejusi, Лук. 7, 44, лит. asz įėjau į tawo namus, tu nedawei man wandens mano kojoms, bet szi mano kojas aszaromis paszlapino ir plaukais sawo galwôs szlûste, въ О. Ев. вънидохъ въ домъ твои, воды на нозѣ мои недасть, си же сльзами омочи нозѣ мои и власы своими отьре.

Гдѣ въ ст.-сл. стоитъ -лъ ѥсмь, тамъ оно большею частью и въ лотышскомъ: esi paslêpis, утаилъ ѥси, Лук. 10, 21, neesi sêjis, нѣси сѣялъ, Мат. 25, 24, esi sataisijis, ѥси уготовалъ, Лук. 2, 31.

171 Въ народныхъ пѣсняхъ вспомогательный глаголъ опускается нетолько въ 3-мъ, но и въ другихъ лицахъ, напр.

Спѣру кâю дâболâ, ѣсперуси рâвена; рôку деву бâлінямъ, ѣдевуси таутѣшам, Спрог. 57, я ступала ногою въ дятлину, (а теперь) вступила въ болото; руку я давала братцу, (а теперь) подала чужанину

[1]) Ст. русс. и-паче, т. е. паче же, въ-особенности, а не нарѣчіе отъ какого то ýpatus, какъ думалъ Шлейхеръ (Leseb. 273).

(жениху)—примѣръ, показывающій, что сочетанію прич. прош. съ esmu приписывается, въ отличіе отъ прош. простого, отношеніе къ настоящему времени.

Ар мāміню садомайсі тāду лігсму вакаріню, ib. 137, съ матушкою ты придумала такую веселую вечеринку.

Тêвс мāминя ѣдевуші нелабā вѣтиня, ib. 131, отецъ матушка отдали въ недоброе мѣсто.

Сагаюші цѣма пуйши вісус зарус нолаузуши, ib. 36, сошлись сельскіе молодцы, всѣ вѣтви обломали.

11. Причастіе -лъ съ бѣхъ, быхъ (изъявительнымъ) и бѣахъ. Востоковъ называетъ сочетанія съ бѣхъ и бѣахъ однимъ именемъ „преходящее сложное", такъ какъ бѣшѧ (ἦσαν), по его мнѣнію, несмотря на свое окончаніе „прошедшаго" (т. е. аориста), есть „преходящее", какъ и бѣахѫ (ἦσαν), Вост. О. Ев. Слов. подъ бѣшѧ. Подобнымъ образомъ и по Миклошичу бѣхъ и бѣахъ суть imperfecta 1-е и 2-е, а сочетанія ихъ съ лъ — plus quam perfecta (V. Gr. III, §§ 257, 266). Разсматривая эти сочетанія, какъ заключающія въ себѣ двѣ формы, различаемыя мыслью, можно думать, что какъ въ далъ ѥсмь первоначально причастіе означаетъ событіе, прошедшее по отношенію къ настоящему ѥсмь, такъ и въ далъ бѣхъ и бѣахъ оно означаетъ прошедшее по отношенію къ прошедшимъ бѣхъ и бѣахъ. Слѣдовательно, разсматриваемыя сочетанія дѣйствительно заключали въ себѣ нѣчто предпрошедшее или „запрошлое" (czas zaprzeszły).

А. Аористъ бѣхъ, понимаемый самъ по себѣ, означалъ моментъ, одновременный съ другимъ аористомъ, или вообще прошедшимъ, такъ 172
что далъ бѣхъ могло быть давнопрошедшимъ не по своему глаголу, а по причастію, что нужно принимать въ соображеніе, называя это сочетаніе plus quam perfectum, напр. и тьма бысть, и не оу бѣ къ нимъ пришьлъ (ἐληλύθει) Іисусъ, О. Ев. Іо. 6, 14, т. е. въ то самое время, какъ настала тьма, онъ еще непришелъ, „небылъ пришедши". Въ бѣ пришьлъ на столько же различны два момента мысли, на сколько въ обрѣтесѧ пришьдъ; изъ нихъ одинъ (прич.) предшествуетъ другому прошедшему, другой — современенъ этому прошедшему. Между тѣмъ въ единичномъ plus quam perfectum только одно событіе, которое все предшествуетъ другому прошедшему: tenebrae erant, nec (до наступленія тьмы) venerat Jesus.

Она же (Мария) иде къ нѥму (и въ это самое время) не оуже бѣ пришьлъ Иисусъ въ вьсь, нъ бѣ на мѣстѣ еще, идеже сърѣте и Марѳа, ib. Іо. 11, 30. Повтореніе бѣ въ „бѣ пришьлъ" „бѣ на мѣстѣ" дѣлаетъ очевиднымъ тождество глагольнаго элемента въ обоихъ случаяхъ. Ничего подобнаго нѣтъ въ лат. „illa venit ad eum. Nondum autem venerat Jesus in vicum, sed erat in eo loco, ubi occurrerat ei Martha".

Сынъ мои сь мьртвъ бѣ и оживе, изгыблъ бѣ (ἀπολωλὼς ἦν) и обрѣтесѧ, ib. Лук. 15, 24, -лъ бѣ есть не „perierat“, а скорѣе „бѣ погибъ“, въ то время онъ былъ погибшимъ, параллельно съ „мрьтвъ бѣ“.

На осень скупишася на снемъ у Городка (имена рекъ) и ту вси быша; въ тоже веремя пришелъ бѣ Гюргевичь старѣйшій Ростиславъ, роскоторався съ отцемъ своимъ, Ип. 39 (257).

И пришедъ Изяславъ Мьстиславичь къ Кыеву, и бѣ Игорь разболѣлся въ порубѣ и бѣ боленъ велми, Ип. 28 (239), т. е. въ то время, какъ Из. пришелъ, Игорь былъ разболѣвшись, т. е. начало его болѣзни предшествовало моменту прихода Изяславова.

173 Вещественное обозначеніе одновременности, какъ выше (Ип. 39) „въ то же веремя“, невсегда можетъ быть умѣстно, ибо оно могло бы быть отнесено не ко глагольному, а къ причастному элементу. Это можетъ быть безразлично къ однихъ случаяхъ, но въ другихъ даетъ ложный смыслъ, напр.

и видѣ дъва анъгела въ бѣлахъ сѣдѧща.. идеже бѣ лежало (ἔκειτο, jacuerat) тѣло Іисоусово, О. Ев. Іо. 20, 12. Въ то время, когда онъ увидалъ ангеловъ, тѣло уже тамъ нележало; оно только было въ то время лежавшимъ прежде. Бѣ имѣетъ одно только идеальное значеніе, надъ которымъ вещественность причастія беретъ перевѣсъ.

Посла (Володимеръ) ко Рогъволоду Полотьску, глаголя: „хочю пояти дъчерь твою собѣ женѣ“.. бѣ бо Рогъволодъ пришелъ изъ заморья имяше власть свою въ Полотьскѣ, Лавр. 32. Не въ то время пришолъ Р., какъ послалъ къ нему Володимеръ, но въ то время онъ разсматривался, представлялся, какъ прежде пришедшій; въ то время онъ былъ (въ памяти людской) выходецъ изъ заморья. Такимъ образомъ можно объяснять и слѣдующіе случаи:

(Болеславъ) Настаса пристави Десятиньнаго ко имѣнью, бѣ бо ся (Настасъ) ему (Болеславу) ввѣрилъ лестью, Лавр. 62. Преставися Святопол къ Мьстиславичь у Корецка, пошелъ бо бѣ брату своему Изяславу в помочь, Ип. 74 (332). Прия ӥ (Митроп. Константина) князь Дюрги съ честью, и Полотьскій епископъ, и Мануилъ Смоленьскій, иже бѣ бѣгалъ передъ Климомъ, Ип. 80 (333).

Вещественное обозначеніе предшествія во времени въ подобныхъ случаяхъ должно быть относимо къ причастію -лъ, а не ко глаголу бѣ:

помяну Олегъ конь свой, иже бѣ поставилъ кормити невсѣда нань;
174 бѣ бо преже въпрошалъ волъхвовъ кудесникъ; „отъ чего ми есть умьрети?“. Лавр. 16. Здѣсь онъ одновременно разсматривается, какъ поставившій и вопрошавшій, но вопрошалъ онъ прежде, чѣмъ поставилъ.

Церковъ сконца, иже бѣ заложилъ переже отець его, Ип. 81 (337).

Зная, что въ концѣ развитія значеній сочетанія -лъ ѥсмь оттѣнокъ настоящаго (ѥсмь) совершенно поглощается оттѣнкомъ прошедшаго

(-лъ), можно видѣть и въ оборотахъ, какъ это „бѣ заложилъ", признаки стремленія къ такому же поглощенію времени глагола временемъ причастія; но такіе обороты до полнаго сліянія въ русскомъ яз. недожили.

Съ тѣми же оттѣнками, но гораздо рѣже, встрѣчается и сочетаніе -лъ съ быхъ въ его изъявительномъ значеніи, напр.

Андрей же то слышавъ отъ Михна, и бысть образъ лица его попустнѣлъ, Ип. 109 (390). Хотя объективно дѣйствіе гнѣва послѣдовало за выслушаніемъ рѣчей, но въ словесномъ выраженіи эта разновременность здѣсь недоводится до сознанія.

Володимеръ же, одаривъ владыку, отпусти и́, зане бысть небывалъ у него николиже, Ип.? въ то время какъ его одарили, онъ былъ небывавшій прежде.

Изяславъ же нехотяше ис Киева поити, зане улюбилъ бы Киевъ ему, Ип. 77 (329, 10), т. е. улюбѣлъ бы („зане улюбѣлъ ему Кыевъ", Лавр. 147). „Сталъ любъ", какъ причина, объективно предшествуетъ нежеланію оставлять Киевъ, но выражено это такъ, что моментъ „бы" падаетъ въ пространство времени, занимаемое глаг. „нехотяше", какъ бы: въ это время Кіевъ былъ ему полюбившимся.

Непусти сына своего Святослава, ни мужии Новгородьскыхъ, иже то бы привелъ къ собѣ, Ип. 77 (220).

Б. Мнѣніе, высказанное кѣмъ-то, что сочет. лъ бѣахъ выражаетъ намѣреніе, лишено основанія, такъ какъ вмѣсто „бѣахѫ пришьли да 175
утѣшѧть" можно бы сказать съ тѣмъ же оттѣнкомъ намѣренія, зависящимъ отъ да съ наст., и бѣшѧ пришьли, и пришьли сѫть, и такъ какъ послѣ бѣахѫ пришьли можетъ вовсе нестоять да..

Бѣахъ, разсматриваемое отдѣльно, имѣетъ свойство такъ называемаго „протяженнаго" или „преходящаго". Объ этомъ времени будетъ рѣчь въ другомъ мѣстѣ, а здѣсь достаточно замѣтить, что само по себѣ оно вовсе неизображаетъ событія, предшествующаго тому, которое изображено аористомъ. Напротивъ, въ „сиже Обрѣ (=и) воеваху на Словѣнѣхъ и примучиша Дулѣбы", Лавр. 5, „примучиша" именно въ то самое время, какъ „воеваху". Но преходящее обнимаетъ значительное протяженіе времени, и только потому захватываетъ моменты, далѣе отстоящіе отъ настоящаго, чѣмъ моментъ обозначаемый аористомъ: „бѣ бо (Климъ) черноризечь скимникъ, и бысть книжникъ и философъ такъ (=такой), яко же въ Русской земли небяшеть, Ип. 29 (241), былъ (аор.) такой, какого небывало (=преход.).

Въ сочетаніи съ причастіемъ -лъ, бѣахъ отъ своей длительности сравнительно съ аористомъ удерживаетъ обыкновенно только способность выражать состояніе, предшествующее другому прошедшему, вы-

раженному аористомъ, и отнюдь несоотвѣтствуетъ нынѣшнему прошедшему длительнаго глагола бывалъ. Вещественное обозначеніе времени (прѣжде, переже) относится здѣсь уже не къ причастію на -лъ, какъ въ сочетаніи этого послѣдняго съ аористомъ, а къ бѣахъ, бяхъ.

Си же рекоста родителя ѥго, яко боястаса Иудей, уже бо бѣахѫ сѧ съложили (*συνετέθειντο*, constituerant) Иудеи, да аще къто исповѣсть Христа, отлѫченъ съборища бѫдеть, О. Ев. Іо. 9, 22.

Пришьдъ же Иісусъ.. обрѣте й четыри дьни уже имѫща въ гробѣ..
176 мънози же отъ Иудей бѣахѫ пришьли (*ἐληλύθεισαν*, venerant) къ Марьѳѣ и Маріи да утѣшѧть и о братѣ ѥю, Іо., 11, 17—19; хотя „бѣшѧ пришьли" передавало бы ту-же греч. и латин. форму, но само значило бы не „пришли прежде пришествія І.", а „пришли въ то время", или въ то время были пришедши".

Бѣ учѧ Иісусъ и бѣахѫ сѣдѧще фарисеи и законоучителѥ, иже бѣахѫ пришьли (*ἦσαν ἐληλυθότες*, venerant) отъ вьсакоѩ вьси Галилѣискꙑ, Лук. 5, 17, бѣахѫ пришьли до того времени какъ „бѣ учѧ".

Сѫсѣди же и иже й бѣахѫ видѣли (*οἱ θεωροῦντες*, conspexerant) прѣжде, яко слѣпъ бѣ, глаголаахѫ.. Іо., 9, 8.

У Ярополка же жена Грекини бѣ, и бяше была черницею, бѣ бо привелъ отець его Святославъ и вда ю за Ярополка, Лавр. 32, т. е. она была (а не бывала) черницею до того, какъ Св. ее привелъ и потомъ выдалъ.

И непокоришася Пльсковици имъ, ни выгнаша князя отъ себе, нъ бяхуть ся устерегли (предварителъно, заблаговременно): засѣкли осѣкы всѣ, Новг. I, 8.

Избиша Пльсковици Чюдь поморьскую: пришли бо бяху въ 7 шнекъ (т. е. чудь).. и удариша на нѐ Пльсковици и неупустиша ни мужь, ib. 20.

Помяну конь свои, отъ него же, бяху рекли волъстви, умрети Ольгови, Лавр. 16.

Всеволодъ же бяше нецѣловалъ креста еще, и на ту нощь загорѣся Переяславль, Ип. 16, 219.

Сребра же собѣ Всеволодъ неприя одинъ, но роздая братьи на части.. кто же бяшеть съ нимъ былъ, Ип. 20 (226), т. е. не тѣмъ кто сь нимъ былъ въ то время какъ онъ раздавалъ, а тѣмъ, кто съ нимъ прежде ходилъ въ походъ.

Иже бяху велику честь примали отъ Всеволода, тиже почаша лестити подъ князем своимъ, Ип. 23 (231).

177 Небѣ то и еще до сыти, но идоста на Игорево селце, идеже бяше устроилъ дворъ добрѣ; бѣ же ту готовизни много въ бретьяницахъ (бортяницахъ?) и въ погребѣхъ вйна и медовѣ(=е), и что тяжкого товара до желѣза и до мѣди (т. е. со включеніемъ..) нетягли бяхуть

(несмогли, неуспѣли повывозить до начала грабежа) отъ множества всего того вывозити, Ип. 26 (236).

Ту бяхуть стали обѣду, и прибѣже мужь къ Изяславу Мьстиславичу и рече.. Ип. 28 (228).

Поидоста (Изяславъ и Ростиславъ) внизъ по Волзѣ; послала бо бяшета и-Смоленьска преже послы своя къ Георгеви, онъ же къ нима ни посла ихъ опять (обратно) пусти, ни своего пусти, Ип. 40 (260).

Туже и Севенча Боняковича, дикаго Половцина, убиша, иже бяшеть реклъ; „хощю сѣчи въ Золотая ворота, якоже и отець мои, Ип. 62 (299).

Изяславъ же Мьстиславичъ поиде въ Киевъ.. зане братья его и дружина разбѣглися бяхуть, Ип. 74 (322).

Изяслав же рече:... „како ми съ вами Богъ дасть", бяшеть бо пославъ и подвелъ Глѣба Дюргевича.. съ нимъ же бяшеть у Переяславля былъ, Ип. 76 (326). „Бяшеть пославъ и подвелъ" показываетъ раздѣльность пониманія глагола и причастія на -лъ.

Матере же чадъ плакуся по нихъ, еще бо небяху ся утвердили вѣрою, Лавр. 51.

Оба разсмотрѣнныя сочетанія въ русскихъ памятникахъ вполнѣ туземны, т. е. не возобновлены въ языкѣ подъ вліяніемъ церковныхъ книгъ, а сохранились въ немъ непрерывно отъ того времени, когда были вполнѣ обычны въ просторѣчіи. Самыя формы бяшеть, бяхуть въ звуковомъ отношеніи суть русскія, отличныя отъ ст.-сл. бѣаше, бѣахѫ. 178
Въ сербскомъ оба сочетанія живутъ до-нынѣ и, по нѣкоторымъ, различаются такъ, что сочетаніе съ аористомъ бјех, бје, бјесмо, бјесте, бјеше означаетъ прошедшее по отношенію къ настоящему („бјесмо ти рекли, али ти нехајеш"), а сочетаніе съ преходящимъ (бјех—бијах, бјеше—бијаше, бјесмо—бијасмо, бјесте—бијасте, бјеху—бијаху) прошедшее по отношенію къ прошедшему: „бијасмо ти рекли, али ти не хтједе (ниси хтио) хајати". По нѣкоторымъ, въ нынѣшнемъ сербскомъ возможны и такія сочетанія какъ „бјех био носио", „бијах био носио". О подобныхъ сочетаніяхъ въ хорутанскомъ Mikl. Gr. IV 805—6. Въ новомъ польсломъ и чешскомъ они исчезли, какъ и въ русскомъ.

12. Причастіе -лъ съ былъ ѥсмь. Не смотря на то, что въ Лавр., Ип., Новг. I лѣт. это сочетаніе стоитъ рядомъ съ вышеразсмотренными, но по происхожденію оно принадежитъ къ болѣе позднему наслоенію. Въ этомъ я согласенъ съ Буслаевымъ (Гр. § 187, пр. 1, б), но не „потому, что при прич. былъ, по русскому позднѣйшему обычаю, опущенъ гл. есмь", ибо, какъ видно изъ приводимаго тамъ же „повелъ былъ есми", 1525 г. (Ак. Юр.), этого опущенія могло и небыть до XVI в. включительно, а на другихъ основаніяхъ. Именно, сочет. -лъ былъ ѥсмь невстрѣ-

чается ни въ О. Ев., ни, сколько извѣстно, въ другихъ древнѣйшихъ ст.-сл. памятникахъ. Востоковъ (Гр. ц.-слав. яз. 91) приводитъ примѣры только изъ русскихъ памятниковъ. „Далъ бѣхъ" и „далъ бѣахъ" равно необходимы въ экономіи языка и незамѣнимы одно другимъ; они неоставляютъ пустого мѣста для „далъ былъ ѥсмь, которое, сталкиваясь съ ними въ языкѣ древ. русскихъ лѣтописей, является сначала излишнимъ: „смолвяся съ Новъгородьци, которыхъ-то былъ приялъ,
179 Ип. 18,=ихъ же то бяшеть приялъ; лишь позже, когда оно получило особый оттѣнокъ и когда первыя два сочетанія вышли изъ употребленія, -лъ былъ ѥсмь стало необходимо. Сочетанія -лъ бѣхъ и -лъ бѣахъ очевидно одновременны по происхожденію съ -лъ ѥсмь; но это послѣднее должно уже было быть въ языкѣ, когда появилось „далъ былъ ѥсмь".

Невидно достаточныхъ основаній назвать разсматриваемое сочетаніе „прошедшимъ совершеннымъ" (Вост. 1. с.). Во первыхъ, оно сначала неесть одно время, а по меньшей мѣрѣ два: ѥсть былъ—далъ; во вторыхъ, причастіе въ немъ можетъ быть и отъ глагола несовершеннаго.

Сначала -лъ былъ ѥсмь неимѣетъ никакого особаго значенія, кромѣ знач. предшественности настоящему и прошедшему, безъ различій заключенныхъ въ -лъ бѣхъ и -лъ бѣахъ:

Коли ся грамота псана (т. е. ѥсть) ишлъ былъ (=ишло=исшьло было) отъ рожества до сего лѣта а҂ лѣто.. Дог. гр. Мстисл. 1229.

Си же грамота псана бысть, ..ищло было отъ рожества Гня до сего лѣта а҂ лѣто.. Смол. гр. Ростисл. 1284.

А что твой братъ отъялъ былъ пожне у Новагорода, а того ти, княже, отступитися, Новг. догов. гр. 1265 г.

Видиши, яко я къ тобѣ креста еще нецѣловалъ, а то ми былъ Богъ далъ, оже ся есте сами зажгли, Ип. 16 (219).

„Ты мя еси, сыну, самъ позывалъ Киеву, а язъ есмь былъ цѣловалъ хрестъ къ брату своему Дюргеви", Ип. 50 (277), и потому тогда незахотѣлъ сѣсть въ Киевѣ.

Челядь ему вороти, што была рать повоевала, Ип. 208 (581).

Въ тѣхъ же памятникахъ сочетаніе это, вслѣдствіе частаго употребленія въ противительныхъ сочетаніяхъ предложеній, получаетъ оттѣнокъ дѣйствія, недошедшаго до надлежащаго исполненія, лишеннаго своихъ прямыхъ послѣдствій, оттѣнокъ независимый отъ начинатель-
180 ности, совершенности, несовершенности и степени длительности главнаго причастія (ст. Вост. Русск. грам. § 115, IV, г.):

Исакій рече: се уже прельстилъ мя еси былъ, дьяволе, сѣдяща на единомъ мѣстѣ, а уже неимамъ ся затворити в печерѣ, Лавр. 84 (189).

Брате! се Володимеръ (и) Изяславъ Давыдовыча хрестъ къ нама была цѣловала и думу думала поити с нама на стръя наю, и (т. е. а междутѣмъ, противъ крестнаго цѣлованія) хотѣла со мною лестью, убити мя хотяча, но Богъ и сила крестьная обуявила (=отняла у нихъ разумъ). А уже, брате, кде есме были думали поити на стръя своего, то уже тамъ неходи, Ип. 32 (245).

Такъ и въ болѣе позднемъ языкѣ:

Что ти ся есмъ былъ отступилъ дани въ Ростовцѣ,,. а на то ны слати свои данщикы вмѣстѣ, 1388, 1405, Собр. гос. гр. и дог. I № 33, 38.

У меня ту грамоту взялъ, чѣмъ мя былъ пожаловалъ, 1490, Ак. юр. 11.

А перво сего тотъ дворъ дали были есмо князю Ивану Трубецкому, ино князь Иванъ, зрадивши насъ, икъ Москвѣ втекъ, и мы тотъ дворъ дали Петру Фурсовичу, 1501, А. З. Р. I, 344.

Въ восточномъ и сѣверо-западномъ малорусскомъ такое употребленіе продолжается и до-нынѣ, впрочемъ съ непремѣннымъ опущеніемъ вспомогательнаго глагола:

за титлу був зачепивсь, тай разібрав потроху, Квитка; хорунженко зовсім був дрімав, а на сю рацію прислухáвсь, прислухáвсь, тай каже.. ib.; мав був розказати и про свою біду, так нездужаю, ib.; піднявсь був по улицях гомін, біганьня, крик, галас, тай стихло, ib.; и вірую почав був учити та не „же за ни“ як затявсь, тай покинув письмо, ib.; Забрёха дочитав до самого кінця, як був тогді на памъять витвердив (изъ чего однако тогда несдѣлалъ употребленія); оттак було сказала 181
(что однако оказалось ложью) и на пана Пістряка, що буцім-то він у чоловіка бджоли підрізав, id.; зовсім була впала, такъ кума її піддéржала, id.; старый Макуха добрався й до настоянної на калган, що Івга була придбала для проїзжающихъ полупанків (которымъ однако эта водка недосталась), id. віл щось почав був говорить, та.. Гребенка; чоловік хотів був у свата заночувати, тай принесла ёго нечиста мати.. Въ Гродн. губ. Бѣлост. у.: сталася мні пригода: была я увила пару віночков, и то забрала бистра вода, Сб. пам. свз. кр. 151.

Въ великорусск. сочетаніе „имали были“, „поѣхали были“ (Др. р. ст. Бусл. Гр. § 187, пр. 1, б.) оставалось до XVIII в., а какъ архаизмъ остается въ простонародныхъ говорахъ мѣстами, вѣроятно, и теперь. Сказочное выраженіе „жилъ былъ N“, справедливо относимое сюда Буслаевымъ (l. c.), ведетъ начало отъ болѣе древняго оборота, чѣмъ только-что приведенные, именно отъ сочетанія безъ противительнаго оттѣнка.

Доказательствомъ, что „далъ, былъ“ никогда несоставляло одной формы, служитъ то, что въ русск. литерат., въ великорусскихъ и многихъ

млр. говорахъ оно разложилпсь на безличное было, було съ прич. лъ: „хотѣлъ было пойти (ити), да раздумалъ", „сѣлъ было писать, да помѣшали"; въ млр. (рядомъ съ выше приведеннымъ „хотівъ був") „се ёму дяк таке списав, якъ він було думав залецятись до протопопівни" (изъ чего однако ничего невышло), Кв. Подобно тому какъ въ „говоритъ, было, говоритъ, и ничего нескажетъ", „пойдетъ, было, и вернется", „быть, было, ванастью, да дождь помѣшалъ", было возводится къ основному было ѥсть и есть безличное сказуемое, несливаемое съ другимъ сказуемымъ въ одну форму; подобно этому и далъ было предполагаетъ посредствующую идеальную, а можетъ быть и объективно существовавшую ступень „далъ ѥсть было ѥсть", или явственнѣе: „было есть: далъ есть". Другими словами, для возникновенія оборота „далъ было" необходимо, чтобы главное причастіе далъ въ сочетаніи далъ
182 былъ понято было не какъ причастіе, входящее вмѣстѣ съ былъ (есть) въ составное сказуемое, какимъ оно было въ самомъ дѣлѣ, а какъ особое сказуемое, получившее предикативную силу отъ опущеннаго при немъ вспомогательнаго глагола. Между тѣмъ, если-бы далъ былъ стало однимъ актомъ мысли, то распаденіе его на-двое въ далъ было стало бы невозможно.

Въ юго-западныхъ млр. говорахъ разсматриваемое сочетаніе является въ формѣ „писав-ємъ бувъ", „писала-м була", со значеніемъ неограниченнымъ противительностью, какъ и въ польскомъ теперь (Małec. Gr. § 720) и въ старину: Jidzyk położył (ił?) skargą, kako gdy na drodze był usnął, Falek, nadjidą (прич. наст.), wziął jemu tobołą, w jejże byli trzi skotce groszow... Falek jako kole o tobołą sią wyznał i to (tą) wrocił był, a wszakož trzech skot zaprzał, 1449, Ks. Ust. 52; gdy wieczor w domu jego stała sią była swada, Falek, przyszedw, swiecą sgasił, jaž gdy była sgasła, Jidzyk nie wie.. przes kogo w onej swadzie był urenion, ib. 52—3. Въ чешскомъ: vykonal, což byl mluvil; ten prsten poznav, že jej byl v řeku dávno uvrhl, hospodinu chválu vzdal, Zikm. Skl. §§ 251—2. Въ сербскомъ—рядомъ съ вышеупомянутыми двумя сочетаніями „бјесмо и бијасмо дошли": „намјера га нанијела била на дворове Јања капетана, и Јања га виђе..; ту су ноћцу били боравили, докле самну и огрија сунце.." въ хорут., хорв. Mikl. Gr. IV 804—5. Несмотря на такое согласіе разныхъ славянскихъ нарѣчій, сочетаніе -лъ ѥсмь былъ неслѣдуетъ возводить ко времени ихъ единства, помня, что есть и другія совпаденія, напр. нѣкоторыя сходства въ удареніяхъ между русскимъ и сербскимъ, которыя, въ отличіе отъ другихъ сходствъ этого рода, возникли съ разныхъ нарѣчіяхъ самостоятельно, какъ естественные выводы изъ общихъ этимъ нарѣчіямъ посылокъ.

183 Въ литовскомъ и лотышскомъ тремъ слав. сочетаніямъ -лъ съ бѣхъ, бѣахъ и былъ ѥсмь и нѣмецкимъ временамъ съ war и hatte соот-

вѣтствуетъ сочетаніе прич. прош. = слав. -ъ -въ съ лит. buwau, латыш. biju (прош. сущ. гл.).

13. Причастіе -лъ съ быхъ, бы.

Аористъ 1 л. ед. бимъ, 3. би, 1 мн. бимъ, 2. бисте, 3. биша и, другого образованія, бѫ, встрѣчается въ древнихъ цсл. т. наз. (Микл.) Паннонскихъ памятникахъ только въ сочетаніи съ прич. -лъ для выраженія условности (съ аште и безъ него) и желательности (съ да), Mikl. Gr. IV, 715—7; III, 81—9. Аористъ быхъ, бы, быхомъ, бысте, быша извѣстенъ и въ стар.-сл., и въ русскихъ памятникахъ и въ значеніи изъявительномъ. Такъ, кромѣ выше приведенныхъ примѣровъ, въ слѣд.: не бо съзьданъ бы мужь жены дѣля, Изб. Св. 1073, Срезн. Пам. русск. письм.; въ Супр. ркп. см. Mikl. V. Gr. III, § 259; нельзѣ бы имъ доѣхати, Ип. 24 (232); 37 (254); Святославу же бы изъ головы: любо же дати жену и дѣти и дружину на полонъ, любо голову свою сложити, Ип. 27 (238); предивно знаменіе бысть на небеси: быша три солнца сьяюче межи собою, Ип. 18 (221). Бы съ предлогами и бысть съ предлогами или безъ нихъ и вовсе невстрѣчаются въ другомъ значеніи, кромѣ изъявительнаго, и это—въ связи съ тѣмъ, что какъ бысть, такъ и всѣ предложныя формы гл. быти (напр. ту перебы три дни, Ип. 46; несбыся мысль его, ib. 52) до конца сохраняютъ вещественное значеніе, между тѣмъ какъ переходъ аор. быхъ къ значенію условному и желательному, совершившійся быть мож. еще до раздѣленія слав. языка, предполагаетъ уже чистую формальность этого аориста, его тѣсную связь съ причастіемъ -лъ. Случаи, въ коихъ быхъ въ условномъ значеніи стоитъ внѣ этого сочетанія, должны быть объясняемы опущеніемъ причастія былъ: „аще бо бы перевозникъ Кій (былъ), не бы ходилъ Царюгороду, Лавр. 4.

Въ отличіе отъ сочетаній -лъ съ временами изъявительнаго наклоненія, условно-желательное быхъ -лъ представляется намъ уже въ древнѣйшихъ памятникахъ не сочетаніемъ формъ, а одною формою.

А. Подъ условностью быхъ -лъ разумѣются два родственные от- 184
тѣнка: выраженіе дѣйствія уславливающаго, или условія въ тѣсномъ смыслѣ, и дѣйствія уславливаемаго и зависимаго: „сь а бы былъ пророкъ, вѣдѣлъ оубо бы, къто и какова жена, яже прикасаѥться ѥмь, О. Ев. Лук. 7, 39; аще быхъ вѣдѣлъ, неѣхалъ быхъ, Русск. лѣт., еслибы я зналъ, я бы непоѣхалъ. Условіе можетъ подразумѣваться: „сказалъ бы словечко! (да волкъ недалечко); купилъ бы село! (да денегъ голо). Сюда—вѣжливыя, осторожныя утвержденія: я бы думалъ, что..., серб. рекао би човјек.., поль. rzekł byś.. (Mikl. IV, 873). Обозначеніе дѣйствія уславливаемаго легко можетъ обходиться безъ союза, кромѣ того, который позднѣе возникаетъ изъ быхъ; уславливающее, по види-

мому, постоянно требуетъ союза (въ стар. яз. аще, рус. аче, а, да, оже и пр.), но его условность несоздается, а лишь видоизмѣняется союзомъ. Позднѣйшія выраженія, какъ вр. „было бы щастье, а дни впередѣ“ (XVII в.); была бъ.. прежняя молодость, повыручилъ бы тебя, Рыбн. I., 442 (ср. поль. луж. Mikl. IV 812); млр. „побачила-б (т. е. если-бы увидала) її мати, що-бъ тоді їй було?“, заставляютъ думать, что еслибы у насъ были образцы древней простонародной рѣчи, мы могли бы найти въ нихъ выраженія уславливающаго дѣйствія безъ союза, въ родѣ „вѣдѣлъ быхъ — неѣхалъ быхъ“ и безъ другого отличія этого дѣйствія отъ уславливаемаго, кромѣ тона рѣчи.

Весьма вѣроятно, что основаніе перехода прошедшаго времени изъявительнаго наклоненія къ значенію условности, или tertium comparationis между прошедшими временами изъявит. накл. и условностью, и даже вообще идеальными наклоненіями, каковы условное, сослагательное, желательное, состоитъ въ томъ, что, какъ идеальныя наклоненія изображаютъ событія существующими только въ мысли, такъ и прошедшее можетъ разсматриваться „со своей негативной стороны, какъ отрицаніе дѣйствительнаго присутствія (наличности) явленія“ (Bopp. Vergl. Gr. § 520), въ томъ смыслѣ, что если явленіе было, то стало быть его уже нѣтъ. „Въ зендскомъ, говоритъ Боппъ, imperfectum весьма часто употребляется, какъ сослагательное (conjunctivus) настоящаго
185 времени; въ подобномъ значеніи встрѣчается и прошедшее удвоенное. Къ этому слѣдуетъ прибавить то, что въ зендѣ сослагательное даже тамъ, гдѣ оно формально обозначено, чаще выражаетъ настоящее (die gegenwart) посредствомъ имперфекта, чѣмъ посредствомъ настоящаго (praesens); что и въ санскритѣ сослагательное имѣетъ аугментъ (знакъ прошедшаго времени), что и въ нѣмецкомъ и латинскомъ условность выражается временами прошедшими“. См. и Mikl. Gr. IV, 808.

То стремленіе, въ силу котораго общеславянское быхъ -лъ получило условное значеніе, проявилось и въ частныхъ явленіяхъ отдѣльныхъ славянскихъ нарѣчій. Въ сербскомъ и болгарскомъ подобное значеніе получаютъ и другія прошедшія изъявительнаго накл.:

„Ал' с волија Пивлянина Баја
Ал' турчина Куну Хасан-агу?
Но говори Анђа Иванова:
Е волијах Пивлянина Баја, Пѣв. Црног. 147.

По-польски было бы wolała bym, да и по-сербски можно бы сказать „вољела бих“. Эта условность независитъ отъ присутствія союза, такъ какъ *е* есть по видимому частица равносильная съ ѥ-же, русск. о-же, имѣвшая первоначально относительное значеніе русскаго что, що и, подобно этому послѣднему, употреблявшаяся и плеонастично. Впрочемъ, быть мож., слѣдовало бы писать „одговори, е (=что) „волијах“. Позд-

нѣе по характеру появленіе въ серб. при такомъ, какъ выше, преходящемъ условномъ (волијах) союза би:

Волијах би Мирковића Вука
Само гола у кошуљи танкој,
Него пашу, мога вјереника, Пѣван. Црног. 59.

Такую условность преходящаго слѣдуетъ отличать отъ условности, представляемой пермиссивностью (пусть будетъ..., или „допустимъ, положимъ, что...), зависящей отъ союза да, который въ этомъ смыслѣ присоединяется въ серб. нетолько къ преходящему, но и къ настоящему и будущему. Въ слѣдующемъ примѣрѣ только второе преходящее есть чисто условное, а первое—пермиссивное:

Да-с ођаше тио наоблачит',
Е (плеонастич.=что) неимаше ђе капля крунути
Од доброга коня и јунака, Пѣв. Црног. 142. 186

„Да недолеђеше (если бы неприбѣжали и нерозняли) жене, ћадијау быти говна и од мене, и од њега“ (говоритъ тотъ изъ двухъ подравшихся, которому больше досталось), Караdж. Припов]. 28.

Въ слѣдующемъ, въ первыхъ предложеніяхъ прошедшими съ условнымъ союзомъ выражено то, что въ русскомъ—будущимъ въ условномъ значеніи:

Ако запех стр'јеле моје,
Устр'јелићу тебе, Јанко, Кар. П. I, 181.

„Ако био (=будетъ, если будетъ, буде будетъ) торбоноша, био (=пусть будетъ) мајци живъ; ако био гочобија (бубняр) небио јој жив“, говорила цыганка, когда у нея родился сынъ.

Въ болгарскомъ:

Да бѣфъ брала (въ подарокъ) бѣло платно,
Би ѭ гора заградила..
Да бѣфъ брала бѣло руво,
Ке бѣфъ дѫбѥ изоблекла..
Да бѣфъ брала ко'анъ герданъ,
Сѫ(=а)-та гора ке ѭ обко'афъ
Се со злато и со стребро, Миладин. п. 5.

„Да бѣфъ брала“—пермиссивно условное; „ке бѣфъ изоблекла“, „ке обкоафъ“ чистые условныя (заключительныя) въ коихъ ке=ште сообщаетъ значеніе возможности и неимѣетъ прямого отношенія къ условности, зависящей отъ прошедшаго.

Да ти бѣше Мирче помалечек! ib. 283, еслибъ у тебя (еще) былъ меньшой (братъ) Мирче!

Ако бѣше правила (еслибъ дѣлала, быть мож. съ оттѣнкомъ предшественности слѣдующему „можеше“) сѣка муха медъ, то можеше (могъ бы) да си направи и бръмбаръ-атъ, Пам. и обр. нар. яз. 129.

Ако би сѣка пчела медъ брала, то и стръшенъ-тъ щѣше наймного да набере, ib. 335, „хотѣлъ набрать", т. е. набралъ бы въ будущемъ по отношенію къ „ако би брала".

Б. Желательное значеніе „быхъ -лъ" является нетолько въ присутствіи союзовъ [въ стар. русс. а-(быхъ), да (быхъ), аже (быхъ), чьто
187 (быхъ), како (быхъ), въ нов. влр. что-бы и пр.], но и безъ нихъ: а бы Богъ далъ, вы быста уладилася съ своимъ братомъ и сыномъ Изяславомъ а (=и, союзъ соединит.) быста вы сѣдѣла въ Кіевѣ, Ип. 46; въ позднѣйшемъ влр.: дай Богъ, ты бы, господинъ мой, здоровъ былъ на многіе лѣта, и съ своею княгинею, и съ своими дѣтьми, а язъ бы твое, своего господина, здоровье слышалъ, ажъ дасть Богъ— видѣлъ (формула) 1536. Ак. З. Р. II 339; вези ты Афросинью королевишну.. ко ласкову князю Владимиру честно, хвально и радостно, было бы (т. е. чтобы было) намъ чѣмъ похвалитися, Др. р. ст. 94; сколь жарко дрова разгораются со тѣми слѣды молодецкими, разгоралось бы сердце молодецкое, ib. 64; въ млр. побила-б тебе лихая година! Въ стар. пол. angełom swoim bog kazał o tobie, bychǫ strzegli ciebie we wszech drogach twoich, ps. Małg. (Mikl. gr. IV, 809).

Въ виду того, что союзы, стоящіе при желательномъ сказуемомъ суть заключительные, а равно и того, что въ выраженіяхъ, какъ нынѣшнее „ты бы сходилъ къ нему" (въ знач. „а тебѣ бы сходить") довольно явственно предполагаютъ условіе („ты бы сходилъ, если хочешь" и т. п.); можно бы думать, что желательность формы „быхъ -лъ" возникла изъ условнаго наклоненія, именно что желательное „быхъ -лъ" сначала представлялось дѣйствіемъ условленнымъ, при коемъ умолчано уславливающее. Однако вѣрнѣе, что самое „ты бы сходилъ!" (если воля) есть первоначально желательное уступительное, переходящее къ условности также, какъ повелительное въ случаяхъ „кинь хлѣбъ на лѣсъ, пойдешь, найдешь". Т. о. можно понимать вышеприведенные серб. болг. примѣры съ да и мр. „непотурала-бъ їй мати (если бы, т. е. пусть бы непотакала, непоблажала), лучче-б було".

Кажется вѣрнымъ то, что, если не въ этомъ случаѣ, то въ другихъ, мысль можетъ прямо переходить отъ изъявительнаго прошедшаго къ желательному наклоненію. Въ желаніи, разсматриваемомъ независимо отъ словеснаго выраженія, осуществленіе, то есть сліяніе возникающихъ въ мысли образовъ желаемаго, сложившихся изъ прежнихъ воспріятій, съ новыми воспріятіями, есть событіе будущее. Согласно съ этимъ въ языкѣ представленіе желательнаго прошедшимъ можетъ разсматриваться какъ частный случай представленія объективно-будущаго прошедшимъ. Такой пріемъ мысли въ общихъ чертахъ—одинъ и тотъ же какъ тамъ, гдѣ онъ пользуется наличными средствами языка, непреобразуя ихъ на долго ощутительнымъ образомъ, такъ и тамъ, гдѣ онъ создаетъ

новыя грамматическія формы. Примѣромъ перваго случая могутъ служить многія литовскія и русскія пѣсни. Въ одной лит. п. далеко выданная за-мужъ думаетъ о томъ, какъ бы ей воротиться домой: „Пойду 188
я въ лѣсъ къ пестрой кукушкѣ, займу у нея крыльевъ и рябыхъ перьевъ, полечу къ матушкѣ, къ батюшкѣ въ вишневый садочекъ, въ рутяный огородецъ, тамъ буду качаться (на вѣткѣ), тамъ буду куковать, не услышитъ ли матушка, не услышитъ ли бѣлая (милая, ласковая)". До сихъ поръ желаемыя событія признаются за будущія и изображаются будущими временами (eisiu, lėksiu и пр.). Но за-тѣмъ, въ силу самообольщенія мысли, будущее является уже совершившимся, и вслѣдъ за „неуслышитъ ли матушка", пѣсня продолжаетъ: „Услышала голосокъ, открыла окошко: „Не моя ли дочка? Не моя ли молодая? По кукованью, по качанью (на вѣткѣ), кажется, моя дочка, кажется молодая" (Nesselm. Lit. Volksl. N 281). Это мотивъ первоначально русскій:

Ой давно, давно я в роду небула:
А вже тая доріженька терном заросла,
Терном заросла, листом припала,
Червоною калиною понависала.
Ой як я схочу, терен висічу...
Червоную калиноньку у пень выломлю,
До своєі матюнки в гості полену,
Буду літати, буду ковати,
Чи не вийде моя мати з нової хати.

И вотъ желаемое какъ бы совершилось, исчезла разница между воображаемымъ и дѣйствительнымъ:

Моя мати спить, спить та й нечує,
Невісточка голубочка теє-ж учула:
„Устань, матюнко, устань, утюнко!
Щось у нашому садочку за пташка кує!".
—Тож моя бещасная, безталанная:
Тутъ родилася, тутъ хрестилася, 198
У чужую сторононьку да й одбилася, Метл. 255.

Сестра, несчастно вышедшая за мужъ, встрѣчаетъ брата:

Ворота 'дчиняє, стиха промолвляе:
„Ой поїдьмо, брате, свічок куповати,
Щоб перва горіла, як я заболіла,
А друга палала, як я умірала" ib. 281,

т. е. какъ заболѣю (что непремѣнно наступитъ при такомъ житьѣ), когда я буду умирать. Такимъ образомъ, по выраженію пѣсни, „мислоньки заносять", превращая предметъ опасенія или ожиданія въ совершившееся событіе.

Вообще будущее событіе, которое вотъ-вотъ должно непремѣнно совершиться, будетъ ли оно намѣренное, или нѣтъ, можетъ изображаться прошедшимъ глаголовъ совершенныхъ, именно въ влр. пѣсняхъ (изрѣдка) единственнымъ прошедшимъ, какое осталось, а въ серб. (чаще) аористомъ и прошед. -лъ ѥсмь:

Цсл. аште се погубиши, многѫѩ съпаса нашего погубилъ ѥси надеждѫ, Supr. 276.

Послать Ваньку Долгополистаго?
Во полахъ вить Ванька замишаитсе,
Потерялъ онъ свою голову.

(Далѣе въ томъ же смыслѣ потерятъ), Кир. П. I, 53. Въ был., запис. Рич. Джемс. „прокличетъ съ небесъ господень гласъ... побѣжалъ еси (=побѣжишь), собака крымской царь, не путемъ еси, не дорогою, не по знамени, не по черному“ (а "куда зря").

Передъ отходомъ изъ дому Алексѣй говоритъ:

Молися ты Господу, трудися,
За Алексѣя божія человѣка,
А я пошолъ во иншую землю", Кал. Перех. I, 101.

Срб. Останите у трави зеленој,
А ја одох (уже пошелъ, т. е. пойду) на пашину кулу, Пѣв. Црног. 43.

„Сједи (повелит,) ође на врата од града,
А ја пођох аги на дворове“,
Па отиде низ честе сокаке, ib. 115.

Хајд', ујаче, по нашем примоју,
Те покупи сватах пе-стотинах,
Аја одох на бојали кулу,
Да припра'лям таин сватовима“, ib. 48.

190 „У кога је срце и мишица,
Сад нек Марку на помоћ потече,
Аја одох (пойду) да и нитко неће:
Оћу своју изгубити главу,
Ал' избавит свога побратима“, ib. 133.
Умријет ми није жао сада,
Іери сам се добро замјенио;
Него—јуриш, ако ме чујете,
Ер' ми Турци однијеше главу, ib. 98,

(т. е. вот-вот унесутъ, если несдѣлаете нападенія);

(Ага) клањат поче турскога намаза,
А гледа га Властелиновићу
Ниж његова бистра джевердара,
Па сам собом Цвјетко говорио:
„Фала Богу, фала јединоме!

Ако аги поможе клањање,
Те незгодих (непопалъ, т. е. теперь непопаду) њега
джеверданом,
Погубићу Пивљанина Баја", ib. 145.
Чекај, чекај соколице,
Да имаш крила од сокола,
Неутече (аор.) ме деснице, Гундулич, Babukić Slovnica.

За Бога, брате, молим те, умријех од жеђе (я умеръ, т. е. вотъ умру): дај ми чашу воде, Караджж. Припов.

Ко се у баби најми (буд.), па за три дана несачува кобиле и ждребета, он је изгубио (уже потерялъ, т. е. навѣрное пгубитъ) главу ib. 28.

За десну је уфатио руку:
„Стани, Кадо, нијеси утекла!" (неубѣжишь) Пѣв. Црн. 95.
(См. также Mikl. Gr. IV 787—8).

Отчасти сходно съ этимъ употребленіе прошедшаго для выраженія будущаго обычнаго событія въ мр.:

Хиба-ж усі хороші йдуть за паничів, або за купців? Потурай (=пусть) буде хороша, як тая квіточка, а таки йде за хлібороба: и краса її непропала; вона породила диточок и дякує Богу (Кв.). (Обыкновенно) мати стане на неї гримати, а вона жартує, регочетця та й розвадить матір. Се ж така була" (положимъ) „сёгодні; завтраж то, як увійшла в хату, так неначе й не вона: смутна, невесела, очи понурить, сидить—ні з місця (ib.).... Мовчить, мовчить, и коли в хаті неманіякого діла, то й пішов собі (ib.). Нехай же коли мати хоч трохи зморщитьця.. вже Оксани з хати невиженеш, вже все забула (ib.). Зачепи ж її хто словом, зпитай об чім-нибудь, зараз зирк з під своїх віёк, вже й догадалася, з якою думкою питають її, вже такий и одвіт дасть (ib.). Там така була розумна, бойка, моторна: ще ти їй стань тілки на догад закидати, а вона вже й розкомпоповала, що куди ійде и до чого (ib.). (Галочка на грищі) тілки (=було) добігá до такого, що вже (вона) зна, що хоч словом її зачепить, якъ раз тут и відвернулася (ib.). Подобнымъ образомъ употребляются въ греч. аористъ, въ лат. perfectum, на пр. Матѳ. 18, 16.

Въ приведенныхъ и другихъ подобныхъ примѣрахъ прошедшія времена такъ и остались прошедшими. Ихъ грамматическое значеніе нисколько незатемнилось, ни переиначилось, такъ какъ, хотя дѣйствіе, ими обозначенное, глядя со стороны, есть будущее, но самому говорящему въ моментъ рѣчи оно кажется прошедшимъ. Нѣкоторую середину между такимъ употребленіемъ прошедшаго и образованіемъ изъ него новой грамматической формы занимаютъ, какъ кажется, формы на -лъ послѣ 191
„дай Боже", „бодай" (послѣднее—сначала предложеніе „Богъ дай", потомъ частица=utinam), а равно и безъ такихъ выраженій: Дай-Споди,

здоровъ былъ государь мой батюшка.... И дай господи, здоровъ былъ православной царь князь Великій Михаилъ Федоровичъ, а ему здержати царство московское и вся земля святорусская, п. зап. Рич. Джемс. 1620 г.

Блр. дай Божа, тыи душачки в горадзи Русалими въ раю раявали, са святыми спачивали, Кал. Перех. I, 42.

Млр. бодай воли живі були, а плуг поламався, щоб мій милий из волами до дому пригнався, Метл. 6; и въ ругательствахъ: бодай він здох, бодай він луснув, бодай на путрю скис!

Польск. bodaj-em skonał, bodaj-ś oślepł, bodaj zdrów (był), bodaj się był nigdy nieurodźil; чеш. bodej zdráv był; слов. bodaj ti tak Bohpla til и проч.

Такъ и въ лотышскомъ послѣ лай (=нехай, пусть, чтобы) можетъ ставиться и прошедшее, т. е. желаемое въ заключительномъ предложеніи можетъ отодвигаться въ прошедшее: aitiňai stali daru, lái tâ zımá nenûsala, овечкѣ дѣлаю хлѣвъ, пусть она зимою несмерзла, т. е, чтобъ немерзла, пусть несмерзнетъ, Biel. Lett. Gr. § 829, 13.

Этихъ выраженій неслѣдуетъ смѣшивать съ такими, какъ млр. бодай би він здох, польск. bodaj bym osiwiał, въ коихъ желательность зависитъ отъ быхъ. Въ первыхъ бы вовсе неопущено; въ нихъ еще чувствуется значеніе прошедшаго: „бодай вінпропав“ значитъ „чтобы онъ въ эту минуту уже пропалъ“, „bodajem był umarł“ чтобы прежде я уже умеръ.

Иное дѣло въ млр. выраженіяхъ, какъ „здоров був!“, „здорова була“, „здорові були!“, „а побила тебе лихая година!“ [1]) (несмѣшивать съ „побила-б тебе лихая година!“), „геть пишов!“, влр. „пошелъ!“, „пошолъ вонъ!“ и въ очень обычныхъ сербскихъ оборотахъ, какъ напр.

Јес' ли, Петре? паски погинуо! Пѣв. црн. 65.
Да'л невидиш? јади те виђели! ib. 73.

---

[1]) Сюда же, къ случаямъ прямого перехода отъ изъявительнаго прошедшаго къ желательному въ настоящемъ (исполнимому въ будущемъ)—свр. быть было въ значеніи быть бы. Вдова причитаетъ:

Мнѣ пойти было, кручинноей головушкѣ,
Мнѣ во эты мѣлкорубленыи клѣточки
Мнѣ-ка взять было ключи до золоченыи,
Отомкнутъ было ларцы да окованыи..
..Мнѣ-ка взять да столько цвѣтно его (покойника) платьицо,
Приложить было ко блеклому ко личушку,
Мнѣ прижать было къ ретливому сердечушку... Барс. Причит. I, 37; ср. ib. 14, 70).

Все эти дѣйствія объективно—будущія.

Подобнымъ образомъ уже въ XVI в.: государь (Ив. IV) велѣлъ тобѣ (посланнику) говорити; „пригоже было (т. е. -бы) намъ тобя жаловати, ѣсти къ собѣ звати; да еще есмя лѣты несовершенны, и быти намъ за столомъ, и намъ будетъ столъ въ истому; и ты на насъ непомолви, а мы тобѣ ѣству пошлемъ на подворье“, 1538, А. З. Р. II 253.

Здрав дошао, Лека Дукаћинче, 192
Здрав дошао двору бијеломе,
Тек дошао, муке те напале:
Боловао за девет годинах,
Нити умр'о, нити преболио,
Проз кости ти трава проницала,
У њој ти се љуте змије легле,
У срцу ти зиму зимовале,
А у перчин љето љетовале! ib. 65.
Привежи ме коњьма за репове,
Раскини ме на четири стране...
...ако крива душа моја,
Куд се моја крвца просипала,
Онуда се земља провалила;
Ђе комаде тјела отпадали,
Студено се створило камење,
(Петрановић, Срб. н. пјес. 56).

Сюда же обычныя клятвенныя увѣренія, въ коихъ правда или неправда, исполненіе или неисполненіе ставятся въ зависимость отъ желаннаго или нежеланнаго событія: тако ја здрав био и ко ми је мио! (т. е. пусть буду на столько.. на сколько это вѣрно или невѣрно [рѣже безъ прошедш. глагола: „тако ја здрав и жив!"]; тако ме туђе ноге неносиле!; тако ми се крсна свијећа неугасила! тако од мојега трага свијеће неостало! (т. ј. тако сви од мога рода непомрли и неимао ко крснога имена славити и у славу устајући свијеће палити Кар.; ср. надгробную неугасимую свѣчу въ Ип. л. 218 (600—1). Многочисленные примѣры такихъ оборотовъ у Кар. Послов. 297—311.

Съ переходомъ къ условности:

„куд год ходила, сретна била; кад плакала, бисер ти ишао из очију место суза, и кад говорила, ружа ти златна из уста излазила", Караdж. Прип. 176 (пожеланіе);

Била здрава глава моја (=пусть будетъ, если будетъ),
Родиће ми љуба сина;
Била крепка мишка моја
А и остра ђорда моја,
Сјећи ће ми сабља Турке;
Био собом јунак добар,
Бићу стиман у дружину. Кар. П. I 182—3.
См. также Mikl. Gr. IV, 802—3.

Въ „здоров був" и серб. „живио" и т. п. нѣтъ и никогда небыло никакого особаго обозначенія желательности, въ родѣ „бодай" или „а

бы“ [1]), и тѣмъ неменѣе желательное наклоненіе явственно, а предполагаемое имъ прошедшее изъявительнаго наклоненія настолько затемнено, что мы о немъ вовсе недумаемъ, что и служитъ признакомъ образованія изъ него новой формы: „здоровъ був“ значитъ уже не „(чтобъ) ты былъ уже здоровъ“, а только „будь здоров“ теперь и вообще.

В. Въ русскихъ памятникахъ до XIV—V вѣка быхъ съ прич. -лъ въ условно-желательномъ значеніи еще вполнѣ обычно какъ глаголъ,
193 правильно спрягаемый по всѣмъ лицамъ и числамъ: аж быхомъ что тако учинили, того Богъ недай, Смол. гр. 1229; аже бы ты у своемь слове стоялъ а нашю братию проводилъ бы, мы быхомъ непоминали того коня;... то есть тобе, княжо, достоино, аже бы тые люди казнилъ, както бышь инии людье боялися, кто лихую думу поддаваеть.. у кого купишь, тому заплати, то они бышь на тя нежяловали, Грам. Рижанъ ок. 1300, Русско-лив. Ак. № 49; а нынѣ а бысте пустили жито у Полотеско, нач. XIV в., ib. 38. Игорь.. соймя шоломъ, погна опять къ полкомъ того дѣля, что быша познали князя и возворотилися быша, Ип. 131; посылахуть въ Новгородъ изъ Тръжку, что быша Новгородци всѣли на коня въ Торжекъ, Новг. I, 80; што ѥсте просили насъ, а быхомъ васъ пустили до Лучька търговатъ.. Гр. Кестутя и Любарта 1341, Срезн. Др. пам.; штобы (союз.) ваша милость нашихъ Полочанъ к собѣ пускали, бымо промежъ себе торговали, Полоц. гр. 1465, Р. лив. ак. и мн. др. И теперь быхъ какъ глаголъ, въ сочетаніи съ -лъ живетъ на одной изъ окраинъ русскаго языка, въ горахъ юго-восточной Галиціи: „рубав бых калиноньку, невмію; корняв бых (отдалъ бы за мужъ?) свою дочку, несмію“, Голов. Пѣсни. II, 129, его же Грам. 160. При этомъ остается пока вопросомъ, удержалось ли здѣсь это быхъ непрерывно отъ того времени, когда оно было свойственно всему русскому языку, или же есть позднѣйшее заимствованіе изъ словацкаго? Возможно, что сосѣдство словаковъ только помогло удержанію формы, непереставашей быть въ тѣхъ мѣстахъ русскою.

Весьма рано, во всякомъ случаѣ непозже XIV вѣка, рядомъ съ этимъ быхъ, въ качествѣ глагола, совмѣщавшимъ въ себѣ предикативную силу (изв. рода отношеніе къ лицу и числу, впрочемъ безъ отношенія ко времени) съ отношеніемъ къ наклоненію, является въ рус-

---

[1]) Другое мнѣніе - см. Jagić, Primjetbe k sintaksi, Književnik II 1865: что оборотъ „недао Бог!“ (=недај Бог) возникъ посредствомъ опущенія би и союза да, это авторъ заключаетъ изъ поль. dał by to bóg“ и изъ того, что въ серб. хорв. сначала— только обороты съ да бы, потомъ, сначала изрѣдка, далѣе все чаще случаи „скраћенога моћнога начина“ безъ да би. Но, замѣчу, обороты съ бы и безъ бы могутъ несоставлять одного ряда и, съ самаго начала, восходящаго для „яру ми было“, εἴθε μοι γένοιτο къ XI в. (Mikl. Gr. IV 802), могутъ выражать различные оттѣнки мысли.

скихъ памятникахъ бы, какъ союзъ, отличающееся отъ глагольнаго быхъ двумя внѣшними признаками:

а) тѣмъ, что оно перестаетъ согласоваться съ причастіемъ -лъ и подлежащимъ: аже бы (т. е. язъ) лиха хотѣлъ, то что бы ми годно (было), то же бы створилъ, Ип. 16 (219); недошедшимъ же имъ города Сохачева, и думахуть о взятьи его, а бы (вм. а быша) въ землю глубоку невходили, Ип. 209 (584);

б) тѣмъ, что при прич. -лъ появляется настоящее время ѥси, ѥсте; 194
это служитъ видимымъ знакомъ того, что отъ стоящаго тутъ же „бы" отошла его предикативная сила и оно осталось только при модальномъ значеніи: „аще бысте человѣци (былѣ, Ип.), то въ дне бы есте пришли (ходили), Лавр. 84; немогу поѣхати одинъ, а полкъ мой пѣшь; вы бы есте мнѣ повѣдалѣ дома, же дотолѣ ити, Ип. 135 (440); то же часто въ Новг. I лѣт. по акад. сп., напр.: биша челомъ архиепископу: „что бы еси, господине, благословилъ дѣтей своихъ Великій Новъградъ, чтобы господинъ нашъ В. Н... нелюбья отдалъ а насъ бы приялъ въ старину. И владыка Іоаннъ благослови Великій Новъградъ дѣтей своихъ: „чтобы есте, дѣти, мое благословеніе пріяли, а Псковичемъ бы есте нелюбья отдали, а свою братью молодшую пріяли бы есте по старинѣ... были бысте за единъ братъ, Новг. I, 97; а что еси.. отнялъ.. Заволочье... а того бы еси.. (с)ступился, ib. 98; часто въ Пск. I и московскихъ и западно-русскихъ пам. XV—XVI в.: абы еси о томъ довѣдался.. ты бы еси велѣлъ то намъ оправити, 1456, Ак. З. Р. I, 71; неоднова къ тобѣ наказывали, што-бы еси то намъ направилъ, 1501—6, ib. 229; просили насъ, абы есмо имъ вси тые права и доброволенства.. потвердили, 1511, А. З. Р. II, 87; а ты бы, пане Яне, и рада государя вашего такъ же бы есте хотѣли межъ государей доброго дѣла, ib. 240; а пили бы есте бережно, не допьяна, ib. 308. Возможно, что примѣры „бы ѥсмь -лъ", „бы суть -ли" если и встрѣчаются, то значительно рѣже, чѣмъ бы еси -лъ, „бы есте -ли".

Совершенно то-же находимъ еще теперь въ одномъ моравскомъ говорѣ, близкомъ къ польскому (dž; c=ть, o=á; ch въ stracilach): musela by sem, Suš. Mor. P. 226; aby sem cě opuscila, ib. 229; aby sem našla, ib. 240. Тѣмъ съ большимъ основаніемъ можно думать, что хотя бы 195
собственно польскихъ сочетаній by jeśm, by jeś небыло найдено, но именно они лежатъ въ основаніи польскихъ by-m, by-ś, by, by-śmy, by-ście, by, смѣнившихъ въ XVI вѣкѣ старинныя bych, by, bychwa, bysta, bychmy, bychą. И тамъ, гдѣ какъ въ Силизіи и у Подгалянъ сохранилось bych, byk, второе лицо един. ч. byś неможетъ быть возведено ко 2-му лицу аориста бы, и предполагаетъ сочетаніе by-jeś; равно и 3-е л. мн. by — не изъ быша или неизвѣстнаго въ ст.-сл. и др. р. бѫхѫ, а изъ ставшаго союзомъ бы съ опущеннымъ

вспомогательнымъ глаголомъ. Польское bym нелишено значенія и для спеціальнорусской грамматики, такъ какъ югозападнымъ млр. говорамъ свойственно був-бим, -бись, -би, -бисьмо, -бисьте, -би: Ой ко-б була-сь (=коби-сь була, из ко-бы была єсь, ко-бы єсь была), мати, знала таку мою долю, Ти (-б) була-сь мня утопила малов дітиною, н. п. (Mikl. IV 811).

Болѣе внутренній признакъ перехода предикативнаго быхъ (-лъ) въ союзъ бы состоитъ въ такой тѣсной связи этого бы съ другою предшествующей частицей, что бы получаетъ новое значеніе не само по себѣ, а въ связи съ этою частицею. Таковы напр. значенія въ лише бы, лишь бы (поль. byle by), только бы (серб. само да), хотя-бы (поль. by), абы, [которое въ нынѣшнемъ своемъ значеніи встрѣчается уже въ древнихъ русск. пам.: „а дѣтя крестяче дати причастье, любо си и неприношено на вечернюю или на часы, абы на обѣдню“, Впраш. Кюр. Калайд. Пам. 179; (писецъ говоритъ о своей работѣ:) аще ся кому и медлено створило, абы по скончаньі что видѣтии і слышати сладко; 1296, Бусл. И. Хр. 83], чьто-бы (вр. штобы, штобъ, мр. щоб), како бы (вр. как-бы, кабы, мр. зап. коби), мр. якби, пол. чеш. o-by.

Въ этомъ видѣ бы разрываетъ ту связь съ причастіемъ на -лъ, въ которой возникло его условно-желательное значеніе, и получаетъ возможность присоединяться къ другимъ формамъ: „лишьбы выйти за мужь“, лишь-бы путній попался“. Изъ этой отдѣлимости бы отъ причастія неслѣдуетъ, конечно, чтобы нынѣшнее русск. чтобы-сдѣлалъ и т. п. небыло одною грамматическою формою. Это въ томъ же смы-
196 слѣ одна форма, въ какомъ падежъ съ предлогомъ есть въ сущности одинъ падежъ.

Сказанное здѣсь несовпадаетъ со взглядомъ Буслаева, у котораго читаемъ: „Вездѣ, гдѣ бы ни встрѣтился союзъ бы, онъ относится къ глаголу и составляетъ вмѣстѣ съ нимъ наклоненіе условное [1]). Такимъ об-

---

[1]) Несовсѣмъ такъ, ибо этотъ союзъ въ млр. и блр. входитъ въ составъ мѣстоименій и нарѣчій: абйхто, абйщо, абйякий, абйяк, абйчий, абйде, абйкуди, блр. абыхто и пр. Сюда неотносится блр. абыдзєнь, нар. въ теченіе одного дня, абыдзённый, въ одинъ день и пр. (Слов. Носовича), гдѣ ы этимологически неправильно, такъ какъ эти слова произошли изъ обидьнь, гдѣ оби предлогъ=объ, обь (скр. abhi). Абйхто и пр. потеряли всякое отношеніе къ условному наклоненію, напр. „прийде абихто (первый встрѣчный), тай порядкує“. Бы входитъ въ составъ частицъ будьто-бы, якобы, служащихъ для выраженія сомнительности и мнимости и сочетаемыхъ съ изъявительнымъ: „сказали, будто бы онъ умеръ“. Поль. niby (Mikl. IV, 181), млр. нібы и бы входятъ въ болѣе тѣсную связь съ глаголами и именами, сообщая имъ оттѣнокъ quasi: сіла та-й ні-би-шиє; сіла и давай-бято шити, Кв. Въ свз. млр. бы становится сравнительнымъ союзомъ: (ср. Mikl Gr. IV, 812—3 гетым нас уже пєпудманєш, бы той лицьвинъ свого пана (т. е. пудманувъ); добре лгау, бы гето ты (лжеш); съ именами: зробину з соломы бы-чоловјека (т. е. подобіе человѣка, куклу), Заблудовье, Этн. Сб. III. Ср. с. вр. „Молодцы бы на коняхъ бы свѣчи де горятъ, кони подъ ними бы соколы бы летятъ, Рыбн. III, 121.

разомъ, самые союзы: что-бы, дабы, если-бы, древн. абы, ажебы, аж-бы состоятъ собственно изъ союзовъ что, да, если, а, аже и глагола бы, входящаго въ составъ описательной формы прошедшаго условнаго; напр. выраженіе „чтобы пришелъ“ разлагается на союзъ что и условное прошедшее „пришелъ бы“. Поэтому эти союзы употребляются съ прошедшимъ временемъ, а не съ настоящимъ и будущимъ, Гр. § 194. Древне-русское „чьто бы пришьлъ“ дѣйствительно разлагается на союзъ чьто и желательное бы пришьлъ, коего предика- 197
тивное свойство и наклоненіе зависитъ отъ глагола бы; но нынѣшнее „чтобъ пришолъ“, „щоб прийшов“ возникло изъ этого древняго вовсе не прямо, а черезъ посредство „чтобы (есть) пришолъ“ и пр., въ коемъ глагольность зависитъ отъ ѥсть пришелъ, вовсе неимѣющаго условнаго или желательнаго значенія, а желательность отъ чтобы, въ коемъ бы уже вовсе неесть глаголъ.

„Употребленіе упомянутыхъ союзовъ исключительно съ прошедшимъ временемъ“ есть недомолвка въ виду оборотовъ „пойти бы“, „что бы пойти“, въ коихъ, кромѣ самого бы, нѣтъ никакого слѣда прошедшаго времени.

Г. Сослагательность, первоначально несвойственная славянскимъ языкамъ и до нынѣ легко изъ нихъ устранимая, въ малой мѣрѣ проникаетъ въ цсл. памятники изъ греческаго и въ гораздо большей изъ латинскаго въ книжный языкъ чешскій, польскій, а изъ него въ западнорусскій, уже начиная съ XIV в.

а) Такъ какъ условные союзы, каковы ст.-сл. аще, др.-рус. аже (изъ а оже), даже (изъ да оже, въ зн. если), аче, даче (да аче), ачи (аче и), позднѣйшіе русск. если, (изъ есть ли) ежели, област. „есть-когда“ (=если), буде и пр. сочетаются нетолько съ условными формами глагола, но и съ изъявительными; то условность формы быхъ -лъ есть нѣчто отличное отъ условности союзовъ и независимое отъ нея. Условность

Заслуживаетъ упоминанія, но не подражанія, попытка Гоголя внести условное наклоненіе въ область имени, посредствомъ употребленія бы въ причастныхъ (безглагольныхъ) придаточныхъ предложеніяхъ: Спитъ умъ, можетъ быть обрѣтшій бы внезапный родникъ великихъ средствъ (М. Д.). Боже! и погубить такъ безжалостно лучшіе годы своей юности, истребить, погасить искру огня, можетъ быть теплившагося въ груди, можетъ быть, развившагося бы теперь въ величіи и красотѣ, можетъ быть, также исторгнувшаго бы слезы изумленія и благодарности (Портр.). Но нетакъ, какъ иностранецъ, преданный одному Титу Ливію и Тациту, бѣгущій мимо всего къ одной только древности, желавшій бы въ порывѣ благороднаго педантизма срыть весь новый городъ,—нѣтъ, онъ находилъ все равно прекраснымъ (Римъ). Самые поступки духовенства, часто соблазнительные, произведшіе бы въ другихъ мѣстахъ развратъ, почти недѣйствуютъ на него (народъ) (ib.).. Пироговъ, увѣренный, что нѣтъ красоты, могшей бы ему противиться (Нев. Просп.). Такъ погибъ... бѣдный Пискаревъ... носившій въ себѣ искру таланта, быть можетъ, со временемъ бы вспыхнувшаго широко и ярко (ib).

значенія формы быхъ -лъ въ древнемъ языкѣ есть отрицаніе дѣйствительности событія, съ одной стороны несовпадающее со значеніемъ, сообщаемымъ отрицательною частицею не, съ другой—отличимое отъ сомнительности и зависимости отъ личнаго взгляда, заключенной въ конъюнктивѣ. Во многихъ случаяхъ, гдѣ изображеніе уславливающаго событія требуетъ сослагательнаго наклоненія въ греческомъ и латинскомъ, въ ст.-сл., др.-рус., сербскомъ уславливающее событіе представляется дѣйствительнымъ, при чемъ условность союза совмѣщается съ изъявительностью наклоненія.

Польскій языкъ, сохраняя возможность ст.-славянскаго и, какъ можно думать, древняго общеславянскаго оборота съ изъявительнымъ при
198 условномъ союзѣ, подъ вліяніемъ латинскаго и нѣмецкаго ставитъ здѣсь и условное съ бы. Тоже и въ чешскомъ. Литовско-лотышское условно-желательное наклоненіе (Schleicher, Lit. Gr. § 107, 139, 155—7; Bielenst. Lett. Gr. §§ 309, 722—7), построенное совершенно иначе чѣмъ славянское, въ функціональномъ отношеніи весьма сходно съ послѣднимъ, такъ что если литовскій переводъ иногда отклоняется отъ ст.-сл. въ употребленіи этой формы, сходясь съ нѣмецкимъ, латинскимъ, нов.-польскимъ, то это слѣдуетъ приписать вліянію этихъ языковъ.

Вотъ нѣсколько слав. примѣровъ условныхъ союзовъ съ изъявительнымъ наклоненіемъ, большею частью, но не непремѣнно въ настоящемъ со значеніемъ будущаго:

Никъто же бо неможеть знамении сихъ творити, аще не бѫдеть Богъ съ нимь, О. Ев. Іо. 3, 2. Такъ непремѣнно въ нынѣшнемъ русск. лит.: если небудетъ съ нимъ, если Богъ не (есть) съ нимъ; въ серб. ако није; въ латыш. тоже ja ne ir; но въ польс. переводѣ, несмотря на возможность и правильность „jeśli niejest, niebędzie“ стоитъ "jeźliby niebył; въ чеш. leč by byl" (= развѣ, если бы былъ), въ литов. jej ne butu (усл.); въ греч. ἐάν μη ᾖ, лит. nisi sit. Въ нынѣшнемъ русскомъ мы здѣсь еще живо чувствуемъ, что наше условное наклоненіе неесть сослагательное, т. е. что изъявительность въ выраженіи заключенія влечетъ за собою изъявительность условія (неможетъ, если неесть), и наоборотъ, только условность заключенія требуетъ условности условія: „немогъ бы, если бы небылъ“.

Аще къто неродитьсѧ съвыше, неможеть вѣдѣти (= видѣти) цѣсарьствия Божия, ib. Іо. 3, 3; аще къто неродитьсѧ водоѭ и духъмь, неможеть вънити въ цѣсарьство Божиѥ, ib. 3, 5; русск. если неродится; серб. ако се нероди; въ чеш. въ обоихъ мѣстахъ по-славянски: nenarodi-li-se; такъ и въ литов. jej ne użgims (буд. изъяв.) и въ лот. ja
199 ne ir pêdzimis (если не родился), ja ne pêdzem; но въ польскомъ, хотя въ одномъ мѣстѣ jeźli się nienarodźi, въ другомъ—jeźliby się nienarodźił = ἐάν μή γεννηθῇ, nisi genitus sit v. fuerit.

Аще къто сънѣсть отъ хлѣба сего, живъ бѫдетъ въ вѣкъ, ib. Io. 6, 51; русск. кто съѣстъ, вкуситъ; серб. могло бы быть „ко jеде“; чеш. bude li jísti; литов. kas wálgis (буд. изъяв. безъ союза); лат. ja kas êd (если кто ѣстъ); но въ пол. jeżli by kto jadł, ἐὰν φάγῃ, si quis ederit. Ниже въ такомъ же случаѣ и въ польскомъ изъявительное: „аще не ѣсте.. и пиѥте.. живота неимате“, ib. Io. 6, 53, jeżli niebędziecie jedli, чеш. nebudete li jísti, лит. jej newálgisit (буд.), лот. ja ne êdat, при ἐὰν μὴ φάγητε, nisi ederitis.

Аще же съгрѣшить (ἐὰν ἁμαρτήσῃ, si peccaverit) къ тебѣ братъ твои.. обличи и.. аще ли тебе послушаѥтъ (ἐὰν ἀκούσῃ, si audierit) приобрѧштеши (будущ. несмотря на ἐκέρδησας, lucratus es) брата своѥго; аще ли непослушаѥтъ (ἐὰν μὴ ἀκούσῃ, si non audierit) ихъ рьци цьркъви; аже же и о црькъви нерадити начьнетъ (ἐὰν παρακούσῃ, si audire neglexerit), да бѫдеть ти яко язычьникъ и мытарь, ib. Мат. 18, 15—17. Въ русскомъ и серб. здѣсь изъявительное; въ чешскомъ условное и рядомъ изъявительное: zhřešil liby, uposlechl li by, jestliže by pak neuposlechł и jestli že pak neuposlechne; произвольное смѣшеніе того и другого въ польскомъ: jeżliby zgrzeszył, jeżli cię nie usłucha; подобное смѣшеніе и въ литовскомъ переводѣ, но въ лотыш. изъявительное.

Въ слѣдующемъ мѣстѣ въ ст.-сл. настоящее изъявительнаго и тамъ, гдѣ мы теперь въ русскомъ поставимъ или условное, впрочемъ, по общему правилу, и въ условіи и въ заключеніи, или будущее изъявит.: „сѫтьже и ина мънога, яже сътвори Іисусъ, яже аще по ѥдиному писана бываѭть (ἐὰν γράφηται) ни самому, мьнѭ, миру вмѣстити (ѥсть) пишемыихъ кънигъ“, Io. 21, 28.

Такъ и въ русскихъ памятникахъ, вѣрныхъ строю языка: изъявительность условія при изъявительности, повелительности или дебитивности условленнаго: „ажь оубьѥть моужь моужа, то мьстити братоу брата“; „аже кто оударить мечьмь а неоутьнеть на съмьрть...“; „и ли пьхнеть моужь моужа... то... (Русск. Пр); „Што съ лицомъ приведуть татя, будеть ли мочи чимъ платити, ино заплатити истинну... А пакъ ли злодѣй неимѣти будеть, чимъ платити, ино и лица у дворъ неимать, воротити истьцю, у кого украдено“ (Судебн. Казим. Ягайловича 3468, А. З. Р. I, 80—1).

Въ отличіе отъ этого въ западнорусской письменности въ условіяхъ ставится сочетанія съ бы при изъявительности или дебитивности заключеній:

Естли бы хрестьянинъ жида забилъ, маетъ быти каранъ, яко винный... Естли бы хрестьянинъ жида вдарилъ такъ, яко бы криви нерозлилъ, маетъ на немъ вина быти... Естли бы хто калъ (s. вм. какъ) на школу жидовскую металъ, тотъ маетъ старостѣ нашому заплатити два фунты перцу и т. д. (Гр. Витовта 1388, А. З. Р. I, № 9).

А коли бы два мѣли ся правовать... ино учинити имъ рокъ... а который бы изъ дву тыхъ сутяжаевъ невыѣхалъ, тотъ безъ суда виноватъ и пр. (Судебн. Казим. Ягайловича 1468, ib. 83). А коли бы кто коня а любо клячю знашолъ блудящюю... ино оповѣдати околици (ib., но и много случаевъ безъ бы=а коли украдуть... а пак ли который што утаить...).

Кгды бы нѣкоторый съ земянъ.. былъ обвиненъ чрезъ Русина.. таковый ма быть позванъ... 1501, ib. 224.

200 б) Латинскій conjunctivus въ независимыхъ вопросительныхъ предложеніяхъ, какъ quis hoc credat, quis dubitet quin in virtute divitiæ sint, quid enumerem artium multitudinem, передается, или русскимъ изявительнымъ наклоненіемъ личнымъ („кто этому повѣритъ", кто станетъ сомнѣваться"), или дебитивнымъ (есть съ неопредѣленнымъ: „зачѣмъ мнѣ перечислять"). Наше „кто этому повѣритъ?" объективно значитъ въ этомъ случаѣ, что „никто этому неповѣритъ". Между тѣмъ, поставивши здѣсь русское условное, получимъ объективное значеніе, совершенно несогласное съ такимъ же значеніемъ лат. конъюнктива: выраженія „кто бы этому повѣрилъ?", „кто бы сталъ сомнѣваться?", „зачѣмъ бы мнѣ перечислять?" собственно говоря, значатъ, что если-бы даны были такія-то условія, то никто бы неповѣрилъ, никто бы несталъ сомнѣваться, я бы несталъ перечислять; но такъ какъ этихъ условій нѣтъ, то теперь вѣрятъ, сомнѣваются, я перечисляю. Русское „кто бы могъ этому повѣрить?" значитъ не то, что никто этому неможетъ повѣрить, а то, что такъ бы было (никто немогъ бы повѣрить) при обыкновенныхъ условіяхъ, такъ бы должно быть по видимому, а между тѣмъ приходится вѣрить. Въ отличіе отъ этого въ чешскомъ, хотя сохраняются обороты, общіе этому языку съ русскимъ и, какъ я полагаю, согласные со строемъ древняго общеславянскаго языка (což mám učiniti? jak tebe nemilovati?, какъ и въ пол.); но есть и другіе на латинскій ладъ: kdož by se ne bál tebe, Pané? hřimali, i kdož by se ne děsil? (Zikm. Skl. § 258, 2), что должно значить не то, что всякій бы боялся, если бы... а то, что „всякъ боится". Впрочемъ возможно, что въ нѣкоторыхъ относящихся сюда случаяхъ чеш. яз. самостоятеленъ, ибо и въ сербскомъ находимъ такіе же обо-
201 роты: „Боже сочувај! како бих ја оставио тако свога побратима? Карадж. Прип. 216; како би он царски син узео говедарску кћер.? ib. 219.

в) Подобнымъ образомъ и тамъ, гдѣ латинское сослагательное въ зависимыхъ вопросительныхъ предложеніяхъ изображаетъ вопросъ, какъ рѣчь, или мысль лица, указаннаго главнымъ предложеніемъ, напр. videamus primum, deorum ne providentia mundus regatur? quaeritur, quot sint genera rerum expetendarum? difficile dictu, quaenam causa sit, cur.. мы на мѣстѣ сослагательнаго должны поставить изъявительное

(„спрашивается, какая (есть) причина..?"), ибо выраженіе „спрашивается, какая была бы причина?" заключаетъ въ себѣ вопросъ не о существованіи причины, а о ея возможности, если-бы было нѣчто другое. Непохоже на плодъ самостоятельнаго развитія языка то, что именно въ такихъ случаяхъ встрѣчается условное въ смыслѣ сослагательнаго въ цсл., польскомъ и чешскомъ:

Вьниде же помышлениѥ вь нѧ, къто ихъ вѧштеи би былъ, Марьин., Зогр. ев. Лук. 9, 46; *τίς ἂν εἴη μείζων,* quis esset.

Недоумѣхѫ, чьто бѫ отъвѣштали ѥмоу, Марьин. Марк. 14, 40; *τί αὐτῷ ἀποκριθῶσι,* quid responderent.

Глаголаахѫ дроугъ къ дроугоу, чьто бишѧ сътворили Исви, ib. Лук. 6, 4; можетъ быть оправдано, если понято, какъ желательное: *τί ἂν ποιήσειαν,* что бы (желательно было) сдѣлать.

Съвѣтъ творѣхѫ нань, како и бѫ погоубили, ib. Марк. 3, 6; *ὅπως αὐτὸν ἀπολέσωσι,* какъ погубить, или въ желательномъ смыслѣ, „чтобы" (ut perderent) v. какъ бы погубить.

Искаахѫ, како и бѫ погоубили.. како и бѫ оубили, ib. Марк. 11, 18; 22, 2.

Чеш. tázal se jich, kdeby se Kristus měl naroditi, Матө. 2, 4, польск. dowiadował się od nich, gdźie by się miał narodźić, ubi nasciturus esset, что, буквально переведенное на русскій, получило бы не то значеніе, которое въ „въпрашааше ѩ, къде хсъ раждаѥтьсѧ", гдѣ имѣетъ родиться, гдѣ долженъ дѣйствительно родиться, а другое, ошибочное: „гдѣ бы ему выбрать мѣсто для рожденія (когда онъ родится)", или „гдѣ бы по настоящему ему слѣдовало родиться" (если онъ родится).

Чеш. pilně se jich vyptával, kterého by se jim času hvězda byla ukázala, Матө. 2, 7, quo tempore stella apparuisset. Въ польскомъ безъ by, что лучше: „o czasie, którego się gwiazda ukazała. Кажется, въ употребленіи здѣсь въ польскомъ то изъявительнаго, то условнаго въ смыслѣ сослагательномъ, руководитъ случайность, которая была бы устранена съ устраненіемъ подражанія латинскому, или съ совершеннымъ подчиненіемъ этому языку.

Другіе чешскіе примѣры см. у Zikm. Skl. 634—5 и 406: vyptával se, 202
bylo liby to tak v pravdě (въ самомъ ли дѣлѣ это такъ)? otázal se, viděl li by co (т. е. видитъ ли что? невидитъ ли чего?); mysliti potřebí, zda by jak napraveno býti mohlo, т. е. можно ли какъ либо исправить; русское „нельзя ли бы было", „можно ли бы было исправить" предполагаетъ умолчаніе условія „если бы было то-то". Въ литовскомъ и латышскомъ въ числѣ оборотовъ, употребительныхъ въ вопросительныхъ зависимыхъ предложеніяхъ, нѣтъ условнаго наклоненія; но нѣкоторымъ соотвѣтствіемъ конъюнктиву служитъ причастіе или дѣепричастіе безъ

глагола (klausė jus, kur Kristus užgimsęs, Матѳ. 2, 4), о чемъ уже выше была рѣчь по поводу подобныхъ славянскихъ оборотовъ (стр. 223-7).

Въ ст. южно-русс. письм.: „пыталъ есмы того вязня, хто би былъ?" Арх. Юз. Р. III Ак. о коз. I, 60, 1593. У Гоголя: „Любопытно бы однакоже знать, кто бы такая была писавшая? (М. д.=кто такова).

г) На мѣстѣ латинскаго сослагательнаго въ придаточныхъ предложеніяхъ, начинающихся съ quicunque и пр., напр. „Mithridati rex permisit, ut, quodcunque vellet, liceret impune facere", и въ русскомъ можетъ стоять „бы -лъ", но непременно въ сочетаніи съ ни: „что бы ни захотѣлъ сдѣлать", „все, чего бы ни захотѣлъ", „кто бы ни былъ" „что бы ни было" и пр. Русскій оборотъ и здѣсь остается чисто-условнымъ. Имъ выражается всестороннее отрицаніе условій, указывающее на безразличность этихъ условій по отношенію къ уславливаемому: „чего бы ни захотѣлось, все явится"=„захотѣлось ли бы того, другого, третьяго и т. д., все"..

То-же самое ни, послѣ мѣстоименій и мѣстоименныхъ нарѣчій съ изъявительнымъ, даетъ концессивное значеніе: „чего ни захочется, все.."=„пусть захочется того, другого и т. д., все..". Общему „что ни будь" соотвѣтствуетъ частное „будь что (срв. буд за што купио,— за безцѣннокъ). Что ни есть ср. съ „Вы свезите -тко въ какое е селенье, Барс. Прич. I 259.

Когда говоримъ „что бы ни случилось, надѣйтесь на меня", то наше условное заключаетъ въ себѣ не отрицательный смыслъ, какъ можно бы думать, судя по тому, что условность есть отрицаніе дѣй-
203 ствительности, а положительный: непремѣнно что нибудь случится. Такое значеніе вытекаетъ изъ того, что русскій оборотъ, благодаря ни, исчерпываетъ весь кругъ возможныхъ условій. Безъ ни получилась бы только недѣйствительность одной изъ этихъ случайностей. Въ отличіе отъ этого въ чешскомъ находимъ условное при ktož, ktožkoli нетолько въ этомъ послѣднемъ значеніи, тамъ, гдѣ условное безъ ни умѣстно и въ русскомъ („to kdož by pravil, v hrdlo by lhal", кто бы это сталъ говорить, если бы кто сказалъ это, солгалъ бы), но и тамъ, гдѣ безъ ни при мѣстоименіи въ русскомъ необходимо изъявительное: „kdož by cinil vůlí boží, tent' jest bratr můj. Здѣсь въ русскомъ условное значило бы не „кто творитъ" и не „кто бы ни творилъ", а „кто творилъ бы, если бы... но въ настоящую минуту нетворитъ". „Kdož by koli jedno z takových dítek přijal ve jmenu mém, mnet', přijímá и пр. Марк. 9, 37; такъ и въ польскомъ переводѣ „kto by przijął"; по русски возможно только „кто приметъ", такъ какъ „кто бы принялъ" означаетъ лишь возможность принятія при существованіи условій. Другіе чешскіе примѣры см. у Zikm. Skl. стр. 400, а).

Въ ст. западнор. письменности:

А хто бъ мѣлъ нарушити, розсудится со мною въ день судный, Гр. Олиз. Кирдѣевича 1483, А. З. Р. I, 104. Между тѣмъ въ этой обычной формулѣ русскій оборотъ—съ изъявит.: „даже кто запъртить или тоу дань и(ли) се блюдо, да соудить ѥмоу Богъ, Гр. Мстисл. 1130 г.; „а хто се слово наше порушитъ а иметъ въ тые имѣніа вступатися, розсудится со мною предъ Богомъ, Кіев. гр. 1446, А. З. Р. I, 60.

Мы Александръ.. ознаймуемы черезъ тотъ нашъ листъ всимъ тымъ, которымъ бы была потреба, 1492, ib. 120. Раньше этого времени и позже въ этой формулѣ бываетъ изъявительное: „даемъ вѣдати кождому.. комужъ того будетъ потреба вѣдати, ib. 68, 144.

Есте прирекли, естлибы Богъ отця нашого, короля, невховалъ, тогды иного господаря немѣли есте мѣти, нижьли сына его... который бы былъ (=который будетъ) господаремъ на вел. княжьствѣ Литовскомъ, 1492, ib. 115.

д) Въ латинскомъ ставится сослагательное въ придаточныхъ, начинающихся съ относительнаго мѣстоименія, при главномъ предложеніи съ quis и nemo (nullus, nihil) и глаголомъ esse, existere, reperiri, inveniri и пр., напр. quis est, qui hoc dicere audeat? nemo est, qui possit; nihil est, quod tam miseros faciat, quam...". Въ новомъ русскомъ, согласно съ вышесказаннымъ, можно бы ожидать только оборотовъ въ родѣ „нѣтъ никого такого, кто можетъ.."; въ стар. русс., какъ и въ ст. чешскомъ, въ подобныхъ случаяхъ мы видѣли причастіе безъ глагола „нѣсть къто донеса", а ниже разсмотримъ случай съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ (нѣ-кому принести). Но въ русск. литерат. мы здѣсь находимъ, кромѣ вышеупомянутаго, съ нѣтъ (небыло, небудетъ) въ главномъ предл., и съ относительнымъ словомъ и бы въ придаточномъ: „нѣтъ человѣка, который бы за собою неимѣлъ какихъ нибудь грѣховъ", Гог.; нѣтъ (нѣтъ ли, незнаете ли и пр.) такого (v. того), ктобы съумѣлъ (v. несъумѣлъ)..; нѣтъ города, гдѣ бы было тото (v. небыло того-то), куда бы..; нѣтъ того дня, когда бы было (v. небыло).. Общею замѣною этихъ относительныхъ словъ служитъ что бы (и въ мр. щоб): „уже прошли тѣ времена (=нѣтъ тѣхъ временъ), что бы (=когда бы) нѣсколько сорванцовъ могли возмутить цѣлое государство", Гог. Переп.

Съ этимъ сроденъ оборотъ со „чтобы.. -лъ" при главномъ сказу- 204
емомъ съ отрицаніемъ, весьма распространенный, въ иныхъ случаяхъ правильный, соотвѣтствующій латинскимъ „non dubito, quin", „dici non potest, quin" съ сослагательнымъ. Въ иныхъ случаяхъ онъ отдаетъ подражаніемъ, напр. „всякой галантомъ неможетъ парировать, чтобъ онъ въ жизнь свою неимѣлъ никогда дѣла съ такимъ человѣкомъ" Фонвиз. (=что небудетъ имѣть..); Ле-Брюнъ немогъ равнодушно слышать, чтобы говорили о Ле-Сюеровыхъ картинахъ, Карамз. (Бусл.

Гр. § 272 б) β)=когда говорили. „Никто несомнѣвался, что бы за нимъ неосталось первенство [Гог. Портр., ошибочно, вм. „никто несомнѣвался (=всякъ былъ увѣренъ) что за нимъ останется первенство]. „Одиссея захватываетъ весь древній міръ... Словомъ, трудно даже сказать, чего бы не обняла Одиссея или что бы въ ней было пропущено“ (Гог. Переп. съ др.=чего необнимаетъ, что пропущено). Но находимъ и у Пушкина: „неслыхивалъ, чтобъ рыба говорила“; у Гоголя: я еще въ жизни неслыхивалъ, чтобы собака могла писать (=что можетъ); непохоже на то, что бы ей было восемнадцать лѣтъ (= что ей). Что бы въ значеніи будьто (отрицаніе дѣйствительности явленія, вопреки его вѣроятности): „вѣдь я, говоря о женѣ моей, неговорю того, чтобъ она всѣхъ была глупѣе“ Фонв. („что она глупѣе“ значило бы, что по мнѣнію говорящаго она такова, что противорѣчило бы отрицательности главнаго сказуемаго „неговорю“). „Отъ сапогъ его, у насъ никто нескажетъ въ цѣломъ хуторѣ, чтобы слышенъ былъ запахъ дегтя.. никто нескажетъ также, чтобы онъ когда либо утиралъ носъ полою своего балахона“, Гог. Веч. (=будьто слышенъ, будьто онъ утираетъ). „Несоглашался съ профессоромъ, чтобы старинные мастера такъ недосягаемо ушли отъ насъ“, Гог. Портр. „Самъ стиховъ давно и нечитаю, непотому, чтобъ нелюбилъ стиховъ, А такъ.., Лерм. „Мертвыя души непотому такъ испугали Россію и произвели такой шумъ внутри ея, чтобы онѣ раскрыли какія нибудь ея раны или внутреннія болѣзни, и непотому, чтобы представили потрясающія картины торжествующаго зла и страждущей невинности. Ничего небывало!, Гог. Переп. Все это было мнѣ нужно не за тѣмъ, чтобы въ головѣ моей небыло ни характеровъ, ни героевъ: ихъ было у меня уже много (Гог. Авт. исп.), т. е. не потому, что небыло.

Изъ самого вр. будь-то, мр. неначе (изъ не-йначе), буцім, подъ вліяніемъ отрицательности или сомнительности главнаго сказуемаго возникаютъ: вр. будьто-бы, мр. неначе-б-то, буцім-би-то. Можно предположить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ здѣсь ставится, безъ всякой подражательности, бы -лъ не въ сослагательномъ значеніи, а въ условно заключительномъ съ умолчаніемъ условія: „нѣтъ такого, кто бы (который бы, что-бы) могъ сдѣлать то-то“ (если бы онъ былъ); онъ нетаковъ (т. е. не есть таковъ), чтобы могъ.. (если бы былъ таковъ);
205 польск. niema, doczego byś się mógł odwołać (gdy by było); niemam wiadomości której byś się ucieszył (gdy by była), Małec. Gr. § 736. Большею частью эти примѣры съ главнымъ предложеніемъ экзистенціяльнымъ [1]). Отсюда могъ этотъ оборотъ распространиться и на случаи съ

[1]) И нѣкоторые другіе оттѣнки условнаго наклон. въ русск. и польск. объясняются опущеніемъ подразумѣваемаго уславливающаго, напр. schylił się, bieży, rzekł byś (=какъ будьто, польск. млр. ніби), że derkacza tropi. Mick. т. е. собств. ты бы сказалъ это, ты бы подумалъ, если бы увидалъ его; отсюда развивается сравнительное

другими глаголами въ главномъ предложеніи, при чемъ предполагать опущеніе условія становилось все труднѣе и наличное условное все болѣе подходило къ тому сослагательному, образцы коего давались латинскимъ, французскимъ и пр. Такимъ образ. здѣсь развитіе извнутри встрѣтилось на половинѣ пути съ подражаніемъ. Русскій литер. языкъ и здѣсь сдержаннѣе польскаго и чешскаго. Такъ напр. несмотря на выше-приведенные примѣры (и неслыхивалъ, чтобы..), по-русски нельзя сказать вм. „nic mi o tem niepisze, żeby był chory (Małec. § 736), „не пишетъ, чтобы былъ боленъ“; необходимо: „что боленъ“. Въ чешскомъ до значительной степени согласно съ русскимъ: „není, kdoby činil dobře“, neměli, koho by se báli (нѣкого было имъ бояться, небыло такого, кого бы имъ бояться“, хотя нельзя сказать „кого бы боялись“); но рѣшительно противно обычаю русскаго языка „jest, kdo by ponizil, povýšil“ въ сослагательномъ смыслѣ. Zikm. Skl. 401, 403, 405.

Чтобы -лъ въ выраженіяхъ, какъ „невидать, неслыхать, чтобы 206
это было“ отъ предполагаемаго имъ желательнаго значенія сохраняетъ лишь весьма блѣдный слѣдъ.

Кажется, что на-встрѣчу этому обобщенію значенія чтобы, въ русскомъ идетъ расширеніе его употребленія на счетъ случаевъ, гдѣ въ ст.-сл. и сербскомъ стоитъ да съ изъявительнымъ: „тако подобаѥть възнестися сыну чловѣчьскууму, да вьсякъ вѣрующи вънь непогыбнеть (ἵνα μὴ ἀπόληται, ut non pereat), нъ имать (ἔχῃ, ut habeat) живота вѣчьнааго, О. Ев. Іо. 3, 15, серб. да не погине, да има, но въ русск. чтобы непогибъ, чеш. aby nezahynul, ale měl, польск. aby niezginął, ale miał, согласно съ чѣмъ и въ литов. съ желательнымъ: kad neprapultu, bet turėtu, между тѣмъ какъ въ лотышскомъ заключительный союзъ лай съ изъявительнымъ и желательнымъ, какъ и въ ст.-сл. нетолько да бѫдеть, но и да бы былъ.

Чеш. žeby, какъ видно изъ слѣдующаго, еще далѣе отходитъ отъ основнаго значенія желательности, чѣмъ русск. чтобы.

е) Въ латинской „oratio obliqua“ главное изъ придаточныхъ предложеній стоитъ въ accus. cum inf., а сказуемыя второстепенныхъ придаточныхъ. — въ конъюнктивѣ: Ennius non censet lugendam esse mortem, quam immortalitas consequatur. Въ нѣмецкомъ уже въ главномъ изъ придаточныхъ стоитъ конъюнктивъ или безъ изъяснительнаго союза, или съ нимъ. Этому образцу слѣдуетъ чешскій языкъ, ставя здѣсь въ

значеніе союза бы въ западно-малоруск.: „лгав, бы гэто ты“; stał poważnie, a rad by z radości podskoczyć, id. (т. е. онъ радъ бы, еслибы.., но этого еслибъ небыло, а потому получается значеніе „чуть не прыгаетъ..); sądziłbym że się panowie mylicie (вѣжливо), какъ и по русск. „я бы думалъ, что...“, т. е. если бы смѣлъ свое сужденіе имѣть, если бы вы позволили и т. п. (Małec. ib. § 739).

сослагательномъ смыслѣ žeby съ прич. *l*, при чемъ žeby получаетъ изъяснительное значенie:

Uslyšev, žeby Archelaus kraloval v Judstvu, místo Herodesa, obával se tam jíti, Мат. 2, 22, quum audisset Archelaum regnare, между тѣмъ какъ въ ст.-сл., серб., русскомъ и даже польскомъ возможно здѣсь только изъявительное съ изъяснительнымъ союзомъ: „яко царьствуѥтъ" и пр.

207 Když pak usyšel Ježiš, žeby Jan byl vsazen do žalaře, odšel, Мат. 4, 12, cum audisset Joannem traditum esse in custodiam, ст.-сл. яко прѣданъ бысть.

Tedy Herodes uzřev, žeby oklaman byl od mudrcû, rozhněval se, Мат. 2, 16, quum vidisset se illusum esse, ст.-сл. яко поржганъ бысть.

A oni slyšeli, žeby živ byl (т. е. что онъ живъ), см. Zikm. Skl. 408—9 411—12, 631. Такъ возможно въ поль. (iżby, żeby вм. iż. że), а отсюда и въ ст. западнорусской письменности; „естли бы хрестьянинъ нагабалъ жида, мовячи, ижъ бы ему свою заставу заставилъ, а жидъ бы ему того запрелъ, а хрестьянинъ бы ему нехотѣлъ вѣрити: ..жидъ ...маетъ ему то заплатити.. Если бы жидъ.. рекъ, ижъ бы позычилъ... (гр. Витовт. 1388, А. З Р. I. № 9). ...О которыхъ пыталъ ся по дорозѣ, .. чие (люде) бы они были и кому служатъ, и така дей ему справа дана, жебы мѣли быти люде украинные, козаки нѣякись, Ростопча изъ иншими, 1595. Арх. Ю.-З. Р. III, Ак. о Коз. I. 72.

Въ подобныхъ случаяхъ нынѣшній русскій языкъ или вовсе невидитъ основаній изображать событіе въ придаточномъ предложеніи сомнительнымъ, или выражаетъ сомнительность союзами, неимѣвшими никогда связи съ причастіемъ -лъ, или разорвавшими эту связь: услыхали, будьто (будьто бы, яко бы, млр. вост. буцім, буцім-то, неначе-б-то) онъ живъ.

ж) Въ чешскомъ еще сохраняется возможность общеславянскаго оборота съ изъявительнымъ въ придаточномъ предложеніи, изображающемъ событіе еще ненаступившее, послѣ частицъ, въ случаяхъ, соотвѣтствующихъ лат. конъюктиву послѣ dum, donec, antequam, priusquam; но въ немъ послѣ až (млр. аж=пока не), prvé nežli, dříve než и пр. встрѣчается уже и условное въ смыслѣ сослагательнаго: bud'te poddáni těm hejtmanům, až bych zpravu dal císaři (русск. пока не дамъ, млр. аж дам); a bojujte protiv nim, dokudž byste nevyhladili jich (р. пока не истребите), Zikm. Skl. 450—2. Гоголь и здѣсь ставитъ бы: „провозвѣдникъ.. долженъ выступить такъ передъ народъ, чтобъ... все бы подвигнулось еще прежде, нежели онъ объяснилъ бы (=прежде чѣмъ онъ объяснитъ) самое дѣло (Пер. съ др.).

Изъ этого обзора видно, что оттѣнокъ сослагательности, чуждый древнему славянскому языку, въ русскомъ литературномъ принялся только въ одномъ случаѣ, именно въ „чтобы -лъ" послѣ отрицатель-

ныхъ предложеній, между тѣмъ какъ въ упоминаемой Буслаевымъ неправильности („позвольте мнѣ, чтобъ я умылъ“, Жук., вм. позвольте мнѣ умыть, Гр. § 272 б. *α*) собственно не сослагательность, а желательность.

---

14. Причастіе на-лъ съ буду. 208

По Буславу, въ ц.-сл. и древ. русскомъ бѫдѫ (буду) съ прич. -лъ означаетъ будущее совершенное и будущее условное (Гр. § 88. А. II, 4); по Востокову, это будущее условное (Гр. ц.-сл. яз. 92—3). Оба мнѣнія составлены съ упущеніемъ важныхъ сторонъ дѣла. Если считать это сочетаніе будущимъ условнымъ потому, что оно встрѣчается и съ условными союзами, то пришлось бы считать „оже убилъ“ за прошедшее условное, „оже убьють“ за будущее условное, „аще съгрѣшаю, за настоящее условное; но это лишь сочетанія изъявительнаго съ условными союзами. При томъ буду -лъ употребительно и безъ всякаго оттѣнка условности. Что до совершенности, то съ буду сочетается и причастіе -лъ глагола несовершеннаго, которое нестановится совершеннымъ отъ вліянія буду.

Въ древнемъ языкѣ буду -лъ есть не единство грамматическаго значенія, не одно время, а сочетаніе двухъ, изображающихъ событіе прошедшее (причастіе на -лъ) по отношенію къ будущему, отношеніе къ коему выражено посредствомъ буду, а само это еще ненаступившее событіе—посредствомъ будущаго съ союзомъ да или повелительнаго н. другого глагола. Согласно съ этою относительностью своего значенія, это сочетаніе въ древнемъ языкѣ (ст.-сл., русск., серб., хорв., болг., чеш.) могло встрѣчаться не въ особо стоящихъ предложеніяхъ (ибо тогда небыло бы на-лицо того еще несовершившагося событія, на которое указываетъ буду), а въ сочетаніяхъ предложеній.

А. Буду -лъ безъ союза условнаго и безъ оттѣнка какой либо услвности:

а) Да възметь свое, иже будеть погубилъ, Ип. ² 20, пусть возьметъ, кто въ то время (когда возьметъ) окажется (будетъ) (прежде) потерявшимъ. 209

Мнѣ, любо иную волость въ тое мѣсто даси, любо кунами даси за нее, во что будеть была, Ип. 145 (460), т. е. во что окажется (въ то время, когда „даси“) бывшею (во что ходившею, чего стоившею) прежде. Если переведемъ „чего будеть стоить“, то упустимъ оттѣнокъ прошедшаго, весьма существенный въ грамматическомъ отношеніи, хотя для вещественнаго значенія неважный.

Не на мнѣ та кровь будеть (но на виноватомъ), но на томъ, кто будеть криво учинилъ, Ип. 224 (612), т. е. кто окажется въ день суда (прежде) сотворившимъ неправду.

Кто будетъ началъ, тому 60 кунъ, Русск. пр. по Син. сп. Р. дост. 33, кто окажется, что былъ зачинщикомъ.

Оже кто познаеть свое, что будеть погубилъ (что ему случится потерять, что онъ будетъ потерявшимъ), то нерьци „се мое“, но поиди на сводъ: „кдѣ еси взялъ?“, ib. 34.

То-же и въ болѣе позднемъ языкѣ: напоминаемъ тебе, съ твоимъ ли вѣдомомъ то будуть люди твои вчинили, аль не съ твоимъ, абы еси о томъ довѣдался; если будуть безъ твоего вѣдома люди твои то вчинили, и ты бы еси велѣлъ то намъ оправити, Посоль. рѣчи кор. Казим. 1456, А. З. Р. I, 71; абы тыхъ ябедниковъ винами карати, который чого будетъ заслужилъ, 1505, Ак. З. Р. I 362; тотъ дворъ нашъ Молодечно дали есмо ему... и зъ ихъ (людей) входы, гдѣ будуть передъ тымъ входы свои мѣвали, 1511, ib. II, 86; мають мѣщане на свои потребы дерево брати около мѣста въ нашихъ борѣхъ и лѣсѣхъ, дубровахъ и гаѣхъ, гдѣ здавна будуть бирали, 1511, ib. 89.

Ср. стар. серб. „да плати сь своимь добитькомь, што буде исьхабиль“, 1224, Mikl. Monum. Serb. 31; id. V. Gr. IV, 806—7.

Отсюда ведутъ свое начало слѣдующіе оттѣнки разсматриваемаго сочетанія.

б) Буду можетъ потерять значеніе одновременности съ другимъ еще несовершившимся событіемъ, при чемъ прошедшее время причастія -лъ еще чувствуется какъ прошедшее по отношенію къ буду: да аче стрый приидеть на тя Дюрги, поне (послѣ того какъ) ты ся съ людми утвердилъ будеши, годно ти ся съ нимъ умирити—умириши ся, пакы ли
210 (а если нѣтъ, если же на-оборотъ), а рать зачнеши съ нимъ, Ип. 76 (326). Въ первой половинѣ періода здѣсь три послѣдовательные момента: послѣдній по времени „придеть“, ему предшедствующій „будеши“, по отношенію къ коему прошедшій—„утвердилъ“.

в) Буду можетъ потерять отношеніе къ будущему, получивши при этомъ модальный оттѣнокъ вѣроятности, или предполагаемости, что бываетъ съ русс. будущимъ и въ другихъ случаяхъ (напр. млр. союзъ мабуть и др.) и что между прочимъ замѣтно бываетъ въ литовскомъ сочетаніи будущ. busiu съ прич. прошед. дѣйствительнымъ (=слав. -ъ, -въ): „jë mislyjo, kad ta merga cze bus buvusi“. они думали, что та дѣвка здѣсь „будеть бывъши“, „будеть была“, т. е. что должно быть она здѣсь.

„Велита ми брата крестъ цѣловати, а невѣдѣ, что моей винѣ (=вины)“. И рѣша ему дружина его: „княже, не-лап (=не-лапь [1]) ти велита брата

[1]) т. е. неспроста, недаромъ, ненапрасно; ср. Вост. Слов. лапь; Mikl. Et. wb.; Brückner въ Arch. f. Sl. ph XI, 134.

крестъ цѣловати: цѣ (=ци, чи) да будуть злии человѣчи, завидяче твоей любви, юже къ братѣ имѣеши, вложили будуть зло слово", Ип. 99 (371). Повтореніе будуть—неточность, неизмѣняющая значенія; можно читать „чи да будуть вьложили". Ци=чи только усиливаетъ модальный оттѣнокъ сочетанія, несообщая ему вопросительности. Эта частица и въ другихъ случаяхъ бываетъ не вопросительною: и онъ же убоявъся Новгородьць [„чи (=чего добраго, пожалуй, думаетъ себѣ) прельстивъше мя, имуть"] и бѣжа отаи въ ноць, Новг. I, 9. Так. обр. „чи да будуть вьложили" и пр. значитъ: „должно быть, вѣроятно, злые люди насплетничали". Быть можетъ, сюда-же относятся слѣдующіе примѣры съ вопросительнымъ ли: „язъ того невѣдаю, а то вѣдаетъ государскаа милость, такъ ли то сь будетъ учинило, 1501—3, Ак. З. Р. I, 237 („такъ ли это было" съ оттѣнкомъ сомнѣнія? или „такъ ли 211
это окажется случившимся?"); мы казали того ся довѣдати, естли то владычины люди будутъ были, ib. 357 (были ли это...). Въ слѣдующемъ будетъ неизмѣнное, служащее знакомъ вѣроятности прошедшаго, ведетъ свое начало отъ буду -лъ въ изъявительномъ, а не условномъ: „выведоша Нѣмець изъ Юрьева... а невѣдаемъ за что, Богъ вѣсть... или будетъ они измѣну чинили?", Пск. I, 316. Серб. страх је мене, биће погинуо, Mikl. Gr. IV 807, боюсь, что (чего добраго) онъ погибъ.

г) Уже въ старинномъ русскомъ была нѣкоторая наклонность къ такому сліянію сочетанія буду -лъ въ одну форму, при которомъ оттѣнокъ прошедшаго, заключенный въ причастіи, терялся и все сочетаніе становилось почти равнымъ „буду" съ неопредѣленнымъ: будеши отвѣтъ имѣлъ (=будешь имѣть отвѣтъ, будешь отвѣчать), княже, оже ти манастырѣ разъграбять, Ип. 4 (188).. Рѣшительно пошелъ по этому пути польскій языкъ, въ которомъ będę miał стало значить то-же, что рус. лит. буду имѣть. Подъ вліяніемъ польскаго такъ и въ западн. мр., именно въ зап. ч. Подоль, г., Галиціи, Буковинѣ и верхн. Венгріи: Чи є вся родина? Бо якъ невся родина, Будем коні кували, По родину посилали". „Гуляйте, дівки, гуляйте, На мою матінку вважайте. Як будете матінку вважали, будете всю ніч гуляли" (Под. г.) Своеобразно то, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Галиціи буду и пр. стяженное въ бу, беш, бе, бемо, бете, бут сочетается съ неизмѣннымъ для всѣхъ родовъ и числъ *-в* (=лъ): мати бе пряв, тілє бе корову ссав, ви ніц небете мав, вони бут двоє поминків справляв (Ogonovski Stud. auf. dem. gebiete der Ruth. spr. 148.

Въ древнемъ языкѣ разсматриваемое сочетаніе можетъ заключать въ себѣ причастіе какъ глагола несовершеннаго, такъ и совершеннаго: „буду творилъ", „буду учинилъ". Но какъ въ рус. и польск. невозможны сочетанія „буду сдѣлать", zrobić będę" и необходимы „буду дѣлать", „robić będę", такъ въ польскомъ въ będę miał стало возможно причастіе только отъ глагола несовершеннаго. Иначе въ хорутанскомъ, гдѣ dal

bom=дамъ (Mikl. V. Gr. IV, 806). Въ обоихъ случаяхъ получается уже чисто-будущее, а не прошедшее въ будущемъ.

Б. Буду -лъ съ союзами условными, или и безъ нихъ въ условномъ значеніи.

а) Аще ли взялъ будеть (если окажется, что взялъ), да заплатить сугубо, Лавр. 21.

212 Аще ли купилъ и будеть Грьчинъ (если случится, что купилъ, если случится ему купить плѣнника), подъ крестомъ достоить ему, да възьметь цѣну свою, елико же далъ будеть на немъ Ип. [2] 31.

Аще по моемь ошествіи свѣта сего, аще буду Богу угодилъ и приялъ мя будеть Богъ (не „если угожу", а „если послѣ моей смерти окажется, что я при жизни угодилъ и что Богъ меня принялъ"), то по моемь ошествіи манастырь (ся) начнеть строити и прибывати в немь, Лавр. 80 (182).

Аже будете и крестъ цѣловали (если даже случится, что вы уже поцѣловали), азъ за то прииму опитемью и отвѣчаю за то предъ Богомъ, Новг. I, 62.

Повѣжь ми, брате мой, право, своею ли волею сынъ твои сѣлъ въ Берестьи, ци ли твоимъ повелѣньемъ? Оже будеть твоимъ повелѣніемъ се учинилъ (если будетъ, или окажется то, что онъ сдѣлалъ это по твоему повелѣнью).. се же ти повѣдаю.. Ип. 224 (611).

Оже будеть убилъ (если будетъ найдено, что убилъ) или въ свадѣ, или въ пиру явлено, тъ (=то).., Русс. пр. по Син. сп., Р. дост. I, 29; будеть ли сталъ на разбои безъ всякоя свады, то за разбоиника людье неплатять, ib. 29.

А будеть былъ княжь конь (украденъ), то платити зань три гривны, а за инѣхъ по двѣ гривнѣ, ib. 37—8.

Такъ продолжается въ влр. до XVII вѣка включительно: и кто будеть былъ на разбоѣ и учинилъ убійство, и такихъ злочинцовъ пытають, Котоших. 90.

Ср. ст. чеш. budu li v čem pobludilo (тѣло), pokořím se, Zikm. Skl. 619; нынѣшнее болгар.: тъка-щеш, ако бѫдеш прел, Пам. и Обр. 342.

Такое употребленіе ничѣмъ неотличается отъ разсмотрѣннаго выше подъ А. а), кромѣ присутствія союза условнаго. Условность, сообщаемая такимъ союзомъ изъявительному, вовсе не та, которая свойственна условному быхъ-лъ и союзу бы. Въ „даже быхъ тако сътворилъ, а (v. то)
213 былъ быхъ правъ" уславливающее представлено несуществующимъ объективно ни въ настоящее время, ни въ какое бы ни было, а потому отрицается и дѣйствительность уславливаемаго. Въ „даже ѥсмь тако сътворилъ, язъ правъ" уславливающее изображено какъ прошедшее дѣйствителное событіе, въ послѣдствіяхъ продолжающееся до настоящаго, какъ событіе, дѣйствительность коего нисколько независитъ отъ употребле-

нія, какое дѣлаетъ изъ него говорящій: „я такъ-то сдѣлалъ, и вотъ я правъ". Та-же степень дѣйствительности явленія и въ „даже тако сътворю, то...", „даже тако буду сътворилъ, и (то)..". Разница та, что въ первомъ случаѣ событія нѣтъ, но оно само совершится, а во второмъ совершится не оно, а откровеніе того, что оно уже совершилось, при чемъ появится и другое, условленное имъ.

б) Этимъ объясняется то, что когда буду въ сочетаніи съ -лъ теряетъ отношеніе ко времени, то все сочетаніе становится изображеніемъ уже не прошедшаго по отношенію къ будущему, а прямо прошедшаго дѣйствительно совершившагося, какъ основанія для будущаго—случай, впрочемъ, довольно рѣдкій въ старинномъ языкѣ и неоставившій замѣтныхъ слѣдовъ въ нынѣшнемъ:

Галичьскии же мужи почаша молвити князю своему Ярославу: „ты еси молодъ, а поѣди прочь и насъ позоруй. Како (=такъ какъ) ны будеть отець твой (уже умершій) кормилъ и любилъ, а (=то) хочемъ за отца твоего честь и за твою головы своя сложити", Ип. 73 (321).

Быть можетъ и въ слѣдующемъ будеть носить на себѣ слѣды сочетанія съ како, хотя и не въ томъ смыслѣ, какъ выше:

Владыка... попомъ и игуменомъ учинилъ протора много; небывало такъ ни отъ первыхъ владыкъ, будетъ и Псковъ сталъ, Пск. I, 209 (съ тѣхъ поръ, какъ сталъ).

в) Отъ употребленія буду -лъ съ условными союзами и безъ нихъ, но въ случаяхъ, въ коихъ условность вытекаетъ изъ вещественнаго 214
смысла сочетаемыхъ предложеній, съ теченіемъ времени на вспомогательномъ глаголѣ отпечатлѣвается значеніе условности: „И будешь у которыхъ государей отвѣдала, дочери есть, гдѣ бы ми сына своего Василья женити, и ты бы о томъ ко мнѣ отказала, 1503, А. З. Р. I, 318. Вмѣстѣ съ этимъ этотъ глаголъ разрываетъ связь съ причастіемъ на -лъ, становясь модальнымъ знаменателемъ изъявительнаго, глагола. Это обнаруживается въ двухъ признакахъ. Во первыхъ, буду ставится при настоящемъ глагола совершеннаго (будущемъ) или несовершеннаго, какъ глагольный указатель его наклоненія, сначала согласуемый въ лицѣ и числѣ. напр. и будутъ (другіе послы) въ чемъ упорно стоятъ, и они (московскіе послы) о томъ пишутъ въ Москвѣ, Котоших. 40; покажи-ка лицо бѣлое... Будешь ты, душа, прилюбишься, я товарищу похвалю, Рыбн, IV, 151. Дальнѣйшій шагъ состоитъ въ томъ, что будетъ ставится, какъ безсубъектное сказуемое, неизмѣнно въ 3-мъ л. ед., какого бы ни было лицо глагола: „а будетъ мы учнемъ на него царю бити челомъ... 1656 (Бусл. Гр. § 194, прим. 4). Кромѣ оттѣнка условности, свойственнаго этому случаю, здѣсь произошло то-же самое, что въ нашихъ выраженіяхъ: „окажется, что онъ потерялъ, что они потеряли" разсматриваемыхъ, какъ замѣна древняго „оже будеть погубилъ", „оже будуть погубили". Во

вторыхъ, будетъ, переставая согласоваться съ причастіемъ на -лъ, вмѣстѣ съ тѣмъ перестаетъ быть знакомъ его предикативности, которая съ того времени заключена уже не въ немъ, а въ опускаемомъ есмь и пр. Мы видѣли выше, что наше „чтобы ты сдѣлалъ“ предполагаетъ ближайшимъ образомъ „что бы еси сдѣлалъ“, а наше „сказалъ было“ предполагаетъ непосредственно „сказалъ есть было есть“ и уже черезъ это—древнее „сказалъ былъ ѥсть“. Подобно этому въ примѣрѣ „аще ли будетъ родилися въ матерь (дѣти) и они возростъши мене продадутъ“ (XVII в. Бусл. l. с.) сказуемое есть только „родилися“, при коемъ опущено суть, а будетъ—только глагольный указатель условности, который могъ бы обойтись и безъ „аще ли“. Здѣсь вовсе не „не-
215 правильность въ употребленіи будущаго условнаго“ (Буслаевъ l. с.), а разложеніе сочетанія буду -лъ, бывшаго однимъ составнымъ сказуемымъ, на два сказуемыя, изъ коихъ одно—только формальное. Такимъ же образомъ безсубъектн. будетъ можетъ быть показателемъ условности и при другихъ составныхъ сказуемыхъ: „сего дни о вечернѣ быти вамъ у папы; и будетъ (=если) вамъ папѣ кланятися (есть) и въ ногу его цѣловати, по здѣшнему обычею, и (=то) вамъ у папы быти (есть); а будетъ вамъ папы въ ногу нецѣловати, и вамъ идти назадъ: отколѣ есте пришли, туды и поидете“, 1583, Бусл. И. Хр. 889. Переходъ формальнаго сказуемаго (будетъ) въ союзъ можетъ быть узнанъ только потому, что въ немъ перестаетъ чувствоваться глагольность (подобно тому, какъ при словѣ если мы уже недумаемъ о есть ли), а отнюдь не по внѣшнимъ признакамъ, какова потеря окончанія 3 л. въ буде.

г) Влр. союзъ буде („буде любишь, такъ скажи“, Даль; „буде пришолъ, такъ сиди“; „буде-бъ ты недурилъ, дуракомъ бы неслылъ“ и постпозитивно: „непроживу буде я трехъ часовъ, непрожить мнѣ-ка и трехъ годовъ“, Рыбн. III, 265), теперь ничѣмъ замѣтнымъ неотличается отъ если и т. п.; но обращая вниманіе на его происхожденіе, можемъ предположить въ немъ особый, ему только свойственный оттѣнокъ. Серб. союзъ буд (если, хотя), происходя изъ повелительнаго буди, имѣетъ въ основаніи оттѣнокъ концессивности и изображаетъ условность въ видѣ: „пусть такъ (будь такъ) и тогда.. тó-то. Ср. цсл. „бѫди ѥже невидѣлъ ѥси, то неслышалъ ли? да аште очима ту небѣ, ѥда и ушима неслыша? Supr. 361. Наше если выражаетъ условность, подвергая сомнѣнію существованіе событія, принимаемаго за условіе: оно — изъ „есть ли?“ Обл. влр. есть-когда (=если) изображаетъ условіе существующимъ одновременно съ условленнымъ: „когда есть то-то, то есть и то-то“. То-же почти и влр. то-коли=если (ср. коли (есть) то, то есть и то [1]).

[1]) Гой еси ты мое чадо милое,
Молодой Василій Буслаевичь!
То-коли ты пойдешь на добрыя дѣла
Тебѣ дамъ благословеніе великое;

Союзъ буде, по способу образованія въ немъ значенія условности, принадлежитъ къ тѣмъ случаямъ, въ коихъ въ основаніи такого значенія лежитъ изображеніе изъявительнымъ наклоненіемъ событія, принимаемаго за основаніе другаго событія [1]). Аналогію такого перехода отъ глагольнаго указанія на будущее время къ формальному значенію условнаго союза представляетъ въ ст. яз. и въ сѣв.-запад. млр. говорахъ переходъ къ подобному же формальному значенію отъ мѣстоименнаго указанія на дѣйствіе, именно въ се (имен. ед. ср.). Исходною точкою здѣсь служило такое же значеніе этого се, какое находимъ въ вост. млр. ось (изъ о-се), влр. во-се, а-во-се („восе тобѣ та грамота", „а-восе тобѣ тотъ государя нашего опасной листъ", нач. XVI в., Ак. З. Р. I, 247): „и челомъ вамъ бьютъ: кормъ, сколько лучилось, а въ томъ бы пожаловали непокручинились, что мало: мѣсто пограничное, а се (=только что, недавно) воеваное, вскорѣ собрати немочно", 1594, Пам. дипл. снош. II, 310. И подобно тому, какъ изъ влр. авосе, какъ указанія на будущее событіе, произошло авось, какъ знакъ вѣроятности; такъ изъ се, осе, а се, какъ указанія на недавнее или наличное, произошло се и пр. = если: 216

„Се (=такъ какъ), брате, мира еси неулюбилъ, а (=то) намъ уже нельзѣ недоспѣшнымъ быти, „а (=поэтому) подумаемъ о земли своей, Ип.[2] 454; „се (=такъ какъ) сынъ твой заялъ Половци, зачалъ рать, а (= а между тѣмъ) ты хочешь инамо ити, а свою землю оставивъ; а (= то) оставя путь свои, „поиди въ Русь, стережи же своея земля, ib. 456; „брате, се (= т. к.) вѣ осталася старѣйша всѣхъ въ Руської землѣ, а (= то, то поэтому) поѣди къ мнѣ Кыеву, ib. 458 подъ 1195. Въ стар. вр. „а того имъ беречи.. чтобъ та грамота сама, съ панскими печатьми, что на Москвѣ писана, привезти къ великому князю; восе (=если) же того неуговорятся, ино бы припись съ печатьми привезти, 1538, А. З. Р. II, 304.

Въ зап. мр.

Вернись, муй милый, вернись до дому,
А се невернесся, то Біг (і?) с тобою

То-коли ты, дитя, на разбой пойдешь,
А и неноси Василья сыра земля,
Др. р. ст. 168.
А то-коли тебѣ Господи (зват. какъ въ серб., болг., млр.) сына дастъ,
Вспой, вскорми и за мной пошли;
А то-коли тебѣ Господи дочерь дастъ,
Вспой, вскорми, замужъ отдай, ib. 253.
А то-коли я товары невыкуплю,
Заплачу казны вамъ сто тысячей, ib. 276.

[1]) Ср. напр.
И ты будешь живъ, шубу наживешь,
А небудешь живъ—будто нашивалъ,
Др. р. ст. 59.

(Гродн. г. Кобр. у. Сб. пам. нар. тв. сѣвероз. края, 17);
217 Се жив буду, повернуся, будеш мею коханкою, ib. 82;
Се сива зозулька, лети в ліс ковати,
А се наша сеструнечка, то прошу до хати;
Се сива зозулька, то шуги у луги,
А се наша сеструнечка, незадавай туги, Брест. у. ib. 183.

Сочетаніе „се жив буду, будеш..“ уже неесть построеніе паратактичное (Mikl. Gr. IV стр. VIII, поправка къ стр. 113), а только возникло изъ него, ибо уже значитъ не „вотъ буду живъ, будеш..“, а „если буду живъ, то..“ [1]).

[1]) Дальнѣйшее развитіе значеній этого союза состоитъ, во первыхъ, въ томъ, что, подобно другимъ условнымъ, онъ можетъ соединяться съ бы, теряя при этомъ особенность своего оттѣнка:

Ой Боже ж муй, Боже, де муй милий дівся?
Чи вовки заїли, чи в мори втопився?
Се-б вовки заїли, то-б луги шуміли,
Се-б в мори втопився, то-б Дунай розлився, Сб. п... свз. кр. 18;
Десь (=должно быть, вѣроятно) ти мене, дивче, любиш,
Що ти мене рано будиш?
—Се-б я тебе нелюбила,
Тебе-б рано небудила,
За тобою неходила;
То (=но) я тебе вірно люблю,
За тобою круз світ пойду, ib. 23;
Ой се-б же я, муцний Боже, день и нучку робила,
Таки ж моя роботонька нікомуську немила. ib. 192;
Се-б моя мати знала, вечерати прислала,
Чи яснею зорою, чи риднею сестрою, ib. 85.

Во вторыхъ, какъ если, коли, когда, какъ, якъ отъ условнаго значенія, соединяясь съ бы, переходятъ къ желательному значенію въ влр. еслибъ, млр. колиб, влр. когдабъ, кабы, млр. коб (зап.), якбй; такъ и се-б:

Се-б же ти був, синку, въ Дунаї втопився,
Неж як отцу й матци на очи навився, ib. 25.
За річкою за бистрею козак сіно косить,
Ой за другею річенькою дивча Бога просить:
„Ой се-б сіно тут посіло, коса зогнулася,
„Ой се-б мого миленького сила вернулася! ib. 69;
Каже козак постіль слати.
—„Не мать мене виражала,
Се-б (=чтобъ я) козаку постіль слала,
Виредила мене воля,
Все козацкая намова, ib. 72;
Рад би я тисяч дати, се-б тебе розвинчяти, ib 85;
Гляди, се-б вона боса неходила, се-б у порога нестояла, ib. 90;
Бодай пана не сховали,
Се-б собаки розорвали,
Поховали при долини,
Себ по ёму вовки вили, ib. 122. Объясненіе се-б изъ се бо, scilicet (?), приводимое Миклошичемъ (V. Gr. IV, стр. VII), какъ невѣрное по его мнѣнію (т. к. -б всегда есть бы), дѣйствительно лишено всякаго основанія.

Сходно съ се переходятъ къ значенію условныхъ союзовъ въ вр. тако, только, ужо:

Тако (=если) насъ поимаютъ, уже намъ отъ короля Маркобруна живымъ небыть, сказ. про Бову кор., Пам. др. письм. 1879, 1, 70;

Тако вы меня съ дружиною побьете Новымъ-городомъ,
Буду вамъ платить дани-выходы по смерть свою;
А буде же я васъ побью... то вамъ платить
(Др. р. ст.).

Только того земляного валу.. неукрѣпить, и соборной церкви и казенной палатѣ впредь будетъ поруха болшая. Ак. отн. до Ю. Б. I, 293;

Только (=если) ты—Алеша Попович младъ,
Семъ (=то давай) побратуемся съ тобою.
(Др. р. ст.).

Ужо (если) тобя N велѣлъ неволити и ты въ неволи купчую писалъ.. и (=то) кому то у тебя вѣдомо? 1534. Ак. отн. до Ю. Б. I, 177.

Вторые косвенные падежи. 218

(Винительный, родительный, дательный).

Второй винительный.

1. Свойство перваго винительнаго въ древнемъ языкѣ. Подобно всѣмъ такъ называемымъ предикативнымъ падежамъ, второй винительный представляетъ нѣсколько видоизмѣненное повтореніе свойствъ 219
перваго, несогласуемаго винительнаго, стоящаго въ томъ же предложеніи. Для правильнаго понимания свойствъ второго винительнаго слѣдуетъ обратить вниманіе на ту особенность перваго винит., что кругъ его употребленія въ древнемъ языкѣ былъ, по крайней мѣрѣ съ одной стороны, многимъ обширнѣе, чѣмъ нынѣ. Теперь post verba sentiendi, cognoscendi, declarandi мы ставимъ въ безпредложномъ винительномъ только ближайшій, непосредственный предметъ воспріятія, познанія, рѣчи, тѣмъ или другимъ способомъ отличая отъ такого предмета другой, дальнѣйшій, болѣе самостоятельный, до познанія или выраженія коего мы доходимъ посредствомъ ощутительнаго для нашего сознанія ряда умозаключеній. Напр., съ одной стороны, мы говоримъ: услыхать новость, узнать знакомаго, сказать слово, „видѣть свѣтъ и его коловращеніе" (Гог.); съ другой: услыхать про новость, узнать о знакомомъ, сказать о чемъ и про что, увидать, что свѣтъ коловратенъ. Чѣмъ далѣе подвигаемся въ старину, тѣмъ чаще встрѣчаемъ въ языкѣ отсутствіе предложныхъ объектовъ изъ чего—вѣроятное заключеніе, что было такое время, когда оба рода объектовъ, вовсе неразличаясь въ

сознанiи, одинаково выражались простымъ винительнымъ. Это напоминаетъ состоянiе дитяти, только-что начинающаго пользоваться чувствами и протягивающаго руки къ предметамъ, которыхъ схватить неможетъ, или состоянiе людей, для которыхъ несуществуетъ перспектива при графическомъ изображенiи видимыхъ предметовъ. Старинные памятники русскаго языка представляютъ много слѣдовъ такого состоянiя мысли:

Пошелъ бѣ Дюрги въ Русь, слышавъ смерть Изяславлю, Ип. 77 (328) (=услыхавши о смерти); слышавъ же Ярославъ волхвы (=про волх-
220 вовъ, что появились волхвы) приде Суздалю, Лавр. 64 (144); Кiяне же услышавше Изяслава (т. е. о его приближенiи), изидоша противу ему, Ип. 56 (288); слышавше Ростислава Рюриковича въ Торчьскомъ (т. е. что онъ находится въ Т.), и возвратишася, Ип. 140 (450); слышавше Половецьстiи князи створившееся надъ Игоремъ (= о томъ, что случилось съ И., или о той бѣдѣ, которая стряслась, разразилась надъ нимъ), присълашася ко Изяславу мира просяче, Ин. 25 (233); и слышавше братья преставленье его (т. е. о пр.), печални быша велми, Ип. 121 (414); Изяславъ же слышавъ у здоровьи сына своего (= что сынъ находится въ добромъ здоровьи), и похвали Бога, Ип. 71 (317); се же слышавъ царь приходъ князя Витовта (= о пришествiи, про приходъ, что пришолъ), и посла къ нему послове, Новг. I, 101; азъ радъ, слышавъ прiѣздъ вашъ, Троиц. 212; князь Витовтъ услыша Псковскую рать, Пск. I, 204; услышавше Псковичи Князя Великого въ Новѣгородѣ (=что онъ въ Н.), и послаша пословъ, Пск. I, 219; и коли ты за меня заложилась, и тебя неизобидитъ ни царь, ни король, слышачи мою грозу храбраго витезя Бовы королевича, ск. про Бову к., Пам. др. письм. 1879. I.

Видѣвъ же мало (винит. = что мало) дружины своея, рече в собѣ... Лавр. 30 (70); Рюрикъ же, видѣ(въ) свое непогодье (=что „не по году", что не во время, не въ пору дѣло), отъиде въ свой Вручiй, Лавр. 180; Романовича же видѣвша мятежь во земли великъ, и убоястася, ib.; Галичане же видѣвше короля идуща прочь, убояшася полковъ Русскихъ, ib.; Вячьславъ же видивъ сына своего въ здоровьи (=что здо́ровъ) похвали Бога, ib. 71.

Воевода же разоумѣвъ множьство матежа... и кона оседъланы оуготова, Supr. 37; разумѣвъ благыи князь прѣложенье блаженаго Феодосия отъ гнѣва и утишенье же отъ обличения того, възрадовася зѣло, жит. Θеодос., Уч. З. II, 2, 191.

Знаю твое за Адама пострадание, Кир. Тур. Калайд. 30.

221 Михаилъ же увѣдѣвъ приятье киевьское (=узнавши о взятiи Кiева), и бѣжа, Ип. 177 (521); вратися, увѣдавъ смерть канову, Ип. 177 (522); увѣдавше смерть княжю Ростовци и Суждальци... и съѣхашася, Ип. 116 (403); князь же Гердень погонися по нихъ, и яко увѣдаша Пльсковичи погоню (узнали о..), отслаша полонъ, Новг. I, 59; Олигердъ князь повелѣ

своимъ литовникамъ (ср. лит. lëtuwninks, литвинъ) бродитися за Великую рѣку, невѣдаючи подъ Изборскомъ рати, Пск. I, 188 (съ родительнымъ послѣ глагола дѣйств. съ отрицаніемъ: „незная, что рать—подъ Изб.); Литовскія люди, свѣдавъ нашихъ, да шли нашихъ людей искати, Пск. I, 316. Кабы язъ провѣдала государя Бову на тридевятомъ царствѣ на тридесятой землѣ, и язъ бы и тамъ къ нему упала, сказ. про Бову кор. l. c.

Узрѣша наши сторожеве и мняху Болгарьскый полкъ, Лавр. 164 (369); (полкъ принимаемъ за винительный, а не за именительный, какъ бы было, еслибъ читать: „мняху: болгарьскый полкъ"). Кобякъ мнѣвъ толко (винительн.) Руси (думая, что лишь столько), возвратися и погна въ слѣдъ ихъ, Ип. 128 (427); мнѣша ту Святослава и Рюрика, Ип. 128 (думали, что Св. и Р. тутъ).

Ту бо стали бяху князи наши, поставльше полкы, творяаху рать велику, Троиц. 212, т. е. показывали видъ, что у нихъ большое войско.

Сѣдащю ти надъ мъногоразличною трапезою, помани и соухъ хлѣбъ ядоуштааго и немогоуштааго си воды принести недоуга ради. Насыштаяса многосластьнааго пития, помани пиюштааго теплоу водоу отъ слъньца въстопѣвъшѧ и тоу же пороха нападъшѧ отъ мѣста незавѣтръна. Възлегъ на мъногомакъцѣ постели и пространо протагаяса, помани наго лежаштааго подъ ѥдинѣмъ роубъмь и недрьзноушта ногоу своѥю простьрѣти зимы дѣла, Изб. 1076, 41-2, Шим.; онъ же помянувъ на собѣ крестъ (вспомнивши, что на немъ крестъ), и отшедъ постави кромѣ храмины тое, Лавр. 77 (174).

Размышлаи же по вьса часы частая съгрѣшения члвчьска прѣмъногоѥ же и бештисльноѥ чловѣколюбие Бжиѥ, Изб. 1076, 56. Повѣдаша ему Володимера въ Черниговѣ а Изяслава у Стародубѣ, Ип. 30 (242) (= что В. въ Черниговѣ); Борисъ же повѣда отцю своему Изяслава (о Изяславѣ, т. е. о его приближеніи) и рече: „осе рать", Ип. 56 (288); повѣдаша вѣжи и стада половецкая у Голубого лѣса, Ип. 134 (440) (сказали, что кибитки и стада...); сдумавъ же князь Святославъ со сватомъ своимъ 222
Рюрикомъ поити на Половцѣ вборзѣ, изъѣздомъ, повѣдахуть бо имъ Половци (винит.) близъ на Татинци, на Днѣпрѣйскомъ бродѣ, ib.; и онъ (языкъ) повѣда силу велику Нѣмецкія рати подъ городомъ Изборскомъ, Пск. I, 188; и пріиде къ нимъ вѣсть, повѣдаша имъ царевича на Волчьи Водѣ, Новг. IV, П. с. Р. л. IV, 73; а у Макрабія повѣдаютъ пять дочерей: болшая хрома, нехороша; подъ болшею—четырехнадцати лѣтъ, а парсуною ее повѣдаютъ хорошу, 1504—5, Ак. З. Р. I, 326 (говорятъ, что она собою хороша); а его (князя) въ томъ городѣ нѣтъ: сказали его въ отъѣздѣ, въ иныхъ городѣхъ, 1582, Бусл. И. Хр. 888; а папы Григорья въ то время въ Риму небыло: сказали его въ городѣ въ Тушкуланумѣ, ib.

Естли бы еси тамъ розумѣлъ нѣкоторыхъ людей, абы ся къ намъ иначей мѣли... (еслибы замѣтилъ, что нѣкоторые относятся къ намъ иначе), 1492, ib. 126.

Въ памятникахъ, изъ коихъ можемъ заимствовать подобные примѣры, столь же или болѣе обычны и обороты, близкіе къ нынѣшнимъ, съ предлогами и союзами: „слышавъ о...“ [1]), „увѣдаша, оже, аже, яко“ и пр. Это только подтверждаетъ ту извѣстную истину, что явленія, возникшія при такомъ-то строѣ языка, могутъ переживать этотъ строй, исподоволь становясь исключеніями, и что, на-оборотъ, новыя явленія языка въ началѣ являются какъ пятна на старыхъ. Намъ важно только то, что чѣмъ архаичнѣе памятникъ по языку, тѣмъ болѣе обходимо въ немъ разграниченіе прямого и посредственнаго объекта, и что нынѣшнему книжному языку вовсе чужды обороты, еще встрѣчаемые въ просторѣчіи, какъ: „я полагала васъ далеко отъ Москвы“, Грибоѣд.; „сказываетъ журавля на соснѣ“, „сказываетъ на вербѣ грушу“ (Даль Посл. 872), „насказать семь пятницъ на недѣлѣ“; бр. загадаю табє, дзєука сєм загадок; кали отгадаєш, скажу коній (т. е. про коней, гдѣ они), Роман. Бр. сб. I, 421; мр. Зевес поход тобі сказав, Котл.;

Спустимося вниз по Дунаю,
Гей по Дунаю под Царегород:
Ой чуемо там доброго пана,

223 Костомар. въ Млр. сб. Мордовцева, 192.

Такое широкое пониманіе винительнаго, безъ сомнѣнія, было свойственно и другимъ слав. нарѣчіямъ. Оно оставило слѣды въ сербскомъ, напр. док чујете мене у животу (что я живъ), немојте се, браћо препанути, Кар. П. II, 566; Пријатељи свадбу устоваше: свадбу кажу у години првој, ib. 525; овђе нама кажу мому неудату (Кар. Пјес. I)= говорятъ, что здѣсь есть невыданная замужъ дѣвица: „тамо доље језер поље кажу“. Замѣтимъ, что Миклошичь приводитъ этотъ послѣдній и вышеприведенный млр. примѣръ, говоря о винительномъ съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ, т. е. предполагаетъ здѣсь построеніе, какъ „ibi dicunt campum esse“ (V. Gr. IV, 394—5), что, по моему мнѣнію, ошибочно. Такой-же винительный находимъ и въ лотышскомъ, напр.:

Куря (лайміня) лидзі айциная,
Та пасака мамулыню, Спрог. 215,

которая (доля) съ собою позвала, та сказала матушку, т. е. сказала, гдѣ матушка. Такъ въ скр. (В. Шерцль, Синт. др. Инд. яз. I 58—61),

[1]) На пр. въ Изб. 1076 г.: „Лежащю ти въ твьрдо покръвенѣ храминѣ, слышащю же оушима дъждевьноѥ мъножьство, помысли о оубогыхъ, како лежать нынѧ (=я) дъждевьными капл҄ѧ(=я)ми, яко стрѣлами прони(а?)жѧ(=я)ѥми, а дроугыя отъ неоусъновения сѣдѧштѧ и водою пъ(=о)дъяты. Сидѧшту ти въ зимоу въ теплѣ храминѣ и безъ болзни изнаживъшѫ(=оу)сѧ, въздъхни, помысливъ о оубогыхъ, како клѧчѧть надъ малъмь огньцьмь съкърчивъшесѧ, 42 Шиман.).

греч. (ἄνδρα μοι ἔννεπε, Μοῦσα, πολύτροπον, Од. I, 1). Тотъ-же винительный предметъ мысли, рѣчи есть общая исходная точка всѣхъ тѣхъ языковъ, какъ лат., греч., нѣмецкій, въ коихъ есть вторые предикативные винительные съ неопредѣленнымъ. Для того, чтобы имѣть возможность построенія „nuntiabant Cyrum vicisse“ нужно было предварительно имѣть возможность сказать „nuntiare Cyrum“ съ винительнымъ, безразлично означающимъ и „Кира“ и „о Кирѣ“.

Кажется, что въ древнемъ языкѣ первый винительный post verba cognoscendi etc., напр. „мьняшеть отьца своѥго жива“ рѣшительно ничѣмъ неотличался отъ перваго винит. post vb. faciendi etc., напр. „постави Меѳодья епископа“. Если-же мы иначе замѣняемъ винительный въ первомъ случаѣ, а иначе во второмъ, и говоримъ съ одной стороны „думалъ, что отецъ его живъ“ или „думалъ объ отцѣ, что онъ живъ“, а съ другой—„поставилъ Меѳодія (винит., какъ въ древ. яз.) епископомъ“; то этихъ результатовъ позднѣйшаго развитія мы не въ правѣ приписывать древнему языку. То-же и въ примѣненіи къ 224
другимъ языкамъ. „Въ древне-верхненѣмецкомъ, говоритъ Гриммъ, „ih pat in queman“ значитъ rogavi eum ut veniret, и винительный in принадлежитъ къ pat, а не къ queman; но въ выраженіи „ih weiz in waltan, scio eum regnare, винительн. in относится не къ weiz, а непосредственно къ waltan“, Deut. Gr. IV, 114. Спрашивается, откуда извѣстна эта разница? Оба выраженія построены совершенно одинаково. Въ обоихъ in есть столько-же непосредственное дополненіе глагола, сколько указаніе на подлежащее неопредѣленнаго наклоненія. „Въ отдѣльныхъ случаяхъ можетъ быть сомнительно или безразлично, куда слѣдуетъ отнести винительный. Такъ напр. предложенія: „ich sehe dich brennen“, „ich höre den vogel singen“ могутъ значитъ или „ich sehe dich, wie du brennst (conspicio te flagrantem), „ich höre den vogel, wie er singt (audio avem canentem), или „ich sehe, dasz du brennst“ (video te flagrare), „ich höre, dasz der vogel singt“ (audio avem canere). Для ново-верхненѣмецкаго языка кажется мнѣ вѣрнымъ первое объясненіе, потому что латинскаго „audio te domum exstruere“ мы неможемъ перевести посредствомъ: „ich höre dich ein haus bauen“. Хотя сама по себѣ эта послѣдняя фраза построена безукоризненно, но она могла бы быть вложена лишь въ уста того, кто слышитъ шумъ производимой постройки; но въ болѣе древнемъ языкѣ она могла имѣть тотъ-же смыслъ, что и лат. „audio te domum exstruere“ (Grimm. ib.). Отсюда видно, что въ нынѣшнемъ в.-нѣмецкомъ произошло такое-же ограниченіе смысла винительнаго, какъ и въ нынѣшнемъ русскомъ, въ коемъ древнее „видѣша стада възята“ могло бы имѣть только одно значеніе: „увидали взятыя стада“, при чемъ „взятыя стада“—предметъ непосредственнаго воспріятія, между тѣмъ какъ содержаніе болѣе сложнаго умозаключенія было бы выражено зависимымъ предложеніемъ: „увидали, что стада взяты“. 225

Кромѣ такого значенія винительнаго „стада" въ новомъ русскомъ, причиною того, что въ „увидали взятыя стада" у насъ одинъ винительный съ опредѣленіемъ, а не два винительные, является уменьшеніе предикативности опредѣленія. Но въ ново-нѣмецкомъ „ich höre dich ein haus bauen" замѣтнымъ образомъ измѣнилась не вся конструкція, а только одинъ винительный. Несмотря на это, въ упомянутомъ выраженіи имѣется все-таки винительный съ неопредѣленнымъ. Поэтому, мнѣ кажется, нельзя признать послѣдовательнымъ слѣдующаго опредѣленія винительнаго съ неопредѣленнымъ: „конструкція accus. cum inf. имѣется во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ винительный, находящійся въ предложеніи, относится не ко главному глаголу, а къ зависимому неопредѣленному накл., такъ-что если-бы это предложеніе было замѣнено двумя, то его винительный сталъ бы именительнымъ зависимаго предложенія. Вышеупомянутое „ih weiz in waltan" разлагается на два предложенія: „ih weiz, daz er weltit". Реченіе „ih pat in queman" тоже разложимо на ih pat in, daz er quâmi, но незаключаетъ въ себѣ конструкціи „accus. cum. inf.", потому что, по разложеніи, винительный in остается при pat. Вѣрный признакъ винительнаго съ неопредѣленнымъ тотъ, что этотъ оборотъ недопускаетъ употребленія предлога zu при неопредѣленномъ. Хотя случаи съ zu, напр. ich hoffe bald zu sterben", выражаютъ почти то-же, что acc. cum inf. въ „spero me brevi moriturum esse", однако въ нихъ нѣтъ конструкціи accus. cum inf. и приведенное выраженіе ближе къ spero fore ut moriar. Поэтому неопредѣленныя наклоненія послѣ hören, sehen („du hörtest erzählen"), сходныя съ конструкціей „accus. cum inf., никогда непринимаютъ предлога" (Grim. Gr. IV, 114, ср. 118). Такимъ образомъ мы видимъ, что разница между „ih pat in queman" и „ih weiz in waltan", разсматриваемыми сами по себѣ, состоитъ только въ вещественномъ
226 значеніи глаголовъ. Формальная разница сказывается уже въ разложеніяхъ этихъ предложеній, разложеніяхъ, которыя должны быть отнесены къ другому, позднѣйшему періоду языка, отъ котораго нѣтъ основанія заключать къ предшествующему.

Точно также употребленіе или неупотребленіе zu при неопредѣленномъ — позже, чѣмъ полное отсутствіе этого предлога. Можно думать, что лишь когда вошло въ обычай zu при неопредѣленномъ, появилась и возможность формальнаго разграниченія случаевъ, къ „ich sehe dich walten" съ одной и „ich bat in zu kommen", съ другой стороны, и что до этой поры различіе этихъ выраженій было нетаково, чтобы можно было видѣть въ нихъ различныя грамматическія конструкціи, хотя, конечно, до ихъ формальнаго разграниченія должно было въ нихъ появиться нѣчто понуждавшее мысль къ этому разграниченію.

Принимая господство начала согласованія за одну изъ общихъ точекъ исторіи арійскихъ языковъ, можно заключать отъ сходства упо-

требленія въ нихъ перваго винительнаго къ сходству въ употребленіи второго, такъ наз. предикативнаго или составляющаго часть составного дополненія. Если невѣроятно, что первый винительный въ ст. р. „слышавъ же Ярославъ вълхвы“ есть заимствованіе, то невѣроятно и то, что вторые винительные въ „видѣ пълкы побѣжены“, „постави мя попа“ не-суть исконное достояніе русскаго и общеславянскаго языка, а занесены извнѣ, напр. изъ греческаго. П. Лавровскій (О яз. сѣв. р. лѣт. 102), находя при вышеупомянутомъ оборотѣ другой—„постави мя попъмь“, полагалъ, что первый ненароденъ, потому что невыдерживается даже въ лѣтописяхъ; но если такое заключеніе правильно, то мы должны бы считать народнымъ только неподвижное и въ концѣ концовъ — усумниться въ самомъ существованіи народнаго языка, ибо въ языкѣ, если разсматривать достаточно продолжительные его періоды, все подвижно и ничто непроводится до конца.
227

Причина, по которой второй винительный несмѣшивается съ простымъ 229
опредѣленіемъ или приложеніемъ, заключена въ вещественномъ значеніи дѣйствительныхъ гл. cognoscendi, sentiendi, declarandi, faciendi, отъ 230
которыхъ онъ косвенно зависитъ. Если бы „попа“ въ „постави мя попа“ имѣло значеніе простого аттрибута („мя попа постави“), то рѣчь была некончена, возбуждала бы ожиданіе (чѣмъ поставилъ?), неудовлетворяя его; между тѣмъ общій смыслъ рѣчи въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ удостовѣряетъ, что такъ быть неможетъ, но что второй винительный даетъ предложенію полный смыслъ. Это выражается и тономъ рѣчи, отчасти и порядкомъ словъ.

Нижеразсматриваемые вторые винит. существительнаго, прилагательнаго и причастія свойственны какъ славянскому и др. европейскимъ языкамъ, такъ въ еще большей мѣрѣ языку Вѣдъ и санскриту (см. В. Шерцль, Синт. др.-инд. яз. I, 73—9). Т. о. смѣло можно сказать, что въ древнемъ періодѣ индоевроп. языка общій характеръ второго винительнаго одинъ и тотъ-же, стоятъ ли въ немъ существительныя, прилагательныя, или причастія; но въ виду того, что эти части рѣчи въ разсматриваемомъ падежѣ въ болѣе позднемъ языкѣ замѣняются другими оборотами невсѣ въ одно время и невсѣ одинаково и что въ самомъ древнемъ языкѣ круги ихъ употребленія различны, слѣдующіе примѣры раздѣлены на три группы.

2) Второй винительный есть существительное.

Хотя „нарицаахѫ юго именемь отьца своюго „Захария“, О. Ев. Лук. 1, 59, несмотря на вин. въ *ἐκάλουν αὐτὸ (παιδίον).. Ζαχαρίαν*, vocabant eum Zachariam, съ именительнымъ (какъ въ скр. при ити, такъ, Шерцль l. c. 76), но:

Отьца своюго глаголааше Бога, ib. Io. 5, 18, *πατέρα ἴδιον ἔλεγε τον Θεόν*, quia Deum dixisset patrem suum.

Вы же рекохъ другы, ib. Io. 15, 15, *ὑμᾶς δὲ εἴρηκα φίλους*, vos autem dixi amicos. Како Дав(ы)да о(тъ)ца кси издреклъ? Златостр. XII в., Срезн. Пам. Р. п. 163; (Марию) жену твою глаголю (называю женою), ib. 194; проповѣдаю тя спаса миру Христа, Кир. Тур. Калайд. 63.

Елма же ты, брате мой, введе мя на столъ мой и нарекъ мя старѣйшину собѣ, се азъ непомяну злобы первыя, Лавр. 87 (196).

Изгласивше свершена Бога и свершена человѣка Господа нашего Исуса Христа, Лавр. 49 (111) (=совершеннымъ Богомъ и пр.).

Друзіи же глаголють (Торкмены, Печенѣгы, Торкы, Половьця) сыны Амоновы, ib. 99 (226).

Жряху имъ (кумиромъ), наричюще я Богы, ib. 34 (77).

Иродъ бо бояшеса Иоана, вѣды (и) мѫжа правьдна и свата, О. Ев. Мар. 6, 20, *εἰδὼς αὐτὸν ἄνδρα δίκαιον καὶ ἅγιον*.

231 Добро же народа послушьство, ему же языци вѣровавше, сына Божия позназша и, Кир. Тур. Калайд. 4.

Облакъ т'моу мѣнитъ (считаетъ тьмою) псаник, рекы: и небо помрачисе облакы, Io. Экз. Шестодн. Пролог. 8.

Отьца имаамъ Авраама, ib. Мат. 3, 9, *πατέρα ἔχομεν τὸν Ἀβραάμ*, patrem habemus Abrahamum. Имѫште бо вась застѫп'никы и молитвьникы, нич'со же сѫпротивна приходашта к' намъ невъзбоимьса, владыкѫ Хрьста Бога нашего истиньнааго въ инѫ имѫште оупъвани\u0465, Supr. 49.

Кланяемся тобѣ и хочемь тя имѣти собѣ отца (и) игумена, Ип. 126 (424). Чюдотвореная(е=ь) Мати Божія.. к ней же вси крестьяне (с) страхомъ приригцють, утѣху и заступницю имуще ту, Ип. 102 (377). Имѣя поспѣшника брата своего Костянтина и с нимъ дьявола, Лавр. 186 (418).

Сына моего приимите собѣ князя, Новг. I, 9. Примѣте собѣ князя (=княземъ) Всеволода; ib. 37. Пояша Мьстислава князя (=емъ) собѣ, Ип. Святополкъ поя собѣ жену дщерь Тугортоканю князя Половецьскаго, Ип. [2] 157.

Твораи ангелы свона духы и слоугы свона огнь палашть, Пс. 103 (104), 4, Бусл. Христ. 30. Хотать прити да въсхытать и и сътворать царя, О. Ев. Io. 6, 15, *ἵνα ποιήσωσιν αὐτὸν βασιλέα*, ut facerent regem.

Кого са (1-й винит. въ вещественномъ значеніи) самъ твориши? ib. Io. 8, 53, *τίνα σεαυτὸν σὺ ποιεῖς*, quem tu te ipsum facis.—Овы ихъ (црькъвъ, р. мн.) сѣньница сътвори, Supr. 141; оукори и безъчьствова ѩ (црькъве), коникмъ граждь сътворивъ ѩ, ib. 157; того (Іулиана) Богъ, яко недостоина, оукоръ сътвори, ib.; (Хсъ) тебе иматъ причастьника сътворити огню вѣчьноуоумоу, ib. 3.

Намъ на небеса пѫтьшъствик оуготови, лѣстьвицѫ намъ вѣрѫ отъ земьа на небо поставивъ, Supr. 260; въ врѣма же изношения (мощей

тръблаженааго Исакия, постави (Аурилианъ) помошть на пѫти.. множьство мѫжь много, ib. 153. Многы крьштеныѧ.. постави попы и диакы, ib. 172.

Постави Меѳедья епископа (=омъ) въ Пановіи, Лавр. 11 (27); поимъ съ собою Климента, ѥго же игумена постави в свое мѣсто, Лавр. 90 (204); лице его яко лице Есифа, иже бѣ поставилъ его Египетьскыи царь втораго царя въ Египтѣ, Лавр. 204 (454); думающе, кого царя поставять, Новг. I, 27; тѣми епископы постави Киеву митрополита (=омъ) Григорія Болгарина, ib. 106; поя у попа жену и постави собѣ жену (=сдѣлалъ женою), Ип. 136 (444).

Кого, отче, благословишь на свое мѣсто пастуха намъ и учителя, 232
Новг, I, 63. Ср. кого ты намъ прикажешь на свое мѣсто игумена, 1533, Ак. Ист. I. 195; кого за собою стряпчихъ и поручиковъ скажутъ, 1550; ib, 222.

Вышьняаго положивъ себѣ оубѣжиште, прѣбы безъ оужасти, Supr. 214.

Олегъ вину положи (представилъ предлогомъ или причиною) матерню болезнь и нача ся просити у Ростислава Черпигову къ отцю, Ип. 89 (351).

Ови же дроугъ дроуга сьвѧзьнѧ господеви привождаахѫ, Supr. 354. Связня преда мя Господь в руки безаконьнымъ тѣмъ, Ип. 131 (434).

Что бо дастъ члкъ измѣнѫ на дши своѥи, Сав. кн. Срезн. Пам. Юс. П. 65; дати дшѫ своѭ избавлениѥ за многы, ib. 69; Остр. Ев. Марк. 10, 45. Земнымъ (Бъ) землю и море дастъ жилиште, Іо. Экз. Шестодн. Прологъ 2.

Вси три князя, кого ми Богъ дасть зятью (зятьею, въ зятья), по чепи имъ по золотѣ, 1356, С. г. гр. I, № 25.

Стража видома поусти (=послалъ) льва велика, хранѧшта и ноштиѭ и дьниѭ, Supr. 214.

А въ грамотѣ писано челобитье за тое, что прислалъ (В. кн.) воеводу своего кн. Ѳед. Юрьевича съ своими людьми оборону противу Нѣмецъ, Пск. I. 226.

Въ болѣе позднемъ языкѣ: „И присягліе бурмистрове и райцы свои уряды покидали и бороди голили, до того войска ишли, бо тіе себѣ зневагу держали (=считали униженіемъ), которій би з бородою неголеною у войску былъ, Лѣт, Самов. 20.

Посію я рожу, покладу сторожу,
Покладу сторожу (=поставлю стражею) батечка рідного, Чуб. III, 207.

Въ ст. чешскомъ—см. Zikm. Skl. § 68, 1, 6, напр. manželku měl sestru ženy Vladislava.

Въ сербскомъ до-нынѣ 2-й вин. существительныхъ обыченъ послѣ такихъ же глаголовъ: чиниђу те велика везира и т. п., Данич. Синт. 408—10.

Въ ст.-польскомъ: dał jeś ji (smoka) karmią ludu murzynskemu, Małgorz. dedisti eum (draconem) escam populis Aethiopum, Mikl. V. Gr. IV, 388. Изрѣдка и въ болѣе новомъ языкѣ: tak panny, jak mężate i wdowy białogłowy zowiemy, Linde, mężata.

То-же и въ лотышскомъ (хотя есть уже и замѣны винительнаго): лай шкēт кунгі вецус вирус, Спрогисъ 257, пусть сочтутъ (васъ) паны старыхъ мужей, т. е. стариками. Такъ какъ въ этомъ языкѣ творительный един. чис. по наружности совпадаетъ съ винительнымъ един., то въ примѣрахъ, какъ слѣдующіе, только по аналогіи со множественнымъ числомъ, можно заключать, что передъ нами второй винительный, а не творительный:

Пате мате саву дēлу кара-виру сатайсія, Спр. 274, сама мать своего сына готовитъ (-ла) воина, т. е. въ воины.

Сак ōзолу цēту кōку, ib, 233, сказываютъ дубъ (винит.) крѣпкое дерево, т. е. называютъ крѣпкимъ.

233 Перн сація межу вайну, ib. 187, въ прошломъ году сказывали ячмень вину, т. е. ставили неурожай ячменя причиною (того, что неженятся).

Пазіну Мадіню раганес мейту, ib. 207, узнаю Магдалину вѣдьмы дочъ, т. е. признаю ее дочерью вѣдьмы.

Шкēт ман лēлу дзēрайінь, ib. 20, считаютъ меня (за) большого пьяницу.

Неньем мані цēма пуйші сēрдениті дēведамі, ib. 181, неберутъ меня сельскіе молодцы, сиротку полагая, т. е. считая меня за сиротку.

Церей мані тāду мулькью, ib. 39, считаетъ меня (за) такую дуру.

Изъ позднѣйшихъ замѣнъ 2-го винит. существительныхъ, кромѣ творительнаго (сдѣлать кого чѣмъ, какъ между прочимъ въ литовскомъ), о которомъ будетъ сказано особо, здѣсь упомянемъ о винительномъ съ предлогомъ за. Въ русскомъ литер. яз. винит. съ за замѣняетъ второй винительный безъ предлога только при глаголахъ мысленной дѣятельности, гдѣ онъ означаетъ предметъ, идеально замѣщающій собою другой (=вин. безъ пред.), напр. счесть что за рѣдкость, имѣть кого за виновника (заимств. ср. поль. mieć, poczytać, poważać co za co), выдать, принять мѣдь за золото; при другихъ же глаголахъ 2-й винит. можетъ быть замѣненъ только творительнымъ, такъ какъ за съ винит. означаетъ при нихъ по прежнему предметъ замѣщаемый другими, напр. называть Ивана за Петра зн. не „Петромъ", а „вмѣсто (того чтобы называть) Петра"; „выбрать, поставить кого за старшину", какъ и „быть

за старшину“ значитъ не „старшиною“, а „вмѣсто старшины“, „его намѣстникомъ“. Исключеніе составляетъ „взять за жену“ въ смыслѣ не „вмѣсто жены“, (наложницею), а женою—быть можетъ заимствованное изъ другихъ слав. нарѣчій со включеніемъ млр., въ коихъ за съ вин. 234
является болѣе общею замѣною 2-го винит., напр. въ млр. за дружину узяти (настоящею подругою, женою), за короля обібрати, пол. wziąć za czeladnika (не вмѣсто, а настоящимъ подмастерьемъ). Тоже въ другихъ слав. нар. (Mikl. V. Gr. IV, 408—9). Тоже въ лит. per съ винит.: не только „asz laikau jį per iszmintingą“, я считаю его разумнымъ, но и „jis buvo per raczų, онъ былъ за колесника, т. е. колесникомъ (Schleich. Lit. Gr. 283). Въ лотышскомъ par съ винительнымъ на мѣстѣ второго винительнаго ставится безразлично, какъ тамъ, гдѣ въ слав. нарѣчіяхъ встрѣчается за съ винит. [Brammani cela par pagasta wecakû, Браммана выбрали старшиною (за старшину) погоста; tewi tur par szkelmi, тебя считаютъ за мошенника], такъ и тамъ, гдѣ это за невозможно: mani sauc par Jâni, меня зовутъ за Ивана (т. е. Иваномъ), Bielenst. Lett. Gr. § 494, 496, Lett. Spr. II, 304—5.

3. **Второй винительный есть прилагательное.** Соотвѣтственно тому, что было замѣчено объ употребленіи въ древнемъ языкѣ второго именительнаго (стр. 178), и здѣсь уже древній слав. языкъ различаетъ съ одной стороны существительное, а съ другой—прилагательное и причастіе, по степени ихъ предикативности. Бóльшая предикативность прилагательнаго въ этомъ языкѣ сказывается въ употребленіи его во 2-мъ винительномъ нетолько при глаголахъ, съ коими сочетается существительное (cognoscendi, nominandi, faciendi), но и при глаголахъ движенія, какъ яти (схватить), вести, нести, сълати, веречи, и другихъ, какъ ясти, жьрти, коихъ общее значеніе трудно опредѣлить точнѣе. Что касается до формы, въ какой стоитъ здѣсь прилагательное и причастіе, то она находится въ прямой связи съ употребленіемъ ихъ въ сказуемомъ. Неговоря уже о другихъ нарѣчіяхъ, и въ старо-славянскомъ, при преобладаніи именной формы, изрѣдка встрѣчается и мѣ- 235
стоименная, о которой можно сказать не то, что она неправильна (Mikl. V. Gr. IV, 142), а только то, что она здѣсь позднѣе именной.

Что мѧ глаголѥши блага, О. Ев. Мат, 19, 17, *τί με λέγεις ἀγαθόν*, cur me dicis bonum.

Иже прокляша Арья, проповѣдаша вѣру непорочну и праву, Лавр. 49 (111), чеш. prohlasili víru bezuhonnou i pravou, Эрб., непорочною и правою. Проповѣдаша Троицю единосущну, ib., т. е. единосущною. Проповѣдаша святую Богородицю, ib., т. е. Б-цу святою.

Вы есте нарекли мя во своемъ племени во Володимерѣ(=и) старѣйшаго, Ип. 144 (459), т. е. назвали, признали старшимъ.

Начаша ему повѣдати осѣкъ во лѣсѣ полнъ (винит.) люди(й) и товара, Ип. 208 (582) (=что осѣкъ полнъ людьми и обозами).

Невѣдыи яко ѫродъ ѥсть (святыи N), нѫ мнѣше й мѫдра, Срезн. Пам. юс, письм. 221. Пришедше взяша и, мертва мняще, вынесше положиша й предъ пещерою и узрѣша, яко живъ есть, Лавр. 83. Князя своего живого вѣдяче, Ип. 64 (303), т. е. не зная живымъ, а зная что живъ. Хотѣша й (Изяслава) Кияне пѣшци убити, мняще ратного (думая что онъ непріятель), незнаюче его, Ип. ib. Мняхуть и своего, Лавр. 28 (64).

Когда же тѧ видѣхомъ страньна.. или нага.. больна, О. Ев. Мат. 37, 8. Дивлѣхѫсѧ, видѧште дѫба облиствьнѣвъша, ти бо вѣдѣхѫ и из давъна соухъ, Supr. 13. Юже видѣвши госпожа ѥя таку (немогущю страдати), отгони ю отъ себе, Срез. Ск, о Б. и Гл. 78.

Равьны намъ сътворилъ ѥси, О. Ев. Мат. 20, 12, *ἴσους ἡμῖν αὐτοὺς ἐποίησας*, eos æquales nobis fecisti; Сав. кн. 149. Уготовите пѫть
236 господьнь и правы творите стьзѧ ѥго, ib. Лук. 3, 4, *εὐθείας ποιεῖτε τὰς τρίβους αὐτοῦ*. Иже сътвори мѧ цѣла, ib. Io. 5, 11, *ὁ ποιήσας με ὑγιῆ*, qui me sanum fecit.

Хвалю бога.. иже... нелѣнива мя былъ створилъ худаго на вся дѣла человѣчьская потребна, Поуч. Мопом. Си (князя) акы несвою волость творита, Ип. 117 (406), т. е. какъ будто считаютъ волость чужою. Жену ту акы мертву створиста, Срезн. Ск., о Б. й Гл. 78; (съ „акы"= скр. iva quasi, Шерцль l. c. 79). Имше же за сухую ногу и трижды ю прекрестивше, цѣлу ю створиста, ib. 26. Ставъ на земли на Бортеневской и зарядивъ себѣ третьего (=третьимъ, т. е. судьею) Государя в. кн. Ивана Вас-чя, сей судъ судили судьи съѣжжіе, 1462, Ак. отн. до ю. б. I. 635.

Аще, княже, неубіеши Якова Прокшинича и пустиши его въ Новъгородъ живого, то тому ти, княже, опять вои привести сѣмо и землю твою пусту створить, Новг. I, 21. Села ихъ пуста положиша, Новг. I, 80.

И самъ отъѣхалъ, неучиня ничего же, только землю Литовскую пусту доспѣлъ, Пск. I, 289.

И тако тѣхъ накорми, не тщихъ отпущаше, Ип. 95 (363). Иныя (вин.) излупивше пущаху нагы, Ип. 212 (589).

И закла отьць твои тельць упитаныи, яко съдрава и приѩтъ, О. Ев. Лук. 15, 27, *ὅτι ὑγιαίνοντα αὐτὸν ἀπέλαβεν*, quod valentem illum receperit.

А самы князи Богъ живы въ руцѣ дава: Коксусь съ сыномъ... и инѣхъ кметій молодыхъ 15; то тѣхъ живы ведъ, исѣкъ, вметахъ въ ту рѣчку въ Славлій, поуч. Мон.

А самихъ всѣхъ Богъ соблюлъ добры-здоровы, Пск. I, 224.

Стада скотины истопи (буря) въ Волховѣ, а другыя одва переимаша живы, Новг. I, 5. Люди многы града того овы побиша, другы изъимаша живы, ib. 87. А человѣка оже кто иметь живого (=живымъ), то самъ будеть убитъ; аще и золотомъ шито оплечье будеть, убий, да не оставимъ ни единого же живого, Троиц. 213.

И възведе ѩ на горѫ высокѫ ѥдины, О. Ев. Мат. 17, I. Къ употребленію второго винительнаго недаетъ здѣсь повода ни греческій (*κατ' ἰδίαν*), ни латинскій (privatim). 237

Овы изби, овы извязавъ поведе босы по леду, Пск. I, 180. Абы како довести полкъ цѣлъ, Ип 127 (425). Аще Богъ приведеть мя сдорового дни сия, то немогу никако-же рускои землѣ забыти, Ип. 120 (411).

Привезоша и въ Новгородъ мертвъ, Нов. I, 36.

И възложивше (и, Михалка) на носилицѣ несяхуть токмо ле-жива, Ип. 118 (407).

И имъше и биша и послаша и тъщь (*ἀπέστειλαν κενόν*)... того каменинѥмь бивъше знаманаша и посълаша бещьстьна (*ἠτιμωμένον*), Марк, 12, 3—4. Мстислав. Ев. Бусл. и Хр. 36.
Убиша Пруси Овъстрата и сынъ его Луготу и вървьргоша и въ греблю мьртвъ, Новг. I, 33.

Княже,.. нынѣ ворогы свои держишь просты (=свободными, на свободѣ), а казни ихъ, любо слѣпи, Ип. 119 (410). Есмо первѣй сего писали до васъ, ажъ бы есте были по готову на службу нашу, на войну, и держали кони сытыи и зброи чистыи, 1514, А. З. Р. II, 114.

Поустишасѧ на свѧтынѧ, да живы ѩ пожьрѫтъ, Supr. 45. Живы пожръли быша ны, Пс. 123, 2.

Такое употребленіе прилагательнаго, хотя съ большими ограниченіями, продолжается и по-нынѣ. Въ влр. говорахъ и теперь бы возможно: „безпечальна (=беззаботнымъ) мати меня породила, О горѣ злоч. Пам. и Обр. I, 419. Ты на что меня Добрынюшку нещасного спородила? Спородила бы.. ты бѣленькимъ горючимъ меня камешкомъ, Кир. П. II 30. Онъ пускалъ коня непривязана ib. 6. Ср. „попалъ какъ я мать на старого, попалъ на старика невеселаго, да одва, мать старцишшо-то жива спустилъ, Онеж. был. Пам. и обр. I, 356; коли выкупишь, дакъ живыхъ спушшу, ib. 380; поминай меня Добрынюшку убитаго (=убитымъ, какъ убитаго), Кир. П. II, 32; онъ хочетъ живого съѣсть ib. 41. У писателей: а это ничего, что ты свой долгій носъ и съ глупой головой изъ горла цѣлъ унесъ? Крыл.; раздѣвали раненныхъ, оставляя нагихъ посреди поля, Пушк.; бѣсовъ вобще рисуютъ безобразныхъ, Лерм.; выгналъ сотникъ свою дочку босую изъ дому, Гог. Одинъ=solus въ этихъ случаяхъ и неможетъ быть поставлено иначе, какъ въ винительномъ: оставить ее одну, его одного, ихъ однихъ. 238

Въ малорусскомъ: бачиш мене, милий, гожу, хорошую, на вік здоровую, а борони Боже недуги (род. ед. ж.), тогді ти помислиш об другій, Метл. 46; мене покидаєш дужую-здорову, ib. 55; мене мати породила, нехрещену (прилагат.) положила (говорить мавка); ой дівчино небого, люби мене голого, Метл. 119; витягли Веклу зовсімъ мертву, Квит.; підвели Явдоху и ледве-ледве живу поволокли її до дому id.; на-лишень отцю жабу.. и ще живу, нездохшу укинь мерщій у піч, id.; ци ви його испеклисте, ци сирого зъїли, Гол. П. I, 722.

Подобные примѣры въ сербскомъ см. Данич. Синт. 408—10; въ чешскомъ—Zikm. Skl. § 68, I, a, 2; въ польскомъ старинномъ: dziwna uczinił swǫtego swego, Małgorz. (Mikl. V. Gr. IV, 143); jakkole konia sdrowego jemu.. był požičił, a wszakož tento Maciej tego istego konia jemu wrócił chromego 1449, Ks. Ust. 45; въ новомъ пол. widząc noc późną, chłodną i burzliwą, každy do domu powracał, Mick.; inny świat rzucam, aniželim zastał id.; zostawiam ćiebie samą, Goszcz; niechaj nas raczej twój piorun wystrzela, lub žywych žiemia pogrzebie, Mick.

Въ литовскомъ переводѣ библіи второй винительный прилагательныхъ также обыченъ, какъ въ древнерусскомъ. Ср. напр. Лук. 3, 4; id. 15, 27; Іо. 5, 18; Марк. 12, 3 и пр. Тоже и въ просторѣчіи (хотя обыченъ и творительный): dawė (ji) su ketureis jaczeis gywą suplėszyt, Schl. Les. 209, далъ (приказалъ) его четырьмя волами живого разорвать; sakė tawę szokią, sakė tawę tokią, говорили тебя сякую.. такую, т. е. что ты такая-сякая, при чемъ отнюдъ неслѣдуетъ вмѣстѣ со Шлейхеромъ (Gr. 263) предполагать здѣсь опущеніе причастія или дѣепричастія: tokią ėsanczę v. ėsant. Объ этомъ послѣднемъ оборотѣ будетъ сказано ниже.

239 Въ лотышскомъ: сака мані лєну, рāму, Спр. 152, говорятъ меня тихую, скромную, т. е. что я..; шкиту бѣзу прѣдулаю, малінā стāведама; шкіту гудру тауту дѣлу, аугумā раудзідама, ib, 187, считала густой (вин.) соснякъ (=что густъ), на краю (его) стоя; считала умнаго людскаго сына (=что уменъ молодецъ), на ростъ (наружность) его глядя; сиксту тейца близмас целму, гудру мейту мāмульіті ib. 50, крѣпкій сказываютъ ивовый пень, умную мать дѣвицъ (=что крѣпокъ, что умна-хитра).

Обороты, развившіеся насчетъ разсматриваемаго здѣсь, суть: а) придаточное предложеніе съ изъяснительнымъ союзомъ, въ случаяхъ, когда новый языкъ нетерпитъ перваго винительнаго: узнали, что онъ живъ, и b) творительный на мѣстѣ втораго винительнаго. Другіе [„въ живыхъ оставить“, „ихъ самихъ и слугъ ихъ збили.. и за мертвыхъ (=замертво) покинули, 1544, Ак. З. Р. II, 396“ и нарѣчіе, напр. „но я нетакъ (нетакого, нетакимъ) всегда воображалъ врага святыхъ и чистыхъ помышленій“, Лерм.]—менѣе важны.

4. Второй винительный—причастіе. Винительный причастія въ однихъ изъ ниже приведенныхъ примѣровъ есть съ точки зрѣнія позд-

нѣйшаго языка очевидно второй, или предикативный винительный; въ другихъ онъ можетъ быть принятъ за простое опредѣленіе или приложеніе; но отдѣленіе однихъ примѣровъ отъ другихъ затруднительно, такъ-какъ древній языкъ недаетъ для этого никакихъ основаній.

Видѣша юношѫ сѣдѧщь.. одѣнъ въ одеждѫ бѣлѫ, О. Ев. Марк. 16, 5; въ греч. и лат. тоже причастія въ винительномъ; сѣдѧщь, одѣнъ оказываются приложеніями: юношу, сидящаго, одѣтаго; но см. слѣдующее:

Заутра же видѣша людье князя бѣжавша (= что к. бѣжалъ) възвратишася Кыеву, Лавр. 74 (168). Види товарища горяща (что станъ горитъ) и воротися опять, Ип. 85 (344). Видѣ Петра ѣдуща и поругася ему, Ип. 72 (319). И узрѣ Ярославль полкъ побѣгъшь Гюр- 240
ги (увидѣлъ, что Я. полкъ побѣжалъ) и тъ вда плече, Новг. I, 35. Видѣвше горожане изнемагающе(= я = ѧ) своихъ, и выринушася изъ города и бишася, Лавр. 168 (379). Андрей.. видѣвъ же Половци(я=ѧ) стояче(=я) назадѣ.. въѣха въ полкъ свои. Ип. 63 (302). Князи же видивше Половци (вин.) идуче прочь, поидоша, Ип. 70 (315). Видихомъ полкы многы стояче у города, Ип. 87 (348). Аще узриши насъ погнавшихъ, скорѣе по насъ пожени, Ип. 193 (552). Тръпиши сѣдя и зря, ихъ же имѣеши, рабы упивающася, Поуч. Никиф. Русс. Дост. I, 69. Богъ, видя наша безаконія и братоненавидѣніе и крестомъ вѣрящеся во лжю (т. е. видя ны вѣрящяся).. и за то Богъ на насъ поганыя наведе, Новг. I, 46. Володимеръ видѣвъ церковь свершену (увидавъ, что окончена), вшедъ в ню и помолися Богу, Лавр. 53 (121). Изяславъ же видѣ полкы бѣжачѣ побѣжены [„что бѣгутъ и побѣждены", или „что побѣжденные (будучи побѣждены) бѣгутъ"] побѣже, Ип. 44 (267). Видивше братья вся.. полки своя възмятены, отъѣхаша во своя си, Ип. 13 (214). Половци видѣвше стада своя взята.. вобрьдоша во Днѣпръ, Ип. 140 (491). Игорь же видѣвъ Половцѣ побѣжены.. и бѣжа, Ип. 125 (421). Тъгда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце.. видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты, Сл. о п. Иг. ѥгда же видѣ сѧ (винительн.= себя) съкрушена (что его избили „малы не до съмрьти"), глагола, Срезн. Пам. юс. пис. 212. Шедше къ погребу видѣша ключа поврежены и заключено [что ключи (задвижки) нетронуты и замкнуто], лѣсьвицю же, по ней же всходять и исходять, внѣ лежащю, Срезн. Ск. о. Б. и Гл. 83.

Мы слышахомъ и глаголѭщь, О. Ев. Марк. 14, 58, въ греч. съ 241
родит. ἠκούσαμεν αὐτοῦ λέγοντος. Изяславъ же слыша Гюргя пришедша, Ип. [1] 43. Слышавъ узворотившихъся (=что князья возвратились) и иде Изяславъ у Вятичѣ, Ип. [1] 87. Слышавше идуча Изяслава.. даша ему миръ, Ип. [1] 87. Услышавъ же Всеволодъ полонену жену и съ дѣтми и имѣнье взято, печаленъ бысть велми, Лавр. [1] 169.

Како стоить земля, чюющи тя на себѣ на крестѣ висяща, Кир. Тур. Калайд. 31. Почютиша Ярополка идуча, Ип.[1] 13.

Увѣда Всеволодъ Ярополка умерша (что умеръ), а Вячьславъ сѣдить въ Кіевѣ, Ип. 15. Фрязи же увѣдавъше ята Исаковиця (что схваченъ), воеваша волость около города, Новг. I, 27.

И нечоу Иосифъ и мати ѥго, мьнѣвъша же и въ дроужинѣ сѫщь, О. Ев. Лук. 2, 44. (Въ греч. и лат. — винительный съ неопредѣленнымъ). Мнѣхѫть и испродавша и (т. е. я, сочива, или ꙗ, съсѫды), Срезн. Пам. юс. п. 221. Печенѣзи же мнѣша князя пришедша, побѣгоша разно отъ града, Лавр.[1] 28. Мняхуть (ю) бѣснующюся, Срезн. Ск. о Б. и Гл. 79. Смрть бо мужю правдиву покои ѥсть, немнимъ бо погыбающе (=а=я) тѣхъ, иже отходять къ Богу; праведныи убо Богъ, правду бо видѣвъ я творяща, и въ правдѣ покоить я. Творимъ убо погыбающе (=а, я) тѣхъ же (=иже) святомь крсщениѥмь непростишася и, въ лести бес правды безакониѥ творяще, грѣхы себе събравше, погыбоша, Сп. XIV в. Срезн. Ск. о Б. и Гл. XII. Сего цѣща и Нила мѣнетъ (=полагаютъ) не въ то-жде годъ (=время) вод'нещь се, въ нь же и ины рѣкы, нъ оу полы жетвы напаяѥтъ Егуптъ, Іо. Экз. Шестодн. 4.

Възненавидимъ мира сего, всегда поминающе о семъ Господа рекша: „аще кто неоставить отца своего... Поуч. Θеод. Печ.

Князя творяхуть спяща, Ип. 134, т. е. сказывали, подавали видъ, будто кн. спитъ. ѥже (вышеупомянутое) творить и митрополита Георгья
242 русьскаго напсавъша, а нѣту того нигдѣ же, Впраш. Кюр. по сп. XIII в. Калайд. Пам. 195. И биша й на вѣчи и свергоша й съ моста, творяхуть бо его перевѣтъ державша къ Михаилу, Новг. I, 73. Убиша N и N, яко творяхуть е (=я) перевѣтъ дрьжаще (=я) къ Святославу, ib. 14. Убиша (такихъ-то) творяхуть бо я съвѣтъ държаще на свою братью, а то Богови судити, ib. 22. Сожьгоша вълхвы 4, творяхуть е (=я) потворы дѣюще, а Богъ вѣсть, ib. 44.

Кто взглаголеть силы господня и слышаны створить вся хвалы его, Срезн. Ск. о Б. и Гл. 78.

Идущу же ѥму, повѣдаша ѥму отца умерша а брата старѣйшаго Святополка сѣдша на столѣ отчи, ib. 11.

Тогда бо глаголахуть тму бывшюю (говорили, что была) въ Галичи, яко и звѣзды видѣти середѣ дни, солнцю померькшю, Ип. 135.

Та бо уста (блаженнаго Кирилла) свѣтлѣйша свѣта яви Господь, омраченныꙗ льстью грѣховною просвѣщающа (явилъ просвѣщающими омраченныхъ), XIV в. Срезн. Свѣд. и зам. XXXVII, 58.

Обрѣтоша Мариѩ же, Иосифъ и младеньць лежащь въ ꙗсльхъ, О. Ев. Лук. 2, 16. Обрѣте ꙗ съпаща, ib. Мат. 26, 40. Да не пришьдъ вънезаапѫ, обращеть вы съпаща ib. Мар. 13, 36.

Ижеряне усрѣтоша ихъ (Емь) бѣгающе и ту ихъ избиша много, Новг. I, 43.

И тако соблюде и Богъ невређена, Ип. 122.

Въ литовскомъ переводѣ библіи господствуетъ еще 2-й винит. причастія, хотя есть уже и его замѣны. Вообще онъ ставится тамъ же, гдѣ 243
и въ ст.-сл. и древн. инд., то есть не только на мѣстѣ того же падежа причастія въ греч. и лат., но и тамъ, гдѣ въ этихъ языкахъ винительный съ неопредѣленнымъ, напр. sako neėsantį isz numirusû prisikelimą, Марк. 12, 18, dicunt non esse resurrectionem; иногда на мѣстѣ ст.-сл. развитого придаточнаго, напр. žinojej manę piaujantį, kur nesėjau, ir renkantį, kur nebarszczau, Мат. 25, 26, при ст.-сл. вѣдѣаше, яко жьнѭ и пр. Здѣсь слѣдуетъ упомянуть о „je rado daug iszwogta, они нашли много украдено, гдѣ причастіе страд. въ среднемъ родѣ могло пониматься какъ винительный падежъ, Schl. L. Gr. 319. Въ латышскомъ, какъ кажется, преобладаютъ уже замѣны 2-го винит. прич. (придаточныя предл. съ ka=что, дѣепричастія), хотя есть и самъ этотъ падежъ. См. Biel. Let. Gr. § 761, 771.

Въ позднѣйшемъ періодѣ славянскаго языка 2-й вин. прич. частью удерживается [напр. въ русск. литер.: ласточку свою (непосредствен. объектъ) онъ видитъ на снѣгу замерзшую, Крыл.; я нашелъ его окруженнаго нашими офицерами, Пушк.; я нашелъ его у воротъ сидящаго на скамейкѣ, Лерм.; я очень удивился, услышавъ ее (собачку) говорящую, Гог.; въ польск. niech znają bronie (посредств. объект.) jeszcze niezepsute, Krasicki; są ludzie, ktorych niemožna sobie wyobrazić zakochanych, W. Pol.], частью переходятъ въ творительные падежи и дѣепричастія. Оба винительные могутъ замѣняться придаточными предложеніями; но особенно заслуживаютъ вниманія случаи, гдѣ предложеніе замѣняетъ собою лишь 2-й винит. причастія, свидѣтельствуя этимъ о предикативности послѣдняго, напр. въ серб.: виђеше младића, гдје сједи (=сѣдащь); нађоше дијете, гдје лежи (младеньць лежащь); чеш. uzřely mládence an sedí, Хорут. mi smo ga slišali, da je djal. См. ниже, 7.

5. Дѣепричастія изъ винительнаго причастій настоящаго и 244
прошедш. дѣйств. Въ теченіе нѣкотораго времени въ ст.-русскомъ дѣепричастія изъ 2-го винит. существуютъ рядомъ съ самимъ этимъ винительнымъ, при томъ, какъ я думаю, непотому, что въ памятникахъ, изъ коихъ мы заимствуемъ примѣры, книжный языкъ смѣшанъ съ простонароднымъ, а потому, что и въ этомъ послѣднемъ причастія невдругъ превратились въ дѣепричастія, а такъ, что нельзя навѣрное сказать, гдѣ кончаются одни и начинаются другія. Формы, какъ „видѣхомъ полкы стояче, бѣжачѣ", выше отнесены къ причастіямъ, на томъ основаніи, что видится возможность возникновенія *е* и *ѣ* (=*е*, а

не = *и*, что тоже бываетъ) изъ *я* = ѧ чисто фонетическимъ путемъ; но быть можетъ мы и здѣсь уже имѣемъ передъ собою дѣепричастія, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторомъ смыслѣ этого слова. Труднѣе допустить, чтобы формы съ *и* на концѣ (вязячи) могли фонетически, безъ измѣненія смысла формы, возникнуть изъ вязяча съ *я*=ѧ, или чтобы пришедше было только фонетическимъ видоизмѣненіемъ формы вин. ед. мн. пришьдъшь. По этому такія ф. мы относимъ уже къ дѣепричастіямъ.

Ср. ц. сл. Онъ же.. възрѣвъ, видѣ кыихъ бѣсъ сьсѫмнѧштесѧ ѥго и застѫпаѭште отъ страха, Supr. 27; обрѣте (смокъвѐ) листвиѥмь красоуѫште сѧ, ib. 259.

Видѣхъ и море мрътво, водѫ прѣмѣнѥнѫ своѥѩ вешти, страхомъ Божиѥмъ отъпадъшѫ и немогѫшти животъно вь себѣ кръмити, и въходѧште (вм. 2-го дат.) подъ водѫ комоу въ нѥ, измештеть и вънъ, и оудръжати тѣла чловѣчьска немогѫштѫ въ себѣ, Supr. 97.

Стоящю ему съ вечера на молитвѣ „вѣдѣ (= видѣ) образъ лица Га нашего Іс. Ха просвьтѣвъшеся (м. б.-въшься?) паче солнця, Іо. 12, 50, Срезн. Пам. русск. письма.

Слышавше Болгаре в малѣ дружинѣ князя пришедше (въ Лавр. сп. еще „пришедша"), идуща опять сь полономъ, доспѣша въ борьзѣ, Ип. 106 (385), Лавр. 155.

Прочии видивше князя своего крѣпко бьющеся, выринушася изъ города, и тако отъяша князя своего язвена сущи треми копьи, Ип. 132.

Половци услышавше всю землю русскую, идуще бѣжаша за Донъ, Лавр. 168. Такъ уже въ ст.-сл. пам.: ѥгда видиши ученика прѣдаѭште, Супр. 305, Mikl. V. Gr. IV, 824.

245 Види многое множество колодникъ Галичанъ вязячи, Ип. 74, т. е. что множество колодниковъ находится въ плѣну, въ состояніи „связней" (вязѣти). Бѣ видити слезы его лежачи по скранью его, яко жѣнчюжная зерна, Ип. 95. Невидал есми мертвеца на свиниях ѣздячи, ни черта на бабе, Дан. Заточн. сп. Ундоль., Р. Бес. 1856, 2, 118.

Нифонтъ.. заста Кыяны съ Церниговцы стояце противу собе, Новг. I, 7.

Быть можетъ, сюда же относится и первообразъ слѣдующаго мѣста: „ношахуть Русь съ 15 мужь утекши, а Ковуемь мнѣе, а прочіи в морѣ испотопоша, Ип. 132 (434). Носити, какъ и литов. naszinti—разносить вѣсть, сказывать, ferre — fertur. При этомъ значеніи дательные самостоятельные „Руси утекъши" недаютъ удовлетворительнаго смысла; по этому и дательн. „Ковуемъ" скорѣе слѣдуетъ считать за ошибку. Можно бы предложить чтеніе: „ношахуть Русь, съ 15 мужь, утекши", въ коемъ Русь — винительный прямого дополненія къ ношахуть, утекши — дѣепр. изъ вин. мн. утекъшя, согласованнаго съ собирательнымъ Русь, а „съ 15 муж" — самостоятельное вводное. Но пред-

почтительнѣе другая поправка: „ношахуть Руси съ 15 мужь утекши, а Ковуевъ мнѣе“, гдѣ „съ 15“ стоитъ на мѣстѣ перваго винительнаго, Руси, Ковуевъ — дополненія къ „съ 15“, утекши — дѣепр. изъ винительнаго первоначально согласованнаго съ „съ 15“.

Чинимъ славно и знаемо и даємъ ведомо оусемъ, хто коли сюю грамоту видить а любо слышить прочитая, 1387. Гр. Ягайла, Срезн. Пам. Р. п. 266.

Мы мужи Полочане даемъ вѣдати, кто на сию грамоту узрить (= въззрить) или услышить чстучи, 1407, Рус. Лив. Ак. № 144. Хто нашь сь листъ узрить или услышить его чтучи, 1478, ib., № 245, и вообще весьма часто въ обычныхъ началахъ грамотъ, напр. А. Ю. и З. Р. I, № 8. Первообразъ этихъ выраженій можетъ быть „услышить (кого-любо) чьтуча“, при чемъ первый винительный легко можетъ быть опущенъ. Тоже:

Гдѣ котораго лиходѣя государя своего великаго князя взвѣдаю или услышу думаючи на государя своего лихо.. и мнѣ то сказати, 1522, Собр. г. гр. и дог. I, № 149.

И благословляя его владыка рече: „Богъ-деи тобя государя благо- 246
словляетъ Псковъ вземши, Пск. I, 286. Ср. уже разъ приведенные выше: „поздоровляютъ князя обручався, вѣнчався, сочетався бракомъ“ (161) и Рыбн. IV, 19.

И тое веселье, которое-жъ въ тыи часы мѣли, коли слышали брата... въ тую кровную приязнь съ тобою уступуючи, дочку твою собѣ жоною беручи, нынѣ обернули собѣ въ смутокъ и жалость, 1501, Ак. Зап. Р. I, 220. Естли бы насъ.. або войско наше услышалъ тягнучи напротивку того нашого непріятеля, 1514, ib. II, 171.

Въ новомъ сѣв. влр. сюда относятся примѣры, какъ „видѣли молодца сядучись, а не видѣли удалаго поѣдучись“; „неучествовать молодцевъ пріѣдучись“ и пр. приводимыя изъ Рыбникова у Бусл. Гр. § 275, 2, прим. 2. Въ этомъ примѣчаніи вышеупомянутые примѣры смѣшаны съ дѣепричастіями изъ другихъ падежей (именительнаго, дательнаго) и обо всѣхъ безъ различія сказано, что они „соотвѣтствуютъ ц.-с. дательному самостоятельному“. Относительно названія (l. c.) разсматриваемыхъ здѣсь дѣепричастій независимыми, замѣчу, что такое названіе, понятое въ обширномъ смыслѣ, могло бы быть дано всякому дѣепричастію, въ силу его неспособности согласоваться, но что въ частности независимымъ есть основаніе назвать только дѣепричастіе, возникшее изъ прич. въ самостоятельныхъ падежахъ. Если первый винительный въ „слышахуть князя пришьдъша“ есть падежъ зависимый, какъ прямое дополненіе, то и второй, согласуемый съ нимъ,—тоже; а такъ какъ изъ послѣдняго возникаетъ дѣепричастіе, нетеряющее всей связи съ первымъ винительнымъ, то почему же оно независимо?

Возвратная форма дѣепр. въ упомянутыхъ и другихъ подобныхъ примѣрахъ (напр. Рыбн. III, 5, 63, 77, 307, 325, 375 и пр.) независитъ отъ предполагаемаго этими дѣепричастіями падежа: она бываетъ въ дѣепр. при именительн. [1]), дательн.; ея можетъ небыть при винительномъ (и родительномъ), при чемъ разница въ значеніи отъ насъ ускользаетъ: „видѣли молодцёвъ сѣдуци, да невидѣли молодцёвъ поѣдучи", Пам. и обр. I, 374; вид'ли тутъ Добрынюшку да сядучи да невид'ли удалого поѣдучи, Гильф. 34; увидалъ же тутъ да Сóловей Рахматовичъ (дѣтей) подворотенку здымаючи: „Ахъ вы глупыи вы дѣтушки.. ib. 19; ухватила (змѣя) тутъ Забаву дочь Потятичну въ зеленомъ саду да ю гуляючи (= когда Запава гуляла), ib. 32; Рыбн. III, 86, 146; IV, 8, 10, 22, 27 и пр. Невидать буде крестовой больше матушкѣ милое крестово свое дитятко не (= ни) на уличкѣ гулюци широкой, не на трудной то ее работушкѣ, Барс. Причит. I, 136; я сидѣла-бъ подъ косѣвчатымъ окошечкомъ, я глядѣла-бъ на широку на уличку.. усмотрѣла-бъ, може, идуци я скорую смеретушку, ib. 167; добры молодцы.. вы невидали-ль сердечно мило дитятко Богу молячись (=молящееся) во этой во Божьей церкви, ib. 208; зима лютая, неморозь меня при дороженькѣ коня ведучи, збрую несучи, Шейнъ, Р. н. п. 361. Бр. (царь на войну) пошлець каня вараного, двараніна маладого, вараного каня гарцуючи, маладого двараніна ваючи, Роман. Бр. сб. I, 286; а я свайму дзевяру Юрку зарѣзала пятуха, курку: „хоць цябе папарви ядучи, толькі мяне нежури живучи", ib. 222. У Державина: сѣдящъ, увѣнчанъ осокою, въ тѣни развѣсистыхъ древесъ, на урну облегши́сь (изъ вин.) рукою, являющій лице небесъ прекрасный вижу я источникъ (ed. Гротъ I, 78).

247 Въ нынѣшнемъ р. литер. такихъ дѣепричастій нѣтъ; въ млр. они рѣдки: ймили Петра Бондарюка в Харинюка спючи (=спящаго), Головац. Пѣс. I, 176; ой бив мене дробен дождик, била мене тучи (им. ед.) сеї ночи о півночи від любкі ідучи, Стрый, Станисл. окр. Żeg. Pauli P. l. R. I, 188; благословіт же мене у шлюб уступаючи: ви мені й батько и отець благодітель, Квит. Коз. Д.; душа й розум повелівали їй хоч погибнути, а недовести милого чоловіка до нещасної жизти з нерівнею побравшися, Квит. Щира люб. Въ стар. польскомъ: a uźrzaw Saula spiǫc w stanie, rzecze, Царей I, 26, 5; Dawid a Abizai... nalazła sta Saula leżǫc a spiǫc w stanie, a kopie tczǫc w ziemi u jego głowy, a Abner (винит.) a jiny lud spiǫc około jego, ib. 26, 7, Maciejowski, Dodat. do Piśm. P. 18. Mnie zaś Pan Bóg w ten dzień zachował od szwanku z trzema mężami pojedynkując się, XVII в. Pam. Paska, ed. Węclewski 95. Въ ст. чешскомъ: uzře syna swého podle sebe na tém-ž prawidle

[1]) Ѣздучись дѣтина во чистомъ полѣ, стоючись дѣтина подъ сырымъ дубомъ, истаскалися-де платья цвѣтныя, Рыбн. III, 73; я смотрючись на красоту Чурилову... помутились у меня очи ясныя, ib. 126, 138. Ср. выше стр. 194—200.

stojíce, Zikm. Skl. 415. Въ серб. зачу лелек и зачу кукање, стару мајку Јова кукајући, Mikl. V. Gr. IV, 824; лонац ћеш познат звонећи, а човјека говорећи, ib. 829.

Въ литовскомъ и лотышскомъ дѣепричастія такого происхожденія весьма обычны. Понятно, что если въ каждомъ изъ славянскихъ нарѣчій дѣепричастія образовались отдѣльно, въ относительно-позднюю пору ихъ самостоятельной жизни (въ русскомъ около XII—XIII в.); то сходство въ этомъ отношеніи между слав. нар. и литовско-лотышскимъ могло произойти только отъ единства основныхъ данныхъ и сходства стремленій языка. При томъ сходство это далеко не полное.

Въ литовскомъ всѣ три его дѣепричастія дѣйств. (наст., прош. и буд.) происходятъ между прочимъ отъ 2-го винительнаго:

pamatė szį atjojent, Schl. Les. 143, увидалъ его подъѣзжая, т. е. что онъ подъѣзжаетъ; jis girdėjo tą dainą dainûjent, ib. 146, услыхалъ ее пѣсню поючи (что она поетъ); kožnas rado sawo wadžes pastaldszaly bekabant, ib. 203, каждый нашелъ свои возжи на мѣстѣ при стойлѣ вися (висящими, что висятъ); iszgirdo beskalbient, ib. 201, услышала перучи, т. е. что кто-то моетъ бѣлье валькомъ; jis pajuto Laumę įlindus, ib. 199, онъ замѣтилъ Лауму влѣзши (что влѣзла); žinome dėwą swėtą sutwėrus, Schl. Gr. 322, знаемъ Бога свѣтъ сотворивши (что 248
сотворилъ); tu žinojei manę apjeksent (будущ.), ты зналъ меня имѣя ослѣпнуть, т. е. что я ослѣпну.

Въ лотышскомъ изъ этихъ трехъ дѣепричастій находимъ только настоящее (Biel. Lett. Gr. § 753; α, β; es wińu redzeju jâjût, я его видѣлъ ѣдучи, т. е. что онъ ѣдетъ), при чемъ его функція сравнительно съ литовскимъ, кажется, расширена по отношенію къ залогу: редзу саву мâмальіпь пар калніню айзведôт, Спрог. 222, вижу свою матушку черезъ гору заведя, т. е. что мою матушку увозятъ черезъ гору, при чемъ айзведôт принято въ страдательномъ смыслѣ.

Съ другой стороны, дѣепричастіе отъ прич. страд. на ма-с, составляющее особенность лотышскаго яз., образуется нетолько отъ глаголовъ дѣйствительныхъ, но и отъ среднихъ, и въ послѣднемъ случаѣ, а иногда и въ первомъ, неимѣетъ страдательнаго значенія, повидимому неотличаясь отъ дѣеприч. дѣйствительнаго:

то (мейтіню) сатіку айзведам, Спрог. 52, её (дѣвицу) встрѣтилъ уводим(ую);

эс редзею Яню-накті трис саулітес узлецам; ib. 292, я видѣлъ въ Иванову ночь три солнышка всходим(ыя) = что взошло, что всходятъ;

эс шкіту лѣтіню лаукâ листам, ib. 223, я считала дождикъ (вин.) на дворѣ льючи, т. е. что идетъ;

ѣраудзіис рудзу лауку ка удені лигоям, 258, увидѣвши поле ржи какъ воду волнуясь, т. е. что рожь волнуется какъ вода;

шкіте манус бȧлелінюс ікваkару клаусамѣс, ib. 23, считала моихъ братцевъ каждый вечеръ слушаясь, что они слушаютъ (по Спрогису „будутъ слушать") ея пѣніе;

дзірду теві рунаям, Бривземніакс, N 447 (Сборникъ Дашкова II), (когда) я слышу тебя говоря, т. е. что ты говоришь;

249 дзірд' эс тэві дзіадаям, бірст ман гаужас асаріняс, ib. № 4, когда слышу тебя поючи, катятся мнѣ горькія слезы.

См. также Bielenst. Lett. Gr. § 766, *β*, 767.

6. Второй винительный составной. Пусть будутъ даны въ древнемъ языкѣ два предложенія, грамматически несвязанныя между собою, первое съ винительнымъ прямого дополненія, второе—со вторымъ именительнымъ: „видѣ ины: стоѩть праздьни". Если второе становится частью перваго, примыкая къ его винительному, то на мѣстѣ второго винительнаго является два винительныхъ, изъ коихъ первый необходимо есть причастіе:

видѣ ины на тръжищи стоѩща праздьны, О. Ев. Мат. 20, 3, *εἶδεν ἄλλους ἑστῶτας ἀργούς*, invenit alios stantes otiosos. Сав. Кн. Срезн. П. юс. п. 148;

видѣ желѣза, иже бѣша на немь и на подрузѣ, ѥго изломана лежаща окрестъ ѥго, XII в. Срезн. Ск. о Б. и Гл. 82;

обрѣтоша тѣло святою лежаще цѣло, ib. 21.

Чаще за исходную точку языка можно принять здѣсь не самостоятельное предложеніе съ качественнымъ глаголомъ въ сказуемомъ, какъ выше, а второй винительный. Въ такомъ случаѣ для разчлененія предложенія съ двумя винительными, для болѣе явственнаго выраженія предикативности второго падежа, при немъ ставится винительный причастія настоящ. гл. существительнаго:

вѣдѧ(=я)аше духъ Богъ сѫщь, *ᾔδει το πνεῦμα Θεὸν* XI в. Будиловичь, 38;

отидошѧ оставльше и лѣ-жива сѫща, О. Ев. Лук. 10, 30, *ἀφέντες ἡμιθανῆ τυγχάνοντα*;

црквь же разоумѣваи небо соуште, олтарь же — прѣстолъ Вышьняаго, слоужителѧ же аггли Божия, Изб. 1076, 12;

васъ мертвыхъ суща съоживилъ ѥсть съ нимъ, по Острож. Биб. у Добров. Колосс. 2, 13, *ὑμας νεκροὺς ὄντας*.

Водѫ и кръвь источи отъ прободеныихъ ребръ своихъ Съпасъ, да.. кръвь своѭ избавьѥньѥ бывъше явитъ имѫштиимъ на-нь надеждѫ, Supr. 369.

Обрѣте тѣло Христово на крестѣ наго и прободено висяще, Кир. Тур. Калайд. 29.

Видѣвъ ю добру сущю зѣло лицемъ и смыслену... бесѣдова къ ней, Лавр. 26 (59); видиши мя болное (вин. болну) сущю, ib. 28 (66); взя же ида мѣдѣнѣ двѣ капищи и 4-и конѣ мѣдяны... якоже невѣдуще мнять я мрамаряны суща, ib. 50 (114); видя же люди хрестьяны суща, радовашеся душею и тѣломъ, ib. 54 (122); и воземше его велми ранена и ле-жива суща, и несоша, Ип. 138 (447); бысть жалостно зрѣти нань, видячи его болна суща, Ип. 214 (592).

Старинные русскіе памятники, сколько извѣстно, сохранили косвенные падежи и именит. дв. и мн. причастія сы только въ ихъ церковно-славянской формѣ. Изъ этого однако неслѣдуетъ, что разсматриваемый оборотъ былъ свойственъ только ст.-сл. и книжному русскому. По крайней мѣрѣ кажется вѣрнымъ, что онъ вполнѣ согласенъ съ духомъ древняго русскаго языка и другихъ славянскихъ. Въ новомъ языкѣ онъ неумѣстенъ потому, что этотъ языкъ стремится замѣнять развитыми придаточными предложеніями даже вторые падежи, болѣе удаленные отъ полной предикативности, чѣмъ составной винительный. Нынѣшній литовскій яз. замѣняетъ творительнымъ второй винительный существительнаго, какъ менѣе предикативнаго и далѣе отстоящаго отъ личнаго глагола, чѣмъ прилагательное и причастіе; между тѣмъ вторые винительные прилагательныхъ и причастій въ этомъ яз. въ значительной степени уцѣлѣли. Но и второй винит. существительнаго можетъ остаться, если потерянная имъ предикативная сила будетъ возмѣщена присоединеніемъ къ нему причастія гл. существительнаго. Тоже бываетъ и при прилагательномъ, но такъ какъ оно можетъ стоять и въ несоставномъ 2-мъ винительномъ (sakė tawę szokią), то, значить, литовскій языкъ болѣе чувствуетъ потребности въ оборотѣ, какъ 251
слав. вѣдѣаше Богъ (винит.) духъ сѫщь, чѣмъ въ такихъ, какъ „вѣдѣаше и́ жива сѫща".

Причастіе здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, можетъ перейти въ дѣепричастіе, чѣмъ достигается распаденіе составного винительнаго и своеобразность оборота, сравнительно съ соотвѣтственнымъ древн. греческимъ. Кругъ употребленія второго составного винительнаго въ нынѣшнемъ литовскомъ шире, чѣмъ въ ст.-славянскомъ, такъ какъ въ послѣднемъ на мѣстѣ этого построенія находимъ нетолько такое-же, но и простой винительный и неопредѣленное быти съ винительнымъ.

Sake diewą ėsant sawo tėwą Io. 5, 18. Въ О. Ев. 2-й вин. простой.

žinojo jį wyrą teisų ir szwentą ėsant, Марк. 6, 12. Въ О. Ев. 2-й вин. простой.

Ką sako žmonės zmogus sunų ėsantį, Мат. 16, 13.

Ogi jus ką sakot manę ėsant, Мат. 16, 15.

Jį atsudijo wertą ėsantį smertės, Марк. 14, 69.

Послѣднимъ тремъ примѣрамъ въ О. Ев. соотвѣтствуетъ винительный съ неопредѣленнымъ накл.

227 . 7. Русскіе винительные въ „увѣдаша князя идуча“ (=что князь идетъ) принадлежатъ къ одному строю языка съ греческими въ „*Χεῤῥόνησον κατέμαθε πόλεις ἕνδεκα ἢ δώδεκα ἔχουσαν*, букв.—узналъ Херсонесъ, имѣющій 11 или 12 городовъ, т. е. что Х. имѣетъ.., Curt. Gr. Schulgr. § 591. Встрѣчая обороты, сходные съ этими лишь по первому винительному, а въ прочемъ отличные, можно видѣть новизну не въ сходствѣ, не въ винительномъ, а въ различіи, т. е. въ отсутствіи согласованія съ этимъ винительнымъ того, что могло бы быть съ нимъ согласовано, напр. въ творительномъ русскаго оборота „постави мя попомъ“. Съ этой точки смотрю и на случаи, подводимые подъ категорію аттракціи, а въ частности называемые предвзятіемъ (*πρόληψις* anticipatio) и состоящіе будьто бы въ томъ, что существительное, принадлежащее къ зависимому предложенію, вовлекается въ предшествующее главное предложеніе, становясь въ немъ между прочимъ винительнымъ, напр. Менелай пришелъ самъ (незваный), *ᾔδεε γὰρ κατὰ θυμὸν ἀδελφεὸν, ὡς ἐπονεῖτο*, Il. II, 409 (=ибо зналъ въ душѣ (про себя) брата, какъ онъ былъ занятъ; иначе Гнѣдичъ, у котораго hendiadys: „зная любезнаго брата *и* какъ онъ въ душѣ озабоченъ“); *ἔνθαδη οἱ ἕλληνες ἔγνωσαν πλαίσιον ἰσόπλευρον, ὅτι πονηρὰ τάξις εἴη πολεμίων ἑπομένων*, Xenoph. Anab. III, 4, 19; *καί μοι τὸν υἱὸν εἰπέ, εἰ μεμάθηκε τὴν τέχνην = κοί μοι εἰπέ, εἰ ὁ υἱὸς μεμάθηκε τὴν τέχην*, Curt. ib. § 519, anm. 2. Такъ въ латин.: nosti Marcellum, quam tardus sit; часто у Лютера: er sah zween andere brüder, dass sie ihre netze flickten (H. Ziemer, Junggramm. streifzüge im gebiete der Synt. 1882, 73-4 [1]). Кажется ошибочнымъ видѣть здѣсь аттракцію, т. е. считать оборотъ съ союзомъ исходною точкою. Напротивъ, винительный въ первомъ оборотѣ можетъ быть остаткомъ такого оборота, въ которомъ главное предложеніе вмѣщало въ себѣ все придаточное въ видѣ составного дополненія. Подобнымъ образомъ, русск. выраженіе „Половци же услышавше Русь, оже пришли на нихъ, ради быша, Лавр. 167 (375), отнюдь не предполагаетъ оборота „услышавъше, оже Русь пришли“; винит. Русь принадлежалъ и обороту съ двумя винительными „услышавъше Русь пришьдъшя“ (=ѧ), изъ причастія коего развилось придаточное съ союзомъ: оже пришьли“. Ср. „помысли убогыхъ, како лежать нынѣ дъждевны-
228 ими каплями яко стрѣлами пронажаеми“, XII в. Срезн. Свѣд. и зам.

[1]) Тамъ же авторъ требуетъ, чтобы въ этихъ случаяхъ перестали ставить запятую передъ придаточнымъ предложеніемъ и писали: nosti M-um quam tardus sit, ибо-дѣ поставить здѣсь запятую значитъ вовсе непонимать сущности аттракцій главнаго и зависимаго предложенія. „Знаки препинанія должны-дѣ объяснять нетолько логическое, но, по возможности, и психологическое отношеніе предложеній. Запятая лишь разорвала бы тѣсную связь предложенія“. Но запятая неможетъ разорвать вновь того, что уже разорвано мыслью и выражающимъ ее произношеніемъ.

LII, 206. Почему бы непремѣнно такой оборотъ долженъ былъ развиться изъ „помысли, како убозіи лежать“, когда, во-первыхъ, и смыслъ здѣсь не тотъ („подумай, вспомни о бѣдныхъ, какъ они лежатъ“, а не „вспомни, какъ бѣдные лежатъ“), а во-вторыхъ, когда гораздо ближе подходитъ выраженіе, дающее возможность обойтись безъ относительнаго нарѣчія или союза, представляющаго одно изъ наиболѣе сложныхъ и позднихъ явленій языка: „помысли убогыя лежачя“?

Сравнивая древнее выраженіе „и приде въ Словѣни(=ы) идеже нынѣ Новъгородъ, и видѣ ту люди сущая, како есть обычай имъ“, Лавр. 4 (7), съ новымъ переводомъ „увидалъ, каковъ обычай людей тамошнихъ“ мы можемъ находить послѣднее естественнымъ и простымъ, а первое фигурнымъ, лишь въ томъ случаѣ, если упустимъ изъ виду сказанное выше о винительномъ post. vb. cognoscendi etc. въ древнемъ языкѣ. Допустимъ, что въ мысли возникаетъ та потребность разчлененія рѣчи, которой выраженіемъ служатъ мѣстоименія относительныя и союзы изъяснительные; почему же такой порядокъ неможетъ примкнуть къ существующему уже винительному (въ случаяхъ: Іусе сыне Божій! вѣмы тя, кто ѥси святый Божій, Кир. Тур. Калайд. 34; исповѣжь ми (v. скажи ми), отче, вѣру Варяжскую, какова ѥсть, Поуч. Өеод. Уч. Зап. II, 2, 218-20; „невѣдяху князя Юрья (род. послѣ гл. съ отриц.= винит.), кдѣ есть“, Новг. I, 72), и долженъ начинаться съ выраженій паратактическихъ „невѣдяху“, „князь Юрій есть“? Ср. также: „а нынѣ, господине, князя невѣдаю, гдѣ; а то мнѣ, господине, говорилъ князь Иванъ, что ему дополна быти въ Пустынѣ, 1521, Сб. Оболенск. № 2,²; вы сказываете, князя невѣдаете, гдѣ (т. е. онъ находится) ib. 5; гдѣ вы нынѣ вѣдаете князя Ивана Резанского, ib. 4; сказали ми черницу, что она знаетъ, а сама безъ носа (=что безносая черница знаетъ), и язъ тое черницы посылалъ добывати, Горяинкомъ звали детина, а нынѣ отъ меня побѣжалъ (дѣтину, котораго звали.. и который), 1525, ib. № 4. ...дать (дочери) за него нехочетъ, вѣдая его, что онъ пьяница или шаленой, Котоших. 124; она (смотрильщица) присмотритъ еѣ (невѣсты), что она глупа или на лицо дурна, ib; и Владиславъ-де Доминикъ (Острожскій), видя черкасъ и татаръ, что воюютъ блиско его обозу безъ опасенья, похотѣлъ на нихъ итти, 1648, Ак. Ю. и З. Р. III, 283. Мр. Епископъ Мефтодій.. и Васюта описали Сомка гетмана, же конечне по орду посилаетъ, хотячи измѣнити, Лѣт. самов. 65. Бачучи таку Оксану, що зовсім як смерть (=що О. така, що..) кинувся до неї, Квит.; він Меласю знав, що вона є сестра Костева, id.; усі начальники знали ёго, що він є бравий улан, id.; еге! и знали один одного (вѣдьма и котъ), що говорють, id.; и куди йти, и незна добре; зна тілки города розпитувати, на які їй йти (=на які города йти), id. [1]).

[1]) На мѣстѣ винит. можетъ стать винит. сь предлогомъ: „а мати, знавши про свою білоручку, що вже неприньметця ні за віщо,—й бай дуже“, Квит.

Примѣры, подобные вышеприведеннымъ, возможны въ русскомъ до послѣдняго времени, съ тѣмъ ограниченіемъ, что винительный въ нихъ можетъ означать лишь непосредственный объектъ: „хотя я и не пророкъ, но видя мотылька, что онъ вкругъ свѣчки вьется, пророчество почти всегда мнѣ удается“, Крыл., т. е. видя и самого мотылька, и то, что онъ вкругъ свѣчки вьется.

Въ чешскомъ см. Zikm. Skl. 416—17 (§ 209, пр. 9), напр. známe ho,
229 že člověk dobrý jest, и съ родительнымъ послѣ тѣхъ-же глаголовъ съ отрицаніемъ: „nepravi-ž jich, aby dokonali byli“; než Martinovského neslyšel jsem, aby slovo promluvil. Тоже въ сербскомъ: „кад она опази за собом змаја, где ихъ тера, препадну се, Карадж. Припов. 32 (замѣтивши, что змѣй гонится); кад виде свеħу, где гори, ib. 216 (что свѣча горитъ); сустигну једнога чоека, ђе води два брава, ib. 240; наħе царицу, а она седи сама у двору и сузе рони, ib. 27. Вездѣ мы принимаемъ за исходную точку второй согласуемый падежъ причастія, изъ котораго позже развилось полное придаточное предложеніе съ относительнымъ словомъ (чеш. že; серб. где = что, съ интереснымъ переходомъ отъ нарѣчія мѣста къ изъяснительному союзу; серб. а-он, а-она = чеш. an, ana). Подобнымъ образомъ въ чеш. „jest často od mnohých vidana, ana u modlitbách stojí“ основная форма есть составное сказуемое съ причастіемъ дѣйствительнымъ (ст.-сл. видана ѥсть стоѩщи). Ошибочно думать, вмѣстѣ съ Зикмундомъ, что здѣсь аттракція, предполагающая безличный оборотъ: „vidano jest, ana stojí“. Точно такъ, гдѣ въ нынѣшнемъ сербскомъ стоитъ первый родительный послѣ видјети и частицъ ево, ето, ено, гле (Ср. Mikl. V. Gr. IV, 465), къ коему примыкаетъ полное придаточное, это послѣднее предполагаетъ согласуемый второй падежъ причастія: видите ли оне несретнице, ђе отрова својега ђевера, Даниħ, Синт. 116 (не „гдѣ отравила“ и даже не „что отравила“, а „отравившую“); ево га (вотъ онъ) у куħи, где лежи мртав, Кар. Прип. 215; ето лисице, ђе води страшнога бумбашира, ib. 219.

Второй родительный.

251 1. „Славянскій родительный падежъ соотвѣтствуетъ въ синтактическомъ отношеніи древне-индійскимъ аблятиву и генетиву, изъ коихъ первый (скр. апâдâна, отнятіе, отдѣленіе, разлученіе) означаетъ предметъ, отъ котораго нѣчто отдаляется, а второй (скр. самбандhа,

Вышеразсмотрѣнные обороты съ винительнымъ и придаточнымъ имѣютъ при себѣ подобные обор. съ другими падежами: „Бруховецкій.. вислалъ пословъ.. дякуючи за урядъ гетманства, же одержалъ, Лѣт. Самов. 77 (= дякуючи, же одержалъ урядъ); „рад був своїй хозяйци, що вернулась“, Кв. (=радъ б. що ёго хозяйка вернулась). Вр. сказаніе о Кѣевскихъ богатыряхъ, какъ ходили во Царьградъ и т. п.

связь, и çêша complementum), по мнѣнію нѣкоторыхъ грамматиковъ, означаетъ принадлежность". „Задача состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить, какія изъ многочисленныхъ функцій славянскаго родительнаго основаны на представленіи удаленія (der trennung), а какія на принад- 252
лежности, какія аблятивны, а какія генетивны"... „Аблятивенъ славянскій родительный при значеніяхъ удаленія, отнятія (des fliehens, weichens, beraubens), страха, стыда, отвращенія, лишенія; при сравнительныхъ степеняхъ и употребленныхъ сравнительно положительныхъ и превосходныхъ: аблятивный генетивъ означаетъ здѣсь исходную точку мысленнаго движенія; родительный происхожденія, матеріяла, основанія...". „Генетивенъ родительный, когда онъ означаетъ принадлежность (zugehörigkeit) двухъ именъ, именно владѣніе, собственность и пр.; когда онъ является при именахъ, стоящихъ въ связи съ транзитивными глаголами; когда онъ, какъ партитивъ, означаетъ часть цѣлаго..." (Mikl. V. Gr. IV, 447—9).

Насъ здѣсь занимаетъ первый родительный только по отношенію ко второму (т. н. предикативному), именно главнымъ образомъ—составляющій особенность славянско-литовскаго языка родительный при глаголахъ съ отрицаніемъ. Миклошичь, слѣдуя другимъ ученымъ, изъ коихъ онъ называетъ Гримма, Потта, Лебе и Габеленца (относительно готскаго) и къ коимъ мы можемъ прибавить Шлейхера (Lit. Gr. 274) и Даничича (срб. Синт. I, 118), считаетъ этотъ падежъ родительнымъ части: „дѣйствіе выраженное глаголомъ (съ отриц. част.) отрицается относительно какъ цѣлаго предмета, такъ и каждой даже наименьшей его части" (Mikl. ib. 498). Поттъ объясняетъ родительный въ лит. „jis ranku netur", онъ рукъ неимѣетъ" такимъ образомъ: „nichts von dem, was unter die kategorie „hände" fällt" (E. F. I, 402).

По этому взгляду выходитъ, что нашъ родительный въ „выпить вина" (etwas von dem weine) или совершенно тождественъ съ родительнымъ въ „непить вина", или по крайней мѣрѣ весьма бли- 253
зокъ къ нему и предполагается имъ. Мнѣ это кажется крайне сомнительнымъ.

Между приведенными родительными замѣтна разница въ степени ихъ зависимости отъ глагола. Родительный части въ „выпить вина" столь мало связанъ съ формальнымъ значеніемъ глагола, что это значеніе (genus) неизмѣнится, если на мѣсто этого родительнаго поставимъ винительный: „выпить (все) вино". Между тѣмъ въ „непить" заключено требованіе не какого либо другого падежа, а именно родительнаго. Выраженіе „дѣйствительный глаголъ съ отрицаніемъ требуетъ родительнаго" кажется ошибочнымъ въ томъ отношеніи, что заключаетъ въ себѣ противорѣчіе, ибо дѣйствительный глаголъ есть такой, который допускаетъ при себѣ прямой объектъ въ винительномъ, именно и недопу-

скаемый (если не брать во вниманіе отклоненій отъ правила) глаголомъ съ отрицаніемъ, которое проникая все заложное значеніе глагола дѣйствительнаго, разрушаетъ его прежнюю связь съ объектомъ. Поэтому нельзя оправдать обычая писать отрицательную частицу не при глаголѣ раздѣльно. Дѣйствительный глаголъ съ отрицаніемъ неесть уже дѣйствительный, и потому ставится языкомъ на одну доску со средними, снабженными отрицаніемъ.

Родительный при глаголѣ съ отрицаніемъ замѣняетъ собою нетолько винит. прямого объекта, но и винительный обстоятельствъ: спать ночь, жить день — неспать ночей, нежить дня. Миклошичь считаетъ возможнымъ заключить отъ родительнаго въ „сестры нѣтъ дома“ къ существованію нѣкогда винительнаго прямого объекта при глаголѣ существительномъ: „сестрѫ ѥсть дома“ (V. Gr. IV, 355). Мнѣ же кажется, что такое предположеніе неоправдывается ни родительнымъ части въ „było pięciu“, лит. yr rugiû (есть ржи, т. е. есть рожь), ни вини-
254 тельнымъ количества въ „było furę siana“, и что предположеніе это ненужно для объясненія родительнаго при безличныхъ отрицательныхъ сказуемыхъ среднихъ (нѣтъ денегъ, невидно, нестало охоты и проч.), такъ какъ этотъ родительный можетъ предполагать не винительный объекта, а именительный подлежащаго: деньги есть, свѣтъ видѣнъ и пр.

Всѣ эти случаи, т. е. непить вина, неспать ночей, нѣтъ денегъ, мнѣ кажется, могутъ быть объяснены одинаково, если примемъ, что родительный здѣсь есть не родительный части, а основанъ на аблятивѣ, и что, какъ думалъ Востоковъ, глаголы съ отрицаніемъ требуютъ родительнаго, какъ означающіе мысленное движеніе отъ предмета, лишеніе его, разобщеніе съ нимъ (Р. гр. § 129, гдѣ впрочемъ ошибочно замѣчаніе, что родительный движенія мысленнаго есть сократительный образъ выраженія вмѣсто предложенія придаточнаго, начинающагося союзомъ что, чтобы, напр. желать счастія = чтобъ пришло счастье). По этому взгляду родительный при глаголахъ съ отрицаніемъ въ славянскомъ и лотышско-литовскомъ ставится на такомъ же основаніи, на какомъ въ тѣхъ же языкахъ онъ требуется глаголами, вещественное значеніе коихъ предполагаетъ отсутствіе объекта въ дѣйствительности и присутствіе его лишь въ мысли, каковы гл. со значеніемъ алкать, жаждать, хотѣть, желать, ждать, требовать, искать, просить: чего я жду, хочу и пр. того для меня нѣтъ; еслибъ оно уже для меня было, я бы его неждалъ.

Миклошичь относитъ родительный при такихъ глаголахъ къ партитиву, стало быть къ генетиву, а не къ аблятиву (V. Gr. IV, 490), между тѣмъ какъ, по его мнѣнію, родительный при глаголахъ плакатисѧ (т. е. по комъ), жалѣти и при жаль, люто, мило, шкода и пр. есть род. причины, основанія и повода и принадлежитъ къ оттѣнкамъ абля-

тивнымъ (ib. 463—4). Мнѣ бы казалось, что эти случаи слѣдуетъ отличать отъ родит. причины (какъ въ млр. чого плачеш въ смыслѣ „почему“, а не „по чемъ“) и что въ нихъ, такъ-же какъ и въ хотѣть 255
чего, объектъ представляется отсутствующимъ въ наличности. Можно найти этому противорѣчіе въ томъ, что мы говоримъ напр. „жаль своихъ рукъ“, тогда какъ руки на-лицо; но здѣсь сожалѣніе представлено зависящимъ отъ будущаго отсутствія такого-то состоянія рукъ. Стар. желѣти имѣетъ между прочимъ значеніе скорби по отсутствующемъ, лишенія: „истьцю личе взяти, а прока ѥму желѣти (лишиться, жалѣть лишившись остального), что съ нимъ погыбло, а оному (купившему краденое) своихъ кунъ желѣти, Русск. пр. Достоп. I, 30.

Тѣмъ неменѣе между глаголами съ отрицаніемъ (непить вина) и такими сказуемыми, какъ жалѣть, жаль есть разница: въ первыхъ отрицаніе, такъ сказать, окрашиваетъ своимъ цвѣтомъ и стоящее при глаголѣ неопредѣленное, почему говорится не только „несдѣлать чего“, но и „неумѣть сдѣлать чего“; во вторыхъ этого нѣтъ: „жаль денегъ“, но „жаль тратить деньги“ и только въ силу отрицанія—„нежаль тратить денегъ“.

2. Всѣ глаголы, при коихъ можетъ стоять второй винительный, становясь отрицательными, измѣняютъ оба эти падежа въ родительные. Кромѣ этого, второй предикативный родительный встрѣчается при нѣкоторыхъ другихъ глаголахъ съ отрицаніемъ, а если судить по литовско-лотышскому, то встрѣчался и при упомянутыхъ выше глаголахъ, со значеніемъ ждать и т. п. безъ отрицанія. Примѣровъ, по ихъ малочисленности, небуду дѣлить на разряды.

Уже неглаголѭ васъ рабъ, Іо. 15, 15, въ греч. и лат. два винительныхъ.

Невидѣ(хъ) тя, господине, николиже противу ихъ злу никотораго же зла въздающа, Ип. 123 (417) (=„тебя воздающимъ“, или „чтобы ты воздавалъ).

Мьстиславъ... невѣды своихъ побѣженыхъ (=что побѣждены) и творя своя (считая за своихъ), въѣха въ ратныя, Ип. 147 (464—5). 256

Ниже имамь душе моѥѩ честны себѣ, Дѣян. 20, 24, *οὐδὲ ἔχω τὴν ψυχήν μου τιμίαν ἐμαυτῷ* (Добров. Грам. III, 44).

Ѥда неимамь власти сестры жены водити, 1 Коринѳ. 9, 5, *ἀδελφὴν γυναῖκα περιάγειν* (Добр. ib.).

Входяще въ церковь.. и съ страхомъ стаючи безъмолвно при стѣнѣ.. неимѣюще себѣ подпоры стѣны ни стлъпа, Поуч. Ѳеод. Уч. 3. II, 2. 240.

Се члкъ, иже неположи Бога помоштьника себе, нъ надѣяся на множьство богатьства своѥго, Изб. 1073, 76.

Неоставлѭ васъ сиръ, О. Ев. Іо. 14, 18. Рускыя земля неоставивѣ тщеѣ, Ип. 140 (450). Неможемъ своеѣ землѣ пусты оставити, ib. 127 (427).

Незаста отца живого, Ип. 92 (357).

Недаша его жива, и уморивъше рекоша: умьрлъ ѥсть, Новг. I, 28.

Аще ти нежаль отчины своея, ни матере стары суща (составн. родит.) и дѣтий своихъ, Лавр. 28 (66).

А которого князя бездѣтна нестанетъ, и тѣ вотчины имати на государя, 1550—82, Ак. Ист. I, 268. Можно понимать „бездѣтна" нетолько „бездѣтнаго", но и „бездѣтнымъ".

По примѣтамъ знать, Добрынюшки живого нѣтъ, Онеж. был. Пам. и обр. I, 361. Привозилъ онъ вѣсточку нерадостну, что нѣтъ жива Добрыни Никитича. Был.

Въ чешскомъ: zbitých všech nepohřebených nechám, Zikm. Skl. § 95. Въ хорутанскомъ: nebom vas pustil sirot, Io. 14, 18; neimenujem vas več chlapcev, Io. 15, 15. Въ сербскомъ „сребрно седло нечини коња добра", однако и винительный: еда ли немамо власти сестру жену водити, I Кор. 9, 5; нећу вас оставити сиротне, Io. 14, 18.

Въ литовскомъ и лотышскомъ, рядомъ со случаями, когда отрицаніе невліяетъ на дополненіе (1-ой вин. въ „nepaliksu jus siratomis (твор.); лат. es jus nepametisu bârińus, Io. 14, 18; nepazińu lîgawińu auzińas rawejût, Biel. Gr. § 753, неузналъ милую овесъ полючи, т. е. ее полов-
257 шей), замѣтимъ случаи, въ коихъ дѣепричастіе при первомъ родительномъ можетъ быть выведено только изъ 2-го родительнаго причастія.

Въ литовскомъ это дѣепричастіе настоящаго:

jûdu lake tú mergú ateinant, Schl. Les. 147, они (два) ждали дѣвокъ прійдя, т. е. что д. прийдутъ;

laukdams smako atlekient, id., ожидая змѣя прилетя, т. е. что зм. прилетитъ.

Съ точки зрѣнія русскаго языка весьма странны обороты, каковы jis laukė ožkú atsiwedant, онъ ожидалъ козъ приведя, т. е. что козъ приведутъ; jis laukė durú atdarant, онъ ждалъ дверей отворя, т. е. что отворятъ. Шлейхеръ (Lit. Gr. 322) видитъ здѣсь болѣе свободное, т. е. независимое употребленіе дѣепричастія, чѣмъ въ случаяхъ, когда оно стоитъ на мѣстѣ второго винительнаго; но мы и здѣсь можемъ предположить въ основаніи столь-же зависимый падежъ, именно 2-ой родительный. Странность лишь въ томъ, что здѣсь дѣйствительное дѣепричастіе получило страдательное значеніе, какъ мы вы выше видѣли въ лотышскомъ (редзу мамалынь айзведôт, 247) и какъ въ слѣдующемъ: клаудзѣс пурiньш пар силу ведôт, Спрог. 168, стучать будетъ кубло (скриня съ приданымъ) черезъ лѣсъ везучи, т. е. везомое, когда будутъ его везти.

Въ лотышскомъ на мѣстѣ 2-го род. находимъ дѣепричастія отъ прич. наст. дѣйств. (ût = ôт) и отъ прич. на -ма, имѣющаго частью дѣйствительное, частью страдательное значеніе:

Гайда савас вѣглас дѣнас но дарбѣм парейôт, Спрог. 230, ждетъ своего легкаго дня (облегченія, замѣны, т. е. дочери; ср. блр. пирамѣна, Шейнъ Блр. п. 7. серб. одмјена, замјеница) съ работы приходя, т. е. ждетъ, когда вернется.

Тумсâ гайду гайсуміняс, гайсмâ саулес узлецôт, ib. 158, въ потьмахъ (ночью) жду разсвѣта, на разсвѣтѣ—солнца всходя, т. е. когда взойдетъ.

Озоламъ бѣзас лапас, нередз саулес узлецôт, ib. 32, дубу (т. е. у 258
дуба) густые листья, невидно солнца всходя, т. е. какъ всходитъ. Въ томъ-же смыслѣ и дѣепричастіе по внѣшности страдательное: озол', таву куплу лапу! нередз саулес узлецам, ib. 33, дубъ, твоихъ густыхъ листьевъ! [1]) (т. е. густы твои листья!), невидно солнца всходим(аго).

Гайдат мані пâреям, ib. 274, ожидайте меня возвращаясь, то есть ворочусь. О прич. на -м см. Biel. L. Gr. § 766, 13.

3. Родительные самостоятельные. Родительный времени, когда нѣчто происходитъ (Zikm. Skl. § 105; Данич. Синт. 60 сл.; Mikl. V. Gv. IV, 509—10) неясный но происхожденію, быть можетъ имѣетъ въ основаніи значеніе мысленнаго движенія отъ начала извѣстнаго періода времени, несмотря на то, что мы различаемъ „сего дня" и „съ сего (отъ сего) дня". Ср. ю. влр. „чаму тебе долго вéчера нѣтъ", гдѣ, по-видимому, безразличны значенія „вечеромъ" и „съ вечера". A priori, ничто немѣшаетъ присоединить къ такому родптельному второй родительный причастія, при чемъ бы получилось построеніе, соотвѣтственное латинскимъ ablativi absoluti и, если здѣсь въ основаніи слав. родительнаго лежитъ ablativus, даже равные имъ. Дѣйствительно, въ ст. русскихъ памятникахъ есть такіе самостоят. родит., но съ причастіемъ, стоящимъ при первомъ родительномъ лишь въ случаяхъ, когда онъ лексически обозначаетъ время: того-же лѣта исходяча, февраля въ 16, приходи Романъ ко Вручему, Лавр. 170, Ип. 94; и съ дѣепричастіемъ: того-же лѣта исходячи разболѣся князь Мьстиславъ, Ип. 104 (381).

И сѣде Романъ въ Киевѣ мѣсяца Июля наставша, Ип. 157 (387).

Но болѣе широкаго употребленія этого оборота (какъ abl. abs. въ 259
латин. и род. самост. въ греч.) въ русскомъ незамѣтно, и его можно предполагать развѣ на основаніи такихъ польскихъ примѣровъ, какъ слѣдующіе, съ дѣепричастіемъ на мѣстѣ 2-го родит. причастія.

Gdy sampierz stanie, powoda owszejki niebądąc (между тѣмъ какъ нѣтъ на-лицо истца, того кто показываетъ), skazujemy o niestanie powodowo... temu samprzewi rzecz otrzimać. Pakniąliby samperz niedbał stać na roku jemu zdanemu (sic), powoda stojąc (когда истецъ на-лицо).. skazujemy..... 1449. Ks. Ust. 31; ib. 42.

---

[1]) О родительномъ въ восклицаніяхъ въ лотышскомъ Biel. Let. Gr. § 540, прим. 2, въ славянскомъ Mikl. V. Gr. IV. 465—6.

Gdyby czij syn, obojga porodziciela sdrowa bądąc (при жизни обоихъ родителей) przejigrał by niekakich pieniądzy wielkość... ib. 53.

Быть можетъ, этотъ способъ переводить латинскіе abl. abs. самостоятеленъ лишь въ томъ, что вмѣсто причастія въ немъ поставлено дѣепричастіе. Языкъ памятника этого очень нечистъ. Такъ въ немъ встрѣчается accusat. cum inf. [to skazanie (рѣшеніе) ustawiamy wiekyistą mocność imieć 42 и др.], а равно и попытки передать abl. abs. способомъ, неслыханнымъ въ другихъ слав. нарѣчіяхъ, именно творительными: gdyby (židži) požiczili[1]) pieniądzy takemu synowi, rodzicielmi jego bądącemi jeszcze sdrowymi, požiczenie niema być ważno, ib. 53—4; uczyniwszi rozdzielenie miedzy sobą pośrodającmi (sic) przijacielmi, ib. 67.

---

260 **Второй дательный,**

(кромѣ сочетанія съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ).

Въ выраженіяхъ, какъ „мнѣ бѣдному всѣ чужіе" бѣдному есть не второй предикативный падежъ, а только простое опредѣленіе дополненія мнѣ; но если въ подобныхъ случаяхъ на мѣстѣ существительнаго или прилагательнаго поставимъ причастіе, то лишь по связи и тону рѣчи можно будетъ опредѣлить, будетъ ли это причастіе простымъ опредѣленіемъ, или предикативнымъ падежемъ. Такъ напр. лотыш. „вісі ман свеші бія свешумâ ногайшай, Спрог. 193, букв. всѣ мнѣ чужи были на чужину пошедшей" могло бы значить: или „для меня, пошедшей на чужбину, были чужи всѣ", или „когда я пошла, мнѣ были чужи". Послѣднее значеніе свойственно дательнымъ самостоятельнымъ.

Различеніе этихъ двухъ значеній въ одной оболочкѣ слѣдуетъ считать явленіемъ позднѣйшимъ сравнительно съ ихъ безразличіемъ, подобно различенію двухъ значеній винительнаго въ „почютиша князя идуча" (идущаго князя и что князь идетъ). Дательный мнѣ, ман, въ вышеприведенномъ примѣрѣ въ той-же мѣрѣ тяготѣетъ къ главному сказуемому (мнѣ были чужды), какъ и ко второму дат. причастія (мнѣ пошедшей). Повторивши этотъ 1-й дательный дважды, мы этимъ разграничимъ его функціи и достигнемъ явственнаго разчлененія рѣчи на предложенія главное и придаточное. Когда за такимъ придаточнымъ укрѣпится значеніе обстоятельства, то становится возможенъ новый шагъ къ его удаленію отъ главнаго сказуемаго: два дательные самостоятельно станутъ и тамъ, гдѣ главное сказуемое недопускаетъ дополненія въ дательномъ.

---

[1]) Здѣсь и въ другихъ случаяхъ ставлю і послѣ шипящихъ въ томъ предположеніи что въ половинѣ XV в. они еще неимѣли нынѣшней твердости.

Какъ во второмъ винительномъ, такъ и здѣсь уже въ древнихъ русскихъ памятникахъ рядомъ съ причастіями стоятъ и дѣепричастія. 261
Такъ какъ на основаніи дѣепричастія легко возстановить причастія, то нижеслѣдующіе примѣры изъ стар. русскаго распредѣлены не потому, стоятъ ли въ нихъ дѣепричастія или причастія, а по степени ихъ близости къ зависимымъ дательнымъ.

А. При главномъ сказуемомъ стоитъ или предполагается дополненіе въ дательномъ, указывающее на тотъ же предметъ, что и первый падежъ дательныхъ самостоятельныхъ, при чемъ самостоятельность послѣднихъ еще невполнѣ развита. Главное сказуемое, обыкновенно, хотя невсегда, безлично.

Да оуже ѥд'но отъ двоѥго прѣдъложимъ вамъ: или, жьрѫшемъ богомъ, саномъ великомъ и чьстемъ и даромъ достоиномъ быти, или непокоривъшемъсѧ отъѧти поясы и воиньство и отинѫдь оуже прѣдати мѫкамъ, Supr. 53, съ чѣмъ ср. дѣепричастный оборотъ: ѥдно отъ двою прѣдълежитъ вамъ: или жърѫше богомъ въ саны и чьсти достоиномъ быти, или непокоривъшесѧ отъѧти (сѧ?) живота и воинство (=а?) и отънѫдь оуже прѣдатисѧ мѫкамъ, ib. 51.

Повелѣ воевода, или жърѫше избыти ти, или нежърѫше зълѣ оумрѣти, вѣроуѭ къ невидимоуоумоу Богоу, ib. 15.

Подоба ми ѥстъ сѣдѣти мльчаште дожии до коньца жизни моѥѩ, ib. 151.

Нѣ ли ти печально, слышаште отъ безлобьнъ дѣтии, ѥже ѥдиномоу Богоу лѣпа ib. 243.

Мнѣ ли ѥстъ, пришъдъше къ семоу попоу, ти(=и) исповѣдати грѣхы своѩ, ib. 264.

Нелѣпо есть намъ, братіе, инокомъ сущимъ и отврьгшимся мирскихъ, събрание паки творити имѣній въ келіи своей, поуч. Ѳеод. Печ. Уч. З. II, 2, 201; лѣпо бо есть намъ, братіе, нарекшимся инокомъ, по вся дни каятися грѣховъ своихъ, ib. 202; намъ же кацѣмъ быти достоить, сподобившимся съ ангелы Богу.. служити, ib. 211.

Неволя ли было пристати въ с(ъ)вѣтъ, ходяче въ руку (находясь въ зависимости), Лавр. 113 (257).

Аще велика человѣка крестиши, аще блазнъ будеть ему спящю въ ту о и (въ ту осмь) дний [1]), дати ему причащаниѥ немывшеся, но кланявшюся, Вопраш. Кюрик. Калайд. Пам. 183, т. е. аще, ему спящю, будеть ѥму блазнъ, дати ѥму, ѥму немывъшюся.

Передъ обѣднею (ей, женщинѣ) ополоснувшеся, а тако причащатися, ib. 182.

---

[1]) Ср. „молитвы оглашения творити: Болгарину, Половчину, Чюдину преди крещеная м дний поста.. Словѣнину за и (осмь) дний“ Вопраш. Кюрик. Кал. Пам. 180.

Попови идуче въ олтарь на выходъ, то въ козмитъ цѣловати (ѥму), ib. 198.

Попови достоить, хотяче погружати въ водѣ, руцѣ собѣ завити, ать неомочиться опястье, также и пелена, ib. 181.

Попови крестяще (=ю) дѣтя, къ собѣ лицемь (ѥму, попови) обратити, ib. 198.

Смолнянину.. правити ему (дългъ), поемъши (ему) дѣтьский у судье, Смол. гр. 1230, Срезн. П. русск. п. А Нѣмьцемъ и Г(о)тъмъ и и всемоу Латиньскому языку платити по двѣ коунѣ отъ капи и отъ всякого вѣсного товара, и продавши, и коупивше, Новг. гр. 1267—3.

ѥже далъ ѥму (закупу ролейному) господинъ плугъ и борону, отъ него же кову (чит. копу) ѥмлеть, тъ то погубивши (ѥму) ѥму платити, Р. пр., Р. дост. I, 48.

262 Оже ны будеть небившеся (=шемъся) возворотитися, то соромъ ны будеть пущей смерти. Ип. 130 (431).

Оже побѣгнемъ, утечемъ сами, а черныя люди оставимъ, то отъ Бога ны будетъ грѣхъ, сихъ выдавше, Ип. 131 (432).

Оли, княже, тобѣ съ нами увѣдавшеся (вар. вшися) тоже (=потомъ) (тобѣ) ѣхати въ Пльсковъ. Новг. I, 59.

Бѣ бо клятвою клялся.. яко, добывшу ему землѣ нѣмецкоя, дати ему всю Романови, Ип. 194 (554).

Оже ти, братъ, не досити (=сыти) волости, всю землю русскую (тобѣ) държачи, а хощеши сея волости, а убивъ (ти) мене, а тобѣ волость, Ип. 16 (218).

Брату твоему Михалку умершю, еще девятаго дне нѣтуть, Лавр. 160, т. е. Михалку умьръшю нѣту (ему) 9-го дне, какъ говорится: этому ребенку еще нѣтъ 9 дней.

А все то было Псковичемъ нелегость тѣхъ людей поднимая (=содержа), Пск. I, 289.

А небывъ намъ у папы, съ чѣмъ (намъ) идти къ государю своему царю и в. кн., 1583, Бусл. И. Хр. 889.

Поѣхали королевскаго величества подданные, взявъ на продажу нѣсколько коней, до Курскаго, и тамъ было, продавъ имъ кони, купити хлѣба, 1638, Ак. Ю. и З. Р. III, 14. См. также Mikl. V. Gr. IV, 838.

Когда въ предложеніи „тобѣ съ нами увѣдавъшюся, тоже ѣхати" причастіе теряетъ падежное и родовое окончаніе и становится неизмѣннымъ (увѣдавъшеся, увѣдавъшися, увѣдавъся), то ближайшимъ слѣдствіемъ этого еще небываетъ потеря отношенія къ его бывшему

первому падежу. Очевидно, напр., что въ „живучи имъ тамъ владѣть имъ тою землею“ (Бусл. Гр. § 275. 1) живучи, несмотря на то, что необнаруживаетъ согласованія, нелишено связи съ 1-мъ дательнымъ имъ. Причастіе, потерявшее согласованіе, но еще нелишенное связи съ прежнимъ своимъ подлежащимъ, есть форма средняя между причастіемъ и дѣепричастіемъ. Только дальнѣйшимъ шагомъ бываетъ раз- 263
рушеніе упомянутой связи, при чемъ бывшій первый падежъ начинаетъ тяготѣть къ одному главному сказуемому. Бо́льшую или меньшую близость отпричастной формы къ первому дательному можно выразить знаками препинанія. Между тѣмъ какъ въ „тобѣ съ нами увѣдавъшюся тоже ѣхати“ или вовсе ненужно запятой, или она должна стоять послѣ „увѣдавъшюся“; въ соотвѣтственномъ выраженіи новаго языка является интерпункція: „тебѣ, уладившись съ нами, ѣхать“, или „условившись съ нами, тебѣ ѣхать“.

Вполнѣ развившееся дѣепричастіе непосредственно относится ко главному сказуемому, и только черезъ него къ его дополненію, въ разсматриваемомъ случаѣ—къ дательному; но этого послѣдняго можетъ вовсе небыть на-лицо, напр. „а в-ыныи дни цѣловавше крестъ (кому? т. е. кто поцѣлуетъ) ясти все, и мясо (кому ясти?) Впраш. Кюр. Калайд. 179. Если отвѣтъ на это „кому?“ неизвѣстенъ изъ контекста, то значитъ „неизвѣстно, кому“, „безразлично, кому“, „кому бы ни было“, „всякому“. Ср.:

Бѣжи ѥѩ (сласти) въкоуса: сладка ти ѥсть въкоушаѭште, нъ горька по въкоусѣ, Supr. 259; бѣгаи блѧдьницѧ сласти: сладъко сънѥѭ бесѣдоуѭште, а горькыихъ тѧ строупъ насыштаѭштѧ бѣгаи сласти, ib. 259.

Дѣтя крестяче, дати причастье, Впраш. Кюр. ib. 179. Вынесше ю (родильницу), въ инъ храмъ, даяти ей причащеніе, ib. 195. Аще лучиться служити на обѣдни, а на заутрени и на вечерни неслуживъше, ци измолвити.. молитвы вечерніи и заутреніи?—Нѣту грѣха, рече, немолвивше служити, ib 196. Аще ся годить стояти чресъ нощь, или пѣти, или чтеніе чисти обѣдавше и ужинавше, достоить ли служити непоспавъше? ib. 197. Аще ся мывше израньа въставше а служити, любо поспавъ, любо непоспавъ? ib. 197.

Кая раны (=а) дорога, братие, забывъ чти и живота и града Чрънигова, отня злата стола, Сл. о п. Иг. Пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ пѣти, ib.

Да бой де былъ Цесаревымъ людемъ, перелѣзчи рѣку Дунай, на острову, 1595, Пам. дипл. снош. II, 51.

Въ подобныхъ случаяхъ подлежащее дѣепричастія становится неопре- 264
дѣленнымъ, чего при существованіи причастія въ разсматриваемыхъ оборотахъ немогло случиться, такъ какъ напр. въ „крьстячю (безъ

1-го падежа существит.).. достоитъ..“ хотя при причастіи и нѣтъ на-лицо относительнаго подлежащаго, но есть опредѣленное указаніе на его падежъ.

Такія дѣепричастія безъ перваго дательнаго или съ дательнымъ, но относящимся не къ нимъ, а лишь къ главному сказуемому, до-нынѣ остаются въ русскомъ языкѣ. Ср. напр. позволено было (кому) сидя дремать, Пушк. у Бусл. Гр. § 274; въ влр. народ. говорахъ: неѣвши тощо, а поѣвши тошно; непригоже есть лежа; небывавъ дѣвушкѣ замужъ хочется (Даль Посл.); Замужъ вышедши, ни въ чемъ воли нѣтъ: ни въ житьѣ-бытьѣ, ни въ богатествѣ, только есть она въ тяжолой работушкѣ, Шейнъ, Р. н. п. 492; Ахъ ты ноченька, ты ноченька осеньняя! Надоѣла ты мнѣ молодцу наскучила, Стоючи, братцы, на караулѣ государевомъ, Сб. Новик., Кир. II. VII, 167.

Тоже въ малорускомъ: змінив ми ся, моя мати, тонкій голосочок, та ходячи до дівчини у прикрий горбочок, Стрый, Станисл. окр. Žeg. P. P. l. R. I 188. Синочку мій малесенький! чи мні тебе годовати, чи в Дунаю поховати? поховавши (т. е. мені)—од Бога гріх, годуючи (т. е. мені)—од людей сміх. Сб. пам. Свз. кр. 13. Та біда (т. е. мені, кому не́будь, усякому) й неженившись, та біда й оженившись. н. п. Ой горе давши, горе й недавши, горе й тому козакові своеї немавши, н. п. Побачивши тебѣ учора, світ мені повернувся, Кв. Оттак поплававши немало и поблукавши по морям, аж ось и землю видко стало, Котл.; ійдучи у службу, тяжко мені було и тебе покинути, Квит. Божі діти; побачивши тебе у перше, мені здалося, що я знайшов якесь собі щастьтя, id. Щира люб.

Сюда относятся примѣры изъ ст.-сл. (дѣепр. на -ште) и др. слав. нар. у Микл. V. Gr. IV, 828—30, 838—9, кромѣ случаевъ (тамъ-же), предполагающихъ второй винительный причастія, и тѣхъ, о которыхъ мы говоримъ ниже (подъ В.). Въ чешскомъ см. Zikm. Skl. 676, a) кокоторый въ „lépe jest nepočinati, nežli počna nedokonati“ относитъ počna къ числу именительныхъ независимыхъ. Съ этимъ нельзя согласиться, ибо хотя počna и т. п., а равно и въ вышеприведенныхъ
265 русскихъ примѣрахъ сидя, лежа, поспавъ, по звукамъ подходятъ къ именительному п. ед. м. р. и фонетически немогли образоваться изъ дательнаго, но функціонально эти формы предполагаютъ именно дательный, точно такъ какъ и дѣепричастія, явно относящіяся къ наличному дательному въ вышеприведенныхъ русскихъ и слѣдующихъ лотышскихъ примѣрахъ:

Лей мâсай балтас авіс віcу мŷжу дзивойôт, Спрог. 267, пусть сестрѣ бѣлыя овцы весь вѣкъ живучи, т. е. въ теченіе всей ея жизни.

Дѣвам дѣніня айзгая ар лайміню рунайôт, ib. 225, Богу (т. е. у Бога) день проходитъ говоря (совѣщаясь) съ долею (счастьемъ).

Дѣвс полидз, тауту делс, ліну земі эцейôт, ib. 77, Богъ помоги, людской сынъ (молодецъ), льняную (подъ ленъ) землю боронуя, т. е. въ то время какъ ты боронуешь.

Эс нўавéлу дзіасму пуру нуа калнiня леiня; бус ман лайме дзiвўаюат, велшу дзіасмас калнiня, Бривземн. Сб. Дашк. II, 24, я скатила скриню пѣсень съ горы въ долину; будетъ мнѣ счастье живучи (=если буду счастлива въ жизни), вскачу (опять) пѣсни на гору.

Б. Гдѣ при главномъ сказуемомъ съ дательнымъ (какъ выше подъ А) стоитъ въ новомъ русс. (вр. мл.) дѣепричастіе (будучи, бывши, ставши, сдѣлавшись и пр.) съ творительнымъ, на пр. какъ же ей, будучи **хозяйкой**, незаботиться?"; тамъ въ болѣе старообразномъ языкѣ слѣдуетъ ожидать при дѣепричастіи согласуемаго падежа, т. е. въ настоящемъ случаѣ дательнаго, какъ при подлежащемъ главнаго предложенія и дѣепричастіи изъ именительнаго („она, будучи **хозяйкою**..") творительный предполагаетъ именительный („она, будучи **хозяйка**.."). Впрочемъ примѣровъ мало: „Як-же таки Галочцi, будучи **хазяйцi**, та нетурбоватись? Квитка, Щира люб.

В. Дательные самостоятельные несохраняютъ уже слѣда зависимости, находясь при такихъ сказуемыхъ, которые или вовсе недопускаютъ дополненія въ дательномъ, или допускаютъ дательный чисто предметный, несоставляющій противня именительному подлежащаго и совершенно отличный отъ перваго падежа дательныхъ самостоятельныхъ, напр. въ „пришьдъшю ѥму и въдаша **ѥму**".

а) Во второмъ дательномъ причастіе правильно согласовано. Ст.-слав. „акы, колесьничьникоу съмоутивъшоуса, кони бес-чиноу риштоуть; тако же и оумоу съмоутивъшоуса, все измоутиться и развратиться Изб. 1073, 60; другіе примѣры см. у Mikl. V. Gr. IV, 615—16.

Въ русскихъ памятникахъ:

епископу слезы проливаючю и молящюся ему.. онъ же невосхотѣ Ип. 43;

сѣдячю же Глѣбови Юрьевичю въ Кыевѣ... приде множьство Половець, Ип. 103; 266

побѣгъшю же Ольгу с вои своими въ градъ рекомый Вручий, бяше черезъ гроблю мостъ Лавр. 32 (73);

единою бо ми и сварящю и оному мьнущю усние.. преторже череви рукама, Лавр. 53;

веснѣ же приспѣвъши, поиде, ib. 31 (72);

суботѣ свитающи, посла митрополитъ, Ип. 34;

свѣтающи же суботѣ, начаша выступати полци половецкіи, акъ боровѣ (=е) [1]), Ип. 130, (432);

[1]) Т. е. какъ боры, какъ боръ—лѣсъ, отъ множества копій. Иные переводятъ: „какъ боровы", что странно.

ратившемася полкома, побѣди Ярополкъ Ольга, Лавр. 32;

ставшема обѣма полкома противу собѣ, и рече Редедя, ib. 63;

на долзѣ борющемася има, нача изнемагати Мьстиславъ, ib.

ведо(мо)ма же има (обѣма князема) слѣпома и гньющема очима, и яко доидоста Смольньска и придоста въ церьковь... и ту абие постиже я благодать, Новг. I, 17;

Полемъ (Поляномъ) же живщемъ о собѣ и володѣющемъ роды своими.. быша три братья, Лавр. 4 (8);

умножившемъся человѣкомъ на земли, помыслиша создати столпъ до небесе, ib. 2 (4);

Волхомъ бо нашедшемъ на Словѣни(=ы) на Дунайския, сѣдшемъ въ въ нихъ и насилящемъ имъ, Словѣни же ови.. сѣдоша на Вислѣ.. ib. 3 (5);

Поляномъ же жившимъ о собѣ... бѣ путь изъ Варягъ въ Греки, ib. 3 (6);

и небысть помилованія никомуже ниоткуду же, церквамъ горящимъ, крестьяномъ убиваемомъ, другымъ вяжемымъ, Ип. 100;

Ляхомъ же непрестающимъ пакостящимъ, и приведе на ня Литву, ib. 162;

267 Михалко.. поѣха въ Володимерь.. дружинѣ его и Володимерцемъ ведущимъ предъ нимъ колодникы, Богу наказавшю князій креста честнаго непереступати, ib. 160.

Если случаи, какъ „княгыни же вѣдущу норовъ его, твердяшеть и крестомъ", Ип. 194 (554), или „Глѣбови же Зеремѣевичю и Судиславу претяща ему недати Данилови, ib. 166 (501), и т. п., не-суть только описки, то ихъ нужно разсматривать, какъ колебанія, предшествующія потерѣ падежности причастій.

На мѣстѣ 1-го дательнаго нарѣчіе: сѫщоу поздѣ (ὀψίας οὔσης).. и двьремъ затворенамъ.. приде Іс., Остр. Іо. 20, 19 (Mikl. Gr. IV 615). И наутрія же бывшю, присла Святополкъ, река.. Лавр. 110 (наутрия первоначально род. времени; ср. „наутрия же Святополкъ созва боляръ. Лавр. ib.).

б) При первомъ дательномъ въ тѣхъ же и другихъ памятникахъ стоятъ несогласуемыя отпричастныя формы:

идучи ми сѣмо, видѣхъ бани древены, Лавр. 4 (7);

умираючи ему, призва к собѣ епископа, ib. 149 (331);

Мьстиславу же пьючи съ Угры, и повѣда имъ, Ип. 65, Лавр. 144—пьющю;

свитающи же дни.. сторожеве рекоша, Ип. 36;

и тако ему бесѣдовавши съ нимъ.. отпусти и, Ип. 95;

друзіи же смерды избьени быша и никому же утекши отъ нихъ, Ип. 162;

Данилови же крѣпко борющися, избивающи Татары, видѣвъ то Мьстиславъ Нѣмый и потче, Ип. 164;

прибѣгши же ему.. бысть брань, Ип. 186;

да не приведеть (сусѣдъ) на тя досаженія, тебѣ невѣдущи, XV в., Бусл. Хр. 651;

князю же очютивъше, попадъ мечь и ста у дьврии, Новг. I, 16.

Ростиславу.. съ братомъ.. ходяче напередъ и ставшимъ имъ у Муравици.. и бы ночь пополохъ золъ, Ин. 46;

приде князь.. Ѳоминѣ недѣли исходяче, Новг. I, 44;

идуще же ему с Чюди и вниде въ Пльсковъ, Ип. 120;

бысть же свѣтающе недѣлѣ, возмятошася Ковуеве въ полку, Ип. 131;

бывшю же тому великому снятію и добрымъ мужемъ главами своими 268
покывающе за святую Софію, милосердыи Господь посла.. Новг. I, 60.

Это построеніе (а и б) особенно любимо нѣкоторыми лѣтописцами, напр. въ части волынской лѣт. Иногда дательныхъ самостоятельныхъ, слѣдующихъ другъ за другомъ, набирается такъ много, что писатель забываетъ за ними поставить главное сказуемое, и цѣпь придаточныхъ виситъ какъ бы на воздухѣ. Такія излишества служатъ, конечно, признакомъ искусственности языка писателя, но недоказываютъ искусственности самого построенія.

Примѣры изъ южно- и западно-русскихъ пам. XVI—XVII в. см. у Микл. IV, 616, 837: будучи намъ на томъ соймѣ, видѣлося намъ; пришедши намъ въ земли (Миклош. здѣсь и въ другихъ мѣстахъ читаетъ v zemły, что ошиб.) Сѣверские, тые есмо замки моцно взяли.

в) Перваго дательнаго вовсе нѣтъ на-лицо, а вмѣсто второго стоитъ дѣепричастіе, коего подлежащее остается неопредѣленнымъ. Въ основаніи такого оборота могли бы лежать нетолько дательные, но и именительные самостоятельные; но принимая въ соображеніе сравнительную рѣдкость этого послѣдняго оборота, лучше относить къ нему только такія случаи, въ коихъ при дѣепричастіи именительный на-лицо, а не такіе, какъ слѣдующіе:

Въ сеже лѣто, идуце и-заморія съ Готь, потони лодии 7, Новг. I, 269
6 (идучемъ гостемъ, потопи); зажьже ся пожаръ Новѣгородѣ въ недѣлю на всѣхъ святыхъ, въ говѣніе, идуче въ заутреню, ib. 28 (идучемъ людемъ); суть же горы, заидуче (в) луку моря, имъ же высота, яко до небесе, Лавр. 107 (227); погребоша и на Берестовѣмь, межю путемъ идущимъ на Берестово и другымь, в манастырь идуще, ib. 99 (224); и есть мѣсто то, тамо идучи, въ потоцѣ глубоко, у пути близъ, на лѣвой сторонѣ, Хожд. Дан. ed. Нор. 53; есть же дубъ той святый

у пути близъ, на правой руцѣ, тамо идучи ib. 87; а отъ мѣста святаго Георгіа, поидучи въ горы, до Іерусалима 20 верстъ великыхъ, ib. 15; а оттуду мало поидучи къ востоку лиць, есть мѣсто, идѣже и пр. ib. 35; и въсточными дверьми влѣзучи въ вертепъ той святый, на лѣвой руцѣ есть мѣсто.., ib. 79; полѣзучи въ церковь ту, на лѣвой странѣ есть печера.. ib. 131; олно (ноли) пришедъ близъ къ граду, тоже видѣти святый градъ Іерусалимъ, ib. 17.

Аще бо бывають отъ бѣсъ мечтанья, знаменавше лице крестомь, прогоними бывають, Лавр. 74 (168).

Аще и на кони ѣздяче, небудеть ни с кымъ орудья, аще инѣхъ молитвъ неумѣете молвити, а „Господи помилуй" зовѣте бес престани въ тайнѣ, ib. 102.

И отпѣвше (=когда отпѣли) вечернюю, Володимеръ же (поиде) отъ божници, Ип. 72 (319).

Трепарей же неповелѣваемъ молвити чашамъ въ пиру лише трии (v. трепаревъ же немолвити чашамъ лише три): поставивше обѣдъ, славиться Хсъ Бъ нашь.. Поуч. Θеод. Печ. Уч. З. II, 2, 190.

Бысть радость велика в Володимери градѣ, видяще у собе великого князя всея Ростовьскыя земли, Лавр. 160 (358).

И нападе на нихъ страхъ и трепетъ, видя своего града погибель Пск. I. 289.

По отношенію къ замѣнамъ въ позднѣйшемъ языкѣ случаи Б, а), б) отличаются отъ Б, в. Въ первыхъ, говоря вообще, новый языкъ ставитъ въ придаточномъ только глагольное сказуемое съ „когда", „между тѣмъ, какъ", „въ то время, какъ", „послѣ того, какъ", въ млр. „як", „коли" и т. п. Сохраненіе перваго дательнаго съ дѣепричастіемъ, при главномъ сказуемомъ, недопускающемъ дополненія въ дательномъ лица, въ новомъ языкѣ рѣдко, напр. пашовши мнѣ лѣсомъ цємнымъ, цємнымъ лѣсомъ вовкі зъядуць; пашовши мнѣ дарогою, дарогою казакі звядуць, Роман. Бр. сб. I, 421. Нужно сказать вм. стариннаго „идучи ми сѣмо, видѣхъ"—„когда я шелъ сюда, то увидалъ" а не „идучи мнѣ сюда, я увидѣлъ. Что до случаевъ Б. в), то примѣры XVII в., приведенные г. Бусл. [Гр. § 275, пр. 2: „ѣдучи отъ Темникова.. на лѣвой сторонѣ у дороги старая грань"; „бобы не грибы: непосѣявъ (т. е. непосѣявъшю, или „непосѣявшемъ людемъ") невзойдутъ"], встрѣчаются и донынѣ: нетерши, немявши, небудетъ калачъ; лежа, цѣла одежа, да брюхо съ свищемъ (посл.); не роса пала на травушку, что катились горючи слезы, горючи слезы солдатскія, идучи, братцы, въ землю Шведскую, Сб. Новик.; приутихло, приуныло море синее, глядючись-смотрючись со черныхъ кораблей... на тѣ круты красны бережки, Арх. г. Якушк.; какъ живуци безъ законноей сдержавушки (=безъ мужа), принакопится злодійной тутъ кручинушки, Барс. Прич. I, 13; пере-

треская ретливое сердечушко столько ростяци сердечныхъ малыхъ дѣтушекъ, ib. 156.

Нерѣдко въ вр. въ главномъ предложеніи стоитъ у меня, у насъ и пр. (вм. дат-го) о томъ же лицѣ, къ коему относится дѣепричастіе: какъ ретливое сердечюшко позаныло, позаржавѣло у меня бѣдной горюшицы, живуци безъ своей матушки, Барс. ib. 37; строги-грозны богоданыи родители: мнѣ день прошолъ, у бѣднушки, даваютца (спрашивая позволенія), другой день прошолъ да слова дожидаютца, третій день прошолъ на родину справляютца, ib. 90; пройдетъ день да тутъ у насъ невидаюци, поскорешеньку работа сработается ib. 106; намъ наскучило, побѣднымъ, сиротаньицо, столько ходяци вѣдь по міру крещоному: столько водушки вѣдь мы неиспиваютца, што горючихъ горькихъ слезъ да проливаютца. Сапожонки у насъ притопталися, балуюци, шубенци придержалися, ib. 158; у мня, стояци во малой утлой лоточкѣ, за эту за дубовую оклочинку, перетерло у мня тонки бѣлы перески (пальцы), ib. 254.

Дѣепричастіе относится къ тому, что выражено родительнымъ въ главномъ предложеніи: невыздрѣвши, рябины нельзя заломать; невызнавши красную дѣвушку, нельзя замужъ взять, Шейнъ, Р. н. п. 314.

Въ малорусскомъ:

Несіявши неоравши, небуде жито родити; козака нечаровавши, небуде ходити, Метл. 86.

Сама незнаю, як ворогам годити: чорно, чи біло поміж ними ходити? чорно ходячи, то скажуть „ледащиця", а біло ходячи, то скажуть „чепуритця", н. п., Костом. въ Сб. Мордовцева, 274.

От сеє скінчавши (когда они кончили), Маруся усе прибрала из 270
стола, Кв. Повъязавши один одному рушники (= имъ повязавшимъ, когда они повязали другъ другу), от староста й каже, Кв. Вінъ (Богъ) объявить твоє діло черезъ те, на що й недумаєш.. та объявивши се, тут одкрыютьця и всі злиї діла, объ яких уже люде забули й розиськувати, Кв. Вже смеркаючи, черезъ превелику силу, мов рачки доповзла до города, id. Коз. д. Хоч и темна ніч, а приглядаючись дорогу видко, id. Серд. Окс. Денис неодин совіт дав голові, що робити з неплатящими общественного, або отаманові, загадуючи підводи на дороги (=як треба було атаманові загадувати), id. Перекот. И багато там такого було, що и розказуючи душа болить, id. Б. Д. Бог мені свидітель, що, покидаючи вас, серце мое таки точнісінько иначе ріжетця тупым ножем, id., ib. Трохимъ підглядав їх довго и щось у нёго (какъ выше въ вр.) у животі тёкнуло, чуючи щось недобре, id. Перекот.

Ср. въ сербскомъ: и тако погодивше се с њоме (когда мы съ нею условились), она скине с руке своју плетивачу, а ми с коња своје вреће, Кар. Прип. 7.

Такіе обороты, будучи прямымъ выводомъ изъ предшествующаго состоянія языка, далеки отъ того, чтобы быть личными ошибками. Впрочемъ понятно, что языкъ принявши дѣепричастіе за чистое нарѣчіе, тяготѣющее только ко глаголу, т. е. отказавшись отъ употребленія при немъ перваго падежа, въ настоящемъ случаѣ—дательнаго, какъ указателя на его подлежащее, тѣмъ самымъ ограничилъ употребленіе дѣепричастія изъ второго дательнаго только тѣми случаями, когда его самостоятельность видна изъ контекста. Напр. въ „сеє скінчавши, Маруся поприберала“, вырванномъ изъ связи рѣчи, дѣепричастіе или было бы отнесено нами къ подлежащему главнаго сказуемаго („кончивши, она же и поприбирала“), или, въ противномъ случаѣ, было бы употреблено ошибочно; но это дѣепричастіе, какъ самостоятельное, совершенно правильно въ слѣдующей обстановкѣ: „далі Їли ковбасу, сала кусочками нарізали и крашанок облупили и порізали на тарілочци. От сеє скінчавши (т. е. когда они кончили), Маруся усе прибрала“, Кв.

Литовскій языкъ въ этомъ отношеніи даетъ больше свободы. Во первыхъ, его три дѣепричастія (наст., прошед. и буд. дѣйств.), подобно
271 дѣепричастіямъ стар. русскаго языка, еще близки къ причастіямъ, такъ какъ допускаютъ при себѣ первый дательный: man beeinant = мнѣ идучи, man ejus = мнѣ шедши, dienai ausztant = дьни свитаючи, Schl. L. Gr. 321. Во вторыхъ, и тамъ, гдѣ перваго дательнаго въ литовскомъ нѣтъ, дѣепричастіе изъ 2-го дательнаго неможетъ быть отнесено къ подлежащему главнаго предложенія, такъ какъ для такой функціи есть особое причастіе на -damas (Schl. ib. § 141). Согласно съ этимъ напр. выраженіе „bewalgant žaidė muzikontai“ (ib. стр. 320), хотя буквально равно русскому „ѣдячи (обѣдаючи) играли музыканты“, но можетъ быть понято только въ томъ смыслѣ, что когда другіе ѣли, то музыканты играли. Также: ilgą jeszmą bedrožient, szu kepenį pagaus Schl. Les. 82, долгій (=о) рожонъ (вертелъ) стругавши (т. е. въ то время какъ нѣкто стружетъ), собака жаркое схватитъ. Для нашего же „обѣдаючи играли“ (т. е. обѣдающіе играли) въ литовскомъ—walgydami žaidė. Такъ и въ лотышскомъ дѣепричастіе настоящее или съ наличнымъ дательнымъ (man runajût, mâtei asaras bira, мнѣ говоря, т. е. мнѣ говорящему, говорящей, когда я говорилъ, -ла, у матери катились слезы), или безъ него: mîžus pliaujût uznaca lêls perkûns, ячмень кося (т. е. намъ косящимъ, когда мы косили), пришелъ большой перкунъ (настала сильная гроза), Biel. L. Gr. § 751—2); кåю спѣру — земе риб, рунайôт межі скан, Спрог. 152, ставлю ногу—земля дрожитъ, говоря (когда говорю)—лѣса гудятъ; вецум ману, вецумінь, нередзôт дагаюшу, ib. 214, старость моя старость, невидя (т. е. мнѣ невидящу, невидимо) приходящая.

Кажется наиболѣе вѣроятнымъ то объясненіе дательныхъ самостоятельныхъ, по которому ихъ исходною точкою представляется обо-

ротъ съ первымъ дательнымъ, непосредственно дополняющимъ главное 272
сказуемое. Конечно, между выраженіемъ съ дат. самост. „пьючю (пьючи) ему съ Угры и повѣдѣ имъ“ и другимъ „пьючю ему и повѣдаша ему“, разсматриваемымъ, какъ первообразъ перваго, большая разница; но вѣдь и всякая новая грамматическая форма, по отношенію къ предшествующей, кажется скачкомъ.

Миклошичь, неприводя въ связь случаевъ, приведенныхъ выше подъ А, и останавливая вниманіе только на Б (съшьдъшу юму съ горы, въ слѣдъ юго идошѧ народи мънози), предлагаетъ два различныя объясненія.

По одному изъ нихъ дат. самост. примыкаютъ къ дательному въ значеніи времени: „дательный имени съ причастіемъ въ именной формѣ означаетъ первоначально отношеніе времени дѣйствія, выраженнаго причастіемъ, къ дѣйствію, выраженному посредствомъ vb. finitum. Если дѣйствія одновременны, то является причастіе настоящее („симъ сице творимомъ, градъ трѧсѣашесѧ“); если дѣйствіе причастія предшествуетъ дѣйствію глагола, то является причастіе прошедшее („съшьдъшу юму.. идошѧ); за неимѣніемъ причастія будущаго, о третьемъ случаѣ, когда дѣйствіе причастія слѣдуетъ за дѣйствіемъ глагола неможетъ быть рѣчи“ (IV, 615). Очевидно, что такое значеніе зависитъ не отъ перваго дательнаго, а отъ причастія. Время причастія будетъ находиться въ такомъ же отношеніи ко времени главнаго сказуемаго и тогда, когда причастіе стоитъ не въ дательномъ, а въ другомъ падежѣ, при чемъ послѣдній можетъ и небыть падежемъ времени. Признавая, что особенность дательныхъ самостоятельныхъ должна корениться въ свойствѣ перваго дательнаго, Миклошичь продолжаетъ: „кажется, что объясненія этому явленію слѣдуетъ искать въ употребленіи, впрочемъ рѣдкомъ, дательнаго въ значеніи времени, когда нѣчто случается: „утро пробрѣзгу зѣло въставъ“, Мар. 1, 35, что, по мнѣнію Шафарика, врядъ-ли основательному, стоитъ вмѣсто „пробрѣзгу зѣло сѫшту“; 273
„во юдинѣ суботъ утру глубоку“ (ὄρθρου βαθέος), ib. Возраженіемъ на это служитъ именно сомнительность этихъ примѣровъ, которые могутъ не объяснять дательные самостоятельные, а на-оборотъ, требовать объясненія съ ихъ стороны. Несомнѣнныхъ примѣровъ одного дательнаго времени, непредполагающихъ опущенія причастія, невидно. Самъ Микл., приводя ниже (IV, 827), „въскресе цѣломъ печатемъ“, Кир. Тур., объясняетъ: „т. е. сѫштемъ“. Къ ссылкѣ на Шафарика мы можемъ прибавить, что и по мнѣнію г. Срезневскаго въ приводимой имъ зап. млр. пословицѣ „самому тобі въ лісі товариша не знайдеш“ слѣдуетъ подразумѣвать прич. будучу (Мысли объ ист. р. я. 88). Ср. „гдѣ пилъ, тутъ и уснулъ; кому его беречи, самому пьяну?“ Домострой, Бусл. Оч. I, 570. Между тѣмъ значеніе времени въ другихъ падежахъ, винит., родит., творит. вполнѣ несомнѣнно и обычно.

Въ другомъ мѣстѣ Миклошичь спрашиваетъ: „можно ли думать, что дательный съ причастіемъ прошедшимъ означаетъ собственно (т. е. обозначалъ первоначально): zu diesem vollendeten dinge kam folgende handlung?—объясненіе, отличное отъ вышеизложеннаго“ (V. Gr. IV, 619). Такое объясненіе можно бы приложить и къ дат. съ причастіемъ настоящимъ; согласно съ имъ „идущема же има сташа ночлѣгу“, Лавр. 115 (261), значило бы: „къ тому что они въ то время шли присоединилось то, что они остановились для ночлега“. Это объясненіе, какъ и предложенное нами выше, предполагаетъ, что въ основаніи дательныхъ самостоятельныхъ лежитъ первый дательный, неимѣющій значенія времени.

---

274 Неопредѣленное наклоненіе.

1. Форму на -ти и соотвѣтственныя ей въ другихъ языкахъ, по старой памяти, принято называть наклоненіемъ (modus, způsob, tryb, начин). Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, правильное пониманіе дѣлаетъ неточность выраженія безвредною, а безконечную ломку терминологіи ненужною. Съ давнихъ поръ болѣе-менѣе извѣстны отличія формъ, какъ слав. на -ти, отъ собственныхъ наклоненій, а въ этомъ-то вся сила. Уже Іоаннъ Экзархъ („Книга св. Ивана Дамаскина.. о осмихъ чястѣхъ слова, преведе же еа Иванъ презвитеръ, екзархъ Болгарскій“; см. Малининъ, Грам. Іо. экз. Болг. въ Сб. статей по Славяновѣд., сост. учениками В. И. Ламан. 1883, 193) говоритъ: „изложеніе (т. е. наклоненіе) есть воля души, выражаемая голосомъ, являемая рѣчью“. Исчисливъ наклоненія, коихъ у него пять (повелѣнное, молитвенное, вопросное, звательное и повѣстное), продолжаетъ: „есть еще одно изложеніе, которое называется необъявленнымъ, потому что неможетъ само по себѣ имѣть ни лица, ни времени, ни залога (т. е. въ славянскомъ яз. въ отличіе отъ греч.), ни другихъ принадлежностей глагола“. Поэтому-то „бываютъ случаи, когда оно называется и именемъ“ (мы бы сказали „переходитъ въ имя“) „и, какъ имя, принимаетъ различіе (членъ), какъ вотъ это: „ѥже чести полезно“, „ѥже ѣсти потребно“, „ѥже играти укорно“. Кромѣ различія, это неявленное сочиняется и съ другими частями рѣчи, именемъ или глаголомъ, какъ „вещь исполняющая совѣтъ души“, напр. „повелѣваю ти быти“. Такъ какъ глаголъ, или имя, или мѣстоименіе (?) требуютъ (въ спискѣ XVI в. ошибочно „нетребуютъ“) его „къ исполненію совѣта (βουλή) души, то потому неявленное причисляется къ изложеніямъ (наклоненіямъ), хотя само по себѣ неимѣетъ силы къ изложенію“ (т. е. предикативной силы, свойственной наклоненію), Калайд. Іоаннъ Экз. Б. 170.

275 Избѣгая термина „наклоненіе“ и т. п., но стараясь сохранить нѣчто отъ обычной терминологіи, нѣкоторые называютъ ф. на -ти просто ин-

финитивомъ (такъ нынѣшніе чешскіе и серб. грамматики; у Крижанича—неокончалникъ) и „неопредѣленнымъ словомъ“ (wyraz bezokoliczny).

Буслаевъ говоритъ: „неопредѣленное наклоненіе, будучи по этимологическому своему образованію существительнымъ отглагольнымъ, и употребляется въ предложеніи какъ существительное, означая подлежащее сказуемое и дополненіе“ (Гр. § 195). Если здѣсь тотъ смыслъ, что происхожденіе формы опредѣляетъ собою ея употребленіе, то это ошибочно, ибо слово генетически предполагаемое даннымъ неесть это послѣднее. Кто говоритъ, что неопредѣленное наклоненіе есть не что иное, какъ существительное отглагольное, тому предстоитъ: или, оставаясь послѣдовательнымъ, вовсе невыдѣлять неопр. наклоненія изъ ряда другихъ существительныхъ отглагольныхъ, или впасть въ противорѣчіе, подобное тому, что союзъ бы есть не что иное, какъ 3-е л. аориста, нарѣчіе разомъ—не что иное, какъ творит. ед. существительнаго и т. п. Впрочемъ самъ Б. отличаетъ неопредѣленное накл. отъ „настоящихъ“ отглагольныхъ существительныхъ и даетъ лишь поводъ къ ихъ смѣшенію.

Н. Некрасовъ въ своемъ сочиненіи „О значеніи формъ русскаго гла-
гола“ въ числѣ многаго, съ чѣмъ нельзя согласиться, называетъ не- 276
опредѣленное наклоненіе существительною формою глагола. „Укáжемъ,
говоритъ онъ, на родственную, дружественную связь русскаго глагола
съ другими частями рѣчи на примѣрахъ. Такъ, форма его на -ть не- 277
только можетъ употребляться какъ существительное имя... но переходитъ въ сущ. съ предметнымъ значеніемъ, которое бываетъ отвлеченное и вещественное; напр. честь—имя сущ., имѣющее отвлеченное предметное значеніе, но въ сущности есть глаголъ честь, чту....; власть—имя сущ., но въ сущности глаголъ владѣ-ть, съ опущеніемъ зв. ѣ. Печь—имя сущ. имѣющее вещественное значеніе... въ сущности есть глаголъ: печь, пеку. Течь—имя сущ... въ сущности глаголъ: течь, теку... напасть, пропасть глаголы и существительныя. Есть—глаголъ, есть („естю“, во естяхъ“)—существительное“ (О. зн. ф. р. гл. 17). Что это можетъ значить „существительное есть въ сущности глаголъ“? Допустивши, что это выраженіе относится къ тождеству ихъ образованія, мы находимъ, что оно несправедливо. Сущ. ж. течь, род. течи имѣетъ въ им. ед. суфиксомъ только -ь, а неопр. течь (вост. млр. текти, ст.-сл. тешти, серб. теħи, пол. ćiec и пр.) заключаетъ въ себѣ суф. -ти. Сущ. есть, естя, образованное отъ 3 л. ед. ч. заключаетъ въ себѣ суф., коего древнѣйшій видъ есть въ им. пад. ед. ја-с. Сущ. власть сходно не съ владѣти, а съ неопр. н. власти; но сущ. ж. въ им. пад. ед. заключаетъ въ себѣ динамически кромѣ суф. ти еще знакъ именительнаго -с, а неопредѣл. накл. на ти, кромѣ этого суфф. еще суф. косвеннаго падежа (по Боппу, V. Gr. § 865

и Шлейхеру, Comp.[1] 363,[2] 438, дательнаго, по другимъ — мѣстнаго, даже родительнаго, Mikl. V. Gr. IV, 844). Эти различные падежи произведены не другъ отъ друга, а лишь отъ одной общей темы.

Впрочемъ падежъ, заключенный въ неопредѣлен. накл. на -ти, выдѣлился изъ всѣхъ остальныхъ и потерялъ свое падежное значеніе уже въ весьма давнее время (за-долго до начала слав. письменности). Съ
278 тѣхъ поръ и до-нынѣ языкъ отличаетъ эту форму отъ существительнаго ж. на -ть нетолько по употребленію, чего одного было бы достаточно, но во многихъ случаяхъ и болѣе внѣшнимъ образомъ. Въ русс. литерат. языкѣ, гдѣ окончаніе неопр. н. -ти сократилось въ ть, всетаки нѣтъ полнаго наружнаго смѣшенія съ сущ. -ть, такъ какъ неопр. накл. можетъ сохранять конечное *и*, гдѣ на него падаетъ удареніе: вести́, нести́. Многіе влр. говоры удерживаютъ въ неопр. н. и неударяемое *и*. Извѣстны случаи позднѣйшаго образованія неопредѣленнаго накл., уже совершенно несходнаго съ сущ. ж. на -ть: мочи, печи (вм. стар. мочи, печи) при существительныхъ мочь, печь. Въ малорусскомъ, гдѣ есть формы неопр. накл. какъ жать, тамъ есть и такія какъ жати (большею частью со среднимъ *и*, близкимъ къ ы), коихъ нельзя смѣшать съ существительными какъ -жать въ сіножать гдѣ -ть обязательно. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ и въ влр., между неопредѣленнымъ (пекти) и существительнымъ (піч, род. пе́чи) установилось рѣзкое звуковое различіе. Въ другихъ, и въ русс. литер., и въ говорахъ влр. и млр. разсматриваемыя формы разграничены удареніемъ: неопр. накл. помо́чь (помочи́, помогти́), поче́сть, пропа́сть и существ. по́мочь, по́честь, про́пасть.

Точно также нетолько употребленіемъ, но и происхожденіемъ опредѣлена рѣзкая граница между неопр. н. -ти и именами дѣйствія на тиѥ = тье. Г. Некрасовъ старается доказать, что неопр. н. есть „ничто иное какъ имя дѣйствія“ [1]), какъ тѣмъ, что оно было нѣкогда паде-
279 жемъ имени (Ж. мин. нар. пр. IX, 59), такъ и постоянною его близостью къ несомнѣннымъ именамъ дѣйствія. Съ этою цѣлью онъ отличаетъ имена, какъ крытіе (отъ прич. прош. на -тъ), отъ такихъ, какъ бытьё, житьё, ко́и по его мнѣнію образуются отъ неопр. на -ть и имѣютъ собирательное значеніе (О зн. ф. р. гл. 18) [2]). На дѣлѣ раз-

---

[1]) Микл.: „subst. auf ije sind so wie die inf. nomina abstracta“, V. Gr, IV, 845.

[2]) Сюда привлекаетъ онъ и вовсе неподходящіе примѣры, какъ трястье и четьё. а) Посл. „счастье какъ трястье: на кого захочетъ, на того и нападетъ“ (Даль, Посл. 45), кажется лишь неудачной передѣлкой малорусской „щастя як трясця“ („трясцею болѣти“ въ Сл. Дан. Заточн.). Въ угоду риемѣ въ малорусской пословицѣ, и влр. переводчикъ поставилъ не трясца, какъ бы слѣдовало, а трястье, слово, которое, за недостаткомъ аналогій [т. е. причастій, какъ пас-тъ (пасу). нес-тъ (несу) и именъ дѣйствія, какъ пастье, нестье], можно назвать неудачно выдуманнымъ. б) Четьё въ былинномъ „четьё—пѣтьё“ немогло быть образовано ни отъ прич. прош. страд. (чьт-енъ,

личіе въ значеніи русс. суффиксовъ -тіе и тье (какъ и -ніе и нье) ведетъ начало вовсе не отсюда, а отъ того, что первый уже издавна исчезъ въ народномъ русск. языкѣ, сохранившись лишь въ ф. -тье, и вновь заимствованъ изъ ц.-слав. уже книжнымъ путемъ. Суф. -тье въ русс. всегда предполагаетъ -тиѥ, который по значенію неможетъ быть отличенъ отъ -ниѥ, какъ и суф. причастія прош. стр. -т- (основная фор. -та-) отъ -н- (осн. фор. -на-). Имена на -тиѥ и -ниѥ всѣ заключаютъ въ себѣ суф. прич. страд. и выборъ того или другого суф. для образованія отглагольнаго имени дѣйствія, за немногими исключеніями, зависитъ отъ того, образуетъ ли глаголъ причастіе страд. пр. на -т, или на н-: питиѥ, но званиѥ. Имена -тиѥ, ниѥ неимѣютъ съ не- 280
опредѣленнымъ н. другой этимологической связи, кромѣ той отдаленной, что и суффиксъ -ти, предполагаемый падежемъ, отъ котораго пошло наше неопр. накл., можетъ имѣть тотъ же мѣстоименный корень, что и -та.

2. Къ опредѣленію инфинитива.

Несмотря на то, что въ числѣ защитниковъ совершенной номинальности этой формы были знаменитыя въ языкознаніи имена (напр. Боппъ), въ настоящее время можно считать рѣшительно и прочно господствующимъ мнѣніе, что инфинитивъ только былъ нѣкогда именемъ, но неостался имъ, или, какъ говорятъ иначе, что онъ есть имя въ этимологическомъ и родъ глагола въ синтактическомъ отношеніи.

А. Превратившись изъ падежа въ особую грамматическую категорію, неопредѣленное накл. вмѣстѣ съ падежемъ лишилось и другихъ свойствъ имени: рода и числа.

Поэтому объясненіе синтактическихъ особенностей неопред. накл. изъ его падежнаго значенія можетъ быть оправдано лишь для случаевъ, восходящихъ къ тому времени, когда неопр. накл. было еще именемъ.

Для языковъ, какъ греческій, нѣмецкій, романскіе, въ коихъ неопредѣленное наклоненіе можетъ принимать членъ и предлогъ, какъ имя, слѣдуетъ принять два періода: первый по времени—образованія неопредѣл. н., какъ особой категоріи, движенія въ нѣмъ по направленію ко

а предположивши суф. -т — чис-тъ), ни отъ неопредѣленнаго н. (чьс-ти, чис-ти). Въ сходномъ по суффиксу словѣ четья (минея) Буслаевъ (Гр. § 55, пр. 7) видитъ остатокъ причастій страд. будущ. вр., т. е. дѣлитъ чет-ья. Здѣсь можетъ быть рѣчь только о particip. necessitatis (Bopp., V. Gr. § 897—8), такъ что четья значитъ по этому legenda, что должна быть читана. Относительно сходства -ja, съ ija, или ǐja, которое одно могло лежать въ основѣ ф. чьтий, чьтиꙗ, см. Schl. Comp.[2] § 217. Иначе образовано пи-тий, potui aptus: понѥже скѫдо бѣаше воды, идеже живѣаше, наипаче же никакоже бѣаше води питиꙗ Supr. 431, 1; питиꙗ (т. е. питиѩ) оученикю почрьпѣмъ водѫ ib. 230, 7; вр. питья чаша; 2 сосуда питьи хрустальныхъ, 1597, Пам. дипл. сн. II, 497. Жи-тий: „житеве, погибе.. акы сънъ, оставивъ (в. вм. -шоу) житиимъ богатьство своѥ, Изб. 1073, 74; вр. новгород. житьи люди.

глагольности, и второй — превращенія вновь части неопредѣленныхъ наклоненій въ имена существительныя, при чемъ само собою, что это второе движеніе неесть возвращеніе къ исходной точкѣ. „Какъ скоро неопредѣленное накл. принимаетъ членъ, то оно перестаетъ быть неопредѣленнымъ накл.“ (W. Humboldt, Ueb. den inf. въ Z. für vergl.
281 spr. II, 249). Это мнѣ кажется несомнѣннымъ, и непонятно, какъ можетъ Миклошичь въ опроверженіе этого ссылаться на то, что „инфинитивъ, опредѣленный членомъ, относительно субъекта и объекта слѣдуетъ тѣмъ же законамъ, что и неопредѣл. накл. безъ члена“ (Ueb. den accus. cum inf. 506).

Въ новомъ в. нѣмецкомъ субстантивированныя неопр. н. настолько отождествились съ другими именами дѣйствія, что соединительное или противительное сочетаніе первыхъ со вторыми невстрѣчаетъ никакого препятствія въ чутьѣ говорящаго, на пр. das arbeiten und die lectüre, der lärm und das jammern. Въ сред. внѣм. такія сочетанія были еще рѣдки (Jolly, Gesch. des infinit. 173). Въ нынѣшнемъ русс. лит. яз., живо чувствуется глагольность неопр. накл. и потому сочетаніе его, какъ равносильнаго съ именами на -ніе, -тіе и другими, на пр. желаю вамъ счастья и долго жить, любитъ стихи и слушать музыку, любитъ быть первымъ и почести“, является стилистическою ошибкою. Въ стар. яз. такія сопоставленія (анаколуѳіи), кажется, неособенно рѣдки: „ажь любишь съ нами рядъ правый и въ любви с нами быти“, Ип. 149 (469); князь Олигердъ отречеся креститися и княженія Псковского, 1341, Пск. I, П. с. Р. л. IV; и тѣ бы священницы... оучили своихъ учениковъ страху Божію и грамотѣ, и писати, и пѣти, и чести, Стогл., Бусл. И. Хр. 805; протопопъ учнетъ свадебный чинъ и царя благословляти крестомъ, Котош.; научати на всякое зло.. чтобъ атаманы и козаки шли по городамъ для разоренья и городы засѣсть, 1611, Ак. отн. до Юр. Б. II, 602 [1]). Рядомъ съ правильнымъ употребленіемъ родит. имени съ для, ради, между прочимъ на мѣстѣ супина (не для хлѣба пришла соли наѣданьица, не для сладково медова упиваньица, на совѣтъ пришла.., Барс. Прич. I, 184; я иду бѣдна горюшица.. я не ради отъѣданьица, иду ради повиданьица, ib. 53), можно отмѣтить, какъ рѣдкое явленіе въ русс. слѣд.: „не для хлѣба приду соли наѣдатися, не для славнаго любима угощенья, засмотрить приду родителей желанныхъ, ib. 98.

[1]) Столь же неловко съ нынѣшней точки сопоставленіе въ одинаковыхъ условіяхъ существительнаго отвлеченнаго и причастія: „ти, видѣвъше кротость ѥго и несъпаніе по вся нощи и почитающа съ прилѣжаніемь книгы и оучастяща пакы молитву, сии же и ина многа исповѣдаху о мужи томь, жит. Ѳеод. XII в., к. 4.; они же видѣвъше отрока простость и ризами же худами облечена, нерачиша того прияти, ib., Чт. 1879, I, 52.

Столь же неправильнымъ кажется сопоставленіе имени лица и неопредѣл. н. въ слѣд. серб. примѣрѣ: Авај Лека, весела ти мајка! А какав би био старјешина Те судити једном земљом равном, Па се тебе сестра небојати! Кар. Пјес. II, 235.

Б. Въ виду непервообразности значеній, по которой неопред. накл. слѣдуетъ признать весьма сложнымъ продуктомъ развитія языка, врядъ-ли кто согласится съ мнѣніемъ В. Гумбольта, что оно выражаетъ какъ бы дограмматическое состояніе глагола (Steinthal, Gr. L. и Ps. 369). Я здѣсь упоминаю объ этомъ ради замѣчанія Гумбольта, приводимаго имъ въ подтвержденіе положенія о вещественности, неграмматичности неопр. н., именно, что дѣти сначала говоря́тъ всё въ инфинитивѣ. Это можетъ происходи́ть отъ того, что дѣти въ этомъ случаѣ повторяютъ наиболѣе существенную часть рѣчи взрослыхъ, напр. берутъ „ѣсть" изъ фразъ: „хочешь ѣсть?", „будешь ѣсть?", „дать тебѣ ѣсть?". Въ связи съ этимъ находится явленіе, которое быть можетъ кто либо могъ бы привесть въ опроверженіе мнѣнія объ отсутствіи числа въ неопредѣленномъ накл. Въ малорусскомъ обычны преимущественно дѣтскія уменьшительныя неопредѣленныя н., заключающія въ себѣ уменьшительные именные суффиксы, присоединяемые или къ суф. неопредѣленнаго накл. съ опущеннымъ *и* (спа́-т-ки, спа́-т-оньки, спа́-т-очки), или прямо къ корню: ла́д-ки, ку́п-ки, купоньки, купусі, купусеньки [1]); но эти формы, кромѣ происхожденія отъ именит. мн. ч. (съ чѣмъ ср. уменьшительныя ф. влр. вопросительныхъ и восклицательныхъ частицъ: асеньки? охохонюшки!), и кромѣ уменьшительныхъ суф., которые могутъ входить и 282
въ составъ глаголовъ, во всемъ прочемъ имѣютъ обычныя функціи неопредѣлённаго накл. [2]) и тоже весьма непервообразны.

В. Относительно рода Буслаевъ замѣчаетъ: „означая дѣйствіе и состояніе отвлеченно, неопр. накл. разумѣется въ среднемъ родѣ, почему имена, мѣстоименія и причастія согласуются съ нимъ въ среднемъ р., напр.: „которому въ бою неуступить великой честью озарило-бъ мои младые годы" (Жук.), Б. Гр. § 195.

Будь такіе обороты даже свойственны русскому яз., они ничего бы недока́зывали, ибо средній родъ согласуется здѣсь не съ самимъ неопр. н., а съ неизвѣстнымъ подлежащимъ. Самому неопредѣленному н.

---

[1]) Подобное, но нетождественное съ этимъ явленіе — въ лотышскомъ (Biel. L. Gr. §§ 324, 740).

[2]) Стало быть, теряютъ число, отличаясь въ этомь отъ именъ на ниѥ, тиѥ, кои имѣютъ единств. ч. и коихъ неспособность принимат множественное ч. „wenn sie ein blosses thun bezeichnen (Mikl. V. Gr. IV 845—879; ср. Бусл. Гр. § 219, 3) состоитъ лишь въ томъ, что множественное число дѣлаетъ иногда ихъ значеніе болѣе конкретнымъ: знаніе das wissen, знанія kenntnisse, wissenschaften; однако „взятіе города" и „взятія городовъ".

столь же чуждъ средній родъ, какъ и личному глаголу въ такъ называемыхъ безличныхъ сказуемыхъ: „es regnet".

Г. Если скажемъ, что неопредѣленное н., небудучи существительнымъ и неимѣя въ себѣ ничего, чтобы могло согласоваться, неможетъ быть употреблено, какъ аттрибутъ другого существительнаго („царь Петръ"; „Петръ, царь-работникъ"), то можно на это замѣтить, что и несомнѣнныя отвлеченныя имена дѣйствія врядъ-ли употребляются такимъ образомъ. Болѣе вѣрное средство узнать настоящія свойства неопредѣленнаго н. состоитъ въ рѣшеніи вопроса, бываетъ ли оно, подобно отвлеченнымъ именамъ, подлежащимъ и дополненіемъ?

283 Если-бы неопредѣленное н. было отвлеченное существительное отглагольное, т. е. означало признакъ взятый изъ глагола (дѣйствіе) и представленный даннымъ въ фиктивной субстанціи, то тѣмъ самымъ оно имѣло бы возможность представляться производителемъ другихъ дѣйствій и ихъ предметомъ. Но неопред. накл. въ различныхъ сродныхъ языкахъ именно тѣмъ и отличается отъ существительнаго, что незаключаетъ въ себѣ своего субъекта, но требуетъ его, какъ прилагательное и глаголъ. Между тѣмъ оно очевидно не-есть прилагательное, неимѣя даже такой аттрибутивности, какую имѣютъ прилагательныя, лишенныя флексій (ст.-сл. „сугубь грѣси"). Поэтому оно можетъ принадлежать лишь ко глаголу въ обширномъ смыслѣ. Отличіе неопредѣленнаго накл. отъ личнаго глагола (vb. finit.) состоитъ въ томъ, что этотъ послѣдній заключаетъ въ себѣ опредѣленіе своего лица (1-го, 2-го или 3-го), тогда какъ въ неопредѣленномъ накл., вырванномъ изъ связи, лицо остается неопредѣленнымъ. Въ живой рѣчи лицо неопредѣленнаго всегда опредѣляется тѣмъ или другимъ способомъ, именно: а) лицомъ verbi finiti, напр. хочу ѣсть, ich will essen, т. е. хочу, чтобы *я же* ѣлъ (Steinth. Gr. L. и Ps. § 131). Въ этихъ случаяхъ неопредѣленное принимаютъ за дополненіе, т. е. за объектъ; но простое сравненіе выраженій, какъ „хочу знать" и „хочу знанія", или пожалуй, хотя это не порусски, съ винительнымъ „хочу знаніе", должно показать, что „знать" отнюдь не предметно. Въ „знать" рѣчь о дѣятельности того же лица, которое означено въ „хочу"; въ „знанія" или „знаніе" — о предметѣ внѣшнемъ по отношенію къ этому лицу и такомъ, отъ котораго косвенно зависитъ дѣятельность этого лица, или такомъ, который страдательно подлежитъ этой дѣятельности. При извѣстныхъ глаголахъ содержаніе неопредѣленнаго, какъ выше, можетъ
284 быть отнесено только къ лицу этихъ глаголовъ, почему для отнесенія этого содержанія къ другому лицу требуется уже не неопредѣленное накл., а равносильный ему относительно глагольности другой глаголъ: „хочу, чтобъ ты ѣлъ", „боюсь, что упадешь" (но „боюсь, что упаду" = боюсь упасть). б) При другихъ глаголахъ, неопредѣленное накл. можетъ имѣть только свое особое лицо („прошу васъ,

ихъ прийти = чтобы вы, они пришли"), которое хотя можетъ совпадать съ лицомъ глагола („просить его (3-е лицо) прийти"), но относится къ другой субстанціи. При этомъ или лицо, а вмѣстѣ съ тѣмъ и подлежащее неопредѣленнаго наклоненія, опредѣляется косвеннымъ падежемъ, стоящимъ въ томъ же предложеніи, какъ въ приведенныхъ примѣрахъ, или лицо неопредѣленнаго есть третье, и его подлежащее остается неопредѣленнымъ [1]). Такъ напр. въ стар. нѣмец. „trac behalten, porta ut custodiatur" (Grimm, Gr IV, 103), въ русск. отдай спрятать (ему? имъ? неизвѣстно кому?). Въ обоихъ случаяхъ подлежащее неопредѣленнаго есть другое, чѣмъ подлежащее личнаго глагола,
почему слѣдуя Гримму (Gr. IV, 121), мы называемъ такія неопредѣлен- 285
ныя **объективными**, а неопр. указанныя выше подъ а) (хочу **ѣсть**)— **субъективными**.

Замѣтимъ, что когда Гриммъ, быть можетъ въ виду наклонности нѣмецкаго неопред. накл. переходить въ существительное, говоритъ, что „der inf. ist eine art substantivierung des verbums, dessen regeres leben dabei aufhört" (Gr. IV, 56), хотя тѣмъ неменѣе неопр. накл. есть **глаголъ**, но безъ личныхъ окончаній, и потому въ своей неопредѣленности годный для всякаго лица (ib. 90); то этому съ бо́льшимъ основаніемъ можно противопоставить слѣдующее: неопред. накл. есть такой родъ оглаголенія имени, котораго особое назначеніе есть служить второстепеннымъ, зависимымъ сказуемымъ. Именно съ такимъ назначеніемъ **согласуется** неопредѣленность лица неопредѣленнаго, взятаго само по себѣ.

Здѣсь заключено объясненіе того, почему мы говоримъ о неопр. накл. въ статьѣ о **составныхъ членахъ предложенія**. Не перебирая всего, относящагося сюда, мы видимъ въ случаѣ „**хочу ѣсть**", что неопр. накл. вноситъ въ языкъ особое составное сказуемое, состоящее не изъ глагола и имени, какъ разсмотрѣнное выше, а изъ **двухъ** видоизмѣненій глагола.

Возвращаясь къ вопросу, поставленному въ началѣ § Г, мы рѣшаемъ его такъ, что неопред. накл., какъ глаголъ, всегда относится къ категоріи сказуемаго въ обширномъ смыслѣ, т. е. неможетъ быть ни на-

[1]) Миклошичъ: „лицо, отъ коего исходитъ дѣятельность, вовсе несуществуетъ въ предложеніяхъ, которыя, какъ „ich sehe blitzen", основаны на безсубъектныхъ предл. Во всѣхъ другихъ случаяхъ дѣйствующее лицо, хотя невыражено, но мыслимо („wird an eine thätige person wenigstens gedacht), что однако относится и ко всѣмъ тѣмъ существительнымъ, которыя, будучи образованы отъ глагольныхъ темъ, означаютъ дѣйствіе: **пьсаниѥ**" (V. Gr. IV, 844). Но вѣдь неопр. накл. „blitzen" въ вышеприведенномъ случаѣ относится мыслію говорящаго къ 3 лицу, правда — неопредѣленному, незаключенному въ самой формѣ неопредѣленнаго накл., но указываемому контекстомъ. Между тѣмъ существительное дѣйствія само, въ качествѣ предмета, **есть** дѣйствующее лицо (3-е); иначе: существительное дѣйствія, въ силу своей субстанціяльности, устраняетъ вопросъ о производителѣ дѣйствія. Нельзя спросить: „кто (что) писаніе"?

стоящимъ подлежащимъ, ни настоящимъ дополненіемъ. И тамъ, гдѣ неопредѣленное накл., какъ говорятъ, есть подлежащее, точнѣе говоря оно только выдвинуто на мѣсто подлежащаго (подобно тому, какъ выдвигается такъ и предложеніе съ личнымъ глаголомъ), но имѣетъ всетаки глагольное, а не именное значеніе, такъ какъ относится къ неизвѣстному 3-му лицу (man) и соотвѣтствуетъ развитому предложенію:
286 irren ist menschlich = dass man irrt... (Steinthal, l. c. [1]). Роль дополне-
287 нія невозможна для неопр. накл. именно потому, что она предполагаетъ косвенные падежи, которыхъ также (уже) нѣтъ въ неопр. накл., какъ нѣтъ въ немъ именительнаго [2]).

---

286 [1]) Миклошичъ (V. Gr. IV, 848—9), указавши на случаи, какъ ст.-сл. разбивати скарадо Ѥсть; млр. двом панам тяжко служити, и т. п., продолжаетъ: „что неопр. накл. въ этихъ и подобныхъ случаяхъ имѣетъ функцію именительнаго“ (стало быть, подлежащаго) „—таково мнѣніе грамматиковъ, въ вѣрности коего можно однако усумниться. Не-невозможно, что эти неопредѣленныя накл. принимаются за именительные единственно потому, что присутствіе именительнаго считается необходимою принадлежностью предложенія, и что есть предложенія, въ коихъ неопредѣленное можетъ быть замѣнено существительнымъ въ именительномъ... Но заключеніе отъ грамматическаго качества одного предложенія къ качеству другаго невѣрно: они могутъ быть равны въ логическомъ и различны въ грамматическомъ отношеніи, какъ напр. унѣѥ Ѥсть умрѣти, praestat mori, и унѣйши Ѥсть съмрьть, praestat mors. Первое предложеніе безсубъектно, какъ если-бы сказать es ist besser, dass man stirbt. Это относится къ славянскому, а равно, какъ я думаю, и къ латинскому, но не къ языкамъ, сравнявшимъ посредствомъ члена неопр. накл. съ остальными существ., какъ погомеровскій греческій, нѣмецкій, романскіе... И въ болѣе позднемъ санскритѣ Геферъ (Vom infin. Berl. 1840, 118) непризнаетъ употребленія неопр. накл. въ качествѣ именительнаго, полагая, что неопр. накл. во всѣхъ случаяхъ получило значеніе зависимости, которая чувствуется въ немъ и тамъ, гдѣ оно, по видимому, стоитъ независимо, такъ что оно равно нѣмецкому zu lieben и пр. Его можно бы понять въ смыслѣ именит. когда оно — при глаголахъ интранзитивныхъ или среднихъ, напр. въ скр. „на мê рôчатê картум“, thun oder zu thun gefällt mir nicht; но и это безъ сомнѣнія слѣдуетъ понимать такъ: es gefällt mir nicht zu thun. И въ томъ я немогу убѣдиться, что въ καιρὸς λέγειν, es ist zeit zu reden, λέγειν есть именительный, ибо тогда нужно бы было перевести zeit ist reden“.

Я вполнѣ согласенъ съ этимъ взглядомъ. Именно, признавая разницу между неопре-
287 дѣленнымъ въ „легко (есть) сказать“ и т. п. и въ выраженіяхъ, въ коихъ на неопредѣленномъ, выдвинутомъ напередъ,—сила рѣчи и оно независимѣе („умереть—ему ни по чемъ“ въ родѣ того, какъ говорится „смерть—копѣйка“), я думаю, что эта разница никакъ не въ ущербъ глагольности неопредѣленнаго, выдвинутаго на мѣсто подлежащаго.

[2]) Микл. ib. 849: „Неопр. накл. пити, ясти, стоя безъ объекта, въ извѣстныхъ сочетаніяхъ имѣютъ значеніе существительныхъ“ (т. е. какъ видно изъ примѣровъ, косвенныхъ падежей, дополненій): ст.-сл. принесе Ѥму ѣсти, просиши у мене пити, хромымъ ходити подасть; млр. добре їсти зварила, sie kochte ein gutes essen, наварила обідати sie kochte ein mittagessen..., польск. dzieci jeść płakały, weinten um das essen“. Сюда прибавимъ обычныя выраж. какъ „подали кушать“ (обѣдать, ужинать), „приготовьте умываться, одѣваться“ и пр. Но при этомъ можно замѣтить, что какъ бы ни замѣнялось это неопр. въ нѣмецкомъ и др., оно никакъ не ближе къ дополненію, чѣмъ „прошу извинить“ и т. п.

Уравненія, къ какимъ прибѣгаютъ въ языкознаніи, недолжны считаться тавтологіями въ строгомъ смыслѣ. Говоря, что "просилъ пустить"—то-же, что „просилъ, чтобы пустилъ, пустили", мы хотимъ этимъ сказать не то, что оба выраженія равны для мысли, а только то, что въ неопредѣленномъ накл. перваго выраженія есть глагольная сила, которую мы отчасти преувеличиваемъ, приравнивая къ предложенію „чтобы пустилъ". Что до объективныхъ историческихъ отношеній между подобными оборотами, то они вовсе нетаковы, какими нерѣдко изображаются, напр. когда Гриммъ говоритъ, что „простыя предложенія „ich will schlafen", „ich höre singen" происходятъ изъ сложныхъ „mein wille ist, dass ich schlafe", „ich höre, dass gesungen wird" (Gr. IV, 91), или Буслаевъ: полное придаточное предложеніе съ частицами что, чтобы, дабы можетъ сокращатся въ форму неопредѣленнаго наклененія" (Гр. § 276). 288
Неопредѣленное накл. точно предполагаетъ предложеніе съ личнымъ глаголомъ, но не придаточное, снабженное союзами, вносящее въ рѣчь бóльшую сложность и опредѣленность отношеній, чѣмъ неопр. накл., а предложеніе независимое.

Е. Неопред. накл. неможетъ быть названо существительнымъ, потому что, подобно глаголу и прилагательному, оно опредѣляется не прилагательнымъ, а нарѣчіемъ. Извѣстно что въ древнихъ языкахъ, славянскомъ и нѣмецкомъ нарѣчіе встрѣчается при существительныхъ чрезвычайно рѣдко и лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда, по выраженію Гримма, „въ существительномъ еше живо понятіе прилагательнаго", то есть, когда въ словѣ различеніе категорій существительнаго и прилагательнаго еще недовольно явственно (D. Gr. IV, 937).

Ж. Болѣе тѣсная связь неопред. накл. съ глаголомъ, при которомъ оно стоитъ, чѣмъ связь съ этимъ гл. существительнаго, а вмѣстѣ и отличіе неопред. накл. отъ существительнаго сказывается въ томъ, что неопред. накл., подобно нѣкоторымъ причастіямъ, можетъ сливаться съ глаголомъ въ одну грамматическую форму. Существительныя отглагольныя лишены этой способности. Въ стр. датâсми (буд. изъ датâ(р)+асми) имя на -тар есть не существительное, какъ въ слав. на -тель, а причастіе, какъ въ лат. -turus sum.

З. Неопред. накл., какъ и личныя формы, по правилу входитъ во всякую совокупность формъ, называемую однимъ спряженіемъ, или однимъ глаголомъ. Согласно съ этимъ въ греч. и др. оно имѣетъ времена и залоги, въ славян. оно раздѣляетъ съ личнымъ гл. всѣ его видовые оттѣнки. Между тѣмъ отглагольныя существительныя на ніе, тіе несоставляютъ непремѣнной принадлежности всякаго глагола—положеніе несомнѣнное, какъ скоро рѣчь идетъ не объ апріорной возможности такого образованія, а о дѣй- 289
ствительномъ его присутствіи въ языкѣ, по возможности точно опредѣленномъ по объему. Въ русскомъ лит. языкѣ необычны существительныя

отъ гл. начинательныхъ, какъ сохнутіе, мокнутіе, зеленѣніе. Существ. отъ глаголовъ однократныхъ, какъ толкнутіе, хотя и встрѣчаются, но имѣютъ комическій оттѣнокъ, такъ-какъ разятъ дѣланнымъ приказнымъ или бурсацкимъ языкомъ. При многихъ гл. совершенныхъ длительныхъ (не однократныхъ) вовсе нѣтъ этихъ существительныхъ; такъ напр. нельзя или крайне неловко сказать умертіе, запертіе, починеніе платья (хотя обычно „подчиненіе властямъ", „сочиненіе"); „отъ этого вышли пустыя придирки и приписанье многому такого смысла (вм. „и то, что приписанъ..), который мнѣ никогда.. въ умъ немогъ придти" Гог. Авт. исп. (хотя говорится: „до подписанія журнала можно перемѣнить мнѣніе", „написаніе слова отлично отъ произношенія", но нельзя сказать „приписаніе къ N обществу" вм. приписка). При другихъ такихъ же гл. эти сущ. сами по себѣ безразличны относительно совершенности и несовершенности: „сочиненіе такого-то" значитъ и что сочинилъ, и что сочинялъ такой-то. Такъ „сохраненіе" „сбереженіе"; „забвеніе" можетъ значить и то что нѣкто забываетъ, забывалъ (v. нѣчто забывается, забывалось) и то, что нѣкто забылъ, забудетъ (нѣчто забылось забудется), смотря по контексту. „Для предупрежденія разлитія рѣкъ" можетъ одинаково значить какъ „для предупрежденія того, чтобъ рѣки неразлились", такъ и—„чтобъ неразливались". „Паденіе государства" значитъ, „что государство пало" и „что оно падало"; въ „законъ паденія тѣлъ" паденіе, по несовершенности, хотя не въ другихъ отношеніяхъ, то-же что „паданье". То, что можно бы считать здѣсь за различеніе совершенности и несовершенности, на дѣлѣ есть только различеніе степеней длительности такъ что въ сущ. стоящемъ при глаголѣ большей длительности и многократности, напр. „подаванье помощи" обязательна только мысль о многократности дѣйствія, но неопредѣлено, состояло ли дѣйствіе изъ незаконченныхъ моментовъ („что помощь подавалась"), или законченныхъ („что бывала каждый разъ подана"). Впрочемъ этотъ вопросъ требуетъ болѣе подробнаго изслѣдованія. Миклошичъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ: „разница между неопр.
290 н. и ближайшимъ образомъ сродными съ нимъ сущ. на -иѥ состоитъ (между прочимъ) въ томъ, что послѣднія первоначально образуются только отъ гл. несовершенныхъ (vb. imperfectiva) V. Gr. IV, 845. Здѣсь мнѣ неясно, что значитъ „ursprünglich". Во время этого „первоначально" существовала ли совершенность и несовершенность гл. въ славаянскомъ смыслѣ? Въ другомъ мѣстѣ: „дальнѣйшее сходство между сущ. глагольными (subst. verbale) и инфинитивомъ состоитъ въ томъ, что обѣ формы правильно образуются отъ всѣхъ глаголовъ, что, кромѣ этихъ ф. относится и къ причастіямъ, а въ меньшей мѣрѣ къ сущ. на -тель" ib. 877). „Въ ст.-сл. имѣетъ силу правило, что subst. verbalia образуются отъ всѣхъ глаголовъ, исключая совершенныхъ" (ib. 878), съ чѣмъ ср. наше замѣчаніе о значеніи такихъ сущ.

И. Для славянскихъ языковъ составляетъ правило то, что лишь неопредѣленное наклоненіе, а не существительное отглагольное, раздѣляетъ съ глаголомъ и причастіями дѣйствительными (и страдательными въ безличныхъ оборотахъ, о чемъ см. Mikl. V. Gr. IV, 365) способность сочетаться съ винительнымъ прямого объекта: „создать что“, „создавшій что“, но „создатель v. созданіе чего“ (Бусл. Гр. § 258, 2). Нѣтъ ничего, указывающаго на ослабѣванье это правила въ новое время, такъ что рѣдкіе случаи его нарушенія въ ст.-сл., напр. въ супр. ркп. „по приѩтии ми отъ Бога великый даръ“, а равно и другіе подобные въ греческомъ, латинскомъ и языкѣ Вѣдъ (Mikl. V. Gr. IV, 376—7, 880) слѣдуетъ считать явленіями устарѣвшими и относить къ тому времени, когда граница между сущ. при глагольнымъ и причастіемъ небыла еще рѣзко проведена. Можно бы полагать, что сказанное обязываетъ насъ такимъ же образомъ разсуждать о возвратномъ сѧ въ польскихъ отглаголныхъ сущ.. сходныхъ по возвратности съ лотышскими и литовскими: spotkaniesię, (лот. sutikszaná-s, лит. su-si-tikimas). Именно, можно 291
бы думать, что винительный падежъ мѣстоименія spotkanie się и т. п. остался отъ древности, и отброшенъ въ русскомъ ученіе (uczenie się) и пр. Таковъ взглядъ Миклошича, который говоритъ о винит. возвратнаго мѣст. при отвлеченныхъ сущ. въ польск. и лотышск., какъ о явленіи тождественномъ съ винит. въ „по сътворении комису обыченыѩ позоры, postquam comes solita spectacula fecit (Ueb. den acc. c. inf. 495; ср. V. Gr. IV, 845), и о томъ, что въ большинствѣ слав. нар. это сѧ отбрасывается (V. Gr. IV, 270). Однако лучше думать на-оборотъ, что форма именъ на -ниѥ, -тиѥ безъ сѧ древнѣе польской. Эти имена предполагаютъ причастія на -н, -т, которыя могутъ имѣть при себѣ возвратное мѣстоименіе лишь въ безличномъ сказуемомъ; но трудно допустить, чтобы имена на -ниѥ, -тиѥ были образованы именно отъ оборотовъ, какъ „zmówiono się“, „соглашенось“ имѣющихъ діалектическій характеръ, позднѣйшихъ, быть м., по самой своей безличности, а не отъ формъ прич. безъ сѧ. При образованіи им. на -ниѥ -тиѥ, предполагаемыя ими причастія могли неимѣть вполнѣ опредѣленнаго залога, чѣмъ можно бы объяснить и неопредѣленность въ этомъ отношеніи этихъ именъ въ слав. нар., кромѣ польскаго, которое позже могло устранить ихъ безразличіе: ученіе значитъ безразлично и das lehren и das lernen, между тѣмъ, какъ въ польскомъ uczenie (отъ uczyć) отличено отъ uczenie się (uczyć się). Во время образованія именъ -ниѥ, -тиѥ возвратное мѣстоименіе при глаголѣ вѣроятно было еще самостоятельнымъ словомъ и поэтому немогло учáствовать въ отглагольныхъ образованіяхъ. Это сѧ и при самой формѣ на -ти не исконно, но появилось при ней не раньше потери ею падежнаго значенія и включенія ея въ болѣе тѣсный кругъ глагола. Когда же слав. сѧ и соотвѣтствующее ему въ лот. и литов. сплотилось съ глаголомъ въ одну форму, потерявши 292

при этомъ падежное значеніе, тогда лишь формальный оттѣнокъ, сообщаемый имъ глаголу (spotkaćsię), ставши постояннымъ свойствомъ сего послѣдняго, распространился и на имена -ниѥ -тиѥ. Съ ними въ польскомъ повторилось то-же, что было раньше съ ф. на -ти: они въ своей возвратной формѣ стали ближе ко глаголу, чѣмъ были безъ нея и чѣмъ теперь стоятъ въ русскомъ.

Какъ бы нибыло, но въ русскомъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ окраинныхъ говоровъ, явно находящихся подъ польскимъ вліяніемъ, различіе между именемъ купанье (польск. kąpaniesię) и неопр. купаться на-столько явственно, что отождествленіе ихъ невозможно.

I. Буслаевъ, начавши съ того, что накл. употребляется въ предложеніи какъ существительное, въ числѣ отличій этой формы отъ настоящихъ отглагольн. именъ, выставляетъ ея способность означать наклоненіе: возможность, необходимость и т. п. (Гр. § 195—7). Это мнѣ кажется излишнею уступкой мнѣнію, что неопр. накл. есть глаголъ. Подобно причастію, неопредѣленное накл. можетъ означать наклоненіе лишь входя въ составъ первостепеннаго сказуемаго или примыкая къ нему. Развитіе этого положенія, а разно и указаніе отличій неопр. накл. отъ причастій откладываю до дальнѣйшаго.

3. Буслаевъ говоритъ: „употребленіе неопредѣленнаго наклоненія развивается въ языкахъ съ теченіемъ времени въ ущербъ другимъ формамъ глагола... Вмѣстѣ съ утратою флексій и съ господствомъ отвлеченнаго выраженія, въ новѣйшихъ языкахъ возникаетъ естественная потребность въ неизмѣняемой и отвлеченной формѣ неопредѣленнаго накл. Потому-то разнообразное выраженіе мысли помощію различныхъ
293 формъ латинскаго глагола въ романскихъ языкахъ передается одною и же формою неопр. накл.“ (Гр. § 195, пр. 5). Слова эти возбуждаютъ нѣсколько вопросовъ: Идутъ ли славянскіе языки въ разсматриваемомъ отношеніи по одному пути съ романскими и германскими? Какія именно глагольныя формы вытѣснены въ слав. языкахъ неопреленнымъ накл.? Замѣтно ли въ этихъ языкахъ, начиная съ древнѣйшаго извѣстнаго ихъ состоянія, постоянное расширеніе употребленія неопредѣленнаго наклоненія, или же оно давно уже вошло въ свои границы? Въ какомъ отношеніи находится употребленіе этой формы къ способности языка содѣйствовать отвлеченности мысли?

А. Останавливаясь сначала на послѣднемъ вопросѣ, мы находимъ въ словахъ Б. неяснымъ, считаетъ ли онъ неопред. накл. болѣе отвлеченною формою сравнительно съ личнымъ глаголомъ, или только сравнительно съ другими причастными формами? [1]).

---

[1]) На-оборотъ, Некрасовъ считаетъ неопредѣл. накл., какъ существительное, болѣе конкретнымъ, чѣмъ глаголъ: „при переводѣ глагола въ существительное (т. е. неопр. накл.) нашъ языкъ стремится отвлеченному понятію дѣйствія сообщить живое, конкрет-

Вообще, кажется, что во многихъ случаяхъ отъ примѣненія этихъ двухъ понятій конкретности и абстрактности нельзя ожидать большой пользы въ исторіи языка. Нельзя охарактеризовать развитія языка его стремленіемъ къ отвлеченности, неприбавивъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ раз- 294 вивается и его способность изображать конкретныя явленія. Въ противномъ случаѣ пришлось бы утверждать, что высокоразвитые языки подавляютъ способность къ поэтическому творчеству, что, по крайней мѣрѣ въ этой общей формѣ, кажется нелѣпостью. Въ-частности можно бы признать, что имя дѣйствія отвлеченнѣе глагола, если изображаетъ дѣйствіе въ видѣ мнимой субстанціи, между тѣмъ какъ глаголъ со включеніемъ неопредѣленнаго накл. представляетъ дѣятельность въ связи съ ея дѣйствительнымъ производителемъ. Въ кругу глагола можно считать неопредѣленное наклон. болѣе отвлеченнымъ, чѣмъ vb. finit., такъ какъ первое само по себѣ неопредѣляетъ лица. Но за-тѣмъ замѣна причастныхъ формъ, имѣющихъ падежное значеніе, неопредѣленнымъ накл., неимѣющимъ его, сама по себѣ вовсе непредставляется намъ шагомъ къ отвлеченности. Правда, вмѣстѣ съ этимъ появляются въ романскихъ и германскихъ языкахъ болѣе-менѣе несомнѣнные признаки превращенія неопредѣленнаго накл. въ существительное отвлеченное, каковы члены и предлоги [1]), но во всемъ этомъ можно бы видѣть не уничтоженіе глагольности неопредѣленнаго накл., а распаденіе этой категоріи 295 на двѣ, изъ коихъ одна (неопр. безъ члена и предлога) глагольна попрежнему. Обращаясь за-тѣмъ къ славянскому яз., мы незамѣчаемъ въ

ное значеніе предмета. Нашъ языкъ вообще нелюбитъ отвлеченщины.. Мы знаемъ, что и въ другихъ языкахъ неопредѣленное наклоненіе можетъ употребляться какъ существительное; только дѣло въ томъ, что и въ существительномъ значеніи оно сохраняетъ прежнюю отвлеченность", О зн. ф. р. гл. 18. Было бы свидѣтельствомъ нелюбви и неспособности рус. народа къ умственнымъ усиліямъ, если бы точно русскій языкъ нелюбилъ отвлеченности, къ которой Н. по видимому, питаетъ презрѣніе („отвлеченщина"!). Къ счастью, это неправда; по крайней мѣрѣ это неможетъ быть правильно выводимо изъ такихъ пустячныхъ данныхъ, какъ предполагаемая замѣна одной формы другою.

[1]) Какъ исходною точкою романскихъ языковъ служитъ состояніе латинскаго, въ коемъ невозможно ad amare, такъ и для германскихъ такою точкою служитъ инфинитивъ безъ предлога. Но уже въ готскомъ при неопр. встрѣчается du (позднѣйшее в.-нѣм zi, ze, zu) съ основнымъ значеніемъ движенія къ предмету, какъ и ром. a=лат. ad. Въ в.-нѣм. герундій съ предлогомъ (zu frâgenne), первоначально отличный отъ неопредѣленнаго (frâgen), сливается по звукамъ съ этимъ послѣднимъ (нов. в.-нѣм. zu fragen, fragen), въ нѣкоторой степени вытѣсняетъ его безпредложное употребленіе, какъ бы объективируя его и внося въ рѣчь или усиливая, съ одной стороны, значенія умысла и рѣшимости, съ другой—цѣли: „ich begann ze frâgenne скорѣе значитъ accinxi me ad interrogandum, a ich begann frâgen скорѣе—interrogare cœpi.... Въ готскомъ латинское tempus est ire было бы также mêl ist gaggan др. в.-нѣм. zît ist ze ganganne ближе къ tempus est eundi, или точнѣе—ad eundum" (Grimm. Gr. IV, 112). „Въ гот. iddja du sáian сказано нѣсколько больше, чѣмъ въ простомъ iddja sáian; но такъ-какъ дѣйствіе всякаго подобнаго усиленія исподоволь ослабѣваетъ, приближаясь къ дѣйствію неусиленныхъ выраженій, то вышло, что во многихъ случаяхъ неопредѣленное съ пред-

*

немъ никакихъ признаковъ субстантивированья неопр. накл.; въ ст.-сл. оно сравнительно съ греческимъ вполнѣ глагольно, такъ-такъ именная часть греческихъ инфинитивовъ выражается именами на -ниѥ, -тиѥ, напр. въ переводѣ Григ. Богосл. XI в. (Будиловичъ, Изсл. яз. XIII словъ Гр. Б. 49, 57); *τὸ ἔχειν* имѣниѥ, *τὸ γράφειν* писатиѥ, *τοσοῦτον θαῤῥεῖν ἔχοντες*, толико упъваниѥ имѫще, *πρὸς τὸ λαβεῖν* на възатиѥ, *τοῦ πράττειν* дѣания, *ἐκ τοῦ γίνεσθαι* отъ бывания, *πρὶν ἀπελθεῖν*, прѣжде отъшьствия. Лучшіе образцы ст.-сл. яз. свободны отъ рабской передачи греч. *τὸ, εἰς τὸ* съ неопр. посредствомъ ѥже, во ѥже съ неопр. Когда въ такомъ вѣрномъ духу слав. яз. переводѣ, каковъ дошедшій до насъ въ Остр. Ев., читаемъ: „а ѥже сѣсти *(τὸ δε καθίσαι)*
296 о десьнѫѭ мене и о лѣвѫѭ, нѣсть мънѣ дати *(οὐκ ἔστιν ἐμὸν δοῦναι)*, Мар. 10, 40, то ѥже должно быть сочтено не за членъ, какъ въ греч., ни за мѣстоим. относит. сред. р., а за союзъ, близкій къ нашему что, такъ что „ѥже сѣсти“ вовсе, не-есть das sitzen, *τὸ καθίσαι*, а чисто глагольная ф.: „а что сѣсть вамъ по правую, или по лѣвую, то это не въ моей волѣ“. Это подтверждается другимъ мѣстомъ: „вьсакъ грѣхъ и хоула отъпуститьсѧ чловѣкомъ, а ѥже на доухъ хоула *(ἡ δὲ τοῦ πνεύματος βλασφημία)* неотъпуститьсѧ“, Мат. 12, а что до хулы на духа, то она неотпустится.

Б. На памяти исторіи слав. неопред. н. вытѣсняетъ двѣ причастныя формы, -ту и -тъ, обѣ произведенныя отъ другой темы, чѣмъ неопр. на -ти, именно отъ темы на -у.

α. Неопр. н. на -ту, извѣстное только въ небольшомъ числѣ ст.-сл. примѣровъ, могло первоначально быть дательнымъ падежемъ, подобно формѣ на -ти, чѣмъ бы объяснилось и ихъ синтактическое сходство.

Понеже и прѣданъ быту глаголетьсѧ, *ἐπεὶ καὶ παραδεδόσθαι λέγεται*, XI вѣка. Перев. сл. Григ., Будилов. 20.

Аште цвѣтьная жена нечиста се мнитъ быту, кольми паче имуштия такь недугь, si florida mulier impura videtur esse, quanto magis, quæ tanto laborat morbo, Слав.-серб. поуч. отц. ц. Mikl. V. Gr. III [1], § 108.

Да не мнеть ново чьто быту, показаѥть отьцеви суште угодьно, ne putent novi quid esse, monstrat patri esse gratum, ib.

Аще къто мьнить проста быту ѥстьства (вар. несъложеною вещию сѫще), *κἂν τις οἴηται τῷ ἁπλῆς εἶναι φύσεος*, Будил. :b.

логомъ стало на мѣсто простого, такъ что для поддержанія значенія перваго понадобился двойной предлогъ. Готскому iddja sáian соотвѣтствовало бы по значенію нынѣшнее ich gieng zu säen, а готскому iddja du sáian—нынѣшнее (еще неизвѣстное Лютеру) ich gieng um zu säen (ib. 107). При этомъ, быть можетъ, простителенъ вопросъ, не переходятъ ли здѣсь предлоги въ роль заключительнаго союза, при чемъ степень глагольности неопредѣленнаго была бы та-же, что и безпредложнаго? Ср. въ юж.-слав. нар. за и засъ да неопр., Mikl. IV, 872.

Благоволение отьче посъланиѥ быту мьни (въ другомъ мѣстѣ „поущениѥ бѫдуще разумѣи“), *ἀποστόλην εἶναι νόμισον*, ib.

При такомъ сходствѣ въ употребленіи этой формы съ ф. на -ти, до открытія новыхъ данныхъ, нельзя судить о томъ, какое значеніе имѣло 297
для языка расширеніе употребленія послѣдней ф. на-счетъ вытѣсненной первой.

β. Достигательная ф. неопредѣленнаго на -тъ [и на (т)ь въ глаголахъ безъ характера во второй темѣ, съ конечною гортанною корня], по-крайней-мѣрѣ въ формѣ -тъ, по происхожденію отъ винительнаго пад. и по употребленію, сходна съ латин. супиномъ на tum и литовскимъ на tu (по Шлейхеру tų). Она встрѣчается въ русскихъ памятникахъ до XIV вѣка включительно, напр. „што есте просили насъ, а быхомъ васъ пустили до Лучька търговатъ... аколи которыи торговець поидеть торговатъ ис Торуня“.. (но) „кто поидеть.. торговать“, гр. Кестутя и Любарта 1341, Срезн. Др. Пам. Р. п., снимокъ; въ чешскомъ—до XV-XVI (Hattala Sr. Ml. § 293); въ хорутанскомъ отчасти до-нынѣ (Mikl. V. Gr., IV, 489; ср. Janež. Slov. Slovn. § 496). Глаголы, при которыхъ встрѣчается достигательное, въ русскихъ памятникахъ трудно подвести подъ одно общее понятіе. Къ нимъ относятся не только глаг. пространственнаго движенія, какъ ити, ѣхати, вести, нести, сълати, изникнути, отступити („и бысть нощь и отступиша въ островъ лецъ“, Новг. I, 42, т. е. облечи, перележать ночь, ночевать), воротитися, устремитися, съвъкупитися („и несовкупишася битъ обои за мѣсяць“, Лавр. 162), но и такіе, какъ пояти (пояша къ собѣ Яросл. Всевол... княжитъ), звати [Латинину незвати Русина на полѣ(=е) битося (=тъся), Дог. Гр. Мстисл. 1229], пристраивати ся, просити: пристраивайся противу битъся, Лавр. 32; просимъ у тобе сына княжитъ Новугороду, ib. 175, хотя „Болгаре... креститися просиша и покоритися Грекомъ, ib. 8. Понятіе о глаголахъ душевнаго движенія, относимыхъ сюда же, весьма неопредѣленно. Такъ, хотѣти въ вещественномъ (неформалномъ) значеніи по видимому должно бы быть такимъ глаголомъ и, по Бусл. (Гр. § 197), требуетъ достигательнаго, при чемъ имѣется вѣроятно въ виду „хощѫ искуситъ“ О. Ев. Лук. 14, 19. Мы находимъ однако и противное: „хочю имѣти миръ съ тобою“, Лавр. 30. 298
Сомнительно, чтобы въ „хочю управить“, Ип. 39, -ть стояло вм. -тъ.

Кругъ глаголовъ, требующихъ достигательнаго, въ славян. яз. отнюдъ несовпадаетъ, кромѣ отдѣльныхъ случаевъ, съ тѣми, которые требуютъ неопредѣленнаго съ zu нѣмецкомъ; Ср. напр. нѣм. anfangen, beginnen zu... съ »посла искатъ его и начаша искати Лавр. 26.

Въ отличіе отъ латин. ire spectatum ludos, достигательное дѣйствительныхъ гл. въ славянскомъ требуетъ не винительнаго, а родительнаго. Такъ, въ русс. памятникахъ: приидоша видѣтъ гроба (Кир. Тур. по сп.

XIII в. Калайд. Пам. 36); прииндоша испытатъ бывъшааго, ib.: пришьлъ юси мучитъ насъ, ib. 34; приде обновитъ твари и спастъ человѣка, ib. 57; иде учитъ болгарьскаго языка, Лавр. 11; поидемъ искатъ лапотниковъ, ib. 36; приходиша поучатъ васъ къ вѣрѣ своей, ib. 37; идоша прогнатъ его, Новг. I (Син. сп.) 14; приде Борисъ посадницитъ въ Новгородъ, ib. 5; ходи Мирославъ посадникъ изъ Новагорода миритъ Кыянъ съ Церниговьци, ib. 7; идоша на Плъсковъ прогонитъ Всѣволода ib. 8; иде правитъ товаровъ, ib. 41; посла города ставитъ, а самъ иде блюстъ волости, ib. 31; посла полковъ копитъ, ib. 61; сторожеве, ихъ же бяхуть послалѣ(=и) языка ловитъ, Ип. 130 (431); послалъ поводитъ короля, ib. 137; пришли суть видѣтъ оладий рускыхъ ib. 164 (496); лѣтѣ ѣздити на озвадъ звѣрий гонитъ (1305 г. Собр. Г. Гр. I, N 6).

Съ давнихъ поръ ф. -ти встрѣчается на мѣстахъ, гдѣ ожидаемъ ф. -тъ: да поидѣте княжитъ и володѣти нами, Лавр. 8; съступишася бити, ib. 27; придохъ явитися, тебе уловити хотя (XIV в. Срезн. Ск. о Бор. XVI), Mikl. V. Gr. IV, 875. Нерѣдко форма -тъ замѣняется посредствомъ -ть между тѣмъ какъ -ти еще остается при функціи неопредѣленнаго въ тѣсномъ смыслѣ. Такъ, иногда въ Лавр. лѣт.: „да-же бы мене Давыдъ послушалъ, да быхъ послалъ мужъ свой къ Володимеру во-
299 ротиться (т. е. чтобъ В. воротился), 112 (255); часто въ Ип. лѣт.: ангели отъ Бога послани помогать хрестьяномъ, 2; посла княжить, 8; вратишася на Посулье воевать, 10; изиде биться, 13; посла звать на обѣдъ 18; устремишася грабить, 22; поидоша убивать Игоря, 33; пусти брата своего въ Володимирь Володимиря блюсть, 54 и др.; въ Новг. I, по Син. сп., идоша воевать, 55, и часто въ Акад. сп. той-же лѣтописи.

И послѣ того, какъ звуковая особность ф. -тъ совершенно исчезла, можно распознать двойственность происхожденія замѣнившей ее ф. -ти потому, что эта послѣдняя, какъ замѣна достигательной, продолжаетъ сочиняться съ родительнымъ: лѣтѣ ѣздити на възвадъ звѣрей гонити, 1471 г. (С. Г. Гр. I, № 20); пошлешь своихъ писцовъ Москвы писати и московскихъ становъ, 1472, ib. № 95; ставилъ Государь.. 500 стрѣльцевъ казны своей стеречи, Новг. III, 68; ѣздилъ конюшенъ смотрити, ib.; и въ тѣ деи ихъ деревни изъ моихъ волостей ѣздятъ попрашаи жита (род.) просити.. ..а кто попрашаи поѣдутъ по ихъ деревнямъ житъ просити.. на тѣхъ.. гр. Волог. кн. 1471—5, Ак. Арх. Эксп., Смирн. Сб. 97; и такъ въ влр. до XVII в. включительно.

Только въ новыхъ русскихъ нарѣчіяхъ можно усмотрѣть исчезновеніе достигательнаго н. не какъ звука только, а какъ значенія, безразличіе неопредѣленнаго, происшедшаго изъ достигат., и неопредѣленнаго исконнаго, исчезновеніе синтактическаго различія глаголовъ, требовавшихъ достигательнаго, и тѣхъ, которые требовали неопредѣленнаго. Правда, въ млр. есть множество примѣровъ родительнаго при неопре-

дѣлен. н., гдѣ въ р. литер. стоитъ винительный, а нѣкогда стоялъ род. при достигат., напр. як послала мене мати в степ пшениці жати, Метл. 21; приїхала квіток пришивати, ib. 197; приїхали киселю їсти, З. о Ю. Р. I, 319; сороки, ворони, летіть до мене кужелю прясти, ib. II, 23; вийди познавати дитяти, Метл. 172; мати йде своего дитяти одвідовати, ib. 231; иде-жъ моя мати калини ламати, а за нею мій братічок зозулі стріляти, ib. 257; батько йде житиия читати, ib., пішов я люльки куповати, ib. 344; йди.. пшениці жати.. ..глядіти, ib. 358; award кликали вілець вити 133; нехай Рима строїти чухрає, Котл., и пр. Эти 300
родительные, по всей вѣроятности, остались отъ времени существованія въ языкѣ достигательнаго; но теперь они немогутъ служить отличіемъ замѣнившаго эту форму неопредѣленнаго отъ древняго, потому, что въ млр. такіе же родительные ставятся и при неопр. недостигательномъ, и при другихъ ф. Ср. напр. летіть... кужелю прясти и „дала їй кужелю прясти", З. о Ю. Р. II 23; стали меду пити, млр. Сб. Мордов. 197 (ср. вр. И Бова почелъ (почалъ) Лукоперова войска бить, Пам. др. письм. 1879, I, 59); шлюбу брати підмовляе, Метл. 9; послѣ безличныхъ сказуемыхъ, какъ „буде вже дровъ рубати", „годі вже рясту топтати". Бр. пошла бабка на лядо свойго овса глядзѣць, Роман. Бр. сб. в. III 7; чаще родит. только во мн. ч., а не въ един. вовки, идитя козу ѣсти ib. 12, 13; но „мядьвѣдь, иди вовковъ драть ib. 12, 13, 14.

Если-бы можно было съ увѣренностью сказать, что родительный при достигательномъ ставился потому же, почему при отглагольномъ существительномъ, т. е. „сѣятъ сѣмене" какъ „сѣяниє сѣмене", то замѣна достигательнаго неопредѣленнымъ съ винительнымъ („сѣять сѣмя") оказалась бы шагомъ въ томъ же направленіи, въ какомъ само неопредѣленное вышло изъ отглагольнаго имени. Тогда потеря достигательнаго была бы на пользу глагольности второстепеннаго сказуемаго.

По Миклошичу (IV, 489) это род. партитивный, конечно не тождественный съ родительнымъ „поѣсть хлѣба", „выпить вина", а скорѣе съ родительнымъ „искать мѣста" при „съискать мѣсто".

И въ такомъ случаѣ трудно видѣть въ потерѣ достигательнаго торжество отвлеченности въ языкѣ.

Кромѣ двухъ разсмотрѣнныхъ формъ, слав. неопредѣленное н. въ немногихъ случаяхъ, которые будутъ указаны ниже, замѣнило болѣе древнія причастія; но все это кажется незначительнымъ сравнительно съ совершенно противоположнымъ явленіемъ развившимся въ сербскомъ и бол- 301
гарскомъ, состоящимъ въ вытѣсненіи самаго неопредѣлен. н. личнымъ глаголомъ. Если позволительны гаданія относительно будущности русскихъ формъ, то за образецъ этой будущности скорѣе всего можно бы взять то, что замѣчаемъ въ упомянутыхъ родственныхъ нарѣчіяхъ.

В. Ограниченіе употребленія неопредѣленнаго наклоненія въ сербскомъ и болгарскомъ.

а) Уже въ ст.-сл. встрѣчается изъявительное накл. съ союзомъ да на мѣстѣ греческаго неопредѣленнаго: „сынъ человѣчьскыи неприде да послужать ѥму, нъ да послужить (*διακονῆσαι*), и дати (*δοῦναι*, можно бы „да дасть“) душѫ своѭ избавлѥниѥ за многы, О. Ев. Мар. 10, 45; „постави.. множьство мѫжъ.. да въсхытивъше донесѫтъ мошти св. Исакия въ.. црькъве благословьѥния ради и положити и тоу, Supr. 153. Въ сербскомъ такіе обороты, свидѣтельствующіе о глагольности неопредѣленнаго н., невытѣсняя вполнѣ этого послѣдняго, станóвятся такъ часты, что рѣзко отличаютъ этотъ языкъ отъ другихъ славянскихъ, кромѣ болгарскаго: треба ићи и треба да идем; мора (должно) знати и мора да зна; ваља (слѣдуетъ, нужно) чувати и ваља да служи; „свакоме је мило бјела коња јахати“ и „да јаше“; науми (пришло ему на умъ, рѣшился) да иде у свет, да тражи (искать).. и да се невраћа кући, док ненађе, Карадж. (Veber, Skladnja 118—119, Babukić Slovn. 414). Настоящее съ да предпочтительно, вмѣсто неопредѣленнаго, при другомъ неопредѣленномъ, хотя бы это послѣднее было въ сочетаніи съ формальнымъ, а не вещественнымъ глаголомъ; онда ћу те пустити (пущу, позволю) да идеш (а не ићи [1]).

302 Очевидно, что настоящее съ союзомъ самостоятельнѣе неопредѣленнаго (мора да зна — мора знати), и что отношеніе между частями въ первомъ выраженіи (какъ бы „er muss, dass er wisse“) опредѣленнѣе, что мысль выражена въ немъ отчетливѣе и раздѣльнѣе, чѣмъ во второмъ, которое такимъ образомъ есть лишь зародышъ перваго. Этимъ воспользовался языкъ для различенія вещественнаго значенія нѣкоторыхъ глаголовъ отъ формальнаго. При хоћу въ знаменательномъ смыслѣ русскаго хочу необходимо не неопр., а настоящее съ да: хочу писать = серб. хоћу да пишем; ћаше Лука нешто да говори (хотѣлъ было что-то сказать) но му неда бего говорити, Пјев. Црногор. 136. Самостоятельность второстепеннаго сказуемаго „да пишем“ „да говори“ выставляетъ здѣсь на видъ самостоятельность главнаго хоћу. Но гдѣ хоћу склоняется къ формальному значенію или принимаетъ его, тамъ при немъ удерживается неопредѣленное. Нѣчто подобное замѣчено въ нѣмецкомъ: „чѣмъ вспомогательнѣе (auxiliarer) значеніе главнаго глагола, тѣмъ необходимѣе сліяніе въ одно простое предложеніе главнаго предлож. и того, которое заключено въ неопр. накл. и тѣмъ легче обойтись безъ предлога при неопредѣленномъ. Хотя говорится „ich habe den

---

[1]) Быть можетъ, въ силу того-же стремленія обходить неопредѣленное накл., если не становятся болѣе обычны, то сохраняются такіе обороты, какъ „сјутрадан заповеде те је растругну коњма на реповима (приказалъ и разорвали, приказалъ разорвать), Кар Прип.; оне долазе на ово језеро те се купају ib. (=купаться).

festen willen, dass ich es thue", „ich habe die kraft, dass ich es ausrichte", а равно „ich habe den willen es zu thun"; но когда выраженіе концентрируется, то оказывается возможнымъ сказать только „ich will es thun, ich mag, kann es ausrichten" Grimm Gr. IV, 103.

б) Въ нов. болгарскомъ ф. на -ти вовсе потеряна и неопредѣленнымъ наклоненіемъ, еще болѣе удаленнымъ отъ какой бы ни было именной фор., чѣмъ неопр. на -ти, становится чистая глагольная тема на гласную: насилом можеше ми зе (= възѧ-) но неможеше ми да, Пам. и обр. I, 269; можеш ли испи (выпить), Cank. 77; недѣйте ни острава (оставя-); недѣйте изгубува- търпѣнѥ-то, ib. То-же отбрасыванье суф. неопредѣленнаго накл. есть въ румунскомъ и нѣкоторыхъ италіянскихъ нарѣчіяхъ (Mikl. V. Gr. III², 188). 303

Болгарское неопред. безъ суффикса соотвѣтствуетъ по употребленію сербскому неопредѣленному и, какъ это, сочетается съ формальнымъ штѫ (хочу), которое то сохраняетъ свою спрягаемость (штемъ видѣ — увидимъ, посмотримъ; тка—штеш, будешь ткать), то является неизмѣннымъ знакомъ будущаго врем. разныхъ оттѣнковъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ видѣ ке: ке стоит, я тебе ке те чека.

Ограниченіе употребленія этого неопредѣленнаго сказывается, во первыхъ, какъ въ сербскомъ, замѣною его посредствомъ настоящ. изъявит. Миклошичь объясняетъ это явленіе въ болгарскомъ и соотвѣтственныя ему въ ново-греческомъ и румунскомъ вліяніемъ древне-дакійскаго языка, родственнаго со шкипетарскимъ (l. c. и Die slav. elemente im Rumnn. 6—7); но это кажется сомнительнымъ въ виду того, что и постановку члена послѣ имени этотъ ученый приписываетъ тому же вліянію, хотя ему извѣстно то-же явленіе и на сѣверѣ Россіи. Не проще ли будетъ въ разсматриваемой замѣнѣ видѣть довольно распространенное, но самостоятельное стремленіе къ усиленію глагольности второстепеннаго сказуемаго?

При глаголахъ знаменательныхъ да съ наст. изъявит. соотвѣтствуетъ нашему неопредѣленному безъ союза: коѥ-то куче незнаѥ да лаѥ (неумѣетъ лаять) то на овци-тѣ докарва влъфи (наводитъ воровъ), Пам. и обр. I, 341; куче-то кога-то ште, спи, нъ да ѣде неможе кога-то ште, ib. 338 („ѣсть неможетъ"); трѣбува да знай (=да знаѥ, онъ долженъ знать). Такъ какъ в-слѣдствіе такого употребленія да само по себѣ уже неможетъ съ прежнимъ успѣхомъ служить заключительнымъ союзомъ, то для выраженія оттѣнка нашего чтобы и нѣм. um zu съ неопр. потребовалось усиленіе этого да предлогомъ за: трѣбуваше да съм побогат, за-да можѫ (мнѣ нужно бы быть богаче, чтобы мочь..) Cank. 304

Подобнымъ образомъ замѣняется и неопред., стоящее на мѣстѣ подлежащаго: да умре чѐлѣк не-ѥ ништа, ама да живѣй (й=ѥ) па да

невиди, то ѥ ѥднъ злочестиjъ, Cank., умереть человѣку — ничего, но жить и невидѣть—это несчастье.

То-же соотвѣтствуетъ нашему безличному неопредѣленному съ опущеннымъ ѥсть: да ти ритам (=рютити, пол. rzucić) торбѫ съ грошѐве, Пам. и обр. I, 267, толкнуть твой мѣшокъ съ деньгами, наплевать на твои деньги. Собственно здѣсь посредствомъ настоящ. съ да замѣнено не одно неопредѣленное, а все сказуемое, состоящее изъ неопредѣл. съ вспомогательнымъ глаголомъ.

И при формальномъ штѫ, какъ знакѣ будущаго, можетъ стоять тоже замѣна неопр.: недѣй де речеш, каквò съм, а каквò щѫ да съм, Пам. и обр. I, 137; аз ща лесно земя да смира, Милад. 62; ти щеш царица да станеш, ib. 101 (въ русс.—буд. буду, смирю, станешь).

Во вторыхъ, въ отличіе отъ сербскаго, при формальномъ штѫ спрягаемомъ, для выраженія оттѣнковъ будущаго, ставится знаменательный гл. въ томъ же лицѣ: аз штѫ му дам (= дамъ); не ште го омиѥ (не обмоетъ) ни бѣло море, Пам. и обр. I, 138; хлѣб-ат се пече, а не се знаѥ, кой ште го яде (будетъ ѣсть) ib. 143; ште прѣболи, като на куче, 141 (переболитъ, русс. какъ на собакѣ присохнетъ). За-тѣмъ формальный глаголъ становится неизмѣннымъ (шта, штъ, ке): ке ходам, ке ходиш, ке ядат и т. д.

По-видимому сюда же относится, по формальности, повелительное не-мой, при которомъ другой глаголъ ставится въ такой-же формѣ по-
305 велительнаго: „немой кълни (некляни) гора Димна гора, туку кълни стара самовила, Милад. 9; немой си куки продавай, немой си тимар заложи, ib. 190; немой стои, немой, любо, слушай, ib. 213. Mikl Gr. IV, 867—8.

За-тѣмъ перехожу къ ближайшему разсмотрѣнію случаевъ употребленія неопр. накл. преимущественно въ русскомъ.

Неопредѣленное накл. субъективное, т. е. относящееся къ одному подлежащему съ личнымъ глаголомъ—

α. При глаголахъ, близкихъ къ формальности, или формальныхъ.

Отличіе слав. неопр. накл. отъ причастій въ древнемъ языкѣ видно въ томъ, что въ то время, какъ одни глаголы входятъ въ сочетаніе, для образованія составного сказуемаго, и съ причастіями (мьниться сѣдѧ, сѣдѣвъ, какъ мьниться великъ, мьниться цѣсарь), и съ неопр. накл. (мьниться сѣдѣти); для другихъ возможны только послѣднія сочетанія (имать сѣдѣти, хочеть сѣдѣти), но не первыя: нельзя сказать „хочеть сѣдя, можетъ сѣдя, въ смыслѣ составного сказуемаго, и можно при такихъ глаголахъ поставить прич. только аппозитивно „сѣдя, хочеть...“ “.

4. **Имаамь и иму съ неопредѣленнымъ.** Изъ значеній сходныхъ глаголовъ **имѫ—ѩти, ѥмлѭ—имати, имаѭ—имати, имѣѭ—имѣти, имаамь—имѣти** болѣе древнее есть capere, sumere, prehendere, удержавшееся въ первыхъ трехъ. Болѣе позднее зн. habere, относящееся къ первому, какъ лит. turėti, имѣть, къ twerti, хватать, брать рукою, вмѣстѣ съ первымъ находится въ нѣкоторыхъ ф. наиболѣе первообразнаго изъ названныхъ глаголовъ (имꙑ) и исключительно въ 3-мъ и 4-мъ гл. Собственно значеніе **имѣть** есть наше обобщеніе: въ 306
дѣйствительности есть нѣсколько оттѣнковъ этого значенія, изъ коихъ одни вполнѣ вещественны, другіе близки къ формальности или формальны. Оба значенія (брать и имѣть) въ сочетаніи съ неопр. даютъ значенія будущаго.

а) **Имаамь** = *μέλλω*: прити имать сынъ чловѣчьскыи, *μέλλει ἔρχεσθαι*, Мат. 16, 17; имать прѣдатисе, *μέλλει παραδίδοσθαι*, Лук. 9, 44, Mikl. IV, 864.

б) Ст.-сл. **имаамь** съ неопр. н. гл. совершеннаго или несовершеннаго даетъ будущее безъ оттѣнковъ, каковы „имѣетъ намѣреніе", „ему предстоитъ", „онъ долженъ", „вѣроятно", изъ чего видно, что глаголъ имѣетъ здѣсь чисто вспомогательное значеніе: вьса ѥлико имааши продаждь и раздаи нищиимъ и **имѣти имааши** (*ἕξεις*) съкровище на небесе, О. Ев. Мат. 19, 21, Лук. 18, 22; не о себѣ бо глаголати имаать (*λαλήσει*), нъ ѥлико аще услышить, **глаголати имаать**, Іо. 16, 13—4; градꙑи къ мънѣ **неимаать възалкатисѧ** (*οὐ μὴ πεινάσῃ*) и вѣруѩи въ мѧ **неимаать въжддатисѧ** (*οὐ μὴ διψήσῃ*) никъгда же, Іо. 6, 35; **неимаате мене видѣти** (*οὐ μὴ ἴδετε*) доньдеже речете: благословлѥнъ градꙑи въ имѧ господьнѥ, Мат. 23, 39; ѥгда же прѣдаѭтъ вы, непьцѣтесѧ, како или чьто **имаате глаголати** (*λαλήσετε*). Мат. 10, 19. Въ 3 л. мн. ч.—имѫть, которое врядъ-ли можетъ быть стяженіемъ изъ имаѭть, а скорѣе есть ф., соотвѣтствующая 2-му л. ед. имеши: небо и земля мимоидеть (*παρελεύσονται*) а словеса моя **неимѫть минѫти** (*οὐ μὴ παρέλθωσι*) Лук. 21, 33; **неимѫть въкусити** (*οὐ μὴ γεύσονται*) съмьрти, доньдеже узрѧть цѣсарьствиѥ Божиѥ пришьдъше въ силѣ, Мар. 9, 1.

Сочетаніе это, небудучи ни непремѣнно несовершеннымъ (имѣти имааши=будешь имѣть), ни совершеннымъ (имѫть минѫти=минутъ) столь-же нелишне для глаголовъ совершенныхъ, какъ и новоболг. штѫ 307
да станѫ., штѫ станѫ. Это новоболг. время неравно русскому настоящ. (буд.) совершеннаго глагола, такъ-какъ означаетъ не просто буд. соверш., а будущее, слѣдующее за другимъ событіемъ, выраженнымъ посредствомъ настоящ. гл. соверш. или несовершеннаго: ако ся порта отвори, ти щеш царица да станеш; ак' ся порта неотвори, а ти робина щеш станеш, Милад. 101; ако са, Стоѥне, наѥмаш за ден да

идеш, да додеш, (то, когда воротишься) ти щеш Рада да си земеш (возмешь), ib. 171; свири, Димо, свири, ако нам надсвириш, ке ти ѭ даиме Гюргя самовила, ib. 3 (если переиграешъ насъ, т. е. въ состояніи будешь дольше играть, чѣмъ мы плясать, то дадимъ); ак некажиш (если нескажешь), чифутке вдо'ице, ке ти земам (возьму) твоѥ мѫшко дете, ib. 37; ако Бог да и сугено бидит, ке му земиш пару царштината, 59 (если будетъ суждено, возьмешь); ак те удрам мегю две-те очи, две-те очи от глава ке скокнат, 210 (какъ ударю, выскочатъ). Подобное замѣчаемъ и въ разсматриваемомъ ст.-сл. сочетаніи. „Продаждь— и имѣти имаашиʻ значитъ не просто „продай и будешь имѣть“, а „послѣ (того какъ продашь и раздашь), будешь имѣтьʻ. Между выраженіемъ „дастьсѧ (δοθήσεται) вамъ, чьто глаголѥте (λαλήσετε), О. Ев. 10, 19, и „дастьсѧ, чьто имаате глаголати“ та разница, что въ первомъ оба акта представлены одновременными, а во второмъ второй послѣдующимъ.

То-же подтверждается примѣрами изъ русскихъ памятниковъ: аще ли сего несътворимъ, погубити ны имать Святославъ, Лавр. 28 (погубить, послѣ того какъ мы несдѣлаемъ); аще кто неприступить съутра, предатися имамы (сдадимся) Печенѣгомъ, ib.; аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ (будемъ имѣть; наст. гл. несоверш. въ зн. буд.) ни имамъ убѣжати, ib. 30; аще ты крестишися, вси имуть тоже
308 створити, ib. 27; оже мы, братье, симъ непоможемъ, то си имуть предатися къ нимъ, Новг. I, 40.

в) Кромѣ этого имамъ съ неопр., по-видимому, имѣетъ иногда и модальный оттѣнокъ необходимости, при чемъ, въ отличіе отъ предыдущаго случая, событіе имъ выражаемое можетъ не слѣдовать за другимъ, а разсматриваться первымъ: „сребромъ и златомъ неимамъ налѣсти (мнѣ ненайти, навѣрное ненайду) дружины, а дружиною налѣзу (найду, безъ вышеуказаннаго оттѣнка) сребро и злато, Лавр. 54; (при смерти) не имаѥть ту помощи ни отьць сыну, ни мати дщери, ни братъ брату (Срезн. Ск. о Б. и Гл. XII). Быть м., въ силу приписываемой говорящему увѣренности, что событія, о коихъ онъ говоритъ, непремѣнно совершатся, поставлено имать съ неопр. и въ слѣд.: „видите ли горы сія? яко на сихъ горахъ возсіяетъ благодать Божья, имать градъ великъ быти и церкви многи Богъ въздвигнути имать“, Лавр. 4.

г) Въ а и б неопредѣл. н. получило перевѣсъ надъ имамь, настоящее время этого послѣдняго уже недѣйствуетъ на мысль и все сочетаніе имѣетъ значеніе будущаго. Въ слѣдующемъ такое вліяніе еще несовершилось, члены сочетанія держатся мыслью раздѣльно, сочетаніе имѣетъ значеніе настоящаго съ оттѣнкомъ вѣроятности: „взяша й, мертва мняще, вынесше положиша и пред пещерою и узрѣша, яко

живъ есть, и рече игуменъ Өеодосий, яко „се имать быти отъ бѣсовьскаго дѣйства“, Лавр. 83, т. е. не „будетъ“ (das wird wohl sein), а „должно быть, вѣроятно (млр. мабуть), это происходитъ (теперь) отъ бѣсовскаго навожденія. Ср. пол. „zdaje mi się, że mam znać waćpana, что я, должно быть (мабуть), знакомъ съ вами.

д) Значенія юж.-р. и зап.-р. маю (т. е. имаю) съ неопр. сходны со значеніемъ в). Маю болѣе самостоятельно по отношен. неопред., чѣмъ
имаамь, въ значеніи в) и постоянно даетъ чувствовать свое настоящее 309
время. Оно съ неопр. даетъ значеніе по оттѣнку дебитивности сходное со зн. неопредѣленнаго съ есть и дательнымъ: „Петръ.. позычилъ намъ 4 тысячѣ рублей фряжьскаго серебря, ихъ же то ждати имаетъ“ (обязывается, долженъ) намъ отъ тыхъ мясопустъ за 3 лѣта.. Пакъли быхмо.. неворотили на той день.. тогда гродъ нашъ Галичь.. у тыхъ 4 тысячахъ заставити имаемы“, гр. Ягайла 1388, Ак. З. Р. I, 22; а пакъ Петръ.. имаеть намъ служити двѣма копьи, 1438, ib. 49; жидъ маетъ присягнути, яко невѣдѣлъ, 1388, ib. 24; а держати ему тое мыто два годы.. и маетъ намъ дати за сей первый годъ... 200 золотыхъ вгорскихъ, 1506, ib. II, 1; тивуны кіевскіе немають ихъ (мѣщанъ) судити и рядити, ib. 3; купцы и ремесники.. мають (могутъ, имѣютъ право) доброволно огонь у своихъ домѣхъ завжды держати, коли хотячи ib. 3 et pass. Въ новомъ мр. „незнаю, що чинити маю“=что мнѣ дѣлать, т. е. теперь; „як я маю до тебе ходити, коли нас будуть вороги судити“, Метл. 44, какъ мнѣ (теперь) ходить, когда (если я буду ходить), насъ будутъ осуждать; „як маєм ми ёго (пиво) свиням вилива-ти, (=чѣмъ намъ выливать), то будем ми ёго на такихъ нетяг роздавати, Дума про Ган. Андиб., З. о Ю. Р. I, 204; ой хто має діток доглядати (кому смотрѣть за дѣтьми), то той буде сі віти ламати, Метл. 272; лучче я буду крутиї гори копати, як я маю з поганим скакати, ib. 161, лучше я буду копать (будущ.) чѣмъ мнѣ (теперь) плясать; лучче я маю своими руками навъязати їй камінь на шию та утопити у річці, ніж оддати на согрішениє, на поругательство, Кв., лучше мнѣ (теперь) навязать, чѣмъ... Млр. нарѣчіе „мабуть“ предполагаетъ сочетаніе „має бути“ въ знач. долженствуетъ быть; ср. ст. польск. ostatek imienia ku bliskim przirodzonym alibo rodzicam spaść ima, XV в. Ks. Ust. 45.

Еще рѣшительнѣе сказывается самостоятельность млр. гл. мати тамъ, гдѣ онъ ставится въ прошедшемъ и выражаетъ неисполненное намѣреніе: „прийшов до сонного та мав ёго зарізати (какъ въ польск. miał zarżnąć, ale niezarżnął), аж тут де взявсь N, оборонив“, Квит.; вѣроятность: того-ж то він по їй мав плакати, Кв. (должно быть, плакалъ). Въ подобномъ смыслѣ ставится этотъ глаголъ и въ возвратной ф.: нехай сей козак бідний летяга (=нетяга) немаєтця (несобирается, неберется, непытается—отъ матись, а не „нетрудится“ отъ маятись)

сеї заставщини викупати, Метл. 379; поїхав я на ярмарок, та мавсь (собирался, имѣлъ) там пробути три дні, та як мені завадило, так я у той же день и вернувсь, Кв.; рушник, що мався підіслатись під ноги молодим, id. (что долженъ былъ быть подосланъ); хустку, що малося молодим руки під вінцем звъязати (имѣлось связать), id.; тим серпанком, що мався (имѣлъ, долженъ былъ) її на весільлі покривати,
310 покрити. Ср. въ литовскомъ turiu и turėjau: kaip tawo wasarojis ant lauko gulėjo, taip jis ir vėl tur gulėt, Schl. Les. 200, какъ твой хлѣбъ (соб. лѣтнина) на полѣ лежалъ, такъ ему и опять лежать (соб. имѣетъ лежать); po tokiu tiltu, kur daug žmoniu tur keliauti, ib. 204, подъ такимъ мостомъ, черезъ который многимъ людямъ приходится проходитъ (соб. гдѣ много людей имѣютъ „путевать"); neturėjo tą wakarą but skalbiema po saulės nusileidimo, ir nei szeip kokie darbai neturėjo but dirbami, ib. 202, въ тотъ вечеръ неслѣдовало мыть бѣлья („не имѣло быть прано", млр. немалось прати) по заходѣ солнца и вообще никакія работы недолжны были совершаться (неимѣли быть работаемы).

е) Отъ вышеразсмотрѣннаго имаамь — имѣть слѣдуетъ отличать въ стар. русскомъ иму, имеши, имуть съ неопр., которое предполагаетъ вещественное значеніе не имѣть, а брать, а въ грамматическомъ отношеніи уже въ др. русск. можетъ быть совершенно. Въ отличіе отъ имаамь, оно сочетается съ неопр. н. только глаголовъ несовершенныхъ и образуетъ съ ними будущее начинательное: се ми здѣ близъ мене сынъ мой Шварно, а другий—господинъ мой отець князь Василко, а тѣма ся иму утѣшивати, Ип. 204 (= стану утѣшаться); мнѣ не воставши смотрить, что кто иметь чинити (станетъ дѣлать) по моемь животѣ, ib. 215; оже имешь княжити (=начнешь, станешь) въ Краковѣ, то-ть мы готовѣ (=и) твои, ib. 21; си имуть имати дань на насъ и на инѣхъ странахъ, Лавр. 7. Именно это значеніе, а не значеніе имамь съ неопр. лежитъ въ основаніи нынѣшнихъ влр. областныхъ и млр. сочетаній. Въ влр. иму дѣлать, имёмъ ѣсть, нему пахать Бусл., Гр. § 186, прим. 2, переводитъ посредствомъ стану, но въ § 68—иначе, безъ оттѣнка начинательности „небуду пахать", что, кажется, ошибочно. Въ зап. млр. -му ставится и раздѣльно (ой де мемо
311 ночовати? що мемо обідати, Гол. Пѣсн. I, 201); „ми вас хіба у мідку солоденькім утопимо, а бити вас бігме немемо, Федькович; въ восточномъ—только слитно: зна́тиму, -меш, -ме, -мемо, -мете, -муть. Начинательность этой формы обыкновенно еще довольно ясна, такъ что ее можно отличить нетолько отъ буд. сов. (пізнаю, довідаюсь), но и отъ „буду знати": а щобъ який парубокъ та посмів її заняти? ну, ну, незнаю! вона й нелаятиметця (нестанетъ браниться) й ні слова нескаже, а тілько... Кв.; як посижу з ним, та вертатимусь до дому, тогді й ягідокъ назбіраю, id.; а що я тобі робитиму (что мнѣ стать тебѣ дѣлать?); позавчора хваливсь, що мого кота вбьє: як его ні бе-

регтиму (какъ ни стану беречь); а він таки вбъє, Кв.; бач як зробила, що вона тепер на Халявського плёватиме, а за тобою вбиватиметься, id.; як налякаєш мене, то всю ніч буду жахатись (неловко было бы—„всю ніч жахатимусь") и неспатиму; усе відём буду боятись, id.; так мене знов випарять, що сёгодні незмбжу сидіти, а завтра вже й нестоятиму (не въ состояніи буду стоять, а не небуду стоять), id.; як вишеньки-черешеньки та цвістимуть, як дівочки та віночки та плестимуть, мимо твоїх ворітечок та нестимуть, то небудуть та до хати привертати, та небудуть кватирочки відсувати, та небудуть та Марусі викликати, Метл. 154. Однако иногда трудно отличить эту форму нетолько отъ будущ. длительнаго, но и отъ совершеннаго: „та колиж він справивсь и де пробува́в?" нехай, думає собі, опісля знатиму, Кв. (пусть послѣ узнаю; трудно перевести „стану знать").

5. Хощѫ и хочю съ неопредѣленнымъ. Буслаевъ относитъ нынѣшнее русск. хочу говорить къ описаніямъ будущаго вр., показывающимъ „намѣреніе, расположеніе и поводъ, представляющіеся въ настоящее время для совершенія дѣйствія въ будущемъ" (Гр. § 185). Но если это есть описаніе будущаго, то такія же описанія суть и „намѣренъ (желаю, пытаюсь, порываюсь, собираюсь, готовлюсь) говорить". 312
Хочу, какъ и эти сказуемыя, имѣетъ совершенно вещественное значеніе, изъ коего вытекаетъ оттѣнокъ будущаго въ неопредѣленномъ: „я хочу говорить", слѣдовательно еще неговорю, слѣдовательно дѣйствіе выраженное неопредѣленнымъ должно быть отнесено къ будущему. Отсюда еще далеко до грамматическаго выраженія будущаго.

Въ ст.-сл. и др. русск. хощѫ, хочю съ неопр. дѣйствительно имѣетъ значенія, отличныя отъ значенія этого глагола, взятаго отдѣльно, но стоитъ лишь на той степени формальности, на которой млр. маю съ неопр.

а) Какъ противень малорусскому мабуть и вышеприведенному „имать быти" (должно быть есть...) Лавр. 80, неимѣющимъ значенія будущаго, можетъ быть поставлена рѣчь греч. бояръ о Святославѣ: „лютъ се мужь хоче быти, яко имѣнья небрежеть, а оружье ѥмлеть", Лавр. 30, т. е. не „онъ будетъ жестокъ", какъ понялъ Буслаевъ (§ 185, пр. 2), а „должно быть (стало быть) онъ лютъ, когда...".

б) Соотвѣтственно дебитивному оттѣнку въ млр. „що маємо робити?" и въ ст. русск.: „брате, ты почни!". И рече Володимеръ: „како я хочю молвити?", Ип. 1, т. е. не „скажу", „буду говорить" (Бусл. Гр. § 185, пр. 2), а „какъ мнѣ говорить?" (=мнѣ нельзя говорить); како азъ хочю инъ законъ прияти ѥдинъ?, а дружина сему смѣятися начнуть, Лавр. 27 (какъ мнѣ принять?); „въ правду ли идеши на Изяслава?". Гюрги же рече ему: „како хощю не въ правду ити? сыновецъ мой Изяславъ волость мою повоевалъ", Ип. 42. Въ этомъ смыслѣ въ стар.

яз. и прич. **хотя** съ неопр.: а ты овчая купѣли жадаеши, по малѣ пресъхнути хотяща, Кир. Тур., Калайд. 49.

Ср. въ сербскомъ случаи, въ коихъ ћу ставится раздѣльно передъ неопредѣленнымъ, согласно съ меньшей степенью своей формальности: „бирај коња, којега хоћеш!"—та шта **ћу бирати** (что мнѣ выбирать)?
313 дај ми онога из буджака, Кар. Прип. 31; „хајде да украдемо она два брава!".—Како **ћемо украсти** (какъ намъ украсть), кад ихъ води за узицу, ib. 210. Легко подразумѣваемое неопредѣленное можетъ опускаться: сад што **ћемо**, брате? што **ћемо** сад? (что намъ дѣлать? „що маємо робити"?); што **ће** ми овај један опанак, Кар. ib. 210 (на что мнѣ). Въ тѣхъ изъ этихъ вопросительныхъ предложеній, кои имѣютъ отрицательный смыслъ, **ћу** на-столько вещественно, что могло бы быть передано нашимъ **хочу, могу**: что я хочу выбирать=нехочу; какъ мы можемъ украсть = неможемъ. Другимъ доказательствомъ того, что въ этихъ случаяхъ **ћу** неслилось съ неопред. въ одну форму, служитъ серб. оборотъ подобнаго значенія, въ коемъ на оборотъ **ћу** опущено, а неопредѣленное замѣнилось болѣе самостоятельнымъ настоящимъ съ **да**: шта да ја ово делим с побратимом? ib. 214 (=зачѣмъ мнѣ дѣлить?); шта да се мучите тако далеко, ib. 7 (за-чѣмъ вамъ трудиться ити такъ далеко?).

Въ болгарскомъ ср. 1) обороты съ штѫ (ке) и изъявительнымъ наст., въ коихъ впрочемъ исчезаетъ разница между „какъ мнѣ жить?" и „какъ я буду жить": мой-те деца што **ке ядат**, Милад. 49 (что имъ ѣсть); на господа как **ке** одговорим? ib.; я сиромаф како ке живеам? налет да ѥ' сѧ(вся)-та моя стока, ког **ке немам** (когда у меня небудетъ) моѥ мило брате, ib. 288; 2) да съ наст. безъ штѫ: како рѫце я **да не си кършам**, горки сълдзи как да нетуривам, ib. 283 (какъ мнѣ не ломать рукъ, непроливать слезъ); тук се чудит стар свѥти Илия, што да чинит, како да загубит, да загубит девет кучки лами, ib. 43 (что ему дѣлать, какъ погубить).

Хотя выше разсмотрѣнное „како хочю мълвити" еще неесть будущее, но оно близко къ этому значенію, подобно тому, какъ оборотъ „нам сьдѣ (ѥсть) пасти", незаключающій въ себѣ будущаго, въ силу своей дебитивности заставляетъ относить свое содерженіе къ будущему. Такъ,
314 гот. **skulan** (sollen, ik skal, *ἐμὲ δεῖ,* достоить ми, подобаѥть), имѣющее въ этомъ языкѣ только вещественное значеніе, въ древ. и сред. в.-нѣм. и др. съ неопредѣленнымъ получаетъ знач. будущаго, такъ что scal sîn—не „debet esse", а „erit", Grimm Gr. IV, 179—80. На-оборотъ, время, въ силу того, что оно будущее, можетъ стать дебитивнымъ, напр. въ quid faciam? лит. ką darysiu (Schl. Lit. Gr. 308); лат. kû darišu (Biel. Let. Gr. § 700); ст.-сл. чьто благо сътворѭ *(τὶ ποιήσω)* да имамъ животъ вѣчьныи, О. ев. Мат. 19, 16; что убо сътворимъ? *(τὶ ποιήσομεν)*? Лук.

3, 10; чеш. což pak učinim (Zikm. Skl. 618)=что мнѣ дѣлать, wass sol (muss) ich thun и пр.

в) Другой оттѣнокъ сочетанія хочю съ неопр., связанный уже съ переходомъ его въ будущее, есть вѣроятность и сомнительность: „како я хочю молвити? а на мя хотять молвити [не „хотятъ сказать“ и не „скажутъ“, а „пожалуй (чего добраго) станутъ говорить] твоя дружина и моя, рекуще: „хощеть погубити (хочетъ погубить? или „пожалуй погубитъ“) смерды и ролью смердомъ, Ип. 1. Ср. серб.

У кога је срце и мишица,
Сад нек Марку на помоћ потече,
А ја одох, да и нитко неће,
Оћу своју изгубити главу,
Ал' избавит свога побратима, Пјев. Црног. 133,

или, быть можетъ, потеряю голову, или избавлю; бојим се, хоћеш погинути=боюсь, что, чего добраго, ты погибнешь, какъ бы тебѣ не погибнуть (Безсон. Главн. вопр. яз. Новоболг. 143—4).

г) Къ слѣдующимъ примѣрамъ разсматриваемаго сочетанія можно бы съ наибольшимъ основаніемъ примѣнить названіе, даваемое Востоковымъ этому сочетанію вообще: „буд. наступающее, коимъ означается дѣйствіе, имѣющее быть неукоснительно“ (Гр. церковнослав. яз. 92). Однако 315
и здѣсь ощутительна двойственность моментовъ сочетанія (какъ въ поль. ma przyjść). Въ хочю совершился здѣсь переходъ отъ воли и намѣренія къ близости самого событія, указываемаго неопредѣленнымъ [1]): аще неподступите заутра къ городу, предатись хотять (Ип. имуть) людье Печенѣгомъ, Лавр. 28; се уже хочемъ померети отъ глада, а отъ князя помочи нѣту, ib. 55; то вѣси ли, что утро хощеть быти, что ли до вечера.. то вѣси ли, что хощеть быти днесь, ib. 78. Менѣе замѣтенъ этотъ оттѣнокъ въ „се (сь) хочеть смирити (смиритъ? имѣетъ смирить?) землю Еюпетьскую, Лавр. 7; благословена ты въ женахъ рускихъ... благословити тя хотять сынове рустіи въ послѣдний родъ внукъ твоихъ, ib. 26.

Если въ слѣдующемъ русс. примѣрѣ, сколько извѣстно, единственномъ въ своемъ родѣ, нѣтъ описки, то онъ даетъ образецъ такого же полнаго звукового и формальнаго сліянія русск. хочю съ неопредѣленнымъ, каково серб. знаћу: Святославъ Всеволодичь возбнувъ и рече ко княгинѣ своей: „коли будеть, рче, святыхъ Маковѣй?“ Она же: „въ понедѣлникъ“. Князь же рче: „о недождочю ти (въ поздн. сп. „недожду ти“) я того!“; бяшеть бо отець его Всеволодъ въ день святыхъ Макъкавей пошелъ к Богови, Ип. 143 (457).

д) Переходъ отъ θέλω къ μέλλω (τὸ μέλλον, будущее) приуроченъ и къ преходящему, причастію настоящему и неопредѣленному гл. хотѣти.

[1]) Ср. оусобица мышляаше быти, Supr. 325, 18.

Въ О. Ев.: се же глаголааше знаменанѩ, коеѭ съмрьтиѭ хотѣаше оумрѣти *(ἤμελλεν ἀποθνήσκειν,* futurum erat ut moreretur, пол. miał umrzeć, чеш. měl umříti). Io. 12, 33; ст. Io. 4, 47; 11, 51; възлѣзе на сукомориѭ да видить Iисуса, яко тѫдѣ хотѣаше мимоити *ἤμελλε διέρχεσθαι,* futurum erat ut transiret) Лук. 19, 4; глаголаста же исходъ ѥго, иже хотѣаше коньчати *(ἤμελλε πληροῦν)* въ Иероусалимѣ, Лук. 9, 31;
316 Июда Симонъ Искариотьскый, иже хотѣаше прѣдати й *(ὁ μέλλων παραδιδόναι,* erat proditurus), Io. 12, 4; начѧ имъ глаголати, ѥже хотѣаше быти *(τὰ μέλλοντα συμβαίνειν,* quæ erant eventura, Марк. 10, 32; чимъ бо пъваѭште? (ученици) нъ (не?) обѣштании ли учителѥвы нѣкоторыими? ашти бо не въстаа, то ни та (обѣштания) хотѣахѫ имъ вѣрьна быти Supr. 332, 23. Въ Лавр. л. „дьяволъ радовашеся сему, невѣдый, яко близъ погыбель хотѣаше быти ему“, Лавр. 35. Въ этомъ сочетаніи явственна двойственность моментовъ значенія. Глаголъ своею грамматическою формою указываетъ на прошедшее, какъ на время, сравнительно съ которымъ опредѣляется время событія, означеннаго неопредѣленнымъ, а своимъ вещественнымъ значеніемъ относитъ это событіе къ будущему. Так. обр. здѣсь—будущее по отношенію къ прошедшему, тогда какъ хочетъ быти, если имѣетъ знач. будущаго, есть буд. по отношенію къ настоящему, а „будетъ былъ“, независимо отъ модальнаго знач.—прошедшее въ будущемъ. Въ модальномъ отношеніи хотѣаше умрѣти есть чисто изъявительное, хотя на мѣстѣ его въ другихъ языкахъ могутъ стоять дебитивные обороты, напр. въ лотышскомъ (ему было умереть), серб. (ему нужно было—требовалось—умереть).

Въ О. Ев. самъ бо вѣдѣаше, чьто хотѧ сътворити *(τί ἔμελλε ποιεῖν* quid esset facturus), Io. 6, 6; надѣяхомъсѧ, яко сь ѥсть хотѧи избавити Израиля *(ὁ μέλλων λυτροῦσθαι,* qui redempturus esset), Лук. 24, 21; да сънодобитесѧ убѣжати вьсѣхъ сихъ хотѧщиихъ быти *(τὰ μέλλοντα γενέσθαι,* quæ futura sunt), Лук. 21, 36; ср. хотѧ жити *(οἰκήσον),* творити хотѧ *(δράσων),* XI в. Будил. Изсл. языка и пр. 47.

Что неопр. хотѣти съ другимъ неопредѣленнымъ чуждо начинательности, видно изъ того, что для такого значенія къ нему можетъ присоединяться начѧти: въ Кормч. XIII в.: аще дѣтѧ некрьщено хотѣти начьнетъ умрѣти; Златостр. XII в.: ѥгда начьнетъ хотѣти свьнути,
317 *ἐπειδὰν δε ἡμέρα μέλλῃ γίνεσθαι,* paulo ante lucem (Востоковъ, Грам. ц.-сл. яз. 92). Ср. Mikl. V. Gr. IV, 863.

6. Начну, стану съ неопр. накл. приняты Буслаевымъ за описательныя формы будущаго времени: глаголы эти „сами по себѣ означая видъ совершенный, придаютъ оный и употребленному при нихъ въ описательной формѣ глаголу, и при томъ, по самому значенію своему, показываютъ начало дѣйствія“ (Гр. § 158). Но очевидно, во первыхъ, что въ начну говорить совершенность начну непереходитъ наго-

ворить, которое остается несовершеннымъ, и что все сочетаніе относительно совершенности отлично отъ совершеннаго начинательнаго заговорю.

а) Во вторыхъ, начну въ нынѣшнемъ русскомъ литер. (и соотвѣтственные ему гл. въ другихъ русскихъ нарѣчіяхъ: почну, учну, зачну) имѣетъ только вещественное значеніе, въ силу чего, стоя при неопредѣленномъ наклоненіи, будетъ передано иноязычнымъ будущимъ, какъ самостоятельный глаголъ, а не какъ знакъ будущности дѣйствія, означеннаго неопредѣленнымъ накл.: начну ѣсть=не „ich werde essen", а „ich werde anfangen ze essen". Здѣсь между нынѣшнимъ русскимъ яз., съ одной стороны, и ст.-сл, и др.-рус. съ другой нѣтъ преемства. Въ этихъ послѣднихъ дѣйствительно начьнѫ (=ну) (рѣже почьну, вѫчьну) съ неопредѣленнымъ можетъ быть на-столько формально, что можетъ замѣнять собою будущее другихъ языковъ. Въ О. Ев. аще же и о црькви неродити начьнетъ (*ἐὰν δὲ καὶ τῆς ἐκκλησίας παρακούσῃ*, если и церкви непослушаетъ), да бѫдеть ти яко язычьникъ и мытарь, Мат. 18, 17; ли бо ѥдиного возненавидить (*μισήσει*), а дроугаааго възлюбить (*ἀγαπήσει*), ли ѥдиного дрьжитьсѧ (*ἀνθέξεται*) а о дроузѣмь нерадити начнеть (*καταφρονήσει*), Мат. 6, 24, а въ соотвѣтственномъ мѣстѣ, 318
Лук. 16, 13—небрѣщи вѫчьнеть (*καταφρονήσει*). См. Mikl. Gr. IV 865. Въ рус. пам.: како азъ хочю инъ законъ прияти, а дружина сему смѣятися начнуть (станетъ смѣяться), Лавр. 27; азъ, сыну мой, Бога познахъ и радуюся; аще ты познаеши, и радоватися почнешь, ib.; искавше ли послуха и неналѣзуть, а истьца (т. е. отвѣтчика истецъ) начьнеть головою клепати, то ти (вар. дати) имъ правьду желѣзо, Рус. пр., Син., Р. Дост. I, 32; нехотѣти ли ѥи (матери по смерти отца) дѣти начнуть ни на дворѣ, а она начьнеть хотѣти всяко и сѣдѣти, то творити ѥи вяку волю, а дѣтемъ недати воле, ib. 45; пакы ли господинъ нехотѣти начьнеть платить зань (за закупа, укравшаго что либо), а продасть и, ib. 49. По начинительности и несовершенности неопредѣленнаго накл., это сочетаніе близко къ ст. русск. иму творити; оно противопоставляется будущему гл. совершен. начинательныхъ „се работающеи мънѣ ясти начьнуть (лит. walgys), вы же възалчетеся (alksit); се работаищеи мънѣ пити начьнуть (л. gers), вы же въжжажетеся (л. troksit), Исаии 65, 13.

б) На-оборотъ, стану съ преобладаніемъ формалности, по видимому, чуждо древнему языку; но слѣдуетъ ли и въ нынѣшнемъ русскомъ считать этотъ гл. при неопр. накл. за формальный? Востоковъ и Буслаевъ отвѣчаютъ утвердительно; у перваго стану и сталъ говорить суть два времени вида начинательнаго (Р. Гр. § 62). Однако возможны нѣкоторыя сомнѣнія.

Дѣйствительно, глаголъ стать съ сочетаніи съ неопредѣленнымъ накл. и безъ него перестаетъ быть относительно-первообразнымъ гла-

гола стоять и получаетъ другое значеніе fieri, incipere; но вѣдь и эти послѣднія значенія вещественны. Подобныя измѣненія значенія замѣчаются и во многихъ другихъ глаголахъ, которые, несмотря на это, съ
319 неопредѣленнымъ наклоненіемъ другихъ глаголовъ даютъ сочетанія формъ, а не единства, какими должны быть описательныя времена. Таковы напр. прош.отъ ять: вр. яло горѣть; онъ ялъ меня корить, волог. яросл.; ст. поль. pacholik jął się rość, Bibl. Zof. 24; jęła wi(e)likim głosem płakać ib.; взять: „аще ли єси Ѓрабилъ или прикладыималъ.. ..то ..невъзвышаи руки си, дондеже очистишися отъ всего зла; аще бо възмеши въздѣти (=станешь воздѣвать) руцѣ попущеніемь Божіемь, то молитва ти будеть гнусна и непріятна Богомь, Поуч. Ѳеод. Печ. Уч. З. II, 2, 195; какъ возьму бить!; взялъ онъ плёткой да помахивать, взялъ гостей покалацивать, Кирѣев. I, 85; млр. ой невсиів козак Перебийніс та до могили доїхати, як узяв джуро, як узяв малий с пистолів палити, Метл. 401; ср. серб. узе говорити, Богишић. Н. п. I, 23—4; шта си узео ту викати, Кар. Рјечн.; лит. jis ėme (pagawo, suniko) ji muszti (онъ взялъ, началъ его бить); млр. береться (захóдиться, захожуется) бити; приняться въ влр. и млр.: принявся відёмъ топити, Кв.; пуститься: собьютсч въ тѣсную кучу и пустятся загадывать загадки, Гог.; влр. завести: ухватилъ онъ вѣдь ослядь телѣжную, да завелъ видь онъ ослядью помахивать, Кир. III, 49; и садился тутъ Михайло на добра коня, заводилъ онъ силы пересчитывать, ib.; пойти: онъ и пойдетъ (и пошолъ) врать; всѣ обступятъ тебя и пойдутъ дурачить, Гог. (и безъ неопр. накл.: затѣется шаль, пойдутъ танцы и заведутся такія штуки, что и разсказать нельзя, Гог.); въ млр. а що найгірше, так тиї зовиці! Ті вже по всім усюдам пійдуть (=станутъ, начнутъ) славити, що невістка незуміла хроше паски вчинити, Кв.; ср. серб. „на то му чобан одговори па пође да иде, Кар.; у цркви блага небијаше, него један сандук од камена; одоше га дружба разбијати, сви га бише, разбит немогоше, Пјев. Црног. 65; плећи даде а бјежати оде, ib. 77; пође бесједовати, Богиш. Н. п. I, 5, 6 et pass.; ал' га иде (=стала) Милица тврдом клетвом заклињати, ib. 11; а руками обхити сухо дрво јаворово, пака ми је отиш'о (=сталъ) свому брату говорити, ib. 110; отиде ми он Митре говорити драгој љуби, ib. 111; стаде бане Милошу л'јепој ракли (=дѣвицѣ) говорити ib. 54; али сиде (сѣлъ, т. е. сталъ, началъ) Свилојевић цару свому говорети ib. 121 и пр. Ср. гомерич. *βῆ δ' ἴμεν, βῆ δ' ἰέναι, βῆ δε θέειν.*

320 Въ стать съ неопр., кажется, слѣдуетъ различать, относительно степени формальности, съ одной стороны формы сталъ, ставши, стать, съ другой стану. Первыя въ рус. лит. и влр. столь же вещественны, какъ вышеприведенные глаголы, и будутъ переведены на нѣмец. посредствомъ fing an zu... anfangen zu. Тоже въ млр. став: як став розпитовати людей, так ёму й роз казали, Кв.; некладовивши на землю,

стали її на руках одкачувати, id.; аж здивувавсь тай став її ще більш прохати id.; такъ и въ серб. стане (стаде) говорити, стадоше зборити. Но стану съ неопр., вовсе необычное въ млр. въ этомъ значеніи, въ влр. можетъ, кажется, становиться чистовспомогательнымъ, такъ что напр. „стану сказывать я сказки, пѣсеньку спою" Лерм., значитъ не „ich werde anfangen zu erzählen", а только „ich werde erzählen", съ съ грамматич. оттѣнкомъ начинательности.

в) Здѣсь упомяну о случаѣ, несоставляющемъ особенности русскаго неопредѣленнаго наклоненія, свойственномъ и другимъ языкамъ. Гдѣ при спокойномъ изложеніи необходимо изъявит. н. глагола съ веществ. значеніемъ движенія или начинательности при неопредѣленномъ [напр. въ лит. kai jûdu nesulàkė (=laukė) tėdvi mergas ateinant, tai ėme jes vyt, Schl. Les. 148—то стали (взяли) ихъ догонять], тамъ, при большей живости разсказа, а) изъявителное замѣняется повелительнымъ или б) личный глаголъ, какъ легко подразумѣваемый, а между тѣмъ замедляющій теченіе мысли и рѣчи, вовсе опускается.

а) Сочетаніе повелит. давай (вр., мр.) и част. ну съ неопр. [...а онъ (я, мы, они) давай бѣжать! мы ну бѣжать! мр. (він) по оглоблях ну малахаєм шмагать! Греб.; потилицю почухав и ну с підсудками про діло мізкувать, id.; утята закахкають и ну степом кружляти, id.; въ Галиціи для мн. ч. и ну-те: як вже під корчму підобрались, ну-те собі гримати та верещати! Mikl. Gr. IV, 796] есть частный случай употребленія съ подобной цѣлью повелительнаго, котораго неслѣдуетъ смѣшивать съ употребленіемъ глагольныхъ частицъ какъ хвать, глядь для выраженія быстроты дѣйствія. Объ этомъ см. Mikl. Gr. IV, 794—7, а также и слѣдующіе примѣры, изъ коихъ видна незамѣнимость такихъ повелительныхъ вышеупомянутыми частицами мгновеннаго дѣйствія: серб. седну на коње па бежи (=давай бѣжать, мр. давай v. ну утікати, съ глаг. длительнымъ); въ мр. (горск.) „и я собі піду надоєти. Пішов, дій, дій (вост. мр. як узяв доїти), такий собі кошів надоєв, що билший, як тот (Казки Игн. зъ Никловичъ, 68); пустили коруну (а та коруна літала), а коруна літай, літай, літай, тай на нѣго сіла, ib. 53; він ся полегоньки сунь, сунь зъ той яблони, сунь-сунь, на того коня скочив, ib. 46; бр. ён узяв ружжо и пошов. Идзи, идзи, аж бяжиць Смолячиха (Роман. Бр. сл. 3, 47); идзець да роспитываець.. Идзи-идзи, сустрѣчаець нѣйкаго чалавѣка, ib. 118; сѣла-баба на яйцы и сядзиць; сядзи, сядзи тая баба—иссидзѣлася на товкач, ib. 239; дзѣдъ став калыхаць (чурбанчикъ). Калыши дзѣдъ, калыши,—паказалась ручка, ib. 268.

б) Опущеніе глагола при неопр. накл.: бр. ици ёнѣ ици, ици ёнъ ици, совстракая пана (Ром. ib. 215); яны як иціць дак иціць, як иціць дак иціць дарогою, находзюць (то-то), ib. 122; тэй овес як рэсци дык рэсци, став уже поспѣваць, ib. 239; паѣхали яны (N и конь) тэй сад

ирвацъ: ёнъ (конь)—лятяць, а ён (сѣдокъ) дзярэвъя йрвацъ, у груды складацъ, палицъ тэй садъ, дзѣлацъ чистое поле, ib. 216; мр. приходять—чорта нема; ждать-пождать—нема, Драгом. Мр. пред, 60; піймавъ відьму, вона—перекидатьця, вже чим-нечим, и голкою.., а там
321 давай проситьця, ib. 69; вр.: а онъ—кричать! а мы—бѣжать! люди пахать; а мы руками махать; люди жать, а мы подъ межою лежать, Дель Посл. 546—7; чешск. přišli ďasi, tu on křičet' a bát'se, Hatt. Sr. Ml. § 62, 2; литов. dabar jis kupczą wyt, тутъ (теперь) онъ—купца догонять, Schl. Les. 152, kalwis, parėjęs, tûiaus į visus kampus jeszkot, кузнецъ, воротившись, сейчасъ по всѣмъ угламъ искать, ib. 213; латин. at illæ—currere in urbem, Hor. Serm. 1, 8; во франц. Mätzner Synt. I, § 223. Впрочемъ латин. infinitivus historicus далеко невсегда можетъ быть переданъ славянскимъ неопредѣленнымъ съ опущеннымъ глаголомъ. Роль неопредѣленнаго наклоненія одна и та-же въ „онъ сталъ искать" и въ „онъ—искать", подобно тому, какъ дополненія отнюдьноизмѣняютъ своего грамматическаго значенія отъ опущенія при нихъ глагола одного или съ неопредѣленнымъ, напр. а онъ—въ городъ! серб. онда је (кобилу) заулари и узјаше, па — кући, а ждријебе — уз кобилу, Кар. Прип.; лит. tai velnies—nei isz vėtos ir nei pasijudįt, Schl. Les. 215, а чортъ—ни съ мѣста и ни тронуться. Говорю это въ виду мнѣнія, что неопредѣленныя накл. въ „я читать, а онъ спать" суть сказуемыя (Некрас. О зн. ф. русск. гл. 91). Конечно, неопредѣленное во всѣхъ случаяхъ есть родъ сказуемаго; но оно и здѣсь есть сказ. второстепенное. Непризнавая этого, можно дойти до заключенія, что функція глагола въ „я иду домой" и нарѣчія въ „я—домой" одна и та-же.

7. Былъ и буду съ неопредѣленнымъ. а) Мы замѣчаемъ слѣдующее отличіе неопред. накл. отъ причастія. Послѣднее въ древнемъ, а отчасти и въ новомъ языкѣ сочетается съ гл. существительнымъ въ опредѣленно-личной формѣ: ѥсмь (бѣхъ, бѣахъ, бѫди) упъвалъ, ѥсмь (бѣхъ, бѣахъ) упъвалъ. Первое при гл. существ. безличномъ (ѥсть упъвати), рѣже — опредѣленно-личномъ (принимая мѣра въ „давати имъ
322 мѣра меду" за подлежащее, о чемъ ниже) бываетъ только объективно, т. е. неотносится къ подлежащему глагола. Въ тѣхъ же рѣдкихъ случаяхъ, когда въ древнемъ языкѣ неопредѣленное наклоненіе при бѣ и пр. субъективно, этотъ глаголъ не-есть существительный, но имѣетъ другое, болѣе конкретное значеніе, и связь его съ неопредѣленнымъ нестоль тѣсна, какъ въ „бѣ цѣлѧ". Такъ въ „и сила господьнѣ(=я) бѣ цѣлити ѩ, О. Ев. Лук. 5, 17, *δύναμις Κυρίου ἦν εἰς τὸ ἰᾶσθαι αὐτούς*, quum virtus domini adesset (ei) ad sanandum illos, польск. moc pańska przytomna była ku uzdrowieniu ich, чеш. moc paně přitomna byla ku uzdravování jich, хорут. moč gospodova je bila da jih je uzdravljala. Здѣсь глаголъ имѣетъ значеніе находиться гдѣ, присутствовать; въ слѣдующемъ примѣрѣ бывать (какъ нерѣдко въ

русс. на пр. 1538, Ак. З. Р. II, 332, и какъ въ ст. поль. bywaj sam (=сѣмо)! добро пожаловать) имѣетъ значеніе глагола движенія, какъ прибывать, прибыть: „колко ихъ (князей) ни бывало въ литовской земли,.. а тіи вси на съѣздъ пановъ слали, а сами небывали никако со Псковичи правити о порубежныхъ мѣстѣхъ и границахъ", Пск. I, 239. Будешь ли (=прибудешь ли) Александра-душа, ко мнѣ ночевать? — Небуду я (= неприбуду, съ тѣмъ чтобы) и часу часовать, Шейнъ Р. п. н. 521. Т. о. можно сказать: „будь ко мнѣ въ такомъ-то часу (v. къ такому-то часу) обѣдать".

Приводя подобный оборотъ изъ влр. былины:

„Скажи, скажи, удалый дороднїй добрый молодецъ,
„Былъ ли ты красть монастыря Румянцова,
„И былъ ли ты нести золотой казны"?
Говоритъ удалый добрый молодецъ:
„А небылъ я красть монастыря Румянцова,
„И небылъ я нести золотой казны,

Некрасовъ можетъ себѣ объяснить родительные монастыря, казны только тѣмъ, что здѣсь „названіе дѣйствія употреблено вмѣсто общаго названія лица дѣйствующаго: красть вм. грабитель, нести вм. носитель": „что здѣсь глаголъ употребленъ вм. существительнаго, это видно изъ родительнаго п., служащаго опредѣленіемъ ко глаголу, а не дополненіемъ, которое должно было бы стоять совершенно въ другомъ падежѣ" (О зн. ф. р. глаг. 99—100). Дѣйствительно, по образцу „сила 323
бѣ цѣлити ꙗ", можно бы ожидать „былъ красть монастырь"; но былъ здѣсь увлечено аналогіею съ глаголами пространственнаго движенія, какъ ходилъ красть. При этомъ родительный дополненія при неопредѣленномъ имѣетъ такой смыслъ, какъ въ „ходилъ обѣдни слушать", т. е. остался въ языкѣ послѣ замѣны достигательнаго накл. неопредѣленнымъ. Во всѣхъ примѣрахъ глаголъ и неопредѣленное наклоненіе на-столько раздѣльны для мысли, что неопредѣленное въ нихъ мы могли бы изобразить нынѣшнимъ неопредѣленнымъ съ союзомъ: чтобы исцѣлять, чтобы договариваться (правити), чтобы красть, нести. Въ этихъ неопредѣленныхъ накл. нѣтъ никакого основанія видѣть нетолько nomina agentis, коими неопредѣленныя накл., возникшія изъ nom. actionis, никогда небывали, но и, что было бы нѣсколько ближе къ истинѣ, nomina actionis. Послѣднее могло быть лишь въ то доисторическое время, когда въ слав. неопредѣленномъ еще чувствовался дательный падежъ (цѣлити = цѣленію, къ исцѣленію); въ нашихъ же примѣрахъ „бѣ цѣлити" и пр. неопредѣленное есть уже безпадежная, чисто глагольная форма, какъ и въ нынѣшнемъ языкѣ. Невидно сходства между вышеприведеннымъ „былъ красть" и скр. прошедшимъ отъ глаголовъ X кл., соотвѣтствующимъ удвоенному прошедшему другихъ глаголовъ: чôраја̂м—а̂са, чôраја̂м—бабhува (кралъ), гдѣ ф. на

-ам есть винит. ед. ж. существительнаго отвлеченнаго чôрâја, а âса, бабhува — прош. удв. отъ ас, бhу. Разница здѣсь въ падежахъ, въ значеніи глагола и общемъ эффектѣ. Въ сред. в.-нѣм. и англосакс. встрѣчаются прошедшія wart, was (агс. väs = нов. в.-н. war) съ неопредѣленнымъ, но такое сочетаніе по значенію неотличается отъ тѣхъ прошедшихъ съ причастіемъ: vart vrâgen = wart vrâgende, man was trîben = trieb (Grimm Gr. IV, 7, 92).

324 б) Отъ правила, что опредѣленноличныя ф. гл. ѥс, бы несочетаются съ субъективнымъ неопредѣленнымъ [1]), составляетъ исключеніе сочетаніе буду дѣлать въ нов. русскомъ и такія-же въ польск., чешск., хорватскомъ. Что это отклоненіе относительно ново, въ этомъ убѣждаетъ его отсутствіе въ ст.-слав., хорут. и др.-русскомъ (до XIV вѣка?) и нѣкоторые внутренніе признаки. Буду имѣло нѣкогда начинательное значеніе, что видно, какъ изъ его строенія (ѫ въ темѣ бѫде-), такъ и изъ употребленія во многихъ мѣстахъ древнихъ памятниковъ (стр. 127—8), между прочимъ и въ сочетаніи съ причастіемъ настоящимъ, хотя и невсегда явственно. Въ сочетаніи съ неопредѣленнымъ оно извѣстно уже безъ всякаго оттѣнка начинательности (замѣтнаго въ иму княжити и нов. стану дѣлать), изъ чего можно бы догадываться, что это сочетаніе возникло послѣ потери въ буду упомянутаго оттѣнка. Мы видѣли, что первоначально сочетаніе буду съ прич. на -лъ, какъ и сочет. хочю, имаамь съ неопредѣленнымъ, могутъ заключать въ себѣ причастныя формы отъ глаголовъ какъ совершенныхъ, такъ и несовершенныхъ, такъ что различіе этихъ категорій могло возникнуть уже при существованіи этихъ сочетаній. Уже позднѣе въ польск. и чеш. стало невозможно совмѣщеніе буду съ причастіемъ на -лъ отъ глагола совершеннаго (będę napisał). Będę pisał съ исключительнымъ значеніемъ будущаго несовершеннаго носитъ въ себѣ признакъ принадлежности къ такому состоянію языка, въ коемъ произошло уже строгое раздѣленіе категорій совершенности и несовершенности. Но буду писать, въ нарѣчіяхъ, кромѣ лужицкихъ, подверженныхъ искажающимъ вліяніямъ (Mikl. V. Gr. III, § 978, 1064), и отчасти въ хорватскомъ и сербскомъ [кад се будеш вратити („когда воротишься", а не „когда будешь возвращаться") ка л'јепу Будиму граду, овако ћеш ти риjети младу Павлу брацу твому, Богишић, Н. п. I, 16; кад се веће ја будем с душом мојом разд'јелити (когда уже умру? или еще въ знач. несоверш. „когда буду умирать"?), главу ћете осјећи славному Лазару кнезу, ib. 9; см. и Mikl. V. Gr. IV, 862], въ указанномъ отношеніи совер-
325 шенно равно съ będę pisał, и по времени возникновенія должно быть близко къ этому послѣднему.

[1]) Ср. „niemals steht das goth visan oder vairtan neben einem infinitiv auxiliarisch". Grimm, Gr. IV, 91.

Буду писать извѣстно намъ въ большинствѣ нарѣчій только какъ одна грамматическая форма, незаключающая въ себѣ никакой двойственности значенія, никакихъ отклоненій отъ изъявительности, и отличная въ томъ и другомъ отношеніи отъ другихъ сочетаній съ оттѣнкомъ будущаго: будеши ловя, будемъ покаявшеся, будемъ покаялися (каялися), хочю (имамь) творити (сътворити), начьну творити. Это единство грамматическаго значенія условлено, съ одной стороны, чистою формальностью ф. буду (въ этомъ сочетаніи, а не вообще), съ другой стороны—отсутствіемъ временъ въ неопредѣленномъ.

Слав. будетъ съ неопред. отлично отъ нов. нѣм. wird съ неопр. присутствіемъ видовъ (такъ какъ нѣм. wird tragen безразлично можетъ соотвѣтствовать нашимъ понесетъ, поноситъ, будетъ нести и б. носить); впрочемъ, эти сочетанія имѣютъ много общаго. И нов. в.-н. wird съ неопр., неизвѣстное ни др. и ср. в.-нѣмецкому, ни другимъ германскимъ нарѣчіямъ, появляется весьма поздно, по Гримму — въ XIV—XV в. И это нѣм. сочетаніе предполагаетъ въ wird потерю начинательности (здѣсь, впрочемъ зависящей отъ лексическаго значенія), замѣтной въ болѣе древнихъ сочетаніяхъ этого времени съ причастіемъ, выражающимъ настоящее и будущ. страд.: др. и ср. в.-нѣм. wirt ferloren (verlorn) — perditur, perdetur. Какъ буду съ неопр. есть болѣе чистое выраженіе будущ. глагола несовершеннаго, чѣмъ другія соотвѣтственныя сочетанія древняго и новаго языка, такъ и нѣм. werde съ неопр. отвлеченнѣе и объективнѣе, чѣмъ will и soll съ неопр. (Grimm. Gr. IV, 181—2).

Сочетанія повелит. накл. глаголовъ болѣе-менѣе близкихъ къ формальности (недѣй, немози и др.) съ субъектив. неопр. см. Mikl. Gr. IV, 866—8. 326

8. Прочіе глаголы съ неопредѣленнымъ субъективнымъ. Сочетанія, въ коихъ, какъ въ разсмотрѣнныхъ выше, глаголъ является болѣе или менѣе служебнымъ, возникли изъ такихъ, въ коихъ соблюдено равновѣсіе вещественнаго значенія глагола и неопредѣленнаго наклоненія субъективнаго. Глаголы (respect. причастныя формы: желаю сдѣлать, желая сдѣлать, желать сдѣлать), встрѣчаемые въ этихъ послѣднихъ сочетаніяхъ, весьма трудно подвести подъ какіе либо разряды по ихъ лексическому содержанію. Попытка сдѣлать это сводится на приведеніе отдѣльныхъ примѣровъ, такъ какъ глаголы, напр. со значеніемъ колеблюсь, медлю, спѣшу, пренебрегаю, откладываю, опаздываю, поставленные подъ одною цифрою, все-таки разсыпаются розно, необнаруживая между собою бóльшаго сходства, чѣмъ съ глаголами хочу, желаю (и въ подобномъ см. „зіяетъ время славу стерть“, Держав.), изволю, благоволю, люблю, боюсь, опасаюсь, стыжусь, гнушаюсь, смѣю, могу, умѣю, ищу, пытаюсь, стараюсь, готовлюсь, думаю, замышляю, намѣреваюсь, силюсь,

похваляюсь, или съ глаголами соглашаюсь, отказываюсь, обѣщаю, клянусь, присягаю, или—начинаю, кончаю, перестаю, привыкаю, учусь, или—удостоюсь, сподоблюсь [1]). Въ новыхъ нарѣчіяхъ, замѣнившихъ достигательное неопредѣленнымъ, сюда же присоединя-
327 ются средніе глаголы, требовавшіе прежде достигательнаго [2]). Возможно полное перечисленіе такихъ глаголовъ въ разныхъ періодахъ языка было бы, конечно, полезно; оно могло бы обнаружить извѣстныя теченія языка тамъ, гдѣ мы, при неполнотѣ матеріяла, какимъ располагаемъ, видимъ только неподвижность. Пока остается сдѣлать надъ ними лишь немногія грамматическія наблюденія.

а) По отношенію къ подлежащему, эти глаголы ставятся здѣсь опредѣленнолично. Переходъ ихъ въ безличные сопряженъ съ замѣною ихъ прежняго подлежащаго дополненіемъ, при чемъ неопредѣленное пріобрѣтаетъ отношеніе къ своему особому подлежащему, становится объективнымъ: ср. „уняше бо святый ѥдинъ за вся умрети" (XIV в. Срезн. Ск. о Б. и Гл. 18) и „уняше святому умрѣти".

Къ этимъ глаголамъ (лѣнюсь работать и т. п.) въ разсматриваемомъ отношеніи примыкаютъ *α*) нѣкоторыя прилагательныя качественныя, входящія въ сказуемое, рѣже поставляемыя опредѣлительно, и *β*) нѣкоторыя nomina agentis: *α*) хытри соуть зъло сътворити, а ѥже добро сътворити неразоумѣша, Изб. 1073, 56; чьто ино моштьнъ ѥси (= можеши) помыслити... тъкмо, роуцѣ въздѣвъ, рьци.., Изб. 1076, 55. Этимъ слав. и литовско-лот. неопредѣленнымъ соотвѣтствуютъ греч., роман. герм. неопредѣл. съ предлогами направленія къ предмету, къ цѣли: „да бѫдеть вьсякъ человѣкъ скоръ оуслышати и косьнъ глаголати, косьнъ въ гнѣвъ (лучше бы: на гнѣвъ, гнѣватисѧ), Іак. I, 19; лот. czakls dzirdét, bet paléns runát un paléns dusmót, *ταχὺς εἰς τὸ ακοῦσαι, βραδὺς εἰς τὸ λαλῆσαι, βραδὺς εἰς ὀργήν*, schnell zu hören, langsam zu reden, swift to hear, slow to speak, slow to wrath, prompt à écouter и пр. Слав. неопредѣленное въ хытръ творити было вполнѣ глагольно уже въ первыхъ памятникахъ письменности и осталось таково. Т. о. оно отличпо съ одной стороны отъ греч. и пр. неопредѣ-

[1]) Вотъ нѣсколько несовсѣмъ обычныхъ оборотовъ: „и нестерпѣлъ такова слова слышать младъ Алеша Поповичь, Сказ. о 7 богат., П. др. Р. л-ры I, 313; передъ княземъ расхвастался въ походъ иттить, Кир. П. II, 20; мѣсто пустое, нанять недобудешь Путеш. Лукьянова, 20; какъ невидла (видѣла) взять смерётушка вѣдь не (=ни) нищого, не бѣдного, человѣка волокидного; она взяла у насъ прибрала человѣка что не лучшого, Барс. Прич. I, 46; ноньку сдіемъ съ тобой доброе здоровьице.. мы плотнешенько къ сердечку прижиматися, ко устамъ сдіемъ, сестрица, прилагатися, ib. 140.

[2]) Нѣчто совсѣмъ иное имѣетъ въ виду Миклошичь, когда говоритъ, что „неопред. накл. служитъ дополненіемъ (ergänzung) тѣхъ глаголовъ, которые направлены на дѣйствіе, а не на предметъ, какъ напр. начѧти въ противоположность къ нести". Сюда онъ относитъ и глаголы съ неопредѣленнымъ объективнымъ, какъ убѣдилъ войти, прійдется разболѣться, случилось ѣхать и пр. (V. Gr. IV, 852—5).

ленныхъ съ предлогомъ, съ другой—отъ вышедшихъ потомъ изъ употребленія славян. оборотовъ съ дательнымъ: хытръ кънигамъ, мѫдръ дѣлоу вьсемоу (omnium rerum peritus), врачевьной хытрости искусьнъ, гребьци вѣжи плаванью (Mikl. Gr. IV, 491). Таково же отношеніе лит. gátaws kariáuti, лот. gatams ìt (готовъ воевать, ити) къ лит. gátaws kelionei (Kurschat Gr. 409), готовъ для пути и въ путь. Въ русск. радъ видѣть, ради стараться (польск. rad widzieć, radniejszy służyć ojczyznie, niż obcym; въ ст. русск. такое сочетаніе если и встрѣчается, то рѣдко, такъ какъ болѣе обычно „ради бьемъся" и т. п.; въ „хотѣхомъ съ ними ради битися", Лавр. 103, „хотѣхомъ ради" есть составное сказуемое, и битися ближайшимъ образомъ относится къ хотѣхомъ, а не къ ради); долженъ, готовъ, способенъ, достоинъ, склоненъ, властенъ, воленъ, (воленъ кн. Костянтинъ тое имѣнье отдати, продати.. въ томъ волни по души къ церкви дати, 1507, Ак. З. Р. II, 33—4; „да развѣ дворянинъ не воленъ поколотить слугу, когда захочетъ?" Фонвизинъ; „тиранствовать никто неволенъ" ib.), любопытенъ („любопытенъ бы я былъ послушать, чему нѣмец.-отъ его выучилъ", Фонв.; теперь невстрѣчается), прывыченъ, ретивъ (напр. работать), лѣнивъ, скоръ, слабъ („имъ послѣдовать я слабъ", Держав.), Въ вр. говорахъ: исполать тебѣ, царь Давыдъ, что ты гораздъ сны-загадки отгадывать и досужъ доброе слово молвить, Бес. Іерус. Пам. ст. Р. лит. I—II, 307—8; онъ хорошъ загадочки загадывать, Кал. пер. II, 339; греческія дѣти.., лѣтъ по пяти-по шти робятка, стихѣры сказываютъ и пѣть горазди, Пут. Лукьян. 44; онъ охочъ вѣдь былъ.. ходить-издить къ быстрымъ риченькамъ, Барс. Прич. I, 232; лютъ пѣть, голосистъ („охъ спорить голосиста", Грибоѣд.), удалъ что дѣлать. ловокъ работать, злая прясть. Въ млр. здатен, охоч („назад вертатись неохочі", Котл.; лошаків мінять охоч, ib.), недуж („недуж підвестись"; „иншихъ подачокъ нашихъ, бобровщины и тивунщины недужи давати", 1525, А. З. Р. II, 159); „се щось дуже дешевий дякувать (п. ч. непоблагодарилъ за подарки), Федьков.; „мужик був собі плохенький и несміливий против жінки слова сказати", Квит. (бр. няхворъ ёнъ (=можетъ) и самъ приѣхаць, Ром. Бр. сб. 3, 157); розумний порахувати, полічити; завзятий танцювати; огонь и вода добрі служити, але лихі пановати. Въ чеш. Zikm. Skl. 640—1. Вообще перечисленіе неполное. Трудно сказать, почему невстрѣчаются и могутъ ли встрѣтиться съ неопредѣленнымъ субъективнымъ прилагательныя, по видимому, совершенно подходящія къ вышеприведеннымъ, напр. въ литер. яз. охотенъ, щедръ, скупъ, въ народномъ — тщивый, чивый. *β)* Мастеръ пѣть („мастрица толковать указы", Фонв.; мастеръ— слово, давно ставшее на Русси туземнымъ: Лавр. л. 173); охотникъ повеселиться, выпить не дуракъ; я, чумак, пить горѣлочку казакъ, Роман. Бр. сб. I, 60; млр. упирь и знахурь ворожить, Котл. По-

328

нятно, что такимъ образомъ могутъ сочетаться съ неопр. только имена лицъ, а не имена дѣйствій и безличныхъ предметовъ (напр. охота, власть, сила, возможность, способность, право, надежда, желаніе), такъ какъ напр. въ „охота видѣть свѣтъ" производитель дѣйствія видѣть есть лицо, нѣкто, а не охота, такъ что неопредѣленное здѣсь по отношенію къ существительному объективно. Ср. Mikl. V. Gr. IV, 855—7.

б) По отношенію къ залогу разсматриваемые глаголы большею частью— недопускающіе при себѣ винительнаго лица (т. е. лица какъ прямого объекта) и дательнаго. Фактическое отсутствіе такого объекта, при его возможности, все-таки требуетъ неопредѣленнаго объективнаго: прошу съѣздить=чтобы нѣкто другой, по отношенію къ просящему, съѣздилъ. Однако въ стар. языкѣ есть примѣры субъективнаго неопр. при томъже глаголѣ (resp. причастіи или неопред. накл.) съ косвеннымъ дополненіемъ или вовсе безъ дополненія: „Володимеръ же Глѣбовичь посла ко Игореви, прося у него ѣздити напереди полкомъ своимъ",
329 Ип. 127 (424), т. е. чтобъ онъ же (Володимеръ Глѣбов.) ѣздилъ; Болгаре.. немогоша стати противу, креститися просиша и покоритися Грекомъ, Лавр. 8, т. е. да крестяться (въ страд. зн.). Ср. Отъшьдыи же братъ.. възвратисѧ.. о своѥмь невѣрьствѣ и непокорении покаавъсѧ, прощения просѧ приѩти (=просѧ да прощениѥ приметь), Supr. 213.

в) Одни изъ разсматриваемыхъ глаголовъ допускаютъ при себѣ, въ силу своего лексическаго значенія, неопредѣленное накл. только глаголовъ несовершенныхъ, другіе — какъ несовершенныхъ, такъ и совершенныхъ. Первые, по Востокову, суть гл. означающіе начатіе, продолженіе, прекращеніе, привычку и отвычку, имен. начинаю-начну, стану (куда слѣдуетъ прибавить вышеприведенные гл. какъ пойду, стр. 372), продолжаю, перестаю-перестану, прывыкаю, отвыкаю, учусь, разучаюсь (Вост. Р. Гр. § 115, V, 2, гдѣ однако недѣлается различія между неопр. накл. субъективнымъ и объектив-
330 нымъ). Совершенность неопредѣленнаго наклоненія здѣсь совмѣстима только, съ одной стороны, съ его заключительностью (финальностью), а съ другой — съ отсутствіемъ въ глаголѣ, при которомъ оно стоитъ, начинательности: ср. напр. пошелъ разсказывать = началъ.., но пошелъ разсказать = gieng hin, um zu erzählen (разсказать — на мѣстѣ достигательнаго).

Неопредѣленное глагола совершеннаго означаетъ здѣсь всегда дѣйствіе слѣдующее за дѣйствіемъ главнаго глагола и относимое къ будущему, наприм.: и пришьдъше прьвии, мьняахѫ сѧ вяще приѩти, Мат. 20, 10, думали получить = что получатъ, *ὅτι πλείονα λήψονται*, se plus esse accepturos, лит. dumojo daugiaus gausę (причастіе будущее); Петръ

же тѣмъ (= отъ того) печаленъ бяше велми, творяшеться прияти муку пуще того, Ип. 72 (319).

Неопредѣл. глагола несовершеннаго въ однихъ случаяхъ тоже означаетъ дѣйствіе, слѣдующее за дѣйствіемъ глагола, въ другихъ—одновременное съ нимъ. Первое напр. въ слѣд.: къ тобѣ хрестъ цѣловалъ есмь имѣти тя сыномъ собѣ, Ип. 80, (= что буду имѣть); мы есмы волная князя прияли к собѣ, крестъ цѣловали на всемь, а си акы не свою волость творита (эти два какъ будто думаютъ, что это чужая волость), яко нетворячеся у насъ сѣдѣти (будто недумая, что у насъ будутъ сидѣть, какъ будто собираясь покинуть) грабита нетокмо волость всю, но и церкви, Ип. 117 (406); невѣдяшеть бо (Игорь Святославичь) Божия промысла, но творяшеться тамо и долъго быти, Ип. 133 (437), полагалъ, что тамъ (въ плѣну) долго будетъ. Въ нѣнѣшнемъ языкѣ: надѣюсь, обѣщаюсь, клянусь быть = что буду (а не „что есмь"); условились, сговорились ити = что пойдутъ и т. п. Въ млр. „лаѥ мене моя мати, та хвалитьця бити"—похваляется бить (что будетъ бить). Такой же оттѣнокъ можетъ получать и неопредѣленное языковъ, неимѣющихъ совершенности и несовершенности въ славянскомъ смыслѣ, изъ чего видно, что этотъ оттѣнокъ могъ существовать въ славянскомъ 331 и до образованія упомянутыхъ категорій. Ср. напр. въ лотышскомъ: діжанс пуйсіс лѣліяс ньемт діжану лигавинь, Спрог. 185, красивый молодецъ хвалится взять (= что возьметъ) красивую жену; вêя мâте лѣліяс ôзоліням галу лауст, ib. 20, мать вѣтра хвалилась сломать вершину дубу; сакâс мані мâмаліня талу дôт, нераудат, ib. 156, обѣщаетъ меня матушка далеко отдать, неплакать.

Во второмъ случаѣ, какъ выраженіе дѣйствія одновременнаго съ главнымъ, неопредѣленное наклоненіе въ древнемъ языкѣ встрѣчается между прочимъ въ тѣхъ же случаяхъ, что и причастіе настоящее, отъ коего неопредѣленное отличается здѣсь только большею глагольностью и близостью къ развитому придаточному предложенію: мьниться сѣдя = считаетъ себя сидящимъ; мьниться сѣдѣти = думаетъ о себѣ, что сидитъ. Ср. придеть година, да вьсякъ иже убиѥть вы, мьнить сѧ служьбѫ приносити Богу, О. Ев. Іо. 16, 2, *ἵνα... δόξῃ λατρείαν προσφέρειν*, будетъ думать, что приноситъ, въ литов. прич. наст.: tarsis Diewui garbę darąs; вмѣсто „мьняахѫ доухъ видѧще, О. Ев. Лук. 24, 37, могло бы быть сказано, какъ въ греч. и латин., „мьняахѫ духъ видѣти; како ученикъ мнѧ стояти паде, како блѫдница лежѧшти въста Supr. 306, 8; сдѣ бо мнять жилище имѣти, Лавр. 50 (что имѣютъ); и мнози людиѥ стояху около, зряще и дивлящеся видѣти (что видятъ) чюдо прѣславно, Срезн. Ск. о Б. и Гл. 78; бысть же лесть въ Берендичихъ: творяхуть бо ся бить (показывали видъ, что бьются) приѣздяче къ городу, а снашивахуться рѣчьми межи собою, Ип. 85 (343); Мсти-

славъ же поиде къ воротамъ воднымъ, творя биться, Ип. 219 (409). Ср. въ польск.: zdajesz się wisieć w środku widnokręga; zdawał się mierzyć, jak woda głęboka; latarka zdałasię gasnąć; mirage zdajesię już być miastem, już wsią, już jeziorem, Mick. Причастіе настоящее въ случаѣ весьма странномъ съ точки зрѣнія нынѣшняго языка, именно:
332 „Игорь же молвяшеть: недай Богъ на поганыѣ ѣздя ся отрещи; поганы есть всимъ намъ обьчии ворогъ", Ип. 129 (430) (т. е. не „ѣздя, отказаться" а „отказаться ѣздить"); это причастіе показываетъ, что и замѣняющее его уже въ древнемъ языкѣ неопредѣленное означало дѣйствіе одновременное съ главнымъ. То-же слѣдуетъ сказать о неопредѣленномъ на мѣстѣ прич. настоящ. при прѣстати, коньчати: непрѣста облобызающи, Лук. 7, 45 (=лобызати); коньчаша церковь пишюче (=писати). Въ новомъ языкѣ здѣсь уже нѣтъ выбора и возможно только неопредѣленное.

9. Неопредѣленное со вторымъ именительнымъ. Предположимъ въ языкѣ господство того-же начала согласованія, по которому построено составное сказуемое, и за-тѣмъ—появленіе неопредѣленнаго накл., какъ второстепеннаго сказуемаго. Пусть на мѣстѣ глагола (v. finit.) въ составномъ сказ. (напр. N юсть правъ, творится, стоить простъ) станетъ неопредѣленное накл. и пусть оно присоединится къ другому глаголу субъективно, такъ, чтобы его подлежащимъ было подлежащее главнаго сказуемаго. Тогда второй именительный долженъ будетъ остаться неизмѣннымъ, потому что какъ прежде онъ согласовался съ подлежащимъ, такъ ему согласоваться и теперь. Такимъ образомъ получатся обороты, какъ „N мьниться быти правъ, хочетъ творитися правъ, неможеть стояти простъ", въ коихъ 2-й именительный присоединяется ко глаголу при посредствѣ неопредѣленнаго накл. Сравнивая случаи, въ коихъ 2-й именит. можетъ прямо присоединиться ко глаголу (къто мьнить ти ся правъ) съ такими, въ коихъ именительный отдѣленъ отъ глагола непредѣленнымъ, мы видимъ, что послѣднее вмѣстѣ съ именительнымъ стало второстепеннымъ составнымъ сказуемымъ, и что это неопредѣленное по отношенію ко главному сказуемому съ одной и предикативному аттрибуту съ другой есть второстепенная предикатив-
333 ная связка. То-же значеніе сохраняетъ неопредѣленое и при тѣхъ глаголахъ, къ коимъ 2-й именительный немогъ бы присоединиться безъ его посредства. Всѣ эти три члена, взятыя вмѣстѣ, могутъ быть названы трехсоставнымъ сказуемымъ, какъ и „мьниться сѧ правъ", а послѣдній членъ въ обоихъ случзяхъ—предикативнымъ аттрибутомъ, или аттрибутомъ въ предикатѣ, взятомъ въ обширномъ смыслѣ этого слова. На вопросъ, гдѣ здѣсь причина второго именительнаго, возможенъ только одинъ отвѣтъ: этотъ падежъ былъ бы здѣсь невозможенъ, если бы неопредѣленное н. немогло ставиться субъективно, т. е. имѣть подлежащимъ тотъ же именительный, къ которому относится и личный

глаголъ. Стало быть причина 2-го именит. при неопредѣленномъ отнюдъ не въ томъ, что это послѣднее произошло отъ косвеннаго падежа имени. Примѣры:

иже аще хощеть въ васъ быти вѧщии, да бѫдеть вамъ слуга, и иже аще хощеть въ васъ быти старѣи, да бѫдеть вьсѣмъ рабъ, О. Ев. Мар. 10, 43—4, *ὃς ἐὰν θέλῃ γενέσθαι μέγας....πρῶτος*, quicunque voluerit fieri magnus, primus, лотыш. kas grib lêls tapt, tas pirmais bût. Хощеши ли цѣлъ быти, Іоан. 5, 6; ѥда и вы хощете ученици ѥго быти (Іоан. 9, 27)—съ такимъ же полнымъ соотвѣтствіемъ въ гр., латин. и лот. На мѣстѣ глагола можетъ стоять причастіе, и тогда все сочетаніе будетъ составнымъ приложеніемъ: се же створи, хотя самовластець быти всей суждальской земли, Ип. 91.

Немози, стыдѣвся лица, лжи послухъ быти, Зл. цѣпь XIV в., Бусл. Хр. 491.

Кто оубо отъ тѣхъ трии ближьнии мьнить ти сѧ быти въпадъшоуоумоу въ разбоиникꙑ, О. Ев. Лук. 10, 36.

Помысли быти мнихъ, Лавр. 82.

Научися, вѣрный человѣче, быти благочестию дѣлатель, Лавр. 101.

Быти добръ тъщашеся, XI в. Будилов. 33. 334

Нетрьпѣахъ умилѥнъ видимъ быти: ib., *ἐλεεινὸς ὁρᾶσθαι.*

Число подобныхъ примѣровъ можетъ быть умножено посредствомъ заключенія къ древнему языку отъ нынѣшнихъ оборотовъ съ субъективнымъ неопредѣленнымъ и творительнымъ на мѣстѣ 2-го именительнаго, напр. „хотѣлъ (желалъ, надѣялся, боялся, думалъ, намѣревался и пр.) быть (стать, оказаться, явиться, сдѣлаться, назватся, прослыть) первымъ", или со вторымъ именительнымъ, напр. началъ ходить раздѣтый. Ср. „и которые священники.. учнутъ по дворомъ и по улицамъ скитатись пьяни, ...или пьяни учнуть битись и дратись.. и такихъ имати, 1550—82, Ак. Ист. I, 285. Такое заключеніе къ древнему яз. отъ новаго русскаго тѣмъ безопаснѣе, что послѣдній весьма воздерженъ въ употребленіи разсматриваемаго здѣсь неопредѣленнаго (какъ быть, такъ и другихъ) съ именит. или твор., напр. нетерпитъ его послѣ глаголовъ казаться, считаться, называться, сказываться. Нельзя сказать „казался быть правымъ" (вм. казался правъ) „сказывался быть непомнящимъ родства" (вм. сказался непомнящимъ). Между тѣмъ въ польск. здѣсь нерѣдко być=нѣм. zu sein: zdadzą się być cudne, гроби.. явлѩѭть сѧ красьни, *φαίνονται ὡραῖοι,* Мат. 23, 27; zdajecie się być sprawiedliwi, явлѩѥтеса правьдьни, *φαίνεσθε δίκαιοι,* Мат. 23, 28. Сюда же относятся и слѣдующіе примѣры, если въ нихъ rzec się, wiedzieć się, czuć się приняты за средніе гл.: rzecze li się kto być slachcicem alibo oświeconym być, a jinszym slachcicom tego niewiedzącym rzecze sią być row-

nym, XV в. Ks. Ust., 34; niewiasta wiedz się alibo czuj się ot wszego prawa być odpadłą. Ср. также съ чеш. „pravil se byti nevinen", „čisti se byti mněli" (Zikm. Skl. 414); въ лит. žinau pažemintas ir žinau paaukszintas buti, *οἶδα δὲ ταπεινοῦσθαι, οἶδα καὶ περισσεύειν*, Филип. 4, 12.

335 Совершенно ошибочная мысль, что второй именительный, прямо примыкающій къ личному глаголу (являются красни), возникъ посредствомъ опущенія при немъ неопр. быти (Zikm. Skl. l. c.), свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что byti въ этихъ случаяхъ въ чеш. кажется обычнымъ.

Неопредѣленное накл. объективное.

Сюда относятся какъ тѣ случаи, когда объектъ главнаго сказуемаго (винительный, родительный или дательный п.) указываетъ на подлежащее неопредѣленнаго накл., такъ и тѣ, когда такого объекта нѣтъ налицо, но тѣмъ неменѣе неопредѣленное н. неможетъ быть отнесено къ подлежащему главнаго сказуемаго (именительному). Такое неопредѣленное н. можетъ быть названо второстепеннымъ сказуемымъ въ области дополненія.

10. Винительный съ неопредѣленнымъ однимъ или имѣющимъ при себѣ второй винительный.

Въ различныхъ индоевропейскихъ языкахъ винительный съ неопредѣленнымъ, по отношенію къ связи винительнаго съ глаголомъ главнаго предложенія, можетъ быть сведенъ приблизительно къ четыремъ случаямъ: а) вин. прямого объекта при глаголахъ движенія (послать и т. п.); б) такой же вин. при глаголахъ просить, заставлять и т. п. и при глаголахъ дѣлать кого чѣмъ; в) вин. post v-ba sentiendi, cognoscendi, dicendi, переходящій отъ значенія предмета непосредственнаго воспріятія къ значенію предмета воспріятія посредственнаго (см. выше стр. 299 сл.); г) вин. независимый отъ глагола главнаго предложенія. Наибольшее число этихъ случаевъ (б, в, г) свойственно греческому, за тѣмъ латинскому. Типъ г), на пр. acc. c. inf. при безсубъектномъ сказуемомъ *δεῖ, χρή* oportet и пр., *ἔξεστι* licet, *συνέβη* evenit, ut, *δοκεῖ* videtur, acc. c. inf на мѣстѣ подлежащаго *(τὸ ἁμαρτάνειν ἡμᾶς ἀνθρώπους ὄντας οὐ θαυμαστόν)*, и послѣ *ὥστε*, относится къ позднѣйшему, послѣ гомеровскому развитію языка. Болѣе распространены и древни типы б и в. Ср. б) въ языкѣ Вѣдъ нô дживâтавê крідhи *ποίει ἡμᾶς ζῆν*, mach uns leben; в) рâджâнам снâтум татра дадарça, er sah dort den könig baden (Jolly, Gesch. des. infin 251 слѣд.; Черный, Греч. синт, § 130—6).

По отношенію къ инфинитиву, acc. c. inf. возводится не къ одному типу (именно, какъ думаетъ Черный l. c. § 130, къ acc. actionis на пр. *διδάσκω τινά τι, δ. σε λέγειν)*, а къ двумъ: къ винительному (достига-

телной ф. при глаголахъ движенія) и къ дательному (учу читать=чтенію).

Въ цсл. и русс. обычны типы а и б.

а) Азъ вы послахъ жѧтъ; посла и пастъ свинии Assem. (Mikl. Gr. IV 874); посла (кого?) гóрода ставитъ, Новг. I, 31, посла полковъ копитъ ib. и пр. (см. выше стр. 357—8); посла... сына своего Ярослава в Переяславль в Русьскыи княжитъ Лавр. ² 397; пусти брата своего во Володимерь Володимиря блюсть (=тъ) Ип. ² 285; обыхомъ васъ пустили до Лучька търговатъ гр. 1341 г.; звати (кого) на поле битъся, ср. гр. 1229 и въ этомъ смыслѣ „просимъ у тобе сына княжитъ Новугороду, Лавр. ² 395; прислали мя Люблинци, хотять князя Кондрата княжить въ Краковъ, Ип. ² 598. Уже изстари здѣсь встрѣчается и неопр.; посла Олегъ мужи своя построити мира и положити ряды межи Грѣкы и Русью, Ип. ² 19. СъXV в. только -ти, -ть-; н. вр. ввечеру кладутъ (кого) спать позднехонько, поутру будютъ вставать ранехонько, Шейн. Р. н. п. 483; ик (=як) пошлю я черную галку на Дунай рыбы ѣсть, Роман., Бр. сб. I, 140; расчосує кудри частымъ грабяшкомъ, пускає пачосачки уплыть за водой ib. 160; мр. пошлю.. галку на Дін риби їсти; кликали (нас) вілець вити Метл. 133; (дівку) шлюбу брати підмовляє, ib. 9. Такъ и въ литер. яз.

б) А вы плотници суще, а приставимъ вы хоромъ рубити Новг. I, 1 (=а приставимъ вы хоромомъ рубити нашимъ, Лавр. 138); 12 мужа приставити бити (Перуна) жезлиемъ Лавр. ² 80; пристави к нимъ мужи свои показати имъ церковьную красоту, Ип. ² 23; наяша наимиты возити мьртвьця, Новг. I, 5; учашеть его мати креститися, Лавр. ² 40. Позднѣе: явилъ (=представилъ) его (посланника) великому князю челомъ ударити околничей N, 1538, Ак. З. Р. II, 252. Въ нынѣшнемъ л-рномъ яз. заставить, принудить, убѣдить, умолить, упросить, уговорить, пригласить, позвать, научить и пр. кого что сдѣлать или дѣлать. Въ народн. говорахъ встрѣчаются и болѣе смѣлые обороты: „обсиротилъ насъ побѣдныихъ головушекъ безъ своихъ жить безъ законныихъ сдержавушекъ, Барс. Прич. I, 13.

Случаи вин. съ неопр. при творити и т. п. по видимому рѣдки: „иже приведе мѧ на разоумъ твои и познати мѧ сътвори таинѫ твоѩ из дѣтьска възраста, Supr. 23.

По общему правилу винит. послѣ глаголовъ съ отрицаніемъ замѣняется родительнымъ: неиждени насъ тъчьѭ гнѣвомь ити въ поустая мѣста, Supr. 27; чему ты неказаше сыновъ своихъ и роду своего непреступати роты Лавр. 119 (269); въ лрн. яз. незвалъ насъ обѣдать, незаставлялъ никого трудиться и т. п.; млр. вони вас доглянуть и недоведуть васъ потерпіти ніякоï біди, Квит. Б. Д.

При неопредѣленномъ глагола, способнаго сочетаться въ древ. яз. съ 2-мъ именительнымъ, можетъ теперь стоять творительный: „просилъ меня быть (считаться, казаться и др.) увѣреннымъ". Болѣе древній
336 согласуемый падежъ, замѣняемый этимъ творительнымъ, можетъ быть только винительный (resp. родит. послѣ гл. съ отрицаніемъ): яко сподобилъ мя юси недостоинааго съповѣдатела быти с-тыимъ твоимъ въгодникомъ (жит. Θеод. XII в.); юго іщрева матерьня и пастуха быти въ странѣ сей богогласьныихъ овьць назнамена ib.; осѫдиша и быти повиньна съмрьти О. ев. Марк. 14 61, *κατέκριναν αὐτὸν εἶναι ἔνοχον θανάτου*.

в) Винительному съ неопр. post vba sent., cogn. соотвѣтствуетъ древ. слав. и литовско-лотышскій винит. съ причастіемъ: „увѣдаша князя идуча" въ смыслѣ не „идущаго", а „что идетъ" (см. выше 312 сл.). По правилу, въ слав. яз. при винительномъ (родит.), дополняющемъ verba sentiendi, cognoscendi, и нѣкоторые другіе, напр. ждать, неможетъ стоять неопредѣленное глагола вещественнаго (т. е. кромѣ быть). По-русски нельзя сказать „я слышу птицу пѣть" (ich höre den vogel singen), „вижу домъ горѣть" (ich sehe das haus brennen), ни по-польски „widziałem żołnierza chodzić po rynku" „słyszałem opowiadać" (Małeck Gr. § 740. См. выше стр. 303—4). Въ общемъ то-же примѣняется и къ чешскому, литовскому, лотышскому. Отклоненія отъ этого довольно стары („жьдаху нѣкого вельможа прити къ нимъ", Mikl. V. Gr. IV, 394; чеш. vidi sebe i jiné státi, Komenský, Zikm. Skl. 414) и проникли въ нѣкоторые народные говоры; такъ напр. у Подгалянъ: jeszcze jek (=jach =ja-m) niesłyszał tak dziewczęcia płakać, jak moja płakała, kie mię przyszli łapać, Zeiszner 159; у Моравянъ: Janka vidět' z vojny jet', Mor. pís.; Hatt. Sr. Ml. 84; въ угорско-русскомъ „я єго видів ходити, „я єго чув говорити" (Mikl. Gr. IV 858), Семеновичъ (Объ особенн. угрорусс. гов. въ Сб. ст. по Славяновѣд. 220) считаетъ мадьяризмомъ. Все это нетрудно объяснить заимствованіемъ.

Что касается до быти при винительномъ, то, во первыхъ, мы его нахо-
337 димъ въ О. ев., отличающемся, какъ извѣстно, весьма чистымъ языкомъ:

кого (2-й вин.) глаголѭть мѧ быти сына чловѣчьскааго, Мат. 16, 13, *τίνα με λέγουσιν εἶναι τὸν υἱὸν τοῦ ἀνθρώπου;* вы же кого глаголѥте мѧ быти, Мат. 16, 15; кого мѧ глаголѭть человѣци быти, Марк. 8, 27; кого мѧ г-лѭтъ ч-л-ци быти? Отъвѣщаша юму: ови Иоан крьстителѣ, ови же Илиѭ, а дроузии единого отъ про(ро)къ, Срезн. П. юс. п. 65. Ср. и другій свѣтъ повѣдають быти, Лавр. 45.

Во вторыхъ, можно придать нѣкоторое значеніе тому, что Барсовъ, считая несносными въ русск. литер. яз. своего времени выраженія „я видѣлъ васъ ѣхать", допускаетъ такія, какъ „я считаю сего человѣка вамъ быть друга (другомъ)", Бусл. Гр. 276, пр. 2. Правда, въ ны-

нѣшнемъ яз. возможно только, съ одной стороны, „считаю его другомъ" (твор. изъ 2-го винит.), а съ другой—„что онъ другъ"; но отъ этого опасно заключать къ древнему языку, такъ какъ въ новомъ невозможно и причастіе гл. существительнаго, которое въ древнемъ употребительно и независитъ отъ посторонняго вліянія: видѣху Христа самого сѫшта (..αὐτὸν εἶναι), Mikl. V. Gr. IV, 394 (гдѣ ошибочно мнѣніе, что въ подобныхъ случаяхъ быти „ist zu supplieren").

Въ чешскомъ примѣры, какъ „uznavám se k tomu nedostatečna býti", „žadného z nich nevidím býti rovného" см. Zikm. Skl. 658, 414, 155, или съ творительнымъ вм. 2-го падежа „vyznával jej býti svým panem", ib. 195. Въ польск. osądzili go winnym być śmierci и т. п. (Mikl. l. c. гдѣ смѣшаны и случаи со 2-мъ именит. при być). Въ лотышск. „недôмаю, нецерею тô бут ману арайінь", Спрог. 277, недумала, негадала того (род. въ силу отриц. или винит.) быть моимъ пахаремъ, т. е. что онъ будетъ моимъ мужемъ.

Если нѣтъ сомнѣнія, что въ литовскомъ не въ силу посторонняго 338
вліянія чувствуется потребность въ причастіи или отпричастной формѣ глагола es-, какъ въ связкѣ втораго винительнаго съ первымъ (ką sako žmonės žmogus sunų esantį, Мат. 16, 13; jus ką sakot manę esant, ib. 16, 15; Марк. 8, 27; jį atsudijo wertą esantį smertės, Марк. 14, 64); то оставалось бы объяснить, почему въ ст.-сл. здѣсь „осѫдишѧ и повиньна быти", а не „сѫщь, сѫща". Причина такого предпочтенія неопр. н. могла заключаться въ его большей глагольности, въ томъ, что оно недавало возможности понимать признака даннымъ („сѫща поповиньна"—осудили его въ то время, какъ онъ былъ повиненъ), а не возникающимъ (о. и быти п.=что онъ онъ повиненъ).

Миклошичь, въ IV т. Vergl. Gram., думаетъ, что „славянскому синтаксису приличенъ только дательный съ неопр.; винительный происходитъ отъ подражанія греческому или латинскому" (294, ср. 871—2). Раньше онъ говорилъ „какъ ст.-сл., такъ и готскій, рядомъ съ дательнымъ съ неопред., имѣетъ и винительный съ неопр., съ тою разницею, что въ ст.-сл. первое сочетаніе составляетъ правило, а въ готскомъ въ большинствѣ случаевъ является второе" (Ueb. den acc. cum inf. 493, 1869 г.). Съ вышеприведенными ограниченіями это послѣднее мнѣніе кажется болѣе вѣрнымъ.

Относительно причины 1-го винительнаго въ „глаголють землю быти утлу и пухлу" Mikl, V. Gr. l. c.) я могу держаться только мнѣнія, высказаннаго выше (299 сл.). Почти всѣ извѣстные примѣры вин. съ неопр. показываютъ зависимость этого падежа отъ личнаго гл. (глаголати, мьнѣти, непьщевати, даже вѣровати съ вин., безразлично означающимъ и непосредственный, и дальнѣйшій объектъ). Встрѣчая же одинъ случай вин. съ неопр. при страдательномъ сказуемомъ („извѣштени суть Іоза- 339

на пророка быти", Лук. 20, 6, серб. XIII в. Mikl.), мы вспоминаемъ слова Миклошича: „въ ряду явленій языка, по аналогіи примыкающемъ къ извѣстному правилу, не всѣ члены одинаково близки къ правилу" (Ueb. acc. cum inf.). Случаи подобнаго удаленія явленій отъ исходной точки многочисленны. Ср. ниже сказанное о формѣ именительнаго въ „правьда възяти".

11. Дательный съ неопредѣленнымъ н. Неопр. н. можетъ здѣсь быть: а) или второстепеннымъ сказуемымъ, подлежащее коего указано дательнымъ (первымъ), напр, приказалъ мнѣ прийти, „позволилъ мнѣ взять"; б) или второстепенною связкою между первымъ и вторымъ дательнымъ. Послѣднее можетъ явиться тогда, когда глаголъ, стоящій въ неопредѣленномъ, принадлежитъ къ числу допускающихъ въ извѣстныхъ случаяхъ сочетаніе со вторымъ именительнымъ (см. стр. 151 сл.). При господствѣ начала согласованія, возникаетъ потребность соединить въ одно предложеніе два: „достоить ти" и (о томъ же лицѣ, о которомъ говоритъ ти) „еси кротъкъ", „буди кротъкъ"; въ результатѣ получается оборотъ съ неопредѣленнымъ въ качествѣ связки внутри составнаго объекта („достоить ти быти кротъку"), въ коемъ причина второго падежа заключается въ первомъ. Сущность остается та-же, если 1-й дат. дополняетъ не главное, а второстепенное сказуемое, какъ въ нынѣшнемъ: „прошу позволить мнѣ остаться неизвѣстну" (неизвѣстнымъ).

Въ обоихъ случаяхъ (а и б) неопредѣленное н. незамѣнимо, такъ какъ нѣтъ выбора между нимъ и причастіемъ. Только „бысть нищууму умрѣти" значитъ „случилось, что н. умеръ"; между тѣмъ „бысть нищууму умьръшу" можетъ значить или „случилось умершему нищему", или (принявши два дательные за самостоятельные) „случилось, когда н. умеръ". Точно такъ въ „дасть имъ область чадомъ божиѥмъ быти" и въ слав. и въ литов. можетъ стоять только неопредѣленное, такъ какъ
340 „дасть имъ... чадомъ сѫщемъ", можетъ значить или „имъ, которые были чада Б.", (подобно тому, что значило бы непосредственное приложеніе „чадомъ" безъ причастія: „далъ имъ, чадамъ Божіимъ..) или „далъ имъ, между тѣмъ какъ чада Божіи были, существовали". Между тѣмъ мы видѣли, что въ лит. „ką sakot manę esantį" (esant) второй винительный причастія имѣетъ предикативное, а не аппозитивное значеніе.

341 Второй дательный при неопр. свойственъ славянскому, лот.-лит. и отчасти готскому яз. Въ греческомъ на его мѣстѣ стоятъ большею частью другія построенія: указаніе на подлежащее неопредѣленнаго стоитъ въ дательномъ, за-тѣмъ неопредѣленное съ именительнымъ (Іо. 1, 12), или винительный съ неопр. какъ въ латин. (Марк. 9, 45); но есть построеніе, вполнѣ соотвѣтствующее славянскому: *παντὶ ἄρχοντι προσήκει φρονίμῳ εἶναι*, всякому начальнику слѣдуетъ быть благоразумну. Гаттала, опираясь на то, что такое построеніе въ латинскомъ постоянно

встрѣчается послѣ licet, а кое гдѣ и при necesse est, contigit, vacat, datur, между прочимъ въ „da mihi fallere, da justo sancto que videri", считаетъ чешское (а стало быть общеславянское и лотышско-литов.) неопред. со 2-мъ дат. заимствованіемъ изъ латинскаго (Sr. Ml. § 72), что, конечно, ошибочно.

По свойству перваго дательнаго разсматриваемые здѣсь обороты (а и б) могуть быть подведены подъ два главные разряда, различные и по степени распространенія въ слав. нар. и литовско-лотышскомъ.

А. Первый дат. такъ тѣсно связанъ съ главнымъ сказуемымъ, что можетъ служить ему дополненіемъ и безъ неопредѣленнаго, одного, или со 2-мъ дат.

а) Дат. съ неопр. безъ 2-го дательнаго: како можеть сь плъть своѩ дати намъ ѣсти, Остр. е. Io. 6, 52; лит. kaip tas gal mums dûti sawo kuną wálgiti, *πῶς δύναται οὗτος ἡμῖν δοῦναι τὴν σαρκα φαγεῖν;* вездѣ дат. (= намъ) съ одной стороны дополняетъ дати, съ другой — указываетъ на подлежащее неопредѣленнаго ясти. Такимъ же образомъ при томъ же или нѣсколько иномъ значеніи дати: „даша (куны, деньги) купцемъ крутитися на войну", Новг. I, 8; Петрилу даша посадницать Новугороду, ib. 6; Мирославу даша посадьницяти въ Пльсковѣ, ib; въдаша посадницити Якуну Мирославицю, ib. (неопредѣл. накл. здѣсь уже вполнѣ глагольно, какъ видно изъ сравненія съ оборотами: „даша посадьницьство Нежатѣ Твьрдятицю", Новг. I). Рядомъ съ дат. субъекта неопредѣленнаго н. можетъ стоять дат. его объекта, тождественный съ первымъ по формальному значенію и отличаемый отъ него по связи: „недасть имъ (Сѣверяномъ) Козаромъ дани платити Лавр. 10 (23); Олегъ устави дани Словѣномъ, Кривичемъ и Мери, и (имъ, Словѣномъ) Варягомъ дань даяти отъ Новагорода гривенъ 300 на лѣто, ib. Такое выраженіе съ однимъ дательнымъ, вырванное изъ связи, было бы двусмысленно: „устави Варягомъ дань даяти" — чтобы Варяги или чтобы Варягамъ давали дань. „По вся недѣля устави на дворѣ въ гридьницѣ пиръ творити и приходити боляромъ, и гридемъ, и съцьскымъ, и десяцьскымъ, и нарочитымъ мужемъ, Лавр.[2] 123.

Незаповѣдалъ ни одиномоу же бештьствовати и недасть (аор.) ослабы ни ѥдиномоу же съгрѣшати, Изб. 1076, 178.

Повелѣ всякому нищему и убогому приходити на дворъ княжь и взимати всяку потребу, питье и яденье, и отъ скотьниць кунами, Лавр.[2] 123.

Азъ же глаголѩ вамъ неклатиса вамъ отънѩдь, Матѳ. 5, 34. (Mikl. Gr. IV, 619). Второе вамъ могло бы и отсутствовать, какъ въ греч.: *ἐγὼ δὲ λέγω ἡμῖν μὴ ὀμόσαι ὅλως.*

Глоухымъ творить слышати и нѣмымъ глаголати, Марк. 7, 37, Добрил. ев. 1164, Бусл. Хр. 60 (въ Остр. ев. глоухыѩ, нѣмыѩ, какъ въ греч. *τοὺς κωφοὺς ποιεῖ ἀκούειν καὶ τοὺς ἀλάλους λαλεῖν);* и абиѥ сътвори прослышати глоухоуоумоу.. отъвръзе ѥмоу оуста и сътворивъ ѥмоу томь часѣ проглаголати, Supr. 437; обоѥ то пагоубьно: и пьвати, и отъчаятисѧ; пъваниѥ бо стоѩштоуоумоу творитъ пастисѧ, а отъчаяниѥ лежѧштоуоумоу недастъ въстати, Supr. 306; недѫгы сътвори ти рѣшити, ib. 307; солнце помрачи и землею потрясе и твари всей плакатися створи, Кир. Тур. Калайд. 38. Дат. при творити, какъ и въ болѣе новомъ яз.: мр. поробити кому, чеш. udělati komu.

Богъ, хотя всѣмъ человѣкомъ спастися и въ разумъ истинный прийти, непопусти.. Жит. Бор. и Гл., сп. XIV в. Срезн. 19. Хотѣти кому и чему, напр. хотѧштии мьнѣ зълоу, Supr.—Mikl. Gr. IV, 592. Тоже возможно при желать и пр.

„Слава де Богу, что вы насъ застали; мы де вамъ нечаяли назадъ выѣхать, Пут. Лукьяновъ, XVIII в. 98. Чаяти чему, какъ надѣятися чему, Mikl. Gr. IV, 592—3.

Такъ и въ новомъ языкѣ: дай мнѣ пить, приготовь мнѣ умываться, велѣлъ (приказалъ, посовѣтовалъ) ему прийти, запретилъ ему приходить, помогъ мнѣ встать, пощастилъ мнѣ Богъ дожить.., присудилъ мнѣ Богъ жить.., благословилъ имъ рости и множиться. Бр. дае яму бѣлую рубашку перадѣтца (т. е. въ нее), Ром. Бр. сб. 3, 143; дали яму грошей на дарогу харчицца (ими, на нихъ) ib. 231; справця мнѣ такую хустку, якъ у неби ясное сонца, голаву пакрыць (ею), ib. 305; кажець: „добрый дзень табѣ бѣчь по морю, якъ по мосту, ib. 131. баба сказала дзѣвцы кросны ткаць ib.; нараяли мнѣ людзи пиць молоко и т. п.; мр. загадали козакам у поход iйти; загадали дiвкам Дунай-море плисти; также при звелiти, порадити, сказати, дати и пр.; зварити (кому) їсти, поставити (кому) обiдати..

Сюда же дат. съ неопр. при неопредѣленносубъектныхъ сказуемыхъ,
342 а равно и нѣкоторыя изъ выраженій, приводимыхъ Миклошичемъ (V. Gr. IV, 857) въ примѣръ неопредѣленнаго, служащаго дополненіемъ (ergänzung) не одного глагола, или одного имени, но всего предложенія, какъ *ἐπεξήγησις:* се поле сътворено бѣ конѥмъ тешти, equis ut currerent, Supr. 67, 7; сътворитъ ми хѫзинѫ сѣсти ми въ неи, ib. 150, 7; олтарь своѥму коню отълѫчи стаяти, ib. 157, 23: съготоваѥмъ ти ясти пасхѫ, parabimus tibi pascha, ut id edas, ib. 310, 28. Ср. русс. Володимеръ повелѣ исковати лжицѣ сребрены ясти дружинѣ, Лавр. 54 (123); Изяславъ же оттолѣ перешедъ за Тетеревъ, и ту съсѣде конемъ (дат.) опочивати; обѣдавше ту и конемъ упочивъ, поиде къ Въздвижденью Ип. 55 (287). Изъ послѣдняго примѣра видно, что дательный (конемъ) и безъ неопредѣленнаго н. можетъ стоять при опо-

чивати, что подтверждается и другими примѣрами: „и ту перепочивше конемъ своимъ (давши отдохнуть) и ѣхаша къ Боровому“, Ип. 140 (450); „ту же сташа на нощь опочивать собѣ“ (какъ выше „конемъ“) ib. 208 (580); поль. ujáchawszy milę, postoj koniom chwilę, Rysiński, Przypow.; już tam miał koniom wytchnąć i trud otrzeć z czoła hetman z wojskiem, 1690, Wójc. St. Bibl. I, 25; чеш. svými ludmi v město vnida, vojem dobře odpočini, Zb. Alexandreid, 52.

Въ новомъ яз. „купить себѣ гребешокъ чесаться“, „достань себѣ денегъ откупиться“ и т. п.

β) Относительно неопр. со 2-мъ дат. ср. —

Дасть имъ область чадомъ божиѥмъ быти, О. Ев. Іо. 1, 12.

Дай намъ Богъ за крестьяны и за русскую землю головы своѣ сложити и къ мученикомъ причтеномъ быти, Ип. 98.

Судящии же непослабиша тому такому быти (недопустили охолопить дитяти закупленной матери) но госпόдѣ ѥя повелѣша лихомѣ быти цѣны той, Срезн. Ск. о Бор. 78. Относительно принадлежности 1-го дат. тому къ послабиша ср. въ нынѣш. языкѣ послаблять, поблажать, потакать кому и чему, млр. потурати кому и чому.

Лѣпо бѣ и троудоу ихъ законьноу быти, *νόμιμον αὐτοῖς ἔδει καὶ τὸν ἀγῶνα γενέσθαι*, XI в. Будил. 38.

Оуне бо ѥсть члвкоу отъ истины пользоу приѥмлющтю възненавидѣноу быти, паче нежели отъ лицемѣрия врѣженоу възлюбленоу быти, Изб. 1076, 31.

Подоба вьсеѭ силоѭ без-блазна хранитиса чистомъ отъ нечистыихъ дѣлъ, Изб. 1073, 27.

Подобаѥть сыну человѣчьскоуоуму мъного пострадати и искоушеноу быти и оубиѥноу, О. Ев. Марк. 8, 31; Лук. 24, 7.

Бысть же оумрѣти нищоуоуму и несеноу быти анъгелы на лоно Авраамлѥ, ib. Лук. 16, 22.

Приключися ту быти прислану Володимеромъ Рюриковичемъ митрополиту Кирилу, Лавр. 190.

Се, брате, мира еси неулюбилъ, а намъ уже нельзѣ недоспѣшнымъ быти, Ип. 142.

Луче есть на своей землѣ костью лечи, нели на чужѣ славну быти (кому), Ип. 155; луце же бы потяту быти (кому), неже полонену быти, Сл. о П.

Въ болѣе новомъ влр. и лит. русск. яз.: и отъ своихъ трудовъ ве- 343
лѣлъ имъ сытымъ быть, О горѣ злоч.; (по смерти отца и брата) надо слыть да бѣдной дочери безотней, какъ печальной сестры да мнѣ безбратней, Барс. Причит. I 266; дай Богъ (мнѣ) живой убраться, Крыл.; хотѣлось бы остаться мнѣ одной, id.; пустыннику тому соскучилось

быть вѣчно одному, id.; затруднительно это дѣлать самому; невыносимо оставаться одинокимъ (тв. изъ дательнаго). Выраж. „сколь великой душѣ надобно быть въ государѣ, чтобъ стать на стезю истины“, Фонвиз., можетъ быть понято двояко, смотря по тому, считать ли великой за 2-й дат. (что согласно съ языкомъ Фонвизина), или за замѣнившій его творительный. Тоже въ слѣд.: „трудиться цѣлый вѣкъ, и чтожь имѣть въ виду? безвѣстной умереть со всѣми на ряду“, Крыл., т. е. имѣть въ виду (ей) умереть безвѣстной (-ою). Второй дат. существительныхъ, нынѣ въ русск. лит. невозможный, встрѣчается еще у Фонвиз.: „вижу напередъ, какому грамотѣю (2-й дат.) ему (1-й дат.) быть надобно, учася у Кутейкина, и какому математику (2-й дат.), учася у Цыфиркина“; „надобно быть (кому? человѣку, нѣкому) Скотинину (2-й дат.), чтобъ вкусить такую блаженную кончину“.

γ) Въ существенномъ отношеніе перваго дательнаго ко главному сказуемому неизмѣнится, если мы напр. вмѣсто „подобѣ ѥсть сыну пострадати“ поставимъ только одно безличное ѥсть (ѥсть сыну пострадати), которое въ позднѣйшемъ языкѣ можетъ быть и опущено. Этимъ обороту сообщается такой видъ, какъ будто дат. тяготѣетъ только къ одному неопредѣленному накл.—иллюзія, исчезающая, какъ скоро вмѣсто настоящаго врем. безличнаго глаг. понадобится поставить другое (тебѣ было быть.., лотыш. tew bija but..). Такимъ обр. сюдаже относятся примѣры, какъ:

Небыти нама (1-й дат.) живымъ отъ тебе, Лавр. 76; тоже бы („бы“ какъ союзъ) намъ (есть), все видяще предъ очима, лучьшимъ быти, мы же быхомъ пущьши, Новг. I, 47.

344 Въ болѣе новомъ языкѣ: быть тебѣ отъ невѣсты истравлену, еще быть тебѣ отъ тое жены удавлену, изъ злата-серебра быть убитому, О горѣ злоч.; быть тебѣ, травонька, посѣченой и буйны вѣтры быть тебѣ развѣяной, ib.; быть тебѣ, рыбонькѣ, у бережку уловленой, быть тебѣ да и съѣденой, ib.; кому въ этую дороженьку ѣхати, (тому) богату быть, а въ другую поѣхати — жонату быть, а во третію да ѣхати — убиту быть, Олон. был. Пам. и обр. I, 353.

Въ млр.: велів поганій буть погоді, Котл., т. е. звелів погоді бути поганою; ой якже мені веселому буть, веселому буть, одрадосному? Метл. 71; якже мені молодесенькій несидіти смутнесенькій, ib. 220.

Въ другихъ слав. нар. см. Mikl. V. Gr. IV, 140—1. Въ стар. чеш. при опредѣленно личныхъ (dopustil mu veselu byti) и безличныхъ гл. и сказуемыхъ jest, nesluší, nelze, není snadné и пр. — Hatt. Sr. mluvn. § 72, Zikm. Skl. 197, 651. Въ ст.-польскомъ: každemu z mąžow niedosyć jest harnosza być ubranu cudnoscią, acz obyczajmi i naukami niebandzie okraszon, XV в. Ks. Ust. 14; pakliby tej istej niewiescie dłužej živie być, nižli takemu manžu, przigodziłosią.. ib. Въ сербскомъ такъ до-нынѣ, съ

ограниченіемъ этого оборота обычною замѣною неопредѣленнаго накл. развитымъ предложеніемъ. См. Дан. Синт. I, 360—1.

Въ литовскомъ а) при личныхъ глаголахъ: nepawydėk jam liksmam but, букв. незазри ему быть веселу, т. е. незавидуй, что онъ веселъ; duk mums naują metą sweikėms sulaukti, букв. дай намъ новый годъ здоровымъ со(=до)ждать, Schl. Lit. Gr. 266—7, гдѣ невѣрно мнѣніе, что дат. sweikėms стоитъ вмѣсто именит. sweiki (тогда какъ, напротивъ, именит. былъ бы неумѣстенъ при дат. mums) и что будто творит. swaikais былъ бы здѣсь стариннымъ оборотомъ сравнительно съ датель., а не на-оборотъ; б) при безличныхъ сказуемыхъ: geraus taw yra 345
lószam (ó=ů) įeiti į gywatą, nekaip... (=млр. ніж як..) и пр. Марк. 9, 43, 45; nůsipirka drebužiu, kad nereiktu suskurusėms eit, Schl. Les. 213, купили себѣ одежи, чтобъ ненужно было (имъ) ходить ободраннымъ; послѣ pareitis, слѣдуетъ, приходится (Schl. Gr. l. c.) и др.

Тожé въ лотыш.: lai dīws jums palidz weselīm tapt, пусть Богъ вамъ поможетъ здоровымъ стать; tew bija paklausigam but, тебѣ было послушну быть, и пр. Biel. Lett. gr. § 581, гдѣ слѣдовало бы исправить мнѣніе, что здѣсь второй дательный аналогиченъ съ лит. и слав. творительнымъ, а не равенъ такому же дательному. Этотъ послѣдній въ лит. и слав. замѣненъ отчасти творительнымъ, а въ лотыш. остался.

Б. а) При главномъ сказуемомъ, допускающемъ дополненіе въ дательномъ, стоитъ первый дательный съ неопредѣленнымъ, но нѣсколько въ иномъ смыслѣ, чѣмъ если-бы онъ стоялъ безъ неопредѣленнаго. Напр. „повелѣ събору быти“ (Mikl. V. Gr. IV, 619) значитъ не „повелѣлъ (обращаясь къ) собору, чтобы онъ былъ“ (въ томъ смыслѣ какъ мы говоримъ: приказалъ такому то быть у себя), а повелѣлъ, чтобы соборъ былъ, состоялся; но и здѣсь дат., „събору“, небудучи уже не- 346
посредственнымъ предметомъ, къ которому представляется направленнымъ дѣйствіе „повелѣ“, означаетъ все таки предметъ, къ коему идетъ дѣйствіе черезъ посредство другихъ предметовъ: онъ повелѣлъ, хотя и не самому собору, коего еще небыло, но лицамъ, черезъ коихъ это повелѣніе дошло до собора. Въ „повелѣ книгамъ написати се и посланомь быти“, XV в. Mikl. l. c. въ основаніи значенія jussit litteras scribi,.. чтобы письма были написаны, лежитъ представленіе, что повелѣніе обращено ко книгамъ: книги! будьте написаны. Почти то-же въ „неплодви ли невѣруеши родити, *τὴν στεῖραν ἀπιστεῖς γεννῆσαι*, XIII в. Mikl. ib.; въ основаніи — представленіе „вѣровать кому“, а за-тѣмъ — вѣровать, что нѣкто сдѣлаетъ, — что неплодная можетъ родить. „Рѣхъ прѣмѫдрости моѥи сестрѣ быти, *εἶπον τὴν σοφίαν ἐμὴν ἀδελφὴν εἶναι*, XI в. Будил. 38; сей смокви съказателѥ рѣшѧ о жидовьстѣ съборѣ приложенѣ быти, Supr. 255. Эти обороты допускаютъ двоякое пониманіе: собственное, думаю—болѣе древнее, образное „я сказалъ премудрости,

т. е. обращаясь къ ней, какъ лицу, что она мнѣ сестра", „сказали смоковницѣ (т. е. притчѣ о ней), что она примѣнена къ.." и позднѣйшее, переносное: „сказалъ, что премудрость"..., „сказали, что притча о смоковницѣ...". При первомъ пониманіи дат. съ неопр. есть оборотъ столь же зависимый, какъ въ „приказалъ мнѣ прійти"; при второмъ онъ обособляется въ придаточное предложеніе. По поводу „недобро ѥсть многомъ Богомъ быти", Супр., non convenit multos esse deos, Миклошичь замѣчаетъ: „было бы извращеніемъ смысла связывать дат. съ „добро", потому что это значило бы „es wäre für viele götter nicht gut zu sein". Конечно такъ; только то значеніе дательнаго, какое находимъ здѣсь, предполагаетъ безразличіе и за-тѣмъ колебаніе между дательнымъ, непосредственно примыкающимъ къ ѥсть, и дат. независимымъ отъ него. Подобно этому, по моему мнѣнію, винит. съ неопр. и съ причастіемъ, независимый отъ глагола, возникъ изъ зависимаго черезъ посредство неясности различія между непосредственнымъ и посредственнымъ предметомъ воспріятія.

б) За-тѣмъ уже 1-й дат. съ неопр. лишается отпечатка своего происхожденія, отодвигаясь отъ глагола, къ которому дат. могъ бы быть дополненіемъ (на пр. аште ли кто ѥште выпрѣкы глаголѥтъ и пьрить сѧ, глаголѧ, жидовьстѣ съборѣ приложенѣ быти смокви, вѣштаи..." Supr. 256), появляясь и при глаголахъ, которые сами по себѣ вовсе недопускаютъ дательнаго: увѣдѣшѧ нѣкоѥму отъшьльцу быти на мѣстѣ томь, cognoverunt eremitam quemdam esse in eo loco, Supr.; мьнѭ, явѣ быти глаголѥмоуоумоу, Supr. 304; и немните, яко Евзѣ, прельститися вамъ, Кир. Тур. Калайд. 14 (что вы, какъ Ева, будете прельщены); прѣдаи хотѣниѥ Богоу.. и непроси, воли твоѥи быти, Изб. 1076, 50 (чтобы была); Иоулияни.. обѣштасѧ пожрьти богомъ и быти ѥи женѣ ми и госпожди цѣсарствоу моѥмоу, Supr. 1; толико множьство штедротъ показа о мьнѣ господь, яко же аггела своѥго посьлати къ мьнѣ, быти ѥмоу съ мноѭ въ инѫ, Supr. 93 и пр. (См. Mikl. Gr. IV, 619—20).
347 Такіе примѣры встрѣчаются и въ стар. русской письменности („князь Домонтъ нестерпѣ обидимѣ быти землѣ", Пск. I, 182; то се со мною цѣловалъ крестъ, ходити нама по одиной думѣ обѣма, Лавр. 207 (458), и за тѣмъ съ союзомъ: „цѣловали бо бяху хрестъ честьныи къ Мьстиславу, яко всѣмъ одинакымъ быти, Новг. I, 34); но въ позднѣйшемъ языкѣ они исчезаютъ безслѣдно, согласно съ исчезновеніемъ оборотовъ „увѣдаша князя идуча"=что к. идетъ.

Въ примѣрахъ, какъ „увѣдѣшѧ нѣкоѥму быти" заключено указаніе на возможность случаевъ, когда оборотъ „дат. съ неопредѣл.", ставши независимымъ отъ дополненія главнаго сказуемаго, получаетъ возможность присоединяться къ сказуемому, дополняемому винительнымъ („увѣдашѧ (то): ѥму быти..") и т. о. отклоняется отъ начала согласованія:

сего Дия (attractio, вм. сь Дии), ѥго-же мѣниши Богоу быти (т. е. ѥму=что онъ Богъ), чловѣкъ бѣ, Supr. 5;

а Христосъ вашъ, ѥго же глаголѥте крьстияни быти Богоу небесьскоуоуму, не отъ жены ли родиса? ib. 6;

исповѣждь мѧ прѣдъ нимь быти ми рабоу твоѥмоу, ib. 77;

нарече тѧ господь патриархоу (ти) быти свѧтѣи црькви своѥи и быти ти прѣимьникоу и намѣстьникоу връховьняго апостола Петра, ib. 92;

мнози же моляхоу и прити ѥмоу въ домы ихъ, ib. 151;

обнажишѧ мечѧ и, простръше нань своѩ рѫкы, нѫждахѫ и принести ѥмоу (чтобы онъ принесъ) имѣниѥ ib. 28;

пооучивъ ѩ словесы многы тврьдомъ и непозыбномъ (имъ) прѣбывати на камени вѣры господьнѧ, ib. 152;

хощу же васъ безпечальномъ быти, I, Коринѳ. 7, 32, Остр. библ. у Добров. III, § 52;

Господь мои.. сподоби мя съобщнику (ми) быти славы святыхъ твоихъ, жит. Ѳеод., Уч. Зап. II, 2, 190.

Нѣмцы просили его величество (вин.) быть увѣрену, что...; присудилъ его быть посаженому на колъ, Пушк. Бусл. Гр. § 244, 3, пр. 3.

Такіе же случаи и въ лотышскомъ: lái Dìws jûs (вин.) stiprina bezwainigîm (дат.) but un palikt, пусть Богъ васъ укрѣпитъ безвиннымъ (дат. мн.) быть и остаться, Bielenst. Lett. Gr. § 581. Ср. въ сербскомъ случаи, когда при главномъ сказуемомъ съ наличнымъ или подразумѣваемымъ дательнымъ стоитъ неопредѣленное не съ дательнымъ же (что составляетъ правило: боље је (кому?) и рањену (бити) него убијену) и не съ замѣнившимъ 2-й дательный творительнымъ („тешко се кадијом назвати, а онда доста меда", какъ и въ русс.), а съ именительнымъ, что въ русс. безпримѣрно: боље је бити господар од пања, него слуга у Нови; боље је бити пијевац један дан, него кокош мјесец; „боље је рањен (бити) него убијен, Кар. Посл. 22—3. Отчасти сходно съ этимъ въ новонѣм. неопред. со 2-мъ именительнымъ, отнесенное къ винительному дополненія главнаго сказуемаго: ich bat ihn der erste und der letzte auf dem platze zu sein. Въ гот. и др. нѣм. здѣсь стоялъ бы 2-й винительный (Grimm, Gr. IV, 123). Другого рода несогласованіе является въ чешск. въ случаяхъ, когда 2-й дат. един. ч. при неопредѣленномъ остается неизмѣннымъ, въ какомъ бы родѣ и числѣ ни стоялъ первый дательный: nám náleží vděčnu býti, Zikm. Skl. 652; Hatt. Sr. Ml. 94. Это приближеніе имени или причастія къ нарѣчію. Ср. „безвѣстно (вмѣсто безвѣстну, безвѣстной, безвѣстнымъ или, съ замѣною дательнаго творительнымъ, безвѣстнымъ, безвѣстною, безвѣстными) умереть", „лишь бы счастливо добраться" и т. п.

Какъ въ греч. и лат. винит. съ неопр., разорвавши связь со сказуемымъ, отъ коего нѣкогда зависѣлъ винит., можетъ быть видвинутъ на

мѣсто подлежащаго (*βασιλέα εἶναι καλόν ἐστιν*, regem esse pulchrum est.); такъ въ слав. дат. съ неопр.: сначала—„хорошо (есть кому либо) быть царемъ (вм. дат.)"; потомъ—„быть (кому либо) царемъ—хорошо". „Замужъ выйти (кому либо)—горе мыкать"; „видѣть (кому) во снѣ жемчугъ значитъ слезы (v.—къ слезамъ); „быть биту во снѣ значитъ пить (v.—къ попойкѣ); „садиться (кому?) негодится и стоять (кому?) нехорошо, Шейнъ, Р. н. п. 486. Самостоятельность, т. е. предикативность такого неопредѣленнаго явствуетъ изъ того, что второе предложеніе можетъ имѣть свое подлежащее, напр. мр. „з вами (мені) разлучитися, се (=вр. это) смерть моя", Квитка.

Незнаю, заслуживаетъ ли вышеприведенное объясненіе перваго дательнаго мнѣнія, что оно можетъ удаться только „mit etwas list und gewalt; und die sprache schreit nicht, wie das kind in Erlkönigs armen", Mikl. V. Gr. IV, 621.

Гриммъ, указавши на то, что дат. съ неопр. встрѣчается послѣ безличнаго varth (=бысть, *ἐγένετο*) въ готскомъ (рядомъ съ асс. cum inf.) и болѣе ни въ какомъ изъ герм. нар., говоритъ: „дат. въ varth than gasviltan thamma unlêdin, бысть же оумрѣти нищоуоуму, Лук. 16, 22, неотносится къ varth въ томъ смыслѣ, какъ онъ относится къ безличному сказуемому въ „es begegnete ihm, dass.., ибо въ противномъ случаѣ дат. непосредственно стоялъ бы при varth" (Gram. IV, 115); но я думаю, выраженія „бысть умрѣти нищууму" и бысть нищууму умрѣти" и въ гот. и въ слав. одинаковы по отношенію къ дательному. Въ самомъ готскомъ первый дательный можетъ быть и отдѣленъ отъ неопредѣленнаго, какъ въ „gôth thus ist hanfamma (2-й дат.) in libáin galeithan, tháu tvans handuns habandin (2-й дат.) galeithan in gaíeínnan; gôth thus ist galeithan in libáin haltamma (2-й дат.), tháu tvans fôtuns habandin (2-й д.) gaváirpan in fôn = добрѣе ти ѥсть бѣдьникоу въ животъ вънити, нѥже обѣ ржцѣ имѫщу вънити въ геенѫ; добрѣѥ ти ѥсть вънити въ животъ хромоу, нѥже двѣ нозѣ имѫщу въвьрженоу быти въ огнь, Марк. 9, 43, 45 (Ср. Grimm Gr. 124. Mikl. Ueb. den Acc. cum inf. 500).

Миклошичь (l. c. 490) полагаетъ, что причина перваго винительнаго
348 и дательнаго при неопредѣленномъ должна заключаться въ этомъ послѣднемъ и что неопр. н. только потому можетъ требовать обозначенія своего субъекта косвеннымъ падежемъ, что оно по своему происхожденію есть имя, что въ этой косвенности падежа подлежащаго—единственное отличіе неопредѣленнаго н. отъ личнаго глагола" [1]). Объ-

---

[1]) Это доказательство для меня неясно, такъ какъ происхожденіе слав. неопр. отъ косвеннаго п. должно бы, по-видимому, требовать обозначенія подлежащаго неопредѣленнаго въ томъ-же одномъ падежѣ; между тѣмъ мы видимъ, что указаніе на подлежащее неопр. можетъ быть дано не только винительнымъ, дательнымъ, но и именительнымъ.

ясненіе ст.-сл. и гот. дательнаго съ неопредѣленнымъ изъ дательнаго, служащаго дополненіемъ главному сказуемому, оказывается, по его мнѣнію, призрачнымъ, „какъ скоро сравнимъ ст.-сл. dat. cum inf. съ тѣмъ явленіемъ того-же языка, что и такъ называемыя отвлеченныя глагольныя имена (verbalnomina), то есть имена, образованныя отъ прич. прош. страд. посредствомъ суф. иѥ, точно такъ, какъ неопр. н., принимаютъ субъектъ въ дательномъ, который здѣсь неможетъ зависѣть отъ предшествующаго глагола. Отсюда видно, что вообще имена, стоящія въ болѣе близкой связи съ глаголомъ, къ коимъ въ формальномъ отношеніи принадлежитъ и неопр. н., въ ст.-сл. могутъ имѣть при себѣ субъектъ въ дательномъ. Въ этихъ именахъ, равно какъ и въ неопр. н., дѣйствіе представлялось отнюдь не абстрактно, но такъ, что при немъ мыслился нѣкто его совершающій“ (Ueb. den acc. cum inf. 493—4). Слѣдуютъ примѣры, которые см. и въ его-же V. Gr. IV, 620: прѣжде пришьствия Христосу; по приѩтии ми отъ Бога великый даръ; по остатии ѥму сиру и пр.

Съ своей стороны, я думаю, что это доказательство далеко не рѣшительно. Дат. въ „отъшьствиѥ Савѣ“ („по отъшьствии житию Кирь 349
Савѣ“, ib.) принадлежитъ къ дательнымъ принадлежности, о которыхъ см. Mikl. V. Gr. IV, 605 слѣд.; Будил. Изсл. 36. Конечно, между значеніемъ объекта въ дательномъ „създатель небу“ и дательнымъ въ „отъшьствиѥ ми“ чувствуется разница; но она неусловлена значеніемъ самого дательнаго, а вытекаетъ изъ значенія имени, при коемъ стоитъ этотъ падежъ. Такъ-какъ въ сущ. конкретныхъ субстанція представляется реальною, то дательный при нихъ можетъ имѣть только значеніе другого, посторонняго предмета, къ которому первый находится въ извѣстномъ отношеніи. Но въ сущ. отвлеченныхъ, каковы впрочемъ не одни только на -ниѥ, тиѥ, субстанція представляется менѣе или болѣе фиктивною, и смотря по этому тотъ-же дат. принадлежности при нихъ даетъ или значеніе чистаго объекта (създанниѥ миру“ какъ „създатель миру“), или, такъ сказать, объекта-субъекта, т. е. такого объекта, коему представлено принадлежащимъ дѣйствіе, имѣющее явнофиктивную субстанціяльность: восходъ солнцу (когда солнце восходитъ); стар. отъшьствиѥ ми (когда я ухожу). Теперь спрашивается: изъ того, что въ „восходъ солнцу“ дательный тяготѣетъ къ одному существительному, можно ли заключать къ тому, что въ „бысть нищууму умрѣти“, „нищему случилось умереть“ дательный нетяготѣетъ ко глаголу, а только къ одному неопредѣленному? Такъ можно бы думать только въ томъ случаѣ, если-бы такой дательный немогъ стоять при одномъ глаголѣ, безъ неопредѣленнаго.

Съ попыткою изъ именного характера инфинитива объяснить дательный дѣйствующаго предмета въ „мнѣ (есть) быти“ отчасти сходна

другая: изъ первоначальнаго дательнаго п. инфинитива объяснить стоящій при немъ дательный цѣли въ литовскомъ:

„Употребленіе дательнаго п. вм. винительнаго при неокончательномъ
350 накл.: „аш тав дýсіу шилку скускяля ашарелей нушлýстит“, я тебѣ дамъ шолковый платочекъ слезѣ (т. е. слезу) вытереть; „неприсамдиси сункём дарбялём дирбтё“, ты ненаймешь (работника) труднымъ работушкамъ работать; „некожна бурна путрај сребтё“, не каждый ротъ брагѣ (т. е. брагу) пить; „менкас вирас ругёмс кирст“, слабый человѣкъ (чтобъ) ржи (дат.) косить; „саусас мядис лајвуј дарнт“, сухое дерево челноку (т. е. челнокъ) дѣлать; „бачка алуј пилт“, бочка пиву вливать; „вёдрас ванденюј няшт“, ведро водѣ (=у) носить. Во всѣхъ этихъ примѣрахъ дат. стоитъ только при инфинитивѣ, и никакъ нельзя сказать напр. дарбялём дирбо, или ругёмс кирто. Слѣдовательно въ инфинитивѣ слѣдуетъ искать и объясненія подобнымъ оборотамъ. Объясненіе можетъ быть только то, что въ инфинитивѣ еще чувствуется его происхожденіе, дательный п. отглагольныхъ именъ съ суф. -ти“. Аналогично съ этимъ „то свойство ведійскихъ инфинитивовъ, которое Бенфей (Kurze Sanskr. Gr. 237) называетъ аттракціей. Такъ вм. Vrtram hantave (inf.) Вритру убить, въ Вѣдахъ—Vrtraya hantave Вритрѣ убить“. Возстановляя значеніе дательнаго для инфинитива во всѣхъ вышеприведенныхъ примѣрахъ, находимъ объясненіе и дательнаго дополненія. Напр. „ашарелеј нушлýститё“ значитъ собств. (платочекъ) слезинкѣ для (ея) утиранія (В. Миллеръ, Моск. унив. изв. 1872, IV, 529—30). Мнѣніе, что дат. объекта при неопредѣленномъ возникъ въ силу уподобленія (аттракціи) дательному неопредѣленнаго высказывалось и раньше, и позже, многими учеными. Такъ, относительно литовскаго, Шлейхеръ говоритъ, что въ „некýжна бурна путрај срéбтё“ вм. дательнаго „путрај“ долженъ бы стоять винит., зависимый отъ „срёбтё“, а оно само должно бы стоять (т. е. стояло нѣкогда) въ дательномъ: „невсякій ротъ хлебанью кашу“ (т. е. невсякому рту кашу ѣсть (Lit. Gr. 311). О томъ же случаѣ и примѣрѣ Миклошичь: „дат., стоящій вм. винит., объясняется (wol nur) уподобленіемъ слѣдующему неопредѣленному и говоритъ въ пользу того, что неопр. н. пошло отъ дательнаго (V. Gr. IV, 844). Тоже относительно древ. инд. Jolly, Gesch. des infinitivs 263; Шерцль. Синт. др. инд. яз. 168.

Мнѣ положеніе вопроса о дат. съ неопр. представляется въ такомъ видѣ:

Оба слѣдующіе типа дательнаго съ неопр. находятъ соотвѣтствіе уже въ языкѣ Вѣдъ и т. о. восходятъ ко глубокой древности.

а) Дательный указываетъ на субъектъ неопредѣленнаго: русс. „искова лъжицѣ ясти дружинѣ“, лит. asz daviáu tav máno suną nuszáut, я далъ (поручилъ) тебѣ своего сына застрѣлить (Schl. Gr.); инд. пунйтана сôмам Индрâја пâтавê, очищайте сому Индрѣ пить (Шерцль, Синт.

др.-инд. яз. I, 169). Сходно съ этимъ построеніе двухъ аблятивовъ: имени дѣйствія и его субъекта, въ зависимости отъ глагола бояться (одного изъ тѣхъ, которые и въ славян. требуютъ родительнаго): Индрасја ваджрâд абибhêд абhиçнатhаh, Индры отъ громовой стрѣлы боялась (Ушас, заря) отъ пронзенія, т. боялась, что ее пронзитъ перунъ Индры (Шерцль ib. 170).

б) Дат. указываетъ на объектъ неопредѣленнаго: ст.-русс. „налѣзе мастеры.. иныхъ олову льяти, иныхъ крыти, иныхъ извистью бѣлити" Лавр. 173 (390); „а вы плотници суще (=т. к. вы плотники), а приставимъ вы хоромомъ рубити нашимъ" ib. 61 (138). Ст. чеш. panči je provazóm plesti; uč mě mazancóm jesti (ср. учити чему); kupichu jedno pole pútnikóm hřiésti, т. е. для погребенія иностранцевъ (Mikl. Gr. стр. XII, дополн. къ 844). Лит. аш тав дусю шилку скускяля ашарелей нушлустит" я тебѣ дамъ шолковый платочекъ слезѣ (т. е. слезу) утереть и т. п.; др. инд. пибâ Вртрâја hантавê, пей Вритрѣ убіенію (т. е. чтобы Вритру убить), Шерцль l. с. 169—170.

Въ случаѣ б) принимаютъ, какъ упомянуто, дат. какъ „Вртрâја" за слѣдствіе аттракціи со стороны дятельнаго „hантавê", что было бы возможно лишь до тѣхъ поръ, пока доинфинитивное слово чувствовалось, какъ имя дѣйствія въ дательномъ, и невозможно, когда это слово стало, какъ въ лит. и слав., безпадежнымъ, чисто-глагольнымъ инфинитивомъ. Т. о. тому отдаленному времени, когда доинфинитивное слово было существительнымъ въ дат. (льяти=литью, т. е. для литья), приписывается замѣна подчиненія другъ другу различныхъ падежей (льяти олово) соподчиненіемъ падежей одинаковыхъ (мастеръ олову льяти). Такое предположеніе, идущее противъ замѣченнаго теченія языка отъ соподчиненія, паратактичности, къ подчиненію, излишне. Когда можно было сказать въ др. инд. чакшур дрçајê, око зрѣнію (т. е. для зрѣнія, чтобы видѣть), въ лит. baczka pilt, въ смыслѣ „бочка для наполненія [какъ и нынѣ говорится rugei sėklai, рожь посѣву, т. е. на сѣйбу, для посѣва]; тогда, по всей вѣроятности, столь же можно было сказать и въ др. инд. чакшур сурјâја, око солнцу, т. е. для (видѣнія) солнца, лит. baczka ałui, бочка пиву, т. е. для пива [въ родѣ того какъ познѣе въ чеш. boty do bláta, поль. szczotka do bótów (сапожная), do ludzi człowiek (ludzki), мр. (жона) „не до любови, не до розмови, не до серденька мого"]. Изъ сложенія этихъ выраженій возникли: др.-инд. чакшур dрçајê сурјâја (Шерцль l. с.), око для зрѣнія для солнца (=чтобъ видѣть с.), boczka ałui pilt и т. п. Оба дательные, и оставшійся въ литов., др. русс., и превратившійся въ инфинитивъ, равномѣрно тяготѣютъ къ своему дополняемому, будетъ ли оно именемъ или глаголомъ. Поэтому немудрено, что (какъ замѣчаетъ Вс. Миллеръ въ доказательство тяготѣнія дательнаго только къ инфинитиву) нельзя сказать „дарбялêм дирбо" работамъ работалъ, а можно только

„присамдиси дарбялём дирбти". Замѣняя болѣе древній дат. (какъ въ стар. русс. „другія (люди) работѣ предасть мужемъ своимъ, Лавр. 25; „Ятвязи.. обѣщавахуся работѣ быти ему и городы рубити въ землѣ своей, Ип. 194) позднѣйшимъ „до роботы" (какъ „стати до помочи), можно бы передать эффектъ литов. выраженія малорусскимъ „наймеш (v. невсяк здатен, добрий, дужий) до роботи робити (ії, т. е. работу), въ коемъ не замѣна дательнаго стоитъ вм. винит. при неопредѣленномъ, а это послѣднее вовсе неимѣетъ дополненія.

Разница между дательными въ выраженіяхъ типа б) (мастеръ олову льяти) и типа а) (лъжицѣ ясти дружинѣ) явствуетъ только изъ контекста. Выраженіе а) тоже первоначально значило: ложки для ѣды для дружины, т. е. оба дательные, и дѣйствія, и лица, представлялись одинаково субстанціяльными, вещественными, и равномѣрно соподчиненными своему дополняемому. Отъ дѣйствительной субстанціяльности имени дѣйствія языкъ идетъ къ его мнимой субстанціяльности („для ѣды (мнимая субстанція) дружины) и его глагольности (ѣсть дружинѣ, чтобъ ѣла дружина). Подобнымъ образомъ въ мр. пѣснѣ:

Терла-б я лавки, щоб були гладкі..
Все для свекрухи та для старенькоï,
Та для приïздоньку ïï (Метл. 126),

= для свекрови *и* ея пріѣзду (свекровь и ея пріѣздъ—равновещественны), т. е. (что позднѣе) ради пріѣзда свекрови.

Отъ первоначальнаго сходства выраженія типовъ а) и б) переходятъ къ различію, состоящему въ томъ, что только изъ а), заключающихъ въ себѣ указаніе на субъектъ, развиваются относительно самостоятельныя второстепенныя придаточныя предложенія, аналогичныя съ лат. греч. accus. c. inf.

Нѣкоторые частные случаи дат. съ неопредѣленнымъ разсмотрѣны ниже под. 12, 13.

---

352 12. Неопредѣленное съ явнымъ или подразумѣваемымъ дательнымъ при безличномъ сказуемомъ „есть" и пр. По словамъ Буслаева, „означая необходимость или возможность" (стало быть, имѣя наклоненіе въ собственномъ смыслѣ слова), „неопредѣленное н. употребляется, какъ сказуемое безличное, при которомъ подразумѣвается льзя, нельзя, должно. Ставится оно во всѣхъ трехъ временахъ съ явнымъ или подразумѣваемымъ глаголомъ" (Гр. § 196) Но, во-первыхъ, несомнѣнно, что подразумѣваемое льзя и пр. есть фикція, служащая для объясненія модальности разсматриваемаго оборота, но неподтверждаемая исторіей языка. Во-вторыхъ, принявши за исходную точку оборота „ему ѣхать" сочетаніе „ѥму ѥсть (бѣ, было ѥсть и пр.) ѣхати", мы видимъ, что безличенъ здѣсь глаголъ, а не неопредѣлен-

ное н. (подлежащее коего здѣсь такъ-же явственно, какъ и въ „приказалъ ему ѣхать“), и что время здѣсь принадлежитъ тоже глаголу, а 353
не неопредѣленному, которое само по себѣ въ славянскомъ и литовско-лотышскомъ временъ неимѣетъ. Согласно съ этимъ дальше Б. ограничиваетъ свое положеніе тѣмъ, что „собственно говоря въ этомъ случаѣ („ему ѣхать“) неопред. н. есть только дополненіе къ безличному глаголу, точно такъ, какъ въ „могу дѣлать“, „можно дѣлать“ (ib. 200, 4). Мы, переводя это на свою терминологію, скажемъ съ нѣкоторыми поправками: а) неопр. накл. здѣсь, какъ вообще, бываетъ только второстепеннымъ сказуемымъ, получающимъ модальные и личные оттѣнки лишь отъ слова, при коемъ стоитъ, или по крайней мѣрѣ не безъ его помощи; б) неопр. н. въ „мнѣ ѣхать“ должно быть разсматриваемо въ ряду другихъ оборотовъ съ безличнымъ сказуемымъ, которые были съ нимъ совершенно однородны.

Таковы въ славянскомъ и литовско-лотышскомъ слѣдующіе:

Ст.-сл. довълѣѥть (ми быти), довольно, достаточно, лит. ganà yr, лот. ir gan; достоить, недостоить, достоино ѥсть, лит. man tínka, man pûlasi (пол. wypada, nieprzypada), man nepareitis (неприходится), лот. pîderas, klâjás, nepîklâjâs, слѣдуетъ, неслѣдуетъ; подобаѥть (мр. не-подóба, не-подобонька), лит. man reik (мнѣ нужно необходимо, слѣдуетъ), лот. man wájaga (прош. wajadzéja), nâkas, pînakas; львѣ ѥсть; лѣть ѥсть; удобѣе ѥсть; унѥ ѥсть (лучше). Въ новомъ яз.: хочется (лот. man gribâs) желается (желательно), жаль (лот. man ir žel), случается, приключается, доводится, приходится, пригожается, бываетъ, будетъ (въ зн. довольно), годится, придается, стóитъ, нужно, можно, должно, диво, недиво (сдѣлать то-то), нечудо („когда перенимать съ умомъ, тогда нечудо и пользу отъ того сыскать“ Крыл.), мнѣ воля, неволя (лит. man newale, лот. ir walia), мр. шкóда и шкодá. Относительно оборотовъ съ существительными слѣдуетъ замѣтить, что ихъ именитель- 354
ные („неволя“) суть теперь уже не подлежащія, а предикативые атрибуты, и что они въ той-же мѣрѣ безличны, какъ нѣм. „es ist schade“. Неможетъ быть сомнѣнія, что обороты съ глаголами, напр. „довлѣѥть ученику быти яко учитель“ слѣдуетъ понимать не такъ, что неопр. н.—подлежащее („бытіе довлѣетъ“), а такъ, что въ главномъ сказуемомъ подлежащее неопредѣлено (оно, неизвѣстно что, довлѣетъ), а во второстепенномъ опредѣлено дательнымъ, что явствуетъ изъ „довлѣѥть оученикоу да бѫдеть (=быти) яко оучитель и рабоу да бѫдеть яко господь ѥго“, О. Ев. Мат. 10, 25.

Къ числу безличныхъ сказуемыхъ, которыя немогутъ так. обр. сочетаться съ неопредѣленнымъ, принадлежатъ глаголы восприятія. Хотя можно сказать напр. „мнѣ хочется быть здоровымъ“, но нельзя сказать

„мнѣ кажется быть здоровымъ (т. е. что я здоровъ), мнѣ видится (чуется, чудится) болѣть“, „мнѣ снится (грезится, мерещится) летѣть“.

Напротивъ, особенно обычны сочетанія съ неопредѣленнымъ безличныхъ ѥс-, бы-, бѫде-, причемъ чѣмъ болѣе конкретно значеніе этихъ формъ, тѣмъ менѣе тѣсна связь ихъ съ неопредѣленнымъ.

а) Аще бѫдеть обрѣсти ѭ (овьцѫ), О. ев., Мат. 18, 13, *ἐὰν γένηται εὑρεῖν*, si acciderit ut inveniat, серб. ако се догоди да je нађе, если случится. Въ ст.-русск. аще ли вы будеть (=случится) крестъ цѣловати къ братьи или къ кому, а ли (то лишь) управивше сердце свое, на немъ же можете устояти, тоже цѣлуйте, Лавр. 102; онъ поидеть передъ тобою ко Руси, а тобѣ будеть (прійдется), оставяче своѣ пѣшьцѣ, поѣхати же по немъ, Ип. 60; оже ны будеть небившися возворотитися, то соромъ ны будеть пущей смерти, Ип. 130; далече есмь гонилъ по Половцихъ, а кони мои немогуть (=устали); аже ми будеть нынѣ поѣхати, то толико ми будеть на дорозѣ остати, ib.

355 Въ влр. народ. поэзіи и просторѣчіи это сочетаніе очень обыкновенное, и значеніе будеть то-же что выше: потерять будетъ головы напрасныя! а и какъ намъ будетъ стѣна пройти, Др.-рус. ст. 51; нестрѣляй меня ты черна ворона: моей крови тебѣ непить будетъ, моего мяса неѣсть будетъ, надо мною сердце неизнести, ib. 208; я сама дѣвица знаю-вѣдаю: расплетать будетъ мою русу косу тремъ татаринамъ наѣздникамъ, ib. 29; а идтить намь, братцы, дорога неближняя, идти будетъ ко городу Іерусалиму, ib. 226; гдѣ лежитъ пуста голова молодецкая, и лежать будетъ головѣ Васильевой, ib. 170; вдоль скакать по камелю,—сложить будетъ буйну голову, ib. 171. Какъ ни крыться, а будетъ повиниться; какъ ни жаться, а будетъ признаться; ѣшьте, дороги гости, все одно будетъ собакамъ выкинуть, Даль, Посл.

Въ млр. буде съ неопр., кажется, встрѣчается только въ такомъ знач., какъ „буде вже jісти! (будетъ! довольно) и какъ „буде знати“, „небуде чути“ es wird nicht zu hören sein, а впрочемъ замѣняется посредствомъ „доведется“ „прійдется“, „треба буде“. Въ пол. będzie widać, będzie znać, и немногіе др. Въ чеш. bude viděti (будетъ видно), Zikm. Skl. 653.

б) Насытишиса цѣсарьства, ѥго же бѫди вьсѣмъ намъ получити.. благодѣтиѭ г-а нашего І-са Х-а, Supr. 284. Буди (имъ, убитымъ), Господи, въ ономь вѣцѣ стати со всѣми угодившими ти отъ вѣка, Новг. I; неизреченьную радость, юже буди улучити всѣмъ хрестьяномъ, Лавр. 57 (129); небуди мнѣ възняти рукы на брата своего старѣйшаго, Лавр. ib.; а небуди ему отъ Бога мира узрѣти на ономъ свѣтѣ души его, ib. 106 (245); мнѣ ни о чемъ же буди хвалитися, токмо о крестѣ Христовѣ, ib. 186 (417). Въ новомъ яз., по-видимому, невстрѣчается. Степень вещественности глагола та-же, что и выше: пусть доведется, пусть случится.., млр. „бодай би мени недовелось..“.

в) Аще поѣхати будяше (если бывало нужно.., или случалось?) Обрину, недадяше въпрячи коня, ни вола, но веляше въпрячи 3-ли, 4-ли 5-ли женъ въ телѣгу, Лавр. 5.

г) Мьножьство.. яко же небѣаше вьмѣстити сѧ народоу, Supr. 82. Когда бяше брани быти на поганыя (когда имѣла быть б., предстояло быть брани), тогда ся начаша бити межи собою, Новг. I, 37; уже бяше (слѣдовало, нужно было) Божию гнѣву непротивитися, ib. 51; сими словесы, пославше, бяше переди, братъ, ко мнѣ, варити мене, поуч. Мон. Лавр. [2] 244; бяше тебѣ, узрѣвше кровь его.. и рещи бяше.. „увы мнѣ!," ib.; а къ Богу бяше покаятися, а ко мнѣ бяше грамоту утѣше(=ь)ную, а сноху мою послати ко мнѣ, ib.; тако стояху межи собою, ако оже Изяславлимъ сторожемъ зрѣти бяшеть (можно было) на Галичьскіи огнѣ, а Галичьскимъ сторожемъ зрѣти бяше на Изяславли огни, Ип. 55; бѣ бо исхитрилъ Изяславъ лодьи дивно: бѣша бо въ нихъ гребци невидимо, токмо весла видити, а человѣкъ бяшеть невидити, Ип. 59. 356

д) Данилови же и Васильковѣ съѣхати бѣ (предстояло, нужно было) со высокихъ горъ, Ип. 172; отнюдуже небѣ (нельзя было) начаятися (ожидать), оттуду же въсия намъ дьньница пресвѣтла, Жит. Өеод.

е) Бысть *(ἐγένετο)* оумрѣти нищоуоуму, О. Ев., Лук. 16, 22; бысть родителема блаженнаго преселитися въ инъ градъ, Курьскъ нарицаемый, Жит. Өеод. (случилось); Өеофанъ же усрѣте я (Русь) въ лядехъ (въ олядѣхъ) со огнемъ и пущати нача трубами огнь на лодьѣ рускія, и бысть видѣти (war zu sehen) страшно чюдо, Лавр. 19; бысть знаменье въ солнци въ 1 часъ дне, бысть видѣти всѣмъ людемъ, Лавр. 127; небысть (нельзя было) имъ мимо онь (=мимо нь=„столпъ каменъ передъ вороты города") поити къ городу, побиваху бо со столпа того, Ип. 207; се(=сь) же столпъ (огненъ) первѣе ста на трапезници каменѣй, яко невидѣти бысть креста, Лавр. 121.

ж) Было (єсть): аже учинить Русинъ насилье въ Ризѣ или на Гътьскомъ бѣрѣзѣ надъ вольною женою, а дотоле неслышати было до (относительно) нее лихого, урока за то 10 грив. сѣрѣбра", послѣ 1230 г. Срезн. Пам. р. п. 224; невыискивати было чюжего, ни мене в соромъ ни в печаль ввести, Поуч. Моном.. Лавр., [2] 245; тобѣ было (=слѣдовало), въѣхавши въ Кіевъ, брата моего яти, Ип. 41; намъ было сего у Бога просити, Ип. 134 и пр.

Въ позднѣйшемъ языкѣ это сочетаніе замѣняетъ собою всѣ вышеисчисленныя съ прошедшими бѣ, бяшеть, будяшеть, отчасти—съ бы, бысть. Въ влр., быть было (предстояло быть) ненастью, да дождь помѣшалъ, посл.; а и чуть было спустить калену стрѣлу, провѣщится лебедь бѣлая, Др.-рус. ст. 217. Въ млр. „сліди було знати" (знать было, можно было замѣтить); повчитись було (mann sollte) у кривого Хоми, Кв.; на що мене було брати, коли я нерівня? нар. п.; було тобі, моя мати, сих брів 357

недавати, та було тобі, моя мати, щастя й долю дати, нар. п. Въ поль. widać było; było mu nie dać—zaraz w płacz (только было не дашь—); było mu niedawać (недавать было). Въ чеш. bylo viděti, nebylo slyšeti; protož tobě na jeho zapovědi nebylo dbati.

з) Безличное ѥсть при неопр. накл. весьма часто неопускалось въ стар.-русскомъ:

отъ чего ми есть (предстоитъ) умрети Лавр. 16; въ горѣ той просѣчено оконце мало, и тудѣ молвять, и есть неразумѣти языку ихъ (нельзя понять языка ихъ), Лавр. 107; то мнѣ есть порока (осужденія, nachsage, того что говорятъ вслѣдъ за кѣмъ) всякого отъ людий неуйти, тѣмъ есть речи́: Изяславъ велѣлъ убити, Ип. 35; съ тобою могу быти, а съ братомъ твоимъ Гюргемъ неуправити ми есть, Ип. 50; приложися ко отцемъ своимъ и дѣдомъ, отдавъ общій долгъ, егоже нѣсть убѣжати всякому роженому, Ип. 220; ветхая церковь Святая Святыхъ разорена есть отъ поганыхъ и нѣсть ничтоже ветхаго зданія Соломонова знать, Дан. Палом. и пр. Въ поль. до недавняго времени было: poznać jest w gnieździe małego orlika, Linde, być; въ чешскомъ до-нынѣ возможно „ot toho ti jest umřiti“, (Эрбенъ); въ серб. тоже: један пут је мријети (разъ умирать); сад ми је творити, а не говорити. Тоже въ литов. и лотышскомъ.

Впрочемъ уже стар.-рус. пам. представляютъ многочисленные случаи опущенія ѥсть.

Буслаевъ говоритъ: „чтобы означить необходимость, возможность и невозможность дѣйствія безлично и безъ отношенія къ какому-нибудь
358 извѣстному времени, употребляется неопредѣленное наклоненіе безъ вспомогательнаго глагола“ (Гр. § 196, 2). Что безличность неможетъ здѣсь быть ни цѣлью, ни слѣдствіемъ опущенія глагола, это явствуетъ изъ того, что она существовала въ разсматриваемомъ оборотѣ и до этого опущенія. Въ этомъ отношеніи „мнѣ умереть“ и „мнѣ ѥсть умерети“ совершенно одинаковы.

Недумаю также, чтобы модальность оборота находилась въ прямой зависимости отъ безличности глагола. Мы видимъ, что „быть грому“, т. е, „ѥсть быти грому“, построено совершенно одинаково съ „бысть умрѣти нищууму“, случилось умереть нищему; между тѣмъ въ послѣднемъ нѣтъ оттѣнка необходимости или возможности. Съ другой стороны, весьма вѣроятно, что въ оборотахъ, какъ „грамота (ѥсть) дати“ дебитивность древнѣе безличности, о чемъ—ниже. Дебитивность, говоря a priori, можетъ быть связана, какъ съ самою причастною формою (ср. нѣм. ist zu geben, dandus, a, -um est), такъ и съ временемъ оборота, независимымъ отъ его личности и безличности, какъ въ ст.-рус. „како хочю поити?“, млр. „що маю робити?“ Отсюда видна неосновательность такого разсужденія: „существительная форма глагола съ дательнымъ

дополненія потому и способна выразить неизбѣжность какого либо факта [1]), что ею въ этомъ случаѣ обозначается такое дѣйствіе, которое въ своемъ проявленіи независить ни отъ какого дѣйствующаго предмета, а напротивъ, само направляется на другой предметъ, какъ на свою цѣль; оттого предметъ, который является какъ бы жертвою абсолютнаго дѣйствія, выражаемаго сущ. формою глагола, ставится всегда въ дат. п.“ (Синт. русск. посл. въ Ж. М. Н. Пр. 1871, VII, в.). Авторъ, по видимому, несогласенъ съ тѣмъ, что „быть грому“—изъ 359
„быти кєсть“; что безличное сказуемое (кєсть) неможетъ быть названо независимымъ отъ дѣйствующаго предмета, ибо оно означаетъ проявленіе дѣятельности лица, но лица ближе неопредѣленнаго; что дательный неможетъ быть названъ жертвою дѣйствія и что, какъ выше сказано, всѣ указанныя условія (безличность, дательный, неопр. накл.) могутъ быть въ оборотѣ при отсутствіи дебитивности.

Опущеніемъ настоящаго кєсть при неопредѣленномъ неуничтожается отношеніе оборота ко времени. Мы видимъ, что предложеніе „онъ правъ“, несмотря на опущеніе глагола, имѣетъ настоящее вр., такъ какъ мѣсто его въ языкѣ въ этомъ отношеніи опредѣлено оборотами „онъ былъ, будетъ правъ“. Не то ли самое въ стар. „невидѣти (кєсть)“, при существованіи оборотовъ „бѣ, бяшеть, будеть невидѣти“, и въ новомъ „невидать“ при „было, будетъ невидать?“. За доказательство отсутствія времени, конечно, неслѣдуетъ принимать того что неопр. съ опущеннымъ есть можетъ быть употреблено о событіи объективно прошедшемъ, когда напр. о несъумѣвшемъ говоримъ не „какъ было несъумѣть“, а „какъ несъумѣть?“. Ср. напр. „како (=каково, что за) есть княженіе свата моего (застигнутаго „безъ вѣсти“, „изъѣздомъ“), аже рать нань изъ Володимеря идеть, а како того неувѣдѣти? а ты, сынъ его, сѣдиши въ Пересопници, а другый Бѣлѣгородѣ: како того неустеречи? Ип. 56.

Кєсть, стоящее или опускаемое при неопредѣленномъ, въ лексическомъ отношеніи есть не одинъ глаголъ, изображающій безпримѣсное отвлеченное бытіе, но представляетъ нѣсколько различныхъ оттѣнковъ. Присматриваясь къ нимъ, мы нетолько усмотримъ въ разсматриваемыхъ оборотахъ отношеніе къ весьма опредѣленному времени, но, быть можетъ, и тонкіе модальныя различія этихъ оборотовъ.

аа) Есть—приблизительно то-же, что находится, имѣется, какъ въ 360
нѣмецкомъ „ist zu verkaufen“ и въ западно-слав. оборотахъ, быть м. возникшихъ подъ вліяніемъ нѣмецкаго: польск. jest do sprzedania (продается), чеш. jest, bylo k obávaní (es war zu fürchten), Hatt. Sr. Ml. § 65, 2. Сюда въ русск.—„сядь-ко подлѣ меня: есть поговорить“ (Барсовъ, Причит. сѣв. кр. I. 316); уже нѣту (ли) золотой казны без-

[1]) Что неизбѣжно, то еще предстоитъ, стало быть еще не-есть фактъ.

счетной, сходить въ улички съ тобой да во рядовыя, сбѣгать въ лавочки съ тобой да во торговыя, закупить да каленкоровъ этихъ черныихъ, штобы сшить ему умерше это платьице, ib. 213; у мня нѣтъ да золотой казны безсчетной, нѣту скатныхъ, неребранныхъ отдать жемчуговъ, задарить тебя судью неправосудную, ib. 263; въ лит. dúnos nėr (=neyra) pirkti, букв. хлѣба нѣсть купити, т. е., по видимому, не только „нельзя“, потому что нѣтъ, но и нѣчѣмъ, нѣначто; въ мр. въ этомъ смыслѣ нема: „нема Касі постіль слати, н. п. Мр. сб. Мордовц. 222. Здѣсь самостоятельность неопредѣлен. накл., зависящая отъ вещественности глагола, никогда неопускаемаго и въ русск., такъ велика, что эти обороты служатъ переходомъ къ тѣмъ, въ коихъ неопредѣленное отдѣлено отъ глагола финальнымъ союзомъ: „нѣтъ, чтобъ заработать, а все норовитъ украсть“, „нѣтъ того, чтобъ прійти да поклониться“. Отношеніе къ настоящему здѣсь явственно.

бб) Сюда относятся такіе оброты съ есть, большею частью опускаемымъ, и неопредѣленнымъ, которые, въ отличіе отъ нижеслѣдующихъ
(вв), никакъ немогутъ быть переданы будущимъ временемъ. Есть имѣетъ здѣсь частью значеніе „приходится“ [напр. зло есть нашимъ головамъ, да [1]) намъ ясти деревяными лъжицами, а не серебряными“,
Лавр. 54, т. е. лихо нашимъ головамъ, что намъ (теперь, въ настоящее время) приходится (доводится) ѣсть..],—частью—значеніе, сходное
съ аа), но такъ сказать болѣе тонкое, съ переходомъ отъ есть (что)
(видѣть) къ значенію возможности (видáть, слыхáть), отъ „ist zu sehen“
къ „ist sichtbar“ [2]). Напр. есть знати, идѣже была баня та, до днесь
Хожд. Дан. Иг., Нор. 34; олно (v. ноли) пришедъ близъ къ граду, тоже
видѣти св. градъ Іерусалимъ, ib. 17; есть гора Елеонская высока вельми ..видѣти (же) съ нея всюдѣ.. и до Іердана дозрѣти и всю ту обѣтованную землю, ib. 47; зла невидавши, добра непостигнути; небившися
со псомъ об одинъ моклокъ, добра невидати; горести дымныя нетерпѣвши, добра невидати, Сл. Дан. Заточн., Бусл. Хр. 622. Нов. вр. знать
(когда? — теперь, въ моментъ рѣчи и вообще) сокола по полету; какъ
361 днемъ-то тѣхъ стрѣлочекъ невидѣти, а въ ночи тѣ стрѣлки, что свѣчи горятъ, ib. 25; „сколько числомъ тое казны придетъ въ году, того
описати не въ память, а чаять (откуда чать=чаятельно, уповательно,
вѣроятно), тое казны въ году болши шти сотъ тысечь рублевъ“, Котошихинъ. Въ млр. знати Марусю, знати (т. е. теперь), у которій вона
хаті: черчиком обсыпана, калиною обтикана“, свад. п.; незнать хто,

---

[1]) Эрбенъ принялъ союзъ да (=что) за аористъ и перевелъ „dal nám jisti“.

[2]) Возможность здѣсь можетъ быть выражена лексическимъ значеніемъ глагола: „да тѣмь съ горы приникъшоу комоу любо, акы съ стѣнъ, немошти дозьрѣти дьна дъбри тои, нъ отъ глубины мракъ ѥсть, акы пропасть нѣкая, Изб. 1073, 153; а сего пути вборзѣ нельзи ходить; потиху, нетоскомъ, тоже мочи (есть) видити вся та мѣста святая, Хожд. Дан. Иг.

що=польск. niewiedzieć kto, co, въ см. невѣсть кто, (бр. „говори нема вѣдома што, Ром. Бр. сб. 3, 150, т. е. Богъ знаетъ что; построили городъ, нема знаць съ чаго, такій, што й у царстви ихъ небыло такого, ib. 176), но въ старину и въ знач. неизвѣстно кто, что, безъ уничижительнаго оттѣнка: gdzie wątpienie jest o mążobójstwie, jako gdy niewiedzieć kto zabił, Ks. Ust. 46; вр. мр. знать, вѣроятно (мл. мабуть): „знать, онъ богатъ"; „знать, она сильна, что.."; вр. незнать.. незнать, не то. не то, или.. или: „я незнать да перепалася (испугалась, когда разбудили), я незнать да срадовалася, изъ окна въ окно металася, Барс. Прич. I, 61 (ср. невѣмъ.. невѣмъ: „понесла царица Вирсавія во утробѣ своей невѣмъ сына, невѣмъ дщерь, XVII в. Пам. ст. л-ры, III, 63; тутъ дѣвица невѣмъ возрадовалася, и невѣмъ дѣвица перепалася, Рыбн. I, 324; брате Бова, идетъ рать великая: невѣсть идетъ царь, невѣсть король, Пам. др. письм. 1879, 1 (=вр. нись (не есть) придетъ, нись нѣтъ, Даль). Мр. тілько й чути, що через греблю по лотоках водиця цідиться ", Кв.; шо у вас чувати?; хожу коло хати—її невидати, н. п.; „Що се нашихъ, бабусенько, курчят невидати?" — Ой невидно, дідусеньку,, вже й невидно буде: як погнала я їх пасти, підзирили люди, Метл. 472; бр. чаму, чаму, бабуленька, курчат нєчуваці?—Нєчуваці, дзєдку, и чуці нєбудзє: выпусціла на подворье, празорылі людзі, Шейнъ, Матер. I, 506. Какъ отъ „чаяти єсть"—влр. частица чать, такъ отъ такого-же чути есть—частица чуть, которую Миклошич (V. Gr. IV 177) напрасно считаетъ этимологически темною. Первоначально является особое предложеніе, имѣющее такое же значеніе, какъ млр. „чути, що (ср. польск. widać, że.., słychać, że.. и русск, знать, онъ богатъ знать, она сильна). За тѣмъ это чуть, еще какъ знаменательное слово, какъ неопредѣленное при опущенномъ есть, получаетъ оттѣнокъ слабости воспріятія, его минимума (чуть, журчитъ=млр. тілько й чути, що..); наконецъ оно становится частицею: чуть журчитъ (едва), чуть замѣтно и чуть-чуть замѣтно, чуть замѣтный. Чуть, какъ нарѣчіе, неможетъ стоять при существительномъ, почему въ „чуть свѣтъ" (какъ только становится замѣтенъ свѣтъ, на разсвѣтѣ) слѣдуетъ предположить опущеніе глагола. Отсюда чуть съ вопросительнымъ ли и отрицаніемъ становится знакомъ вѣроятности, догадки: чуть ли онъ не умеръ (=едвали не..), лошади у него чуть ли не сѣрые.

вв) Есть значитъ приблизительно предстоитъ и своимъ лексическимъ содержаніемъ отодвигаетъ дѣйствіе связаннаго съ нимъ неопр. накл. въ будущее, по отношенію къ настоящему, заключенному въ есть. 362
Въ этихъ случаяхъ въ нынѣшнемъ языкѣ разсматриваемые обороты, если неудерживаются, нерѣдко замѣняются будущимъ какъ совершеннымъ, такъ и несовершеннымъ:

аще, княже, неубіеши Якова Прокшинича, то тому ти, княже, опять вои привести и землю твою пусту сътворить, Новг. I, 21 (то онъ при-

ведетъ, опустошитъ); волхвъ глаголаше сице, повѣдая людемъ, яко на пятое лѣто Днѣпру потещи вспять и землямъ преступати на ина мѣста, яко стати Гречьскы земли на Русской, а Руськѣй на Греческой и прочимъ землямъ измѣнитися, Лавр. 75 (что Дн. потечетъ, земли будутъ переступать—чешск. přestupovati budou, Эрб.—такъ что Греческая станетъ на Р. и пр.); устремишася боеви, мняще, яко нестояти (что неустоятъ, что неустоятъ) Ольговичемъ противу нашей силѣ, Ип. 13; прислашася Полотьчане къ Святославу Олговичю, яко имѣти й (что будутъ имѣть) отьцемъ собѣ и ходити (будутъ ходить, находиться) въ послушаньи его, Ип. 66 (308); отложиста оба, яко несѣсти има на столѣ митрополитьстѣмъ, Ип. 86 (345); да Богъ ми будеть и того Рожшия, яко непослати ми къ Всеволодичю никимъ же образомъ, Ип. 92 (358); на томъ ти цѣловати хрестъ, яко, что русскихъ городовъ, то ти все възворотити и съ Изяславомъ быти и его ся неотлучати ни (въ) добрѣ, ни въ лисѣ, но всегда съ нимъ быти, Ип. 68 (312); хрестъ ко мнѣ цѣловалъ, яко неподозрѣти подо мною Чернигова, Ип. 84 (343); оже къ нама хрестъ цѣлуеши, ако ти на наю лиха незамыслити, а вѣ всяко поѣдевѣ по тобѣ, Ип. 99 (371); съ Ярославомъ съ Черниговськымъ чѣловалъ есмь крестъ на томъ, како же невоеватися (что небудемъ воевать другъ съ другомъ), доколѣ любо уладимся вси, или неуладимся вси, Ип. 148 (456); къ тѣ(=ь)сти своему Рюрикови крестъ бяшеть целовалъ передь тѣмь, како ся ему Олговичь (род. мн.) боле того лишити, а въ его волѣ быти и зрѣти нань, Ип. 149 (467—8); приводи Володимѣра ко хресту,
363 яко ему подъ братомъ Галича неискатъ (=ти) Ип. 136 (442); вы еста ко мнѣ хрестъ цѣловала, оже вы (дат.) брата Игоря неискати (что небудете искать, т. е. мстить за..), Ип. 38; цѣлуйте на томъ хресть, оже вы (дат.) про Игоря ворожды неимѣти (что небудете имѣть), ни того учинити, што есте хотѣли преди учинити, Ип. 39; се братье, Половцемъ есме много зла створили... а тѣмъ всяко пакостити гречнику нашему и залознику (=будуть вредить), Ип. 98 (370); оже ся тобѣ што учинить, то што намъ дѣяти? (что намъ дѣлать, т. е. что предстоитъ дѣлать), Ип. 73 (321).

То, что въ настоящее время представляется имѣющимъ наступить, можетъ быть предоставлено и неизбѣжнымъ, необходимымъ; но изъ вышеприведенныхъ и множества подобныхъ примѣровъ можно заключить, что оттѣнокъ дебитивности вовсе не непремѣнно связанъ съ присутствіемъ въ построеніи есть (наличнаго или опускаемаго), дательнаго и неопредѣленнаго н., что грамматическія условія дѣлаютъ его только возможнымъ. Напр. въ „конь, его же любиши и ѣздиши на немъ, отъ того ти умрети“, Лавр. 16; „отъ сего ли лъба смерть мнѣ взяти?“ ib., имѣются не значенія: ты долженъ умереть, я долженъ принять смерть, а „мнѣ предстоитъ умереть“. Не оборотъ „есть съ неопр.“ самъ по себѣ, а лишь вещественный смыслъ рѣчи, какъ болѣе обшир-

наго цѣлаго, даетъ возможность въ иныхъ случаяхъ усматривать въ этомъ оборотѣ дебитивность, напр. „аже ны недаси, а намъ самѣмъ о собѣ поискати, Ип. 18 (то намъ нужно будетъ, мы принуждены будемъ сами постараться добыть); абы Богъ далъ мнѣ здоровье и королеви, а мьстемъ быти, Ип. 65 (306), т. е. навѣрное будетъ; аже братъ нашъ убитъ, и пошелъ къ Богови, а тамо намъ всимъ быти, а то Богови правити, Ип. 38; творяхуть я съвѣтъ держаще на свою братью, а то Богови судити, Новг. I, 22.

То-же слѣдуетъ сказать и о нынѣшнихъ русск. нарѣчіяхъ. Напр. въ 364
слѣдующемъ млр. примѣрѣ нѣтъ никакого модальнаго оттѣнка, если несчитать изъявительности: „нехай би вже жінки (поодбігали хазяйства)—їмъ хоть цілий день, зібравшись у купу, теревені правити — а тож и ні одного человіка въ селі нема, Кв., т. е. они хоть цѣлый день станутъ балясы точить. Но съ другой стороны легкій оттѣнокъ желательности въ „а пійти (лиш) до дому! (пійти-б-то до дому!); дебитивность въ „хвалити Бога, пшенишний буде наш коровай“, н. п.; „хвалити Бога, зібравши сім мішків гороху съ перелога“, Гулакъ; (гайдамаки закричали): „нуте, братьтя! або добути, або дома небути!“ (и поскакали во весь духъ) (Кул. З. о Ю. Р. II 137); ср. серб. „А ја идем у земљу Турћију тражит нашу сестру Анђелију. Ол' је наћи, ол' никад недоћи. (Пѣв. Црног. 11).

Только вмѣстѣ съ соотвѣтственными славянскими выраженіями и одинаково съ ними могутъ быть объяснены литов. ar eit, ar ne, букв. ли ити, ли не, т. е. ити, или нѣтъ?; nei man wažiûti, nei newažiûti, букв. ни мнѣ ѣхать, ни неѣхать, т. е. нето мнѣ ѣхать, нето нѣтъ; лотыш. wâi î̂t, wai neî̂t, ити, или нѣтъ. Шлейхеръ (Lit. Gr. 312) и Биленштейнъ (Let. Gr. § 732) придаютъ значеніе тому, что неопредѣленное вставлено здѣсь въ вопросъ на-двое (zweifelnde frage), и полагаютъ, что оно зависитъ отъ опущенныхъ выраженій въ родѣ „sollte es geraten sein“, „wäre es gut“, „wäre es besser“; но вопросительная форма тутъ безразлична, такъ какъ неопредѣленное одинаково объясняется и въ утвердительной („man eit“, мнѣ ити), именно опущеніемъ yr, есть.

Какъ въ русскомъ, такъ и въ литовско-лотышскомъ, глаголъ въ другихъ временахъ, кромѣ настоящаго, неопускается: лит. man buwo, man bus eit; лот. man bija î̂t; „кам бій манім калнâ капт, кам пêц саулес раудзітѣс? кам бій ман' свешу мâті саукт пар саву мâмаліню? зачѣмъ мнѣ было на гору всходить, зачѣмъ за солнцемъ смотрѣть [1]); зачѣмъ было чужую мать звать своей матушкой? Спр. 23; „вой бус ѣт, вой 365
неѣт, вой палікт шаі земê, или будетъ ити, или нейти, или остаться въ этой землѣ? Спр. 98.

[1]) Спрогисъ думаетъ, что это значитъ „любоваться на солнце“. Вѣрнѣе: „смотрѣть на (заходящее?) солнце“, что также трудно, какъ всходить на гору и звать чужую мать своей.

Модальные оттѣнки здѣсь тѣ-же, что въ русскомъ. *a)* Дебитивность напр. зіл' атнесе тāду вēсті: бал'іням карâ ѣт, Спр. 271 (синица принесла такую вѣсть: братцу на войну итти); кундзіням кунгам бут, баліням—араям, ib. 256 (пану—паномъ быть, братцу—пахаремъ); мірт јаунам, мірт вецам, кад дēніня дагâюсі, ib. 219 (умереть молодому, умереть старому, когда времечко пришло); мірт јаунам, мірт вецам, пусмужіня вēн немірт: пусмужіня цільвēкам даудз рауд жēлі пакаля, ib. умереть молодому, умереть старому, лишь бы неумереть въ серединѣ вѣку: за середовѣчнымъ человѣкомъ многіе горько плачутъ; têm bus pilugt, Io, 4, 24 (имъ будетъ молиться, въ О. Ев. достоитъ кланятисѧ); jums bus pidzimt, Io. 3, 7 (вамъ будетъ родиться, въ О, Ев. подобаѥтъ вамъ родитисѧ). *β)* Въ послѣднемъ примѣрѣ мы видимъ переходъ къ желательности, которая въ русскомъ обычнѣе обозначается присоединеніемъ союза бы. Ср. балінш манім лінус сēя... сак' маршіня: ідритēм тēм (лінінēм) узаугт, не лабēм лінінēм, Спр. 78 [братецъ для меня ленъ сѣялъ... говоритъ невѣстка..: выросли (бы) ему сорною травою [1]), (а) не хорошимъ льномъ]; у Биленштейна (Gr. § 738)—judrítém tē (sc. lini) uzáugti, что мнѣ непонятно, по причинѣ именительнаго tē, вмѣсто дадательнаго. Понятно, что этотъ оттѣнокъ трудно бываетъ отличить отъ дебитивности, что было бы и въ русскомъ при отсутствіи союза бы. Такъ слѣдующій примѣръ (Biel. Gr. § 735) толкуется на двое: ai asa
866 purwju zale, purwâ tewi (винительный? а не дат. tewim?) nûbâlét; ai bárgáis tewa déls, winam mûžu nudziwût, ой острая болотная трава (осока), въ болотѣ тебѣ поблѣднѣть (завянуть; или завянуть бы тебѣ); ой сердитый отецкій сынъ, одному (тебѣ) вѣкъ прожить (или прожить бы тебѣ). Здѣсь рѣшаетъ тонъ рѣчи. Въ другомъ примѣрѣ, безъ сомнѣнія, не повелѣніе, какъ думаетъ Биленшт., а то, что въ русскомъ: „бѣги сестрица, (потому что) невсѣмъ же людямъ (т. е. невсякимъ сватамъ) (стать) показывать свою красоту (соб. ростъ): „bedz, masińa.. ne wisám táutińám rādít sawu áugumiñu“. И здѣсь Биленшт. незамѣчаетъ опущенія вспомогательнаго (=есть) при неопр.

Съ оборотомъ изъ опущеннаго есть при неопредѣленномъ („молчать!“ и т. п.), удобно объясняемымъ изъ опущенія есть, отнюдъ неслѣдуетъ смѣшивать всѣхъ случаевъ неопредѣленнаго въ повелительномъ значеніи. Во-первыхъ, въ случаяхъ какъ „спать!“, лотыш. „кулейі, култ! малейі, малт! ес патс гулēт ар лигавіню, Спр. 264 [молотники, молотить! мольщики, молоть! я самъ—лежать (спать) съ женою], при неопредѣленномъ можетъ подразумѣваться и даже быть на-лицо не дательный (вамъ—молотить), а именительный (вы—молотить); при чемъ, во-вторыхъ, будетъ явственно опущеніе не безличнаго есть, а опредѣленноличнаго глагола движенія. Отсюда слѣдуетъ, что до потери до-

[1]) Лит. judrà, мн. judrôs, сорная трава во льну, повитель.

стигательной формы говорилось напр. „спатъ!" Шлейхеръ замѣтилъ и правильно объяснилъ такой случай въ литовскомъ: pasigerẹs gultu, iszkarszẹs mirtu (Gr. 314), что было бы въ ст.-русск. приблизительно: „упивъся—спатъ, състарѣвъся—умьртъ". Въ другихъ случаяхъ повелительности неопредѣленнаго, при коемъ подразумѣвается именительный, а не дательный, эта повелительность зависитъ опять отъ опущенія неѥсть, а другихъ вещественныхъ словъ, въ родѣ „ты долженъ" 367 и п. п. Ср. въ нѣм. „das liegen lassen!", Grimm Gr. IV, 87. Къ приводимому имъ-же готскому примѣру „ni than tweihnôs paidôs haban", Лук. 9, 3, гдѣ неопредѣленное въ гот. вызванно греческимъ *μήτε ἀνὰ δύο χιτῶνας ἔχειν*, присоединяется и ст.-сл. „ничесо же възьмѣте на пѫть, ни жьзла, ни пиры, ни хлѣба, ни сьребра, ни двою ризоу имѣти". Это съ точки славянскаго языка допускаетъ нѣсколько различныхъ объясненій („вамъ ѥсть имѣти", или „дължьни ѥсте имѣте", или „имате имѣти"), кромѣ только непосредственной повелительности неопредѣленнаго наклоненія. См. Mikl. V. Gr. IV, 850—1. Нѣкоторые, какъ Jolly, Gesch. des inf. 216, полагаютъ, что опущеніе глагола при неопредѣленномъ повелительномъ, какъ „молчать!" и подобныхъ въ скр., зенд., греч., слав., лит.-лот., герм. роман., ест. лишь измышленіе грамматиковъ. Мнѣ кажется, что безъ этого предположенія объяснить повелительность неопредѣленнаго столь-же трудно, какъ и повелительность дательнаго (серб. кући!), нарѣчій изъ дательнаго: „домой!", „долой", или и другихъ: „вонъ!", „прочь!" и пр. безъ подобнаго же предположенія.

Неопр. н. съ ѥсть (опущеннымъ) въ условномъ сочетаніи предложеній. Отношеніе предложенія уславливающаго къ уславливаемому можетъ, вообще, выражаться или соотвѣтствіемъ союзовъ условныхъ и заключительныхъ, или однимъ союзомъ заключительнымъ, или—ничѣмъ, кромѣ мѣста въ рѣчи и тона. Послѣдній способъ, наиболѣе древній, остается въ языкѣ и по образованіи союзовъ. Ср. въ гр. 1229 г. „по уху ударите (=ь)—г четвѣрти серебра; послу и попу что учинять—за двое того узяти"; въ былинѣ: „и ты будешь живъ—шубу наживешь, а небудешь живъ—будто нашивалъ, Др. Р. ст. 59." При этомъ или обѣ половины условнаго сочетанія, или только одна можетъ состоять изъ безличнаго ѥсть (опускаемаго) съ неопредѣленнымъ: „высота же ей (горѣ), яко можеть съ нея на полъдень лиць нольно добрый стрѣлецъ 4-ю стрѣлити, а на ней стрѣлити—перестрѣлъ есть, Хожд. Дан. Иг., Нор. 126; а в гости ходити и къ себѣ звати—ссылаться съ кѣмъ велитъ мужъ, Домостр.; говорить правда—потерять дружба; дать ссуда—на вѣкъ остуда; любить игра — купить домра (Влр. посл. XVII в. Бусл. Гр. § 196, пр. 3); хоть нога изломить, а двери выставить, Др. Р. ст. 52; а жити въ Гундустани, ино вся собина исхарчити, занеже у нихъ все дорого, Хожд. Аѳ.

Никитина за 3 моря, 1468; тяжела царя загадка: неотгунути, ино намъ головы покласти у царя Давида, XVII в. Пам. ст. р. лит. III, 64; поглядѣть—картина, а послушать—животина, посл.; смотрѣть, такъ выйдешь изъ терпѣнья, Крыл.; брать, такъ брать; коли мять ленъ, такъ
368 ужъ доминать; наживать, такъ раньше вставать; орать, такъ въ дуду неиграть, посл.; если плакать, вся исплачуся, а неплакать—отъ людей стыдно, Шейнъ, Р. н. п. 184; бр. замчужку носить—ды нистать побѣжать, а стать побѣжать — ды замчужокъ терять, Шейнъ, Матер. I; мр. небити кума—непити пива, посл.; пропила мати дочку на солодкім медочку. Було меду непити та дівкою робити; солодкий медок випити—ніким ся послужити, Гол. IV, 222; поль. kiedy orać; więc orać; kiedy pląsać, więc pląsać; kiedy się bić, więc się bić (Rej y Linde); tylko się rozśmiać, zaraz się gniewem unosi; можно безъ частицъ при первомъ неопр., какъ и въ русск. Опущеніе есть явствуетъ изъ необходимости глагола въ прошедшемъ; „коли брать, такъ было брать"; „коли было брать, такъ брать". Поэтому нельзя согласится съ Буслаевымъ, что въ „на Волгѣ жить—ворами слыть", Др. рус. ст. 114, и подлежащее и сказуемое—въ неопредѣленнемъ накл. (§ 195). Здѣсь два предложенія, оба безъ подлежащихъ: (оже) (ѥсть) жити, (ино ѥсть) слыти. Если жити въ первомъ предл. считать подлежащимъ, то и неопредѣленное въ „станешь жить" то-же есть подлежащее по отношенію къ заключительному предложенію; если же „слыть" въ „ворами слыть" можно считать сказуемымъ, то лишь въ томъ смыслѣ, какъ въ слѣдующемъ—все второе предложеніе сказуемымъ перваго: „на Казань ити — грозенъ царь стоитъ".

Неопр. быть (есть) съ другимъ неопредѣленнымъ. „Изъ особенностей въ употребленіи неопр. накл. въ народномъ (в.-русск.) яз. должно замѣтить употребленіе быть (вм. надобно) съ неопредѣленнымъ н., въ книжномъ языкѣ опускаемое, напр. въ олон. былинѣ: „и мнѣ быть своя заповѣдь нарушить"; „быть натянуть свой тугій лукъ", Рыбн. II, 330; въ посл. „сколько ни плакать, а быть перестать, сколько ни браниться, а быть помириться, Даль, Посл. 136, 272" (Бусл. Гр. § 196, 2); сколько цвѣту ни цвѣсть, а быть опадать, Даль. 542; какъ назвать свекры матушкой?.. Быть (=прійдется) склонить сердце дѣвичье, быть назвать свекры матушкой, Шейнъ Р. н. п. 413. Оборотъ довольно старый: „а гостьи (=гостья) коли лучится, или самой гдѣ быти за столомъ сѣсти (=прійдется сѣсть),—луччее плат(ь)я перемѣнити", Домостр.

Здѣсь, кажется, нужны нѣкоторыя поправки. Быть вовсе нестоитъ здѣсь вмѣсто „надобно", а лишь на томъ мѣстѣ, гдѣ могло бы стоять
369 „надобно", но съ другимъ результатомъ; въ книжномъ языкѣ быть здѣсь не опущено, и ни „перестать" (есть), ни „приходится, нужно

перестать" непредполагають оборота „быть перестать". Быть (=быти ѥсть) имѣетъ передъ другимъ неопредѣленнымъ то-же формальное значеніе, что и въ слѣдующихъ случаяхъ: „князь! нѣтъ у тебя въ Кіевѣ охотниковъ: быть (т. е. мнѣ) передъ княземъ невольникомъ, я сослужу службу дальную", Др. р. ст. 196; а небыть тому грозному послу (1-й дат.) Василью Ивановичу (2-й дат.), быть Ставровой молодой женѣ Василисѣ Микулишнѣ, ib. 128; а небыть же нунь туру златорогому (т. е. должно быть, вѣроятно, это не туръ), быть же нунь любимому племяннику, молоду Добрынюшки Никитичу, Гильф. 27; какъ быть человѣкъ: ѣстъ и пьетъ, Даль, Посл. (т. е. человѣкъ такой, какъ ему быть). Это быть только лексически отличается отъ другихъ неопредѣленныхъ (съ опущ. есть), стоящихъ передъ неопредѣленными же: „неумѣть имъ (нищимъ) горою владати, неумѣть имъ золотыя поверстати, промежду собою раздѣляти", Кал. Пер. I, 5. Съ прибавкой условности то-же находимъ въ „нестать говорить, такъ и Богъ неуслышитъ". Какъ здѣсь, такъ и въ „быть перестать" главная предикативная сила и оттѣнокъ настоятельности, необходимости, зависитъ отъ опущеннаго есть (=приходится, предстоитъ, слѣдуетъ и т. п.), при которомъ быть (1-е изъ двухъ второстепенныхъ сказуемыхъ) представляетъ вещественное значеніе бытія. Разница между „(есть) перестать" и „быть (есть) перестать" приблизительно такова, какъ если-бы въ нѣмецкомъ при „es ist aufzuhören" было „es ist zu sein, dass man aufhöre". Разница эта сходна съ разницею между оборотами, какъ „твориться правъ" „мнять и мьртва" съ одной стороны и „твориться правъ сы (правъ быти), „мьнять и мьртва суща (мьртва быти)" съ другой.

Иначе построенъ оборотъ „знать жить тебѣ богато", гдѣ первоначально оба неопредѣленныя имѣютъ при себѣ равносильныя сказуемыя (знати ѥсть, жити ѥсть), но за-тѣмъ первое потеряло предикативное 370
значеніе и стало частицей. Анализъ, по которому „знать"—сказуемое по-русски, а „жить тебѣ богато"—подлежащее (Некрас. О зн. ф. русс. гл. 99), нахожу страннымъ.

Къ быти (ѥсть) съ другимъ неопред. въ условномъ сочетаніи (какъ „нестать говорить, и Богъ неуслышитъ") по-видимому примыкаетъ серб. условно-уступительный союзъ бит: „бит' ми брата и жељети, на гламње му несједјети", Кар Посл. 14, если-бы (хотя бы) мнѣ (пришлось) и оплакивать брата, (лишь бы) несидѣть (старою дѣвкой) на его головняхъ (т. е. у его очага). Сюда присоединить изъ Микл. V. Gr. IV, 851: бит ми знати изгубити главу, еслибъ даже зналъ, что потеряю; болѣе вещественно въ такомъ случаѣ знат: знат' ми сидјет' три бијела дана (хоть бы и знать, что буду сидѣть... все-таки); „а знат' ми се неопростит сужњице, ни тамнице куће баш проклете, недам тебе за живота мога". Въ словенскомъ bit (byt') и bit bi (by) = etsi, licet, quamvis, quamquam.

13. Неопредѣленное накл. со мнимострадательнымъ оттѣнкомъ. Сюда относимъ случаи объективнаго неопр. н., характеризуемые слѣдующими чертами:

а) Указаніе на подлежащее неопредѣленнаго накл. большею частью стоитъ на лицо или мыслимо въ дательномъ.

б) Дополненія при неопредѣленномъ нѣтъ, но если-бы оно было, то оно оказалось бы тѣмъ же предметомъ, который представленъ подлежащимъ главнаго сказуемаго.

в) Это послѣднее — опредѣленно-лично. Слѣдовательно, сюда относятся не случаи, совершенно обыкновенные въ русск. и др., какъ „это легко сдѣлать", въ коихъ это есть винительный дополненія къ неопредѣленному и подлежащаго вовсе нѣтъ, а только такіе случаи, какъ слѣдующіе:

α) Неопр. н. при прилагательномъ, обыкновенно входящемъ въ составъ сказуемаго: „вода же его (Іердана) мутна и сладка вельми пити и нѣсть сыти пиющимъ воду ту святую, Хожд. Дан. Иг., Норов. 55; вода же въ немъ (морѣ Тивериядскомъ) сладка вельми испить, яко въ рѣцѣ, несолона, ib. 117 (пити, испить лишь въ нѣкоторыхъ спискахъ); служитъ попъ Воложскій, а я смотрю, гдѣ у нихъ канонытa дѣлись? Знать-то въ окно улетѣли! Легка-та-су, хороша эдакъ служба-то говорить, да знать легко и спасеніе-то будетъ, Пут. Лукьянова 1710—1, 19.

Нынѣшн. вр. „меня звать стане (въ любимое гостибище)... да я разумомъ, горюшица, простешенька, на словахъ поднять, горюшица, любимая (т. е. въ дѣйствит. зн., какъ стар. „бѣ любимъ книгамъ", „любящая, чтобы меня поднимали словами"), на подъемъ да е горюшица легошенька: снаряжусь вкрутѣ.. Барс. Прич. I, 239; хорошъ по-
871 глядѣть (schön anzusehen, er ist schön, dass man ihn ansehe); млр. сіно добре їсти (zu essen, польск. dobre do jedzenia), та високо лізти (т. е. трудно косить, трудно достать), посл.; серб. љепа je калина гледати (anzusehen), ал' je грка зобати (zu essen); чеш. zimnice na podzim a zimie jest tiežka lečiti (schwer zu heilen), Hanuš, Malý wyb. z. lit. Č. 89 (XIV—XV в.). Въ литов. gražus pažurėt (хорошъ поглядѣть), skanus walgyti (вкусенъ ѣсть), „druts ožys milžt", соб. твердъ (крѣпокъ) козелъ доить, т. е. трудно его доить; нѣсколько отличны отъ этого случаи съ причастіями страдательными: medžei kertami budawot, деревья рубимыя строить (изъ нихъ, т. е. на постройку); verpalai apmetami aust, пряжа насснованная ткать (изъ нея, для тканья), Schl. Gr. 311. Въ лотыш. tas (именит.) ir gruti izdarit, das ist schwer auszurichten. Въ латин. ср. супинъ (facilis cognitu, horrendum relatu), который удобнѣе выводится изъ дательнаго (какъ въ „Macedonia divisui facilis", „aqua potui jucunda"), чѣмъ изъ аблятива (Pott, Et. Forsch. II, 1, 507). Также объясня-

ются вышеприведенные русс. и лит. инфинитивы. Въ доинфинитивное время формальная разница между неопр. объективнымъ „хорошъ (кому?) поглядѣть“ и неопр. субъективн. „хорошъ загадывать“ (загадки (см. выше 378) нечувствуется, ибо въ обоихъ случаяхъ доинфинитивное слово имѣетъ значеніе вещи, для-ради которой что есть или дѣлается, какъ позднѣе въ случаяхъ „столпъ.. твердъ ко взятію“ Хожд. Дан. Иг. Нор. 33.

β) Неопр. н. при глаголахъ: „нѣсть въ томь грѣха, аже по грамотамъ ходити ногами, аже кто изрѣзавъ помечеть, а слова будуть знати? Вприш. Кюрик., Калайд. 187; есть бо разсѣлина та на камени томъ знать и до днешняго дни, Хожд. Дан. Иг. Нор. 27-8; тутъ же (въ Антоніевой пещерѣ) видѣхомъ храбраго воина Илію Муромца въ нетлѣніи.. рука у него лѣвая пробита копіемъ, язва вся знать на рукѣ, Пут. Лукьян. 14; а то мѣсто.., сказываютъ, было позлащено а нынѣ позолота незнать, слиняла, ib. 76; камень, а на немъ же убитъ архидіяконъ Стефанъ, а на томъ камени кровь (именит.) его знать и до сего дня, ib. 80; на томъ камени вообразишася стопы Христовы, и нынѣ одна ступня знать, ib. 81; знать де полетка соколиная, видѣть де поступка молодецкая, Др. Р. ст. 172; ср. у Бусл. „знать соколъ по лету“, „лѣнивой и по платью знать“ (§ 196) и нынѣшнее „ударю такъ, что пальцы будутъ знать“ т. е. будутъ видны, замѣтны; а когда мы съ моря пришли подъ Рахитъ, такъ отъ усть Нила рѣки видѣть Александрія, Пут. Лукьян. 53; „у три дни ета ляда паспѣла сѣяць“, т. е. къ тому, чтобы на ней сѣять (Ржев. у Тв. г. Этн. Сб. I, 236). Въ млр. „були тут разні чути крики“ (liessen sich hören), Котл.

Выраженія, какъ „далась она ему знать!“ (=мр. далась ёму у знаки, у тямки), мр. „калина недалася (кому?) ламати“ (т. е. ї), отличаются отъ вышеприведенныхъ (389) „дай мнѣ пить“ только возвратностью главнаго сказуемаго. Въ лотыш. при подобномъ сказуемомъ и неопредѣленное н. ставится въ возвратной формѣ, я думаю, для выраженія страдательности: wiñsz likás kautis, букв. онъ дался убиться, т. е. далъ себя убить (Bielenst. Lett. Gr. § 691, 2). Миклошичъ видитъ здѣсь въ лот. аттракцію, т. е. думаетъ, что „страдательный (медіяльный) инфинитивъ повлекъ за собою (hat veranlasst) страдательную (медіяльную) форму личнаго глагола (Gr. IV, 265); но liktîs, lautîs (даться) нестрадательны, и (какъ можно заключить изъ сравненія съ русскими оборотами и изъ лот. wiñsz laujas nerôt, er lässt sich chicaniren, zum besten haben, Ulmann, Lett. wb.), можетъ дополняться невозвратнымъ неопредѣленнымъ. Очевидно, что возвратная ф. неопр. н. имѣетъ среднее значеніе въ мр. „про лёхи замкові ходила чутка, що вони непорожні, оно що недаються нікому достатись до нихъ“, Драг. Мр. пред. 80.

По этому образцу дополнимы выраженія: „ты (именит.) книгы годяться (кому?) съжечи (я); нынѣшн. „вода годится пить“, как выше „вода сладка (кому?) пити (ю).

Т. о. и при страдательныхъ сказуемыхъ: „предали бо суть апостоли: крестъ поставленъ (кому?) цѣловать (цѣловатъ?), Лавр. 49 (112); „страстьная недѣля уставлена есть поститися страстий ради господень“, ib. 79 (180); „въ пущахъ нашихъ буды роздати робити на насъ господаря... въ пущи наши, въ которыхъ буды могутъ быть розданы (кому?) робити (ихъ) на насъ, 1527, Ак. З. Р. II, 183; послѣ роспросу отданъ держать тотъ приводной крестьянинъ.. приставу, 1673. Ак. отн. до Ю. Б. I, 58.

Отличны отъ этихъ, по невозможности дательнаго при страдат. сказуемомъ: ведена быста ина два злодѣя оубитъ (ἀναιρεθῆναι), Лук. 23, 32 (Mikl. Gr. IV, 266; въ Остр. и Марьин. ев. съ дѣйств. сказуемымъ: ведоша (ведѣахѫ) Ии-са и ина дъва съ нимь оубитъ); (церковь) почата бысть здати, Лавр.[2] 388 (нынѣ: „начали строить“ или, въ мр. безсубъектно „почато будовати церкву“; „началась строиться“ значило бы, какъ бы, сама собою); „заложена бысть дѣлати церковь камена св. Архангела, Пск. II (П. с. Р. л. V, 12). Какъ и выше, здѣсь (отлично отъ лат. „vineae coeptae agi admoverique aries, Liv.), при неопредѣленныхъ накл. мыслимы дополненія въ винит.: почата бысть церкы здати (т. е. ю).

Оставивъ въ сторонѣ эти послѣдніе случаи, другіе, приведенные выше, съ явственнымъ субъектомъ, дательнымъ (наличнымъ или подразумѣваемымъ и неопредѣленнымъ („язва (есть кому)“ знати“) сопоставимъ со случаями, понимаемыми какъ безсубъектные, извѣстными у насъ подъ именемъ употребленія въ древнемъ и народномъ влр. языкѣ именительнаго ед. ж. вмѣсто винительнаго при неопредѣленномъ н. дѣйствительнаго залога, напр. дати ему своя грамота, Бусл. Гр. § 196,
372 Пр. 3. Обороты эти свойственны нетолько сѣвернымъ памятникамъ и говорамъ, но и западно-русскимъ: „а всякому ми дѣлу исправа ѥму (Скирикгайлу) чинити и ѥго людемъ, гр. Ягайла, 1387, Срезн. Пам. Р. п. 266; „холопу и робѣ вѣры неняти, а обадѣ исправа дати“; „Витблянину вся татьба лицомъ вернути“ 1503, Ак. З. Р. I, 352; давати имъ мѣра меду, 1480, ib. 92 [1]); давати ему полъ мѣры меду а полтина грошей литовская, ib., (хотя тамъ же: „а знати тымъ людемъ светую пречистую Печерскую“); хто корда добудетъ на кого, ино рука втяти, а хто кого ранитъ, ино шыя втять, 1507, ib. II, 27; нов. бр. „якую яму дацъ долю? Дацъ половина Маркового богатьця, Ром. Бр. сб. 3, 338

---

[1]) Написаніе у Миклошича V. Gr. IV, 346 „davaty jim mira medu“ и пр. заставляетъ думать, что онъ эти обороты приписываетъ тому малорусскому, въ коемъ *и* = *и* средн., *ѣ* = *і* и пр., съ чѣмъ я покамѣсть немогу согласиться.

и т. п. Попытка чисто фонетическаго объясненія этого падежа на *а*, состоящая въ предположеніи, что основное окончаніе винит. ед. ж. âm имѣло двѣ замѣны: одну *ѫ* = русск. *у*, другую, съ отпаденіемъ *м*, = *а* (какъ—ан(т) = *а* въ пека, мога), оказывается неудовлетворительною, въ виду того, что въ литов. въ подобныхъ случаяхъ замѣченъ несомнѣнный именительный ед. м. р.: „кур ма дėт мажас вајкялис", куда мнѣ дѣть малый ребенокъ (винительный былъ бы „мажа вајкяли"); „ку тас мажас вајкитėлис рајкс ман сувиститė", чѣмъ малый ребенокъ нужно будетъ мнѣ повить. Сравнивая съ этимъ обороты, какъ въ Сл. о п. И. „молодымъ пѣти слава" (gloria canenda est), Вс. Миллеръ замѣчаетъ, что они становятся понятны, если возстановить въ инфинитивахъ дательный п. Подобно этому въ Вѣдахъ „so asya mahimâ na sannaçê" (inf.), это его величіе недостигнуть, гдѣ mahimâ—именительный (Моск. унив. изв. 1872, IV, 529—30; idem. Beitr. VIII, 169).

Т. о. исторія выраженій образца „такова правда узяте Русину" (Смол. гр.) представляется въ такомъ видѣ: Первоначально весь оборотъ есть не безличный, а опредѣленно-личный, въ коемъ правда есть подлежащее при ѥсть възяти, а Русину, независимо отъ неопр. накл., стоитъ при ѥсть. Два дательные, одинъ наличный, другой получаемый при возстановленіи падежа доинфинитивнаго слова (правьда есть Русину възатию), невыводятся другъ изъ друга (какъ выше, стр. 350, „лъжицѣ ясти дружинѣ), между прочимъ, и потому, что одинъ изъ нихъ могъ бы стоять и при достигательномъ изъ винит.: „крьстъ поставленъ (кому) цѣловатъ". За тѣмъ „есть възяти" понято какъ безсубъектное предложеніе, при чемъ именительный („правда") или замѣняется вини- 373
тельнымъ и исчезаетъ безслѣдно (такову правду взяти), или переживаетъ свое значеніе, т. е., оставаясь при прежней звуковой формѣ, измѣняетъ лишь внутреннюю: „взять правда", при чемъ внѣшняя форма, подобно отжившимъ обрядамъ, остается нестолько по инерціи, сколько благодаря новому толкованію. Принять безусловно мнѣніе, что въ нынѣшнихъ влр. говорахъ „правда" есть здѣсь лишь мнимый винительный, который на самомъ дѣлѣ есть подлежащее (Mikl. V. Gr. IV, 346), значило бы придавать слишкомъ мало вѣсу сознанію говорящаго, или, что то-же, творчеству языка. Мы теперь можемъ чувствовать выраженіе „безъ денегъ вода пить" или „(дѣтямъ-сиротамъ) будетъ уличка ходить да неширокая, путь-дороженька вотъ имъ да неторнешенька Барс. Прич. I, 1, лишь какъ безличныя предложенія, въ коихъ поэтому вода, уличка немогутъ быть подлежащими. Что „было да сплыло" или „быльемъ поросло", то служитъ основаніемъ послѣдующему, но само по себѣ намъ неможетъ сказать, что есть.

Что языкъ, подъ вліяніемъ ли перехода разсматриваемыхъ выраженій отъ опредѣленно-личной формы къ безличности, или и по другимъ

причинамъ сталъ придавать формамъ ж. р. на *а* значеніе винительна-
374 го, доказательствомъ этому можетъ служить употребленіе этихъ формъ и тамъ, гдѣ онѣ никогда немогли имѣть значенія именительнаго, нерѣдко рядомъ съ винительнымъ на *у*: „а далъ есмь двѣмъ своимъ сыномъ болшимъ.. кобылка гнѣд(а) лонская, а Доронкѣ кобылка гнѣд(а) да коров(а) пестрая болшая.. а женѣ моей кобылка голуба да двѣ коров(ѣ) черная да бурая да волъ редръ... а двое конев есмь велѣлъ.. продат.. жеребчикъ воронъ да кобыл(у) карую, XIV—XV, Ак. отн. до Ю. Б. I, 543; „слюбуемъ держати цѣлую правду и чиста вѣра, гр. Дмитр. Олгердовича, 1388, Срезн. Свѣд. и зам. LIII, 211; привѣсили ѥсмо наша печать, ib.; кмѣть.. зъ волоки ма заплатить копа грошей, 1501, Ак. З. Р. I, 225; которая шляхта была часу короля Владыслава, князя Витовта и тежъ отца нашого, тыи вси того часу хочемъ мѣти и держати шляхта, 1492, ib. 121. Позднѣе: (въ Ясѣхъ) дрова очень дороги: на копейку—каша легонько сварить, Пут. Лукьян. 19; стала (Настасья) пить эта чарочка зелена вина; думаетъ дума за единое; какъ будетъ день въ половина дня и пр. (Mikl. l. c.); Богъ.. половина твойго богатьця отдавъ мальчику, Роман. Бр. сб. 3, 368.

Принимая въ „вода пить“ переходъ отъ личности къ безличности, я думаю, что и въ нѣсколькихъ другихъ случаяхъ опредѣленно-личныя сказуемыя древнѣе безличныхъ. Такъ, въ „убитъ волъ“ сравнительно съ млр. „забито вола“.—Влр. надо возникло изъ надобѣ ѥсть (т. е. предл. на съ мѣстнымъ добѣ); въ надобѣ-ть, надо-ть, какъ и въ нѣту-ть, -ть есть не знакъ 3 л. ед. (Бусл. Гр. § 200, Пр. 13), а ставшее плеонастичнымъ мѣстоим. въ дат. ти, какъ въ ст. русск. то-ти, польск. to-ć. Глагольная сила въ надоть зависитъ не отъ этого -ть, а отъ опущеннаго ѥсть. Въ нынѣшнемъ литер. яз. надо, ненадо, надобно — безличны и требуютъ дополненія въ родительномъ; но необходимость этого родительнаго, связанная съ безличностью, позднѣе именительнаго подлежащаго въ влр. народномъ яз.: „али мнова (=га) тобѣ надоть золота казна, али сила тобѣ надоть несчетная, Онеж. б. Пам. и Обр. I, 314; мнѣ ненадоть твои городы съ пригородками, и ненадоть мнѣ-ка села съ приселками, да ненадоть и твоя мнѣ золота казна, да ненать мнѣка и сила несчетная, ib.; ненадо мнѣ эти луки богатырскіе, Др. р. ст. 130; ненадо мнѣ твои дани выходы, ib. 133 и пр. какъ и въ старину: „ненадобѣ моя дань“ 1490, Ак. юр. (Бусл. l. c.).
375 Подобно этому сочетанія съ именительнымъ „не трѣбѣ ти молчаніе“ болѣе древни, чѣмъ безличныя „нѣсть ми трѣбѣ орання (Mikl. Lex. трѣбѣ); млр. „нам перецъ тепер треба, Метл. 189, кажется, древнѣе обычнаго „треба, треба було (буде) перцю“. Относительно треба — Mikl. V. Gr. IV, 367.

14. Неопредѣленное накл. (субъективное и объективное), связанное съ главнымъ предложеніемъ посредствомъ относительнаго слова.

Въ нынѣшнемъ языкѣ такое употребленіе аномально въ томъ смыслѣ, что составляетъ особенность неопредѣленнаго наклоненія; но въ древнемъ оно находитъ соотвѣтствіе въ вышерассмотрѣнномъ (стр. 205—31) сочетаніи безглагольнаго причастія со сказуемымъ посредствомъ относительнаго слова. Принадлежащіе сюда случаи раздѣлю на два разряда: въ первомъ (А) при неопредѣленномъ стоитъ мѣстоименіе или нарѣчіе, во второмъ (В)—союзъ одинъ, или въ сочетаніи съ мѣстоименіемъ или нарѣчіемъ. Имѣя въ виду оба разряда, нахожу слишкомъ узкимъ правило, что разсматриваемое сочет. имѣетъ мѣсто лишь послѣ глаг. „des wahrnehmens und habens" (Mikl. Gr. IV, 868).

A.

а) Типу оборота съ причастіемъ „ѥсть (не безлично), къто принеса", въ коемъ подлежащее причастія имѣется на-лицо въ именительномъ къто, здѣсь, въ области неопредѣленнаго накл. соотвѣтствуетъ оборотъ, примѣры коего нахожу только въ ст.-чешскомъ: nebyl kdo toho napraviti (Komenský); nebyl kdo uhasiti (Bib. bratrská, Zikmund Skl. 401).

б) Типамъ „приношаху, чьто въдадуче" (мѣстоименіе въ косвенномъ падежѣ) и „поима, къдѣ чьто чюя" (нарѣчіе одно или съ косв. п. мѣстоименія) соотвѣтствуютъ подобные случаи съ неопредѣл. субъективнымъ, на мѣстѣ греч. и лат. vb. finitum:

Мария же мышляше, чьто сътворити? Златостр. XII, 6, Срезн. Др. п. Р. п. 193;

неимѫть, чесо ѣсти, О. ев. Мат. 15, 32 (*τί φάγωσι*); 376

неимамъ, чесо положити (*ὃ παραθήσω*) прѣдъ нимь, ib. Лук. 11, 6;

толико крестъ честьныи взя на благословеніе собѣ, а прокъ имѣнія да, чимъ же надъ нимъ дѣяти на послѣднія дни, чимъ свѣчю и просфуру его побдѣти, Ип. 76 (326).

Сынъ человѣчьскыи неимать, къде главы подъклонити (*ποῦ κλίνῃ*), О. Ев. Мат. 8, 20; чьто сътворю, яко неимамъ, къде събьрати (*ποῦ συνάξαι, ποῦ συνάξω*) плодъ моихъ, ib., Лук. 12, 17; мысляше, кде бы жити, Лавр. 67 (бы какъ союзъ);

необрѣтъше, кѫду вънести и (*διὰ ποίας εἰσενέγκωσιν*), ib. Лук. 5, 19; необрѣтъ, кѫдоу съвратитисѧ къ пештерѣ.. паде, Супр. 212.

Како ваю похвалити, несвѣмь, и что рещи, недоумѣю, XII в. Срез. Ск. о Б. и Гл. XXIV.

Такъ и въ другихъ слав. нарѣчіяхъ: серб. немам, шта јести, гдје главе заклонити; хорут. nimam, kaj jesti, kje glave nasloniti; пол. mam

(niemam) co ješć и т. п.; чеш. nemá, nač sam sebe živiti, nevím, jak a čim tobě zadosti učiniti (Zikm. 405, 642).

То-же въ литовскомъ: netur, ko walgiti, kur sawo galwos padėt; jůdu nįmane, kur dėtis (обое незнали, куда дѣться); jis nežinoje, ką daryt (онъ незналъ, что дѣлать). Въ итал. non so che fare; non ho che dire; франц. je ne sais, quelle partie prendre, je n'ai que faire de lui; ср. в.-нѣм. er enwiste waz tuon, wie gebâren, Mikl. Gr. IV, 869—70.

Въ новомъ русскомъ: (думалъ, незналъ и пр.), что дѣлать, чѣмъ заняться, съ кѣмъ говорить, куда пойти, гдѣ положить. Такъ и въ мр.: незнаю, що робити и пр. Вмѣсто главнаго сказуемаго опредѣленноличнаго имаамъ, неимаамъ—безличное: (у меня) есть что ѣсть, нѣчего ѣсть и пр. Такъ и въ лотыш. (têm newa ko êst), гдѣ сверхъ этого и неопр. нерѣдко замѣняется личными формами (напр. Лук. 11, 6; Мат. 8, 20).

377 в) Особенность неопредѣленнаго накл. сравнительно съ причастіями состоитъ въ томъ, что оно здѣсь можетъ имѣть подлежащее, отличное отъ подл. главнаго сказуемаго, особенно, когда послѣднее безлично, напр. „есть, кому ѣхать", „есть (мнѣ, ему, кому либо), гдѣ сѣсть, да нѣчего ѣсть". Въ ст. языкѣ:

А жена моя пострижется въ черниці, ѥсть ѥй, чимъ ся пострици, Духов. Новг. 1270, Срезн. Свѣд. и зам. IV, 38;

(Ананія и Сапфира) обличаѥма Петромъ, противистаса ѥмоу бѣсадамъ, мнѧшта оутаити сѧ ѥго, а несъмыслѧшта, яко нѣ-кде сѧ порѫгати свѧтоуоумоу доухоу, Супр. 268;

аже будеть далече, яко въ селѣ, а нѣгдѣ, будеть, взяти другое просфуры, то достоить (одиною просфурою служити). Аже будеть близь торгъ, гдѣ купити, то недостоить, Впраш. Кюр., Калайд. 194.

уже намъ нѣ-камо ся дѣти, Лавр. 30;

радъ быхъ самъ съ тобою шелъ, но нѣ-коли ми: ѣду, господине, до Суждаля жениться, Ип. 209 (гдѣ при нѣколи, какъ при „мнѣ нѣкогда", млр. „мені ніколи" опущено неопредѣленное накл. глагола, указываемаго контекстомъ);

свѣтлостью нѣ-како зрѣти (нѣкакъ было, т. е. нельзя было), зане вся церкви бяшеть золота, Ип. 111 (395); ср. въ нов. свр. нѣкакъ ростить-то сиротныхъ мнѣ-ка дѣтушекъ: будутъ по миру оны да вѣдь скитатися, по подоконью оны да столыпатися, Барс. Прич. I, 1;

бысть тоиѣ ночи тепло и дождь рамянъ, и небысть имъ, куда переѣхати, Ип. 127.

Въ оборотахъ этого рода дѣйствующее лицо неопредѣленнаго накл. указывается наличнымъ или подразумѣваемымъ дательнымъ, соотвѣтствующимъ именительному мѣстоименія при опредѣленноличномъ главномъ сказуемомъ въ „ѥсть, къто донеса", „nebyl, kdo uhasiti". Это тотъ самый дательный, который стоитъ въ латин. est mihi liber, въ ст.-слав.

мънѣ ѥсть (напр. аще бѫдетъ ѥтероу дроугоуоумоу человѣкоу съто овьць, О. Ев. Мат. 18, 12), въ лит. лот. mán yr, man ir (=у меня есть). Онъ можетъ замѣняться въ нов. врусск. посредствомъ *у* съ род. для отличія отъ другихъ оттѣнковъ дательнаго, которые тоже могутъ служить связью между глав. сказуемымъ и неопредѣленнымъ, напр. „мнѣ (т. е. у меня) есть кому (т. е. къ кому, или dat. commodi для кого) писать". Двусмысленность устраняется контекстомъ, на пр. „Богъ помочь вамъ! Чи ня ёсь у васъ, робяты, вады попиць? Роман. Бр. сб. 3, 261), т. е. не вамъ попить, а мнѣ.

Другіе примѣры въ нов. русск. лит.: есть, чему v. нѣ-чему удивляться, есть кого v. нѣ-кого уважать, есть что v. нѣ-чего дѣлать, есть чего v. нѣ-чего бояться, есть чѣмъ v. нѣ-чѣмъ жить, есть въ чемъ v. нѣ въ чемъ ходить и пр.; есть гдѣ v. нѣ-гдѣ жить, есть куда v. нѣкуда дѣться и пр. Въ млр. есть що v. нічого робити, єсть чим v. нічим одягтись, єсть на що v. нінащо дивиться, єсть до кого v. нідокого при- 378
хилитися и пр.; єсть де v. ніде дітись, нікуди пійти, нівідкіля сподіватись, ніколи.., ніяк... Вездѣ здѣсь ні=нѣ—ударяемое, между тѣмъ какъ вост. мр. ні=ни (лит. неу) въ ніхтó и пр. неударяемо: нічóго неробить, нідочóго неберецьця, нідокóго неговорить, нінакóго недивицьця, нізáщо ні прóщо (пропавъ), нія́к, ніку́ди и пр.

Судя по употребленію другихъ временъ въ главномъ утвердительномъ сказуемомъ [„было (будетъ, было-бы), что ѣсть", млр. „було (буде) що ї̈сти], можно бы и при отрицаніи ожидать: „нéбыло, чего ѣсть" и пр.; но на-дѣлѣ встрѣчаемъ уже въ древнемъ яз. „нѣгдѣ будеть възяти" (Впраш. Кюр., Калайд. 194), какъ и въ новомъ, „нѣгдѣ", „нѣчего было (v. будетъ) ѣсть", въ млр. нічого було (буде) јісти, нідокого було притулитись и пр. Если-бы мы имѣли передъ собою только обороты съ прошедшимъ („нѣчего было дѣлать"), то можно бы попытаться счесть за первообразную форму такую: „нѣсть (=не есть) было чесо.." съ ѥсть входящимъ въ составъ главнаго сказуемаго вмѣстѣ съ было; но въ такомъ случаѣ возникъ бы вопросъ, почему ѥсть не опущено, по правилу, какъ въ пол. nie było (jest), co robić, а удержано. Но кромѣ того мы имѣемъ и обороты съ будущимъ (нѣ-чего будетъ дѣлать), которое немыслимо въ сочетаніи съ есть (ѥсть-будетъ). Поэтому остается принять, что обороты „нѣ-чего-было v. нѣ-чего-будетъ дѣлать", млр. нічого-було и пр. съ было, будетъ лишенными ударенія и прислоненными къ предыдущему слову съ нѣ, предполагаютъ выраженія съ двумя глагольными сказуемыми: (мнѣ) было (есть) нѣ (=неесть) чего дѣлать, бýдетъ нѣ-чего дѣлать" [1]). Эти послѣдніе обороты значатъ собственно: „мнѣ было (будетъ) такъ: нѣчего (теперь) дѣлать" (и потому, напр. я пошелъ), и могли бы быть переданы поль-

[1]) Относит. постпозитивности было, будетъ ср. постпозитивное хоть изъ препозитивнаго хотя, стр. 440.

скимъ „niemiałem co robić (do roboty, do czynienia), więc poszedłem“. Вмѣстѣ съ перестановкою и прислоненіемъ (ἔγκλισις) „было“ возникаетъ новый оттѣнокъ, который будетъ переданъ польскимъ „niebyło co
379 robić (więc poszedłem)“, и въ коемъ русскому было въ польскомъ соотвѣтствуетъ не какое либо вещественное слово, а лишь грамматическая форма, именно время главнаго сказуемаго.

г) Буслаевъ (Гр. § 196, 1, а), въ примѣръ неопредѣленнаго, употребленнаго какъ сказуемое безличное съ подразумѣваемымъ льзя, нельзя, должно и т. п., приводитъ рядомъ два выраженія: „то мнѣ есть порока всякого отъ людий неуйти“, Ип. 35, и „уже намъ нѣкамо ся дѣти“, Лавр. 30. Между тѣмъ строеніе этихъ оборотовъ весьма различно: въ первомъ неопредѣленное наклоненіе присоединяется ко глаголу непосредственно (такъ какъ дополненія, которыя могутъ раздѣлять эти слова, для характера оборота несущественны), а во второмъ — посредственно. Отсюда слѣдуетъ, что во второмъ случаѣ неопредѣленное н. ближе къ полноправному сказуемому, чѣмъ въ первомъ. Съ другой стороны, въ первомъ ѥсть, переставая означать существованіе и наличность, становится, по крайней мѣрѣ стремится стать чисто формальнымъ. Согласно съ этимъ, сила рѣчи никогда на него непадаетъ, почему оно и опускается часто въ старинномъ языкѣ и всегда въ новомъ русскомъ. Напротивъ, во второмъ оборотѣ ѥсть, вошедшее въ составъ нѣкамо, есть гл. вещественный, означающій всегда существованіе „есть, куда“ = существуетъ, находится такое мѣсто, куда...; „нѣкуда“ = нѣтъ такого мѣста, куда.. и т. п. Сила рѣчи падаетъ всегда на это есть, почему оно никогда неопускается, ибо въ „нѣкамо ся дѣти“ неопущено ни льзя или подобное, ни есть, а имѣется только стяженіе не-ѥсть въ нѣ. По своей знаменательности это неѥсть въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ замѣняется болѣе полновѣснымъ глаголомъ, какъ въ польск. niema, niemasz (co robić); въ серб. „нема се куд“ (= није куђ камо); ср. въ лотышск. ir kō ést (есть что ѣсть), но съ отрицаніемъ
380 не ne ir (лит. nera, nėr), а newa, nawa, nau (изъ newaid, 3 л. ед. наст. отъ waist, находится гдѣ), напр. newa ko ést, нѣчего ѣсть.

Если въ русс. лит. въ есть до-нынѣ сохранилось въ большей или меньшей цѣлости окончаніе 3-го л., а въ нѣ (нѣ-куда, нѣ-кому и пр.) оно исчезло вмѣстѣ съ кореннымъ с; то изъ этого, конечно, неслѣдуетъ, что это нѣ имѣетъ другое начало, чѣмъ неесть. Такая звуковая разница есть и въ другихъ нарѣчіяхъ: млр. ѥсть (и є), пiт (котораго, гдѣ оно встрѣчается на югѣ, неслѣдуетъ считать заимствованіемъ) и нi (= нѣ) въ нi-чого їсти и пр.; угорско-русс. не-ѥ (при нiт): не ѥ мого миленького, не-ѥ мого квiту, нiт с ним минi розмовляти до бiлого свiту (Голов. II, 406; ср. ib. 404—5, 422); чешск. jest и neni (= neje); польск. jest и стар. nie (= нѣ изъ neje), напр. weźmi, bo nie (nye)

jinego, kromie tego; nie (nye) temu nijenego rownia, Царей I, 21, 9, XIV—XV в., Maciejow. Dodat. 16.

ѣ въ „нѣчего ѥсть“ и т. п. оправдывается какъ ст. славянскимъ (см. Mikl. Lex. нѣ), такъ и малорусскимъ; обычное здѣсь е (не-чего) можетъ быть совмѣщено только съ полнымъ отреченіемъ отъ этимологическаго правописанія. Впрочемъ этого рода ошибки встрѣчаются уже давно: ср. вышеупомянутое (стр. 206) „не-ли (чит. нѣ-ли, т. е. нѣтъ ли) кого, иже бы моглъ на ону страну доити“ Лавр. 28.

Примѣчаніе. Не безъ основанія приписываютъ одно и то-же происхожденіе двумъ слѣдующимъ нѣ:

аа) нѣ передъ мѣстоименіями и нарѣчіями мѣстоименными: нѣкыи и польск. niejaki (нѣкоторый), нѣкъто, нѣчьто а) въ знач. мѣстоименія = обл. вр. што-ли (что нибудь, Подвысоц.), што-нѣ (пишутъ што-не: што-ие сбылось на родимой моей родинкѣ, Барс. Прич. I, 144), поль. nieco, что бы ни было, нѣсколько, немножко; б) нѣчто въ знач. союза въ ст. вр.=если: „а нѣчто, будетъ, цесаревъ гонецъ Лукашъ.. похочетъ во Псковѣ нанятн извощиковъ.. и вы бъ Лукашу извощиковъ нанять поволили, 1597, Пам. диплом. сн. II, 419; въ нов. вр. (у Даля ошибочно нешто и нежто) развѣ, неужели, въ вопросит. предложеніяхъ, для выраженія сомнѣнія или увѣренности въ противномъ (мр. хиба-ж); нѣкъдѣ (гдѣ-то), нѣкогда (когда-то) и др. Нѣ здѣсь сначала ставилось раздѣльно 381
(Бусл. Гр. § 75, пр. 1), что и до-нынѣ остается какъ архаизмъ въ вкр. просторѣчіи: „нѣ въ кое время“, Др. р. ст. 17, „нѣ въ которомъ царствѣ“, въ мкр. это нѣ, кажется, потеряно.

бб) нѣ въ др.-русск. передъ численнымъ обозначеніемъ величинъ, для выраженія приблизительности: „и бѣ у нее (чит. у нею, т. е. вълхву) людий нѣ 300, Лавр. 75; ѣхахомъ сквозѣ полкы Половьчскіе не (чит. нѣ) въ 100 (=въ сътѣ) дружинѣ, ib. 104; избьено не (=нѣ) съ 200, ib.; имаша на нихъ нѣ съ полуторы тысяце грив(ь)нъ, Новг. I, 8; придоша Емь на Водь ратью нѣ въ тысящи, ib. 11; убиша ихъ Новгородьци не (=нѣ) о трьхъ стѣхъ, ib. 17.

Тождество случаевъ аа и бб видно и теперь при сравненіи нѣ-кто съ нѣ-сколько. Послѣднее, разложенное на нѣ съ колико формально равно съ нѣ съ триста. Въ предлогѣ съ сопоставленіе въ пространствѣ служитъ здѣсь и въ другихъ случаяхъ представленіемъ сходства и равенства, такъ что нѣ-с-колько значитъ собств. „приблизительно (нѣ) равное (съ) коликому“. Оба случая (нѣкъто и нѣ до осми мужь) Миклошичъ (V. Gr. IV, 172), пользуясь догадкой Копитара, объясняетъ отлично отъ „нѣчего (=не ѥсть чего) ѥсть“ и пр., именно—изъ предполагаемаго не вѣ къто (а это изъ невѣсть къто), въ страдательномъ значеніи „nescitur quis“, или изъ невѣмь къто, nescio quis, при чемъ предполагается фонетическій процессъ, какъ въ сред. в.-нѣм. neiz изъ niweiz. Пожалуй, можно бы предположить, что и вкр. обл. нисъ („нисъ прийдетъ, нисъ неприйдетъ“=нетό... нетό) возникло не изъ „не ѥсть“, а изъ не вистъ = невѣсть. Сближенію Миклошича врядъ-ли можетъ помѣшать то, что нестяженное „невѣсть кто, -что, -гдѣ“ значитъ не aliquis, aliquid, alicubi, а, подобно мр-му незнать 382
що, польск. niewiedzieć co, нѣсколько интенсивнѣе: невѣсть что — не нѣчто, а Богъ знаетъ что, чортъ знаетъ что, дурное, пустое; невѣсть сколько — не нѣсколько, а много и т. п.[1]). Но такое нѣ изъ невѣсть было бы предпочтительно лишь въ

[1]) Мкр. навіщо въ знач. нáщо? необъяснимое изъ на ось що (такъ какъ указательное ось=осе=ѥсе въ вопросѣ неумѣстно и такъ какъ о въ ось непереходитъ въ і), произошло изъ невіщо (=невість що) въ выраженіяхъ, какъ „звівся на невіщо“, откуда ошибочное „звівся ні на віщо“. Сравнивая невѣсть что и невіщо съ не-

случаѣ, если-бы нельзя было вывести его значенія изъ не ѥсть (какъ въ „нѣчего дѣлать"), чего я недумаю. Нѣ въ нѣ триста сходно съ отрицаніемъ не при числительныхъ въ млр., для обозначенія числа, больше указаннаго и тѣмъ самымъ неопредѣленнаго: „(рѣка) либонь ворочавши не пъятьдесят млинів" (Гребінка), т. е. гораздо больше. Сюда цсл. нѣ.. нѣ въ значеніи не то... нето (какъ врусс. нись.. нись), или.. или: „Ѥгда се премѣнить нѣ на боурою нѣкакою, нѣ на бездождиѥ, І. Экз. Шестодн. 109. Такъ и нѣ изъ не ѥсть могло получить значеніе неопредѣленности и приблизительности при числительныхъ, тѣмъ болѣе, что не ѥсть in extenso встрѣчается тамъ, гдѣ можно бы обойтись простымъ не: „Ой не єсть то, нас, брате, на Чорному морі супротивна хвиля потопляє (=потопляетъ), а єсть то отцева-матчина молитов побиває-карає, З. о Ю. Р. I, 29 [2]).

---

383 д) Неслѣдуетъ заключать отъ состава самостоятельныхъ вопросительныхъ предложеній „кому (есть) ѣхать?", „что (есть) дѣлать?" и пр. къ составу зависимыхъ въ „есть, кому ѣхать", „есть, что дѣлать". Въ послѣднихъ ничто неопущено (Mikl. V. Gr. IV, 868): они вовсе непредполагаютъ „есть, кому есть ѣхать". Въ этомъ убѣждаетъ, во-первыхъ, то, что въ ст.-славянскомъ, рѣдко опускающемъ ѥсть, сѫть, и, по-видимому, лишь въ угоду греческому („блажени нищии духъмь" и т. п.), ѥсть въ разсматриваемыхъ предложеніяхъ, несмотря на ихъ самостоятельность, постоянно отсутствуетъ („неимѫть, чесо ѣсти"), какъ въ соотвѣтственныхъ оборотахъ съ причастіемъ („невѣдѧтьсѧ, чьто творѧще)". Во-вторыхъ, придаточныя изъ относительнаго слова съ неопредѣленнымъ сами по себѣ неимѣютъ времени, тогда-какъ они должны бы его имѣть, если-бы въ нихъ было опущено ѥсть. Въ этомъ отношеніи придаточное въ „небысть, куда переѣхати" должно быть сравнено не со всѣмъ сочетаніемъ „небысть переѣхати, а съ однимъ неопредѣленнымъ въ этомъ сочетаніи, неопредѣленнымъ, которое, въ отличіе отъ причастій (вѣстесѧ, чесо просѧще v. просивше), означаетъ лишь моментъ, слѣдующій за-тѣмъ, который означенъ глаголомъ, т. е. относительно времени зависитъ отъ главнаго сказуемаго.

Неопредѣленное н. глагольнѣе причастія. Поэтому стремленіе языка замѣнять эмбріональныя придаточныя предложенія болѣе развитыми, т. е. глагольными, уничтоживши обороты съ причастіемъ въ придаточномъ („невѣстесѧ, чесо просѧще"=чего просите), удержало неопредѣленное въ „незнаете, чего просить". Впрочемъ, и здѣсь въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣтно приближеніе придаточнаго къ полной глагольности. Какъ уже въ ст.-сл. для явственнаго выраженія оттѣнка буду-

---

знать що, niewiedźieć co, можно бы подумать, что и въ первыхъ вѣсть есть не 3 л. ед. наст., а, какъ въ послѣднихъ, неопредѣленное вѣсти, сохранившееся въ зап. млр. (вісти) и предполагаемое среднимъ родомъ прич. страд. въ ст. русск. „вѣсто".

[2]) Mikl. (Gr. IV, 823) приводитъ этотъ примѣръ, говоря о сочетаніи ѥс, бы съ причастіемъ наст. (бѣаше бѫдѧ и пр.), что ошибочно: такого причастія (геэр. дѣеприч.) наст. „караѥ" въ млр. вост. небываетъ.

щаго въ „*τί λαλήσετε*“ поставленъ въ придаточномъ глаголъ при неопредѣленномъ („непьцѣтеса, како или чьто имате глаголати“, О. Ев. Мат. 10, 19); такъ въ серб. на мѣстѣ безглагольнаго ст.-сл. неопредѣленнаго („необрѣтъше, кѫду вънести и“) стоитъ будущее: „ненашавши, куда ће га унијети“. Ср. малор. „незнаю, що чинити маю“ при „незнаю, що чинити“. Само это послѣднее придаточное получаетъ болѣе глагольный видъ отъ того, что и въ независимомъ предложеніи „что дѣлать?“ стало обычно опущеніе глагола, такъ что видимая разница между обоими оборотами стерлась. 384

Хотя въ разсматриваемыхъ придаточныхъ ст.-сл. неопредѣленное стоитъ на мѣстѣ греч. лат. конъюнктива, но невыражаетъ ни сослагательности, ни, первоначально, даже изъявительности. Поэтому чешскіе и другіе писатели, стараясь приблизиться къ латинскому, ставятъ на мѣстѣ неопр. н. въ придаточныхъ условное накл. какъ и на мѣстѣ причастій:

οὐκ ἔχει, ποῦ τὴν κεφαλὴν κλίνῃ, non habet, ubi caput reclinet, чеш. nemá, kdeby hlavu sklonił, Мат. 8, 20;

μὴ εὑρόντες, διὰ ποίας εἰσενέγκωσιν αὐτὸν, qua inferrent, чеш. kterou by jej stranou vnesli, пол. którędy by go wniesli, хорут. kod bi ga vnesli, лат. caur ko tê wiñu înestu, Лук. 5, 19; *οὐκ ἔχουσι, τί φάγωσι,* non habent quo vescantur, чеш. nemaji, co by jedli, пол. niemają co by jedli, Мат. 15, 32.

Какъ уже упомянуто, въ русскомъ такіе обороты были бы большею частью ошибочны, такъ какъ въ этомъ языкѣ условность непереходитъ въ сослагательность. Впрочемъ въ ограниченіе сказаннаго объ отсутствіи модальности въ придаточн. съ неопредѣленнымъ безъ глагола слѣдуетъ прибавить, что въ русск. „незнаю, что сдѣлать“ стало казаться изъявительнымъ послѣ того, какъ получилась возможность сказать съ явственнымъ условно-желательнымъ оттѣнкомъ „незнаю, чтó-бы сдѣлать?“.

Б.

Положеніе, что союзъ при неопредѣленномъ вовсе не непремѣнно 385
предполагаетъ при этомъ неопредѣленномъ опущеніе глагола, вообще вѣрно; но точное опредѣленіе границъ между безглагольнымъ неопр. н. и такимъ, при коемъ опущенъ глаголъ, довольно затруднительно, почему въ слѣдующемъ можно ожидать ошибокъ.

а) Какъ нѣмецкое неопр. накл. съ предлогами um, um-zu предполагаетъ безпредложное, такъ есть указанія, что слав. неопр. съ союзами, своеобразно достигающими той-же общей цѣли, что въ другихъ языкахъ предлоги, возникло изъ болѣе древняго безсоюзнаго. Какъ велика въ древнемъ языкѣ неопредѣленность отношенія инфинитива къ главному сказуемому, видно изъ сравненія этого языка съ позднѣйшимъ,

въ коемъ (неговоря уже о замѣнѣ неопредѣл. личнымъ глаголомъ съ союзомъ преимущественно въ серб., болг. и хорут.) на мѣстѣ древняго безглагольнаго и безсоюзнаго неопр. н. стоитъ или такая-же форма („хощѫ видѣти“=хочу видѣть), или изъявит. съ изъяснительнымъ союзомъ („мьнитьсѧ видѣти“=думаетъ, что видитъ), или неопр. н. съ союзомъ заключительнымъ. Послѣдній оборотъ замѣняетъ какъ то древнее неопр. накл., которое возникло изъ имени дѣйствія въ дательн. цѣли, такъ и то, которое изстари появляется тамъ, гдѣ можно бы ожидать достигательнаго.

Имѣѩи уши слышати (*ἀκούειν*, чтобы слышать), да слышить, О. Ев. Мат. 11, 15.

Сѣдѣаше съ слугами видѣти (*ἰδεῖν*, чтобы увидать, „желая видѣть“ какъ переведено въ литовскомъ) коньчинѫ, ib. Маѳ. 26, 58.

Оглядааашесѧ видѣти (*ἰδεῖν*, чтобы увидѣть) сътворьшѫѭ се, Мар. 5, 12.

386 Посъланъ ѥсмь глаголати (*λαλῆσαι*) къ тебѣ и благовѣстити (*εὐαγγελίσασθαι*) тебѣ се, О. Ев. Лук. 1, 19, я посланъ съ тѣмъ, чтобы.., хотя можно и безъ союза: посланъ сказать; хорут. naj govorim, naj oznanim.

Възнесоста родителя отрочѧ Іисуса въ Іѥрусалимъ поставити (*παραστῆσαι*, чтобы п.) прѣдъ Господъмь, ib. Лук. 2, 22.

Изидошѧ видѣти (*ἰδεῖν*, чтобы...) бывъшеѥ, ib. Лук. 8, 35.

Простое неопред. н., бывшее здѣсь требованіемъ слав. языка, а не подражаніемъ греческому, ставится и на мѣстѣ греч. неопр. съ союзомъ:

отъкѫдѫ намъ въ пустѣ мѣстѣ хлѣбъ толико насытити (*ὥστε χορτάσαι*, чтобы насытить) народа толико, ib. Мат. 15, 33.

Сюда слѣдуетъ присоединить эпегзегетическое неопр. накл. у Микл. (V. Gr. IV, 857), какъ „испльнише се дьнье родити (ѥй)“, коихъ я никакъ бы несчелъ грецизмами (Mikl. ib. 858), и примѣры неопр. н. цѣли, ib. 858, 13. Въ послѣднемъ мѣстѣ противоположеніе славянскихъ языковъ литовскому и лотышскому требуетъ ограниченія, такъ-какъ примѣры неопредѣленнаго цѣли (безъ союза), каковы приводимыя Шлейхеромъ (L. Gr. 312) и Биленшт. Gr. (§ 731), возможны и въ русскомъ, несмотря на значительное позднѣйшее развитіе союзовъ. Лишь въ томъ отношеніи я несогласенъ съ мнѣніемъ Вс. Миллера (Ueber den Letto-slav. infinitiv, Beitr. VIII, 165), будьто ст. русс. и лит. примѣры, добные приведеннымъ ниже, сближаемые М-мъ съ дательн. infitiv. въ Ведах, вполнѣ чужды нынѣшнему русс. яз., т. е. вполнѣ вытѣснены неопр. съ союзами, какъ чтобы, дабы:

Данилъ.. гна, всѣдъ на конь, видѣти невиданыя рати.. и инии мнозии князи с нимъ гнаша видѣти нѣвидѣное рати (Ип.[2] 496) = поскакалъ посмотрѣть; древнѣе было бы „гна.. видѣтъ“, съ достигатель-

нымъ, устраняющимъ сравненіе съ дат. цѣли, какъ ib. выше: „пришла суть видѣть олядий Рускихъ“.

Раздвиже земля уста свои приняти кровь брата твоего (Ип.[2] 499), чтобъ принять, но возможно, хотя архаично, безъ союза, какъ у Держ. „зіяетъ время славу стерть“.

И вдасть Кыевъ в руцѣ Дмитрови обьдержати противу иноплеменьныхъ языкъ (Ип.[2] 521), какъ нынѣ далъ, поручилъ защищать.

Посла и Володимѣръ с тозѣмьци в челнохъ воз-верхъ рѣкы Лосны, абы кдѣ изнаити таково мѣсто городъ поставити (ib. 578); и теперь возможно безъ союза нетолько первое, но и второе неопр.: послалъ найти мѣсто поставить г. Относительно такого второго неопр. накл., примыкающаго къ дополненію перваго, ср. въ стар. яз. „никуда же неможе пути собѣ налѣсти ѣхати (=чтобы ѣхать) по Святославѣ“, Ип. 129 (430) и въ новомъ, какъ „немогъ найти средствъ платить за обученіе“, „сталъ искать спички зажечь свѣчу“ и т. п.

То ее ты со мною цѣловалъ крестъ, ходити нама по одиной думѣ обѣма, Лавр. 207 (458).

Лит. примѣры (В. Милл.), какъ „asz ne żidauka nedėle skalbtė“, „asz ne antėlė per mares plauktė“, „ne gegużelė girioj kukůtė“ (н. п.=я не жидовка, чтобъ мыть бѣлье въ воскресенье, я не утка, чтобъ по морю плавать, не кукушка, чтобъ въ лѣсу куковать), могутъ быть сравнены съ такими, какъ „онъ не дуракъ работать, когда можно лежать.

Примѣры (Шлейх., Биленшт.), какъ лит. asz ugnelę prakuriau pusrytukus virti“, лот. pakur ugguni sildit, прямо соотвѣтствуютъ русскимъ: я развелъ огонь варить завтракъ, разведи огонь ѣду разогрѣть. Ср. мр. „вороне, що ти копаеш?—Пічку.—На-що?—Окропи гріть, твоїм дітям очи заливать“ (дѣтск. игра). Лотыш. trûkst naudas pirkt (Biel.)=нѣтъ денегъ купить; тӯр бӯс науда падзертѣс (Спрог. 76)=будутъ деньги напиться; ваяга.. ліну двѣлі (винит.) слауцітѣс (Спр. 78)=нужно льняное полотенце утираться; ср. мр. дума собі, мотаючи рушничком, що узяла (=с собою) підперезатись; Квит. Щ. л.

Возвращаясь ко мнѣнію Миклошича (IV, 858—9), невижу, почему „неопр. н. цѣли (der finale inf.), гдѣ оно не стоитъ на мѣстѣ супина, есть явленіе неславянское“? Что можетъ быть заимствованнаго въ „имѣꙗ оуши слышати (ὦτα ἀκούειν) да слышить, Марк. 4, 9; даяше оученикомъ своимъ прѣдложити (παρατιθέναι) народоу, Лук. 9, 16? Искони и до нынѣ: „и вложи ему (человѣку) очи видѣти, и уши слышати, и умъ совѣтовати (сп. 1620, Пам. ст. Р. л. 15); нетолько на пр. „дай доѣхать“, но и: дай-ко, Господи.. тиху тишинку на широкой на улицѣ, благодать да ты на славномъ этомъ морюшкѣ, переѣхать черезъ синее Онегушко, передаться на родиму мнѣ на родинку, Барс. Прич. I, 92. еще дай да Боже-Господи ему въ домъ жену неумную плодить (=что-

бы она плодила) дѣтей неразумныхъ, ib. 288. Подобное возможно и въ мр.—Съ бо́льшимъ основаніемъ можно видѣть постороннее вліяніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ позднѣйшей замѣны неопредѣленнаго, какъ напр., вм. ѥда храма неимате ясти и пити, хорут. na jestvino i pitvino, поль. do jedzenia, zum essen; вм. прѣдложити (см. выше Лук. 9, 16), хорут. da bi dali, поль. aby kladli, какъ и давно уже въ поль.: „dzień jego przidzie, aby umarł, Царь. 26, 10; wyszedł krol Izraelski, aby szukał pchły, Цар. 26, 20 (XIV—XV в. Mać. Dod. 19).

б) То отношеніе, которое мы привыкли выражать заключительнымъ союзомъ, могло быть, хотя и съ меньшею опредѣленностью, означено союзомъ изъяснительнымъ: въ стар. яз. **оже** (ѥже), **аже**, *а* (?), позднѣе—**что**:

Отверзенѣ бо ему бѣста отъ Бога очи сердечнѣи **оже** пещися церковными вещьми и клирикы, Лавр. 173 (391).

Азъ того хощу **еже** за Христа пострадати, Воскр. л., П. с. Р. л. VII, 154.

Како еси былъ умолвилъ с братомъ своимъ Рюрикомъ и со мною, **аже** совокупитися у Чернигова всимъ, да любо быхомъ умирилися вси на всей волѣ своей, Ип. 149 (469), съ чѣмъ ср. ib.: „а умолви с нимъ мужемь своемь (= имь, т. е. черезъ своего посла) *а* переже весны доспѣвъ **сѣдѣти** и воеватися со Олговичи а вѣсти отъ тебе ждати правоѣ“.. ..„умолви с нимъ про волость свою и про дѣти своя *а* Кыева подъ Рюрикомъ неискати а подъ Давыдомъ Смоленьска неискати“.

Сим ли Бога умолите, что утопла или удавленика выгрести? Серап. въ Паис. сб., Бусл. И. Хр. 527.

То се ты со мною цѣловалъ крестъ ходити нама по одиной думѣ обѣма; то коли рать была, со мною еси ко царю небѣжалъ, но (з. вм. не) осталъ еси в Руси, избывъ въ Вороножьскыхъ лѣсѣхъ того дѣля, **что** розбити, а крестного цѣлованья забывъ, **чтобы** нама Богомь и правдою своею потягати бесерменина, Лавр. 207 (458).

Азъ быхъ того хотѣлъ, **что** за Христа кровь свою прольяти, Воскр. л., П. с. Р. л. VII, 154.

Крестъ къ нему цѣловаша, **что** его невыдати, Пск. II, 1327; П. с. Р. л. V, 12.

И сталъ царь Далматъ кручиноватъ: „а не на то-де онъ пріѣхалъ ко мнѣ во царство, что ему служить, но на то онъ пріѣхалъ, **что** ему царствомъ завладѣть моимъ, Ск. о Ерусл. Лаз., Пам. ст. Р. л. I, 332.

Не честь мнѣ будетъ нѐ хвала, **что** сонного убить: сонной человѣкъ—аки мертвой, ib. 328.

Подымись, моя родна сестра, **что** ити-то въ парну баенку, **что** смывать-то волю вольную да красу-то свою дѣвичью, Новг., Шейнъ, Р. н. п. 495; благослови, кормилецъ батюшка, что ити-то въ парну баенку,

ib.; благослови... что садиться за дубовый столъ, ib. 496 (ср. благословите мнѣ дѣвушкѣ идти въ парную баенку, Рыбн. III, 397; вы давайте-ка, родители, великое благословеньице мнѣ повыдти красной дѣвушкѣ на широкую-то улушку, ib. IV, 121); для того я пиво пьяное варю, что твоихъ-то поѣзжанъ поить, что твоего-то свѣта суженаго, Шейнъ ib. 495; чесала родная матушка, завивала кудри мила сестра, что во путь-то во дороженьку по свою ѣхать по сужену, ib. 505; вамъ спасибо.. что пришли.. что спровадить мою волю бажоную на чужу дальню ознобну сторонушку, Рыбн. IV, 110. Случаи эти отличны отъ частаго въ вр. п. что, столь же плеонастическаго съ точки нынѣшняго литерат. яз., какъ и ужъ: „я иду... ужъ по новымъ-то по сѣнечкамъ; я вхожу.. что во новую во горенку, что во свѣтлую во свѣтлицу, Шейнъ ib. 496 et pass.

Отъ обычнаго „нельзя неѣхать"—прямой переходъ къ „нельзя что неѣхати за рѣку Смородину" (Кир. П. VIII, 12 [1]), вытѣсненному отчасти оборотами „нельзя чтобы неѣхать, о коихъ—ниже.

в) Подобенъ этому въ ст.-сл. и ст.-русск. переходъ отъ безсоюзнаго 387
неопр. н. къ неопр. съ яко, како, которое мы въ нѣкоторыхъ случаяхъ переведемъ посредствомъ чтобы, но которое ближе къ союзу что и должно быть отличаемо, какъ отъ нарѣчія яко=какъ, такъ и отъ союза яко=такъ что, о коемъ ниже:

съвѣтъ сътворишѧ архиѥреи и старьци на Ісоуса яко оубити и (ὥστε θανατῶσαι, ut morte afficerent), О. ев., Мат. 27, 1; ср. возможное выраженіе „свѣтъ сътворишѧ оубити и";

въстанѫть лъжии хрьсти и лъжии пророци и дадѧть знамения и чоудеса яко прѣльстити (ὥστε πλανῆσαι) избьраныѩ, ib. Мат. 24, 24.

съвѧжате ѩ (плѣвелы) въ снопы яко съжещи ѩ (πρὸς τὸ κατακαῦσαι), ib., Мат. 13, 30.

Мы видимъ, что яко замѣняетъ два различныя греч. оборота, такъ что, можетъ быть, здѣсь нѣтъ въ слав. подражанія, тѣмъ болѣе, что то-же и въ ст.-русс. памятникахъ:

ты ми еси, брате, много понуживалъ, яко же положити на стръи своемъ, Ип. 58; ср. возможное „понуживалъ положити";

и сдумаша яко изгонити князя своего Всѣволода, Новг. I, 7; ср. съдумаша изгонити;

и поможе ему Всеволодъ акоже облечи ту, Ип. 130; ср. поможе облечи, помогъ расположиться на ночлегъ;

---

[1]) что отчасти похоже на фр. c'est n'est point une chose commode que de voyager dans ce pays; c'est se ruiner que de vivre sans économie; voila ce que c'est que d'être imprudent.

король же, ако срекъ годъ, како поити, и посла къ Изяславу, Ип. 66 (308); ср. „срече годъ поити“, назначилъ время ити;

съсѣдоста въ короля въ шатрѣ и начаша думати якоже (что? чтобы?, или, можетъ быть, какъ, какимъ образомъ?) заутра рано поѣхати биться к рѣци к Санови, тако угадаша, Ип. 67 (309).

388 Едвали всѣ случаи неопредѣлен. накл. съ яко слѣдуетъ считать за безглагольные. Уже выше (408) были приведены подобные примѣры въ § о сочетаніи дательнаго съ неопред. наклон. и съ есть. Возьмемъ изъ нихъ слѣдующій: „съ Ярославомъ... чѣловалъ есмь крестъ на томъ, каkоже (нама) невоеватися“, Ип. 148 (466). Конечно, можно бы думать, что неопр. съ како—безглагольно и возникло изъ неопр. прямо соединеннаго со сказуемымъ: „цѣловалъ ѥсмь крьстъ невоеватися“, сходно съ „кляхомъся непереступати мира и любве“, Лавр. 16. Но съ другой стороны „како невоеватися“, присоединено не къ сказуемому, а къ дополненію „на тъмь“, послѣ коего могло первоначально вовсе небыть союза: „цѣловалъ ѥсмь крьстъ на тъмь: невоеватися“. Въ этомъ случаѣ „невоеватися“ было бы формально сходно съ дебитивными выраженіями закона: „истьцю своѥ лице възяти (ѥсть)“ и пр. (Рус. Пр.). Изъ этого можно сдѣлать придаточное: уставихомъ, яко истьцю... взяти (ѥсть)“, съ которымъ можетъ быть совершенно сходно „цѣловалъ ѥсмь кр. яко невоеватися“ Если-бы и небыло дополненія „на тъмь“, то все таки въ пользу опущенія ѥсть въ разсматриваемомъ выраженіи говорилъ бы дательный при неопред. и оттѣнокъ времени („что небудемъ воевать другъ друга“) котораго невидно въ „поможе ако же облечи“, хотя съ другой стороны ср. стр. 380 сл.

г) При ст.-сл. и ст.-русск. яко въ знач. такъ что, млр. аж, що аж, серб. тако да, неопредѣленное болѣе самостоятельно по отношенію ко главному сказуемому, чѣмъ выше, и при немъ большею частью на-лицо дательный, который можетъ подразумѣваться и въ случаяхъ б). Вся конструкція есть дательный съ неопредѣленнымъ (безъ глагола), подобно тому, какъ въ греч.—*ὥστε* при винительномъ съ неопредѣленнымъ.

И неотвѣща ѥмоу ни къ ѥдиномоу же глаголоу, яко дивитиса Игемоноу зѣло *(ὥστε θαυμάζειν τὸν ἡγεμόνα)*, О. ев. Мат. 27, 14.

389 И въставъ абиѥ и възьмъ одръ, изиде прѣдъ вьсѣми, яко дивитиса вьсѣмъ и славити Бога *(ὥστε ἐξίστασθαι πάντας καὶ δοξάζειν)*, ib. Марк. 3, 12.

И бысть яко мьртвъ, яко мъногомъ глаголати *(ὥστε πολλοὺς λέγειν)*, яко оумрѣ, ib Марк. 9, 26.

Наплънишa оба корабля, яко погрѫжатиса има [*ὥστε βυθίζεσθαι αὐτά (τὰ πλοῖα)*], ib. Лук. 5, 7.

Сърѣтоста и дъва бѣсьноуѭщаса, люта зѣло, яко немощи никомоуже мимоити *(ὥστε μὴ ἰσχύειν τινὰ παρελθεῖν)* пѫтьмь тѣмь, ib. Мат. 8, 28.

Исповѣдаша вьса вьсѣмъ, юже сѧ сълоучи имъ, якоже многоу страхоу напасти на всѣхъ слышащиихъ, Супр. 29.

Възгнѣштеноу же бывъшоу огню, раждегоша сковрадѫ, якоже быти юи подобнѣ огню, ib. 120.

Пьсы толь хытро изоучьше, яко же, гладъмь имъ мьроущемъ и въ оустѣхъ дьржащемь заяць, неясти готовъ (=ы) яди, нъ ожидаеть господина, надѣяся послѣдь накърмленъ быти, Златостр. XII в. Срезн. Др. пам. Р. п. 195.

Отъню ду же небѣ начаятися, оттуду же въсія намъ дьньница пресвѣтла, яко же отъ всѣхъ странъ, видѣвше свѣтѣніе ея, тещи къ ней, вся презрѣвше, тоя единоя свѣта насытити ся, Жит. Өеод. (относительно 2-го неопр. безъ союза см. выше стр. 427).

Вопіють сильно, яко тутьнати и въ(з)гремѣти вьсему мѣсту тому отъ вопля людій тѣхъ, Хожд. Дан. пал., Бусл. Р. хр. 96.

Наиде рана на Полочаны, яко нѣ-како бяше (=нельзя было, см. выше стр. 420) ходити по уличямъ, яко мнѣти вои множьство, а конемъ копыта видѣти, Новг. I, 3.

Гониша ихъ бьюче... яко же немочи ни коневи ступити труніемь, Новг. I, 60, такъ что немогъ и конь (нѣкуда было и коню) ступить за трупами.

Олегъ же бѣ въ то веремя нездравуя велми, яко немощи ему ни на конь всѣсти, Ип. 93.

Княгини же его много раздѣли богатство манастыремъ и попомъ и убогымъ, яко дивитися всѣмъ человѣкомъ (такъ что дивились) яко (=что) такоя милости никто же можеть створити, Ип. 4; и украси ю (церковь) яко и всимъ приходящимъ дивитися, ib. 111.

И изби я, яко мало (читай „малу") ихъ отъ таковыя бѣды избѣгнути, Лавр. 9, такъ что немногіе избѣгли.

Удавиша и рамяно, яко персемъ троскотати, ib. 111, такъ что трещала грудь.

Намъ по суху Днѣпръ перешедшимъ, яко покрыти (и=ѣ) водѣ быти отъ множества людій, Ип. 164.

И толико взяша полона множьство, якоже всимъ русскимъ воемъ наполнитися до изобилья и колодникы, и чагами, и дѣтми ихъ, ib. 98.

Собрашася вси Ятвязи.. мнози.. зѣло, яко и лѣсомъ ихъ (=ими) наполнитися, ib. 186.

И бысть рать велика, якоже наполнити болота ятвяжьская пол- 390
комъ, ib. 192, такъ-что войска наполнили болота.

Внутрьнии же еи (церкви) помостъ бѣ слитъ отъ мѣди и отъ олова, чиста, яко блещатися яко зерцалу, ib. 196, такъ ч. блестѣлъ какъ зеркало.

И пришедъ.. моляшеся.. дондеже и поющимъ вопль его стужи, яко прогнѣватися и рещи (такъ что разсердились и сказали): отвлещи лѣпо есть слѣпца сего, яко (потому что, такъ какъ) нелзѣ имъ (=через него) пѣти, Ск. о Б. и Гл. XII, Срезн. 84.

И тако украси добрѣ, яко многомъ приходящимъ отъ Грекъ и отъ инѣхъ земль глаголати: нигдѣже сицея красоты бысть, ib. 85.

Во всѣхъ этихъ примѣрахъ предложенія съ яко неимѣютъ формальнаго значенія возможности или необходимости. Когда на мѣстѣ „яко немочи“ мы ставимъ „такъ что нельзя было“, то нельзя является здѣсь лишь въ-силу вещественнаго значенія глагола, а не въ-силу грамматической формы сказуемаго; собственно же „яко немочи“ ближе къ „такъ что немогъ никто“. Подобно этому въ слѣдующихъ примѣрахъ „яко видѣти v. невидѣти“ значитъ скорѣе „такъ что нѣкто видѣлъ v. никто невидалъ“, чѣмъ „можно v. нельзя было видѣть“ „было видно (sichtbar, visibile)“.

Изяславу же паче приступающю, и тако устрои Богъ мьглу, якоже невидѣти никомуже, толико до-конець копья видѣти,Ип. 63.

391 Бысть въ тъ дьнь мьгла велика, яко невидити до-конець копья ib. 73.

Сицю же пламени бывшу, яко со всее земли зарѣ видити, яко же и со Львова зряще видити, Ип. 195.

Бысть знаменье въ солнци и морочно бысть, яко и звѣзды видѣти, Лавр. 167.

Видѣвше, оного же рекохомъ, подруга пресѣдяща слѣпа, яко ни вѣкома, ни ряснома его непознатися, Срезн. Ск. о Б. и Гл. 83.

Ужа поторгахуся, велика суща зѣло, яко одва мужеви объяти обѣма рукама, ib. 88.

Мы и теперь скажемъ „рвались такіе канаты, что насилу (v. едва) человѣку обхватить двумя руками“; но въ нынѣшнемъ „что необнять“ и т. п. мы подразумѣваемъ опущенное есть и въ формѣ настоящаго представляемъ всегдашнюю невозможность, что, какъ кажется, незаключено грамматически въ вышеприведенныхъ примѣрахъ.

Въ „бысть сѣча зла, якаже небыла въ Руси, и за руки емлюче сѣцяхуся, и сступашася трижды, яко по удольемъ крови тещи“ (такъ-ч. по ложбинамъ кровь текла), Лавр. 62, мы лишь за неимѣньемъ другого объясненія могли предположить, что при тещи опущено прошедшее бѣ или бяшеть. Между тѣмъ возможно, что прошедшее значеніе неопредѣленаго накл. есть только отсвѣтъ прошедшаго времени въ главномъ сказуемомъ и что неопредѣленное здѣсь безглагольно и означаетъ лишь дѣйствіе, одновременное съ главнымъ сказуемымъ. Попробуемъ замѣнить обычное здѣсь прошедшее глав. сказуемаго будущимъ, напр.

„будеть сѣча зла, яко по удольемъ кръви течи“, или „будеши боля, яко немочи и на конь въсѣсти“, и мы получимъ и въ придаточномъ значеніе будущаго, ненуждаясь въ предположеніи, что здѣсь опущено будеть. Подобно этому въ „бѣ великъ и тяжекъ, яко и на кони немогы сѣдѣти“ безглагольное причастіе настоящаго мы передаемъ прошедшимъ, даже съ дебитивнымъ оттѣнкомъ (т. ч. онъ немогъ, такъ-что ему нельзя было), хотя оно означаетъ лишь дѣйствіе одновременное съ главнымъ сказуемымъ.

По отношенію къ дательному обороты образца „яко кръви течи“ 392
сходны съ такими дательными самостоятельными, какъ напр. „толикъ бо бѣ гладъ, яко и конѣ (винит. мн.) имъ (т. е. осажденнымъ) [1]) хотящимъ ѣсти уже“, Ип. 194 (555)=такой голодъ, что они собирались ѣсть лошадей.

И въ слѣдующемъ примѣрѣ, въ коемъ при неопредѣленномъ съ дательнымъ нѣтъ союза яко, хотя онъ былъ бы умѣстенъ, мнѣти и пр. можно сравнить не со „знати ѥсть“, а съ причастнымъ оборотомъ изъ дат. самостоятельныхъ:

Бысть во едину нощь, потече небо все и бысть чермно, по земли же и по хоромомъ снѣгъ, мнѣти же всѣмъ человѣкомъ (ср. мьнящемъ вьсѣмъ) зряче: акы кровь прольяна по снѣгу. И видѣша нѣціи теченіе звѣздное, отторгахуся бо звѣзды на землю, мнѣти видящимъ я, яко кончину, Лавр. 176.

Отъ случаевъ „яко кръви течи“ отличенъ слѣдующій, по значенію союза и потому, что неопр. накл. въ немъ означаетъ моментъ слѣдующій за временемъ главнаго сказуемаго:

„и тако страшно бѣ зрѣти, яко второму пришествію быти“, Ип., т. е. такъ страшно, какъ будьто имѣло быть (имѣло наступить второе пришествіе.

д) Замѣчательно что греч. обороты съ *πρὶν* v. *πρὸ τοῦ* и неопредѣленнымъ переводятся въ Остр. ев. не посредствомъ дательнаго съ неопр., какъ греч. обороты съ *ὥστε* и винит. съ неопр., а посредствомъ личнаго глагола: *πρὶν ἀλέκτορα φωνῆσαι*=прѣжде даже куръ не възла- 393
сить, Мат. 26, 34; *πρὶν ἢ συνελθεῖν αὐτούς*=прѣжде даже не сънастаса, Мат. 1, 18; *πρὸ τοῦ συλληφθῆναι αὐτον ἐν τῇ κοιλίᾳ*, прежде даже не зачатъса (Исъ) въ чрѣвѣ, Лук. 2, 21, а не „прѣжде даже ѥму незачатиса“. Тѣмъ неменѣе этотъ послѣдній оборотъ слѣдуетъ приписать древнему языку (Mikl. Gr. IV 870), такъ какъ въ противномъ случаѣ

---

[1]) Чтеніе, „и конѣ имъ“ основано на Хлѣбн. и Погод. спискахъ. Въ Ип. было иконинѣмъ, потомъ поправлено иконнѣимъ, т. е. и койнѣ (относит. и ср. нынѣшн. обл. байня=баня) имъ. Издатели предпочитаютъ чтенія: первый „и конемъ хотящимъ“, второй и „и конемъ имъ хотящимъ“, что лишь по крайней нуждѣ, которой нѣтъ, могло бы быть принято за регрессивную аттракцію винительнаго дательнымъ.

трудно было бы объяснить присутствіе въ нынѣшнемъ яз. оборотовъ, какъ „прежде чѣмъ найти дорогу, долго странствовалъ“ (Бусл. Гр. § 282, 5): Ср. обороты съ чѣмъ и чѣмъ какъ, млр. чим и як (въ знач. союза при сравнительной степени и т. п., какъ уже въ древ.-русск.: „кто болий въ васъ, акъ же Өедосій, послушливый, кроткый, смѣреный?“ Лавр. 69):

чѣмъ на мостъ намъ ити, поищемъ лучше броду, Крыл., Бусл. ib. § 282, 5;

млр. чим віддавати хліб у гамазію, так він и собі пригодитьця, Квіт.;

„як свинямъ викинути, такъ лучче вам дати“—оборотъ отличный въ грамматическомъ отношеніи отъ „як маєм (пиво) свиням виливати, так будем ми ёго на таких нетяг роздавати, Зап. о Ю. Рус. I, 201.

Противъ безглагольности неопредѣленнаго въ случаяхъ, какъ, „чѣмъ наказать, онъ помиловалъ“ нельзя приводить въ доказательство случаевъ какъ „чѣмъ было наказать, а онъ помиловалъ“ (ср. Бусл. l. c.): въ послѣднихъ, какъ и въ „нѣкому было пойти“ было несоставляетъ сочетанія съ неопредѣленнымъ, но есть вводное предложеніе (стр. 421).

Въ пользу древности дательнаго съ безглагольнымъ неопредѣленнымъ говоритъ присутствіе въ лотышскомъ подобнаго оборота послѣ lidz (въ знач. союза=доньдеже не, пока, пока не; какъ предлогъ—до): lidz winam atnakt, tew wêl laika dēwsgan, букв. пока ему прийти, тебѣ еще
394 времени довольно—оборотъ быть м. вытѣсняемый личнымъ глаголомъ съ тѣмъ-же союзомъ: lidz winsz atnâk, пока онъ прийдетъ (Biel Let. Gr. § 736).

Шлейхеръ (Lit. Gr. 334) говоритъ, что встѣрчалъ лит. až, aža (bis, bis dasz), теперь ноупотребительное, нетолько при vb. finitum, но и съ неопредѣленнымъ н. Для насъ это важно въ томъ отношеніи, что эта частица, соотвѣтствующая млр. блр. аж, кажется заимствованіемъ изъ русскаго, въ коемъ вѣроятно было такое-же сочетаніе ея съ неопр. Несомнѣнно-литовская частица съ тѣмъ-же знач. (пока, пока не, млр. аж, поки аж) есть iki, ik; она на-равнѣ съ другими, соотвѣтствующими ст.-сл. доньдеже, прѣжде даже не (pirm, первѣе, dar, еще) ставится нетолько при глагольномъ сказуемомъ, но и при дательномъ самостоятельномъ съ дѣепричастіемъ, возникшимъ изъ причастія въ дательномъ: pirm kristui užgimus (букв. прежде Христу родившись, т. е. до Рождества); gaidžui dar nepragydus (букв. пѣтьлу еще невъзгласивъши (дѣепр.), т. е. прѣжде даже коуръ невъзгласить, Мат. 26, 34); swétui dar nebuwus, прѣжде даже небысть миръ, πρὸ τοῦ τὸν κόσμον εἶναι, Io. 17, 5 (Schl. Gr. 321); iki jam ateisent, букв. пока ему прийдя, съ дѣепр. буд. вр. въ литов. (Schl. ib. 333); dēwo karalyste... lygi raugui, kurį moteriszke ēmusi įmaisze į tris ketwirczus miltû, iki abelnay(=*обельнѣ) surugstant [цѣсарьствиѥ Божиѥ подобьно ѥсть квасоу, иже приимъше жена съкры въ мѫцѣ три сата (три полъспѫдия) доньдеже въкысе (вы-

выше) вьса (вьсе), Лук. 13, 21]; nĕko n'atbojo, ik grĕktwanui (sündflutis) ateinant (не оштоутишь доньдеже приде потопъ, Мат. 24, 39). Эти литовскіе обороты косвенно свидѣтельствуютъ о принадлежности славянскому оборотовъ съ неопредѣленнымъ на мѣстѣ лит. дѣепричастія: „доньдеже потопу прииди.

д) Неопр. н. съ бы и союзами сложными съ бы. 395

„Употребленіе бы при неопредѣленномъ н., говоритъ Буслаевъ, есть уже дальнѣйше развитіе первоначальнаго прошедшаго условнаго времени, объясняемое опущеніемъ вспомогательнаго глагола, съ которымъ бы составляло описательную форму. Напр. „пойти бы" (т. е. можно бы было.., хотѣлось бы.. и т. п.). Равномѣрно опущеніемъ объясняется сочетаніе союзовъ чтобы, дабы съ неопредѣленнымъ накл., напр. „чтобы узнать — чтобы я могъ узнать, чтобы я узналъ" (Гр. § 194. Ср. ниже § 196: „неопр. накл. употребляется, какъ сказуемое безличное, при которомъ подразумѣвается льзя, нельзя должно". Въ грамматическомъ смыслѣ „подразумѣвается", конечно, не то, что можетъ находиться въ синонимичномъ выраженіи, а то, что дѣйствительно было, и 396
потомъ опущено въ данномъ случаѣ. Какъ въ „знать птицу по перьямъ" подразумѣвается только ѥсть (знати ѥсть) и какъ „знати ѥсть" отнюдь непредполагаетъ совершенно отличнаго выраженія „льзѣ ѥсть знати"; такъ „узнать бы" немогло возникнуть изъ „хотѣлось бы v. можно бы было узнать", потому что такія опущенія безпримѣрны и потому что опущеніе недало бы того смысла, какой въ „узнать бы". Тѣмъ менѣе безличное „чтобы (мнѣ) узнать" могло возникнуть изъ опущенія опредѣленноличнаго глагола и именительнаго падежа „чтобы я могъ узнать". Даже неотвергая возможности опущенія „было" при „бы" и имѣя въ виду, впрочемъ рѣдкій, случай, въ которомъ Востоковъ предполагаетъ такое опущеніе [„неимаши власти на мнѣ никоюже, аще не бы (было? или и безъ этого?) ти дано съвыше, О. ев. Іо. 19, 11], мы видимъ, что и такое опущеніе въ настоящемъ случаѣ невозможно, потому что въ языкѣ на-лицо два оборота „было бы узнать" и „узнать бы", которые, въ силу различія во времени, настоящаго въ послѣднемъ и прошедшаго въ первомъ, немогутъ быть поставлены въ преемственную связь.

Какимъ же образомъ возникло сочетаніе бы съ неопредѣленнымъ? Здѣсь, по-видимому, слѣдуетъ различать два случая.

α) Когда бы потеряло глагольную силу, а другія формы этого времени стали выходить изъ употребленія, то въ случаѣ сочетанія бы съ причастіемъ на -лъ, при послѣднемъ, для сообщенія ему предикативности, стало ставиться, а потомъ только подразумѣваться настоящее вр. ѥс-: что-бы ѥсте прияли (см. выше стран. 279). Подобно этому 397

бы, уже какъ союзъ, стало присоединяться и къ неопредѣленному съ явственнымъ или подразумѣваемымъ ѥсть: „луче ны бы есть прияти я на чюжей землѣ, неже ли на своей", Ип. 163 (495). Хотя таких примѣровъ встрѣчается немного, но, мнѣ кажется, только ими можно объ-
397 яснить бы въ неопредѣлен. накл. въ независимыхъ и зависимыхъ предложеніяхъ нынѣшняго языка: „узнать бы намъ; кáк-бы намъ узнать? кабы намъ узнать! что бъ ему несдобровать!"; „а неводъ дѣлайте тотчасъ, неоткладывать бы вдаль, 1668—79, Ак. отн. до Юр. Б. II, 702. Предикативная сила здѣсь въ опущенномъ есть: „если бы намъ узнать (есть)", при чемъ первое есть, заключенное въ ес(ть)ли, имѣетъ функцію не предикативнаго слова, а союза. Замѣтимъ модальную разницу между условнымъ „если узнать" и оборотами какъ „если-бы [кабы, млр. як-бй, як-бй-б] узнать", въ коихъ къ условности присоединяется желательность, выражаемая въ сербскомъ посредствомъ да je (есть) съ неопр. накл. [1])

β) Второй случай состоитъ въ усложненіи вышеразсмотрѣннаго употребленія неопредѣленнаго накл. безъ глагола въ придаточныхъ предложеніяхъ, посредствомъ присоединенія союза бы къ относительнымъ словамъ, связывающимъ придаточное предложеніе съ главнымъ.

аа) Искахуть бо вои, ѣздяще сѣмо и тамо, штó-бы привреци граду, Ип. 190. Въ нынѣшнемъ литер. яз. ср. выраженія, какъ „незнаю, чтó-бы сдѣлать, чего-бы поѣсть, чему-бы поучиться" и пр. (и подобныя въ млр.) съ болѣе простыми, какъ „назнаю, что дѣлать" и пр.

Потомъ же гада Игорь съ дружиною, куды-бы переѣхати полкы Святославлѣ, Ип. 129; створи совѣтъ, кудá-бы воевати, ib. 189; Половци почаша съ нимъ думати, кудá-бы имъ въѣхати въ Русскую землю, онъ же поча ихъ водити, подътыча на воеваніе, кáко-бы ему мьститися сорома своего Святославу, ib. 139; поча думати, како-бы съ ними умиритися, ib. 149; чего достоимы сдѣ? но ловимъ у нихъ того, како-бы ны взяти бродъ Зарубьскый, ib. 59. Въ Супр. ркп. см. Mikl. Gr. IV,
398 868—9. Въ нынѣшнемъ языкѣ ср. зависимыя предложенія съ гдѣ-бы, куда-бы, когда-бы, как-бы, (млр. де-б, куди-б, коли-б, я́к-би) и неопредѣленнымъ накл.

бб) Бы, присоединяясь дъ другому союзу, вмѣстѣ съ нимъ сообщаетъ неопредѣленному значеніе цѣли. Этотъ оборотъ такъ относится къ болѣе простому и древнему неопредѣленному безъ союза („нача думати повести ѥ куда"), какъ нѣм. неопр. съ um, um zu, французское съ pour къ неопр. безъ предлоговъ и, приблизительно, какъ серб. болг. изъявительное съ союзомъ да къ замѣненному имъ неопредѣленному.

---

[1]) Још да ти је погледати, побро, како брдске сијевају Ђорде! А да ти је стат на гледат, друже, како паша низ Орљево струже, Пјев. Црног. 67.

Пристави къ нимъ Олга.. абы како довести полкъ цѣлъ, Ип. 127; се рекоша, абы имъ како прогнати его, ib. 137; нача искати мѣста подобна, абы кдѣ поставить городъ, ib. 206; посла.. абы кдѣ изнайти таково мѣсто городъ поставити, ib.; князь же нача думати, абы куда ѣ повести, ib. 211; Довъмонтъ мысляшеть, абы како убити Миндовга, ib. 201; искашеть собѣ, абы съ кимъ мочи убити Миндовга, ib.

Въ нынѣшнемъ яз. ср. зависимыя предл. съ дабы, чтобы (чтоб), только-бы, лишь-бы, млр. що-б, аби-б и неопредѣленнымъ. Степень связи этихъ неопредѣленныхъ со сказуемымъ главнымъ различна: въ однихъ случаяхъ явственно, что неопредѣленное съ заключительнымъ союзомъ развилось (посредствомъ союза изъяснительнаго что, см. выше стр. 428—9, какъ поль. żeby изъ że) изъ неопред., прямо примыкающаго ко главному сказуемому; въ другихъ этотъ послѣдній оборотъ уже неможетъ быть возстановленъ. Такъ, намъ виденъ переходъ отъ выраженій и теперь составлящихъ правило, какъ „немогъ неполюбоваться", „нельзя было незайти" къ такимъ, какъ „немогъ, чтобы остановясь неполюбоваться", „немогъ никакъ утерпѣть, чтобъ незайтить", „нельзя было, чтобъ вздохнувъ самому себѣ несказать" (зап. Болотова); или отъ „способенъ замѣтить" къ „насколько уменъ, чтобы замѣтить", „слишкомъ уменъ, чтобы незамѣтить"; или отъ „будутъ деньги напиться", „немного на- 399
добно ума пасти скотину" (Фонвиз.), „нужно полотенце утираться" къ такимъ какъ „есть деньги, чтобъ напиться, нужно полотенце, чтобъ утираться; Ср. выше стр. 426—7. Буслаевъ думаетъ, что такое употребленіе союза чтобы въ новѣйшее время введено въ нашъ языкъ изъ иностранныхъ и недопускается чисто-народною рѣчью (Гр. § 272, б); но въ наиболѣе влiятельныхъ иностранныхъ языкахъ, французскомъ и нѣмецкомъ, въ подобныхъ случаяхъ при неопредѣленномъ стоятъ предлоги, а не союзы. Что-же до возбужденія со стороны этихъ языковъ своеобразно выразить по-русски то, что напр. во франц. выражаетъ pour („Silvio avait trop d'esprit pour ne pas le remarquer"), то оно, конечно, могло существовать для нѣкоторыхъ пичателей, которые однако, хотя быть м. невсегда вѣрно, руководились аналогіями своего языка, Этому послѣднему ненужно было толчка со стороны для стремленія явственно обозначать отношеніе цѣли при неопредѣленномъ, отчасти возникшемъ изъ достигательнаго, которое и само по себѣ означаетъ дѣйствіе, служащее цѣлью: „прииде видѣтъ"=чтобы увидѣть; „вырушив до гаци, коб забраци усєньку рыбу" (Гродн. г. Бѣлостоц. у.). Понятіе о чисто-народной рѣчи такъ неопредѣленно, что можетъ быть съуживаемо по произволу; это однако непослужитъ на пользу изслѣдованія, равно какъ и господствующее въ обществѣ невѣроятно узкое и смутное понятіе о чисто-русскомъ языкѣ. Но мы можемъ въ отвѣтъ на вышеприведенныя слова Б. сказать, что въ восточномъ малорусскомъ, вообще въ грамматическомъ отношеніи весьма самостоятельномъ и теперь почти лишь

простонародномъ, встрѣчается щоб съ неопр. и тамъ, гдѣ русск. литер.
400 яз., въ этомъ отношеніи болѣе архаичный, нетерпитъ союза, и гдѣ сама малорусская рѣчь можетъ безъ него обходиться, непр. баби ради, щоб тобі за все про все шептати, Кв.; як лягла на постиль, так и неподумала, щоб спати, id. („неподумала спати"); вiсь вломилась, чоловiк хоче, щоб пiдвъязати як-небудь (=хоче пiдвъязати), id., промiж грядок з розсадою добре справляютця, хрюкаючи, свинi з поросятами и байдуже, щоб щонебудь хазяйкамъ зоставити, id.; сёго Анхизу небажалось, щоб попрощатися с синком, и в голову ёму неклалось, щоб з ним так бачитись мельком, Котл.; пiшли, щоб землю озирать, де їм показано селитись, id.; хоть гарна як, а все охоча iще гарнiйшою щоб буть id. Придаточное со щоб (какъ и вр. со штобъ) можетъ быть выдвинуто впередъ (по образцу: „умереть—легко" изъ „легко (есть) умереть"): „ото сам собі слухай, а щоб кому другому сказати, то — неможна", Драгом. Мр. пред. 76.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ чтобы съ неопр. н. въ нынѣшнемъ литер. яз. неустранимо. Такъ послѣ „вмѣсто того": „рука Фомы Григорьевича, вмѣсто того, чтобы показать шишь, протянулась къ книшу", Гог. (нельзя сказать: чтобы показала); такъ тамъ, гдѣ неопр. съ чтобы означаетъ цѣль дѣйствія другаго неопредѣленнаго: „идетъ онъ въ лѣсъ толкнуться у сосѣдей, чтобъ съ кѣмъ нибудь знакомство свесть", Крыл. (нельзя сказать „чтобъ свелъ").

Въ старинномъ русскомъ еще равноправны обороты: болѣе древній „почни глаголати, како быхомъ промыслили о руской земли" и позднѣйшій по происхожденію, заключающій въ себѣ уже союзъ, а не глаголъ бы „поча думати, како-бы умиритися". Первоначально безъ послѣдняго легко можно было обойтись, какъ и теперь обходится безъ него сербскій яз.: „почеше се разговарати, како би побегли". Въ стар. рус. „како быхомъ ся съняли", независимо отъ контекста, есть или условное, или желательное. Въ нынѣшнемъ „какъ бы мы сошлись" есть только условное, а для оттѣнка заключительности, связаннаго съ желательностію, требуется непремѣнно „какъ бы намъ сойтись". И при
401 заключительномъ союзѣ чтобы, лишь-бы, млр. щоб, аби, причастіе -л вытѣсняется неопредѣленнымъ. Въ мр. еще правильны обороты, какъ „ой я в-дома обiдала, аби братка отвiдала (т. е. „не обiдати прийшла, а аби одвiдати", лишь-бы навѣстить), Метл. 281; нема у серця мого сили, щоб я змогла ёго забуть (щоб змогти, нѣтъ силы забыть), Котл.; и се робив не для потiхи, а Марса щоб удоволив (щоб удоволити, щоб удовлетворить), id.; и заразъ чогось попоїли, щоб на дорозї незомлiли (щоб незомлiти) id. Но въ литер. яз. кажутся уже устарѣлыми: но ждалъ ли новыхъ я хлопотъ, чтобъ былъ (я) обманутъ (=чтобъ быть обманутымъ), Гриб.; позволь, чтобъ предъ тобой открылъ я притчею простой, что размышленья мнѣ внушили (=позволь открыть),

Крыл.—оборотъ не непремѣнно нѣмецкій, какъ можно бы судить по Буел. § 272, *а;* голоса такого немѣю, чтобъ Феба я достойно величалъ (=чтобъ величать), id.

15. Абсолютное неопредѣленное накл. Такъ (едвали удачно) Виленштейнъ называетъ нижеслѣдующіе случаи употребленія неопредѣленнаго, которые, по его мнѣнію, „ächt lettisch", что и справедливо, если прибавить, что они почти въ той-же мѣрѣ и литовскія, русскія, отчасти и польскія. Внѣшняя особенность абсолютнаго неопредѣленнаго та, что оно стоитъ всегда передъ глаголомъ. Въ употребленіи его различаемъ два случая.

а) Неопр. накл. въ русскомъ просто усиливаетъ отрицаніе глагола, передъ коимъ оно стоитъ: „я знать-незнаю, вѣдать-невѣдаю" (т. е. вовсе, рѣшительно незнаю). Въ литовскомъ: asz nei mislyt nemislyju tawę įpeszt (Schl. Les. 160), букв. я ни думать недумаю, т. е. и думать недумаю тебя смыкать (драть за волосы); jautį ir be wadžos pawarysi, o drigantą nê gauti nesugausi, ib. 82, вола и безъ возжей погонишь, а жеребца и поймать непоймаешь. Въ лотышскомъ: „сака мані лёну, раму, кад эс даудзи нерунаю; эс айз сава баргумінь і рунат нерунаю", Спр. 152 (говорятъ, что я тиха, скромна, (потому) что я много не го- 402
ворю; (а) я по своей злости („по своему крутому нраву", Спрог.) и говорить неговорю; „wâi redzi?—redzêt nekâ neredzu" (Biel. Gram. § 734), видишь-ли?—видѣть нечего невижу (=ровно ничего).

Въ лотышскомъ кромѣ того такое неопредѣленное ставится и при утвердительномъ глаголѣ, для увеличенія интенсивности его вещественнаго значенія: trīcêt trīce Rigas pilis, дрожать дрожитъ (т. е. сильно дрожитъ) рижскій зáмокъ; wainadziñsz wizêt wize ga'lwiñâ, вѣночекъ блестѣть блеститъ (т. е. ярко) на головкѣ, ikdîniñas raudât raudu, каждый день („еже дня", млр. що дня) плакать плачу (т. е. горько), Biel. l. c. § 734; пѣдерêт пѣдерея ірбес мейта тетерам, Спрог., пристать пристала (т. е. вполнѣ прилична, серб. је слика-прилика) куропаткина дѣвка тетереву. Сюда, кажется, свр. „и напился калика, самъ спать заснулъ", Рыбн. III, 34 (=крѣпко заснулъ?).

Другое относящееся сюда см. въ примѣчаніи къ этому §.

Изъ приведеннаго видно, что такое неопредѣленное находится въ столь-же тѣсной связи съ глаголомъ, при которомъ стоитъ, какъ нарѣчіе, почему названіе абсолютнаго несовсѣмъ къ нему идетъ.

б) Неопредѣленное въ уступительномъ отношеніи ко главному сказуемому. Если въ первой половинѣ противительнаго сочетанія предложеній выдвинуть одинъ членъ изъ ряда остальныхъ посредствомъ присоединенія къ нему уступительной частицы (литер. хотя, пусть, млр. хоть, нехай) или предложенія, соотвѣтствующаго ей по смыслу („правда, что—", „положимъ, что"), то получится сочетаніе уступительное

(Бусл. Гр. § 277, 4). Членъ предложенія, къ которому относится уступительное слово, есть тотъ, на которомъ сила рѣчи. Какъ въ собственно противительномъ „я написалъ, но..“ такъ въ уступительныхъ: „хотя я написалъ, но..“, „хотя я написалъ, но..“, хотя я написалъ
403 письмо (а не что иное), но..“, „хотя я давно написалъ..“ и проч. Членъ первой половины уступит. сочет. можетъ быть оттѣненъ и безъ хотя и т. п., одною силою рѣчи и инверсіей, или вмѣстѣ съ тѣмъ постпозитивною частицею то, сродною съ членомъ: „онъ-то человѣкъ хорошій, но его жена..“, „ѣсть-то онъ хорошо, да работаетъ плохо“ и проч. Это средство оказывается иногда недостаточнымъ, и просторѣчіе для той-же цѣли прибѣгаетъ къ повторенію усиляемаго члена (нарѣчія, сказуемаго или предикативнаго аттрибута): „давно-то давно, да незабыто“, „малъ-то малъ, да удалъ“.

Отсюда видно, что неопредѣленное, одно ли, или съ постпозитивнымъ то, или съ уступительною частицею при сказуемомъ, только потому служитъ средствомъ превращать противительныя сочетанія въ уступительныя, что, какъ мы видѣли подъ а), имѣетъ свойство усилять сказуемое; „нашумѣть нашумѣли, а дѣла несдѣлали“; „любить нелюблю, а отстать немогу“; „любить хоть нелюби, да почаще взглядывай“; „знать-то онъ знаетъ, да неговоритъ“ [1]). Понятно, что само по себѣ неопредѣленное безъ частицъ выразитъ уступительность нетакъ явственно, и обороты, какъ „вздремнулъ?—вздремнуть не вздремнулъ, а всхрапнулъ да присвиснулъ“ ближе къ противительному „не только.. но и..“.

Млр. и польск. обходятся безъ частицы, соотвѣтствующей влр-му то: „лиха робйть він неро́бить, та й добра небагато“; „spać niespał, ale drzémał“.

404 Имена, мѣстоименія, союзы, помѣщаясь передъ неопредѣленнымъ, ослабляли бы падающую на него силу рѣчи, а потому ставятся обыкновенно за нимъ, передъ главнымъ сказуемымъ. Такъ, вмѣсто „онъ хотя любитъ нелюбитъ, но..“ слѣдуетъ сказать: „любить-хоть онъ нелюбитъ (v. онъ-хоть..), но..“; такъ и въ польск. не „ni w czém mi szkodźić nieszkodźił“, а „szkodzić mi w prawdźie ni w czém nieszkodźił, ale też niepomagał“.

Въ лотышскомъ: сôлить сôлий, бет недева, Спрог. 20, посулить посулила, но недаетъ; rîbét rîb, neskanej, стучать стучитъ (сундук съ приданымъ), (но) незвенитъ (потому ч. нѣтъ въ немъ серебра); adît adu ráibus cimdus, nejel dûszu bâliñam, вязать (то) вяжу пестрыя рукави-

[1]) Хотя выше подъ а) мы видѣли только такіе русскіе обороты, какъ „знать незнаю“ (съ отрицаніемъ при глаголѣ, а не такіе, какъ лат. „tricêt trice“, но быть м. и эти послѣдніе предполагаются существующими въ русск. уступительными „ѣсть не ѣсть, но..“. Чѣмъ служитъ одно то для сказуемаго, сопровождаемаго нарѣчіемъ („ѣсть-то онъ хорошо, но...“), тѣмъ—неопредѣленное, когда мысль сосредоточена на одномъ глаголѣ: „ѣсть-то онъ ѣстъ, да мало“.

цы, только не братцу ихъ дамъ (а суженому); ést gan (wohl, zwar) éd, bet.. ѣсть-то ѣстъ, но.. Biel. Gr. § 734.

Биленштейнъ переводитъ „sûlit sûlij bet..“ такъ: „was das versprechen anbelangt, versprach er“, что до обѣщанья, что до того, чтобъ обѣщать, то онъ обѣщалъ. Противъ этого можно возразить только то, что въ такомъ переводѣ неопр. н. представляется болѣе самостоятельнымъ, чѣмъ оно есть на дѣлѣ, и что ближе къ эффекту лот. и русск. оборота было бы: „zwar versprach er (er hat wohl versprochen), aber..“. И однако находятся случаи, неподходящіе подъ понятіе уступительнаго сочетанія, когда вышеупомянутый способъ передачи смысла неопредѣленнаго н. дѣйствительно необходимъ: млр. „чи ïсть, чи пьє, чи говорить?—не ïсть и непьє, а говорити (а что до того, чтобъ говорить), говбрить“; „злодіяка такий, що ні з чим нерозминетця; и цигана обдурить, и старця обікраде; а пити (а что касается до питья, до пьянства) так неперепьє ёго й Данилка, що от в того пана... за ёго ридваном ззаду труситця“; „нема ні на нёму, ні на жінці, ні на діточках и одежи доброï, а ïсти, коли жінка незаробить, то й ложкй гуляють, Кв. Такъ и влр. литер. „онъ мало ѣсть (ѣсть не ѣстъ), а пить, такъ пьетъ“. Наблюденіе надъ способомъ произношенія такихъ оборотовъ заставляетъ и на письмѣ отдѣлять въ нихъ запятою неопредѣленное н. отъ слѣдующаго слова, что неумѣстно въ уступительномъ „любить нелюбитъ, да..“. Миклошичь (V. Gr. IV, 851—2) неотдѣляетъ этихъ случаевъ (б) отъ нѣсколькихъ другихъ, между прочимъ отъ неопр. въ условномъ сочетаніи („разсмѣяться — онъ сердится“) гдѣ, по моему, опущено есть, и отъ „онъ—искать“ (ср. выше стр. 373—4). 405

Примѣчаніе. Здѣсь укажемъ на формы, сходныя по значенію съ разсмотрѣннымъ неопредѣленнымъ и недающія основанія выводить это неопр. изъ оборота -ти есть.

аа) Литов. ф. на te: degtè dega, горьма горитъ; plaukte plaukė, плавом (въ-плавь) переплылъ; sakýte sakau, нешутя, серіозно говорю; при отрицаніяхъ: nei sakýte nesakiau, и говорить неговорилъ; dûk, kad mes tai nei matyte nematitumbim, дай, чтобы намъ этого и видомъ невидать. Шлейхеръ считаетъ эту форму затемненнымъ творительнымъ отвлеченнаго имени на -te (Gr. 313—14), хотя plauktè, по отсутствію смягченія t, неподходитъ къ творит. nakczè (при naktì-s, ночь). Какъ бы ни было, это падежъ потерявшій свое значеніе, т. е. въ сущности не падежъ, а глагольная форма, въ той же мѣрѣ, какъ лит. неопр. на -ti и функціонально равное ему на -tē (=тѣ), Schl. Gr. 314.

бб) Лотыш. уменьшительная ф. неопредѣленнаго н., образуемая посредствомъ суф. iñ- (въ им. ед. м. было бы iñsz, т. е. injas), присоединяемаго частью къ t неопредѣленнаго на ti, частью прямо ко глагольной темѣ (ср. мр. уменьш. неопр. спа-т-ки, куп-ки). Падежное окончаніе здѣсь стерто и падежное значеніе несуществуетъ: lúgtiñ ludzu, просить прошу (т. е. усердно, умильно); bedziñ bedza, бѣгомъ бѣ-

жала, itin iszu táutinâs, zina Diws, ká dziwôszu, ити то пойду на чужину, (но) Богъ знаетъ, какъ буду жить (Biel. Gr. § 740).

вв) Лот. дѣепричастія: α) отъ причастія наст. дѣйств. (въ им. ед. м.
406 р. ût-s) съ потерею звука t въ суффиксѣ и ослабленіемъ û въ u (sedu, stawú, сидьмя, стойкя) или только съ потерею падежнаго окончанія: „асарôт (=ût) асароя балеліня зобеніньш, Спр. 243 [слезя (слезно) слезитъ (покрывается слезами) братцевъ мечъ]; β) отъ прич. будущ. дѣйств. (им. ед. м. р. -szûts) съ окончаніемъ -szus, безъ замѣтнаго падежнаго окончанія и съ потерею значенія будущаго: лугшус лудзу мâміняй, Спр. 225 (усердно прошу матушку); бѐгшус бѐг ib. 155 (бѣгомъ бѣжитъ). Biel. Gr. § 750. Сходно съ этимъ въ вр. говорахъ употребленіе дѣепричастій наст. вр.: я бы летяци дорожку пролетѣла бы, я прячуци путь широку припрятала, Барс. Прич. I, 249; я летуци дорожку пролетѣла бъ, я скоренько путь широку припрятала, ib. 180.

гг) Лот. прич. наст. на -дама (с), отъ того же гл., какой въ сказуемомъ: „es sargádams sargáju sawus lôpus", я сторожá стерегу (крѣпко стерегу) свой скотъ; „jautádams tewi jáutáju" спрашивая тебя спрашиваю (т. е. серіозно), Biel. Gr. § 757; „нац накдама васаріня, Спр. 24, приходи приходя (т. е. поскорѣе) лѣто.

дд) Въ русскомъ, кромѣ вышеразсмотрѣннаго неопредѣленнаго и дѣеприч., этому приблизительно соотвѣтствуетъ мр. оборотъ, какъ „нежаль мені доріженьки, що курицьця курно, А жаль мені матусеньки, що журицьця журно (н. п.); явственный творительный существительнаго, иногда вовсе неупотребительнаго въ другомъ падежѣ (бѣгомъ бѣжитъ, ходенемъ (мр. ходором) ходитъ, корпомъ корпѣть, нойкомъ ныть (Бусл. Гр. § 72, пр. 5) и ф. на -мя, -ма (ливмя льетъ, нойма ноетъ). Это -ма могло бы тоже напомнить творит. двойств., потерявшій отношеніе къ числу въ нарѣч. какъ млр. крадькомá. Миклошичь говоритъ, что падежъ въ нарѣчіяхъ на -ма (весьма, нойма) опредѣлить трудно, хотя, по-видимому, нѣтъ сомнѣнія, что этотъ суф. находится въ связи съ скр. bhи (V. Gr. IV, 165). Я нахожу вѣроятнымъ, что въ нарѣчіяхъ на -ма, -мо и пр. м невездѣ одинаковаго происхожденія: въ однихъ это м есть дѣйствительно остатокъ падежнаго суффикса, заключавшаго въ себѣ bh, но въ другихъ, отглагольныхъ, оно родственно съ м суф. причастія наст. страд., чему врядъ-ли можетъ противорѣчить отсутствіе страдательности въ ливмя и пр. Если этимъ нарѣчіямъ на мя и пр. присуще падежное окончаніе, то оно можетъ за-
407 ключаться не въ м, а въ конечной гласной. Судя по этой гласной, можно думать, что падежи, лежащіе въ основаніи этихъ нарѣчій, были различны: ср. -а въ ной-ма; о въ чеш. letmo, sečmo и sekmo, zadrhmo (узломъ, ср. лит. risztè suriszti), hořmo hoře (Mikl. l. c.); е въ ст.-польск. siekmie (caesim), pachmie (кор. пах = пъх, punctim), что напо-

минаетъ слав. нар. на ѣ (зълѣ) и лит. на ai (gerai). Приведеннымъ польскимъ соотвѣтствуютъ серб. сјеч-им-ице, бод-им-ице, въ коихъ къ суф. -им присоединенъ новый именной суф. и окончаніе родит. п. един. жен. (Mikl. Gr. IV 163). Если, основываясь на различіи гласной въ -им (бодимице) и -ом (бодомъ), мы непризнаемъ перваго причастнымъ, то во всякомъ случаѣ назовемъ его образовательнымъ именнымъ, а не = bh во флексіи bhi. Что до *я* въ рус. лежьмя, то оно можетъ быть простымъ фонетическимъ измѣненіемъ звука *а* (лежм*а*): ср. влр. всѣм*я*, тѣм*я*, при мр. усім*а*.

Творительный падежъ.

1. Въ планъ изслѣдованія о составныхъ членахъ предложенія входитъ только творительный, замѣняющій въ славянскомъ и литовско-лотышскомъ вторые согласуемые (такъ наз. предикативные) падежи, стало быть только одинъ способъ употребленія творительнаго, или, говоря точнѣе (см. выше, стр. 56), одинъ изъ нѣсколькихъ падежей, обнимаемыхъ именемъ творительнаго. Однако, въ виду связи этого такъ наз. предикативнаго творит. съ другими, казалось нелишнимъ здѣсь разсмотрѣть и эти послѣдніе, останавливаясь преимущественно на спорныхъ вопросахъ, относительно же другихъ лишь ссылаясь на изслѣдованіе Миклошича (V. Gr. IV, 683 сл.). Ср. также, Ablativ, localis, instrumentalis im altindischen etc. v. B. Delbrück, Berl. 1867.

Здѣсь, какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, задача состоитъ въ 408
томъ, чтобы на мѣсто отвлеченія, называемаго однимъ падежемъ, поставить болѣе конкретныя формальныя значенія, по возможности разграничить ихъ между собою и показать ихъ генетическую связь или ея отсутствіе.

До сихъ поръ въ области изслѣдованія славяно-литовскаго яз. здѣсь большое разногласіе. Такъ, по отношенію къ разграниченію формальныхъ значеній, безспорны почти только тѣ случаи, въ коихъ вещественное значеніе словъ, стоящихъ въ творительномъ, напр. мѣсто, время, совпадаетъ съ формальнымъ. За-тѣмъ для изслѣдователя начинается опасность взять для опредѣленія падежа или слишкомъ узкую, или слишкомъ широкую мѣрку. Напр. если въ „писать что-либо перомъ“ твор. орудія означаетъ предметъ, посредствомъ коего лицо дѣйствующее достигаетъ извѣстныхъ внѣшнихъ результатовъ, то, спрашивается, находится ли въ „пахнуть весною“ при субъективномъ глаголѣ то-же формальное значеніе падежа, или другое? Какъ бы несоздать изъ понятія объ орудіи такого обобщенія, какое—въ категоріи причины (напр. Hatt. Sr. Ml. § 39), безразлично обнимающей обороты: чего?

отъ чего? для чего? изъ чего? изъ-за чего? почему? зачѣмъ? черезъ что? чѣмъ? Отнесши „чѣмъ“ къ этой категоріи, передъ лицомъ коей изглаживаются всякія грамматическія различія, мы, въ грамматическомъ отношеніи, вовсе неопредѣлимъ этого „чѣмъ“.

Буслаевъ (Гр. § 246) располагаетъ значенія творительнаго по схемѣ „подлежащее, сказуемое, опредѣленіе, обстоятельство“: 1) твор. лица дѣйствующаго при гл. страдательномъ; 2) твор. признака или состоянія въ сказуемомъ при быть, стать, сдѣлаться; 3) твор. признака, перешедшій изъ сказуемаго въ опредѣленіе („пострижеся дщи его дѣвою“, Лавр. 88); 4) твор. обстоятельствъ: а) качества и отношенія
409 (высокъ ростомъ), б) орудія, в) образа дѣйствія (шагомъ, высокимъ высоко), г) причины и основанія, д) времени, е) мѣста. Но при взглядѣ, по которому никакой косвенный падежъ неможетъ быть ни подлежащимъ, ни его опредѣленіемъ, ни частью сказуемаго, этотъ порядокъ падаетъ самъ собою. Всякій творительный, ни въ чемъ несогласуемый съ другимъ твор. и неперешедшій въ нарѣчіе или союзъ, оказывается дополненіемъ, при чемъ и переходъ признака изъ сказуемаго въ опредѣленіе подлежащаго невозможенъ. Самъ Буслаевъ выставляетъ на видъ, что генетическая связь значеній творительнаго идетъ на-перекоръ вышеприведенному искусственному порядку, говоря, что твор. при страд. гл. „болѣе принимается за орудіе дѣйствія, нежели за самостоятельнаго дѣйствователя“. Поэтому лучше, какъ это и дѣлаютъ, при изложеніи значеній падежа руководиться лишь генетическою ихъ связью, какъ-бы она ни казалась сомнительна.

По Даничичу (Синт. 553 сл.), творит. первона́чально означаетъ путь движенія. Все, что нахо́дится между исходною точкою дѣйствія и тѣмъ, на что оно переходитъ, или чѣмъ завершается, въ творительномъ представляется тоже путемъ, по которому идё́тъ дѣятельность. Таково время, въ теченіе коего что-либо происходитъ, и орудіе. Всѣ остальныя значенія Дан. тоже старается вывести не изъ производнаго значенія орудія, а изъ первообразнаго, пути.

Подобнымъ образомъ и Зикмундъ изъ зн. „какимъ путемъ“, „кудою“ выводитъ нетолько знач. времени и орудія, средства, но прямо оттудаже и знач. причины, повода, общности и качества (okolnosti a vlastnosti, kterými činnost v̇ skutek vchází), отношенія, мѣры и přiměřenosti (=podlé čeho, согласно съ чѣмъ), сравненія. Только „твор. сказуемаго“ выводится имъ уже изъ твор. сравненія.

410 Миклошичь говоритъ слѣдующее: „Какъ въ остальныхъ падежахъ, такъ въ твор. я исхожу изъ пространственнаго значенія, полагая его въ основаніе всѣмъ остальнымъ. Къ представленію пространства, по которому непрерывно простирается дѣйствіе, примыкаетъ представленіе орудія и средства, давшее этому падежу имя instrumentalis... Эти пред-

ставленія“ (оба?) „расширяются въ предст. сосуществованія (des beisammenseins), на коемъ основано другое названіе падежа socialis. Дальше всего отстоитъ отъ первоначальнаго назначенія творительнаго его предикативное употребленіе, при коемъ творительный означаетъ то, во что превращается, переходитъ нѣчто другое, и по этому (?) долженъ быть понятъ локально (demnach local aufzufassen ist). Для синтаксиса слав. творительнаго мнѣ кажутся поучительны финскіе языки, въ коихъ, по сочин. M. Becke „Untersuchungen zur vergl. Gram. der Finnischen Sprachen, Leipz. 1873, падежъ, образуемый въ главномъ посредствомъ -н-, имѣетъ ту-же функцію, что слав. творительный, будучи локаленъ, темпораленъ, комитативенъ, инструменталенъ, модаленъ, предикативенъ, фактитивенъ (какъ предложеніяхъ „сдѣлать что чѣмъ“) и пр. Полагая въ основу всѣхъ прочихъ значеній мѣстное, я думаю, что въ этомъ отношеніи имѣю только одного предшественника, Ю. Даничича, который въ своемъ сербскомъ синтаксисѣ тоже исходитъ изъ мѣстной функціи творительнаго“ (V. Gr. IV, 683).

Отлично отъ этого и, по моему мнѣнію, неосновательно Малецкій думаетъ, что первоначальное и главное знач. творительнаго есть образъ дѣйствія (jak, w jaki sposób), другія же значенія суть замѣны этого, такъ что по его словамъ, „вмѣсто образа дѣйствія (sposobu) ставимъ время (porę czasu), въ теченіе котораго нѣчто происходитъ“ (Gr. § 586 сл.).

Шлейхеръ различаетъ въ твор. два основныя значенія: инструментальность и соціятивность (съ чѣмъ), невыводя одного изъ другого. 411
„Творительный въ индо-германскихъ языкахъ имѣетъ два совершенно различные суффикса (-â и -bhи), почему слѣдуетъ принять, что въ немъ первоначально заключалось два падежа. Такъ-какъ творительный имѣетъ и двѣ различныя функціи, означая какъ связь съ чѣмъ (das verbundensein), такъ и средство и орудіе, то легко предположить, что каждой изъ этихъ функцій первоначально соотвѣтствовалъ только одинъ изъ суффиксовъ, хотя въ наличныхъ языкахъ каждый изъ суффиксовъ имѣетъ обѣ функціи“ (Compend. § 258). Остальныя значенія, въ томъ числѣ мѣста и времени, онъ выводитъ изъ зн. орудія. Такъ, „ити дорогою“ онъ объясняетъ: „ити посредствомъ дороги“; kitais metais rugei ankszczaus nûnokdawe“ (иными годами, т. е. въ прежніе годы рожь раньше созрѣвала) собст. = mittels, durch, zufolge anderer jahre“ (Lit. Gr. § 126).

Дельбрюкъ въ изслѣдованіи, Ablativ, localis, instrumentalis etc. Berl. 1867, имѣющемъ цѣлью показать на трехъ падежахъ, что значенія, связанныя съ извѣстными окончаніями, неисчезаютъ вмѣстѣ съ ними, но что остающіеся въ языкѣ падежи принимаютъ на себя значенія потерянныхъ [1]), относительно творительнаго утверждаетъ, что основное

[1]) Т. е. какъ мы бы сказали, что потеря падежнаго окончанія и потеря падежа, какъ значенія, какъ грамматической категоріи — двѣ вещи на-столько различныя, что съ

его значеніе (grundbegriff) есть совокупность съ чѣмъ (das zusammensein). Поэтому онъ сначала разсматриваетъ соціативный или комитативный твор., употребляемыя для обозначенія 1) лицъ или другихъ существъ, представляемыхъ самостоятельными, связанныхъ съ главнымъ лицомъ; 2) обстоятельствъ, сопровождающихъ дѣйствіе, или свойствъ,
412 связанныхъ съ предметомъ; 3) частей пространства и времени, по которымъ непрерывно простирается дѣйствіе. Отъ соціативнаго твор. легокъ переходъ къ твор. орудія и средства, ибо средство есть то, въ связи съ чѣмъ мы совершаемъ дѣйствіе. Сюда наконецъ примыкаетъ творительный съ предлогами“ (50—1).

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ послѣднемъ мнѣніи непринята въ соображеніе и неразъяснена двойственность основныхъ звуковыхъ формъ творительнаго. Боппъ (V. Gr. §§ 158, 223) сближаетъ одну изъ этихъ формъ, -â съ предлогомъ â, отъ мѣстоименного корня a (ср. Pott, Et. F. I, 694), вторую, -bhi—со вторымъ элементомъ предлога abhi, коего начальная гласная—одного происхожденія съ упомянутымъ мѣстоимен. a. Отъ этого, конечно, вопросъ о первоначальномъ значеніи твор. выигрываетъ весьма мало, тѣмъ болѣе, что bhi входитъ въ составъ не только творит., но и дательнаго и аблатива. Въ значеніи частицъ â и abhi въ скр. можно найдти сходное и совмѣстимое съ соціативностью творительнаго [1]); но отсюда еще далеко до увѣренности, что различные суф. творительнаго сначала пріобрѣли одно значеніе соціативности (какой? пространственной?) и что непремѣнно изъ этого одного значенія развились всѣ другія значенія творительнаго.

413 Въ виду двойственности суф. творительнаго, можно бы принять нѣсколько отклоняясь отъ Шлейхера, что всѣ творительные происходятъ отъ двухъ первоначальныхъ: твор. мѣстнаго и твор. соціативнаго. Послѣдній первоначально могъ тоже выражать лишь отношенія видимыя и стало быть пространственныя. Именно, мы можемъ представить себѣ соціативность какъ линію, бѣгущую параллельно съ другою, главною, т. е. обращающею на себя преимущественное вниманіе. Въ отличіе отъ этого нѣкоторый родъ совпаденія второстепенной линіи съ главною могъ выражаться творительнымъ т. наз. мѣстнымъ (идти дорогою).

2. Твор. соціативный (общности). Я начинаю съ этого падежа не потому, что считаю его, какъ Дельбрюкъ, исходною точкою остальныхъ

уменьшеніемъ падежныхъ окончаній можетъ неуменьшаться, даже увеличиваться число падежей (см. выше 73 сл.).

[1]) Скр. â, какъ нарѣч. и союзъ—къ тому, также, далѣе, и; послѣднее знач. приводитъ на память слав. союзъ a (= да, та). Можетъ быть, это a, равно какъ и союзъ ta (= да), сначала были весьма неопредѣленнымъ указаніемъ на предметъ въ пространствѣ, ставшимъ потомъ знакомъ болѣе опредѣленнаго отношенія сопоставленія въ пространствѣ и совмѣстнаго бытія. Скр. предлогъ â = въ, до. Скр. abhi (= по звукамъ слав. оби, обь, объ) = въ (herbei) и пр.

творительныхъ, а только потому, что ненахожу ему другого мѣста. Поставленный непосредственно передъ твор. предикативнымъ, какъ у Миклошича, онъ отдѣлилъ бы этотъ послѣдній, позднѣйшій по времени происхожденія, отъ твор. образа, творит. орудія и пр., что мнѣ казалось бы неудобнымъ.

Твор. соціятивный (безпредложный) въ слав. принадлежитъ къ числу падежей наиболѣе устарѣвшихъ и въ наибольшей мѣрѣ заслоненныхъ другими, преимущественно творительнымъ съ предлогомъ съ (Mikl. V. Gr. IV, 759). Въ общемъ отношеніе съ съ твор. къ безпредложному соціятивному должно быть сходно съ отношеніемъ позднѣйшихъ предложныхъ падежей винительнаго, родительнаго (съ аблятивомъ), датель- 414
наго, мѣстнаго къ замѣненнымъ ими безпредложнымъ. Т. е. какъ напр. мѣстный безъ предлога невыражаетъ въ-точности именно тѣхъ отношеній, какія заключены для насъ въ нашемъ предложномъ съ въ, на (напр. жрътва же нго облацех сѧ коснетъ, 1499, Бусл. Гр. II, 301); такъ соціятивность нашего съ съ твор. неравна соціятивности древняго безпредложнаго твор. соціятивнаго, несмотря на то, что эта разница иной разъ можетъ быть для насъ неощутима.

Въ различныхъ языкахъ употребленіе твор. съ предл. = съ (нѣм. дат. съ mit) въ относительно позднее время весьма расширилось, вытѣснивши собою даже безпредложный твор. орудія. Поэтому, стараясь опредѣлить кругъ первоначальнаго твор. соціятивнаго, наиболѣе обезопасимъ себя отъ ошибокъ, справляясь не съ тѣми нарѣчіями, въ коихъ говорится напр. „бить съ палкой“, какъ въ нѣмецкомъ, а изъ славянскихъ — въ лужицкихъ, хорутанскомъ, болгарскомъ, отчасти въ сербскомъ, а съ тѣми, въ коихъ, какъ въ русскомъ, употребленіе соціятивнаго предлога съ твор. наименѣе распространено. Съ этой точки кажется, что многое, относимое къ знач. соціятивности Зикмундомъ и даже Миклошичемъ, принадлежитъ къ твор. орудія, причины, образа.

а) Въ твор. соціятивн. стоитъ предметъ сопровождающій, содѣйствующій, сосуществующій, самостоятельный по отношенію ко главному. Въ яз. Вѣдъ и скр. находятся обороты въ родѣ „богъ (съ) богами“ „пусть услышитъ насъ солнце звѣздами“ (т. е. со звѣздами); „онъ не вмѣстѣ безбожнымъ“ (т. е. съ..), „дружба безбожнымъ“ (т. е. съ..), „каша (съ) молокомъ“ „равенъ имъ“ (=съ нимъ), „состязаясь лучами солнца“ (=съ лучами), Delbrück, 51, 55—7; В. Шерцль, Синт. др. инд. яз. I, 93—5. Въ ст.-сл. сюда относятся случаи, какъ „двѣма братома на бракь сьчетаѥть се“ (=съ двѣма), „солию и квасомь и водою муку мѣсимь“ (=съ солью); приобштивша сѧ страстьми, participes facti pas- 415
sionis; серб. сестрице браћомъ раставио (разлучилъ съ..), Mikl. IV 723—4. Русскіе примѣры, относимые сюда Миклошичемъ (пріѣхать тремя возами, стать станомъ и пр.), мнѣ кажется, объясняются иначе, о чемъ ниже.

б) Въ тв. соц. стоитъ предметъ, сосуществующій съ главнымъ, несамостоятельный относительно этого послѣдняго, но составляющій его часть или условіе его бытія. Это болѣе явственно въ случаяхъ, когда въ твор. стоитъ сущ. конкретное, чѣмъ въ тѣхъ, когда существительное отвлеченно, напр. Касандра низка, кругловатымъ лицемъ, чиста зѣло, мужескымъ творомъ, Пов. о взят. Трои, Калайд. Іо. Экз. 182—3; бѣ же Мьстиславъ дебелъ тѣломъ, черменъ лицемъ, великыма очима, Лавр. 65; Борисъ тѣломъ бяше красенъ, высокъ, лицемь кругломь, плечи велици, тонъкъ въ чресла, очима добрама, веселъ лицемъ, Ск. о Бор. Срезн. 69; мы ся доискахомъ оружьемъ одиною стороною, рекше саблями, Лавр. 7; незнаемою тропою, языкомъ испаленымъ, нази ходяще и боси, ib. 96; и ту такоже бысть лютъ пожаръ вихромь на борзѣ и трескомь, Новг. I по Син. сп. (въ Ак. сп. „съ вихромъ наборзѣ и трескомъ).

Сюда же: бояре Новоторжскіи прибѣгоша въ Новгородъ толко душею, кто успѣлъ, а домы ихъ разграбиша, Новг. I, 80; той же осени погорѣ Корѣлскій городокъ напрасно, и много пакости сътворися доспѣху и животу, а городчане толко душею осташася, ib. 87; въ мр. „тепер, яка есть вона, одним-одна душею, усе перетерпить“, Квит. Серд. Окс. Это понимается въ соціятивномъ смыслѣ и замѣняется твор. съ предл. съ: „казали, що до Мотрі кожноï ночи змій у димарь літає; якийсь захожий чоловік застав ёго в хаті та на силу з душею вырвався“ („Хиба ревуть воли“); поль. od Wołoszy z konia rozbity.. pieszo ledwo co jedno z duszą do j-mci p. hetmana przyszedł, Pam. o wypr. Choć. ed. Ž. Pauli, 121. Такъ и въ санскр.: тад гаччhâмj аhам âтманâ (=потому я пойду душею, т. е. я одинъ), В. Шерцль l. с. 95. Се азъ одиною худою своею головою ходя, удержалъ всю Галицкую землю, Ип. 136 (442); и тутъ судно наше болшее взяли и 4 головы взяли Руские, а насъ отпустили голыми головами за море, Хожд. Аѳан. Никитина, П. с. Р. л. VI, 331. Впрочемъ примѣры, сходные особенно съ послѣднимъ, могли бы быть выведены и изъ твор. орудія, о чемъ ниже.

Сюда же, быть можетъ, творит., переходящій, какъ и нѣкоторые изъ вышеупомянутыхъ, въ тв. образа, въ обычной до XVII в. включительно начальной формулѣ завѣщаній: „Се язъ рабъ Б-жей Патрикей, отходя сего свѣта, своимъ цѣлымъ умомъ, пишю грамоту душевную, гдѣ ми што взяти, кому што дати, 1391—428 г. Ак. отн. до Ю. б. I, 543; пишу.. своимъ цѣлымъ умомъ и въ своемъ смыслѣ, 1460, ib. 551; пишю я св. ц. у. и разумомъ, 1627 ib. = пишу.. въ своемъ цѣлѣ умѣ, 1459, ib. 547, т. е. въ здравомъ умѣ.

Съ относящимися сюда случаями неслѣдуетъ смѣшивать тѣхъ, въ
416 коихъ предлога съ невидно только потому, что онъ слился съ начальнымъ звукомъ слѣдующаго слова: примше отъ Бога на поганыя побѣду славою и честью великою, Ип. 120, ср. ib. 123, 123, 124 и др.

Въ лит.: merga ilgais plaukaís (дѣвица (съ) длинными волосами), žirgas aukso patkavatems, (конь (съ) золотыми подковами). Въ лот. ..кумеліню (вин.) судрабіня лâситêм, коня (съ) серебряными пятнами; кумелиньіс зекаîм кайінам, конь (съ) низкими ногами, Спр. 116; дâболтіню девінâм лапінâм, клевер (вин.) о девяти листочкахъ, ib. 129; 141 et pass. Въ др. инд.: кâлû стрû пандурâір дантâih, черная женщина (съ) бѣлыми зубами; Индрам â вûça брhатâ равена, иди къ Индрѣ (съ) большимъ крикомъ, Шерцль l. c. 95.

У Микл. ср. Gr. IV, 725—6, 17, 18: „твор. означающій обстоятельства, сопровождающія дѣйствіе, въ случаѣ, гдѣ встрѣчается и твор. съ съ" и „тв. при наличномъ и подразумѣваемомъ быть, означающій качество, при чемъ тв. большею частью сопровождается прилагательнымъ или числительнымъ". Нѣкоторые примѣры, приводимые здѣсь, особенно подъ 18, я бы отнесъ къ другимъ творительнымъ: орудія, причины, образа.

Буслаевъ (Гр. § 246, 4, а) относитъ „Касандра.. кругловатымъ лицемъ" къ твор. качества и отношенія (напр. волосомъ темнорусъ) и полагаетъ, что послѣднее стоитъ вм. болѣе древняго „темнорусыми волосами". Но въ этихъ случаяхъ, которые оба старѣе особности славянскаго языка, отношенія между составными частями различны. Въ „темнорусъ волосомъ" твор. есть, то, чѣмъ обнаруживается признакъ подлежащаго, выраженный словомъ отдѣльнымъ отъ сущ., именно между прочимъ прилагательнымъ, согласуемымъ съ своимъ подлежащимъ и существенно здѣсь необходимымъ. Въ другомъ случаѣ прилагательн. неимѣетъ прямого отношенія къ подлежащему, согласуясь только съ творительнымъ, и лишь черезъ него тяготѣя къ подлежащему. Поэтому лучше раздѣлять эти случаи вмѣстѣ со Шлейхеромъ, который тв. въ лит. silpnas kojomis, слабъ ногами, понимаетъ, какъ тв. орудія (что было бы справедливо, если бы имѣть въ виду только представленіе, а не значеніе), а твор. въ mergà ilgaís plaukaís—какъ творительный, и безъ соціятивнаго предлога (su = съ) имѣющій соціятивное значеніе (Lit. gr. 269).

---

3. **Тв. мѣста.** Отношеніе, выражаемое творительнымъ во „вънидѣте жзъкыими врати, О. ев., Мат. 7, 13; подаваше ему оконцемъ (пищу), Лавр. 82; яко разгорѣся пещь, бѣ бо утла, и нача палати пламень утлизнами", ib. 84, съ одной стороны свойственно этому падежу уже въ языкѣ Вѣдъ (Delbr. 53; Шерцль l. c. 101) и въ литовско-лотышскомъ, съ другой — остается и въ нынѣшнемъ славянскомъ: ити дорогою, берегомъ и пр. Млр. кривда людськая боком вилазить; заступи чорта дверима (соб. идучи ему на-встрѣчу дверьми), то вінъ тобі окном и пр. 417

Мнѣніе Дельбрюка (l. c.), что въ основаніи „ити путемъ" лежитъ представленіе соціятивности, какъ въ нѣм. „immer mit dem wege ge-

hen" (подобно тому какъ въ русск. плыть за водою, или „съ водою", такъ что вода плыветъ и въ-слѣдъ за нею или вмѣстѣ съ нею—другое: „несется мимо неутомимо съ рѣкой ладья") пока неможетъ быть ни принято, ни опровергнуто. Мы видимъ только, что разсматриваемый тв. означаетъ путь движенія, на неопредѣленномъ протяженіи совпадающій съ движеніемъ. Способъ обозначенія безразличенъ по отношенію къ оттѣнкамъ, выражаемымъ творительнымъ съ предлогами, надъ, подъ, передъ, за, межь, но лежитъ въ основаніи этихъ оттѣнковъ [1]). Разница между винит. въ млр. „їдуть вони поле, їдуть и другеє", „Дунай-море плисти, три рiченьки брести" и творительнымъ въ „ѣхать полемъ" состоитъ, по видимому, въ томъ, что винительнымъ, посредствомъ отношенія, какъ Athenas proficisci, уже потеряннаго въ славянскомъ, представляется мѣра движенія (longam viam ire, pedem a quo discedere), такъ что предѣлы напр. поля вмѣщаются въ предѣлахъ
418 движенія, между тѣмъ какъ въ твор. полемъ поле лишь отчасти совпадаетъ съ границами движенія.

Глаголъ движенія при творительномъ мѣста можетъ опускаться: „хорошо ширью да высью, а ну-ка рыломъ въ землю", Даль, посл. Тв. мѣста при глаголахъ пребыванія, которые тоже могутъ опускаться, отличается отъ мѣстнаго п. тѣмъ, что въ послѣднемъ отношеніе предмета къ обнимающему его пространству можетъ быть изображено и независимо отъ предлога одною точкою внутри круга, а въ первомъ нѣсколькими точками. Ср. млр. „та туман полем, та туман полем, та туман туманиться" н. п.; серб. „брдом смиље, а долом босиље", Дан. Синт. 553, значитъ не „на горѣ", „въ долинѣ", а по горѣ (безъ отношенія выражаемаго предлогомъ по), въ разныхъ мѣстахъ горы; тоже „кад су били пољем широкијем (Дан. 554, Mikl. IV 685), когда находились полемъ, т. е. не въ полѣ, на полѣ, а въ разныхъ мѣстахъ поля, стало быть, когда ѣхали, шли полемъ. Так. обр. здѣсь пребываніе представляется движеніемъ и творительный сохраняетъ слѣдъ своего первоначальнаго употребленія при гл. движенія.

Единица пространства можетъ быть принята за типъ многихъ подобныхъ, и тогда тв. мѣста получаетъ распредѣлительное значеніе. Такъ въ чеш. hora Olivetská místem (passim, hier und da) jest skalnata (Zikm. Skl. § 109, 1), скалиста однимъ мѣстомъ, другимъ, третьимъ, т. е. мѣстами, чеш. místy, польск. miejscami. Отсюда, по-видимому, ведетъ начало оборотъ, который К. Аксаковъ (Русск. Бес. 1859, VI, 77) нашелъ опущеннымъ въ гр. Бусл., именно твор. въ зн. „смотря по": „это бываетъ человѣкомъ", или просто „это человѣкомъ, лошадью, годомъ", т. е. не во всякомъ человѣкѣ, не со всякимъ, а такъ ск. мѣстами; ср. хохлатыя куры дворомъ ведутся, Даль, посл. 45, т. е. въ

[1]) А равно и всѣхъ значеній творительнаго съ названными предлогами. См. Mikl. V. Gr. IV, 740 сл.

одномъ ведутся, въ другомъ нѣтъ. „Домами світло стало погасати“, по крайней мѣрѣ въ вост. млр. значило бы не „in den häusern“ (Mikl. 419
VI 685), а то въ одномъ, то въ другомъ.

Изъ нарѣчій сюда относятся по происхожденію передóмъ бѣжать, кругóмъ (Mikl. ib. 685—6); слѣдóмъ, а слѣдомъ есть еще дополненіе, т. е. или тв. мѣста, или тв. образа; „крижем пасти“ (ib.) есть рѣшительно тв. образа, какъ и польск. krzyżem leżeć; „дорогою что-либо видѣть“ (unterwegs) я бы отнесъ скорѣе къ тв. времени; млр. прямцéм до пекла поплелася, Котл., влр. идетъ прямью въ палаты (Шенкур. Аѳ. Ск. VI, 286); въ ст. русск. быть м. сюда переки („копати преки трубамъ“, т. е. водопроводнымъ, Лавр. 47, Ип. 35, 36, 148 и пр.).

Въ русск. говорахъ значеніе мѣстоименныхъ нарѣчій куды, сюды, туды уже смѣшалось съ куда и пр., такъ что или обѣ формы ставятся безразлично, или одна вытѣснила другую, присвоивъ себѣ ея значеніе, напр. „иди сюда (сюды) ко мнѣ“ и „обойди сюда“ (этою стороною). Но, вѣроятно, формы на ы суть тв. п. мн. ч., при чемъ отвѣтомъ на нихъ сначала могъ служить только твор. (полемъ), а не винительный (въ поле). На млр. нарѣчія кудою, сюдою, тудою можно смотрѣть, какъ на возстановленія такого значенія, еще явственнаго въ чеш. kady и kudy, tady и tudy, sudy, onady и onudy, jinady и jinudy, někady и někudy (Zikm. § 109). Въ польск. tędy, owędy — еще только въ стар. зн. tą, ową, drogą; но kędy уже зн. и гдѣ, и куда, а не кудою; wszędy смѣшалось съ wszędzie, а также получило зн. во всѣ стороны: wszędy rozesłać posły.

---

4. **Тв. времени** вообще аналогиченъ съ предыдущимъ и предполагаетъ его. Время въ тв. представляется путемъ, а дѣйствіе во времени—движеніемъ въ пространствѣ, такъ что „ити дорогою“ (при чемъ 420
дорога длиннѣе пройденнаго нами пути) сходно со „спать ночью“ (т. е. не непремѣнно „всю ночь“). Разница между твор., вин. и мѣстнымъ времени та-же, что и между соотвѣтственными падежами пространства: ѣхать днемъ, побыть днемъ (въ теченіе дня нѣкоторое время) и ѣхать, побыть (ровно) день; утромъ, вечеромъ относится къ стар. утрѣ, вечерѣ, нов. ввечеру, какъ полемъ — къ въ полѣ, на полѣ.

Древность основныхъ значеній этого твор., какъ и предыдущаго, восходитъ къ дославянскому времени; въ Вѣдахъ и скр. См. В. Шерцль, Синт. I, 101 сл.

а) Примѣры въ ст.-сл. и др. см. Mikl. IV, 687, какъ „четырьми десяты и шестиѭ лѣтъ съзьдана бысть цьркы си, а ты ли трьми дьньми въздвигнеши ѭ, О. е. Іо. 2, 20, т. е. въ теченіе 46 лѣтъ, въ теченіе 3-хъ дней. Въ ст. русск. пам.: преложи вся книги исполнь отъ гречь-

скѣ языка въ словѣньскъ 6-ю мѣсяць, Лавр. 11; и тако идыи трьми недѣлями (въ теченіе..) доиде преже реченаагo (Кыева), Жит. Ѳеод. XII в.; бяшеть серенъ великъ, якоже вои неможахуть зрѣима перейти днемъ (т. е. въ теченіе..) до вечера, Ип. 129. Др. инд. трира̂трêна̂ 'иве 'мам лôкам калпаjати, тремя ночами (= въ три дня, въ трое сутокъ) онъ создаетъ этотъ міръ, Шерцль Синт. 102.

Позднѣйшій языкъ установляетъ бо́льшую разницу между протяженіемъ времени, означеннымъ творительнымъ, и протяженіемъ дѣйствія, падающимъ въ это время. Теперь являются уже архаизмами выраженія, какъ и „ужъ ты (дзѣвья кра́сота) ненадолго мнѣ доставалася, однѣмъ цасикомъ (т. е. за одинъ часъ, въ теченіе одного часу) миновалася", Этн. сб. I, 152; „впервые годомъ (за весь годъ), да и то съ горемъ", Даль, Посл. 47; „она и въ три часа напроказить можетъ столько, что и вѣкомъ (за вѣкъ) непособить", Фонв.; „я въ сорокъ пять часовъ, глазъ мигомъ (на мигъ) неприщуря, вёрстъ больше семисотъ пронесся", Гриб. Теперь явственнѣе чувствуется, что дѣйствіе занимаетъ только нѣкоторую часть времени, означеннаго творительнымъ,
421 съ чѣмъ находилась бы въ нѣкоторомъ противорѣчіи совершенная опредѣленность періода времени въ творительномъ. Согласно съ этимъ при точныхъ опредѣленіяхъ времени встрѣчаемъ уже винительный безъ предлоговъ или съ ними: три дня, въ (за) три дня, въ польск. и мѣстный съ предлогомъ: we trzech dniach. Теперь нельзя уже сказать: цервковь строилась (построена) тридцатью годами (т. е. въ 30, за 30, тридцать); „лѣтом я написалъ то-то, былъ (побывалъ) тамъ-то" зн. не „за́ лѣто", „въ теченіе (всего) лѣта", при чемъ лѣто было бы мѣрою моего писанья и пр., а то, что мое писанье и пр. какъ рядъ (а не точка) падаетъ въ неопредѣленное протяженіе лѣта. Въ этомъ смыслѣ: не порой, не в пору, не во время, не въ добрый часъ: „ужъ ты зорька моя, заря ясная! не порой заря занималася", н. п.; не порой да моя (молодою овдовѣвшей) молодость прокатится, голова моя не во время состарится, Барс. Прич. I, 21; зимою, весною, осенью, днемъ, ночью, утромъ, тѣмъ временемъ, этими днями, доро́гою; „о коль ночною темнотою приятенъ видъ твой (источникъ) при лунѣ", Держ. I, 79 — что теперь было бы необычно; „тихой ночью, позднимъ лѣтомъ какъ на небѣ звѣзды рдѣютъ!", Тютчевъ; въ млр. тим часом (и польск.); иншим часом, „або коли гулящим днем піде у бір на озера", Кв.; ...аж вбігла смерко́м наша Оксана, id.; иде козак од дівчини білесенькии світом, н. п.; похо́дом (во время похода) на візку трясласъ, Котл.

Значеніе тв. врем. нѣсколько затемняется въ тѣхъ случаяхъ, когда по вещественному своему значенію слово въ твор. означаетъ лишь непродолжительный періодъ времени. Говоря „разомъ", мы думаемъ лишь объ одномъ моментѣ, хотя собственно это слово въ формальномъ отношеніи то-же, что днемъ, вечеромъ, т. е. менѣе чѣмъ въ продолже-

ніе раза, удара. Сюда-же: махомъ [и серб. махом, одма(х)], духомъ (какъ разъ дохнуть), сею минутою (перм., новг.), часомъ въ зн. сей часъ („часомъ сходи по воду", „онъ часомъ былъ тутъ"); млр. чим світ въ зн. не „тѣмъ временемъ, какъ свѣтаетъ", а чуть свѣтъ. Съ послѣднимъ ср. серб. союзъ чим: чим га виде, тим га и познаде, как только ... то...; серб. нар. истом: истом они у бесједи бјеху, какъ-разъ въ то 422
самое время какъ...; ст. сл. ѥдиноѭ [„единою (разъ) бо ему стоящю въ церкви,... видѣ".. Лавр. 81; положи с(ъ)вѣтъ одиною (разомъ, вмѣстѣ) всимъ потъкнути нань, Ип. 62]; серб. једном, разъ.

б) Миклошичь (V. Gr. IV, 688—9) полагаетъ, что обозначеніе кратъ („какъ часто нѣчто случается") числительными въ творительномъ аналогично съ твор. времени; но можно думать и больше, что эти явленія тождественны и прямо примыкаютъ къ выше разсмотрѣнному слу-случаю (разомъ, ѥдиноѭ). Въ млр. „я двомá рáзи там жила", а т. е. собств. внутри протяженія двухъ разъ, и затѣмъ—дважды. Так. обр. и пятью пять, шестью, хоть семью подой, такъ каша съ водой, Даль, Посл. 64 и пр. сторицею, сотью (Бусл. Гр. § 72, пр. 4,—случаи, которые въ нынѣш. млр. не „очень рѣдки" (Mikl.), а сколько извѣстно, кромѣ развѣ Галицкаго, самодѣлковаго языка, неслыханны.

Нельзя ли приурочить къ творительному мн. и темныя по происхожденію нарѣчія на -щи (шти), -жди, -жды (триштн, трижды и пр. Mikl. IV, 107)?

в) Аналогично со сказаннымъ выше о куды (419), къ тв. времени отнесемъ по происхождонію и нарѣчія времени на ы: тъгды (тогды, Лавр. 201) и примыкающія сюда влр. обл. колды и пр., польск. gdy, niegdy, niegdyś, kiedy, wżdy; чеш. kdy и пр.

г) Какъ выше въ тв. мѣста, такъ и здѣсь мн. ч. творит. можетъ означать повтореніе единицы времени и становиться дистрибутивнымъ: „временами" (по-временамъ); млр. „поливай зілля частенько, ранніми и пізніми рісоньками, дрібними своїми слізоньками", Метл. 216, [умышленная игра словъ: поливай росами (тв. оруд.), то есть своими слезами, и поливай слезами по росамъ, т. е. по утрамъ и вечерамъ]; польск. czasami, чеш. časy, лит. rytmeczeis, naktimis, pētumis (по утрамъ, 423
по ночамъ, по обѣдамъ, т. е. по полднямъ); въ этомъ смыслѣ уже въ яз. Вѣдъ нактабһис, по ночамъ (Delbr. 55). Единица времени можетъ приниматься за образъ многихъ подобныхъ, и въ такомъ случаѣ стоитъ въ единственномъ ч.; „часомъ — з квасом, порою — з водою" (т. е. часами, порами, иной разъ такъ, иной иначе); серб. часом ведро, а часом облачно; польск. чеш. časem.

д) Въ ст. русскомъ къ тв. „шестью мѣсяць" въ зн. „за шесть мѣс.", т. е. въ теченіе 6-ти, примыкаетъ и другое зн. „за 6-ть мѣсяцевъ до чего": якоже бы трьми недѣлями до мясопущь, и поиде Изяславъ... на

Галичь, Ип. 73. Быть можетъ, это значитъ не „ровно за 3 нед. до...“, а, въ силу неопредѣлнности періода, означаемаго твор., „недѣли зá три“. „Приспѣвшю празднику Успенья Богородицѣ (ѣ=е), треми деньми (дня за три) повелѣ игуменъ рушити, кдѣ лежать мощѣ его, отца нашего Θеодосья, Лавр. 90.

Кажется, отсюда ведутъ начало нарѣчія и союзы вр. чѣмъ, бр. мр. чимъ, коимъ приписываю исходное значеніе „прежде чѣмъ“ отдѣляя ихъ (какъ уже Линде поль. im=póki nie, отъ im—tym, нѣм. je.. je, je.. ...desto) отъ случаевъ „чѣмъ (сколькимъ, на сколько) больше, тѣмъ (на столько) лучше“ (поль. im więcej, tym lepiej). Поль. nim имѣетъ только временное значеніе, сходпое съ „трьми дьньми“ за три дня до.., именно „прежде чѣмъ“, „пока не..“: nim się obejrzemy śmierć zawita; długo patrzał, nim zabaczył. Болѣе простое по строенію поль. im значит только „пока не..“: niech poczeka, im przyjdę; nieodchodź, im się wrócę. Согласно съ этимъ можно думать, что вр. обл. и лит. „чѣмъ время терять, такъ сѣсть да сыграть“ (Даль); чѣмъ нá мостъ намъ ити, поищемъ лучше броду (Крыл.); вр. обл. (по Д. восточн.) „нечѣмъ пó міру ити, (так) лучше поработать“ (Д.); мр. (и бр.) „чим віддавати хліб, такъ він и собі пригодиться“ (Кв.) значитъ первоначально не „вмѣсто того чтобы..“, а „прежде чѣм“. За тѣмъ, въ случаяхъ со сравнительною степенью, въ вр. и бр. (но не въ мр.) эти частицы, съ перемѣщеніемъ сочетаемыхъ предложеній, могли получить значеніе „нежели“ (мл. ніж): N старше, чѣмъ N, „ему больше (небольше) годовъ, нечѣм такому-то; бр. лѣпѣй в дзѣвках сивѣць, чимъ замужем паршивѣць“ (Носов.). Поль. nim и вр. нечѣмъ предполагаютъ употребленіе отрицанія не при сравненіяхъ [1]).

---

[1]) Объ этомъ, частью дополняя Mikl. V. Gr. IV 179—81, частью отклоняясь отъ сказаннаго тамъ, замѣчу:

То, чему при сравненіи предпочитается нѣчто, можетъ а) въ одномъ и томъ-же предложеніи быть выражено дополненіемъ въ родит. (=ablat.) и представлено вещью, отъ которой нѣчто удаляется. Здѣсь въ слав. удаленіе связывается съ отрицаніемъ дѣйствія, которое удаляется: ср. род. (абл.) въ стар. р. далече товаръ (род. мн., далеко отъ обоза), род. (abl.) при сравнит. степени „то-то далеко лучше того-то“, мр. кращий мéне (позднѣе—съ предлогами, показывающими направленіе удаленія: кращий од мене“, над мене, за мене=лит. съ винит. už manęs) и родит. при глаг. дѣйств. съ отрицаніемъ: „незнаетъ того-то“. б) При двухъ предложеніяхъ, главномъ и подчиненномъ, въ послѣднемъ то, чему предпочитается нѣчто, можетъ быть отмѣчено посредствомъ отрицанія, которое относится ко всему придаточн. предложенію, и потому можетъ стоять какъ при именительномъ подлежащаго, такъ и при безсубъектномъ (безличн.) сказуемомъ. Значеніе союза сравненія и предпочтенія въ др. инд. на, слав. не, лит. лотне и пр., по Боппу (V. Gr. [2] II, 179—80), предполагаетъ мѣстоименное значеніе указанія „въ даль“, на дальнѣйшее, „ибо отрицать принадлежность чему-либо свойства или вещи значитъ не уничтожать (aufheben) или отрицать существованіе (leugnen) свойства или вещи, а удалять (устранять) ихъ отъ чего-либо, отъ его особности (individualität); значитъ ставить лицо по ту сторону свойства или вещи, представляя эти

e) Въ только что приведенномъ значеніи дѣйствіе изъ внутри періода означаемаго твор. (какъ въ „трьми дьньми разруши") передвинуто къ его началу. Отсюда, мнѣ кажется, объяснимъ переходъ къ обозначенію творительнымъ времени прожитого человѣкомъ, т. е. находяща-

послѣднія чѣмъ-то другимъ". Уже изъ сопоставленія сего съ тѣмъ, онымъ (другимъ, дальнѣйшимъ) вытекаетъ ихъ сравненіе, а не на оборотъ „das andere kann immer nur das ergebniss eines vergleichs sein" (Pott. Et. Forsch. I, 351).

Простое отрицаніе на въ знач. частицы сравненія (какъ, подобно) уже въ древнеинд. есть архаизмъ, встрѣчается въ яз. Вѣдъ, исчезаетъ въ болѣе позднихъ памятникахъ (B.-R. IV, 4). Въ слав. простое не, уже какъ рѣдкость,—лишь въ знач. частицы предпочтенія (=чѣмъ, скр. варам на.. лучше чѣмъ..): творити правьдьно и истиновати въгодьно паче Б-оу, не трѣбы нечьстивыихъ гноусъ г-ви, Изб. 1073, 82. См. ниже, Дан. Заточн. Въ лот. это еще обычно: лѣлакс, не зиргс, N больше не конь, т. е. онъ больше коня; дризак мейта малти гая, не дѣліня лигавиня, Спр. 140 [=скорѣе дочь пошла (т. е. пойдетъ) молоть (на жерновахъ), не (=чѣмъ) сынова жена (невѣстка); labbák têwa dublus briddu, ne tàutîša łáipu gâju (Biel. Gr. 394)=лучше брела я (=бродить мнѣ) по лужамъ отца, не (чѣмъ) ходила (=ходить мнѣ) по кладкѣ мужа. Отъ этого отлично лот. ne, какъ не (тотъ-то, то-то, там-то), nisi, si non: Кур целяс лѣла мігла, не авотâ (Biel. avûta) лейіня? Кур ньем ляудіс валодінь, не но мана аугуміня, Спр. 18= гдѣ подымался (=подымается) большой туманъ, не (=как не, т. е. именно там) съ ручья (на ручьѣ) въ долинѣ? Гдѣ берутъ люди „поговоры" (сплетни), не (какъ не) съ моей красоты?

Болѣе сохранились такія частицы предпочтенія, въ которыя не входитъ какъ составная часть: цсл. не-же, негъли, нежели, срб. него, ного и нô (Mikl. IV 179—80); не ѥже-ли: „что краснѣе, что ми сладчайше боголюбцемь (=ъ), иже по истинѣ жадатъ жизни вѣчныа, неежели присно Б-га неотступити мыслиѭ и поминати его добрыя твари, Іо. Экз. Прол.; такъ и въ нынѣшнихъ обл. вр. гов. Цсл., др. русс. нели (не смѣшивать съ нѣ-ли кого, см. выше 380): рче, да луче есть на своей землѣ костью лечи, и нели на чюже (=ѣ) славну быти, Ип. 155 (480); луче бы непознати истины, нели познавъши уклонитися отъ нея, Кир. Тур. Калайд. 103. Позднѣе это не-ли понято какъ не есть ли: „вр. лучше семь разъ горѣть, неестьли однажды вдовѣть", откуда вр. обл. несли (Бусл. Гр. § 282, 5, пр. 5). А не: лѣпши бы ми смерть, а не курское княженіе, Дан. Зат. по ред. XVII в.; лучше хлѣбъ съ водою, а не пирогъ съ бѣдою (XVII в.-Бусл. ib.). Вр. не-какъ (=мр. ніж як)? Ср. лот. лабак веца ар гôдінь, не ка (не как) јуна без гôдинь, Спр. 157=лучше старая (дѣвица) съ честью, чѣмъ молодая безъ чести; лит. ne-kaip (=чѣмъ), вопреки Шлейхеру, стольже правильное, какъ и простое kaip, какъ, въ зн. сравнительной частицы (=мр. як, ніж як). Ни: „нелгалъ бо ми Ростислав князь: „луче бо ми смрть, ни Кур'ское княженіе"; тако и мужеви луче бы смрть, не (см. выше) продолженъ животъ... Луче бы ми трясцею болѣти, ни со злою женою быти.. Луче бы ми железо варити, ни со злою женою быти, Сл. Дан. Заточн., сп. Унд., Рус. Бес. 1856, 2, 118, Бусл. Хр. Въ стар. поль.: chorągwie, ni (=какъ) mak rozkwitnione (Linde). Этимологически равное этому ни, лит. neí, nė—лишь въ знач. neque и какъ частица сравненія, а не предпочтенія: auga vaikai, nė girio medžei, ростутъ дѣти, какъ лѣсныя деревья; nei raudonoks ant veido, мр. наначе (ніби) червонавый на виду (=лицемъ) Schl. Gr. 325, 331. Поль. ni-ž (ni-že), a niželi, niželi, мр. неж (с. зап.) и ніж, а—ніж. Въ мр. поль. ніж, какъ и в лит. nekaip, ставится и тамъ, гдѣ въ главн. предложеніи нѣтъ явственной сравнит. степени и предпочтеніе вытекаетъ изъ смысла: „кипи, кипи моє серденько на ножі, а ніж (т. е. маеш кипіти) в того Шкандибенка на дворі, Метл. 285; wolałbym umrzeć, aniž.., лит. asz vélijůs miręs, nekaip..

гося между началомъ жизни и смертью или другимъ событіемъ. Сюда бы я отнесъ примѣры: „седмиѫ десать лѣтъ сы ти патиѫ“, cum esset septuaginta quinque annorum, Супр.; бѣ отроче лѣтомъ, puer unius anni, серб. XVI в., примѣры, которые Миклошичь относитъ къ одному разряду съ лит. merga ilgais plaukais, стало быть къ тв. соціятивному (V. Gr. IV, 726). Что до „почи довольными дьньми сѧ“ (ib.), то здѣсь не аттракція вм. „довольнъ дьньми“.

---

5. **Тв. орудія и средства.** Дельбрюкъ (57) полагаетъ, что переходъ отъ тв. общности (нѣм. mit etwas, съ чѣмъ, т. е. вмѣстѣ съ чѣмъ, въ сопровожденіи чего) къ тв. средства (нѣм. mit въ знач. mittels, по-
424 средствомъ чего) особенно явственъ въ случаяхъ, какъ, mit pferden, mit einem wagen, einem schiffe fahren. Такъ и В. Шерцль (Синт. др. инд. яз. I 103) думаетъ, что въ др. инд. переходомъ соціятива къ тв. орудія служатъ обороты съ твор. при глаг. движенія: ратҺêна праjâти, онъ ѣдетъ колесницею (=въ..), аçвêна самчарати, онъ ѣдетъ верхомъ, т. е. по предположенію, первоначально—съ колами, съ конемъ, вмѣстѣ съ ними. Но слав. „ѣхать возомъ“, какъ и литов. szėpim bėgti (=кораблемъ бѣжать), незаключаетъ въ себѣ ни малѣйшаго намека на соціятивность („съ возомъ“), которая лишь въ позднѣйшее время появляется въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ подъ вліяніемъ нѣмецкаго [1]). Поэтому съ точки слав. яз., можно думать, что твор. орудія можетъ имѣть лишь посредственную или никакой связи съ соціятивнымъ, и что, какъ это и полагаютъ (Данич. Синт. 550; Zikm. Skl. § 110), представленіе орудія взято здѣсь изъ значенія пути, что для насъ явственно въ выраженіяхъ „какимъ путемъ это сдѣлать“, „посредствомъ (промежутокъ, лежащій посреди двухъ точекъ, есть путь отъ одной къ другой) чего это устроить“. Можно думать, что многіе случаи, понимаемые нами подъ твор. орудія, сначала вовсе несуществовали для мысли, образовавшись потомъ по аналогіи съ немногими тв. орудія, которые одни лишь прямо примыкаютъ къ твор. пути.

Значеніе твор. орудія въ слав. и большею частью уже въ языкѣ Вѣдъ опредѣляется случаями, какъ: ходить, ѣздить чѣмъ, двигать (махать, кивать, моргать и пр. бросать—швырять и пр.) чѣмъ, работать (и заработать добыть, пріобрѣсть) чѣмъ, воспринимать (смотрѣть, слышать и пр.) чѣмъ, ѣсть, пить чѣмъ (н. п. чашкою), кормить—поить (и поужинать, закусить) чѣмъ, говорить чѣмъ (и какъ „писать перомъ“, такъ говоритъ, писать такимъ-то языкомъ“, хотя позднѣе уже не „псалтырь написанъ греческимъ языкомъ“, а „на греческомъ“), шумѣть — зву-
425 чать чѣмъ (скрипѣть дверьми, голосомъ пѣть и пр.), свѣтить чѣмъ

---

[1]) И въ лит.: ar su rátais, ar su rogemis, возомъ или саньми Ness. Wb. v.

(„лучиною"; малор. „нестій, зятю за плечима, несвіти очима" и. п.), украсить, покрыть чѣмъ (одѣть, и -ся. подернуться: уха—янтаремъ, Кр.), обложить, усыпать, засѣять чѣмъ, облить (опрыскать, омочить, помазать, замарать), наполнить чѣмъ (населить людьми, засадить деревьями), дарить, надѣлять, дѣлить и дѣлиться чѣмъ, превосходить чѣмъ и нѣкт. др., о чемъ слѣдуетъ нѣсколько замѣчаній. Существенно важно, что вездѣ этотъ творительный стоитъ при сказуемомъ.

а) Подобно тому, какъ въ слѣдующемъ: „Куряне... придоша коньми, а выгонци галичкыя придоша по Днѣпру, Ип. 164 (496),—ѣхать каретою, возомъ, лодкою, млр. Їхати бовкуном (т. е. однимъ воломъ, а не „als werwolf", Mikl. IV, 733); Барабаш конем поїжджає, Метл. 338; ой побігла Лемерівна тернами (тв. мѣста), а занню Шкандибенко конями, ib. 285; пустимось кіньми, як дрібен дощик, ib. 390; лит. neteptais ratais netolei tenûwažiûsi, немазанымъ вовомъ (соб. колесами) недалеко уѣдешь; такъ и въ переносномъ смыслѣ „swetimu protu netolei tenûwažiûsi, чужимъ умомъ недалеко уѣдешь; вр. „жалью моря неперебдешь".

Невидно формальной разницы съ этимъ въ чеш. každý z té komory rovnou nohou do kostela jiti mohl, пол. skoczyć równemi nogami; между тѣмъ Zikm. Skl. § 113, 2, видитъ въ 1-мъ выраж. тв. соцiят.

б) О творительномъ при глаголахъ, какъ двигать чѣмъ, едва ли можно сказать, по-крайней-мѣрѣ въ примѣненіи къ русскому, что употребительность этого оборота „болѣе и болѣе ограничивается, нестолько въ силу вліянія другихъ языковъ" (въ латин. здѣсь винит.), „сколько по причинѣ увеличенія абстрактности мысли" (Mikl. IV 695, g.). Теперь скорѣе больше, чѣмъ въ старину, твор. здѣсь нуженъ для разграниченія весьма важныхъ оттѣнковъ тысли. Твор. можетъ здѣсь значить не то, 426
посредствомъ чего обнаруживается тразитивное движеніе (какъ въ рубить дерево топоромъ), (Mikl. l. c.), а то. въ чемъ становится замѣтнымъ движ. интразитивное. Если при этомъ глаголъ можетъ быть сочетаемъ и съ винительнымъ, то между глаг. съ тв. и глаголомъ съ винит. возникаетъ та разница, что въ первомъ случаѣ вниманіе сосредоточено на самомъ дѣйствіи, которое можетъ быть безцѣльно, а во второмъ—на дополненіи, въ которомъ выражена ближайшая, вполнѣ опредѣленная цѣль движенія. Отсюда можетъ возникать лексическое различіе между глаголами. Ср. напр. вертѣть, крутить пальцы, причиняя имъ боль и вертѣть пальцами, напр. отъ нѣчего дѣлать; двигать ногу съ тѣмъ, чтобъ ступить и—ногою (напр. во снѣ); ворочать голову, глаза, направляя ихъ на что-либо и ворочать глазами (напр. въ сильномъ гнѣвѣ); ударить, хватить, хлеснуть, колотить кого чѣмъ (попасть въ него) и ударить и пр. кѣмъ объ землю, колотить языкомъ (болтать); бить и кого чѣмъ и бить челомъ; махать чѣмъ— помавать и т. п., но махать конопли—выдерги-

вать плосконь (отъ чего плосконь замашки), или, быть м. и трепать ихъ; вести что ср. съ „и ухом неведетъ (необращаетъ вниманія) и пр.

в) Въ томъ-же смыслѣ, какъ „да неущитяться щиты своими“, Лавр. 20, и заложитися (заслониться, закрыться, какъ щитомъ, защититься) въ ст.-яз.: княже, нелзѣ ти поити нань: се передъ тобою рѣка, но еще зла; како хощеши нань поѣхати? а еще стоить заложився лѣсомъ, Ип. 55; Давыдъ же заложися ночью и бѣжа Смоленьску, ib. 124; Олговичи же, немогущися с ними бити, заложившеся нощью, идоша прочь, ib. 141. Пол. zaszczyt собств. то, что защищаетъ (защита, оборона), а отсюда, или же отъ герба на щитѣ—отличіе, почетное украшеніе, честь; zaszczycić czym, почтить, сохраняетъ то-же сочетаніе съ творительнымъ.

427 г) Глаг. владѣнія (поидѣте княжитъ и володѣти нами, Лавр. 8; въ рус. литер. владѣть, править, руководить, распоряжаться, предводительствовать, начальствовать, командовать чѣмъ, Бусл. гр. § 253, Б; Mikl. IV, 700), сочетаясь съ тв. предмета, коимъ владѣетъ кто-либо, слѣдуютъ аналогіи, по видимому, съ глаголами движенія: ср. млр. орудовати чим, володати руками. Въ сочетаніи, какъ „княжить, царствовать, старѣйшинствовать, владычествовать надъ чѣмъ“ глаголы поняты, какъ „быть князем, царемъ, владыкою“ стоящимъ выше обладаемаго.

д) Въ „чимь купимъ хлѣбы“, О. ев. Io. 6. 7, въ лит. ketureis auksineis nůsipirkti, купить себѣ четырьмя злотыми (т. е. на четыре, за четыре), какъ уже въ Вѣдахъ (Delbr. 62, Шерцль 110), творительный означающій цѣну, формально неотличенъ отъ тв. въ жить чѣмъ, нѣчѣмъ жить, нѣчѣмъ платить. Ср. длъженъ бѫде нѣкто кому сьребромъ и неиматъ чимъ жласти... длъженъ бѣ Адамъ сьмрьтью и дръжимъ бѣ дияволомъ; небѣ длъженъ Христосъ, ни дръжимъ бѣ, жладе сьмр'тиѭ за дръжимааго, Supr. 378. М. б. сюда же: по ч'то трѣбоу положити повелѣ Б-ъ Аврамоу ѭ(=ю)ницеѭ трии лѣтъ и козоѭ тризоѭ, Изб. 1073, 123; „собѣ непрія ничто, толико крестъ честьныи вся на благословеніе, а прокъ имѣнія да, чимъ же надъ нимъ дѣяти на послѣднія дни, чимъ свѣчю и просфору его поблюсти“, Ип. 76. Къ стар. „купити, вѣнити чимь“ примыкаетъ твор. цѣны при существительныхъ (тв. образа) въ новомъ русск. замѣняемый, такъ-же какъ и при гл. купить, посред. на и за столько-то: „дъвѣма сътома сърєбрьникъ хлѣби недовлѣють имъ, да къждо мало чьто прииметь, О. ев. Io., 6, 7. Сюда же торговать чѣмъ, млр. торговати, торжити чим, крамомъ крамувати, міньжувати (о цыганской мѣнѣ). Предметъ торговли и ея средство неразличаются: „того же лѣта отложиша въ Псковѣ кунами торговати и начаша торговати пѣнязи“, Пск. I, 200 (1409).

Тв. при дати, възяти означаетъ орудіе даванья и пр., за тѣмъ—то, въ чемъ состоитъ даванье: аще кто дасть имъ ножь ли, ли секиру, дають скорою противу (=платятъ шкурами) Лавр. 107 (227); Русскиѣ

же князи и вои вси моляхуть Бога и обѣты вздаяху Богу и Матери его, овъ кутьею, овъ же мылостынею убогымъ ib. 118 (268): да бо Ростиславъ Святославу соболми, и горностайми, и черными кунами, и песци, и бѣлыми волкы, и рыбьими зубы, Ип. 86 (345); мнѣ любо иную волость въ тое мѣсто даси, либо кунами даси за нее, во что будеть была, Ип. 145 (460); повелѣ.. взимати всяку потребу, и отъ скотьницъ кунами, Лавр. 54 (123); сюда же, по видимому „дворъ же княжь разграбиша, бещисленое множство злата и сребра, кунами и бѣлью, Лавр. 74 (167)=Ип. и кунами, и скорою; многы дары высла арципискупу и мужемъ тѣмъ златомъ и сребромъ, и съсуды златыми и сребренными, и порты, Иг. 68 (311). Въ нов. яз. „въ миръ ити (=по миру, просить мылостыни), такъ и тѣстомъ брать"; „сдать мѣлочью", „сдача мѣлочью"; „беру взятки, но чѣмъ взятки? борзыми щенками.—Ну, щенками, или чѣмъ другимъ, все взятки", (Гог.) и „взятки щенками".

е) Въ ст.-сл. и др.-русскомъ, какъ и въ др. инд. яз. (Шерцль, Синт. 143—4), въ твор. ставится назв. вещества, изъ котораго сдѣлано что либо, при чемъ тв. означаетъ средство возведенія, созданія и проч.: цръкъвь камениѥмь възградити; дъсками съставивъ корабль (Mikl. IV, 691); ови бо рѣше, простыми вещ'ми нѣкацѣми сложено соуще небо, а а дроузии рѣше всѣми съставлено, дроузии же и обоихъ тѣхъ неприѥше, нъ петымь тѣломь прозваше ѥ, кромѣ четырь стухій соуще, рекше вещии, Іо. Экз. Шестодн. 47. Не бо ѥ лѣпо, я-же тимѣн'ная бываютъ ѥзера и дъждемь се съставлѣютъ вапы (болота), то тѣми хотѣти наше слово обличати (ихъ приводить въ опровержені̇е), ib. 87 Създа бъ члвка прьстиѧ (=иѩ) отъ земѧ, Бусл. И. Хр. 65; совѣи ми два ужа пѣском, ib. 665; бяхуть же станове въ городѣ соломою циненѣ (т. е. не крытые, а сдѣланные изъ.., какъ теперь шалаши) и загорѣшася самѣ отъ огневъ, Ип. 199; церковь бяшеть создана бѣлымъ каменьемъ тесанымъ, ib.; створилъ Богъ человѣка отъ землѣ, сставленъ костьми и жилами, отъ крове, Лавр. 76; дивен есть столпъ (башня, замокъ) великимъ камениемъ сдѣланъ, Дан. Паломн.; тиунъ его (князя)—яко огнь трепетицею (изъ осиновыхъ дровъ) накладенъ, а рядовичи его—яко искры: аще отъ огня устережешися, но отъ искры неможеши устерещися жжения портъ, Дан. Заточн. Въ поль. białym alabastrem budowane gmachy, 428
Kochan. (Mikl. ib. 693). Въ лот. „вой рōціняс дзелжѣм (тв. мн.) калтас? Спр. 339), развѣ (мои) руки изъ желѣза скованы?

ж) Значеніе тв. орудія въ „держать руками" неизмѣнится, если поставимъ въ немъ названіе лица. Въ ст.-русск.: „оже ти неугодьно дьржати Новгородъ сыномь, а вѣда(-жь v. -й) ны братъ, Новг. I, 38; всю волость Черниговьскую собою держить и съ своимъ сыновцемъ, Ип. 84 (343). Такъ и при другихъ глаголахъ: святую Богородицю (церковь) съблюде ю Богъ добрыми людьми (т. е. посредствомъ), Новг. I, 29; мѣсяця маія въ 9 поставиша царя своего (т. е. царемъ) Кондо-

Флоренда своими пискупы, ib.; чему еси отъялъ Волховъ гоголиными ловци, а поле отъялъ еси заячими ловци? ib. 66; глаголеть бо (Богъ) пророкомъ (черезъ пророка) намъ: обратитеся ко мнѣ всѣмъ сердцемъ вашимъ, Лавр. 72 (163); иде царь нѣмецкій... битися за гробъ Господень, проявилъ бо бяшеть ему господь ангеломъ, веля ему ити, Ип. 139 (449); Володимеръ самъ собою (самъ черезъ v. посредствомъ себя, т. е. самолично) постоя на Дону, а Мьстиславъ мужи свои посла, загна Половци за Донъ, Ип. 15 (217); што есмо въсказали до тебе нашими послы (XV в. Ак. З. Р. I, 107). Въ нынѣшнемъ вр. „невѣсту достають собою (т. е. лично), а ино и Фомою (черезъ посредника, пожалуй — дурака). Въ литер. яз. обычная замѣна этого оборота—„черезъ кого", „посредствомъ кого". Случаи „тобою скорбь терплю", Держ.; „тобой блаженство мы вкушаемъ", id.; тѣ отрады, что миромъ мы получимъ симъ, id.; всѣ будутъ счастливы тобою, id.; лишь ею (любовью къ истинѣ, т. е. черезъ
429 нее, благодаря ей) вождь героемъ чтится, и Богомъ судія намъ зрится, и солнцемъ міра—іерархъ" id., братецъ вашъ мнѣ другъ, и говорилъ, что вами выгодъ тьму по службѣ получилъ", Гриб. устарѣли, и удержалось только „самъ собою" въ случаяхъ, какъ „да вѣдь самъ собою дошелъ, собственнымъ умомъ", Гог., и „само собою" (т. е. разумѣется). Въ млр.:

Ой повъяжу лён хоть синёю ожиною;
Ой накажу я свойму милому хоть чужою чужиною.
Ой синяя ожинонька вона лёну неповъяже;
Ой чужая чужинонька вона правдоньки нескаже, Метл. 60.

Въ 1-хъ двухъ стихахъ творительные формально тожественны.

Ой черезъ межу горошок та постелився;
Козакъ до дівки ворогами та поклонився, Метл. 82.

Здѣсь параллелизмъ не только вещественный [какъ неудобно гороху (низкому полевому) стлатся черезъ межу, такъ козаку слаться къ дѣвкѣ черезъ вороговъ], но и грамматическій, такъ какъ „ворогами"=„через ворогів". „Кинувсь до громади прохать собі в неї поради, чого собою незбагне, Котл., т. е. безъ чужой помощи (какъ и у Державина: „пусть позлащенна мѣдь блистаетъ, но блещетъ ли она собой?").

Нѣкоторые твор., примыкающіе къ „собою", перестаютъ означать „черезъ то-то", „посредствомъ того-то" и скорѣе могутъ быть названы тв. образа дѣйствія. Такъ въ стар. яз. „съ Ошевского погосту идеть великому князю Московскому рубль, за два соколы по полтинѣ, коли небудеть перомъ соколовъ; а коли будуть перомъ соколы, ино два соколы", Запись о Ржевск. дани, Ак. З. Р. I, № 71; владыцѣ Новгородскому идеть.. зъ жеребья по полтретинадцати бѣлки, а небудеть бѣлокъ шерстью, ино по двѣ деньзѣ зъ жеребья, ib., а свадебную куницу давати имъ (Кіевскимъ мѣщанамъ) шерстью, а небудетъ куницы шерстью,

ино пять грощей за куницу, 1494, ib. № 120; „взять, вернуть что лицемъ; 430
людей нашихъ, которыи были на тыхъ нашихъ замкохъ, головами въ полонъ взяли, ib. 125 (ср. Mikl. IV, 694), т. е. лично ихъ, или „поголовно“, „всѣхъ“, подобно какъ въ слѣдующемъ „головою“ зн. вовсе: „вотъ съ тобою не теперь уже говорю, а больше половины рѣчей твоихъ неразумѣю, Иванушку и твою сожительницу почти головою неразумѣю, Фонв.

Къ „головой“ въ смыслѣ „поголовно“ примыкаетъ: „тако (=если) вы меня съ дружиною побьете Новымъ городомъ, буду вамъ платити дани-выходы, Др. Р. ст., какъ и нынѣ „выйти на встрѣчу всѣмъ городомъ“ (отлично отъ „со (=вмѣстѣ со) всѣмъ г.); мр. усі двором (=не только вся дворня, но и господа) її любили, Кв. Божі. Д.

Отъ тв. орудія, какъ „самъ собою“, въ зн. самъ черезъ себя v. посредствомъ себя, ведутъ также начало тв. образа въ зн. „самъ по себѣ“: значеніе самопомощи переходитъ въ знач. особности („о собѣ“): служба службой, а дружба дружбой; шутка шуткой, а дѣло дѣломъ; лѣсъ лѣлѣсомъ, а бѣсъ бѣсомъ, Даль, Посл. 956.

з) Въ ст.-слав., ст.-русск., ст.-чеш., и въ серб. и до нынѣ при оженити, -ся ставится имя жены въ твор.: женами ся потьбѣгоня прѣлюбы творить, О. Ев. Мат. 19, 9; ови же попове единою женою оженѣ(=и)вся служать, Лавр. 50 (113); Всеволодъ ожени сына своего Святослава Василковною Полотскаго князя, ib. 135 (294); князь Юрги ожени сына своего Всеволода Володимерною Рюриковича, ib. 193 (431); повелѣ Дюрги Мьстиславу сынови своему Новѣгородѣ женитися Петровною Михалковича, и ожени ся, Ип. 79 (331); ст.-чеш. oženil jej bohatou vdovou; серб. хоћаху ме оженит Латинком; ожени се Маријом; ожењен бјеще кћером херцега Стјепана Маријом, Дан. Синт. 563; Mikl. IV, 694. Изъ примѣровъ видно, что творит. независитъ здѣсь ни отъ возвратной или страдат. формы сказуемаго, ни отъ предлога. Зикмундъ (§ 113, 2), по видимому, смѣшиваетъ этотъ оборотъ съ позднѣйшею замѣною его посредствомъ съ съ твор. (oženil se s wdovou, какъ и въ польск.) и видитъ въ немъ тв. соціятивный. Даничичь сближаетъ оженити съ кумити, братимити, сестрити, посинити (дѣлать, называть кумомъ и пр.), напр. „братимим те Богом истинијем“. Но этотъ 431
послѣдній оборотъ значитъ собств. „дѣлаю тебя братомъ посредствомъ Бога“, т. е. призывая его въ свидѣтели, и т. п. Удерживая сближеніе съ кумити и пр. нужно было бы сказать, что тв. при оженити соотвѣтствуетъ (какъ и по Зикмунду) творительному съ предл. съ въ случаяхъ, какъ „Изяславъ сватиться [1]) со Всеславомъ мысля на наю“,

[1]) Сватомъ донынѣ въ мр. называется между прочимъ каждый изъ договаривающихся, безъ непремѣннаго отношенія къ браку, на пр. продавецъ по отношенію къ покупателю и на-оборотъ. Стар. сватитися, сговариваться, уславливаться.

Лавр. 78; млр. чи нам братитця (т. е. „один з одним“, другъ съ другомъ), чи що дня трапитця, Ном. 80. Это было бы несправедливо и потому, что женитися взаимнаго значенія неимѣетъ. Вѣрная мысль заключена въ замѣчаніи Миклошича (l. c.), что оженити знач. соб. beweiben, снабдить женою, согласно съ чѣмъ твор. орудія при этомъ глаголѣ стоитъ на томъ-же основаніи, на какомъ тв. при млр. окóнити [снабдить конемъ, сдѣлать коннымъ, а не „нагонить конемъ“, какъ у Метл. 417: давши для сына коня козаку, Коновчиха говоритъ „де мого сина (пѣшаго) нагониш, там ёго окóниш, добрим лицарем настановиш“]; опѣшить (чѣмъ, соб. сдѣлать пѣшимъ, потомъ поставить въ тупикъ, ударомъ ли, словомъ, или другою неожиданностью); отынишa (градъ) тыномь, Новг. I, 51; о(по)солить солью; огородить, -ся, быть огорожену плетнемъ, частоколомъ; обсоюзить обувь кожею; стар. ополонитися (набрать себѣ полона, снабдить себя челядью и пр.): „и ополонившеся челядью и скотомъ и возвратишася во своя си“, Ип. 120 (412); ополонишася скотомъ и кони, Ип. 141 (452) [1]); ту ловы
432 дѣявша и обловишася множествомъ звѣрей, Ип. 139. Сюда-же и „запастись чѣмъ“. Однимъ словомъ „оженити женою“, значитъ не „съ женою“, а „посредствомъ жены“. Предлогъ о-, объ здѣсь ненеобходимъ и неможетъ служить указаніемъ, какъ далеко простирается разсматриваемый здѣсь рядъ аналогій. Между прочимъ ошеломить чѣмъ значитъ собств. не снабдить шеломомъ, а смутить, какъ ударомъ по шелому; огорóшить чѣмъ, смутить, какъ сыпнувши въ кого горстью гороху. Напротивъ, мнѣ кажется, рядъ аналогій съ оженити продолжается въ об(ьв)инити чимь, т. е. сдѣлать кого виннымъ, снабдить виною (митрополитъ же Константинъ обини его всими винами, Ип. 102); въ обличити (въ см. снабдить „лицемъ“, уликою: „тѣми дѣлы обличаѥми“, Супр. Mikl. Gr. IV, 690, собств. не „въ тѣхъ дѣлахъ“, а „посредствомъ тѣхъ дѣлъ“), оклеветати („любодѣяніемь оклеветань ѥсть“, Mikl. ib. 691). Сюда ли клепати чимь? „Оже начнеть болшимъ кльпати“, Русс. пр., Син. (Дост. I. 39); кого чѣмъ поклеплетъ, Домостр. Во всякомъ случаѣ здѣсь тв. орудія. Между тѣмъ Зикм. (§ 111—3) видитъ въ подобныхъ чеш. примѣрахъ („viní svój rod sprostenstvím“, а равно въ „ten sám svou smrtí vinen jest“) творительный причины.

Къ оженити съ тв. примыкаютъ (о-,по-)дарить кого чѣмъ (сваты подари великыми дары, Ип. 136), т. е. снабдить кого даромъ, надѣломъ. Лишь благодаря забвéнію этого значенія возможно сочетаніе „подарить кому что (какъ и въ чеш., пол., darowati, darować), если

[1]) Ср. напълнитися: толико взяша полона множьство якоже всимъ рускимъ воемъ наполнитися до изообилья и колодникы, и чагами, и дѣтми ихъ, и челядью, и скоти, и кони. Ип. 98 (369).

первоначально дарить значитъ не „превращать что въ даръ для кого“, а какъ выше сказано.

и) Несмотря на то, что безличные обороты (дороги снѣгомъ занесло, замело) близки по эффекту къ страдательнымъ, они въ грамм. отношеніи тѣмъ неменѣе дѣйствительны. Поэтому правъ Миклошичъ (IV, 692), когда творительный въ такихъ случаяхъ причисляетъ прямо къ 433
тв. орудія, а не къ тв. при страд. сказуемомъ (дороги занесены снѣгомъ). Твор. одинъ и тотъ-же въ „хватилъ ножомъ“ и „хватило меня какъ ножомъ въ грудь“.

і) Уже изъ „ходить ногами“ видно, что тв. орудія вовсе непредполагаетъ при глаголѣ прямого объекта и столь-же умѣстенъ при глаголахъ дѣйствительныхъ, какъ и при среднихъ. Съ этой стороны нѣтъ препятствія отнести къ этому падежу слѣд.:

аа) Какъ „дышать полною грудью“ (не какъ, а чѣмъ), такъ „дышать воздухомъ“ и въ переносномъ см. „дышать гнѣвомъ, злобою“. Такъ и Mikl. IV, 702.

бб) Какъ „плевать, харкать кровью, рвать жолчью, отрыгаться чѣмъ“ („отрыгается масломъ, глядючи на коровій слѣдъ“), гдѣ тв. орудія означаетъ внѣшній по отношенію къ тѣлу предметъ, которымъ обнаруживается физіологическое отправленіе; такъ „пáхнуть чѣмъ (и пахнýть, напр. въ-лицо запахомъ), благоухáть, вонять, смердѣть, нести чѣмъ (о запахѣ), отзываться, отдаваться и отдавать чѣмъ“ (о запахѣ и вкусѣ), пол. pachnąć, wonieć, trącić, cuchnąć czém (о зап.), smakować czém (о вкусѣ, въ грамматическомъ отн. отлично отъ wonach smecken), серб. мирисати, воњати, задавати, смрдјети, ударати (бить, шибать въ носъ), баздјети чиме и пр. Относительно формальнаго зн. этого падежа мнѣнія большею частью отличны отъ нашего. Малецкій относитъ pluć jadem, oddycha porządkiem къ тв. вещества, изъ котораго что-либо дѣлается, вмѣсто (?) опредѣленія образа, какъ что-либо дѣлается (Gr. § 891), выгораживая отсюда твор. орудія при глаголахъ объективныхъ. Гаттала (Sr. Ml. § 28, 38) и Зикмундъ (§ 116) считаютъ тв. въ пахнуть чѣмъ за тв. сравненія, какъ въ „zarve jarym turem“ (jako byk). По мнѣнію Гатталы „smrděti kozlem“ значитъ (tolik znamená), что „jako kozel“. Согласно съ этимъ нужно бы думать, что „послѣ пожара 434
воняетъ гарью“ значитъ не собственно и рѣшительно гарью, а лишь такъ, какъ гарь. Мнѣ кажется, что съ грамм. точки зрѣнія здѣсь такъже недолжно быть рѣчи о сравненіи, какъ и въ „плевать кровью“, несмотря на то, что объективно нѣчто можетъ не дѣйствительно пахнуть гарью, а только напоминать этотъ запахъ. Относительно сродства этого твор. съ тв. образа дѣйствія слѣдуетъ замѣтить, что первый еще вполнѣ объективенъ, по-крайней-мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ: на вопросъ, чѣмъ пахнетъ — мы неможемъ еще отвѣчать „хорошо“, а

должны указать вещь, которою пахнетъ (какъ бы второстепенный субъектъ дѣйствія: „хлѣбъ отдаетъ цвѣлью“ какъ бы „цвѣль отдаетъ изъ хлѣба“), между тѣмъ, какъ тв. образа („спитъ мертвымъ сномъ“) имѣетъ болѣе качественное значеніе. Миклошичъ (IV, 718) разсматриваетъ тв. пахнуть чѣмъ особо, помѣщая его между твор., означающимъ предметъ заботы, надежды, довольства и тв. отношенія (богатъ скотомъ).

вв) Какъ „плевать чѣмъ“, такъ „плакать горькими слезами“, что у Микл. (IV, 725) далеко отнесено отъ твор. орудія. По-крайней-мѣрѣ несомнѣнно, что въ основаніи лежитъ здѣсь такой-же тв., какъ въ „полоскать водою“, такъ-какъ „плакать“, несмотря на отсутствіе полногласія, первоначально зн. то-же, почему нѣкогда нуждалось въ возвратномъ мѣстоимении (плакатися).

гг) Хотя тв. въ „цвѣсти кистями“ можетъ чувствоваться какъ тв. образа дѣйствія, но, мнѣ кажется, во многихъ случаяхъ этого рода еще явственъ тв. орудія, понимаемаго въ томъ-же смыслѣ предмета, въ которомъ или черезъ который обнаруживается дѣйствіе, въ какомъ „пахнуть чѣмъ“: цвѣсти синимъ цвѣтомъ, цвѣсти юностью; млр. ой зацвіли густі лози синесеньким цвітом“ и т. п. Зикм. (§ 113, 3, 6) то относитъ подобные случаи въ чеш. къ тв. соціятив. (съ какими обсто-
435 ятельствами сопряжена дѣятельность), то видитъ здѣсь тв. качества, въ коемъ прилагательное (kvetne bílým) поставлено вм. нарѣчія, а къ прилагательному прибавлено существительное, уже заключенное въ содержаніи глагола (kvetne květem bílým), причемъ это существительное не непремѣнно одного корня, лишь бы сходнаго значенія съ глаголомъ. Сюда подходятъ и такія выраженія, какъ „лицо цвѣтетъ прыщами и угрями“.

Какъ „цвѣсти бѣлыми цвѣтами“, такъ: „такъ бы о мнѣ рабица божья N сердцемъ кипѣла, кровью горѣла, тѣломъ сохла“, Майк. Вр. Закл. 424; „дорога кипѣла народомъ“, Гог., „одежды блистали золотомъ“, „сердце пылало любовью“, „земля текущая млекомъ и медомъ“, „кишѣть червями“, „обрости волосами“, млр. „пилом припасти“, „доріженька терномъ заросла, листом припала, червоною калиною понависала“, н. п.—случаи, которые Зикм. (§ 112, 1) относитъ къ тв. причины и основанія, а Миклошичъ (IV, 706—7)—къ тв. при гл. страдательныхъ, возвратныхъ и среднихъ. Сюда же и болѣть чѣмъ.

к) Между творит. орудія, которымъ непосредственно управляетъ лицо (напр. „ты навонялъ смазными сапогами“) и твор. орудія независимаго отъ лица, означающаго предметъ, въ коемъ проявляется дѣйствіе („сапоги воняютъ дегтемъ“), конечно есть разница, но нетакая, чтобы можно было изъ этихъ творительныхъ сдѣлать два грамматическіе разряда, подобные тв. мѣста съ одной и тв. орудія съ другой стороны. Подобная же разница существуетъ между твор., означающимъ ближай-

шее къ субъекту орудіе психологическихъ явленій, напр. тотъ языкъ, которымъ говорятъ [глаголати словѣньскыимь языкъмь"; „наоучи я книгамъ словеньскымъ языкомь"; (Кюрилъ) научися всей хитрости и мудрости и (глаголати, бесѣдовати, чисти и сказати) четырми языки..: еллиньскы, римьскы, сурьскы, жидовьскы, Бусл. И. Хр. 419—20; ради быша Словѣни, яко слышаша величья Божья своимь языкомь, Лавр. 11 (26)]; то чѣмъ мыслятъ („уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслію смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати" Сл. о п.) и тв., означающимъ дальнѣйшее орудіе обнаруженія этихъ явленій, въ новомъ русс. большею частью выражаемое предл. *о* съ мѣстн., предл. на съ винит., рѣже—творительнымъ (какъ „промышлять чѣмъ" въ пе- 436
реносномъ зн.): аще моя глава ляжеть, то промыслите собою (т. е. о себѣ), Лавр. 30 [1]), съ чѣмъ ср. серб. „изгуби га па немисли храном, ти немисли храном ни господством, Пјев. Црног. 6. (незаботься ни о пищѣ, ни о томъ, чтобъ стать господиномъ).

Пъвати, упъвати съ твор.: „оупъвающиимъ собоѭ, яко сѫть правьдьници, О. ев. Лук. 18, 9; см. Mikl. Gr. IV, 718; непъвай собою, Кир. Тур. Кал. Пам. 106. Согласно съ этимъ, хотя съ нѣсколько инымъ оттѣнкомъ тв., стоящаго здѣсь при имени, „неимѣти упованія имѣніемь", жит. Өеод. XII в.

Вѣровати: срящами вѣруютъ, sortibus (occursibus) fidunt, Mikl. ib.

Радѣти въ знач. раду быть: „онъ нами радѣлъ, спаси его Богъ, а мы имъ радѣли (т. е. при свиданьи), Путеш. въ св. з. Лукъянова, 49.

Въ нов. литер. яз. бредить чѣмъ: „кто этотъ Скалозубъ? отецъ имъ сильно бредитъ, Гриб.; скучать заключеніемъ и темнотою. Въ млр. неклопочи нами, Метл. 279; Плутон.. нашими бідами непогорює ні на час, Котл.; непотурай, коли часомъ буду смутна... невважай тим (=необращай на это вниманія), Кв. Щ. л.; нежурись, та своім ділом поспішай, Кв. Можетъ быть сюда-же литер. торопиться чѣмъ, напр. замужствомъ, свадьбою; млр. „злодія на шибеницю ведуть, а він своім ділом непризнаєцця (въ своемъ дѣлѣ), та оправдаєцця (-уєцця), якоби невинен, Ном. 54, хотя впрочемъ твор. при глаголахъ возвратныхъ подобнаго значенія можетъ объясняться иначе, о чемъ ниже.

л) На подобномъ безразличіи ближайшаго и дальнѣйшаго орудія основанъ и твор. при рядѣ глаголовъ, быть можетъ, непредставляющихъ первоначально разницы съ вышеупомянутыми, тоже означающихъ психологич. явленія: шутку, насмѣшку, обманъ, презрѣніе, отвращеніе и т. п. См. Mikl. IV, 701. Безразличіе орудія видно въ стар. играти чимь, въ знач. не только новаго чѣмъ, кѣмъ (бѣсъ играеть тобою на пагубу тобѣ, Лавр. 75, какъ и въ нов. яз.), но и новаго

[1]) При этомъ и „что о мнѣ Богъ промыслить", Ип. 120.

437 надъ чѣмъ и во что (въ какую игру, Бусл. Гр. § 256, 3). Такимъ обр. и блазнити (бѣсъ тобою блазнить, XIV в. Бусл. Хр. 487); глумитися (Mikl. ib.) и глумленіе творити ловитвою (Mikl. ib. 690); льстити: (говорили такъ) „льстяче ими", Новг. I, 26; Черный Клобукъ нами лестить, Ип. 101; лъгати (какъ и въ стар.-пол. kłamać kim, обманывать кого): имеши ему вѣру, а онъ тобою лжеть, Бусл. ib. 481; си сългаша имь (Святославомъ), Новг. I, 48; Възвягляне солгаша Шварномъ: поемше тивуна невдаша ему тивунити, Ип. 194; измясти: тобѣ было нелѣпо измясти нами, Ип. 135 (помѣшать); лукати, decipere, Mikl.; ругатися, какъ и болѣе новомъ яз. ругаться не только надъ кѣмъ, но и кѣмъ; о стыдитися—ниже; Святославъ бо тѣмъ пряшеться (извинялся, оправдывался): брате и свату, язъ сына своего послалъ не на тя поводитъ короля, Ип. 137; ср. Мьстиславъ же Изяславичь велми препираше короля всими винами Володимирими (оспаривалъ короля посредствомъ винъ, т. е. указывая на преступленія Володимира), Ип. 68; можетъ быть сюда-же: незабудѣта, им же обѣщастася, даруита мя обѣтомъ имъ же должьна ми ѥста, Ск. о Б. и Гл. 84; чимъ ми ся есте обѣчали, поѣдите по мнѣ Чернигову на Ольговичь, Ип. 32; чимъ ся бяшеть ему обѣчалъ, а того неисполнилъ, ib. 150. Въ нов. литер. яз. шутить (вѣдь чортомъ нешутятъ, Фонвиз.; царь казною нешутилъ, Кр.), презирать, пренебрегать (съ тв. и съ вин. Бусл. Гр. § 256, 3); „неуважать отцомъ, ни матерью, ни трономъ", Держ. (нынѣ неупотр.); дорожить (вѣдь только здѣсь еще и дорожатъ дворянствомъ, Гриб.). Сюда, а не къ тв. причины, какъ у Mikl. IV, 717, хвастать чѣмъ, а можетъ б. и возвратные по формѣ гл. хвалиться, величаться, гордиться. Можетъ быть сюда-же и клясться, божиться, присягать чѣмъ, Mikl. IV, 696, и кланяться кому чѣмъ (подаркомъ, приноше-
438 ніемъ; Mikl. IV, 725 относитъ къ твор. соціятивному, „cum dono", что ошибочно), бить челомъ кому чѣмъ. Впрочемъ для послѣднихъ есть болѣе обширная аналогія: дарить кого чѣмъ и пр. Млр. гордувати ким („ой дівчино гордівнице, гордуєш ти мною", н. п.), ганьбувати („ось моя (т. е. жінка) и благородна, так наші тузи ганьбують ею", Кв.; глузувати?

6. **Творительн. условленный страдательнымъ сказуемымъ** могъ бы быть названъ творит. энергическимъ, или, какъ у Востокова (Р. Гр. § 132), творительнымъ предмета дѣйствующаго. Менѣе подхожимъ кажется названіе твор. дѣйствующаго лица (Бусл. гр. § 246, 1), ибо единственные падежи грамматическаго лица суть прямые, косвенные же—предметны: назвавши твор. въ „письмо написано мною" падежемъ дѣйствующаго лица, мы должны дать другое названіе именительному въ томъ-же предложеніи, что затруднительно и излишне.

Разстояніе между этимъ твор. и твор. пространства такъ велико, что невидится возможности вывести значеніе перваго изъ отношенія „ка-

кимъ путемъ" (Zikm. Skl. § 112), и сказать, что въ первомъ дѣятельность подлежащаго „переходитъ черезъ то, что означено этимъ падежемъ" (Данич. Синт. 571). Съ другой стороны, Дельбрюкъ (65—6) признаетъ, что твор. при страд. сказуемомъ, обычный уже въ языкѣ Вѣдъ [„Јамêна даттаh", Ямомъ (Ямою) данный], а еще болѣе въ скр. (В. Шерцль, Синт. 113 сл.), весьма далекъ отъ твор. соціятивнаго. Напротивъ, разсматриваемый п. весьма близокъ къ творит. орудія и легко можетъ быть выведенъ прямо изъ него. По Буслаеву, этотъ п. даже собственно принадлежитъ къ творит. орудія (писать перомъ) и „дѣйствующее лицо въ немъ болѣе принимается за орудіе дѣйствія, нежели за самостоятельнаго дѣйствователя". „Грамматически отличается отъ этого значенія твор. орудія только тѣмъ, что можетъ стоять „при глаголахъ и прочихъ залоговъ, и даже при имен. прилагательныхъ" Гр. § 246, 4, б). Однако это только довольно велико и означаетъ, что твор. орудія, какъ и твор. мѣста и времени, безразличенъ по 439
отношенію къ залогу сказуемаго („написалъ перомъ" какъ „написано перомъ"; „дорога прошла лѣсомъ" и „проведена лѣсомъ"), между тѣмъ какъ твор. дѣйствующаго предмета отражаетъ на себѣ особенность страдательнаго залога, при которомъ онъ можетъ встрѣчаться съ другими творительными, несмѣшиваясь съ ними. Какъ и въ другихъ случаяхъ, здѣсь поводомъ къ различенію формальныхъ отношеній служитъ общій смыслъ рѣчи. Напр. въ „ови вяжемы (=ми) и пятами пхаеми", Лавр. 95, твор., несмотря на страдательность дополняемаго, есть твор. орудія, п. ч. изъ контекста видно, что не пяты сами по себѣ толкали лицо, составляющее средоточіе мысли (именительный наличный, или чувствуемый, какъ математическая точка), а нѣкто попиралъ это лицо пятами; но въ „печални, мучими, зимою оцѣпляеми", ib. 96 или въ „ногы имуще сбодены терньемъ", ib., за предметами, означенными творительнымъ, мы невидимъ другихъ дѣйствующихъ предметовъ: холодъ оцѣпенялъ, терновникъ кололъ, а не нѣкто производилъ эти дѣйствія посредствомъ холода, тернія.

Страдательность сказуемаго есть тоже непосредственное обнаруженіе дѣятельности подлежащаго, его энергія, но такая, которая болѣе всякой другой условлена объектомъ. Такой объектъ, выраженный творительнымъ орудія, и есть разсматриваемая здѣсь категорія, которой особность есть лишь другая сторона особности категоріи страдательности въ слав. яз. Въ ней орудіе есть образъ, знакъ, а не означаемое. Твор. дѣйствующаго предмета есть твор. орудія, специялизированный страдательностью сказуемаго и условленный ею въ большей мѣрѣ, чѣмъ какой либо другой творительный. Болѣе точнымъ отвѣтомъ на вопросъ, что такое твор. дѣйствующаго предмета, должно служить опредѣленіе круга страдательности, въ чемъ не всѣ между собою согласны. Зикмундъ сопоставляетъ творит. при страд. сказ. (to Bohem jemu ne- 440

bylo dáno) съ твор. при глаголахъ непереходящихъ, „имѣющихъ силу страдательнаго залога", напр. Bohem všecke věci stojí, и безразлично относитъ тотъ и другой къ твор. причины и основанія (Skl. § 112, 4, 5). Подобнымъ образомъ и Миклошичъ (IV 704—6) отождествляетъ твор. при страд. глаг. съ твор. при глаголахъ интразитивныхъ, принимаемыхъ за страдат., каковы быти, fieri, мрѣти, гыбнѫти, пáсти, потонѫти, изнемошти, ослабѣти, съхнѫти, иштезнѫти, таяти, горѣти, полѣти, помрьзнѫти, исцѣлѣти и пр., а равно и упомянутые нами выше, какъ течь, кипѣть чѣмъ, болѣть чѣмъ. Я считаю болѣе умѣстнымъ отнести эти случаи къ твор. орудія, къ твор. причины, б. м. нѣкоторые къ еще другимъ категоріямъ, только не къ категоріи твор. при страдат. сказ., которая мнѣ представяется болѣе тѣсною. Именно, въ славянскихъ языкахъ страдательность выражается, кромѣ особыхъ причастій, только тѣми изъ глаголовъ съ -сѧ, въ коихъ возвратность есть представленіе, а страдательность—значеніе. Хотя съ личной точки, принимаемой за объективную, можетъ казаться, что въ „дураками свѣтъ стоитъ" глаголъ означаетъ дѣйствіе, столь-же условленное предметомъ въ творительномъ, какъ въ „мною „написано...", но это точка не грамматическая. Въ языкѣ нѣтъ оборота, который бы служилъ противнемъ вышеприведенному (дураками...) въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ страдательный оборотъ „письмо написано мною" имѣетъ себѣ пару въ дѣйствительномъ „я написалъ письмо". Безъ такого противоположенія немыслима ни дѣйствительность, ни страдательность, а лишь медіяльность, требующая другого оттѣнка творительнаго. Миклошичъ (IV, 705) говоритъ, что при „женоѭ въздрастє зълоѥ", Супр., активъ былъ бы „жена въздрасти злоѥ"; но въ дѣйствительно-
441 сти здѣсь противопоставлены обороты не страдательный дѣйствительному, а средній (субъективный) причинному.

Выше (к) было упомянуто объ оттѣнкѣ твор. орудія въ „промышлять чѣмъ" и т. п. Подобный творит. въ глаголахъ среднихъ безъ ся непосредственно примыкаетъ къ твор., какъ „писать перомъ"; но при глаголахъ съ -ся могъ образоваться изъ твор. энергическаго, въ тѣхъ случаяхъ, когда медіяльное значеніе этихъ глоголовъ возникло не прямо изъ возвратнаго, при коемъ ся чувствуется какъ винительный, а черезъ посредство страдательнаго. Такимъ образомъ напр. печься (заботиться) въ нынѣшнемъ языкѣ во всякомъ случаѣ было бы глаголомъ среднимъ, каково оно уже въ древнемъ языкѣ въ томъ случаѣ, когда предметъ попеченія или заботы представляется точкою, вокругъ которой происходитъ дѣйствіе („непьцѣтеса объ утрии"); но „печися утриимь" могло перестать пониматься, какъ гл. возвратный съ творит. орудія (печь себя посредствомъ чего) и получить значеніе страдатель. („быть пекому чѣмъ") съ творит. энергич.,—значеніе въ свою очередь уступившее мѣсто среднему. Признавая такую послѣдовательность раз-

витія значеній глагола съ ся и творительнымъ въ общемъ вѣрною, не-всегда можно рѣшить въ-частности, на которой изъ двухъ послѣднихъ степеней находится глаголъ, т. е. есть ли онъ страдательный или средній, почему нѣкоторые изъ приводимыхъ ниже примѣровъ, быть м., могли бы быть отнесены къ оттѣнку твор. орудія, отличному отъ творительнаго энергическаго.

Непьцѣтеса душеѭ вашеѭ, чьто ѣсте, или чьто пиѥте, ни тѣлъмь вашимь, въ чьто облѣчетеса, О. ев., Мат. 6, 25, т. е. или ближе къ „небудьте озабочиваемы душею вашею“, или ближе къ „незаботьтесь о душѣ“; нами Богъ да попечеться, жит. Ѳеод. XII в.; оженивыйся печеться женою, како угодити женѣ, Кир. Тур., Кал. Пам. 126; князь обѣщася пещися манастыремъ, Лавр. 80 (182). У Миклошича твор. 442
означающій предметъ заботы, довѣрія, стоящій какъ при гл. съ сѧ (пещисѧ душеѭ), такъ и при гл. безъ сѧ (пъвати помощиѭ) и прилагательныхъ (довольни оброкы) составляетъ особый отдѣлъ (IV, 817—8), разсматриваемый имъ отдѣльно отъ тв. при гл. страд. и принимаемыхъ за таковые и помѣщаемый между твор. основанія („повелѣниѥмь“=по повелѣнію, куда однако отнесенъ и случай „чим ся мудрий встидає, тим ся дурный величає“) и творительнымъ, означающимъ то, чѣмъ что пахнетъ и пр.

Стыдяться мною, Кир. Тур. ib. 45; нестыдися нищетою, понѥже большая часть мира сего въ нищетѣ ѥсть, Злат. цѣпь, XIV в., Бусл. Хр. 491; стыдися отьця и матере блоудъмь, сильнааго и властелина о лъжи, соудия и кънязя о съгрѣшеньи, Изб. 1076, 173; такъ еще у Фонвиз. (стыдиться чѣмъ). Я думаю, что это принималось нѣкогда за страдат. оборотъ, сходный съ „быть стыдиму кѣмъ, чѣмъ. При сочетаніи съ родительнымъ, какъ уже въ древнемъ языкѣ („немози, стыдѣвся лица, лжи послухъ быти“, Бусл. Хр. 491) и донынѣ, нетолько стыдѣтися, но и стыдитися можетъ быть только среднимъ глаголомъ.

Сюда-же можно бы отнести и упомянутое выше (стр. 466) глумитися съ твор. (мною вси глумяться, Кир. Тур. Кал. 46), если глумити было нѣкогда дѣйствительнымъ глаг. При томъ-же самомъ условіи сюда-же и печаловатися съ твор. предмета заботы и предстательства, обычное въ рус. до XVII в. включительно.

Глаголы съ возвратнымъ си, а не ся, могли бы быть причислены сюда, если бы знать, что эта форма возвратнаго мѣстоименія, несмотря на дательный п., совмѣстима съ переходомъ глагола къ страдательности: Володимеръ съжалиси тѣмъ, оже проливашеться кровь въ дни постьныя, Ип. 7; утрьуду болѣзнь клѣщить мя, вьнѣуду досадами укоризньникъ стужаюси (affligor), Кир. Тур., Кал. Пам. 46, что могло быть 443
страдательнымъ оборотомъ, если считать за дѣйствительный „досады стужають ми“. Если это предположеніе справедливо, то сюда-же можно

ты отнести твор. при литовскихъ возвратныхъ съ si: tiketis, nûsitiketi devu („вѣритися богъмь“), gerėtis (радоваться, находить удовольствіе въ чемъ), pasididžûti (величаться чѣмъ), Schl. L. Gr. 268; относительно si въ знач. винительнаго—ib. 303.

Ятися съ твор. въ смыслѣ яту быти: Мьстиславъ же... ни мысли таковои неимѣяше въ сердци своемъ, но истиньною любовью обуемся съ братьею хожаше, Ип. 99; тако живяста у любви и сватьствомъ обуемшеся,, Ип. 125, чему противополагалось бы дѣйств. „любы об-у-яла“; а кто что вынеслъ или на поле и въ греблю, или въ учаны, то все поломянемь взялося, Новг. 1, 80; якоже сами избѣгоша изъ церкви, все поломянемь взяся, ib., при дѣств. оборотѣ „поломя възя“, какъ „много людій погорѣ въ домѣхъ, вьборзѣ бо огнь заалъ“ ib.

И тако нужею поведеся (въ страд. см. при дѣйст. нужа поведе) Святославъ отъ Ростиславли любви къ Изяславлу, Ип, 89. Это немѣшаетъ въ слѣд. мѣстѣ понимать нужею какъ тв. образа: жены ведоми (=ы) быша въ плѣнъ, разлучаеми (=ы) нужею (насильно) отъ мужий своихъ, Ип. 100. И бывши распрѣ множѣ, снидошася крестнымъ цѣлованіемъ, Ип. 137; невижу, почему-бы это немогло быть нѣкогда страдательнымъ оборотомъ при дѣйств. цѣлованіе съниде *я* (подобно дѣйств. глаголамъ наити, разъити).

Бысть же вѣсть Святославу, оже Всеволодича и Олегъ, сынъ его, сложилися любовью съ Изяславомъ, Ип. 89, т. е. были соединены, соглашены любовью (серб. слога, согласіе; ср. ст. р. одиначьство), т. е. любовь сложила ихъ.

Увидѣвше князь и владыка и княгыни, яко зажженъ бысть градъ, а
444 людье уже огнемъ кончаваются, а иніи мечемъ, вбѣгоша въ святую Богородицю“, какъ бы оканчиваемы мечемъ (отъ меча), т. е. мечъ оканчиваетъ ихъ, причиняетъ имъ кончину. Такъ и нынѣшнее кончиться чѣмъ, т. е. на какой вещи, первоначально могло значить по отношенію къ залогу то-же, что быть окончену какою вещью.

Въ „церквамъ... идѣже имя Божіе славиться, сими же погаными хулиться“, Ип. 121, всячески разсуждая, послѣдній оборотъ страдательный; но кажется, что и „хвалиться чѣмъ“ напр. богатствомъ, значить первонач. „быть хвалиму богатствомъ“, при чемъ въ творительномъ дѣятельнаго предмета недѣлается различія между лицемъ и вещью.

Возможно, что ко глаголамъ среднимъ, получающимъ отъ присоединенія предлога дѣйствительное, даже фактитивное знач. принадлежатъ и растаяти, располѣти, и тогда они съ ся черезъ возвратность могли перейти къ страдательности: ледъ невѣрія благоразуміемъ растаяся, Кир. Тур. Кал. 21 (не „отъ благоразумія растаялъ“, а „благоразуміемъ растопленъ“); располѣся гнѣвомъ и разжеся яростью, Ип. 122 былъ или сталъ распаленъ гнѣвомъ.

Въ нов. литер. рус. слѣды страдательности можно видѣть въ радоваться чѣмъ (Карамз.), веселиться чѣмъ (сажая деревцо и тѣмъ я веселюсь, что... Крыл.), гнушаться чѣмъ (изстари уже здѣсь и родит. удаленія отъ предм.: „гнушаются мене“, Кир. Тур.), „мятясь житейской суетою“, Держ., волноваться, тревожиться, мучиться, славиться, хвалиться, величаться, гордиться (т. е. сначала дѣлать себя гордымъ, потомъ дѣлаему быть гордымъ безразлично кѣмъ и чѣмъ), чваниться, потѣшаться, казниться; бочка настоялась виномъ, т. е. съ предполагаемымъ дѣйствительнымъ оборотомъ „вино настояло бочку“; „то въ свайку съ нею (женою) веселюся, то ею въ головѣ ищуся“, Держ. (теперь неупотр.) т. е. она мнѣ ищетъ въ головѣ; 445
млр. „упав сніжок на обліжок та взявся водою“, и влр. лугъ понимается водою, свѣча (зажигаемая) занимается огнемъ, въ коихъ страдательность довольно явственна (ср. дѣйств. млр. „лужечки й бережечки вода поняла), заставляютъ предполагать, что литер. заниматься чѣмъ (=польск. zajmować się, obierać się, trudnić sie, parać się, bawić się czym, чеш. zanášeti se, obírati se čím, sich beschäftigen womit) дошло до нынѣшняго знач. черезъ посредство страдательнаго оборота, коему соотвѣтствующій дѣйствительный съ лексической стороны могъ имѣть отношеніе къ чувственному образу, въ родѣ воды, захватывающей лугъ, или огня, овладѣвающаго чѣмъ.

Въ млр. сюда же журитися: „оженився—зажурився, чи дітками, чи жоною, чи своею головою, Метл. 75; матінко наша, нежурися ти нами, ib. 278; я дівчинов нежуруся, Голов. Пѣс. I, 168;

„Сами сядуть а вечеряти, тебе пошлють по воду.
„Відро велике, вода далека, ніченка темненькая!“
—Нежурітеся; близькі сусіди, нічкою темненькою:
Ой єсть у мене золотий перстень, він буде мні світити,
Сб. пам. н. т. Сѣверозап, кр. 89.

Величаєцьця, як заяць хвостом; чваницця, як дурень латкою, Ном. 50, 50, нетурбуйся ж ти, наша матінко нами, Метл. 358; въ зап. млр. и цуратись (на востокѣ—только съ род.): та ся мною молодою родина цурає; очи моі чорні, я ся вами дивлю, Голов. Пѣс. II, 416, т. е. не смотрю вами, а удивляюсь вами, вы меня удивляете; лихомъ ёму занудилось, Ном. 75, т. е. лихо ёго занудило? или „лихомъ“ 446
въ см. нарѣчія?

Въ ст. поль. bo bi byl chcial, modlǫ (obiatą) wzdal bich byl; ouszem modlamy nebǫdzesz siǫ kochacz: modla bogu duch smǫczony, siercza skruszonego y smerzonego bosze nevzgardzysz(=ž), Пс. 50 (51), конца XIII в.? (Maciej. Dod. do piśm., снимокъ къ стр. 4).

Въ чешскомъ (Zikm. Skl. § 112, 2) между прочимъ „sliby se blázni veselí, ale moudří jimi se kají, при чемъ слѣдуетъ замѣтить, что ка-

яти въ ст. русск. есть глаголъ дѣйствит. („кають князя Игоря“, Сл. о П., и въ другомъ смыслѣ „иной попъ того человѣка покаялъ и дары ему далъ“, 1426, Ак. Ист. I, 61), стало быть съ -ся могъ перейти къ страдательности.

Въ серб. (Данич. Синт. 664—5) между прочимъ „части мом се бојим, тужна“ (Гундул.); утраченное бојати есть, по видимому, гл. нетолько дѣйствительный, но и причинный.

7. **Творит. условленный именемъ и нарѣчіемъ.** Подъ этимъ названіемъ попытаюсь соединить случаи, несоставляющіе одной рѣзкообособленной категоріи, но связанные между собою равномѣрнымъ отличіемъ отъ соотвѣтственныхъ творит. условленныхъ глаголомъ. Если свойство извѣстнаго творительнаго условлено глаголомъ, то этотъ падежъ неможетъ остаться самъ собою, какъ скоро на мѣсто глагола становится другая часть рѣчи—положеніе, однородное съ тѣмъ, по которому напр.: „стыдиться чѣмъ“ есть вовсе не тотъ же глаголъ, что „стыдиться чего“. Орудіе предполагаетъ энергію, глаголъ. Когда признакъ, который представляется возникающимъ въ глаголѣ, становится даннымъ, готовымъ, результатомъ въ имени, то и твор. орудія стоявшій при глаголѣ получитъ уже другой оттѣнокъ.

А. Твор. при прилагательныхъ и нарѣчіяхъ сравнительной степени, означающій мѣру того, чѣмъ одинъ предметъ превосходитъ другой (Восток. Рус. Гр. § 132, II, 5; Mikl. Gr. 703), какъ „аршиномъ длиннѣе, вершкомъ короче, головою выше или ниже, рублемъ дороже, многимъ легче, чѣмъ дороже? сколькимъ? — столькимъ, малымъ чѣмъ дороже“. Такъ и въ чешск. Zikm. § 115, a; Hatt. Sr. Ml. 50), серб.
447 (главом вишиј, Дан. Синт. 572), литов. plásztaka auksztesnis, ладонью выше (Schl. Gr. 268). Въ ст. русск. „бѣ бо ему възвѣщено прежде днемъ единѣмъ“, Лавр. 90; „преже своея болѣзни треми деньми, видѣ сонъ, Ип. 79. Понятно, что это неесть тв. времени, ни мѣста, такъкакъ въ томъ же грамматическомъ значеніи могутъ стоять въ тв. слова, неимѣющія отношенія ко времени и мѣсту.

Значеніе мѣры безъ примѣси вещественнаго значенія достигается въ союзахъ сравнительныхъ „тѣмъ паче... что...“, „тѣмъ болѣе что“, „чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ“, млр. чим... тим, чеш. čím... tím, слов. čím... tym, польск. im... tym, лит. jû... tû, лот. jû.. jû (послѣднее и безъ прилагат. въ сравн. ст. значитъ „чѣм больше.. тѣмъ больше: йо дзѣдаю, йо сканея лѣла мѣжа маліня; йо дзивоую, йо милею балтаям бáліням, Спр. 198, чѣмъ больше я пѣла, тѣмъ громче раздавалось па краю большого лѣса; чѣмъ дольше жила, тѣмъ милѣе становилась ласковому (=бѣлому) братцу.

Нерѣшая, предполагаетъ ли этотъ тв. значеніе мѣста („дальше верстою“, т. е. на движеніе верстою), или зн. орудія (дальше посредствомъ

версты, т. е. верста, какъ орудіе дѣлаетъ нѣчто болѣе далекимъ), думаю, что по вышесказанному этотъ тв. недолженъ быть смѣшиваемъ съ тв. при глаголахъ означающихъ сравненіе, какъ превосходить, превышать, равняться чѣмъ, польск. przechodzić przenosić, przesięgać, przewyższać kogo czym, чеш. převysovati (Zikm., § 114, считаетъ здѣсь тв. за тв. отношенія), серб. надвисити, претећи и пр., гдѣ, по моему мнѣ- 448
нію, такой же тв. орудія, какъ въ „мѣрять своею пядью".

Нѣкоторые ученые (Востоковъ, Шлейхеръ, въ L. Gr. 268, Данич. Синт. 272 и 4) неотдѣляютъ разсматриваемой категоріи, по крайней мѣрѣ нетщательно отдѣляютъ ее отъ тв. при прилагательномъ независимо отъ его степени. Между тѣмъ въ „плечами шире" мы явственно различаемъ два значенія: одно условленное именно сравнительною степенью („на ширину плечей шире"), другое—независимое отъ этого условія: „въ плечахъ шире", какъ „въ плечахъ широкъ".

Миклошичь (l. c.) тоже невыдерживаетъ въ чистотѣ категоріи „ни чимь же хуждий", присоединяя къ ней случаи „умьнилъ кси (и) маломь чимь отъ аньгелъ", (ср. укоротить, удлиннить, уменьшить аршиномъ—тв. орудія) и „маломъ отъ хызины кго" (тв. мѣста), „въ градѣ отьстокштиимь отъ Рима маломь растоянисмь (тв. мѣста, аналогичный съ тв. времени въ „глазъ мигомъ (на мигъ) неприщуря"), „nigdy sprawiedliwości nieodstąpił włosem" (на длину или ширину, на протяженіе волоса—тв. мѣста); „литовскимъ бы людемъ отъ нихъ.. грабежу одинолично небыло: некрянули бъ однолично никого ни чернымъ волосомъ (=нетронули бъ ни на волосъ), Пам. дипл. снош. I 183; а мы тебя, царь, ничемъ недвигнемъ, ни чернымъ волосомъ, Пов. о 7 богатыр., Пам. ст. Р. л-р. I, 314. Сюда быть м. и русск. поступиться чѣмъ, хотя „непоступилися своимъ ни волоскомъ", Крыл. можетъ быть понято и иначе.

Б. а) Твор. при прилагательныхъ, которому затрудняюсь дать имя, хотя нахожу его отличнымъ отъ другихъ. Отъ предыдущаго онъ отличенъ тѣмъ, что независитъ отъ сравительной степени и неозначаетъ мѣры; между тѣмъ съ тв. „высокъ ростомъ" онъ несовпадаетъ потому, что въ немъ живѣе чувствуется тв. орудія, быть м. и дѣйствующаго предмета, чѣмъ въ тв. отношенія; съ творит. орудія онъ неможетъ быть отождествленъ, если признать, что грамматич. категорія орудія условлена присутствіемъ глагола и причастія, а съ тв. дѣйствующаго предмета сверхъ того—и потому, что если дѣйствительно существуетъ граница между прилагательнымъ и причастіемъ, прилага- 449
тельное неможетъ быть страдательнымъ. Я незнаю къ какому авторитету прислониться въ этомъ случаѣ. Скорѣе всего къ Даничичу (Синт. 572—5), хотя и у него здѣсь смѣшеніе разсматриваемаго тв. съ А и В (см. ниже).

Миклошичь относитъ къ одному разряду съ тв. при страдательномъ сказуемомъ между прочимъ и случаи: серб. Marija Jezusom tegotna; ostade iza kralja noseća prvim sinom (IV, 705); стало быть въ русскомъ сюда должно бы быть отнесено беременна, брюхата, тяжела сыномъ, а также вѣроятно и щенна, супоросна, стельна чѣмъ, сколькими; некрасна изба углами (ib. 706); млр. старими людьми село порадне, парубочками село горіжне, а дівочками село весело (Гол. П. II, 34). „Тв. означаетъ то, чѣмъ (что) кто либо долженъ. Если, какъ я думаю, длъжьнъ находится въ связи съ дрг, tenere, и этимологически означаетъ obligatus, то этотъ тв. тождественъ съ творительнымъ при страд. гл.“ (ib. 707). Сюда же виньнъ, повиньнъ съ тв. Но если корень дрг долженъ намъ доказывать, что тв. при длъжьнъ значитъ то-же, что тв. въ „посланъ мною“, то того же мы должны ожидать отъ корня вас, свѣтить, блистать, относительно оборота „дівочками село весело“. Между тѣмъ на это послѣднее утвержденіе врядъ-ли можно рѣшиться. Я думаю, особенность знач. падежа при данномъ словѣ неможетъ быть опредѣлена этимологическимъ, стало быть прошедшимъ значеніемъ даже грамматической, а тѣмъ болѣе лексической части этого слова. Стало быть, прежде всего оставимъ въ покоѣ корни, какъ дрг, и остановимся на суффиксахъ, а изъ этихъ послѣднихъ—на -ьнъ, наиболѣе сходномъ съ суф. прич. страд. Во-первыхъ, развѣ не очевидно, что это сходство не есть тождество, и въ грам. отношеніи бере́менна, печа́льна, дол-
450 жна́, отли́чна, безсме́ртна, раздѣ́льна, трудна́, страстна́ вовсе не то что прич. обременена́, опеча́лена, одолжена́, отличена́, обезсме́рчена, раздѣлена́, утруждена́, пристрашена́ и т. п.? Во-вторыхъ, беремъ суф. несомнѣнно тождественный съ суф. прич. страд. въ „обязанъ чѣмъ“. Развѣ твор. здѣсь объясняется тѣмъ, что прилагат. произошло изъ прич. страд.? Вѣдь этотъ твор. („онъ обязанъ намъ почтеньемъ“, Крыл.; этимъ вымысломъ я вамъ обязанъ“, Гриб.; „надутый всякимъ чванствомъ“, Гриб.) находится въ преемственной связи вовсе не съ тв. дѣйствующаго предмета въ страд. „я по жизнь обязанъ вами“ (дѣйств. „вы меня по жизнь обязали“), а съ твор. орудія при дѣйствительномъ: „обязать кого почтеньемъ“, „надуть пузырь воздухомъ“. Въ-третьихъ, я совершенно согласенъ съ тѣмъ, что о случаяхъ долженъ чѣмъ мы должны судить совершенно одинаково съ „веселъ чѣмъ, кѣмъ“, „носећа сином“ (прил. отъ прич. наст. дѣйств.), и пр.; но въ этихъ послѣднихъ немогу усмотрѣть страдательности, такъже, какъ и въ „тобой мнѣ красенъ свѣтъ“. Это послѣднее вовсе не-есть противень дѣйств. „ты дѣлаешь мнѣ свѣтъ краснымъ“ (т. е. прекраснымъ). Творит. въ „довольни бѫдѣте оброкы вашими, Лук. 3, 14 (такъ и русск., серб., Данич. Синт. 572) Миклошичь помѣщаетъ не въ числѣ тв. при страд., а въ особый § „тв. предмета заботы, довѣрія, довольства“ какъ пещися душеѭ, пъвати помощиѭ (IV, 718).

Буслаевъ говоритъ, что **полонъ**, а также **наполненный, исполненный** суть настоящія прилагательныя только тогда, когда сочетаются съ родительнымъ („пълнъ оцьта“ и пр.), „съ творительнымъ (же) принимаются эти прилагательныя за прич. страд. зал., которыя по общему правилу управляютъ этимъ падежемъ“ (Гр. § 259, Пр. 4). Однако въ „стаканъ, наполненный мною виномъ“, страдательность причастія сказывается не во второмъ творительномъ, находящемся въ связи съ твор. при дѣйствит. „наполнить виномъ“, а лишь въ первомъ (мною). Такъ 451
и въ „полонъ чѣмъ“ вопросъ состоитъ не въ томъ, страдательно ли это прилагательное, а въ томъ, есть ли разница въ творительномъ при немъ съ творительнымъ въ „наполнить виномъ?“. По Миклошичу, съ коимъ въ этомъ случаѣ скорѣе можно согласится, твор. орудія стоитъ нетолько въ „**наполненъ** печалью“ (IV, 691) но и въ „їх права рука повна кривдою лихою“. Въ древ. инд. невидно разницы между творительнымъ при прилагательныхъ со значеніемъ **полонъ, обиленъ, богатъ чѣмъ** и творительнымъ при соотвѣтственныхъ глаг., какъ **наполнять чѣмъ** (В. Шерцль, Синт. др. инд. яз. I, 109).

Быть можетъ, мы приблизимся къ истинѣ, если скажемъ, что разсматриваемый здѣсь падежъ занимаетъ середину между творительнымъ орудія и твор. дѣйствующаго предм. при страдат. сказуемомъ; если же такое различеніе несостоятельно, то лучше видѣть здѣсь просто твор. орудія, расширя эту категорію и на случаи, гдѣ нѣтъ глагола.

Вотъ еще нѣсколько примѣровъ: въ ст. русск. язъ, брате, тѣмъ **нетруденъ** есмь, твоея дѣля чести радъ ѣду, Ип. 53; нама дай Богъ **нераздѣльно** (нар.) съ тобою быти **ничимъ** же, ib. 58; **повиньни** будуть то створьшии прежереченою **епитимьею**, Лавр. 15.

При ст.-слав. „ѥдинъ длъжьнъ бѣ пѧтиѭ сътъ динарии“, О. Ев. Лук. 7, 41, (см. выше стр. 427) находимъ въ нов.-рус.: „вы должны учтивостью къ дамамъ, Фонв.; червонецъ, которымъ онъ мнѣ былъ долженъ, Трут. Новикова, Бусл. Гр. § 259, пр. 4; мы свой знатный родъ ведемъ отъ тѣхъ гусей, которымъ нѣкогда былъ долженъ Римъ спасеньемъ, Крыл.; чѣмъ я виноватъ? млр. чим я виненъ?; кто благостью великъ, какъ Богъ, Держ.;; видно молодецъ механикой былъ страстенъ, Крыл.; нами (корнями) дерево такъ пышно и кудряво, id.; грабительствомъ богаты, Гриб. (т. е. reich durch etwas, а не an etwas); „деньги счетомъ крѣпки“; 452
„рубль цѣлъ копѣйкой“, т. е. копѣйка дѣлаетъ рубль цѣлымъ, такъкакъ безъ копѣйки рубля нѣтъ.

Для этого твор. мнѣ кажется характеристичнымъ то, что онъ, хотя изрѣдка и встрѣчается въ древ. яз. при существительныхъ (длъжьникъ ѥдинъ тьмоѭ талан'тъ, О. ев., Мат. 18, 24), но по правилу, по крайней мѣрѣ въ новомъ рус., необыченъ ни при nom. agentis, ни actionis. Неловко „богатство грабительствомъ“, ни „богачь грабительствомъ“,

ни въ знач. „посредствомъ грабительства“ ни въ знач. твор. отнош. (см. ниже).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ этотъ твор. неотличимъ отъ слѣдующаго, творительнаго отношенія. Такъ, если сюда „полонъ чѣмъ“, то и „богатъ чѣмъ“ (reich an etwas); а если такъ, то и убогъ чѣмъ („Богъ милостью неубогъ“ посл.), бѣденъ, скуденъ чѣмъ (и обѣднѣть, оскудѣть чѣмъ), въ ст. яз. нагъ ризами, б. м. пустъ чимь.

Какъ „полонъ чего“ (род.=abl.) и „полонъ чѣмъ“, такъ въ древ. инд. нетолько съ аблятивомъ, но и съ твор. сочетаются глаг. удаленія, лишенія и прилагат. со знач. оставленный, лишенный, пустой (В. Шерцль. Синт. 133 сл.). Это можетъ объясняться не тѣмъ, что твор. нѣкогда имѣлъ значеніе аблятива или получилъ это значеніе въ силу какой либо аналогіи [1]), а тѣмъ, что значенія извѣстныхъ глаг. и прилагательныхъ, могутъ разсматриваться какъ со стороны удаленія отъ предмета, такъ и со стороны возникновенія посредствомъ предмета: скр. рупѐна hинаh (лишенный красоты) можетъ значить первоначально „оставленной красотою“.

В. Творительн. отношенія.

а) При прилагательномъ: ст. сл. мьньшꙗя тебе, малыя върстою любъвьно приими, Изб. 1076, 45-6; немѣнимъ Бога ч'то глаголюща, нъ волное повелѣниѥ въ часѣ бесприкладнѣмь скоростию глаголемъ, Іо. Экз., Шестодн. 25 (=недумаемъ, что Б. говоритъ нѣчто, но говоримъ, что повелѣніе (Его) воли (совершается) во время безпримѣрное по скорости); ст.-рус. цьркви несказ(ан)ьны лѣпотою, Новг. I. 27; бѣ же Ростиславъ мужь добль ратенъ, взрастомъ лѣпъ и красенъ лицемъ, Лавр. 72; (бози.. живуть) въ безднахъ, суть же образомъ черни, ib. 77; теплъ на вѣру, кротокъ, взоромъ (на видъ) красенъ, ib. 84; бѣ же князь мудръ, и рѣченъ языкомъ, и славенъ полкы, Ип. 135 (пълкы—тв. не В, а Б, какъ „богатъ грабительствомъ“); Всеволодъ Святославичь, братъ Игоревъ, во Олговичѣхъ всихъ удѣлѣе рожаемъ [2]), и воспитаніемъ, и возрастомъ и всею добротою и мужственною доблестью, Ип. 149; слышавши жена сухорукая о человѣцѣ скорченѣмь рукама и ногама, Срезн. Ск. о Б. и Гл. 69. Въ нов.-рус.: О Ты пространствомъ безконечный, теченьемъ времени превѣчный, Держ.; высокъ ростомъ, веселъ

[1]) Что вѣроятно относительно позднѣйшаго скр. твор. при сравнит. степ. прил. на мѣстѣ болѣе древняго аблятива, Шерцль. ib. 136.

[2]) Рожай, этимологически=поль. rodzaj, сходно съ рожа и, какъ и рожа, значитъ лицо: N рожаемъ и волосомъ русъ, глаза сѣры, ростомъ середній человѣкъ, 1598, Ак. отн. до ю. б. II. 117, 119; рожаемъ и волосомъ бѣлъ, ib. 122; ср. N волосомъ теннорусъ, лицомъ смуглъ; ib. 126. Сближеніе съ вр. наружи, наружу въ звуковомъ отношеніи затруднительно.

нравомъ, хорошъ собою, хорошъ городъ домами, да плохъ головами, посл.; счастливъ игрой, да несчастливъ женой, посл.; неуда́члнвъ рожей; голуби (дикіе) съ прилета бываютъ чисты перомъ и жирны тѣломъ, С. Акс.; скорбенъ головою; чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ (т. е. радъ служить, угостить и т. п., такъ что второй твор. тѣмъ сюда неотносится); онъ былъ уже лѣтами старъ, но младъ и живъ душѐй незлобной,
Пушк.; растерянъ мыслями, чего-то ожидаю, Гриб.; хлопочутъ набирать 453
учителей полки числомъ поболѣе, цѣною подешевле, Гриб. и пр. Тоже въ млр. (ще ти дитя молоде, розумом недійшле, Метл. 419), хотя болѣе замѣняется другими оборотами, какъ на съ вин.

β) При существительныхъ конкретныхъ, какъ великанъ, дубина ростомъ, молодецъ, красавецъ собою, арапъ рожей, и прямизною стана, лицомъ и голосомъ герой, Гриб.; богатырь ты будешь съ виду и казакъ душой, Лерм. Въ стар. яз. моуринъ тѣломъ, *αἰθίοψ τὸ σῶμα*, Будилов. Изсл. 38; „оканьни Агаряне, нечистіи, исчадья дѣломъ и нравомъ сотонины, Ип. 121.

Сюда же (какъ у Миклош. и др., а не къ одному разряду съ „сидѣть сиднемъ“, какъ у Бусл. Гр. § 246, 'в.)—тв. именемъ, прозвищемъ, прозваніемъ, родомъ, напр. „я думаю, что Скотинины всѣ родомъ крѣпколобы“, Фонв.; „познатнѣй породою котелъ“, Крыл., такъ что нѣтъ формальной разницы между „смуглъ лицомъ“ и „болгаринъ родомъ“. Относительно „именемъ Марія“ слѣдуетъ замѣтить, что это отлично отъ тв. орудія при глаголѣ, какъ „назвать именемъ“, „ругать дуракомъ“ и т. п. При родомъ, происхожденіемъ и т. п. можетъ стоять не простой падежъ, а изъ съ род.: родомъ изъ села N.

γ) Сюда же, повидимому, того лѣта изби мразъ рожь и бысть убытокъ крестьяномъ хлѣбомъ, Пск. I, 209; между тѣмъ въ слѣдующемъ м. б. и тв. причины (см. ниже): Новугороду было истомно сильно кормы, и вологою, и великими дарми, Пск. I 237.

δ) Очевидно, что между высокъ ростомъ и великъ числомъ (мѣрою, длиною и пр.) нѣтъ грам. разницы относительно творительнаго; но разницы небудетъ и въ томъ случаѣ, если на мѣсто прилагат. поставимъ болѣе сложное опредѣленіе величины: „съчтавъ ѣ (воѣ), и обрѣте въ нихъ двадесятъ тысячь числомъ“, Ип. 120: архимандритъ свя-
того Юрья Лаврентій постави стѣны святого Юрья силою 40 саженъ 454
и съ забороламн, Новг. I, 76. Въ нов.-рус. лит. счетомъ пятьдесятъ рублей, рѣка шириною въ двѣ версты (до двухъ верстъ, за двѣ в., около 2 в. и пр.), вышиною съ двухъ-этажный домъ.

ε) Съ тѣмъ же знач., какъ въ „хорошъ лицомъ“, тв. остается и при глаголѣ, предполагающемъ это прилагательное. Это совершенно очевидно при глаг. начинат. среднихъ, какъ похорошѣть лицомъ, пополнѣть станомъ, чеш. jedním okem oslnul или въ ст.-рус. яз. „печални,

мучими, опустнѣвше лици, почернѣвше тѣлесы, незнаемою тропою, языкомъ испаленымъ, нази ходяще и боси, Лавр. 96; но можетъ быть признано и относительно глаг. отыменныхъ дѣйствительныхъ. Именно, кажется, что въ слѣдующемъ предполагается въ языкѣ существованіе оборотовъ, какъ цѣлъ (простъ) очима, нагъ ризами: „Никита епископъ жену простилъ очною болѣзнію, Новг. II, 156; въ Възнесеньевъ день у тѣлесѣ(=е) Никиты епископа простилъ Богъ женушку очима, ib. 158 [1]); въ связи съ цѣлити съ твор. можетъ б. „получи исцѣленіе своею очною болѣзнию, Новг. II, Mikl. Gr. IV, 721; и взяша имѣнья множество и церкви обнажиша иконами и ризами, Пск. I, 209.

Впрочемъ подобный творит.—и при глаголахъ непредполагающихъ прилагательнаго съ тв. отношенія, какъ въ „есмя приобижени отъ поганыхъ Нѣмецъ и водою, и землею, и головами, Пск. I, 209; ст. серб. татьми окрадень всѣмь житиѥмь своимь и до самоѥ постелѥ ѥго, Mikl. Gr. IV, 720; и утре (=ѣ) къ намъ съ того боку пріѣхалъ индучникъ (=индутникъ, сборщикъ индукты, пошлины со ввоза) и сталъ съ Греками уговариваться пошлиною (относительно п—ы), чтобъ шли на явки, и тутъ Греки съ нимъ уговорились пошлиною", Пут. Лукьян. 1710—11. 17.

455 Древность разсматриваемаго творительнаго, кромѣ распространенія на всѣ слав. нарѣчія (Mikl. IV, 719), свидѣтельствуется его присутствіемъ въ литов. (лит. vēna akimi aklas, слѣпъ на одно око), лот. (варду N, именемъ такойто), др. инд. [въ случаяхъ, какъ „великъ силою", „какъ небо пространствомъ", „какъ море глубиною," цвѣтомъ, видомъ, возрастомъ (по возрасту), тѣломъ, окомъ (на одно о.) слѣпъ, именемъ, Delbr. 67, Шерцль. С. 130—1].

Относительно названія и особенности этого падежа замѣтимъ:

По Буслаеву (Гр. § 246, 4, а) „хорошъ собой", „четыре пуда вѣсомъ" есть тв. качества и отношенія; но первое названіе неприложимо, какъ lucus a non lucendo, п. ч. тв. не означаетъ здѣсь качество, а лишь стоитъ при словѣ, означающемъ качество. Терминъ отношеніе, какъ примѣнимый ко всякимъ грам. явленіямъ, безвреденъ, но станетъ опредѣлителенъ лишь тогда, если мы его отличимъ въ настоящемъ случаѣ какъ отъ другихъ творительныхъ, такъ и отъ оборотовъ, называемыхъ отношеніемъ въ тѣсномъ смыслѣ, напр. „съ рожи болванъ, а во всемъ таланъ", „на руку нечистъ".

По Малецкому, тв. отношенія или ограниченія находится въ близкомъ сродствѣ съ тв. причины. „Онъ выражаетъ нестолько при-

[1]) По другому взгляду въ ст. яз. простити, независимо отъ своего происхожд. отъ простъ, какъ глаг. удаленія, сочиняется съ родит. предмета, отъ коего нѣчто освобождается: се уже третьее наведе поганыя на землю Русскую (Олегъ), его же грѣха дабы й Богъ простилъ", Лавр. 96.

чину, по которой что либо есть, сколько поводъ такого или иного сужденія о предметѣ: въ какомъ отношеніи дѣятельность имѣетъ мѣсто, на сколько нѣчто таково“ Gr. § 695). Въ примѣрахъ, какъ видно уже изъ опредѣленія, смѣшаны твор. при именахъ plemiona różne mową, imieniem Jan) съ твор. орудія (przechodzić czym) и причины-основанія (mojim zdaniem, jesteś na błędnej drodze).

Говорятъ, что въ „Іосифъ былъ тѣломъ въ Египтѣ, а мыслію въ землѣ обѣтованной“, „нищь духомъ“ тв. ограниченія означаетъ: „Іосифъ не всѣмъ былъ въ Египтѣ, а только тѣломъ“ „не по всему нищь, а только по духу“; но въ этомъ смыслѣ во всякомъ твор. орудія извѣстнымъ образомъ ограничивается дѣйствіе. Веберъ (Skladnja Ilir. jez. § 17) въ числѣ твор. сущ., коими „общее сужденіе, выраженное гла- 456
голомъ, сводится на единичный предметъ (ограничивается), справедливо, но безполезно для грамматики причисляетъ и „соко' перjем лети, а не месомъ“. Такимъ о. и писать перомъ, опереться локтемъ были бы instr. limitationis, п. ч. можно писать и кистью, и пальцемъ, опираться и колѣномъ и пр. По-моему, одинъ и тотъ же тв. орудія какъ здѣсь, такъ и въ „я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю, умомъ громамъ повелѣваю“. Дурж.

У Гатталы къ твор. vztažnosti aneb ohledu k něčemu отнесены случаи нетолько krasný tělem, na žadnym místě životem svym bezpečen nebyl, но и въ „v světě bud' tělem, ve mně (Bohu) srdcęm (ср. Mikl. 51, III, 1). Зикмундъ образуетъ непомѣрно обширную и разномастную категорію vztahu, přiměřenosti a přirovnaní (Skl. § 114), куда относитъ между прочимъ „превосходитъ чѣмъ“, „посѣтилъ св. мѣста примѣромъ (т. е. по примѣру) своего сына“, „годомъ старше“, „разлилось моремъ“, „пахнетъ дымомъ“. Одинъ изъ частныхъ случаевъ этого отдѣла есть, по его мнѣнію, тотъ, когда „творительнымъ ограничиваемъ дѣятельность или качество подлежащаго, высказывая къ чему именно относится наше сужденіе“. Сюда относится: а) при именахъ mocny myslí=validus mente, stark am geiste; б) при глаголахъ „Josef byl tělem v Egypte, a myslí“ и пр.; v jedné ulici bytem byli; měti koho bytem (жильцомъ, въ постояльцахъ, на квартирѣ) и пр.

Подобнымъ образомъ и у Миклошича (Gr. IV, 719, 14) къ твор. означающему то, относительно чего нѣчто высказывается о предметѣ, безразлично относится не только „тѫпъ умъмь“, но и твор. орудія („духъмь съ нами сѫть“, млр. „підведися головонькою“ и проч., „превосходить чѣмъ“), твор. образа въ „v jedné ulici bytem byli“.

По видимому, особенность твор. отношенія состоитъ а) въ томъ, что онъ, какъ и въ случ. А, Б, стоитъ первоначально лишь при именахъ, 457
а за-тѣмъ сначала лишь при тѣхъ изъ глаголовъ, которые образованы отъ этихъ именъ; б) въ томъ, что въ основѣ его лежитъ твор., объективно означающій внѣшній предметъ: когда прилагат. имѣло значе-

ніе причастія, то „высокъ ростомъ„ значило „ростъ (какъ орудіе) дѣлаетъ его высокимъ“. Отсюда, при выдѣленіи прилагательнаго, взято представленіе новаго значенія, по которому твор. есть уже не объективно-внѣшній предметъ, а подставная субстанція, къ которой непосредственно относится признакъ, выраженный другимъ словомъ, и вмѣстѣ съ которою этотъ признакъ относится къ субстанціи представляемой относительно послѣднею: „высокъ ростомъ“ значитъ поэтому, что высота заключена въ ростѣ и вмѣстѣ съ нимъ относится къ подлежащему. Основный фонъ (тло) предложенія состоитъ въ согласованіи прилагательнаго, его мыслимости въ подлежащемъ, но новое значеніе творительнаго нѣсколько отвлекаетъ прилагательное отъ подлежащаго. Творительный здѣсь невыражаетъ субъективнаго основанія нашего мнѣнія, или примѣты, по которой мы доходимъ до чего либо. Дѣятельность мысли и объективное существованіе здѣсь неразличаются, и въ этомъ отношеніи „высокъ ростомъ“ болѣе сходно съ „теплъ на вѣру“, Лавр. 84 (млр. богатий на лати та на дрібні слёзи, Шевч., хоть ти знайдеш на личко білійшу, та незнайдеш на серце вірнійшу, чеш. bohatý na zlato, нѣм. reich an gold, breit an schultern“) [1]), чѣмъ съ такимъ оборотомъ, въ коемъ послѣдовательностью во времени (по и т. п.) обозначается отношеніе нетолько причины къ слѣдствію, но и примѣты къ тому, на что она указываетъ, посылки къ заключенію (какъ „по уму ребенокъ“ нѣм. dem namen, dem anschein nach и пр.

458 **8. Творительный причины.**

Здѣсь мы различимъ два случая.

А) Твор., тяготѣющій къ одному сказуемому и условленный его качествомъ. Какъ твор. дѣйствующаго предмета при глаголѣ страдат. относится къ именительному при дѣйствит. (сътворенъ Богъмь — Богъ и сътвори); такъ разсматриваемый здѣсь твор. причины, стоящій при глаголѣ субъективномъ, невозвратномъ по внѣшней формѣ и непредполагающемъ страдательности (стало быть не при такомъ, о какихъ была рѣчь выше, стр. 468 слѣд.), относится къ именительному при соотвѣтственныхъ глаголахъ или оборотахъ причинныхъ. Такимъ о. сюда мы относимъ часть примѣровъ, разсматриваемыхъ Миклошичемъ подъ рубрикою твор. при глаголахъ страдательныхъ, или принимаемыхъ за таковые (IV, 705), какъ „гладъмь мьрѣахѫ, Самьпсонъ женою погыбе, женоѭ Адамъ въ породѣ потопе, жаждоѭ съхнѫти, иштезати, изнемагати, огньмь сьгорѣти (въ смыслѣ „отъ чего“, а не „какъ?“ (ib.). Въ старрусск. паче же женами бѣсовьская волшвенія бывають, Лавр. 77; изне-

---

[1]) Слав. оборотъ отнюдь незаимствованъ изъ нѣм., какъ, кажется, готовъ думать Гаттала, Sr. Ml. 33.

магаху же людье гладомъ и водою, Ип. 28; а иніи Псковичи, безсоніемъ одурѣли, Пск. I, 189; моръ бысть во Псковѣ, железою мерли люди, ib. 203. Въ болѣе новомъ языкѣ, народномъ: „владѣетъ городомъ, а помираетъ голодомъ"; но въ литературномъ нынѣ врядъ-ли встрѣчается, если неотносить сюда случаевъ, какъ болѣть, горѣть, пылать чѣмъ. Предполагаю, что твор. въ „мечьмь (т. е. отъ меча) погыбе" имѣетъ себѣ противнемъ именительный „мечь и погуби" и отличенъ отъ твор. орудія въ „N погуби и мечьмь". Творительнаго въ „болѣть чѣмъ" я неотношу сюда по затруднительности найти соотвѣтственный причинный оборотъ, хотя бы—со словомъ другого корня, чѣмъ „болѣть". Съ разсматриваемымъ тв. изъ вышеупомянутыхъ сходны: а) тв. при гл. какъ вонять чѣмъ, который однако отличается тѣмъ, что, какъ ка- 459
жется, остается формально неизмѣннымъ и по превращеніи средняго глагола въ причиный или дѣйствит. (напр. пол. smierdzieć czém, nasmrodzić czém, навонять чѣмъ), и что при неизмѣнности самого средняго глагола названіе той-же вещи можетъ быть поставлено нетолько въ творит. („здѣсь воняетъ дегтемъ"), но и въ именит. „здѣсь деготь воняетъ". Между тѣмъ несравненно большее измѣненіе смысла произойдетъ, если вм. „мечьмь погыбе" поставимъ „мечь погыбе"; б) тв. въ значеніи „черезъ кого", „черезъ чье посредство", „при чьей помощи" (см. стр. 459 сл.), напр. благословенъ еси, Христе Боже, яко тобою проидохомъ сквозѣ огнь и воду, Ип. 103, который тоже отличенъ тѣмъ, что независитъ отъ качества глагола, но въ томъ же смыслѣ ставится и при глаголѣ дѣйствительномъ.

Б) Твор. причины, независимый отъ качества глагола. Свойства этого падежа сказываются въ образовавшихся изъ него союзахъ: стар. имьже, отъ мѣстоимен. относительнаго и млр. чим отъ мѣст. вопросит., поставляемыхъ передъ предложеніями, означающими слѣдствіе: сего дѣля варихъ бѣжати въ Тарсисъ, имже разумѣхъ, яко милостивъ ты ѥси, Іона 4, 2 (Упирь Лих. Бусл. Хр. 143); чим воно так на сьвіті діетця, що..., стар. тѣмь, тѣмь же, млр. тим, тим-то, передъ предложеніями, означающими причину: у Киева бо бяше перевозъ тогда... тѣмь глаголаху: „на перевозъ на Киевъ", Лавр. 4 (9); мр. тим я тебе незаймаю, що сватати маю, тим до тебе негорнуся, що слави боюся, Метл. 105. Союзовъ этихъ неслѣдуетъ смѣшивать съ сравнительными чѣмъ—тѣмъ и пр., о которыхъ выше. Въ случаяхъ „варихъ бѣжати тѣмь.. имь же.." явственно, что тѣмь стоитъ не при одномъ какомъ либо членѣ своего предложенія, а при ихъ совокупности. Такъ было и тогда, когда это слово имѣло вещественное значеніе, и лишь благодаря 460
этому оно, ставши союзомъ, стало связывать не члены предложенія, а цѣлыя предложенія. Между тѣмъ творит. мѣста, орудія, образа тяготѣлъ бы въ подобномъ случаѣ или ко глаголу или къ неопредѣленному н:. „варихъ тѣмь" или „бѣжати тѣмь". По этому уже въ древ. яз. яв-

ственно различались тв. мѣста (ѣхать льдомъ) и тв. орудія (ѣхать лодкою) отъ тв. причины, напр. въ „Ярополку бяше нельзѣ перевезтися крами, Ип. 13 (по причинѣ „крыги", поль. kry, ледохода); твор. прич. отъ тв. образа: „и разыде ны съ ними рѣка, и нельзѣ бѣ ны ся съ ними тою рѣкою (тв. прич.) биться полкомъ (тв. обр. acie certare, строй со строемъ, лава на лаву, въ строю), Ип. 37. Рядомъ стоящіе твор. дѣйствующаго предмета и причины явственно различаются тѣмъ, что первый условленъ страдательностью сказуемаго, а второй независимъ отъ нея: „Льстько убъенъ бысть.. Святополкомъ Одовичемъ (тв. дѣйств. пред.), совѣтомъ (тв. прич.) бояръ невѣрныхъ, Ип. 168. Послѣдній тв. остался бы и въ „убиша Лестька совѣтъмь бояръ". Его относительная независимость равно чувствуется и тамъ, гдѣ онъ одинъ стоитъ въ предложеніи со страдат. сказуемымъ: „есть же путь до горъ тѣхъ непроходимъ пропастьми, снѣгомъ и лѣсомъ", Лавр. 107. Впрочемъ въ иныхъ случаяхъ дается возможность двоякаго пониманія, напр. если тв. въ „небуди самохотью лишенъ вѣчнаго житья" (Изб. Свят. 1076) есть тв. дѣйствующаго предм., то это значитъ „пусть своя воля (ср. млр. нарѣчіе самохіть) нелишитъ тебя вѣчн. ж."; если же здѣсь тв. причины, то смыслъ: „пусть вслѣдствіе своеволія (твоего) тебя нелишатъ (другіе) вѣчн. жизни".

Вотъ еще нѣсколько примѣровъ твор. причины (Б) въ стар. русск.: мьстился быхъ, но нелзѣ Ростиславичи, Ип. 122;

гражены (=аны) небѣ льзѣ убити его, Лавр. 33; небѣ лзѣ озеромъ
461 Печенѣгомъ помагати, ib. 61; небѣ лзѣ вкрастися въ градъ множьствомъ вой ратныхъ, ib. 94; смородъмь нелга вылѣзти, Новг. I, 5 (отъ вони нельзя выйти на улицу); ньлзѣ бѣше доити до търгу ѣквозѣ городъ, ни по гребли, ни на поле выити смороды, ib. 12; гониша ихъ бьюче,... якоже немочи ни коневи ступити трупіемь, ib. 60; приѣха митрополитъ Ѳегностъ гречинъ въ Новъгородъ съ многими людми. Тяжко бысть владыцѣ и манастыремъ кормомь и дары, ib. 81 (ср. выше стр. 477); коли крестять дѣтя.. даже (=да оже=если) непринесуть его ни на вечерню, ни па заутреню, ли роботою, или убожьствомь, или како хотяци.. дати ли ему причащаніе на литургіи? Впраш. Кюр. Калайд. Пам. 185—6; поиде Володимиръ въ Новгородъ своими орудьи, Новг. I, 35 (по своимъ дѣламъ); иде князь Всеволодъ въ Смолньскъ своимь орудіемь, ib. 38 (ср. Бусл. Гр. § 246, 4, 2: а которые иногородцы приѣдутъ въ Шую какимъ дѣломъ ни буди, Шуйск. акт. 1606); въ сеже лѣто ходи Всеволодъ въ Русь Переяславлю повелѣніемь Ярополцѣмь, Новг. I, 6; митрополитъ же Микифоръ нехотяше поставити его, но неволею великою Всеволода и Святославлею постави Луку епископомъ, Ип. 127; нужею королевою и мужій его (=по понужденію).. начашася съ нимъ ладити, Ип. 68 [между тѣмъ въ „Володимера поя съ собою, нужею (=насильно) отъима добытокъ", Ип. 137, м. б. твор. образа

дѣйствія, а въ „и тако нужею поведеся Святославъ отъ Ростиславли любви къ Изяславу", Ип. 89,—тв. дѣйств. предмета: „нужда повела"]; а оружья неснимайте съ себе вборзѣ, нерозглядавше лѣнощами, внезапу бо человѣкъ погыбаеть, Моном., Лавр. 102; и ту гневы (съ гнѣву, въ сердцахъ) повелѣ воевати много, Ип. 80; и тако волхвують наученьемъ бѣсовьскымъ, Лавр. 77; непомянеши всего того, иже створихомъ своимъ безуміемъ, Ип. 83 (по безумію); Ростиславъ же нехотяше пустити его отъ себе любовью, Ип. 89; Святославъ же нелюбьемъ рче ему: „брате и свату.... Ип. 142 (смотря по контексту, это могъ бы быть и 462
тв. образа: „нелюбовно"); отъ толикихъ же людій мало ихъ избысть нѣкакомъ полученіемъ (по какой-то случайности), небяшеть бо лзѣ ни бѣгаючимъ утечи, Ип. 132; (недумаю, что бы правъ былъ Миклошичь, относя серб. „буздован несреħом ковачевом прсне" къ творительному „означающему обстоятельства, сопровождающія дѣйствіе, въ случаяхъ, когда встрѣчается и предлогъ съ съ твор.", напр. ѥдинѣмь окомь вънити въ цѣсарьствиѥ Божиѥ, Gr. IV, 725); Рюрикъ же бяшеть и гнѣва ему отдалъ Никифоромъ митрополитомъ Кіевскимъ, Ип. 149 (по предстательству..). Позднѣе: „проступитъ отецъ, ино отца казнити; проступитъ сынъ, ино сына казнити; а отца сыннею виною неказнити, а сына отцовою виною неказнити", 1529, Ак. З. Р. II, 208.

Въ новомъ литер. яз. этотъ твор. становится все рѣже къ нашему времени. У Держав. „неизбѣжнымъ нашимъ рокомъ разстаешься ты со мной". На мѣсто этого твор. ставятся разнообразныя описанія (какъ „по причинѣ", „вслѣдствіе") и грам. построенія: отъ страху, съ голоду, по лѣности, за недосугомъ, черезъ это, из-за тебя. Такъ же рѣдко этотъ тв. и въ млр.: чи долищом, чи дворищом (чи по долищу, чи по дворищу таке лихо), Ном. 43. Обычны замѣны: за слёзами, слова непромовить и др.

9. Твор. образа дѣйствія.

Сюда относимъ тѣ-же случаи, которые разумѣетъ подъ этимъ названіемъ Буслаевъ (Гр. § 246, 4, 6), кромѣ относимаго имъ сюда тв. въ „именемъ Лазарь", который мы считаемъ за тв. отношенія, какъ „красивъ лицемъ". У Миклошича то, что мы здѣсь разсматриваемъ, собрано на стр. 708—16, подъ числами 8—10 (съ нѣкоторыми исключеніями) и разсѣяно въ другихъ параграфахъ: 15 (стр. 722), 16 (723—4), 18 (стр. 726), 19, III (732—4). По Буслаеву тв. образа служитъ отвѣтомъ на вопросъ „какъ?". Опредѣленіе это недостаточно, ибо, неговоря уже о несовмѣстимости съ цѣлями грамматики обширной категоріи качества (см. выше 71), и понимая „какъ" въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, 463
прямымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ могутъ служить и другіе творительные, между прочимъ творит. общности, мѣста, времени, орудія, напр.

какъ вы ѣхали? льдами; ходить кривыми, окольными путями, млр. манівцем, манівцями (въ переносномъ смыслѣ); пить какъ? — недѣлями (запоемъ); писать какъ? — масляными, сухими, водяными красками. Впрочемъ вопросъ „какъ" заключаетъ въ себѣ вѣрное указаніе грамматическаго свойства, именно то, что падежъ, служащій отвѣтомъ на него, въ большей или меньшей мѣрѣ теряетъ реальность объекта и приближается къ адвербіальному значенію, за-тѣмъ становится нарѣчіемъ [1]). Для тв. образа характеристична именно его разносоставность по происхожденію: въ него втекаютъ различные творительные при легкомъ измѣненіи своего значенія по направленію къ потерѣ субстанціяльности; онъ есть моментъ, предшествующій переходу дополненія въ нарѣчіе, такъ что предполагается и нарѣчіями мѣста и времени. Мы относимъ „толко душею осташася" къ тв. соціятивному, имѣя въ виду не послѣдній моментъ развитія этого оборота, но признаемъ возможность и, въ отдѣльныхъ случаяхъ, дѣйствительность перехода этого тв. въ тв. образа. Выраженія „головою повалю за Новгородъ", Новг. I, 33, „костью лечи" Ип. 105; побѣгоша на лѣсъ, а иніи ту костью падоша, Новг. I, 30, Буслаевъ въ 1-мъ изд. своей грамматики отнесъ къ тв. орудія, но потомъ согласился съ К. Аксаковымъ (Русск. Бес. 1859, VI, 77), который здѣсь и въ „упалъ лицемъ на землю" видитъ тв. образа, какъ въ „ити шагомъ". Думаю, что здѣсь, какъ и относительно „собою", оба мнѣнія могутъ быть справедливы. Хотя въ „дѣвку достаютъ собою" явственно зн. тв. орудія, но въ другихъ знач. этого слова (стр. 461) это значеніе, затемняясь, переходитъ въ творит. обр. Точно такъ и „повалю головою" будетъ тв. оруд. или обр., смотря по
464 степени ясности, съ которою представляется голова, какъ часть тѣла и замѣна личности. Здѣсь рядъ оттѣнковъ, начинающійся со значеній орудія („удариться обо что головою"), идущій черезъ знач., какъ „упасть внизъ головою", „вверхъ ногами", „сѣсть спиною", „стать бокомъ", млр. поставити рубом (на рубецъ, на грань), къ знач. усиленія („того самого головой возьметъ" — самого лично, Бусл. Гр. § 246, 4, 6), „головою незнаю" (вовсе, Даль, Слов.), что напоминаетъ млр. „кого родом (вовсе, съ роду) я незнала, присудив мя дідько (Костом. въ Сб. Морд. 276), хотя послѣднее можетъ ити отъ тв. времени. „Жить головою" идетъ отъ знач. „посредствомъ (одной) своей головы" къ знач. „жить одиноко, безсемейно" (Даль, Сл.). Если въ „высылаху льстьбою"—твор. орудія, то это значитъ приблизительно, что хитрость была для нихъ какъ-бы рычагомъ, коимъ они высылали NN. Прямого объекта можетъ и небыть, но если онъ есть, то испытываетъ на себѣ вліяніе орудія. Но изъ контекста видно, что „льстбою" есть здѣсь только моментъ

[1]) Такъ и въ другихъ языкахъ, какъ литов. (Schl. Gr. 269), др. инд. (Шерцль Синт. 131—2, на пр. ртêна, прямью, мрямикомъ, дhармêна честью, крамêна рядомъ (по ряду), муhуртêна мигомъ, пракртjâ родомъ, отъ природы и пр.).

дѣйствія, неотдѣляемый отъ этого послѣдняго, и потому, какъ тв. обр., самъ по себѣ невліяющій на возможный прямой объектъ.

У Миклошича особый парагр. (Gr. IV, 714) обнимаетъ тв., означающій то, согласно съ чѣмъ (in gemässheit dessen) нѣчто совершается, напр. бѣ чрѣдоѭ служебьница, бисьры числомь прѣдають и приемлють, судити правом майтборским, „mým vědomím" (сколько я знаю...). Ср. въ санскр. и др. Delbr. 68. Существенно здѣсь не то, что эти обороты переводятся посредствомъ „dem gemäss", „der reihe nach", „по очереди", „согласно съ правомъ", и пр., потому что въ такомъ случаѣ мы бы должны присоединить и тв. причины „наученьемъ дьяволимъ пригнася князь Өеодоръ.. съ баскакомъ Новг. I, 76. Между тѣмъ „чрѣдоѭ" или у Держав. „младыя дѣвы угощаютъ, подносятъ вины чередой" очевидно не есть тв. причины. Существенно то, что напр. въ „да 465 ротѣ ходить своею вѣрою", Лавр. 14, видна подкладка творительнаго орудія, но нѣтъ его субстанціяльности, такъ что „своею вѣрою" есть не нѣчто отличное отъ присяги, а ея способъ. Сюда же „поиде поимавъ старѣйшіе мужи съ собою новгородьстіи и молодыхъ избором (по выбору), а Новотържьци вси", Новг. I, 34; приѣха владыка Еуѳимей во Псковъ.. не въ свой подъѣздъ, ни въ свою чреду, но наровою, Пск. I, 209 (по прихоти, произвольно). Въ нов. яз. „кто промелькнетъ, отворитъ дверь, проѣздомъ, случаемъ, изъ чужа, изъ далека,—съ вопросомъ я", Гриб. (ср. серб. срећом, згодом, Данич. Синт. 575—6, въ смыслѣ болѣе близкомъ къ случайно, чѣмъ къ „отъ случая"); „случалось ли, чтобъ вы, смѣясь или въ печали, ошибкою добро о комъ-нибудь сказали?", Гриб.; сдавать вещи счетомъ; жить своимъ обычаемъ; млр. ходити своимъ робом (своебразно, самостоятельно).

Независимо отъ своего вещественнаго значенія, въ творительный образа и формально переходятъ выраженія, соотвѣтствующія латинскому mente, переходящему въ окончаніе роман. нарѣчій (ит. pienamente, фр. pleinement), какъ „такимъ образомъ" (сдѣлалъ, случилось то-то), млр. таким (яким) побитом, чеш. žadnou měrou, žadným spůsobem, „pečlivým činem jí Janu poručil"; trojím činem boj proti němu učinili; žadost chvaly zdější můž býti trojím činem (въ трояковъ отношеніи, трояко) hřich smertedlný (Zikm. Skl. § 113, 5), какъ въ рус. XVII в. „или хто хмѣльнымъ дѣломъ промежъ себя подеретца" (Бусл. Гр. § 246, пр. 8); въ тѣ мои деревни.. дядимъ (=дядьямъ) и братьямъ дѣла нѣтъ никоторыми дѣлы, Ак. отн. до ю. б. I, 566 (=ни по какимъ дѣламъ, за тѣмъ „ни какъ", „вовсе"); а безъ в. кн-я Казимировы воли мнѣ ни съ кимъ недокончивати ани пособляти никому никоторыми дѣлы, 1442, Ак. З. Р. I, 55; а нѣкоторыми дѣлы (=если какъ либо) тое ся станетъ... ино... 1448, ib. 62; жили они небогатымъ обычаемъ (=небогато).. въ домѣхъ своихъ дѣлали денги въ погребахъ тайнымъ обычаемъ (=тайно), Котоших. [2] 82. Въ ст. рус.

живяху звѣриньскымъ образомъ, Лавр, 6, что формально, мнѣ кажется, непредставляетъ отличія отъ „бѣ жива (Володимеръ) съ князи околними миромъ“, Лавр. 54 (нѣтъ нужды предполагать въ основаніи, ни въ наличности соціативнаго „съ миромъ“); того дѣля извѣщаюся передъ вами, да Богъ ми будеть и того Рожьшия, яко непослати ми къ Всеволодичю никимъ же образомъ, Ип. 92; явися звѣзда велика на за-
466 падѣ копѣйнымъ образомъ, Лавр. 13; тои весны бысть моръ великъ въ Псковѣ и знаменіе железою, Новг. I, 95; бяше моръ въ Псковѣ надъ людми железою, ib. 103; моръ бысть въ Новгородѣ железою, ib. 110; Богъ наводить по грѣхомъ на куюждо землю гладомъ, или моромъ, ли ведромъ, ли иною казнью, Лавр. 64 (если бы было „наводить казнь гладомъ“, то былъ бы явственный твор. оруд.); стоя все лѣто ведромь и пригорѣ все жито... (на-зиму) ста вся зима тепломь и дъжгемь и громъ бысть, Новгор. I, 13; крестьянымъ — егда отъобѣдати, тогда и отпити, а ты сѣдиши вcь день питьемъ, ни орудій могыи к тому створити ни тѣлесныхъ, ни душевныхъ (сл. о пьянствѣ, до XIV в. Бусл. Оч. I, 559). Сюда въ новомъ яз. мр. „не сиділи голодом ні один день“, Кв. Б. д.; литер. „ненужно оставаться голодомъ (= впроголодь), боясь нарушать приличія“ (Сущевскій), между тѣмъ какъ въ „чѣмъ пропадать вовсе голодомъ (= отъ голоду), искать пришлось ауловъ“ (Даль)—тв. причины. Подобнымъ образомъ „ходити небреженьемь“—тв. обр. (они же (Русь) оплошишася и небреженьемъ хожаху, доспѣхи своя складоша на телѣгы, а иныи въ сумы, Новг. IV, П. с. Р. л. IV, 73), а „гынути небреженьемь“—тв. прич. изъ тв. орудія.

Предъ княземъ же паче бойся лъжью (= лживо) глаголати, Бусл. Хр. 649, XIV в.; высылаху къ нимъ (осаждающимъ) Югра льстьбою (не „съ льстьбою“, а обманно, собираясь надуть), Новг. I, 21; Чюдь начаша слати съ поклономъ льстью, ib. 35 (присутствіе соціятивнаго „съ поклономъ“ явственнѣе обозначаетъ, что „льстью“ есть твор. обр.; ср. млр. лестю-б душу 'ддало, а чортова думка, Ном. 60); а что есть сего зла злѣе, ѥже ходити лжею предъ Богомь, Новг. I, 89; цѣлую къ вама крестъ, якоже ми на васъ непозрѣти лихомъ, Ип. 101; между тѣмъ въ „вѣдомо буди, хочю искати Новагорода и добромъ и лихомъ“, Ип. 88, чувствуется не твор. обр. (всячески), а еще твор. орудія (всякими средствами). По Миклошичу, выраженія „неходяще луками“ *(ἐν πανουργίᾳ)*, „ходящиимъ незълобою“, иже въ миру ходящии бъдѣньи и алчьбами“ находится въ связи съ твор. соціятивнымъ, какъ „бѣ надърусъ, плънома очима“ (Gr. IV, 725 в.). Въ непосредственности такой связи я сомнѣваюсь.

Одинаково съ „ходити льстью“, „лъжею“ слѣдуетъ понимать слѣдующія опредѣленія способа движенія и пребыванія: иде Всеволодъ на
467 Суждаль ратью и вся Новгородьская область, Новг. I, 6 (т. е. не

„съ ратью“ въ смыслѣ войска, что даже невозможно, такъ-к. именно Новгородская область и составляла войско, а „войною“, какъ и нынѣ); царь на мя грецкый вставаеть ратью, Лавр. 53; язъ есмь не ратью пришелъ къ вамъ, зане есте людіе милии отцю моему, Ип. 80; пришедъ Свія войною и взяша пригородъ новгородскій, Новг. I, 104; гдѣ бо бяшеть ему обида, самъ неходяшеть полкы своими, но посылашеть я съ воеводами, Ип. 135 (въ основаніи можетъ б. такое знач. какъ „ходить ногами“, „ѣздить тройкою“, такъ что нѣтъ нужды предполагать непремѣнно социятивность „съ полками“); ср. Черніи Клобуци, жены своя и дѣти своя въ городѣхъ затворивше на Поросьи, а сами пріѣхаша къ Изяславу всими своими силами, Ип. 51 (неудобно пониманіе „со всѣми силами“, такъ что „они“ и „ихъ силы“ нѣчто различное, ибо они-то и составляли свои силы). По Миклошичу (IV, 723—4, 16) „пришьдъ ратию“ „придоше гусою“ (разбоемъ, набѣгомъ, сред. лат. cursa, откуда cursarius, корсаръ и гусаръ) относятся къ твор. означающимъ то, съ чѣмъ нѣчто соединено, какъ въ случаяхъ „јер се, попе, царом завадисмо“ „није лако богом ратовати“ (т. е. съ царемъ, съ Богомъ). Во всякомъ случаѣ „ратью“ (тв. обр.) и „съ ратью“ (вмѣстѣ съ..) издревле уже различаются.

Однородно съ „ити войною“ и слѣдующее: поити на Половцѣ вборзѣ изъѣздомъ, Ип. 134; пригнася князь Θеодоръ Кыевскый съ баскакомь въ пятидесять человѣкъ разбоемь, Новг. I, 76; идоша на дворы ихъ грабежемь, ib. 30; ударилися въ нощь разбоемъ ратью на нашу волость, Пск. I, 250; и онъ невѣрный поиде опоромъ къ городу и много головъ своеи рати остави, Пск. I, 203 (ср. польск. oporem=jak z opoki не въ томъ смыслѣ какъ у Линде, „съ трудомъ“, а стремительно, 468
стремглавъ [1]); ср. пора, сила (Mikl. Gr. II, 11—2): „немогу я на добромъ конѣ сидѣть и во всю конскую пору (=во весь опоръ) скакать, Ск. про Бову, Пам. др. письм. 1879, I); ходиша Островичи подъ Велья торонемъ, ib. 204 (кор. тороп, ср. ударишася на нихъ Новгородская рать торонь, а наши исполошилися вси Пск. I, 241); послаша Козму Твердиславича и Олександра Борисовича посольствомь, Новг. I, 79; коли есми былъ у в. кн. отъ господара своего.. посольствомъ, и твоя милость тогды... 1493, Ак. З. Р. I, 129; сторо́жа маетъ чергою быти, 1508, ib. II, 37 (=должна отбываться по очереди).

Ненаходя формальной разницы между „поити торонемъ“ и „поити грабежемъ, посольствомъ“, т. е. когда твор. означаетъ нѣчто будущее по отношенію ко глаголу (пойти для совершенія грабежа), я думаю, что можно недѣлать изъ послѣднихъ случаевъ и имъ подобныхъ особаго разряда „твор. означающаго намѣреніе и послѣдствіе или осуществленіе (dis absicht und den erfolg), Mikl. Gr. IV, 722, 15; въ скр. В. Шерцль, Синт. 122—5. Другіе примѣры, приводимые здѣсь Миклошичемъ, объясняются частью такъ-же, какъ тв. образа: смртју ранен=смертельно,

възетъ мужа бракомь; даже „осѫдити съмрьтиѭ“, „осѫдити неглаголаниѥмъ“ формально могутъ значить не „на смерть“ (чтобъ умеръ, отношеніе цѣли), „на молчаніе“, а пониматься такъ, что заключеніе или приговоръ являются обстоятельствомъ, сопровождающимъ самое дѣйствіе суда, какъ въ прилагательномъ „смертный приговоръ“; частью же эти твор. суть твор. причины: „яздешту нѣкоторою работою“, „који народним посломъ иду“ (за народнымъ дѣломъ, по дѣлу).

469 Повелѣ купити себѣ козелъ и одра мѣхомъ козелъ и овлече на власяницю, Лавр. 82—твор. обр., совершенно такъ, какъ напр. „снять кору дудкою, а не полосою“ „драть кожу ремнями“, „стоять, лежать, поставить, положить рядами, полосами кругами“ и т. п. Тутъ вовсе нѣтъ значенія „для мѣха“, а потому нельзя видѣть тв. цѣли и находить πρόληψις, предвзятіе въ „одрати мѣхомъ“, den bock schinden, so dass man den schlauch erhält (Mikl. IV, 734).

468 Къ „ити войною“ относятся и случаи: Новгородци вѣчемъ сташа на Ярославлѣ дворѣ, Новг. I, 90; сташа пълкомь (т. е. „въ видѣ строя“, построились) на княжи дворѣ, ib. 38; сташа около городища шатры, ib. 43; и они, стоявъ 5 дней шатромъ на поли... Пск. I, 250 (какъ и теперь стоять обозомъ, станомъ, кошемъ); Ѳеодосій ... лежащь мощьми, нъ състави нераспалися бяху, Лавр. 90; Митрополитъ.. изя руку блаженаго Бориса (бѣ бо мощими лежаи) и цѣловаше, Срезн. Ск. о Бор. и Гл. 33. Миклошичь (IV 723—4) видитъ здѣсь соціятивность, какъ и въ „ити бранию“; но здѣсь прямой переходъ отъ тв. орудія. Какъбы онъ къ отчинѣ своей прийшолъ добрымъ концемъ, безъ кровопролитья, 1486, А. З. Рус. I, 109 (=благополучно).

469 „Держали мя есте хлѣбокормленіемъ“. Новг. I, 105, въ томъ же грам. смыслѣ, какъ и „стоять постоемъ“, мр. „стали ёго (салдата) роспитуватись, чи тут проходом, чи постоем? Кв. С. п., независимо отъ залога глагола.

„Наші украінці селами и городами сиділи“ значитъ не „in den dörfern und städten (твор. мѣста, Mikl. IV, 685), а „dorfweise“ (твор. обр.), равно какъ и „ми посіем співаночки довгими нивами“ не auf den langen äckern (Mikl. ib.), а въ томъ смыслѣ, какъ посѣять рядами.

Случаи, какъ „писать каракулями“, „молотить сыромолотомъ“ „ружье несетъ дробь кучею“, „зарядъ ложится рѣшетомъ“ „птицы летаютъ стадами“, „журавли—ключомъ“ „рыба ходитъ рунами, руномъ“, „люди снуютъ толпами“, „чумаки ходятъ валками“, „кровь льеться ручьемъ“, „течетъ каплями“ и т. п., которыхъ, по ихъ многочисленности, невозможно перебрать (Mikl. IV, 708—11, I), незамѣтно и безъ формальнаго различія сливаются съ тѣми, въ коихъ твор. обр. вещественно означаетъ мѣру и число (Mikl. ib. 711, II): „летать, ходить, лежать, ста-

вить и пр. десятками, сотнями, тысячами", „лить ведрами, бочками", млр. іди, іди, дощику, цебром, відром, дійницею...

Зикмундъ (Skl. § 117, 1. в.) и Миклошичь (IV, 735) принимаютъ, что „dal jest věnem („за вѣно") pŭl kramu masného", „darem to obdržel, poslal" формально тожественны съ „zeté svého knížetem míti" (стар. зяти имѣти кънязя,=имѣть княземъ), „syna svého po sobě králem osta- 470 vil", т. е. принадлежитъ къ такъ наз. твор. предикативному, замѣняющему въ относительно позднемъ языкѣ вторые согласуемые падежи. Но мнѣ кажется сомнительнымъ, что глубоко древнее „даромъ дати, взяти" (dono dare, accipere) предполагаетъ второй винительный „дати чьто даръ". Первый оборотъ могъ возникнуть независимо отъ второго. Творительный образа „даромъ дать" мнѣ кажется, такъ относится къ твор. орудія въ „снабдить, надѣлить кого подаркомъ, какъ твор. обр. въ „которой женится вторую женою на дѣвицѣ" (Котоших. Бусл. § 246, пр. 8) къ твор. орудія „оженися Мьстиславною". Ср. туга, бѣда на всѣхъ! отець и мати чадо свое въсажаше въ лодью даромь гостьмъ, Новг. I, 5, откуда наше нарѣч. даромъ.

Подобно тому, какъ твор. въ „моръ бысть железою", стоящій при глаголѣ или при подлежащемъ и сказуемомъ, взятыхъ вмѣстѣ, можетъ стать дополненіемъ одного существительнаго („знаменія птицами" въ „знаменья бо въ небеси, или звѣздахъ, ли солнци, ли (знаменія) птицами, ли етеромь чимъ, не (на) благо бываютъ, но знаменья сиця на зло бываютъ", Лавр. 71 (162); и въ случаяхъ „сдать съ рубля полтину 471 копѣйками" твор. сростается съ однимъ (безглагольнымъ) существительнымъ: „присла Гюрги дары многы паволокою и скорою, Ип. 29; многы дары высла арципискупу... златомъ и сребромъ и съсуды златыми и сребреными и порты, Ип. 68; въ нов. яз. „взятка щенками", рубль серебромъ", „полтина мѣдью", „тысяча ассигнаціями", „подати натурою", „ясакъ пушнымъ товаромъ". Ср. выше стр. 458—61, 477.

Малозамѣтная или фиктивная субстанціяльность творит. образа находится въ связи съ тѣмъ, что, какъ упомянуто, этотъ падежъ особенно часто переходитъ въ нарѣчіе. Нерѣдко между нарѣчіемъ отыменнымъ и падежемъ нѣтъ внѣшняго различія и граница между ними проводится лишь тѣмъ, что падежъ, какъ дополненіе, связанъ съ всѣмъ склоненіемъ, а нарѣчіе изъ падежа стоитъ для обыкновеннаго сознанія внѣ этой связи. Такимъ образомъ въ „говорить шопотомъ" можетъ быть еще творит. образа (при именит. шопотъ), а въ „нагишомъ, босикомъ, пѣшкомъ, млр. тишком, нишком, польск. chyłkiem, duszkiem и т. п.—нарѣчія, такъ какъ такихъ существительныхъ или вовсе нѣтъ, или они имѣютъ другое значеніе. Лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ русск. можетъ пользоваться удареніемъ для различія существительныхъ и на-

рѣчій, напр. верхо́мъ, бѣго́мъ (нар.) и ве́рхомъ, бѣ́гомъ (сущ.), хотя и верхо́мъ тоже можетъ оказаться существительнымъ. Так. обр. нерѣдко невозможно со стороны опредѣлить содержаніе сознанія говорящаго, его точку зрѣнія на форму. Напр. рысью, иноходью, млр. ходою, польск. cwałem, kłusem, при коихъ стоятъ цѣльныя склоненія словъ „рысь" и пр., суть въ нѣкоторыхъ случаяхъ творит. образа, или нарѣчія, смотря по тому,
472 какъ, безъ своего вѣдома, смотритъ на нихъ говорящій (стр. 122). Изъ другихъ средствъ выдѣленія нарѣчій укажемъ: а) на довольно рѣдкій случай, когда при твор. образа ставится особое несогласуемое слово для указанія нарѣчности падежа, напр. въ млр. „паном-діло, козаком-діло жив" — нарѣчія, при сомнительномъ относительно значенія „жити паном". б) Чаще встрѣчается образованіе отъ прилагательныхъ такихъ существительныхъ, почти исключительное назначеніе коихъ— превратиться въ нарѣчія въ формѣ творит., наприм. въ стар. яз. „Андрееви же гнавшю ратные маломъ не до полковъ ихъ, Ип. 61; судии увѣдѣвъшю, большимъ начатъ любити и (жит. Θеод. XII в. Чт. 1858, III); млр. взяли вражі здобишники частом до нас доїздити, Метл. 454. в) Нарѣчности содѣйствуетъ употребленіе вышеупомянутыхъ (б) и настоящихъ существительныхъ какъ бы плеонастично, т. е. при словахъ того же происхожденія или сходнаго значенія. Это—твор. усиленія. Миклошичь относитъ принадлежащіе сюда случаи къ двумъ главнымъ разрядамъ; аа) тв. съ прилагательнымъ, составляющимъ здѣсь главное, напр. въздрѣмавь се сномь тежкомь (т. е. просто „тяжко") есть тв. der art und weise (IV, 713, § 8, IV); бб) тв. безъ прилагательнаго служитъ „для оживленія и усиленія выраженія" (ib. § 10, I, II). Здѣсь различаются случаи: I) твор. безъ прилаг. при глаголѣ („въжделаниѥмь зѣло въжделахъ" что и безъ зѣло значило бы лишь „сильно пожелалъ" какъ „разболѣся болѣзнию", Новг. I, 65, значитъ: очень, сильно заболѣлъ). Здѣсь встрѣчаемъ у Микл. „порадова сѧ радостию великою", доказательство, что для него разница между аа) и бб) довольно тонка. Сюда „того и слыхомъ неслыхати межи государи великими, штобы государу своему (т. хану) холопъ (кн. Москов. съ точки зрѣнія кн. Литовскаго) добра хотѣлъ", 1500, Ак. З. Р. I, 213; ходенемъ ходитъ, бѣгомъ бѣжитъ, млр. поїдом їсть и пр. Относительно ливмя и т. п. см. выше стр. 442—3. II) Тв. при такихъ же прилагательныхъ, нарѣчіяхъ и существительныхъ, какъ „полнымъ
473 полно", „чернымъ черно", „никѣмъ никого", „однимъ одинъ", „болванъ болваномъ" (т. е. настоящій болванъ). Этого послѣдняго усиленія зн. существительнаго, заключеннаго въ его собственномъ кругу и непротивополагаемаго ничему (напр. это вино—вода водой, т. е. сущая вода), неслѣдуетъ смѣшивать съ вышеупомянутымъ (стр. 461) творительн. въ сочетаніяхъ противительныхъ, когда бы, положимъ, одинъ свелъ рѣчь на воду, а другой, возвращаясь къ прежнему предмету,

сказалъ: „вода вóдой (вода—сама по себѣ, вода—особь статья), а ты говори дѣло". г) Множественное число въ слав. яз. вообще наклонно измѣнять значеніе существительныхъ по направленію къ значенію состояній и обстоятельствъ — положеніе, развитіе котораго я оставляю здѣсь въ-сторонѣ. Въ-частности это число благопріятствуетъ образованію нарѣчій отъ тв. образа. Буслаевъ (§ 219, Пр. 6) замѣчаетъ, что нарѣчіе „верхóмъ" принимаетъ и множественное ч. „верхами", когда относится ко многимъ, напр. у Пушк. „чиновники разъѣзжали верхами на карабахскихъ жеребцахъ". Это неточно, ибо нарѣчіе, неимѣя числа и несогласуясь ни съ чѣмъ, неможетъ ни принимать множ. числа, ни относиться ко многимъ. Значитъ, „верхами" есть не нарѣчіе, а дополненіе, именно скорѣе всего--тв. орудія, какъ „ѣхать возомъ и возами". Но млр. вéрхи (верхомъ, верхами), образованное отъ тв. мн. ч., есть несомнѣнное нарѣчіе. Сюда же млр. округи́ (кругомъ, отъ тв. мѣста), нáхилки (випить пляшку горілки—). Въ старинномъ языкѣ: „лѣпо бѣ непещися о приходящимь дьни.... и нынѣ бы Господь нашь.... большими попеклся нами. Жит. Ѳеод. XII в. (Чт. 1858, III); ѥдинъ же изъ нихъ, тихы шедъ, послушааше, ib.; се бо малы въспрянувъ 474
отъ ужасти, начахъ прилѣжьно Бога молити, ib.; малы (=млр. трохи́ не) бо насъ невзяша Печенѣзи, Лавр. 28; малы не до смерти убиша, Новг. I (Син.) 9; матерны лаяти кому, XVI в. Ак. ист. I 252. Ср. у Микл. IV, 712: меньшиими, правы стръмы. Сюда же стар. опакы, назадъ („опаки руцѣ связывахуть", Лавр. 18), между тѣмъ какъ въ млр. „навпаки сонця" (противъ, т. е. на опакы, польск. naopak), если судить по предлогу, долженъ заключаться винит. мн.; пакы[1]); акы [сначала нар. вопр. „какимъ

[1]) Стар. пакы и пакъ: а) назадъ, обратно: отсылати (лодью) пакы на землю крестьяньску, Лавр. 15; повѣдаша рѣчь Василкову, како молвилъ горожаномъ, што ли молвили пакъ (сказали назадъ, т. е. въ отвѣтъ, возразили) горожане Василкови, Ип. 199; б) вторично, потомъ (какъ и стар. опять), такъ-какъ обратный путь есть вторичный: аще ли по сихъ разуму земля есть мати, то почто плюете на матерь свою, да сѣмо (соб. сюда, но здѣсь — разъ, серб. jедан пут) ю лобзаете, и пакы (потомъ) оскверняете, Лавр. 49, (въ чеш. „a pak zase poskvrnujete", Эрб.; за ся, т. е. за себя, назадъ, обратно, потомъ); и тогда возмуть мѣсячное свое первое отъ города Кіева, и пакы изъ Чернигова и Переяславля, Лавр. 13 (какъ и чеш. pak въ случаяхъ какъ „сначала ...далѣе... потомъ", Zikm. Skl. стр. 555); оже, рци, просилъ еси живымъ, а уже пакъ (опять) мертвымъ просиши, Ип. 218. Отсюда ведетъ начало серб. соединит. союзъ па, обозначающій отношеніе послѣдующаго, присоединяемаго къ предыдущему, какъ въ русск. просторѣчіи „опять же и то..."; в) Пакъ, обратно, въ свою очередь, взаимно: поча думати Товтивилъ, хотя убити Треняту, а Тренята собѣ думашеть на Товтивила пакъ, Ип. 202; аще украдеть русинъ что любо, или пакы христьянинъ у русина, Лавр. 14. г) Что грамматическое противительное отношеніе можетъ изображаться пространственно, движеніемъ въ другую сторону, это видно изъ „запрёмся тамъ, и нѣчего съ насъ будетъ взять Мамаю; въ другую сторону (=иначе, въ противномъ случаѣ, если же нѣтъ, то...), онъ насъ полонитъ, Аѳ. Ск. VI, 312; подай мнѣ-ка супротивника; въ другую сторону (а не то) я твою силу побью", ib. 315. Подобно этому ст.-русск. пакы ли, въ силу частицы ли, получаетъ условнопротивительное значеніе: аче

образомъ?", но уже въ древнемъ яз. сравнительный союзъ, коему во 2-й половинѣ сочетанія соотвѣтствуетъ не **такы**, какъ можно было бы ожидать, а **тако**: си бо сьяше, аки луна въ нощи, тако и си въ невѣрныхъ человѣцѣхъ свѣтяшеся, Лавр. 29]; **такы** (соб. такимъ образ., извѣстное только въ знач.-же, все таки и усиленія) [1]).

476 Сюда же предполагаемыя всѣми слав. нарѣчіями нарѣчія отъ тв. мн. прилаг. относительныхъ на -ьск-, и другихъ, именно рус-ьскы и пр... Такое объясненіе этихъ нарѣчій, принимаемое Зикмундомъ, Миклошичемъ и другими, и я считаю единственно вѣрнымъ. Иначе у Гатталы Sr. Ml. § 246. Въ ст. русск. „то не поганьскы ли се есть?", Лавр. 73; Симонъ волхвъ, иже творяше волшьствомъ псомъ глаголати человѣчьскы, Л. 77; нарекоша имя ему Георгіи, а мирьскіи (=ьскы) Игорь, Ип. 58; княже, потьскы (=но птичьи, по птичьему) неможешь перелѣтѣти, Ип. 129; вълчьскы, пьсьскы и пр. Въ млр. сюда, какъ остатки безпредложнаго употребленія этой ф., **ра́чки** лізти (=рачьскы), б. м. **крачки** (крачьскы?, „щобъ ти там крачки сів, Ном. 72), между тѣмъ

ти ся полкы иструдять, а язъ силнѣйши пущю другыя, паки ли (=если непошлю), а самъ всяду на конѣ, Ип. 45; любо дай Изяславу чего ти хочеть, пакы ли (=если недашь), а пойди полкы своими ко мнѣ, заступи же волость мою, ib. 45; любо изъищю мужи новгородьстіи (=ьскые), пакы ли, а головою повалю за Новгородъ, Новг. I, 33; княже, кланяемъ ти ся, а братьи своеи невыдаваемъ; пакы ли (если же несогласенъ на такія условія), твои мець, а нашѣ головы, ib. 41; „сами ся урядимъ, а крови хрестяньскы непроле-(=ѣ)ймы; пакы ли по своему замыслу пойдеши" (озря ся на святую Богородицю, яже есть надъ Золотыми вороты), „а той ны Пречистѣй Госпожи судити", Ип. 61; пакьли быхмо неворотили на той день (4-хъ тыс. руб.)... тогда... (1388, грам. Ягайла, Ак. З. Р. I, № 8). Чеш. pak-li—условно-противит. союзъ, Zikm. Skl. стр. 469. д) **Пакъ** союзъ постпозитивный, съ чуть замѣтною противительною силою, обыкновенно лишь привлекающій силу рѣчи на слово, послѣ коего стоитъ (ср. а, же): пре сей миръ трудилися добрии людиє N N, урядили-пакъ миръ, како было любо Руси, Дог. съ Риг. 1229, С. Г. Гр. II; такъ и позднѣе въ влр. и донынѣ въ блр. и млр.: кому-пакъ то у тобя вѣдомо, что ту деревню отецъ твой и дѣдъ твой заложили? 1511, Ак. Юр. 29; млр. застебнецця (вона) під саму́ душу, щоб нічогісінько невидно було що незвичайно... вжеж-бак нетак, як городяньскі дівки, що в панів понавчались, Кв.; а що бак, Олексіёвичу, нігде дітись, благослови діток, id. Въ чеш. Zikm. Str. 554—5 (съ замѣтной противительной силой [=а, же, польск. zaś].

[1]) Со знач. усиленія: та́к-таки (ср. млр. такечки); таки нічого нечую, нічого й небачу, Кв. (ровно ничего, ср. нічогісенько). Какъ союзъ а) оно привлекаетъ силу рѣчи на слово: „мы, выслухавши того привилея.. при **томъ-таки** есмо княгиню Семеновую зоставили, 1507, Ак. З. Р. II, 13; мы.. тыи именья, которые онъ былъ своеволнѣ забралъ, **ему-таки** дали, 1508, ib. 39, „змалював він **таки—нашого** отця Микити кобилу, Кв. (=нашего же, т. е. такого же нашего, какъ и тѣ хлопцы, о которыхъ прежде была рѣчь); и гласи знав: часто объ ёго спотикавсь и пан Ахтанасій, от-таки-наш дяк, id.; б) при глаголахъ во 2-й полов. уступительнаго сочетанія (ср. но въ „хотя... но): прилнвали доріженьку, таки пилом пала; розважали матусеньку, таки з личка спала, Метл. 22; хоць уже й зацягнуло оболонєю, алє таки й цєнєр знаць, Бѣлостоц. у., Этн. Сб.: хоть ти й розсердисся на мене.. а я таки тобі договорю, що вчора хотів сказати, Кв.; литер. русск. въ обоихъ случаяхъ „все-таки".

какъ пішки, мовчки по образованію сюда неотносятся: пѣшькы, а
не „пѣшьскы“). Въ русск. литер. эти нарѣчія только при прилагат.,
напр. „онъ дѣтьски добръ“ (между тѣмъ какъ несовсѣмъ ловко уже
сказать „онъ пишетъ дѣтски“), „будь я маломальски богаче“... По пра-
вилу и въ млр. и въ русск. лит. къ этимъ нар., безъ вниманія къ па-
дежу отъ котораго они происходятъ, присоединяется по: млр. по ста-
росвітьски, по дівчачи, лит. „онъ пишетъ по дѣтски“ и пр., покаков-
ски, потаковски. Здѣсь языкъ подчиняется аналогіи употребленія по 477
съ дат. (по старосвітьскому; литер. въ XVIII в. Бусл. Гр. § 72; въ
болѣе древнемъ видѣ въ польск. чеш. po rusku и пр.), подобно тому,
какъ въ словенскомъ отъ вышеупомянутыхъ малы, тихы—pomaly,
potichy. Т. о. здѣсь ошибочно было бы при объясненіи исходить изъ
знач. предлога и видѣть въ ы фонетическую замѣну зв. у.

10. Творительный на мѣстѣ вторыхъ (согласуемыхъ) падежей.

1. Безспорно этотъ падежъ, принадлежитъ къ своеобразнѣйшимъ явленіямъ славянскаго и литовскаго языка [1]); но, между тѣмъ какъ по мнѣнію, которое мнѣ кажется вѣрнымъ, явленіе это въ славян. нар., слагалось и образовывалось до послѣдняго времени и вездѣ, кромѣ немногихъ окраинъ слав. языка, было вытѣсняющимъ, а не вытѣсняемымъ (ср. стр. 113—4), по другимъ, прогрессъ его относится къ болѣе или менѣе давно-прошедшему языка. Отсюда тѣ согласуемые падежи, которые съ одной точки кажутся удержанною, еще невытѣсненною стариною, съ другой—представляются проявленіемъ отреченія языка отъ своей особности.

Шлейхеръ говоритъ, что въ литовскомъ тв. при гл. buti „употреб-
ляется еще развѣ только (höchstens nur) при будущемъ, а въ прочихъ
случаяхъ—именительный, который и вообще въ этихъ оборотахъ (т. е.
и при другихъ глаг. среднихъ) начинаетъ вытѣснять творительный;
„jis yr didžausiu“ (=on jest największym) теперь неупотребительно и
вообще творительный теперь преимущественно встрѣчается въ суще-
ствительныхъ: „jis bus (pastos) karaliumi, онъ будетъ, станетъ коро-
лемъ“. Въ просторѣчіи часто стоитъ именительный (а не твор.)... gers
búti (добръ быти) а не „gerù búti“ (добрымъ быть), Lit. Gr. 270—1.
Но слѣдуетъ доказать, что тв. „въ yr didžausiu“ былъ народнымъ яв- 478
леніемъ, а не личнымъ полонизмомъ, какіе встрѣчаются и въ русскихъ

[1]) „Нѣкоторое сходство со слав. предик. творительнымъ обнаруживаетъ инд. предикативный твор. при бhâвjа и бhавитавjа: „êша на... pітвиджâ бhавитавjам“, онъ недолженъ стать жрецомъ“ (В. Шерцль, Скат. 119). Но эти обороты должны быть сравниваемы съ творит. дѣйствующаго предмета при страдательномъ сказуемомъ. Ср. ib. 118: тапасвибhир бhавитавjам, это, должно быть, аскеты (собств. аскетами должно быть быто).

памятникахъ. Подобнымъ образомъ, приписывая малорусскому языку всѣ полонизмы, какіе встрѣчаются въ западнорусскихъ памятникахъ XV—XVIII в., можно подумать, какъ и думали, что весь малорусскій языкъ (а не одна его струя) идетъ къ своему русскому характеру отъ почти полнаго тождества съ польскимъ, что несправедливо. Именительный въ литовскомъ, въ случаяхъ, гдѣ можно бы съ точки польскаго языка ожидать творительнаго, можетъ не происходить отъ нѣмецкаго вліянія, вообще мало замѣтнаго въ литовской грамматикѣ, но быть явленіемъ вполнѣ туземнымъ и весьма древнимъ. То-же примѣняемъ мы къ сербскому, въ случаяхъ, гдѣ въ немъ именительный при русскомъ творительномъ.

У Миклошича мысль, подобная Шлейхеровой, высказана нѣсколько разъ и гораздо опредѣлительнѣе. „Болѣе всего развитъ (am feinsten ausgebildet) этотъ оборотъ (твор. предиката) въ польскомъ, между тѣмъ какъ другіе слав. языки, какъ покажетъ послѣдующее изложеніе, совсѣмъ его оставили: первоначально онъ былъ всѣмъ свойственъ“ (V. Gr. IV, 727). „Сравнивая между собою отдѣльные славянскіе яз. относительно употребленія (этого) твор., мы замѣчаемъ, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ теперь оказываются лишь послѣдніе его остатки и что въ другихъ онъ все болѣе и болѣе ограничивается въ пользу синтаксиса, опирающагося на классическіе языки, синтаксиса, который можно назвать общеевропейскимъ. Такъ, по-русски говорится: „я видѣлъ его здороваго“, „дай Боже, чтобъ мы нашли васъ здоровыхъ“ (Бусл.), Mikl. ib. Но дѣло въ томъ, имѣютъ ли въ нынѣшнемъ русскомъ такіе обороты смыслъ послѣдней новизны, или, напротивъ, старинны по отношенію къ творительному? Для меня очевидно послѣднее; къ утвержденію перваго даетъ поводъ Буслаевъ, говоря,
479 что „иногда вмѣсто творит. опредѣленіе ставится въ падежѣ слова опредѣляемаго“ (Гр. § 246, 3)—выраженіе, если понимать его въ-точности, совершенно ошибочное.

„Способъ выраженія, сходный съ тѣмъ, который свойственъ европейскимъ языкамъ, все болѣе и болѣе оттѣсняетъ способъ своеобразно-славянскій—явленіе, которое замѣчается и въ другихъ языкахъ нашей части свѣта; ибо нѣкоторый, можно бы сказать, новоевропеизмъ стремится соединить какъ бы въ одно нарѣчіе языки европейскихъ народовъ, принимающихъ участіе въ культурѣ... Кто необратитъ вниманія на стремленіе языковъ нашей части свѣта къ нѣкоторому единообразію, тотъ не въ состояніи будетъ объяснить постепенной метаморфозы славянскихъ языковъ. Не все происходитъ въ языкахъ извнутри..... Отсюда хорут. naj eta kamenja kruch bodo, Матѳ. 4, 3; хорв. da b' se mogla roža bčela učiniti“, „kada ona voda vsa vino postane“ (Mikl. IV, 740).

И такъ, вотъ гдѣ суть, cardo rerum: существуетъ вѣра въ нивеллирующее вліяніе цивилизаціи, основанной на классической почвѣ, на все, неисключая языка; но это есть именно вѣра, а то, что выдаютъ за ея доказательства, состоитъ между прочимъ въ перестановкѣ явленій ὑστερόπρωτον, въ представленіи несущественнаго для вопроса (какъ сходство продуктовъ абстракціи) существеннымъ и предшествующаго по времени—позднѣйшимъ.

2. Изъ соотвѣтствія разсматриваемаго твор. вторымъ согласуемымъ, такъ наз. предикативнымъ падежамъ, при недостаточномъ отдѣленіи грамматики отъ логики, выводились заключенія объ этомъ творительномъ, болѣе-менѣе напоминающія Аристотелевы роды сказуемаго. „Все, что высказывается о чемъ-либо (πᾶν τὸ περί τινὸς κατηγορούμενον) а) или вполнѣ равно предмету, какъ понятіе его исчерпывающее и его сущность (ὅρος), б) или есть отличительный признакъ, характеризующій предметъ, какъ недѣлимое, и потому замѣняющій его (ἴδιον, особен- 480
ность, свойство), в) или опредѣляющій его родъ, г) или нѣчто случайное невходящее въ опредѣленіе предмета (Steinthal. Gesch. der sprachwiss. bei den alten, 203—4). Такъ какъ предстояло объяснить не четыре, а два явленія (второй согласуемый падежъ и твор. несогласуемый), то это четверное дѣленіе нужно было свести на двойное, чему тоже пособляетъ Аристотель, говоря, что приличнымъ отвѣтомъ на вопросъ „что есть подлежащее“ (προκείμενον, предлежащее) служитъ указаніе сущности (ὅρος) или рода (γένος), а не видового отличія или случайности. Такъ, отвѣтомъ на вопросъ „что это?“ при указаніи на человѣка, служитъ: „это человѣкъ“, а не „это бѣлое, сидящее“ (Steinth. ib. 243).

Сравнимъ съ этимъ слова пр. Гатталы (Srovn. mluv. jaz. česk. a slov. § 49 и почти буквально сходное мнѣніе Смита, приводимое Миклошичемъ, V. Gr. IV, 740:

„Падежемъ сказуемаго бываетъ у насъ нетолько именительный (какъ въ лат., нѣм.) но часто и творительный: Hannibal dux fuit, ego sum primus=„H. byl vůdce“ и „vůdcem“, „já jsem prvý“ и prvým“... Трудно въ-точности опредѣлить, гдѣ сказуемое слѣдуетъ выразить именительнымъ, гдѣ творительнымъ; но основаніе различія между этими оборотами приблизительно слѣдующее: творительный описываетъ, именительный опредѣляетъ (vyměřuje) понятіе подлежащаго (обозначенное подлежащимъ); первый приписываетъ нѣчто подлежащему, второй опредѣляетъ, что такое есть подлежащее само по себѣ; творит. болѣе касается качества и свойства (povahy a vlastnosti), именительный—сущности подлежащаго, которому при этомъ ничего (поваго?) неприписывается, лишь понятіе его повторяется другими словами. Согласно съ этимъ напр. въ предложеніи „člověk je vozumné zvíře“ сказуемое, вы-

481 раженное именительнымъ, такъ относится къ подлежащему člověk, какъ два да два къ четыремъ, т. е. какъ $2+2=4$, такъ сказуемое приведеннаго предложенія значитъ вполнѣ то-же, что его подлежащее. Напротивъ того, въ предложеніяхъ со сказуемымъ въ творительномъ, напр. „člověk jest obrazem Všemohoucího", такого отношенія подлежащаго къ сказуемому вовсе нѣтъ.

Однако и на такомъ основаніи нельзя прочно установить, гдѣ сказуемое должно быть выражено именительнымъ, а гдѣ творительнымъ, и это потому, что обычай языка здѣсь, какъ и вообще, весьма часто, такъ сказать, своевольно принимаетъ существенное за случайное, и на-оборотъ. Напр. у Коменскаго читаемъ: „tělo je stánek duše" рядомъ съ „tělo nejen stánkem, než i nástrojem jest duše".

Намъ слышится въ этомъ признаніе, что вышеупомянутыя категоріи сказуемаго—сами по себѣ, а языкъ—самъ по себѣ, ибо usus въ языкѣ не-есть tyrannus, стало быть нѣчто постороннее, но самая суть языка. Вы видимъ ниже, что примѣры, подобные вышеприведеннымъ, оцѣниваемые съ грамматической точки, незаключаютъ въ себѣ ничего особенно прихотливаго. Но даже допуская на-время законность примѣненія сюда вышеупомянутыхъ категорій, все-таки, мнѣ кажется, нельзя согласиться съ пр. Гатталою. У Аристотеля подлежащее, о коемъ нѣчто сказывается, есть указываемый предметъ, вещь *(πρᾶγμα)*, а сказуемое есть слово и вмѣстѣ понятіе. Съ такой точки зрѣнія еще можно понять возможность утвержденія, что сказуемое можетъ быть идеальнымъ эквивалентомъ подлежащаго [1]). Но признавая, что логика трак-
482 туетъ только о понятіяхъ, такъ что и подлежащее логическаго сужденія есть всегда понятіе, слѣдуетъ признать и то, что равенство членовъ логическаго сужденія, какъ тавтологія $a=a$, есть не сужденіе, а одно понятіе. Логическое сужденіе есть движеніе, направленное къ повѣркѣ мысли, а тавтологія есть покой и къ такой повѣркѣ неведетъ. Члены логическаго сужденія всегда различны по объему и содержанію; таково ихъ отношеніе и въ $2+2=4$, ибо въ понятіи 4 заключено не одно только понятіе $2+2$, но и $3+1$ и т. д. Так. обр. и логическая подкладка предложенія „человѣкъ есть разумное животное" неможетъ быть изображенно формулою $a=a$, ибо, хотя бы и было изъ другихъ источниковъ извѣстно, что всякое разумное животное есть человѣкъ и что другихъ разумныхъ животныхъ, кромѣ человѣка, нѣтъ, но это вовсе неслѣдуетъ изъ самого сужденія „человѣкъ есть разумное животное": въ понятіи „человѣкъ" могутъ быть заключены многіе признаки, которыхъ нѣтъ въ пон. „разумное животное". Прилагая это къ мнѣнію г. Г. мы видимъ, что если предложенія со вторымъ именительнымъ немо-

[1]) Хотя, если подлежащее есть познаваемое, а сказуемое познаніе, то равенство, между ними противорѣчитъ вѣрѣ въ безконечность познанія.

гутъ быть подведены подъ формулу а=а, или „*а* есть вполнѣ то-же, что *б*", но имѣютъ формулу напр. *а* неравно *б*; то эта послѣдняя годится и для предложеній съ творительнымъ, нисколько ихъ нехарактеризуя сравнительно съ первыми. Даже признавая возможность полнаго равенства между членами логическаго сужденія, лучше бы разсуждать такимъ образомъ: въ „člověk jest rozumné zvíře" понятія člověk и rozumne zvíře равны; но въ „člověk jest zvíře" они неравны, между тѣмъ какъ въ обоихъ случаяхъ падежъ въ сказуемомъ тотъ-же; слѣдовательно равенство или неравенство понятій для объясненія этого падежа безразличны.

Зикмундъ (Skl. § 17, 2, 3), перечисливъ категоріи сказуемаго, которыхъ, по его мнѣнію, шесть [а) существованіе, б) сущность, в) случайность, г) дѣйствіе и страданіе, д) качество, е) принадлежность], гово- 483
ритъ о второй и третьей: „Если говорится о подлежащемъ, чтó такое оно есть (co jest), то опредѣляется его сущность, или родъ, почему такія предложенія называются предложеніями сущности, или опредѣлительными (věty bytnosti, v. vyměrné), напр. člověk jest tvor rozumný; отъ этого отлично выраженіе того, чѣмъ бываетъ (čím jest) подлежащее, чѣмъ оно обнаруживается въ дѣйствительности, чѣмъ отличается отъ другихъ предметовъ..., напр. byl jsem tehdaž konšelem. Такія предложенія пусть называются предложеніями раздѣленія или случайности (věty rozdílu aneb případnosti)". „Сказуемое въ предложеніи опредѣлительномъ указываетъ родъ, подъ которымъ находится подлежащее и который принадлежитъ къ его сущности (podstata), а въ предложеніи раздѣлительномъ—знакъ, которымъ подлежащее отличается отъ другихъ предметовъ, которымъ сущность его обнаруживается въ дѣйствительности...". Откинувъ лишнее, какъ „обнаруженіе", „дѣйствительность", мы можемъ выразить это другими словами такъ.

Существенные признаки понятія суть тѣ, которые общи всему объему этого понятія, чѣмъ условлено единство этого понятія; несущественные—тѣ, которые, находясь только въ части объема понятія, существенны только для этой части, слѣдовательно вмѣстѣ съ другими подобными ведутъ за собою распаденіе понятія на частныя. Такъ-какъ формальной логикѣ несвойственна категорія недѣлимаго и объемъ понятія есть не количество предметовъ, изъ наблюденія коихъ выведено понятіе, а количество частныхъ понятій, на которыя оно распадается, то напр. въ „онъ боленъ" признакъ относится только къ извѣстной части понятія онъ. Во всемъ этомъ нѣтъ слѣда психологіи, между тѣмъ, по общему принципу современнаго языкознанія, оно можетъ имѣть дѣло съ категоріями такого имени лишь въ томъ случаѣ, если они поняты какъ процессы, т. е. психологически. Поэтому уже можно неповѣрять 484
даннымъ языка, точно ли логическая существенность выражается именительнымъ, а несущественность творительнымъ.

Буслаевъ, какъ и Гаттала, признаетъ свои объясненія разсматриваемаго явленія невполнѣ удовлетворительными (Гр. § 246, 2): „падежи имен. и твор. при гл. быть во всѣхъ наклоненіяхъ и досёлѣ [1]) во многихъ случаяхъ замѣняются одинъ другимъ безъ всякой видимой причины. Впрочемъ для руководства въ практическомъ отношеніи [2]) слѣдуетъ замѣтить, что творительнымъ имени существительнаго означается по большей части признакъ несущественный, при которомъ, вмѣсто быть, можно поставить сдѣлаться, стать, казаться, напр. Ломоносовъ былъ рыбакомъ (т. е. нѣкоторое время); Карамзинъ былъ исторіографомъ (т. е. сдѣланъ). Именительнымъ же падежемъ имени существительнаго означается признакъ существенный, напр. Ломоносовъ былъ великій человѣкъ". Мы видимъ здѣсь, что Буслаевъ съ одной стороны еще пользуется категоріями существенности и несущественности, необъясняя, почему признакъ, выраженный прилагательнымъ въ „я былъ боленъ" представляется существеннымъ и почему напр. тождество предмета съ самимъ собою, признакъ, повидимому, весьма существенный, изображается несущественнымъ въ „люди остаются людьми",
485 „оселъ останется осломъ", выражаясь творительнымъ? Съ другой стороны, мы находимъ здѣсь попытку стать на грамматическую почву, именно—признаніе различія въ разсматриваемомъ отношеніи между существительнымъ и прилагательнымъ и между одними глаголами и другими. Очевидно, что въ „Ломоносовъ былъ рыбакомъ" замѣна былъ влечетъ за собою измѣненіе вещественнаго смысла и съ этой стороны невозможна; но разсматривая только формальныя отношенія рѣчи, мы можемъ и должны на мѣсто извѣстнаго слова ставить многія другія, чтобъ узнать, останутся ли при этомъ формальныя отношенія неизмѣнными, или нѣтъ. Въ настоящемъ случаѣ нѣтъ формальной разницы между „былъ рыбакомъ" и „притворился, прикинулся, оказался, остался, сдѣлался, сдѣланъ, названъ тѣмъ-то"; но разница нетолько въ падежѣ, но и въ функціи глагола есть между „онъ былъ рыбакъ" и „онъ былъ рыбакомъ".

Уже Востоковъ намѣтилъ вѣрный путь къ опредѣленію этой разницы, хотя невоспользовался имъ, а прибѣгъ къ категоріямъ прирожденности и случайности. Онъ говоритъ: „сказуемое, состоящее изъ существительнаго, привязывается къ подлежащему глаголомъ наст. вр... есть и пр." т. е., по принятой нами терминологіи, глаголъ въ подобныхъ случаяхъ

[1]) Значитъ ли это, что такъ было изстари и что въ этомъ отношеніи невидно движенія въ языкѣ?

[2]) Другія практики, напр. медицинская, педагогическая, пусть себѣ руководствуются несовершенными теоріями; но въ практикѣ языка, т. е. въ рѣчи, такія теоріи иностранцевъ могутъ вводить только въ ошибки, между тѣмъ какъ туземцы на практикѣ руководствуются безсознательно и почти безошибочно мотивами гораздо болѣе сложными, чѣмъ такія теоріи.

есть связка, а 2-й именительный—предикативный аттрибутъ. То-же, говоритъ онъ далѣе, при прошедшемъ времени былъ, „но только тогда, когда говорится о природномъ состояніи предмета, а не случайномъ, зависящемъ отъ какихъ либо дѣлъ его, напр. Адамъ былъ первый человѣкъ. Когда же означается состояніе случайное, какими либо дѣлами пріобрѣтаемое, тогда глаголъ „былъ" обращается въ сказуемое, а существительное служитъ дополнительнымъ къ оному словомъ и полагается въ п. творительномъ, напр. „Адамъ былъ первымъ земледѣльцемъ" (Р. гр. § 121). Позднѣе у Малецкаго находимъ различіе между дѣйствительнымъ сказуемымъ въ именительномъ и мнимымъ въ 486
творительномъ (Gr. § 701). И я полагаю, что задача состоитъ въ томъ, тобы вывести разницу между именительнымъ въ сказуемомъ и другими сродными явленіями и такъ наз. твор. предикативнымъ, съ одной стороны, изъ измѣненія грам. функціи глагола при переходѣ согласуемаго падежа въ несогласуемый, съ другой—изъ различія согласуемости и несогласуемости падежей, съ третьей—изъ разницы между творительнымъ, который предполагается такъ наз. творительнымъ предикативнымъ, и этимъ послѣднимъ.

3. Разсматриваемый падежъ извѣстенъ подъ именемъ творит. признака и состоянія (Буслаевъ) или твор. предикативнаго. Послѣднее названіе оправдывается или тѣмъ, что этотъ падежъ соотвѣтствуетъ такъ наз. предикативнымъ именительному и винительному въ греч. и лат. (Mikl. IV 727), или тѣмъ, что онъ въ самомъ славянскомъ замѣняетъ вторые падежи, или, наконецъ, что вѣрнѣе, тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Тѣмъ неменѣе названіе этого твор. предикативнымъ неточно въ той-же мѣрѣ, въ какой названіе формъ происходящихъ изъ двойственнаго числа („три, четыре человѣка")—двойственнымъ: никакой несогласуемый падежъ неможетъ быть предикативенъ. Наиболѣе точнымъ кажется мнѣ названіе твор., замѣняющимъ вторые, согласуемые падежи, такъ что лишь для краткости удерживаемъ назв. предикативнаго. По происхожденію въ другой линіи этотъ падежъ имѣетъ непосредственное отношеніе только къ твор. образа дѣйствія и можетъ быть смѣшиваемъ только съ нимъ.

Въ различныхъ слав. нарѣчіяхъ въ твор. предикат. ставятся какъ существительныя, такъ и прилагательныя; но такъ какъ этотъ падежъ, по несогласуемости, есть объективный и, по происхожденію,—болѣе поздній, чѣмъ время безразличія существительнаго и прилагательнаго; то за исходную точку употребленія этого падежа слѣдуетъ признать поста- 487
новку въ немъ имени существительнаго.

Въ совокупности признаковъ (грам. субстанціи), обозначаемой творительнымъ образа, замѣчаемъ двоякое отношеніе къ субстанціи, указы-

ваемой подлежащимъ или другимъ объектомъ. Одно, общее творительному образа со всѣми остальными творительными и другими падежами объекта, состоитъ въ томъ, что субстанціи эти совершенно различны, такъ что между ними въ мысли непроисходитъ никакого сліянія. Какъ въ твор. орудія „клинъ клиномъ выгонять" вещь, означенная творительнымъ, совсѣмъ не та, которая означена именительнымъ, такъ что, несмотря на общіе признаки, они держатся въ мысли раздѣльно; такъ точно и въ твор. образа „клинъ клиномъ" (т. е. сущій, настоящій клинъ), съ тою разницею, что въ послѣднемъ случаѣ субстанція въ творительномъ фиктивна. Подобнымъ образомъ, хотя и съ дргимъ эффектомъ, субстанціи въ „N иде войною", „N сташа станы", млр. „чоловік їде бовкуном" (принимая сдѣсь переходъ отъ твор. орудія къ твор. образа), ѣзда цугомъ, гусемъ, полетъ стаями и т. п. совершенно раздѣльны. Но уже въ „послаша Козму Твердиславича и Олександра Борисовича посольствомь, Новг. I, 79, польск. oni jechali kuligiem" замѣчается переходъ къ другому отношенію, какъ въ „игуменъ иде сълъмь", „N иде воеводою", (оборотень) „рыщетъ лютымъ звѣремъ", конь летитъ стрѣлою", гдѣ замѣчается частное сліяніе субстанцій, такъ что „игуменъ" и былъ „посломъ" и т. п.

Въ этихъ случаяхъ можно видѣть уже первую ступень твор. предикативнаго, въ которомъ вообще такое совпаденіе субстанцій есть постоянный признакъ. Мнѣ кажется превратнымъ объяснять болѣе древній твор. „иде сълъмь" изъ позднѣйшаго тв. предикативнаго „будучи посломъ" (что у Малецкаго Gr. § 697).

488 Здѣсь упомяну о такъ наз. твор. уподобленія, подъ которымъ его имя позволяетъ понимать и сравненіе, какъ явленіе субъективное, и превращеніе, т. е. объективный, представляемый независимымъ отъ произвола говорящаго переходъ одного предмета въ другой. Буслаевъ подъ твор. уподобленія (однимъ изъ видовъ твор. образа) сначала разумѣетъ только сравненіе: „летѣть стрѣлою", „Игорь соколомь полетѣ", между тѣмъ какъ о случаяхъ „у дороги бѣлымъ камнемъ осталась Марья царевна" у него сказано: „творительному уподобленія соотвѣтствуетъ въ старинной письменности твор., употребляемый для означенія суевѣрныхъ преданій объ оборотняхъ, или о превращеніи людей въ животныя, въ растенія, камни и пр., напр. въ Сл. о п. И. о Всеславѣ: „самъ влъкомъ рыскаше, великому Хръсови влъкомъ путь прерыскаше" (Гр. § 246, 10).

Подъ соотвѣтствіемъ здѣсь позволительно понимать не то, что мы разумѣемъ говоря напр. о соотвѣтствіи формы волк формѣ вълкъ, wilk и пр., при чемъ первой нѣтъ ни въ др. русск., ни въ польск., второй нѣтъ ни въ нов. русск., ни въ польск. и т. д. Значенія превращенія и сравненія существуютъ рядомъ и въ древнемъ и въ новомъ

языкѣ, при чемъ нѣкоторыя сравненія вытекаютъ изъ вѣры въ превращенія и, въ мысли опредѣленнаго лица, отождествленіе, какъ моментъ, не періодъ, предшествуетъ моменту отрицанія неполнаго (=сравненіе), или полнаго (собст. отрицаніе). Изъ выраженій миѳическаго превращенія уже древній языкъ беретъ представленія значенія werden, становиться (вообще) инымъ. Такъ, минуя переходъ значеній „вертѣть", „вертѣться" (оборачиваться) къ знач. „становиться", „жить", „быть", въ др. инд. варт- и нѣм. werden, мы видимъ, что само „превратиться во что" (=прѣвратитисѧ, первоначально „переворотиться", т. е. на пр. перекинуться, перекувыркнуться, какъ, по повѣрью, дѣлаетъ знахарь, чтобы оборотиться на пр. волкомъ) есть синонимъ выраженій, какъ: прометатисѧ, серб. „она се прометну овца" (овцею) (=бросаться впередъ или сквозь что, на пр. сквозь обручъ); испрометаниѥ: „а ѥже бываѥтъ сквозѣ п'шеницоу коуколь, или чрьнило, или инакъ плѣвелъ... то не испрометаниѥмь то п'шеничнымъ бываетъ (=не вслѣдствіе превращенія, перерожденія пшеницы), нъ само о себѣ, своимъ родом' то се раждаѥтъ", Іо. Экз., Шестодн. 96—7; опрометьнъ, происшедшій отъ превращенія, соб. отъ движенія опрометью, головою впередъ или внизъ: „чаровникъ, въ нихъ же (т. е. книгахъ этого названія) суть вся дванадесять опромѣтныхъ лицъ (=формъ) звѣриныхъ и птичіихъ, се же есть, первое, тѣло свое хранитъ мертво" (какъ упырь), „и летаетъ орломъ, и ястребомъ, и ворономъ, и дятлемъ, рыщутъ лютымъ звѣремъ и вепремъ дикимъ, волкомъ (это сл. есть глосса къ „лютымъ звѣремъ";=вълкодлакъ, мр. вовкулака), летаютъ зміемъ (=поль. latawiec), рыщутъ рысію и медвѣдемъ" (О книг. истинн. и ложныхъ, Калайд. Іо. Экз. 211); серб. проврħисе, проврgreнем се, на пр. јагнетом (соб. тоже, что прометнути се), цсл. испроврѣштисѧ „(ѥл'ма же п'шеницоу дроугоици въсѣяв'шоу (т. е. комоу любо) сьдравоу, и исказив'шоу се акы чрьнило ю ж'немь, нъ се нѣс(т) на инъ родъ престоуплениѥ, нъ акы ѥза (=болѣзнь) нѣкака или недоугъ сѣмен'ныи, не испроврьгъшоу се инѣмь сѣменемь (=непотому, что сѣмя превратилось въ другое), нъ очрьнѣ изебениѥмь (=отъ мороза), да тѣмь (=и потому) инѣмь се лицемь с'твори и въкоусомь", Іо. Экз. Шестодн. 96; поль. przewierzgnąć się w co; поль. przedzierzgnąć się w co; вр. оборотиться чѣмъ и во что; мр. обернутись зозулею и пр., перекинутись вовкомъ. Въ „стать волкомъ" представленіемъ превращенія служитъ его послѣдній моментъ: нѣкто, перевернувшись, сталъ на ноги въ видѣ волка. Т. о. твор. превращенія становится совмѣстнымъ съ научнымъ міросозерцаніемъ, напр. въ слѣдующемъ: „въ сильный морозъ слюна льдомъ падаетъ на землю", т. е. не „подобно льду" а „въ видѣ льда", 489 „превратившись въ ледъ".

Разница между твор. превращенія и сравненія неграмматична, т. е. не формальна, а вещественна, и можетъ быть опредѣлена въ каждомъ

частномъ случаѣ лишь при помощи обширнаго круга мыслей, несоставляющаго грамматической единицы. Напр. чтобы рѣшить, что во „Всеславъ скочи вълкъмь до Немигы“ стоитъ твор. превращенія, а не сравненія, или на-оборотъ, нужно знать, какъ смотрѣли современники на этого князя и какъ относился авторъ Сл. о п. И. къ этимъ взглядамъ. Чтобы рѣшить, какъ понимать твор. въ млр. „кйдаєцьця и сірою собакою, и білою собакою, та ради недасть“ (т. е. подобно собакѣ? превращаясь въ собаку?), нужно знать, говорится ли здѣсь о вѣдовствѣ (какъ напр. въ „ти за неї, а вона перекинетця клубком, кинетця тобі підъ ноги, зібъє тебе тай щезне, Кв.), или о напрасныхъ усиліяхъ горемыки выбиться изъ нужды. „Трафилось неодному изъ нихъ отъ меня ходить шея коломъ (какъ к.), щека волдыремъ (не „какъ в.“,а настоящимъ в.), Даль. Въ пословицѣ „грѣхъ да напасть бороною ходятъ“ мы можемъ видѣть только сравненіе (подобно боронѣ, задѣвая однихъ, минуя другихъ, какъ зубья бороны задѣваютъ глыбы то тамъ, то сямъ), потому что неизвѣстно, чтобы грѣхъ и напасть представлялись именно бороною. Наконецъ во многихъ случаяхъ совершенно безразлично, поймемъ ли твор. такъ или иначе, напр. „первый блинъ да комомъ“, „бѣды вереницами ходятъ“, „станицами они (лещи) у берега рѣзвились“. Если напр. подъ вереницею мы неразумѣемъ конкретнаго образа цѣпи, веревки, а лишь мысль о рядѣ какихъ либо предметовъ, то все равно, значитъ ли „вереницами“ „превратившись въ вереницы“ или „подобно вереницамъ“. Такимъ обр. твор. сравненія и превращенія могъ бы быть только одною грамматическою категоріей уподобленія, а не двумя; но онъ несоставляетъ такой категоріи потому, что, если
490 неотносить къ грамматикѣ всего содержанія языка, онъ неможетъ быть отличёнъ грамматическими средствами отъ твор. образа (въ случаяхъ частнаго совпаденія субстанцій). Въ грамматическомъ отношеніи все равно: что „ити въ походъ воеводою“ (т. е. въ качествѣ воеводы), „стоять часовымъ“, „сдаться военнопленнымъ“, служить урокомъ“ („то можетъ не однимъ осламъ служить урокомъ“, Крыл.), „туча большимъ дождемъ надъ моремъ пролилась“, Крыл., что „ходить воеводою (т. е. sich gebärden, держаться, выступать подобно воеводѣ, въ томъ смыслѣ, какъ „выступать козыремъ“, „ходить, плыть гоголемъ“, „стоять фертомъ“), „мой филинъ господиномъ усѣлся на хребтѣ ослиномъ“, Кр., „глядѣть сентябремъ“, „пѣть соловьемъ“.

Согласно съ этимъ можно думать, что только вообще изъ тв. образа въ случаяхъ совпаденія субстанцій, а не въ частности изъ твор. сравненія (какъ думаетъ Зикмундъ и Малецкій) выводятся другіе случаи творительнаго предикативнаго.

Буслаевъ относитъ „Бавкида липой стала“ къ твор. „признака и состоянія“ (т. е. предикативному), а тождественные въ вещественномъ отношеніи случаи „бѣлымъ камнемъ осталась Марья царевна“ къ твор.

образа дѣйств. (въ частности „уподобленія") и стало быть признаетъ между этими случаями формальную разницу (Гр. § 246). У Миклошича тѣ и другіе отнесены къ твор. предиката (IV, 732 сл.). Сходясь съ этимъ послѣднимъ мнѣніемъ на томъ основаніи, что, во-первыхъ, твор. существительнаго (тв. совпаденія) въ „иде воеводою" есть очевидно противень именительнаго прилагательнаго, входящаго въ сказуемое „иде пѣшь", во-вторыхъ, что творительному въ „сѣди вьдовицею", „несяду вдовою" соотвѣтствуетъ греч. именительный: *κάϑου χήρα, οὐ καϑιῶ χήρα;* тѣмъ неменѣе можно въ нѣкоторомъ отношеніе оправдать мнѣніе Буслаева,

Выше уже упомянуто различіе глаголовъ съ одной стороны имѣющихъ значеніе esse, fieri, videri, nominari, съ другой—вещественнаго 491
движенія, пребыванія и состояній, какъ жить, умереть, цвѣсти и пр. Можно думать, что уже въ древнѣйшую пору слав. языка, доступную изслѣдованію по памятникамъ, при глаголахъ второго разряда согласуемый именительный существительныхъ былъ довольно рѣдокъ (стр. 180—1), такъ что мы незнаемъ такого времени, по крайней мѣрѣ въ русскомъ, когда становился именительный въ „Игорь полетѣ соколъ". Между тѣмъ 2-й именительный какъ существительныхъ, такъ и прилагательныхъ при гл. перваго разряда (=fieri и пр.) былъ, а отчасти и есть въ полной силѣ.

Твор. предик. при глаголахъ 1-го разр. легко допускаетъ, на основаніи памятниковъ, возстановленіе предшествующаго ему второго именительнаго. Разница во времени возникновенія твор. въ „стала липой" (болѣе новаго) и „лежала камнемъ" (болѣе древняго) есть указаніе на различіе условій возникновенія.

Аттрибутъ, связанный съ глаголомъ непосредственно, или посредствомъ дополненія, можетъ быть опредѣленъ, какъ данный признакъ, представляемый результатомъ энергіи подлежащаго, обозначенной глаголомъ (Введеніе 106, 117). Разница между двумя вышеупомянутыми разрядами глаголовъ—въ степени ихъ энергичности: чѣмъ больше эта степень (кромѣ есть требующаго особаго объясненія), тѣмъ явственнѣе отличается по времени результатъ отъ самой дѣятельности. Сравнимъ съ одной стороны „N бысть (наречеся, явися, поставленъ бысть) воевода", „бысть правъ", а съ другой „иде пѣшь", „шелъ пѣшій" и т. п. Въ первомъ случаѣ дѣятельность ощутительно является причиною от- 492
несенія значенія аттрибута къ знач. подлежащаго. Дѣятельность, приписываемая послѣднему, есть предшествующее сравнительно съ появленіемъ въ подлежащемъ значенія, связаннаго съ аттрибутомъ. Тоже и въ „избраша Кира царя" (Введ. 148). Во второмъ случаѣ мы относимъ къ подлежащему содержаніе аттрибута пѣшь нестолько потому, что мы отнесли къ нему сказуемое, сколько независимо отъ этого: онъ былъ

пѣшъ въ то самое время, какъ шолъ. Прилагательное есть здѣсь не простой, а предикативный аттрибутъ только потому, что признакъ его представляется возникающимъ въ подлежащемъ одновременно съ дѣятельностью этого послѣдняго. Въ нѣкоторое время, такъ кажется, въ языкѣ было почувствовано, что если поставить существительное въ качествѣ предикативнаго аттрибута при глаголѣ меньшей энергіи, напр. кънягыни сѣдѣ вьдова лѣтъ 40", то субстанціяльность аттрибута, т. е. возможность въ немъ многихъ признаковъ, его большая экстенсивность сравнительно съ прилагательнымъ, будетъ мѣшать представленію его возникающимъ одновременно съ дѣйствіемъ. При этомъ казалось, что существительное въ именительномъ явится здѣсь не предикативнымъ, а простымъ аттрибутомъ и будетъ понято какъ „кънягыни-вьдова сѣдѣ". Чтобы сохранить требуемую связь со сказуемымъ, какая существуетъ между глаголомъ и прилагательнымъ въ „сѣдѣ босъ", существительное должно было разорвать связь согласованія съ подлежащимъ въ падежѣ и войти въ область дополненія: „сѣдѣ вьдовою". Ср. „преставися княгини Глѣбовая Всеславича.. сѣдѣвши по князи своемъ вдовою лѣтъ 40", Ип. 82. Этотъ древнѣйшій тв. предикатив., подобно твор. образа въ тѣсномъ смыслѣ, имѣетъ то общее со вторымъ именительнымъ прилаг. при глаг. меньшей энергичности, что означаетъ
493 нѣчто представляемое (но не возникающее) одновременно съ дѣйствіемъ. Между тѣмъ болѣе поздній твор. предикатив., ставшій при глаголахъ большей энергичности, кромѣ случаевъ при есть, раздѣляетъ свойство второго падежа при этихъ глаголахъ, означая нѣчто слѣдующее за дѣятельностью. Къ значенію твор. перваго рода („летаетъ орломъ") мы можемъ близко подойти, глоссируя ихъ такъ: „будучи въ тоже время орломъ", „имѣя въ тоже время видъ орла", хотя эти объясненія генетически отнюдъ непредполагаются объясняемымъ. Но творительные втораго рода („липой стала", „оборотилась кукушкою" съ чѣмъ ср. именительный въ серб. „она се прометну овца") такого объясненія недопускаютъ: въ то время какъ становилась, оборачивалась, она еще небыла липою, кукушкою.

Чѣмъ слабѣе энергія глагола, тѣмъ слабѣе будетъ связь, установляемая имъ между предикативн. аттрибутомъ и подлежащимъ или объектомъ и тѣмъ слабѣе должно быть сопротивленіе слова, привлекаемаго къ аттрибутивности, для того, чтобы предикативно-атрибутивная связь его съ подлежащимъ или объектомъ могла состояться. Прилагательное представляетъ меньшую степень сопротивленія, чѣмъ существительное, и потому оно дольше удерживается при глаголахъ меньшей энергіи. Его связь съ такими глаголами можетъ быть разорвана легче, чѣмъ съ глаголами большей энергичности. Для этого достаточно измѣненія рода въ средній, вмѣстѣ съ чѣмъ предикативный аттрибутъ становится обстоятельствомъ (стр. 170—3); ср. польск. „szedł pieszo, boso" съ „zda-

wał się pieszy". Есть нѣкоторый параллелизмъ между тѣмъ, что при гл. меньшей энергіи русск. литер. яз. ставитъ членную форму прилагательнаго, и тѣмъ, что при этихъ глаголахъ раньше всего появился твор. предикативный (ср. выше, стр. 174 слѣд.).

4. Къ разсмотрѣнному случаю примыкаетъ твор., который, по аналогіи съ назв. творительнаго предикативнымъ, можетъ быть названъ ап- 494
позитивнымъ, п. ч. замѣняетъ простую аппозицію, въ случаяхъ соотвѣдствующихъ лат. Cicero consul (будучи консуломъ) dissuasit legem и подобнымъ съ косвенными падежами. Этотъ падежъ слѣдуетъ отличать отъ позднѣйшаго тв. предикат., замѣняющаго согласуемый падежъ въ „будучи консуломъ", ибо какъ ни сходны кажутся случаи „ребенкомъ лишилась она матери" и „будучи ребенкомъ", но первый непредполагаетъ второго, недолженъ разсматриваться, какъ сокращенное придаточное предл. (какъ у Бусл. § 246, 3); но и не непремѣнно на-оборотъ, такъ какъ „будучи ребенкомъ" можетъ предполагать непосредственно причастіе съ именительнымъ.

Аппозиція занимаетъ середину между сказуемымъ и аттрибутомъ, или опредѣленіемъ въ тѣсномъ смыслѣ. Существительное въ ней, по слабости сопротивленія дифференцирующему стремленію языка и по времени замѣны творительнымъ, чуть ли непревосходитъ существительное, стоящее какъ предикативный аттрибутъ при гл. меньшей энергичности, ибо энергіи глагола при аппозиціи вовсе нѣтъ. Внутреннее сходство тв. аппозитивн. съ тв. предикат., стоящимъ при глаголахъ меньшей энергичности, то, что и первый означаетъ не слѣдующее за дѣйствіемъ, какъ ниже разсматриваемые тв., но, въ отличіе отъ второго, и не строго одновременное съ дѣйствіемъ, а скорѣе субъективно прошедшее, продолженіемъ своимъ опредѣляющее время дѣйствія. Поэтому Веберъ (Skladba ilirsk. jez. § 17, 6, в.) не безъ нѣкотораго основанія относитъ этотъ падежъ къ тв. времени: „Едип погоди, да она загонетка знаменује човјека, који дјететом иде ногама и рукама, човјеком—само ногама, а старцем да се на палицу упирати мора". Впрочемъ съ этимъ можно бы согласится лишь тогда, если-бы этотъ твор. болѣе таготѣлъ къ сказуемому (какъ въ тв. времени „я пришелъ днемъ", гдѣ тв. неимѣетъ замѣтнаго отношенія къ подлежащему), если-бы этотъ твор. неозначалъ состоянія и небылъ творительнымъ совпаденія, коимъ твор. времени 495
въ тѣсномъ смыслѣ небываетъ. Этотъ оттѣнокъ (имамъ дщерь дѣвою) иногда весьма близко подходитъ къ выражаемому посредствомъ еще, noch и лит. dar: „asz turiu dukterį dar mergą", Суд. 10, 24.

Этотъ падежъ существительнаго стоитъ:

а) при именительномъ (гдѣ онъ—изъ аппозиціи субъекта): „дѣва роди дѣвою", „дѣвою родила ѥси"; приде етера Сунклитикия дѣвоѭ,

ἦλθε Συγκλητικὴ παρθένος (Mikl. Gr. IV, 732); ѥго же мати, непознавъши мужьска ложа, дѣвицею породи; Кир. Тур, сп. XIII в., Калайд. 33; „пострижеся дщи его дѣвою“, Лавр. 732, тогда какъ тв. предикативный означалъ бы при глаголѣ, принадлежащемъ къ болѣе энергичнымъ, не „будучи дѣвицею“, „въ дѣвицахъ“, а послѣдующее по отношен. къ дѣйствію: „постриглась въ дѣвицы“. Въ новомъ яз. „ты помнишь сколько слезъ ребенкомъ пролилъ я“, Батюшк., „ты дитей съ нимъ часто танцовала“, Гриб. (Бусл.); ребятами мы были шаловливы. Предикативный тв. при такихъ глаголахъ означалъ бы сравненіе: „она плететъ косы въ трое, дѣвкою“ (по дѣвичьи), отлично отъ „во многихъ мѣстностяхъ женщина дѣвкою (пока дѣвка, въ дѣвкахъ) иначе плететъ косы чѣмъ жонкою“ (бабою, замужнею) или „дѣвкою красуется косою, а бабою несвѣтитъ волосомъ“. Замѣтимъ обычные обороты, какъ „дѣвицею она была пѣвунья, (какъ и въ млр. дівкою була хороша и т. п.), въ коихъ безразлично для значенія творительнаго можно поставить подразумѣваемое естъ: „дѣвицею она пѣвунья, а выйдетъ замужъ замолкнетъ“ (какъ и въ млр.). Я невижу отличія отъ этого въ древнихъ случаяхъ, въ коихъ Буслаевъ (§ 246, 3) видитъ твор. сказуемаго, именно въ „се дщи моя дѣвою“, Остр. Биб. Суд. 19, 24, (Поликсена) лѣпа, голената, дѣвою, Пов. о взят. Трои, Калайд. Іо. Экз. 183. Здѣсь точно также твор. аппозитивный („вотъ дочь моя (есть), дѣвицею“), и опу-
496 щенный глаголъ неесть связка, какъ въ польск. твор. предикативномъ при jest, а всегда былъ самостоятельнымъ сказуемымъ.

Миклошичь (l. c.) упускаетъ изъ виду, что тв. аппозитивный оставляетъ сказуемое самостоятельнымъ въ замѣтно большей мѣрѣ, чѣмъ твор. изъ предикативнаго аттрибута при гл. меньшей, а тѣмъ паче большей энергичности, и относитъ къ тв. „означающему предикативную аппозицію“ нетолько вышеприведенные примѣры, но и такіе, „какъ „служи иподиакономъ“, „сиротоѭ отъ родитель оставьенъ бысть“, „сѣди вьдовицею“, „сѣлъ господаремъ“ млр. „ходити вдовцем“, „зацвів калиною“, „слово вылетить горобцемъ“ и пр., влр. волкомъ рыщетъ, иду воеводою, хоть вдовою живи, и пр. (Ср. и Даничичъ, Синт. 582—3). Все это могло бы относиться сюда лишь въ томъ случаѣ, еслибъ это значило не „служилъ иподіакономъ, оставленъ сиротою“ и пр., а „во время своего иподіаконства служилъ (неизвѣстно чѣмъ и какъ)“, „во время сиротства своего оставленъ родителями“ и пр.

б) Творит. аппозит. при винительномъ (или родительномъ): „имѣхъ ѥтера прѣбывальника вѣрьна зѣло и юнотою до умрьтвия“, „дѣвою поѥхъ ю“ (Mikl. ib. 734); „слышю же се, яко сестру имата дѣвою“, Лавр. 47. Въ новомъ яз. „дитей возили на поклонъ“, Гриб.; млр. проклялa мене мати малою дитиною; любив тебѣ дівчиною, теперъ люблю молодицею. Это тоже слѣдуетъ отличать отъ тв. изъ 2-го винит. предикативнаго. Въ „дѣвою съхрани ѭ“ „остави ѥго сиротою“ (Mikl. ib.)

тв. аппозитивный значилъ бы не „сохранилъ ее дѣвицею“ (сохранилъ ея дѣвство), „оставилъ его сиротою“, а „въ то время, какъ она была дѣвицею, сохранилъ ее (неизвѣстно отъ чего или въ чемъ)“, „когда тотъ былъ сиротою, другой его оставилъ (неизвѣстно чѣмъ)“. На-оборотъ „дѣвою (тв. аппоз.) пояхъ ю“, понятое какъ тв. предикат., значило бы „я взялъ ее въ дѣвицы“, а понятое такъ выраженіе „онъ помнитъ ме- 497
ня гусаромъ“ создало бы въ мысли странное противорѣчіе; „гусаромъ“, какъ твор. предикативный, заставляетъ ожидать въ сказуемомъ глаголѣ большей энергичности (какъ „сдѣлалъ“ и пр.), а гл. „помнить“ такому ожиданію несоотвѣтствуетъ.

в) Тв. аппоз. при дательномъ: „добрѣѥ ти ѥсть маломоштиѩ въ животъ внити“ (Mikl. ib.); нов. „еще юнкеромъ случилось мнѣ быть, по казенной надобности..“, млр. гірше мені молодицею, аніж було дівчиною, и пр.

Въ случаяхъ *а* и *б* въ стар. памятникахъ встрѣчается несогласованіе въ числѣ, быть м., для отличія отъ твор. предикат.: „бѣаху дѣвою дьштери четыри прорицаюште“, Дѣян. 21, 9; обрѣтоша четыри ста дѣвицъ дѣвою (Mikl. ib. 734), гдѣ въ случаѣ предикативности можно бы ожидать д ѣ в а м и, болѣе согласно съ греч. *εὗρον τετρακοσίας νεανίδας παρθένους*.

5. Тв. предикативный на мѣстѣ второго косвеннаго падежа существительныхъ.

Миклошичь говоритъ: „этотъ твор. (предикативный вообще) можно назвать предикативнымъ, чѣмъ однако неустраняется вопросъ объ его истинной природѣ, ибо это названіе основано лишь на томъ, что этому творительному соотвѣтствуетъ въ другихъ, именно классическихъ языкахъ, именит. или винит. предикативный. Эта истинная природа, мнѣ кажется, состоитъ въ идеальномъ движеніи, на которое указываетъ также сред. лат. tollere aliquam ad uxorem, ст. фр. eslire à roi, нѣм. дат. съ „zum betler werden“ и подобныя выраженія другихъ языковъ. Исходною точкою этого твор. были предложенія (sätze), выражающія идеальное движеніе, возникновеніе (ein werden), превращеніе въ нѣчто другое, а за-тѣмъ его употребленіе перешло черезъ назначенные этимъ предѣлы (Gr. IV 727). Но славян. творительному предикативному чуждо представляете движенія къ предмету, которое есть въ „ad uxorem“, „zum betler“. Сходство съ лат., фр. нѣм.—только въ значеніи глаголовъ, при коихъ стоитъ твор. Выраженіе „истинная природа“ о формахъ представляющихъ нѣсколько оттѣнковъ т. е. такихъ, которыхъ единство есть лишь отвлеченіе съ методическою цѣлью, получаетъ надлежащій смыслъ лишь благодаря отождествленію его съ „исходною точкою“ ряда явленій. „Идеальное движеніе“, какъ приложимое къ раз-

498 нымъ точкамъ развитія твор. предикативнаго, грамматически неопредѣляетъ его исходной точки. Первая изъ 3 группъ, на которыя Микл. дѣлитъ тв. предикат., есть та, въ коей твор. соотвѣтствуетъ 2-му винит. (resp. родит.) при глаголахъ дѣйствит. съ общимъ значеніемъ называть, считать, дѣлать кого чѣмъ. Но, по моему мнѣнію, она не есть древнѣйшая. Изъ нея только случаи какъ „звать кого братомъ“, если предположить въ основаніи: звать кого посредствомъ имени, разсматриваемаго какъ орудіе, которымъ призываютъ, быть м. примыкаютъ къ другимъ предшествующимъ творительнымъ; но и они по времени возникновенія кажутся позже тѣхъ твор. совпаденія, которые нами разсмотрѣны выше. Кажется, что твор. предикативный, замѣняющій 2-й вин. и родит., еще невстрѣчается въ ст.-сл. памятникахъ, древнѣйшихъ по характеру языка, какъ Остр. ев. и Савина книга. Что же до Супр. р., относимой тоже къ XI ст., то присутствіе въ ней разсматриваемаго твор. (прѣступьникомъ зъвати и пр. Mikl. IV, 728) между прочимъ служитъ указаніемъ на то, что языкъ ея, по характеру, позднѣе языка Остр. ев.: не бо ѥстъ цѣсаремъ того (Іоулияна) нарешти, довьлѣѥтъ бо ѥму безаконникомъ и прѣстѫпьникомъ зъвати *и*, Супр. 167, 2 (т. е. не зъватисѧ, а довьлѣѥтъ ѥму, да зоветь (нѣкто) *и*); зовѫ отьца отьцемъ ib. 228, 1; вѣстъ бо писаниѥ закономъ нарицати Моусиѩ 259, 21; сѫштѧѩ блѫдьницѫ невъзъва блѫдницеѩ, нъ женоѭ 293, 9; духомъ же зовутъ в'си пророци и душу члчю, Іо. Экз., Шестодн. 138; нѣсть лѣпо звати чюждиимъ именемь ib. 70.

Въ ст. русск. пам. употребленіе здѣсь твор. существительнаго (но не прилагат.) сначала почти лишь столь-же обыкновенно, какъ и употребленіе согласуемаго падежа. Ср. съ одной стороны „поставиша Ѳектиста епископа Чернигову“, Новг. I и т. п. (см. стр. 305 сл.), съ другой: отпусти ю, нарекъ ю дщерью собѣ, Лавр. 26; землю глаголють матерію, ib. 49; дворъ его за Днѣпромъ разъграбиша, его же звашеть самъ раемъ, Ип. 81; и отцемъ мя назвалъ, и язъ его сыномъ, ib; бояре же галичьстіи Данила княземъ собѣ называху, а самѣ всю землю держаху. Ип. 179; лаялъ ми посадникъ вашъ Остафей Дворянинецъ, назвалъ мя псомъ, Новг. I, 32; Володимеръ же великимь мужемъ створи того и отца его, Лавр. 53; азъ быхъ человѣкъ, да Богомь человѣка сътворю, Кир. Тур. Ст. XIII в., Кал. 48; иде къ великому Антонью въ печеру, моляся ему, дабы и створилъ черноризцемъ, ib. 82; постави
499 Ярославъ Ларіона митрополитомъ Русина; поставити Ѳеодосья игуменомъ, ib. 79; Тъгда же Антона игуменомь Нифонтъ архепископъ постави, Новг. I, 6; постави мя попомь архепископъ святый Нифонтъ, ib. 9. поставиша Дионисья игуменомь, ib. 13; поставиша игуменомь Саву, ib.; матерь (вин.) мя своего въплъщения показавъ, и пакы дѣвою съхрани, Кир. Тур., сп. XIII в., Калайд. 30; ты мя имѣй отцемъ и честь на мнѣ держи, яко же братъ твой Изяславъ честь на мнѣ держалъ и

отцемъ имѣлъ, Ип. 75; даже отцемъ мя имѣти начнеть, то и язъ м сыномъ имѣю собѣ, ib. 149; къ тобѣ хрестъ цѣловалъ есмь имѣти тя сыномъ собѣ, ib. 66; поклонишася Юрью вси, имуще его отцемъ собѣ и господиномъ, Лавр. 192; приведоша съ собою Арсенія, хотяще его поставити на владычьство въ Пльсковъ, а Новагорода нетворя ничимь, Новг. I, 75; благословилъ мя патріярхъ Филоѳей митрополитомъ на всю рускую землю.... аще прииметъ тя князь великій митрополитомъ всей руской земли, и намъ еси, митрополитъ, ib. 91; кого отъ мене къ собѣ намѣстникомъ а къ себѣ князем хотите, Пск. I, 244.

Соотвѣтственно этому и второй дательный, должно быть, началъ замѣняться творительнымъ гораздо раньше XV в.: „ему (князю Ив. Андр. Можайск.) писаться господару нашому королю въ докончалныхъ и во всякихъ грамотахъ братомъ молодшымъ“, 1448, А. З. Р. I, 62.

Въ новомъ яз. случаи 2-го вин. сущ., какъ „я бралъ тебя жену себѣ по разуму“ (Барс. Прич. I, 278), крайне рѣдки. Въ нов. литератур. языкѣ творительный существит. здѣсь уже не возможенъ только, а необходимъ. Выраженія „называю васъ друзей“, „уже неназываю васъ рабовъ“, не только теперь, но, если неошибаюсь, и въ прошломъ вѣкѣ, уже немогутъ быть поняты въ смыслѣ „называю васъ друзьями“ и пр. Необходимо: „кукушку соловьемъ честить я могъ заставить, но сдѣлать соловьемъ кукушки я не могъ, Крыл.; безхвостый этотъ родъ... нашими вездѣ себя царями пишетъ, id. Что до тв. изъ 2-го дат., то онъ кажется новѣе [такъ-какъ 2-й дат. существит. при быть встрѣчается еще у Фонвиз., см. выше стр. 392]; но рѣшительно преобладаетъ въ прошломъ вѣкѣ и необходимъ теперь, „знаю, что человѣку 500 нельзя быть ангеломъ“, Фонв.: „для него моей падчерицѣ и не быть вашей снохой, id.; что за коммиссія, Создатель, быть взрослой дочери отцомъ! Гриб., вѣдь почему хочется быть генераломъ? Гог.

Такъ и въ млр.; „Невтесом всі ёго дражнили, Котл.; громада зібралась на пораду, кого начинити сотником, Кв.; оттак-той й постановили ёго сотником, id.; кому бути паном? и пр. (См. и Mikl, IV, 729 pass.).

Несоставляютъ исключенія и мѣстоим. существительныя.

Изъ такой всеобщности правила въ новомъ языкѣ слѣдуетъ, что и въ старинномъ твор. появился здѣсь раньше, чѣмъ на мѣстѣ второго именительнаго существ., который отчасти сохраняется до-нынѣ. Легкость перехода 2-го падежа существ. въ творительный соразмѣрна со степенью его грамматической объектности, которая больше въ косвенныхъ пад., входящихъ въ составное дополненіе, чѣмъ въ именительномъ предикативномъ, согласуемомъ съ подлежащимъ.

6. Тв. существительнаго на мѣстѣ предикативнаго именительнаго при гл. бóльшей энергичности. Здѣсь, какъ и выше, слѣдуетъ замѣтить, что въ Остр. ев. этотъ твор. еще отсутствуетъ.

Въ другихъ цсл. пам.: сицевъ недѫгъ фарисеи и книжьникъ, иже прѣждезъвания чътѫтъ и нарицатисѧ оучителѥмъ величаѭтъсѧ, Супр. 250; та (ѥзера) не соутъ прозвана моремъ, Іо. Экз., Шестодн. 69;

плъти твоѩ вьсѧ съвьрѧтъ и сокомъ сѧ сътворѧтъ, Супр. 170 (caro tua fiet succus); мѣнетъ же, яко илектръ слъза ѥсть садовная, то же сътевъ, камениѥмь се створитъ, Іо. Экз. ib. 101; пръвоѥ знамениѥ въ ветъсѣмь законѣ—рѣка кръвію прѣтварѣѥма; пръвоѥ знамениѥ въ новѣмъ законѣ—вода виномъ прѣтварѣѥма, ib 6;

отъдаѥтъ ѥмоу вьсе то село, да бѫдетъ властиѭ ѥмоу на манастиръ, Супр. 152; се то ти ѥстъ дивно: и мѫжа незнаѥши и родиши... и сиротоѭ дѣтиштъ небѫдетъ, ib. 173;

небѫди никтоже Июдоѭ тоу, небѫди никтоже зълъ, небѫди никтоже инѣѩ ядъ, ib. 314;

дѣвоѭ бо бѣ Еуга, ѥгда прѣльсть приѩтъ, ib. 374;

своѥѭ вльхвовьноѭ хытростиѭ измѣняѩсѧ, иже претварѣше сѧ, овогда тоуромъ бывъ (ταῦρος γενόμενος), овогда крилатамъ п'тицамъ подобѧ сѧ, ib. 5;

азъ же невѣдѣ, аще (философы учащіе о переселеніи душъ) соу были коли рыбами или доубьемъ... нъ обаче, ѥгда соутъ псали сиѥ рѣчи тако, то и рыбы соутъ были без'гласнѣйше и безоумнѣйше, Іо. Экз. Шестодн. 174.

Тв. при ѥсть, но въ знач. болѣе конкретномъ („является?“) во „вьсе тѣло ѥсть язвоѭ, Григ. Наз. XI (?) в., Mikl. 730; но при ѥсть=est тв. возможенъ не въ ст. сл., др. и нов. русс. а лишь въ поль. Ср. „зовѫ отьца отьцемъ, да аште ми нѣстъ отьць отьць оудръжитъ мрьтвааго вьскрьсениѥ; аште ми нѣстъ отьць отьць, ставитъ съмрьть издати мрьтвааго; зовѫ отьца отьцьмь, зовѫ и Лазара изъ жоупиштъ: да аште нѣсть прьво истина, то и се небѫдетъ. Супр. 228.

Въ ст. русск. пам. твор. здѣсь еще равноправенъ съ именительнымъ: у Ярополка жена грекини бѣ и бяше была черницею, Лавр. 32; бѣ была мати его черницею, ib.; якоже бѣ преже рождества дѣвою, такоже и по рождествѣ пребысть дѣвою, XIV в. Срез. Ск. о Бор. и Гл. 3; Судиславъ бысть чернцемъ, Лавр. 70; вратися увѣдавъ смерть канову
501 и бысть каномъ, Ип. 177; патріархъ Филоѳей, преже бывъ ираклійскымь митрополитомь Новг. I, 86; съгна отця съ престола и самъ царемь ста, ib. 27; коли Богъ дасть, стану митрополитомъ, 1398 А. З. Р. I, 27; поча по миру ходити (Исакій) тако уродомъ ся творя, Лавр. 84; се по истѣнѣ являетеся топерво въ образѣ звѣринѣмъ и скотьемъ, и змѣями, и гадомъ, аци же сами есте скверни, зли въ видѣньи, ib. 85 (въ обоихъ случаяхъ ся—не винительный, а знакъ медіяльности, почему въ основаніи творительнаго лежитъ именительный); приѣха Самсонъ къ митрополиту ставитися владыкою, Новг. I, 106; поставленъ

бысть Алексѣй архиепископомъ Новугороду, ib. 87; поставленъ Романъ царемъ въ Грецѣхъ, Лавр. 18; поставленъ бысть Никола Гречинъ епископомъ, Ип. 127. Гораздо раньше, чѣмъ при страд. сказуемомъ, долженъ былъ появиться тв. при страд. прич. аппозитивномъ въ косвенномъ падежѣ („о отроцѣ сиротою оставлюнѣмь", Mikl. IV, 732) и при именахъ отпричастныхъ: „хочеть ми помочи на поставленье митрополитомъ", 1395, Ак. З. Р. I. 27.

Новый русск. литер. яз. позволяетъ заключать, что этотъ твор. появился сначала въ одной части глаголовъ большей энергичности, потомъ въ другой и наконецъ даже до сихъ поръ некоснулся нѣкоторыхъ сочетаній. Говоря объ этомъ языкѣ слѣдуетъ обращать вниманіе не только на упомянутое подраздѣленіе глаголовъ, но и на различіе глагольныхъ формъ.

а) Изъ группы сказуемыхъ большей энергичности (см. выше 174 сл. 178 сл.) выдѣляется меньшая группа, въ коей это свойство какъ бы усиливается, такъ какъ при нихъ предикативн. именит. сохраняется упорнѣе, чѣмъ при остальныхъ, хотя уже и рядомъ съ творит. Таковы у писателей нетолько прошлаго, но и нашего вѣка глаг. стать (въ зн. werden, а не sich verwandeln in etwas), сдѣлаться, казаться въ опредѣленно личныхъ формахъ (v. finit.) и немногіе другіе, кромѣ 502
быть, о которомъ рѣчь особо: аа) именительный: ругалъ, ругалъ... ужъ я стала у него и свинья, и дура, а вы сами видите, дура ли я? Фонв.; теперь большой онъ баринъ сталъ, Кр.; Шаховской сталъ посредственный стихотворецъ, Пушк.; ползкомъ проползъ въ извѣстный чинъ и сталъ извѣстный господинъ id.; сдѣлалась моя Матрена ни пава, ни ворона, Кр.; такой (я) уракъ теперь сдѣлался, какимъ еще никогда небывалъ, Гог.; однако же, право, какъ подумаешь, Анна Андреевна, какіе мы съ тобою теперь птицы сдѣлались! id.; хозяинъ, родомъ Яицкій козакъ, казался мужикъ лѣтъ шестидесяти, Пушк.: она казалась хладный идеалъ тщеславія, id.; кромѣ васъ, ему міръ цѣлый казался прахъ и суета, Гриб.; онъ такой оказался, вышелъ, выдался мерзавецъ; ср. у Фонв. „я тебя научу, какъ съ отцомъ говорить должно... жаль, что нѣтъ со мною палки! эдакой скосырь (=надменный человѣкъ) выѣхалъ;"; бб) Творит.; онъ сдѣлался повѣсою и тѣмъ хуже, что сдѣлался повѣсою французскою, Фонв.; корабль безъ парусовъ игрушкой сталъ и вѣтровъ и валовъ, Кр; міръ казался прахомъ и пр. Довольно трудно въ точности опредѣлить кругъ этихъ глаголовъ для нашего врмени. Иное, кажущееся устарѣлымъ, еще держится, какъ „остаюсь вашъ покорный слуга" (заключительная формула писемъ), но „остался у меня слугою". У Гриб. „теперь, пускай изъ насъ одинъ, изъ молодыхъ людей, найдется врагъ исканій". Несомнѣнно только, что этотъ кругъ къ нашему времени съуживается. Въ этомъ отношеніи поучительно, хотя несправедливо, что Востоковъ, сказавши о сочета-

нія какъ именительнаго, такъ и творительнаго съ глаголомъ существительнымъ, продолжаетъ: „только одинъ глаголъ (изъ остальныхъ, кромѣ есть), употребляемый въ просторѣчіи къ обозначенію связей родства, сочиняется съ существительнымъ сказуемаго“ (т. е. съ именитель.
503 предикативн.) „во всѣхъ временахъ своихъ, напр. онъ мнѣ доводится родственникъ, она ей доводится двоюродная сестра, онъ ему доводится сватъ“ (Русск. Гр. § 122). И здѣсь болѣе обыченъ твор.: „довóдится: внучатнымъ дядей“, (Далъ, Слов.) какъ и „она приходится мнѣ двоюродною сестрою“.

б) При остальныхъ глаголахъ (vb. finit.), принадлежавшихъ прежде къ одному разряду съ а), теперь именительный уже очень устарѣлъ, даже невозможенъ. Таковы личныя ф. глаголовъ называться, прозываться, именоваться, слыть, ститаться, остаться, а также стать въ зн. оборотиться во что („мужъ праведный сталъ дубъ“, Бусл. Гр. § 246, нынѣ невозможно). Такъ: назвался грибомъ (а не „грибъ“), „онъ всегда слылъ мужикомъ разумнымъ“, Фонвиз. (а не „мужикъ“); онъ считается знатокомъ (а не знатокъ). Само собою, что твор. стольже необходимъ при причастныхъ формахъ этихъ гл. Въ млр. съ одной стороны именит., съ другой творит.: город звався Кархваген, Котл., по нашому ж то-б звавсь Охрім, id.; жила з сестрою тутъ Дрімота, сестра же звалася Зівота, id.; через такі ярмарки се вже не слобода звалася а містечко, Кв. (=не слободою звалося а містечкомъ); и став він из Забрёщенка вже сам Забрёха, Кв.; хто стаеться вівцею, того вовк ззість; тепер же я сиротою на віки зостала, Метл. 54.

в) Причастныя формы глаголовъ а), по необходимости при нихъ творительнаго, стоятъ на одной ступени съ глаголами б). Такъ неопредѣленное: захотѣлъ сынокъ барономъ сдѣлаться и сдѣлался баронъ, Хемниц. у Бусл. l. c.; его цѣль сдѣлаться героемъ романа, Лерм. онъ могъ показаться человѣкомъ (а не „человѣкъ“) лѣтъ шестидесяти; причастія и дѣеприч. дѣйствит. („ставшій, сдѣлавшійся v. „ставши, сдѣлавшись важнымъ человѣкомъ“, а не „человѣкъ“) и причастія страд., будутъ ли они входить въ сказуемое (поставленъ, объя-
504 вленъ, показанъ, сдѣланъ, назначенъ, посланъ, избранъ, проставленъ и пр. „и если карлой сотворенъ, то въ великаны нетянися, Кр.; этотъ франтъ пріятель отъявленъ мотомъ, сорванцомъ, Гриб.) или будутъ аппозитивны. Тв. здѣсь необходимъ и въ млр. Архаическіе случаи съ именит. очень рѣдки: „Пархім, зоставшись після батька сам собі господарь (=зоставшись г-ем), невміе кінців ні у чому звести“. Эта меньшая способность причастныхъ формъ сдерживать при себѣ именительный предикативный, сравнительно со способностью формъ личныхъ, согласна съ тѣмъ, что эти формы и съ самаго начала были лишь второстепенными предикативными связками.

г) Въ формахъ, относимыхъ къ существительному глаголу, слѣдуетъ различать, по употребленію при нихъ именительнаго и творит. существ., уже нетолько причастныя формы отъ остальныхъ, какъ выше, но, повидимому, и въ причастныхъ ф. одни сочетанія отъ другихъ, и въ личныхъ настоящее время отъ остальныхъ.

α) Причастныя ф. быть, будучи, бывши менѣе копулативны чѣмъ остальныя, т. е. при послѣднихъ двухъ твор. необходимъ: „будучи честнымъ человѣкомъ", „бывши студентомъ". Тоже и при быть („Филинъ взялся быть ослу проводникомъ", Кр.; „воспитаніе должно быть залогомъ благосостоянія государства", Фонвиз.), но съ ограниченіемъ. Востоковъ (Р. Гр. § 130) упоминаетъ только объ именительномъ прилагательныхъ качественныхъ и причастій при быть послѣ можетъ, долженъ. Тѣмъ неменѣе, въ отличіе отъ неопредѣленнаго прочихъ глаголовъ, требующаго во всякомъ случаѣ творительнаго („онъ можетъ, долженъ сдѣлаться, стать человѣкомъ"), быть съ можетъ и долженъ можетъ на-столько приближаться ко значенію одной модальной формы дебитивной или потенціяльной, что по степени копулативности сравнивается съ личными формами гл. а) и допускаетъ и именительный существительныхъ: „царь долженъ быть судья, министръ и воинъ", Крыл.; нашъ директоръ долженъ быть очень умный человѣкъ: весь кабинетъ 505
его уставленъ шкафами съ книгами, Гог. Въ млр., какъ и въ литер. „твоім буть братом нестижуся", Котл.; но встрѣчается именительный и въ другихъ случаяхъ, чѣмъ въ литер.: „уповала, мамцю; на жупаны, думала бути за ним пані; уповала, мамцю, на керею, думала бути попадею", Метл. 237.

β) При былъ, буду, будь именительный и творит. теперь равноправны; отъ употребленія того или другого зависятъ тонкіе оттѣнки смысла. Съ одной стороны: мужикъ работникъ былъ прямой, Кр.; вѣдь и давича былъ я тотъ же Скотининъ, Фонв.; конечно мы были пріятели, Лерм.; цѣлая моя жизнь была только цѣпь грустныхъ противорѣчій сердцу или разсудку, id.; я зналъ одного Иванова, который былъ нѣмецъ, id.; Фома Фомичь при трехъ министрахъ былъ начальникъ отдѣленья, Гриб; теперь въ отставкѣ, былъ военный (substantive), id.; кабы я была царица! Пушк.; будь страстей твоихъ владѣтель, будь на тронѣ человѣкъ! Держ.; будь одна изъ васъ ткачиха, а другая повариха, Пушк.; будь овца отвѣтчикъ иль истецъ, а волки все-таки овецъ въ лѣса таскаютъ, Кр.; есть люди, будь лишь имъ пріятель, то первый ты у нихъ и геній и писатель, id.; хоть ты ангелъ будь, такъ неминуешь съ ними драки, id.; будь я примѣрно, чортъ, сталъ ли бы я... Гог.; пускай послужитъ въ арміи, да потянетъ лямку, да будетъ солдатъ, а не шематонъ [1]) въ гвардіи, Пушк.; молодецъ ты будешь

[1]) Вм. шеметунъ или шамотунъ. Шеметать, шеметиться, суетиться, хлопотать по пусту, заниматься пустяками; шéметень и шеметунъ, хлопотунъ и пр. Бо-

506 съ виду и казакъ душой, Лерм. Съ другой стороны, твор.: успѣхъ народнаго преобразованія былъ слѣдствіемъ полтавской битвы, Пушк.; главною его слабостью была страсть къ прекрасному полу, id.; къ тому-же небылъ онъ, по его выраженію, и врагомъ бутылки, id.; первою мыслію моею было опасеніе, чтобы батюшка непрогнѣвался, id.; чтобъ мыслямъ были всѣмъ и всѣмъ его дѣламъ душою вы, вамъ угожденье, Гриб.; когда бы службу продолжалъ, конечно былъ бы онъ московскимъ комендантомъ, id.; если-бъ я былъ царемъ и паномъ великимъ.. Гог.; я былъ самъ нѣкогда юнкеромъ, Лерм.; я предчувствую, что бѣдный Грушницкій будетъ вашей жертвой, id.; будь я царемъ... и пр.

Изъ подобныхъ примѣровъ видна несостоятельность мнѣнія Востокова: „при буду и будь существительное полагается въ именительномъ падежѣ, когда глаголы сіи употреблены предположительно, напр. въ игрѣ говорятъ: „я буду волкъ, а вы будете овцы“ (т. е. я приму на себя лице волка, а вы будете представлять овецъ).. „небудь я честный человѣкъ, ежели несдѣлаю этого“ (т. е. пусть буду я нечестнымъ человѣкомъ). Но когда буду, будь употреблены положительно, тогда существительное ставится въ творительномъ, напр. „онъ будетъ богачемъ“, „будь честнымъ человѣкомъ“ (Р. Гр. § 121). Напротивъ, совершенно правильно будетъ сказано, съ одной стороны, въ игрѣ „я буду волкомъ“ и предположительно „будь я волкомъ“, а съ другой положительно: „будь царица“ и пр.

Въ млр. Еней збуде сильне царство, немалий буде він панок,.. и всім їм буде ватажок; я твій товариш буду щирий; чи будемъ ми собі брати?; слізки ронила и здихала, що Турн князёк небуде зять, Котл.; ходім, сестро, степами, розсіє◌мось цвітами: ой ти будеш жовтий цвіт, а я буду синій цвіт, сб. Костом. въ Млр. сб. Мордовц. 235; бо й вона (мати) стане панею, як буде копитаньська теща, Кв. С. Окс.; що за гарну спідницю їй справив! люстринову, и юпку парчеву.. що вже на всю губу пані буде, ib; ви будете (если сдѣлаете то-то) душогубці и мої, и от сихъ сиріточок, Кв. Б. д.; він син був богобоязливий; и хто
507 пив разом пів кондийки, то той Енеєві був брат; и всім відьмам був родич кревний; ні в чим небув страхополох; поромщик.. їх ёму слуга був найвірнійшій; Цибелла ся була ласуха; мій батько був сердюк опрішний; тогдіб Турн первий лицарь був (еслибъ убилъ Энея), Котл., я ще вчивсь склади писати, бо був ще хлопъя, Кв., и пр.

Съ другой стороны:

Ой небудеш ти мені жоною, я тобі дружиною, Метл. 60; вона буде (=станет) панею, мати буде у роскоші жити, Кв. С. Окс.; нехай хто

лѣе первообразно знач. пол. szamotać się, шататься, рваться въ разныя стороны. Отсюда въ другую сторону пошло зн. вилять въ нравств. смыслѣ, лукавить; чеш. šemetiti, falsch reden, šemetný, ošemetný, лукавый, обманчивый.

хоче забіра (скриню съ мужицкимъ добромъ), я вже панею буду, ib.; воно (добро), як було усе ваше, такъ и буде вашим, и я й сам по вік ваш, Кв. Щ. Л.; матіночко моя, непроклинай же тієї, що була твоею доненькою, Кв. С. Окс. (а теперь недостойна ею быть); Цибелла, знають у всіх школахъ, що матерью була богів, Котл.; суддею був ведмідь, вовки були підсудки, Греб.; недайте паньматці вмерти од нужди, їй будьте сином, Котл.; будьте мені батеньком рідненьким, Кв., и пр. Вообще въ вост. млр. сравнительно съ рус. литер. скорѣй замѣтна большая архаичность въ употребленіи именительнаго, чѣмъ на-оборотъ, какъ въ поль. Творительный ни въ какомъ случаѣ неставится только потому, какъ утверждаетъ Осадца § 444, что съ него начинается рѣчь: старшим бояриномъ був з города парубок Василь, Кв. (Ср. Malec. Gr. Pol. § 701, a). Тотъ-же падежъ могъ бы стоять и на концѣ, и наоборотъ именительн. предикат.—въ началѣ.

γ) При настоящемъ вр. есмь и пр. по Буслаеву, твор. въ рус. лит. яз. есть полонизмъ, что справедливо относительно „и смѣлый, дерзкій шагъ есть подвигомъ геройства“ Дмитр. (Бусл. Гр. § 246, пр. 2), но невѣрно въ примѣненіи къ случаямъ, какъ приводимые ib. пр. 1, изъ Жуковскаго: „иная слава намъ предметомъ“; „а для насъ, боговъ нетлѣнныхъ, что усладою утратъ?“. Подобные примѣры вполнѣ обычны и своеобычны: А нѣкоторыми дѣлы тое ея станетъ... .. ино ся моя грамота не грамотою, а дѣло не дѣломъ, 1448, Ак. З. Р. II, 55; А кто-жъ у насъ большой набольшой? И кто-жъ у насъ воеводою? Вадимъ-сударь большой набольшой, Васильевичь воеводою, Шейн., Р. и п. 469, „я по дѣламъ гонцомъ у барина большого“, Крыл.; „а тетушка? все дѣвушкой, Минервой? все фрейлиной Екатерины первой? Гриб.; а для тебя придумалъ басенку, пока еще ребенкомъ, ты вытверди ее, Кр. (ср. стр. 505—6); моя жена причиною тому, что онъ сдѣлался повѣсою, Фонвиз.; этотъ человѣкъ всегда причиной мнѣ ужаснаго разстройства, Гриб.; французская словесность, вѣроятно, причиною сего явленія, Пушк.; 508
политическая ли щедрость кардинала Ришелье, покровительство ли Людовика XIV причиною такого явленія, какъ бы то ни было.. id.; несчастія, которыхъ ты виною, Крыл.; каждой капли слезъ и крови ты виною; id.; признайтесь, вы этому одни виною, Лерм. [1]) Для этихъ примѣровъ характерично, во первыхъ, то, что въ нихъ глаголъ постоянно

[1]) Въ вост. млр. „для мене білий світ єсть тьмою“, Котл. (т. е. кажется, представляется); ой накажи мойму роду, що я сиротою (н. п.); скажи мойму миленькому, що я сиротою, Метл. 57 (т. е. остаюсь). Между тѣмъ нельзя поставить твор. въ случаяхъ, какъ „меніж твоєі худоби нетреба, ти в мене худоба самая, Метл. 47; сестра моя! коса твоя—краса моя, ib. 204; а ти стара мати—порадниця въ хаті, ib. 242; щирі любощі—серденьку одрада, ib. 81; ледащо син, то—батьків гріх, Котл. Галицкіе книжные обороты „історія есть учителькою життя“ заимствованы изъ польскаго и на востокѣ нетерпимы (ср. Mikl., IV, 737).

*

опускается, между тѣмъ, какъ при наличномъ есть, суть, въ отличіе
отъ польскаго, творительный невозможенъ: „французская словесность
есть причина того, что.. (а не „есть причиною“). Во вторыхъ, если
опущенный глаголъ есть именно есть и пр., то онъ не вытѣснилъ дру-
гіе глаголы, а стоитъ самъ за себя, но въ значеніи вещественномъ,
сходномъ со служитъ, является, оказывается, остается. Для от-
клоненія подозрѣній въ заимствованіи изъ польскаго и въ томъ, что
здѣсь опущенъ не есть, а другой глаголъ, важно то, что такой же
творительный при наличномъ сам и пр. есть и въ сербскомъ, который
здѣсь гораздо архаичнѣе и въ употребленіи твор. предик. гораздо воз-
держнѣе нетолько польскаго, но и русскаго: „ал' сам, мајко, на Босни
509 везиром“, Данич. Синт. 578 [1]). Веберъ (Skladnja § 7, пр. I) полагаетъ,
что въ серб. въ случаяхъ какъ „када је предикатом име“ твор. ста-
вится лишь тогда, когда при употребленіи именительнаго было бы
трудно отличить предикативный падежъ отъ подлежащаго, напр. „када
је предикат име“; однако это несправедливо въ виду вышеприведен-
наго примѣра. Вообще несамодѣлковый, безъискусственный языкъ не-
дѣлаетъ себѣ насилія даже ради ясности, и если, во избѣжаніе дву-
смыслицы, ставитъ одинъ оборотъ вмѣсто другого, то лишь потому, что
и первый въ немъ законенъ.

Гдѣ же рус.-лит. наличное или опускаемое есть, суть и опускаемыя остальныя формы неимѣютъ вышеупомянутыхъ вещественныхъ значеній, тамъ онѣ допускаютъ при себѣ только именительный существительнаго (а тѣмъ болѣе прилагательнаго), отличаясь этою исключительностью какъ отъ прочихъ формъ, относимыхъ къ тому же глаголу, допускающихъ оба падежа (я былъ царь, я былъ царемъ), такъ и отъ глаголовъ и сказуемыхъ, при коихъ возможенъ только твор. сущ. („я считаюсь, оказываюсь, являюсь, названъ человѣкомъ“): „я царь, я рабъ, я червь, я Богъ“, Так. обр. есмь, равно какъ и былъ и пр., какъ связка съ именительнымъ, и какъ сказуемое съ творит., какъ бы ни трудно было уловить ихъ лексич. различія, суть различные глаголы, ибо синтактическое употребленіе неесть нѣчто безразличное по отношенію къ содержанію, какъ рубашка на тѣлѣ, а напротивъ, отдѣлимо отъ этого содержанія лишь искусственно и несовершенно.

510 7. Именительный и твор. прилагательныхъ.

Въ древнѣйшихъ лѣтописныхъ русск. сборникахъ (Новг. I, Лавр. Ип.) творит. предикативн. прилагательныхъ даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ твор. существительныхъ обыченъ, составляетъ еще большую рѣд-

---

[1]) Примѣры (ib.), какъ „да сам тобом, ја бих друкчије радио“ должны быть сравниваемы не съ рус. твор. при настоящемъ вр., а съ твор. при соотвѣтственномъ наклоненіи рус. глагола (будь я тобою, еслибъ я былъ тобою), такъ какъ здѣсь въ серб. формальное единство составляетъ не одно настоящее, а настоящ. съ союзомъ: „да сам“.

кость: „куда же поидете, идѣже станете, напоите, накормите уне ина [1]), и болѣ же чтите гость.. ти бо мимоходячи прославять человѣка любо добрымъ любо злымъ, Лавр. 102. Въ ст.-сл. примѣровъ мнѣ неизвѣстно.

а) Въ новомъ русск. лит. яз. замѣтна рѣшительная наклонность ставить и твор. прилагательныхъ въ случаяхъ, гдѣ твор. существ. на мѣстѣ именительнаго аппозиціи („живымъ погребшійся въ могилѣ“) и на мѣстѣ вторыхъ косвенныхъ падежей винительнаго и родительнаго: „живой погребшійся въ могилѣ“ будетъ понято теперь скорѣе какъ подлежащее, чѣмъ какъ предикативный аттр.; „увидалъ человѣка связаннаго“—скорѣе какъ „увидалъ связаннаго человѣка“, кромѣ риторической разницы, чѣмъ какъ „увидалъ связаннымъ“. Поэтому болѣе согласно съ нынѣшнимъ языкомъ было бы „мать родила меня безпечальнымъ“, „женили меня молодымъ“ (какъ и въ млр.) (съ чѣмъ ср. болѣе древній согласуемый пад. стр. 311—2, 327—8); чувствовалъ себя виноватымъ, Пушк.; считалъ себя благополучнымъ; и видѣлъ онъ себя богатымъ лишь во снѣ, Кр.; хотя бы по ногтямъ онъ сдѣлался случайнымъ („въ случай попалъ“, сталъ любимцемъ знатной особы), никто 511
того несчелъ бы чрезвычайнымъ, id.; полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякъ полюбитъ, Гог.; увидѣли Карабахскій полкъ возвращающимся съ осьмью турецкими знаменами, Пушк. Тѣмъ неменѣе 2-й винит. и родит. прилагат. ближе къ нынѣшнему языку, чѣмъ тѣже падежи существительнаго, такъ какъ первые встрѣчаются еще у писателей прошлаго и нынѣшняго вѣка („я непомню себя безграмотнаго“, Фонв. Бусл. Гр. § 246, пр. 5), а въ оборотахъ съ одинъ, solus, остаются и до-нынѣ; „засталъ ее одну“.

Обороты съ быть и творительнымъ изъ винительнаго а тѣмъ болѣе съ быть и винит. или род. (считалъ себя быть благополучнаго, v. благополучнымъ, стр. 386—7) нынѣ рѣшительно невозможны.

б) Что до дательнаго (см. выше 392), то Востоковъ считаетъ этотъ падежъ прилагательныхъ и причастій, въ именной формѣ въ ед. ч. и мѣстоименной во мн., еще правиломъ при быть: быть здорову и спокойну душею—первое благо; надобно быть готову на всякій случай; намъ можно быть спокойнымъ; имъ должно быть готовымъ. Лишь какъ „уклоненіе отъ правила, допускаемое во избѣжаніе недоразумѣнія“, ставится, по его мнѣнію, творит. на мѣстѣ второго дат. въ тѣхъ случаяхъ,

[1]) Уне ина. Такъ слѣдуетъ читать, раздѣльно (Бусл. Христ. 476), а не слитно, какъ въ изд. Арх. ком. Смыслъ прямо вытекаетъ изъ предыдущаго: „куда же ходяще по своимъ землямъ, недайте пакости дѣяти отрокомъ.. ни въ полѣхъ, ни въ житѣхъ... напоите, пакормите уне ина“, т. е. лучше (унѥ) чѣмъ позволять грабить, напойте, накормите иного. Именное склоненіе ина, вм. мѣстоименнаго иного, сравни со склоненіемъ мѣстоим. тъ (=отъ) въ качествѣ члена, въ сѣв. вlр.: родит. ед. м. та, дат. ту.

когда сверхъ него и перваго дател. имѣется въ предложеніи еще одинъ дат., напр. „слѣдуетъ тебѣ быть покорнымъ (а не „покорну) провидѣнію“ (Рус. гр. § 130, I, д.). Мнѣніе это должно быть ограничено так. о., что дат. до-нынѣ незамѣнимъ въ одинъ, solus, и самъ, ipse, при неопред. различныхъ глаголовъ („скучно быть v. оставаться, жить, ходить, таскаться и пр. одному“, „непріятно дѣлать это самому“); что въ другихъ прилагательныхъ этотъ дат. употребителенъ при быть, преимущественно послѣ словъ, сообщающихъ ему нѣкоторый модальный оттѣнокъ (можно, должно, слѣдуетъ, нельзя и пр.), еще въ нашемъ
512 вѣкѣ („зачѣмъ же быть, скажу вамъ напрямикъ, такъ невоздержну на языкъ, въ презрѣньи къ людямъ такъ нескрыту? Гриб.; все лучше поужинать пустыми щами, чѣмъ лечь (имъ) голоднымъ, Кр.); но что замѣна этого этого падежа творительнымъ прил. началась за нѣсколько вѣковъ до насъ („абыхмо имъ опять-зася велѣли ей послушными быти, 1483, А. З. Р. I, 104), въ литер. яз. равноправна съ дательнымъ неменѣе какъ съ прошлаго вѣка, а теперь составляетъ правило: „быть здоровымъ (а не „здорову) — первое благо“; „а правому, батюшка, для чего не быть виноватымъ“? Фонв.; ну стоитъ ли богатымъ быть? Кр.; и мысли бы боялся онъ (ягненокъ) похожимъ быть на волка, id.; а кто, любезный другъ, велѣлъ тебѣ быть празднымъ? Гриб.; тѣмъ болѣе при другихъ неопред. накл. кромѣ быть: „лежать убитымъ, стать, сдѣлаться, очутиться, казаться, притворяться богатымъ„. Въ илр. при дательномъ (выше стр. 392) творительный, составляющій правило.

в) Твор. и именит. прилагательныхъ на мѣстѣ именит. предикативнаго.

α) При неопредѣленномъ глаголовъ, кромѣ быть, необходимо ставится въ именит. только прил. одинъ solus („нехотѣла жить, оставаться одна“), и пр., а остальныя прилаг. въ творит. „нехотѣла жить одинокою“, Ср. выше 168.

Относительно прилаг. при быть Востоковъ (Р. Гр. § 130, 1 д) говоритъ, 1) что въ именит. здѣсь ставится одинъ, solus, каковъ бы ни былъ глаг. главнаго сказуемаго („любитъ быть одинъ“, „боятся быть одни“), тогда какъ одинъ, unus, — въ творительномъ (точнѣе: „или именительномъ“): „ты можешь быть однимъ изъ первыхъ“ (однако и „ты можешь быть одинъ изъ первыхъ“); 2) что въ именительномъ ставится прилаг. качеств. или причастіе, когда въ главномъ сказуемомъ стоятъ могу и долженъ; „ты можешь быть спокоенъ“, „они должны быть готовы“, „работа немогла быть кончена“, тогда какъ послѣ дру-
513 гихъ глаг.—прил. въ творительномъ: „надѣюсь быть готовымъ“, „умѣй быть полезнымъ“, „они боятся быть оставленными“. Это правило требуетъ ограниченій, Конечно, въ силу близости могу и долженъ съ быть къ значенію одной модальной формы, именительний прилаг. могъ удерживаться здѣсь дольше, чѣмъ въ другихъ случаяхъ, какъ при былъ,

буду, будь; тѣмъ неменѣе онъ можетъ замѣняться творительнымъ: „эгоизмъ можетъ быть отвратительнымъ, но онъ не смѣшонъ, ибо отмѣнно благоразуменъ", Пушк.; „вѣдь ты знаешь, что рано, или поздно, ты должна быть моею", Лерм.; съ другой стороны, хотя при быть послѣ другихъ глаг. творительный ставится издавна, („кто посмышленѣе, тотъ неотважетъ быть полезнымъ своимъ согражданамъ", Фонв.; „тогда всякой найдетъ выгоду быть благонравнымъ и всякой хорошъ будетъ", ib.), но неустарѣлъ еще и именительный: „жива быть нехочу", Фонв.; „ты хочешь быть богатъ", и „быть богатымъ", Крыл. Причастіе страд. тоже тѣмъ болѣе наклонно къ сліянію въ одну форму съ быть, и стало быть къ удержанію именительнаго, каковъ бы ни былъ главный глаголъ, чѣмъ менѣе вещественно значеніе быть: „здѣсь я имѣлъ честь быть представленъ (а не „представленнымъ") графу Паскевичу", Пушк.; „тѣло должно было быть похоронено въ горахъ", id.; „онъ хочетъ быть убитъ" ближе къ „чтобъ его убыли"; „хочетъ быть убитымъ" ближе къ „находится въ состояніи убитаго", „быть въ числѣ убитыхъ"; такова же разница между „хочетъ быть любимъ" и „я только хочу быть любимымъ", Лерм.

β) Между причастіемъ прошедшимъ бывшій и дѣепричастіями будучи, бывши замѣтна здѣсь разница. Первое, какъ и причастія дѣйствит. другихъ глаголовъ, употребительныя только въ мѣстоименной формѣ, болѣе вещественно, и потому требуетъ творит. нетолько существительныхъ, но и прилагательныхъ: „N бывшій въ то время богатымъ" (а не „богатъ"). „Будучи, бывши болѣе формальны и требуютъ тво- 514
рательнаго лишь существительныхъ, а не прилаг. и причастій: „будучи вамъ вовсе незнакомъ, я имѣлъ уже несчастіе заслужить вашу немилость", Лерм.; „будучи вовсе незнакомымъ" было бы ошибочно, потому что прилагательное было бы здѣсь понятно substantive, съ чѣмъ находилось бы въ противорѣчіи нарѣчіе вовсе. Ср. въ млр. „Латин і серцем і душею далекий бувши од війны..", Котл.; Юнона, з неба увильнувши и гола, як долоня, бувши, по-парубъячи одяглась, id.

При личныхъ формахъ глагола со включеніемъ страд. сказуемаго составного:

γ) Глаголы 6, б) (стр. 512) требующіе въ нынѣшнемъ яз. творительнаго существительныхъ („прикинулся дуракомъ"), требуютъ только того же п. прилагательныхъ: „прикинулся влюбленнымъ, взыскательнымъ и огорченнымъ", Гриб.; притворился пьянымъ, считался богатымъ, слылъ умнымъ, состоитъ исключеннымъ изъ списковъ, показанъ умершимъ, объявленъ несостоятельнымъ, прославленъ храбрымъ, названъ великимъ и пр.

δ) При гл. 6, а) (стр. 511) прилагат., какъ и существит. можетъ стоять въ обоихъ падежахъ: съ одной стороны „придворный человѣкъ кажется всѣмъ ласковъ и снисходителенъ", Трут. Новикова, и примѣ-

ры, приведенные выше (стр. 174—5); съ другой: военная служба кажется мнѣ очень безпокойною и угнетающею человѣчество, Трутень; коли ночь показалась намъ коротка, то утро за-то показалось очень долгимъ, Пушк.; какъ она казалась утомленною! id.; „вѣтеръ вылъ съ такою свирѣпой выразительностью, что казался одушевленнымъ“, id. (неслѣдуетъ думать, что здѣсь подразумѣвается существительное; ср. напр. „онъ казался одушевленнымъ самыми лучшими намѣреніями“); „дворецъ казался разграбленнымъ“, Пушк. (т. е. находящимся въ состояніи раз-
515 грабленія); отъ роду эполеты неказались мнѣ столь завидными, id.; все все было тихо или казалось таковымъ, id.; нѣкоторыя черты въ его характерѣ показались мнѣ замѣчательными, Лерм.; воздухъ казался мнѣ проникнутымъ лучами, Салтыковъ; нынче и природа дѣлается словно озлобленною, id.; съ каждымъ днемъ подобныя минуты становились все болѣе и болѣе рѣдкими, id.; все оставалось по прежнему яснымъ, id.

Твор. встрѣчается и при глаголахъ, сочетаемыхъ съ прилаг. мѣстоименнымъ въ именит. (выше, стр. 176—7: легъ больной), небудучи аппозитивнымъ: „нашъ мужикъ бѣднякъ богатымъ легъ, а голью всталъ такою, хоть по міру поди съ сумою“, Крыл.; стоялъ первымъ, послѣднимъ, родился маленькимъ.

ε) При былъ, буду, будь творит. прилагательныхъ (кромѣ случаевъ „если ты согласна на это, то будешь моею“, Лермон.; „будь моею“) на столько менѣе обыченъ, чѣмъ твор. сущ., что слѣдующіе примѣры кажутся ошибочными: „буду вѣрнымъ (вм. вѣренъ) моему (т. е. своему) слову“; „со мной однимъ великодушною была ты“ (Карамз. Жук. у Бусл. § 246, пр. I); отъ роду солдатская шинель не была мнѣ столь тяжолою, Пушк. Подобно этому зап. млр. обороты „коби ми був милий вірним“ несвойственны восточному, гдѣ требуется именительный: „будь здоров!“ и „будь здоровий и щасливий“, Метл. 59; ой тепер я бачу, що твоя небуду, ib., 172; ой хоч лютая (зіма), хоч нелютая, небуде такая, як літо було, Метл. 149.

ζ) Наконецъ при настоящемъ есть и пр., при коемъ твор. сущ.— только въ случаѣ вещественеости глагола есть (стр. 515) творит. прилагательнаго ни въ русск. лит., ни въ млр. вост. неставится никогда.

---

516 Переходя къ тому, что называютъ существенностью и случайностью значенія въ согласуемомъ предикативномъ падежѣ съ одной стороны и творительномъ съ другой, мы видимъ, что эти оттѣнки, въ чемъ бы они ни состояли, взаимно условлены, такъ что, гдѣ нѣтъ возможности сравненія ихъ въ наличномъ языкѣ или она затруднена, тамъ для ненаучнаго сознанія эти оттѣнки почти несуществуютъ. Необходимость

ихъ разграниченія чувствуется преимущественно тамъ, гдѣ къ одной
и той же, по видимости, глагольной формѣ, по произволу присоединя-
ется то именительный, то творит. того же слова: „онъ былъ храбрый
офицеръ“ и „онъ былъ офицеръ“ и „онъ былъ офицеромъ такого то
полка“. Подобнымъ образомъ, если бы изъ двухъ существительныхъ м.
р. ед. числа одно имѣло родительный только на *-а*, мѣстный только на
-ѣ, а другое—оба падежа только на *-у*, какъ это было въ древнемъ язы- 518
кѣ, то, при забвеніи первоначальнаго смысла тематическихъ гласныхъ,
родит. на *-а*, мѣстн. на -ѣ по значенію ничѣмъ бы неотличались отъ
род. мѣстн. на *-у*. Но одновременно съ появленіемъ въ одномъ и томъ
же существительномъ, или, точнѣе говоря, въ двухъ однозвучныхъ и
ближайшимъ образомъ сродныхъ, обоихъ окончаній, появляется и из-
вѣстная разница: „берега Дона“ и „съ Дону“; „о Донѣ рѣкѣ“ и „на
Дону“; „духа“ и „духу“; „въ духѣ, о духѣ“ и „въ духу, на духу“.

Въ „онъ былъ офицеромъ“ все грамматическое содержаніе предложе-
нія мыслится въ три одинаковыя пріёма и можетъ быть сравнено въ
этомъ отношеніи съ тактомъ изъ трехъ четвертей: былъ есть не
связка, а самостоятельное сказуемое; офицеромъ дополненіе къ нему,
стало быть нѣчто мыслимое не въ подлежащемъ, а особо отъ него, не-
смотря на частное совпаденіе, и въ то-же время особо отъ сказуемаго.

Въ этомъ заключенъ намекъ на субъективную возможность совмѣще-
нія съ тѣмъ-же подлежащимъ и сказуемымъ другихъ подобныхъ объ-
ектовъ: „былъ тѣмъ-то“ стало быть „былъ и чѣмъ-то другимъ“. Раз-
сматривая творит. предикативный согласно съ происхожденіемъ его отъ
твор. образа, можно, сказать, что онъ вызванъ предчувствіемъ сопод-
чиненности даннаго состоянія другимъ состояніямъ, еще невошедшимъ
въ сознаніе, но близкимъ къ этому [1]). Упомянутая соподчиненность
должна быть отличаема отъ болѣе объективной временности, случайно- 519
сти, неважности признака, какъ явленіе чисто личное. Частныя осно-
ванія соподчиненія въ разсматриваемомъ оборотѣ необозначены, о чемъ
еще—ниже, по поводу польскаго языка.

Въ „онъ былъ офицеръ“ предложеніе можетъ быть сравнено съ тактомъ
изъ 3 тоновъ, протяженіемъ примѣрно въ $^1/_4$ и $^1/_8$ съ $^3/_8$: здѣсь подлежа-
щему ($^1/_4$) противопоставляется лишь одинъ сложный членъ ($^1/_8+^3/_8$),
составное сказуемое. Мысль здѣсь неостанавливается на связкѣ былъ и
пользуется ею лишь для перехода отъ подлежащаго къ мыслимому въ

---

[1]) Этимъ разсматриваемый случай отнесенъ къ разряду тѣхъ психологическихъ явле-
леній, къ которымъ принадлежитъ между прочимъ вліяніе еще непроизнесеннаго звука
на произносимый (регрессивная ассимиляція), а также общее расположеніе духа, воз-
никшее подъ вліяніемъ еще неизвѣстныхъ лицу, но уже находящихся въ немъ и бродя-
щихъ кряцихъ сталлизующихся воспріятій: „...не знаю самъ, чтò буду пѣть, но только
пѣсня зрѣетъ“ (Фетъ).

немъ аттрибуту. Этимъ между подлежащимъ и предикативнымъ падежемъ устанoвляется такая связь, что въ моментъ рѣчи нѣтъ побужденія приискивать къ подлежащему другой признакъ, кромѣ даннаго въ согласуемомъ падежѣ. Въ этомъ послѣднемъ признакъ представляется непременно несмѣняемымъ, существеннымъ, „прирожденнымъ", „независимымъ отъ дѣлъ" подлежащаго, а лишь безъ отношенія къ соподчиняемости. „Онъ былъ офицеръ"; конечно, говоря объективно, онъ былъ и многимъ другимъ болѣе существеннымъ, напр. человѣкомъ; но въ „онъ былъ офицеръ" мысль обо всемъ этомъ отъ говорящаго далека.

8. **Ходъ развитія твор. предикативнаго въ польскомъ** вообще тотъ-же, что въ русскомъ, независимо отъ какого либо заимствованія съ той или другой стороны; но въ послѣднихъ результатахъ этого развитія замѣтна значительная разница.

а) На мѣстѣ второго винительнаго тв. ставится уже въ XIV—XV в.: uczini was włodarzmi a sprawcami, Цар. I, 22, 7 (Maciejow. Dod. do pism. Pol.); wzbudził syn moj sługǫ mego przeciw mnie nieprzijacielem, ib. I, 22, 8; bądzie li slachcic slachcicowi łajał, synem ji kurwim zowąc, 1449, Ks. Ust. 58; acz slachcic slachcicowi łajał by mieniąc ji kurwim
520 synem, ib. 59; gdyby mać jego kurwą mianował, ib.; przeto, iż ji mienił być synem powłocznej niewiasty, ib. 47; w takąż winą skazujemy ji być upadłym, ib. 59. Въ новомъ яз. изрѣдка винит. прилаг. (moc czynienia szczęśliwych nie jest to rzecz płocha, Krasic.), чаще твор.: widziałem ją.., wwięcej boską, bo więcej piękną być niezdoła, Mick., Malec. Gr. § 697, гдѣ ошибочно мнѣніе, что въ „ujrzałem go nieco pomięszanym" слѣдуетъ подразумѣвать „będącego", а въ „żyję żebrakiem"—„będąc". Употребленіе твор. при нѣкоторыхъ глаг. ограничивается и возможностью другого падежа съ предлогомъ: obrać kogo na posła (въ русск. кого чѣмъ, кого во что, zum...) uważać, osądzić, uznać, mieć kogo za co (za mądrego, za artystę), Mał. ib., между тѣмъ какъ въ русск. прилагательное—въ твор. (считать, признавать кого умнымъ), и лишь существительное возможно въ винительномъ съ за.

б) Второй дательный остается лишь въ sam, solus, ipse (lżej nędznemu niesamemu; niedobrze człowiekowi być samemu, Linde; trzeba (mnie) samemu wszystko robić), рѣдко въ другихъ случаяхъ: pannie rozkochać się i oświadzyć pierwszej, to nasze proste i staroświeckie pojęcia przechodzi (Małec. § 687). По правилу—твор. какъ прилагат., такъ тѣмъ болѣе существительныхъ: kazała grze poczętej nietknioną pozostać; czułem, że można być szczęśliwym. (Въ русск. см. стр. 509, 517—8).

в) Именит. предикатив. и соотвѣтствующій ему творительный.

α) При глаг., кромѣ *нс*, бы, творит. существительнаго на мѣстѣ 2-го именит. такъ давно составляетъ правило, что 2-й именительный

(„dla zysku kruk krukowi stał że się zły sędzia, Krasicki) почти незамѣтенъ, съ чѣмъ ср. русск. (6, a, aa, 511).

β) Прилагательное при составномъ сказуемомъ заключающемъ въ страдат. причастіе, теперь можетъ стоять только въ твор. (najmniejszym, wielkim będzie nazwany, Матѳ. 5, 19, при ст.-сл. серб. хорут. литов. 521
именительномъ) кромѣ sam („widzę żeś tu zostawiony sam jeden, smutny, Mick) но въ старинномъ яз. еще встрѣчается въ именительномъ: a jakož uczyniona dusza twa dziś uwielbiona, takež uwielbiona bǫdź dusza ma, XIV—XV в. Цар. I, 26, 24, (Mać. Dod.); tacy niebądą sią moc mowić dobrymi, gdyż są nierowni dobrym mąžom dompniemani, 1449. Ks. Ust. 58.

γ) При простыхъ сказуемыхъ (кромѣ ѥс, бы, о коихъ ниже) прилагательное въ именительномъ еще обычно; но такъ-какъ именная форма прилагат. кромѣ немногихъ случаевъ вытѣснена мѣстоименной, то различіе между глаголами большей и меньшей энергичности, какое существуетъ въ русск. литер. (сталъ боленъ, лежалъ больной, стр, 174—8), здѣсь несказывается. Малецкій считаетъ здѣсь связкою лишь stać się („znowu na wszystko stawał się nieczuły", Mick.), а при zdawać się, wydawać się очитаетъ опущенною связку być (§ 699), что ошибочно. Ср. milczenie! w skutkach bywasz złe, lecz nie w istocie, Krasic.; wzrok niegdyś dziki stawał się pogodny, id.; odtąd mi życie stało się nielube, Mick.; o ty, której imie pomyśleć staję się zaśmiały, id.: żywy zostanę dla mej ojczyzny umarły, i myśl legnie zamknięta w duszy mojej cieniu, id.; jego uczucie zostanie wiecznie do Anny przykute, Goszcz.; wzrok pamiętam: musiał być wesoły, niewinny, bo kiedy patrzał na nas, zdawał się dziecinny, Mick.; pewną jestem, że zdrów powrócisz, W. Pol.; wyjdziemy sławni z niesłusznej potwarzy, Krasic.; tak brzeżna skała... trwa niewzruszona, id.; stał nieruchomy pośród nocnych cieni, Mick.; a tymczasem butelka nietykana stoi, Kras.; jak legł, tak wstał niekontent jegomość dobrodziej, id.; tam znajdziesz zbroje dawne, co rdzewiałe leżą, Malcz.; umiem żyć samotny, Mick.; odludny dumał, id.; jeżeli się często zawiedzeni czujemy w oczekiwaniu naszem W. Pol. Sam неможетъ 522
здѣсь быть поставлено иначе, какъ въ именительномъ: przygoda nigdy sama nieprzyjdzie.

Съ другой стороны — творительный въ „małym kosztem został bym sławnym W. Pol.; czuła się bardzo ożywioną tém swieżym powietrzem, id.; z każdym dniem czułem się weselszym, id. Неиначе, какъ твор. въ „niekażdy bogatym urodził się", Kras.

δ) По мнѣнію Малецкаго „сказуемыя существительныя" (при ѥс, бы) ставятся какъ въ именительномъ, такъ и въ творительномъ; „сказ. прилагательныя, мѣстоименныя и причастныя" — только въ именительномъ, а въ творительномъ лишь какъ исключеніе, если они поняты какъ существительныя или если при нихъ можно повторить существи-

тельное, къ коему они относятся (Gr. §§ 607, 701** ср. Mikl. VI, 739). Если прилагательное принято за существительное (Введ. 89—90), т. е. если оно потеряло свойственную прилагательному степень аттрибутивности, какъ въ русск. разсыльный, хожалый, польск. szatny, pokojowy; то разумѣется оно будетъ раздѣлять всѣ свойства существительнаго и говорить о немъ, какъ о прилагательномъ въ синтактическомъ отношеніи (Введ. 38), неслѣдуетъ. Если при прилагательномъ опущено существительное, то падежъ прилагательнаго есть лишь слѣдствіе
523 его согласованія съ опущеннымъ словомъ. Но болѣе чѣмъ сомнительно, что прилагательное въ твор. предикатив. ставится лишь въ этихъ случаяхъ. Разграниченіе между существ. и прилагательнымъ замѣтно нетолько при ѩс, бы, но и въ другихъ случаяхъ, при томъ не въ одномъ польскомъ. Неужели мы должны думать, чтъ въ „мы нашли его здоровымъ" творительный объясняется подразумѣваемымъ существительнымъ? Если вмѣстѣ съ Малецкимъ думать, что въ „pisarz może być narodowym, ulubionym (русск.: писатель можетъ быть народенъ, любимъ и народнымъ, любимымъ) слѣдуетъ подрачумѣвать опущенное pisarzem, писателемъ, то небудетъ ли это равно утвержденію, нисколько нехарактеристичному для настоящаго случая, что всякое прилагательное тяготѣетъ къ субстанціи, т. к. всякое аттрибутивно? Съ большею или меньшею натяжкою всякое прилагательное, особенно въ мѣстоименной формѣ, можно пояснить существительнымъ („wyjazd był tak nagły, т. е. wyjazd, że...", „день былъ такой ясный, т. е. день"), но это неесть доказательство дѣйствительнаго опущенія существительнаго. Принявши, что вездѣ, гдѣ неудобно предположить опущеніе существительнаго, творит. прилагательнаго ошибоченъ именно по этой причинѣ, мы найдемъ, что языкъ образцовыхъ польскихъ писателей преисполненъ ошибокъ. Напр.: „i święty kaptur, chociaż uwielbiony, nigdy tak mocnym, tak dzielnym (kapturem?!) niebędzie, żeby człek pod nim był ubezpieczony, Krasic.; pamiętam, bo pamięć niejest mi podwładną (pamięcią? къ чему это?), Mick.; i jeśli miłość jest na co w świecie twym potrzebną (miłością? rzeczą?), id. Несмотря ни на какія старанія мы ненаходимъ подразумѣваемаго и опущеннаго существительнаго въ выраженіяхъ, какъ „co jest lepszem" (т. е. -ym) nad złoto (Linde), ибо мнѣніе, что lepszem стоитъ вм. lepszą rzeczą есть
524 чистый вымыселъ. Ср. также у писателя впрочемъ второстепеннаго, В. Поля: „to waszej królewskiej mości Polska za takie dzieła wdzięczność jest winną (Polską?!); dla zwiedzenia pobojowiska w Hoszowie, gdzie Franciszek Puławski był rannym", id. и т. п. Если выраженія, какъ „jest to publikacya, której pożytek i cel poczciwy aż nadto były widocznemi" и точно ошибочны, то никакъ не потому, что при widocznemi нельзя подразумѣвать никакого существительнаго (Mał. § 607), а по причинамъ гораздо менѣе явственнымъ.

Мнѣ кажется, что въ слав. нарѣчіяхъ и въ литовскомъ, гдѣ прилаг. ставится въ тв. предикат., особенности этого оборота слѣдуетъ искать, признавши предварительно, что употребленіе прилагательнаго въ несогласуемомъ творительномъ есть явленіе, нетождественное съ субстантивированьемъ прилагательнаго. Употребленіе существительнаго въ тв. п. на мѣстѣ пад. согласуемаго совершенно разрушаетъ его грамматическую согласуемость (аттрибутивность), ибо согласованіе въ родѣ и числѣ въ „онъ былъ солдатомъ" условлено вещественнымъ значеніемъ, а не грамматическимъ свойствомъ оборота. Какъ скоро вещественное значеніе позволяетъ, въ грамматическомъ отношеніи оказывается правильнымъ несогласованіе твор. предик. существ. и въ родѣ и числѣ. Напр. о мужчинѣ можно сказать въ томъ смыслѣ, какъ въ Шекспировомъ Снѣ въ Иванову ночь: „онъ будетъ стѣною", „онъ будетъ стѣнами". Въ отличіе отъ этого прилагательное въ тв. предик. теряетъ только согласованіе въ падежѣ, но необходимо согласуется въ родѣ и числѣ; противный случай указываетъ или на его превращеніе въ сущ., или на опущеніе при немъ существительнаго.

ε) Для самого Малецкаго опущеніе существительнаго, предполагаемое имъ въ „pisarz može być narodowym, ulubionym" оказывается недостаточною причиною творительнаго, такъ какъ онъ объясняетъ этотъ падежъ и свойствомъ ф. być: „при неопр. być наиболѣе обык- 525
новенно сказуемое въ твор... слово być многимъ конкретнѣе абстрактныхъ формъ корня ѥс; оно почти переходитъ въ сферу глаголовъ, какъ stać się, zdawać się и пр., ogłosić kogo czem, obrać и пр. (§ 697), и въ этомъ, быть можетъ, причина этой особенности формы być (§ 701, c). Правило недостаточное, такъ какъ здѣсь, какъ и въ русск., слѣдуетъ принимать въ соображеніе, кромѣ разницы между существит. и прилагательнымъ, между неопредѣленнымъ накл. какъ менѣе копулативнымъ, и личными формами ѥс, бы, еще качество падежа, замѣненнаго творительнымъ при być. Дательный какъ существ. такъ и прилагат. (кромѣ sam см. выше) необходимо замѣняется творительнымъ (trzeba być ostrožnym). Что до именительнаго, то онъ тоже съ давнихъ поръ сталъ замѣняться творительнымъ: rzecze li się (= sze) kto być slachcicem alibo oświeconym być a inszym slachcicom tego mu nieznającym rzecze się (= szą) być rownym, Ks. Ust. 34; niewiasta wiedz sią (szą) alibo czuj ot wszego prawa być odpadłą, ib. 39. Но и теперь обыченъ именительный, по видимому въ условіяхъ, сходныхъ съ замѣченными Востоковымъ въ русскомъ (см. выше 6) г, α; 7), в, α, стр. 513, 518), именно когда być вмѣстѣ съ предыдущимъ глаголомъ склоняется къ значенію одной модальной формы: przecież żony podległe muszą być koniecznie, Krasic; ach, musimy być winni, kiedy czujem trwogę, Mick.; wzrok pamiętam: musiał być wesoły niewinny, id.; w tej księgi osnowie cóż jest, żebyście mieli być tak trwożni, Kras. Даже существительное:

niewolnica miała być Polka z domu Potockich, Mick. Рядомъ съ этимъ, и хуже, твор. „niepojmowałem tego, żeby cnota mogła być cichą i prostą", W. Pol.

ζ) При będąc существительное, кажется, только въ творит., прилагательное и прич. страдат. въ именительномъ: od wojska swego będąc odbieżany, stanął, Kras.; najdroższego oblicza będąc niedaleki.. Mick.

526 η) О значеніи творительнаго существительныхъ при существительномъ глаголѣ Малецкій говоритъ, что въ отличіе отъ именительнаго этотъ падежъ высказываетъ не „co kto jest", a „jak kto jest?", „jak co kto jest?". Это можно бы назвать сказуемымъ сравнительнымъ (Gr. § 701; ср. относительно происхожденія творит. предикат. изъ твор. сравненія Zikm. Skl. § 117). „Однако, продолжаетъ онъ, такъ какъ этотъ творит. сравнительный въ конечномъ смыслѣ весьма близко подходитъ къ собственному сказуемому (т. е. именительному предикативному), то отсюда произошло, что оба представленія (wyobrażenia) почти слились между собою, въ силу чего и нынѣ и настоящія сказуемыя существительныя выражаемъ творительнымъ, напр. „on był i duszy jego spowiednikiem, on był i serca jego powiernikiem", Mick. Хотя нѣтъ недостатка въ такихъ оборотахъ, гдѣ и теперь еще ясно чувствуя, что̀ сказуемое, а что̀ лишь сравненіе съ чѣмъ-то другимъ подобнымъ, мы несмѣшиваемъ между собою этихъ падежей (именит. и тв.), напр. „ta osoba jest moja matka, ale i tamta była mi prawdziwą matką"; но такимъ образомъ понынѣ различаемъ эти два рода сказуемаго лишь въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ, вообще же ставимъ существительное сказуемое, даже настоящее (не сравнительное) въ творительномъ. Этому распространенію твор. сравнительнаго на весь кругъ сказуемаго, вѣроятно, болѣе всего содѣйствовало то, что сказуемое въ твор. легче отличить отъ подлежащаго, чѣмъ сказ. въ именительномъ" (Gr. § 701).

Такимъ образомъ выходитъ, что и въ началѣ развитія, при господствѣ согласуемаго именительнаго, и въ концѣ его, при господствѣ творительнаго,—то-же безразличіе оттѣнковъ, а разграниченіе ихъ мелькаетъ только посрединѣ. Такой взглядъ могъ произойти отъ того, что искали различія въ значеніи именительнаго и творительнаго, исхо-
527 дя изъ мысли, что послѣдній есть именно творительный сравненія, слѣдовательно недѣйствительности, мнимости; но такая мысль кажется натяжкою даже въ примѣненіи къ тѣмъ примѣрамъ, въ коихъ Малецкій видитъ явственное сравненіе. Сравненіе можно усмотрѣть тамъ, гдѣ оно условлено вещественнымъ значеніемъ рѣчи, напр. wasza dyplomatyka i polityka jest tylko nieumiejętną, niezręczną grą w szachy (какъ шахматная игра, потому что собственно политика неесть шахм. игра); но кажется вовсе неубѣдительнымъ, что въ „Niemka rodem, jest Polką, całém sercem" твор. значитъ „какъ бы Полька". Въ „miłość ojczyzny była hasłem ojców naszych", по объясненію Малецк. нельзя было бы

сказать „hasło“, п. ч. это значило бы, что въ другихъ лозунговъ, кромѣ любви къ отечеству, небыло, и что слѣдовательно это былъ дѣйствительный и единственный лозунгъ, между тѣмъ какъ „hasłem“ значитъ лишь столько, какъ „jak hasło“. Но почему же нельзя думать, что въ „hasłem“ нѣчто представляется не подобіемъ лозунга, а настоящимъ лозунгомъ, какъ въ „hasłem naszym jest zwycięzstwo“; „w gromadnego liczbie zakonnika krzyk Gaudentego hasłem (т. е. служитъ, является знакомъ) dobrych wieści“, Krasic.? При томъ замѣтимъ, что въ послѣднемъ случаѣ Малецкій неограничивается противоположеніемъ дѣйствительности и сравненія (мнимости), но прибѣгаетъ къ противоположенію единственнаго аттрибута и аттрибута соподчиняемаго съ другими, какъ будто оба противоположенія тождественны. Нималѣйшаго слѣда сравненія немогу усмотрѣть и въ слѣдующихъ примѣрахъ, о которыхъ однако нельзя сказать, что твор. въ нихъ невноситъ никакой особенности значенія: а) drugi był wieszczem Ruskiego narodu; bohatera imie, co było wojsk postrachem, w zapomnieniu drzémie; gdym był młodym człowiekiem...; chodziły wieści, że żolnierz zdeptany był młodym chłopcem, rekrutem, Litwinem, wielkiego rodu, księcia, grafa synem; ja towarzyszem, ja byłem sługą, jam go pilnował w chorobie; odtąd już dla mnie 528
świat ten był niczem: żyłem na świecie pamiątek, Mick.; б) prędzej dzień będzie nocą, roskosz będzie kaźnią, niż sen będzie pamięcią, mara wyobraźnią, Mick.; в) zaiste jesteś synem bożym, Мат. 14, 33; niejesteś przyjacielem cesarskim, Іоан. 19, 12; jesteś królem, a czemu nie królewskim synem? Kras.; ktokolwiek kradnie, ten zawsze złodziejem, id.; monsieur Żoko.. jest kuchtą, dworskim, wódczanym dozorcą, basem w orkiestrze, przy tem szkół dozorcą, id.; chrześcianinem jestem i Polakiem; dni nasze jak dni motylka: życiem—wschód, śmiercią—południe; pewnie kochankiem jest tej dziewczyny, pewnie to jego kochanka; młody jest strzelcem w tutejszém borze, kteż jest dziewczyna, ja niewiem; mówią że senne czucie roskoszy i kaźni jest tylko grą, wyobraźni, Mick.; moją kwaterą, jest mała wioseczka tuż pod Złoczowem, Goszcz., и пр.

Болѣе удовлетворительнымъ казалось бы мнѣніе Миклошича; „твор. предикат. означаетъ то, чѣмъ подлежащее становится (wird) дѣйствительно, или только въ мысли; именит. предикатив.—то, что подлежащее есть. Первый служитъ выраженіемъ движенія, второй—покоя; но такъ какъ бытіе представляется слѣдствіемъ возникновенія (des werdens), превращенія во что либо дѣломъ, воззрѣніемъ (des zu etwas gemacht, des als etwas angesehen werdens), то творит. часто стоитъ и при глаг. быть. Выборъ падежей зависитъ отъ взгляда; по Мучковскому (Gr. jęz. Pol. Krak. 1849, 208)—если въ связкѣ być сокрыто значеніе stać sie или zostać. Когда я говорю: „ta osoba jest moja matka, ale i tamta była mi prawdziwą matką“, то я означаю именительнымъ родную мать, творительнымъ ту, которая, любя меня любовью родной матери, ста-

ла мнѣ матерью; „ten mąž jest (=есть) Cezar; nie każdy człowiek jest (=оказывается, является) Cezarem". „Oto patrz, ten zamek jest mój;
529 rzeknij słowo, a będźie i twoim": и здѣсь нельзя невидѣть движенія.
Точно такъ слѣдуетъ понимать и „Niemka rodem, jest Polką, całym sercem" (Mikl. IV, 737), т. е. стала?

Выше (стр. 174) мы, говоря о сочетаніи глаголовъ съ прилагательнымъ безчленнымъ въ именит. въ русскомъ, отнесли въ грамматическомъ отношеніи русск. есть, былъ, будетъ къ одному разряду съ глаголами вещественно означающими возникновеніе; но изъ этого неслѣдуетъ, чтобы и въ этомъ случаѣ, и при сочетаніи съ творительнымъ формы ес, бы всегда имѣли или предполагали значеніе возникновенія. Все, что мы можемъ сказать о нихъ, какъ о сказуемыхъ (не связкахъ, т. е. при творительномъ), это—что они всегда вещественны, а иногда лексически приближаются къ знач. возникновенія (стр. 515—6), между тѣмъ какъ въ другихъ случаяхъ категорія des werdens (stać się, zostać) кажется для нихъ слишкомъ тѣсною. Я невижу возможности объяснить był въ „żolnierz zdeptany był młodym chłopcem, rekrutem, Litwinem" какъ „ein resultat des werdens", „ein ausdruck der bewegung". Движеніе здѣсь можно усмотрѣть, но не въ глаголѣ, который скорѣе есть „ein ausdruck der ruhe" („находился въ состояніи"), и не въ творительномъ, который прежде появился при глаголахъ „der ruhe" (выше стр. 500 сл.), а такъ сказать за кулисами грамматической сцены. Именно я и на польскій яз. распространилъ бы объясненіе, предложенное выше (стр. 521—2) для русскаго: творительный означаетъ здѣсь признакъ, находящійся въ сочетаніи съ другими и готовый быть вытѣсненнымъ ими изъ сознанія, между тѣмъ какъ именительный означаетъ признакъ безъ отношенія къ другимъ, которые могли бы быть приписаны подлежащему, безъ намека на то, что эти другіе существуютъ. Разница между русскимъ и польскимъ та, что въ послѣднемъ больше случаевъ
530 перваго рода, что въ немъ наиболѣе формальныя изъ глагольныхъ формъ (jest, był, będzie, bądź) чаще понимаются вещественно, чѣмъ въ первомъ, и что въ этомъ отношеніи въ польскомъ недѣлается разницы между настоящимъ временемъ и другими и менѣе выдержана разница между существительнымъ и прилагательнымъ.

Творительнымъ означается лишь мысль о существованіи ассоціяціи, но не частный способъ, не фактическое основаніе ея. Нѣкоторыя изъ этихъ основаній распознаются легче другихъ, а потому могутъ быть сочтены единственными причинами употребленія творит. при єс- и пр., что однако ошибочно; но во многихъ случаяхъ опредѣленіе этихъ основаній — дѣло крайне шаткое, на-двое, на-трое, что и понятно, такъ какъ со стороны грамматич. формы мы здѣсь неполучаемъ указаній, а судимъ по тому, что невысказано въ словѣ.

а) Сочетаніе на основаніи сходства можемъ видѣть въ сравненіяхъ,
такъ что вышеупомянутое назв. твор. предикативнаго сравнительнымъ
въ частности вѣрно: „czém jest me czucie (т. е. подобно чему)? ach
iskrą tylko! czém jest me życie? jedną chwilką! Mick.; był duszą towa-
rzystwa, id.; był duszą dziewcząt i wieczornic razem, Goszcz. Какъ про-
тивоположеніе этому творительному можно разсматривать именительный
въ „tyś kraju zaszczyt, tyś ojczyzny duszą“, Krasic., хотя, конечно,
и то, что, взятое объективно, есть сравненіе, можетъ изображаться
именительнымъ: „twarz każdego jest, jak ich kraina, pusta, otwarta i
dzika równina“, Mick.

б) Твор. на основаніи противоположенія признака, имъ выраженнаго
другому, умалчиваемому, можно усмотрѣть въ случаяхъ, какъ: „młodość,
czerstwość i rzeźkość piękneż to przywary, przecięż są przywarami“ (это
недостатки, а не достоинства); nie bajką wiek złoty: był on, będzie,
jest może, gdzie siedlisko cnoty; niechaj człowiek pamięta na to, iż czło-
wiekiem (а не животное), wzniesie się nad źwierzęta lotem siebie god- 531
nym, Krasic. Послѣдніе два примѣра показываютъ, что, какъ и въ
русскомъ, можетъ опускаться есть, принимаемое въ вещественномъ, а
не формальномъ значеніи, и что по-этому нельзя сказать на-оборотъ,
что глаголъ въ случаяхъ „orzeł—pan nad ptaki“, „człowiek—wybór na-
tury, świata prawodawca“, „fraszka sława napotem, co teraz, to moje“
Kras. опускается потому, что служитъ копулою (ср. Mikl. IV 738).
Milczenie jest rzeczą dobrą, zdatną, pożyteczną — вещь хорошая, а не
на-оборотъ, Kras.; droga zawsze jest drogą (она — дорóга, а не домъ,
не то, что дома): pomimo wygody (неговоря уже объ удобствахъ, т. е.
ихъ отсутствіи), rzadka obejść się cale, znaleźć się bez szkody, id.; kła-
mca, kto Ciebie nazywa miłością: Ty jesteś tylko mądrością, Mick.;
„chrześcianinem jestem i Polakiem“, id. (такъ-какъ по мѣсту встрѣчи
онъ могъ быть принятъ и не за поляка); Julia jest ubogą panienką,
a Karol człowiek majętny, Pol. Случаи мнимой тавтологіи „droga jest
drogą“ объясняютъ (Малец. Микл.) лишь стремленіемъ избѣжать дву-
смыслицы, что, мнѣ кажется, недостаточно, ибо совершенно ясно и
„droga jest droga“.

в) Твор. на томъ основаніи, что признакъ, имъ выражаемый, смѣ-
няется во времени другими: jesteś królem (на это время), a przed tém
byłeś mościpanem: to grzech nieodpuszczony, Krasic.; moja wesołość, która
tylko chwilowym omamieniem była, znikła; ktory z tych panów jest tu
gospodarzem? (т. е. не „кто здѣсь хозяинъ“, а „кто теперь распоряжается“).
Напротивъ, въ именительномъ во многихъ случаяхъ можно видѣть
(субъективную) безсмѣнность признака: jestem Polak rodem a do tego
i ślachcic: źle to więc żeś jest Polak, źle, żeś nie przychodzień; król nie
człowiek; jeśli plebeius—zbić go bez litości, jeżeli slachcic—pozwać jego- 532
mości, Kras.; twój ojciec—człowiek mądry; ojciec mój był człowiek boga-

ty; „i ty byłeś gospodarz?"—jaki zawołany! Mick. (именит. несмотря на то, что первому изъ собесѣдниковъ извѣстно, что второй прежде небылъ сельскимъ хозяиномъ); znali się z sobą niedługo, lecz wiele, i od dni kilku już są przyjaciele, id.; poznaliśmy się lepiej nawzajem i byliśmy przyjaciele, id.; patrz, jak się zsenatorzył! był filut, jest możny, wczoraj ledwo mościpan, dziś jaśniewielmożny, Kras.; a któż będzie mój obrońca? Mick.; ale, choć u stóp ołtarza złączona, mężowi memu niebędę ja żona, Goszcz.

г) Твор. на основаніи соподчиненія признака съ другими одновременными. Сюда относятся нѣкоторые изъ случаевъ, въ коихъ видятъ сравненіе. „Niemka rodem, jest Polką całym sercem"—твор. не потому, что „jak by Polka", а потому, что она Полька, но въ то-же время въ другомъ отношеніи Нѣмка. При сравненіи выраженій „jestem obywatel z Sanockiego" и „ja, choć rzemieslnik, także jestem obywatelem kraju" было бы очевиднымъ заблужденіемъ видѣть въ послѣднемъ мысль „я quasi—гражданинъ"; въ дѣйствительности творительный потому, что „я гражданинъ, но въ то-же время ремесленникъ". „Jesteś synem bożym", но въ то-же время ты и „сынъ человѣческій"; „był spowiednikiem", чѣмъ однако въ мысли говорящаго неисчерпывались всѣ его признаки. Сюда же можно отнести: ty coś jest świata nauką, zabawą, perło pisarzów, o Albercie wielki, Krasic.; dorosłszy, całą jest jego zabawą zbierać żołnierzy do swojej komnaty, Mick.; wedrzeć się do obozu, jest głównym gry celem, id.; kruszec jest grania celem, id.; smutne dzieje, jak smutnej są źródłem nauki! id.; a całą jego było obroną milczenie, a całym jego były towarzystwem cienie id.; smierć taka jest psu zasługą, szłowiekowi grzechem id.; natura wszystkim matką, nikomu macochą, Kras.; ziemia ta niezaludniona już niejednego jest matką narodu, id.
533 (т. е. съ извѣстной точки зрѣнія, въ извѣстномъ отношеніи есть мать, въ другихъ—она представляется иначе); mędrce bezbrodni albo—cudem natury, lub wiary niegodni, Kras.; może, zanader szczęsną wyroków spuścizną, będzie tobie lekarstwem, co drugim trucizną, id. и пр. Этимъ же объясняется въ чешскомъ различеніе между „tělo je stánek duše" (при чемъ тѣло разсматривается въ одномъ отношеніи) и „tělo nejen stánkem, než i nástrojem jest duše" (т. е. въ одномъ отношеніи оно вмѣстилище, въ другомъ—органъ).

ϑ) Малецкій выставляетъ правиломъ, что „въ предложеніяхъ съ подлежащимъ to сказуемое всегда въ именительномъ": filozofia jest to nauka prawego myślenia (но возможно „filozofia jest właściwą nauką" или „filozofia to jest wlaściwą nauką..); niesąż to znaki, żeśmy upadli na sile: była to pani i piękna i pięknych obyczajów" (Gr. § 608, 701). И Миклошичь думаетъ, что въ „jest to święta prawda, że..." подлежащее есть to (IV, 737—8). Мнѣ же кажется, что объ этихъ случаяхъ слѣдуетъ судить такъ, какъ и о русскихъ „первый предметъ, поразившій меня,

была береза" (Бусл. Гр. § 236, 1), „это была береза", „это были березы", гдѣ согласованіе указываетъ на береза, березы, какъ на подлежащія, при чемъ предметъ, это оказываются именительными, входящими въ составъ сказуемаго. Порядокъ словъ здѣсь нерѣшаетъ вопроса: инверсія неизмѣняетъ функціи членовъ предложенія. Такой взглядъ едвали можетъ быть опровергнутъ тѣмъ, что объясняемое, исходная точка сужденія, есть здѣсь это, предметъ [какъ въ слѣдующемъ—сънъ: (Іосифъ говоритъ братьямъ) „аште неволѩѧ бысте сѧ поклонили, лъжа бы была мои сънъ", Supr. 272], а заключительная точка сужденія, объясняющая, что есть это, предметъ, сънъ, есть береза, березы, лъжа. Если эти послѣднія слова и были предикативными аттрибутами, то согласованіе съ ними связки была (ѥсть, бы) сдѣлало ихъ граматическими подлежащими, при чемъ, конечно, подлежитъ изслѣдованію причина аттракціи. Съ этой точки зрѣнія понятно, почему стоитъ именительный въ „była to święta prawda", между тѣмъ какъ въ случаяхъ, когда to дѣйствительно есть подлежащее, въ предложеніи можетъ находиться и твор. предикат.: „ale to wszystko czczością", Krasic. jest to upokorzającym tak występować przed publicznością (Mał. § 610).

Сюда-же подходятъ случаи, о которыхъ говорятъ, что въ нихъ подлежащимъ служитъ неопредѣленное наклоненіе, тогда какъ на дѣлѣ въ нихъ (если они не безличны) подлежащее—существительное въ име- 534
нительномъ, въ составъ сказуемаго можетъ входить это, to, неопредѣленное же есть особое придаточное предложеніе [1]): „знать—это заслуга" (т. е. заслуга есть вотъ это: „знать"), ostatnia-to po rozum za granice jeździć, Krasic.; tych się trzymać (darow) nasz podział, id.; zgodzić przeciwne rzeczy—cud, mówią, w naturze. Wierzę, ale nie u nas, id.; poznać ludzi—istotna, najpierwsza nauka, id.; chcieć i czynić to cnoty prawidło istotne, id.

Хотя въ случаяхъ, какъ „strach wspominać przed nocą", Mick.; „potrzeba będzie znowu fałdów przysiedzieć" (Ср. Mikl. IV, 367) именительные уже немогутъ разсматриваться какъ подлежащія, такъ какъ средній родъ въ „strach, żal, wstyd, szkoda było", „жаль было" указываетъ на превращеніе предложенія въ безличное: но бывшее подлежащее такихъ предложеній какъ бы сливается въ одинъ глаголъ съ jest, było, będzie и пр., почему и сопротивляется превращенію въ творительный, такъ что нельзя сказать „czasem jest nareście mowić prawdę вм. „czas jest...".

ι) Возвращаюсь къ прилагательнымъ.

---

[1]) Это неопредѣленное (ср. выше 361—2) дѣйствительно соотвѣтствуетъ подлежащему, но такому, которое стоитъ независимо отъ остальныхъ членовъ: „ta wyspa żeglująca w otchłani, to chmura", Mikl. moc czynienia szczęśliwych, nie jest to rzecz płocha, Kras.

По мнѣнію Малецкаго, потому нельзя сказать „zdrowymi-śmy, jesteście
zmęczonymi“ вм. zdrowiśmy, jesteście zmęczeni, что въ этихъ случаяхъ
„причастія, мѣстоименія и прилагательныя суть несомнѣнно сказуемыя,
почему и немогутъ быть выражены творительнымъ“ (§ 701). Можно
перевернуть это и сказать: потому-то и остался здѣсь предикативный
аттрибутъ, т. е. именительный, что въ немъ стоитъ причастіе и прила-
гательное—части рѣчи болѣе предикативныя, т. е. способныя къ болѣе
535 тѣсной связи съ глаголомъ, чѣмъ существительное. Съ этой точки зрѣ-
нія вѣрна и поучительна приводимая Малецкимъ параллель между
„jesteśmy zdrowi, zmęczeni“ и „byli-śmy“ (а не jesteśmy byłymi).
Разница въ томъ, что причастіе на *л* окончательно и неразрывно сое-
динилось съ глаголомъ, тогда какъ прилагательное, даже изъ числа
тѣхъ которыя въ польскомъ сохранили въ именительномъ именную
форму, все-таки способно къ большей самостоятельности. Ср. съ одной
стороны именительный въ „wiem, ile bym przyszłej mej był winien,
W. Pol.; bluźnierca zuchwały godźien największej być przykładem kary,
Krasic.; choć godna kary jest ciekawość pusta, Mick.; czy'm kochanki
godźien rączek, id.; niech sama cierpię, kiedym sama krzywa, Kochan.;
w czym'em przewinił, w czym'em krzyw tobie (Linde s. v.); pełen jest
swiat oszustów, Krasic.; každy ruch pełen siły i wdźjęku, Goszcz; każdy
kontent, bo czuje, že jest wielkim człekiem, id.; mały złodziej wart
chłosty, id. (и никогда kontentym, wartym въ тв.); но съ другой сторо-
ны сюда прокрадывается аналогія съ существительнымъ: panna niebyła
mu krzywą, ale rodźice chcieli ją wydać za kogo innego, Pol.; pewną
jestem, že zdrów powrocisz, id.; Julia teraz dopiero jest taką, jaką mi się nie-
gdyś we snach zjawiała, id.; ona niejest szczęśliwą id.; Julia jest wolną, jest
twoją id.; kto žył w tamtych czasach, umie to cenić, jak szlachetną była
dążnośc naukowa owoczesnej młodźieży, id.; dla zwiedzenia pobojowiska w
Hoszowie, gdźie Frańciszek Puławski był rannym, id. (т. е. скорѣе „на-
ходился раненнымъ“ чѣмъ „былъ раненъ“), id.; matka była (станови-
лась) z kazdym rokiem spokojniejszą a nawet i zdrowszą id.; dobrą wolę
potrzeba ćwiczyć, aby silną była (стала), id.; radość była jeszcze większą,
gdy nam zapowiedźiał, že..; reszta świata była dla mnie obojętną id.;
piękniejszą niebyła (небывала, неявлялась, неоказывалась) nigdy, jak gdy
536 się zarumieniła, id.; nieženń się, ježeli niebędźiesz kochał, bo ty był byś
z twojim sercem nieszczęsliwym, gdybyś niekochał žony, id.; ježeli będzie
nieszczęśliwą w tém stadle, na ciebie padnie wina, id. и про. Конечно,
иное въ этихъ примѣрахъ можетъ показаться ошибочнымъ взыскатель-
ному чутью; тѣмъ неменѣе употребленіе твор. прилагательныхъ во
во многихъ случаяхъ безукоризненно: ср. выше (524) и: „we wśi
Zołobku, która z podobieństwa do žłobu tę nazwę nośi i, z lasami Lum-
niańskiemi granicząc, jest zarazem jedną z granicznych wiosek źiemi Sa-
nockiej, Pol. (можно бы поставить „pierwszą“, „ostatnią“, „najbliższą“ и

т. д.; въ русск. есть одна, первая, послѣдняя, ближайшая и т. д.). Въ примѣрахъ, приводимыхъ Малецкимъ (świętym jest na ziemi, kto umiał...), творительный стоитъ отнюдъ непотому, что онъ на первомъ мѣстѣ въ предложеніи, и не во избѣжаніе неясности, ибо эти мотивы непотребовали же творительнаго въ „ślepa, mowią, jest Temis; bajka, Temis widzi, Krasic., wdzięczna jest skromność, gdy postać ułoży, id.; trwożliwa jest poczciwość, id.; i sprawiedliwe były takich zdania, co im o dobro kraju tylko chodzi, id.; żrąca jest i paląca mojej gorycz mowy, Mick.; bezsilna rozpacz, marne ich nadzieje, Goszcz.

Можно бы думать, что причастіе страдательное ближе къ прич. на *л*, чѣмъ прилагательное, въ томъ отношеніи, что болѣе послѣдняго предохранено отъ превращенія въ творительный. Дѣйствительно, неговоря уже о болѣе-менѣе архаичныхъ оборотахъ, какъ „jestem na ziemi sercem z wielkim ludem zbratan", правило составляетъ здѣсь именительный. Тѣмъ неменѣе творительный появляется и здѣсь нетолько при zostać, но и при być: jam mu jeszcze w dziecińswie była przeznaczoną (Linde, I, 205); Karolina wychowaną była w rzetelnej pobożności (Mikl. IV, 738); nigdy by to komu innemu niebyło za złe wziętym (Mał. стр. 324). „Za złe wzięte" по Малецкому, „niewyraża myśli dobitnie"; 537
нисколько: оно выражаетъ совсѣмъ другой оттѣнокъ мысли. Разница здѣсь приблизительно такова, какъ между „было сочтено" и „состояло сочтеннымъ", стало быть, въ противоположность Миклошичу (737), скорѣе именительный при глаголѣ движенія, а твор. при глаголѣ покоя, чѣмъ на-оборотъ.

10. Если новоболгарское нарѣч. предполагаетъ въ прошедшемъ твор. предикативный, хотя и въ весьма слабой степени развитія, ближайшей къ твор. образа(?), то можно сказать, что въ кругу славянско-литовскаго языка нѣтъ нарѣчія, которому бы этотъ пад. былъ вовсе чуждъ. Какъ сербскій, по ограниченности употребленія этого падежа, относится къ русскому, а русскій къ польскому, такъ лотышскій къ литовскому. Именно, въ лотышскомъ примѣръ творительнаго „masa wél ir méitam, сестра еще дѣвицею (въ дѣвицахъ, Biel. Lett. Gr. § 590), составляетъ большую рѣдкость. Напротивъ, въ литовскомъ вообще согласно съ русскимъ:

a) Творит. существ. и прилагат. на мѣстѣ аа) винительнаго: mes Abraomą turim téwu, Мат. 3, 9 (мы Авраама имѣемъ отцомъ); asz tawę téwu dariau daug žmoniû pulkû, Быт. 17, 5 (я сдѣлалъ тебя отцомъ множества народовъ); asz žinau tawę karaliumi postosentį, Царей, I, 24, 21 (букв. я знаю тебя царемъ имѣющаго стать); kad jį karaliumi įdétu, Io. 6, 15 (чтобы его сдѣлать царемъ); įstote jį kunįgu (поставили его священникомъ); ką liudininku paszaukti (позвать кого свидѣтелемъ); ką paweikslu imtis (взять кого себѣ примѣромъ), Schl. L. Gr. 307; ir pra-

mine tamsybę naktimi, Быт. 1, 5 (и тьму назвалъ ночью); kodėl tu manę wadini geru, Марк. 10, 18 (зачѣмъ ты меня называешь добрымъ?); бб) на мѣстѣ дательнаго: tėms dawe macį Dėwo waikais pastoti, Іо., 1, 12 (далъ имъ силу стать дѣтьми Божьими).

538 б) На мѣстѣ второго именительнаго существительныхъ при личныхъ формахъ и инфинитивахъ гл. pastoti, stotis, patapti, tapti (стать), darytis (дѣлаться), wirsti (обращаться во что: nėku wirsti—обратиться въ ничто), gimti (родиться) и др.; при страдательномъ сказуемомъ (bus wadinnams... будетъ названъ тѣмъ-то). Бываютъ здѣсь и твор. прилагательныхъ: kurs nor didžu pastoti, Марк. 10, 43—4 (кто хочетъ стать великимъ); jo rubas baltu tape, Лук. 9, 29 (одежда его стала бѣлою); jis bėdnu gime (онъ родился бѣднымъ). Тоже при buwau, busiu, buti, въ общемъ согласно съ русскимъ относительно именительнаго и творительнаго; при esmi, есмь—обыкновенно именительный, какъ русскомъ (напр. Мат. 14, 24; Іо. 19, 12), и быть можетъ въ силу польскаго вліянія творит. въ lėkoriumi esmi, jestem lekarzem.

---

515 Относительно общаго характера разсмотрѣнныхъ явленій замѣчу:

Въ живыхъ языкахъ разрушеніе стараго есть вмѣстѣ созданіе новаго. Неговоря уже о безпрерывномъ измѣненіи лексическаго содержанія, созданіе новыхъ грамматическихъ функцій продолжается до нашего времени, ничѣмъ непредвѣщая оскудѣнія творчества.

Въ русскомъ языкѣ, какъ и въ другихъ сродныхъ, по направленію къ нашему времени увеличивается противоположность имени и глагола. Въ древнемъ языкѣ употребленіе причастія, формы промежуточной между именемъ въ тѣсномъ смыслѣ и глаголомъ, было гораздо обширнѣе, чѣмъ въ новомъ, и причастіе могло имѣть такую степень относительной самостоятельности и предикативности, какая въ новомъ возможна лишь въ личномъ глаголѣ и отчасти въ неопредѣленномъ наклоненіи.

Въ предложеніи древняго языка согласуемость (аттрибутивность) играетъ бóльшую роль, чѣмъ въ новомъ, въ коемъ согласуемость ограничивается разложеніемъ составного сказуемаго на два предложенія, связанныя союзомъ, образованіемъ дѣепричастія, увеличеніемъ употребленія нарѣчія на счетъ согласуемаго прилагательнаго, случаями замѣны причастія неопредѣленнымъ, замѣною вторыхъ согласуемыхъ падежей несогласуемыми.

516 На мѣстѣ двухъ одинаковыхъ косвенныхъ падежей, ставшихъ другъ къ другу въ отношеніе отличное отъ простой аттрибутивности, съ теченіемъ времени становится винит. съ твор., род. съ твор., дат. съ твор. На мѣстѣ предикативнаго аттрибута, согласуемаго съ подлежащимъ,

лишь во многихъ, но не во всѣхъ случаяхъ ставится твор., при чемъ два прежніе именительные (подлежащаго и предикативнаго аттрибута), гдѣ они остались, получаютъ новый смыслъ. Передъ нами здѣсь—различеніе бывшихъ прежде однородными функцій членовъ предложенія. Если въ области внѣшней органической природы разграниченіе органовъ есть усложненіе и въ этомъ смыслѣ усовершенствованіе жизни, то и здѣсь мы должны видѣть усложненіе душевной жизни и усовершенствованіе языка. Внесеніе въ предложеніе разсмотрѣннаго тв. расширяетъ область несогласуемыхъ падежей, т. е. грамматическаго объекта, на счетъ согласуемыхъ, т. е. грамматическаго аттрибута; но такъ какъ при этомъ въ области объекта нетолько непроисходитъ никакого смѣшенія прежде существовавшихъ категорій, но образуется новая, то стремленіе свести категорію аттрибута на аттрибутъ въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. непредикативный, служитъ на пользу экономіи языка.

При этомъ возникаютъ новыя разграниченія существительнаго, какъ слова по преимуществу самостоятельнаго и несогласуемаго, и прилагательнаго, какъ слова аттрибутивнаго, чему непротиворѣтитъ употребленіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ прилагательнаго въ творительномъ. На сколько изъ понятія о существительномъ выдѣлено случаевъ, въ коихъ оно являлось несамостояльнымъ, мыслимымъ въ подлежащемъ черезъ посредство глагола, или въ дополненіи, на столько это понятіе обособилось отъ прилагательнаго.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и вслѣдствіе того происходили измѣненія отношеній предиката въ тѣсномъ смыслѣ и предикативной связки. Въ началѣ мы
видимъ обширный кругъ глаголовъ, служащихъ предикативными связ- 517
ками, и полное синтактическое безразличіе между этими глаголами. Было много связокъ, но формально обособленной копулы небыло. Изъ этого круга выдѣляется значительная часть глаголовъ, которые вовсе лишаются способности быть связками; остальные сохраняютъ эту способность лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ, преимущественно, гдѣ имъ въ этомъ помогаетъ аттрибутивность прилагательнаго; изъ этихъ въ свою очередь выдѣляются личныя формы гл. существительнаго, особенно настоящее, которому русск. литер. яз. придаетъ, кромѣ одного случая, гдѣ оно понято вещественно, значеніе чистой предикативной формы безъ всякаго другого содержанія, что во всемъ русс. яз. и др. еще раньше относительно этой формы было достигнуто въ сочетаніи ея съ исключительно предикативнымъ причаст. -лъ (стр. 257). Во всемъ этомъ видно такое же стремленіе сосредоточить предикативность въ глаголѣ, на счетъ предикативности имени и причастія, какое—въ замѣнѣ причастнаго сказуемаго придаточныхъ предложеній глагольнымъ (стр. 205 сл.), а до этого—въ превращеніи доинфинитивнаго слова въ глагольную форму.

ДОПОЛНЕНІЯ.

Къ стр. 194. Отдѣленіе союзомъ подлежащаго. Такъ изстари уже и въ вр.: „и тыя черньци, да изъ вашего монастыря вышедше вонъ, да подымаютъ мирскыя люди и мирскыя судья на игумена и на старцевъ вашего монастыря; и тыя мирьскыя судья и миряне, да судятъ васъ мирьскымъ обычаемъ... Аще ли который чернець, вышедъ изъ монастыря, *а* почнетъ на игумена... люди подъимати или судьи, таковый да́ будеть подъ тяготою святыя церкви и подъ нашего смиренія", 1416—21, сп. XVI в., Ак. Ист. I, 50.

Къ стр. 269. Частица бишь. Бусл. (Гр. § 283, пр. 2): „союзы бишь, де (=говоришь), суть не что иное, какъ вводныя предложенія: „да о чемъ-бишь я тебѣ хотѣлъ сказать?" Фонв. Такъ пишетъ и Даль (съ *и*). Исходя изъ этого написанія, Шлейхеръ (Beiträge V, 209) думалъ что бишь изъ бѣаше, бѣше съ потерею конечнаго *е* и съ *и* изъ ѣ, какъ въ с*и*дѣть. Но русск, форма для бѣаше есть бяшеть, бяше, а ошибочная ф. 3-го л. ед. бѣше необычна. Объяснять *и* въ бишь какъ изъ *я*, такъ изъ *ѣ* ударяемыхъ неудобно [1]), а ст. сл. бимъ—бишѧ вовсе неизвѣстны въ русс. памятникахъ. Между тѣмъ есть случаи сокращенія 3 л. мн. бышя въ бышь: ...аже бы ты тые люди казнилъ, какъ-то бышь инии людиѥ боялися... у кого купишь, тому заплати, то они бышь на тя нежяловали, грам. Рижанъ 1300. Срезн. Пам. 240—1. Если бишь есть, какъ кажется, одинъ изъ случаевъ вр. спорадическаго *и* вм. *ы* (и на оборотъ, Колос. Обз. зв. и форм. особенностей н. вр. яз. 90) и если оно мѣстами еще сохраняетъ *ы*; то можно бы думать, что оно возникло изъ 3 л. мн. ч. бышя въ сочетаніи съ прич.-*л* [„какъ—бишь его звали" изъ „како бышь (=бышя) зъвали"] и есть остатокъ изъявительнаго значенія этого сочетанія.

Къ стр. 307. „Княжо, далъ жо еси приставъ (приставомъ, въ приставы) своего члвка (1-й вин.) Прокопію", гр. 2300, Срезн. Др. пам. р. п. 241.

Къ стр. 360. Настоящее съ да, вмѣсто неопред. при другомъ неопредѣленномъ. Такъ уже въ Остр. ев. „І-съ же разоумѣвъ, яко хотѧть прити да въсхытѧть и и с(ъ)творѧть ц-ра, отиде, *ὅτι μέλλουσιν ἔρχεσται καὶ ἁρπάζειν αὐτὸν, ἵνα ποιήσωσιν βασιλέα*.. Іо. 6, 15.

---

[1]) Сравни сохраненіе звука ѣ въ видѣ е въ частицѣ дей (=дѣй), де (=дѣ), несмотря на потерю ударенія.

Уже по отпечатаніи болѣе, чѣмъ 30-ти листовъ этого изданія, я получилъ, благодаря любезности автора, весьма хорошее изслѣдованіе „Der infinitiv im Ostromirschen evangelium", v. Dr. Th. Forssmann. Separatabdruck aus der festschift des protestantischen gymnasiums zu Strassburg (1—47). Отмѣчу здѣсь нѣкоторые случаи своего разногласія съ авторомъ.

Къ стр. 366. моего соч. Иму въ цсл. и ст. русс. можетъ быть совершеннымъ гл., но не необходимо. Г. Ф. (стр. 14) считаетъ имѫ вм. съ другими изслѣдователями за гл. только совершенный, а потому объ „имеши ли вѣрѫ семоу? *πιστεύεις τοῦτο,* Остр. ев. Іо. 11, 26, говоритъ, что „это мѣсто или требуетъ конъектуръ, или въ немъ имеши должно быть понято, какъ буд. вр. и переводъ долженъ быть сочтенъ неточнымъ: „tertium non datur".—Но tertium datur: нетолько простое имѫ, но и предложн. възьмѫ, приимѫ, встрѣчаются въ стар. языкѣ въ знач. наст. вр. и гл. несоверш.; что же до имеши вѣрѫ, то оно отъ древняго яз. и до нынѣ непрерывно пребываетъ въ наст. времени какъ въ хорут. verjamem (въ коемъ вопреки г. Ф., ново только звуковое стяженіе изъ verô jamem), такъ въ мр. нейме (и пр.) віри, вр. неймеіъ вѣры, ему вѣры неймутъ; ср. вр. „нейметъ (=неберетъ) жорновъ, такъ и мелево везуть",—„глазъ видитъ да зубъ нейметъ" (=неберетъ); „неймется кошкѣ за воробышками" (Д.).

Къ стр. 127—8 м. с. Г. Ф. (стр. 15) относитъ потерю значенія возникновенія (des werdens) въ бѫд, бы—ко времени до начала слав. письменности: „въ буд- ни въ одномъ случаѣ нельзя указать знач. возникновенія".—Нѣтъ, можно во многихъ случаяхъ. „Иде же послѣжде бысть „Кыевъ" (мое соч. 127) можно, по мнѣнію Ф., очень хорошо передать посредствомъ „ubi postea fuit K."—Во всякомъ случаѣ не въ томъ смыслѣ, какъ fuit Troia, ибо бысть значитъ здѣсь „возникъ и теперь еще стоитъ. „Бывъшее", говоритъ г. Ф., конечно уже въ первыхъ памятникахъ слав. письм. есть „что было", и не „что стало".—Нѣтъ; см. между прочимъ стр. 127 и 132 моего соч.

Къ стр. 419—39. Г. Ф. полагаетъ (28—31), что неопр. н. въ зависимыхъ предложеніяхъ все сплошь объясняется изъ опущенія при немъ есть, т. е. „неимѫть, чесо ѣсти"—изъ „неимѫть, чесо (ѥсть) ѣсти". Трудность этого вопроса признаю и я, но пересматривать его вновь здѣсь немогу и укажу лишь на нѣкоторыя частности въ мнѣніи г. Ф., которыя мнѣ кажутся невѣрными.

Авторъ думаетъ, что ст. чеш. именит. съ неопр. nebyl kdo uhasiti (у меня стр. 419) объясняется не по образцу „небысть къто принеса (у меня 206), а по образцамъ „да я—плевать на твою голову", „начхать я вамъ на голову" (Гог.) и по тѣмъ, о которыхъ у меня на стр. 372. По мнѣ, эти случаи несходны.

Къ стр. 429 м. с. По поводу сказаннаго мною о яко съ неопр. г. Ф. спрашиваетъ: что же такое это яко, если оно должно быть отличаемо какъ отъ нарѣчія, такъ и отъ союза? (30)". Но я недаю повода къ этому недоумѣнію, п. ч. говорю нѣчто другое, именно, что яко въ знач. изъявительнаго союза=что отлично отъ яко нар.=как? и отъ яко союза=такъ что.

Изъ русс. примѣровъ яко съ неопр., приводимыхъ мною тамже, предпослѣдній, говоритъ г. Ф. (30), долженъ б. вычеркнутъ, п. ч. въ немъ не союзъ яко, а вопросительное нар. како"—Съ моей стороны помѣщеніе этого примѣра [„король же, ако срекъ годъ, како поити, и посла..."=какъ назначилъ срокъ, что (v. чтобы) поити...] есть не ошибкс, а недомолвка. Слѣдовало, за неимѣніемъ словаря, привести доказательства, что въ ст. русс. како есть нетолько нар. вопр. но и союзъ, между прочимъ со знач. нов. когда.. ...то. мр. як,=ст, оже. [и на переходѣ отъ стараго языка къ новому ставимый рядомъ съ оже союзъ какъ („а какъ, оже дастъ Богъ, у насъ будешь и очи наши увидишь, и ты, оже дастъ Богъ, наши рѣчи услышишь и жалованіе наше къ себѣ увидишь", 1517—23, Ак. ист. I 180], а равно и со знач. изъяснительнымъ=яко, оже, аже, чьто, нов. что, мр. що, нѣм. dass. Какъ вообще въ ст. русс. и нѣкоторыхъ другихъ слав. нар., для болѣе явственнаго выраженія относительности (т. е. указанія на предыдущее) мѣстоименій и нарѣчій мѣстоименныхъ, переходящихъ въ союзы, во второй половинѣ сочетанія предложеній, къ этимъ словамъ присоединяется то [1]); такъ и союзъ како, (=что, dass) является и въ видѣ како-то

[1]) „Како было любо Руси и всѣму Латинескому языку, кто-то у Русе гостить; всемь темь, кто-то (собирательно, какъ и выше) на устоко моря ходить, Смол. гр. 1229, Рум. сп.; товаръ, иж-то потоплъ, ib.; на семь, княже, цѣлуй хрестъ, на цѣмь-то цѣловали дѣди и отци, Новг. гр. 1265, Собр. Г. гр. I, 1; Шахм. Изсл. о яз. Новг. гр. 237; на семь ти кн(я)же х(ре)с(т)ъ цѣловати, на цѣмъ то цѣловалъ о-ць твои, 1265, Шахм. ib. 239; также 1270, Шахм. ib. 241; безъ -то ib. 246, 248); се и еще, княжо, мы тобе поведывамъ 4-ю обиду, у чомь-то еси неправду дѣялъ, гр. Риж. 1300, Срезн. Пам. 240 (выдати розбоиникы, колико-то ихъ будѣть было, Смол. гр. 1230, Срезн. ib. 223 дворяномъ твоимъ и тивунимъ (=омъ) погонъ имати, како-то пошло, Новг. гр. 1265, Шахм. ib. 238; аже исполните, какъ-то пишю къ вамъ... и милость Б-я да будетъ съ вами, 1360, Ак. ист, I, 4 [и съ инвереіею, въ 1-й половинѣ сочетанія: а како будѣть Немьчьскыи гъсть Смоленьскѣ а почьнѣть ся кто отъ нихъ просити выную землю, то, како-то было при моемь о-ци..., онемъ ся прашати, а мнѣ е по думѣ пущати, См. гр. 1230, Срезн. ib. 224]; позднѣе: „Полетѣла (Маринка) далече во чисто поле" (тудѣ, туда), а гдѣ-то ходитъ девять туровъ, Др. Р. ст. изд. 1818, 69; „наводилъ онъ трубками нѣмецкими" (туда), „а гдѣ-то сидитъ Калинъ царь" ib. 245.

Не такого-ли происхожденія и -то въ стар. ту-то (откуда вр. мр. тут, мр. тутка, тутечка, тутечки), т. е. непоявилось ли ту-то изъ ту первоначально во 2-й половинѣ сочетанія предложеній съ предыдущимъ къде, („мытовъ бы у тебя небыло, понеже, господине, куны неправедныя, а гдѣ, господине, перевозъ, туто, господине, пригоже дати труда ради, 1408, Ак. ист. I 25), неимѣло ли туто сначала относительнаго значенія?

какъ-то: „самъ вѣдаешь, княжо, како (=dass, въ той же гр. ажо, аже, что) нетако есть миръ доконцанъ, гр. Рижанъ 1300, Срезн. Пам. 240; „наши горожяне.. намъ поведали... как-то (не „какъ“, а=что) еси товаръ у нихъ отъялъ силою“, ib.; „княжо, слышишь самъ, какъ-то (=что) мы вашее братие необидѣли, какъ-то (=какъ, нѣм. wie) ты, княжо дѣешь“, ib. и еще много разъ тамъ же въ томъ же значенiи. А что это неесть признакъ незнанiя писцомъ русскаго языка, видно изъ другихъ пам. на пр. „явилъ ми и третью грамоту владыки Сарайскаго Софонiя, какъ-то (=что) ся отступилъ того передѣла, что ся ему невступати, занеже не Сарайскiй передѣлъ (=область) но Рязанскiй, 1334, Ак. ист., I.

Отсюда видно, что въ двухъ примѣрахъ изъ Ип. л., приведенныхъ у меня на стр. 408 („чѣловалъ есмь крестъ на томъ, како же невоеватися“; „крестъ бяшеть цѣловалъ, како ся ему Олговичь лишити“) како не „безсмысленно“ (Forssm. 30), а имѣетъ туже силу изъяснит. союза, что яко (у меня 408, 429—30) и что [у меня 428—9, а равно въ слѣд.: „а моей силы нѣтъ, что ми ихъ неучивъ ставити (въ причетники), 1496—504, посл. Геннад. Новг., Ак. ист. I, 148 (=силы нѣтъ ставити); „а у меня гóсударь, того ни въ мысли, ни въ дѣлѣ небывало, что ми отложитись отъ тебя господаря съ городы своими, а служити королю, 1517—23, ib. 179 (=въ мысли небывало отложитись)]. Всѣ эти три союза яко, како, что почти незамѣтно переходятъ къ знач. чтобы; относит. что ср. на пр., а ты господине, неучини того, что къ намъ ѣхати, 1425, Ак. Исх. I, 56.

Если въ иныхъ случаяхъ можно колебаться въ выборѣ при переводѣ одного изъ этимологически-сродныхъ значенiй, какъ я въ случаѣ „на-

---

Впрочемъ оно изстари употребляется и безотносительно, какъ и стар. здѣ-се (*сьде-се), вр. здѣсь, заключающее въ своемъ се указанiе не на дальнѣйшее (между прочимъ и предыдущее), какъ то, а на ближайшее, но смѣшиваемое съ то въ дальнѣйшемъ развитiи значенiй (ср. стр. 296—9).

Подобно тому, какъ изъ ту-то выходитъ мр. ту-та, изъ *сьде-се—вр. здѣся, (1573 г. Ак. И. I 351) можно догадываться, что сѣв. вр. тутова изъ ту-т-ово, Яросл. (Даль) тýтовона—изъ ту т-ов-оно. Вр. откудова (и пр.: откедова, откýлева, откелева; оттудова, оттэдова, оттолева, оттулева; потудова и пр.; докудова, докелева.., гдѣ родит. пад.—ова зависитъ отъ предлога) изъ *куд-ово, при чемъ -ово, -оно аналогичны съ то въ ту-то. Предположивъ, что причиной присоединенiя указательныхъ -ово -оно къ нар. мѣста было употребленiе этихъ нарѣчiй въ знач. относительныхъ (*тудѣ... откудово); нужно будетъ принять, что неотносительныя нарѣчiя такого же строенiя, какъ отсюдова, отселева или образовались уже по образцу относительныхъ откудова, отколева, или же заключаютъ въ себѣ -ово, указывающее не на предыдущее, а на наличное: *отселево=ово отселѣ, вотъ отселѣ, какъ здѣсе=се здѣ.

„Для выраженiя относительности присоединятся то и оно въ ст. серб. како-то, како-но (рѣже какот, какон), гдѣно („онамо, гдѣ-но си биль, Данич. Рјечн. из книж. стар.), нов. срб. којн-но, гдје-но, кад-но, као-но (Караджж.); болг. де-то и др.

чаша думати, яко-же (что? чтобы? какъ v. какъ бы?) поѣхати (стр. 430); то отсюда неслѣдуетъ, будьто, „самъ лѣтописець непонималъ этого якоже, которое-де, согласно съ чисторусскимъ словоупотребленіемъ должно бы быть замѣнено (нарѣчіемъ) како“ (Forssm. 30). Что яко и какъ союзъ изъяснит. есть слово стольже русское, какъ и како (и оже, чьто), это для меня явствуетъ нетолько изъ множества случаевъ его употребленія въ лѣтописяхъ [1]), но и изъ того, что бр. и мр. говоры, кромѣ развѣ переходныхъ, вовсе незнаютъ какъ, а знаютъ только як какъ нарѣчіе и союзъ. Правда, что мр. як, употребительное въ знач. какъ, когда.. то, если... ..то, такъ-какъ.. то, невстрѣчается въ знач. изъяснительнаго что и заключит. чтобы; но послѣднія значенія могли быть вытѣснены соотвѣтственными значеніями чьто (што, що), чтобы (щоб), подобно тому, какъ вытѣснены ст. русс. оже=что и ст. русск. (діалектич.?) како, како-то=что. Кажется, что отъ этого утеряннаго въ новомъ языкѣ знач. яко=что, а не отъ значенія „когда“ идетъ плеонастическое съ точки книжнаго языка як въ началѣ рѣчи, соотвѣтствующее такому же вр-му какъ. Эти як и какъ, синонимичные съ такимъ же що, что, указываютъ на связь повѣствованія съ предыдущею невыраженною цѣпью мыслей, что на письмѣ могло бы быть выражено многоточіемъ передъ союзомъ (что впрочемъ необычно). Ср. лѣтописное „видите ли горы сія?“ (тутъ многоточіе для выраженія чего либо въ родѣ „скажу вамъ“) „яко на сихъ горахъ возсіяеть благодать божья“, Лавр. 4=мр. чи бачите гори сі? як (v. що) на сих горах засіяє благодать Божа“. Такъ въ началѣ думъ: „Як у Вил(н)ниці на гряниці на Бугом рікою, там стояв Иване Богуне Калеництский, Метл. 407; Ей! Як на славній, панове, украïні, у славнім у городі у Корсуні, Тамъ крикне покрикне Хвилоне, Корсуньский полковниче, козаків у Черкень-долину ув охотне військо викликае, ib. 413 (ср. ib. 414, 345, 352, 385, 301 и пр. и въ началѣ сказокъ: „як був собі дід та баба...). Въ вр. „Ой какъ по морю... тамъ... et pass (Кир. I 40, 41 и пр.).

---

[1]) Какъ относит. и-же, чеш. již-to (см. выше), который, предполагаетъ въ 1-й половинѣ сочетанія тъ, сь, а оже и чьто предполагаютъ то; такъ знач. что (dass) въ яко предполагаетъ первоначально тако: „высылаху къ нимъ Югра льстьбою, рекуще тако, яко (=что) копимъ сребро и соболи“, Новг. I. 7. За тѣмъ это тако (или соотвѣтственное согласуемое мѣстоименіе) могло подразумѣваться: „бысть пожаръ в Киеви (т. е. такъ=такой), яко (=что) погорѣ мало не весь. Новг. II, Арх. сп. 5. При забвеніи качественнаго оттѣнка въ яко, возможно соотвѣтствіе се.. ..яко: слышу се, яко сестру имата дѣвою, Лавр. 47–8; услышано бысть се, яко Всеволодъ Пльсковѣ Новг. I, 7, и за тѣмъ безъ указат. се: разумѣ, яко въ нощь велить сѣцися, Новг. I, 1. Далѣе, яко относится уже не къ дополненію се, явному или подразумѣваемому, а ко всему сказуемому съ дополненіемъ: ты еси намъ хрестъ цѣловалъ, ако (=яко) ти поити съ нами, Ип. 38.

Изъ того же соотвѣтствія тако. ...яко вытекаетъ и значеніе яко=такъ что: наиде рана на Полочаны, яко нѣкако бяше ходити по улицамъ, яко мнѣти в(он) (мн)ожьство а конемъ (копы)та видѣти. Новг. I, подъ 6600 г.

И такъ, еслибы въ памятникѣ цсл. стояло одиноко „съвѣтъ сътвориша яко оубити и“ (Остр. ев.), то можно бы думать, что здѣсь переводчикъ рабски подчинился греческому *συμβούλιον ἐποίησαν ὥστε θανατῶσαι αὐτὸν;* но я этого недумаю, т. к. цсл. выраженіе стоитъ въ ряду другихъ, встрѣчаемыхъ въ такихъ слояхъ языка, куда, по моему, вліяніе греч. синтаксиса почти вовсе недоходило: „съдумаша, яко изгонити князя“ (Ип.); „срекъ годъ, како поити“ (Ип.); „крестъ цѣловаша, что его невыдати“ (Пск. II).

Чтó именно въ употребленіи цсл. яко подражательно, это еще вопросъ, и заключеніе отъ частнаго случая подражанія къ общему столь же шатко, какъ и обратное, отъ своеобразности одного выраженія къ своеобразности всѣхъ, болѣе-менѣе сходныхъ. Въ частности для меня неубѣдительно, что „година же бѣ яко десятая“, *ὥρα δε ἦν ὡς δεκάτη,* О. е. Іо. 1, 40, есть только подражаніе, и что „отъстѫпи отъ нихъ, яко врьженик камени, *ἀποστάσθε ἀπ' αὐτῶν ὡσει λίθου βολὴν,* ib. Лук. 22, 41, есть переводъ „безсмысленно рабскій“ (Forssm. 30). Переходъ въ яко отъ сравненія вообще (=какъ, нѣм. wie) къ приблизительности опредѣленія мѣста, времени, качества—такой же, какъ въ предл. съ отъ „съ-только“ (равно толикому) къ „съ годъ (=около году). Съ первымъ случаемъ (Іо. 1, 40) ср. въ другихъ русс. пам. яко=какъ бы: „м-ца мана въ а (6693 г.) въ час і дни, яко въ звоненіе вечернее слнце помьрче яко на часу и боле и звезды быша“ (Новг. I)= бысть знаменіе въ солнци: морочно бысть велми (яко на часъ и боле Новг. II [2], 10), яко звѣзды видити, человѣкомъ в очію яко зелено бяше, и в солнци учинися аки мѣсяць, изъ рогъ его яко угль жаровъ исхожаше, Лавр. подъ 6694 (затмѣніе, о которомъ въ Сл. о п. Иг.); и такъ страшно бѣ зрѣти, яко (=какъ будьто) второму пришествію быти, Ип. Въ такомъ же смыслѣ, при счетѣ,—ст. поль. jako, jak, jakoby jakby, въ переводахъ Св. пис. (Linde II [2], 230).

Что до „яко врьженик“, то рабское подражаніе могъ бы кто либо усмотрѣть развѣ въ существительномъ (?) а не въ союзѣ, ибо здѣсь мр. як, вр. как съ личнымъ глаголомъ или неопр. накл. и до нынѣ. Ср. и ту есть мѣсто близъ отъ печеры тоя, яко доверже̂ть мужь каменіемь, Хожд. Дан. иг., ed. Hop. 45, 75; бѣ бо въздано ея (церкве) при немь възвыше, яко на кони стояще досящи, Лавр. [2] 146; что ти есмь велѣлъ отъѣхати отъ перевѣсовъ монастырскіе земли и пожень, какъ въ примѣту стрѣлить, и нынѣ били ми челомъ (имена рекъ) 1484, Аки. ст. I, 139; мр. далеко, як з лука стрелити (як би хто з лука стрелив); високо, як верхи сидя досягти и т. п.